ОЧЕРКИ
ПО
КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Собраніе статей подъ редакціей проф. Московскаго Университета

А. А. Мануилова.

Выпускъ I-й.

Вл. Розенбергъ. Изъ хроники крестьянскаго дѣла.

Проф. *В. Хвостовъ.* (1) Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины. (2) Крестьянская поземельная община по проекту Гражданскаго Уложенія.

Проф. *А. Мануиловъ.* Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи.

Изданіе Д. С. ГОРШКОВА.

МОСКВА — 1904.

Изданія Д. С. Горшкова.

Э. Вандервельде

„Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ“

пер. съ франц., подъ ред. Д. С. Горшкова, съ предисловіемъ проф. **А. Ѳ. Фортунатова**. XIII + 321 стр. М. 1904. Ц. **1** р.

Содержаніе: Предисловіе къ русскому переводу. **Введеніе. Ч. I. Выселеніе изъ деревни. Гл.** I. Города головоноги. **Гл.** 2. Причины выселенія изъ деревни. Гл. 3. Формы выселенія изъ деревни. Гл. 4. Послѣдствія выселенія изъ деревни: политическія, интеллектуальныя, физическія и моральныя. Выводы и заключенія. Ч. II. **Возвращеніе въ деревню.** Индустріализація земледѣлія. Перемѣщеніе промышленныхъ учрежденій въ деревню. Переселеніе горожанъ въ деревню. Промышленный кризисъ. Выселеніе изъ города. Выводы и заключенія. Приложенія.

Изъ отзывовъ печати: «Книга проф. Вандервельде, извѣстнаго бельгійскаго экономиста, посвящена изученію двухъ противоположныхъ теченій, наблюдаемыхъ въ современной жизни—бѣгству сельскаго населенія въ города и „тягѣ“ городского населенія въ деревню—и ведущихъ къ уничтоженію прежняго различія между городомъ и деревней, къ сближенію городскихъ и сельскихъ обывателей, промышленности и земледѣлія. Отдѣльныя части книги появились въ свое время въ различныхъ заграничныхъ и русскихъ періодическихъ изданіяхъ, и этотъ усиленный интересъ къ книгѣ и затронутымъ въ ней вопросамъ имѣетъ за собой серьезныя основанія. Книга написана ясно и живо. Переводъ сдѣланъ прекрасно“. (Русск. Вѣд. № 344, 1903 г.)

„Книга проф. Вандервельде, еще до появленія ея на русскомъ языкѣ вызвала оживленный интересъ какъ въ нашихъ, такъ и въ заграничныхъ изданіяхъ. Она затронула важный и еще мало изслѣдованный вопросъ о бѣгствѣ деревенскаго населенія въ города и о наблюдаемомъ въ послѣднее время стремленіи городскихъ жителей переселиться обратно въ деревню. Для русскаго читателя выдвинутые Вандервельде вопросы заслуживають особаго вниманія, ибо, кажется, нигдѣ нѣтъ такой разобщенности между городомъ и деревней, какъ въ нашемъ отечествѣ, а между тѣмъ, по справедливому замѣчанію проф. Фортунатова, „русская деревня больше, чѣмъ деревня какой-нибудь другой страны, нуждается въ свѣтѣ образованія и въ соединеніи жителей на почвѣ общихъ интересовъ“. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно“. (Р. Эк. Об. 1904, № 1.)

„Вопросъ, разсматриваемый авторомъ,—жгучій вопросъ для нашего историческаго момента. Выясняя причины выселенія изъ деревень, авторъ, вооруженный богатымъ цифровымъ матеріаломъ, развертываетъ предъ нами картину перехода натуральнаго хозяйства въ мѣновое и—какъ слѣдствіе этого,—разъединеніе промышленности и земледѣлія, уничтоженіе общинныхъ полей и луговъ, земледѣльческій кризисъ, обнищаніе деревни... Но авторъ вѣритъ въ осуществленіе мечты Морриса: „деревня покрыта коттэджами; люди встрѣчаются въ городахъ, но живутъ въ деревнѣ“.... Хорошая, дѣльная книга. (Вѣстн. Зн. 1904 г. 3.)

Глубокоуважаемому Демьяну Федоровичу от издателя. Дм. Горшков

ОЧЕРКИ

ПО

КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Собраніе статей подъ редакціей проф. Московскаго Университета

А. А. Мануилова.

Выпускъ I-й.

Вл. Розенбергъ. Изъ хроники крестьянскаго дѣла.

Проф. *В. Хвостовъ.* 1) Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины. 2) Крестьянская поземельная община по проекту Гражданскаго Уложенія.

Проф. *А. Мануиловъ.* Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи.

Изданіе Д. С. ГОРШКОВА.

Москва — 1904.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва - 1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданіе въ нынѣшній моментъ статей по крестьянскому вопросу не нуждалось бы ни въ объясненіяхъ, ни тѣмъ менѣе въ оправданіи, если бы эти статьи появлялись въ печати впервые. Но то, что помѣщено въ настоящемъ выпускѣ и намѣчено для второго, уже печаталось. Съ нѣкоторыми добавленіями это статьи, помѣщенныя ихъ авторами за послѣднія 10—12 лѣтъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Русскомъ Богатствѣ* и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Главное содержаніе сборника, особенно же перваго выпуска, составляютъ газетныя статьи. Онѣ приведены въ извѣстную систему, пересмотрѣны и изъ нихъ выпущено все, что успѣло уже утратить интересъ современности или обусловливалось техникой газетнаго дѣла. По существу же матеріалъ сборника не подвергся переработкѣ, и то, что уже печаталось, вновь появляется въ печати почти безъ перемѣнъ.

Естественно, что предлагаемое изданіе носитъ на себѣ слѣды особенностей газетной работы: ея спѣшности, несистематичности, отрывочнаго, бѣглаго характера. Тѣмъ не менѣе думалось, что и такіе наброски, собранные въ одно цѣлое, могутъ представить теперь извѣстный интересъ въ виду исключительаго вниманія, которое привлекаетъ къ себѣ въ послѣднее ремя крестьянскій вопросъ. Быть можетъ, при обсужденіи ерьезнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ на первую очередь въ чутренней жизни Россіи положеніемъ крестьянства, нелишне ересмотрѣть кое что и изъ того, что писалось за истекшій

десятокъ лѣтъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій въ области крестьянскаго быта и законодательства. Въ такой моментъ, какъ нынѣшній, небезполезно подводить итоги.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о второмъ выпускѣ: пока намѣчены для него статьи: о крестьянскомъ банкѣ (В. Ю. Скалона), объ арендѣ (Л. К. Брейера, А. А. Мануилова и В. М. Хвостова) и о сберегательныхъ кассахъ (М. Я. Герценштейна).

Москва, іюнь 1904 г.

А. Мануиловъ.

Изъ хроники крестьянскаго дѣла.

I.

Вмѣсто введенія.

Сорокъ три года назадъ въ русской жизни совершилось событіе, равнаго которому по внутреннему значенію и по послѣдствіямъ, культурнымъ, политическимъ и экономическимъ, не было ни въ предшествующихъ ему десятилѣтіяхъ, ни на протяженіи послѣдующаго времени. 19-го февраля 1861 года нанесенъ рѣшительный ударъ тому порядку вещей, въ основѣ котораго лежало крѣпостное право, и тѣмъ самымъ проведена неизгладимая грань между прежней и нынѣшней Россіей.

Задачи, надъ которыми трудились дѣятели шестидесятыхъ годовъ, были поставлены жизнью, сознаны и восприняты лучшими русскими умами задолго до славнаго дня освобожденія и преемственно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. За семьдесятъ лѣтъ до 19-го февраля 1861 года Радищевъ далъ не только потрясающую картину «отягченнаго жребія» земледѣльца, но и первый проектъ освобожденія крестьянъ съ землею. Съ тѣхъ поръ на пространствѣ почти трехъ четвертей вѣка убѣжденіе въ необходимости отмѣны рабства жило и укрѣплялось въ лучшей части русскаго общества, не перестававшаго выдѣлять изъ своей среды тѣхъ «борзыхъ смѣльчаковъ», дорогу которымъ проложилъ авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Люди, «человѣческими страданіями уязвленные», не переводились, и ихъ лозунгъ неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же: «Освобожденіе крестьянъ,—такъ формулировалъ его Герценъ,—необходимо, неотразимо, неминуемо».

И когда, наконецъ, настало время осуществленія завѣтныхъ надеждъ, явилась готовая программа,—плодъ коллективной, долголѣтней работы русской общественной мысли,—и ея основныя положенія гласили: полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ;

должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ; крестьяне должны быть при освобожденіи непремѣнно надѣлены землею въ томъ количествѣ, какимъ фактически пользовались, при чемъ должно быть сохранено въ неприкосновенности общинное землевладѣніе. Осуществить эти требованія съ желательною полнотою и послѣдовательностью не удалось. Позднѣе изъ нѣкоторыхъ важныхъ недочетовъ крестьянской реформы проистекло много бѣдственныхъ послѣдствій и для сельскаго населенія, и для страны вообще. Но во всемъ томъ, въ чемъ исполненіе реформы соотвѣтствовало замыслу ея вдохновителей, предостерегавшихъ отъ политики полумѣръ, дѣло 19-го февраля 1861 года опредѣлило дальнѣйшія судьбы нашего отечества, намѣтивъ ему путь свободнаго гражданскаго развитія.

Не случайность, что за освобожденіемъ крестьянъ послѣдовали у насъ важныя реформы въ области управленія и суда, что вслѣдъ за нимъ произошла коренная перестройка всѣхъ общественныхъ отношеній и начались глубокія перемѣны въ нашемъ экономическомъ быту. Паденіе крѣпостного права должно было повести къ ликвидаціи всего дореформеннаго строя. 19-го февраля 1861 года общественное зданіе крѣпостной Россіи лишилось своего связующаго цемента, ибо въ дореформенную эпоху крѣпостная зависимость была общимъ закономъ жизни. Всѣ формы общежитія, всѣ круги общества одинаково втягивались, по выраженію автора «Пошехонской старины», «въ омутъ унизительнаго безправія». И какъ только рѣшилась участь крѣпостнаго права,—этой простѣйшей и наиболѣе унизительной формы безправія,—и надъ всѣми другими его разновидностями и проявленіями былъ произнесенъ приговоръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось широкое поприще для новой созидательной работы.

Крѣпостное право налагало свою печать на весь бытъ населенія, на всѣ отрасли дѣятельности общественной и государственной. Этого въ свое время никто не отрицалъ—и тѣ, кто отстаивалъ крѣпостное право, и тѣ, кто жаждалъ его отмѣны,—для всѣхъ было ясно, что оно лежитъ въ основѣ всего дореформеннаго уклада жизни. Всѣ сходились и въ критическомъ отношеніи ко многимъ сторонамъ обусловленнаго крѣпостнымъ правомъ порядка вещей. Теперь въ нашей литературѣ дѣлаются попытки реабилитировать дореформенный строй и подмѣнить въ изображеніи его неприглядную дѣйствительность сентиментальной идилліей якобы патріархальнаго быта. Конечно, попытки эти обречены на полную неудачу: не возможно убѣдить въ томъ, что у насъ былъ когда-то золотой вѣкъ, выросшій на почвѣ крѣпостнаго права. Прежде всего этому помѣшаютъ свидѣтельства современниковъ хваленой старины. Дворянскіе депутаты,

вызванные въ Петербургъ для обсужденія проектовъ редакціонныхъ комиссій, держались далеко не одинаковыхъ взглядовъ на реформу; среди нихъ сторонники освобожденія крестьянъ отнюдь не преобладали, и тѣмъ не менѣе, какъ выразился Я. И. Ростовцевъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ писемъ, во всѣхъ мнѣніяхъ депутатовъ была «одна идея, равно всѣми раздѣляемая; это — несчастное устройство нынѣшняго мѣстнаго управленія и судовъ и дѣйствія ихъ произвольныя, злоупотребительныя, скрытыя и необличимыя. Всѣ убѣждены, что при подобномъ устройствѣ суда и полицейскаго порядка благосостояніе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ не можетъ быть устроено надежно и прочно». До отмѣны крѣпостного права съ недостатками дореформеннаго строя нельзя было ничего подѣлать: опытъ показалъ безплодность борьбы съ тѣмъ, что было порождено крѣпостнымъ правомъ, соотвѣтствовало ему по духу и держалось имъ. Однихъ сознаніе этой зависимости мирило до поры до времени съ «несчастнымъ устройствомъ» управленія и суда; въ другихъ та же мысль укрѣпляла убѣжденіе въ необходимости скорѣе покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Но когда его участь была рѣшена, вопросъ о другихъ реформахъ не могъ вызвать въ обществѣ разногласія по существу.

Все нужно было создать заново. Развѣ мыслимо было оставить неизмѣненными дореформенный судъ, это прославленное гнѣздо ябеды, взятки и «неправды че́рной», или тѣ органы, которые завѣдовали мѣстными общественными дѣлами? Развѣ можно было оставаться при дореформенной податной системѣ, при дореформенныхъ порядкахъ казеннаго управленія, даже при дореформенныхъ основаніяхъ военнаго строя? Мыслимо ли, наконецъ, было сохранить дореформенныя условія для торговли и промышленности, для школы, науки и печати, вообще для духовной жизни страны? Конечно, нѣтъ,— и великая преобразовательная работа была начата немедленно за освобожденіемъ крестьянъ.

19-е февраля 1861 года, какъ высказался государственный совѣтъ при обсужденіи одного изъ послѣдующихъ преобразованій, положило «рѣзкую черту между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей». Первый осужденъ на упраздненіе, второй долженъ восторжествовать, но само собою, не безъ борьбы, которая велась и ведется въ теченіе полувѣка, отъ начала подготовительныхъ работъ къ освобожденію крестьянъ и до нашихъ дней. Конечный исходъ этой борьбы не можетъ внушать опасеній, но на пути къ цѣли въ дѣлѣ реформы неизбѣжны были разочарованія, ошибки и неудачи, даже утраты, — и временное торжество началъ отжившаго строя. Какъ мы отмѣтили,

даже актъ освобожденія крестьянъ носитъ на себѣ слѣды вынужденныхъ уступокъ.

Съ самаго начала крестьянскому самостоятельному хозяйству пришлось вѣдаться со всѣми неблагопріятными послѣдствіями малоземелья, усиленными еще неудовлетворительностью надѣловъ по составу угодій, особенно недостаткомъ въ покосахъ, привольяхъ для выпаса скота и въ лѣсѣ. Уходъ на сторону въ поискахъ работы и аренда чужой земли должны были компенсировать необезпечность крестьянъ собственною землею. При этихъ условіяхъ благосостояніе крестьянъ не могло возрасти и подъ вліяніемъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ они по необходимости должны были совершаться медленно, тѣмъ болѣе, что раціональное пользованіе землею требуетъ отъ сельскаго хозяина, съ одной стороны, знанія, съ другой—средствъ. Пореформенное время, конечно, было много благопріятнѣе для усвоенія крестьянами свѣдѣній какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ, но все-таки притокъ знаній въ деревню не былъ достаточенъ. Бюджетъ народной школы до настоящаго времени, какъ извѣстно, остается скуднымъ. Государственная казна удѣляетъ на этотъ предметъ относительно скромныя суммы; мѣстныя общественныя учрежденія дѣлаютъ, что могутъ, и сдѣлали больше, чѣмъ кто-либо, но по сравненію съ запросами, предъявляемыми сельскимъ людомъ, и ихъ вкладъ невеликъ. Другое препятствіе къ совершенствованію крестьянскаго хозяйства представляется еще болѣе значительнымъ. При самыхъ скромныхъ потребностяхъ крестьяне наши не выходятъ изъ недоимокъ по прямымъ платежамъ, что объясняется какъ крайней ограниченностью ихъ доходовъ, такъ и чрезмѣрной высотою обложенія, падающаго главнымъ образомъ на сельскаго обывателя частью въ формѣ окладныхъ сборовъ и платежей, частью въ видѣ косвенныхъ налоговъ съ предметовъ народнаго потребленія. Что можетъ удѣлять рядовой крестьянинъ на улучшенія, живя со дня на день даже въ годы средняго урожая? Благосостояніе земледѣльческаго населенія могло бы выиграть, если бы переселеніе на свободныя земли и сдача казенныхъ оброчныхъ статей въ аренду получили своевременно надлежащую организацію; но прошли десятки лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ прежде, чѣмъ были сдѣланы первые шаги на этомъ пути. Мобилизація частной владѣльческой земли приняла послѣ 1861 года огромные размѣры, но и это важное явленіе въ хозяйственной жизни страны было очень слабо использовано въ интересахъ земледѣльческой массы: организованное содѣйствіе крестьянскимъ покупкамъ земли началось много лѣтъ спустя послѣ освобожденія и не получило широкаго развитія.

Неблагопріятное вліяніе описанныхъ условій на крестьянское благосостояніе нѣсколько умѣрялось развѣ тѣмъ, что четыре пятыхъ крестьянской надѣльной земли находятся въ общинномъ владѣніи. Конечно, сдерживая въ извѣстныхъ границахъ ликвидацію крестьянскаго хозяйства и препятствуя обезземеленію поселянъ, оно не могло совершенно прекратить этотъ процессъ. Но тамъ, гдѣ крестьяне владѣютъ землею подворно, не было и этой помѣхи дѣйствію силъ, разрушающихъ хозяйственную самостоятельность крестьянъ, и результаты оказались для массы земледѣльцевъ еще болѣе печальными. Между тѣмъ и къ самому общинному владѣнію дѣйствующее законодательство,— не говоря уже о противообщинныхъ теченіяхъ въ административной практикѣ,—относится далеко не благосклонно. Такъ, усадебная земля признается личною собственностью, вопреки обычному взгляду крестьянъ на нее какъ на общинное достояніе; выдѣлъ мірской земли въ личную собственность нѣсколько ограниченъ лишь недавно изданнымъ закономъ, которымъ однако не устранена возможность мобилизаціи крестьянской земли въ широкихъ размѣрахъ; такая сфера сложныхъ хозяйственныхъ отношеній, какъ передѣлъ мірской земли, открыта вмѣшательству административныхъ властей и т. д. Словомъ, уступокъ, сдѣланныхъ старому порядку при освобожденіи крестьянъ и въ послѣдующее время, достаточно для того, чтобы объяснить, почему мы теперь, какъ и полвѣка назадъ, стоимъ передъ вопросомъ объ улучшеніи хозяйственнаго быта крестьянъ, почему благосостояніе, ихъ такъ незавидно, почему такъ великъ и такъ быстро возрастаетъ контингентъ безхозяйныхъ, безземельныхъ, лишенныхъ возможности приложить свой трудъ къ землѣ. На ряду съ отмѣченными факторами отдѣленію крестьянъ отъ земли способствовали, конечно, и другіе, вліяніе которыхъ частью было неустранимо; но размѣры этого вліянія могли быть больше или меньше, въ зависимости отъ направленія государственной политики въ крестьянскомъ дѣлѣ. Фактически, во всякомъ случаѣ, уступки при осуществленіи крестьянской реформы и дальнѣйшее неправильное развитіе ея перевѣсили значеніе другихъ неблагопріятныхъ для сельскаго населенія обстоятельствъ.

Среди вліяній, противодѣйствовавшихъ росту крестьянскаго благосостоянія, видное мѣсто принадлежало тому именно теченію въ русской общественной жизни, которое было враждебно по существу реформѣ 19-го февраля. Побѣда новаго порядка надъ старымъ даже въ этотъ день не была полной. Въ послѣдующее время на нашей поземельной политикѣ отразилась та же борьба: ею прежде всего объясняется какъ медленность въ исправленіи старыхъ ошибокъ, такъ и новые шаги по невѣрному пути.

Стремленіе удержать или вернуть черты дореформеннаго строя отозвалось и на другихъ преобразованіяхъ шестидесятыхъ годовъ. Извѣстно, что реформы, послѣдовавшія за освобожденіемъ крестьянъ, производились въ условіяхъ, еще менѣе благопріятныхъ, чѣмъ крестьянская. Правда, въ необходимости ихъ не сомнѣвались даже тѣ слои общества, которые не желали освобожденія крестьянъ; но эти дальнѣйшія преобразованія не могли встрѣтить сочувствія въ бюрократической средѣ, привыкшей тоже къ своего рода крѣпостнымъ порядкамъ и въ мѣстномъ управленіи, и въ судѣ, и въ отношеніяхъ къ печати. Съ теченіемъ времени многія изъ улучшеній, введенныхъ въ эпоху реформъ, подверглись отмѣнѣ и, напротивъ, кое-что изъ отжившихъ порядковъ было реставрировано. Планы и проекты контръ-реформъ шли иногда даже дальше того, что̀ было осуществлено, да и теперь, по крайней мѣрѣ въ печати, не оставлена мысль о дальнѣйшей реакціи. Съ нею связывается иллюзія, будто возможно еще, подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, въ той или другой формѣ, возстановленіе стараго режима, существовавшаго до 19-го февраля 1861 г. Но это—именно иллюзія. Несомнѣнно, что попытки возвратиться къ старымъ порядкамъ могутъ оказать и оказываютъ значительное вліяніе на мѣстныя общественныя учрежденія, на органы правосудія, на весь складъ русской общественной жизни,—но онѣ не приведутъ къ цѣли, не возстановятъ дореформеннаго строя и не удовлетворятъ тѣхъ, кто быть можетъ питаетъ эту надежду. Какія ликованія возбудилъ въ извѣстномъ лагерѣ, напримѣръ, коренной пересмотръ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Многое въ устройствѣ послѣднихъ было измѣнено, но и преобразованное земство въ реакціонномъ лагерѣ вызываетъ не меньше, если не больше нареканій, чѣмъ прежнее земство. Видимо, многія надежды реставраторовъ не оправдались и на этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ,—не оправдались потому, что самыя желанія ихъ несбыточны.

Успѣхи попятнаго движенія могутъ быть еще значительнѣе въ будущемъ; волнѣ его, быть-можетъ, суждено смыть еще не одно пріобрѣтеніе пореформеннаго времени, но можно быть увѣреннымъ, что это торжество не будетъ окончательнымъ, ибо у дѣла, начатаго въ эпоху освобожденія, есть мощный союзникъ, противъ котораго всякая борьба безсильна. Этотъ союзникъ — духъ времени или, правильнѣе, политическая необходимость. Россіи, чтобы быть могущественнымъ государствомъ, какимъ она должна быть, по условіямъ настоящаго историческаго момента, надо быть государствомъ просвѣщеннымъ, экономически-сильнымъ и въ гражданскомъ отношеніи развитымъ и благоустроеннымъ. Но для того, чтобы могло развиваться

просвѣщеніе, необходимъ ростъ личнаго достоинства гражданъ, а для подъема производительныхъ силъ страны необходимъ просторъ для личнаго почина и энергіи. Развѣ возможно достигнуть сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, пока наше крестьянство, составляющее громадное большинство населенія, подчинено стѣснительной опекѣ, пока даже такія чисто-хозяйственныя дѣла, какъ распорядки земельной общины, не свободны отъ сторонняго вмѣшательства, пока крестьянское самоуправленіе остается лишь тѣнью самоуправленія, пока во всемъ обиходѣ сельской жизни, по оффиціальному признанію, сказывается отсутствіе «прочнаго правопорядка»? Эти ли условія способны возбудить въ населеніи дѣловую энергію, на этой ли почвѣ можетъ подняться въ сельскомъ обывателѣ духъ предпріимчивости даже при благопріятномъ для него направленіи собственно экономической политики?

Подъемъ благосостоянія сельскихъ массъ, такъ сильно зависящій отъ расширенія ихъ умственнаго кругозора и отъ упроченія ихъ правового положенія, составляетъ государственную необходимость; но этой задачи не разрѣшить самой отмѣнной бюрократіи. Только независимая печать, гарантированная отъ всякихъ посягательствъ на ея права, можетъ внести въ общественныя дѣла необходимый для нихъ свѣтъ; только пользующіяся надлежащей самостоятельностью мѣстныя общественныя силы могутъ достаточно выяснить нужды населенія и изыскать цѣлесообразныя средства ихъ удовлетворенія. Свободнаго общественнаго голоса нельзя замѣнить ни самой совершенной организаціей правительственнаго контроля, ни неусыпной бдительностью властей, ни самымъ безпредѣльнымъ рвеніемъ чиновниковъ.

II.

Недостаточный надѣлъ, какъ основная причина упадка благосостоянія крестьянъ.

Въ послѣднее время крестьянскій вопросъ снова сталъ настоящею злобою дня. Если говорить объ обществѣ, то, повидимому, для него миновала пора исключительнаго увлеченія заманчивою, но несбыточною перспективой грандіознаго промышленнаго развитія; поблекли, съ другой стороны, и надежды тѣхъ, кто хотѣлъ бы возврата назадъ, къ дореформенному строю вещей. Переломъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи не составляетъ неожиданной или необъяснимой перемѣны въ общественномъ настроеніи. Она имѣетъ за собой весьма осязатель-

ную причину въ фактахъ нашей общественной и экономической эволюціи послѣднихъ лѣтъ. Опытъ показалъ тщету усилій вернуть потокъ жизни назадъ; на опытѣ же обнаружилась невозможность коренной перестройки нашего экономическаго уклада, ради которой принесено столько жертвъ въ послѣднюю четверть минувшаго вѣка. Жизнь, несмотря на эти попытки воспрепятствовать ея теченію впередъ или отвести его въ другое русло, не остановилась на мѣстѣ. Но это не значитъ, что ошибочныя стремленія не оставили слѣда на народномъ хозяйствѣ и на положеніи общественныхъ дѣлъ цѣлой страны. Если не удалось возстановленіе порядковъ «добраго стараго времени», если не принесли ожидаемыхъ плодовъ старанія направить страну по новому пути промышленнаго развитія, если вообще усилія, направленныя къ этимъ цѣлямъ, не дали положительныхъ результатовъ, то отрицательное вліяніе ихъ было безъ сомнѣнія весьма значительно. Тормозя общественное развитіе съ одной стороны и напрягая платежныя силы населенія съ другой, указанныя теченія задержали культурный и экономическій ростъ страны и тѣмъ несомнѣнно понизили уровень благосостоянія въ широкихъ массахъ. Грозные симптомы упадка его стали проявляться уже много лѣтъ назадъ, въ видѣ періодическихъ и все чаще повторяющихся голодовокъ. Какъ ни объяснять эти бѣдствія милліоновъ людей во многихъ уѣздахъ и даже во многихъ губерніяхъ, все-таки очевидно, что это явленіе есть своего рода testimonium paupertatis матеріальной и моральной, притомъ ни одного только бѣдствующаго населенія. Вопросъ, что же дѣлать въ виду общаго оскудѣнія деревни, рано или поздно долженъ былъ возникнуть, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ былъ поставленъ на очередь, послѣ стольких разочарованій и крушенія столькихъ надеждъ.

Низкій уровень экономическаго благосостоянія въ массѣ сельскаго населенія—фактъ непреложный. Въ томъ, что потребности нашего земледѣльца въ высшей степени скромны, едва ли можетъ быть сомнѣніе. Довольно сказать, что, по расчету извѣстнаго статистика Ѳ. А. Щербины, на одну душу сельскаго населенія тратится въ сутки лишь 15 коп. «и этими пятнадцатью копейками измѣряются всѣ потребности крестьянина—личныя, семейныя, хозяйственныя, общественныя государственныя, т. е. расходы и на хлѣбъ, и на приварокъ, и на продукты животноводства или огородничества, и на будничную одежду, и на предметы щегольства, моды и домашней обстановки, и на жилища, и на строенія, и на содержаніе скота, и на умственныя и эстетическія потребности». Словомъ, бюджетъ крестьянина поразителенъ по своей микроскопичности, а между тѣмъ приведенная цифра, быть можетъ, еще грѣшитъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ дѣйствительныхъ

крестьянскихъ расходовъ. Главный изъ нихъ вызывается потребностью въ пищѣ, или, точнѣе говоря, въ хлѣбѣ, которымъ повсюду у насъ преимущественно питается масса сельскаго населенія.

Важнѣйшимъ источникомъ крестьянскаго дохода служитъ земля. Но надѣлы, отведенные крестьянамъ для обезпеченія ихъ хозяйственнаго быта, не даютъ средствъ для покрытія насущнѣйшихъ нуждъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было вычислено, что слишкомъ 45 мил. душъ обоего пола изъ 64 мил. живущихъ въ селеніяхъ 46 губерніяхъ Европейской Россіи составляютъ группу крестьянъ, необезпеченныхъ продовольствіемъ съ надѣльныхъ земель. Притомъ названный разрядъ великъ не въ одной нечерноземной промысловой полосѣ; и въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ промыслы развиты слабо, въ него входятъ 26 мил., т. е. почти двѣ трети общаго числа сельскихъ обывателей этихъ губерній. «Наше земледѣльческое населеніе,— говоритъ Л. Н. Марессъ, изъ труда котораго мы заимствуемъ эти цифры,—въ громадномъ большинствѣ случаевъ (около 71%) на своихъ надѣлахъ обычно не прокармливается. Въ черноземной полосѣ въ этой группѣ, въ среднемъ, на душу приходится по $12_{,2}$ пуд. всякаго хлѣба, въ нечерноземной—по $12_{,1}$ пуд.; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ продовольственный дефицитъ достигаетъ 36%» (при средней нормѣ потребленія въ 18 пуд. хлѣба на душу). Но что говорить объ обычныхъ, иначе — среднихъ по урожаю годахъ, если, по вычисленію того же статистика, и въ 1893 году исключительнаго, почти небывалаго урожая чуть ли не половинѣ сельскаго населенія Россіи все-таки не хватило собственнаго хлѣба для продовольствія.

Вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ не новый, онъ былъ поставленъ еще въ срединѣ семидесятыхъ годовъ въ русской ученой литературѣ и журналистикѣ. Изслѣдованіями, произведенными земскими учрежденіями по поводу переданнаго на ихъ обсужденіе проекта податной реформы, въ то время, если не впервые, то съ небывалою дотолѣ доказательностью, было выяснено, что при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили недостаточные надѣлы, которые притомъ обложены чрезмѣрно высокими выкупными платежами. Но, какъ и слѣдовало ожидать, эти заключенія людей науки и изслѣдователей сельскаго быта встрѣтили не мало возраженій. По вопросу о крестьянскомъ малоземельи завязалась горячая полемика, продолжавшаяся съ перерывами до нашихъ дней. Заслуживаетъ вниманія, что теперь недостаточность крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ признается иногда и съ офиціальной стороны. Такъ въ одномъ изъ новѣйшихъ изданій канцеляріи комитета министровъ («Колонизація Сибири» Спб. 1900) мы читаемъ:

«По имѣющимся даннымъ можно съ очевидностью заключить, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ причины выселеній имѣли чисто экономическій характеръ, выражаясь въ несоотвѣтствіи доходности крестьянскихъ земель потребностямъ земледѣльческаго хозяйства и затруднительности добывать себѣ заработокъ на сторонѣ. Такое общее понятіе недостаточной доходности крестьянскаго хозяйства совпадаетъ по своему содержанію съ общимъ родовымъ понятіемъ «малоземелья», которое, смотря по особенностямъ мѣста выхода переселенцевъ, распадается на цѣлый рядъ мелкихъ и видовыхъ признаковъ, какъ-то: недостаточный размѣръ надѣльныхъ земель, неблагопріятное распредѣленіе земельныхъ угодій и односторонній ихъ составъ, наконецъ, низкая урожайность болѣе или менѣе распаханныхъ и истощенныхъ полей». Если бы мы обратились теперь къ сочиненіямъ Янсона, Посникова, Орлова и другихъ изслѣдователей семидесятыхъ годовъ, намъ не трудно было бы убѣдиться, что это положеніе новаго офиціальнаго труда представляетъ старую, хотя и долго подвергавшуюся сомнѣнію истину. Но, быть можетъ, недостаточность надѣловъ—фактъ новѣйшаго времени, и прежніе изслѣдователи деревни были бы правы теперь, но ошибались въ свое время? Быть можетъ, малоземелье создалось только теперь, и въ основѣ его не лежитъ отводъ недостаточныхъ надѣловъ при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости? Мы знаемъ, что и этотъ вопросъ на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ разрѣшается въ пользу изслѣдователей семидесятыхъ годовъ. Но все-таки не лишено интереса слѣдующее указаніе новаго труда канцеляріи комитета министровъ. Среди переселенцевъ въ Сибирь преобладающее значеніе по численности принадлежитъ выходцамъ изъ черноземной полосы, и это, конечно, не случайность. «При надѣленіи крестьянъ землею, — говорится въ разсматриваемомъ трудѣ, — на основаніи Положенія 1861 года для разсматриваемыхъ здѣсь губерній были приняты нѣсколько низшія нормы по сравненію съ другими губерніями; въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ и сравнительно значительное число крестьянъ, получившихъ въ этихъ губерніяхъ даровые или «нищенскіе» надѣлы въ размѣрѣ ¼ высшаго или указнаго». Для иллюстраціи этого положенія приводятся и цифровыя данныя. «Напримѣръ, въ сѣверныхъ и среднихъ черноземныхъ губерніяхъ размѣры высшихъ или указныхъ надѣловъ колебались въ предѣлахъ отъ 2-хъ до 4-хъ десятинъ, тогда какъ въ юго-восточныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ и въ сѣверо-западномъ краѣ они измѣнялись въ предѣлахъ 4—7 десятинъ». Съ тою же цѣлью поясненія въ новомъ изслѣдованіи отмѣчено, что еще въ 80-хъ годахъ «дарственниковъ», напримѣръ, въ Курской губ., насчитывалось до 26.000,

въ Воронежской—до 51 000 душъ мужскаго пола. Всѣ эти замѣчанія и факты не новы: но когда они впервые были установлены, въ руководящихъ сферахъ преобладало мнѣніе, что,—напомнимъ отвѣтъ статсъ-секретаря Валуева на ходатайство черниговскаго земства, первое земское ходатайство по переселенческому дѣлу,—«правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ потребностей». Теперь же офиціальное изданіе канцеляріи комитета министровъ обращается къ этимъ фактамъ именно за тѣмъ, чтобы обнаружить неслучайный характеръ потребности въ переселеніяхъ и доказать неизбѣжность ихъ при данныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства въ Европейской Россіи. Кажется, нѣтъ надобности въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ этого факта. Можно, однако, сказать, что переселеніе было не первымъ якоремъ спасенія, къ которому бросилось крестьянство послѣ того, какъ принципъ освобожденія крестьянъ съ землею, положенный въ основу реформы 1861 г., не былъ проведенъ до конца.

Существовавшіе при крѣпостномъ правѣ надѣлы обыкновенно только-только обезпечивали населеніе, но такъ какъ и они подверглись урѣзкѣ, то при самомъ выходѣ «на волю» крестьяне получили землю въ недостаточномъ количествѣ для веденія хозяйства при данной системѣ. Съ теченіемъ времени въ силу естественнаго прироста населенія надѣлы еще измельчали. Вдобавокъ путь усовершенствованія для крестьянскаго хозяйства былъ закрытъ съ самаго начала. Мы увидимъ далѣе, какое огромное препятствіе составили для культурныхъ успѣховъ крестьянскаго земледѣлія чрезмѣрные платежи, возложенные на крестьянъ. Теперь же надо отмѣтить тотъ фактъ, что надѣлы отводились не только недостаточные по размѣрамъ, но и неудовлетворительные по составу угодій. Лѣса крестьяне, какъ общее правило, вовсе не получали, выходя изъ крѣпостной зависимости. Они не были въ большинствѣ случаевъ надѣлены ни необходимыми покосами, ни привольями для выпаса скота. Поэтому первою потребностью пореформеннаго крестьянскаго хозяйства было расширеніе площади землепользованія и прежде всего наемъ нѣкоторыхъ угодій, которыми крестьяне были страшно бѣдны. Аренда сама по себѣ, конечно, не служитъ препятствіемъ для сельскохозяйственнаго прогресса: на арендованныхъ земляхъ можетъ процвѣтать хозяйство высокаго типа; все дѣло въ условіяхъ, на которыхъ сдается земля. Но врядъ ли кто признаетъ, что у насъ условія арендъ благопріятствовали успѣшному развитію крестьянскаго земледѣлія.

Аренда частновладѣльческой земли получила широкое развитіе,

но въ томъ, что она не послужила населенію выходомъ изъ неблагопріятнаго положенія, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Тотъ же официальный трудъ констатируетъ лишь давно извѣстные факты, указывая, напримѣръ, что въ теченіе перваго двадцатипятилѣтія послѣ реформы 1861 г. арендныя цѣны возросли на 200—300%, «далеко не въ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ продуктивной и денежной доходности хозяйства арендаторовъ». Понятно, что такой ростъ арендныхъ цѣнъ, вызванный возрастающимъ спросомъ на землю со стороны крестьянъ, повелъ къ развитію «спекулятивныхъ арендъ или перенайма земель» и вообще къ ухудшенію условій денежной аренды для населенія черноземной полосы. А въ связи съ этимъ ухудшеніемъ стоятъ и аналогичныя измѣненія въ характерѣ натуральныхъ арендъ,—«испольщины» или «скопщины»,—въ смыслѣ увеличенія доли продукта, приходящейся къ доплатѣ со стороны арендатора «отработками» или «деньгами».

Натуральная форма оплаты труда въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ пережила крѣпостное право и въ настоящее время наблюдается почти повсюду въ Европейской Россіи: «есть цѣлыя сплошныя мѣстности, въ которыхъ такая форма найма примѣняется почти исключительно». Живучесть этого явленія въ нашей экономической жизни была бы необъяснима, если бы оно не коренилось въ тѣхъ зависимыхъ отношеніяхъ, которыя возникли у насъ въ деревнѣ послѣ крестьянской реформы, именно вслѣдствіе недостаточнаго надѣленія крестьянъ землею. Одну изъ формъ натуральнаго найма рабочей силы въ сельскомъ хозяйствѣ и представляетъ отработочная система. Въ ней отразились типичныя условія малоземельнаго крестьянскаго хозяйства. «При этой формѣ,—читаемъ мы въ трудѣ Н. Ѳ. Анненскаго, вошедшемъ, какъ и статьи гг. Щербины и Маресса, въ составъ сборника «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» (Спб. 1897), — земледѣльческія работы выполняются крестьянами въ видѣ платы за предоставленную имъ въ аренду землю или за пользованіе разными хозяйственными угодьями... За каждую десятину владѣльческой земли, предоставляемую въ пользованіе, крестьяне обязаны обработать (своимъ инвентаремъ и скотомъ) для владѣльца такое же (или большее) количество земли, убрать (сжать или скосить и перевезти на гумно), а иногда и обмолотить хлѣбъ. По большей части, взявшіе въ отработку извѣстное количество десятинъ земли крестьяне обязываются еще нѣкоторыми дополнительными работами или денежными доплатами». Извѣстно, что отработки особенно распространены тамъ, гдѣ крестьяне больше нуждаются въ землѣ, и, по общему правилу, являются возмѣщеніемъ

за такія угодья, нанимать которыя хозяйство, лишенное ихъ, можетъ только у сосѣда. Такъ, «случаи отработковъ, за выпасъ скота («за приволья») встрѣчаются почти повсемѣстно». Но кромѣ того «отработываютъ крестьяне,—говоритъ г. Анненскій,—и за прогонъ скота чрезъ владѣльческую землю, и за пользованіе водой, и вообще за удовлетвореніе разныхъ хозяйственныхъ надобностей». Такимъ образомъ устанавливается крѣпкая связь между крестьянскимъ хозяйствомъ и владѣльческимъ. Какъ бы ни относиться къ этой самобытной гармоніи интересовъ, все-таки придется признать, что упрекъ въ нераціональности предъявляется при такихъ условіяхъ крестьянскому хозяйству несправедливо.

Мысль, что первичной причиной разоренія крестьянъ является недостаточный земельный надѣлъ, и въ наше время часто забывается. Яркій примѣръ этого даетъ недавняя полемика по вопросу объ оскудѣніи центра. Этотъ «центръ» состоитъ изъ тѣхъ самыхъ губерній, въ которыхъ крестьяне при выходѣ на волю получили наиболѣе недостаточные надѣлы. Здѣсь-то при надѣленіи крестьянина и «были приняты нѣсколько низшія нормы по сравненію съ другими губерніями», здѣсь щедрѣе всего раздавались такъ называемые «дарственные» или «нищенскіе» надѣлы. Нужда въ землѣ съ теченіемъ времени вслѣдствіе прироста населенія, конечно, возрастала. «Въ настоящее время, — говорится въ изданіи канцеляріи комитета министровъ,—разсматриваемый районъ представляется одной изъ самыхъ населенныхъ мѣстностей Россіи, и число сельскихъ обывателей на квадратную версту составляетъ въ немъ до $54_{,2}$ чел. Въ зависимости отъ этого обстоятельства средняя величина земельныхъ надѣловъ, приходящихся на одну душу мужского пола, опустилась въ большинствѣ среднихъ и сѣверныхъ губерній черноземной полосы до величины $1^3/_4$—3 десятинъ, и общее число лицъ, обезпеченныхъ землею въ размѣрѣ не свыше 3 дес., возросло уже къ 1877 году до 3.403.800 человѣкъ. Вмѣстѣ съ этимъ увеличилось и число крестьянъ, порвавшихъ связь съ землею, а въ 1893 году число такихъ безземельныхъ дворовъ составляло въ разсматриваемомъ районѣ черноземной полосы до 6% общаго числа крестьянскихъ дворовъ». Эти факты не мѣшало бы принять во вниманіе тѣмъ, кто, скорбя о низкомъ уровнѣ крестьянскаго хозяйства, винитъ въ томъ инертность мужика, либо общинную форму владѣнія землею, будто бы мѣшающую сельскохозяйственному прогрессу въ нашемъ центрѣ. Изслѣдованіе, о которомъ мы говоримъ, весьма кстати напоминаетъ и объ этой связи между малоземельемъ и плохимъ состояніемъ крестьянскаго хозяйства на надѣльной землѣ. «*Параллельно* развитію такого количественнаго «малоземелья»,—

читаемъ мы въ этомъ трудѣ,—и *въ значительной степени въ зависимости* отъ послѣдняго шло и постепенно ухудшеніе качества крестьянскихъ земель, выражавшееся въ общемъ пониженіи ихъ урожайности. Явленіе это, обусловленное отчасти еще небрежною, а иногда и хищническою эксплоатаціею земель помѣщиками и крѣпостными, стало выступать съ особою рельефностью послѣ реформы 1861 года по мѣрѣ того, какъ крестьяне, благодаря увеличенію численности ихъ хозяйствъ, были вынуждены обращать подъ пашню значительную часть своихъ надѣльныхъ угодій. Подобное увеличеніе площади запашекъ на счетъ пастбищъ, достигающее въ Курской и Орловской губерніяхъ 81%, а въ Тульской болѣе 82% всѣхъ земель, имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ сокращеніе скотоводства, въ свою очередь обусловливающее трудность правильнаго удобренія земли. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и вырубка сравнительно небольшихъ лѣсныхъ площадей, входившихъ въ составъ крестьянскихъ надѣловъ въ черноземной полосѣ, вынуждая крестьянъ обращать часть навоза на топливо. Вызванное всѣми этими условіями истощеніе почвы привело къ тому, что результаты крестьянскаго хозяйства стали въ большей степени зависѣть отъ совокупности метеорологическихъ явленій того или другого рода». Словомъ, крестьянское хозяйство дѣйствительно находится на низкомъ уровнѣ въ техническомъ отношеніи, но причины застоя или даже регресса оказываются совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ ищутъ. Участь центральныхъ губерній въ этомъ отношеніи раздѣляютъ и другія мѣстности Европейской Россіи. Арендный вопросъ въ настоящее время получилъ ту же остроту на всемъ пространствѣ черноземной полосы да и во многихъ губерніяхъ нечерноземной. И почва для созданія этого вопроса одна и та же повсемѣстно: разница лишь въ степени неблагопріятности условій и въ быстротѣ процесса. Тамъ, гдѣ надѣлы были особенно урѣзаны, оскудѣніе наступило при остальныхъ равныхъ условіяхъ раньше; тамъ, гдѣ, кромѣ земледѣлія, населенію представлялись значительные промысловые заработки, выходъ былъ найденъ помимо аренды и переселенія. Но потребность въ нихъ неизмѣнно возрастаетъ съ году на годъ, и въ общее движеніе вовлекаются все новыя мѣстности какъ въ черноземной, такъ и въ нечерноземной полосѣ.

Тѣмъ не менѣе, когда возникъ вопросъ объ «оскудѣніи центра», причины этого явленія стали искать всего чаще въ противопоставленіи интересовъ центра и окраинъ: по этому объясненію, первый оскудѣваетъ именно потому, что его обездоливаютъ, отвлекая силы и средства его на окраины. Другое, болѣе основательное, мнѣніе сводилось къ тому, что доля участія центра въ несеніи общегосударственныхъ

платежей и повинностей, независимо отъ той или иной системы использованія этихъ средствъ на обще-государственныя нужды, вообще превышаетъ платежныя средства населенія даннаго района. Наряду съ этими мнѣніями нерѣдко высказывается также взглядъ, въ основѣ котораго лежитъ не критика экономической или финансовой политики, а признаніе неудовлетворительности и даже рокового значенія для центра нѣкоторыхъ мѣстныхъ условій народной жизни и хозяйства. Такъ, одни сторонники этого взгляда видятъ главную причину бѣдствія въ инертности и техническомъ невѣжествѣ земледѣльца, въ нераціональномъ веденіи хозяйства, даже въ несовершенствѣ какихъ-либо частностей его организаціи. Нѣкоторые готовы поставить всѣ бѣды центра насчетъ общиннаго землевладѣнія, которое не впервые является козломъ отпущенія за разные наши общественные грѣхи и ошибки. Словомъ, въ связь съ оскудѣніемъ центра, выразившимся въ періодическихъ голодовкахъ и въ общемъ обѣднѣніи массы сельскаго населенія, приводилось многое такое, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ дѣлу, и даже то, что никакого отношенія къ нему не имѣетъ.

И всего рѣже указывалось на основную причину нашей современной аграрной неурядицы. Была даже сдѣлана попытка перевести вопросъ на другую почву и подъ флагомъ «оскудѣвающаго» мужика порадѣть о другихъ интересахъ.

III.

Оскудѣніе деревни и дворянскіе интересы.

Лѣтъ шесть назадъ, въ пору особеннаго вниманія къ такъ называемому «дворянскому вопросу», нѣкоторые органы нашей печати усердно доказывали, что на странѣ лежитъ неоплатный долгъ передъ дворянствомъ. Этотъ долгъ образовался, конечно, 19 февраля 1861 года и значительно возросъ въ послѣдующее время. «Дворянская задолженность,—говорили намъ,—образовалась подъ вліяніемъ потрясенія, перенесеннаго помѣщиками въ эпоху освобожденія крестьянъ, когда прежняя форма кредита была рѣзко упразднена, новаго кредита не было создано, а выкупныя суммы сокращались какъ удержаніемъ прежнихъ долговъ полностью, такъ и 20-проц. скидкой и биржевымъ курсомъ выкупныхъ % бумагъ, и, слѣдовательно, дворянская задолженность была въ значительной степени вызвана рядомъ правительственныхъ мѣропріятій». (См. отчетъ *Спб. Вѣд.* о засѣданіи 2 мая 1897 г. въ петербургскомъ собраніи экономистовъ).

По мнѣнію однихъ, долгъ правительства великъ, но не поддается точному учету: «во сколько милліоновъ рублей можетъ быть оцѣнена несправедливость, допущенная дѣятелями реформы 1861 года относительно дворянства противъ воли Государя, нѣтъ физической возможности опредѣлить» (*Гражд.* № 56 1897 г.).

Другіе взялись составить надлежащій счетъ, находя, что пора подсчитать, «что собственно потеряло дворянство и что оно получило, въ видѣ вознагражденія за экспропріацію его собственности. Оно лишилось 31.291 тыс. дес. земли, оцѣниваемыхъ, по даннымъ департамента земледѣлія, въ среднемъ по Европейской Россіи въ 28 р. за десятину, итого 904 мил. рублей. Оно лишилось права на обязательный трудъ 10.696 тыс. душъ крестьянъ. Оцѣнка этой потери можетъ быть сдѣлана только приблизительно. Государственный заемный банкъ выдавалъ ссуды по расчету 40 р. на душу. Примѣняя нынѣшнюю практику выдачи нормальныхъ ссудъ въ размѣрѣ 60 проц. оцѣнки, получимъ капитальную оцѣнку для упраздненнаго права на трудъ въ 713 мил. руб. Такимъ образомъ, дворянство лишилось имущественной цѣнности на 1.617 мил. руб. Съ другой стороны, дворянство получило выкупного вознагражденія на номинальную сумму въ 867$^1/_2$ мил. руб. Но вознагражденіе это выдавалось не денежными знаками, а проц. бумагами, реализація которыхъ происходила съ значительными убытками. Въ первое десятилѣтіе было выдано на руки помѣщикамъ, за удержаніемъ на покрытіе прежнихъ долговъ, 326 мил. р.; потеря же на курсѣ составляла около $^3/_4$, т. е. свыше 100 мил. р.; потери слѣдующаго десятилѣтія составили около 25 мил. руб. Съ причисленіемъ къ этому 20 проц. скидки при обязательномъ выкупѣ можно заключить, что общая потеря въ зависимости отъ способа расчета по выкупу составила 150—170 мил. руб. Слѣдовательно размѣръ выкупного вознагражденія былъ сокращенъ приблизительно до 700 мил. руб., а чистая потеря дворянъ-землевладѣльцевъ выразилась въ суммѣ около 900 мил. руб.», (ст. г. А. Полѣнова въ *Спб. Вѣд.*, май 1897 г.).

По мнѣнію автора этого расчета, «самая элементарная справедливость требовала, чтобы вознагражденіе за экспропріацію было выдано тѣмъ денежнымъ знакомъ, который въ то время имѣлъ законное хожденіе въ странѣ, т. е. полнымъ рублемъ, отнеся, какъ это всегда дѣлается, убытки соотвѣтственной кредитной операціи на средства всего государства. Между тѣмъ вся тягость тогдашнихъ кредитныхъ условій была возложена на дворянство, и безъ того потрясенное въ своемъ имущественномъ положеніи. Такое отношеніе государства къ принятому на себя обязательству если не оправдывалось, то объяснялось затруднительнымъ въ то время финансовымъ положеніемъ.

Но совершенно необъяснимой представляется другая мѣра, изъ той же области расчета за экспропріацію, именно скидка 20 проц. въ случаѣ требованія помѣщикомъ обязательнаго выкупа. Невыясненныя отношенія, какими по необходимости были временно обязательныя, невозможность какихъ-либо правильныхъ расчетовъ — все это тормозило и разстраивало сельскохозяйственные расчеты, совершаемые на продолжительные періоды. Поэтому 20 проц. скидка составляла какъ бы поборъ, притомъ совершенно произвольнаго размѣра, за выполненіе государствомъ одной изъ существенныхъ его функцій — за установленіе правильныхъ и прочныхъ имущественныхъ отношеній въ странѣ. И помѣщики по необходимости должны были идти на эту скидку, такъ какъ изъ двухъ золъ она составляла меньше. Вотъ тотъ «дебетъ», который лежитъ на государствѣ по отношенію къ коренному нашему частному землевладѣнію — дворянскому. О какомъ-нибудь вознагражденіи за утраченное право на крѣпостной трудъ не можетъ быть и рѣчи. Эта жертва составляетъ гордость дворянства, именно какъ жертва».

Но не всѣ были такъ великодушны, какъ г. Полѣновъ. Вотъ письмо одного «скромнаго обывателя деревни» къ кн. Мещерскому, помѣщенное въ «Дневникѣ» его отъ 21 августа 1897 г. Соглашаясь вполнѣ съ издателемъ *Гражданина,* который отказывается даже счесть, «сколько онъ, этотъ русскій помѣщикъ—потерпѣлъ ненужныхъ для государства убытковъ отъ несправедливостей, которыми сотрудники Александра II сопровождали крестьянскую реформу», корреспондентъ пишетъ:

«Я, скромный обыватель деревни и вовсе не финансистъ, изъ своего далека, нахожу, что удовлетворить и хотя отчасти исправить эту несправедливость возможно было бы ни для кого не обиднымъ способомъ, а именно: немедленно же выпустить въ обращеніе безпроцентныхъ кредитныхъ бумажекъ на сумму сто милліоновъ рублей, и этимъ выпускомъ при посредствѣ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, обязанныхъ тщательно и точно провѣрить количество частныхъ, помимо залога дворянскому банку, долговъ дворянъ-землевладѣльцевъ, долги тѣ полностью погасить, погашенную сумму долга каждаго дворянина-землевладѣльца записать за нимъ отдѣльнымъ долгомъ государственному банку; на имѣнія дворянъ-землевладѣльцевъ, получившихъ такимъ образомъ дополнительную ссуду, наложить запрещенія, а кромѣ того долгъ тотъ обезпечить векселями, выданными тѣми же дворянами землевладѣльцами на имя государственнаго банка, за какой долгъ взимать въ пользу банка: на управленіе дѣлами банка — проц., въ погашеніе долга — проц. и росту

3 проц. годовыхъ; векселей по суммѣ долга взять не одинъ на всю сумму, а нѣсколько на разные сроки отъ трехъ мѣсяцевъ и до одного года суммою не болѣе (500) пятисотъ рублей каждый; при наступленіи же срока платежа по векселю погашенія всей суммы по векселю не требовать, а допустить перемѣну векселя съ обязательной уплатой погашенія части капитальной суммы долга по векселю не менѣе $^{3}/_{4}$ проц. при каждой перемѣнѣ векселя, какъ бы краткосроченъ ни былъ вексель, если срокъ его при этомъ не превышаетъ годичнаго; а погашеніе всего долга, а равно и выпущенныхъ бумажекъ разсрочить на тотъ срокъ, какой по расчету выше упоминаемыхъ платежей причтется и, во всякомъ случаѣ, не менѣе какъ на 35 лѣтъ, т.-е то время, сколько съ реформы 1861 года страдаетъ дворянство отъ несправедливостей, допущенныхъ той реформой. Но кромѣ этого слѣдуетъ признать имѣнія потомственныхъ дворянъ, заложенныя въ дворянскомъ банкѣ, ни въ какомъ случаѣ не отчуждаемыми и не подлежащими ни публикаціи, ни продажѣ, а при неаккуратности платежа брать въ опеку или администрацію. Такое мое предложеніе, полагаю, никого не стѣснитъ, а сразу подниметъ то сословіе, возстановленія правъ и дѣятельности котораго желаетъ мудрый и молодой Монархъ. Конечно, я, какъ не финансистъ, быть можетъ, и не совсѣмъ точно и согласно съ наукой о финансовомъ правѣ изложилъ свои мысли, быть можетъ мнѣ найдутся оппоненты и люди, которые придумаютъ лучшій для этого выходъ, но умъ хорошо, а два лучше, говоритъ пословица, а я рѣшилъ изложить вамъ, князь, свои мысли такъ, какъ понимаю вещи своимъ незатѣйливымъ умомъ и по моему крайнему разумѣнію».

Такой же проектъ, даже въ еще болѣе упрощенной и общедоступной формѣ, внесъ саранскій уѣздный предводитель дворянства г. Юрловъ въ комиссію, избранную пензенскимъ дворянскимъ собраніемъ для разсмотрѣнія дворянскаго вопроса.

«Г. Юрловъ, по словамъ «Нижегородскаго Листка»,—считаетъ даже излишнимъ доказывать, что земля все больше и больше уходитъ изъ дворянскихъ рукъ. Этотъ фактъ,—по мнѣнію г. Юрлова,—зависитъ отъ того, что дворянскія имѣнія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не заложены почти въ полной своей стоимости, при чемъ, конечно, доходъ съ земли, приблизительно, цѣликомъ поглащается платежами въ банкъ и обязательными повинностями. Задолженность дворянства,—говоритъ, г. Юрловъ,—является слѣдствіемъ того, что это сословіе вынесло на своихъ плечахъ крестьянскую реформу 1861 г. За освобожденныхъ крѣпостныхъ помѣщики ничего не получили, безвозмездно были отданы крестьянамъ ихъ избы, скотъ и сельско-

хозяйственный инвентарь, а въ надѣлъ за полцѣны отошли лучшія удобренныя пашни. Изъ этого положенія г. Юрловъ дѣлаетъ выводъ, что въ настоящее трудное для дворянъ время было бы вполнѣ справедливо вознаградить ихъ за понесенныя жертвы, за освобожденныхъ крѣпостныхъ, за крестьянскій скотъ, за крестьянскія избы и за дешево отошедшіе надѣлы. Г. Юрловъ находитъ, что было бы справедливо простить дворянамъ всѣ долги государственному земельному банку, а тѣмъ дворянамъ, имѣнія которыхъ уже взяты банкомъ за неплатежъ процентовъ, позволить получить эти земли обратно даромъ. Дворянскія имѣнія, заложенныя въ частныхъ банкахъ,—по мнѣнію г. Юрлова,—слѣдуетъ выкупить за счетъ государства безъ начисленія долга на владѣльцевъ».

Проекты г. Юрлова и «скромнаго обывателя деревни» отличаются наибольшей откровенностью: простить всѣ долги помѣщиковъ дворянскому земельному банку, выкупить на государственный счетъ всѣ дворянскія имѣнія, заложенныя въ частныхъ банкахъ, раздать сто милліоновъ! Но и другіе «свѣдущіе люди» не далеко ушли отъ этихъ господъ «съ незатѣйливымъ умомъ», какъ одинъ изъ нихъ самъ себя аттестовалъ. Всѣ они исходятъ изъ одного положенія, что полвѣка назадъ совершена вопіющая несправедливость по отношенію къ помѣщикамъ, и на этомъ именно основаніи настаиваютъ на щедрой помощи, кто—въ видѣ немудрой раздачи, кто—въ болѣе хитрой формѣ, напримѣръ, на образованіе оборотныхъ капиталовъ для товарищества сельскихъ хозяевъ. Слѣдуетъ поэтому поближе разсмотрѣть, чѣмъ оправдываются такія смѣлыя домогательства.

«Несправедливость», о которой говорятъ «свѣдущіе» люди,—плодъ чистѣйшей фантазіи. Эта легенда, сложившаяся на нашихъ глазахъ и принявшая форму счета, по которому русскому народу и государству предлагаютъ уплатить не то 200, не то 900 милл. рублей, не выдерживаетъ прикосновенія критики. Колоссальные итоги убытковъ, понесенныхъ дворянствомъ вслѣдствіе недостаточнаго будто бы вознагражденія за экспропріированную у него собственность, обязаны своимъ происхожденіемъ грубой ошибкѣ въ счетѣ. Стоимость отчужденнаго дворянскаго имущества выведена «свѣдущими людьми» чуть ли не въ удвоенной цифрѣ, а то, что получено за это имущество, нѣсколько преуменьшено. Но вторая ошибка не такъ важна, какъ первая. Въ самомъ дѣлѣ, стоимость земли, отошедшей къ крестьянамъ въ надѣлъ, высчитана г. Полѣновымъ по цѣнамъ, стоявшимъ послѣ реформы, въ шестидесятыхъ годахъ, а затѣмъ отдѣльно опредѣлена и «капитальная оцѣнка» упраздненнаго права на обязательный трудъ, при чемъ въ основаніе расчета взята сорокарублевая ссуда на душу,

выдававшаяся государственнымъ заемнымъ банкомъ. Итогъ получился внушительный, но удивляться тому, что онъ значительно превышаетъ сумму, выданную помѣщикамъ по выкупной операціи,—нечего. Дѣло въ томъ, что авторъ разсматриваемаго вычисленія совершенно упустилъ изъ виду одно важное обстоятельство: государственный заемный банкъ выдавалъ ссуды въ расчетѣ на душу подъ населенныя имѣнія, а оцѣнка души заключала въ себѣ оцѣнку и земли, вслѣдствіе чего въ разныхъ районахъ и при различныхъ соотношеніяхъ между числомъ крѣпостныхъ и размѣрами имѣнія ссуды выдавались неодинаковыя (см. напр. *Врем.* Ц. С. Ком. № 2. 1888 года стр. II). Такой способъ оцѣнки закладываемыхъ имѣній былъ принятъ государственнымъ заемнымъ банкомъ по той причинѣ, что до отмѣны крѣпостного права земля стоила недорого, цѣнился же прикрѣпленный къ ней обязательный трудъ. Въ подтвержденіе этихъ словъ сошлемся на изслѣдователя, который не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастно-недоброжелательномъ отношеніи къ помѣстному дворянству. Характеризуя дореформенное помѣщичье хозяйство, А. С. Ермоловъ пишетъ: «Вся задача сельскаго хозяина, все его искусство сводились въ то время къ тому, чтобъ умѣть наилучшимъ образомъ использовать эти обильныя и притомъ почти даровыя богатства. Ни земля, ни лѣсъ сами по себѣ не цѣнились, или цѣнились очень мало,—все свое значеніе, свою цѣну они получали лишь постольку, поскольку къ нимъ могъ быть примѣненъ даровой трудъ крѣпостного работника. Вотъ отчего и богатство нашихъ помѣщиковъ измѣрялось въ прежнее время не пространствомъ земель, не площадью лѣсовъ, а числомъ *душъ*. («Современные сельскохозяйственные вопросы» М. 1891. стр. 4). Эта истина, впрочемъ, до настоящаго времени, кажется, никѣмъ не опровергалась, но авторомъ разсматриваемаго статистическаго упражненія она, повидимому, хорошо забыта. Если исправить одну эту крупнѣйшую ошибку, отъ «дебета», лежащаго будто бы на государствѣ по отношенію къ дворянству, не останется ничего.

Составитель счета отъ имени дворянства правъ лишь въ одномъ отношеніи: дѣйствительно, ни о какомъ вознагражденіи за утраченное право на крѣпостной трудъ не можетъ быть рѣчи. Но не потому, что «эта жертва составляетъ гордость дворянства, именно какъ жертва», и не потому даже, что однимъ изъ главныхъ основаній крестьянской реформы была отмѣна крѣпостного права безъ вознагражденія за личность освобождаемыхъ крестьянъ, а потому, что *фактически* и она подлежала выкупу. «Редакціонныя комиссіи (составлявшія положенія 19 февраля) не искали безусловнаго соразмѣренія повинностей съ

цѣнностью земли... потому что строгое соразмѣреніе вообще невысокихъ цѣнъ на землю съ дорогими цѣнами на трудъ имѣло бы послѣдствіемъ разореніе значительной части дворянскаго сословія, ибо во всей нечерноземной, промышленной и оброчной половинѣ Россіи средніе крестьянскіе оброки иногда далеко превосходятъ процентъ съ капитальной стоимости крестьянскихъ надѣловъ» (Скребицкій, «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II». Томъ III, стр. 96). Эти-то повинности и были сохранены для временно-обязанныхъ крестьянъ, они же положены за основаніе при переходѣ крестьянъ на выкупъ. Въ какой мѣрѣ такія условія были выгодны для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній, можно видѣть изъ слѣдующаго замѣчанія члена-эксперта редакціонныхъ комиссій Н. П. Шишкова: «При высшемъ надѣлѣ крестьянъ землею,—писалъ онъ,— во многихъ нечерноземныхъ мѣстностяхъ, въ большей части имѣній, при надѣленіи крестьянамъ положеннаго количества земли, оное у крестьянъ противъ прежняго уменьшится, а повинность останется почти та же самая... При этомъ помѣщикамъ, которые будутъ получать такой оброкъ, останется еще часть земли, сверхъ высшаго надѣла, въ полное ихъ распоряженіе; почему въ такихъ имѣніяхъ крестьяне не будутъ имѣть въ своемъ матеріальномъ быту никакого улучшенія. Помѣщикъ ничего не потеряетъ, ничѣмъ не рискуетъ, ибо повинность безсрочна; но имѣя въ своемъ распоряженіи еще оставшуюся за надѣломъ землю, можетъ быть въ выгодѣ, особенно при выкупѣ правительствомъ крестьянскаго надѣла». Какъ извѣстно, дѣйствительность оправдала это предсказаніе не только по отношенію къ нечерноземной полосѣ, о которой говоритъ Шишковъ, но и относительно черноземной. Правда, въ томъ же отзывѣ Шишкова вызвано опасеніе, что интерессъ черноземнаго владѣльца не огражденъ. Но это опасеніе было напраснымъ, хотя бы потому, что редакціонная комиссія, уступая настояніямъ помѣщиковъ, во второмъ періодѣ своихъ работъ рѣшилась «возвысить предположенную прежде цифру денежной повинности собственно для черноземныхъ мѣстностей» (Скреб., т. 3, стр. 749). Нисколько не удивительно поэтому, что чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ выхода крестьянъ на волю было сдѣлано открытіе, въ свое время вызвавшее не мало нареканій, но затѣмъ послужившее поводомъ къ такому важному мѣропріятію, какъ пониженіе выкупныхъ платежей. Оказалось именно, что повсемѣстно въ Европейской Россіи, «отъ сѣвера Вятской губерніи и степей оренбургскихъ и самарскихъ до Подоліи, Волыни и Литвы, отъ болотъ Новгородскаго Полѣсья до степей Новороссіи» платежи и повинности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ за землю «не находятся вовсе въ соотвѣтствіи, не говоримъ

уже съ доходами, отъ надѣловъ получаемыми, но и со всей совокупностью условій, обезпечивающихъ бытъ крестьянъ» (Янсонъ, «Опытъ статистич. изслѣдованія и т. д.», стр. 119—124). Редакціонныя комиссіи ошибались, стало-быть, когда утвержали, что установленный ими «размѣръ повинности соображенъ съ средствами земледѣльцевъ»; но они были близки къ истинѣ, говоря, что эта повинность «во многихъ случаяхъ представляетъ собою не одну поземельную ренту, а отчасти падаетъ и на личность крестьянъ». Время показало, что ради истины нужно отказаться и отъ смягчающаго «отчасти». Въ восьмидесятыхъ годахъ было сдѣлано интересное сопоставленіе данныхъ о средней цѣнности земли по губерніямъ, по оцѣнкѣ частныхъ банковъ ипотечнаго кредита и по оцѣнкѣ выкупной операціи. И вотъ обнаружилось, что въ 24 губерніяхъ изъ 49, чрезъ двадцать лѣтъ послѣ реформы, несмотря на сильное увеличеніе цѣнъ на землю *), выкупная ссуда была выше банковой оцѣнки (Ходскій, «Земля и земледѣлецъ», т. II, стр. 49—50).

Надо обратить вниманіе еще и на то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ съ банковой оцѣнкой сравнивалась не выкупная стоимость надѣла, а именно выкупная ссуда. Иначе говоря, помѣщикъ и въ случаѣ обязательнаго выкупа по его требованію, со скидкою съ выкупной стоимости 20%, получалъ больше, чѣмъ стоила отходившая отъ него земля. Такимъ образомъ, говорить о «поборѣ... за установленіе правильныхъ и прочныхъ имущественныхъ отношеній къ землѣ» по меньшей мѣрѣ неосновательно. Помѣщики выигрывали при выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ не только вслѣдствіе упорядоченія поземельныхъ отношеній, но и потому, что совершали выгодную сдѣлку, продавая землю дороже ея дѣйствительной стоимости.

За указанными поправками счетъ, составленный «свѣдующими людьми, долженъ претерпѣть столь серьезныя измѣненія, что, пожалуй, благоразумнѣе было бы его не предъявлять. Но нужно остановиться еще на одномъ обвиненіи, возводимомъ на правительство временъ освобожденія крестьянъ. Почему вознагражденіе не было выдано наличными деньгами? Исчерпывающій отвѣтъ на это былъ данъ еще финансовой комиссіей, составлявшей проектъ выкупной операціи, при самомъ приступѣ къ ея работамъ. «Такая мѣра, — по совершенно основательному мнѣнію комиссіи,—необходимо обусловливается увеличеніемъ денежныхъ знаковъ, но подобное явленіе, вызванное не уси-

---

*) По даннымъ оффиціальной статистики, съ шестидесятыхъ годовъ къ 1883 году цѣна на земли въ среднемъ для 43 губ. Евр. Россіи поднялась на 143% (Сельское и лѣсное хозяйство Россіи. Изд. департамента землед. 1893, стр. 325).

леніемъ производительности, а одними лишь требованіями выкупной операціи, уронило бы цѣнность самыхъ денежныхъ знаковъ; а потому независимо отъ общаго кризиса, такой способъ вознагражденія помѣщиковъ обратился бы во вредъ имъ самимъ». (Скреб. т. IV, стр. 304). Словомъ, всѣ эти жалобы на несправедливость, допущенную будто бы безъ малаго полвѣка назадъ, построены на пескѣ. Условія, на которыхъ производилась «экспропрація», были выгодны для помѣщиковъ. Но важнѣе всего то, что «при выкупѣ фактически выкупалась не только земля, но и крѣпостное право. Это,—говоритъ проф. Ходскій,—одна изъ темныхъ сторонъ Положенія 19 февраля, которое явилось результатомъ уступокъ крѣпостному духу, уступокъ въ пользу противниковъ реформы». Профессоръ старается тутъ же смягчить впечатлѣніе, но не находитъ ничего другого, кромѣ «практическаго оправданія». «Кто знаетъ,—замѣчаетъ онъ,—не затормозилось ли бы дѣло освобожденія съ землею, если бы за нее не была предложена слишкомъ высокая цѣна!» (назван. сочиненіе, т. II, стр. 36). Конечно, все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ; но не будемъ говорить о томъ, что было бы, еслибы было. То же что было и есть на самомъ дѣлѣ, ни въ какой мѣрѣ не оправдываетъ требовательности гг. Полѣновыхъ, Мещерскихъ, Юрловыхъ и другихъ «скромныхъ обывателей деревни». «Дебетъ», если таковой и существуетъ, лежитъ не на государствѣ.

Но отъ такихъ домогательствъ не скоро отказываются. Позднѣе они были снова предъявлены, но уже въ иной формѣ и послужили ближайшимъ поводомъ къ учрежденію комиссіи сенатора Коковцева, которая не безъ причины начала свои занятія съ изслѣдованія съ собиранія и разработки статистическихъ матеріаловъ. Казалось бы, что вопросъ, которому посвящены труды этой комиссіи, не нуждается въ новыхъ обслѣдованіяхъ: въ теченіе тридцати лѣтъ мы усердно занимались изученіемъ «экономическаго положенія сельскаго населенія» свидѣтельствомъ чего служатъ груды объемистыхъ изданій, правительственныхъ, земскихъ и частныхъ, между которыми насчитывается немало важныхъ и цѣнныхъ. Поэтому естественно возникъ вопросъ, не должна ли комиссія прямо приступить къ практической работѣ, къ «формулированію выясненныхъ мѣропріятій», такъ и совѣтовали ей нѣкоторыя изъ столичныхъ газетъ, предостерегая отъ увлеченія «кабинетными» работами и рекомендуя побольше «рѣшимости перейти отъ пожеланій къ дѣлу».

Однако мысль начать съ широкаго обслѣдованія, ради «провѣрки ранѣе сдѣланныхъ выводовъ», подсказывалась обстоятельствами, при которыхъ возникла эта комиссія. Ей предшествовало другое совѣща-

ніе, при министерствѣ финансовъ, образованное изъ землевладѣльцевъ. Съ результатами своихъ трудовъ оно ознакомило публику въ брошюрѣ того же г. Полѣнова «Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній». Въ этой брошюрѣ высказывается рядъ заключеній, и имъ приписывается значеніе результатовъ объективнаго анализа обширныхъ экономическихъ матеріаловъ, накопившихся за много лѣтъ; но прежде чѣмъ приступить на основаніи этихъ заключеній къ «практической работѣ», нужно было еще убѣдиться, насколько справедливы заключенія совѣщанія и насколько основательна произведенная имъ работа. И если, вслѣдъ за появленіемъ труда землевладѣльческаго совѣщанія, министерство финансовъ рѣшилось предпринять новое и болѣе обширное обслѣдованіе того же предмета, то это, разумѣется, значитъ, что оно не признало доводы совѣщанія достаточно убѣдительными, а заключенія, изложенныя въ брошюрѣ г. Полѣнова, — стоящими внѣ сомнѣній. Насколько правильно такое рѣшеніе,—не трудно убѣдиться, обратясь къ самому «изслѣдованію».

Нельзя сказать, что картина, нарисованная совѣщаніемъ, была совершенно лишена сходства съ дѣйствительностью, но она отражаетъ ее неполно и во многомъ невѣрно. Во-первыхъ, основная тема изслѣдованія — оскудѣніе — втиснута въ слишкомъ узкія территоріальныя рамки. Затѣмъ, авторы этого труда значительно погрѣшаютъ въ отношеніи исторической перспективы, что̀ приводитъ ихъ къ неправильному рѣшенію вопроса о причинахъ изслѣдуемаго явленія. Наконецъ, они часто окрашиваютъ въ одинъ цвѣтъ совершенно разнородные предметы только потому, что они стоятъ на картинѣ рядомъ.

Землевладѣльческое совѣщаніе, говоря объ оскудѣніи «центра», т.-е. девяти центральныхъ черноземныхъ губерній, стремится не только доказать, что «центръ» оскудѣлъ, но и установить, что оскудѣніе его представляется явленіемъ исключительнымъ на общемъ фонѣ если не процвѣтанія, то благополучія остальныхъ мѣстностей имперіи. Между тѣмъ на дѣлѣ,—если имѣть въ виду оскудѣніе массы сельскаго населенія, т.-е. крестьянъ,—участь центрально-черноземныхъ губерній раздѣляютъ многія другія. Это впрочемъ такъ очевидно, что и сами авторы изслѣдованія считаютъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки, по крайней мѣрѣ въ текстѣ своего труда, если не въ своихъ заключеніяхъ, а ихъ сторонники въ печати идутъ еще дальше, признавая, что оскудѣніе наблюдается и въ восточныхъ губерніяхъ, и въ Малороссіи. Восточнымъ губерніямъ даже дается первенство въ этомъ отношеніи по сравненію съ центромъ (см. наприм. ст. г. В. Гурко въ *Нов. Вр.* отъ 23 ноября 1901 г.). Любопытно, что это заключеніе строится на тѣхъ же цифрахъ, которыми пользуется совѣщаніе, и въ

особенности на данныхъ о недоимкахъ по выкупнымъ платежамъ. Но тѣ же признаки не трудно подмѣтить и въ другихъ мѣстностяхъ. Для примѣра укажемъ хотя бы на Псковскую губернію, которая въ отчетахъ государственнаго контроля въ теченіе ряда лѣтъ неизмѣнно показывается въ числѣ губерній, наиболѣе задолженныхъ по выкупнымъ недоимкамъ и находящихся «въ особо тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ». Не послѣднее мѣсто среди губерній съ крупными недоимками занимаетъ и Московская, за крестьянами которой къ концу 1898 года числилась недоимка въ 216% оклада, т.-е. близкая къ той цифрѣ, которую авторы изслѣдованія вывели для всей центрально-черноземной полосы (232%), и даже превышающая недоимочность въ рядѣ губерній этой полосы (наприм., въ Рязанской, Тамбовской, Курской).

Словомъ, оскудѣніе массы сельскаго земледѣльческаго населенія нельзя пріурочить къ одной центрально-черноземной полосѣ. Это явленіе наблюдается и за предѣлами «центра»,—въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ такъ же, какъ и на черноземѣ. Въ этомъ отношеніи «центръ» и «окраины» не могутъ быть противополагаемы. Недавно появилась книга, свидѣтельствующая объ «экономическомъ и общественномъ упадкѣ» сельской массы Привислинскаго края *). Крестьяне Царства Польскаго «почти не знаютъ тѣхъ періодическихъ голодовокъ», которыя такъ хорошо извѣстны крестьянамъ Европейской Россіи; но «за то,—говоритъ проф. Симоненко,—вслѣдствіе малоземелья и большихъ размѣровъ безземелья, сельское рабочее населеніе Привислинскаго края *постоянно не доѣдаетъ*, питаясь гораздо хуже таковаго же населенія большинства губерній Россіи». Такимъ образомъ оказывается, что условія существованія массы сельскаго населенія и въ Царствѣ Польскомъ не могутъ быть признаны благопріятными. Не помогаетъ, очевидно, этимъ окраиннымъ земледѣльцамъ столь соблазнительное для г. Полѣнова и его товарищей «сосредоточеніе значительнѣйшей части государственныхъ расходовъ преимущественно на окраинахъ», какъ «благодѣтельное вліяніе роста крупной промышленности» не избавляетъ крестьянъ Московской и Псковской губерній отъ неоплатныхъ долговъ по выкупной операціи. Все это показываетъ, что совѣщаніе впало въ крупную ошибку, признавъ крестьянское разореніе за доказательство экономическаго упадка «центра». Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ другого порядка,—съ явленіемъ дѣйствительно капитальной важности, но вопросъ объ «условіяхъ финансово-экономическаго взаимодѣйствія коренныхъ и окраинныхъ областей имперіи» тутъ, разумѣется, ни при чемъ.

*) Труды Варшавскаго статистическаго комитета, т. XVII.

Въ заключеніяхъ землевладѣльческаго совѣщанія справедливо указанъ тотъ фактъ, что благосостояніе обширной области средней Россіи, именуемой центрально-черноземной полосой, понижается и на глазахъ нынѣшняго поколѣнія значительно измѣнилось къ худшему; но авторы изслѣдованія впадаютъ въ новую ошибку, относя начало этого процесса къ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. На ихъ взглядъ, въ семидесятыхъ годахъ и даже въ началѣ восьмидесятыхъ «центръ» находился въ цвѣтущемъ состояніи, и злоключенія его начались лишь со времени, и едва ли не главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ. Можно понять, почему совѣщаніе, состоявшее изъ землевладѣльцевъ черноземныхъ губерній, рѣшаетъ вопросъ именно такъ, но нельзя не замѣтить, что это заключеніе погрѣшаетъ противъ истины.

Разореніе крестьянъ центральныхъ черноземныхъ губерній началось задолго до восьмидесятыхъ годовъ, и въ ту пору, когда, по сказанію гг. членовъ совѣщанія, «центръ» процвѣталъ, крестьянское населеніе его стояло уже на покатой плоскости къ своему настоящему положенію. Тогда же было обнаружено съ полною очевидностью, что тѣ, кто связывалъ со словомъ «черноземъ» понятіе «сытаго народа, полныхъ хлѣба закромовъ», жестоко ошибались. Въ эпоху «процвѣтанія центра» этого не могло быть по одному тому, что, какъ вычислилъ покойный Янсонъ, въ 62% изъ 132-хъ уѣздовъ черноземной трехпольной полосы послѣ 1861 года крестьяне не могли получить «со своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба»; въ остальныхъ 38% уѣздовъ той же полосы въ такомъ же положеніи находилась значительная часть сельскаго населенія. «Если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обезпеченности, — прибавлялъ Янсонъ,—то едва ли не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ черноземной трехпольной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при крѣпостномъ правѣ».

Однимъ изъ признаковъ нынѣшняго оскудѣнія совѣщаніе справедливо считаетъ убыль въ рабочемъ скотѣ, ростъ безлошадныхъ, уменьшеніе числа лошадей и у лошадныхъ дворовъ. Этотъ процессъ убыли въ крестьянскомъ хозяйствѣ живого инвентаря наблюдается, и по даннымъ совѣщанія, не въ одной центральной черноземной полосѣ, и не въ ней одной сдѣлалъ онъ наибольшие успѣхи. Но, — главное, — начало этого явленія нельзя отнести ко времени, слѣдующему за паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Еще валуевская комиссія въ 1872 — 73 гг. могла констатировать фактъ повсемѣстнаго сокращенія крестьянскаго рабочаго скота въ черноземныхъ губерніяхъ, и главной причиной этого явленія именно въ «центрѣ» была отрѣзка земель при надѣленіи, отсутствіе въ составѣ отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ пастбищъ и

луговъ. Уже въ то золотое, по мнѣнію совѣщанія, время этимъ крестьянамъ приходилось изыскивать способы къ пополненію своего скуднаго бюджета доходами на сторонѣ. Подсобныхъ неземледѣльческихъ промысловъ у крестьянъ въ центрально-черноземномъ районѣ и тогда не было, какъ нѣтъ ихъ и теперь. Осталось одно — искать земледѣльческихъ заработковъ, т.-е. идти на работу въ частно-владѣльческія имѣнія на мѣстѣ и за предѣлами центра, преимущественно въ южныхъ губерніяхъ,—и заняться съемкой владѣльческой же земли въ аренду. Какую роль сыграли и продолжаютъ играть въ экономической жизни крестьянъ центра аренда и отходъ,—кажется, должно бы быть небезызвѣстно авторамъ трактата объ оскудѣніи центра. Къ сожалѣнію, въ ихъ трудѣ удѣлено всего меньше вниманія этимъ, быть-можетъ, самымъ характернымъ для «центра» явленіямъ, этимъ наиболѣе важнымъ звеньямъ въ той цѣпи причинъ, которыя привели крестьянство этой полосы къ экономическому упадку.

IV.

Оскудѣніе деревни и нужды крестьянскаго хозяйства.

Но то, о чемъ промолчали авторы землевладѣльческой записки, почти тотчасъ же послѣ появленія ея было отмѣчено другими. Въ началѣ 1902 года было учреждено особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Раньше, чѣмъ оно произвело опросъ мѣстныхъ людей о нуждахъ деревни, въ его распоряженіе стали поступать записки, составленныя разными лицами и учрежденіями по собственному почину. Они были опубликованы въ «Вѣстникѣ Финансовъ» въ качествѣ «Матеріаловъ» особаго совѣщанія. Ничего существенно новаго ни въ фактическомъ содержаніи этихъ записокъ, ни въ сужденіяхъ ихъ авторовъ мы не найдемъ: эти сообщенія, доклады и проекты служатъ отголоскомъ ходячихъ мнѣній (между прочимъ, и мнѣнія авторовъ землевладѣльческой записки) и далеко не исчерпываютъ имѣющійся въ литературѣ вопроса запасъ свѣдѣній о положеніи нашей земледѣльческой промышленности. Но тѣмъ не менѣе они не лишены интереса, такъ какъ изъ столкновенія разнообразныхъ мнѣній, высказанныхъ въ этихъ запискахъ, выясняются нѣкоторыя существенныя черты современнаго положенія деревни.

На какихъ же сторонахъ общаго важнаго вопроса о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности останавливается по преимуществу мысль составителей записокъ и проектовъ, поступившихъ въ

распоряженіе особаго совѣщанія? Прежде всего—на технической отсталости нашего сельскаго хозяйства, особенно крестьянскаго. Низкій уровень русскаго земледѣлія доказывается и сравненіемъ съ состояніемъ сельскаго хозяйства на Западѣ, и изученіемъ данныхъ, характеризующихъ наше хозяйство. Г. Ѳедоровъ въ своемъ докладѣ особому совѣщанію *) стремится доказать это положеніе главнымъ образомъ путемъ сопоставленія статистическихъ данныхъ о состояніи сельскаго хозяйства у насъ и въ культурныхъ государствахъ западной Европы и Америки.

«Несмотря на несомнѣнные признаки прогрессивнаго движенія въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, итоги сельскохозяйственной производительности Россіи неотразимо свидѣтельствуютъ,—говоритъ онъ,— что это движеніе распространяется лишь на извѣстный и сравнительно все-таки еще небольшой процентъ землевладѣльческаго хозяйства, что крестьянское хозяйство, въ особенности надѣльное, захватывается имъ пока еще весьма поверхностно и что въ общемъ цѣломъ, сравнительно въ особенности съ сельскимъ хозяйствомъ другихъ, болѣе передовыхъ странъ, наше сельское хозяйство стоитъ очень низко, немногимъ опередивъ уровень сельскаго хозяйства, напримѣръ, Германіи въ началѣ минувшаго вѣка. Объ этомъ говорятъ совершенно убѣдительно: рѣзко преобладающее трехпольное, мѣстами лѣсопольное и залежное хозяйство, огромный въ связи съ этимъ процентъ пара и залежей, почти что исключительная на большомъ пространствѣ Россіи зерновая культура съ преобладаніемъ ржаныхъ посѣвовъ даже на такихъ почвахъ, гдѣ этотъ хлѣбъ съ успѣхомъ могъ бы быть замѣненъ другими растеніями, чрезвычайно низкая урожайность, особенно на крестьянскихъ земляхъ, обширный до сихъ поръ районъ распространенія сохи, повсемѣстное почти сокращеніе скотоводства и т. п., объ этомъ говорятъ, наконецъ, учащающіеся полные на большихъ пространствахъ неурожаи, немыслимые при сколько-нибудь интенсивномъ хозяйствѣ».

Эти свои заключенія г. Ѳедоровъ иллюстрируетъ въ докладѣ цифровыми данными.

Такъ, по его вычисленіямъ, изъ общей площади посѣвовъ подъ зерновые хлѣба, считая здѣсь и отдыхающую землю, въ Россіи отводится слишкомъ 90% (и въ томъ числѣ до 40%—подъ рожь), тогда какъ въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ лишь 70% съ неболь-

*) „Неблагопріятныя послѣдствія господствующихъ въ Россіи системъ полеводства съ преобладаніемъ ржаныхъ посѣвовъ и мѣры къ постепенному переходу къ болѣе правильному строю полевого хозяйства“.

шимъ, во Франціи—85,5%, въ Венгріи—59,7%, въ Бельгіи—47,7%, въ Англіи—58,6%, въ Ирландіи—35%,—вездѣ меньше, чѣмъ у насъ. Подъ паромъ и залежами въ Европейской Россіи оказывается 36% пахотной земли, а въ Германіи, наприм., 10,5%, въ Бельгіи и Англіи—5%, въ Ирландіи—0,3%. Наконецъ, изъ общей площади, отводимой подъ рожь во всемъ мірѣ, на долю Россіи приходится 65%, а изъ мірового урожая ржи—болѣе половины.

Авторы другихъ записокъ (напр., составитель извлеченія изъ изслѣдованія Р. Э Ленца—«Результаты сельскаго хозяйства въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка») выясняютъ отсталость нашего земледѣлія путемъ изученія данныхъ отечественной сельскохозяйственной статистики. Въ названной запискѣ вычислено, что въ теченіе 1887—1899 гг. число засѣянныхъ десятинъ въ Европейской Россіи увеличилось на 3,9%, при чемъ приростъ былъ значительно больше и равномѣрнѣе, изъ года въ годъ, въ нечерноземной полосѣ, тогда какъ по черноземнымъ губерніямъ замѣчаются рѣзкія и продолжительныя колебанія въ размѣрахъ посѣвныхъ площадей. Но это количественное развитіе сельскохозяйственной дѣятельности не сопровождалось серьезными успѣхами въ смыслѣ интенсификаціи хозяйства. Напротивъ,—читаемъ мы въ докладѣ,—судя по размѣру посѣва на десятину, который за весь періодъ не измѣнился, надо заключить, что интенсивность обработки полей осталась прежнею. Съ другой стороны, приростъ въ размѣрахъ посѣвныхъ площадей представляется незначительнымъ по сравненію съ приростомъ внѣгородского населенія. Если принять во вниманіе это обстоятельство, то окажется, что за послѣднее десятилѣтіе и количество пахотныхъ полей на человѣка понизилось. Въ общемъ, слѣдовательно, населеніе обѣднѣло пахотною землею, по расчетамъ, приведеннымъ въ запискѣ, на 9,7% въ нечерноземной полосѣ и на 14,9% въ черноземной. Такимъ образомъ въ 1899 году на каждую тысячу десятинъ для той же работы было лишнихъ 176 человѣкъ.

«Въ общемъ эти лишніе люди,—говорится въ запискѣ,—оказавшіеся на той же землѣ въ 60-ти губерніяхъ, составили 12 милліоновъ человѣкъ. Трудъ ихъ не могъ быть поглощенъ фабриками и заводами, такъ какъ подсчитывается внѣгородское населеніе, а послѣдніе преимущественно группируются вокругъ городовъ. Несомнѣнно, что быстро развивающаяся промышленность вызвала многіе заводы и фабрики внѣ городовъ, въ особенности по добыванію угля и желѣза, винокуренію, но число рабочихъ, ушедшихъ въ эту промышленность, по свѣдѣніямъ департамента торговли и мануфактуръ, не превышаетъ и 200 тысячъ; прибавляя къ этому около 200—300 тысячъ крестьянъ,

ушедшихъ на фабрики, заводы, желѣзныя дороги и т. п., авторъ находитъ, что 11 милліоновъ все-таки остались безъ работы. Кустарные промыслы не могли потребовать такую массу людей, такъ какъ ихъ развитіе вовсе не такъ велико. По заключенію г. Ленца, эти 11 милліоновъ не имѣли другого заработка, кромѣ полевой работы, и въ такомъ случаѣ продуктивность труда каждаго за пониженіемъ посѣвной площади должна была уменьшиться».

Конечно, при этихъ условіяхъ должно было обнаружиться и общее пониженіе посѣвовъ и сборовъ на душу. И дѣйствительно, по вычисленію г. Ленца, въ среднемъ для всей Россіи сборы зерновыхъ хлѣбовъ на душу уменьшились къ концу періода на 2 пуда, или на 6,1%, а въ черноземной полосѣ даже на 4 пуда, или 8,9%. Недочетъ этотъ въ извѣстной мѣрѣ покрывается быстрымъ ростомъ посѣвовъ картофеля, увеличившихся въ черноземной полосѣ на 100%, въ нечерноземной—на 50%. Но, во-первыхъ, и съ прибавкой картофеля все-таки обнаруживается пониженіе сборовъ на душу, а во-вторыхъ, такъ какъ развитіе промышленности не вызвало такой усиленной культуры картофеля, приходится заключить, по мнѣнію г. Ленца, что картофель пошелъ именно на питаніе населенія, а это служитъ признакомъ его обѣднѣнія.

Положеніе осложняется вдобавокъ крайнею измѣнчивостью урожаевъ. Правда, по вычисленію г. Ленца, общій сборъ хлѣба даже въ 1891 году,—наихудшемъ за весь разсматриваемый періодъ, — былъ достаточенъ для пропитанія и обсѣмененія полей; средній же за весь періодъ остатокъ на душу населенія почти вдвое превышалъ принятую изслѣдователемъ норму потребленія. Но все это въ расчетѣ на всю Россію или по крайней мѣрѣ на каждую изъ двухъ обширныхъ полосъ (черноземную и нечерноземную) въ цѣломъ. По отдѣльнымъ же областямъ дѣло обстояло гораздо менѣе благополучно: изъ четырнадцати сельскохозяйственныхъ районовъ, на которые авторъ изслѣдованія дѣлитъ Европейскую Россію, шесть въ теченіе послѣдняго десятилѣтія девятнадцатаго столѣтія имѣли по одному разу голодуху, а именно: центрально-земледѣльческій (6 губерній), средневолжскій (5 губ.), нижневолжскій (3 губ.), московско-промышленный (6 губ.), приуральскій (3 губ.) и сѣверный (2 губ.). Въ теченіе тѣхъ же десяти лѣтъ не было ни одного года, въ которомъ гдѣ-либо въ отдѣльной губерніи не было рѣзкаго недочета въ продовольствіи. Только 34 губерніи ни разу не имѣли такого недочета, въ 9-ти онъ былъ по одному разу, въ 7-ми—по два раза, въ 3-хъ—по три раза и въ 2-хъ—по четыре раза.

Авторъ изслѣдованія, съ расчетами котораго мы здѣсь знакомимъ,

не ставитъ этихъ неурожаевъ въ зависимость исключительно отъ технической постановки хозяйства, но полагаетъ, что противъ неблагопріятныхъ условій природы можно вести борьбу съ большимъ успѣхомъ. Вообще же, по его мнѣнію, наше сельское хозяйство ведется хищнически, истощаетъ почву. Нашъ авторъ даже вычислилъ, что ежегодно средними урожаями въ Россіи извлекается изъ почвы азота 90 милл. пудовъ и фосфорной кислоты $37^1/_2$ милл. Въ переводѣ на деньги это значитъ, что, не возвращая почвѣ этихъ веществъ, Россія ежегодно проживаетъ капиталъ въ 725 милл. рублей.

Конечно, это вычисленіе не можетъ претендовать даже на приблизительную точность. Но и вообще заключенія г. Ленца построены на весьма ненадежныхъ статистическихъ данныхъ. Поэтому многое въ его трудѣ представляется спорнымъ или сомнительнымъ. Рядъ поправокъ къ положеніямъ этого доклада вноситъ В. И. Покровскій въ своей запискѣ по тому же предмету. Между прочимъ г. Покровскій указываетъ, что въ дѣйствительности площадь посѣвовъ за разсматриваемый періодъ увеличилась гораздо значительнѣе, нежели полагаетъ г. Ленцъ на основаніи официіальныхъ данныхъ, отличающихся большою неточностью, и, главное, вовсе не отстала отъ прироста населенія. Въ виду одного этого всѣ послѣдующія заключенія г. Ленца въ однихъ случаяхъ требуютъ оговорокъ и ограниченія, въ другихъ и вовсе не могутъ быть приняты. Но и В. И. Покровскій признаетъ, что «у насъ хозяйство за десять лѣтъ не стало болѣе интенсивнымъ и что его необходимо поднять, въ особенности въ виду подъема сельскаго хозяйства почти на 50% въ сосѣднихъ странахъ». Затѣмъ оба эти изслѣдователя, подобно многимъ другимъ авторамъ записокъ, вошедшихъ въ составъ матеріаловъ особаго совѣщанія, считаютъ наиболѣе важнымъ поднять уровень крестьянскаго земледѣлія. На эту мысль наводитъ прежде всего сравненіе между крестьянскимъ и владѣльческимъ хозяйствомъ. По вычисленіямъ г. Ленца, урожайность на владѣльческихъ земляхъ повсюду выше, чѣмъ на крестьянскихъ, и достигаетъ въ среднемъ для черноземной полосы 20%, для нечерноземной—28%. Г. Покровскій подтверждаетъ это заключеніе въ общемъ, но даетъ другія цифры (для черноземной полосы—25%, для нечерноземной—15%). Департаментъ окладныхъ сборовъ, отстаивая то же положеніе, дѣлаетъ приблизительный расчетъ, изъ котораго выходитъ, что «крестьяне собираютъ хлѣбъ ежегодно на 423 милл. пудовъ менѣе, чѣмъ могли бы собрать, если бы культура крестьянскихъ земель была доведена до культуры частновладѣльческихъ. Выведенная цифра недобора хлѣбовъ вслѣдствіе плохого состоянія крестьянскаго хозяйства почти равняется среднему ежегодному вывозу

хлѣбовъ за границу». Итакъ, мѣры, направленныя къ усовершенствованію крестьянскаго хозяйства, заслуживаютъ преимущественно вниманія уже по одному тому, что, находясь на низшей ступени, оно больше частновладѣльческаго нуждается въ улучшеніяхъ. Съ другой стороны,—какъ указываетъ въ своей запискѣ членъ особаго совѣщанія А. Н. Куломзинъ,—крестьянское хозяйство должно быть предметомъ особенныхъ заботъ и потому, что «общая площадь земель, состоящихъ въ собственности и пользованіи крестьянскихъ общинъ, почти въ 1½ раза больше площади частновладѣльческихъ земель». Слѣдовательно, въ крестьянскомъ хозяйствѣ мы имѣемъ дѣло не только съ интересами большинства нашихъ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, но съ наиболѣе распространенными и потому, можно сказать, важнѣйшими нуждами нашей сельскохозяйственной промышленности. Понятно поэтому, что содержаніе большинства записокъ составляютъ проекты и предложенія, имѣющія въ виду нужды именно крестьянскаго хозяйства, или изслѣдованія причинъ его настоящаго неудовлетворительнаго положенія и путей къ выходу изъ переживаемыхъ имъ затрудненій. Вопросъ о нуждахъ нашей сельскохозяйственной промышленности, по мнѣнію, рѣшительно преобладающему въ матеріалахъ особаго совѣщанія,. есть по преимуществу крестьянскій вопросъ, и какъ ни различны взгляды авторовъ записокъ на способы и средства рѣшенія этого вопроса, несомнѣнно одно, что учрежденіе особаго совѣщанія понимается ими именно какъ попытка вернуться къ этому въ свое время неотдѣланному, а впослѣдствіи испорченному и запущенному дѣлу.

Крестьянское хозяйство находится въ застоѣ, и благосостояніе крестьянъ падаетъ. На этомъ сходятся въ большинствѣ случаевъ авторы записокъ, извѣстныхъ подъ именемъ матеріаловъ особаго совѣщанія. Но во взглядахъ на причины разсматриваемаго явленія, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживается немало разногласій.

Во многихъ запискахъ повторяются давно извѣстныя, давно оспариваемыя и, на нашъ взглядъ, давно опровергнутыя предубѣжденія противъ общины. Это не мѣшаетъ однако нѣкоторымъ докладчикамъ предъявлять эти нареканія въ видѣ нетребующихъ доказательствъ общепризнанныхъ истинъ. Такъ, г. Ленцъ весьма рѣшительно утверждаетъ, что «главнѣйшая причина малой успѣшности обработки надѣльныхъ участковъ заключается въ системѣ надѣльныхъ земель», т.-е. въ общинномъ землевладѣніи. По мнѣнію этого автора, одну изъ наиболѣе необходимыхъ мѣръ для улучшенія нашего сельскаго хозяйства представляетъ введеніе многопольной системы, которая между тѣмъ встрѣчаетъ у насъ будто бы «неодолимое затрудненіе въ спосо-

бахъ владѣнія землею». Тѣ же въ сущности обвиненія предъявляются общинному землевладѣнію и въ коротенькомъ извлеченіи изъ сочиненій г. П. Д. («Русскій соціализмъ и общинное землевладѣніе» и «Наша деревня»), почему-то тоже предложенномъ вниманію особаго совѣщанія. Этотъ авторъ полагаетъ, что при общинномъ владѣніи даже достаточное земельное обезпеченіе и большой размѣръ кормовой площади не могутъ избавить крестьянское хозяйство отъ упадка. Подобный же упрекъ посылаетъ общинѣ и другой авторъ, крестьянинъ Поляковъ, представившій министру финансовъ «докладную записку объ устройствѣ крестьянъ». Онъ пишетъ между прочимъ, будто «у каждаго крестьянина сложился такой взглядъ, что земля эта (т.-е. находящаяся въ общинномъ владѣніи) для него земля, какъ чужая или казенная, и охорашивать ее нѣтъ ни у кого охоты». Г. Федоровъ, не считая нужнымъ, какъ и авторы отмѣченныхъ записокъ, «подробно останавливаться на разборѣ отрицательныхъ сторонъ господствующаго у насъ общиннаго строя», указываетъ лишь, что, по его мнѣнію, недостатки этой формы землевладѣнія заключаются въ срочности пользованія, черезполосности и дробности обрабатываемыхъ полосъ, принудительности въ связи съ этимъ сѣвооборота и обработки и отсюда въ стѣсненіи хозяйственной иниціативы, даже въ искусственномъ прикрѣпленіи населенія къ землѣ и земледѣлію. Словомъ, этотъ авторъ суммируетъ въ одномъ перечнѣ всѣ обвиненія, обыкновенно предъявляемыя общинному владѣнію. Конечно, мысли, развиваемыя авторами записокъ, на которыхъ мы сейчасъ остановимся, не новы; но, какъ мы видѣли, и противники общины въ матеріалахъ особаго совѣщанія повторяютъ старыя, давно извѣстныя и, скажемъ, давно отраженныя обвиненія. Достойно вниманія, что съ возраженіями противъ доктрины, видящей причину нашихъ сельскохозяйственныхъ нестроеній въ общинной формѣ владѣнія землей, выступаютъ люди, которыхъ нельзя даже назвать сторонниками общины. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., членъ особаго совѣщанія А. Н. Куломзинъ, не возражая противъ мнѣнія, «что низкій уровень сельскаго хозяйства обусловливается у крестьянъ въ значительной мѣрѣ общиннымъ порядкомъ землепользованія», доказываетъ лишь, что уничтоженіе общины само по себѣ не ведетъ ни къ увеличенію интенсивности хозяйства, ни къ повышенію благосостоянія населенія.

«Несмотря на то, что въ Пруссіи,—пишетъ г. Куломзинъ,—общинное владѣніе землею было реформировано еще въ началѣ минувшаго столѣтія законами 1811 и 1821 гг., давшими каждому общиннику право требовать выдѣленія своей земельной доли, по свидѣтельству авторитетнаго статистика того времени проф. Шуберта, благосостояніе

мѣстнаго населенія въ первую половину столѣтія значительно уменьшилось; въ то время какъ въ 1802 г. 100 коровъ приходилось въ Пруссіи на 379 человѣкъ, въ декабрѣ 1825 г. то же количество приходилось уже на 548 человѣкъ, а въ декабрѣ 1843 г.—на 565 человѣкъ; равнымъ образомъ въ 1816 году одна лошадь приходилась на $8_{,32}$ человѣка, въ 1849 г.—уже на $10_{,82}$ человѣка. Увеличеніе интенсивности хозяйства начинается здѣсь лишь въ концѣ сороковыхъ годовъ; только по мѣрѣ постепеннаго прогресса техники земледѣлія и созданія новыхъ основъ полеводства, по мѣрѣ учрежденія показательныхъ станцій и распространенія въ народѣ агрономическихъ знаній чистое трехполье уступило мѣсто плодоперемѣнной системѣ съ правильнымъ посѣвомъ кормовыхъ травъ, обработка почвы постепенно улучшалась, а производительность послѣдней увеличивалась».

Въ Англіи, несмотря на то, что общинное владѣніе было уничтожено еще въ XVII вѣкѣ, интенсивное хозяйство,—продолжаетъ авторъ той же записки,—въ первой половинѣ XIX столѣтія было скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. «Здѣсь, равно какъ и во Франціи, производительность земледѣлія развилась съ пятидесятыхъ годовъ преимущественно подъ вліяніемъ сильнаго подъема цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, значительно ускорившаго примѣненіе населеніемъ новыхъ системъ хозяйства».

Съ другой стороны, по мнѣнію г. Куломзина, нашъ собственный опытъ,—прогрессивный ростъ травосѣянія въ Московской и Вятской губерніяхъ и быстрое распространеніе кормовыхъ культуръ почти безъ всякой посторонней помощи въ губерніяхъ Тверской, Петербургской, Смоленской и Ярославской,—«ясно свидѣтельствуетъ, что при современномъ строѣ крестьянскаго хозяйства общинное землевладѣніе не является непреодолимымъ препятствіемъ для проведенія въ крестьянскую среду необходимыхъ улучшеній и даже, вызывая совмѣстное обсужденіе всякихъ нововведеній всѣмъ сельскимъ обществомъ, до извѣстной степени способствуетъ скорѣйшему массовому распространенію ихъ». Вдобавокъ,—замѣчаетъ г. Куломзинъ,—стѣсненіе личной иниціативы при общинномъ владѣніи «могло бы проявиться наиболѣе рѣзко именно при установленіи правильнаго травосѣянія, сопряженнаго съ коренною ломкой всего издавна установившагося привычнаго строя хозяйства. Дальнѣйшія улучшенія въ техникѣ хозяйства, какъ-то: обработка земли болѣе усовершенствованными земледѣльческими машинами и орудіями, обзаведеніе улучшенными породами скота и т. п., какъ не требующія согласія всего общества, уже зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ личной воли и предпріимчивости отдѣльныхъ домохозяевъ».

Другой членъ особаго совѣщанія, Ѳ. Г. Тернеръ, въ своей запискѣ о крестьянскомъ землевладѣніи указываетъ на чисто практическія трудности перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному. «Такой переходъ, — говоритъ г. Тернеръ, — можетъ имѣть полезныя послѣдствія только въ случаѣ раздѣла общинной земли на отдѣльные участки, такъ чтобы могло образоваться нѣчто въ родѣ хуторнаго хозяйства, при чемъ каждому хозяину пришлось бы отвести отдѣльное отмежеванное полевое и луговое пространство земли... Между тѣмъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, такой раздѣлъ и такой выдѣлъ находятъ естественное препятствіе въ мѣстныхъ условіяхъ жизни и культуры, и вотъ почему, если бы даже законодательнымъ распоряженіемъ было предписано уничтоженіе общиннаго владѣнія, осуществить такую реформу на мѣстѣ въ большей части селеній оказалось бы совершенно невозможнымъ». «Масса чисто хозяйственныхъ мѣстныхъ причинъ заставляетъ крестьянъ селиться вкупѣ, дворъ ко двору, имѣть общія пастбища и поля. Какъ размежеваться надѣльными полями, которыя различнаго качества, какъ быть съ пастбищами, съ водопоями? Теперь община гоняетъ весь скотъ черезъ общее поле къ общему водопою, а какъ будетъ тогда? Можно ли каждому хозяину имѣть свой водопой? Затѣмъ, если уничтожить паровое поле и общій выгонъ по осени, то какъ быть отдѣльному двору? Наконецъ, надо принять въ соображеніе еще слѣдующее обстоятельство. Въ случаѣ раздѣла общинныхъ полей на подворные участки земля каждаго хозяина будетъ окружена чужими землями. Такимъ образомъ придется каждому хозяину постоянно переѣзжать черезъ земли своихъ сосѣдей, а это будетъ вызывать, несомнѣнно, безконечные споры и тяжбы, или необходимо будетъ проложить дорогу къ каждому отдѣльному участку, а это займетъ непроизводительно столь значительное пространство земли, въ сравненіи съ которымъ пространство земли, занимаемое при общинномъ владѣніи межами, на которыя такъ жалуются, не можетъ идти и въ сравненіе».

Авторъ оговаривается, что онъ останавливается здѣсь лишь на немногихъ обстоятельствахъ изъ массы мѣстныхъ условій, побуждающихъ крестьянъ держаться за общинное владѣніе. Но кромѣ этихъ доводовъ противъ перехода къ подворному владѣнію г. Тернеръ выдвигаетъ еще одно общее положеніе, основанное на изученіи экономическаго быта крестьянъ. Условія земледѣльческой культуры на крестьянскихъ земляхъ,—пишетъ г. Тернеръ, — «не стóлько зависятъ отъ формы землепользованія, сколько послѣдняя находится въ зависимости отъ потребности развитія культуры». Поэтому авторъ считаетъ совершенно ошибочнымъ взглядъ, выраженный въ нѣсколькихъ

запискахъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ этой статьи, будто «достаточно отмѣнить общинное землевладѣніе, для того чтобы достигнуть всеобщаго подъема земледѣльческой культуры крестьянъ». Противъ такого утвержденія говорятъ и факты. «Параллельно съ общиннымъ владѣніемъ у насъ есть мѣстности съ участково-подворнымъ владѣніемъ, а можно ли утверждать, — спрашиваетъ г. Тернеръ,—что въ послѣднихъ культура стоитъ на высшей степени развитія, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ общиннымъ владѣніемъ»? Не на высшей ступени находится и благосостояніе крестьянъ, пользующихся надѣльною землею подворно. На этой сторонѣ вопроса останавливается въ одной изъ своихъ записокъ членъ особаго совѣщанія П. П. Семеновъ.

Г. Семеновъ полагаетъ, что одною изъ важнѣйшихъ задачъ особаго совѣщанія является «выясненіе возможности особыхъ мѣръ къ поднятію земледѣльческой промышленности въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ». Эта задача, по словамъ названнаго члена особаго совѣщанія, вошла въ его программу особымъ пунктомъ въ виду того, что «оскудѣніе» упомянутыхъ губерній обратило на себя вниманіе еще до учрежденія совѣщанія. По мнѣнію г. Семенова, оскудѣніе это, подтверждаемое многими фактами, не составляя явленія общаго для всѣхъ крестьянъ черноземныхъ губерній, «относится въ особенности до селеній крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Выражается оно въ этихъ селеніяхъ въ постепенномъ увеличеніи числа несостоятельныхъ, часто безлошадныхъ дворовъ, не могущихъ вести самостоятельнаго хозяйства. Явленіе это, очевидно, не связано съ формою землевладѣнія: оно, — замѣчаетъ г. Семеновъ,— одинаково проявляется какъ въ великорусскихъ селеніяхъ, состоящихъ на общинномъ пользованіи, такъ и въ малороссійскихъ, находящихся въ подворно-наслѣдственномъ, гдѣ процессъ оскудѣнія идетъ съ еще большею быстротой».

Г. Семеновъ справедливо ставитъ это крестьянское оскудѣніе подворниковъ, такъ же какъ и общинниковъ, въ связь съ «малоземельемъ бѣднѣющихъ дворовъ». То же малоземелье, несомнѣнно, сплошь и рядомъ оказываетъ задерживающее вліяніе и на техническіе успѣхи крестьянскаго хозяйства. На эту сторону вопроса обратилъ вниманіе въ одномъ изъ докладовъ особому совѣщанію В. И. Покровскій. «Урожаи на общинныхъ поляхъ,—говоритъ онъ,—ниже землевладѣльческихъ, потому что у нихъ меньше луговъ и выгоновъ, а гдѣ ихъ можно арендовать или они имѣются въ надѣлѣ, урожаи общинниковъ не ниже. Мало того, при благопріятныхъ условіяхъ сбыта на крестьянскихъ общинныхъ поляхъ возникли и процвѣтаютъ огородничество,

тепличное производство раннихъ овощей, ягодъ. Въ производствѣ льна, въ экспортѣ яицъ, молочныхъ продуктовъ главные участники— тоже крестьяне». Если же, однако, въ конечномъ итогѣ наше сельское хозяйство все-таки оказывается въ застоѣ, особенно по сравненію съ быстрымъ движеніемъ его впередъ въ сосѣднихъ странахъ, то объясненія ихъ сельскохозяйственныхъ успѣховъ надо искать, по замѣчанію г. Покровскаго, гораздо глубже, а именно «въ болѣе высокой общей культурѣ, болѣе широкомъ просторѣ для личности и ея иниціативы во всѣхъ сферахъ дѣятельности».

Такимъ образомъ обзоръ мнѣній, высказанныхъ въ матеріалахъ особаго совѣщанія по вопросу объ общинномъ землевладѣніи, приводитъ къ заключенію, что причинъ переживаемыхъ сельскимъ населеніемъ невзгодъ надо искать не въ порядкахъ землепользованія, а въ совокупности неблагопріятныхъ условій, столько же экономическихъ, сколько культурныхъ и правовыхъ.

Авторы нѣсколькихъ записокъ, вошедшихъ въ собраніе матеріаловъ особаго совѣщанія, останавливаются на малоземельѣ, какъ на характерной чертѣ современнаго крестьянскаго хозяйства. Крестьяне,— пишетъ, напр., г. Шмидъ,—«страдаютъ отъ недостатка въ землѣ и въ поискахъ за нею переселяются массами въ новыя страны или уходятъ въ города для пріисканія другой работы». Констатируя этотъ фактъ, авторъ далекъ однако отъ мысли, чтобы даже въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ наблюдалось абсолютное перенаселеніе. Крестьянскому малоземелью онъ прямо противопоставляетъ «громадныя пространства земли, представляющія собою владѣнія крупныхъ хозяевъ» и страдающія «отъ недостатка рабочихъ рукъ». Г. Шмидъ ищетъ выхода изъ этого противорѣчія въ развитіи испольнаго хозяйства. Другіе авторы записокъ, исходя изъ тѣхъ же фактовъ, приходятъ къ другимъ выводамъ. Такъ, въ запискѣ «О страхованіи отъ малоземелья» г. Глѣбовъ утверждаетъ, подобно г. Шмиду, что «въ настоящее время община бѣдна землею и едва обезпечиваетъ ею своихъ членовъ, доведя надѣлы каждаго до минимума». Въ виду этого авторъ считаетъ необходимымъ «обезпечить землею по крайней мѣрѣ приростъ населенія — около 2%, — и суммы, потребныя для покупки земли и раздачи ея новымъ членамъ, собирать со всѣхъ мелкихъ земледѣльцевъ» на началахъ страхованія. Эта мѣра, по мнѣнію г. Глѣбова, была бы полезна и въ другомъ отношеніи: она помѣшала бы «переходу земли въ крупныя руки» или «земельной монополіи», которая «гораздо опаснѣе монополіи во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности». «Тамъ (т.-е. въ другихъ отрасляхъ промышленности) монополія опирается не на купленную въ вѣчную собственность территорію, а на

собранный капиталъ. Монополія силою капитала не будетъ крѣпостною, ей всегда грозитъ конкуренція могущаго собраться конкурентнаго капитала. Монополія земельная, основываясь на крѣпостномъ актѣ владѣнія землей и захватывая притомъ промыселъ первой необходимости и наиболѣе распространенный, всегда будетъ самой вредной для населенія».

Горячо высказывается за «дальнѣйшее пріобрѣтеніе земли крестьянами» и авторъ упоминавшейся уже «докладной записки объ устройствѣ крестьянъ», крестьянинъ Новгородской губерніи Иванъ Поляковъ. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія,—говоритъ онъ,—«всѣми зависящими отъ правительства мѣрами слѣдуетъ поощрять, такъ какъ безъ земли хозяйствовать крестьянину невозможно, принимать же въ расчетъ убыль дворянскаго землевладѣнія едва ли слѣдуетъ». «Дворянинъ ничего не потеряетъ, если помѣняетъ свою землю на домъ въ Петербургѣ, Москвѣ или въ какомъ другомъ большомъ городѣ и будетъ получать свой доходъ не отъ мужика, арендующаго десятины, а отъ квартирантовъ. Въ большомъ городѣ богатый домовладѣлецъ необходимъ, а помѣщикъ, будетъ ли онъ дворянинъ, или купецъ, но сдающій землю въ аренду,—лицо въ сельскомъ хозяйствѣ совершенно лишнее».

Авторы отмѣченныхъ записокъ разсматриваютъ крестьянское малоземелье какъ сильный доводъ въ пользу предлагаемыхъ ими мѣропріятій и, установивъ самый фактъ, лишь мимоходомъ касаются вопроса о крестьянскомъ малоземельи, какъ причинѣ современнаго разстройства хозяйства и благосостоянія крестьянъ. Попытку выдѣлить именно эту связь между указанными явленіями нашей сельскохозяйственной жизни мы находимъ въ запискахъ члена совѣщанія П. П. Семенова. Оскудѣніе крестьянъ, по мнѣнію этого автора, «зависитъ всецѣло отъ малоземелья бѣднѣющихъ дворовъ». Причиной же малоземелья г. Семеновъ считаетъ небывалый въ крѣпостное время приростъ населенія. Дѣло въ томъ, что бывшее крѣпостное населеніе до 1861 года за сто лѣтъ не дало никакого прироста, въ послѣднія же сорокъ лѣтъ, напротивъ, значительно увеличилось.

«Замѣчательнымъ фактомъ, подтверждаемымъ всѣми народоисчисленіями, такъ-называемыми ревизіями XVIII и XIX вѣковъ, было то, что въ теченіе цѣлаго столѣтія, предшествовавшаго освобожденію крестьянъ, крѣпостное населеніе не только нашей области (г. Семеновъ говоритъ въ своихъ запискахъ преимущественно о центральной черноземной полосѣ), но и всей Россіи нисколько не увеличилось. При этомъ разумѣется, что въ урожайные и не эпидемическіе годы былъ естественный приростъ, т.-е. избытокъ рожденій передъ смертями, а

у лучшихъ помѣщиковъ населеніе ихъ имѣній даже постоянно прибывало, но общій приростъ крѣпостного населенія поглощался убылью его въ голодные годы, побѣгами, избыткомъ смертей передъ рожденіями у дворовыхъ, а также у помѣщиковъ, злоупотреблявшихъ своею властью, рекрутскою повинностью, освобождавшей солдатъ и ихъ семьи отъ крѣпостной зависимости (при 25-тилѣтней службѣ), и, наконецъ, освобожденіемъ крестьянскихъ семей за выкупъ».

Значеніе этихъ различныхъ причинъ, обусловившихъ отсутствіе прироста среди крѣпостного населенія, конечно, неодинаково, но первой изъ нихъ—убыли въ голодные годы—принадлежала, повидимому, преобладающая роль. Неурожайные и голодные годы,—пишетъ г. Семеновъ,—въ дореформенное время XIX вѣка составляли въ среднемъ одинъ на пять урожайныхъ. «Въ такіе годы пищевого хлѣба у крестьянъ далеко не доставало на ихъ пропитаніе. Хлѣбные запасы въ скирдахъ существовали только у зажиточныхъ крестьянъ (отъ 10 до 20% всѣхъ дворовъ), а хлѣба, хранившагося въ заведенныхъ въ царствованіе императора Николая I хлѣбныхъ магазинахъ было достаточно для обсѣмененія полей (какъ крестьянскихъ, такъ и владѣльческихъ, такъ какъ помѣщики на это обсѣмененіе не стѣснялись брать хлѣбъ въ крестьянскихъ магазинахъ), но на прокормленіе крестьянъ его было недостаточно. Помѣщики же спѣшили продавать свои избытки и запасы по очень возвышеннымъ цѣнамъ и очень рѣдко дѣлились ими съ крестьянами, а о покупкѣ хлѣба для прокормленія крестьянъ почти никогда не было и рѣчи. И вотъ крестьяне, кромѣ зажиточныхъ дворовъ, имѣвшихъ свои хлѣбные запасы, прокармливались лишь кое-какъ до новаго года, но послѣ того начинали питаться такимъ хлѣбомъ, какого впослѣдствіи, по освобожденіи крестьянъ, никогда не приводилось видѣть. Это была ужасная смѣсь мякины, сѣмянъ лебеды, смолотыхъ желудей и чернозема. Нищіе ходили толпами по селеніямъ, менѣе пораженнымъ, и по помѣщичьимъ усадьбамъ, и «побирались цѣлыми деревнями». Большое количество человѣческихъ жертвъ уносили такіе годы».

Эта картина изъ быта «добраго стараго времени» даетъ достаточное объясненіе, почему въ теченіе столѣтія крѣпостное населеніе Россіи не давало прироста. 19-е февраля 1861 года разрушило устойчивое равновѣсіе численности обитателей деревни. Для восьмидесятыхъ годовъ приростъ населенія въ центрально-черноземной полосѣ исчисляется г. Семеновымъ въ 20%. Къ нашему времени цифры сельскаго населенія, по опредѣленію того же автора, увеличились еще болѣе значительно. Этотъ приростъ, какъ полагаетъ г. Семеновъ, является болѣе всего слѣдствіемъ освобожденія труда. Послѣ отмѣны крѣпо-

ственнаго права «свободный трудъ,—говоритъ онъ,—сдѣлался главнымъ источникомъ несомнѣннаго улучшенія крестьянскаго быта». Но многія другія условія дореформеннаго быта деревни не благопріятствовали повышенію достатка крестьянъ, и ихъ хозяйственные успѣхи не были поэтому прочными. Уже съ начала семидесятыхъ годовъ, по замѣчанію г. Семенова, «низкій уровень благосостоянія крестьянскихъ хозяйствъ, несомнѣнно, понизился, и между ними явилась все болѣе и болѣе возрастающая пропорція дворовъ бѣдныхъ, постепенно лишившихся всякой возможности вести самостоятельно свои хозяйства». Главная причина этого печальнаго явленія—малоземелье. Авторъ разсматриваемой записки находитъ, что Положеніе 19-го февраля «удержало за крестьянами существовавшіе ихъ земельные надѣлы» и что поэтому «малоземелья немедленно по освобожденіи крестьянъ еще не существовало». Этотъ взглядъ, какъ мы знаемъ, можетъ считаться фактически опровергнутымъ, и въ тѣхъ же матеріалахъ Особаго совѣщанія можно найти указаніе (напр., въ «Краткомъ извлеченіи изъ изслѣдованія В. Г. Бажаева о травопольномъ хозяйствѣ»), что одною изъ причинъ замѣченнаго еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ «роста съ ужасающей быстротой» категорій крестьянъ «безлошадныхъ, безкоровныхъ, безскотныхъ и безхозяйныхъ» было «сокращеніе дореформенной площади крестьянскихъ надѣловъ при введеніи въ дѣйствіе Положенія 19-го февраля». Но какъ бы то ни было, и г. Семеновъ признаетъ, что средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ центральной черноземной полосѣ вышли въ $2_{,7}$ дес. на ревизскую душу, тогда какъ государственнымъ крестьянамъ въ той же области было отведеновъ надѣлъ въ среднемъ по $4_{,2}$ дес. Было ли при такой разницѣ въ надѣлѣ хотя бы большинство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ достаточно обезпечено землей при составленіи уставныхъ грамотъ, это во всякомъ случаѣ — вопросъ. Отвѣчая на него утвердительно, г. Семеновъ замѣчаетъ однако, что такое положеніе удержалось не надолго. «Когда сельское населеніе,—пишетъ онъ,—приросло постепенно на 50%, то семейные раздѣлы съ каждымъ годомъ усиливали пропорцію дворовъ, имѣющихъ два и даже одинъ душевой надѣлъ. Такіе дворы, очевидно, уже не могутъ вести самостоятельнаго полевого хозяйства, обезпечивающаго ихъ существованіе, иначе, какъ принанимая землю по крайней мѣрѣ до размѣра минимальнаго хозяйственнаго участка».

Этотъ наемъ земель, сыгравъ огромную роль въ судьбахъ крестьянскаго пореформеннаго хозяйства, «не наносилъ ущербъ крестьянскому хозяйству до тѣхъ поръ, пока наемная плата за земли не превышала выкупныхъ платежей (а въ многоземельныхъ уѣздахъ была еще ниже), но съ постепеннымъ освобожденіемъ труда и сильнымъ

приростомъ населенія наемная плата неимовѣрно возвысилась и съ прежнихъ размѣровъ, отъ 1-го до 3-хъ рублей за десятину, поднялась въ 70-хъ годахъ до 12-ти рублей за десятину». Движеніе арендныхъ цѣнъ вверхъ, какъ извѣстно, не остановилось и на этомъ уровнѣ. Тотъ же авторъ даетъ для позднѣйшаго времени болѣе высокую цифру—до 20-ти рублей за десятину. Въ матеріалахъ совѣщанія имѣются и другія указанія на чрезмѣрную высоту арендныхъ платъ, вызванную именно крестьянскимъ малоземельемъ, либо особливою бѣдностью крестьянъ нѣкоторыми угодьями, напр., лугами, выгонами. Членъ совѣщанія А. Н. Куломзинъ въ своей уже отмѣченной нами запискѣ указываетъ, напр., на чрезвычайную высоту арендныхъ платъ, установившихся «во многихъ губерніяхъ за пользованіе лугами и въ особенности степными покосами» (40—50 руб., даже 60, 70 и 80 руб. за десятину). Понятно, что чѣмъ больше недостаетъ крестьянину надѣльной земли для веденія самостоятельнаго хозяйства и обезпеченія насущныхъ потребностей семьи, тѣмъ больше онъ переплачиваетъ на арендѣ чужой земли. Г. Семеновъ высчиталъ, что при вздорожаніи арендной платы до 12-ти рублей дворъ, имѣющій въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ три душевыхъ надѣла (приблизительно семь дес.) и могущій поэтому обойтись безъ аренды чужой земли, платитъ 15 рублей выкупного платежа; дворъ, владѣющій двумя душевыми надѣлами, несетъ выкупной платежъ въ размѣрѣ лишь 10-ти рублей, но на немъ лежитъ наемной платы 24 руб.; что же касается двора съ однимъ душевымъ надѣломъ, то ему приходится выплачивать кромѣ 5-ти рублей выкупныхъ 48 рублей арендной платы. Такимъ образомъ платежи этихъ трехъ хозяйствъ при одинаковомъ размѣрѣ землепользованія оказываются весьма неравномѣрными: второй платитъ слишкомъ вдвое больше перваго, а третій даже больше, чѣмъ первый и второй вмѣстѣ взятые. «Отсюда очевидно,—говоритъ г. Семеновъ, — что несостоятельность крестьянскихъ хозяйствъ зависитъ не отъ размѣра выкупныхъ платежей и даже не отъ тягости земскихъ и мірскихъ сборовъ, не превышающихъ въ совокупности выкупныхъ платежей, а отъ высокой наемной платы за землю, недостающую для образованія обезпечивающаго хозяйство двора участка, при чемъ плата эта взыскивается всегда безнедоимочно, такъ какъ собственникъ земли не спускаетъ ея съемщику собранной имъ жатвы до уплаты должныхъ ему денегъ».

Такимъ образомъ малоземелье является основной причиной упадка крестьянскаго хозяйства и благосостоянія. Вліяніе этой причины сказывалось во многихъ мѣстностяхъ, но, конечно, не вездѣ было одинаково въ зависимости отъ другихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

V.

Аренда и ея роль въ пореформенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Условія пореформеннаго хозяйства въ Европейской Россіи, какъ мы видѣли, благопріятствовали развитію крестьянской земельной аренды: для обдѣленныхъ землею крестьянъ съемка владѣльческой и казенной земли представлялась той соломенкой, за которую хватается утопающій. Но соломенка, конечно, не можетъ спасти; въ данномъ же случаѣ погоня за нею вовлекла спасающагося въ водоворотъ и тѣмъ ускорила крушеніе его надеждъ. Еще въ семидесятыхъ годахъ Чаславскій и Янсонъ высчитывали, что за первое десятилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ арендныя цѣны увеличились на 300—400%. И этотъ фактъ стоялъ въ тѣснѣйшей связи съ другимъ, о которомъ проф. Янсонъ говоритъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ: «Немедленно послѣ развязки прежнихъ обязательныхъ отношеній во всей трехпольной черноземной полосѣ крестьяне бросились на съемку земель и въ ней искали средствъ и для обезпеченія насущныхъ потребностей своихъ, которымъ не удовлетворялъ скудный надѣлъ, и для уплаты податей и поземельныхъ платежей... Не привыкши оцѣнивать при крѣпостномъ правѣ свой трудъ, считая его ни во что, тѣснимые нуждою, они сразу поставили съемку земель въ самыя невыгодныя для себя условія». И это съ особенной наглядностью обнаружилось при изученіи натуральныхъ арендъ—испольной и за обработки. «При такъ-называемой испольной обработкѣ въ густо населенныхъ мѣстностяхъ крестьяне, обрабатывая, обсѣменяя своими сѣменами поля хозяина и убирая хлѣбъ, довольствуются иногда менѣе чѣмъ половиною урожая. Поземельная рента при такихъ условіяхъ равняется по крайней мѣрѣ двумъ третямъ урожая»... Не легче были тогда условія и отработной аренды. «За наемъ десятины крестьяне обязывались,—засѣять нерѣдко своими сѣменами и убрать землевладѣльцу 1, $1^1/_3$, $1^1/_2$, даже двѣ десятины, смотря по степени нужды своей въ землѣ, и кромѣ того мало-по-малу, по мѣрѣ увеличенія этой нужды, платили дополнительные платежи или натурою, или деньгами». Эта система «обработки» нашла очень широкое примѣненіе и явилась одной изъ главнѣйшихъ причинъ того, что именно краткосрочная аренда получила у насъ преобладающее развитіе. Проф. Посниковъ выяснилъ причинную связь между этими явленіями еще въ своемъ извѣстномъ трудѣ по общинному землевладѣнію. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ наблюдатели хозяйственной жизни деревни въ семидесятыхъ годахъ высказывали опасе-

ніе, что на почвѣ сложившихся послѣ крестьянской реформы арендныхъ отношеній можетъ вырости большое зло. Быть можетъ, лучше всего выразилъ эти опасенія одинъ изъ экспертовъ въ Высочайше учрежденной въ семидесятыхъ годахъ коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности. Указывая на страшное стѣсненіе крестьянъ въ выгонахъ и описанную систему найма приволій, онъ говоритъ: «Это—такое больное мѣсто въ крестьянскомъ хозяйствѣ, что въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть въ будущемъ своего рода закрѣпощеніе крестьянъ».

Четверть вѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ были предприняты первыя изслѣдованія нашей аренды. Какъ видно изъ новѣйшихъ трудовъ по этому вопросу, дальнѣйшая эволюція арендныхъ отношеній шла у насъ по тому же пути. Современные наблюдатели деревни сходятся на томъ, что крестьяне «жадно расхватываютъ» землю. Понятно, что и арендныя цѣны на частновладѣльческія земли продолжаютъ возрастать. Случается, конечно, что подъ вліяніемъ разныхъ невзгодъ, посѣщающихъ сельское населеніе, спросъ на землю временно затихаетъ и съемныя цѣны падаютъ. Но обыкновенно такая заминка бываетъ непродолжительной. При первой возможности крестьяне снова начинаютъ съ прежней жадностью искать и расхватывать сдающіяся въ наемъ земли, и повышательное движеніе арендныхъ цѣнъ возобновляется. Какъ быстро совершается этотъ переходъ отъ временнаго застоя въ арендномъ дѣлѣ къ обыкновенному для него оживленію, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ, взятомъ изъ недавняго прошлаго. У всѣхъ еще въ памяти, что 1897 и 1898 гг. были годами тяжелаго испытанія для губерній центральной черноземной и восточной полосы. Однимъ изъ послѣдствій неурожая, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, былъ кризисъ въ арендномъ дѣлѣ: изъ многихъ мѣстностей сообщалось тогда объ отказахъ отъ аренды на новый срокъ, о забрасываніи арендованныхъ участковъ, о сдачѣ за безцѣнокъ крестьянами надѣльныхъ земель. Понятно, что такія обстоятельства должны были вызвать пониженіе арендной цѣны и на частновладѣльческія земли. Но уже въ 1899 году, т.-е. послѣ первой удовлетворительной жатвы, обнаружился поворотъ въ другую сторону. «Весьма многіе корреспонденты,—читаемъ мы въ сельскохозяйственномъ обзорѣ министерства земледѣлія за 1899 годъ,—отмѣчаютъ значительное повышеніе какъ продажныхъ, такъ и арендныхъ цѣнъ на землю въ центрально-земледѣльческихъ и малороссійскихъ губерніяхъ». Въ отчетѣ есть также указанія на то, что это движеніе не ограничилось очерченнымъ райономъ и пошло далѣе на востокъ, наприм., въ губерніи Самарскую и Оренбургскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдовало

ожидать, оказалось, что «несмотря на высокую арендную плату, крестьяне разбираютъ землю на расхватъ», что они даже «охотно снимаютъ земли у помѣщиковъ, платя при этомъ необыкновенно высокія цѣны—до 20—25 рублей за десятину». Ни откуда не видно однако, чтобы съемщики могли разсчитывать на полученіе съ арендованной земли столь же необыкновеннаго по величинѣ дохода. Дѣло сводится къ тому, что «безъ аренды земли,—какъ во время того же неурожая указывала въ интересномъ очеркѣ одной неурожайной губерніи *Трудовая Помощь* (ноябрь 1899 г.),—многія крестьянскія хозяйства не могли бы существовать. Крестьяне часто арендуютъ землю только для соломы, мякины и пастбища, употребляя всѣ вырученныя отъ продажи зерна деньги на уплату аренды». Очевидно, старая «привычка» крестьянъ— не цѣнить своего труда, о которой говорилъ еще Янсонъ, характеризуя арендныя отношенія семидесятыхъ годовъ, сохранилась и до нашихъ дней. Да и вообще новѣйшіе матеріалы по арендному вопросу показываютъ, что арендныя отношенія, описанныя изслѣдователями семидесятыхъ годовъ, существуютъ и въ настоящее время.

О современномъ значеніи мелкой съемки земли можно судить по тому факту, что въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи, какъ вычислилъ проф. Карышевъ, крестьяне выплачиваютъ въ видѣ арендныхъ платежей болѣе 300 милл. рублей въ годъ. Напомнимъ для поясненія, что выкупные платежи,—главная составная часть въ крестьянскомъ прямомъ обложеніи,—не превышаютъ третьей части этой суммы. Но кромѣ денежныхъ арендъ и теперь весьма сильно распространены аренды въ испольной и отработочной формахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ, какъ и прежде, даже преобладаютъ, А въ томъ, что съ семидесятыхъ годовъ не измѣнился и характеръ ихъ, можно убѣдиться изъ слѣдующаго замѣчанія проф. Карышева. «При испольномъ наймѣ,—говоритъ онъ,—владѣлецъ земли получаетъ до $^3/_4$ продукта и сверхъ того—доплаты въ видѣ разныхъ отработковъ въ его хозяйствѣ; при отработочномъ — вся арендная плата состоитъ изъ такихъ отработковъ». Само собою разумѣется, что не измѣнилась при наличности такихъ условій и характерная для аренды семидесятыхъ годовъ краткосрочность... «Наиболѣе распространенная пополосная аренда,—говоритъ проф. Карышевъ,—лишь на одинъ годъ. Эти погодныя сдѣлки бываютъ и дороже другихъ въ полтора — два раза». Вообще арендныя отношенія у насъ отлились въ такія формы, что при изученіи ихъ само собою напрашивается сравненіе съ классическою страною аренды — съ Ирландіей. «Основная черта сходства русской и ирландской аренды,—говоритъ въ своемъ изслѣдованіи («Аренда земли въ Ирландіи» М. 1895) А. А. Мануиловъ,—заключается въ томъ, что

въ обоихъ случаяхъ съемщикомъ является поселянинъ, которому земля нужна для удовлетворенія насущныхъ потребностей, который не можетъ обойтись безъ чужой земли и потому готовъ отдать за пользованіе ею все, что онъ физически въ состояніи будетъ отдать, и нерѣдко обѣщаетъ даже больше этого. На почвѣ условій, созданныхъ недостаточнымъ и неправильнымъ надѣленіемъ нашихъ крестьянъ землею, у насъ образовалась аренда, въ которой воплотились худшія черты ирландскихъ порядковъ: въ видѣ посредничества мы какъ будто заимствовали одно изъ зловреднѣйшихъ явленій изъ ирландской системы, продержавшихся до 30-хъ годовъ; въ видѣ погодной съемки мы привили у себя худшую изъ формъ землевладѣнія, развившуюся въ Ирландіи во вторую половину вѣка».

Къ сожалѣнію, параллель съ Ирландіей на этомъ и кончается. Описанныя условія русской аренды краснорѣчиво говорятъ за необходимость законодательной регламентаціи арендныхъ отношеній, но среди явленій хозяйственной жизни страны едва ли найдется другое, такого же крупнаго значенія, какъ аренда, которое было бы у насъ меньше задѣто движеніемъ законодательства за послѣднія десятилѣтія. Въ частности даже вопросъ объ упорядоченіи арендного хозяйства на свободныхъ земляхъ казны, въ цѣляхъ содѣйствія нуждающемуся въ землѣ крестьянскому населенію, еще далекъ отъ благопріятнаго рѣшенія.

Потребность въ улучшеніи устройства и эксплоатаціи казенныхъ оброчныхъ статей была сознана еще бывшимъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ оно пришло къ заключенію, что казенныя оброчныя статьи должны не только приносить доходъ, но и служить государственнымъ земельнымъ фондомъ для удовлетворенія нужды крестьянъ въ землѣ. Этотъ взглядъ на задачи казеннаго земельнаго хозяйства побуждалъ министерство государственныхъ имуществъ изыскивать средства къ устраненію посредниковъ, арендующихъ казенную землю большими участками, а затѣмъ переуступающихъ ее крестьянамъ по повышенной цѣнѣ. Тогда же явился рядъ министерскихъ распоряженій и законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ сдачѣ оброчныхъ статей непосредственно нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію. Главнѣйшимъ изъ этихъ мѣропріятій былъ законъ 9-го ноября 1884 года, разрѣшившій сельскимъ обществамъ брать казенныя земли въ аренду безъ торговъ.

Министерство государственныхъ имуществъ не достигло однако поставленной имъ себѣ цѣли въ дѣлѣ завѣдыванія казенными земельными оброчными статьями. Когда вслѣдъ за преобразованіемъ назван-

наго министерства въ министерство земледѣлія созвана была комиссія для обсужденія вопроса объ устройствѣ и эксплоатаціи казенныхъ земель, оказалось, что онѣ попрежнему сдаются въ арендное содержаніе главнымъ образомъ съ торговъ, на которыхъ крестьянамъ-землепашцамъ трудно состязаться съ пересдатчиками-спекуляторами, что за арендаторами накопляются значительныя недоимки, что сдача большихъ участковъ въ руки посредниковъ, барышничающихъ казенной землею, представляетъ весьма распространенное явленіе. Министерство земледѣлія нашло, что нужно принять мѣры къ лучшему устройству этой отрасли казеннаго хозяйства, но задачу свою оно опредѣлило такъ же, какъ бывшее министерство государственныхъ имуществъ. Согласно заключенію упомянутаго совѣщанія, было признано, что, «стремясь по возможности улучшать экономическій бытъ крестьянскаго населенія путемъ расширенія крестьянскаго землепользованія на счетъ свободныхъ казенныхъ земель», министерство получитъ наиболѣе вѣрное средство и «для извлеченія наивысшаго дохода изъ этихъ земель». Не замедлили конечно послѣдовать и мѣропріятія: измѣнены сроки начала аренды и взноса арендныхъ платежей въ цѣляхъ облегченія съемщиковъ, при чемъ въ первый годъ аренды предоставлено имъ право вносить плату за весь годъ осенью, послѣ снятія урожая; разрѣшено сдавать оброчныя статьи въ аренду безъ торговъ не только сельскимъ обществамъ, но и товариществамъ крестьянъ; испробована сдача оброчныхъ статей, оставшихся неснятыми съ торговъ, подесятинно; учреждена должность особыхъ надзирателей по завѣдыванію оброчными статьями и т. д.

Каковы же результаты всѣхъ этихъ мѣропріятій, на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ одна изъ записокъ, представленныхъ министерствомъ земледѣлія особому совѣщанію о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Въ ней министерство само признаетъ, что вопросъ окончательно еще не разрѣшенъ и теперь. Хотя девять десятыхъ казеннаго оброчнаго фонда въ предѣлахъ Европейской Россіи и числится за съемщиками-крестьянами, тѣмъ не менѣе это обстоятельство, какъ справедливо отмѣчено въ запискѣ объ арендѣ, составленной для Особаго Совѣщанія, «не является безусловнымъ показаніемъ того, въ какой мѣрѣ казенныя оброчныя земли фактически предоставлены *непосредственному* пользованію крестьянъ, такъ какъ и понынѣ еще несмотря на всѣ принимаемыя въ этомъ направленіи мѣры, встрѣчаются случаи снятія казенныхъ земель въ оброчное содержаніе исключительно со спекулятивными цѣлями—для переарендованія ихъ, болѣе мелкими частями и по значительно повышеннымъ цѣнамъ, наиболѣе нуждающимся и малоземельнымъ крестьянамъ. Подобными съемщика-

ми-спекулянтами являются не только лица некрестьянскаго сословія, но и сами крестьяне въ лицѣ болѣе состоятельныхъ своихъ членовъ, которые, пользуясь имущественнымъ своимъ превосходствомъ, оттѣсняютъ отъ аренды казенныхъ земель менѣе состоятельныхъ крестьянъ». Изъ данныхъ министерства земледѣлія не видно, какъ велико число арендаторовъ этого рода и какая часть обширной площади, арендованной отдѣльными лицами крестьянскаго и некрестьянскаго сословія (49% всей площади казенной оброчной земли въ Европейской Россіи), находится въ обладаніи у спекулянтовъ. Но нельзя сомнѣваться, что число ихъ значительно и что крупная доля казеннаго земельнаго фонда захвачена ими. Въ этомъ убѣждаютъ между прочимъ нѣкоторыя изъ положеній названной офиціальной записки. Оказывается, наприм., что «преобладающимъ способомъ эксплоатаціи казенныхъ земель является въ настоящее время сдача ихъ съ торговъ», несмотря на то, что съ изданія закона 9-го ноября 1884 года, впервые поощрившаго крестьянскую аренду казенной земли безъ торговъ, протекло безъ малаго двадцать лѣтъ. Между тѣмъ, какъ отмѣчено въ той же запискѣ: «казенныя оброчныя статьи, поступающія на торги, далеко не всегда отвѣчаютъ, по своимъ размѣрамъ, хозяйственнымъ потребностямъ и силамъ съемщиковъ-крестьянъ; независимо отъ сего самый порядокъ сдачи статей съ торговъ сравнительно менѣе обезпечиваетъ снятіе ихъ лицами, дѣйствительно нуждающимися въ землѣ для непосредственной ея разработки». Для спекулянтовъ, напротивъ, эта система оказывается весьма удобной, и они, безъ сомнѣнія, пользуются выгодами своего положенія. Поэтому въ запискѣ признается, что сдача казенныхъ земель безъ торговъ безусловно имѣетъ существенныя преимущества передъ системой торговъ.

Словомъ, настоящая крестьянская аренда казенной земли все еще далеко не преобладаетъ, да и не можетъ преобладать, пока остается въ силѣ система торговъ. Живучесть послѣдней, какъ ни странно, ставится въ запискѣ между прочимъ на счетъ закону 1884 года, предоставившему сельскимъ обществамъ аренду безъ торговъ. Дѣло будто бы въ томъ, что правила о льготахъ для крестьянъ по арендѣ казенной земли въ ихъ первоначальной редакціи, какъ неоднократно объявляло министерство земледѣлія, а за нимъ повторяетъ и авторъ записки, представленной Особому Совѣщанію, «оказались недостигающими своей цѣли, а во многихъ случаяхъ привели и къ отрицательнымъ результатамъ, такъ какъ крестьянскія общества нерѣдко являлись только номинальными съемщиками казенной земли, которая въ дѣйствительности передавалась въ пользованіе лишь извѣстному числу отдѣльныхъ лицъ, или «компаньоновъ», изъ среды болѣе зажиточныхъ

домохозяевъ того же сельскаго общества, въ ущербъ болѣе слабымъ его членамъ, а иногда и совершенно постороннимъ обществу лицамъ». Чтобы предотвратить на будущее время возможность подобнаго превращенія общественныхъ арендъ въ товарищескія, съ устраненіемъ отъ пользованія казенною землей наиболѣе нуждающихся въ ней крестьянъ, произведенъ былъ пересмотръ закона 9-го ноября, и послѣдній былъ измѣненъ (Положеніемъ комитета министровъ 16-го іюня 1895 года и Оброчнымъ Уставомъ 5-го іюня 1900 г.) въ томъ смыслѣ, что льготная аренда безъ торговъ можетъ быть предоставлена не только сельскимъ обществамъ, но и товариществамъ крестьянъ. Составитель записки объ арендѣ казенной земли для Особаго Совѣщанія свидѣтельствуетъ, что товарищеская аренда подъ вліяніемъ новыхъ правилъ стала быстро развиваться. То же подтверждаетъ и министерство въ своемъ девятомъ обзорѣ, опубликованномъ въ 1903 году. Мы увидимъ далѣе, въ какой мѣрѣ это обстоятельство было полезно для тѣхъ элементовъ деревни, которые больше всего нуждаются въ арендѣ казенной земли. Но увеличеніе товарищескихъ арендъ, говоря словами записки объ арендѣ, признается, кромѣ всего прочаго, «весьма благопріятнымъ въ дѣлѣ борьбы со спекулятивною арендой казенныхъ земель, которая въ настоящее время вербуетъ своихъ дѣятелей главнымъ образомъ среди болѣе крупныхъ съемщиковъ изъ числа отдѣльныхъ крестьянъ и лицъ прочихъ сословій». Согласиться съ этимъ взглядомъ на результаты новаго порядка сдачи казенной земли безъ торговъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, невозможно.

Въ дѣйствительности мѣра, принятая съ 1895 года, серьезнаго значенія въ дѣлѣ борьбы со спекулятивною арендой (т.-е. съ арендой для передачи мелкими участками) не имѣла и не могла имѣть. Слабая сторона общественной аренды, какъ мы видѣли, заключалась въ томъ, что зажиточные и вліятельные домохозяева распредѣляли землю между собою и устраняли отъ пользованія ею слабосильныхъ однообщественниковъ; если эти состоятельные домохозяева и раздавали затѣмъ изъ барышей *«излишнія* для нихъ угодья», то не пересдача земли была цѣлью аренды въ подобныхъ случаяхъ. Спекулянты-арендаторы и до 1895 года, какъ и теперь, принадлежали главнымъ образомъ къ разряду единоличныхъ съемщиковъ, и пока преимущественнымъ способомъ эксплоатаціи казенныхъ оброчныхъ статей остается система торговъ, ни общественная, ни товарищеская аренда не могутъ помѣшать этому вредному промыслу. Но, съ другой стороны, покровительство товарищеской арендѣ безъ торговъ не достигаетъ и главной своей цѣли: оно не можетъ служить оплотомъ и противъ указаннаго извращенія общественной аренды, если имѣть въ виду устраненіе отъ пользованія

казенною землей малосильныхъ домохозяевъ,—не можетъ потому, что въ сущности оно узаконило это неблагопріятное для массы крестьянъ явленіе вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ему.

Товарищества, которымъ покровительствуютъ правила 1895 и 1900 гг., составляются по преимуществу именно изъ тѣхъ элементовъ деревни, которые оказывались фактическими съемщиками казенной земли въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ арендованія ея цѣлымъ обществомъ. Но если имъ удавалось захватить казенную землю въ свои руки при общественной арендѣ, то, конечно, они не упустятъ ея, когда законъ взялъ подъ свое покровительство болѣе соотвѣтствующую ихъ интересамъ товарищескую форму. Напротивъ, для менѣе сильныхъ группъ крестьянъ новый порядокъ оказывается еще менѣе выгоднымъ, нежели прежній. Какъ ни часты были на практикѣ фиктивныя общественныя аренды, по общему правилу все-таки пользованіе казенной оброчной статьей для рядового крестьянина было доступнѣе, когда она могла быть сдана безъ торговъ только сельскому обществу, къ которому онъ принадлежитъ, нежели теперь, когда съ обществомъ конкурируютъ товарищества, въ составъ которыхъ онъ всего вѣроятнѣе не войдетъ. При такихъ условіяхъ нельзя не согласиться съ запиской, представленной Особому Совѣщанію, что «удовлетвореніе потребности въ землѣ наиболѣе нуждающейся и малосильной части сельскаго населенія» возможно развѣ лишь при широкомъ распространеніи подесятинной сдачи казенной земли на короткіе сроки. Но надо прежде доказать, что нынѣшній порядокъ сдачи казенной земли въ пользованіе крестьянъ не можетъ быть существенно измѣненъ къ обоюдной выгодѣ казны и сельскаго населенія, чтобы принять другой выводъ записки, будто погодная или вообще краткосрочная подесятинная съемка казенной земли представляетъ наилучшій способъ эксплоатаціи казеннаго земельнаго фонда, наиболѣе обезпечивающій дѣйствительные интересы населенія и наиболѣе выгодный для казны. На самомъ дѣлѣ однако настоящая система сдачи казенныхъ земель въ долгосрочное пользованіе можетъ и должна подвергнуться существеннымъ преобразованіямъ. Нѣтъ надобности доказывать, что съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго населенія, равно какъ и интересовъ казны, система торговъ на пользованіе казенной землей на будущее время вовсе не можетъ быть удержана. Но и сдача безъ торговъ въ настоящемъ своемъ видѣ не удовлетворяетъ своему назначенію. Если она не обезпечиваетъ интересовъ сельскаго населенія, служа скорѣе препятствіемъ, нежели средствомъ къ удовлетворенію потребностей «обширной категоріи наиболѣе нуждающихся въ арендѣ земли» малоземельныхъ и маломощныхъ крестьянъ, то и для болѣе состоятельныхъ элементовъ

деревни развитіе товарищеской аренды имѣетъ не одни лишь благопріятныя послѣдствія. Девятый обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія показываетъ, что съ допущеніемъ къ арендѣ безъ торговъ товариществъ кругъ арендаторовъ казенныхъ оброчныхъ статей значительно расширился, но это привело къ довольно-таки печальному результату. «Арендная плата, благодаря конкуренціи товариществъ и и крестьянскихъ обществъ,—читаемъ мы въ обзорѣ,—настолько увеличилась, что не оправдывается уже установленною на нѣкоторыхъ оброчныхъ статьяхъ экстенсивною системой полеводства съ незначительною площадью распашки каждой статьи (отъ $^3/_8$ до $^3/_9$ пространства каждой статьи), и арендаторы среднихъ и южныхъ губерній въ силу этого, при самомъ незначительномъ пониженіи урожая отъ недостатка влаги, вынуждены терпѣть убытки по арендѣ казенной земли». Достойно вниманія, что дробная, подесятинная съемка казенной земли «наиболѣе нуждающеюся частью» крестьянства производится, какъ видно изъ записки Особаго Совѣщанія, по цѣнамъ, превышающимъ арендную плату при сдачѣ оброчныхъ статей въ цѣломъ ихъ составѣ. Но, какъ мы видѣли, конкуренція товариществъ и обществъ при сдачѣ земли безъ торговъ взвинтила арендную плату до предѣльной высоты. Слѣдовательно, приходится признать, что при настоящихъ условіяхъ эксплоатаціи казеннаго оброчнаго фонда не только долгосрочная аренда товариществами или обществами, но въ еще большей мѣрѣ и подесятинная съемка земли грозитъ сельскому населенію въ недалекомъ будущемъ убытками и разореніемъ. Понятно, что выгоды казны, если онѣ и есть въ настоящее время, при такомъ положеніи дѣла могутъ быть только временными. Въ близкомъ, можетъ быть, будущемъ, при неизбѣжномъ накопленіи недоимокъ на арендаторахъ, работающихъ въ убытокъ, приростъ въ доходахъ казны отъ оброчныхъ статей замѣнится недоборомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма возможно, что и кругъ арендаторовъ казенной земли сократится. Это будетъ на руку предпринимателямъ, спекулирующимъ на передачѣ казенной земли, но отъ этого, конечно, проиграютъ и сельское населеніе, обрабатывающее эту землю, и казна даже въ узко-фискальномъ смыслѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, министерство земледѣлія задумывается уже теперь надъ мѣрами для предотвращенія неблагопріятныхъ послѣдствій, обусловленныхъ новымъ порядкомъ сдачи казенной земли крестьянамъ. Особымъ совѣщательнымъ комиссіямъ на мѣстахъ поручено по этой причинѣ «подвергнуть подробному разсмотрѣнію общій вопросъ о тѣхъ системахъ хозяйства и полеводства, которыя должны быть нынѣ установлены на оброчныхъ статьяхъ сообразно съ почвенныма и сельскохозяйственными условіями, а также съ интересами

казны и мѣстнаго населенія, и въ частности обсудить вопросъ о возможномъ увеличеніи распашной площади въ казенныхъ оброчныхъ статьяхъ». Можно ли однако возлагать надежды на эту мѣру? Допустимъ, что комиссіи блистательно выполнятъ свою задачу, утвердительно отвѣтятъ на вопросъ о расширеніи распашной площади въ казенныхъ оброчныхъ статьяхъ или изыщутъ какіе-либо другіе способы для повышенія доходности ихъ. Какое вліяніе этотъ результатъ работы комиссій можетъ оказать на конкуренцію товариществъ и обществъ? Безъ сомнѣнія, она не уменьшится, а скорѣе усилится въ виду ожидаемыхъ большихъ выгодъ и поведетъ къ новому увеличенію арендныхъ платъ. Другими словами, при помощи указанныхъ мѣръ, если даже онѣ осуществимы, въ лучшемъ случаѣ неблагопріятные результаты, неизбѣжные при господствѣ соперничества между мелкими съемщиками, наступятъ, можетъ быть, нѣсколько позже. Но этого ли слѣдуетъ добиваться?

Система конкуренціи безъ торговъ, точно такъ же какъ и конкуренція на торгахъ, не даетъ рѣшенія вопроса о наилучшемъ использованіи земельнаго оброчнаго фонда казны. Не можетъ его дать и погодная или вообще краткосрочная сдача земли десятинками, которая теперь рекомендуется казнѣ въ качествѣ надежнаго средства для достиженія цѣли, къ которой не привели другія мѣропріятія. Интересы крестьянскаго населенія, нуждающагося въ арендѣ казенной земли, требуютъ болѣе прочнаго обезпеченія, которое могъ бы дать только отводъ этой земли въ постоянное пользованіе. По мѣстнымъ условіямъ въ однихъ случаяхъ необходимыя угодья можно было бы предоставить въ распоряженіе существующихъ сельскихъ обществъ; въ другихъ случаяхъ задача могла быть лучше разрѣшена путемъ выселенія на казенныя земли и образованія новыхъ поселковъ. Далеко не вездѣ, конечно, нужда въ расширеніи крестьянскаго землепользованія была бы насыщена казеннымъ оброчнымъ земельнымъ фондомъ. Всѣ другіе способы удовлетворенія этой потребности (переселенія на окраины, покупки земли съ содѣйствіемъ Крестьянскаго банка, регулированіе закономъ аренды частновладѣльческой земли), разумѣется, сохранили бы за собою свое прежнее значеніе. Но та доля сельскаго населенія, которая въ настоящее время такъ или иначе пользуется казенною оброчной землей, могла бы быть удовлетворена изъ этого фонда, получила бы возможность поставить свое хозяйство въ благопріятныя условія, одинаково способствующія и подъему благосостоянія населенія, и совершенствованію его хозяйства.

VI.

Сельскіе рабочіе.

«Нигдѣ, быть можетъ, такъ не натянуты, не вынуждены взаимныя отношенія между хозяиномъ и рабочимъ, какъ въ сферѣ сельскаго хозяйства: одинъ поневолѣ нанимаетъ, другой по нуждѣ живетъ, одинъ другого терпитъ какъ неизбѣжное зло». Такъ объясняетъ основную причину существующаго неустройства въ дѣлѣ найма на сельскія работы смоленское губернское совѣщаніе, созванное въ 1897 году для обсужденія программы пересмотра Правилъ 12-го іюня 1886 года. Сравнительно немногія изъ губернскихъ совѣщаній высказались по этому вопросу такъ же опредѣленно и откровенно. Чаще этотъ взглядъ проводился въ запискахъ меньшинства и въ особыхъ мнѣніяхъ отдѣльныхъ членовъ совѣщаній. Но почти во всѣхъ губернскихъ отзывахъ на запросъ, сдѣланный въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отмѣчены факты, которыми можно бы воспользоваться для подкрѣпленія существа смоленскаго отзыва, именно сплошь и рядомъ констатируется наличность «вынужденныхъ», зависимыхъ отношеній въ области сельскаго найма. Поводомъ къ сообщенію этихъ фактовъ послужилъ одинъ изъ вопросовъ программы 1897 года. Стремясь къ подробному выясненію причинъ, побуждающихъ сельскихъ рабочихъ уклоняться въ нѣкоторыхъ случахъ отъ исполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ спрашивало, между прочимъ, не усматривается ли такое уклоненіе преимущественно по договорамъ, совершеннымъ значительно ранѣе срока ихъ исполненія. Свѣдѣнія, представленныя въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ, и дали фактическій матеріалъ для обоснованія приведеннаго взгляда на взаимныя отношенія сельскихъ хозяевъ и ихъ рабочихъ. Отзывами совѣщаній устанавливается прежде всего фактъ широкой и, можно сказать, повсемѣстной распространенности такъ называемаго заблаговременнаго найма. Изъ отвѣтовъ по крайней мѣрѣ двадцати пяти совѣщаній видно, что этотъ способъ обезпеченія частныхъ хозяйствъ рабочею силой составляетъ обычное явленіе во всѣхъ безъ исключенія сельскохозяйственныхъ районахъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, лишь въ весьма немногихъ губерніяхъ заблаговременный наемъ практикуется сравнительно рѣдко. Словомъ, въ разсматриваемомъ явленіи, если основываться даже только на данныхъ, опубликованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, приходится признать одну изъ характернѣйшихъ особенностей современнаго сельскохозяйственнаго строя въ Европейской Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшій, быть можетъ, источ-

никъ непорядковъ въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго найма, на которые жалуются сами землевладѣльцы.

Экономическое значеніе заблаговременнаго найма по достоинству оцѣнено въ недавно вышедшей интересной книжкѣ г. Липскаго «Цѣны на рабочія руки при заблаговременномъ наймѣ на сельскохозяйственныя работы» (Спб., 1902). Авторъ собралъ массу данныхъ, обнимающихъ почти пятнадцатилѣтній періодъ времени и относящихся къ семи черноземнымъ губерніямъ. По тщательной разработкѣ ихъ онъ приходитъ къ слѣдующему достойному вниманія выводу. «Большинство частновладѣльческихъ имѣній центрально-черноземной полосы до послѣдняго времени остались въ сущности при тѣхъ же способахъ веденія хозяйства, какіе свойственны были крѣпостной организаціи. Теперь, какъ и прежде, существенною особенностью ихъ является недостаточность собственнаго инвентаря и вытекающая отсюда необходимость эксплоатаціи большинства угодій при помощи крестьянскихъ орудій, ихъ живого и мертваго инвентаря». На первый взглядъ такая устойчивость дореформенныхъ порядковъ представляется, пожалуй, странной. Казалось бы, что при отсутствіи принудительнаго труда землевладѣльцы, въ собственныхъ интересахъ, должны бы стремиться къ скорѣйшему обзаведенію собственнымъ инвентаремъ. На дѣлѣ однако этого не замѣчается потому, конечно, что, помимо всякихъ другихъ причинъ, прочности старой дореформенной организаціи землевладѣльческаго хозяйства способствуетъ возможность такъ называемаго заблаговременнаго найма. Въ отвѣтахъ того же смоленскаго совѣщанія указывалось между прочимъ, что «изъ всѣхъ хозяевъ-предпринимателей самыя невыгодныя условія предлагаетъ рабочимъ сельскій хозяинъ». Этимъ совѣщаніе готово объяснить и недостатокъ въ хорошихъ сельскихъ рабочихъ: «на такія условія (какія предлагаетъ сельскій хозяинъ),—говоритъ совѣщаніе,—идетъ наихудшій рабочій». Справедливость требуетъ однако сказать, что принимать такія условія приходится далеко не всегда однимъ «наихудшимъ рабочимъ», и заблаговременный наемъ представляется надежнымъ орудіемъ для достиженія этой цѣли. Дѣло въ томъ, что «крестьянское хозяйство въ густо населенной центральной полосѣ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ названнаго новаго изслѣдованія, страдаетъ отъ малоземелья. Недостаточность надѣла вызываетъ въ свой чередъ недостатокъ хлѣба и корма для скота, а затѣмъ и хроническія денежныя затрудненія, особенно обостряющіяся осенью и зимой, въ виду пріуроченія къ этимъ моментамъ податныхъ платежей. Словомъ, осенью и зимой крестьянинъ въ высшей степени нуждается въ деньгахъ и хлѣбѣ и готовъ на все, лишь бы достать и то, и другое». Заблаговременный

наемъ на сельскія работы разрѣшаетъ эти мужицкія затрудненія, но понятно, что деньги и хлѣбъ достаются крестьянину въ подобныхъ случаяхъ дорогою цѣной. Такъ какъ работа по заблаговременнымъ договорамъ въ сущности—«расплата по долговымъ обязательствамъ, то нанимающіеся, само собой разумѣется, становятся обязанными, подневольными рабочими». Не менѣе важнымъ послѣдствіемъ заблаговременнаго договора представляется кромѣ того и пониженіе заработной платы. По вычисленію г. Липскаго, средній процентъ потери рабочаго на заработной платѣ при заблаговременномъ наймѣ въ изученныхъ имъ черноземныхъ губерніяхъ колеблется между 47 и 50%. Иначе говоря, нанимаясь заблаговременно, т.-е. получая осенью или зимой извѣстный задатокъ подъ будущій свой трудъ, крестьянинъ отказывается приблизительно отъ полтинника изъ каждаго рубля причитающейся ему нормальной въ данной мѣстности платы. Нельзя не признать, что онъ платитъ чрезмѣрный процентъ за ссуду, и не мудрено, что соблазнъ нарушить договоръ съ нанимателемъ бываетъ, по свидѣтельству многихъ губернскихъ совѣщаній, всего сильнѣе именно при заблаговременномъ наймѣ.

Но, быть можетъ, автора названнаго изслѣдованія заподозрятъ, какъ это часто случается у насъ, въ «тенденціозности, въ сгущеніи красокъ», въ неправильномъ освѣщеніи дѣла. Отъ такого упрека его освобождаютъ отвѣты по тому же вопросу офиціальныхъ лицъ на офиціальный же запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ этихъ отвѣтовъ выясняется, что заблаговременный наемъ сельскихъ рабочихъ не только въ изученныхъ г. Липскимъ семи губерніяхъ, но и повсемѣстно играетъ ту же роль въ отношеніяхъ между нанимателями и рабочими, имѣетъ то же экономическое значеніе въ современномъ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. «Существующія нынѣ отношенія землевладѣльцевъ Тамбовской губерніи, какъ работодателей,—говоритъ, напримѣръ, управляющій тамбовскою казенною палатой,—къ крестьянамъ, какъ сельскохозяйственнымъ рабочимъ, создались и окрѣпли главнымъ образомъ на почвѣ постепеннаго обѣднѣнія послѣднихъ... Крестьяне, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, очень часто прибѣгаютъ къ продажѣ своего труда почти за полгода впередъ не только по значительно пониженной цѣнѣ, но и на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, нежели въ обыкновенное время». Заблаговременный договоръ о наймѣ, заключаемый зимой или раннею весной въ Вологодской губерніи,—говоритъ управляющій вологодскою казенною палатой,—«является по существу принудительнымъ, гдѣ роль принудительнаго фактора играютъ тяжелыя экономическія условія существованія малоземельныхъ и малосильныхъ крестьянскихъ семей». Въ Уфимской губ., по свидѣтель-

ству члена мѣстнаго губернскаго присутствія, «пользуясь обстоятельствами (осенніе мѣсяцы, когда взысканіе податей идетъ особенно настойчиво), наниматель даетъ рабочему такую низкую цѣну, за которую во время полевыхъ работъ никогда бы не нашелъ рабочаго. Эта разница въ осеннихъ цѣнахъ съ цѣнами на трудъ во время страды есть одна изъ главныхъ причинъ нарушенія рабочими условій найма». Подобное же замѣчаніе дѣлаетъ и управляющій симбирскою казенною палатой. По его свидѣтельству, нарушенія договоровъ о наймѣ со стороны рабочихъ случаются «преимущественно тогда, когда наниматель, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ рабочаго, а именно начиная съ декабря мѣсяца (когда у рабочаго нѣтъ денегъ на покупку хлѣба, яровыхъ сѣмянъ для посѣва и т. д.), выдаетъ ему деньги подъ исполненіе полевыхъ работъ въ страдную пору, ставя въ условіи за работу цѣну, нерѣдко въ два и болѣе раза дешевле существующей, мѣстной, на договорныя работы». Такимъ образомъ въ рядѣ офиціальныхъ отзывовъ за такъ называемымъ заблаговременнымъ наймомъ на сельскія работы] признано его дѣйствительное значеніе въ экономической жизни деревни. Мало того,—въ тѣхъ же отзывахъ мы встрѣчаемъ и нѣкоторыя предложенія въ цѣляхъ противодѣйствія этому злу. Проектировалась, напримѣръ, такая мѣра, какъ установленіе ежегодно при содѣйствіи земскихъ учрежденій нормальныхъ цѣнъ на издѣльныя полевыя работы и минимальныхъ размѣровъ годовой платы сельскимъ рабочимъ; предполагалось установить правило, чтобы при заблаговременномъ наймѣ работа оплачивалась по той цѣнѣ, которая опредѣлится во время полевыхъ работъ, или лишить обязательной силы договоры о наймѣ, заключенные не за годъ и болѣе до исполненія, какъ этого требуетъ дѣйствующее Положеніе 12-го іюня 1886 г. (ст. 24), а за полгода и даже за мѣсяцъ. Неизвѣстно, подвергались ли въ свое время обсужденію въ правительственныхъ сферахъ эти проекты, но несомнѣнно, что они заслуживаютъ вниманія.

Вообще всѣ свѣдѣнія о работахъ по пересмотру дѣйствующихъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ обрываются на газетномъ сообщеніи о томъ, что проектъ 1899 года рѣшено снова кореннымъ образомъ пересмотрѣть. Въ свое время этотъ проектъ былъ даже внесенъ въ государственный совѣтъ, но вскорѣ затѣмъ, въ самомъ началѣ 1900 года, онъ былъ взятъ обратно, до наступленія очереди его обсужденія. Поводомъ къ возвращенію проекта въ министерство послужило, какъ извѣстно, состоявшееся незадолго до того назначеніе новаго министра. Но кромѣ этой формальной причины, для вторичнаго пересмотра вопроса въ министерствѣ существовало и другое, не менѣе и даже болѣе важное, основаніе.

Проектъ 1899 г. былъ въ свое время оглашенъ въ печати. Еще раньше были опубликованы различные матеріалы, собранные въ виду пересмотра правилъ 12-го іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы, въ томъ числѣ, кромѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ предложеннымъ имъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отзывы земскихъ собраній на запросъ министра земледѣлія о нуждахъ сельскаго хозяйства и мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію, мнѣніе сельскохозяйственнаго совѣта, созваннаго въ экстренную сессію 1898 года спеціально для обсужденія вопроса о наймѣ, наконецъ записки, отзывы, даже цѣлые проекты частныхъ лицъ, интересующихся пересмотромъ законодательства о сельскихъ рабочихъ. Оглашеніе въ печати какъ матеріаловъ пересмотра, такъ и проекта, явившагося въ результатѣ этой работы, позволило съ большею наглядностью обнаружить слабыя стороны проекта и необходимость его новой переработки. Что дала послѣдняя, мы не знаемъ, но о проектѣ 1899 года можно сказать, что въ немъ итоги продолжительнаго обсужденія вопроса были подведены, къ сожалѣнію, неправильно, односторонне и потому совершенно неудовлетворительно. Въ этомъ-то и заключается, на нашъ взглядъ, главное основаніе для вторичнаго, теперь уже состоявшагося, вѣроятно, пересмотра.

Конечно, въ матеріалахъ по пересмотру дѣйствующихъ узаконеній о наймѣ на сельскія работы, въ массѣ написаннаго и высказаннаго по этому поводу нашли себѣ выраженіе самыя разнообразныя мнѣнія и пожеланія, нерѣдко совершенно противоположныя и непримиримыя между собой. Но на проектъ 1899 года это разнообразіе мнѣній не оказало существеннаго воздѣйствія. Онъ сложился подъ вліяніемъ одного, притомъ крайняго, взгляда на задачи пересмотра узаконеній о наймѣ сельскихъ рабочихъ, и если возраженія противъ этого мнѣнія и были приняты во вниманіе при окончательномъ редактированіи проекта 1899 года, то только по соображеніямъ чисто практическаго свойства. Это, впрочемъ, легко выяснить при сопоставленіи проекта съ тѣмъ мнѣніемъ, которое въ новѣйшей литературѣ вопроса обыкновенно связывается съ именемъ саратовскаго губернскаго предводителя дворянства П. А. Кривскаго, такъ какъ проектъ послѣдняго, составленный еще въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, случайно сталъ ближайшимъ поводомъ къ возбужденію самаго вопроса о пересмотрѣ правилъ 12-го іюня 1886 г. На основѣ именно этого проекта была составлена особой комиссіей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ та записка, главнѣйшія положенія которой и обсуждались затѣмъ какъ сельскохозяйственнымъ совѣтомъ, такъ и губернскими совѣщаніями.

Сторонники разсматриваемаго мнѣнія находятъ, что существующія

узаконенія не обезпечиваютъ правильнаго исполненія сельскими рабочими обязательствъ по найму. При этомъ неисправность рабочихъ обыкновенно ставится въ причинную связь съ «страшнымъ упадкомъ нравственныхъ началъ въ крестьянахъ». Понятно, что, по мнѣнію представителей этого взгляда въ нашей литературѣ, упадокъ крестьянской нравственности произошелъ послѣ 19-го февраля 1861 года. «Вслѣдствіе отсутствія надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ, въ сельскомъ населеніи,—говорятъ намъ,—воцарились совершенныя безначаліе и безурядица, а порожденныя ими распущенность и своеволіе дошли до крайнихъ предѣловъ». Эта мысль усердно проповѣдывалась до введенія въ дѣйствіе Положенія 12-го іюля 1889 года о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Сторонники разсматриваемаго взгляда, какъ ни странно, не признаютъ ее устарѣвшей, повидимому, и теперь По крайней мѣрѣ они неоднократно высказывались въ этомъ смыслѣ во время подготовительныхъ работъ по пересмотру правилъ о наймѣ на сельскія работы. Но въ послѣдніе годы эта примитивная точка зрѣнія не удовлетворяетъ уже нѣкоторой части представителей того же взгляда. Предъявляя тѣ же практическія требованія, они пытаются подкрѣпить ихъ болѣе сложной аргументаціей.

Причины неисполненія сельскими рабочими своихъ обязательствъ по договорамъ найма заключаются,—какъ теперь утверждаютъ и съ этой стороны,—не въ одномъ самовольствѣ и распущенности крестьянъ. Причины эти лежатъ въ общихъ экономическихъ условіяхъ нашего сельскаго хозяйства и въ частности въ укоренившихся условіяхъ найма на сельскія работы. «Запродажа труда на сельскія работы,—разъясняла, наприм., комиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, повторяя въ смягченной формѣ извѣстные уже намъ мѣстные отзывы,—производится у насъ обыкновенно при наиболѣе невыгодныхъ условіяхъ для рабочихъ, а именно—съ осени или зимою, т. е. въ пору наиболѣе тяжкой нужды въ массѣ сельскаго населенія; вслѣдствіе этого устанавливаемыя такими договорами цѣны на трудъ оказываются вообще, а въ особенности въ урожайные годы, значительно ниже будущихъ дѣйствительныхъ, такъ сказать, рыночныхъ цѣнъ на срокъ, назначенный для исполненія сказанныхъ договоровъ, по каковымъ цѣнамъ заключаются сдѣлки найма тѣми хозяевами, которые не обращаются къ заблаговременному законтрактованію рабочихъ, а нанимаютъ ихъ по наличнымъ цѣнамъ лишь съ наступленіемъ срока производства тѣхъ или иныхъ сельскохозяйственныхъ работъ. Возникающая при такихъ обстоятельствахъ, нерѣдко весьма значительная, неравномѣрность оплаты труда и служитъ для рабочихъ ближайшимъ побужденіемъ къ нарушенію и самовольному прекращенію заключенныхъ ранѣе и оказавшихся затѣмъ невыгодными

договоровъ». Эта характеристика существующихъ отношеній въ области найма на сельскія работы вызвала противъ себя возраженія. Главное изъ нихъ—упрекъ въ излишнемъ обобщеніи. Ближе всего, говорятъ, описанная схема подходитъ къ условіямъ найма въ горячую пору уборки хлѣбовъ, но и то не повсемѣстно, да и вообще въ отношеніяхъ между нанимателями и сельскими рабочими наблюдается такъ много мѣстныхъ различій, что общая характеристика ихъ должна быть гораздо сложнѣе. Но доля истины, при всѣхъ такихъ оговоркахъ, въ разсматриваемомъ мнѣніи все-таки признается... Мы не ошибемся, если скажемъ, имѣя въ виду отмѣченныя выше данныя о заблаговременномъ наймѣ, что истинно здѣсь указаніе на довольно обычную, если не повсемѣстно, то во многихъ мѣстностяхъ, запродажу труда въ сельскомъ хозяйствѣ «въ пору наиболѣе тяжкой нужды въ массѣ сельскаго населенія» по значительно пониженнымъ цѣнамъ. Конечно, такія условія найма справедливо называются комиссіей «наиболѣе невыгодными» для крестьянъ; конечно, въ иныхъ случаяхъ, но далеко не всегда и не въ видѣ общаго правила, нанявшіеся на этихъ «наиболѣе невыгодныхъ условіяхъ» не выполняютъ своихъ обязательствъ,—не выполняютъ по причинѣ, которую та же комиссія правильно формулировала, сказавъ, что законъ безсиленъ даже «угрозой уголовной отвѣтственности удержать рабочаго отъ проступковъ, къ совершенію которыхъ его влечетъ непреодолимая нужда». Но какой же выводъ можно сдѣлать изъ этихъ посылокъ, если поставить себѣ цѣлью «урегулированіе» найма на сельскія работы? Казалось бы, никакъ не закрѣпленіе отношеній, заключаемыхъ «при наиболѣе невыгодныхъ условіяхъ» для одной стороны, «въ пору наиболѣе тяжкой нужды», испытываемой ею. Въ области кредита подобныя отношенія квалифицируются какъ ростовщическая сдѣлка, подлежащая уничтоженію. Почему же въ области найма на сельскія работы подобныя гражданскія сдѣлки должны быть не только терпимы, не только дозволены, но и охраняемы, въ изъятіе изъ общаго правила, угрозою уголовныхъ взысканій? Однако фактъ налицо: требованія сторонниковъ мысли объ «упадкѣ нравственности» крестьянъ послѣ отмѣны крѣпостного права теперь подкрѣпляются ссылкою на описанныя условія «экономики нашего сельскаго хозяйства». Обязательная договорная книжка при всякаго рода наймѣ на сельскія работы и уголовная отвѣтственность какъ за нарушеніе договора найма рабочимъ, такъ и за наемъ уже нанятыхъ другимъ лицомъ рабочихъ—вотъ въ чемъ заключаются предложенія и саратовскаго проекта, и записки, обсуждавшейся сельскохозяйственнымъ совѣтомъ и губернскими совѣщаніями... Кромѣ возраженій по существу противъ такого измѣненія дѣйствующихъ узаконеній о наймѣ на сель-

скія работы, въ теченіе періода подготовительныхъ работъ по выработкѣ законопроекта 1899 года было высказано много замѣчаній, доказывавшихъ неудобство, непрактичность и формы, въ которой предлагалось удовлетворить указанныя домогательства. Обязательная договорная книжка—палка о двухъ концахъ, изъ которыхъ одинъ легко можетъ задѣть интересы не только рабочихъ или злонамѣренныхъ вторыхъ нанимателей, но и всѣхъ вообще хозяевъ, особенно тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ массою рабочаго люда. И если возраженія по существу не оказали вліянія на окончательную редакцію проекта 1899 года, то соображенія практическаго свойства были приняты во вниманіе. Въ проектѣ 1899 года не было требованія обязательной договорной книжки, но за то нарушеніе рабочимъ и словеснаго срочнаго найма обложено уголовною карой, при чемъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія предоставлялось, по проекту, непосредственно хозяину.

Подобное рѣшеніе вопроса, конечно, не было бы рѣшеніемъ его. Юридическая несостоятельность и житейская несправедливость проекта такъ велики, что можно было ожидать вѣскихъ и рѣшительныхъ возраженій при обсужденіи его въ высшемъ законодательномъ учрежденіи. Но даже и въ томъ случаѣ, если бы эти предположенія осуществились, въ дѣйствительности они оказались бы либо мертвою буквой, либо поводомъ къ самымъ печальнымъ осложненіямъ въ сельской жизни. Поэтому вторичный пересмотръ проекта, на нашъ взглядъ, былъ необходимъ. Привелъ ли онъ къ желательнымъ результатамъ—это другой вопросъ, который пока, къ сожалѣнію, остается безъ отвѣта.

Въ этомъ случаѣ наше законодательство интересовалось отношеніями между сельскими рабочими и ихъ нанимателями лишь постольку, поскольку дѣло шло о снабженіи и обезпеченіи частновладѣльческаго хозяйства рабочей силой. Но и дѣйствующія правила 12-го іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы, можно сказать, проникнуты чисто хозяйственнымъ взглядомъ на эти отношенія; они ставятъ на первый планъ интересы производства, удѣляя слишкомъ мало вниманія обстановкѣ труда и интересамъ людей, участвующихъ въ немъ. Это стремленіе, быть можетъ, особенно ярко проявляется въ ст. 101-й правилъ 12-го іюня, устанавливающей порядокъ привода рабочаго къ нанимателю въ случаѣ самовольнаго ухода. Полиція,—говорится въ названной статьѣ,—получивъ отъ нанимателя заявленіе о неявкѣ или самовольномъ уходѣ рабочаго, принимаетъ немедленно мѣры къ разысканію его и затѣмъ обязываетъ рабочаго вернуться къ нанимателю, при чемъ назначается для сего кратчайшій, по мѣстнымъ

обстоятельствамъ, срокъ, и разъясняетъ рабочему его обязанности и послѣдствія неисполненія предъявленнаго ему требованія. А однимъ изъ этихъ послѣдствій является, на основаніи ст. 51[2] Уст. о наказ., налаг. мир. суд., уголовная кара—арестъ на срокъ до одного мѣсяца. Какъ извѣстно, среди нашихъ землевладѣльцевъ есть сторонники закрѣпленія договоровъ о личномъ наймѣ, т.-е. гражданскихъ сдѣлокъ, угрозами уголовной репрессіи. Неудовлетворяясь дѣйствующимъ закономъ, они добиваются усиленія кары и назначенія уголовнаго наказанія даже не за отказъ въ исполненіи требованій полиціи, а за самый уходъ. И тѣмъ не менѣе въ громадномъ большинствѣ они являются противниками привода. Почему? Вѣдь, кажется, въ данномъ случаѣ законъ идетъ навстрѣчу желаніямъ нанимателя. Послѣдній стремится, даже при помощи уголовныхъ каръ, обезпечить хозяйство рабочей силой. Но и ст. 101-я правилъ 12-го іюня направлена къ тому же: ушедшій рабочій извѣстнымъ порядкомъ доставляется на мѣсто производства. Разногласіе однако существуетъ, и объясняется оно именно тѣмъ, что законъ руководствуется преимущественно интересами хозяйства, заботится прежде всего о томъ, чтобы производство шло безостановочно, а хозяинъ долженъ считаться съ нѣкоторыми другими обстоятельствами и помнить, хотя въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь, что рабочій—не только факторъ производства. Напоминаетъ землевладѣльцу объ этомъ, конечно, собственный интересъ, который не всегда совпадаетъ съ интересомъ производства. Громадное большинство губернскихъ совѣщаній, опрошенныхъ по этому вопросу въ 1897 году, высказалось противъ привода, прямо пояснивъ, что они отвергаютъ эту мѣру не только какъ нецѣлесообразную, неудобную, т.-е. не обезпечивающую хозяйство рабочей силой, но главнымъ образомъ какъ вредную и даже опасную для нанимателя. Трудно допустить, пишетъ новгородское совѣщаніе, «чтобы для землевладѣльца оказалось полезнымъ присутствіе въ экономіи рабочаго, водвореннаго туда принудительными мѣрами полиціи». «Держать такого рабочаго,—по мнѣнію могилевскаго совѣщанія,—врядъ ли кто согласится». «Приведенный полиціей рабочій, непріязненно настроенный, легко можетъ принести,—читаемъ въ самарскомъ отзывѣ,—не только хозяйству, но даже и самой личности нанимателя непоправимый вредъ». Также и минское совѣщаніе полагаетъ, что нанимателю слѣдуетъ «опасаться непріятностей, а часто и большого несчастія со стороны силою возвращеннаго рабочаго». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ испытали и на практикѣ значеніе этой мѣры, идущей, казалось бы, по прямому пути къ цѣли—къ обезпеченію хозяйства рабочею силой. Но, говорится въ воронежскомъ отзывѣ, «на опытѣ выяснилось, что порядокъ этотъ

имѣетъ весьма ограниченное примѣненіе. Хозяева избѣгаютъ его, признавая пребываніе въ хозяйствѣ принудительно возвращеннаго рабочаго вреднымъ; вредъ же этотъ увеличивается въ особенности, если возвращена цѣлая партія самовольно ушедшихъ рабочихъ». «Часто наниматели сами, — говоритъ и харьковское совѣщаніе,—не знаютъ, какъ избавиться отъ услугъ такого рабочаго». «Иное дѣло,—поясняетъ съ своей стороны таврическое совѣщаніе,—если самовольно ушедшій рабочій самъ возвратится къ хозяину».

Словомъ, какъ ни заинтересованъ землевладѣлецъ въ безостановочномъ ходѣ работъ въ своемъ хозяйствѣ, онъ находитъ, что законъ въ разсматриваемомъ постановленіи слишкомъ ужъ прямолинейно рѣшаетъ вопросъ въ интересѣ производства и недостаточно внимателенъ къ его, замлевладѣльца, хозяйствнннымъ и даже болѣе цѣннымъ личнымъ интересамъ. Но другая сторона, участвующая въ договорахъ о наймѣ на сельскія работы, могла бы указать еще болѣе существенные недостатки дѣйствующаго закона.

Въ самое послѣднее время стали появляться извѣстія о двухъ проектахъ, расширяющихъ задачи государственнаго вмѣшательства въ отношенія по найму на сельскія работы. Министерство земледѣлія занято обсужденіемъ вопроса о мѣрахъ для предупрежденія увѣчій, причиняемыхъ сельскимъ рабочимъ сельскохозяйственными машинами. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ передаютъ газеты, поднятъ вопросъ объ установленіи санитарнаго надзора за табачными плантаціями на югѣ. Одновременное возбужденіе этихъ двухъ законодательныхъ вопросовъ, входящихъ въ широкую, но непочатую еще область государственныхъ заботъ объ улучшеніи обстановки наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ, конечно, дѣло случайности. Но не случайно то, что на законодательной очереди у насъ появляются теперь проекты этого рода мѣропріятій по урегулированію отношеній между сельскими рабочими и ихъ нанимателями. Въ частности, что касается обоихъ названныхъ законопроектовъ, то потребность въ скорѣйшемъ проведеніи ихъ ясна до очевидности. Оповѣщая о работахъ министерства земледѣлія по вопросу о мѣрахъ противъ увѣчій сельскихъ рабочихъ, «Торгово-Промышленная Газета» напомнила, что ходатайства объ этомъ неоднократно возбуждались сельскохозяйственными обществами и земствами, преимущественно южными (въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской, Воронежской, Таврической). Настоятельная потребность въ законодательной регламентаціи работы съ сельскохозяйственными машинами, въ видахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ, констатирована также и фабричной инспекціей на совѣщаніи старшихъ инспекторовъ харьковскаго фабричнаго округа. И дѣйствительно, политика

невмѣшательства оплачивается здѣсь слишкомъ дорогою цѣною: въ одной Херсонской губерніи, и даже только въ нѣкоторыхъ ея уѣздахъ, болѣе или менѣе тяжкія поврежденія считаются ежегодно сотнями. Но, во-первыхъ, пользованіе сельскохозяйственными машинами распространено и все шире распространяется и въ другихъ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ, а во-вторыхъ, кромѣ тяжелыхъ случаевъ пораненія сельскохозяйственными машинами, въ дѣйствительности встрѣчается масса болѣе легкихъ поврежденій, никѣмъ не регистрируемыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ этихъ случаевъ сельскіе рабочіе не обращаются, да и не имѣютъ возможности обратиться къ помощи врача. Тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуетъ та же офиціальная газета, въ лѣтніе мѣсяцы «земскіе пріемные покои и больницы, по отзыву нѣкоторыхъ врачей, отчасти напоминаютъ перевязочные пункты во время войны». Очевидно, что оставлять и на будущее время дѣло въ такомъ же положеніи не годится. Не трудно убѣдиться и въ необходимости дѣятельнаго санитарнаго надзора за табачными плантаціями. Какъ разъ въ послѣдніе годы особенно много говорилось и писалось объ отвратительныхъ условіяхъ быта работницъ на этихъ плантаціяхъ, такъ что даже нѣтъ надобности въ воспроизведеніи этихъ печальныхъ картинъ,—онѣ у всѣхъ еще въ памяти. Но, быть можетъ, слѣдуетъ напомнить, что частныя сообщенія газетъ въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадали не только въ содержаніи, но и въ тонѣ съ отчетами офиціальныхъ лицъ, которымъ пришлось побывать на табачныхъ плантаціяхъ. Словомъ, для возбужденія обоихъ этихъ законодательныхъ вопросовъ имѣются достаточныя основанія. Но разрѣшеніе ихъ не устранитъ потребности и въ другихъ законодательныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ той же цѣли. Санитарныя и прочія безобразія табачныхъ плантацій, отсутствіе какой-либо заботы объ огражденіи рабочихъ отъ увѣчій, причиняемыхъ сельскохозяйственными машинами,—это только частности общей неблагопріятной обстановки сельскаго наемнаго труда. За необходимость законодательныхъ мѣръ къ улучшенію ея раздавались голоса въ тѣхъ же губернскихъ совѣщаніяхъ 1897 года, и, быть можетъ, ни лишено значенія то обстоятельство, что указанія этого рода исходили сплошь и рядомъ отъ представителей губернской администраціи разныхъ вѣдомствъ.

Дѣйствующее законодательство, стремясь обезпечить частновладѣльческое хозяйство рабочей силой, почти вовсе не считается съ потребностью послѣдней въ сносной трудовой обстановкѣ. А къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ въ жизни ведетъ этотъ пробѣлъ въ законодательствѣ, можно видѣть изъ трудовъ губернскихъ совѣщаній, хотя послѣднія, кстати сказать, и составомъ своимъ, и предложен-

ной имъ программой работъ не наводились на эту сторону вопроса о сельскихъ рабочихъ, а скорѣе отвлекались отъ нея. Въ то время пересмотръ Положенія 12 іюня 1886 г., нормирующаго отношенія по найму на сельскія работы, былъ предпринятъ главнымъ образомъ съ цѣлью провѣрки жалобъ нѣкоторой части землевладѣльцевъ на недостаточность установленныхъ закономъ гарантій противъ нарушенія договоровъ найма со стороны сельскихъ рабочихъ. Членами же губернскихъ совѣщаній состояли, кромѣ представителей разныхъ вѣдомствъ, по большей части мѣстные землевладѣльцы. Понятно, что при этихъ условіяхъ нельзя было ожидать особеннаго вниманія къ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы главной темы обсужденія. Тѣмъ болѣе знаменательно, что эти вопросы все-таки были поставлены. При другихъ обстоятельствахъ обсужденіе ихъ, конечно, дало бы болѣе значительные результаты, но и теперь въ матеріалахъ, изданныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, можно найти немало указаній на то, что дѣйствующія правила не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ потребностямъ нанимающагося, не охраняютъ самыхъ насущныхъ его интересовъ. «Въ упомянутомъ Положеніи,—говоритъ, напримѣръ, большинство членовъ екатеринославскаго совѣщанія (и въ числѣ ихъ—губернаторъ, управляющій казенной палатой, прокуроръ окружнаго суда),—прежде всего обращаетъ на себя вниманіе несоблюденіе принципа равноправности договаривающихся сторонъ и предпочтительная заботливость объ интересахъ нанимателей предъ интересами нанимаемыхъ». «Положеніемъ 12 іюня равновѣсіе между интересами нанимателей и рабочихъ нарушено весьма существенно и нарушено именно во вредъ нанимаемыхъ», читаемъ мы въ матеріалахъ, собранныхъ для вологодскаго совѣщанія управляющимъ мѣстной казенной палатой. Слѣдуетъ отмѣтить, что такого же взгляда на дѣйствующее законодательство о наймѣ на сельскія работы придерживаются, какъ видно изъ тѣхъ же матеріаловъ, многія лица съ виднымъ служебнымъ положеніемъ въ провинціи. Въ рядѣ записокъ, особыхъ мнѣній и заключеній, подписанныхъ управляющими казенными палатами, предсѣдателями и прокурорами окружныхъ судовъ, земскими начальниками, мировыми посредниками, доказывается именно съ этой точки зрѣнія неудовлетворительность либо Положенія 12 іюня 1886 года въ цѣломъ, либо отдѣльныхъ существенныхъ его постановленій.

Законопроектъ министерства внутреннихъ дѣлъ о санитарномъ надзорѣ за табачными плантаціями вызванъ, какъ мы видѣли, разоблаченіемъ поистинѣ печальныхъ жилищныхъ условій и скуднаго питанія рабочаго люда въ этихъ крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ. Но много ли лучше продовольствуются и помѣщаются сельскіе

рабочіе въ другихъ крупныхъ хозяйствахъ, и гарантируетъ ли законъ достаточное удовлетвореніе нанимателемъ такихъ насущныхъ потребностей его рабочихъ, какъ пища и жилище? Матеріалы, собранные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1897 году, даютъ на оба эти вопроса отрицательный отвѣтъ. «Въ Положеніи 12 іюня 1886 года,— говоритъ большинство екатеринославскаго совѣщанія,—нѣтъ гарантіи для добросовѣстнаго исполненія хозяевами своихъ обязанностей по отношенію къ рабочимъ. Ст. 32-я Пол. указываетъ на то, чтобы пища, выдаваемая рабочимъ, была хорошаго качества и соотвѣтствовала по составу и количеству пищѣ, употребляемой по мѣстнымъ обычаямъ въ крестьянскихъ семьяхъ средняго достатка, между тѣмъ дурная или недостаточная пища, даваемая рабочимъ, и полное отсутствіе какихъ-либо помѣщеній для рабочихъ, даже крыши для жилья, а также употребленіе въ сельскомъ хозяйствѣ машинъ безъ предохранительныхъ приспособленій—явленія довольно обычныя, въ особенности, конечно, у хозяевъ изъ разночинцевъ и крестьянъ». Въ числѣ поводовъ къ недоразумѣніямъ, возникающимъ между рабочими и нанимателями, пишетъ управляющій черниговской казенной палатой, «заслуживаютъ вниманія: а) недоброкачественность пищи и вообще дурное содержаніе, б) неисправная выдача заработанныхъ денегъ и в) предъявленіе къ рабочимъ такихъ требованій, которыя не предусмотрѣны договоромъ». О двухъ послѣднихъ поводахъ къ недоразумѣніямъ мы здѣсь не говоримъ. Что же касается до «недоброкачественности пищи и вообще дурнаго содержанія», то на эти черты «существующаго неустройства въ области отношеній между нанимателями и сельскохозяйственными рабочими» указывается во многихъ отвѣтахъ на программу 1897 года (наприм., въ астраханскомъ, кіевскомъ, пермскомъ, подольскомъ, нижегородскомъ, петербургскомъ, смоленскомъ, тамбовскомъ, тверскомъ, харьковскомъ, уфимскомъ). Словомъ, разсматриваемое явленіе приходится признать отнюдь не исключительнымъ. Въ отвѣтахъ губернскихъ совѣщаній мы находимъ даже попытки объяснить его нѣкоторыми общими причинами: такъ, въ петербургскомъ и нижегородскомъ совѣщаніяхъ указывалось, какъ на причину плохого содержанія рабочихъ въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, на абсентеизмъ владѣльцевъ и завѣдываніе имѣніями черезъ управляющихъ и приказчиковъ, а также на переходъ имѣній въ руки купцовъ и крестьянъ-кулаковъ; смоленское, тверское и нѣкоторыя другія совѣщанія видятъ причину вообще въ оскудѣніи землевладѣльцевъ, предлагающихъ именно поэтому «изъ всѣхъ хозяевъ-предпринимателей самыя невыгодныя условія рабочимъ». Какъ бы то ни было, но, по выраженію пермскаго совѣщанія, именно «такая

эксплоатація нанимателями своихъ рабочихъ, находящихся у нихъ нерѣдко въ полной экономической зависимости, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, почему рабочіе бываютъ вынуждены иногда оставлять сельскохозяйственныя работы въ нарушеніе заключенныхъ ими договоровъ». Но надо еще сказать, что требованія сельскихъ рабочихъ относительно продовольствія и помѣщенія представляются вообще чрезвычайно скромными. «Какъ примѣръ того, съ чѣмъ крестьяне иногда мирятся, только бы не лишаться заработка, позволяю себѣ,—пишетъ управляющій тамбовскою казенною палатой,—привести два слѣдующіе случая. Въ одной весьма крупной экономіи была нанята артель около 70-ти человѣкъ. Несмотря на то, что полицейскимъ протоколомъ была удостовѣрена полная негодность дававшагося имъ въ пищу мяса и въ немъ обнаружены черви, только трое изъ всей артели выразили свой протестъ молчаливымъ уходомъ съ работы, остальные же продолжали работать и питаться испорченною пищей. Въ другой богатой экономіи въ 1897 году ушли съ работы 30 человѣкъ, которымъ предстояло раннею весной жить во время работъ подъ открытымъ небомъ, такъ какъ на мѣстѣ производства ихъ, отдаленномъ отъ экономіи, не оказалось даже простыхъ деревянныхъ шалашей для ночлега. Однако болѣе половины этихъ рабочихъ по настоянію старшины вернулись обратно на работы и примирились со своимъ положеніемъ». Эти примѣры показываютъ, что не однѣ табачныя плантаціи нуждаются въ дѣятельномъ санитарномъ надзорѣ и что послѣдній былъ бы далеко не безполезенъ въ качествѣ общей мѣры, направленной къ улучшенію быта рабочихъ въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ.

Необходимо остановиться еще на одной частности вопроса о сельскихъ рабочихъ, представляющей для русской деревни большой самостоятельный интересъ.

Многимъ нашимъ насущнымъ вопросамъ давно вышли юбилейные сроки,—двадцать, тридцать лѣтъ,—что не мѣшаетъ имъ однако все еще оставаться вопросами, т.-е. болѣе или менѣе выясненными, но неудовлетворенными потребностями общественнаго быта, народнаго хозяйства и проч. Къ числу такихъ поистинѣ неумирающихъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отнести и вопросъ объ упорядоченіи отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ. Сколько десятилѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ Чаславскій впервые начертилъ свою карту передвиженія сельскихъ рабочихъ изъ Средней Россіи на югъ и въ заволжскія степи, но и теперь отъ его разсказа объ этихъ массовыхъ скитаніяхъ на авось, съ напрасной потерей времени, силъ и здоровья, вѣетъ неподдѣльною современностью. Періодическія переселенія сотенъ тысячъ сельскихъ рабочихъ съ сѣвера на югъ и обратно совершаются

и въ наше время въ тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, съ тѣми же неопредѣленными и нерѣдко печальными въ смыслѣ заработка результатами. Не далѣе какъ три-четыре года тому назадъ въ отзывахъ мѣстныхъ совѣщаній, на тотъ же запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ по поводу пересмотра правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ, была констатирована наличность почти всѣхъ чертъ, типичныхъ для сельскохозяйственнаго отхода семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. «Движеніе это,—говорило, наприм., екатеринославское совѣщаніе,—происходитъ совершенно стихійно, хаотически и не удовлетворяетъ ни сельскихъ хозяевъ, ни рабочихъ. Рабочіе отправляются наугадъ, неравномѣрно распредѣляются по мѣстностямъ, то въ слишкомъ большомъ количествѣ, то въ недостаточномъ, и, сообразно этому, то поднимаютъ плату въ ущербъ хозяевамъ, то роняютъ ее въ ущербъ себѣ или остаются совсѣмъ безъ работы». Такимъ образомъ передъ нами въ этомъ новѣйшемъ офиціальномъ трудѣ открывается старая, хорошо знакомая картина отношеній, возникающихъ на почвѣ найма пришлыхъ рабочихъ въ степныхъ губерніяхъ. Всесильное время внесло въ нее, кажется, только одну поправку: «Распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ, въ особенности жатокъ,—читаемъ мы въ херсонскомъ отзывѣ,—уменьшая спросъ на рабочія руки на короткое время жатвы, тѣмъ самымъ способствуетъ болѣе правильному распредѣленію рабочей силы, не требуя отъ нея краткаго, но значительнаго напряженія и позволяя пользоваться ею болѣе равномѣрно». Точнѣе говоря, съ распространеніемъ жнеекъ и косилокъ на югѣ и въ заволжскихъ степяхъ исключительно крупные заработки, выпадавшіе, случалось, въ прежнее время на долю пришлыхъ рабочихъ, отошли теперь въ область преданія, и подъемъ цѣнъ на трудъ «въ ущербъ хозяевамъ» въ наши дни представляетъ скорѣе теоретическую возможность, нежели реальную опасность. Напротивъ, паденіе цѣнъ до крайняго предѣла вслѣдствіе переполненія рынка пришлыми рабочими и даже рискъ для нихъ остаться вовсе безъ заработка не составляютъ ничего исключительнаго при настоящихъ условіяхъ земледѣльческаго отхожаго промысла. Сошлемся на фактъ, о которомъ въ свое время было сообщено въ торговомъ обзорѣ «Вѣстника Финансовъ». По свѣдѣніямъ этого изданія, въ 1900 году изъ Ананьевскаго, Александровскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ Херсонской губерніи, по случаю неурожая, «90% ищущихъ заработка вернулись ни съ чѣмъ или перешли въ другія губерніи». Конечно, весною слѣдующаго года «наученные горькимъ опытомъ» рабочіе появились здѣсь «въ очень небольшомъ количествѣ», но такъ какъ условія, заставляющія уходить изъ дома на заработки, не измѣнились, то въ другихъ мѣстностяхъ

степного юга на этотъ разъ оказался избытокъ въ свободныхъ рукахъ, да и на будущее время ничто не гарантируетъ ихъ отъ новаго «горькаго опыта».

Вопросъ о конечной цѣли періодическихъ переселеній сельскаго рабочаго люда—о заработкѣ—и въ наши дни, какъ мы видѣли, имѣетъ то же неопредѣленное рѣшеніе, что и двадцать-тридцать лѣтъ назадъ. Мало измѣнилась къ лучшему и обстановка, въ которой эти сотни тысячъ людей совершаютъ свои ежегодныя странствованія изъ-за куска хлѣба. «Рынки найма въ большинствѣ случаевъ,—читаемъ мы въ отзывѣ екатеринославскаго совѣщанія,—находятся въ совершенно первобытномъ состояніи и лишены какихъ-нибудь соотвѣтствующихъ дѣлу приспособленій. Рабочіе располагаются прямо на землѣ, подъ открытымъ небомъ, около винной лавки или трактира или валяются на базарахъ между лавками; иногда, впрочемъ, встрѣчаются навѣсы для защиты рабочихъ отъ непогоды, дождя или зноя». Но чтобы попасть подъ навѣсъ и подъ лавку или подъ открытое небо степного юга, надо еще пройти много мытарствъ длиннаго пути изъ среднихъ губерній. За послѣднюю четверть вѣка рельсовая сѣть въ районѣ передвиженія сельскихъ рабочихъ значительно увеличилась, оживилось и пароходное сообщеніе,—не улучшились только условія транспорта живой рабочей силы. Мало того, по справедливому замѣчанію д-ра Тезякова, трудамъ котораго мы много обязаны въ дѣлѣ выясненія современной обстановки рабочаго движенія на югъ, «какъ назадъ тому 20—30 лѣтъ сельскохозяйственные отхожіе рабочіе, служа своимъ тяжелымъ трудомъ благосостоянію южныхъ губерній, съ котомками и косами за плечами занимались измѣреніемъ чумацкихъ шляховъ, такъ и теперь «бродячая рабочая Русь» на «собственныхъ своихъ двоихъ» бредетъ за сотни, тысячи верстъ вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ и по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, развлекаясь созерцаніемъ быстро летящихъ поѣздовъ и плавно двигающихся пароходовъ» («Трудовая Помощь», 1901 г., № 5). Почтенный изслѣдователь заключаетъ свое описаніе логически необходимымъ сожалѣніемъ о даромъ потраченныхъ силахъ, здоровьѣ, средствахъ и времени,—словомъ, говоритъ о томъ же и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и Чаславскій, наблюдавшій нашъ земледѣльческій отходъ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ. На той же сценѣ въ обстановкѣ, подправленной съ внѣшней стороны на современный ладъ, разыгрывается и въ наши дни старая драма, на горе невольныхъ участниковъ ея и къ немалому ущербу для экономіи всей страны.

То немногое, что̀ сдѣлано за послѣднія семь - восемь лѣтъ, не говоримъ—для упорядоченія отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ,

а для смягченія тяжелой доли занятаго въ нихъ населенія,—сдѣлано земствомъ. Это—такъ называемые врачебно-продовольственные пункты, возникшіе впервые въ 1892 г. въ Херсонской губерніи по почину мѣстнаго земства. Примѣру его послѣдовали позднѣе также земства нѣкоторыхъ другихъ губерній (Екатеринославской, Самарской, Симбирской), организовавшія для пришлыхъ рабочихъ въ мѣстахъ скопленія ихъ медицинскую помощь и снабженіе дешевой доброкачественной пищей. Въ настоящее время это полезное земское начинаніе пользуется общимъ сочувствіемъ, изъявленіе котораго мы находимъ въ тѣхъ же отзывахъ мѣстныхъ совѣщаній. Само собою разумѣется, врачебно-продовольственные пункты, по справедливому замѣчанію д-ра Тезякова, «далеко не разрѣшаютъ огромнаго вопроса объ упорядоченіи отхожихъ промысловъ». Но они, несомнѣнно, содѣйствуютъ оздоровленію этихъ промысловъ, оказываютъ поддержку тысячамъ людей въ самыя тяжелыя минуты ихъ трудовой жизни, и если бы эти учрежденія составили цѣлую, по возможности, густую сѣть на путяхъ движенія рабочихъ и на рынкахъ найма, они могли бы получить важное экономическое значеніе и облегчить задачу дѣйствительнаго упорядоченія отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ. При условіи широкаго распространенія, притомъ не только въ губерніяхъ, притягивающихъ рабочихъ, но, конечно, въ меньшемъ числѣ, и въ губерніяхъ, отпускающихъ рабочую силу, земскія врачебно - продовольственныя организаціи могли бы выполнить также функціи посредническихъ конторъ, стать источникомъ для населенія правильныхъ свѣдѣній о спросѣ на трудъ и содѣйствовать этимъ путемъ возможному, при остальныхъ данныхъ условіяхъ, упорядоченію земледѣльческаго отхода. Такую роль врачебно-продовольственные пункты могутъ выполнить, конечно, лишь подъ тѣмъ условіемъ, что, увеличившись въ числѣ и войдя въ сношенія между собою, они останутся попрежнему земскими организаціями, чуждыми какой-либо принудительности по отношенію къ своимъ клiентамъ и всегда доступными контролю со стороны общества и печати.

VII.

Платежи.

«Уже въ семидесятыхъ годахъ, — напоминаетъ названное выше изданіе канцеляріи комитета министровъ, — указывалось на несоразмѣрность между доходностью надѣловъ и лежащими на крестьянахъ платежами; фактъ этотъ былъ удостовѣренъ изслѣдованіями комиссіи (60-хъ и 70-хъ годовъ) для пересмотра системы податей и сборовъ».

Прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ потребность въ сложеніи съ крестьянъ части податного бремени была признана совершенно очевидной и безспорной. Съ тѣхъ поръ въ программу нашей экономической политики стало входить неизмѣнной составною частью пониженіе, либо облегченіе уплаты выкупныхъ платежей. Въ какой мѣрѣ многочисленными мѣропріятіями, направленными къ этой цѣли, дѣло сдѣлано, это—другой вопросъ, разъясненію котораго помогаютъ нѣкоторыя новѣйшія офиціальныя свѣдѣнія.

Въ 1902 году былъ изданъ «Сводъ данныхъ о поступленіи казенныхъ окладныхъ сборовъ по имперіи за десятилѣтіе 1888—1897 гг.», составленный статистическимъ отдѣленіемъ департамента окладныхъ сборовъ. Этотъ статистическій трудъ состоитъ изъ ряда таблицъ и діаграммъ, основнымъ матеріаломъ для которыхъ послужили годичные отчеты департамента о поступленіи окладныхъ сборовъ. Таблицамъ и діаграммамъ предшествуетъ общій обзоръ заключающихся въ этомъ «Сводѣ» свѣдѣній. По существу общіе выводы департамента окладныхъ сборовъ не даютъ ничего существенно новаго, но нельзя не остановиться на одномъ, если не новомъ, то весьма важномъ заключеніи, къ которому пришелъ департаментъ при пересмотрѣ своихъ данныхъ о поступленіи сборовъ за десять лѣтъ, а именно на замѣчаніи—что недоборъ за этотъ періодъ сталъ у насъ *обычнымъ явленіемъ*. На нашъ взглядъ эта характерная черта современнаго экономическаго положенія страны довольно ясно намѣтилась при генеральномъ смотрѣ податныхъ отчетовъ.

Первое, на чемъ останавливается вниманіе изслѣдователя, это—дѣйствительно хроническіе недоборы. Изъ десяти лѣтъ, которыхъ касается обзоръ, семь было съ поступленіемъ ниже оклада, такъ что «*недоборъ*, по заключенію департамента, за этотъ періодъ *сталъ обычнымъ явленіемъ*». Важность этого факта, кажется, стоитъ внѣ спора. Когда плательщикъ прямыхъ налоговъ превращается въ «обычнаго» недоимщика, никакія ссылки на ростъ поступленій отъ косвенныхъ налоговъ, никакіе подсчеты массоваго народнаго потребленія не убѣдятъ въ томъ, что общее экономическое положеніе страны улучшается, хоть бы только постепенно. Напротивъ, хроническія недоимки служатъ вѣскимъ доводомъ въ пользу того, что общее благосостояніе падаетъ,—и опровергнуть это заключеніе можно, только доказавъ, что недоборъ является слѣдствіемъ бездѣйствія властей, взимающихъ налоги, или неисправности сравнительно небольшой группы населенія. Но ни о томъ, ни о другомъ у насъ рѣчи быть не можетъ. Энергія и старательность агентовъ фиска не возбуждаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія; съ другой стороны, безспорно и то, что и недоимка накопляется не за отдѣль-

ною какою-либо группой плательщиковъ, а за массой ихъ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ данныхъ того же официіальнаго изслѣдованія, о которомъ мы говоримъ. По вычисленію департамента окладныхъ сборовъ, болѣе двухъ третей всей совокупности окладныхъ сборовъ (97,4 милл. руб., или 68% общей суммы) составляютъ выкупные платежи, т.-е. платежи, распредѣляющіеся между большинствомъ сельскаго населенія Европейской Россіи. Но и недоимки накопляются главнымъ образомъ по выкупнымъ же платежамъ. Изъ всѣхъ другихъ окладныхъ сборовъ только подушная подать, занимавшая въ отчетное десятилѣтіе весьма скромное мѣсто въ бюджетѣ прямыхъ казенныхъ налоговъ (1,9 милл. руб., или $1^1/_2$% средняго годичнаго оклада этихъ сборовъ), можетъ соперничать съ выкупными платежами по неуспѣшности поступленія. И обѣ эти категоріи окладныхъ сборовъ, по заключенію департамента, составляютъ одну группу, «не только наименѣе надежную въ смыслѣ исправности, но и весьма неустойчивую: колебанія въ отдѣльные годы какъ по выкупнымъ платежамъ, такъ и по подушнымъ сборамъ происходятъ почти въ одинаковыхъ и весьма широкихъ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ цѣлой трети окладовъ».

Если въ конечномъ итогѣ поступленіе окладныхъ сборовъ оказывается за десятилѣтіе неудовлетворительнымъ, то это происходитъ именно вслѣдствіе накопленія недоимокъ по разсматриваемой группѣ прямыхъ налоговъ, ибо всѣ остальные окладные сборы, составляющіе въ совокупности болѣе 30% общей суммы годичнаго оклада, по словамъ департамента, «отличаясь одинаково высокимъ уровнемъ поступленій въ среднемъ, почти равнымъ цѣлому окладу, въ то же время не уклоняются отъ него существенно и въ отдѣльные годы». Поэтому, если за отчетное десятилѣтіе недоимка по окладнымъ платежамъ, несмотря на сложеніе $10^1/_2$ милл. ея, главнымъ образомъ въ 1896 году по Высочайшему манифесту, возросла съ 61-го милл. почти до 115-ти милл., то важнѣйшею причиною этого является увеличеніе недоимки выкупныхъ платежей съ 30 милл. до 104 милл. По другимъ налогамъ либо были недоборы въ небольшихъ сравнительно суммахъ, либо даже поступленія превышали окладъ и частью пошли на погашеніе старыхъ недоимокъ. Эти факты заставляютъ признать, что «въ бюджетныхъ соображеніяхъ» наибольшее вниманіе должны останавливать на себѣ выкупные платежи. Но ростъ недоимокъ по нимъ представляетъ большую важность не только какъ обстоятельство, вносящее въ государственный бюджетъ «замѣтныя колебанія». Параллельно съ этими колебаніями происходятъ и другія—въ благосостояніи массы населенія, являющагося плательщикомъ налога. Равнодѣйствующая всѣхъ такихъ колебаній можетъ въ однихъ случаяхъ

указывать на улучшеніе экономическаго положенія страны въ общемъ, въ другихъ—на движеніе въ обратную сторону, но наличность крупныхъ колебаній уже сама по себѣ—признакъ неустойчивости платежныхъ силъ населенія. Въ нашемъ же случаѣ и равнодѣйствующая характеризуется недоимочностью въ качествѣ «обычнаго явленія», т.-е указываетъ на глубокое хозяйственное разстройство главныхъ плательщиковъ налоговъ—массы сельскаго населенія.

Департаментъ въ своей запискѣ даетъ этому факту другое объясненіе. «Общіе результаты поступленія по Имперіи,—сказано въ запискѣ,—опредѣляются почти всецѣло успѣшностью взносовъ по Европейской Россіи, несущей на себѣ свыше $^5/_6$ частей всей совокупности платежей». «Въ большей части общаго числа районовъ Европейской Россіи среднее за десятилѣтіе поступленіе не только сравнялось съ полнымъ размѣромъ оклада, какъ по сѣверному району, но даже превысило его: по сѣверо-и юго-западному районамъ—на 1%, по малороссійскому и Сѣверному Кавказу — на 3% и по южному району — даже на 4%, такъ что ниже оклада поступленіе оказалось лишь въ четырехъ районахъ: въ средне-промышленномъ и прибалтійскомъ—лишь на 3%, въ средне-черноземномъ же — на 11% и восточномъ — даже на 13%» «Важнѣйшимъ регуляторомъ поступленія въ большинствѣ мѣстностей Имперіи служитъ, несомнѣнно, урожай хлѣбовъ. Такъ, по главнѣйшей части —Европейской Россіи, для коей свѣдѣнія объ урожаяхъ представляются наиболѣе полными, недородъ въ хлѣбахъ сопровождается обыкновенно недоборомъ въ платежахъ. Самые слабые по урожаю годы были: 1889 г., 1890 г., 1891 г., 1892 г. и 1897 г. Недороды этихъ лѣтъ обнимали преимущественно два главнѣшихъ по размѣру посѣва (43% посѣвной площади по 50-ти губерніямъ Европейской Россіи) и платежей (44%) района—восточный и средне-черноземный, въ коихъ слабые урожаи вызываютъ обыкновенно значительные недоборы въ платежахъ, существенно понижающіе и общіе по Имперіи результаты поступленія».

Такимъ образомъ департаментъ хотя и признаетъ, что недоборы въ окладныхъ сборахъ были обычнымъ явленіемъ въ десятилѣтіе 1888—1897 гг., но видитъ въ нихъ лишь проявленіе временнаго ослабленія платежеспособности сельскаго населенія, обусловленное недородомъ хлѣбовъ, а отнюдь не «глубокое хозяйственное разстройство» этого населенія. Повидимому, такое разстройство департаментъ окладныхъ сборовъ допускаетъ, и то лишь условно,—если признать полное соотвѣтствіе между поступленіемъ окладныхъ сборовъ и платежными силами населенія,—въ отношеніи районовъ средне-черноземнаго и восточнаго. Намъ кажется однако, что цифры разсматриваемаго изслѣ-

дованія департамента окладныхъ сборовъ говорятъ именно о глубокомъ хозяйственномъ разстройствѣ, а не о временномъ только ослабленіи платежной способности сельскаго населенія. Начать съ того, что существованія такого разстройства въ губерніяхъ средне-черноземныхъ и восточныхъ, не оспариваетъ и объяснительная записка. Къ концу періода,—говорится въ ней между прочимъ,—«несмотря на сложеніе значительной суммы по манифесту 1896 года, недоимочность даже въ цѣломъ по этимъ районамъ достигла огромнаго относительнаго размѣра; въ средне-черноземномъ — 49½ милл. руб., или почти 1½ оклада (145%) и восточномъ — 35 милл. руб., составляющихъ даже почти двойной размѣръ оклада (197%)». Въ виду этихъ цифръ, кажется, трудно настаивать даже на оговоркѣ относительно соотвѣтствія между исправностью плательщиковъ и ихъ платежными силами. Мыслимо ли, чтобы въ теченіе десятка лѣтъ на громадномъ пространствѣ 15-ти губерній плательщики могли оказаться столь неисправимыми, имѣя средства для платежа? Но по вычисленію департамента, платежи этихъ двухъ районовъ составляютъ 44% всѣхъ платежей по 50-ти губерніямъ Европейской Россіи. Не разрѣшается ли этимъ въ значительной мѣрѣ и самый споръ о причинѣ интересующаго насъ «обычнаго явленія?» Не забудемъ, что на эти два района приходится слишкомъ двѣ трети общей суммы платежей и едва ли не такая же доля платящаго населенія. Однако, кромѣ того, недоимка по тѣмъ же официальнымъ свѣдѣніямъ увеличилась въ отчетное десятилѣтіе не въ двухъ только районахъ, а, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, «въ пяти районахъ, т.-е. въ *половинѣ* общаго числа ихъ по Европейской Россіи». Въ сѣверномъ и прибалтійскомъ она повысилась абсолютно на полмилліона руб. въ каждомъ, а относительно средняго оклада: въ первомъ—на 7% и послѣднемъ—на 21%. «Значительно большее увеличеніе, — говорится далѣе въ той же запискѣ,—далъ средній промышленный районъ—на 6½ милл. руб. или на ⅓ оклада». «Необходимо впрочемъ отмѣтить,—говорится въ «Обзорѣ»,—что почти вся сумма увеличенія въ этомъ районѣ относится на долю одной Нижегородской губ., по коей недоимочность возросла за разсматриваемый періодъ болѣе, чѣмъ на 2½ оклада (съ 50 до 315%)». Мы бы отмѣтили здѣсь еще и другую губернію изъ средне-промышленныхъ—Московскую, которая за послѣднее десятилѣтіе тоже увеличила свою недоимку болѣе чѣмъ на полмилліона. Правда, въ процентахъ къ окладу московская недоимка отстаетъ отъ нижегородской, но все-таки, полагаемъ, что 4,127 тыс. (114% оклада) въ началѣ періода и 4,725 тыс. (128% оклада) въ концѣ того же десятилѣтія—цифры, достойныя вниманія. Но надо принять въ соображе-

ніе еще одно обстоятельство: главный изъ окладныхъ сборовъ у насъ— выкупные платежи, лежащіе на крестьянахъ Европейской Россіи, т.-е. на массѣ сельскаго населенія. По этимъ же платежамъ главнымъ образомъ и накопляются недоимки. Въ общихъ итогахъ недоимочность плательщиковъ выкупныхъ все-таки нѣсколько маскируется сравнительною исправностью остальныхъ разрядовъ плательщиковъ. Обращаясь къ даннымъ составленнаго департаментомъ «Свода», нетрудно убѣдиться, что задолженность по выкупнымъ платежамъ, т.-е. недоборы по платежамъ именно массы сельскаго населенія, наблюдается въ восьми изъ десяти районовъ. Изъ 54-хъ губерній и областей, въ которыхъ взимаются выкупные платежи, 29 увеличили свою недоимку по этимъ платежамъ. При томъ и за предѣлами средне-черноземнаго и восточнаго районовъ можно указать рядъ губерній съ высокимъ процентомъ недоимочности и съ большимъ повышеніемъ этого процента за отчетное десятилѣтіе: такъ, въ Псковской губерніи недоимка по выкупнымъ платежамъ возросла съ 23% до 104%, въ Московской — съ 149% до 214%, въ Нижегородской — съ 49% до 353%, въ Тифлисской—съ 120% до 495%. По сравненію съ этими цифрами приростъ выкупныхъ недоимокъ въ Петербургской губ.—съ 32% до 42% или въ Харьковской—съ 45% до 53%,—пожалуй, не покажется особенно значительнымъ. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ и въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ симптомомъ серьезнаго значенія. Къ сожалѣнію, въ «Сводѣ» нѣтъ поуѣздныхъ данныхъ о поступленіи выкупныхъ платежей. Они, вѣроятно, дали бы еще болѣе яркія иллюстраціи разсматриваемаго явленія. Но изъ менѣе пригодныхъ для этой цѣли поуѣздныхъ свѣдѣній для всей совокупности окладныхъ платежей все-таки видно, что недоимочные уѣзды, какъ отмѣчено въ запискѣ, составляютъ «почти половину (47%) общаго числа уѣздовъ Имперіи». Таблицы разсматриваемаго «Свода» даютъ возможность констатировать, что такіе уѣзды, составляя большинство въ средне-черноземномъ и восточномъ районахъ, вовсе нерѣдки и на Сѣверѣ (22 уѣзда изъ 53-хъ), и въ среднепромышленныхъ губерніяхъ (43 изъ 94-хъ), и въ Прибалтійскомъ краѣ (19 изъ 23-хъ), и на Сѣв. Кавказѣ (7 изъ 18-ти) и т. д.

Остается сказать нѣсколько словъ объ урожаѣ хлѣбовъ какъ «важнѣйшемъ регуляторѣ поступленія». Вліяніе неурожаевъ на платежныя силы населенія и вообще на благосостояніе не подлежитъ конечно, ни малѣйшему сомнѣнію. Но это лишь одинъ изъ факторовъ наблюдаемаго нынѣ хозяйственнаго разстройства крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, даже не только факторъ, но и симптомъ наступившаго разстройства. Такова же впрочемъ роль

и нѣкоторыхъ другихъ условій хозяйственной жизни страны, напримѣръ, налоговъ. Размѣръ налога можетъ превышать платежныя силы населенія и сдѣлаться причиной его хозяйственнаго разстройства. Но когда недоимка станетъ хроническимъ явленіемъ, несоотвѣтствіе между платежами и средствами населенія будетъ не только причинять разстройство, но служить признакомъ существованія этого печальнаго явленія.

Собственно за десятилѣтіе 1888—1897 гг., по расчетамъ департамента наименѣе исправнымъ въ уплатѣ выкупныхъ платежей оказался разрядъ государственныхъ крестьянъ, несущій на себѣ большую часть этихъ платежей. Эти крестьяне не доплачивали ежегодно въ среднемъ 10% оклада, тогда какъ удѣльные оставляли въ недоимкѣ 8% въ годъ, а бывшіе помѣщичьи даже только 4%. Поэтому недоимка выкупныхъ платежей у государственныхъ крестьянъ, недостигавшая въ началѣ разсматриваемаго десятилѣтія четвертой части оклада, составляла въ концѣ того же періода около $1^1/_4$ оклада; помѣщичьи же крестьяне, начавъ десятилѣтіе съ недоимки въ 40%, закончили его съ недобромъ въ 85% оклада. Очевидно, что условія хозяйственной жизни бывшихъ казенныхъ крестьянъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ складывались весьма неблагопріятно. Какъ ни важно однако вытекающее изъ цифръ офиціальнаго отчета заключеніе, что платежныя силы этого разряда крестьянъ въ настоящее время не соотвѣтствуютъ ихъ податнымъ обязанностямъ,—оно не можетъ возбудить никакихъ сомнѣній: бывшіе государственные крестьяне раздѣляютъ въ этомъ отношеніи участь всѣхъ остальныхъ разрядовъ крестьянъ, и въ данномъ случаѣ общія причины привели къ однороднымъ результатамъ. Но тѣ же цифры наводятъ и на другой выводъ, можно сказать, неожиданный и требующій поэтому повѣрки и объясненія.

Бывшіе государственные крестьяне надѣлены землей щедрѣе, нежели бывшіе крѣпостные, а выкупные платежи ихъ въ среднемъ расчетѣ на десятину процентовъ на 20 ниже платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, если судить *только* по отмѣченнымъ даннымъ финансовыхъ отчетовъ, положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ должно быть признано болѣе благополучнымъ. Но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ департаментомъ окладныхъ сборовъ берутся отношенія между недоимками и платежами по всей странѣ, тогда какъ большая часть недобора, какъ мы видѣли, числится за населеніемъ пятнадцати—двадцати губерній. Если взять соотвѣтствующія данныя по отдѣльнымъ районамъ, выводъ потерпитъ существенное измѣненіе. Какъ извѣстно, по размѣрамъ недоимокъ особенно выдѣляются восточныя и среднечерноземныя губерніи, но именно въ обоихъ этихъ

районахъ численно преобладаютъ бывшіе государственные крестьяне: изъ средняго годового оклада платежей крестьянъ всѣхъ разрядовъ за десятилѣтіе 1888—1897 гг. на ихъ долю приходится въ среднечерноземныхъ губерніяхъ 57%, а въ восточныхъ—86%. Затѣмъ, разсматривая въ отдѣльности окладъ выкупныхъ платежей бывшихъ государственныхъ крестьянъ, мы увидимъ, что въ двухъ названныхъ районахъ крестьяне этого разряда обязаны вносить 58,8% всей той суммы, которая взимается съ 50-ти губерній Европейской Россіи. Такимъ образомъ платежи государственныхъ крестьянъ въ той области, которая особенно часто подвергалась неурожаямъ въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ, составляютъ большую часть податнаго бремени не только сельскаго населенія этой мѣстности, но и всѣхъ государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи. Поэтому, если бы даже недоимка распредѣлялась между отдѣльными районами въ точной пропорціи къ окладу, все-таки за государственными крестьянами названныхъ двухъ районовъ числились бы безъ малаго 60% общей суммы недоимокъ по платежамъ этого разряда крестьянъ. Но такъ какъ одной изъ причинъ накопленія недоимки за сельскимъ населеніемъ являются въ большинствѣ случаевъ неурожаи, а послѣдніе посѣщали обѣ области неоднократно въ теченіе разсматриваемаго періода, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что за государственными крестьянами восточныхъ и среднечерноземныхъ губерній зачислена недоимка въ размѣрѣ 87,8% общей суммы недоимки этого разряда. По той же причинѣ доля бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ двухъ разсматриваемыхъ областей въ недоимкѣ, накопленной во всей Европейской Россіи крестьянами этого разряда, гораздо значительнѣе ихъ доли въ окладѣ выкупныхъ платежей. По даннымъ департамента окладныхъ сборовъ, на нихъ лежитъ менѣе трети этого оклада (30,8%), тогда какъ недоимка ихъ составляетъ двѣ трети (66,1%) общей суммы недоимокъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 50-ти европейскихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ задолженность бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ области, которую особенно часто посѣщали неурожаи, даже выше, нежели у государственныхъ. Это заключеніе еще нагляднѣе обнаруживается, если сравнить недоимки съ окладами обоихъ разрядовъ по каждому изъ разсматриваемыхъ районовъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ концу 1897 года въ восточныхъ губерніяхъ за крестьянами бывшими помѣщичьими числилась недоимка, равная 277% оклада изъ выкупныхъ платежей, а за бывшими государственными—211%; для среднечерноземныхъ губерній то же соотношеніе выражается въ 169% и въ 168%. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ наростаніе недоимокъ не прекращалось, и общая сумма ихъ у обоихъ разрядовъ крестьянъ

вмѣстѣ повысилась съ 80½ милл. до 93,2 милл. р. При этомъ однако бывшіе помѣщичьи крестьяне восточныхъ губерній удержали за собою первое мѣсто по степени задолженности (въ недоимкахъ за ними 343%); недоимка государственныхъ крестьянъ этой полосы тоже поднялась до 256% оклада; для средне черноземныхъ губерній, по отчету государственнаго контроля, недоимочность первыхъ должна быть опредѣлена къ началу 1902 года въ 195%, вторыхъ—въ 182% оклада.

Такимъ образомъ и по новѣйшимъ даннымъ, хотя наибольшій недоборъ, говоря словами отчета государственнаго контроля, упадаетъ на неурожайныя мѣстности, въ которыхъ преобладающій контингентъ крестьянскаго населенія составляютъ бывшіе государственные крестьяне, но все-таки именно бывшіе помѣщичьи крестьяне въ этихъ мѣстностяхъ оказываются обремененными сравнительно наиболѣе значительными недоимками. Какъ и слѣдовало ожидать, при меньшихъ надѣлахъ и болѣе высокихъ выкупныхъ платежахъ они не могутъ считаться болѣе исправными плательщиками, нежели бывшіе государственные крестьяне. Но все же и въ условіяхъ хозяйственной жизни послѣднихъ послѣ выхода ихъ на выкупъ произошло серьезное ухудшеніе, признакомъ котораго можетъ служить быстрое наростаніе недоимокъ, и временами даже болѣе быстрое, нежели у другихъ разрядовъ крестьянъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ совокупностью причинъ, распространившихъ свое неблагопріятное вліяніе, конечно, на хозяйство и другихъ разрядовъ. Но, повидимому, значеніе этихъ общихъ факторовъ крестьянскаго разоренія усиливалось для государственныхъ крестьянъ въ теченіе разсматриваемаго періода нѣкоторой спеціальной причиной, именно преобразованіемъ оброчной подати въ выкупные платежи. Въ среднемъ они не достигли, правда, той высоты, на которой стоятъ платежи помѣщичьихъ крестьянъ даже послѣ общаго и спеціальнаго пониженія въ силу закона 28-го декабря 1881 г. Но все же выкупные платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ общемъ для двухъ разсматриваемыхъ районовъ превышаютъ прежнюю оброчную подать въ полтора раза; для отдѣльныхъ же мѣстностей увеличеніе платежей было нерѣдко еще значительнѣе. Слѣдовательно государственные крестьяне не получили никакого облегченія отъ отмѣны подушной подати, такъ какъ нынѣшніе ихъ платежи въ общемъ равняются суммѣ прежнихъ подушной и оброчной податей, а мѣстами и превосходятъ ихъ. Между тѣмъ отмѣна подушной подати нашла и другую компенсацію, общую для всѣхъ разрядовъ крестьянъ, въ повышеніи питейнаго налога, послѣдовавшемъ почти одновременно съ отмѣной подушной подати и неоднократно впослѣдствіи повторявшемся. Естественно, что при та-

кихъ условіяхъ преобразованіе оброчной подати въ выкупные платежи потребовало отъ государственныхъ крестьянъ новаго напряженія платежныхъ средствъ, которое однако оказалось имъ не по силамъ.

Въ подтвержденіе этого можно сослаться на факты, офиціально удостовѣренные. Такъ, вятское земство въ своемъ отвѣтѣ на запросъ, министерства земледѣлія о нуждахъ сельскаго хозяйства сообщаетъ что «несоотвѣтствіе платежей съ доходностью земли сдѣлалось особенно рѣзкимъ въ южныхъ уѣздахъ Вятской губерніи со времени преобразованія оброчной подати въ выкупные платежи по закону 12-го іюня 1886 года; по нѣкоторымъ волостямъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ селеніяхъ южныхъ уѣздовъ, высота выкупныхъ окладовъ превосходитъ даже сумму оброчной и подушной податей вмѣстѣ взятыхъ». Мѣстами, — говорится далѣе въ томъ же отвѣтѣ,—вслѣдствіе чрезмѣрности выкупныхъ платежей «отказы отъ части надѣловъ и до, и послѣ выдачи владѣнныхъ записей сдѣлались обычнымъ явленіемъ, могущимъ еще болѣе усилиться въ будущемъ». Находя настоящій окладъ выкупныхъ платежей обременительнымъ для крестьянъ всѣхъ разрядовъ, многія земства въ своихъ отвѣтахъ министерству земледѣлія на тотъ же запросъ (напримѣръ, владимірское, воронежское, вятское, казанское, курское, нижегородское, пермское, рязанское, смоленское, петербургское) указываетъ на необходимость различныхъ предлагаемыхъ ими мѣръ къ пониженію этихъ платежей. Нѣкоторыя земства (какъ, напримѣръ, вятское и нижегородское) рекомендуютъ при этомъ для государственныхъ крестьянъ обратный переходъ отъ выкупныхъ платежей къ оброчной подати.

Эти заявленія органовъ мѣстнаго самоуправленія, сколько извѣстно, не имѣли до настоящаго времени практическихъ результатовъ, такъ что вопросъ объ обременительности для крестьянъ выкупныхъ платежей пришлось снова возбудить мѣстнымъ комитетомъ, учрежденнымъ для сообщенія особому совѣщанію о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности свѣдѣній и заключеній по предметамъ его занятій. За пониженіе выкупныхъ платежей въ концѣ 1903 года, какъ извѣстно, высказалась также комиссія сенатора Коковцева, работавшая надъ изученіемъ экономическаго положенія центральныхъ черноземныхъ губерній. Къ предложенію этой мѣры комиссія естественно пришла какъ къ послѣдовательному выводу изъ своего «общаго заключенія о крайне неудовлетворительномъ состояніи земледѣльческаго промысла въ большинствѣ земледѣльческихъ районовъ, обнимающихъ весь центръ, весь востокъ и даже часть юга». Съ другой стороны изслѣдованіе собственно вопроса о крестьянскихъ платежахъ за послѣднія тридцать лѣтъ показало комиссіи, что «платежеспособность

крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Россіи, повидимому, понижается». Здѣсь говорится о «нѣкоторыхъ мѣстностяхъ», но какъ широко простирается область пониженной платежной способности сельскаго населенія, можно видѣть изъ того, что, по свидѣтельству комиссіи, «исправность во взносѣ казенныхъ сборовъ (т. е., главнымъ образомъ, выкупныхъ же платежей) наблюдается только на югѣ и на западѣ и отчасти на сѣверѣ; въ среднемъ же Приволжьѣ, на востокѣ и въ среднихъ земледѣльческихъ губерніяхъ населеніе не уплачиваетъ сполна даже пониженныхъ окладовъ, взносъ коихъ отмѣчается все меньшими и меньшими абсолютными и относительными суммами». Къ этому надо добавить, слѣдуя указанію комиссіи въ другомъ мѣстѣ ея труда, что изъ территоріи, отличавшейся сравнительно недавно относительной исправностью въ платежахъ, надлежитъ сдѣлать значительные вычеты. Дѣло въ томъ, что «за послѣдніе годы замѣчаются неблагопріятные признаки, какъ, напр., податная задолженность, и въ Новороссіи», что въ Малороссіи «экономическое положеніе представляется, повидимому, болѣе благопріятнымъ. чѣмъ въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, именно потому, что въ малороссійскихъ губерніяхъ не было за послѣднее время крупныхъ недородовъ», что на югозападѣ также «замѣчается и измельчаніе надѣловъ, и избытокъ рабочей силы, и—въ зависимости отъ этого—низкій уровень заработковъ».

Словомъ, прогрессирующая слабость платежныхъ силъ сельскаго населенія—явленіе, можно сказать, повсемѣстное и массовое, характерное не для отдѣльныхъ, хотя бы и многочисленныхъ селеній, а для современной деревни въ цѣломъ.

Изъ опубликованнаго журнала засѣданій комиссіи сен. Коковцова выяснился взглядъ ея на три вопроса, рѣшеніе которыхъ имѣетъ опредѣляющее значеніе для всего проекта: это — способъ пониженія выкупныхъ платежей, территоріальное распространеніе податной льготы и размѣры, въ которыхъ она можетъ быть оказана.

Лучше всего, повидимому, разрѣшается первый вопросъ. Дѣйствительно, высказываясь вообще въ пользу пониженія выкупныхъ платежей, комиссія отдаетъ предпочтеніе тому способу осуществленія этой мѣры, который былъ принятъ въ 80-хъ годахъ, передъ системой частичныхъ—для отдѣльныхъ селеній—отсрочекъ и пересрочекъ, практиковавшейся въ послѣднее время. Противъ этой позднѣйшей формы облегченія крестьянамъ ихъ податныхъ обязанностей говоритъ опытъ: она недостаточно обезпечиваетъ интересы нуждающагося въ льготахъ по платежамъ населенія, такъ какъ отводитъ слишкомъ много мѣста случайности. Конечно, по этой именно причинѣ частичныя пониженія выкупныхъ платежей получили, какъ засвидѣтельствовалъ въ комиссіи

директоръ департамента окладныхъ сборовъ, «самое неравномѣрное примѣненіе въ отдѣльныхъ губерніяхъ въ зависимости какъ отъ желаній самихъ обществъ, такъ и отъ взглядовъ мѣстной администраціи». Изъ черноземныхъ губерній, напр., пересрочка и отсрочка уплаты выкупного долга на основаніи законовъ 1896 и 1899 гг. произведена въ относительно большихъ размѣрахъ лишь въ Рязанской и Тульской. Между тѣмъ «особое напряженіе податныхъ силъ крестьянскаго населенія» наблюдается, по заключенію представителей министерства финансовъ въ комиссіи, во всемъ центрально-черноземномъ районѣ. А по классификаціи, принятой въ трудахъ комиссіи, къ этому району относятся, кромѣ двухъ названныхъ, также губерніи Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская и Харьковская. Избѣжать такой неравномѣрности въ предоставленіи крестьянамъ податныхъ льготъ, такой зависимости примѣненія закона о нихъ отъ большаго или меньшаго сочувствія къ нему мѣстной администраціи, отъ большей или меньшей освѣдомленности о немъ крестьянъ можно лишь съ возвращеніемъ къ прежнему порядку массоваго пониженія. Поэтому, надо думать, и комиссія признала полезнымъ, чтобы во всѣхъ губерніяхъ, которыя считаются нынѣ наиболѣе заинтересованными въ облегченіи податного бремени, пониженіе выкупныхъ платежей послѣдовало не по особымъ ходатайствамъ плательщиковъ и не по усмотрѣнію мѣстныхъ административныхъ властей, а въ видѣ общей мѣры. Резюмируя пренія по этому вопросу, предсѣдатель комиссіи объ упадкѣ центра отмѣтилъ, что «всѣмъ составомъ комиссіи» признается «желательность въ ближайшемъ же будущемъ облегчить податное бремя, лежащее на крестьянахъ названныхъ губерній» и съ этою цѣлью понизить въ нихъ выкупные платежи. Степень облегченія однако, какъ можно было предвидѣть, не считается необходимымъ свести къ какой-либо опредѣленной нормѣ, къ одинаковой для всѣхъ плательщиковъ сбавкѣ. Напротивъ, комиссія рекомендуетъ принять «такой порядокъ, при которомъ пониженіе выкупныхъ платежей стояло бы въ соотвѣтствіи съ экономическимъ благосостояніемъ населенія каждой мѣстности». При обсужденіи этого вопроса даже прямо было указано на правила «спеціальнаго» пониженія по закону 28-го декабря 1881 года, какъ на примѣръ, которому въ данномъ отношеніи можно бы послѣдовать. Но на практикѣ, разумѣется, мысль комиссіи можетъ быть осуществлена не однимъ этимъ способомъ. Потому и указанный примѣръ имѣетъ значеніе лишь доказательства возможности сообразовать пониженіе выкупныхъ платежей со степенью нужды въ податной льготѣ, не отнимая у послѣдней характера общей мѣры.

Другой вопросъ,—на какія мѣстности должно распространиться, по мнѣнію комиссіи, проектируемое облегченіе. Конечно, этою льготой въ мѣрѣ надобности должны бы воспользоваться всѣ тѣ плательщики, для которыхъ исполненіе ихъ податныхъ обязанностей представляется непосильнымъ или затруднительнымъ. Мы видѣли, что представители министерства финансовъ, устанавливая границы района съ «чрезмѣрнымъ напряженіемъ податныхъ силъ» сельскаго неселенія, прежде всего назвали девять губерній центрально-черноземной полосы. Но положеніе послѣдней въ этомъ отношеніи не можетъ считаться исключительно неблагопріятнымъ. «По высотѣ напряженія податныхъ силъ» къ крестьянамъ названныхъ губерній,—доказывали тѣ же члены комиссіи,—близко примыкаютъ, во-первыхъ, губерніи средневолжскія (Нижегородская, Казанская, Симбирская), затѣмъ восточныя (Уфимская, Оренбургская, Самарская), также Донская область и малороссійскія губерніи—Полтавская и Черниговская. Въ общемъ районъ «чрезмѣрнаго напряженія податныхъ силъ» охватываетъ, по этому подсчету, 18 губерній. Но и это еще не все, такъ какъ въ комиссіи указывалось далѣе «на возможность присоединить къ этой группѣ губерній нѣкоторые уѣзды и селенія другихъ губерній, отличающіеся высокою недоимочностью, для того, чтобы такимъ образомъ, охватить всѣ мѣстности, гдѣ *особенно* желательно ослабленіе податного бремени крестьянскаго населенія».

Намъ кажется что перечень мѣстностей, страдающихъ отъ «чрезмѣрнаго напряженія» податныхъ силъ сельскаго населенія, могъ бы быть пополненъ указаніемъ не на отдѣльные только уѣзды или селенія другихъ губерній, а на цѣлыя губерніи. Въ самомъ дѣлѣ, и въ другихъ районахъ, кромѣ перечисленныхъ, могутъ быть названы губерніи (хотя бы Московская, Пермская, Псковская, Херсонская), отличающіяся высокою недоимочностью, а недоимочность,—какъ справедливо замѣтили представители финансоваго вѣдомства въ комиссіи,—служитъ «однимъ изъ наиболѣе яркихъ показателей податного напряженія населенія, такъ какъ она отражаетъ въ себѣ совокупность всѣхъ условій, дѣлающихъ непосильнымъ податное бремя». Отсюда ясно, что никакого территоріальнаго ограниченія проектируемая мѣра не должна бы имѣть. Пониженіе выкупныхъ платежей необходимо повсемѣстно, потому что повсемѣстно, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ, ощущается въ этомъ потребность.

Къ сожалѣнію, въ комиссіи получило преобладаніе другое мнѣніе: она высказалась за пониженіе выкупныхъ платежей въ ближайшемъ будущемъ въ 18-ти перечисленныхъ губерніяхъ и лишь допустила, что «проектируемая мѣра можетъ быть распространена и на другія мѣст-

ности, гдѣ къ населенію предъявляются чрезмѣрныя фискальныя требованія». Этимъ вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей за предѣлами 18-ти губерній ставится въ неопредѣленное положеніе. Возможность извѣстныхъ податныхъ льготъ для населенія всѣхъ остальныхъ губерній какъ будто и не исключена, но кто долженъ будетъ рѣшать, что въ той или другой мѣстности существуютъ условія, позволяющія рано или поздно примѣнить законъ о пониженіи платежей? На практикѣ, если въ законѣ будетъ такая оговорка объ условномъ распространеніи его дѣйствія на другія мѣстности, конечно, во многихъ случаяхъ плательщики получатъ льготы и внѣ предѣловъ 18-ти губерній, но все-таки удовлетвореніе насущной потребности сельскаго населенія будетъ безъ нужды затруднено... Возможно, что на рѣшеніе въ данномъ случаѣ неблагопріятно повліялъ нѣсколько неожиданный ходъ преній по этому вопросу. Какъ оказывается, въ комиссіи споръ о желательности повсемѣстнаго или ограниченнаго извѣстною территоріей пониженія выкупныхъ платежей перешелъ съ экономической почвы, на которой ему слѣдовало бы держаться, въ область политическихъ или даже полицейскихъ соображеній. По словамъ *Вѣстника Финансовъ*, «однимъ изъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ было заявлено, что неповсемѣстное пониженіе выкупныхъ платежей можетъ вызвать нежелательныя волненія среди крестьянъ». На это послѣдовали возраженія со стороны предсѣдателя комиссіи и представителя финансоваго вѣдомства, справедливо не раздѣлившихъ опасеній своего оппонента. Но и они, можно сказать, отвлеклись отъ существа подлежавшаго обсужденію вопроса, начавъ доказывать, что, напротивъ, «съ проведеніемъ въ жизнь проектируемой мѣры, если только найдены будутъ вполнѣ справедливыя и уравнительныя начала, — существующее въ настоящее время во многихъ мѣстахъ недовольство населенія будетъ устранено.» На самомъ дѣлѣ, разумѣется, пониженіе выкупныхъ платежей, въ какихъ бы предѣлахъ оно ни состоялось, будучи полезною и необходимою мѣрой, не можетъ оправдать ни надеждъ этого рода, ни тревогъ. Тѣ и другія—продуктъ слишкомъ упрощеннаго взгляда на такое сложное явленіе сельской жизни, какъ крестьянскія «волненія» и «существующее въ настоящее время во многихъ мѣстахъ недовольство населенія». Споръ о территоріи, на которую должно распространиться пониженіе выкупныхъ платежей, во всякомъ случаѣ можетъ быть разрѣшенъ исключительно на основаніи соображеній финансовыхъ и экономическихъ. На нашъ взглядъ, эти соображенія заставляютъ признать, что пониженіе должно быть повсемѣстнымъ. Ограничить его какимъ-либо райономъ, значитъ повторить старую ошибку.

Нѣсколько раньше появленія первыхъ извѣстій о разсматриваемомъ проектѣ пониженія выкупныхъ платежей министерство финансовъ представило Особому Совѣщанію о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и опубликовало въ своемъ органѣ записку объ оборотахъ выкупной операціи за все время ея существованія. Имѣетъ ли эта работа связь съ какимъ-либо опредѣленнымъ проектомъ, касающимся крестьянскихъ платежей, изъ сообщенія *Вѣстника Финансовъ* не видно. Задача разсматриваемой работы ограничивалась выясненіемъ лишь финансовыхъ результатовъ выкупной операціи: она ставитъ и разрѣшаетъ единственно вопросъ, прибыльна ли выкупная операція или убыточна въ конечномъ счетѣ для казны. Само собою разумѣется, эта чисто коммерческая сторона дѣла не должна имѣть рѣшающаго значенія въ вопросѣ о дальнѣйшемъ пониженіи или сложеніи выкупныхъ платежей. Но столь же безспорно и то, что она можетъ оказать вліяніе на его судьбу и что съ нею будутъ считаться при окончательномъ его рѣшеніи. Поэтому опубликованной теперь запискѣ нельзя отказать въ значительномъ общемъ интересѣ.

Финансовые результаты выкупа усадебныхъ и полевыхъ земель бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (а также сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ и небольшой группы единовѣрцевъ и старообрядцевъ Западнаго края) опредѣляются въ запискѣ, говоря почти буквально ея словами, посредствомъ выясненія отдѣльныхъ суммъ, изъ которыхъ слагались доходъ и расходъ правительства за каждый годъ прошедшаго времени, а равно изъ тѣхъ суммъ, въ которыхъ должны выразиться эти доходъ и расходъ въ будущемъ, и посредствомъ учета всѣхъ ихъ къ одному сроку, именно къ 1-му января 1902 года. На цифры прибылей и убытковъ отъ выкупной операціи по этотъ срокъ начислены сложные проценты, такъ какъ при избыткѣ дохода правительство могло бы погасить часть своихъ обязательствъ и освободиться отъ уплатъ по нимъ процентовъ или, напротивъ, въ случаѣ убытка оно лишалось возможности полученія процентовъ на сумму, потребную для покрытія дефицита. Дѣйствительная же стоимость какъ обязательствъ, лежащихъ на казнѣ по выкупной операціи, такъ и поступленій, ожидаемыхъ до окончанія ея, учитывается въ запискѣ на тотъ же срокъ изъ одного и того же процента.

Таковъ общій планъ опубликованнаго исчисленія финансовыхъ результатовъ выкупной операціи. Не входя въ подробный разборъ его, отмѣтимъ здѣсь лишь одну немаловажную его особенность. Изъ расходовъ казны и ея обязательствъ по выкупной операціи составители записки не исключаютъ весьма значительнаго расхода, въ дѣйствительности прекратившагося еще въ 1887 году. Въ силу указа

19-го декабря 1886 года, съ этого времени расходъ на уплату процентовъ и погашенія по банковымъ долгамъ помѣщиковъ, переведеннымъ на выкупную операцію, не производится, и изъ пассива ея тогда же было исключено около 262-хъ милл. пятипроцентнаго долга. Но это измѣненіе въ счетахъ выкупной операціи,—говорятъ составители записки,—«нисколько не обусловливалось самымъ характеромъ ея». «Ради правильнаго выясненія» финансовыхъ итоговъ выкупа они предпочитаютъ увеличивать расходы казны по выкупной операціи и послѣ 1886 года на всѣ тѣ суммы, которыя причитались бы на уплату процентовъ по банковымъ долгамъ помѣщиковъ, но на самомъ дѣлѣ не выплачивались. Эти долги причислены въ запискѣ и къ счету обязательствъ на 1-е января 1902 года, что ведетъ, конечно, къ значительному увеличенію цифры ихъ сравнительно съ реальнымъ долгомъ, обусловленнымъ выкупомъ земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Съ другой стороны, при вычисленіи доходовъ отъ выкупной операціи окладные платежи берутся, разумѣется, въ суммахъ только дѣйствительнаго поступленія, т.-е. за вычетомъ недоимокъ и сбавокъ съ оклада въ силу законовъ о пониженіи выкупныхъ платежей или вслѣдствіе сложенія и отсрочки недоимокъ.

Такимъ образомъ финансовые результаты выкупной операціи учитываются въ разсматриваемой запискѣ по способу, не допускающему преуменьшенія выгодъ казны и преувеличенія ея потерь отъ этой операціи. Напротивъ, вычисленіе въ данномъ случаѣ погрѣшаетъ скорѣе въ противоположную сторону. Тѣмъ не менѣе результатъ его за весь прошлый періодъ выкупа на 1-е января 1902 года выражается прибылью въ $262_{,8}$ милл. руб. (въ томъ числѣ около 62-хъ милл. суммы годичныхъ остатковъ по выкупной операціи и слишкомъ 200 милл. сложныхъ процентовъ на нихъ). Учетъ обязательствъ, остающихся на казнѣ по выкупной операціи, и ожидаемыхъ въ будущемъ доходовъ на 1-е января 1902 г. даетъ, напротивъ, превышеніе расходовъ надъ доходами въ суммѣ $236_{,7}$ милл. Въ общемъ такимъ образомъ, говоря словами записки, активъ превышаетъ пассивъ на $25_{,6}$ милл., и финансовый результатъ выкупной операціи опредѣляется прибылью для правительства на равную сумму. Образованію прибыли не помѣшали ни состоявшееся въ 80-хъ годахъ пониженіе выкупныхъ платежей, стоимость котораго опредѣлена составителями записки въ $434_{,6}$ милл. руб., ни послѣдовавшія въ разное время сложенія недоимокъ, оцѣниваемыя тѣмъ же способомъ въ $34_{,8}$ милл. рубл., ни причисленіе къ обязательствамъ по выкупной операціи 262-хъ мил., снятыхъ со счетовъ ея семнадцать лѣтъ назадъ. Очевидно, что первоначально выкупная операція была поставлена такъ, что казнѣ за ея посредничество

оставалось далеко не «небольшая прибыль», какъ склонны думать составители записки, а, напротивъ, весьма крупная. Только эти доходы покупались дорогою цѣной, такъ какъ выкупные платежи были для крестьянъ непосильны и разорительны.

Сельскому населенію необходимо существенное облегченіе его податныхъ обязанностей именно теперь, когда оно переживаетъ тяжелый кризисъ. А между тѣмъ при настоящемъ порядкѣ выкупа, если не будетъ въ ближайшемъ будущемъ отмѣны или по крайней мѣрѣ пониженія выкупныхъ платежей, только черезъ 10—12 лѣтъ окладъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ начнетъ значительно сокращаться. Иначе говоря, не ранѣе какъ черезъ 10—12 лѣтъ сколько-нибудь многочисленныя группы крестьянъ могутъ освободиться отъ выкупныхъ платежей за окончаніемъ выкупа. Но, во-первыхъ, и этотъ процессъ можетъ быть задержанъ для крупной доли общаго числа плательщиковъ накопленіемъ и разсрочкой недоимокъ, а во-вторыхъ, и теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что для доброй половины бывшихъ помѣщичьихъ селеній развязка съ выкупомъ наступитъ значительно позже.

Однако, какъ мы видѣли, комиссія объ упадкѣ благосостоянія центральныхъ земледѣльческихъ губерній высказалась за пониженіе выкупныхъ платежей въ ближайшемъ будущемъ лишь въ тѣхъ 18-ти губерніяхъ, которыя признаются ею особенно нуждающимися въ облегченіи податного бремени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она все-таки допустила, что проектируемая мѣра можетъ быть распространена и на другія мѣстности, гдѣ къ населенію предъявляются чрезмѣрныя фискальныя требованія. Въ докладѣ особому совѣщанію о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, если судить о содержаніи его по сообщенію «Новаго Времени», появившемуся послѣ опубликованія журналовъ комиссіи сен. Коковцова, рѣчь идетъ уже исключительно о 18-ти губерніяхъ, выкупные платежи которыхъ предполагается понизить на 20 милл. рублей, или почти на половину оклада. Достаточно ли даже такой крупной сбавки, чтобы привести податныя обязанности крестьянъ 18-ти губерній въ соотвѣтствіе съ ихъ платежными силами, это—большой вопросъ. Не будетъ ничего удивительнаго, если ближайшее разслѣдованіе покажетъ, что цѣль можетъ быть достигнута только при условіи полной отмѣны выкупныхъ платежей, а эта мѣра, какъ мы увидимъ ниже, представляетъ вдобавокъ и наиболѣе справедливое рѣшеніе вопроса о выкупѣ. Но, какъ ни желательно облегчить податное бремя крестьянъ въ 18-ти губерніяхъ, нельзя отрицать, что та же потребность существуетъ и за предѣлами этого района. Ограничить имъ примѣненіе проектируемой податной льготы значитъ, какъ

мы уже говорили, повторить ошибку, сдѣланную въ восьмидесятыхъ годахъ. Извѣстно, что въ то время пониженіе выкупныхъ платежей было задумано въ видахъ исправленія бившей въ глаза несправедливости обложенія нечерноземнаго крестьянина. Печальная истина, что, вопреки основному началу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, имъ пришлось сплошь и рядомъ выкупать не только землю, но и личный трудъ, всего ярче обнаружилось тогда именно въ нечерноземной полосѣ. Поэтому первоначально предполагалось и пониженіе выкупного оклада произвести лишь въ нечерноземныхъ губерніяхъ, и только въ государственномъ совѣтѣ вопросъ получилъ болѣе широкую постановку. Но все-таки, главнымъ образомъ по ограниченности общей суммы, подлежавшей сбавкѣ съ оклада, добавочное, «спеціальное» пониженіе было предоставлено преимущественно тѣмъ губерніямъ, которыя двадцать лѣтъ назадъ считались болѣе нуждающимися, болѣе обремененными платежами. Теперь комиссія объ упадкѣ центра констатируетъ, говоря словами одного изъ ея членовъ, что «губерніи, бывшія ранѣе почти безнедоимочными, но не воспользовавшіяся спеціальнымъ пониженіемъ, постепенно стали превращаться въ задолженныя». Другими словами, слѣдуетъ пожалѣть, что въ свое время имъ не была предоставлена такая же льгота, какъ и тѣмъ губерніямъ, которыя тогда, и не безъ основанія, признавались сравнительно болѣе неблагополучными. Но если проектируемое пониженіе распространится лишь на 18 губерній, не придется ли черезъ нѣсколько лѣтъ снова высказывать запоздалыя сожалѣнія по отношенію къ другимъ губерніямъ? Вѣдь и въ настоящее время, указывая на «особое напряженіе податныхъ силъ» 18-ти губерній, комиссія, предложившая проектъ, отнюдь не утверждаетъ, что въ остальныхъ мѣстностяхъ платежи соотвѣтствуютъ средствамъ населенія. Напротивъ, и въ матеріалахъ комиссіи, и въ сообщеніяхъ ея членовъ можно найти прямыя указанія на то, что ослабленіе хозяйственной силы, а слѣдовательно, платежеспособности крестьянъ, наблюдается не въ какомъ-либо опредѣленномъ районѣ, а именно повсемѣстно. Нетрудно, наконецъ, убѣдиться, что для выдѣленія 18-ти губерній, о которыхъ идетъ рѣчь, въ особую группу, наиболѣе нуждающуюся въ пониженіи выкупныхъ платежей, если и существуютъ основанія, то весьма шаткія. Въ замѣткѣ «Новаго Времени», излагающей существо доклада особому совѣщанію по этому вопросу, противопоставляются, наприм., западныя губерніи восточнымъ и черноземнымъ: недоимочность первыхъ на 1-е января 1902 г., по словамъ газеты, равняется лишь 7% оклада, а послѣднихъ—237%. Безспорно, что высокая цифра недоимокъ—вѣрный признакъ обременительности платежей. Но въ предѣлы

Западнаго края входитъ между прочимъ Ковенская губ., для которой, по даннымъ комиссіи объ упадкѣ центра, въ 1900 г. недоимки выкупныхъ платежей опредѣлялись въ 21%, тогда какъ нѣкоторыя изъ 18-ти губерній, признанныхъ особенно нуждающимися въ пониженіи, оказались въ этомъ отношеніи болѣе благополучными: такъ, въ Донской области недоимки къ тому же сроку составляли лишь 15% оклада, въ Полтавской и Черниговской—всего 2%. И это—далеко не единичные примѣры. Харьковская губ. съ 50%-ной недоимкой принадлежитъ къ числу избранныхъ 18-ти; Петербургская же относится къ «благополучному» сѣверу, но недоимки выкупныхъ платежей и въ этой губерніи составляютъ 43% оклада. За Псковской губерніей, тоже одной изъ сѣверныхъ, насчитывается недоимка въ 89% оклада, тогда какъ для средней черноземной Курской она опредѣляется въ 81%. Въ Тамбовской процентъ недоимки (123%) ниже, нежели въ Пермской (135%); въ Рязанской (177%), Саратовской (178%), Воронежской (197%) ниже, чѣмъ въ Московской (225%). Словомъ, нѣкоторыя губерніи не причисляются къ разряду наиболѣе нуждающихся въ пониженіи оклада выкупныхъ платежей, повидимому, только потому, что отнесены не къ тѣмъ, а къ другимъ большимъ районамъ, на которые комиссія раздѣлила Европейскую Россію. Но искусственность всѣхъ подобныхъ дѣленій не подлежитъ сомнѣнію. Статистическіе матеріалы для комиссіи объ упадкѣ центра разрабатывалъ департаментъ окладныхъ сборовъ. Если бы онъ и на этотъ разъ придержался принятаго въ другихъ его изданіяхъ дѣленія, могло бы случиться, что въ разрядъ наиболѣе нуждающихся въ облегченіи податного бремени попали бы Вятская и Пермская губ., а Нижегородская, напротивъ, раздѣлила бы участь Московской и лишилась бы льготы. И все только потому, что Вятская и Пермская губ., не далѣе какъ въ прошломъ году, относились департаментомъ окладныхъ сборовъ къ восточнымъ, пользующимся, по проекту, льготами, а Нижегородская—къ среднепромышленнымъ губерніямъ, обойденнымъ тѣмъ же проектомъ. Очевидно, что въ законѣ о сбавкѣ выкупныхъ платежей нельзя установить никакихъ территоріальныхъ ограниченій.

Остается разсмотрѣть еще одинъ капитальный вопросъ—о размѣрахъ предположенной льготы. Сообщеніемъ офиціальнаго журнала онъ освѣщенъ скуднѣе двухъ первыхъ. Въ запискѣ земскихъ дѣятелей, внесенной въ комиссію, было указано, что въ цѣляхъ скорѣйшаго облегченія податного бремени крестьянъ «необходимо если не полное сложеніе выкупныхъ платежей, то значительное ихъ уменьшеніе». Въ засѣданіи комиссіи, по словамъ «Вѣстника Финансовъ», та же мысль по отношенію къ центральнымъ черноземнымъ губерніямъ

была поддержана однимъ изъ представителей министерства финансовъ, который указалъ на желательность «крупнаго пониженія выкупныхъ платежей». По частному сообщенію, въ проектѣ, представляемомъ особому совѣщанію, какъ мы видѣли, общая сумма пониженія опредѣлена въ 20 милл. Для 18-ти губерній, о которыхъ говорится въ проектѣ, это составитъ при 46-ти милл. ихъ оклада пониженіе на 43%, по отношенію ко всему окладу выкупныхъ платежей (96 милліоновъ)—всего 20%. Намъ кажется, что можно было бы сдѣлать болѣе рѣшительный шагъ въ дѣлѣ облегченія крестьянскихъ платежей. И въ комиссіи объ упадкѣ центра однимъ членомъ, надо думать по тѣмъ же соображеніямъ, рекомендовалось пойти дальше, а именно— «сложить повсемѣстно выкупные платежи и установить взамѣнъ ихъ поземельный налогъ на сумму выкупныхъ платежей, уменьшенную соотвѣтственно той скидкѣ, какую признано будетъ необходимымъ сдѣлать для облегченія неблагополучнымъ въ фискальномъ отношеніи мѣстностямъ». Въ комиссіи это предложеніе не встрѣтило сочувствія. Доказывалось, во-первыхъ, что поземельный налогъ на правильныхъ основаніяхъ не можетъ быть установленъ до завершенія оцѣночныхъ трудовъ по закону 1893 г. Къ этому практическому затрудненію присоединяется, на взглядъ комиссіи, и другое, уже принципіальное возраженіе. Комиссія нашла, что «едва ли справедливо замѣнять выкупные платежи однимъ государственнымъ поземельнымъ налогомъ, такъ какъ выгодами отъ освобожденія крестьянъ воспользовались всѣ классы населенія, а не одни лишь землевладѣльцы». Эта совершенно правильная мысль, думается намъ, и должна бы лечь въ основаніе разсматриваемаго проекта. Дѣйствительно, какъ это непоколебимо, но, къ сожалѣнію, безрезультатно, доказалъ Н. Г. Чернышевскій еще въ эпоху подготовительныхъ работъ въ крестьянской реформѣ,—отъ освобожденія крестьянъ съ землей выигрываетъ вся страна, поэтому и весь расходъ по осуществленію выкупа справедливѣе всего принять государству на себя. Комиссія, раздѣляя этотъ взглядъ на дѣло, поступила бы послѣдовательно, если бы не отвергла предложенія объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей, а внесла въ него необходимую со своей точки зрѣнія поправку. Признавая, что выгодами отъ освобожденія крестьянъ воспользовались всѣ классы общества, т.-е. вся нація, естественно и расходы по выкупу отнести на національный доходъ. Если же, по бюджетнымъ соображеніямъ, потеря въ государственныхъ доходахъ отъ отмѣны выкупныхъ платежей должна быть возмѣщена какимъ-либо другимъ налогомъ, то, разумѣется, справедливѣе всего установить для этой цѣли не поземельный, а подоходный налогъ.

Необходимо остановиться здѣсь еще на одномъ важномъ для

населенія вопросѣ — о погашеніи числящихся за крестьянами недоимокъ.

Общій итогъ выкупныхъ недоимокъ превышаетъ, какъ мы видѣли, годичный окладъ этихъ платежей. Не повсюду, конечно, дѣло обстоитъ такъ неблагополучно. Но за то во многихъ губерніяхъ за крестьянами числится два—три—четыре и даже болѣе годовыхъ оклада. Особенно велика задолженность бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ рядѣ губерній какъ окраинныхъ, такъ и центральныхъ; напримѣръ, за крестьянами этого разряда въ Оренбургской и Тифлисской губ. числятся въ недоимкѣ по среднему приблизительному расчету платежи за семь лѣтъ, въ губ. Уфимской и Казанской—за шесть, въ Самарской и Нижегородской—за четыре года, въ Симбирской и Московской—за три. Недоимки бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ относительныхъ числахъ, хотя и уступаютъ недоимкамъ бывшихъ помѣщичьихъ, но не на много. Такъ, въ Оренбургской и Уфимской губ. за ними считается недоимка въ суммѣ пятерного оклада, въ Казанской и Нижегородской—четверного, Симбирской, Самарской, Тульской—тройного. На близкомъ уровнѣ находится недоимочность и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ: въ Оренбургской губ. недоимки ихъ такъ же велики, какъ и у помѣщичьихъ, въ губ. Симбирской, Нижегородской, Самарской, Казанской—колеблются между двумя и тремя окладами. Словомъ, въ рядѣ губерній крестьянскія недоимки достигли размѣровъ, можно сказать, неоплатнаго долга. Но мы останавливаемся лишь на примѣрахъ наиболѣе тяжкой задолженности. При этомъ пришлось назвать девять—десять губерній. Число ихъ удвоилось бы, если бы составить полный списокъ губерній съ недоимкою, превосходящей окладъ годовыхъ платежей. Но и такой списокъ не былъ бы еще достаточнымъ мѣриломъ недоимочности крестьянскаго населенія. Въ предѣлахъ каждой, даже сильно недоимочной, губерніи, конечно, имѣются на-ряду съ задолженными селеніями и свободныя отъ недоимки. Недоимочно не все сплошь населеніе, но за недоимщиками числятся долги болѣе значительные. Поэтому весьма вѣроятно, что немалое число неоплатныхъ должниковъ найдется также во многихъ другихъ губерніяхъ съ недоимками, недостигающими въ среднемъ для всей губерніи выводѣ цѣлаго оклада платежей, но считающимися все-таки сотнями тысячъ или даже милліонами рублей. Словомъ, недоимки неоплатнаго размѣра—явленіе широко распространенное: въ большей или меньшей степени оно знакомо едва ли не всѣмъ губерніямъ, въ которыхъ совершается выкупъ надѣльной земли.

Закономъ 7 февраля 1894 года открыта возможность разсрочки на продолжительное время и отсрочки этого долга на льготныхъ осно-

ваніяхъ. Въ настоящее время большая часть его уже снята со счета текущихъ недоимокъ, подлежащихъ понудительному взысканію. Очевидно, что въ ближайшемъ будущемъ казна не разсчитываетъ на полученіе этой суммы. Но можно ли думать, что современемъ эти милліоны будутъ внесены недоимщиками? Надежда на это окажется тщетной, если они останутся въ томъ же положеніи хозяйственнаго разстройства, которое было основной причиной накопленія недоимокъ. Но если благосостояніе плательщиковъ и улучшится, слѣдуетъ ли настаивать на уплатѣ старыхъ недоимокъ вдобавокъ къ тѣмъ платежамъ и повинностямъ, которые они будутъ въ то время нести на-ряду съ другими сельскими обывателями и, конечно, въ неменьшемъ размѣрѣ? Полагаемъ, что ни съ точки зрѣнія простой справедливости, ни съ фискальной точки зрѣнія такое усиленіе податного бремени не можетъ быть оправдано. При самой отсрочкѣ недоимки признается, на основаніи закона 7 февраля, что уплата ея не по силамъ недоимщику, что она, такъ сказать, результатъ несоотвѣтствія между установленными платежами и податною способностью плательщика. Отказываясь отъ полученія недоимки въ настоящее время, казна заднимъ числомъ исправляетъ эту ошибку. Не будетъ же она повторять ее и подрывать благосостояніе плательщика, требуя съ него, сверхъ того, что онъ обязанъ дать по своимъ платежнымъ силамъ, еще и расплаты за старыя недоимки, накопившіяся при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. А потому единственно раціональный способъ погашенія отсроченныхъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, это—сложеніе ихъ со счетовъ. Чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше, такъ какъ для настоящаго времени эти огромныя цифры имѣютъ одно только значеніе—нагляднаго показателя экономическаго упадка крестьянъ. Но этого значенія онѣ не утратятъ, и тогда, когда будутъ признаны безнадежными. На будущее же время въ этихъ цифрахъ, пока онѣ не сложены, кроется угроза для благосостоянія немалаго числа крестьянскихъ хозяйствъ,—притомъ угроза ненужная, такъ какъ казна, обходясь безъ этихъ суммъ теперь, найдетъ и впослѣдствіи другіе источники для покрытія государственныхъ потребностей.

VIII.

Досрочный выкупъ.

При описанныхъ условіяхъ недостаточнаго надѣла и высокихъ платежей, масса сельскаго населенія могла только перебиваться съ года на годъ. Равновѣсіе въ крестьянскомъ бюджетѣ устанавливается

едва ли не единственно способностью его сжиматься при нуждѣ, но такъ какъ и средній уровень потребностей сельскаго населенія можетъ быть названъ болѣе чѣмъ скромнымъ, то большинству постоянно грозитъ потеря хозяйственной самостоятельности. Ростъ безземельныхъ, безлошадныхъ и безхозяйныхъ дворовъ въ нашихъ селеніяхъ служитъ доказательствомъ того, что эта опасность имѣетъ вполнѣ реальный характеръ. На нашихъ глазахъ происходитъ процессъ, получившій характерное названіе «раскрестьянствованія» деревни.

«Раскрестьянствованіе», подготовленное указанными недостатками въ поземельномъ устройствѣ и экономическомъ бытѣ сельскаго населенія, было облегчено нѣкоторыми постановленіями дѣйствующаго законодательства. Крестьянамъ большинства губерній земля была отведена на общинномъ правѣ; въ этомъ выразилось одно изъ драгоцѣнныхъ началъ крестьянской реформы. Община, по выраженію А. И. Кошелева, представляетъ незамѣнимое «пособіе къ надѣленію *всего* крестьянства благомъ землевладѣнія». Но въ Положеніе 19-го февраля введенъ былъ также рядъ статей, «которыя, — говоря словами того же общественнаго дѣятеля,—представляютъ крестьянамъ разныя выгоды, соединенныя съ выходомъ ихъ изъ общинной связи и общиннаго землевладѣнія». Вопреки основному принципу реформы, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ существовала полная возможность обращенія мірской земли въ личную собственность. Лишь въ 1893 году сдѣланъ былъ шагъ къ ограниченію сдѣлокъ этого рода, приводившихъ къ обезземеленію крестьянъ. Мы говоримъ о законѣ 14-го декабря 1893 года, которымъ воспрещенъ досрочный выкупъ общинной надѣльной земли въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ безъ согласія общества. Этой мѣрѣ предшествовало продолжительное обсужденіе вопроса въ правительственныхъ сферахъ и еще болѣе продолжительная полемика въ печати. Литературные споры о значеніи досрочнаго выкупа начались лѣтъ за пятнадцать до изданія названнаго закона и возобновлялись такъ часто, что среди читателей журналовъ и газетъ того времени было, вѣроятно, немного людей, не слыхавшихъ о существованіи ст. 165-й Положенія о выкупѣ. Съ 1893 года эта статья утратила значительную долю своей былой извѣстности. Хотя досрочный выкупъ общинной земли и не былъ вполнѣ отмѣненъ, а только обусловленъ согласіемъ міра, но печать почти перестала касаться этого вопроса. Въ настоящее время онъ снова поднятъ, и первымъ поводомъ къ возбужденію его послужилъ общій пересмотръ законодательства о крестьянахъ, предпринятый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. (См., напр., статью г. Бржескаго въ *Русск. Экон. Обозр.*, 1898 г., № 7). Изъ опубликованнаго земскимъ отдѣломъ «Свода заключеній

губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ», можно видѣть, что этимъ совѣщаніямъ было предложено высказаться между прочимъ и о томъ, «какія мѣры надлежало бы принять для упорядоченія выкупа по ст. 165-й въ видахъ обезпеченія выкупающимъ участки крестьянамъ возможности веденія отдѣльнаго хозяйства». Отвѣты совѣщаній, за небольшими исключеніями, благопріятны послѣдовавшему ограниченію досрочнаго выкупа. Многія совѣщанія настаиваютъ даже на дальнѣйшемъ развитіи закона 14-го декабря. Но и въ литературѣ, и въ совѣщаніяхъ заявлено было и противоположное мнѣніе. Напомнимъ, что защита ст. 165-й и ея права на существованіе безъ всякихъ ограниченій велась сторонниками подворнаго землевладѣнія. Для нихъ съ выкупомъ по ст. 165-й связывалось представленіе объ «обособленномъ» и притомъ «улучшенномъ» хозяйствѣ на выдѣленныхъ участкахъ, принадлежащихъ «рачительнымъ», «трудолюбивымъ» и свободнымъ отъ «гнета общины» крестьянамъ. Дѣйствительность на каждомъ шагу противорѣчила этимъ теоретическимъ построеніямъ: объ «обособленномъ хозяйствѣ» въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ послѣ досрочнаго выкупа не было и рѣчи; весьма нерѣдко выкупъ совершался отнюдь не «рачительнымъ» домохозяиномъ, а лицомъ, порывавшимъ связь съ землею и переуступавшимъ ее другому тотчасъ вслѣдъ за выкупомъ. Но предубѣжденіе оказывалось сильнѣе очевидныхъ фактовъ и не только до частичной отмѣны ст. 165-й, но и теперь, послѣ изданія закона 14-го декабря, мы снова слышимъ разсужденія о спасительности досрочнаго выкупа мірской земли въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ. Только теперь эти рѣчи приправлены жалобами на измѣненіе закона, которое будто бы вредно отразилось на интересахъ «нѣкоторой, болѣе трудолюбивой и бережливой части крестьянскаго населенія».

Конечно, желанія идутъ дальше возвращенія къ старымъ порядкамъ досрочнаго выкупа, высказываются и за болѣе рѣшительныя мѣры противъ общиннаго землевладѣнія. Но коренная реформа въ этой области, напримѣръ, изданіе закона объ окончательномъ раздѣлѣ общинныхъ земель на подворные участки или какая-либо иная столь же рѣшительная мѣра, представляется, вѣроятно, несбыточной даже самымъ горячимъ приверженцамъ «обособленнаго» хозяйства. Больше шансовъ имѣетъ политика малыхъ средствъ, ведущихъ къ той же цѣли. Въ числѣ ихъ досрочный выкупъ безъ согласія сельскаго общества, владѣющаго землею, представляетъ не послѣднее мѣсто. Въ этомъ убѣждаетъ даже кратковременный опытъ примѣненія закона 14-го декабря.

По отчетамъ о выкупной операціи въ трехлѣтіе 1891—93 гг., послѣднее передъ отмѣной права выкупа безъ согласія общества, досрочные взносы составили 2.295 тыс. рублей. Послѣ изданія закона 14-го декабря, въ трехлѣтіе 1894—96 гг., поступленіе этихъ взносовъ опредѣлилось въ 1.145 милл., т. е. уменьшилось слишкомъ вдвое. Особые взносы дѣлаются однако не по одной ст. 165-й, но и по другимъ статьямъ Положенія о выкупѣ, при чемъ досрочный выкупъ имѣетъ иное значеніе. Если принять во вниманіе это обстоятельство, то легко обнаружить, что требованіе согласія міра на досрочный выкупъ надѣльной земли въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ оказало большое вліяніе на эту операцію. Въ самомъ дѣлѣ, въ суммѣ досрочныхъ взносовъ, зачтенныхъ въ 38-ми губерніяхъ до 1882 года, взносы по ст. 165-й составляли $74,_{8}$%; за десять лѣтъ съ 1882 по 1892 г. на долю ихъ падаетъ уже $77,_{8}$% общей суммы, въ 1893 году передъ реформой,—$86,_{8}$%. Послѣ изданія закона 14-го декабря значеніе выкупа по ст. 165-й послѣдовательно падаетъ: въ 1895 году на взносы, зачтенные по этой статьѣ, приходится лишь $45,_{1}$% общей суммы зачета; въ 1896 году—$24,_{7}$%. Сумма взносовъ для досрочнаго выкупа общинной надѣльной земли въ личную собственность ея временныхъ владѣльцевъ въ 1893 году превышала 965 тыс. руб.; послѣ того, какъ стало обязательнымъ согласіе общества, произошло рѣзкое паденіе взносовъ по ст. 165-й, и вслѣдствіе этого послѣдовательно уменьшаются и зачтенныя суммы до 172 тыс. въ 1895 году и 44 тыс. въ 1896 году. Выкупъ общинной земли въ личную собственность до изданія закона 14-го декабря получилъ наибольшее развитіе въ губерніяхъ: Ярославской, Владимірской, Тверской, Костромской и нѣкоторыхъ другихъ нечерноземныхъ. Чрезъ двадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ въ каждой изъ названныхъ губерній было погашено досрочными взносами, главнымъ образомъ по ст. 165-й, 1—1½ милл. капитальнаго долга, лежащаго на надѣльной землѣ. Еще наканунѣ реформы, въ теченіе 1893 года, по ст. 165-й было зачтено въ Тверской губ. 140 тыс. рублей, въ Ярославской—63 тыс., въ Смоленской—85 тыс., Костромской—55 тыс., во Владимірской, Калужской, Новгородской, Петербургской—по 30 тыс. и болѣе. Въ 1896 году въ цѣломъ рядѣ губерній не было вовсе операцій этого рода, и къ этимъ губерніямъ принадлежатъ между прочимъ Костромская, Новгородская, Петербургская, Тверская, Ярославская. Въ губерніяхъ же Владимірской и Калужской зачтена лишь незначительная сумма (580 руб. и 132 рубля противъ десятковъ тыс., зачитывавшихся въ предшествующіе годы). Можно ли предположить, что въ другихъ мѣстностяхъ, раньше не отличавшихся значительнымъ развитіемъ операціи досрочнаго вы-

купа, послѣдствія закона 14-го декабря были иныя? Существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что незадолго до отмѣны второй части ст. 165-й досрочный выкупъ сталъ больше практиковаться и въ черноземныхъ губерніяхъ. Такъ, въ 1893 году по Тульской губерніи было зачтено 33 тыс. рублей особыхъ взносовъ на основаніи ст. 165-й, по Курской—18 тыс., по Тамбовской—14 тыс. Какъ повліялъ законъ 14-го декабря, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1896 году въ Курской губ. сумма этихъ взносовъ понизилась до 1 тыс. рублей, въ Тульской—до 172 руб. и въ Тамбовской—до 72 рублей. Первыя мѣста по суммѣ, зачтенной по ст. 165-й, въ 1896 году принадлежали Витебской и Смоленской губ., при чемъ въ первой изъ нихъ зачтено 7 тыс. противъ 62 тыс. въ 1893 году, а во второй— 5 тыс. противъ 85 тыс., зачтенныхъ въ послѣдній передъ реформой годъ.

Такимъ образомъ, можно считать, что отмѣна досрочнаго выкупа общиной земли въ личную собственность пользовавшихся ею безъ согласія общества, иногда фактически даже безъ вѣдома его, дала положительные результаты. Мы не преувеличиваемъ значенія этихъ результатовъ: если закрытъ одинъ изъ способовъ отчужденія общинной земли въ собственность болѣе состоятельной части крестьянства, то остаются другіе, быть можетъ, не менѣе дѣйствительные. Но съ изданіемъ закона 14-го декабря сталъ невозможнымъ по крайней мѣрѣ тотъ путь къ захвату общинной земли, который представляетъ по существу вопіющую несправедливость. Казалось бы, что и противникамъ общины не слѣдовало одобрять такой мѣры, какъ выкупъ по ст. 165-й. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли считать сколько-нибудь справедливымъ, что временный владѣлецъ участка получаетъ его въ личную собственность, уплативъ за него завѣдомо меньше его стоимости и притомъ безъ согласія или даже противъ воли собственника? А между тѣмъ такъ дѣло было поставлено до изданія закона 14-го декабря. Рыночная цѣна земли со времени освобожденія крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ значительно возросла, но выкупающій надѣлъ погашаетъ лишь выкупной долгъ, лежащій на надѣльной землѣ, притомъ пониженный соотвѣтственно произведенному въ восьмидесятыхъ годахъ пониженію выкупныхъ платежей. Почему разница между дѣйствительною цѣной земли и выкупнымъ долгомъ должна поступить въ пользу домохозяина, экспропріирующаго общинную землю, а не въ пользу крестьянскаго общества, получившаго ее въ надѣлъ? И какъ не предоставить обществу права хотя бы только на умѣренное вознагражденіе за отчуждаемую землю? На нашъ взглядъ, такое право все-таки не ограждало бы интересовъ крестьянской общины, но сейчасъ мы разсматриваемъ вопросъ съ точки зрѣнія элементарной

справедливости, нарушеніемъ которой представляется досрочный выкупъ по ст. 165-й до 1894 года. Но мало того, что выкупающій пользовался разницей между продажной цѣной земли и лежавшимъ на ней выкупнымъ долгомъ,—неудачная редакція стараго закона давала этому лицу еще нѣкоторыя выгоды за счетъ менѣе состоятельныхъ или менѣе расторопныхъ односельцевъ. Чтобы выкупить участокъ общинной земли, до 1894 года требовалось внести въ государственное казначейство только остатокъ долга за вычетомъ изъ капитальной суммы его такъ называемаго періодическаго погашенія, т. е. той части долга, которая покрыта ежегодными платежами. Но часто эти платежи въ свое время вносились не тѣмъ лицомъ, которое выкупаетъ землю, а другими, пользовавшимися ею раньше. Нерѣдко бывало, что выкупались не только надѣлы, отведенные по разверсткѣ «рачительнымъ» домохозяевамъ, но и взятыя ими во временное пользованіе земли, поступившія въ распоряженіе міра между передѣлами. Въ такихъ случаяхъ выкупающій захватывалъ прямо-таки чужую землю, а ст. 165-я въ старой редакціи, въ связи съ сенатскими разъясненіями, освящала всѣ эти до очевидности неправильныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ въ ущербъ массѣ сельскаго населенія. Поэтому, казалось бы, что даже сторонники выкупа общинной земли въ личную собственность могли бы примириться съ такимъ въ сущности умѣреннымъ и справедливымъ требованіемъ, какъ требованіе согласія общества и предоставленіе послѣднему права предложить свои условія выкупающему часть общиннаго надѣла. Если тѣмъ не менѣе приверженцы подворно-участковаго владѣнія держались за ст. 165-ю въ ея первоначальномъ видѣ, то, очевидно, лишь потому, что предъ ними рисовалась перспектива агрикультурныхъ успѣховъ обособленнаго крестьянскаго хозяйства. На самомъ дѣлѣ такого хозяйства по общему правилу не возникало на выкупленныхъ земляхъ и не сельскохозяйственныя цѣли преслѣдовались выкупавшими надѣлы. Теперь это признаютъ иногда и сторонники досрочнаго выкупа.

Противъ воспрещенія, по закону 14-го декабря 1893 года, досрочнаго выкупа общинной надѣльной земли въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, безъ согласія міра, приводятъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, два возраженія. Въ этомъ ограниченіи видятъ, съ одной стороны, мѣру несправедливую по отношенію къ «болѣе бережливой и трудолюбивой» части крестьянства; съ другой—находятъ, что отмѣна второй половины ст. 165-й Положенія о выкупѣ не была вызвана фактическимъ положеніемъ дѣла или, по крайней мѣрѣ, послѣдовала преждевременно. На нашъ взглядъ, ни одно изъ этихъ возраженій не можетъ быть признано основательнымъ. Если разсматриваемое по-

становленіе закона 14-го декабря заслуживаетъ упрека, то уже менѣе всего въ несправедливости. А явилось оно ровно чрезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ было доказано обстоятельнымъ изученіемъ операціи досрочнаго выкупа, что назрѣла потребность въ подобной ограничительной мѣрѣ. Можно даже сказать, что исторія досрочнаго выкупа убѣждаетъ въ необходимости и болѣе рѣшительнаго шага, чѣмъ сдѣланный въ 1893 году.

Обратимся, однако, къ разбору доводовъ противъ разсматриваемой части закона 14-го декабря и начнемъ съ жалобъ на несправедливость ея относительно «рачительныхъ» домохозяевъ. Въ былое время они получили это названіе за предполагаемое намѣреніе вести «обособленное» хозяйство на выкупленной землѣ. Теперь пришлось отказаться отъ этой иллюзіи и признать, что выкупъ обыкновенно дѣлается не изъ стремленія къ участковому землепользованію, а въ силу другихъ побужденій. По общему правилу, выкупленные надѣлы не выдѣляются изъ состава мірской земли, и самое хозяйство новыхъ подворныхъ владѣльцевъ ничѣмъ не возвышается надъ хозяйствомъ ихъ сосѣдей общинниковъ. Если, однако, и теперь говорятъ о томъ, что вслѣдствіе ограниченія досрочнаго выкупа страдаютъ хозяйственные интересы «бережливыхъ», «заботливыхъ», «радивыхъ» и тому подобныхъ крестьянъ, то, очевидно, этими словами прикрываются иныя понятія. И дѣйствительно, произошла замѣтная перемѣна въ признакахъ «рачительности», какъ не трудно убѣдиться изъ слѣдующаго перечисленія мотивовъ досрочнаго выкупа по ст. 165-й.

На первый планъ среди побудительныхъ причинъ къ выкупу по ст. 165-й теперь выдвигается желаніе избавиться отъ круговой отвѣтственности (теперь уже отмѣненной), особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на сельскомъ обществѣ накопилась большая недоимка. Въ мѣстностяхъ съ надѣлами, не окупающими платежей, играетъ роль еще и другой мотивъ: особые взносы по ст. 165-й дѣлаются тамъ въ тѣхъ видахъ, чтобы предупредить возможную, при ближайшемъ передѣлѣ, «накладку душъ», т. е. земли, составляющей при чрезмѣрномъ обложеніи обузу. За то въ черноземной полосѣ, да и вездѣ, гдѣ доходность надѣла выше платежей къ выкупу приступаютъ изъ опасенія, какъ бы при новой разверсткѣ не уменьшилось количество мірской земли, находящейся въ пользованіи выкупающаго двора. Бываетъ, наконецъ, и такъ, что «рачительные» крестьяне обращаются къ досрочному выкупу какъ къ вѣрному и выгодному помѣщенію своихъ сбереженій, если, конечно, продажная стоимость земли выше выкупнаго долга.

Безспорно, что всѣ эти соображенія играютъ роль въ дѣлѣ до-

срочнаго выкупа, — безспорно, но не ново. Дѣло въ томъ, что еще тогда, когда сторонники этой операціи не видѣли въ ней ничего другаго, кромѣ стремленія къ участковому землепользованію, имъ докладывали о дѣйствительныхъ причинахъ досрочнаго выкупа и между прочимъ о тѣхъ, на которыхъ теперь остановилось ихъ вниманіе. Маленькая перемѣна фронта, конечно, была нужна послѣ того, какъ было сознано, что выкупъ общинной надѣльной земли въ личную собственность не ведетъ, пока-что, къ насажденію обособленнаго хозяйства. Неудивительно, что предубѣжденіе въ пользу досрочнаго выкупа по ст. 165-й стремятся поддержать новыми доводами. Но все же не слѣдовало обосновывать жалобъ на несправедливость закона 14-го декабря на такихъ фактахъ, которые, если и говорятъ, то лишь за разсматриваемую мѣру.

Охотно допускаемъ, что законъ 1893 года невыгоденъ для той группы крестьянъ, которая можетъ при помощи особыхъ взносовъ по ст. 165-й освободиться отъ чрезмѣрныхъ платежей за надѣльную землю, или удержать въ своихъ рукахъ болѣе значительное, чѣмъ бы слѣдовало имъ, количество надѣловъ, или даже просто совершить дешевую покупку земли. Но съ какихъ поръ невыгодное стало считаться синонимомъ несправедливаго? Можно быть противъ круговой поруки и находить полезной отмѣну ея. Но пока круговая отвѣтственность существовала, почему считалось справедливымъ, чтобы законъ облегчилъ болѣе состоятельной части сельскаго населенія освобожденіе отъ этой отвѣтственности въ прямой ущербъ и къ новому отягощенію бѣднѣйшаго большинства? Въ томъ, что налогъ, превышающій доходность земли,—явленіе ненормальное, врядъ ли могутъ быть разногласія. Но восторжествуетъ ли справедливость, если лицо, болѣе состоятельное, при помощи досрочнаго выкупа, переложитъ эти чрезмѣрные платежи на остальныхъ своихъ односельцевъ? Понятно желаніе крестьянина удержать въ своихъ рукахъ возможно большій участокъ доходной земли; но развѣ не противорѣчитъ элементарному понятію о справедливости тотъ фактъ, что онъ путемъ досрочнаго выкупа совершаетъ захватъ земли, которая, по его собственному расчету, не можетъ остаться въ его пользованіи и по общинному праву причитается на долю его односельца? Безспорно, сдѣлать досрочный вносъ за надѣльную землю, на половину выкупленную, притомъ платежами разныхъ лицъ, пользовавшихся участкомъ общиннаго надѣла въ разное время, выгоднѣе, чѣмъ купить другую землю, заплативъ за нее полную продажную стоимость; но и тутъ, казалось бы, нѣтъ основаній жаловаться на законъ, постановившій условіемъ совершенія такой сдѣлки согласіе дѣйствительнаго владѣльца

земли—земельнаго общества. Наконецъ, единственно объ этомъ владѣльцѣ можетъ быть рѣчь, если въ качествѣ аргумента противъ ограниченія досрочнаго выкупа выдвигается «общепринятое положеніе», по которому должнику принадлежитъ право освободиться отъ лежащаго на немъ долга. Но условія досрочнаго погашенія выкупного долга, если цѣлью его не является отчужденіе общинной земли въ личную собственность нѣкоторыхъ крестьянъ, остаются и послѣ 1893 года тѣ же, что были раньше. Законъ 14 декабря, въ разсматриваемой его части, только оградилъ справедливые интересы большинства сельскаго населенія, пользующагося надѣломъ на общинномъ правѣ, отъ посягательствъ на нихъ со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Какія же доказательства приводятся въ пользу утвержденія, что будто бы принятая въ 1893 году мѣра къ ограниченію досрочнаго выкупа по ст. 165-й была преждевременна или ненужна для цѣлости поземельнаго обезпеченія крестьянъ. Количество выкупленныхъ на основаніи этой статьи надѣловъ, говорятъ намъ, невелико, если сравнивать съ общей площадью крестьянскаго землевладѣнія. Къ тому же и большая часть выкупленной земли остается пока въ рукахъ выкупившихъ ее лицъ. Была ли въ такомъ случаѣ надобность въ пересмотрѣ закона, хотя бы и вреднаго съ извѣстной точки зрѣнія, но на практикѣ примѣняемаго сравнительно не часто? Этотъ вопросъ задавался не разъ до 1893 года, но законодательство отвѣтило на него отмѣной второй части ст. 165-й Пол. о вык., на нашъ взглядъ, по весьма уважительнымъ причинамъ.

Противники принятой въ 1893 году мѣры къ ограниченію досрочнаго выкупа общинной земли въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, находя мѣру эту излишней, для цѣлости поземельнаго обезпеченія крестьянъ, утверждаютъ, что количество выкупленныхъ на основаніи 165-й ст. надѣловъ совсѣмъ не велико по сравненію съ общей площадью крестьянскаго землевладѣнія, и т. д. Это утвержденіе невѣрно. Практическіе результаты досрочнаго выкупа не такъ ужъ ничтожны, какъ стараются насъ увѣрить. Напомнимъ, что въ послѣдній годъ передъ реформой сумма досрочныхъ взносовъ по ст. 195-й достигла милліона рублей, и весь ходъ операціи въ предшествующее время предсказывалъ ей дальнѣйшее быстрое прогрессивное увеличеніе. Извѣстно, что за первый десятокъ лѣтъ выкупъ общинной земли въ личную собственность былъ въ девять разъ меньше, чѣмъ во второе десятилѣтіе, а въ слѣдующія затѣмъ пять лѣтъ было выкуплено больше надѣловъ, чѣмъ за всѣ 20 предшествующихъ лѣтъ. И нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени ростъ этой операціи не остановился бы, если бы въ законъ съ конца 1893 года не было включено требованіе мірского приговора,

разрѣшающаго выкупъ и указывающаго его условія. По мѣрѣ погашенія выкупного долга срочными платежами досрочный выкупъ мірской земли въ личную собственность, конечно, долженъ былъ становиться все болѣе вѣрнымъ и выгоднымъ помѣщеніемъ для сбереженій «рачительныхъ» крестьянъ. Слѣдовательно, крестьянскому земельному фонду угрожала вполнѣ реальная опасность расхищенія.

Чтобы предвидѣть эту опасность, не надо, разумѣется, большой проницательности; но сторонники досрочнаго выкупа такъ оптимистически настроены, что не только будущее, но и настоящее положеніе дѣла представляется имъ въ нѣсколько прикрашенномъ видѣ. Такъ, изъ офиціальныхъ отчетовъ о выкупной операціи извѣстно, что къ 1882 году въ 38-ми губерніяхъ особыми взносами было выкуплено 178 тыс. дес., или 0,9% общаго количества земли, къ выкупу которой приступили въ то время бывшіе помѣщичьи крестьяне. Въ началѣ 1892 года въ тѣхъ же губерніяхъ насчитывалось 492 тыс. дес., досрочно выкупленныхъ этимъ разрядомъ крестьянъ, или 2,2% соотвѣтственной общей площади ихъ надѣловъ. Такой же расчетъ по 48-ми губерніямъ даетъ 536 тыс. дес., или 1,6%. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ процессъ отчужденія мірской земли въ личную собственность шелъ быстрѣе: для Костромской и Тверской губерній процентъ досрочно выкупленныхъ надѣловъ достигаетъ къ означенному сроку 3,5%, для Владимірской—4%, Ярославской—6%. Но противники закона 14 декабря утверждаютъ, ссылаясь на данныя, собранныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что досрочными взносами выкуплено не болѣе 1/2% надѣльной земли, поступившей въ распоряженіе крестьянъ за первыя 28 лѣтъ послѣ освобожденія, т.-е. къ 1890 году. Какъ могла получиться такая разница? Кто даетъ болѣе вѣрныя цифры—выкупное учрежденіе или министерство? Для провѣрки вы обращаетесь къ абсолютнымъ цифрамъ—и, къ еще большему изумленію, узнаете, что надѣльный земельный фондъ крестьянъ, при выясненіи вопроса: «широко ли воспользовались отдѣльные крестьяне правомъ досрочнаго выкупа по ст. 165-й Пол. о вык.», принимается равнымъ 96,4 милл. дес. въ 1890 году. Но, по даннымъ о выкупной операціи, къ началу 1892 года общее количество выкупаемой бывшими помѣщичьими крестьянами земли составляетъ 33,9 милл. дес. Какимъ же образомъ утроилась эта цифра у неблагосклонныхъ критиковъ закона 14 декабря? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно: они извлекли изъ матеріаловъ министерства внутреннихъ дѣлъ цифры, относящіяся до землевладѣнія не только помѣщичьихъ, но и бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и оперируютъ съ этими данными, доказывая, что ст. 165-й на практикѣ пользуются чрезвычайно рѣдко. Но бывшимъ государ-

ственнымъ крестьянамъ право выкупа по ст. 165-й никогда не принадлежало, а соотвѣтствующая ей ст. 15-я Пол. о гос. кр. ставитъ условіемъ выдѣла участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, согласіе общества по большинству двухъ третей голосовъ. Стало-быть, отдѣльные крестьяне изъ числа бывшихъ государственныхъ не только «широко», но и вовсе не могли пользоваться правомъ досрочнаго выкупа по ст. 165-й Пол. о вык. или вообще на равныхъ основаніяхъ съ бывшими помѣщичьими крестьянами. Что же въ такомъ случаѣ доказываютъ вычисленія защитниковъ неограниченнаго досрочнаго выкупа? Нѣчто противоположное тому, что они силились доказать. Въ самомъ дѣлѣ, если процентъ выкупленной земли отдѣльно для помѣщичьихъ крестьянъ втрое выше, чѣмъ для обоихъ разрядовъ вмѣстѣ, и, значитъ, еще болѣе, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ, то не ясно ли, что указанная разница въ содержаніи ст. 165-й Пол. о вык. и п. 2-го ст. 15-й Пол. о гос. кр. отразилась весьма замѣтно на землевладѣніи двухъ названныхъ группъ сельскаго населенія. А это, само собою, должно навести на мысль, что право досрочнаго выкупа, безъ согласія общества, не такъ безопасно, какъ хотѣли бы представить, и что вторая часть ст. 165-й, нынѣ отмѣненная, пускалась въ ходъ въ дѣйствительности не такъ рѣдко, какъ стремились доказать ея защитники.

Изъ тѣхъ же данныхъ оказывается, что и случаи отчужденія выкупленнаго въ личную собственность надѣла въ постороннія руки не представляются исключительными или рѣдкими. Если достойно вниманія, какъ намъ говорятъ, что двѣ трети изъ тѣхъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ, по которымъ досрочно погашенъ выкупной долгъ, оставались къ 1890 году въ рукахъ выкупившихъ ихъ семействъ, то не менѣе, если не болѣе, достойна вниманія судьба и остальной трети. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 39-ти губерніяхъ дворянскимъ банкомъ, за двѣнадцатилѣтній промежутокъ времени (1883—95 гг.) дворянская поземельная собственность ежегодно уменьшалась на 1,3% площади дворянскихъ владѣній въ началѣ этого періода. Находятъ—и, кажется, не безъ основанія,—что убыль дворянскаго землевладѣнія идетъ у насъ довольно быстро. Поэтому, вѣроятно, слѣдовало бы признать, что не особенно крѣпко держатъ въ рукахъ свою землю и крестьяне, прибѣгшіе къ досрочному выкупу надѣла, если у нихъ средній процентъ убыли опредѣляется въ 1,5% площади, выкупленной къ 1890 г. Но въ дѣйствительности мобилизація выкупленной земли совершается гораздо быстрѣе. При прогрессивномъ возрастаніи самаго досрочнаго выкупа большая часть этой земли стала предметомъ купли-продажи только въ позднѣйшее время, слѣдовательно, владѣльцы выкупленныхъ

надѣловъ успѣли утратить треть ихъ въ большинствѣ случаевъ не въ 28 лѣтъ, а въ гораздо болѣе короткій срокъ. Понятно, что при этомъ и годичный процентъ убыли долженъ быть очень высокимъ.

Словомъ, данныя, приводимыя въ доказательство ненужности или преждевременности ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ досрочному выкупу, могутъ только подтвердить необходимость ихъ. Но и теперь ни переходъ общинной земли въ собственность отдѣльныхъ лицъ, ни мобилизація крестьянскихъ надѣловъ не могутъ считаться прекращенными, и опасность развитія этого процесса въ будущемъ не устранена.

IX.

Крестьянское хозяйство и административная опека.

Законъ 14 декабря 1893 года, какъ бы то ни было, вызванъ дѣйствительною потребностью государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, въ интересахъ слабой стороны. Но для своего времени этотъ законъ, подобно фабричному законодательству, основанному на томъ же принципѣ, представляется скорѣе случайнымъ, нежели характернымъ явленіемъ. Напротивъ, яркое проявленіе законодательной дѣятельности въ духѣ того періода мы имѣемъ въ другомъ законѣ, изданномъ въ 1893 году. Этимъ закономъ рѣшеніе самыхъ сложныхъ и тонкихъ хозяйственныхъ вопросовъ, связанныхъ съ передѣлами мірской земли, предоставлено административнымъ властямъ, получившимъ право входить въ обсужденіе по существу приговоровъ о земельныхъ передѣлахъ.

Законъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли, по своей основной тенденціи, близокъ къ закону о семейныхъ раздѣлахъ, изданному восемью годами раньше. Составители проекта позднѣйшаго изъ этихъ узаконеній даже высказывали, что ограниченіе семейныхъ раздѣловъ—на этомъ вопросѣ мы остановимся дальше—представляется необходимымъ условіемъ для того, чтобы правила, регулирующія земельные передѣлы, достигли цѣли. Къ сожалѣнію, опросъ губернскихъ совѣщаній о результатахъ многолѣтняго примѣненія правилъ 18 марта 1886 года былъ сдѣланъ не до изданія закона о передѣлахъ, а черезъ полтора года послѣ введенія его. Трудно, конечно, предположить, чтобы единодушныя заявленія губернскихъ совѣщаній о полной неудачѣ ограничительной мѣры по отношенію къ семейнымъ раздѣламъ побудили вовсе отказаться отъ новой попытки въ томъ же родѣ: такое ужъ время было—медовые мѣсяцы института земскихъ начальниковъ еще не прошли. Но весьма вѣроятно, что законъ 8 іюня все-

таки былъ бы хоть нѣсколько сообразованъ съ указаніями печальнаго и дорого стоившаго странѣ опыта. Этого не случилось: самыя существенныя права селенныхъ сходовъ подверглись важному ограниченію, и рѣшеніе сложныхъ и важныхъ хозяйственныхъ дѣлъ земельной общины предоставлено стороннимъ людямъ. Напомнимъ вкратцѣ содержаніе закона 8 іюня. Имъ воспрещены частные передѣлы, скидка и навалка земли, кромѣ немногихъ прямо указанныхъ случаевъ, а общіе передѣлы обставлены цѣлымъ рядомъ условій, соблюденіе которыхъ обязательно. Затѣмъ приговоры селенныхъ сходовъ по этому вопросу провѣряются земскимъ начальникомъ и подлежатъ утвержденію уѣзднаго съѣзда, т. е. проходятъ чрезъ двѣ инстанціи, одинаково некомпетентныя въ обсужденіи этого дѣла по существу; изъ нихъ одна даетъ заключенія, а другая рѣшаетъ вопросы, требующіе тонкаго знанія условій крестьянскаго хозяйства и общинныхъ обычаевъ, не всегда одинаковыхъ и въ сосѣднихъ деревняхъ. Въ печати законъ 8-го іюня 1893 года былъ принятъ скептически потому именно, что нельзя предположить, чтобы земскіе начальники и уѣздные съѣзды были вооружены всѣми этими безусловно необходимыми знаніями.

Фактовъ, оправдывавшихъ основательность такого отношенія къ новому мѣропріятію, набралось немало; но трудно было ожидать, чтобы и официальные матеріалы, собранные для пересмотра крестьянскаго законодательства, доставили такъ много доводовъ въ пользу изложеннаго взгляда на законъ 8-го іюня, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Составъ губернскихъ совѣщаній, къ которымъ министерство внутреннихъ дѣлъ обращалось съ запросомъ, служилъ своего рода ручательствомъ въ томъ, что мѣры, расширяющія полномочія администраціи, будутъ встрѣчены сочувственно. Когда вопросъ о послѣдствіяхъ какого-либо закона задается черезъ полтора года послѣ обнародованія его, вѣроятнѣе всего предположить, что отвѣты будутъ редактированы въ успокоительномъ тонѣ. На этотъ разъ вышло не совсѣмъ такъ,— и это можно объяснить только крайнимъ несовпаденіемъ между требованіями жизни и закона.

Ко времени составленія отвѣтовъ на министерскій запросъ далеко не вездѣ неудовлетворительность правилъ 8-го іюня выразилась съ одинаковой силой. Въ цѣломъ рядѣ губерній (напр., въ Астраханской, Воронежской, Екатеринославской, Псковской, Рязанской), по отзывамъ совѣщаній, новыя правила о передѣлахъ еще мало и примѣнялись. Многія совѣщанія (напримѣръ, вологодское, вятское, нижегородское пермское, черниговское) указывая на несовершенства закона, ждутъ еще отъ него въ будущемъ «благотворнаго вліянія» на крестьянское хозяйство. Среди нихъ есть даже сторонники дальнѣйшаго развитія

правилъ, еще болѣе подробной и глубоко заходящей регламентаціи. Такъ, петербургское совѣщаніе желало бы не только увеличить минимальный срокъ между передѣлами до 18 лѣтъ, но даже возложить въ извѣстныхъ случаяхъ на земскихъ начальниковъ составленіе разверстокъ земли и приведеніе ихъ въ исполненіе. Было бы удивительно, если бы, выступая съ подобнымъ проектомъ, составители его имѣли въ виду предложенный имъ вопросъ, какими дополнительными мѣрами можно «упорядочить» (а не упразднить) общинное землевладѣніе. Но на самомъ дѣлѣ петербургское совѣщаніе задается совсѣмъ другою цѣлью: склоняясь въ пользу «замѣны общиннаго пользованія наслѣдственно-подворнымъ», оно желаетъ вообще «соотвѣтственнаго измѣненія всѣхъ дѣйствующихъ объ общинномъ землепользованіи узаконеній». Съ этой точки зрѣнія нельзя оспаривать «соотвѣтственности» и самаго закона 8-го іюня. Могилевское совѣщаніе, просящее о распространеніи этого закона на свою губернію, считаетъ его, даже безъ всякихъ дополненій, совершенно достаточнымъ, чтобы въ Могилевской губерніи «фактически» установилось подворное владѣніе. Но большинство совѣщаній оказывается на сторонѣ общиннаго землевладѣнія. Здѣсь мы наблюдаемъ весьма знаменательный случай разногласія между отвѣтами большинства совѣщаній и предположеніями составителей программы ихъ работъ. Какъ понимались въ Петербургѣ задачи «упорядоченія» земельныхъ отношеній крестьянъ—объ этомъ можно составить довольно ясное представленіе хотя бы по слѣдующимъ вопросамъ, предложеннымъ совѣщаніямъ. Ихъ спрашивали: возможно ли сохранить общинную форму въ мелкихъ земельныхъ общинахъ? Не представляется ли полезнымъ ввести въ законъ требованіе, чтобы при извѣстномъ численномъ составѣ мелкихъ общинъ отведенныя въ ихъ пользованіе земли были раздѣлены на подворно-наслѣдственные участки? Можно ли признать достачно назрѣвшей потребность въ изданіи закона, болѣе точно опредѣляющаго порядокъ и условія перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному? Не слѣдуетъ ли допустить такой переходъ и по постановленію простаго большинства? и т. д. Отношеніе составителей къ этому вопросу вполнѣ опредѣленно выражалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось касаться «упорядоченія» подворно-наслѣдственнаго владѣнія. Такъ, спрашивая, не слѣдуетъ ли допустить переверстку полей отдѣльныхъ владѣльцевъ по приговору общества,—въ видахъ устраненія черезполосицы,—они замѣчаютъ: «этотъ вопросъ не предполагаетъ, конечно, возможности допущенія періодическихъ передѣловъ земли при подворно-наслѣдственномъ пользованіи, а имѣетъ въ виду только такую переверстку полей, которая допускалась бы съ разрѣшенія надлежащей власти въ совершенно

исключительныхъ случаяхъ». Если, затѣмъ, въ программѣ все-таки задается вопросъ, какія мѣры желательно и необходимо принять для охраненія общиннаго землевладѣнія «отъ искусственнаго разрушенія», то цѣну этой заботливости нетрудно опредѣлить. Стоитъ только взглянуть на рядъ предшествующихъ вопросовъ, чтобы убѣдиться, что средствъ противъ искусственнаго разрушенія общиннаго землепользованія составители программы готовы искать въ такихъ предположеніяхъ, какъ установленіе въ самомъ законѣ *допускаемыхъ* для передѣла основаній, какъ *обязательное* требованіе, чтобы для надѣленія новыхъ членовъ отводились особые запасные участки, и т. п. мѣры дальнѣйшей регламентаціи мірскихъ передѣловъ, въ развитіе закона 8-го іюня 1893 г.

Заключенія совѣщаній лишь въ немногихъ случаяхъ оказываютъ поддержку взглядамъ, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ которыхъ составленъ этотъ отдѣлъ министерской программы. Это особенно ярко выразилось въ отвѣтахъ на важный вопросъ: не обнаруживается ли у крестьянъ стремленія къ переходу отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному? Подавляющее большинство совѣщаній дало заключенія, не оставляющія и тѣни сомнѣнія въ томъ, что, по собраннымъ ими или имѣвшимся у нихъ даннымъ, такой потребности у массы сельскаго населенія не существуетъ. Одинъ за другимъ слѣдуютъ такіе отзывы: «къ переходу отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному пользованію землею *ни малѣйшаго стремленія нигдѣ не существуетъ*» (Архангельск. губ.); въ Астраханской губ. оно *«не обнаруживалось»*, во Владимірской *«не замѣчалось»*, въ Воронежской— *«не встрѣчается»*, въ Казанской *«не наблюдалось»*. Въ Нижегородской не только «не замѣчается» подобнаго стремленія, но, по словамъ совѣщанія, «многія селенія очень несочувственно отнеслись къ закону 8-го іюня 1893 г. (о передѣлахъ) именно потому, что опасались, что приведеніе этого закона въ исполненіе будетъ первымъ шагомъ къ переходу отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному». Въ Оренбургской губерніи,—пишетъ другое совѣщаніе,—«рѣшительно нельзя указать ни одного случая перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному»; Въ Пензенской губерніи такое стремленіе «вовсе не обнаруживается», въ Таврической «перехода цѣлыхъ сельскихъ обществъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному не было и стремленія къ этому не замѣчается» и т. д., и т. д. Здѣсь взяты на выдержку отвѣты, послѣдовавшіе изъ мѣстностей, находящихся въ различныхъ сельскохозяйственныхъ условіяхъ. Число подобныхъ отзывовъ могло бы быть значительно увеличено, такъ какъ лишь въ пяти—шести случаяхъ заявленія губернскихъ совѣщаній мо-

гутъ быть приняты за подтвержденіе догадки составителей программы. Такъ, въ Черниговской губерніи «стремленіе перейти къ подворно-наслѣдственному владѣнію весьма замѣтно среди крестьянъ, и препятствій къ тому переходу нельзя, вообще, усмотрѣть». По мнѣнію петербургскаго совѣщанія, «хотя факты юридическаго перехода отъ общиннаго землепользованія къ подворному, вообще, по С.-Петербургской губерніи, и нечасты, тѣмъ не менѣе рѣдко происходящіе передѣлы могутъ служить показателемъ стремленія крестьянъ къ фактическому переходу къ подворному владѣнію». Въ Витебской губерніи «въ послѣднее время стало замѣчаться среди крестьянъ, владѣющихъ на общинномъ правѣ, нѣкоторое стремленіе къ переходу къ подворно-наслѣдственному владѣнію». Если прибавить къ этому списку еще Могилевскую губернію, въ которой издавна фактически существовало подворное владѣніе, но «формальные переходы отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному совершались лишь тамъ, гдѣ крестьянскія учрежденія наталкивали крестьянъ на таковой переходъ», то будутъ перечислены едва ли не всѣ совѣщанія, отвѣтившія утвердительно на занимающій насъ вопросъ. Отдѣльные случаи перехода, конечно, отмѣчаются и по другимъ губерніямъ, но совѣщанія, сообщая свои свѣдѣнія о такихъ фактахъ, настойчиво указываютъ и подчеркиваютъ, что это единичные и не характерные для описываемыхъ ими губерній случаи. Въ общемъ, если сгруппировать отвѣты по сельскохозяйственнымъ районамъ, къ которымъ они относятся, оказывается, что на громадновъ пространствѣ, охватывающемъ центрально-земледѣльческую, средне-волжскую, нижневолжскую, московско-промышленную, пріуральскую полосы и крайній Сѣверъ, стремленія къ переходу отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному не наблюдается. Сюда же примыкаетъ и приозерная полоса, изъ четырехъ губерній которой только въ одной, Петербургской, нашлись, по отзыву совѣщанія, косвенные признаки такого стремленія, хотя, какъ мы видѣли, факты юридическаго перехода встрѣчаются и тамъ рѣдко. Наконецъ, изъ трехъ остальныхъ районовъ, отвѣчавшихъ на этотъ вопросъ,—новороссійскій, бѣлорусскій и малороссійскій,—первый характеризуется преобладающимъ отсутствіемъ такого стремленія, второй занимаетъ середину и третій, что, впрочемъ, нисколько не удивительно, представляетъ крайнюю ступень, которой достигло изучаемое явленіе.

Такимъ образомъ, заключенія совѣщаній не подтвердили предположенія составителей программы и дали на этотъ капитальный вопросъ врядъ ли ожиданный отвѣтъ. Можно, конечно, не соглашаться съ мнѣніемъ, объединяющимъ въ данномъ случаѣ громадное большинство совѣщаній; можно считать ихъ показанія недостаточно убѣдительными;

можно держаться и другого взгляда и считать эти наблюденія заслуживающими довѣрія, тѣмъ болѣе, что они сходятся съ выводами изъ обстоятельныхъ изслѣдованій, произведенныхъ раньше въ разное время. Но во всякомъ случаѣ, если припомнить составъ губернскихъ совѣщаній, въ которыя вошли по преимуществу представители разныхъ вѣдомствъ, то придется признать за ихъ отвѣтами, столь несогласными со взглядами петербургскихъ составителей программы, немалую и притомъ совершенно исключительную цѣну и значеніе. Должны существовать бьющіе въ глаза факты, должны быть налицо вѣскія и убѣдительныя основанія для того, чтобы совѣщанія такого состава оказались у насъ при особомъ мнѣніи. Это мнѣніе, конечно, необязательно для комиссіи, но и она не можетъ не считаться съ нимъ.

Собираніе матеріаловъ для пересмотра находилось — нельзя игнорировать этого факта — въ условіяхъ, весьма неблагопріятныхъ для критическаго отношенія къ вопросамъ программы и къ рѣшеніямъ, нерѣдко подсказываемымъ самою редакціею ихъ. Здѣсь, можетъ быть, будетъ кстати припомнить, что и вообще изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ у насъ поставлено въ крайне неблагопріятныя условія. Еще въ 1859 году, въ горячее время подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ, у редакціи одного изъ московскихъ повременныхъ изданій явилась мысль «собрать нѣкоторыя данныя о крестьянскомъ самоуправленіи и хозяйствѣ въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ бытъ крестьянъ развивался свободно, внѣ чиновничьей и помѣщичьей опеки» [1]). Это порученіе было возложено на одного изъ сотрудниковъ журнала, извѣстнаго въ то время писателя, который въ цѣляхъ ознакомленія съ «своеобразными формами народнаго быта» былъ командированъ редакціей московскаго изданія въ губерніи Ярославскую, Владимірскую и Вологодскую. Но выполнить свою миссію ему не удалось: въ Ярославской губерніи его не допустили до собиранія свѣдѣній, о цѣли пріѣзда его было немедленно сообщено въ Петербургъ, и прямымъ послѣдствіемъ этой ранней попытки изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ экспедиціоннымъ способомъ явилось общее воспрещеніе редакціямъ газетъ и журналовъ отправлять кого бы то ни было для собиранія свѣдѣній о бытѣ крестьянъ. «По возникшему вопросу,—говорится въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 31-го декабря 1859 года [2]), — касательно путешественниковъ, отправляемыхъ издателями журналовъ и газетъ по селамъ и деревнямъ для собиранія свѣдѣній

---

1) Е. И. Якушкинъ. Обычное право, т. II, стр. 2.

2) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. Спб. 1862, стр. 450.

о бытѣ крестьянъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: что только ученыя общества, утвержденныя правительствомъ, могутъ посылать отъ себя лицъ для собиранія нужныхъ имъ свѣдѣній; что и ученыя общества, отправляя путешественниковъ, должны снабжать ихъ надлежащими видами и о каждомъ изъ нихъ поставлять въ извѣстность министерство внутреннихъ дѣлъ, дабы начальники губерній могли быть предварены объ упомянутыхъ собирателяхъ прежде прибытія ихъ на мѣсто, а равно и сами собиратели обязаны заявлять о себѣ мѣстной полиціи, что издатели журналовъ и газетъ отправлять подобныхъ путешественниковъ права не имѣютъ и что съ лицами, путешествующими безъ установленныхъ видовъ, слѣдуетъ поступать по закону». Понятно, какое вліяніе оказало это распоряженіе на дѣло изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ, тѣмъ болѣе, что запретъ, наложенный въ 1859 году на собираніе свѣдѣній о бытѣ сельскаго населенія, по свидѣтельству Е. И. Якушкина, сохранялъ силу и послѣ освобожденія крестьянъ.

Этотъ любопытный эпизодъ является, можно сказать, прелюдіей къ пореформенной исторіи изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Конечно, неудачное начало не заглушило въ обществѣ интереса къ обычному праву, и собираніе матеріаловъ, могущихъ освѣтить «своеобрззныя формы» юридическаго быта народа, не прекратилось. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ дѣлаются шаги къ систематическому изученію юридическихъ обычаевъ и появляются первыя программы для собиранія ихъ. Работы въ этомъ направленіи продолжались до самаго послѣдняго времени: программы неоднократно подвергались пересмотру, измѣнялись и совершенствовались. Накоплялся и фактическій матеріалъ, чему немало содѣйствовали ученыя общества и, быть-можетъ, еще больше неутомимая энергія немногихъ частныхъ лицъ, посвятившихъ себя этому дѣлу. По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ [1]), «благодаря совокупной дѣятельности какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ, направленной къ ознакомленію со строемъ народной юридической жизни, наша юридическая литература обладаетъ теперь довольно богатымъ матеріаломъ для сужденія о существѣ и значеніи дѣйствующихъ въ крестьянской средѣ правовыхъ обычныхъ нормъ». Но взглядъ другихъ изслѣдователей на это богатство нѣсколько иной. Въ ихъ отзывахъ чаще слышатся жалобы на скудость свѣдѣній, нежели заявленія объ ихъ обиліи. Такъ, авторъ матеріаловъ для библіографіи обычнаго права, Е. И. Якушкинъ, въ 1896 г.

---

1) В. М. Мухинъ. Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ. Спб. 1888 г., стр. 8.

въ предисловіи ко второму тому своего капитальнаго труда отмѣчаетъ рядъ существенныхъ пробѣловъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о народныхъ юридическихъ обычаяхъ.

«Несмотря на большое количество статей и замѣтокъ о крестьянскомъ самоуправленіи,—пишетъ г. Якушкинъ,—нѣкоторыя стороны его мало изслѣдованы. Болѣе подробное изученіе относящихся сюда обычаевъ имѣетъ въ настоящее время большую практическую важность въ виду предполагаемаго пересмотра нѣкоторыхъ статей Положенія 19-го февраля 1861 г... Чтобы получить точное понятіе о той власти, какую имѣетъ міръ надъ членами общины, было бы весьма важно познакомиться подробно съ обязательными постановленіями, выраженными въ крестьянскихъ приговорахъ. Къ сожалѣнію, на нихъ не было обращено до сихъ поръ достаточнаго вниманія; въ литературѣ встрѣчается очень мало на нихъ указаній... Строго ли исполняются эти приговоры, бываютъ ли на нихъ жалобы,—объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Вопросъ о крестьянскомъ судѣ разработанъ гораздо полнѣе, чѣмъ вопросъ объ управленіи. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ многочисленные виды сельскихъ судовъ: одни изъ нихъ извѣстны только по названію, о другихъ встрѣчаются весьма отрывочныя свѣдѣнія» [1])...

Г. Якушкинъ признаетъ, что наиболѣе подробно изучено у насъ гражданское обычное право, но и здѣсь можно говорить лишь объ относительной полнотѣ матеріала, такъ какъ нѣкоторые отдѣлы (напр., обязательственное право) «недостаточно еще изслѣдованы», по нѣкоторымъ вопросамъ (напр., о наслѣдованіи незаконнорожденныхъ) «въ литературѣ встрѣчается очень мало свѣдѣній, основанныхъ на личныхъ наблюденіяхъ людей, близко знакомыхъ съ народнымъ юридическимъ бытомъ». Вдобавокъ пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ по обычному праву заполняются весьма медленно. Правда, одно время,— именно въ семидесятыхъ годахъ, въ пору наибольшаго оживленія въ литературѣ и обществѣ интереса къ крестьянству и къ изученію его быта,—началась-было энергичная работа и по собиранію свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Теперь, въ виду «замѣтнаго оскудѣнія годнаго матеріала», объ этомъ времени говорятъ не иначе какъ о времени какого-то особеннаго «одушевленія» [2]) въ дѣлѣ изученія юридическаго быта народа. Въ воспоминаніяхъ о прошломъ нерѣдко встрѣчаются преувеличенія, но въ данномъ случаѣ оказывается, что

[1]) Е. И. Якушкинъ. Обычное право. Ярославль, 1896, т. II, стр. II, V, VI, VIII.

[2]) Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, т. II. Спб., 1900 г. Предисловіе С. В. Пахмана.

то же впечатлѣніе «подъема» и «одушевленія» эта работа производила и на современниковъ. Въ 1875 г., на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ, покойный Н. В. Калачовъ между прочимъ такъ охарактеризовалъ отношеніе литературы къ изслѣдованіямъ въ области обычнаго права. «Наша литература,—говорилъ онъ,—съ такою любовью и жаромъ устремилась какъ на изученіе народа вообще, такъ и въ особенности юридическихъ обычаевъ. Въ отношеніи послѣднихъ то и дѣло выходятъ цѣлыя изслѣдованія, сборники и статьи [1])». Но это оживленіе продолжалось сравнительно недолго, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ наступила реакція, и «надежда на дальнѣйшіе успѣхи въ собираніи и разработкѣ матеріаловъ народно-обычнаго права», говоря словами С. В. Пахмана, «мало оправдалась на дѣлѣ» [2]).

Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ смѣна «одушевленія» равнодушіемъ въ данномъ случаѣ вызвана соотвѣтственною перемѣной въ общественномъ настроеніи или во взглядяхъ на значеніе юридическихъ обычаевъ народа и въ какой мѣрѣ оно объясняется внѣшними обстоятельствами. Такъ называемые противники обычнаго права въ семидесятыхъ годахъ были не менѣе многочисленны, нежели въ наше время. Но это не помѣшало, наприм., первому съѣзду русскихъ юристовъ, въ средѣ котораго были представители самыхъ разнообразныхъ мнѣній по этому вопросу, единодушно высказаться за широкую организацію собиранія матеріаловъ съ цѣлью составленія сборника юридическихъ обычаевъ. И въ настоящее время важность изученія обычнаго права едва ли кѣмъ-нибудь отвергается. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что въ семидесятыхъ годахъ, какъ и за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, внѣшнія обстоятельства не благопріятствовали ознакомленію русскаго общества съ «своеобразными формами» юридическаго быта народа. Это дѣло, оставаясь дѣломъ общественнымъ, требовало извѣстной организаціи. Какъ не велики были въ семидесятыхъ годахъ «одушевленіе» и интересъ къ изслѣдованіямъ такого рода, но и тогда ясно сознавалась невозможность достиженія цѣли разрозненными усиліями частныхъ лицъ.

«Я думаю,—говорилъ, напримѣръ, на первомъ же съѣздѣ юристовъ Н. В. Калачовъ, резюмируя пренія по вопросу о необходимости составить сборникъ юридическихъ обычаевъ,—что не только одно частное лицо, но и общество безъ содѣйствія правительства не можетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать съ успѣхомъ, поэтому я указываю, что было бы желательно учредить особую комиссію въ Петербургѣ или

---

[1]) Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году. М., 1882 г., стр. 122.

[2]) Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. Спб. 1900 г., т. II, стр. 2.

въ Москвѣ, которая, съ одной стороны, вызывала бы дѣятелей къ собиранію обычаевъ, а съ другой—къ разборкѣ ихъ» [1]).

Это мнѣніе раздѣлялъ и съѣздъ, положившій, что очень желательно учрежденіе такой комиссіи. Но постановленіе съѣзда не могло осуществиться, такъ какъ и это начинаніе встрѣтило тѣ же препятствія, что и попытка московскаго журнала въ 1859 году. Редактируя труды перваго съѣзда юристовъ, Н. В. Калачовъ снабдилъ постановленіе объ образованіи комиссіи слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Считаю долгомъ заявить, что желаніе его (съѣзда) было мною сообщено въ свое время бывшему министру юстиціи графу К. И. Палену, который хотя и выразилъ мнѣ, что не встрѣчаетъ препятствія къ составленію такой комиссіи при министерствѣ юстиціи, но не иначе какъ изъ лицъ, служащихъ въ семъ министерствѣ; съ своей стороны, признавая учрежденіе такой комиссіи не соотвѣтствующимъ опредѣленію съѣзда, я не далъ дальнѣйшаго хода моему ходатайству» [2]).

Такимъ образомъ вопросъ объ изученіи юридической жизни народа снова вернулся въ то положеніе, въ которомъ онъ находился послѣ распоряженія 1859 года: эта задача была признана по преимуществу дѣломъ существующихъ у насъ ученыхъ обществъ, которыя имѣютъ однако свои спеціальныя задачи. Извѣстно, что они пытались дѣйствовать въ этомъ направленіи. Предсѣдатель комиссіи для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ при русскомъ географическомъ обществѣ С. В. Пахманъ сообщаетъ, наприм., что эта комиссія «не упускала изъ виду зависящихъ отъ нея мѣръ для поддержанія полезнаго дѣла» [3]), но результаты заставляли желать лучшаго. «Самымъ цѣлесообразнымъ въ этомъ смыслѣ средствомъ представлялось,—пишетъ г. Пахманъ,—разумѣется, добываніе матеріаловъ при посредствѣ непредубѣжденныхъ лицъ, которыя могли бы ознакомиться съ юридическими обычаями на мѣстѣ, и не разъ заявлялась въ комиссіи мысль о пользѣ снаряженія особыхъ для этой цѣли экскурсій, но она не имѣла успѣха отчасти по недостатку для того матеріальныхъ средствъ, а еще болѣе—по затруднительности въ пріисканіи лицъ, которыя, располагая личнымъ досугомъ, обладали бы и необходимой для спеціальнаго дѣла подготовкой».

Дальше, прослѣдивъ судьбу подобнаго же начинанія петербургскаго юридическаго общества, мы увидимъ, что «мысль о пользѣ снаряженія особыхъ экскурсій» на практикѣ могла бы не имѣть успѣха

---

[1]) Первый съѣздъ русскихъ юристовъ, стр. 150.
[2]) «Труды перв. съѣзда юристовъ», стр. 266.
[3]) Сборникъ народн. юрид. обыч., т. II, стр. 7.
[4]) Сборникъ народн. юрид. обыч., т. II, стр. 8.

и по причинамъ того рода, которыми было вызвано распоряженіе 1859 года. Что же касается комиссіи географическаго общества, то, отказавшись по тѣмъ или инымъ основаніямъ отъ экспедиціоннаго способа изслѣдованія, она обратилась къ другому средству. Снова была пересмотрѣна программа собиранія юридическихъ обычаевъ и затѣмъ разослана какъ нѣкоторымъ лицамъ (повидимому—должностнымъ), такъ и «во всѣ статистическіе комитеты Имперіи съ просьбой о собираніи на мѣстѣ и присылкѣ въ комиссію требуемыхъ отвѣтовъ, свѣдѣній и матеріаловъ». Отвѣты стали поступать, хотя и медленно изъ разныхъ мѣстностей. «Но, къ сожалѣнію, это были большею частью, такъ сказать, канцелярскія отписки, составленныя хотя иногда и пространно, но безъ всякихъ мѣстныхъ справокъ или опросовъ и, очевидно, людьми, или вовсе къ такому дѣлу не подготовленными, или даже не понявшими предложенной задачи, какъ видно, напримѣръ, изъ отчета одного земскаго исправника (начальника?), который по всѣмъ почти вопросамъ заботился преимущественно о томъ, чтобы не обвинить крестьянъ въ нарушеніи какихъ-либо законовъ» [1]).

Послѣдняя по времени попытка предпринять въ широкихъ размѣрахъ собираніе на мѣстахъ и разработку матеріаловъ по обычному праву принадлежитъ петербургскому юридическому обществу. Въ 1898 году оно рѣшило воспользоваться для этой цѣли рѣшеніями волостныхъ судовъ. Пригодность этого матеріала для изученія обычнаго права долго была предметомъ спора. Извѣстно, что въ рѣшеніяхъ волостного суда, съ одной стороны, видѣли наилучшій источникъ свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, съ другой—матеріалъ, вполнѣ безполезный для цѣлей научнаго изслѣдованія. Любопытно, что представители того и другого взгляда черпали свои доказательства изъ опыта правительственной комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, работавшей въ 70-хъ же годахъ. Можно думать, что и теперь найдутся сторонники обоихъ этихъ крайнихъ мнѣній. Ближе къ истинѣ однако тотъ, въ настоящее время, кажется, наиболѣе распространенный взглядъ, что при всѣхъ своихъ безспорныхъ недостаткахъ этотъ матеріалъ имѣетъ и существенныя достоинства. Во всякомъ случаѣ разработка значительнаго числа рѣшеній волостного суда въ рукахъ осторожнаго и критически относящагося къ своему матеріалу изслѣдователя можетъ дать хорошіе результаты. Въ потвержденіе можно сослаться на тотъ фактъ, что труды комиссіи о волостныхъ судахъ дали матеріалъ для многихъ цѣнныхъ работъ по обычному праву, хотя и въ способѣ собиранія матеріала комиссіей, и въ самомъ

---

[1]) Тамъ же.

этомъ матеріалѣ критика открыла много дефектовъ. Петербургское юридическое общество, принимаясь за свою работу, стояло именно на этой точкѣ зрѣнія. Предполагалось, что матеріалъ для разработки—выписки изъ книгъ волостныхъ судовъ—будетъ добываться главнымъ образомъ на мѣстахъ лицами, командируемыми обществомъ, или по его порученію мѣстными дѣятелями. На второмъ планѣ стояло пользованіе волостными книгами, доставленными въ Петербургъ, и также нѣкоторые другіе способы собиранія юридическихъ обычаевъ, разсылка программъ и пр. Но прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, общество должно было возбудить ходатайство о содѣйствіи его начинанію со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Это содѣйствіе было необходимо въ данномъ случаѣ, такъ какъ отъ министерства по понятной причинѣ «зависѣли объемъ и характеръ» предпринятыхъ обществомъ работъ. Отвѣтъ на ходатайство однако не только опредѣлилъ объемъ задачи, но и побудилъ измѣнить первоначальный планъ собиранія и разработки свѣдѣній. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, «выразивъ полное сочувствіе труду, предпринятому обществомъ, и готовность оказать ему въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, призналъ возможнымъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ Петербургъ, въ порядкѣ и очереди по указаніямъ отдѣленія (обычнаго права)» [2]).

Вопросъ о работѣ на мѣстахъ такимъ образомъ былъ снятъ съ очереди.

На первый разъ петербургскому юридическому обществу были доставлены волостныя книги четырехъ уѣздовъ Ярославской губ., и еще въ концѣ 1898 г. началась разработка заключающагося въ нихъ матеріала. О результатахъ ея мы теперь знаемъ изъ доклада А. А. Башмакова, прочитаннаго въ отдѣленіи обычнаго права петербургскаго юридическаго общества въ 1901 году. Къ работамъ были привлечены студенты петербургскаго университета. «До весны 1899 года работали усердно студенческія группы, доходившія до 70-ти человѣкъ, и ими было сдѣлано немало. Волненія, наступившія затѣмъ среди университетской молодежи, разстроили этотъ порядокъ разработки волостного матеріала. Съ этой стороны выяснилось,—пишетъ г. Башмаковъ,—что университетская молодежь вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ она работаетъ, представляетъ опору непостоянную и довольно шаткую. Между тѣмъ другого способа привлечь

1) «Журналъ юрид. общ.», 1898 г., № 5. Докладъ редакціоннаго комитета отдѣленія обычн. права спб. юрид. общ., стр. 9 и слѣд.

2) «Вѣстникъ права», 1899, № 5, «Труды юридическаго общества» при спб. унив., стр. 122.

значительное число сотрудниковъ редакціонный комитетъ пока въ своемъ распоряженіи не имѣетъ» [1]. Дѣло въ томъ, что «дѣятели, живущіе въ Петербургѣ, обременены, по словамъ г. Башмакова, служебными и иными профессіональными заботами, такъ что расчитывать на участіе ихъ въ работѣ отдѣленія обычнаго права не приходится». Этотъ неудачный опытъ приводитъ автора доклада къ заключенію, что «успѣхъ начатаго дѣла зависитъ отъ провинціальныхъ дѣятелей гораздо больше, нежели отъ разработки волостныхъ книгъ въ Петербургѣ», такъ какъ наша провинція располагаетъ «многочисленными силами, готовыми взяться за дѣло».

На этомъ основаніи г. Башмаковъ предложилъ новую организацію работъ, «по губернскимъ центрамъ», «при тѣхъ ячейкахъ, которыя выдвинетъ сама жизнь», и т. д. Дальнѣйшая судьба этого предложенія намъ неизвѣстна. Но ясно, что и попытки петербургскаго юридическаго общества двинуть впередъ изученіе обычнаго права потерпѣла крушеніе. Судя по тому же докладу, общество хотя и продолжаетъ работать надъ волостными книгами, но имѣетъ въ виду уже не прежнюю широкую задачу, а лишь обслѣдованіе и, со временемъ, изданіе свода юридическихъ обычаевъ одной губерніи. Конечно, и это—большая и важная работа, но все-таки думается, что, быть-можетъ, обществу удалось бы сдѣлать и больше, если бы былъ осуществленъ первоначальный планъ задуманной имъ работы. Надежда, которую петербургское общество возлагаетъ теперь на «многочисленныя силы» провинціи въ дѣлѣ изученія юридическихъ обычаевъ, конечно, не можетъ оправдаться по той причинѣ, что этихъ силъ не такъ уже много, онѣ разрозненны, а условія ихъ дѣятельности гораздо менѣе благопріятны, нежели можетъ казаться издали.

Возвращаемся, однако, къ закону 8 іюня 1893 года и къ отзывамъ о немъ губернскихъ совѣщаній. Какъ бы то ни было во многихъ изъ этихъ отзывовъ мы находимъ указаніе на неотложность немедленной отмѣны нѣкоторыхъ важныхъ статей закона 8-го іюня, а въ нѣсколькихъ губернскихъ отвѣтахъ содержатся весьма вѣскіе доводы и противъ закона въ цѣломъ.

Значительное число совѣщаній высказываются за возстановленіе частныхъ передѣловъ земли. Отмѣна ихъ (или, правильнѣе, ограниченіе немногими случаями), какъ въ свое время указывалось въ печати, произведена не только безъ достаточныхъ мотивовъ, но даже какъ бы вопреки намѣренію законодателя уничтожить короткіе сроки между передѣлами. Дѣло въ томъ, что почти повсемѣстно, гдѣ крестьяне

---

[1] „Вѣстникъ Права“, 1901 г., № 6-й, стр. 28.

удобряютъ поля, община прибѣгаетъ къ частнымъ передѣламъ, производитъ скидку и накидку надѣловъ, жеребьевки, переверстки именно для того, чтобы предотвратить необходимость частаго перераспредѣленія въ натурѣ всей мірской земли. Думать, что эти частные передѣлы сокращаютъ срокъ землепользованія, очевидная ошибка; но эта ошибка была сдѣлана — и вотъ теперь намъ повѣствуютъ о печальныхъ послѣдствіяхъ ея.

Конечно, среди губернскихъ совѣщаній нашлись и такія (напр., нижегородское), которымъ и эта сторона закона кажется «благодѣтельной». Въ отзывѣ о примѣненіи правилъ 8 іюня въ этой губерніи говорится, что «во многихъ обществахъ крестьяне ропщутъ на лишеніе ихъ права ежегодной скидки и накидки надѣловъ»; но,— объясняютъ авторы нижегородскаго отвѣта на вопросъ министерства,— «это происходитъ отъ свойственнаго простому народу нерасположенія ко всякаго рода новшествамъ». Не такъ легкомысленно отнеслись къ недовольству населенія этимъ постановленіемъ закона другія совѣщанія, даже тѣ, которыя относятся недружелюбно къ общинной формѣ пользованія землей. Такъ, могилевское совѣщаніе находитъ, что «воспрещеніе частныхъ передѣловъ уничтожаетъ главную выгоду общиннаго землевладѣнія» и ведетъ къ «разрушенію» его. Въ томъ же видитъ «главное затрудненіе, вызываемое закономъ 8 іюня 1893 г.» и костромское совѣщаніе. Непремѣнные члены олонецкаго губернскаго присутствія, съ мнѣніемъ которыхъ нашло полезнымъ ознакомить мѣстное совѣщаніе, говорятъ: «Практика указываетъ, что въ теченіе столь долгаго промежутка времени, какъ 12 лѣтъ, необходимость въ частныхъ передѣлахъ на прибылыя души (естественный приростъ населенія, пріемъ новыхъ членовъ въ общества) неизбѣжна». Орловское совѣщаніе называетъ въ числѣ недостатковъ закона, «успѣвшихъ уже обнаружиться» за короткое время его примѣненія, опять-таки отмѣну частныхъ передѣловъ, слѣдствіемъ которой является «неравномѣрность землевладѣнія». На ту же крупную законодательную ошибку указываютъ совѣщанія тульское, саратовское, тверское, ярославское, смоленское и др. Естественно, что въ отзывахъ нерѣдко прямо предлагаются и мѣры къ устраненію этого зла. Въ Рязанской губерніи нѣкоторыя изъ уѣздныхъ комиссій заявляютъ, что «желательно предоставить обществу право скидки и накидки тяголъ, уничтоживъ 12-лѣтній срокъ». Большинство членовъ ярославскаго совѣщанія полагало необходимымъ включить въ законъ указаніе на право схода отбирать излишнее количество земли у тѣхъ, кто въ промежутокъ между передѣлами окажется фактически не обрабатывающимъ землю своими силами. Болѣе правильный и цѣлесообразный выходъ

изъ затрудненій, являющихся въ результатѣ примѣненія правилъ 8 іюня, рекомендуетъ другая часть членовъ ярославскаго совѣщанія: необходимо,—читаемъ мы въ ихъ отзывѣ,—«чтобы были отмѣнены ст. 5 и 10 этого закона, опредѣляющія срокъ передѣловъ и уничтожающія право обществъ производить скидку тяголъ». Прежде всего послѣднее изъ этихъ предложеній надо признать вполнѣ цѣлесообразнымъ. Съ осуществленіемъ его была бы удовлетворена одна изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей.

Матеріалы, собранные для комиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ, даютъ полное обоснованіе требованію отмѣны тѣхъ пунктовъ закона 8 іюня 1893 года, которыми воспрещены частные передѣлы при общинномъ землевладѣніи. Но задача пересмотра не можетъ быть ограничена внесеніемъ одной этой поправки въ законъ о передѣлахъ мірской земли. Въ отвѣтахъ совѣщаній затронутъ и другой капитальный вопросъ—назначеніе двѣнадцатилѣтняго минимальнаго срока передѣловъ. Въ свое время въ печати было выяснено, что установленіе его, какъ и всякаго другого, въ видѣ общей и повсемѣстно обязательной нормы, можетъ повести во многихъ случаяхъ къ большимъ затрудненіямъ. Такъ это и случилось. Совѣщанія указываютъ, что подъ вліяніемъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ требованій закона—продолжительнаго промежутка между передѣлами и ограниченія скидки и навалки земли—крестьяне вовсе уклоняются отъ совершенія передѣловъ законнымъ порядкомъ. «Во многихъ мѣстностяхъ,—свидѣтельствуетъ ярославское совѣщаніе,—въ настоящее время передѣлы согласно этому закону совершаются лишь въ видѣ исключенія». То же сообщаютъ и изъ Смоленской губ.: «за полтора года дѣйствія этого закона,—читаемъ мы въ смоленскомъ отзывѣ,—случаи передѣловъ, совершонныхъ согласно его требованіямъ, являются въ цѣлой губерніи весьма рѣдкими, и ихъ насчитывается едва ли по десяти на каждый изъ 12-ти уѣздовъ губерніи». Что же заставляетъ крестьянъ воздерживаться отъ передѣловъ? Не отсутствіе потребности въ нихъ, потому что они совершались до изданія закона, какъ видно изъ тѣхъ же сообщеній. Затѣмъ и продолжительные сроки во многихъ губерніяхъ не представляютъ ничего новаго. Ошибка заключается въ томъ, что такія явленія, какъ передѣлы общинной земли, не поддаются нивеллировкѣ. Въ Саратовской губерніи, напримѣръ, «установленіе срока въ 12 лѣтъ вызываетъ всего больше возраженій», но не въ силу какого-либо предубѣжденія противъ передѣловъ на большой періодъ времени. «Крестьяне,—говоритъ саратовское совѣщаніе,—за послѣднее время прекрасно сознали невыгоду краткосрочныхъ передѣловъ земли и потому во всѣхъ случаяхъ, когда это

представлялось возможнымъ и удобнымъ, установляли передѣлы на сроки болѣе или менѣе продолжительные». Но, къ сожалѣнію, часто въ дѣйствительности встрѣчаются обстоятельства, препятствующія передѣламъ на долгій срокъ. «Если бы,—замѣчаетъ совѣщаніе,—домохозяинъ получилъ свой надѣлъ на 12 лѣтъ, рядомъ, напримѣръ, со степью, населенною сусликами, или съ площадью сыпучаго песка, то, очевидно, онъ былъ бы въ конецъ разоренъ... Многія общества въ южныхъ уѣздахъ,—Царицынскомъ, Камышинскомъ, Аткарскомъ,—ведутъ залежное и бахчевое хозяйства. Здѣсь передѣлы земли ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть устанавливаемы на сроки продолжительнѣе 2-хъ или 3-хъ лѣтъ, такъ какъ земля пашется въ теченіе этихъ сроковъ, затѣмъ запускается и поступаетъ подъ выпасъ скота въ общественное пользованіе». Но и въ мѣстностяхъ съ длинными промежутками между передѣлами установленіе одного минимальнаго срока въ высшей степени неудобно. «Вездѣ, гдѣ производились періодическіе общіе передѣлы, срокъ ихъ опредѣлялся,—указываетъ смоленское совѣщаніе,—какими-либо особыми мѣстными условіями, которыя, конечно, не измѣнились съ изданіемъ новаго закона; новый же законный срокъ настолько къ нимъ не пріуроченъ, что переходъ къ нему оказывается невозможнымъ, а это и затрудняетъ передѣлъ». Къ отказу отъ послѣдняго, какъ уже упоминалось выше, присоединяется и другое основаніе. Прежде,—читаемъ мы въ отзывѣ того же совѣщанія,—«сравнительно продолжительный срокъ передѣла не устрашалъ никого, ибо и въ предѣлахъ этого срока оставалась возможность частныхъ скидокъ и накидокъ надѣловъ, при разныхъ случайныхъ измѣненіяхъ въ каждой отдѣльной семьѣ, для уравненія доли ея землепользованія сообразно общему основанію. Новый законъ требуетъ не только долгаго срока, но и воспрещаетъ частные передѣлы, между тѣмъ какъ за 12 лѣтъ всякій ожидаетъ возможности еще большихъ перемѣнъ въ своей семьѣ и потому боится закрѣпить свою долю на столь продолжительный срокъ безъ возможности поправокъ въ будущемъ».

Но отсутствіе возможности произвести передѣлъ, согласованный съ мѣстными условіями, не заглушаетъ потребности въ немъ. Поэтому «случаевъ обхода закона множество: передѣлы, и общіе, и частные,—сообщаетъ смоленское совѣщаніе,—совершаются, но совершаются негласно, безъ письменнаго приговора, и если нѣтъ недовольныхъ и желающихъ идти противъ міра лицъ, законъ обходится. Такой передѣлъ, однако, хуже всякаго иного, ибо не даетъ никому никакихъ прочныхъ правъ». Словомъ, и на законъ о передѣлахъ въ народной жизни складывается такой же взглядъ, какой усвоенъ крестьянами

по отношенію къ правиламъ 18 марта 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ. Но такъ какъ разсматриваемый законъ регламентируетъ болѣе сложное явленіе, то и дѣйствіе его можетъ привести къ еще болѣе печальнымъ результатамъ.

Не узаконенные, совершонные въ обходъ правилъ 8 іюня, хотя и согласно съ существующими обычаями, передѣлы составляютъ еще меньшее зло по сравненію съ другимъ фактомъ, на который указываютъ многія совѣщанія. Законъ 8 іюня отмѣняетъ частные передѣлы не только въ тѣхъ обществахъ, которыя совершили общій передѣлъ на новыхъ устанавливаемыхъ имъ условіяхъ, но и въ тѣхъ, гдѣ къ такому передѣлу еще не приступали. Поэтому у меньшинства, для котораго выгодно данное распредѣленіе земли, является двойной интересъ противиться передѣлу: рискъ частной переверстки, могущей уменьшить его выгоды, устраненъ, а общій передѣлъ, при отсутствіи скидки и навалки надѣловъ и въ будущемъ, обѣщаетъ закрѣпить менѣе удобную для меньшинства комбинацію на долгій срокъ. На это обстоятельство, какъ на причину, задерживающую передѣлы, несмотря на существованіе потребности въ нихъ у большинства домохозяевъ во многихъ обществахъ, указываетъ цѣлый рядъ совѣщаній (напр., нижегородское, рязанское, симбирское, смоленское, тверское, ярославское). Въ отзывѣ послѣдняго изъ названныхъ совѣщаній вмѣстѣ съ констатированіемъ факта дается и основательная оцѣнка его. Совѣщаніе справедливо сѣтуетъ на то, что при настоящихъ условіяхъ «общество, въ которомъ относительно даже большинство членовъ терпитъ отъ неправильнаго распредѣленія земель, все-таки приговора объ общемъ передѣлѣ по закону 8 іюня 1893 года составить не можетъ, и справедливые интересы большинства приносятся въ жертву выгодамъ меньшинства членовъ. Въ результатѣ фактически устанавливается желаніемъ меньшинства членовъ на неопредѣленный срокъ подворно-наслѣдственное пользованіе землей, при чемъ общество лишено возможности принять тѣ мѣры для урегулированія землепользованія, какія доступны для него при обычномъ, закономъ установленномъ переходѣ къ этой формѣ землепользованія». Вдобавокъ, такое «внезапное обращеніе въ подворно-участковое владѣніе» общинной земли, какъ замѣтило смоленское совѣщаніе, производится на неопредѣленный срокъ: вѣдь право совершить передѣлъ все-таки остается за обществомъ, и оно можетъ осуществить его не сегодня, такъ завтра. Такимъ образомъ, говоря словами смоленскаго отзыва, подъ дѣйствіемъ закона 8 іюня «общинное землепользованіе, вмѣсто упорядоченія его, въ настоящее время въ большинствѣ обществъ является менѣе чѣмъ когда-нибудь опредѣленнымъ, и въ этомъ хаотическомъ состояніи предста-

вляетъ собою какую-то смѣшанную форму подворнаго и общиннаго владѣнія». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ водворенію такой же путаницы въ крестьянскихъ поземельныхъ отношеніяхъ способствуетъ еще и требованіе закона, чтобы крестьянамъ, улучшившимъ качество своего надѣла, земля при новомъ передѣлѣ отводилась по возможности въ прежнемъ мѣстѣ. Такъ, въ саратовскомъ отзывѣ указывается, что это постановленіе значительно затрудняетъ совершеніе передѣловъ. «Всякій членъ общества сознаетъ, что ближайшіе къ селенію и лучшіе участки будутъ навсегда сохраняться въ рукахъ того домохозяина, которому они въ первый разъ попадутъ, такъ какъ временная вывозка удобренія на участокъ, окопка его канавой и т. п. ничего нестоящія работы должны быть признаны улучшеніями, которыя и даютъ право, по силѣ ст. 9, сохранять за собою участокъ, и въ раздѣлъ будутъ поступать лишь худшіе и отдаленнѣйшіе участки, постоянно владѣть которыми обречены будутъ тѣ, кому они попадутъ при первомъ передѣлѣ». И вотъ сельскія общества снова оказываются передъ дилеммой негласного передѣла въ обходъ закона или воздержанія до поры до времени отъ всякаго передѣла. Очевидно, что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ цѣль закона не достигается: землепользованіе каждаго отдѣльнаго члена общины становится менѣе прочнымъ, чѣмъ оно было до изданія правилъ 8 іюня, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще поземельныя отношенія крестьянъ отливаются въ такую форму, которая справедливо названа въ одномъ изъ приведенныхъ отзывовъ хаотической.

Разумѣется, въ будущемъ такое положеніе дѣла не сулитъ ничего привлекательнаго. Можно согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ совѣщаній (могилевскаго, смоленскаго, саратовскаго), что въ общемъ правила 8 іюня составлены такъ, какъ будто введеніемъ ихъ намѣревались не упорядочить, а упразднить общинное землевладѣніе.

Вообще надо сказать, что законодательство восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ минувшаго вѣка проникнуто стремленіемъ подчинить жизнь мелочной регламентаціи и, по возможности, начальственной указкѣ. Первымъ крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ законъ 18 марта 1886 года, открывшій собою длинный рядъ опытовъ по части возвращенія русской деревни къ началамъ «добраго стараго времени», къ тѣмъ «патріархальнымъ» порядкамъ, которымъ непоправимый, хотя и неокончательный, ударъ былъ нанесенъ 19 февраля 1861 года. Изданіемъ закона, о которомъ мы теперь говоримъ, была сдѣлана рѣшительная попытка сократить раздѣлы среди крестьянскаго населенія. Въ силу закона 18 марта 1886 года, они допускаются только по приговорамъ сельскихъ сходовъ, постановленнымъ боль-

шинствомъ двухъ третей голосовъ, притомъ непремѣнно съ согласія родителя или старшаго члена семьи: отъ соблюденія послѣдняго условія сходы освобождаются лишь въ случаѣ расточительности или безнравственнаго поведенія домохозяина дѣлящагося двора. «Но и этому ограничительному постановленію,—пояснялъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 апрѣля того же года,—не должно быть даваемо излишне широкаго толкованія». Законъ установилъ далѣе рядъ другихъ предписаній, обязательныхъ для сельскихъ сходовъ при рѣшеніи семейныхъ раздѣловъ, а министерство съ своей стороны, руководствуясь «духомъ» правилъ 18 марта, предписало учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ провѣрять приговоры о семейныхъ раздѣлахъ не только съ формальной стороны, но и по существу. Затѣмъ циркуляръ 4 апрѣля разъяснялъ, что «всѣ раздѣлы, могущіе совершиться безъ разрѣшенія схода, отнынѣ должны быть признаваемы самовольными». Законъ считаетъ семьи, раздѣлившіяся безъ дозволенія схода, за одну платежную единицу. Къ этому руководящій циркуляръ прибавляетъ требованія, чтобы сельскимъ сходамъ было разъяснено, что въ отношеніи самовольно раздѣлившихся семействъ они отнюдь не лишены права «устранять такихъ членовъ отъ участія въ сходахъ и отбирать у нихъ надѣлы въ случаѣ неисправнаго платежа податей и отправленія повинностей».

Что же получилось въ результатѣ многолѣтняго примѣненія закона 18 марта? Скептическое отношеніе къ нему высказывалось въ печати неоднократно. Если въ первое время послѣ изданія закона возможны были только предположенія о вѣроятной его судьбѣ, то въ позднѣйшіе годы критика могла уже опираться на факты. Е. И. Якушкинъ, во второмъ выпускѣ своего капитальнаго труда «Обычное право», обозрѣвая накопившійся печатный матеріалъ по этому вопросу, констатировалъ, что «законъ 18 марта 1886 года, ограничивающій раздѣлы, не могъ имѣть тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали». Онъ остался и долженъ былъ остаться въ лучшемъ случаѣ безрезультатнымъ потому, что «стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ, вызванное экономическими условіями быта,—говоритъ тотъ же авторъ,—не можетъ быть остановлено закономъ, не измѣняющимъ этихъ условій». Къ сожалѣнію, объ этой истинѣ у насъ забывали всякій разъ, когда рѣшались проводить въ жизни такія мѣры, какъ правила 18 марта. Научная и публицистическая критика постоянно въ теченіе послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ должна была указывать на повтореніе все той же ошибки въ законодательной и административной дѣятельности. Наконецъ, заявленія о томъ, что законъ 18 марта не достигаетъ цѣли, пришли изъ источника, отъ котораго можно скорѣе

ожидать поддержки и оправданія подобныхъ мѣропріятій, чѣмъ отрицательнаго отношенія къ нимъ и возраженій.

Губернскія совѣщанія, обсуждавшія подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ вопросы земскаго отдѣла, были спрошены между прочимъ: оказалъ ли замѣтное вліяніе на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ законъ 18 марта и не нужно ли обусловить разрѣшеніе ихъ еще новыми требованіями, напримѣръ, извѣстною нормою движимаго имущества у отдѣляющагося домохозяина или ограниченіемъ дробимости надѣльной земли? Отвѣты совѣщаній на этотъ вопросъ оказались очень интересными. Подавляющее большинство губернскихъ отзывовъ начинается съ заявленій, равнозначущихъ отрицанію какого-либо значенія за правилами 1886 г. Столь же отрицательно отнеслось большинство совѣщаній и къ предложеннымъ дополненіямъ закона. «Число утверждаемыхъ или узаконяемыхъ сходами раздѣловъ сдѣлалось меньше»,—читаемъ мы въ архангельскомъ отвѣтѣ,—но законъ «не привелъ къ тому, чтобы семья дѣйствительно оставалась не только по счету, но и по существу въ экономическомъ единеніи. Да и едва ли можно достигнуть такого единенія, какими бы то ни было регламентаціями, такъ какъ причины раздѣловъ въ основаніи имѣютъ не прихоть, а естественное стремленіе человѣка къ созданію для себя лучшихъ условій жизни». Перенеситесь съ крайняго сѣвера на югъ, въ Бессарабскую губернію съ ея своеобразными условіями, и тамъ вы услышите то же, что «семейные раздѣлы есть неизбѣжное послѣдствіе естественнаго прироста населенія» и что «никакія запрещенія или ограниченія закона не помогутъ дѣлу, а потому желательно, отмѣнивъ законъ 18 марта 1886 года, предоставить семейные раздѣлы какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи добровольному соглашенію дѣлящихся». Въ мѣстностяхъ промышленныхъ, напримѣръ, въ Костромской губерніи, совѣщаніе опять-таки заявляетъ, что «законъ 18 марта на практикѣ или вовсе не примѣняется, или примѣняется въ рѣдкихъ случаяхъ». На будущее время, согласно костромскому отзыву, думать о примѣненіи этого закона, не говоря уже о развитіи его, не приходится: «хотя увеличеніе числа семейныхъ раздѣловъ и есть само по себѣ явленіе нежелательное, но такъ какъ насильственныя мѣры не ведутъ къ цѣли, то въ нихъ не усматривается надобности». Не сократилось число раздѣловъ подъ вліяніемъ закона 18 марта и въ другихъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы: въ Вологодской губерніи «стремленіе къ раздѣламъ не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается»; въ Могилевской они «силою вещей попрежнему совершаются самовольно и помимо приговоровъ обществъ»; въ Нижегородской, Новгородской, Пермской, Петербургской, Псков-

ской, Тверской, Ярославской и др. ограничительный законъ количества раздѣловъ не уменьшилъ. Въ предѣлахъ нечерноземной полосы лишь два совѣщанія, калужское и владимірское, утверждаютъ, что Правила 1886 года оказали «вліяніе на сокращеніе раздѣловъ», но второе изъ этихъ собраній отмѣчаетъ тутъ же, что «тѣмъ не менѣе и теперь бываютъ самовольные раздѣлы».

Не лучше дѣло обстоитъ и въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ Воронежской губ. мы встрѣчаемся опять съ такимъ же отрицательнымъ результатомъ, и мѣстное совѣщаніе, выражая сочувствіе цѣли закона, признало однако, что онъ «можетъ получить дѣйствительное примѣненіе въ жизни только въ томъ случаѣ, если членамъ семьи, поставленнымъ въ совершенную невозможность продолжать совмѣстное хозяйство, будутъ облегчены способы переселенія на свободныя земли». Екатеринославское совѣщаніе категорически заявляетъ: «семейные раздѣлы, несмотря на девятилѣтнее существованіе ограничивающаго ихъ закона, совершаются такъ же часто, какъ и прежде; контроль по этому предмету, лежавшій прежде на обязанности губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, не усилился и со введеніемъ земскихъ начальниковъ; причиной такого явленія слѣдуетъ считать необходимость и неизбѣжность семейныхъ раздѣловъ въ крестьянской жизни». Нѣкоторыя совѣщанія представили цифровыя данныя, иллюстрирующія положеніе дѣла. Орловское совѣщаніе приходитъ къ заключенію, что «самый приростъ населенія болѣе чѣмъ достаточенъ для объясненія причинъ семейныхъ раздѣловъ». Никакія ограниченія,—говорится въ томъ же отзывѣ,—«не въ силахъ удержать крестьянское населеніе отъ самовольныхъ раздѣловъ, которыхъ въ вышеуказанныхъ (1892 и 1893) годахъ было вдвое болѣе, чѣмъ разрѣшенныхъ въ установленномъ порядкѣ». Рязанское совѣщаніе сопоставило данныя о раздѣлахъ въ первый годъ по введеніи закона 18 марта и въ 1894 г. Оказывается, что «въ 1887 году было по губерніи всѣхъ семейныхъ раздѣловъ 1.224, а въ 1894 году—1.861. За тѣ же годы число самовольныхъ раздѣловъ осталось то же самое, въ 1887—801, въ 1894—783; разница цифръ настолько незначительна, что представляетъ случайное колебаніе». По свѣдѣніямъ самарскаго совѣщанія, въ Ставропольскомъ уѣздѣ «почти 80% семейныхъ раздѣловъ и послѣ изданія закона совершались домашнимъ образомъ, безъ вѣдома схода и безъ всякаго соблюденія требованій закона. Въ Бузулукскомъ уѣздѣ отношеніе законныхъ раздѣловъ къ незаконнымъ не менѣе характерно. Въ общемъ оно составляетъ 5% законныхъ и 95% самовольныхъ раздѣловъ». Изъ свѣдѣній, добытыхъ симбирскимъ совѣщаніемъ, «видно, что въ теченіе 1893—94 гг. было совершено семейныхъ раздѣловъ

по правиламъ закона 18 марта 1886 года 1.172 и что въ то же время совершилось раздѣловъ безъ соблюденія упомянутаго закона 1.778». Оренбургское совѣщаніе свидѣтельствуетъ, что «самовольныхъ раздѣловъ, несмотря на существованіе запрещенія, въ Оренбургской губ. совершается въ 20 разъ болѣе; нежели въ силу закона, каковая разница будетъ еще значительно болѣе, если принять въ расчетъ неточность регистраціи раздѣловъ». Понятно, что, располагая такими цифрами, совѣщанія одно за другимъ заявляютъ, что законъ 18 марта, не достигая «той цѣли, для которой онъ изданъ, не можетъ имѣть благопріятныхъ результатовъ», что онъ «недостаточно привился къ жизни и вызываетъ постоянные обходы его», что онъ «остался мертвой буквой». Такимъ образомъ противъ закона 18 марта 1886 года высказалась самая компетентная изъ всѣхъ критикъ—критика жизни. Это любопытнѣйшій примѣръ безсилія закона въ борьбѣ съ прочно укоренившимися жизненными отношеніями.

Нѣкоторыя совѣщанія ограничиваются только констатированіемъ факта, что законъ 18 марта—«мертвая буква»; другія прямо настаиваютъ на отмѣнѣ его (наприм., бессарабское, костромское, оренбургское, орловское, рязанское, таврическое, тамбовское). Еще больше число совѣщаній, высказавшихся за необходимость коренного пересмотра закона. При этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, у нѣкоторой части совѣщаній явилась мысль, нельзя ли оказать противодѣйствіе раздѣламъ суровыми карами за самовольныя ихъ совершенія. Но это предположеніе отвергается большинствомъ, и въ отзывахъ нерѣдко можно найти убѣдительныя доказательства несостоятельности подобныхъ проектовъ. Такъ, самарское совѣщаніе хотя и соглашается съ мнѣніемъ, что «серьезная отвѣтственность» была бы полезна, но «не можетъ не признать, что выборъ подходящей карательной мѣры будетъ крайне затруднителенъ: слишкомъ слабая кара не будетъ имѣть значенія, всякое же строгое наказаніе на практикѣ крайне трудно исполнить». Но мало того, что эти кары трудно исполнимы, онѣ еще безполезны: «опредѣленныя за самовольные раздѣлы наказанія, если бы таковыя даже были усилены,—замѣчаетъ таврическое совѣщаніе,—не могутъ уничтожить въ крестьянской семьѣ стремленія къ семейнымъ раздѣламъ, разъ союзъ семейный клонится къ распаденію». Безплодность борьбы съ раздѣлами на этой почвѣ лучше всего выяснена въ отзывѣ смоленскаго совѣщанія. Въ настоящее время законъ караетъ самовольно раздѣлившихся непризнаніемъ ихъ за самостоятельныя платежныя единицы. Такое наказаніе прежде всего не примѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлъ состоялся по приговору схода, признанному незаконнымъ. «Никакое начальство,—го-

ворить смоленское совѣщаніе,—не въ состояніи ни понудить, ни убѣдить сходъ, распредѣляющій землю и повинности, слить въ этомъ отношеніи два двора, фактически различныхъ и являющихся de facto двумя платежными единицами». То же наблюдается и въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлъ произошелъ безъ участія схода. Послѣдній откажется осуществить предписанную въ законѣ мѣру по чисто практическимъ соображеніямъ: «смѣшеніе счетовъ по сбору повинностей запутаетъ эти счеты, породитъ споры, нарушенія справедливости, а иногда и цѣлое производство въ волостномъ правленіи или у земскаго начальника, неудобное для общества, которое станутъ тягать по судамъ. Да и самое начальство,—прибавляетъ совѣщаніе,—принуждено мириться съ нарушеніемъ закона, ибо иначе платежи могутъ не поступить ни съ одного изъ раздѣлившихся дворовъ». Такимъ образомъ мѣра взысканія, установленная закономъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть практическаго значенія. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 апрѣля 1886 года рекомендовалъ воздѣйствовать на ослушниковъ закона иначе, а именно не допускать самовольно раздѣлившихся къ участію на сходѣ. Казанское совѣщаніе утверждаетъ, что и это ограниченіе «цѣли не достигаетъ», т.-е. не удерживаетъ отъ самовольныхъ раздѣловъ, но порождаетъ «множество лицъ въ обществѣ, не имѣющихъ права голоса на сходѣ». На дѣлѣ оказывается одной фикціей больше, ибо, какъ говоритъ смоленское совѣщаніе, «вездѣ они (исключенные изъ схода) ходятъ на сходъ, участвуютъ въ немъ, и силою вещей голосъ ихъ имѣетъ значеніе, равное голосу всякаго иного домохозяина; за то подпись ихъ на приговорѣ является иногда основаніемъ отмѣны совершенно справедливаго приговора, выражающаго дѣйствительно волю деревни, если кто-либо, оспаривая приговоръ, сумѣлъ выяснить и доказать участіе ихъ надлежащею справкою; между тѣмъ, въ сотнѣ другихъ однородныхъ случаевъ, гдѣ вопросъ этотъ не возбужденъ, приговоры не отмѣняются, такъ какъ почти въ каждомъ селеніи есть такіе незаконные участники схода».

Но, скажутъ, все это убѣждаетъ лишь въ несостоятельности существующихъ теперь мѣръ противодѣйствія самовольнымъ раздѣламъ. Можно обратиться къ другимъ, дѣйствительно, суровымъ мѣрамъ, можно силой заставить жить вмѣстѣ, можно, какъ предлагаетъ, напримѣръ, одинъ казанскій земскій начальникъ, «привлекать участниковъ въ самовольныхъ раздѣлахъ къ отвѣтственности какъ за самоуправство», можно, какъ рекомендовалъ другой тоже казанскій земскій начальникъ, «увеличить имъ степень наказанія до розогъ». Эти предложенія характерны для тѣхъ, кто выступаетъ съ ними. Но, не

вдаваясь въ оцѣнку ихъ по существу, отмѣтимъ только, что на практикѣ уже выяснилась ихъ полная непригодность: они не удерживаютъ отъ раздѣловъ. Смоленское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, пользуясь своимъ правомъ давать инструкціи должностнымъ лицамъ сельскаго общественнаго управленія, въ цѣляхъ успѣшнаго примѣненія правилъ 18 марта, предписало какъ бы въ дополненіе закона двѣ мѣры: во-первыхъ, обязательное водвореніе самовольно раздѣлившихся въ одинъ дворъ; во-вторыхъ, уголовное ихъ наказаніе волостнымъ судомъ за самовольный раздѣлъ. «Ни одна, ни другая мѣра не произвели однако,—свидѣтельствуетъ смоленское совѣщаніе,—желаемыхъ послѣдствій. Сведеніе въ одно хозяйство самовольно раздѣлившихся оказалось невозможнымъ на практикѣ. Постановленія о семъ уѣздныхъ присутствій оставались безъ исполненія. Старшинамъ приходилось доносить объ исполненіи ихъ завѣдомо ложно или о невозможности ихъ исполнить. Тамъ же, гдѣ одна изъ сторонъ, вѣрующая въ необходимость исполненія «закона», домогалась водворенія на дѣлѣ въ свой дворъ самовольно его покинувшихъ членовъ семьи, дѣло принимало характеръ разорительной волокиты и безконечной тяжбы»... Рядомъ со споромъ о законности общественнаго приговора или постановленія уѣзднаго, а иногда и губернскаго присутствія, восходившимъ до рѣшенія сената, велись особыя дѣла о неисполнительности старшины и о постановленіяхъ присутствій по вопросу объ его отвѣтственности, о сопротивленіи ему, объ его оскорбленіи; но производящіяся дознанія и разорительныя тяжбы, продолжавшіяся годами, ничуть не мѣшали самовольно раздѣлившимся проживать раздѣльно». Иногда старшины испытывали крайнюю мѣру: при помощи понятыхъ совершалось водвореніе самовольно отдѣлившихся въ избу старшаго домохозяина, но напрасно: сожительство въ подобныхъ случаяхъ «продолжалось не долѣе нѣсколькихъ часовъ». Къ тѣмъ же послѣдствіямъ вела и крутая расправа при посредствѣ волостного суда: «волостные суды наказывали самовольно раздѣлившихся и также пытались сводить ихъ, но заплативъ дань закону извѣстнымъ наказаніемъ, даже иногда тѣлеснымъ, дѣлящіеся предпочитали перенести все это, но жить въ раздѣлѣ». Едва ли нужны еще какіе-либо доводы противъ уголовной репрессіи за самовольные раздѣлы.

Законъ 18 марта 1886 года безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ отмѣнить. Кромѣ вреда онъ ничего не приноситъ населенію. «Крестьянинъ самъ,—по совершенно основательному замѣчанію тамбовскаго совѣщанія,—лучше другихъ понимаетъ свои выгоды и знаетъ очень хорошо, что многорабочая семья гораздо легче достигаетъ благосостоя-

нія, чѣмъ малорабочая, но онъ въ то же время знаетъ, что это положеніе справедливо не безусловно, а только иногда, когда многорабочая семья живетъ дружно, подчиняясь авторитету старшаго, который преслѣдуетъ только общіе интересы семьи и одинаково справедливо относится ко всѣмъ ея членамъ». Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности не всегда бываетъ такъ: въ неладной семьѣ дурныя взаимныя отношенія ея членовъ ведутъ хозяйство къ упадку скорѣе, чѣмъ въ семьѣ малорабочей. Именно поэтому сходы не препятствуютъ раздѣламъ, уступая въ подобныхъ случаяхъ требованіямъ жизни. Въ противорѣчіе съ ними не долженъ становиться и законъ.

X.

Земскіе начальники.

Непримиримое противорѣчіе между требованіями жизни и закона сказывается въ настоящее время не только въ тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросахъ сельскаго административнаго и хозяйственнаго управленія, но и во всемъ укладѣ деревенскихъ отношеній: довольно сказать, что съ преобразованіемъ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, совершившимся въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, крестьянская поземельная община, какъ и сельское общественное управленіе, ничѣмъ не обезпечены отъ вторженія направляющей, посторонней, не всегда искусной руки... Въ лицѣ земскихъ начальниковъ въ русской деревнѣ возникла новая власть надъ крестьянами, власть судьи-администратора, уполномоченнаго вліять на всѣ проявленія сельской общественной жизни, подчиняющаго себѣ всѣ органы крестьянскаго управленія и суда, вмѣшивающагося даже въ сферу хозяйственныхъ отношеній поселянъ. На практикѣ, какъ и слѣдовало ожидать, широкія права земскихъ начальниковъ получили еще болѣе широкое толкованіе: «надзоръ за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія» со стороны лица, облеченнаго полномочіемъ налагать дисциплинарныя кары на крестьянъ, даже не состоящихъ въ должностяхъ по сельскому и волостному управленію, и вдобавокъ исполняющаго функціи судьи по такъ называемымъ маловажнымъ дѣламъ, легко превращаетъ органы сельскаго самоуправленія въ послушное орудіе ближайшаго начальства; право останавливать исполненіе приговоровъ волостного, сельскаго и даже селеннаго схода при наличности тѣхъ же условій и фактическомъ отсутствіи контроля незамѣтно переходитъ въ удобное средство для внушенія приговоровъ, выражающихъ личные взгляды начальника на нужды и потребности

«хозяйственнаго благоустройства и нравственнаго преуспѣянія крестьянъ»; привычка пользоваться дискреціонною властью «безъ всякаго формальнаго производства» естественно отражается на пріемахъ судьи, который только что выступилъ въ роли администратора и даже, быть можетъ, исполнялъ чисто полицейскія обязанности. Неудобства такого порядка можно было предвидѣть; теперь они успѣли проявиться и въ жизни. Наша печать располагаетъ черезчуръ недостаточными средствами для обнаруженія истины во всей ея полнотѣ, разъ это не входитъ въ расчеты заинтересованныхъ лицъ, и тѣмъ не менѣе лѣтопись дѣятельности земскихъ начальниковъ богата фактами, не оставляющими сомнѣнія въ томъ, что опытъ примѣненія Положенія 12 іюля 1889 г. далъ повсемѣстно отрицательные результаты. Довольно сказать, что министерство внутреннихъ дѣлъ въ первые же годы по вступленіи земскихъ начальниковъ во власть вынуждено было рекомендовать какъ имъ, такъ и уѣзднымъ съѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ, умѣренность въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ мѣстному крестьянскому бюджету; что губернаторы въ отчетахъ о ревизіяхъ, ими произведенныхъ, вынуждены отмѣчать многочисленность и незаконность дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ земскими начальниками, или дѣлать имъ замѣчанія за «преувеличенную оцѣнку своей власти» и «пріемы, несогласные съ закономъ». Въ области судебной результаты реформы 1889 года были въ небольшей мѣрѣ удовлетворительны. Вѣдѣнію земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ подлежатъ дѣла «маловажныя»; но этотъ терминъ охватываетъ почти всѣ тѣ случаи, когда крестьянину приходится обращаться къ суду. Уже одно численное преобладаніе этихъ дѣлъ надъ всѣми другими заставляетъ придавать первостепенное значеніе правильному устройству суда, которому они подвѣдомственны; надо помнить, кромѣ того, что отъ исхода «маловажнаго» дѣла нерѣдко зависитъ благосостояніе цѣлыхъ семей, что необезпеченность правосудія для заинтересованныхъ въ такихъ именно дѣлахъ вноситъ путаницу въ правовыя отношенія народа, поселяетъ въ немъ недовѣріе къ суду, подрываетъ чувство законности. Но волостной судъ, въ его настоящемъ видѣ, не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ и прежде всего не можетъ считаться, въ противорѣчіе съ первоначальнымъ замысломъ, самостоятельнымъ органомъ для примѣненія обычно правовыхъ воззрѣній сельскаго населенія. Этому препятствуютъ какъ та широкая компетенція, которую для волостного суда установили временныя правила 12 іюня 1889 г., такъ и та зависимость, въ которой онъ находится по отношенію къ земскимъ начальникамъ. Съ другой стороны, «основой народнаго благосостоянія» не можетъ служить и судъ земскихъ

начальниковъ,—судъ, доступный вліянію губернской администраціи, судъ, творимый въ перемежку съ короткой расправой въ дисциплинарномъ порядкѣ.

На нѣкоторыхъ сторонахъ положенія, созданнаго реформой крестьянскихъ учрежденій 1889 года, слѣдуетъ, однако, остановиться подробнѣе.

Учрежденіе должности земскихъ начальниковъ во многихъ мѣстностяхъ послужило какъ бы сигналомъ къ нововведеніямъ, въ которыхъ лица, получившія широкую власть надъ населеніемъ, поспѣшили выразить свое рвеніе къ сельскому благоустройству, при чемъ наложили руку на разныя отрасли крестьянскаго общественнаго хозяйства. Разрѣшая земскимъ начальникамъ задерживать исполненіе приговоровъ, постановленныхъ волостными и сельскими сходами, предоставляя уѣзднымъ съѣздамъ право обсужденія крестьянскихъ общественныхъ дѣлъ по существу, вообще открывая многочисленные пути для административнаго вліянія на сельское самоуправленіе, Положеніе 12 іюля не стремилось къ замаскированному упраздненію его. Если бы въ 1889 году существовало такое намѣреніе, оно было бы осуществлено проще. Въ то время считали достаточнымъ ограничить власть сельскихъ и волостныхъ сходовъ, поставивъ ихъ подъ бдительный чиновничій надзоръ. На дѣлѣ же вышло иначе. При широтѣ и неопредѣленности полномочій земскихъ начальниковъ и фактической безконтрольности ихъ дѣйствій, они во многихъ мѣстахъ скоро взяли на себя болѣе активную роль, нежели только надзоръ за органами сельскаго управленія, и это само собою повело къ вмѣшательству и въ область мірскихъ доходовъ и расходовъ. Чтобы исполнить различныя предначертанія земскихъ начальниковъ въ дѣлѣ сельскаго благоустройства, нужны деньги или даровой трудъ, и какъ ни произвольны были иногда требованія начальства, какъ ни странны ихъ затѣи, сходы, по общему правилу, не могли, разумѣется, отвѣтить отказомъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣло обыкновенно шло о рубляхъ и копейкахъ, о мелочахъ, которыя проходятъ незамѣтно для посторонняго наблюдателя, но нерѣдко весьма чувствительны для лицъ, несущихъ эти произвольныя повинности. Съ теченіемъ времени, однако, долженъ былъ назрѣть вопросъ, во что обходится крестьянскому населенію, въ общемъ итогѣ тысячамъ волостей и десяткамъ тысячъ сельскихъ обществъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ, ихъ вмѣшательство въ мірскія дѣла о платежахъ и повинностяхъ. Этотъ вопросъ давно уже поставленъ самою жизнью, ибо, какъ ни скудны свѣдѣнія, проникающія въ печать объ этой сторонѣ дѣятельности земскихъ начальниковъ, однако, въ разное время въ

газетахъ было оглашено не мало поучительныхъ фактовъ. То у земскаго начальника обнаруживается особенное пристрастіе къ противопожарнымъ мѣрамъ: въ участкѣ его возникаютъ сторожевые пункты, на которыхъ крестьяне по очереди должны дежурить и наблюдать, не появится ли гдѣ зарево,—и въ общемъ населеніе призывается къ несенію новой и довольно значительной натуральной повинности; то земскій начальникъ рѣшитъ, что волостныя правленія должны быть размѣщены въ обширныхъ зданіяхъ имъ же измышленнаго типа,—и зданія воздвигаются, конечно, на крестьянскій общественный счетъ; бываетъ, что земскому начальнику покажется полезнымъ организовать нѣчто въ родѣ обязательныхъ общественныхъ работъ, и вотъ производится заемъ на нужды волости, покупается большая партія лѣса, и крестьяне, повинуясь приказу, выставляютъ подводы и рабочихъ для выполненія замысла земскаго начальника; въ другомъ мѣстѣ обнаруживается непомѣрное усердіе въ исправленіи дорогъ: такъ, одинъ земскій начальникъ, проникшись важностью этой заботы, «цѣлыя недѣли въ іюлѣ мѣсяцѣ, какъ сообщалось въ свое время въ газетахъ,—выдерживалъ крестьянъ на дорогахъ, и когда, ссылаясь на тяжелое и крайне нужное для хозяйства время, крестьяне просили отсрочить поправку дорогъ до осени, онъ подвергалъ цѣлыя селенія трехдневному аресту» и т. д. и т. д.

Охотно вѣримъ, что на практикѣ, при настоящихъ условіяхъ дѣятельности крестьянскихъ сходовъ, какъ на это указывало казанское губернское совѣщаніе по пересмотру законодательства о крестьянахъ, «смѣты мѣстныхъ расходовъ разсматриваются и *фактически утверждаются* земскими начальниками». Но нетрудно показать, что эта область ихъ безконтрольнаго хозяйничанья затрогиваетъ крупные имущественные интересы крестьянскаго населенія. Въ 1897 году центральнымъ статистическимъ комитетомъ было издано изслѣдованіе о мірскихъ доходахъ и расходахъ въ 50 губ. Европейской Россіи. Комитетъ вовсе не подсчитывалъ натуральныхъ повинностей, лежащихъ на сельскихъ обывателяхъ и достигающихъ повсюду огромнаго размѣра. Но и бюджетъ денежныхъ только мірскихъ доходовъ и расходовъ представляется по этому изслѣдованію въ весьма солидной суммѣ. Такъ, въ послѣдній изъ отчетныхъ годовъ (1894) она превышала 61 милл. руб. На крестьянскій дворъ въ среднемъ приходится въ этой суммѣ 5 р. 56 коп., на одну наличную душу мужского пола— 1 р. 78 к.,- на каждую десятину крестьянской земли платежъ составляетъ 43 к. Для того, чтобы уяснить значеніе этихъ цифръ, отмѣтимъ, что приблизительно въ то же время, по даннымъ 1895 года, среднее обложеніе земли земскимъ сборомъ въ земскихъ губерніяхъ

не достигало 17 к. (16,7 к.), т.-е. было ниже въ два съ половиною раза. Немудрено поэтому, что погубернскія цифры мірскихъ расходовъ и доходовъ весьма нерѣдко мало уступаютъ соотвѣтствующимъ цифрамъ земскихъ бюджетовъ, хотя земскимъ сборомъ облагаются земли не только крестьянъ, но и частныхъ владѣльцевъ, не говоря уже о другихъ источникахъ земскаго дохода. Ясно, что для массы населенія изъ сборовъ, идущихъ на удовлетвореніе мѣстныхъ пользъ и нуждъ, мірскіе платежи значатъ больше, чѣмъ земскіе. Но давно уже миновало то время, когда можно было думать, что «мірскія смѣты (по выраженію пермскаго губернскаго совѣщанія), обыкновенно составляются очень бережливо и мірскіе расходы обладаютъ большою устойчивостью». Теперь такая характеристика мірскихъ финансовъ стала анахронизмомъ. Возьмемъ хотя бы ту же Пермскую губернію. Дѣйствительно, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета въ десятилѣтіе 1881—1891 гг. обложеніе мірскими сборами въ этой губерніи возростало медленно и въ концѣ періода, какъ и въ его началѣ, изъ общей суммы мірскихъ расходовъ на десятину крестьянской земли падало 13 коп. Но уже въ то время, когда писался приведенный отзывъ пермскаго совѣщанія, положеніе измѣнилось. Въ 1893 г. въ губерніи введенъ институтъ земскихъ начальниковъ, и новыя условія крестьянскаго общественнаго хозяйства немедленно отразились на волостныхъ и сельскихъ бюджетахъ, какъ можно видѣть изъ сравненія цифръ 1892 и 1893 гг. Съ еще бо́льшею опредѣленностью перемѣна въ порядкахъ управленія должна была обнаружиться на смѣтахъ слѣдующаго года. И, дѣйствительно, по вычисленію центральнаго статистическаго комитета, оказывается, что общая сумма всѣхъ сельскихъ расходовъ по Пермской губ. въ 1894 году увеличилась сравнительно съ предыдущимъ на 23%. Въ абсолютной цифрѣ это составляетъ прибавку въ 268 тыс. рублей; на десятину же крестьянской земли мірскіе сборы падаютъ въ размѣрѣ 18 коп. Кстати сказать: эта послѣдняя цифра вдвое больше земскаго подесятиннаго сбора того времени. Но если мірскіе сборы въ Пермской губ. сдѣлали такой скачокъ, вслѣдъ за введеніемъ тамъ института земскихъ начальниковъ, то на что же, спрашивается, истрачена крупная прибавка? Просматривая рубрики мірскихъ расходовъ за сравниваемые годы нетрудно убѣдиться, что увеличеніе произошло по многимъ статьямъ бюджета, но прибавка распредѣлилась между ними далеко неравномѣрно. На народное образованіе, напр., изъ этихъ 268 тыс. пошло всего 5%, на продовольственную часть — 2½%, на улучшеніе дорогъ—2½%, расходы на врачебную помощь даже сократились ровно настолько, насколько увеличилась ассигновка на содержаніе сотскихъ

и десятскихъ. Но все, что размѣщено по названнымъ рубрикамъ и по ряду другихъ, составляетъ лишь четвертую часть общаго прироста бюджета, тогда какъ двѣ графы послѣдняго поглотили почти три четверти указанной суммы. Это—содержаніе личнаго состава волостной и сельской администраціи, суда и канцелярій и постройка, ремонтъ и содержаніе домовъ волостныхъ и сельскихъ правленій, вмѣстѣ съ канцелярскими расходами и наймомъ прислуги. По первой статьѣ прибавка достигаетъ 123 тыс., т.-е. 45,8% общаго прироста мірскихъ расходовъ, и 30% сравнительно съ суммой, раньше выходившей на этотъ предметъ. Строительные же расходы увеличились на 66 тыс. или на четвертую часть (24,6%) всего прироста, и сравнительно со смѣтною цифрой предшествующаго года на 46%. Но примѣръ одной губерніи, служа интересной иллюстраціей общаго положенія, еще не довольно доказателенъ. Заимствуемъ поэтому изъ труда центральнаго комитета еще нѣсколько фактовъ.

Первыя четыре мѣста по проценту увеличенія общей суммы мірскихъ расходовъ принадлежатъ губерніямъ Таврической, Пермской, Херсонской и Бессарабской. Мы видѣли, что въ Пермской губ. преобразованіе крестьянскихъ учрежденій совершилось въ 1893 году; въ 1892 году новыя учрежденія были распространены на три губерніи, именно на Таврическую, Херсонскую и Бессарабскую. Вслѣдъ затѣмъ мірскіе расходы въ первой изъ нихъ увеличились на 26,6%, а черезъ годъ еще на 9,7%, во второй—первая прибавка составила 17,7%, но и возросшій бюджетъ снова былъ поднятъ на 13,5%; наконецъ, и по Бессарабской губ. отмѣчается послѣдовательное увеличеніе на 11,3% и 10,5%. Въ абсолютныхъ цифрахъ приростъ составляетъ за два года отъ 400 до 600 тыс. р. на каждую губернію, притомъ на содержаніе должностныхъ лицъ и постройки уходитъ 40—50% этихъ суммъ.

Среднія для всей обслѣдованной территоріи цифры говорятъ то же самое, раскрываютъ ту же перемѣну въ состояніи мѣстныхъ финансовъ. За десять лѣтъ 1881—91, размѣръ мѣстныхъ платежей на десятину крестьянской земли возросъ въ среднемъ для 50 губерній Европейской Россіи съ 28 коп. до 35 коп. Весьма возможно, что въ концѣ этого періода приростъ мірского бюджета пошелъ быстрѣе подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя внесли крупныя перемѣны въ мірскіе финансы въ послѣдующее время. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе этого десятилѣтія мірскіе расходы ежегодно увеличивались въ среднемъ ва $2^1/_2$%. Въ послѣдующій болѣе короткій періодъ (за который имѣются свѣдѣнія), съ 1891 по 1894 гг., ростъ мірского бюджета совершается втрое быстрѣе: съ 35 коп. средній подесятин-

ный платежъ поднялся до 43 коп., и процентъ годичнаго прироста обложенія составилъ уже $7^{1}/_{2}$. Разница между обложеніемъ на мірскія повинности въ началѣ и въ концѣ второго періода, когда институтъ земскихъ начальниковъ былъ введенъ въ большинствѣ обслѣдованныхъ губерній, равняется, какъ мы видѣли, 8 коп. Изъ 18 губерній, которыхъ преобразованіе не коснулось до 1894 года, въ группѣ съ приростомъ ниже этой средней насчитывается 10 губерній, т.-е. большинство. Напротивъ, ихъ было меньшинство среди 32 губерній, съ преобразованными по закону 1889 года крестьянскими учрежденіями; лишь въ 8 изъ нихъ приростъ мірскихъ расходовъ не достигъ средней цифры, только четвертая часть общаго числа ихъ не участвовала въ процессѣ ускореннаго возрастанія мірскихъ бюджетовъ.

Въ 1899 году, послѣ десятилѣтняго существованія института земскихъ начальниковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ занялось было составленіемъ наказа земскимъ начальникамъ. Эту общую инструкцію предполагалось издать, конечно, въ видахъ болѣе подробнаго разъясненія закона его исполнителямъ. Составители наказа имѣли предъ собою не только текстъ закона, подлежащаго истолкованію, но и многолѣтній опытъ примѣненія его на практикѣ, съ выяснившимися недостатками самого закона, съ неизбѣжными ошибками и недоразумѣніями его исполнителей. Понятно, что проектъ наказа въ этомъ случаѣ, оставаясь на почвѣ дѣйствующаго закона, былъ направленъ къ тому, чтобы по возможности ограничить неблагопріятныя послѣдствія неудовлетворительнаго закона, или неправильнаго пониманія и примѣненія его. Поэтому въ проектѣ инструкціи мѣстнымъ органамъ власти надъ крестьянами министерство неизбѣжно должно было внести свою оцѣнку ихъ прошлой дѣятельности. Свой наказъ оно составляло въ цѣляхъ предотвращенія не только возможныхъ недоразумѣній и ошибокъ земскихъ начальниковъ, но и дѣйствительно встрѣчавшихся на практикѣ. По этой причинѣ проектъ наказа 1899 года и теперь не потерялъ интереса, хотя эта работа ни въ свое время, ни позднѣе не была доведена до конца.

Ближайшею цѣлью наказа офиціально ставилось споспѣшествованіе земскимъ начальникамъ въ осуществленіи ихъ попечительной власти надъ сельскимъ населеніемъ и надзора за сельскимъ общественнымъ управленіемъ. Если бы наказъ писался вслѣдъ за изданіемъ закона, вѣроятно, составители его ограничились бы положительными предписаніями: слѣдуетъ дѣлать то-то и то-то. Но послѣ многолѣтней практики земскихъ начальниковъ задача оказалась болѣе сложной: разъясняя дѣйствующія узаконенія, центральное вѣдомство нашло въ равной мѣрѣ необходимымъ указать земскимъ начальникамъ

и на то, чего они не должны дѣлать. Обнаружилась потребность побудить земскихъ начальниковъ не только къ дѣятельному исполненію обязанностей, но и подчеркнуть предѣлы ихъ правъ, *устранить*,—такъ сказано въ сообщеніяхъ о наказѣ, ибо дѣло шло не о возможныхъ отступленіяхъ отъ закона, а дѣйствительно наблюдавшихся въ жизни,—«случаи такого вмѣшательства земскаго начальника въ дѣла крестьянскихъ обществъ или въ область вѣдомства другихъ установленій, которое выходитъ за предѣлы присвоенной ему власти». Такая редакція мотивовъ наказа, такое разъясненіе его ближайшей цѣли, на нашъ взглядъ, представляетъ извѣстный интересъ. Эти слова газетнаго сообщенія о проектѣ наказа свидѣтельствуютъ, что со стороны власти, начальствующей надъ мѣстными по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями, по крайней мѣрѣ, одно время недвусмысленно признавалась наличность въ дѣятельности земскихъ начальниковъ стремленія переходить за предѣлы своихъ полномочій. Поэтому въ 1899 году министерство внутреннихъ дѣлъ и сочло себя вынужденнымъ вступить въ борьбу при помощи наказа именно съ чрезмѣрнымъ и незаконнымъ вмѣшательствомъ земскихъ начальниковъ въ дѣла сельскаго самоуправленія.

Впослѣдствіи эта мысль была оставлена: наказъ не былъ изданъ по причинамъ, не получившимъ офиціальнаго разъясненія. Но и въ то время, когда онъ изготовлялся, можно было утверждать безъ малѣйшаго риска ошибки, что выполненіе поставленной министерствомъ цѣли путемъ наказа представляетъ непобѣдимыя трудности. Въ опубликованныхъ свѣдѣніяхъ о проектѣ наказа встрѣчается, напр., между прочимъ такое предписаніе. Земскій начальникъ не долженъ присутствовать при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ на сходахъ, а также и при производствѣ выборовъ. Ему предоставляется лишь открыть сходъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ открытіе послѣдняго даже вмѣняется въ обязанность земскому начальнику. Это правило вошло въ наказъ, очевидно, потому, что на практикѣ наблюдается прямое, даже ничѣмъ не замаскированное давленіе земскихъ начальниковъ на рѣшенія крестьянскихъ (какъ сельскихъ, такъ и волостныхъ) сходовъ. Въ судебной хроникѣ газетъ часто отмѣчались случаи прискорбныхъ послѣдствій (наприм., волненій и безпорядковъ), къ которымъ приводило иногда разногласіе во мнѣніяхъ между земскими начальниками и подвѣдомственными имъ сходами. Съ другой стороны, до сената, въ порядкѣ надзора, доходили неоднократно постановленія земскихъ начальниковъ о взысканіяхъ, наложенныхъ по ст. 61 Пол. 12 іюня 1889 г. на членовъ сельскихъ сходовъ только за несогласіе ихъ съ мнѣніемъ своего ближайшаго начальства. Но несомнѣнно, что въ гро-

мадномъ большинствѣ случаевъ сходы не обнаруживаютъ большой охоты не соглашаться съ прямо выраженнымъ приказомъ начальника и, послушно исполняя его, даютъ свой приговоръ въ угоду представителю попечительной власти. Безспорно, такой порядокъ вершенія крестьянскихъ общественныхъ дѣлъ противорѣчитъ закону и требованіямъ права и справедливости. Но нельзя надѣяться, чтобы зло могло быть устранено, если министерство внутреннихъ дѣлъ предпишетъ земскимъ начальникамъ не присутствовать при рѣшеніи и обсужденіи дѣлъ. Зная совокупность условій, въ которыхъ складываются отношенія между сходами и земскими начальниками, можно предвидѣть, что подобное распоряженіе измѣнило бы въ лучшемъ случаѣ лишь форму воздѣйствія на сходъ, не болѣе. Для того, чтобы устранить непорядки въ этой области деревенскихъ отношеній нужны, не наказы, не разъясненія земскимъ начальникамъ предѣловъ ихъ правъ, а коренной пересмотръ самаго положенія 12 іюня 1889 года.

Исторія сенатской разъяснительной дѣятельности по вопросу о дисциплинарной власти земскихъ начальниковъ можетъ служить вѣскимъ подкрѣпленіемъ этого взгляда. Извѣстно, что ст. 61. Положенія 12 іюня 1889 года предоставляетъ земскому начальнику, въ случаѣ неисполненія его законныхъ распоряженій и требованій лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, подвергать виновныхъ безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей. Такія постановленія земскихъ начальниковъ, согласно ст. 64 того же Положенія, почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію. Въ силу ст. 127 закона 12 іюня за губернскими присутствіями признается право входить въ правительствующій сенатъ съ представленіями объ отмѣнѣ окончательныхъ постановленій земскихъ начальниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этими должностными лицами принято къ разсмотрѣнію дѣло, не подлежащее ихъ вѣдомству, а также и въ тѣхъ, когда постановленіе состоялось съ превышеніемъ власти или съ явнымъ нарушеніемъ закона. Но на практикѣ въ теченіе ряда лѣтъ по введеніи института земскихъ начальниковъ господствовало мнѣніе, что вопросъ объ отмѣнѣ въ этомъ порядкѣ можетъ быть возбужденъ относительно всякаго рода окончательныхъ постановленій земскаго начальника, только не тѣхъ, которыя состоялись на основаніи ст. 61. Лишь въ 1896 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 22 апрѣля, это толкованіе закона о дисциплинарной власти земскаго начальника было признано неправильнымъ. Самый вопросъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ вслѣдствіе разногласія, обнаружившагося въ сенатѣ при об-

сужденіи дѣла мѣщанки Герасимовой. Тѣмъ же мнѣніемъ государственнаго совѣта было разъяснено, что̀ именно разумѣетъ законъ подъ словами «законныя распоряженія и требованія» земскаго на-начальника, неисполненіе которыхъ можетъ повлечь за собою взысканіе по ст. 61. Земскіе начальники могутъ предъявлять къ населенію только требованія, *на законѣ основанныя*, и подвергать взысканію только лицъ, виновныхъ въ неисполненіи *такихъ* законныхъ ихъ распоряженій. Иначе говоря: не всякое, закономъ не воспрещенное, требованіе земскаго начальника подлежитъ исполненію подъ угрозой дисциплинарнаго взысканія, а только такое, которое основано на прямомъ предписаніи закона. Но всегда ли, земскій начальникъ имѣетъ право воспользоваться своею дисциплинарною властью по ст. 61 и въ тѣхъ случаяхъ, когда поводомъ къ наложенію взысканія служитъ неисполненіе требованія, вполнѣ законнаго, и прежде всего, въ правѣ ли онъ налагать такія кары за дѣянія, закономъ воспрещенныя и подлежащія уголовной карѣ? Этотъ вопросъ представляетъ большую практическую важность, такъ какъ случаи обращенія земскихъ начальниковъ къ дисциплинарнымъ взысканіямъ вмѣсто установленнаго закономъ судебнаго преслѣдованія за проступки, предусмотрѣнные уставомъ о наказаніяхъ, были нерѣдки, хотя и безъ разъясненія компетентной власти можно было убѣдиться, что законъ не вооружаетъ земскихъ начальниковъ такою властью. Но для характеристики современнаго правового положенія деревни важнѣе то, что и послѣ 1896 года вплоть до нашихъ дней, какъ можно видѣть, наприм., изъ отзывовъ мѣстныхъ комитетовъ Особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, замѣна одного порядка возмездія за проступки другимъ не вышла изъ практики. Сенату, по разнымъ поводамъ, въ виду восходящихъ до него свѣдѣній о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ земскими начальниками, неоднократно приходилось повторять, что «въ такомъ случаѣ, когда нарушается прямое запрещеніе закона, сопровождаемое угрозой наказанія, не можетъ быть уже рѣчи о взысканіи за неисполненіе требованій или распоряженій должностного лица, которыя, согласно стт. 62 и 63 Зак. Основан., ничего не прибавляютъ и не измѣняютъ въ обязательной силѣ законовъ». Также неоднократно сенатъ указывалъ, что по буквальному смыслу ст. 61 «для примѣненія ея необходимъ фактъ предъявленія земскимъ начальникомъ законныхъ требованій лицамъ, подвергаемымъ взысканію». Между тѣмъ въ постановленіяхъ земскихъ начальниковъ, доходившихъ до сената, нерѣдко значилось только, что дѣйствія крестьянъ признаны земскимъ начальникомъ «незаконными», но, «безъ всякаго указанія на противо-

рѣчіе сихъ дѣйствій какимъ-либо его требованіямъ или распоряженіямъ».

Разъяснительная дѣятельность сената идетъ своимъ чередомъ до нашихъ дней; не далѣе, какъ 17 февраля 1904 года, сенату пришлось повторить, неизвѣстно въ который разъ, свои старыя разъясненія этого вопроса (см. *Вѣстн. Сен. Практ.*, № 3, за 1904 г.), но установившіеся на практикѣ пріемы пользованія ст. 61 Пол. 12 іюня 1889 года не искореняются. Борьба съ подобными проявленіями неправильнаго пониманія администраціей закона, въ смыслѣ расширенія ея правъ и полномочій, вообще трудна; но тамъ, гдѣ въ основѣ самаго закона лежитъ ложный принципъ, она представляется безнадежной, пока остается въ силѣ этотъ законъ.

Организація сельскаго общественнаго управленія, возникшая въ 1861 году, подобно нѣкоторымъ другимъ частностямъ освободительной реформы, не можетъ быть признана безупречной; но ея недостатки выкупались правильностью самой идеи, заложенной въ основѣ этихъ учрежденій, — идеи, что внутреннія общественныя дѣла крестьянъ слѣдуетъ предоставить ихъ самостоятельному распоряженію. Во всякомъ случаѣ не одни недочеты въ общественномъ устройствѣ поселянъ, а въ значительной мѣрѣ и описанныя условія пореформеннаго крестьянскаго хозяйства, немало задерживавшія ростъ сельскаго благосостоянія, какъ матеріальнаго, такъ и культурнаго, повинны въ томъ, что не вездѣ и не всегда органы сельскаго самоуправленія дѣйствовали удовлетворительно. Поэтому достойно сожалѣнія, что для излѣченія несомнѣннаго хозяйственнаго недуга нашей деревни не былъ до сихъ поръ испытанъ путь широкихъ экономическихъ реформъ и что предпочтеніе было отдано политикѣ ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянской общественной самодѣятельности. Такимъ образомъ, къ хозяйственному оскудѣнію деревни прибавилось другое явленіе не менѣе прискорбнаго свойства—замираніе ея общественной жизни. Положеніе 12 іюля 1889 года дало крестьянскому начальству широкую власть надъ сельскимъ населеніемъ. Но въ послѣдующіе годы полномочія земскихъ начальниковъ были значительно расширены и вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась зависимость отъ нихъ крестьянъ. Одинъ изъ послѣднихъ актовъ, оказавшихъ такое вліяніе на сельскую жизнь и имѣющихъ ближайшее отношеніе къ поземельнымъ отношеніямъ крестьянъ, является законъ 12-го марта 1904 года объ отмѣнѣ круговой поруки, который, ослабляя связь крестьянина съ сельскимъ обществомъ, многими своими подробностями, усиливаетъ его зависимость отъ мѣстныхъ административныхъ властей и въ конечномъ итогѣ расширяетъ полномочія послѣднихъ частью за счетъ земства.

Сельское общество, по новому закону, освобождается не только отъ отвѣтственности по платежамъ своихъ неисправныхъ сочленовъ, но и отъ всякаго участія во взиманіи окладныхъ сборовъ. Его мѣсто заняли земскій начальникъ съ подвластными ему волостнымъ старшиной и сельскимъ старостой, уѣздный съѣздъ и въ нѣкоторой мѣрѣ податной инспекторъ. Съ ними лицомъ къ лицу становится плательщикъ въ случаѣ недобора или недоимки; отъ нихъ зависитъ принять тѣ или иныя мѣры для взысканія невнесеннаго въ срокъ налога, отъ нихъ же прежде всего исходятъ и распоряженія о льготахъ по платежу окладныхъ сборовъ. Сходъ является на сцену только въ томъ случаѣ, когда власти рѣшили уже ликвидировать хозяйство недоимщика или,—что то же,—отобрать у него полевой надѣлъ. Селенію, къ которому принадлежитъ недоимщикъ, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи, земскій начальникъ предлагаетъ въ такомъ случаѣ взять у неисправнаго хозяина его полевую землю, всю или часть, на срокъ не свыше шести лѣтъ, съ обязательствомъ уплатить единовременно всю числящуюся недоимку и въ надлежащіе сроки текущій окладъ. О разсрочкѣ и отсрочкѣ уплаты недоимокъ сходъ можетъ ходатайствовать, и недоимка можетъ быть разсрочена губернскими властями на срокъ не свыше шести лѣтъ. Если же селеніе не согласится отобрать у недоимщика полевую землю на этихъ условіяхъ, уѣздный съѣздъ сдаетъ надѣлъ неисправнаго домохозяина въ аренду съ торговъ на срокъ тоже до шести лѣтъ, но уже безъ участія губернскихъ властей опредѣляетъ размѣры и сроки взноса арендныхъ платежей. Такимъ образомъ за селеніемъ признается лишь преимущественное право аренды полеваго надѣла недоимщика; во всемъ остальномъ и эта крайняя мѣра взысканія недоимокъ всецѣло зависитъ отъ уѣзднаго крестьянскаго начальства.

Надо добавить, что въ дѣлѣ взысканія недоборовъ и недоимокъ, такъ же какъ и въ разрѣшеніи податныхъ льготъ, значеніе мѣстныхъ административныхъ властей было велико и при дѣйствовавшемъ съ 1899 г. порядкѣ. Теперь оно возрастетъ настолько, насколько понизилось вліяніе сельскихъ и селенныхъ сходовъ. Понятно, что въ той же мѣрѣ, если не болѣе, должна возрасти и зависимость крестьянъ отъ этихъ властей. Мы видѣли, что послѣднія уполномочены принимать даже такія крайнія мѣры, зависѣвшія ранѣе, при круговой порукѣ, отъ усмотрѣнія сельскаго или селеннаго схода, какъ сдача земли недоимщика въ аренду или отобраніе у него части и даже всего полевого надѣла. Конечно, и это полномочіе не представляетъ для мѣстныхъ чиновниковъ совершенной новости; они и до настоящаго времени располагали подобнымъ же правомъ по отношенію къ тѣмъ

селеніямъ, гдѣ круговая порука не примѣнялись. Кстати сказать, новый законъ нѣсколько затрудняетъ передачу надѣла недоимщика непосредственно въ распоряженіи селенія, къ которому тотъ принадлежитъ, требованіемъ единовременной уплаты всей недоимки. Разсрочка, какъ мы видѣли, разрѣшается лишь на три года. Въ дѣйствовавшемъ ранѣе законѣ прямо было оговорено, что недоимка можетъ быть разсрочена равными частями на все время пользованія обществомъ землей. Вліяніе этой перемѣны можетъ сказаться усиленнымъ развитіемъ аренды надѣльной земли по распоряженію уѣзднаго съѣзда. Важнѣе однако другое послѣдствіе новаго закона,—важнѣе, такъ сказать, территоріальное расширеніе извѣстныхъ полномочій мѣстной администраціи. Перемѣна въ правилахъ о взысканіи недоимокъ, сводящаяся къ сосредоточенію въ рукахъ мѣстныхъ чиновниковъ, какъ власти, принадлежавшей имъ ранѣе, такъ и власти сельскихъ сходовъ, касается по оффиціальнымъ даннымъ, 62.000 селеній съ платежами въ 63% общей суммы окладныхъ и земскихъ сборовъ въ 46-ти губерніяхъ Европейской Россіи. Для этихъ селеній, т. е. для большинства крестьянскаго населенія европейскихъ губерній, зависимость отъ мѣстной администраціи отнынѣ должна стать гораздо болѣе ощутительной.

Усиленіе власти мѣстныхъ административныхъ органовъ является прямымъ и при данныхъ общихъ условіяхъ мѣстнаго управленія, пожалуй, даже неизбѣжнымъ послѣдствіемъ и отмѣны круговой поруки. Этого во всякомъ случаѣ надо было ожидать.

XI.

Голодовки и продовольственный вопросъ.

Руководящая мысль законодательства восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ—мысль, что всѣ вопросы оскудѣвающей деревни возможно разрѣшить при помощи «сильной» власти и всеобъемлющаго «попечительства» надъ сельскимъ населеніемъ,—ни въ чемъ быть можетъ такъ ярко не выразилась, какъ въ продовольственномъ и переселенческомъ дѣлѣ. Но здѣсь же съ полною наглядностью обнаружилась и несостоятельность этой мысли.

Исторія нашихъ голодовокъ, начиная съ 1891 года, отмѣчаетъ характерные факты: въ неурожайные годы къ веснѣ каждый разъ обнаруживается, что предварительные подсчеты нужды въ продовольственныхъ ссудахъ то тутъ, то тамъ оказываются ниже дѣйствительной потребности. Такое «несоотвѣтствіе» между нуждою и помощью

неизбѣжно иллюстрируется затѣмъ усиленными заболѣваніями тифомъ и появленіемъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ другихъ подобныхъ же «спутниковъ» недоѣданія. Начинаются ходатайства «по телеграфу» о дополнительныхъ кредитахъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Появляются извѣстія объ экстренныхъ мѣрахъ, принятыхъ именно теперь, въ виду «обостренія» нужды. За послѣдніе годы неурожаевъ все это стало въ такой мѣрѣ обыкновеннымъ, что, кажется, иначе и быть не можетъ. Никого поэтому теперь не удивляетъ извѣстіе, что въ такой-то мѣстности, напримѣръ, въ Херсонской губ., какъ это было, дѣйствительно, въ 1901 году, «размѣръ предположенныхъ ссудъ по нѣкоторымъ уѣздамъ не подтверждается, при чемъ дѣйствительность въ нѣкоторыхъ случаяхъ *въ три и четыре раза превышаетъ* предварительные расчеты, въ особенности по Елисаветградскому уѣзду» («Правит. Вѣстн.» № 56-й). Столь же обыкновеннымъ, нормальнымъ представляется и извѣстіе, напр., изъ Бессарабской губерніи о томъ, что «столовыя, устроенныя на средства Краснаго Креста, и ссуды изъ имперскаго капитала составили полезную, но при гигантскихъ размѣрахъ неурожайнаго бѣдствія на югѣ все-таки *весьма ограниченную* помощь» («Нов. Вр.» № 8998). Понятно, что въ губерніи при такихъ условіяхъ наблюдается «крайнее обнищаніе населенія, отощавшаго, прожившагося и пустившаго въ оборотъ все до послѣдняго ковша или кастрюли». Мѣстная печать иногда описываетъ положеніе въ еще болѣе яркихъ краскахъ. Въ «Одесскомъ Листкѣ», напримѣръ въ томъ же году было приведено сообщеніе священника, наблюдателя за столовыми въ Одесскомъ уѣздѣ, о томъ, что многіе изъ крестьянъ, обращающихся за помощью, «голодаютъ по два, по три дня».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіе факты объясняются не только недостаточностью продовольственныхъ рессурсовъ, но и «маленькими недостатками механизма» современной продовольственной организаціи Это—тоже дѣло не новое, къ которому всѣ успѣли привыкнуть. Вотъ какъ, по словамъ «Правит. Вѣстн.» (№ 56-й отъ 11-го марта), описывала въ 1901 г. продовольственные порядки херсонская губернская управа въ своемъ докладѣ мѣстному губернатору. «Начало продовольственной операціи во всѣхъ уѣздахъ носитъ тождественный характеръ: уѣздныя управы придерживаются, такъ сказать, выжидательной политики, предоставляя иниціативу ходатайствъ самимъ обществамъ. Послѣдними списки представляются обычнымъ, установленнымъ съ 1899 г. порядкомъ, т. е. чрезъ земскихъ начальниковъ, которые съ своими заключеніями передаютъ эти списки въ уѣздныя управы, а послѣднія провѣряютъ сдѣланныя обществами предположенія о размѣрѣ

ссудъ каждому домохозяину и затѣмъ исчисляютъ, сколько кому надлежитъ выдать, и составляютъ расчетные списки». Съ канцелярской точки зрѣнія, этотъ порядокъ, существовавшій не одинъ годъ, представляется, вѣроятно, образцовымъ. Но на практикѣ,—по скромному замѣчанію херсонской управы,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ порядокъ, установленный въ 1899 г., *способствовалъ значительной задержкѣ операціи по выдачѣ ссудъ*, такъ какъ списки долгое время находятся, такъ сказать, въ движеніи между установленными инстанціями. Въ общемъ, *задержки* непродолжительны, но во всякомъ случаѣ, онѣ *лишаютъ возможности своевременно опредѣлить общій размѣръ ссудъ*, потребныхъ для данной мѣстности, *и принять соотвѣтственныя мѣры* къ заготовкѣ необходимаго для выдачи ссудъ хлѣба». Что выходитъ порою изъ «движенія между установленными инстанціями» продовольственныхъ бумагъ, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ слѣдующее сообщеніе «Одесскихъ Новостей» того же года изъ Бессарабской губ. «Наиболѣе пострадавшій Оргѣевскій уѣздъ, говоритъ газета (цитируемъ по перепечаткѣ «Спб. Вѣд.» 1901 г. № 48),—несмотря на наличность суммъ, не можетъ въ данное время полностью воспользоваться причитающеюся ему ассигновкой только потому, что не представилъ въ губернскую управу списковъ нуждающихся, а не представилъ потому, что присланные въ уѣздную управу и провѣренные земскими начальниками списки оказались незасвидѣтельствованными ими. Уже и губернская управа потеряла терпѣніе и потребовала экстреннаго представленія списковъ, но отъ оргѣевской управы полученъ отвѣтъ, что... еще 26-го января полученные списки были обратно отосланы земскимъ начальникамъ для засвидѣтельствованія, но отъ нихъ не получены по сей день, несмотря на повторное напоминаніе». Бумаги даже и по такому срочному дѣлу, какъ продовольственное, конечно, могутъ ходить по инстанціямъ въ теченіе неопредѣленнаго времени. Это такъ же въ порядкѣ вещей, какъ и то, что нужда не ждетъ и «спутники» ея въ видѣ тифа и другихъ болѣзней появляются, не справляясь съ состояніемъ переписки между подлежащими вѣдомствами и учрежденіями.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако пути переписки и требованія жизни такъ расходятся, что оказывается надобность въ экстренныхъ мѣрахъ. Херсонскій корреспондентъ «Русск. Вѣдомостей» въ томъ же году (№ 74-й) оповѣстилъ объ одной изъ такихъ мѣръ. Недостаточность разрѣшеннаго кредита изъ имперскаго продовольственнаго капитала побудила херсонскую губернскую управу *телеграммою* просить своего предсѣдателя, находившагося, очевидно, въ Петербургѣ, исходатайствовать *дополнительную ссуду* въ 500.000 рублей. Спѣшить съ

этимъ ходатайствомъ нужно потому, что иначе время уйдетъ и земля останется незасѣянной. А еще не задолго передъ тѣмъ въ Херсонской губерніи признавалось, что продовольственная кампанія «не должна вызвать особыхъ осложненій». Не что иное, какъ экстренную мѣру помощи, вызванную весеннимъ «обостреніемъ нужды», представляли и такія мѣры, какъ, напр., неоднократныя командировки уполномоченнаго попечительства о домахъ трудолюбія въ Томскую, Тобольскую и другія губерніи для оказанія трудовой помощи пострадавшему отъ неурожая населенію этихъ губерній (см., напр., «Прав. Вѣстн.» 1901 г. № 62-й).

Факты, подобные этимъ, а ихъ можно бы привести десятки изъ лѣтописи каждаго голоднаго года, обнаруживались обыкновенно только къ веснѣ. Въ началѣ же каждой продовольственной кампаніи положеніе продовольственнаго дѣла обыкновенно остается невыясненнымъ для публики. По этому поводу, конечно, въ печати высказываются сожалѣнія, такъ какъ успѣху продовольсвенной кампаніи всего менѣе можетъ способствовать канцелярская тайна. Напротивъ, недостатокъ гласности приноситъ несомнѣнный вредъ, потому что многіе ошибки и недосмотры, неизбѣжные въ большомъ дѣлѣ, неустранимы безъ содѣйствія печати. Съ другой стороны, нельзя не считаться и съ тѣмъ естественнымъ участіемъ къ судьбамъ, быть можетъ, многихъ тысячъ сельскихъ обывателей, которое, несмотря ни на что, должно жить въ обществѣ. Было бы прискорбно, если бы его сочувственное отношеніе къ нуждѣ постигнутыхъ недородомъ мѣстностей заглохло,—прискорбно, потому, что содѣйствіе общественныхъ силъ въ дѣлѣ борьбы съ неурожайнымъ бѣдствіемъ—одно изъ условій успѣшнаго веденія этой борьбы. Но плохая освѣдомленность о положеніи дѣла, не говоря уже о другихъ неблагопріятныхъ для общественной дѣятельности условіяхъ, конечно, не укрѣпляетъ въ обществѣ интереса къ нуждавшейся деревнѣ. И въ этомъ мы успѣли убѣдиться не разъ уже въ недавнее время на практикѣ.

Чѣмъ бы ни была занята общественная мысль, какія бы печали и опасенія ни волновали ее,—просьбы о помощи изъ голодающихъ мѣстностей найдутъ въ обществѣ сочувственный откликъ. А между тѣмъ, по извѣстіямъ мѣстныхъ газетъ, въ послѣдніе неурожайные годы, въ прямую противоположность 1891, 1892 и даже 1898 году, ощущался сильный недостатокъ и въ людяхъ, готовыхъ посвятить себя дѣлу благотворительной помощи среди нуждающагося населенія, и въ средствахъ для организаціи такой помощи. Объяснить этотъ печальный фактъ однимъ пониженіемъ впечатлительности общества къ народной бѣдѣ нельзя. При самыхъ неблагопріятныхъ въ

этомъ отношеніи обстоятельствахъ въ обществѣ всегда находились и найдутся отзывчивые, человѣколюбивые люди. И если ихъ нѣтъ теперь тамъ, гдѣ въ нихъ нуждаются, причину этого приходится искать не въ оскудѣніи въ обществѣ элементарныхъ добрыхъ чувствъ,—что можетъ быть проще и естественнѣе жалости къ голодному и желанія дать ему кусокъ хлѣба?—а въ чемъ-то иномъ. Такихъ причинъ можетъ быть немало, на одну изъ нихъ мы указали, но едва ли мы ошибемся, если отведемъ среди нихъ не послѣднюю роль и тѣмъ, хорошо извѣстнымъ тормозамъ, тѣмъ внѣшнимъ препятствіямъ, которыя постоянно встрѣчала на своемъ пути частная благотворительность въ годы предшествующихъ неурожаевъ. На преодолѣніе этихъ препятствій обыкновенно уходило столько силъ, борьба съ ними сопряжена была со столькими разочарованіями, что рано или поздно должно было наступить охлажденіе и къ самому дѣлу.

Печальная обстановка продовольственной помощи во время голодовокъ не измѣнилась и съ изданіемъ временныхъ правилъ 12-го іюня 1900 года о народномъ продовольствіи, представляющихъ плодъ многолѣтнихъ правительственныхъ работъ по пересмотру продовольственнаго устава.

Первый же опытъ примѣненія новыхъ правилъ на практикѣ повелъ къ возбужденію вновь вопроса о надлежащей постановкѣ продовольственнаго дѣла. Этого нужно было ожидать, такъ какъ, говоря словами всеподаннѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ, изданіе правилъ только «прервало» работы по составленію общаго продовольственнаго устава, но «не устранило» этой задачи. Коренное отличіе новаго порядка отъ прежняго сводится къ замѣнѣ земства административными учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ въ области завѣдыванія продовольственною помощью на мѣстахъ. Офиціальная оцѣнка новаго закона и перваго опыта примѣненія его на практикѣ не была слишкомъ строга, но тѣмъ не менѣе въ министерскомъ отчетѣ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 года («Прав. Вѣстн.», 1902 г., № 229) значилось, что «дѣйствующія продовольственныя правила естественно должны были оказаться недостаточными». Къ такому заключенію, по словамъ названнаго всеподданнѣйшаго доклада, приводятъ съ одной стороны то обстоятельство, что временныя правила 1900 года не опредѣляютъ «всѣхъ способовъ борьбы съ продовольственною нуждой», а съ другой—крупные размѣры неурожая, который, захвативъ въ 1901 году 19 губеройй и областей, «являлся уже народнымъ бѣдствіемъ». Безъ сомнѣнія, всякій, знакомый съ исторіей продовольственной кампаніи 1901-2 года, согласится съ этимъ замѣчаніемъ: временныя правила дѣйствительно

оказались «недостаточными» при первомъ же приступѣ къ осуществленію новаго закона на дѣлѣ. Одного этого вполнѣ достаточно,— не говоря уже о другихъ недочетахъ закона 1900 г., лишь отчасти указанныхъ въ томъ же правительственномъ сообщеніи,—чтобы признать возобновленіе работъ по изданію общаго продовольственнаго устава дѣломъ совершенно неотложнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что у насъ такія «народныя бѣдствія», какъ неурожай 1901 года, вовсе не рѣдкость, въ виду чего продовольственная организація, неразсчитанная на нихъ, прямо-таки не можетъ быть терпима. Если законъ признается неудовлетворительнымъ даже только въ одномъ этомъ отношеніи, онъ долженъ уступить мѣсто другому, лучше сообразованному съ требованіями жизни. Словомъ, пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній по продовольственной части представлялся бы совершенно необходимымъ, если бы даже признать, что правительственное сообщеніе дало исчерпывающую критику временныхъ продовольственныхъ правилъ. Но на самомъ дѣлѣ въ нихъ можно открыть и такіе недостатки, которыхъ не коснулся отчетъ о продовольственной компаніи 1901 года, хотя они несомнѣнно обнаружились въ эту компанію.

Какъ ни скудна газетная хроника продовольственныхъ мѣропріятій по случаю неурожая 1901 года, все-таки въ нее вошли, притомъ по большей части на основаніи офиціально подтвержденныхъ данныхъ, и случаи запоздалой доставки продовольственнаго хлѣба и посѣвныхъ сѣмянъ, и непорядки въ дѣлѣ выясненія нужды и опредѣленія потребности въ помощи, и факты снабженія зерномъ, совершенно несоотвѣтствующимъ назначенію, и неустройства въ операціи по заготовкѣ хлѣба и т. д. Нагляднымъ подтвержденіемъ того, что новый порядокъ завѣдыванія народнымъ продовольствіемъ не выдержалъ испытанія на дѣлѣ, могутъ служить пожеланія, заявленныя одновременно въ нѣсколькихъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности (напр., въ костромскомъ, новомосковскомъ, борисоглѣбскомъ), чтобы продовольственное дѣло было снова передано въ вѣдѣніе земства. Характерно, что мнѣніе о необходимости возвращенія къ старому порядку идетъ по преимуществу изъ губерній, ознакомившихся на собственномъ опытѣ съ продовольственною компаніей, веденной по правиламъ 1900 года (напр., изъ Екатеринославской, Тамбовской). Заслуживаетъ вниманія и то, что подобныя заявленія исходятъ изъ коллегій, не совпадающихъ по составу съ земскими собраніями и насчитывающихъ въ своей средѣ немало представителей уѣздной администраціи. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что по сравненію съ другими мѣстными общественными потребно-

стями, обратившими на себя вниманіе многихъ комитетовъ, реорганизація продовольственнаго дѣла представляется частью, хотя и важной, болѣе общаго вопроса, именно вопроса о мѣстномъ самоуправленіи и общественномъ хозяйствѣ. Если однако находятся комитеты, считающіе необходимымъ указать отдѣльно на желательное рѣшеніе этого частнаго вопроса, это значитъ, что современное положеніе продовольственнаго дѣла считается на мѣстахъ особенно неблагопріятнымъ.

Изъ помянутаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ мы знаемъ, что неудовлетворительность нынѣшней мѣстной продовольственной органиціи признается и губернскими властями. Губернаторы заявляли, между прочимъ, что новый порядокъ годится только «въ мирное, такъ-сказать, время, въ годы благополучнаго урожая». Но продовольственная организація должна быть расчитана не на эти періоды относительнаго благополучія, а прежде всего на тяжелую и отвѣтственную борьбу съ народнымъ бѣдствіемъ во время продовольственнаго кризиса. Потому въ 1901 году министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ необходимымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на введеніе во всѣхъ сильно пострадавшихъ отъ неурожая уѣздахъ инаго, непредусмотрѣннаго закономъ 1900 года порядка завѣдыванія продовольственною частью.

Нельзя считать рѣшеніемъ вопроса и путь временныхъ мѣръ, исключительныхъ полномочій и частичныхъ изъятій изъ закона. Теперь продовольственное дѣло нуждается въ коренной реформѣ и въ установленіи твердаго, основаннаго на законѣ, порядка. Лучшимъ рѣшеніемъ этого наболѣвшаго вопроса, поскольку дѣло идетъ о завѣдываніи народнымъ продовольствіемъ на мѣстахъ, конечно, было бы именно то, которое предлагаютъ комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, т. е. признаніе продовольственнаго дѣла снова всецѣло земскимъ. Но нужна не только передача заботъ о народномъ продовольствіи изъ однѣхъ рукъ въ другія,—не менѣе настоятельно необходимо и преобразованіе самихъ основъ продовольственной системы,—преобразованіе, въ неотложности котораго дали столько доказательствъ неурожайныя бѣдствія послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ. Собственно ради этого только преобразованія и былъ предпринятъ пересмотръ Продовольственнато Устава, закончившійся изданіемъ временныхъ правилъ 12-го іюня 1900 г. Но этотъ законъ сохранилъ въ неприкосновенности основные недостатки самой системы продовольственной помощи на случай неурожая. По этому теперь не остается ничего другого, какъ начать дѣло сначала и поставить на ближайшую очередь новый общій пересмотръ узаконеній по дѣламъ народнаго продовольствія.

Очевидно, въ цѣляхъ болѣе полнаго выясненія недочетовъ дѣйствующаго продовольственнаго закона и желательныхъ перемѣнъ въ немъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, приступая къ составленію проекта новаго продовольственнаго устава, нашло полезнымъ подвергнуть этотъ важный вопросъ предварительному обсужденію совмѣстно съ лицами, «близко стоящими къ продовольственному дѣлу по службѣ своей» въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ мартѣ 1903 года въ Петербургъ были ириглашены для совѣщанія по продовольственному вопросу четыре губернатора, пять губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и восемь предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ. Въ составъ совѣщанія вошли также представители центральныхъ учрежденій трехъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и финансовъ, а въ помощь ему, для объясненій по вопросамъ, касающимся положенія продовольственнаго дѣла на мѣстахъ, были вызваны нѣкоторые непремѣнные члены губернскихъ присутствій и земскіе начальники.

Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 года заканчивался цѣлымъ рядомъ вопросовъ, составившихъ какъ бы программу работъ этого совѣщанія. Положительное рѣшеніе каждаго изъ нихъ, если бы оно было возможно, было бы равносильно выбору одного изъ коренныхъ основаній новой продовольственной системы, а всѣ вмѣстѣ эти вопросы въ случаѣ утвердительнаго ихъ рѣшенія дали бы схему общаго продовольственнаго устава. Но дѣло въ томъ, что на пути къ такому рѣшенію въ большинствѣ случаевъ необходимо преодолѣть большія и, быть можетъ, даже непобѣдимыя трудности.

Много сомнѣній возбуждаетъ первый же вопросъ программы; не представляется ли цѣлесообразнымъ для возстановленія общеимперскаго и для подкрѣпленія губернскихъ капиталовъ установить хотя бы на извѣстное время продовольственный налогъ, нѣсколько уменьшивъ существующій сборъ хлѣбомъ? Въ пользу этого предположенія въ докладѣ 15-го октября высказываются слѣдующія соображенія: подобный налогъ, представляя болѣе устойчивое основаніе мѣрамъ по обезпеченію народнаго продовольствія, придалъ бы имъ большую приспособляемость къ надобностямъ управленія и съ теченіемъ времени освободилъ бы казну отъ ежегодныхъ ассигнованій на продовольствіе деревни. Очевидно, что главная цѣль установленія продовольственнаго налога—создать новый источникъ для государственныхъ расходовъ на продовольственныя нужды во время неурожаевъ, притомъ именно новый, не отвлекающій на эту потребность средства общаго государственнаго бюджета. Только въ такомъ случаѣ можно

ожидать освобожденія казны отъ ежегодныхъ приплатъ на продовольственныя операціи. Конечно, если бы явилась возможность создать этотъ спеціальный доходъ, не задѣвая другихъ интересовъ казны, мѣропріятія министерства внутреннихъ дѣлъ по обезпеченію народнаго продовольствія получали бы и «болѣе устойчивое основаніе», и «большую приспособляемость»: въ его рукахъ всегда были бы средства и оно ими могло бы распоряжаться съ полною свободой. Ни того, ни другого не можетъ быть, пока приходится черпать деньги на эти мѣропріятія изъ общегосударственныхъ поступленій, либо заимствовать изъ продовольственныхъ рессурсовъ, составляющихъ собственность отдѣльныхъ сельскихъ обществъ. Но надо признать, что обстоятельства весьма неблагопріятствуютъ установленію новаго налога съ крестьянъ. Неурожай 1901 года, по словамъ доклада министра внутреннихъ дѣлъ, «не только крайне тяжко» отозвался на благосостояніи сельскихъ обывателей, но и засвидѣтельствовалъ общее пониженіе уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія». Это пониженіе зажиточности и является причиной того, что казна не можетъ обойтись безъ ежегодныхъ ассигнованій на продовольствіе деревни». И если нашей «коренной нуждой» въ настоящее время, по выраженію того же доклада, слѣдуетъ считать мѣры, направленныя къ поддержанію пошатнувшагося благосостоянія земледѣльческаго населенія, то можно ли, прежде чѣмъ они будутъ приняты и окажутъ свое полезное воздѣйствіе, думать объ увеличеніи податного бремени крестьянъ? Хроническія недоимки по выкупнымъ платежамъ, кажется, могутъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что платежная способность крестьянскаго населенія въ общемъ должна считаться исчерпанною. Получить больше того, что теперь вносятъ сельскіе обыватели въ видѣ различныхъ казенныхъ сборовъ, съ прибавкою новаго продовольственнаго налога, едва ли будетъ возможно при самыхъ усиленныхъ хлопотахъ со стороны агентовъ фиска объ исправности плательщиковъ. Введеніе новаго налога въ бюджетномъ отношеніи имѣло бы, надо думать, единственнымъ результатомъ то, что часть суммы, обыкновенно поступающей изъ этого источника на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, при самомъ поступленіи отчислялась бы на усиленіе общеимперскаго продовольственнаго капитала или на подкрѣпленіе губернскихъ. Быть можетъ, такой порядокъ представляетъ извѣстныя удобства для министерства внутреннихъ дѣлъ, но, конечно, подобная мѣра не освободитъ казну отъ «ежегодныхъ ассигнованій» на тотъ же предметъ,—измѣнится при этомъ только форма ассигнованій. На такую перемѣну можно бы согласиться въ томъ случаѣ, если бы можно было питать надежду,

что благодаря этой мѣрѣ казна, если не теперь, то съ теченіемъ времени, избавится отъ приплатъ на продовольственное дѣло. Но надѣяться на это нѣтъ никакихъ основаній, ибо потребность въ ежегодныхъ ассигнованіяхъ вызывается общимъ пониженіемъ благосостоянія крестьянъ, а форма отчисленія государственныхъ средствъ на народное продовольствіе сама по себѣ не можетъ ни повысить, ни понизить «хозяйственной зажитности» крестьянъ.

Но если нельзя освободить казну отъ расходовъ на продовольственное дѣло установленіемъ новаго налога,—нельзя ли достигнуть той же цѣли обращеніемъ въ доходъ по этому налогу какихъ-либо другихъ рессурсовъ, не поступающихъ нынѣ въ казну? На первый взглядъ такая возможность представляется, и въ расчетѣ воспользоваться ею возникъ, повидимому, проектъ продовольственнаго налога, но мы увидимъ, что и это средство освободить казну отъ ассигнованій на продовольствіе деревни менѣе надежно, нежели кажется, и вдобавокъ представляетъ свои существенныя неудобства.

Предположеніе объ установленіи продовольственнаго налога связываетъ эту мѣру съ другой—съ уменьшеніемъ существующаго сбора хлѣбомъ въ сельскіе запасные магазины. Въ замѣнѣ, хотя бы только частичной, одного сбора, мѣстнаго и общественнаго, другимъ, общимъ и государственнымъ, и заключается основная мысль намѣченной реформы.

Изъ всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ мы узнаемъ, что въ прошломъ году, при огромныхъ размѣрахъ нужды въ продовольственной помощи, было констатировано, съ одной стороны, «полное истощеніе общеимперскаго продовольственнаго капитала и уменьшеніе капиталовъ губернскихъ», а съ другой—существованіе значительныхъ натуральныхъ сельскихъ общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ: «наличность ихъ въ странѣ, по словамъ доклада, была свыше 100 милліоновъ пудовъ». Такое различіе въ состояніи мѣстныхъ и общихъ средствъ продовольственнаго обезпеченія крестьянъ на случай неурожая на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ. Но оно становится совершенно понятымъ, если мы выяснимъ значеніе сельскихъ общественныхъ запасовъ въ общей системѣ современной организаціи продовольственнаго дѣла. Признавая эти запасы «собственностью отдѣльныхъ сельскихъ обществъ», законъ видитъ въ нихъ средство для удовлетворенія первыхъ неотложныхъ нуждъ каждаго селенія въ случаѣ неурожая. Эта помощь, по мысли закона, не можетъ быть велика и подлежитъ, когда встрѣтится въ томъ надобность, дополненію изъ другихъ источниковъ,—губернскихъ и общеимперскаго. Но главное—она должна быть всегда наготовѣ, на мѣстѣ, въ распоряженіи мѣстныхъ людей и властей. Понятно, что въ

виду этого и позаимствованія изъ сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ на надобности стороннихъ обществъ если и допускаются, то какъ исключительная мѣра, каждый разъ съ разрѣшенія комитета министровъ. Понятно и то, что въ мѣстностяхъ, испытавшихъ бѣдствіе неурожая въ сравнительно недавнее время, запасные магазины сельскихъ обществъ зачастую оказываются истощенными въ не меньшей мѣрѣ, нежели губернскіе и общеимперскіе капиталы. Но это не мѣшаетъ общему по всей странѣ итогу наличности сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ достигать значительной цифры, такъ какъ всегда остается довольно большое число сельскихъ обществъ настолько благополучныхъ, чтобы имѣть обезпеченіе на первыя свои продовольственныя нужды въ случаѣ неурожая.

Существованіе такихъ обособленныхъ сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ само по себѣ не составляетъ неудобства. Въ странѣ съ многомилліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ 100 милліоновъ пудовъ хлѣба въ запасныхъ магазинахъ сельскихъ обществъ нельзя считать слишкомъ крупною величиной, изъятіе которой изъ обращенія могло бы имѣть вредныя послѣдствія. По буквѣ закона, хлѣба въ этихъ магазинахъ должно бы храниться гораздо больше,—и эта увеличенная норма вовсе не принимается,—да и не могла быть принята,—закономъ за общее обезпеченіе сельскаго населенія на случай неурожая. На самомъ дѣлѣ эти запасы рѣдко достигаютъ установленнаго размѣра и тѣмъ не менѣе приносятъ большую пользу потому, что сама жизнь приспособила ихъ, какъ мы увидимъ, къ выполненію еще и другой важной для сельскаго населенія функціи. Но по сравненію съ истощенными продовольственными капиталами сравнительно скромные запасы сельскихъ обществъ, бывшіе налицо въ 1901 году, могли представиться администраціи источникомъ средствъ для удовлетворенія общей продовольственной нужды, даже «главнымъ источникомъ обезпеченія народнаго продовольствія на мѣстахъ». Къ такому взгляду на нихъ приводило и то обстоятельство, что для пополненія имперскаго и губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ, по выраженію доклада 15 октября, «способовъ не указано». Точнѣе было бы сказать, что законъ не указываетъ способовъ надежныхъ и для казны необременительныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 53-я временныхъ правилъ 12 іюня 1900 года гласитъ, что на образованіе губернскихъ капиталовъ кромѣ наличныхъ суммъ, имѣющихся на мѣстахъ, обращаются, во-первыхъ, «платежи, поступающіе на пополненіе ссудъ, выданныхъ изъ этихъ капиталовъ», а во-вторыхъ, «суммы, ассигнуемыя изъ средствъ казны въ возмѣщеніе убыли въ помянутыхъ капиталахъ». На тѣ же «способы» пополненія общеимперскаго капитала разсчиты-

ваетъ ст. 55-я названныхъ правилъ. Надо однако признать, по указаніямъ опыта, что одинъ изъ этихъ источниковъ,—возвратъ продовольственныхъ ссудъ,—дѣйствительно не можетъ служить сколько-нибудь сильнымъ подкрѣпленіемъ продовольственныхъ капиталовъ, особенно въ годы большихъ неурожаевъ. Остается другой—казна, къ которому неоднократно и прибѣгали, но такъ какъ задача предпринимаемой реформы продовольственнаго дѣла и заключается въ томъ, чтобы найти средства помимо государственнаго казначейства, то естественно, что явилась мысль объ использованіи въ этихъ цѣляхъ сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ.

Къ сожалѣнію, практичность этой мѣры подлежитъ большому сомнѣнію. При ея помощи невозможно освободить государственное казначейство отъ ежегодныхъ почти ассигнованій на продовольственную помощь. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, обратясь къ отчетнымъ даннымъ по продовольственному дѣлу за послѣднее десятилѣтіе. За это время на подкрѣпленіе имперскаго капитала и вообще на продовольственныя мѣропріятія пришлось отчислить изъ средствъ государственнаго казначейства сумму, втрое или даже вчетверо превышающую стоимость тѣхъ стамилліоновъ пудовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Стало-быть, если бы даже всѣ продовольственные запасы сельскихъ обществъ (а не часть ихъ, какъ предполагается по плану новаго преобразованія) были въ свое время пріобщены къ общеимперскимъ рессурсамъ продовольственной помощи, отъ казны потребовались бы огромныя пожертвованія. Весь результатъ реформы свелся бы въ бюджетномъ отношеніи къ кратковременному облегченію на одинъ, много—на два года. Но тѣ шестьдесятъ - семьдесятъ милліоновъ рублей, на которые въ лучшемъ случаѣ сократились бы при этомъ затраты казны на народное продовольствіе за весь разсматриваемый періодъ, составили бы въ общей экономіи страны чистѣйшій минусъ. Бюджетный выигрышъ былъ бы далеко превзойденъ во многихъ мѣстностяхъ тѣмъ ущербомъ, котораго нужно ожидать отъ опустѣнія сельскихъ общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Нельзя забывать, что эти магазины въ рядѣ губерній,—напримѣръ, Московской, Тверской, Новгородской, Псковской и др.,—давно уже играютъ роль общественныхъ крестьянскихъ складовъ сѣмянъ и частью продовольственнаго хлѣба. Крестьянинъ вноситъ зерно въ магазинъ, не безъ основанія полагая, что оно тамъ будетъ цѣлѣе,—ни самъ не изведетъ, ни на подати не возьмутъ; но дѣлается это не для того, чтобы получить хлѣбъ во время неурожая, а для того, чтобы воспользоваться имъ при первомъ же сѣвѣ или обратить его на продовольствіе въ болѣе трудное время зауряднаго года.

Такимъ образомъ замѣна хлѣбнаго сбора въ сельскіе общественные магазины новымъ продовольственнымъ налогомъ лишитъ деревню весьма существеннаго удобства и тѣмъ, конечно, еще больше понизитъ ея «пошатнувшееся благосостояніе». Не достигнетъ она, какъ мы видимъ, и главной своей цѣли, такъ какъ потребность въ ежегодныхъ ассигнованіяхъ изъ общихъ бюджетныхъ средствъ на народное продовольствіе не устраняется такою замѣной и даже,—что весьма вѣроятно,—по истеченіи нѣкотораго времени подъ косвеннымъ, но неблагопріятнымъ вліяніемъ ея на платежныя силы крестьянъ увеличится. Положить предѣлъ постояннымъ отчисленіямъ изъ казны на нужды народнаго продовольствія могло бы только исправное возмѣщеніе продовольственныхъ ссудъ. Но именно этого, по понятнымъ причинамъ, и нельзя ожидать. Изъ всѣхъ формъ кредита та, съ которой мы имѣемъ здѣсь дѣло, смѣло можетъ быть признана наименѣе удачной. Выдавая пособія на удовлетвореніе минимальныхъ потребностей питанія, нельзя разсчитывать, что пользующіеся ими будутъ въ состояніи ихъ вернуть, притомъ въ короткій срокъ. Но наше продовольственное дѣло всецѣло построено на этомъ расчетѣ,—мудрено ли, что онъ почти никогда не оправдывается. Напрасными усиліями достигнуть этой недостижимой цѣли, можно сказать, наполнена долголѣтняя исторія дѣйствующей продовольственной системы. И теперь, послѣ того какъ временными правилами 1900 года только что установлены новые сроки погашенія продовольственныхъ ссудъ, опять ставится вопросъ, не требуетъ ли измѣненія порядокъ возмѣщенія продовольственныхъ ссудъ, дабы, съ одной стороны, устранить благотворительный характеръ помощи, который получается въ тѣхъ случаяхъ, когда ссуда не взыскивается, а съ другой—не отягощать быстрымъ взысканіемъ ослабѣвшихъ отъ неурожая хозяйствъ. Этотъ поистинѣ роковой вопросъ задавался неоднократно въ теченіе трехъ четвертей вѣка, но продовольственныя пособія, считаясь ссудами, все-таки зачастую остаются невзысканными, а въ случаѣ взысканія, несомнѣнно, по общему правилу, ложатся тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. При кредитной системѣ обезпеченія народнаго продовольствія выхода изъ этого затрудненія нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакой надежды и на пополненіе убыли продовольственныхъ капиталовъ безъ жертвъ на этотъ предметъ со стороны государственнаго казначейства.

Каждый разъ, когда заходитъ рѣчь объ организаціи помощи пострадавшему отъ неурожая населенію, возникаетъ и вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ различныхъ формъ и способовъ этой помощи. Первое, на чемъ въ такомъ случаѣ останавливается мысль

это, конечно, кредитъ. Но многолѣтній опытъ дѣйствующей системы обезпеченія народнаго продовольствія далъ столько доказательствъ непримѣнимости кредита, въ видѣ общей мѣры, къ дѣлу продовольственной помощи, что поиски естественно направились въ другую сторону. Они привели къ предположенію, что лучше и проще всего задача можетъ быть рѣшена посредствомъ общественныхъ работъ. И въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, что можно возразить противъ этой мѣры? Если способное къ труду населеніе нуждается въ средствахъ пропитанія, не можетъ быть болѣе дѣйствительной и болѣе разумной помощи, какъ доставленіе ему заработка Правда, широкое устройство общественныхъ работъ требуетъ нѣкоторыхъ расходовъ со стороны государства, но, во-первыхъ, и другіе виды продовольственной помощи неосуществимы въ настоящее время безъ ассигнованій изъ средствъ государственнаго казначейства, а, во-вторыхъ,—какъ отмѣчено во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 15 октября,—«затраты на это дѣло при надлежащемъ выборѣ работъ впослѣдствіи въ значительной мѣрѣ будутъ возмѣщены полезными экономическими результатами». Къ тому же,—говорится далѣе въ докладѣ,—«этотъ видъ помощи имѣетъ несомнѣнное передъ всѣми прочими преимущество съ точки зрѣнія нравственнаго вліянія на населеніе». Въ виду этихъ соображеній, пожалуй, покажется страннымъ, почему до настоящаго времени все еще не рѣшенъ на практикѣ простой, повидимому, вопросъ (вошедшій и въ программу новаго пересмотра продовольственнаго устава),—не слѣдуетъ ли включить общественныя работы въ число предписываемыхъ закономъ постоянныхъ мѣръ по борьбѣ съ продовольственною нуждой.

Въ дѣйствительности простота этой задачи только кажущаяся. Опыты борьбы съ народнымъ бѣдствіемъ путемъ устройства общественныхъ работъ производились неоднократно; эта форма помощи извѣстна въ исторіи нашихъ голодовокъ съ давнихъ поръ, и тѣмъ не менѣе никогда не могла ни устранить потребности въ продовольственныхъ пособіяхъ, ни замѣнить ихъ въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ. Въ 1901 году правительствомъ были приложены большія усилія къ тому, чтобы доставить крестьянамъ заработокъ посредствомъ общественныхъ работъ. И все-таки, по словамъ всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ, «въ окончательномъ итогѣ сопоставленіе числа крестьянъ, принятыхъ на работу, съ численностью рабочаго населенія пострадавшихъ мѣстностей, простирающейся приблизительно до 12-ти милліоновъ, и съ числомъ рабочихъ, ходатайствовавшихъ о предоставленіи имъ работы (по одной Казанской губ. такихъ лицъ насчитывалось 40.000), указываетъ, что

значительная часть нуждающагося рабочаго населенія не могла быть обезпечена заработкомъ». Такой результатъ не можетъ быть всецѣло объясненъ какими-либо неблагопріятными для развитія этого дѣла условіями прошлогодней продовольственной кампаніи, напр., тѣмъ, что общественныя работы велись почти исключительно силами администраціи. Можно думать, что на опытѣ прошлаго года дѣйствительно наглядно обнаружилось, говоря словами доклада 15 октября, что «широкое развитіе трудовой помощи безъ живого участія земскихъ учрежденій оказывается недостижимымъ». Мѣрою успѣха общественныхъ работъ и раньше всегда служило общественное содѣйствіе этому дѣлу. Тамъ, гдѣ общественныя работы находили поддержку со стороны земства, мѣстныхъ дѣятелей или частныхъ лицъ, прибывшихъ въ мѣста неурожая ради благотворительной помощи голодающимъ, задача разрѣшалась сравнительно легко. Тамъ же, гдѣ не было налицо этихъ сотрудниковъ, отъ организаціи трудовой помощи приходилось порою даже вовсе отказываться. Еще недавно правильность такого взгляда на дѣло была засвидѣтельствована въ отчетѣ одного изъ уполномоченныхъ по оказанію трудовой помощи попечительства о домахъ трудолюбія, члена государственнаго совѣта Галкина-Враскаго. Но какъ ни важно живое участіе земства и общества въ организаціи общественныхъ работъ, не оно одно опредѣляетъ значеніе послѣднихъ, какъ мѣры борьбы съ продовольственной нуждою.

Цифра нуждавшихся въ заработкѣ, указанная министромъ внутреннихъ дѣлъ, представляетъ, на нашъ взглядъ, самое убѣдительное доказательство того, что на это средство нельзя вызлагать большихъ надеждъ. Надо замѣтить, что приведенныя свѣдѣнія о размѣрахъ прошлогодняго бѣдствія не представляютъ чего-либо безпримѣрнаго,—напротивъ, на протяженіи одного послѣдняго десятилѣтія можно указать нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Авторъ помянутнаго отчета о трудовой помощи, касаясь этого вопроса, говоритъ: «При неурожаѣ во многихъ мѣстностяхъ, и при томъ почти всегда сплошномъ въ нѣсколькихъ смежныхъ губерніяхъ, число нуждающихся въ пропитаніи бываетъ до того велико, что при самомъ даже широкомъ развитіи трудовой помощи трудно предположить возможность предоставленія работы всѣмъ нуждающимся въ ней». И дѣйствительно, если бы возможно было по желанію въ любую минуту создавать заработокъ для милліоновъ рабочихъ рукъ, не было бы ни голодовокъ, ни безработицъ, но такъ какъ эта задача очевидно невыполнима, то можно съ увѣренностью сказать, что въ той или иной формѣ, при болѣе или менѣе цѣлесообразной организаціи дѣла, выдача продовольственныхъ пособій явится и на будущее время, по примѣру предшествую-

щихъ неурожайныхъ лѣтъ, «главнѣйшимъ способомъ правительственной помощи населенію». Общественнымъ же работамъ, если онѣ и будутъ включены въ число постоянныхъ мѣръ, предписываемыхъ закономъ для борьбы съ продовольственною нуждой, будетъ принадлежать попрежнему второстепенная роль въ ряду продовольственныхъ мѣропріятій.

Повидимому, впрочемъ, при составленіи программы новаго пересмотра продовольственнаго устава не существовало сомнѣній, что на ближайшее время по крайней мѣрѣ «преимущественнымъ способомъ облегченія нужды» придется считать не общественныя работы, а попрежнему пособія хлѣбомъ. Хотя вопросъ объ этихъ работахъ, какъ постоянной мѣрѣ, и включенъ въ программу, но стоитъ онъ одиноко, и главное содержаніе программы составляютъ продовольственныя мѣропріятія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ одномъ изъ пунктовъ программы прямо говорится о «доказанной опытомъ невозможности обойтись безъ ежегодной почти закупки за счетъ казны хлѣба для продовольственныхъ потребностей». Это обстоятельство въ связи съ «затрудненіями по доставкѣ на мѣста купленаго хлѣба» внушило даже мысль о систематической заготовкѣ зерна въ урожайные годы для продовольственныхъ мѣропріятій и объ образованіи центральныхъ складовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда спѣшная доставка хлѣба сопряжена съ затрудненіями. Этотъ вопросъ, конечно, заслуживаетъ всесторонняго выясненія, но приведенные мотивы включенія его въ программу пересмотра, пожалуй, имѣютъ больше значенія, нежели то или иное рѣшеніе самаго вопроса. Будутъ или не будутъ устроены въ отдаленныхъ и бѣдныхъ рельсовыми путями губерніяхъ центральные магазины,—этимъ вносятся перемѣны лишь въ технику, а не въ систему народнаго продовольствія. Механизмъ снабженія хлѣбомъ можетъ быть улучшенъ, но пока система накопленія запасовъ и завѣдыванія продовольственной помощью не измѣнится, общее положеніе продовольственнаго дѣла будетъ попрежнему неудовлетворительно.

Въ общемъ продовольственномъ уставѣ предположено «точно выяснить и опредѣлить», согласно указанію государственнаго совѣта, «положеніе и обязанности земства въ области продовольственнаго дѣла». Задача эта признается настолько трудной, что въ опубликованной программѣ занятій совѣщанія, созваннаго для обсужденія продовольственнаго вопроса, не высказано никакихъ предположеній о роли земства въ дѣлѣ обезпеченія народнаго продовольствія. «Окончательно намѣтить предѣлы его дѣятельности въ этомъ дѣлѣ,—говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ

отъ 15-го октября,—въ настоящее время представлялось бы затруднительнымъ, такъ какъ по сложности своей этотъ вопросъ требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія и соображенія съ возложенными на крестьянскія учрежденія закономъ 12-го іюня 1900 года полномочіями, измѣнять коихъ не предполагается». При такой постановкѣ этотъ вопросъ, думается намъ, надо признать не только труднымъ и сложнымъ, но даже едвали и разрѣшимымъ, такъ какъ въ самомъ заданіи его кроется непримиримое противорѣчіе.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ неоднократно высказывалась мысль, что и послѣ введенія временныхъ правилъ 12-го іюня на земствѣ остались обязанности по продовольственному дѣлу. Въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 1-го января 1901 года былъ приведенъ «примѣрный перечень обязанностей земскихъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго продовольствія». Но какъ ни «значительны по объему и важности своей» задачи земства, перечисленныя въ этомъ циркулярѣ, нельзя не признать, что, за немногими изъятіями, онѣ не могутъ быть названы продовольственными въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ задачи продовольственнаго дѣла законъ и установившаяся практика. Изъ перечня не трудно убѣдиться, что въ немъ идетъ рѣчь не столько о «мѣрахъ по борьбѣ съ продовольственною нуждою», объ «обезпеченіи народнаго продовольствія при неурожаяхъ», сколько о мѣрахъ, направленныхъ къ предотвращенію самой надобности въ продовольственной помощи, или, еще точнѣе, о такъ называемомъ «воспособленіи, зависящими отъ земства способами, мѣстному земледѣлію». Въ самомъ дѣлѣ, организація сельско-хозяйственной статистики, изученіе причинъ періодическихъ неурожаевъ хлѣбовъ, организація мелкаго сельскохозяйственнаго кредита, улучшеніе условій сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, распространеніе въ сельскомъ населеніи сельскохозяйственныхъ знаній и низшаго техническаго образованія, мѣры къ введенію меліорацій, къ насажденію спеціальныхъ культуръ и т. д., и т. д.,—все это безспорно можетъ быть предметомъ заботъ земскихъ учрежденій, но не можетъ быть отожествлено съ задачами продовольственнаго дѣла въ тѣсномъ смыслѣ. Безъ сомнѣнія, такого рода мѣропріятія представляютъ большую важность для «прочнаго обезпеченія продовольственныхъ потребностей страны», но они не могутъ быть отнесены къ числу собственно «продовольственныхъ», какъ таковыя понимались дѣйствовавшимъ до изданія временныхъ правилъ 1900 г. Уставомъ народнаго продовольствія. Теперь *продовольственное* дѣло во всемъ его объемѣ перешло въ вѣдѣніе администраціи. На ней лежитъ забота о составленіи и храненіи продовольственныхъ запасовъ и ка-

питаловъ; она опредѣляетъ размѣры нужды въ помощи и въ извѣстной мѣрѣ даже самые формы и способы этой помощи; къ ея обязанностямъ относится распредѣленіе пособій и наблюденіе за своевременнымъ возвратомъ продовольственныхъ ссудъ; она даже слѣдитъ чрезъ своихъ агентовъ «за ходомъ полевой растительности». Такимъ образомъ, всѣ функціи завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ, принадлежавшія раньше земству, отправляются теперь мѣстными административными органами. Правила 12-го іюня почти цѣликомъ замѣнили общую часть стараго продовольственнаго устава, нормировавшую продовольственную дѣятельность земства, оставивъ въ силѣ лишь небольшое число статей, трактующихъ «объ установленіи цѣнъ на предметы продовольствія, о свободномъ провозѣ жизненныхъ припасовъ и о порядкѣ продажи оныхъ», но не эти уцѣлѣвшія главы общей части продовольственнаго устава имѣются въ виду, когда идетъ рѣчь объ обязанностяхъ земства по народному продовольствію.

Если новыя временныя правила отстранили земство отъ продовольственнаго дѣла въ томъ значеніи, какое придаетъ ему дѣйствующій законъ, то, быть можетъ, при сохраненіи настоящаго порядка завѣдыванія народнымъ продовольствіемъ, къ обязанностямъ земства возможно отнести нѣкоторые виды продовольственной помощи, извѣстные практикѣ, но не предусмотрѣнные закономъ. Въ послѣдніе годы были сдѣланы попытки въ этомъ направленіи. Такъ, земству усиленно рекомендовалось заняться устройствомъ общественныхъ работъ, а въ послѣднее время эти работы признаны даже такимъ дѣломъ, осуществленіе котораго невозможно безъ живого участія земскихъ учрежденій. Другой примѣръ—мѣропріятія по случаю безкормицы для скота, которыя также послѣ кратковременнаго опыта административнаго завѣдыванія этимъ дѣломъ весьма охотно перелагались на земскія учрежденія. Понятно однако, что до изданія общаго продовольственнаго устава, который только еще «долженъ обнять всѣ виды продовольственной помощи населенію», въ томъ числѣ и названные, причислять ихъ къ обязанностямъ земства преждевременно. А затѣмъ нѣтъ, конечно, поводовъ къ сомнѣнію въ томъ, что при живомъ участіи земскихъ учрежденій и эти мѣропріятія, какъ и все вообще продовольственное дѣло на мѣстахъ, могли бы получить наиболѣе цѣлесообразную постановку. Но бѣда въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ тѣ виды помощи, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, не поддаются выдѣленію въ обособленную отрасль, которою могло бы самостоятельно завѣдывать земство, если вообще забота о народномъ продовольствіи на случай неурожая должна оставаться на административныхъ органахъ. Это обусловливается

тѣмъ, что результаты всѣхъ продовольственныхъ мѣропріятій находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ успѣха каждаго изъ нихъ. Такъ, важнѣйшая изъ указанныхъ задачъ — операція по снабженію кормомъ скота—потерпитъ неудачу, если собственно продовольственное дѣло поставлено неудовлетворительно, и, напротивъ, цѣль хорошо организованной выдачи продовольственныхъ ссудъ окажется недостигнутой въ случаѣ неуспѣха мѣръ по прокорму скота. Поэтому можно согласиться съ тѣмъ, что ограниченіе предѣловъ земской дѣятельности по народному продовольствію представляется дѣйствительно чрезвычайно затруднительнымъ. Но, съ другой стороны, еще труднѣе разсчитывать и на успѣхъ совмѣстной дѣятельности земства съ тѣми крестьянскими учрежденіями, на которыхъ въ настоящее время лежитъ завѣдываніе народнымъ продовольствіемъ на мѣстахъ. Для подтвержденія можно сослаться не только на коренное различіе въ организаціи и условіяхъ дѣятельности тѣхъ и другихъ учрежденій, но и на малоободряющій опытъ прежнихъ продовольственныхъ компаній, когда они должны были вести дѣло вмѣстѣ. На удовлетворительное рѣшеніе этой задачи тѣмъ менѣе основаній надѣяться, что измѣнять полномочія мѣстныхъ административныхъ органовъ по дѣламъ народнаго продовольствія, какъ мы видѣли, министерство внутреннихъ дѣлъ не предполагаетъ. Стало-быть, эти учрежденія будутъ, какъ и теперь, полными распорядителями продовольственныхъ мѣропріятій на мѣстахъ. Земству же при этомъ если и можетъ предстоять какая-либо роль, то развѣ лишь роль исполнительнаго органа, осуществляющаго на собственный рискъ мѣропріятія болѣе сложныя или болѣе хлопотливыя и потому болѣе обременительныя для мѣстной администраціи. Понятно, что нельзя ожидать живого участія земскихъ учрежденій въ дѣятельности такого рода, даже если законъ признаетъ ее обязательной для нихъ.

При сохраненіи дѣйствующаго порядка завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ на мѣстахъ такъ же, какъ при сохраненіи существующей системы накопленія продовольственныхъ запасовъ на случай неурожая,—«прочное обезпеченіе продовольственныхъ потребностей страны», на нашъ взглядъ, представляется невозможнымъ. Эта цѣль останется недостигнутой и въ томъ случаѣ, если предположенное въ близкомъ будущемъ преобразованіе сведется, какъ бывало неоднократно раньше, къ частичнымъ поправкамъ и дополненіямъ дѣйствующаго законодательства.

Офиціальное сообщеніе о совѣщаніи по продовольственному вопросу появилось въ то время, когда оно еще только приступало къ своимъ занятіямъ. Позднѣе въ печать проникали лишь отрывочныя

и неопредѣленныя свѣдѣнія о ходѣ его работъ. Затѣмъ долго о ходѣ этого важнаго дѣла ничего не было слышно. И только лѣтомъ 1903 года въ *Саратовской Земской Недѣлѣ* (№№ 6—7) появилось обстоятельное извлеченіе изъ докладной записки, поданной министру внутреннихъ дѣлъ земскими дѣятелями, участвовавшими въ совѣщаніи. Пока-что это сообщеніе остается одинокимъ. Полныя свѣдѣнія о работахъ совѣщанія и вообще о современомъ положеніи продовольственнаго вопроса, вновь ожидающаго рѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, все еще не обнародованы, такъ что и въ настоящее время приходится довольствоваться тѣмъ цѣннымъ матеріаломъ, съ которымъ познакомило публику названное земское изданіе. Конечно, отзывъ земскихъ дѣятелей, приглашенныхъ въ мартовское совѣщаніе, нельзя отожествлять съ мнѣніемъ земства по продовольственному вопросу. Авторы записки сами предпосылаютъ своему труду оговорку, что въ данномъ случаѣ они высказываютъ лишь свое «личное мнѣніе», и въ заключеніе обращаются съ просьбой, чтобы «проектъ имѣющаго быть выработаннымъ продовольственнаго устава былъ сообщенъ губернскимъ земскимъ собраніямъ», голосъ которыхъ и будетъ голосомъ земства. Тѣмъ не менѣе записка земскихъ дѣятелей, имѣвшихъ возможность высказать свой взглядъ на задачи предпринятаго пересмотра продовольственнаго устава, имѣетъ крупное общественное значеніе, главнымъ образомъ потому, что въ ней намѣчается одна изъ самыхъ существенныхъ и самыхъ неотложныхъ поправокъ въ организаціи продовольственнаго дѣла на мѣстахъ.

Сообщеніемъ о результатахъ продовольственной компаніи 1901 г. и о предстоящемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ узаконеній по продовольственной части въ числѣ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію въ ближайшемъ будущемъ, былъ поставленъ, какъ мы видѣли, вопросъ о «положеніи и обязанностяхъ земства въ области продовольственнаго дѣла». Роль земства въ этой отрасли мѣстнаго управленія, говорилось въ названномъ офиціальномъ документѣ, необходимо «точно выяснить и опредѣлить». Но эта задача представлялась министерству внутреннихъ дѣлъ въ то время, когда писался отчетъ, т.-е. въ самомъ началѣ работъ по пересмотру продовольственнаго устава, «затруднительной» потому, что самый вопросъ объ обязанностяхъ земства въ продовольственныхъ мѣропріятіяхъ «требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія и соображенія съ возложенными на крестьянскія учрежденія закономъ 12-го іюня 1900 года полномочіями, измѣнять коихъ не предполагается» Записка земскихъ дѣятелей, приглашенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ къ обсужденію вопроса о продовольственной реформѣ, представляетъ рядъ вѣскихъ сообра-

женій въ пользу пересмотра именно этой стороны дѣйствующей продовольственной организаціи. По ихъ мнѣнію, измѣненіе полномочій крестьянскихъ учрежденій необходимо потому, что продовольственное дѣло на мѣстахъ должны вѣдать земскія учрежденія, и это единственно удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о положеніи и обязанностяхъ земства въ области заботъ о народномъ продовольствіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ это единственный путь къ достиженію правильно понимаемыхъ задачъ продовольственной помощи въ неурожайные годы.

При составленіи новаго продовольственнаго устава потребуется прежде всего разрѣшить общій вопросъ о цѣли мѣропріятій на случай неурожая. Отъ рѣшенія этого принципіальнаго вопроса будетъ многое зависѣть, ибо оно является необходимой предпосылкой какъ планомѣрнаго опредѣленія формъ и размѣровъ продовольственной помощи, такъ и выбора органовъ для завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ на мѣстахъ. Исторія недавнихъ неурожайнихъ бѣдствій и борьбы съ ними, правда, дала богатый матеріалъ для правильной постановки задачъ мѣстнаго управленія въ этой отрасли его хозяйственной дѣятельности. Но нужно признать, что эти задачи все еще продолжаютъ вызывать споры, и, главное, окончально невырѣшеннымъ остается даже вопросъ объ общей цѣли продовольственныхъ мѣропріятій. Поэтому понятно, что въ запискѣ земскихъ дѣятелей, приглашенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ къ участію въ предварительныхъ работахъ по составленію проекта общаго продовольственнаго устава, прямо поставленъ вопросъ: исчерпываются ли задачи этого законодательнаго труда лишь «предупрежденіемъ случаевъ голодной смерти», или будущій уставъ долженъ дать средства и указать способы также къ «поддержанію крестьянскихъ хозяйствъ на томъ уровнѣ благосостоянія и экономической и платежной силы, на которомъ они находились до наступившаго бѣдствія». Первую задачу,— простое «подкармливаніе голодныхъ», авторы записки не считаютъ особенно затруднительной, хотя едва ли можно признать ее удовлетворительно рѣшенной въ настоящее время; вторая—гораздо сложнѣе, но,—говорятъ они,—«не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если помощь будетъ оказываться только тѣмъ изъ потерпѣвшихъ, которымъ грозитъ голодная смерть, а болѣе состоятельныя хозяйства будутъ обречены переживать кризисъ за счетъ средствъ, вырученныхъ отъ ликвидаціи нажитаго въ прежнее время имущества, то въ послѣдующій годъ, даже при среднемъ урожаѣ, имъ уже трудно будетъ подняться на прежнюю степень благосостоянія, а въ случаѣ повторнаго неурожая контингентъ лицъ, имѣющихъ право на продоволь-

ственную помощь, т. е. угрожаемыхъ голодною смертью, сдѣлается чуть ли не вдвое больше». Такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ ограниченіе продовольственнаго дѣла болѣе узкой задачей «потребуетъ громаднаго напряженія средствъ государственнаго казначейства, не говоря уже о томъ, что значительная степень пониженія платежныхъ силъ населенія должна гибельно отозваться на правильномъ удовлетвореніи всѣхъ хозяйственныхъ и иныхъ мѣропріятій, какъ земскихъ, такъ и общегосударственныхъ, обезсиливая въ то же время населеніе болѣзнями и упадкомъ трудовой энергіи».

Исходя изъ этихъ соображеній, авторы записки, поданной министру внутреннихъ дѣлъ, приходятъ къ заключенію, что «правильно поставленная цѣль продовольственныхъ мѣропріятій должна заключаться не только въ спасеніи умирающихъ съ голоду, но и въ поддержаніи ослабѣвающихъ хозяйствъ». Эта задача, конечно, не можетъ быть разрѣшена всюду по одной мѣркѣ, въ однообразныхъ формахъ и одинаковыми способами. Поэтому она требуетъ особенной осторожности въ выборѣ органовъ для завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ. Чтобы выполнить надлежащимъ образомъ свои обязанности, мѣстнымъ продовольственнымъ органамъ недостаточно обыкновенной чиновнической распорядительности. Отъ нихъ требуется нѣчто большее, — прежде всего хорошая освѣдомленность о хозяйственномъ положеніи населенія, близкое знакомство съ мѣстными условіями и особенностями хозяйственнаго быта; для нихъ нужна густая сѣть вспомогательныхъ учрежденій или сотрудниковъ на всемъ пространствѣ уѣзда и губерніи; ихъ дѣятельность должна совершаться подъ тѣмъ бдительнымъ контролемъ, который служитъ лучшимъ средствомъ къ предупрежденію и исправленію ошибокъ и дается единственно широкою гласностью.

Удовлетворяетъ ли этимъ требованіямъ современная организація завѣдыванія народнымъ продовольствіемъ на мѣстахъ? Авторы записки отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Мало того, они убѣдительно доказываютъ, что нынѣшняя постановка продовольственнаго дѣла должна быть признана вообще непригодной, какъ бы ни смотрѣть на задачи продовольственныхъ мѣропріятій. «Прежде всего,— читаемъ мы въ запискѣ,—завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ требуетъ присутствія на мѣстѣ постояннаго органа, снабженнаго достаточной хозяйственной организаціей для веденія этого дѣла во всемъ его объемѣ, не исключая отчетности». Въ дѣйствительности однако при новомъ порядкѣ, созданномъ правилами 12-го іюня 1900 года, подобнаго учрежденія на мѣстахъ вовсе не оказывается. Существующіе уѣздные съѣзды назначенію этому удовлетворять не могутъ,

такъ какъ съѣздъ не есть постоянный органъ управленія и собирается только одинъ разъ въ мѣсяцъ. Назначенный съѣздомъ для распоряженія продовольственнымъ дѣломъ въ уѣздѣ, земскій начальникъ въ силу возложенной на него обязанности долженъ постоянно разъѣзжать по уѣзду и кромѣ того обремененъ прямыми обязанностями по завѣдываемому имъ земскому участку». Немудрено, что вслѣдствіе этого «главными данными опредѣленія нужды являются свѣдѣнія, представляемыя волостными правленіями и остающіяся въ большинствѣ случаевъ непровѣренными». Въ такомъ по истинѣ безпризорномъ положеніи, по свидѣтельству мѣстныхъ людей, спрошенныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, находится въ настоящее время продовольственное дѣло въ уѣздахъ. Правда, въ уѣздѣ есть еще одна инстанція, привлеченная къ завѣдыванію народнымъ продовольствіемъ,— уѣздный предводитель дворянства. Авторы записки однако замѣчаютъ, что «хотя во время борьбы съ голодомъ предводители дворянства могутъ явиться объединяющимъ элементомъ для учрежденій, вѣдающихъ дѣло», но все же отъ этихъ лицъ, обремененныхъ массою разнородныхъ дѣлъ, «немыслимо требовать исключительнаго вниманія къ данному дѣлу и всесторонняго знакомства съ нимъ». Словомъ, въ уѣздѣ продовольственное дѣло остается, такъ сказать, безъ хозяина, безъ руководящаго и хорошо освѣдомленнаго центра. Вдобавокъ, по выраженію авторовъ записки, трудно ожидать, чтобы «какіе-либо обоснованные коррективы въ уѣздную дѣятельность по продовольственному дѣлу» могло внести губернское присутствіе,—высшая мѣстная инстанція, которая «уже совсѣмъ далеко отстоитъ отъ мѣста нужды»...

Завѣдываніе народнымъ продовольствіемъ на мѣстахъ, особенно если имѣть въ виду, что цѣлью продовольственныхъ мѣропріятій должно быть «не только спасеніе умирающихъ съ голоду, но и поддержаніе ослабѣвающихъ хозяйствъ», необходимо передать въ другія руки. Съ этимъ дѣломъ во всемъ его объемѣ могутъ справиться, по справедливому мнѣнію авторовъ записки, единственно земскія учрежденія. Они «лучше другихъ освѣдомлены объ истинномъ положеніи населенія и его имущественной состоятельности». Имѣя постоянные исполнительные органы въ центрѣ уѣздовъ и губерній, они и въ настоящее время располагаютъ «достаточной хозяйственной организаціей» на всей мѣстной территоріи, а, главное, они могутъ разсчитывать на общественное содѣйствіе, ничѣмъ незамѣнимое при выполненіи продовольственныхъ мѣропріятій; наконецъ, если у насъ есть учрежденіе, дѣйствія котораго находятся подъ контролемъ гласности, такъ это именно земство. Но, конечно, и оно можетъ достиг-

нуть удовлетворительныхъ результатовъ въ продовольственномъ дѣлѣ лишь при соблюденіи извѣстныхъ условій. Главнѣйшее изъ требованій, которымъ должна удовлетворять новая организація продовольственнаго дѣла, земскіе дѣятели, представившіе записку министру внутреннихъ дѣлъ, формулировали такъ: будущій продовольственный уставъ долженъ «содержать въ себѣ только главныя положенія и основанія продовольственнаго дѣла во всей Россіи, не касаясь частностей, вытекающихъ изъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, опредѣленіе и регламентація коихъ должны быть отнесены къ компетенціи губернскихъ собраній». Иначе говоря, мѣстной самодѣятельности въ дѣлѣ народнаго продовольствія на случай неурожаевъ необходимо открыть широкій просторъ. Законъ долженъ установить лишь общія нормы для дѣятельности земскихъ учрежденій и обезпечить имъ въ надлежащихъ случаяхъ достаточную и своевременную матеріальную поддержку изъ общихъ средствъ государства.

XII.

Крестьянскій банкъ.

Неблагопріятныя условія пореформеннаго крестьянскаго хозяйства вызвали переселенческое движеніе. Переселеніе, т. е. ликвидація всѣхъ счетовъ на родинѣ и попытка устроиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, конечно, является послѣднимъ средствомъ, къ которому прибѣгаютъ крестьяне, убѣдившись въ невозможности найти другой выходъ изъ своихъ хозяйственныхъ затрудненій. Обыкновенно этому шагу предшествуютъ старанія увеличить свой надѣлъ прикупкою земли на родинѣ у частныхъ владѣльцевъ. Мы знаемъ, что для достиженія этой цѣли крестьяне, нуждающіеся въ землѣ, не останавливаются ни передъ какими трудностями. Давно общепризнана по этой причинѣ необходимость государственнаго содѣйствія сельскому населенію въ дѣлѣ пріобрѣтенія земли покупкой. Крестьянскій банкъ дѣйствуетъ у насъ съ 1883 г., но какъ мало онъ сдѣлалъ въ теченіе большей части этого двадцатилѣтія, до преобразованія 1895 г., можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ.

До пребразованія содѣйствіе банка крестьянамъ могло проявляться единственно въ формѣ выдачи ссудъ на покупку земли, приторгованной самими заемщиками. Общій результатъ этой операціи за тринадцать лѣтъ по 1-е января 1896 года выразился въ выдачѣ 82 милл. руб. для пріобрѣтенія крестьянами 2.411 тыс. десятинъ земли въ 54 губерніяхъ. На первый взглядъ такое приращеніе крестьянскаго зе-

мельнаго фонда можетъ показаться значительнымъ. Но если сравнить его съ надѣльнымъ землевладѣніемъ крестьянъ,—это капля въ морѣ. Въ предѣлахъ Европейской Россіи, безъ Царства Польскаго, крестьянскій надѣлъ занимаетъ слишкомъ 109 милл. дес., что не мѣшаетъ, однако, населенію быть далеко необезпеченнымъ въ земельномъ отношеніи. Крестьяне вынуждены въ широкихъ размѣрахъ арендовать землю у частныхъ землевладѣльцевъ и у казны. Площадь этихъ арендъ точно не можетъ быть опредѣлена, но главнѣйшее значеніе въ качествѣ аренднаго фонда несомнѣнно принадлежитъ частновладѣльческимъ землямъ. Казна сдаетъ крестьянамъ въ предѣлахъ Европейской Россіи значительно меньше, чѣмъ землевладѣльцы, и тѣмъ не менѣе даже площадь казенной земли, могущей служить добавочнымъ обезпеченіемъ крестьянъ, много превосходитъ купленную ими съ помощью крестьянскаго банка за все время его существованія. По счету министерства земледѣлія за 1897—98 годъ, земельныя оброчныя статьи въ губерніяхъ Европейской Россіи занимаютъ 3,9 милл. дес. Если бы крестьянскій банкъ продолжалъ свою дѣятельность въ прежнемъ масштабѣ, то ему пришлось бы, пожалуй, поработать еще лѣтъ десять, чтобы расширить крестьянское землевладѣленіе хотя бы настолько, насколько въ настоящее время земельное обезпеченіе крестьянъ можетъ быть увеличиваемо путемъ сдачи имъ въ аренду казенной земли.

Если невелики общіе результаты дѣятельности крестьянскаго банка, то мѣстами онъ и вовсе бездѣйствовалъ. Изъ 436 уѣздовъ, входящихъ въ составъ 42 губерній Европейской Россіи, на которыя была распространена дѣятельность банка, 52 уѣзда, или 11,9%, не воспользовались ни разу за 13 лѣтъ его кредитомъ. Если взять данныя по цѣлымъ губерніямъ, то окажется, что лишь въ двухъ изъ нихъ, Могилевской и Уфимской, на ссуды изъ крестьянскаго банка въ теченіе тринадцати лѣтъ пріобрѣтено крестьянами по 200 тыс. дес. Кромѣ этихъ двухъ губерній, насчитывается еще пять (Смоленская, Екатеринославская, Новгородская, Минская и Полтавская), въ каждой изъ которыхъ куплено не менѣе 100 тыс. десятинъ. Въ громадномъ большинствѣ остальныхъ покупки съ помощью крестьянскаго банка были весьма немногочисленны и незначительны по результатамъ. Отчетъ называетъ 15 губерній, въ каждой изъ которыхъ пріобрѣтено не болѣе 10—25 тыс. дес., и 12 такихъ, гдѣ куплено менѣе 10 тыс. дес. Въ общемъ на эти 27 губерній приходится лишь девятая часть всей площади, на которую крестьянскій банкъ увеличилъ крестьянское землевладѣніе. Изъ остальныхъ восьми девятыхъ большая часть досталась на долю семи названныхъ губерній.

Не слѣдуетъ думать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ операціи

крестьянскаго банка слабо развиты, предложеніе земли невелико или хотя бы менѣе значительно, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, пользовавшихся бо́льшимъ содѣйствіемъ банка. Это предположеніе можетъ быть опровергнуто фактически. Къ отчету дворянскаго банка за 1896 годъ приложены интересныя свѣдѣнія о движеніи дворянской земельной собственности съ 1861 года по 1897 годъ. Изъ этой работы, между прочимъ, видно, что въ 36 губерніяхъ Европейской Россіи (изъ числа тѣхъ 42, на которыя распространено дѣйствіе крестьянскаго банка) въ теченіе 1883—95 гг. дворянское землевладѣніе сократилось на $7^1/_2$ милл. дес. Въ дѣйствительности, конечно, въ данное время на рынокъ поступило еще больше дворянской земли, потому что нѣкоторая часть ея была отчуждена въ дворянскія же руки, а въ отчетѣ указано лишь то количество дворянской земли, которое перешло къ не-дворянамъ. Но покупки крестьянъ съ помощью крестьянскаго банка въ теченіе означеннаго періода составили въ тѣхъ же 36 губерніяхъ всего 2 милл. дес. Иначе говоря, съ содѣйствіемъ банка куплена только четвертая часть утраченной дворянами земельной площади. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ участіе крестьянскаго банка было и того скромнѣе. Такъ, къ числу 12 губерній, въ каждой изъ которыхъ заемщики банка владѣютъ менѣе, чѣмъ 10.000 дес., принадлежитъ Казанская. Въ ней на ссуды изъ крестьянскаго банка пріобрѣтено всего 9,4 тыс. дес. Между тѣмъ за время 1883—95 гг. въ этой губерніи дворянское землевладѣніе сократилось на 51.000 дес. Слѣдовательно, здѣсь не было недостатка въ предложеніи земли, но банкъ все-таки бездѣйствовалъ. Въ Московской губ., занимающей одно изъ послѣднихъ мѣстъ по количеству купленной съ помощью крестьянскаго банка земли (7.000 дес.), убыль дворянскаго землевладѣнія за 1886—95 гг. составляетъ 67.000 дес., т. е. почти въ десять разъ больше, чѣмъ пріобрѣтенія крестьянъ при посредствѣ банка. Во Владимірской губ. на 2.000 дес. земли, купленной на ссуды крестьянскаго банка, приходится 215.000 дес. дворянской земли, проданной въ недворянскія руки и т. д. Любопытно, что и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьянскій банкъ велъ болѣе значительныя операціи, по крайней мѣрѣ, во многихъ изъ нихъ, купленная съ его помощью земля составляетъ лишь незначительный процентъ къ общей площади, вышедшей изъ владѣнія дворянъ. Въ Екатеринославской губ., напр., съ 1883 г. по 1896 г. дворянское землевладѣніе сократилось на 965.000 дес., крестьянами же куплено при содѣйствіи крестьянскаго банка 166.000 дес., или 17%; въ Новгородской губ. на 1.050 т. дес. убыли дворянской земли приходится 149.000 дес., купленныхъ на ссуду крестьянскаго банка, или 14%;

въ Полтавской губ. убыль дворянскаго землевладѣнія равняется 501.000 дес., а пріобрѣтенія заемщиковъ крестьянскаго банка 107.000 дес., т. е. 21%; въ Тверской на 483.000 дес. первой категоріи насчитывается всего 85.000 дес., подъ которыя выданы ссуды крестьянскимъ банкомъ, или 17%, и т. д. Словомъ, въ большинствѣ губерній (21 изъ 36), о которыхъ имѣются свѣдѣнія этого рода, крестьянскій банкъ пріобрѣлъ для своихъ кліентовъ даже меньше четвертой части того количества, которое ушло изъ дворянскихъ рукъ. Притомъ во многихъ губерніяхъ покупки съ помощью банка составляли прямо ничтожную долю земельной площади, поступившей за 13 лѣтъ на рынокъ.

Слабое развитіе операцій крестьянскаго банка, конечно, не можетъ быть объяснено незначительностью спроса на землю со стороны крестьянъ. Напротивъ, въ отчетѣ приведено немало фактовъ, свидѣтельствующихъ, что спросъ этотъ очень великъ. Но въ виду малодѣятельности банка населеніе стремилось найти средства на покупку земли гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ и изыскивало съ этою цѣлью разные «способы» обходиться безъ помощи крестьянскаго банка. Ссылаясь на «Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи» А. Е. Рейнбота, составители отчета крестьянскаго банка за 1896 годъ указываютъ, что въ 1893 году сельскими обывателями разныхъ наименованій, за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, купившихъ участки болѣе 50 дес., пріобрѣтено въ 42 губерніяхъ, по 8.541 сдѣлкѣ, 630.868 дес. на 30.117.475 рублей. Кромѣ того, разносословными группами, съ участіемъ крестьянъ, по 895 сдѣлкамъ, куплено 96.494 дес земли за 5.782.627 руб. Въ томъ же году крестьянскимъ банкомъ по тѣмъ же 42 губерніямъ выдано 1.298 ссудъ для покупки всего лишь 142.678 дес. на сумму 6.028.602 рублей. Это краснорѣчивое сопоставленіе относится къ одному году. Но нѣтъ никакихъ основаній считать 1893 годъ исключительнымъ. Во всякомъ случаѣ собранный крестьянскимъ банкомъ матеріалъ по вопросу о способахъ, къ которымъ крестьяне прибѣгаютъ для покупки земли помимо банка, указываетъ на широкое развитіе этихъ операцій.

Наиболѣе извѣстный изъ источниковъ, къ которымъ крестьяне обращаются за ссудами на покупку земли,—это земскіе капиталы, образованные въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще до учрежденія крестьянскаго банка. Земскія попытки организаціи поземельнаго кредита для крестьянъ не успѣли получить сколько-нибудь широкаго развитія къ тому времени, когда былъ открытъ этотъ банкъ. Полагая, что при существованіи государственнаго учрежденія, созданнаго спеціально съ цѣлью содѣйствія земельнымъ пріобрѣтеніямъ крестьянъ, мате-

ріальное участіе земства въ этомъ дѣлѣ представляется излишнимъ, большинство земскихъ собраній рѣшило въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ прекратить выдачу ссудъ изъ своихъ капиталовъ, которые къ тому же были незначительны. Лишь въ немногихъ губерніяхъ операція эта продолжалась, нерѣдко съ перерывами, и послѣ учрежденія крестьянскаго банка. Мысль о возобновленіи ея стала возникать въ земскихъ собраніяхъ сравнительно недавно, когда выяснились крупные недочеты въ организаціи и дѣятельности крестьянскаго банка, и послѣ того, какъ рядъ земскихъ ходатайствъ объ измѣненіи его устава былъ оставленъ безъ отвѣта. Интересно, однако, что какъ ни скромны были операціи земствъ по содѣйствію крестьянамъ въ покупкѣ земли, все-таки ихъ дѣятельность въ нѣкоторыхъ губерніяхъ лишь немного уступаетъ дѣятельности крестьянскаго банка. Такъ, въ Московской губ. ссуды выдавались, начиная съ 1881 года. Въ 1886 году операція прекратилась въ виду открытія въ Московской губерніи отдѣленія крестьянскаго банка, и только въ 1895—96 гг., послѣ безуспѣшныхъ ходатайствъ, московское земство возобновило выдачу ссудъ. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ этой болѣе чѣмъ скромной дѣятельности явилось пріобрѣтеніе на земскія ссуды 21 сельскимъ обществомъ 2.500 дес. Крестьянскій банкъ за все время своего существованія увеличилъ земельныя владѣнія московскихъ крестьянъ на 7.000 дес. Если принять во вниманіе, что московское земство оперировало съ капиталомъ въ 50.000 руб., а средства банка считаются милліонами, то сравненіе едва ли выйдетъ въ пользу банка. Въ Тверской губ. съ помощью крестьянскаго банка крестьяне пріобрѣли 85.000 дес., съ содѣйствіемъ же земства—33.000 дес. Въ Ярославской только за два года земскаго содѣйствія крестьяне купили 12.000 дес., тогда какъ за 13 лѣтъ существованія крестьянскаго банка его помощь была оказана только для пріобрѣтенія 10.000 дес.

Къ кредиту изъ земскихъ средствъ, какъ и къ позаимствованію изъ мірскихъ капиталовъ или волостныхъ кассъ, крестьяне все-таки прибѣгаютъ не часто. Болѣе значительную роль играютъ ссуды изъ частныхъ земельныхъ банковъ. «Еще въ началѣ текущаго десятилѣтія,—читаемъ мы въ названномъ отчетѣ,—было замѣчено, что, благодаря конкурирующей съ крестьянскимъ банкомъ дѣятельности частныхъ земельныхъ банковъ, во многихъ мѣстностяхъ въ руки крестьянъ переходитъ при участіи сихъ банковъ количество земли, въ нѣсколько разъ превышающее размѣры пріобрѣтеній, совершаемыхъ при содѣйствіи крестьянскаго банка. И теперь (во второй половинѣ 90-хъ годовъ) нѣкоторыя отдѣленія указываютъ на довольно широкое пользованіе крестьянами кредитомъ въ частныхъ банкахъ. Такъ, по

словамъ виленско-ковенскаго отдѣленія, въ губерніяхъ, входящихъ въ районъ его дѣйствій, покупка земли безъ содѣйствія крестьянскаго банка развита въ широкихъ размѣрахъ и совершается, главнымъ образомъ, съ содѣйствія виленскаго и с.-петербургско-тульскаго земельныхъ банковъ. Наиболѣе распространенный способъ— распродажа состоящихъ въ залогѣ банка имѣній по частямъ (парцеляція) съ переводомъ на крестьянъ-покупщиковъ долга; менѣе распространена, хотя все-таки встрѣчается нерѣдко, прикупка земли съ залогомъ ранѣе пріобрѣтенной. Въ Минской губ. случаи покупки крестьянами земель при содѣйствіи виленскаго и московскаго банковъ сравнительно часты и, въ общемъ, операція сія довольно развита, а въ Псковской изъ числа учрежденій, оказывающихъ населенію кредитъ подъ закладываемыя земли, первое мѣсто по своему значенію занимаютъ виленскій и с.-петербургскій земельные банки. Въ Екатеринославской и Таврической, одновременно съ ослабленіемъ въ послѣдніе годы дѣятельности крестьянскаго банка, покупки крестьянами частновладѣльческихъ земель продолжались и даже усиливались сравнительно съ 80-ми годами и совершались съ помощью банковъ харьковскаго и херсонскаго въ первой и бессарабско-таврическаго во второй. Совершаемыя при содѣйствіи этихъ банковъ сдѣлки представляли для покупщиковъ ту выгоду, что они, при меньшихъ формальностяхъ, получали большія ссуды и уплачивали болѣе низкіе проценты». Къ сожалѣнію, крестьянскому банку не удалось привести въ точную извѣстность размѣръ содѣйствія, оказываемаго крестьянамъ частными земельными банками. На запросъ объ этомъ московскій земельный банкъ, наприм., отвѣтилъ, что онъ, «выдавая ссуды, какъ отдѣльнымъ лицамъ крестьянскаго сословія, такъ и обществамъ, или товариществамъ, не можетъ указать на истинныя цѣли залога и бытовую сторону означенныхъ операцій».

На покупку земли крестьяне занимаютъ деньги и въ учрежденіяхъ краткосрочнаго кредита. Такъ, въ Черниговской губерніи крестьяне, казаки и мѣщане пользуются ссудами изъ городскихъ общественныхъ банковъ. Въ 1896 году черниговскимъ банкомъ выдано 300.000 руб., глуховскимъ—50.000, нѣжинскимъ—40.000, подъ личныя обязательства иногда съ представленіемъ крѣпостныхъ документовъ на землю; кролевецкій банкъ ссудилъ въ томъ же году подъ залогъ купленныхъ земель и съ переводомъ долга на пріобрѣтателя заложенной земли 24.000 руб. Въ общей сложности этими четырьмя банками выдано сельскому населенію на покупку земли больше, чѣмъ крестьянскимъ банкомъ, который въ 1896 г. ссудилъ крестьянамъ Черниговской губ. лишь 190.000 рублей.

Подобныя же операціи ведутся городскими общественными банками въ Орловской, Тульской и Харьковской губ. Дѣятельность псковскихъ обществъ взаимнаго кредита еще виднѣе. По словамъ псковскаго отдѣленія крестьянскаго банка, въ этой губерніи операціи послѣдняго «составили лишь незначительную часть операцій мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій». Въ томъ же направленіи, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, дѣйствуютъ общества взаимнаго кредита въ Донской обл. и въ губ. Орловской и Пензенской.

Однако, не вездѣ крестьяне могутъ пользоваться услугами различныхъ кредитныхъ установленій. Поэтому въ нѣкоторыхъ губерніяхъ получили широкое распространеніе покупка въ разсрочку или частные займы для покупки земли, конечно, на тяжелыхъ, нерѣдко ростовщическихъ условіяхъ. Свѣдѣнія, собранныя крестьянскимъ банкомъ объ этомъ способѣ пріобрѣтенія сельскими обывателями земли, очень интересны. «Въ Новгородской губерніи, — читаемъ мы въ отчетѣ,—покупка въ разсрочку производилась въ обширныхъ размѣрахъ. Въ одномъ Череповецкомъ уѣздѣ, по сообщенію мѣстной уѣздной управы, съ 1885 по 1889 г. пріобрѣтено крестьянами безъ содѣйствія банка около 20.000 дес. и съ 1890 по 1896 г. — 31.323 дес. (при содѣйствіи банка куплено въ первый періодъ 293 дес., во второй— 814 дес.). Широко распространенный въ уѣздѣ частный кредитъ вылился въ двѣ формы — разсрочки продажной цѣны, при продажѣ болѣе или менѣе состоятельными продавцами, и покупки цѣлыхъ имѣній отдѣльными крестьянами, обыкновенно изъ торгующихъ, для распродажи. Въ первомъ случаѣ разсрочка дѣлается обыкновенно на 2 года, съ уплатою въ три срока, рѣже на три года съ уплатою въ 4 срока. При этомъ дѣлается извѣстная прибавка къ продажной цѣнѣ, доходящая до 30%. При распродажѣ скупщиками прибавка составляетъ 30—50%, доходя въ исключительныхъ случаяхъ до 100%. Для взноса разсроченныхъ платежей крестьяне прибѣгаютъ къ продажѣ инвентаря, построекъ, кормовъ... Въ Воронежской губ. покупки въ разсрочку встрѣчаются часто; въ Черниговской, по сообщенію 7 нотаріусовъ (изъ 37), пріобрѣтено при помощи частныхъ займовъ или отсрочекъ въ 1894 г. — 1.023 дес. на 30,805 руб., въ 1895 г.— 355 дес. на 17.975 руб., въ 1896 г.—2,200 дес. на 11.826 руб.; пять нотаріусовъ заявляютъ, что въ ихъ практикѣ бывали такія покупки, но не указываютъ числа ихъ, причемъ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ говоритъ: «по общему впечатлѣнію могу сказать, что, вѣроятно, не менѣе 90% всѣхъ покупокъ совершается не на личныя деньги, а съ позаимствованіями ихъ или у частныхъ лицъ, чаще всего у самихъ продавцовъ, или въ кредитныхъ учрежденіяхъ подъ обезпеченіе по-

купаемой земли, чаще подъ личныя обязательства; но случаи эти не зарегистрированы и никакихъ свѣдѣній собрать объ этомъ невозможно»... Въ Казанской губерніи изъ 38 покупокъ, совершонныхъ въ 1896 году, по двумъ часть продажной цѣны (3.400 изъ 4.100 руб.) отсрочены подъ закладныя и 36 (579 дес. на 34.895 руб.) совершены безъ долговъ, обезпеченныхъ запрещеніями, но по нѣкоторымъ выданы продавцамъ заемныя письма... Въ Курской губ., какъ видно изъ отзывовъ нотаріусовъ, при невозможности для крестьянъ расплатиться полностью за земли, пріобрѣтаемыя безъ содѣйствія крестьянскаго банка, бываютъ случаи как ъ разсрочекъ недоплаченныхъ суммъ подъ заемныя письма, срочныя или до востребованія, такъ и займа у третьихъ лицъ, подъ личныя долговыя обязательства изъ 10—12%. Въ Смоленской губ. встрѣчаются покупки съ разсрочкою платежа на срокъ до 10 лѣтъ подъ отработки, или по векселямъ и закладнымъ съ уплатою 5, 10 и даже 12% годовыхъ на остающуюся въ долгу сумму. Отработки, какъ способъ уплаты части покупной цѣны, встрѣчаются и въ Калужской губ.; по словамъ одного изъ земскихъ начальниковъ Жиздринскаго уѣзда, въ сдѣлкахъ, бывшихъ во ввѣренномъ ему участкѣ, крестьяне недостающую при покупкѣ сумму пополняютъ работами у лица, продавшаго землю. То же встрѣчается, по словамъ мѣстнаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, Могилевской губ. Въ Екатеринославской и Таврической губ. наиболѣе употребительной формой разсрочки продажныхъ цѣнъ является выдача покупателями закладной на пріобрѣтенную землю, съ уплатою денегъ опредѣленными ежегодными взносами или же полностію по истеченіи срока закладной; по такимъ закладнымъ взимаются проценты отъ 8 до 12 годовыхъ и очень часто совершаются при этомъ неустоичныя записи. Въ Витебской губ. крестьяне при покупкѣ земли безъ содѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка весьма часто прибѣгаютъ къ займамъ у третьихъ лицъ по векселямъ. Такіе займы, изъ 15—20% и болѣе, весьма тяжелы для крестьянъ»...

Естественно, что, въ виду многочисленности сдѣлокъ, совершаемыхъ помимо крестьянскаго банка, у администраціи его возникъ вопросъ: почему во многихъ случаяхъ, когда, казалось бы, ссуда могла быть получена и изъ банка, къ нему не обращались съ просьбами о помощи? Нѣкоторыя отдѣленія, будучи спрошены объ этомъ, отвѣтили, что причина добровольнаго отказа крестьянъ отъ содѣйствія крестьянскаго банка заключается «частію въ сложности и медленности производства по испрошенію ссуды изъ банка, частію же въ томъ, что среди крестьянъ недостаточно распространены свѣдѣнія объ опе-

раціяхъ банка. Въ Черниговской губерніи, по словамъ отдѣленія, есть мѣстности, въ которыхъ сельское населеніе не знаетъ о существованіи банка, что объясняется не только низкимъ уровнемъ общественнаго развитія такихъ мѣстностей и незначительностью операцій банка, но также тѣмъ, что черниговское отдѣленіе никогда не дѣлало публикацій о банкѣ. Въ Казанской губерніи тоже существуютъ цѣлые районы, въ которыхъ крестьянамъ неизвѣстно о существованіи банка. На то же обстоятельство указываетъ ранненбургскій, Рязанской губерніи, уѣздный съѣздъ, по словамъ котораго, крестьяне не обращаются къ содѣйствію банка, между прочимъ, вслѣдствіе незнакомства съ его правилами о выдачѣ ссуды. Въ Новгородской губерніи, особенно въ восточныхъ ея уѣздахъ, населеніе почти совсѣмъ незнакомо съ операціями банка». Признаться, болѣе обиднаго для себя открытія крестьянскій банкъ не могъ сдѣлать, обозрѣвая свою тринадцатилѣтнюю дѣятельность при старомъ уставѣ. Нужно было особенное искусство въ веденіи дѣла, чтобы остаться неизвѣстнымъ въ той самой средѣ, для которой учрежденъ банкъ, и бездѣйствовать, когда кругомъ населеніе напрягаетъ всѣ свои силы и пускаетъ въ ходъ всевозможные способы, чтобы раздобыть денегъ на покупку земли. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что, наприм., въ Черниговской губ., гдѣ крестьяне такъ плохо знаютъ о существованіи крестьянскаго банка, они отлично находятъ дорогу къ городскимъ общественнымъ банкамъ? Послѣ введенія новаго устава, рѣшили публиковать о существованіи банка. Раньше отдѣленіе, очевидно, ограничивалось публикаціями, на точномъ основаніи дѣйствующихъ правилъ, о продажѣ съ торговъ имѣній неисправныхъ заемщиковъ... Какъ бы, однако, вѣра въ спасительность публикацій не разбилась въ близкомъ будущемъ все о тотъ же «низкій уровень общественнаго развитія» и, вѣроятно, грамотности черниговскихъ крестьянъ? Придется, пожалуй, поискать и другихъ способовъ для того, чтобы имя крестьянскаго банка сдѣлалось въ Черниговской губерніи болѣе популярнымъ.

Не всѣ, однако, и не вездѣ были такъ плохо освѣдомлены о существованіи банка и объ условіяхъ полученія изъ него ссуды. Многіе изъ крестьянъ, прибѣгавшихъ къ кредиту на покупку земли изъ разныхъ источниковъ, знали кое-что о дѣятельности крестьянскаго банка и, если не обращались къ нему, то именно потому, что знали... Въ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія отвѣты нѣкоторыхъ отдѣленій банка на заданный имъ совѣтомъ его вопросъ: «Значеніе новаго устава, по мнѣнію отдѣленій, заключается въ томъ, что имъ устранены многія правила положенія 1882 года, которыя препятствовали развитію покупокъ съ содѣйствіемъ банка. Недостаточность устано-

вленныхъ размѣровъ ссуды на домохозяина и на душу, несоотвѣтствіе нормальныхъ оцѣнокъ земель ихъ дѣйствительной стоимости въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, значительные размѣры доплаты изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ, которыми обусловливалось разрѣшеніе ссудъ, — все это ослабляло дѣятельность отдѣленій. Низкія нормальныя оцѣнки въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической, составляющія 30—50% дѣйствительно существующихъ цѣнъ на землю, въ связи съ требованіемъ большихъ доплатъ отъ покупщиковъ,—говорило въ 1896 году екатеринославское отдѣленіе,—почти прекратили дѣятельность крестьянскаго банка въ этомъ районѣ: въ Таврической губерніи за послѣднія 5 лѣтъ не было ни одной сдѣлки, по Екатеринославской ихъ было очень мало, да и бывшія сдѣлки на половину состояли изъ продажи самимъ банкомъ земель, оставшихся за нимъ по безуспѣшности торговъ, несмотря на то, что покупки крестьянами земли въ этихъ губерніяхъ продолжались и даже усиливались сравнительно съ восьмидесятыми годами».

Очевидно, что передъ преобразованіемъ крестьянскій банкъ не могъ смотрѣть на свое прошлое съ чувствомъ удовлетворенія. Онъ сдѣлалъ слишкомъ мало, и самая реформа 27 ноября 1895 года имѣла за себя сильнѣйшій доводъ именно въ этой скудости результатовъ тринадцатилѣтняго существованія крестьянскаго банка. Но чѣмъ скромнѣе были его операціи до преобразованія, тѣмъ рѣзче должно бы обнаружиться оживленіе ихъ при новыхъ условіяхъ, послѣ того, какъ устранены многіе важные недостатки въ законѣ, нормирующемъ дѣятельность банка.

Послѣ преобразованія операціи крестьянскаго банка возросли. Въ теченіе перваго пятилѣтія съ его содѣйствіемъ крестьяне пріобрѣли въ 58 губерніяхъ покупкою у землевладѣльцевъ 2689953 дес. земли, т.-е. нѣсколько больше, чѣмъ въ теченіе первыхъ тринадцати лѣтъ существованія банка. Но при этомъ нѣкоторыя отрицательныя черты его прежней дѣятельности пережили реформу 1895 года. Прежде всего вопросъ о доплатахъ къ банковой ссудѣ изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ не утратилъ и въ настоящее время своего значенія.

Выше были приведены отзывы отдѣленій банка о неблагопріятномъ вліяніи на его дѣятельность значительныхъ доплатъ. При старомъ уставѣ мѣстами, гдѣ въ доплату къ ссудѣ требовалась половина или треть покупной цѣны, дѣятельность банка совсѣмъ было прекратилась. Но и по сдѣлкамъ, совершоннымъ въ 1896 году, вслѣдъ за преобразованіемъ крестьянскаго банка, средній размѣръ доплатъ опредѣлился въ 28,7%, т.-е. близко къ тому, при которомъ самое

совершеніе сдѣлокъ при посредствѣ банка дѣлается нерѣдко невозможнымъ. Правда, въ среднемъ за 1896 г. все-таки доплаты были значительно ниже, чѣмъ въ четыре предыдущіе года, когда онѣ колебались между 31,3—37,2% покупной цѣны. Но это плохое утѣшеніе, тѣмъ болѣе, что временами и при прежнемъ уставѣ, даже въ годы, когда банкъ не обнаруживалъ большой склонности къ расширенію операцій, доплаты требовались въ томъ же размѣрѣ, какъ и послѣ преобразованія: такъ въ 1891 г. онѣ составляли 29,1% покупной цѣны, въ 1890 г.—26,9%. Въ первый же годъ по учрежденіи крестьянскаго банка заемщикамъ его приходилось приплачивать не болѣе 15—17%, въ 1883 году — даже менѣе 10% въ среднемъ для всѣхъ сдѣлокъ. Дѣло пошло лучше въ 1897 году, когда средній размѣръ доплатъ понизился до 18%, но въ послѣдующіе годы замѣчается новое послѣдовательное повышеніе ихъ: въ 1896—19%, въ 1899—20%, въ 1900—21%. Другая характерная и для пореформенной дѣятельности банка черта—поощреніе товарищескихъ покупокъ: въ этомъ направленіи крестьянскій банкъ послѣ 1896 года шелъ, пожалуй, даже рѣшительнѣе, нежели до реформы. Въ самомъ дѣлѣ, товарищества пріобрѣли за 5 лѣтъ въ $1^1/_2$ раза больше земли, чѣмъ въ предшествующія 13 лѣтъ (2 милл. дес. противъ 1,4 милл.); общественныя же покупки за тѣ же пять лѣтъ не составляютъ и двухъ третей (63%) пріобрѣтенія предшествующаго тринадцатилѣтія (590 тыс. дес. противъ 950 тыс.). Въ первомъ періодѣ на долю товариществъ приходилось безъ малаго три пятыхъ земельной площади, купленой крестьянами при содѣйствіи банка, а во второмъ — около четырехъ пятыхъ. Значеніе этого факта и въ частности вліяніе доплатъ на развитіе товарищескихъ покупокъ было выяснено еще въ началѣ новаго періода дѣятельности крестьянскаго банка. Въ отчетѣ его за 1896 годъ, между прочимъ, мы читаемъ: «Ближайшимъ поводомъ къ выдѣленію изъ обществъ болѣе состоятельныхъ группъ для покупки земли товариществами служитъ необходимость затраты при покупкѣ наличныхъ собственныхъ средствъ (такъ называемой доплаты), которыми не всѣ члены обществъ обладаютъ. Въ Пермской губ., по словамъ мѣстнаго отдѣленія, существующія въ настоящее время цѣны на земли значительно выше ссудъ, которыя могъ выдавать банкъ по нормальнымъ оцѣнкамъ, увеличеннымъ на 50%; поэтому со стороны покупщиковъ требовались весьма часто значительныя доплаты изъ собственныхъ средствъ, что и вызывало необходимость набирать желающихъ изъ числа крестьянъ болѣе зажиточныхъ. Въ Смоленской губ. въ составъ товариществъ входятъ лица, болѣе или менѣе состоятельныя, могущія нести, при установившейся дорогой цѣнѣ на

земли, и большую долю затратъ на покупку. Въ Рязанской губ. требованіе доплатъ отъ крестьянъ - покупщиковъ вызываетъ съ ихъ стороны стремленіе образовать изъ своей среды такой составъ заемщиковъ, который былъ бы въ силахъ собрать необходимую для доплаты сумму. Понятно, что общество, состоящее всегда изъ сильныхъ и слабыхъ членовъ, не можетъ явиться такимъ составомъ: сильные не захотятъ платить за слабыхъ и не могущихъ ничего дать, и непремѣнно выдѣлятся отъ нихъ. На доплаты, какъ причину товарищескихъ покупокъ, указываютъ также отдѣленія курское и калужское».

Товарищества, по словамъ мѣстныхъ органовъ крестьянскаго банка, стремятся «къ образованію союзовъ, болѣе однородныхъ и равносильныхъ по состоятельности». Но эта однородность состава должна быть понимаема лишь въ смыслѣ установленія извѣстнаго минимума состоятельности, ниже котораго товарищъ по покупкѣ не долженъ опускаться, а если опустится, то, какъ объясняетъ, наприм., воронежское отдѣленіе, замѣняется болѣе надежнымъ. Поэтому и самый размѣръ участія членовъ товарищества въ пользованіи купленной землей неодинаковъ: одни получаютъ большія доли, другіе довольствуются меньшими.

Въ отчетѣ за 1896 годъ крестьянскимъ банкомъ сдѣлана интересная попытка выяснить вліяніе двухъ факторовъ на распредѣленіе товарищеской земли — размѣра землевладѣнія покупщиковъ въ моментъ покупки и ихъ имущественной состоятельности, поскольку она выражается въ количествѣ крупнаго рабочаго и молочнаго скота. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этого изслѣдованія и приведемъ здѣсь только главные выводы изъ него. Изученію подверглись товарищества, совершившія свои сдѣлки въ 1896 году въ 23 губерніяхъ. Въ этихъ покупкахъ участвовало 10.695 домохозяевъ съ 35.000 наличныхъ душъ мужского пола. Между ними распредѣлено 79,9 тыс. дес., такъ что въ среднемъ выводѣ на домохозяина приходится по 7,4 дес. и на душу 2,2 дес. Распредѣливъ членовъ товариществъ на 6 группъ по земельному обезпеченію, составители отчета нашли, что двѣ группы, самыя многочисленныя по личному составу, и сравнительно малоземельныя, получили земли въ процентномъ отношеніи къ общему количеству менѣе сравнительно съ тѣмъ, что имъ причиталось бы при равномѣрномъ надѣленіи. Въ этихъ двухъ группахъ размѣръ земельной доли на душу ниже средняго для всѣхъ товарищей и вообще размѣръ долей оказывается прямо пропорціональнымъ размѣру земельнаго владѣнія покупщиковъ до сдѣлки: Такъ, имѣвшіе до 1 дес. на душу получили при распредѣленіи то-

варищеской земли по 1,3 дес., имѣвшіе до 3 дес. — 1,8 дес., въ группѣ съ 5 дес. прибавка составила 2,8 дес. на душу, въ группѣ съ 10 дес. — 3,4 дес.; наконецъ, самая многоземельная группа (свыше 10 дес.) выдѣлила себѣ изъ товарищеской земли по 6,7 дес. Высокой оказывается доля и безземельныхъ — 4,2 дес. на душу. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что для безземельныхъ имѣетъ смыслъ покупка лишь болѣе значительнаго участка: они основываютъ новое хозяйство, а не прикупаютъ земли для расширенія стараго. Понятно затѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ только очень состоятельная часть безземельнаго сельскаго населенія можетъ вступать въ товарищество для покупки земли. На это отчасти указываютъ данныя о количествѣ скота у безземельныхъ членовъ товарищескихъ покупокъ. Согласно разсматриваемому изслѣдованію, у группъ съ высшими надѣлами процентъ имѣющихъ большое количество скота, болѣе 3 штукъ на душу, выше, чѣмъ у малоземельныхъ. Послѣдніе въ этомъ отношеніи уступаютъ и безземельнымъ товарищамъ. Добавимъ, что изслѣдованіе вопроса о вліяніи количества скота на распредѣленіе земли въ товариществахъ привели къ слѣдующему выводу: размѣры долей прямо пропорціональны количеству скота какъ у безземельныхъ, такъ и у всѣхъ разрядовъ, имѣющихъ землю.

Такимъ образомъ очевидно, что, поощряя требованіемъ значительныхъ доплатъ товарищескія покупки въ ущербъ общественнымъ, крестьянскій банкъ придаетъ своей дѣятельности одностороннее направленіе и кредитуетъ преимущественно болѣе состоятельную и многоземельную часть сельскаго населенія.

Но вліяніе доплатъ не ограничивается превращеніемъ извѣстной части общественныхъ покупокъ въ товарищескую форму, съ цѣлью исключенія менѣе сильныхъ домохозяевъ. Доплаты вызываютъ неравномѣрное распредѣленіе земли и при общественныхъ покупкахъ, опять-таки къ выгодѣ богатаго меньшинства и къ ущербу менѣе состоятельныхъ крестьянъ. Такъ, въ Гродненской губ., по словамъ мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго банка, «сдѣлки отъ имени общества совершаются только при покупкѣ сѣнокосовъ или пастбищъ, нужныхъ каждому домохозяину, или же при очень дешевой покупкѣ, когда выгодность сдѣлки заставляетъ каждаго въ ней участвовать. Земля, по основному приговору, дѣлится обыкновенно на неравные участки пропорціональные доплатѣ каждаго изъ домохозяевъ». Въ Могилевской губ. участники общественныхъ покупокъ «точно опредѣляютъ количество покупаемой каждымъ земли и соотвѣтственно этому размѣры задатковъ, доплаты, ссуды и платежи банку... Въ случаѣ желанія неучаствовавшихъ въ покупкѣ получить землю, общество иногда

удовлетворяетъ такія просьбы, требуя отъ вступающихъ денежнаго взноса, и распредѣляетъ послѣдній между участниками, пропорціонально степени участія... Въ Минской губ. всѣ общественныя покупки имѣютъ характеръ товарищескихъ: купленная обществомъ земля послѣ совершенія купчей крѣпости, а иногда и ранѣе распредѣляется на участки, въ опредѣленныхъ доляхъ, при чемъ число наличныхъ душъ въ семьяхъ въ расчетъ не принимается. Всѣ члены общества участвуютъ въ покупкахъ очень рѣдко: дѣйствительными участниками являются только тѣ, которые, заявивъ ранѣе желаніе, принимали участіе въ доплатѣ и расходѣ по покупкѣ». Эти факты относятся къ губерніямъ, въ которыхъ преобладаетъ подворное землевладѣніе. Гораздо важнѣе, что, по отзывамъ мѣстныхъ отдѣленій крестьянскаго банка, то же явленіе наблюдается и въ губерніяхъ съ общиннымъ владѣніемъ землею. Правда, нельзя говорить о повсемѣстномъ распространеніи его. Такъ, въ Смоленской губ.,—«по всѣмъ общественнымъ сдѣлкамъ участвуютъ всѣ домохозяева и, какъ исключеніе, встрѣчаются весьма рѣдкія отступленія въ тѣхъ только случаяхъ, когда домохозяинъ давно уже занимается батрачествомъ и въ деревнѣ не живетъ, или когда не имѣетъ рабочаго скота... Спокойное владѣніе землей продолжается по разъ заведенному обществомъ порядку и со времени открытія дѣйствій банка ни по одной общественной сдѣлкѣ до отдѣленія не доходило слуха, что между покупщиками возникали споры въ зависимости отъ доплаты». Въ Казанской губ. также дѣло обстоитъ сравнительно благополучно: тамъ «по всѣмъ покупкамъ, кромѣ одной, земля распредѣляется по наличнымъ душамъ и никакихъ недоразумѣній не встрѣчается». Иную картину рисуютъ другія отдѣленія. «Въ Самарской губ., неравномѣрное распредѣленіе доплатъ вліяло на распредѣленіе земли, такъ какъ общества старались вознаградить внесшихъ доплату... Въ Таврической губ. изъ 15 общественныхъ сдѣлокъ по двумъ распредѣленіе неравномѣрное, по 13 — общее пользованіе по равной части». Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переходнымъ типомъ. Въ Самарской губ. во многихъ случаяхъ общества впослѣдствіи допустили къ участію въ пользованіи землею лицъ, не участвовавшихъ сначала въ покупкѣ. Въ Донской области можно наблюдать новый фазисъ въ развитіи того же явленія. По словамъ отдѣленія банка, въ этой области «по 4 обществамъ установились между членами обостренныя взаимныя отношенія, главною и даже, можетъ быть, единсгвенною причиною которыхъ служитъ доплата, создавшая въ каждомъ изъ нихъ по двѣ группы лицъ съ интересами, прямо противоположными, участвовавшихъ въ доплатѣ и потому считающихъ только за собою

право пользоваться землею, и неучаствовавшихъ по недостатку средствъ или другимъ причинамъ, но въ качествѣ членовъ того же общества домогающихся того же права». Наиболѣе обстоятельный отзывъ о вліяніи доплаты на переходъ общественныхъ покупокъ въ товарищескія дало рязанское отдѣленіе. «Въ распредѣленіи купленной земли,— говоритъ оно, — участвуютъ не всѣ домохозяева, почему всѣ общественныя сдѣлки (въ Рязанской губ.) по существу представляются товарищескими. Причина уклоненія нѣкоторыхъ домохозяевъ отъ участія въ покупкѣ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что уклоняющіеся или не нуждаются въ данное время въ землѣ, или считаютъ покупку невыгодной, болѣе же общая причина—вліяніе доплатныхъ денегъ. Эти послѣднія рѣдко вносятся изъ общественныхъ суммъ, въ большинствѣ же—изъ собственныхъ средствъ домохозяевъ. Затративъ на покупку земли деньги, крестьяне стремятся удержать ее за собою, почему составляютъ приговоры о распредѣленіи земли между домохозяевами въ извѣстныхъ доляхъ навсегда, во избѣжаніе передѣловъ. Съ другой стороны, въ обществѣ остается убѣжденіе, что земля — общественная, что если нѣкоторые члены общества въ данное время и не участвовали въ покупкѣ, то отсюда не слѣдуетъ, что они лишились права принять въ ней участіе въ будущемъ. Такимъ образомъ для лицъ, затратившихъ на покупку свои деньги, является лишь право на вознагражденіе за сдѣланныя затраты, но отнюдь не право удерживать землю, которою въ будущемъ могутъ воспользоваться всѣ. Отсюда—приговоры о размѣрѣ вознагражденія тѣхъ покупщиковъ, которые затратили на покупку извѣстныя средства. Но,—прибавляетъ отдѣленіе,—стремленіе отобрать часть земли у домохозяевъ, внесшихъ доплатныя деньги и сдѣлавшихъ улучшенія, и передать лицамъ, ранѣе непринимавшимъ участія въ покупкѣ и не сдѣлавшимъ никакихъ затратъ, представляется явленіемъ вполнѣ исключительнымъ».

Таково вліяніе доплатъ на общественныя покупки. Они переливаются въ другую форму, сохраняя, впрочемъ, иногда названіе общественныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ фактически помощью крестьянскаго банка пользуются лишь состоятельные элементы деревни, и болѣе богатые—въ большей мѣрѣ.

Не менѣе важный недочетъ въ дѣятельности крестьянскаго банка съ наглядностью обнаруживается при сравненіи его новой, введенной съ 1896 г., операціи, по покупкѣ земли за счетъ собственнаго капитала банка, съ постановкою подобныхъ же операцій, недавно разрѣшенныхъ мѣстнымъ учрежденіямъ одной изъ нашихъ южныхъ окраинъ. Временными правилами, Высочайше утвержденными 1 марта 1902 года,

разрѣшена скупка частно-владѣльческихъ земель на средства войсковыхъ капиталовъ въ Кубанской и Терской областяхъ для надобностей кавказскихъ казачьихъ войскъ. Эта операція имѣетъ цѣлью вообще увеличеніе запаса войсковыхъ земель, округленіе войсковыхъ границъ и уничтоженіе черезполосности на территоріяхъ, принадлежащихъ кавказскимъ казачьимъ войскамъ, преимущественно же она должна быть направлена, какъ прямо выражено въ законѣ, на скупку тѣхъ частновладѣльческихъ земель, кои по своему мѣстоположенію среди существующихъ станичныхъ надѣловъ или по смежности съ ними наиболѣе пригодны для надѣленія ими войсковаго населенія. При помощи этихъ земель предполагается либо увеличить размѣръ существующихъ юртовыхъ надѣловъ, либо образовать новыя станицы, переселяя въ нихъ жителей изъ станицъ, наиболѣе стѣсненныхъ въ земельномъ отношеніи. Словомъ, правила 1 марта представляютъ шагъ къ удовлетворенію одной изъ насущнѣйшихъ современныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ войскового населенія двухъ областей. Но та же нужда существуетъ и за предѣлами этого района и среди другихъ разрядовъ сельскаго населенія. Можно даже признать, что казаки въ общемъ надѣлены щедрѣе, нежели крестьяне, особенно бывшіе помѣщичьи, а потребность въ пріобрѣтеніи земель, расположенныхъ среди надѣловъ или по смежности съ ними, ощущается крестьянами, пожалуй, даже сильнѣе. Кому не извѣстно, напримѣръ, что прихотливые нерѣдко изгибы окружныхъ межей крестьянскаго надѣла играютъ не послѣднюю роль въ экономіи нашего сельскаго хозяйства и что такъ называемые «отрѣзки», т.-е. ближайшія къ крестьянскимъ надѣламъ частновладѣльческія земли, цѣнятся очень высоко. Поэтому было бы только послѣдовательно, если бы та же политика, какой на основаніи правилъ 1 марта должны слѣдовать войсковыя правленія Кубанской и Терской областей, была усвоена и крестьянскимъ банкомъ въ его операціяхъ за счетъ его собственнаго капитала. Особенно важно было бы придать дѣятельности банка тотъ болѣе активный характеръ, который предписывается правилами 1 марта операціямъ кавказскихъ казачьихъ войскъ по скупкѣ частновладѣльческихъ земель. Согласно стт. 4—7 этихъ правилъ кубанское и терское областныя правленія собираютъ свѣдѣнія о *всѣхъ* земельныхъ участкахъ въ предѣлахъ областей, продающихся ихъ владѣльцами добровольно или подлежащихъ принудительной продажѣ; наиболѣе пригодные изъ нихъ по своему мѣстоположенію для войсковыхъ надобностей подвергаются осмотру и оцѣнкѣ, и въ случаѣ добровольной продажи правленія входятъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ, а въ случаѣ принудительной—принимаютъ участіе въ торгахъ. Правила

27 ноября 1895 г., которыми руководствуется крестьянскій банкъ, тоже даютъ ему возможность пріобрѣтать земли какъ по соглашенію съ продавцами, такъ и съ торговъ. Они не препятствуютъ банку направить его дѣятельность и по тому руслу, по которому пойдутъ, въ силу закона 1 марта, земельныя операціи кубанскаго и терскаго казачьихъ войскъ. Но на практикѣ получилъ преобладаніе другой порядокъ: крестьянскій банкъ покупаетъ за счетъ своего капитала по преимуществу только тѣ земли, которыя ему предлагаютъ купить либо владѣльцы, либо крестьяне, разсчитывающіе пріобрѣсти впослѣдствіи эти земли. Такъ, по отчету банка за 1900 годъ изъ 272 дѣлъ о покупкѣ за счетъ капитала крестьянскаго банка, возникшихъ въ этомъ году, инціатива покупки принадлежала продавцамъ, крестьянамъ и даже стороннимъ учрежденіямъ въ 265-ти случаяхъ и только въ 10-ти—самому банку. Очевидно, что и въ дѣлахъ этого рода, какъ и въ главной операціи своей по выдачѣ ссудъ подъ земли, покупаемыя крестьянами непосредственно у владѣльцевъ по добровольному съ ними соглашенію, крестьянскій банкъ ждетъ инціативы со стороны и всего чаще—отъ землевладѣльцевъ. Немудрено, однако, что при этихъ условіяхъ онъ является покупателемъ преимущественно крупныхъ имѣній (въ среднемъ свыше 2.000 дес.), составляющихъ у насъ небольшой процентъ въ общей массѣ частныхъ владѣній. Покупщиковъ на латифундіи нужно искать, тогда какъ имѣнія средняго размѣра, не говоря уже о небольшихъ земельныхъ участкахъ, находятъ сравнительно легкій сбытъ. Но во многихъ случаяхъ, если не въ большинствѣ, гдѣ покупка за счетъ собственнаго капитала крестьянскаго банка была бы особенно желательна, дѣло идетъ о пріобрѣтеніи именно не слишкомъ значительныхъ земельныхъ владѣній. Это не значитъ, конечно, что банкъ не долженъ дѣлать крупныхъ покупокъ за счетъ собственнаго капитала. Да тотъ пріемъ, которому на основаніи правилъ 1 марта должны по закону слѣдовать кубанское и терское войсковыя правленія, не исключаетъ и такого рода покупокъ; преимущество его заключается, однако, въ томъ, что, собирая свѣдѣнія о всѣхъ продающихся имѣніяхъ, учрежденіе, завѣдующее покупкой, имѣетъ возможность болѣе широкаго выбора, а слѣдовательно и болѣе полнаго достиженія своей цѣли. Безспорно, что разрѣшить эту задачу въ предѣлахъ двухъ областей, притомъ мѣстному учрежденію, легче, нежели крестьянскому банку на пространствѣ многихъ губерній. Но трудное дѣло еще не невозможное, а въ данномъ случаѣ оно было бы значительно облегчено, если бы земствамъ, какъ они о томъ неоднократно ходатайствовали, была предоставлена болѣе активная роль въ дѣятельности крестьянскаго банка.

XIII.

Переселенческое дѣло.

Возвращаемся, однако, къ переселенческому вопросу, получившему въ пореформенное время, какъ бы то ни было, значеніе вопроса первостепенной государственной важности. Канцелярія комитета министровъ обнародовала два-три года назадъ интересное изслѣдованіе по переселенческому дѣлу. Объ этомъ изданіи (Всемірная выставка 1900 г. въ Парижѣ. Комитетъ Сибирской желѣзной дороги. Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. Спб., 1900) мы уже упоминали выше. Важное значеніе труду комитета придаетъ, на нашъ взглядъ, во-первыхъ, то, что онъ идетъ навстрѣчу давно назрѣвшей потребности въ обстоятельномъ сводѣ накопившихся за многіе годы фактическихъ данныхъ о крестьянскихъ переселеніяхъ въ Сибирь. Пора подвести итоги продолжительному обсужденію причинъ и условій пореформеннаго движенія крестьянъ изъ центральныхъ, по преимуществу, мѣстностей Европейской Россіи на Востокъ; въ высокой степени желательно выяснить, къ чему привела эволюція нашей колонизаціонной политики за сорокъ лѣтъ, протекшихъ съ освобожденія крестьянъ, какіе принципы ставятся теперь въ основу правительственныхъ мѣропріятій по переселенческому дѣлу; нужно наконецъ опредѣлить съ возможною точностью послѣдствія совершившихся переселеній на сибирскую окраину, вліяніе ихъ на судьбу самихъ переселенцевъ, а также значеніе послѣднихъ для культурной и экономической жизни Сибири. На всѣ эти вопросы въ трудѣ, изданномъ канцеляріей комитета министровъ, мы находимъ отвѣтъ достаточно опредѣленный, хотя и не всегда, быть можетъ, отличающійся съ фактической стороны желательною полнотой. Но новое офиціальное изслѣдованіе имѣетъ и другое, не менѣе важное значеніе. Оно не только описываетъ ходъ и результаты переселенческаго движенія въ Сибирь за послѣднія десятилѣтія, не только знакомитъ съ исторіей мѣропріятій по переселенческому дѣлу,—оно является отраженіемъ современнаго взгляда руководящихъ сферъ на причины и слѣдствія крестьянскихъ выселеній изъ Европейской Россіи и на задачи нашей колонизаціонной политики въ настоящее время. И съ этой стороны названное изданіе канцеляріи комитета министровъ представляетъ несомнѣнно крупный общественный интересъ.

Въ сибирскомъ переселеніи офиціальное изслѣдованіе видитъ одно «изъ наиболѣе характерныхъ явленій экономической жизни русскаго народа» и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что «потребность въ такихъ

переселеніяхъ стала въ пореформенную эпоху ощущаться крестьянами съ постепенно возраставшею силой». Все это совершенно справедливо, но не менѣе справедливо и то, что такой взглядъ на переселенія, не представляя ничего новаго въ литературѣ вопроса, безспорно обладаетъ всѣми аттрибутами новизны для практики такъ называемаго «урегулированія» переселенческаго движенія. Въ новомъ изслѣдованіи, изданномъ канцеляріей комитета министровъ, прямо указано, что въ первую половину сорокалѣтняго періода, отдѣляющаго насъ отъ крестьянской реформы, правительство держалось «почти вполнѣ пассивнаго отношенія къ переселеніямъ» главнымъ образомъ изъ боязни развить «вредную подвижность и бродяжничество въ сельскомъ населеніи». Такое отношеніе къ переселенческому вопросу оставалось неизмѣннымъ въ теченіе долгаго времени (около двадцати лѣтъ), конечно, потому, что крестьянскія переселенія не встрѣчали сочувствія и во вліятельныхъ слояхъ общества. Разсматриваемый офиціальный трудъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что указанное опасеніе «раздѣлялось и большинствомъ помѣстныхъ владѣльцевъ, лишенныхъ послѣ 1861 года дарового труда крѣпостныхъ и поставленныхъ въ необходимость обращаться при обработкѣ своихъ земель къ наемному труду крестьянъ или сдавать свою землю въ аренду послѣднимъ же; при такихъ условіяхъ уходъ крестьянъ на малоземельныя окраины представлялся землевладѣльцамъ весьма нежелательнымъ, угрожая имъ возвышеніемъ цѣнъ на рабочія руки и уменьшеніемъ спроса на ихъ земли». Но обстоятельства оказались сильнѣе этого предубѣжденія правящихъ сферъ и разсчетовъ владѣльцевъ земли: «самовольныя» переселенія, начавшіяся еще до крестьянской реформы, безостановочно продолжались въ пореформенное время, несмотря на всѣ запреты и препятствія. «Къ восьмидесятымъ годамъ,—по словамъ разсматриваемаго офиціальнаго обзора,—несоотвѣтствіе между законодательствомъ и требованіями жизни стало все болѣе обращать вниманіе правительства и въ особенности органовъ мѣстнаго самоуправленія». Но и тутъ встрѣтилось препятствіе къ принятію рѣшительныхъ мѣръ по вопросу о регулированіи переселеній. Офиціальное изданіе, говоря объ этомъ позднѣйшемъ фазисѣ въ развитіи нашей переселенческой политики, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на ходатайствѣ черниговскаго губернскаго земства, разсмотрѣнномъ въ комитетѣ министровъ въ 1879 году. И дѣйствительно, судьба этого ходатайства представляетъ большой интересъ для характеристики перехода отъ вполнѣ отрицательнаго взгляда на переселенія къ признанію потребности въ нихъ и необходимости извѣстной организаціи въ этомъ важномъ дѣлѣ.

На ходатайство о предоставленіи крестьянамъ Черниговской губерніи права водворенія на казенныхъ земляхъ восточныхъ губерній въ виду того, что уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ сельское населеніе губерніи испытывало на себѣ послѣдствія ряда крайне неблагопріятныхъ для крестьянскаго хозяйства обстоятельствъ, послѣдовалъ отзывъ со стороны министерства государственныхъ имуществъ, являющійся «весьма характернымъ выраженіемъ преобладавшаго въ теченіе семидесятыхъ годовъ воззрѣнія на переселенческій вопросъ». Тогдашній министръ государственныхъ имуществъ Валуевъ рекомендовалъ относиться къ ходатайствамъ о переселеніи на казенныя земли «съ величайшею осторожностью, дабы тѣмъ внушить населенію, что правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ потребностей». Вмѣстѣ съ тѣмъ,—говорится далѣе въ разсматриваемомъ изданіи,—министръ придавалъ отклоненію упомянутыхъ ходатайствъ особое значеніе «вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли въ видахъ дополненія надѣловъ». На основаніи именно этихъ соображеній черниговское ходатайство было отклонено комитетомъ министровъ. Прошло немного времени, и правительству, по офиціальному свидѣтельству, «пришлось принять мѣры для обсужденія вопроса объ уменьшеніи замѣтно возросшихъ размѣровъ самовольныхъ переселеній крестьянъ, направлявшихся для водворенія, подъ видомъ ухода на заработки, въ Новороссію, въ приуральскія губерніи и въ Западную Сибирь». Потребовалось однако еще десять лѣтъ на выработку перваго общаго переселенческаго закона: только 13 іюля 1889 г. изданъ законъ, признавшій за переселеніями крестьянъ «значеніе народной потребности, долженствующей быть удовлетворенной». Достойно вниманія, что и въ это время въ руководящихъ кругахъ придерживались по переселенческому вопросу двухъ различныхъ принциповъ: признавалась «съ одной стороны,—какъ засвидѣтельствовано въ разсматриваемомъ офиціальномъ обзорѣ переселенческаго дѣла,—желательность сдержать переселенческое движеніе въ возможно тѣсныхъ размѣрахъ, съ другой—необходимость для государства принять на себя попеченіе объ устройствѣ тѣхъ крестьянъ, которымъ уже дана возможность перехода на новыя мѣста». Обсуждая проектъ переселенческихъ правилъ 1889 года, соединенные департаменты государственнаго совѣта высказали мнѣніе, что «на правительствѣ лежитъ обязанность скорѣе сдерживать переселеніе, чѣмъ поощрять его посредствомъ оказанія

переселенцамъ содѣйствія въ разныхъ видахъ». Понятно, что ни изданный при такихъ условіяхъ законъ, ни тѣмъ болѣе примѣненіе его не могли насъ приблизить къ сколько-нибудь удовлетворительному рѣшенію вопроса. И лишь въ сравнительно недавнее время, въ 1895 году, уже по учрежденіи комитета Сибирской желѣзной дороги, нынѣ вѣдающаго переселенческое дѣло, было, наконецъ, признано, что «выселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній Россіи не можетъ оказывать невыгоднаго вліянія на экономическое развитіе страны», что «на экономическое и политическое развитіе Сибири» переселенія оказываютъ «крайне благотворное вліяніе» и что вообще «къ крестьянскимъ переселеніямъ слѣдуетъ относиться безъ особыхъ опасеній». Только съ этого времени рѣшено было «совершенно отказаться на будущее время отъ примѣненія какихъ-либо принудительныхъ мѣръ по отношенію къ самовольнымъ выходцамъ» и положить въ основу правительственныхъ мѣропріятій не воспрещеніе переселеній, а «возбужденіе сознательности и обдуманности въ средѣ крестьянъ, стремящихся выселиться». Наконецъ, въ задачи переселенческой политики, вопреки прежнему взгляду на это дѣло, ставится съ того же времени организація правительственнаго содѣйствія переселенцамъ, какъ на родинѣ, при ликвидаціи отношеній къ остающимся, и въ пути, такъ и на мѣстѣ новаго водворенія. Такимъ образомъ, лишь въ самое послѣднее время вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ рѣшенъ въ принципѣ сообразно съ его важнымъ государственнымъ и народно-хозяйственнымъ значеніемъ.

Итакъ, въ офиціальныхъ сообщеніяхъ по переселенческому дѣлу съ извѣстнаго момента признается, что крестьянскія переселенія составляютъ не проявленіе «вредной подвижности и бродяжничества», съ которыми нужно бороться ограничительными мѣрами, а «народную потребность, которая должна быть удовлетворена». Въ принципѣ переселенческая политика, проникнутая отрицательнымъ отношеніемъ къ этому важному явленію народной жизни, осуждена правительствомъ, слѣдовательно, еще въ срединѣ минувшаго десятилѣтія. Тогда же было признано, что задача правительственнаго воздѣйствія на переселенческое движеніе состоитъ въ сообщеніи ему большей сознательности и въ облегченіи самыхъ условій переселенія. Поэтому мнѣніе, что «главною причиной ухода за Уралъ является именно малоземелье» и что «устройство быта малоземельныхъ крестьянъ Европейской Россіи» путемъ переселенія ихъ составляетъ «назрѣвшую государственную задачу»,—это мнѣніе, раньше считавшееся признакомъ оппозиціоннаго образа мыслей, приблизительно съ 1896 года возводится въ догматъ правительственной переселенческой политики.

Но отъ провозглашенія извѣстнаго принципа до осуществленія его на дѣлѣ еще далеко. Исторія переселеній за послѣдніе годы не представляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Тѣмъ не менѣе переселенческій вопросъ, судя по тѣмъ же сообщеніямъ, считался, за принятыми мѣрами, удовлетворительно разрѣшеннымъ, и если временами возникала рѣчь о какихъ-либо новыхъ мѣрахъ, то лишь о такихъ, которыя имѣли значеніе второстепенныхъ дополненій и усовершенствованій. И въ программу особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, напр., включенъ былъ лишь одинъ вопросъ, касающійся переселеній: не слѣдуетъ ли привлечь сельскія общества къ расходамъ по выселенію прироста ихъ населенія и по выдачѣ необходимыхъ воспособленій лицамъ, изъ нихъ выселяющимся? Въ виду этого нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи докладу бывшаго министра финансовъ о поѣздкѣ его на Дальній Востокъ: главный интересъ этого доклада заключается именно въ признаніи, что переселенческое дѣло и въ настоящее время все еще не можетъ считаться устроеннымъ, законченнымъ, рѣшеннымъ.

Признавая результаты дѣйствующей постановки дѣла благотворными, статсъ-секретарь С. Ю. Витте находитъ однако, что сдѣлать остается еще многое. Прежде всего нынѣшній размѣръ переселенческаго движенія (около 200 тыс. чел. въ годъ), по его мнѣнію, «не отвѣчаетъ ни дѣйствительной нуждѣ въ устройствѣ быта малоземельнаго крестьянства внутреннихъ губерній, ни потребности необъятныхъ областей Сибири въ земледѣльческой колонизаціи». Для фактическаго обоснованія той мысли, что нужда малоземельныхъ крестьянъ въ переселеніи остается и въ настоящее время неудовлетворенной, нѣтъ недостатка въ убѣдительныхъ данныхъ; на этихъ общеизвѣстныхъ фактахъ въ докладѣ былъ построенъ проектъ широкой организаціи переселеній. Авторъ доклада высказывался за то, что для усиленія колонизаціи Сибири и въ цѣляхъ устройства быта малоземельныхъ крестьянъ должны и могутъ быть приняты мѣры: «съ одной стороны необходимо облегчить выходъ переселенцевъ изъ Россіи», съ другой—«необходимо расширить планомѣрное и систематическое изслѣдованіе таежныхъ и урманныхъ пространствъ въ Сибири», «необходимо выработать стройный планъ постепеннаго и соотвѣтственнаго цѣлямъ государственнымъ заселенія Сибири и развить дѣятельность межевыхъ партій, работающихъ въ настоящее время надъ заготовленіемъ участковъ для переселенцевъ», необходимо «соотвѣтственно увеличить ассигнованія и на прочія нужды переселенческаго дѣла, какъ-то: врачебно-продовольственную помощь, передвиженіе переселенческихъ партій и пр.». Короче говоря, необходимо внести въ настоящее положеніе пере-

селенческаго дѣла капитальныя поправки. Министръ предвидитъ, что на осуществленіе этого плана потребуются крупныя жертвы со стороны государственнаго казначейства, но справедливо находитъ, что такія жертвы оправдываются благотворными результатами переселенія для сельскаго населенія Европейской Россіи, да и для самой Сибири.

Нельзя однако думать, чтобы предлагаемая реорганизація переселенческаго дѣла могла быть осуществлена путемъ только увеличенія масштаба дѣятельности нынѣшней переселенческой организаціи и крупныхъ прибавокъ къ ассигнованіямъ на переселенческое дѣло. Признавая «неотвѣчающимъ дѣйствительной нуждѣ» малоземельнаго крестьянства переселеніе 200 тыс. человѣкъ въ годъ, министръ финансовъ, очевидно,—и не безъ основанія,—считаетъ возможнымъ и желательнымъ значительное увеличеніе числа переселенцевъ и даже прямо говоритъ о милліонахъ земледѣльцевъ, которымъ въ виду малоземелья «трудно найти мѣсто и полезное примѣненіе своего труда на родинѣ». Но можно ли разсчитывать на успѣхъ этой грандіозной задачи, если исполненіе ея будетъ возложено на тотъ же бюрократическій механизмъ, который въ настоящее время вѣдаетъ на мѣстахъ переселенческое дѣло? Можно сказать съ увѣренностью, что эта ноша будетъ ему не по силамъ. «Нужда въ устройствѣ быта малоземельнаго крестьянства внутреннихъ губерній» представляетъ чрезвычайную важность для всего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ она является одной изъ насущнѣйшихъ мѣстныхъ нуждъ тѣхъ же губерній. И мысль объ организаціи переселеній въ цѣляхъ удовлетворенія этой нужды обречена на безплодность, если къ осуществленію ея не будутъ привлечены мѣстныя общественныя силы.

Дѣйствительно, однимъ изъ существенныхъ недостатковъ современной организаціи переселенческаго дѣла является полное устраненіе отъ участія въ немъ земскихъ учрежденій. Въ томъ, что переселенія имѣютъ огромную важность для мѣстности, отпускающей на окраины избытокъ своего населенія, врядъ ли возможны какія-либо сомнѣнія. Это—одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда интересы общегосударственные тѣснѣйшимъ образомъ сплетаются съ мѣстными интересами. И если забота объ устройствѣ быта малоземельнаго крестьянства безспорно должна составлять одну изъ первыхъ задачъ государственной поземельной политики, то въ одинаковой мѣрѣ она не можетъ быть чужда и мѣстному самоуправленію, призываемому и закономъ, и положеніемъ вещей въ настоящее время къ «воспособленію» зависящими отъ него способами мѣстному земледѣлію. Выдѣлить изъ того, что въ реальныхъ условіяхъ современной сельской

жизни представляется совокупностью нуждъ земледѣлія, собственно нужды малоземельнаго крестьянина,—значитъ лишить цѣлое главной доли его содержанія. Но и осуществить задачу «воспособленія», помимо удовлетворенія потребности въ расширеніи крестьянскаго землепользованія, также невозможно. До какой степени настоятельна эта потребность въ наше время, можно видѣть хотя бы изъ того факта, что департаментъ земледѣлія, представляя Особому Совѣщанію о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности проектъ мѣръ агрономической помощи крестьянскому хозяйству, долженъ былъ сдѣлать весьма существенную оговорку относительно малоземельныхъ сельскихъ обществъ. Ничѣмъ невознаградимыя потери крестьянскаго хозяйства,—говорится въ заключеніяхъ этого доклада,—на постоянныхъ крупныхъ недоборахъ въ урожаяхъ, на жалкомъ состояніи скотоводства и на отработкахъ за наемъ скудныхъ пастбищъ и луговъ настоятельно требуютъ перехода къ другимъ системамъ хозяйства, болѣе отвѣчающимъ современнымъ условіямъ, и улучшенія его техники. Но въ районъ непосредственнаго воздѣйствія мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли, не могутъ войти, по мнѣнію департамента, безусловно малоземельныя общества. Для этой группы крестьянскихъ хозяйствъ,—читаемъ мы въ докладѣ,—«нельзя допустить возможности не только введенія улучшенныхъ системъ полеводства, но и вообще сколько-нибудь правильной полевой культуры. Здѣсь на первую очередь должны быть поставлены иныя мѣры болѣе общаго значенія, требующія спеціальной разработки», а между ними прежде всего—«содѣйствіе къ переселенію избыточнаго населенія и развитіе дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка».

Какъ же великъ контингентъ этихъ наиболѣе обездоленныхъ крестьянскихъ хозяйствъ? Департаментъ земледѣлія полагаетъ, что число такихъ обществъ, которымъ нельзя помочь ничѣмъ другимъ, кромѣ выселенія или прикупки земли, «во всякомъ случаѣ меньше половины всего количества крестьянскихъ обществъ». При всей неопредѣленности этого указанія очевидно, что, по мнѣнію департамента, въ разрядъ безусловно малоземельныхъ обществъ должно быть отнесено если и меньшинство сельскихъ обществъ, то все-таки—весьма крупное меньшинство, въ иныхъ случаяхъ близкое къ половинѣ. Другіе источники нашихъ свѣдѣній о количествѣ малоземельныхъ крестьянъ позволяютъ думать, что этотъ расчетъ не грѣшитъ преувеличеніемъ. Такъ, въ «Сводѣ статистическихъ матеріаловъ», изданномъ въ 1894 году канцеляріей комитета министровъ, вычислено, что крестьяне, владѣющіе надѣломъ не свыше нормы (высшій или указной надѣлъ по Положенію 19 февраля), составляютъ въ

50-ти губерніяхъ Европейской Россіи 49,7% къ общему количеству крестьянскаго населенія мужского пола. Притомъ, если бы землю, находящуюся во владѣніи этой группы крестьянъ, разсчитать на число душъ по нормѣ высшаго или указнаго надѣла, то оказалось бы, что на этой площади нѣтъ мѣста 7,1 милл. изъ 15,8 милл. человѣкъ. Иначе говоря, уже десять лѣтъ назадъ почти половина крестьянскихъ обществъ должна была быть признана безусловно малоземельной, ибо врядъ ли возможно серьезно разсчитывать на улучшеніе системъ полеводства тамъ, гдѣ двое должны довольствоваться надѣломъ, достаточнымъ для обезпеченія одного. Къ этому надо добавить, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напримѣръ, въ Орловской, Черниговской, Полтавской, Тульской, Рязанской, Симбирской, Кіевской, Московской и мн. др.) общества съ недостаточнымъ надѣломъ составляли даже больше половины.

Разсчитывать на убыль переселенческаго движенія въ ближайшіе годы нѣтъ никакихъ основаній. Напротивъ, одинъ тотъ фактъ, что, напр., въ 1901 году въ Сибирь отправилось безъ малаго двадцать пять тысячъ ходоковъ, т.-е. уполномоченныхъ отъ будущихъ переселенцевъ, служитъ признакомъ новаго подъема переселенческой волны.

Въ краткомъ сообщеніи министерства внутреннихъ дѣлъ о переселенческомъ движеніи этого же года имѣются и другія указанія на предстоящій ростъ переселенческаго движенія. Если общая для всей Европейской Россіи цифра переселенцевъ въ минувшемъ году и сократилась, то въ отдѣльныхъ районахъ наблюдалось, напротивъ, усиленное движеніе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ западныя нечерноземныя губерніи и затѣмъ южныя степныя. Характерною чертой переселенческаго движенія отчетнаго года было относительно большее участіе въ немъ крестьянъ нечерноземной полосы. Поворотъ въ эту сторону впрочемъ сталъ намѣчаться еще въ предшествующіе годы. До 1896 г. переселенцы изъ нечерноземныхъ мѣстностей составляли лишь 12% общаго числа переселенцевъ въ Сибирь. Въ позднѣйшее время они составляли уже четвертую часть всего сибирскаго переселенія. По даннымъ 1901 года, на долю нечерноземныхъ губерній приходится безъ малаго треть: 30% переселенцевъ и 33% ходоковъ. Изъ 27-ми губерній, давшихъ въ томъ же году болѣе значительныя цифры переселенцевъ, девять принадлежали къ нечерноземнымъ, и всѣ они, за исключеніемъ Пермской и Вятской, сравнительно недавно стали направлять избытокъ своего населенія въ Сибирь. До 1895 года, по офиціальнымъ даннымъ, выходцы изъ шести западныхъ губерній составляли менѣе 1% въ общей массѣ сибирскихъ переселенцевъ; въ 1898 г. ихъ было уже

почти 15%, а въ отчетномъ только изъ 5 губерній Западнаго края (кромѣ Ковенской, о которой свѣдѣній нѣтъ) вышло почти 20% общаго числа переселенцевъ и 18% ходоковъ. Въ томъ же приблизительно размѣрѣ движеніе усилилось и въ прилегающихъ съ сѣвера къ Западному краю Псковской и Смоленской губ. Такимъ образомъ изъ этихъ семи губерній образовался на сѣверо-западъ отъ главнаго переселенческаго очага новый сплошной районъ, для котораго переселенческій вопросъ получилъ первостепенную важность. Въ отчетномъ году этотъ районъ далъ 22 тыс. переселенцевъ и болѣе 6 тыс. ходоковъ. Нѣкоторыя изъ губерній, входящихъ въ его составъ (Могилевская, Витебская), по размѣрамъ движенія 1901 года оставляютъ за собою даже большинство губерній черноземной полосы, уступая въ этомъ отношеніи лишь Полтавской и Черниговской губ.

Другой новый районъ усиленнаго переселенческаго движенія намѣтился въ томъ же году на югѣ и юго-западѣ Европейской Россіи. Выселенія въ Сибирь какъ изъ Юго-западнаго края, такъ и изъ Новороссіи были до послѣдняго времени совершенно незначительны. Три юго-западныхъ губерніи, по даннымъ за 1887—1898 гг., давали не болѣе 2—4% общей массы сибирскихъ переселенцевъ. Новоселы изъ южныхъ степныхъ губерній тоже были сравнительно рѣдки (2—3%). На этотъ разъ Юго-западный край далъ почти 8%, а три изъ числа южныхъ степныхъ губерній (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская) — даже 12%. Также значителенъ и процентъ ходоковъ изъ обоихъ этихъ районовъ (10% и 11%). Возможно, что доля участія южныхъ и юго-западныхъ губерній въ переселенческомъ движеніи прошлаго года увеличилась вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ выходъ крестьянъ изъ главнаго района переселенія въ 1901 году сократился. Но дѣло въ томъ, что цифры министерскаго сообщенія указываютъ на крупный приростъ переселенцевъ изъ этихъ губерній не только по сравненію съ другими мѣстностями, но и сравнительно съ предшествующими годами. За шестилѣтіе 1894—1899 гг. каждая изъ этихъ шести губерній дала меньше 5 тыс. переселенцевъ, т.-е. въ среднемъ около 800 человѣкъ. Въ минувшемъ году двѣ изъ этихъ губерній удвоили цифру своихъ переселенцевъ, три губерніи—учетверили ее и одна (Екатеринославская) отпустила столько же переселенцевъ, сколько ихъ вышло изъ нея въ теченіе всего сравниваемаго шестилѣтія. Будетъ ли дальше переселенческое движеніе въ указанной мѣстности развиваться такъ же быстро,—конечно, вопросъ, который быть можетъ, уже и теперь можетъ быть рѣшенъ на основаніи мѣстныхъ данныхъ. Но во всякомъ случаѣ отмѣченные факты служатъ при-

знакомъ подъема переселенческой волны на югѣ и юго-западѣ. Словомъ, вопросъ о переселеніяхъ становится жизненнымъ все для большаго числа губерній.

Понятно, что земство не можетъ оставаться безучастнымъ къ такой насущной нуждѣ мѣстнаго населенія. Но изъ всѣхъ доступныхъ ему способовъ «воспособленія» земледѣльческому населенію въ интересахъ малоземельнаго крестьянства оно въ настоящее время можетъ пользоваться только однимъ—заявлять въ своихъ ходатайствахъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, въ своихъ отвѣтахъ на запросы, обращенные къ нему правительственными учрежденіями, и въ своихъ изслѣдованіяхъ экономическаго положенія крестьянъ, что существуетъ надобность въ тѣхъ или иныхъ мѣрахъ противъ крестьянскаго малоземелья. Эту задачу, какъ извѣстно, земскія учрежденія посильно выполняютъ. Въ частности земскія ходатайства объ организаціи переселенія начались, какъ мы видѣли, еще въ семидесятыхъ годахъ, когда въ правящихъ сферахъ относились къ переселеніямъ вполнѣ отрицательно. Земскія статистическія работы затронули переселенческій вопросъ впервые еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и безспорно много содѣйствовали его разъясненію и измѣненію взгляда на него въ позднѣйшее время. Затѣмъ въ теченіе 20—25 лѣтъ земскія учрежденія не прекращали ни своихъ изслѣдованій, ни своихъ представленій по вопросу о малоземельи крестьянъ и о значеніи для нихъ переселенческаго дѣла. Напомнимъ, что еще во второй половинѣ девяностыхъ годовъ многія земскія собранія, отвѣчая на извѣстный запросъ министерства земледѣлія о нуждахъ сельскаго хозяйства, обратили особенное вниманіе, говоря словами офиціальной сводки земскихъ отзывовъ, «на необходимость увеличенія крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и на правильную организацію переселеній». При этомъ, конечно, земства указывали и на то, что роль органовъ мѣстнаго самоуправленія въ важномъ дѣлѣ устройства хозяйственнаго быта малоземельныхъ крестьянъ должна быть значительно расширена. Такъ, рязанское земство въ числѣ мѣръ, могущихъ содѣйствовать устраненію малоземелья, на первомъ мѣстѣ ставитъ «организацію переселенія при помощи государства и при помощи земства». Болѣе подробно развита та же мысль въ курскомъ отзывѣ. «Признавая, что матеріальная помощь переселяющимся должна быть отнесена на средства государства, курское земство полагаетъ, что къ обязанностямъ собственно земскимъ должно быть отнесено содѣйствіе правильному переселенію, въ формѣ доставленія свѣдѣній, касающихся переселенія и указанія на нуждающіяся въ переселеніи мѣстности. Въ виду этого,— говорится далѣе въ извлеченіи изъ курскаго отзыва,—земство счи-

таетъ желательнымъ, чтобы всѣ свѣдѣнія о свободныхъ участкахъ, объ условіяхъ правительственной помощи и пр. сосредоточивались при уѣздныхъ земскихъ управахъ и чтобы губернскому земскому собранію было разрѣшено право входить съ представленіемъ къ правительству о мѣстностяхъ, дѣйствительно нуждающихся въ переселеніяхъ, по предварительномъ разсмотрѣніи этихъ вопросовъ на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ». Воронежское земство, рекомендуя «переселеніе не въ одиночку, а цѣлыми общинами и группами семей, съ участіемъ въ дѣлѣ переселенія земскихъ представителей», указываетъ вообще на необходимость расширенія функцій земства въ дѣлѣ удовлетворенія нуждъ мѣстнаго земледѣлія, подъ условіемъ, конечно, «полной самостоятельности» и права «широкаго почина».

Земскія предположенія о тѣхъ задачахъ, которыя должны были бы пасть на долю земства въ переселенческомъ дѣлѣ, заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія, особенно въ связи съ другими мѣрами, проектируемыми нынѣ въ видахъ усиленія колонизаціи Сибири. Если, какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, «необходимо облегчить выходъ переселенцевъ изъ Россіи» и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть переселенцамъ широкую возможность заблаговременнаго ознакомленія «съ ожидающими ихъ въ Сибири условіями быта», то, разумѣется, на мѣстахъ нѣтъ органа, который былъ бы въ состояніи выполнить эту задачу лучше земства. Оно располагаетъ наиболѣе надежными средствами и силами и для экономическихъ обслѣдованій, составляющихъ необходимую основу всѣхъ практическихъ мѣропріятій въ переселенческомъ дѣлѣ, и для распространенія правдивыхъ свѣдѣній среди населенія, и для огражденія интересовъ переселенцевъ въ трудное время ликвидаціи хозяйства на родинѣ. Понятно однако, что земское содѣйствіе переселенію, какъ одному изъ средствъ удовлетворенія крестьянской нужды въ землѣ, могло бы сложиться въ цѣльную и планомѣрную организацію только въ томъ случаѣ, если бы выборъ средствъ къ осуществленію этой задачи былъ всецѣло предоставленъ мѣстной самодѣятельности. Опытъ показываетъ, что въ земскомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ живомъ общественномъ дѣлѣ, въ свободѣ почина и независимости рѣшенія заключается залогъ успѣха.

Въ необходимости общаго пересмотра вопроса о переселеніяхъ убѣждаютъ и другія соображенія.

Можно ожидать, что современемъ переселенческое движеніе, не ограничиваясь однимъ сибирскимъ направленіемъ, въ широкой мѣрѣ использует свободныя казенныя земли всюду, гдѣ только онѣ могутъ служить цѣлямъ сельскохозяйственной культуры. Потребность

въ выселеніи нѣкоторой части крестьянъ становится, какъ мы видѣли, всѣ ощутительнѣе во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и стремленіе къ выходу на новыя мѣста. Поиски ихъ, какъ мы знаемъ на примѣрѣ Западнаго края, не ограничиваются даже предѣлами отечества. Но такъ какъ внутренняя колонизація при наличности обширныхъ малонаселенныхъ и удобныхъ для земледѣлія пространствъ предпочтительнѣе эмиграціи, ясно, что правильная организація переселенія требуетъ въ наше время особенной заботливости. А между тѣмъ дѣйствующія узаконенія, правила и порядки въ переселенческомъ дѣлѣ не представляютъ удовлетворительнаго рѣшенія этого насущнаго вопроса. Нуженъ именно общій пересмотръ законодательства, нужно полное обновленіе административной практики по переселенческому дѣлу, ибо наше законодательство по этому предмету, а тѣмъ болѣе порядки, представляетъ плодъ разрозненныхъ и разновременныхъ попытокъ разрѣшенія частныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ жизни. Вдобавокъ оно носитъ на себѣ слѣдъ измѣнчивыхъ настроеній, которыми характеризуется переселенческая политика пореформеннаго времени. Для иллюстраціи приведемъ примѣръ, тѣмъ болѣе интересный, что онъ касается одной изъ самыхъ существенныхъ чертъ дѣйствующей переселенческой политики. Общій принципъ ея, это—требованіе предварительнаго правительственнаго разрѣшенія на переселеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, хотя въ дѣйствительности переселенія безъ выборки формальнаго разрѣшенія составляютъ до настоящаго времени весьма распространенное явленіе. Обусловливается оно многими причинами, но весьма возможно, что среди нихъ не послѣднюю роль играютъ, съ одной стороны, сложность и длительность, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, процедуры разрѣшенія, а съ другой — и неопредѣленность порядка выдачи разрѣшительныхъ документовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эта сторона дѣла регулируется закономъ 13-го іюля 1889 года, который считается у насъ главнымъ переселенческимъ закономъ. Большинство остальныхъ дѣйствующихъ узаконеній по переселенческой части издано въ видѣ дополненія къ нему, либо составляетъ временныя изъятія изъ него; нормой же все-таки остается законъ 13 іюля, по которому переселеніе допускается не иначе какъ съ предварительнаго на то разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ (теперь—земледѣлія и государственныхъ имуществъ). Просьбы о разрѣшеніи переселиться подаются, по мѣсту приписки, губернатору, который представляетъ ихъ министру внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ со свѣдѣніями объ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи просителей и съ заключеніемъ мѣстнаго по крестьянскимъ

дѣламъ присутствія. Министръ внутреннихъ дѣлъ сносится по такимъ ходатайствамъ съ министромъ земледѣлія, и затѣмъ общее ихъ обоихъ рѣшеніе сообщается подлежащему губернатору для объявленія просителямъ. Лицамъ, получившимъ такое разрѣшеніе, рекомендуется посылать ходоковъ въ ту мѣстность, куда имъ разрѣшено переселиться, для осмотра предназначенныхъ для нихъ земель. Но предварительная—до полученія разрѣшенія—посылка ходоковъ воспрещается. Таковъ общій, предусмотрѣнный закономъ, порядокъ разрѣшенія крестьянамъ переселяться. Сложность и неудобство его скоро обнаружились на практикѣ. Поэтому уже въ 1896 году явилась мысль замѣнить этотъ порядокъ болѣе простымъ и быстрѣе ведущимъ къ цѣли. На основаніи закона 15-го апрѣля 1896 г. и Положенія комитета Сибирской дороги 7-го декабря того же года выдача разрѣшеній на переселенія предоставлена губернскимъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, т. е. на мѣстѣ приписки будущихъ переселенцевъ губернскимъ властямъ. При этомъ послѣднимъ вмѣнено въ обязанность разрѣшать переселенія не иначе какъ подъ условіемъ предварительной посылки ходоковъ. Иначе говоря, упрощенный порядокъ, представляя дѣйствительно возможность болѣе быстраго разрѣшенія переселенческихъ дѣлъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ полною противоположностью общему порядку въ вопросѣ о предварительныхъ развѣдкахъ ходоковъ. Онъ поощряетъ ходачество и притомъ именно такое, какое строго возбраняется по общему порядку,—до полученія разрѣшительнаго документа и, слѣдовательно, до окончательнаго рѣшенія самими переселенцами вопроса объ оставленіи родины. Конечно, и въ этомъ отношеніи новый порядокъ представляетъ извѣстныя выгоды по сравненію со старымъ; но тѣмъ не менѣе онъ признается лишь временной мѣрой, которая вдобавокъ примѣняется только къ переселенцамъ, желающимъ водвориться въ Сибири. Ходатайства же о переселеніи на казенныя земли въ губерніяхъ Европейской Россіи разрѣшаются и теперь попрежнему въ порядкѣ, установленномъ закономъ 13-го іюля 1889 года. Мало того, и въ Сибирь не повсемѣстно переселенцы принимаются на основаніи правилъ 15-го апрѣля и 7-го декабря 1896 года. Выдачи, напримѣръ, разрѣшеній на переселеніе на Кабинетскія земли Алтайскаго округа производятся примѣнительно къ порядку, предусмотрѣнному закономъ 13-го іюля 1889 года, т. е. не мѣстными, а центральными властями, съ тою только разницею, что министръ внутреннихъ дѣлъ въ этихъ случаяхъ входитъ въ соглашеніе не съ министромъ земледѣлія, а съ министромъ Императорскаго Двора. Закономъ 1889 года опредѣляется выдача разрѣшеній также переселенцамъ на Сѣверный

Кавказъ и Закавказье, впрочемъ опять-таки съ нѣкоторыми отличіями отъ общаго порядка. Такъ, напр., для переселенцевъ въ Черноморскую губернію обязателенъ осмотръ мѣста новаго водворенія послѣ того, какъ переселеніе разрѣшено. Переселенцамъ въ европейскія губерніи, какъ мы знаемъ, посылка ходоковъ въ этомъ случаѣ лишь рекомендуется,—и обоимъ этимъ разрядамъ переселенцевъ совершенно воспрещена предварительная до разрѣшенія отправка ходоковъ, составляющая необходимое условіе переселенія для тѣхъ, кто желаетъ водвориться на казенныхъ земляхъ Сибири.

Отсутствіе однообразнаго порядка выдачи разрѣшительныхъ документовъ на переселеніе представляетъ, конечно, значительныя неудобства для населенія и вноситъ путаницу въ распоряженія мѣстныхъ властей. Такъ, напр., вслѣдъ за введеніемъ упрощенныхъ правилъ о сибирскомъ переселеніи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ стали выдавать ходаческія и проходныя свидѣтельства для слѣдованія въ Самарскую губ. такимъ крестьянамъ, которые не получили разрѣшенія отъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія, и только впослѣдствіи ошибка была замѣчена и разъяснена циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но при запутанности и многочисленности правилъ, регулирующихъ выдачу разрѣшеній, подобныя ошибки неизбѣжно повторяются и, несмотря на послѣдующія поправки и разъясненія, ведутъ къ тому, что въ глазахъ сельскаго населенія затемняются требованія закона. Къ этому надо прибавить, что дѣйствующее законодательство о переселеніяхъ во многихъ другихъ частяхъ представляетъ тѣ же черты спутанности, сложности, неопредѣленности и неполноты.

Что сталось съ проектомъ бывшаго министра финансовъ, неизвѣстно, но нѣсколько позднѣе было объявлено, что комитетомъ Сибирской желѣзной дороги образовано изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и земледѣлія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина особое совѣщаніе по переселенческому вопросу. Обсужденію подлежитъ общій вопросъ объ удовлетворительности существующей постановки переселенческаго дѣла. На этотъ разъ комитетъ, соглашаясь съ предложеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, призналъ необходимымъ не ограничиваться частными измѣненіями дѣйствующихъ законовъ. Совѣщаніемъ прежде всего должно быть выяснено, какія измѣненія въ этомъ дѣлѣ были бы желательны въ видахъ большаго согласованія его съ общегосударственными потребностями, а затѣмъ предъ нимъ ставится и другой вопросъ: что надлежитъ предпринять для объединенія дѣятельности вѣдомствъ, принимающихъ участіе въ мѣропріятіяхъ по переселенческому движенію?

Понятно, что, поставивъ вопросъ объ удовлетворительности извѣстной системы мѣропріятій и предпринимая законодательный пересмотръ съ цѣлью объединенія дѣятельности разныхъ учрежденій, комитетъ Сибирской желѣзной дороги тѣмъ самымъ до нѣкоторой степени опредѣлилъ свой взглядъ на современное положеніе переселенческаго дѣла. Если бы оно считалось въ желательной мѣрѣ удовлетворительнымъ, не было бы надобности въ обсужденіи общаго вопроса: на очереди стояли бы, какъ въ послѣдніе три-четыре года, развѣ только нѣкоторыя частныя мѣры. Безъ достаточныхъ основаній не былъ бы возбужденъ и вопросъ объ объединеніи дѣятельности вѣдомствъ. Другими словами, очевидно, комитетъ признаетъ, что на практикѣ обнаружились недостатки дѣйствующей системы и въ этомъ отношеніи. Но если возбужденіе общаго вопроса о переселеніяхъ и служитъ признакомъ сознанной потребности въ реформѣ, то все-же сообщеніемъ «Правительственнаго Вѣстника» достаточно не разъяснены ни степень неудовлетворенности комитета настоящимъ, ни тѣ начала, во имя которыхъ предпринимается преобразованіе. Стремленіе согласовать переселенческое дѣло съ общегосударственными потребностями само по себѣ не говоритъ еще ничего опредѣленнаго. Въ семидесятыхъ годахъ, напр., оно побуждало правительство, говоря словами тогдашняго министра государственныхъ имуществъ гр. Валуева, относиться къ ходатайствамъ о переселеніи на казенныя земли «съ величайшею осторожностью, дабы тѣмъ внушить населенію, что правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ потребностей». При обсужденіи въ комитетѣ министровъ перваго земскаго ходатайства по переселенческому дѣлу этотъ взглядъ нашелъ поддержку въ тогдашнемъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Маковѣ, который «полагалъ возможнымъ допускать облегченіе условій переселеній лишь въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ», и ходатайство земства именно по этимъ соображеніямъ было отклонено. Иное пониманіе общегосударственныхъ потребностей выразилось въ заключеніи комитета Сибирской желѣзной дороги, который въ 1895 году усмотрѣлъ, что «выселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній Россіи не можетъ оказывать невыгоднаго вліянія на экономическое развитіе страны» и даже имѣетъ «крайне благотворное вліяніе» на экономическое и политическое положеніе Сибири.

Нѣтъ основаній думать, что новый пересмотръ законодательства о переселеніяхъ знаменуетъ собою поворотъ къ прежнему отрицательному взгляду на нихъ. Но изъ того общаго положенія, которое

въ послѣдніе годы признается руководящимъ принципомъ нашей переселенческой политики, на практикѣ могутъ быть сдѣланы различные выводы какъ относительно размѣровъ переселенческаго движенія, такъ и относительно способовъ правительственнаго содѣйствія, удовлетворенію этой потребности сельскаго населенія. Напомнимъ, что еще недавно одинъ изъ членовъ новаго совѣщанія, министръ финансовъ, въ своемъ всеподаннѣйшемъ докладѣ о поѣздкѣ на дальній Востокъ, замѣтилъ, что нынѣшній размѣръ переселенческаго движенія «не отвѣчаетъ ни дѣйствительной нуждѣ въ устройствѣ быта малоземельнаго крестьянства внутреннихъ губерній, ни потребности необъятныхъ областей Сибири въ земледѣльческой колонизаціи». Между тѣмъ до настоящаго времени въ заинтересованныхъ официальныхъ сферахъ вопроса о болѣе широкихъ переселеніяхъ не возбуждалось. Съ другой стороны, задачей правительственнаго воздѣйствія на переселенческое движеніе въ послѣдніе годы считалось упорядоченіе вольной колонизаціи окраинъ, — иначе говоря, упорядоченіе переселеній, предпринимаемыхъ крестьянами на собственный счетъ и рискъ. Но, какъ мы узнаемъ изъ того же сообщенія «Правительственнаго Вѣстника» по переселенческому вопросу, министромъ внутреннихъ дѣлъ теперь возбужденъ вопросъ о развитіи переселеній на свободныя казенныя земли Европейской Россіи подъ непосредственнымъ руководствомъ правительства. Комитетъ Сибирской желѣзной дороги, съ своей стороны, нашелъ предложенія министра внутреннихъ дѣлъ соотвѣтствующими тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ, по его указаніямъ, ведется въ настоящее время переселенческое дѣло, и призналъ желательнымъ, чтобы соотвѣтственное представленіе было внесено въ государственный совѣтъ въ его ближайшую сессію. Но само собою разумѣется, что переселеніе подъ непосредственнымъ руководствомъ власти и вольная колонизація, ведя къ одной цѣли и не исключая одно другой, являются по существу совершенно различными способами организаціи переселенческаго дѣла.

Рѣшеніе вновь подвергнуть обсужденію общій вопросъ о переселенческой политикѣ представляется, конечно, настолько важнымъ, что общее вниманіе къ работамъ совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина, каковы бы ни были результаты этихъ работъ, можетъ считаться обезпеченнымъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что вопросъ объ организаціи переселеній все еще до настоящаго дня не получилъ опредѣленнаго рѣшенія. Въ виду этого представляется немаловажнымъ одно теченіе, пробившее себѣ путь въ самые послѣдніе годы. Дѣло идетъ о способахъ использованія обширныхъ казенныхъ земель въ Сибири.

Еще надавно различными учрежденіями, причастными къ переселенческому дѣлу, нерѣдко говорилось объ ограниченности запаса свободныхъ земель въ Сибири и о возрастающей трудности устройства на этой окраинѣ крестьянъ-переселенцевъ. Высокій процентъ обратныхъ переселеній, констатированный лѣтъ пять-семь назадъ, ставили, напримѣръ, въ прямую связь съ истощеніемъ наиболѣе удобныхъ для земледѣльческой культуры участковъ. Если земельный фондъ, открытый для нуждъ переселеній, все же пока-что нельзя было не считать весьма и весьма значительнымъ, то, во-первыхъ, указывалось, что остающіяся свободными земли не представляютъ благопріятныхъ условій для водворенія и хозяйства, а во-вторыхъ, и на эти участки рекомендовалось разсчитывать лишь въ ближайшіе годы. По разнымъ поводамъ въ разное время въ печати было высказано сомнѣніе въ точности и достаточной обоснованности подобныхъ расчетовъ и предположеній. И, дѣйствительно, позднѣе обнаружилось, что колонизаціонная площадь Сибири была недостаточно оцѣнена. Напомнимъ здѣсь только о происшедшей на нашихъ глазахъ перемѣнѣ взгляда на такъ называемыя таежныя или урманныя земли. Одно время предполагалось, что возможно лишь вольное заселеніе урмановъ на особенно льготныхъ условіяхъ, отборнымъ, наиболѣе выносливымъ контингентомъ переселенцевъ, вербуемыхъ по преимуществу изъ сибирскихъ же старожиловъ. Эти переселенцы должны были служить піонерами въ дѣлѣ колонизаціи таежныхъ или урманныхъ пространствъ, и лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ предвидѣлась возможность обычнаго массоваго переселенія въ эти мѣста. Но первыя же развѣдки въ тайгѣ и урманахъ обнаружили, что нѣтъ рѣзкой разницы въ естественныхъ условіяхъ мѣстностей, обращавшихся въ переселенческіе участки на общемъ основаніи, и тѣхъ земель, которыя предназначались только для заселенія немногочисленными семьями отважныхъ піонеровъ. Въ настоящее время признается уже безспорнымъ, что урманныя и таежныя пространства могутъ принять— и не въ отдаленномъ будущемъ, а въ наше время — весьма большое число рядовыхъ переселенцевъ.

Такимъ образомъ, повидимому, больше нѣтъ мѣста опасеніямъ, что въ ближайшемъ будущемъ движеніе крестьянъ въ Сибирь должно прекратиться за недостаткомъ свободной земли. Можно спорить о томъ, какіе районы Европейской Россіи въ состояніи воспользоваться Сибирью для цѣли земледѣльческой колонизаціи; можно доказывать, что нѣкоторыя, быть-можетъ, особенно нуждающіяся въ устройствѣ на сторонѣ избытка населенія мѣстности должны искать себѣ какого-либо другого исхода. Но нельзя отрицать, что въ тече-

ніе еще многихъ лѣтъ переселенія крестьянъ въ Сибирь будутъ составлять крупное явленіе въ хозяйственной жизни страны и что вопросъ о наилучшемъ устройствѣ переселенческаго дѣла долго еще не утратитъ своего важнаго значенія въ ряду другихъ задачъ нашей экономической политики.

Но если крайній пессимизмъ по отношенію къ колонизаціонной емкости Сибири можно считать оставленнымъ, то не впадаемъ ли мы теперь въ другую крайность, не считается ли земельный просторъ Сибири дѣйствительно безграничнымъ? Къ такому предположенію можно, пожалуй, придти, знакомясь съ содержаніемъ новаго закона объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири.

До настоящаго времени при всѣхъ колебаніяхъ во взглядахъ на колонизаціонное значеніе Сибири и на роль самыхъ переселеній въ экономической жизни Европейской Россіи земля отводилась въ надѣлъ переселенцамъ на правѣ безсрочнаго пользованія въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ рабочимъ силамъ семьи или партіи. Отсюда вытекало два характерныхъ слѣдствія. Сибирское хозяйство какъ старожиловъ, такъ и новоселовъ можетъ быть вообще названо многоземельнымъ, но въ томъ лишь смыслѣ, въ какомъ это понятіе приложимо къ крестьянскому хозяйству. Крупнаго хозяйства, — настоящаго крупнаго хозяйства, основаннаго на наемномъ трудѣ,— Сибирь не знаетъ или почти,—за немногими исключеніями, теряющимися въ массѣ типичныхъ крестьянскихъ хозяйствъ,—не знаетъ. Другая особенность сибирскаго хозяйства, это — сохраненіе казною права собственности на землю повсемѣстно, опять-таки за немногими, сравнительно, изъятіями. Государство такимъ образомъ раздавало свои обширныя земельныя владѣнія въ пользованіе земледѣльцамъ, желавшимъ приложить къ нимъ свой трудъ, но оставляло за собою возможность при измѣнившихся обстоятельствахъ распорядиться этою землей наилучшимъ образомъ, съ наибольшею пользою въ интересахъ всей страны. Конечно, земледѣльцамъ, водворявшимся на казенной землѣ, при этомъ ничто не угрожало: ихъ интересы въ данномъ случаѣ не расходятся съ интересами государства, которому всего важнѣе въ его поземельной политикѣ упрочить благосостояніе массы земледѣльческаго населенія. По сравненію съ этой задачей чисто фискальныя задачи государства, какъ землевладѣльца, имѣютъ лишь второстепенное значеніе, и если оно оставляетъ въ своихъ рукахъ обширныя земельныя пространства, отдавая ихъ лишь въ пользованіе, а не въ собственность частныхъ лицъ, то, конечно, не въ видахъ полученія постояннаго дохода изъ этого источника, а именно въ цѣляхъ лучшаго поземельнаго устройства массы сельскаго населенія.

Обиліе казенныхъ земель только облегчаетъ рѣшеніе этой задачи и открываетъ возможность придать дѣлу соотвѣтствующіе его важности размѣры. Поэтому земельныя владѣнія казны никогда не могутъ быть признаны настолько обширными, чтобы та или иная часть этого государственнаго достоянія получила другое назначеніе, если только къ этому не вынуждаютъ какія-либо исключительныя обстоятельства. Не слѣдуетъ забывать, что дѣло поземельнаго устройства сельскихъ массъ—дѣло не одного поколѣнія: то, что остается неиспользованнымъ сегодня, можетъ понадобиться завтра, а вернуть разъ утраченное изъ состава казеннаго земельнаго фонда нелегко и чаще всего невозможно. Понятно, что при ограниченности свободнаго земельнаго запаса самое бережное отношеніе къ нему, не допускающее отступленій отъ главной задачи казеннаго земельнаго хозяйства, становится, можно сказать, безусловно необходимымъ. И во всякомъ случаѣ, какъ бы ни былъ великъ земельный фондъ казны, не должно бы быть рѣчи о какомъ-либо иномъ назначеніи его въ такіе періоды, когда масса земледѣльческаго населенія страны предъявляетъ усиленный спросъ на землю и переселенцы ежегодно считаются сотнями тысячъ. А между тѣмъ именно теперь, при наличности всѣхъ этихъ условій, возникаетъ планъ систематической, изъ года въ годъ, распродажи въ частныя руки удобныхъ казенныхъ земель въ Сибири большими участками, до трехъ тысячъ десятинъ въ каждомъ, или отвода земель въ арендное пользованіе на 99 лѣтъ на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ значительная площадь казенной земли въ Сибири можетъ быть отчуждена безъ большихъ матеріальныхъ выгодъ для казны. За нихъ будетъ выручено во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ при сдачѣ ихъ въ пользованіе крестьянъ-новоселовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на всю эту площадь уменьшится наличный запасъ земель, могущихъ удовлетворить все возрастающимъ нуждамъ переселенія. Ради чего же должно быть сдѣлано это двойное пожертвованіе? Какой государственный или народный интересъ связывается съ подобною мѣрой? На эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ въ искусственномъ созданіи крупнаго частнаго землевладѣнія на нашей восточной окраинѣ не существуетъ никакой надобности: Европейская Россія въ этомъ такъ же мало заинтересована, какъ и сама Сибирь.

XIV.

Бюрократія и мѣстная экспертиза. Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Пересмотръ законодательства о крестьянахъ.

Въ области крестьянскаго управленія послѣднія двадцать-двадцать пять лѣтъ ознаменовались пышнымъ расцвѣтомъ бюрократическаго начала. Здѣсь, быть можетъ, съ наибольшею яркостью проявилась общая тенденція государственной политики этого времени. Едва ли для кого-нибудь будетъ новостью тотъ фактъ, что за эти годы кадры администраціи по различнымъ отраслямъ внутренняго управленія у насъ значительно расширились. Также достаточно извѣстно, что наряду съ увеличеніемъ численности чиновниковъ возрастали и расходы казны на ихъ содержаніе. Но какъ быстро совершалось движеніе въ этой области и какихъ результатовъ оно успѣло достигнуть къ настоящему времени,—объ этомъ сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія попадаются сравнительно рѣже. Теперь и эта сторона дѣла можетъ быть все-таки нѣсколько разъяснена. Для примѣра мы остановимся на отчетахъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ, которыя представляютъ одинъ изъ немногихъ источниковъ такихъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе важный, что это вѣдомство обширное, съ многочисленнымъ штатомъ служащихъ какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Слѣдя за перемѣнами въ численности его личнаго состава и въ издержкахъ на содержаніе послѣдняго, мы будемъ наблюдать, конечно, лишь часть бюрократической арміи, но часть довольно значительную. А то, что сообщаетъ объ ея ростѣ названный отчетъ за 1900 годъ, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія.

Расходы на содержаніе собственно личнаго штатнаго состава служащихъ по главному управленію и его вѣдомству, и притомъ только на содержаніе окладное (т.-е. безъ постоянныхъ, временныхъ и случайныхъ пособій, безъ подъемныхъ, прогонныхъ, суточныхъ и тому подобныхъ денегъ), въ 1900 г. опредѣлились,—говорится въ отчетѣ,— въ суммѣ 10.705,9 тыс. руб. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь, какъ и во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи, въ расчетъ вовсе не принимаются многочисленные вольнонаемные служащіе по винной монополіи, расходъ на содержаніе которыхъ исчисляется особо и въ настоящее время, судя по даннымъ того же отчета, долженъ достигнуть приблизительно $26^1/_2$ милл. рублей. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ расходы по коммерческому предпріятію казны не могутъ быть смѣшаны съ расходами на содержаніе служащихъ въ одной изъ отраслей государственнаго управленія. Что касается собственно этихъ расхо-

довъ, то за десять лѣтъ они значительно увеличились: въ 1890 году управленіе неокладными сборами издерживало на этотъ предметъ лишь 6.757,4 тыс. руб. Слѣдовательно, приростъ за указанный періодъ составляетъ почти 4 милл. рублей, или около 60%. Нетрудно убѣдиться, что такое крупное увеличеніе лишь отчасти объясняется улучшеніемъ матеріальнаго положенія чиновниковъ. Въ 1890 году содержаніе каждаго служащаго въ томъ вѣдомствѣ, отчетомъ котораго мы пользуемся, обходилось казнѣ въ среднемъ нѣсколько меньше 900 руб. въ годъ; теперь же оно обходится въ 1.000 руб. Если бы число служащихъ осталось то же, что было десять лѣтъ тому назадъ, и только увеличилось вознагражденіе ихъ въ указанномъ размѣрѣ, то приростъ въ расходахъ казны по этой статьѣ составлялъ бы лишь немного болѣе 1 милл. Значитъ, свыше 70% четырехмилліонной прибавки къ стоимости содержанія личнаго состава служащихъ по этому вѣдомству приходится отнести на увеличеніе ихъ численности. И дѣйствительно, въ 1890 году служащихъ насчитывалось 7.633, черезъ десять лѣтъ—уже 10.216. Это составляетъ излишекъ въ 2.583 чел., или 35% состава 1890 года. Иначе говоря, тамъ, гдѣ въ началѣ послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка считалась достаточной работа двухъ чиновниковъ, теперь по общему правилу требуются уже три должностныхъ лица, притомъ содержаніе каждаго изъ нихъ обходится, хоть и немного, дороже.

Можно ради наглядности сдѣлать и другой расчетъ: въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ одно только вѣдомство неокладныхъ сборовъ находило нужнымъ ежегодно усиливать свой личный составъ на 250 человѣкъ. Но это учрежденіе хотя и принадлежитъ къ многолюднымъ, тратило на содержаніе своихъ чиновниковъ въ концѣ періода 10—11 милл. руб., тогда какъ все то министерство, въ составъ котораго оно входитъ, издерживало на ту же надобность въ то же время свыше 49 милл., а расходы на содержаніе центральной и мѣстной администраціи не по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а только по министерствамъ военному, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія и по вѣдомству православнаго исповѣданія, превышали къ концу того же десятилѣтія 141 милл. рублей въ годъ. Если предположить, что численность чиновниковъ и по другимъ вѣдомствамъ возрастала приблизительно такъ же, какъ и въ главномъ управленіи неокладныхъ сборовъ, то предъ нами уже будутъ не сотни, а тысячи новыхъ чиновъ, ежегодно вступающихъ въ ряды нашей бюрократіи.

Судя по росту расходовъ на центральную и мѣстную администра-

цію за послѣднія пять лѣтъ, такъ оно и было въ дѣйствительности. Сравнительный обзоръ соотвѣтствующихъ статей въ расходныхъ смѣтахъ названныхъ выше восьми вѣдомствъ, по отчетамъ государственнаго контроля за 1897 и 1901 годы, даетъ слѣдующіе интересные результаты. Съ 122 милл. расходъ за это пятилѣтіе возросъ до 147 милл., такъ что увеличеніе составляетъ свыше 25 милл., или 20%. Въ общемъ издержки казны на центральную администрацію повышались нѣсколько медленнѣе, на мѣстную—нѣсколько быстрѣе, но разница была все-таки такъ незначительна, что и въ началѣ, и въ концѣ періода отношеніе между расходами на ту и другую почти не измѣнилось: въ 1897 году на центральную администрацію приходилось 11,6 милл., на мѣстную—110,6 милл., въ 1901 г.: на первую—13,9 милл., на вторую—134 милл. Можно еще отмѣтить, что изъ общей суммы расходовъ на администрацію почти 80% составляютъ расходы этого рода по двумъ министерствамъ—внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Такъ было въ 1897 году, такое же соотношеніе сохранилось и къ 1901 году, такъ какъ на усиленіе личнаго состава по двумъ названнымъ вѣдомствамъ обращено 21 милл. изъ 25 милл., на которые вообще возросли расходы казны по этой статьѣ за разсматриваемое пятилѣтіе. Можно сказать, стало быть, что численный составъ нашей администраціи увеличивается не только быстро, но и въ опредѣленномъ направленіи: разрастаются по преимуществу органы фиска и полиціи внутренней безопасности.

Если наряду съ этимъ фактомъ въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій наблюдается и другой—послѣдовательное сокращеніе компетенціи и самостоятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія,—то нетрудно видѣть, что это лишь другая сторона той же медали. Но бюрократическая система имѣетъ свои неудобства. Вотъ почему слѣдомъ за усиленными опытами бюрократизаціи мѣстнаго общественнаго хозяйства въ нашемъ законодательствѣ начинаетъ обнаруживаться характерное теченіе. Можно бы его назвать стремленіемъ къ созданію особой экспертизы, которая должна восполнить важный пробѣлъ въ рессурсахъ бюрократическихъ учрежденій, а именно дать имъ тотъ необходимый для дѣятельности въ этой сферѣ матеріалъ, который заключается въ знаніи мѣстныхъ условій и общественныхъ нуждъ. Несомнѣнно, что такая потребность всегда существовала, но расширеніе власти и функцій различныхъ административныхъ органовъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и хозяйства, при современной широтѣ задачъ перваго и сложномъ составѣ второго, сдѣлало эту потребность особенно ощутительной. Отсюда по чисто практическимъ соображенямъ идутъ поиски удобныхъ для администраціи формъ, въ кото-

рыхъ могло бы, помимо широкаго мѣстнаго самоуправленія, вылиться содѣйствіе общественныхъ силъ государству. За сравнительно короткій промежутокъ времени сдѣлано немало шаговъ въ этомъ направленіи, но удовлетворительнаго рѣшенія пока не было найдено. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опытами оставались недовольны потому, что въ новой оболочкѣ общественной экспертизы слышался все тотъ же независимый голосъ земства, но чаще причиною недовольства была безжизненность этихъ придаточныхъ квази-общественныхъ аппаратовъ при бюрократическомъ механизмѣ и потому безполезность ихъ для цѣлей послѣдняго. Опыты въ указанномъ направленіи однако продолжаются: одинъ изъ нихъ, въ крупныхъ размѣрахъ, только что начатъ на западной окраинѣ, въ районѣ новыхъ учрежденій для завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ, другой—производится въ центрѣ, въ связи съ преобразованіемъ двухъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, хозяйственнаго и медицинскаго, въ главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.

Содержаніе новаго закона еще въ проектѣ было оглашено въ печати (см., напр., «Русск. Вѣд.» 1903 г., № 273). Въ немъ произведенъ болѣе или менѣе обстоятельный пересмотръ предметовъ вѣдомства обоихъ упраздняемыхъ департаментовъ; дѣла второстепеннаго значенія будутъ переданы въ вѣдѣніе губернскихъ властей, остальныя получаютъ болѣе тщательную классификацію и распредѣлены вмѣсто двухъ между пятью особыми отдѣлами, которые въ свою очередь объединены въ одно управленіе. Но причиною общаго вниманія, обращеннаго на новый проектъ, а затѣмъ и на законъ 22 марта 1904 года, не имѣющій существенныхъ отличій отъ проекта, является единственно тотъ совѣтъ, въ составъ котораго, наряду съ чиновниками разныхъ вѣдомствъ, входятъ члены изъ числа мѣстныхъ дѣятелей.

Своимъ возникновеніемъ новый совѣтъ безспорно обязанъ указанному исканію удобныхъ для администраціи формъ, въ которыхъ мѣстные дѣятели могли бы быть ей «полезны своими знаніями и опытомъ». Названное главное управленіе, имѣя своей задачей «высшее руководство, согласованіе и направленіе... дѣятельности мѣстныхъ учрежденій по удовлетворенію хозяйственныхъ пользъ и нуждъ населенія», конечно, нуждается въ общественномъ содѣйствіи не меньше, чѣмъ мѣстные органы администраціи. Простѣйшій и вѣрнѣйшій путь къ удовлетворенію такой потребности—обращеніе къ мѣстному самоуправленію. Однако новый законъ намѣчаетъ другую форму для использованія въ общихъ интересахъ знаній и опыта мѣстныхъ людей, — форму, быть можетъ, болѣе отвѣчающую требованіямъ обычной административной практики. Но развѣ только на первый взглядъ

можетъ показаться, что въ данномъ случаѣ предполагается какое-то рѣшительное нововведеніе. Въ дѣйствительности, возникающему совѣту по дѣламъ мѣстнаго хозяйства будетъ принадлежать то же мѣсто и то же значеніе среди центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ, что и другимъ совѣщательнымъ органамъ министерствъ, достаточно многочисленнымъ и испытаннымъ въ бюрократической практикѣ, чтобы не возбуждать никакихъ сомнѣній насчетъ будущаго. Новостью не можетъ быть названо даже введеніе въ составъ совѣта членовъ изъ числа мѣстныхъ дѣятелей. Представители земледѣлія, торговли, промышленности и частныхъ желѣзныхъ дорогъ засѣдаютъ въ качествѣ членовъ, напр., въ совѣтѣ по тарифнымъ дѣламъ. Въ составѣ министерства земледѣлія почти десять лѣтъ существуетъ сельскохозяйственный совѣтъ, который можно прямо назвать прототипомъ вновь образуемаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства входятъ до пятнадцати членовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей,—ровно столько же представителей сельскаго хозяйства засѣдаетъ и въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ. Тѣ и другіе назначаются Высочайшею властью по представленію соотвѣтствующаго министра; небольшую разницу составляетъ лишь то, что полномочія членовъ сельскохозяйственнаго совѣта ограничиваются однимъ годомъ, членовъ же совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства предполагается назначать на три года. Функціи новаго совѣта опредѣляются въ законѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и функціи сельскохозяйственнаго. Въ тотъ и другой совѣты вносятся, во-первыхъ, предположенія объ изданіи новыхъ законовъ (въ совѣтъ мѣстнаго хозяйства — и общихъ распоряженій), а также о дополненіи, измѣненіи и отмѣнѣ дѣйствующихъ узаконеній, конечно, по предметамъ вѣдѣнія каждаго изъ совѣтовъ. Во-вторыхъ, въ совѣтъ поступаютъ ходатайства, въ одномъ случаѣ— земствъ, въ другомъ — сельскохозяйственныхъ обществъ и земскихъ и другихъ учрежденій. Наконецъ, въ-третьихъ, въ совѣтахъ могутъ быть обсуждаемы и всѣ другіе дѣла и вопросы, по спеціальности каждаго, по коимъ подлежащій министръ признаетъ необходимымъ выслушать мнѣнія совѣта. Впрочемъ надо оговориться, что и двѣ первыя категоріи дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ совѣтахъ сельскохозяйственномъ и по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, вносятся въ нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда министръ найдетъ это необходимымъ.

Словомъ, сходство между постановленіями закона о совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства со статьями 25—41 закона 22 марта 1894 года, относящимися къ сельскохозяйственному совѣту министерства земледѣлія, обнаруживается во всемъ существенномъ, а различія сводятся къ мелочамъ. Но если новое учрежденіе обѣщаетъ

быть повтореніемъ существующаго, если ему къ тому же предстоитъ дѣйствовать въ условіяхъ, тожественныхъ съ тѣми, въ которыхъ дѣйствуетъ старое, то едва ли можно впасть въ ошибку, предположивъ, что и въ судьбахъ обоихъ этихъ учрежденій не будетъ большой разницы. Между тѣмъ прошлое и настоящее сельскохозяйственнаго совѣта вовсе не таково, чтобы внушать надежды. Важнѣе всего то, что этотъ совѣтъ не удовлетворяетъ именно какъ учрежденіе, призванное служить органомъ для ознакомленія центральной администраціи съ мѣстными нуждами. Достаточно сказать, что сознаніе ненормальности современнаго положенія совѣта начинаетъ пробиваться и въ немъ самомъ. Въ одну изъ послѣднихъ сессій его, напр., былъ поднятъ вопросъ объ установленіи болѣе близкой связи между дѣятельностью сельскохозяйственнаго совѣта и потребностями мѣстной сельскохозяйственной жизни, при чемъ между прочимъ выражено было пожеланіе, чтобы членамъ совѣта была дана возможность болѣе широко пользоваться помощью и содѣйствіемъ мѣстныхъ силъ. Но само собой разумѣется, что это желаніе обречено оставаться платоническимъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ установлена тѣсная органическая связь между сельскохозяйственнымъ совѣтомъ и мѣстными учрежденіями, занимающимися вопросами сельскаго хозяйства. На необходимость такой поправки въ организаціи сельскохозяйственнаго совѣта въ былое время, вскорѣ по учрежденіи его въ 1894 году, неоднократно указывали земства въ своихъ ходатайствахъ. Но дѣло пошло по иному пути. Повидимому, однако, этотъ опытъ считается все еще неубѣдительнымъ. Въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ проектъ, о которомъ мы говорили, осуществился, мы увидимъ повтореніе этого опыта, но нельзя не предвидѣть, что и результаты повторенія будутъ только повтореніемъ.

Въ послѣднее время къ мѣстной общественной экспертизѣ стали особенно часто прибѣгать въ тѣхъ случаяхъ, когда на очередь выдвигается разработка какого-либо проекта сложнаго преобразованія. Потребность въ такихъ преобразованіяхъ постоянно даетъ себя чувствовать едва ли не во всѣхъ частяхъ нашего административнаго механизма и составляетъ основную глубокую причину появляющихся въ безчисленномъ количествѣ и по разнымъ поводамъ проектовъ всевозможныхъ поправокъ, дополненій и измѣненій въ существующихъ органахъ и порядкахъ внутренняго управленія. Въ другихъ сферахъ русской жизни эта потребность сказывается въ иныхъ формахъ и проявленіяхъ; въ области же внутренняго управленія она неизмѣнно въ теченіе ряда лѣтъ внушаетъ преобразовательные планы, но, конечно, не содержаніе ихъ, складывающееся подъ вліяніемъ

другихъ факторовъ. Однимъ изъ позднѣйшихъ примѣровъ обращенія къ мѣстнымъ людямъ въ подобныхъ случаяхъ является учрежденіе мѣстныхъ комитетовъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Исторія этихъ комитетовъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наглядный примѣръ тѣхъ особенныхъ трудностей, съ которыми въ наше время сопряженъ и опросъ мѣстныхъ людей, и выполненіе ими обязанностей добросовѣстныхъ экспертовъ.

Согласно указу 23 января 1902 года, особое совѣщаніе должно не только «выяснить», т.-е. изслѣдовать, изучить современныя нужды сельскохозяйственной промышленности, но и «сообразить», иначе говоря, намѣтить и разработать мѣры, направленныя на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда. Основываясь на этомъ опредѣленіи своей компетенціи, оно въ правѣ было предпринять всестороннее изслѣдованіе вопроса о положеніи земледѣльческаго населенія и искать средствъ къ удовлетворенію его насущныхъ нуждъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣропріятіяхъ, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями о заинтересованности въ нихъ тѣхъ или другихъ вѣдомствъ и отдѣльныхъ учрежденій. По подлинному выраженію названнаго учредительнаго акта, совѣщанію предоставлено «выясненіе нуждъ сельскохозяйственной промышленности», причемъ не сдѣлано никакихъ указаній на обязательность для него обратить исключительное или преимущественное вниманіе на тотъ или другой опредѣленный разрядъ этихъ нуждъ. Съ другой стороны, на совѣщаніе возложено и «соображеніе мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности», опять-таки безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій относительно рода и характера этихъ мѣръ. Иначе говоря, оно въ правѣ обсудить и предложить для достиженія поставленной предъ нимъ цѣли всѣ способны воздѣйствія на сельскохозяйственную промышленность, какими только располагаетъ государство. Такому пониманію задачъ совѣщанія вполнѣ соотвѣтствуетъ и то обстоятельство, что къ участію въ работахъ совѣщанія кромѣ членовъ по непосредственному избранію Его Императорскаго Величества привлечены главы трехъ министерствъ, которыми вѣдаются почти всѣ отрасли государственнаго управленія, имѣющія существенное значеніе для интересовъ сельскохозяйственной промышленности и прямое отношеніе къ ея нуждамъ.

Какъ всякое общее опредѣленіе, и разсматриваемое постановленіе о задачахъ особаго совѣщанія поддается однако различнымъ толкованіямъ. Изъ нихъ наибольшее практическое значеніе имѣетъ, конечно, то, котораго придерживается само совѣщаніе.

Оно и начало свою дѣятельность именно съ обсужденія «границъ

предстоящей работы», при чемъ высказалось противъ «значительнаго расширенія этихъ границъ». Къ такому рѣшенію, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія 27 марта 1902 года, совѣщаніе склонилось главнымъ образомъ въ виду того, что опытъ предшествующихъ комиссій подобнаго рода показываетъ безрезультатность «слишкомъ широкаго обсужденія общихъ вопросовъ». Однако въ первомъ заключительномъ постановленіи совѣщанія, Высочайше утвержденномъ 22-го марта, мы все-таки читаемъ, что совѣщанію предоставляется обсуждать *всѣ* вопросы, касающіеся сельскохозяйственной промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда. Ясно, что воспоминаніе о неудачахъ прежнихъ комиссій, считавшихъ необходимой широкую постановку общихъ вопросовъ, хотя и внушило опасенія за судьбу дѣла, возложеннаго на особое совѣщаніе, но не могло убѣдить въ возможности обойти эти вопросы. Совѣщаніе признало, что «при обсужденіи различныхъ предположеній, направленныхъ на пользу сельскохозяйственной промышленности, придется встрѣтиться съ вопросами общегосударственнаго характера, имѣющими существенное значеніе для правильнаго развитія сельскаго хозяйства». Но если сложилось убѣжденіе въ практической безполезности обсужденія въ подобныхъ комиссіяхъ мѣропріятій по общегосударственнымъ вопросамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ признается, что нельзя и уклониться отъ обсужденія этихъ вопросовъ въ виду важности ихъ для сельскохозяйственной промышленности, то, быть можетъ, существуетъ какой-либо средній путь? Попытку найти этотъ путь и сдѣлало совѣщаніе въ своемъ первомъ постановленіи, опредѣляющемъ предѣлы его компетенціи. Не отказываясь отъ всесторонняго обсужденія нуждъ сельскохозяйственной промышленности, оно ограничивало свою задачу въ дѣлѣ разработки мѣропріятій. Поэтому въ положеніяхъ 22-го марта явились двѣ категоріи мѣръ, могущихъ возникнуть по почину совѣщанія на пользу сельскохозяйственной промышленности. Однѣ, именно «относящіяся до ближайшихъ нуждъ этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда», должны разрабатываться совѣщаніемъ подробно, и въ предположеніяхъ его, представляемыхъ на Высочайшее разрѣшеніе, указываются способы практическаго осуществленія этихъ мѣръ. О мѣрахъ же «по вопросамъ общегосударственнаго характера, имѣющимъ значеніе для сельскаго хозяйства», на Высочайшее благовоззрѣніе представляются не подробные проекты, а только мнѣнія и заключенія особаго совѣщанія и отдѣльныхъ его членовъ, подробные же проекты, если встрѣчается въ нихъ надобность, разрабатываются отдѣльными вѣдомствами въ предѣлахъ компетенціи каждаго.

На первый взглядъ покажется, быть можетъ, что при такомъ порядкѣ изготовленія законопроектовъ по почину совѣщанія затрудненіе, озабочивающее его, устранено. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ вопросы, касающіеся нуждъ сельскохозяйственной промышленности, будутъ обсуждаться въ совѣщаніи; но оно будетъ избавлено отъ безплодной работы прежнихъ комиссій надъ общими вопросами, такъ какъ ограничится по нимъ лишь «указаніемъ желательныхъ улучшеній», въ области же своего ближайшаго назначенія дастъ «всестороннюю разработку намѣченныхъ мѣропріятій».

Къ сожалѣнію, однако, выгоды и удобства избраннаго средняго пути при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказываются не столь значительными. Важнѣе всего то, что не существуетъ объективныхъ признаковъ для разграниченія мѣропріятій, «относящихся до ближайшихъ нуждъ» сельскохозяйственной промышленности, и тѣхъ, которыя касаются «вопросовъ общегосударственнаго характера, имѣющихъ значеніе для сельскаго хозяйства». Въ большинствѣ случаевъ тѣ и другіе могутъ быть отнесены къ числу общегосударственныхъ и въ то же время несомнѣнно касаются ближайшихъ нуждъ земледѣльческой промышленности. Возьмите, напр., тѣ вопросы, которые затронуты въ рѣчи министра земледѣлія. «Техника сельскаго хозяйства,—говорилъ онъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій особаго совѣщанія, — за послѣднія 20 лѣтъ сдѣлала весьма большіе успѣхи даже въ увеличеніи производительности земли, и если тѣмъ не менѣе сельское хозяйство находится въ тяжеломъ положеніи, то это является результатомъ экономическихъ условій, неблагопріятно складывающихся для сельскаго хозяйства. Отсюда слѣдуетъ, что вопросы экономическіе должны быть выдвинуты на первый планъ. Къ числу ихъ должны быть отнесены: общія мѣры къ улучшенію экономическихъ условій русской сельскохозяйственной промышленности, мѣры къ улучшенію положенія землевладѣнія, какъ крупнаго — помѣщичьяго, — такъ и мелкаго — крестьянскаго», — и т. д. Несомнѣнно, что вопросы, на которыхъ остановилъ вниманіе министръ земледѣлія, могутъ быть названы вопросами «первостепенной важности» для сельскаго хозяйства и ставятся они безспорно «ближайшими нуждами» земледѣльческой промышленности. Но развѣ возможно имъ отказать въ значеніи важнѣйшихъ общегосударственныхъ вопросовъ? Какъ же должно отнестись къ нимъ особое совѣщаніе? Поставить ли ихъ на первый планъ, какъ рекомендуетъ министръ земледѣлія, и заняться подробной разработкой соотвѣтствующихъ мѣропріятій, или только указать, что желательны перемѣны, напр., въ таможенной политикѣ, въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, въ системѣ пользованія казенными земель-

ными имуществами, предоставивъ дальнѣйшее обсужденіе этихъ вопросовъ заинтересованнымъ министерствамъ?

Трудность отыскать надлежащій критерій въ подобныхъ случаяхъ такъ велика, что особое совѣщаніе не могло не предвидѣть ея. Второй параграфъ положеній 22-го марта свидѣтельствуетъ, что совѣщаніе заранѣе считается съ этимъ затрудненіемъ. Оно намѣрено обсуждать всѣ вопросы, касающіеся сельскохозяйственной промышленности. Но въ какомъ порядкѣ долженъ рѣшаться каждый подлежащій обсужденію вопросъ,—опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самимъ совѣщаніемъ, а при разногласіяхъ въ его средѣ будутъ испрашиваться особыя Высочайшія указанія. Такимъ образомъ и послѣ того, какъ совѣщаніе установило границы предстоящей ему работы, вопросъ объ этихъ границахъ не могъ считаться вполнѣ разрѣшеннымъ. Ясно только, что на пути къ разрѣшенію задачи, возложенной на совѣщаніе, на первыхъ же шагахъ ветрѣтились нѣкоторыя препятствія, напоминавшія о тщетѣ прежнихъ попытокъ широкаго обсужденія больныхъ вопросовъ русской жизни.

Не легче было совѣщанію, какъ оказалось, сдѣлать и второй шагъ въ желательномъ направленіи.

Въ такомъ жизненномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ, какъ сельское хозяйство, нецѣлесообразно предпринять какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды должны удовлетворить эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія. Поэтому опросъ мѣстныхъ людей и учрежденій представляется безусловно необходимымъ. Такъ изложены въ правительственномъ сообщеніи отъ 27-го марта мотивы, по которымъ особое совѣщаніе въ принципѣ признало желательнымъ и полезнымъ получить мѣстные отзывы прежде всего—вообще о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и мѣрахъ содѣйствія ей, а впослѣдствіи — и объ отдѣльныхъ законопроектахъ, выработанныхъ самимъ совѣщаніемъ. Мысль объ обращеніи къ этому источнику за свѣдѣніями и заключеніями такъ основательна, такъ естественна, что по существу, конечно, не можетъ вызвать возраженій. Не удивительно, что и особое совѣщаніе, «вполнѣ присоединяясь къ изложенному мнѣнію, *единогласно* высказалось за необходимость опроса мѣстныхъ учрежденій и дѣятелей». Но форма и способы участія мѣстныхъ силъ въ дѣлѣ выясненія нуждъ сельскаго хозяйства могутъ быть различны, и съ этой стороны принятое рѣшеніе вопроса представлялось далеко небезспорнымъ.

Строго говоря, опроса мѣстныхъ *учрежденій* вовсе не было произведено, а что касается мѣстныхъ дѣятелей, то лишь весьма огра-

ниченный контингентъ ихъ прямо привлекался къ выполненію этой важной задачи. Напомнимъ, что согласно п. II Положенія особаго совѣщанія 22-го марта, въ губерніяхъ и уѣздахъ образованы были мѣстные комитеты смѣшаннаго состава. Въ нихъ вошли по должности старшіе губернскіе чиновники разныхъ вѣдомствъ, предводители дворянства, предсѣдатели и члены земскихъ управъ и предсѣдатели сельскохозяйственныхъ Обществъ. По особому приглашенію членами комитетовъ кромѣ того могли быть и другія лица, участіе которыхъ признано предсѣдателями комитетовъ, т.-е. губернаторами и уѣздными предводителями, полезнымъ для дѣла. Эти-то комитеты, а не какія-либо изъ существующихъ мѣстныхъ учрежденій, и призваны были сообщать особому совѣщанію свѣдѣнія и заключенія по его запросамъ. Въ одномъ мѣстѣ правительственнаго сообщенія отъ 27-го марта было справедливо указано, что «въ дѣлѣ опроса желательно возможно *точнѣе* выяснить мнѣніе тѣхъ, кто *непосредственно* соприкасается съ сельскохозяйственной промышленностью». Но этого всего труднѣе было достигнуть именно при данной организаціи опроса. Какъ учрежденіе, комитеты не имѣли непосредственнаго отношенія къ сельскохозяйственной дѣйствительности. Они должны были свѣтить, такъ сказать, заимствованнымъ свѣтомъ.

Поэтому можно было опасаться, что отзывы комитетовъ не выразятъ взглядовъ, хотя бы только преобладающихъ той или иной мѣстности среди компетентныхъ людей и учрежденій. Этого можно было достигнуть и при помощи комитетовъ, но только въ томъ случаѣ, если бы въ составъ ихъ дѣйствительно введены были представители всѣхъ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденій. И если на дѣлѣ уѣздные комитеты во многихъ губерніяхъ выполнили свою задачу вполнѣ успѣшно, то лишь потому, что предсѣдатели ихъ на этотъ разъ исправили существенный недостатокъ правилъ 22 марта, широко воспользовавшись правомъ приглашенія свѣдущихъ лицъ въ члены комитетовъ. Весьма нерѣдко по этой причинѣ въ нихъ были представлены, хотя и не вполнѣ равномѣрно, всѣ слои сельскаго населенія; въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ въ составъ комитетовъ вошли всѣ земскіе гласные, и это, хоть и не могло замѣнить прямого опроса земскихъ собраній, значительно облегчило задачу выясненія мѣстныхъ нуждъ, такъ какъ, по признанію самихъ комитетовъ, земскія учрежденія, являясь у насъ единственными представителями всего населенія, располагаютъ наилучшими средствами и наиболѣе полною возможностью правильнаго выполненія этой задачи. А между тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что земскія учрежденія даже тамъ, гдѣ они по собственному почину занялись обсужденіемъ вопросовъ, интересовав-

шихъ особое совѣщаніе, встрѣтились съ «недоразумѣніемъ», довольно обычнымъ въ нашей практикѣ мѣстнаго управленія.

Ярче всего это недоразумѣніе обнаружилось въ распоряженіи казанскаго губернатора, который воспрепятствовалъ обсужденію въ экономическомъ совѣтѣ при казанской губернской земской управѣ опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе пунктовъ программы особаго совѣщанія. Казалось бы, что въ правѣ эемства обсуждать нужды земледѣлія, хотя бы и по программѣ особаго совѣщанія, не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія. Законъ (п. XI, ст. 2-й Пол. 12-го іюня 1890 г.) прямо относитъ къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій «воспособленіе зависящими отъ земства способами мѣстному земледѣлію»; слѣдовательно, обсужденіе всякаго рода вопросовъ, касающихся нуждъ сельскаго хозяйства, безспорно входитъ въ компетенцію земскихъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи вопросы, намѣченные особымъ совѣщаніемъ, не составляютъ исключенія, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ еще недавно рекомендовались особенному вниманію земства. Такъ, въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 1-го января 1901 г., по поводу новыхъ правилъ о народномъ продовольствіи, указывалось, что въ «сферу компетенціи земскихъ учрежденій» входятъ такіе вопросы, какъ организація сельскохозяйственной статистики, изученіе причинъ періодическихъ неурожаевъ, мелкій сельскохозяйственный кредитъ, распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній и низшаго техническаго образованія, мѣры къ введенію разныхъ меліорацій, улучшеніе условій сбыта, распространеніе и поддержка кустарныхъ и иныхъ подсобныхъ для земледѣлія промысловъ и т. д., и т. д. Не трудно убѣдиться, что этотъ перечень совпадаетъ съ содержаніемъ большей части опубликованной программы особаго совѣщанія. Мало того, достаточно извѣстно, что нѣкоторые вопросы этой программы весьма близко касаются мѣропріятій, осуществляемыхъ земствомъ на практикѣ. Какъ же можно сомнѣваться въ правѣ земскихъ учрежденій обсуждать эти вопросы? Изъ сообщеній мѣстныхъ корреспондентовъ видно, что начальникъ Казанской губерніи разсуждаетъ такъ: «для сообщенія особому совѣщанію свѣдѣній и заключеній по вопросамъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ губерніяхъ и уѣздахъ учреждены мѣстные комитеты, на обсужденіе коихъ и переданы пункты программы занятій названнаго совѣщанія. Посему, согласно точному смыслу Высочайшаго повелѣнія, обсужденіе упомянутыхъ вопросовъ не можетъ входить въ компетенцію земскихъ собраній и ихъ исполнительныхъ органовъ». Намъ кажется, напротивъ, что это толкованіе вовсе не соотвѣтствуетъ ни смыслу, ни буквѣ Высочайше утвержденнаго 22-го марта Положенія особаго совѣщанія.

Образованіе временныхъ комитетовъ на мѣстахъ ни въ чемъ не умаляетъ компетенціи земскихъ учрежденій. Дѣйствительно, прямая и единственная задача этихъ комитетовъ — сообщеніе особому совѣщанію свѣдѣній и заключеній о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы земство и другія мѣстныя учрежденія были лишены права сообщать совѣщанію свои свѣдѣнія и заключенія по интересующимъ его вопросамъ. Ни въ Положеніи 22-го марта, ни въ журналахъ особаго совѣщанія, посвященныхъ этому предмету, не содержится подобнаго ограниченія. Совѣщаніе рѣшило выяснить взгляды мѣстныхъ дѣятелей на нужды сельскохозяйственной промышленности, обратясь къ содѣйствію временныхъ комитетовъ опредѣленнаго состава и не производя особыхъ опросовъ ни земскихъ учрежденій, ни мѣстной администраціи, ни помѣстнаго дворянства, ни сельскохозяйственныхъ обществъ. Такова, въ короткихъ словахъ, сущность разсматриваемой мѣры. Единственнымъ послѣдствіемъ ея для названныхъ учрежденій было то, что ни одно изъ нихъ не получило отъ особаго совѣщанія приглашенія высказаться по вопросу о мѣстныхъ нуждахъ земледѣлія. Но само собою разумѣется, что установленная закономъ компетенція мѣстныхъ учрежденій, не подвергшихся опросу, отъ того нисколько не умалилась. Въ частности, они не могли лишиться права обсуждать всѣ вопросы, входящіе въ предѣлы ихъ компетенціи, только потому, что тѣ же вопросы обсуждаютъ мѣстные комитеты. Каждое изъ перечисленныхъ учрежденій можетъ, по собственному почину, сообщать особому совѣщанію свои свѣдѣнія и заключенія, какъ это могутъ дѣлать и дѣлаютъ, если находятъ полезнымъ, частныя лица.

Страннѣе всего, что у губернской администраціи возникло сомнѣніе именно въ правѣ земства представить особому совѣщанію свои заключенія по опубликованной имъ программѣ. Законъ, какъ мы видѣли, возлагаетъ на земскія учрежденія содѣйствіе мѣстному сельскому хозяйству «зависящими отъ земства способами», но къ числу этихъ способовъ Положеніе 12 го іюня 1890 года относитъ между прочимъ «представленіе правительству, чрезъ губернаторовъ, ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ» (п. 14-й ст. 63-й Пол. о земск. учрежд.). Не очевидно ли, что, намѣреваясь представить особому совѣщанію свои соображенія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, земство только пользуется своимъ законнымъ правомъ ходатайства, прибѣгаетъ къ одному изъ «зависящихъ» отъ него способовъ содѣйствія сельскому хозяйству. Къ сказанному можно прибавить еще, что этому способу дѣйствія земскихъ учрежденій самъ законъ придаетъ особенно важное значеніе, «устраняя съ одной сто-

роны,—какъ писало еще недавно министерство внутреннихъ дѣлъ въ отзывѣ на одно изъ земскихъ ходатайствъ,—возможность оставленія земскихъ ходатайствъ безъ движенія губернскою властью, съ другой,— обезпечивая подробное и тщательное ихъ обсужденіе въ подлежащихъ центральныхъ установленіяхъ». Въ томъ, что законъ стремится именно къ этой цѣли, — сомнѣнія быть не можетъ. Въ этомъ убѣждаютъ и стт. 86-я (примѣч.) и 104-я Полож. о земск. учрежд., обязывающія губернаторовъ направлять въ подлежащія министерства всѣ безъ исключенія земскія ходатайства, отнюдь не останавливая ихъ по собственному усмотрѣнію, и ст. 26-я Учрежд. ком. мин., въ силу которой земскія ходатайства отклоняются не властью отдѣльныхъ министровъ, а по положеніямъ комитета министровъ.

Не меньше, если не больше, сомнѣній возбудили на практикѣ и полномочія самихъ комитетовъ. Намѣчая общій планъ своихъ занятій, особое совѣщаніе нашло нужнымъ выработать программу вопросовъ, которые должны служить предметомъ ближайшихъ его работъ. Большая часть этой программы была сообщена на заключеніе мѣстныхъ комитетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опубликована во всеобщее свѣдѣніе. Какіе вопросы изъ числа намѣченныхъ совѣщаніемъ не были переданы для обсужденія на мѣстахъ,—неизвѣстно. Но, быть-можетъ, именно по причинѣ сокращенія программа совѣщанія въ томъ видѣ, какъ она опубликована, производитъ впечатлѣніе неполноты и неравномѣрности въ развитіи отдѣльныхъ частей. Между 27-ю вопросными пунктами, сообщенными комитетамъ, нѣтъ, напримѣръ, ни одного, въ которомъ затрогивались бы вопросы объ организаціи и дѣятельности мѣстныхъ административныхъ учрежденій, о земскомъ самоуправленіи, о крестьянскомъ общественномъ управленіи, хотя все это вопросы, имѣющіе огромное значеніе для сельскохозяйственной промышленности. Замѣтный пробѣлъ въ опубликованной программѣ составляетъ также отсутствіе въ ней какихъ-либо упоминаній о существенномъ для сельскаго хозяйства податномъ дѣлѣ. Не нашлось мѣста въ этой программѣ и нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ экономической политики (напримѣръ, о мѣрахъ правительственнаго содѣйствія расширенію крестьянскаго землевладѣнія); другіе вопросы этого рода затронуты въ программѣ вскользь (напр., переселенческій вопросъ). Вообще главное содержаніе опубликованной особымъ совѣщаніемъ программы составляютъ вопросы, касающіеся усовершенствованія сельскохозяйственной техники, распространенія спеціальныхъ знаній и облегченія сбыта сельскохозяйственныхъ произведеній. Но кромѣ всѣхъ тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые вошли въ программу, мѣстнымъ комитетамъ былъ предложенъ и общій вопросъ о нуждахъ нашей сельскохозяйственной

промышленности, «дающій имъ,—какъ сказано въ журналѣ особаго совѣщанія,—полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ». Позднѣе, когда на мѣстахъ, въ виду неполноты и односторонности сообщенной комитетамъ программы, возникли сомнѣнія, «о чемъ и въ какихъ предѣлахъ возможно допускать сужденія» въ комитетахъ, предсѣдатель особаго совѣщанія циркулярнымъ отношеніемъ предсѣдателямъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ снова разъяснилъ, что тѣмъ и другимъ комитетамъ «предоставленъ полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ на современное положеніе сельскохозяйственной промышленности и на мѣры воспособленія ей въ зависимости отъ дѣйствительныхъ нуждъ данной мѣстности». Однако, какъ извѣстно, послѣдующія событія показали, что и это разъясненіе вопроса «о предѣлахъ» допустимыхъ «сужденій» не устранило съ пути комитетовъ нежелательныхъ осложненій и прискорбныхъ помѣхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, напр., шестнадцать членовъ московскаго губернскаго комитета (въ томъ числѣ весь составъ губернской земской управы, нѣсколько предводителей дворянства и предсѣдателей уѣздныхъ управъ) признали въ одномъ изъ первыхъ засѣданій свою работу въ комитетѣ «безполезною и непроизводительною» [1]), именно потому, что выяснилась невозможность обсужденія «вопросовъ о правовомъ положеніи сельскаго населенія и о правильной постановкѣ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій» [2]). Отказъ отъ участія въ работахъ тамбовскаго губернскаго комитета семнадцати его членовъ—(опять-таки—весь составъ губернской управы, уѣздные предводители дворянства и предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ) послѣдовалъ по той же причинѣ. «Какъ это выяснилось изъ первыхъ двухъ засѣданій,—пишутъ они въ своемъ заявленіи [3])—предложенія нѣкоторыхъ членовъ комитета не только внести на обсужденіе вопросы, обсуждавшіеся въ уѣздныхъ комитетахъ, но хотя бы только огласить ихъ, были встрѣчены со стороны г. предсѣдателя категорическимъ отказомъ». Остракизму и въ этомъ случаѣ подвергся общій вопросъ «объ условіяхъ жизни мѣстнаго населенія», подъ которымъ авторы заявленія, какъ видно, напр., изъ доклада предсѣдателя темниковскаго комитета, разумѣютъ именно вопросы о правовомъ положеніи сельскаго населенія и объ условіяхъ дѣятельности общественнаго управленія [4]). Четырнадцать членовъ тверского губернскаго комитета, изъ числа мѣстныхъ земскихъ дѣятелей и представителей мѣстнаго дво-

---

[1]) Тр. М. К., XXIII, стр. 48.
[2]) Тамъ же.
[3]) XLI, стр. 22.
[4]) Т. М. К., XLI, стр. 23 и 386.

рянства, сочли необходимымъ выйти изъ состава комитета также потому, что предсѣдатель его рѣшительно воспротивился обсужденію вопросовъ о провомомъ положеніи крестьянъ и о мѣстномъ самоуправленіи [1]). Эти примѣры не могутъ считаться единичными, исключительными: они характеризуютъ, правда, въ рѣзкихъ чертахъ условія работы мѣстныхъ комитетовъ не въ двухъ трехъ губерніяхъ, а во многихъ. Только въ другихъ случаяхъ по разнымъ причинамъ дѣло не дошло до явнаго конфликта и протестъ выразился въ болѣе мягкихъ формахъ. Такъ, напр., въ Харьковѣ, послѣ того какъ предсѣдатель губернскаго комитета заявилъ, что онъ не допуститъ обсужденія вопросовъ, не вошедшихъ въ программу особаго совѣщанія (что представлялось неправильнымъ даже съ узко-формальной точки зрѣнія), было лишь представлено «особое мнѣніе», пріобщенное къ протоколамъ комитета. Доказывая, что харьковскій губернаторъ своимъ «произвольнымъ» распоряженіемъ лишилъ комитетъ возможности «достаточно полно и правильно выполнить возложенную на него задачу» [2]), авторъ особаго мнѣнія имѣлъ въ виду оставить при дѣлахъ комитета, такъ сказать, оправдательный документъ: онъ желалъ, чтобы впослѣдствіи «членамъ харьковскаго комитета не могло быть сдѣлано упрека въ томъ, что они недостаточно серьезно отнеслись къ дѣлу». Для другихъ комитетовъ (напр., воронежскаго, казанскаго, пензенскаго) защитой противъ подобныхъ нареканій послужатъ, вѣроятно, краткія отмѣтки въ опубликованныхъ журналахъ ихъ засѣданій, въ такомъ родѣ: предсѣдатель «изъялъ изъ обсужденія заключеніе о необходимости измѣненія крестьянскаго правового строя» [3]); общій вопросъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, вопросъ о «поднятіи уровня земледѣльческаго населенія въ культурномъ, правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ», возбужденный нѣкоторыми членами комитета, «былъ снятъ въ прошломъ засѣданіи распоряженіемъ предсѣдателя» [5]) и т. д.

Въ уѣздныхъ комитетахъ такъ называемые «общіе» вопросы, или вопросы, не предусмотрѣнные «пунктами» особаго совѣщанія, допускались къ обсужденію сравнительно легче. Но и здѣсь попытки обратить вниманіе комитетовъ на важнѣйшія нужды деревни нерѣдко оказывались тщетными. «Въ ялтинскомъ комитетѣ,—жалуется, напр., одинъ изъ его членовъ,—не былъ допущенъ ни одинъ изъ возбуж-

---

[1]) Т. М., К. т. XLII, стр. 47, 62.
[2]) Т. М. К., т. XLV, стр. 53.
[3]) Тамъ же стр. 54.
[4]) Т. М. К., т. XIII, стр. 9. Особ. мнѣніе Н. Н. Ковалевскаго.
[5]) Т. М. К., т. XXIX, стр. 3 и 5.

денныхъ другими комитетами общихъ вопросовъ» [1]). «Вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній едва ли имѣетъ что-либо общее съ нуждами сельскохозяйственной промышленности...—говорилъ предсѣдатель глазовскаго комитета,—да кромѣ того затронутые въ докладѣ вопросы имѣютъ государственный характеръ и обсуждать ихъ мы не призваны» [2]). «Что же касается вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, то,—читаемъ мы въ протоколѣ макарьевскаго (Костромской губ.) комитета,—предсѣдатель заявилъ, что онъ не можетъ допустить обсужденія этого вопроса» [3]). «По нѣкоторымъ соображеніямъ,—заявляетъ и предсѣдатель малмыжскаго комитета,—я исключаю изъ обсужденія два положенія (доклада комиссіи по правовымъ вопросамъ) объ административной опекѣ и объ административныхъ взысканіяхъ [4]). По общему правилу, предсѣдатели комитетовъ не считали нужнымъ разъяснять, на основаніи какихъ именно соображеній они отклоняютъ обсужденіе того или другого вопроса. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ были сдѣланы откровенныя признанія, что «на это имѣются особыя предписанія» [5]). Только часть отвергнутыхъ въ такомъ порядкѣ докладовъ и предложеній увидѣла свѣтъ и въ офиціальномъ изданіи «Трудовъ» мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Мало того: въ это изданіе вовсе не попали труды нѣсколькихъ комитетовъ. Такъ, напр., въ обзорѣ работъ, посвященныхъ изслѣдованію нуждъ Тверской губ., нѣтъ отчета одного изъ уѣздныхъ комитетовъ, новоторжскаго, хотя изъ разныхъ документовъ, опубликованныхъ въ томъ же томѣ, видно, что этотъ комитетъ не бездѣйствовалъ и представилъ въ губернскій комитетъ свое мнѣніе о деревенскомъ оскудѣніи и средствахъ борьбы съ этимъ недугомъ. Въ журналъ губернскаго комитета, между прочимъ, занесено, напр., что въ одномъ изъ засѣданій его были доложены выдержки изъ новоторжскаго отзыва о причинахъ современнаго сельскохозяйственнаго разстройства; но «вотъ всѣ эти-то причины, перечисленныя новоторжскимъ комитетомъ», губернаторъ призналъ «вопросами общегосударственными» [6])—и самый слѣдъ труда цѣлаго комитета оказался затеряннымъ.

Чтобы дополнить описаніе тѣхъ трудностей, съ которыми была сопряжена дѣятельность комитетовъ по изслѣдованію общихъ причинъ современнаго деревенскаго недуга, надо отмѣтить еще два факта.

---

[1]) Т. М. К., т. XL, стр. 2.
[2]) Т. М. К., т. X, стр. 231.
[3]) Т. М. К., т. XVII, стр. 47.
[4]) Т. М. К., т. X, стр. 326.
[5]) Тамъ же, стр. 231.
[6]) Т. М. К., т. XLII, стр. 4.

Одинъ изъ самыхъ обширныхъ томовъ въ «Трудахъ мѣстныхъ комитетовъ», изданныхъ особымъ совѣщаніемъ, составили матеріалы по Курской губерніи. Почти четвертая часть этого тома занята докладами, записками и другими работами суджанскаго комитета. А между тѣмъ въ сводъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ, сдѣланный для курскаго губернскаго комитета, ничего не внесено отъ имени суджанскаго комитета, «какъ не представившаго своихъ протоколовъ и не сдѣлавшаго никакихъ постановленій» [1]). Въ полную противоположность Курской, матеріалы по Воронежской губерніи составили въ офиціальномъ изданіи тощую брошюрку. Журналы засѣданій воронежскаго, землянскаго и новохоперскаго комитетовъ, какъ оказывается, «въ особое совѣщаніе не представлены» [2]). Отчетъ же о дѣятельности губернскаго комитета требуетъ существеннаго дополненія. «По открытіи засѣданія (4 февраля),—значится на первой страницѣ этого тома въ первомъ протоколѣ воронежскаго губернскаго комитета,—предсѣдатель комитета сообщилъ, что въ засѣданіяхъ губернскаго комитета, происходившихъ 10, 11 и 12 октября 1902 года, хотя и были разсмотрѣны постановленія уѣздныхъ комитетовъ по вопросамъ, означеннымъ въ программѣ особаго совѣщанія, подъ А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З и И п. п., но журналъ этихъ засѣданій составленъ не былъ, а потому предложилъ приступить къ обсужденію вопросовъ съ первыхъ пунктовъ программы Особаго Совѣщанія» [3]). И обсужденіе программы, дѣйствительно, началось вновь съ первыхъ пунктовъ, а что сталось съ прежними постановленіями комитета, въ офиціальномъ изданіи «Трудовъ» мѣстныхъ комитетовъ объ этомъ свѣдѣній не сообщено, должно быть, вслѣдствіе того, что журналъ засѣданій не былъ своевременно составленъ.

Условія работы мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ не благопріятствовали широкой постановкѣ вопроса о причинахъ деревенскаго оскудѣнія и особенно обсужденію и оцѣнкѣ правовыхъ условій сельскаго быта. Тѣмъ не менѣе, если въ данномъ случаѣ мѣстная экспертиза дала положительные результаты, то прежде всего, конечно, по отношенію къ современному правовому строю деревни: изъ многочисленныхъ, единодушныхъ и недопускающихъ никакого перетолкованія отзывовъ мѣстныхъ людей видно, что одною изъ самыхъ насущныхъ и неотложныхъ нуждъ деревни они считаютъ устраненіе тяготѣющей надъ крестьянами административной опеки.

---

[1]) Т. М. К., т. XIX, стр. 2.
[2]) Т. М. К., т. XIX, стр. 13.
[3]) Т. М. К., т. IX, стр. 1.

Въ этомъ отношенiи комитеты, можно сказать, превзошли самыя смѣлыя ожиданiя. Какъ ни стѣснительны были условiя ихъ работы какъ ни значительно влiянiе и даже прямая зависимость многихъ членовъ ихъ отъ мѣстныхъ и общихъ административныхъ властей, какъ ни преобладало въ комитетахъ представительство землевладѣльческихъ интересовъ,—все-таки никто не сомнѣвался и въ то время, когда комитеты приступали къ своимъ работамъ, что въ составѣ ихъ окажутся люди, неспособные уклониться отъ строгаго выполненiя долга. А этотъ долгъ для многихъ, конечно, состоялъ въ открытомъ признанiи, что одною изъ коренныхъ причинъ современнаго упадка деревни является ея нынѣшнiй «правопорядокъ». Но даже тогда, когда въ разныхъ концахъ Россiи раздались въ средѣ комитетовъ голоса, призывавшiе мѣстныхъ людей вступить на этотъ единственно правильный и достойный ихъ призванiя путь, могли еще существовать опасенiя, говоря словами одного сельскаго священника, обратившагося съ письмомъ въ мѣстный комитетъ, что «этихъ благородныхъ голосовъ немного и ихъ затираетъ большинство, понятно, по какимъ причинамъ: страха ради iудейска» [1]). Противъ обыкновенiя, русская дѣйствительность не оправдала этихъ опасенiй. Произнести рѣшительный приговоръ системѣ административной опеки комитетамъ не помѣшали, въ конечномъ счетѣ, ни тѣ соображенiя, о которыхъ говоритъ авторъ письма, ни соображенiя другого рода, не менѣе влiятельныя въ подобныхъ случаяхъ, краснорѣчивымъ выразителемъ которыхъ явился, напр., предсѣдатель симбирскаго губернскаго комитета. «Отъ себя, — говорилъ онъ, — при открытiи совѣщанiя нашего, составленнаго главнымъ образомъ изъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ - дворянъ, выскажу. Намъ при разрѣшенiи столь важныхъ вопросовъ, какъ тѣ, о которыхъ придется намъ разсуждать, необходимо отрѣшиться отъ точки зрѣнiя альтруистической, доведенной у нашего дворянства до щепетильности, особливо тогда, когда дворяне выступаютъ въ качествѣ дѣятелей земскихъ» [2]). Въ такомъ призывѣ не забывать о сословныхъ и классовыхъ интересахъ, въ дѣйствительности, не было надобности. Отчеты о трудахъ комитетовъ изобилуютъ доказательствами того, что эти интересы не были забыты. Пересмотрите отвѣты на такiе вопросы, какъ аренда частно-владѣльческой земли, охрана сельскохозяйственной собственности, наемъ на сельскiя работы—и вы убѣдитесь, что рѣшенiя этихъ вопросовъ весьма нерѣдко принимались дѣйствительно въ совѣща-

---

[1]) Т. М. К., т. X, стр. 608.
[2]) Т. М. К., т. XXXVIII, стр. 3.

ніяхъ, «составленныхъ, главнымъ образомъ, изъ землевладѣльцевъ». Мало того: безъ сомнѣнія, «отвлеченный альтруизмъ» всего менѣе руководилъ мѣстными людьми и въ тѣхъ случаяхъ, когда они высказывались за упраздненіе административной опеки и за уравненіе крестьянъ съ другими сословіями предъ закономъ, судомъ и администраціей. И эти рѣшенія были подсказаны прежде всего, конечно, трезвымъ взглядомъ на современное печальное положеніе сельской юстиціи, управленія и общественнаго хозяйства, а затѣмъ, въ немалой мѣрѣ, и хорошо понятымъ интересомъ. Въ данномъ случаѣ повторилось то, что наблюдалось и въ эпоху крестьянской реформы. Вѣроятно, никто не заподозритъ въ «отвлеченномъ альтруизмѣ» тѣхъ изъ числа сторонниковъ освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости, которые говаривали тогда: «освободите не ихъ отъ насъ, а насъ отъ нихъ». Нельзя оспаривать, что и на этотъ разъ въ гаммѣ мѣстныхъ ходатайствъ объ установленіи въ русской деревнѣ режима, достойнаго имени «правопорядка», не отсутствовала и нота извѣстнымъ образомъ понятаго землевладѣльческаго интереса. Если онъ въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ интересами другихъ слоевъ населенія, если онъ гармонируетъ съ современными понятіями о правѣ и справедливости, это значитъ только, что онъ можетъ и долженъ получить удовлетвореніе.

Конечно, обсужденіемъ одного вопроса, какъ онъ ни важенъ, не ограничились комитеты въ своихъ отзывахъ особому совѣщанію. Стремясь выдвинуть «существенно важныя» нужды, широкія общія потребности, для удовлетворенія которыхъ естественно необходимы общія же основныя мѣры, большинство комитетовъ, отзывы которыхъ не были лишь формальной отпиской, весьма послѣдовательно высказалось въ томъ смыслѣ, что никакія агрикультурныя, техническія улучшенія, никакія воспособленія отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства частными мѣрами не въ состояніи улучшить положеніе сельскохозяйственной промышленности, пока не будутъ устранены коренныя препятствія къ ея развитію. Эти препятствія, по мнѣнію многихъ комитетовъ, заключаются въ малой культурности населенія, въ отсутствіи у него ясныхъ и прочныхъ правъ, въ чрезмѣрномъ развитіи административной опеки, въ излишнихъ ограниченіяхъ роли и задачъ мѣстнаго самоуправленія, въ неправильномъ распредѣленіи податного бремени, въ избыткѣ покровительства мѣрами финансовой политики обрабатывающей промышленности и, наконецъ, въ неудовлетворенности основныхъ экономическихъ нуждъ крестьянъ, объясняемой въ нѣкоторыхъ отзывахъ существенными недочетами въ области поземельной политики.

Изъ отзывовъ комитетовъ сложилась такимъ образомъ,—разумѣется, въ существенныхъ лишь чертахъ,—цѣльная программа преобразованій въ современныхъ экономическихъ и правовыхъ условіяхъ сельскаго быта, главными началами которой являются просвѣщеніе массъ, гражданская полноправность крестьянъ, упроченіе ихъ экономическаго положенія и широкое мѣстное самоуправленіе. Конечно, на этой платформѣ сошлись мнѣнія далеко не всѣхъ мѣстныхъ людей. Но иначе и быть не могло. Какъ ожидать, чтобы 11 тыс. человѣкъ, опрошенныхъ при посредствѣ 49-ти губернскихъ и 482 уѣздныхъ комитетовъ на всемъ пространствѣ громадной страны, были совершенно согласны во взглядахъ? Среди мѣстныхъ комитетовъ должны были быть и оказались на дѣлѣ представители самыхъ различныхъ, нерѣдко непримиримыхъ воззрѣній. Но все-таки въ общемъ отзывы комитетовъ обнаружили, что въ русскомъ обществѣ сложилось глубокое убѣжденіе въ необходимости осуществленія указанныхъ важнѣйшихъ пожеланій.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время едва ли допустимы сомнѣнія въ томъ, что работы самаго особаго совѣщанія не приблизятъ насъ къ рѣшенію этихъ важныхъ вопросовъ. Особенно назидательны въ этомъ смыслѣ результаты обсужденія совѣщаніемъ двухъ пунктовъ его программы о сельскохозяйственныхъ рабочихъ и объ арендѣ. Изъ опубликованныхъ журналовъ особаго совѣщанія («Прав. Вѣстн.» 1903, № 281 и 1904 г., № 66) видно, что при обсужденіи «общаго вопроса, не слѣдуетъ ли, для улучшенія положенія и условій труда сельскохозяйственныхъ рабочихъ, принять мѣры, подобныя тѣмъ, какія приняты въ отношеніи фабрично-заводскихъ рабочихъ», въ средѣ совѣщанія возникли «существенныя сомнѣнія» относительно примѣнимости этихъ мѣръ къ сельскимъ рабочимъ. Признавалось, между прочимъ, что «распространеніе на сельскихъ рабочихъ правилъ о вознагражденіи за увѣчья и смерть не находило бы себѣ оправданія» въ виду того, что «установленіе этой новой обязанности увеличило бы не въ мѣру хозяйственный рискъ и едва ли могло бы быть признано отвѣчающимъ задачѣ поднятія сельскохозяйственной промышленности». «Во всякомъ случаѣ,—читаемъ мы далѣе въ томъ же журналѣ,—распространеніе на сельскихъ рабочихъ правилъ, подобныхъ тѣмъ, какія регламентируютъ положеніе рабочихъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской промышленности, могло бы послѣдовать не иначе какъ по тщательномъ изученіи вопроса. Въ настоящее время, какъ замѣтилъ министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ этомъ направленіи еще почти ничего не сдѣлано и не имѣется даже свѣдѣній ни о количествѣ сельскихъ рабочихъ, ни о числѣ и

свойствахъ несчастныхъ случаевъ, — свѣдѣній, на которыхъ можно было бы основываться, а потому къ рѣшенію этого вопроса приступать казалось бы преждевременнымъ». Совѣщаніе признало умѣстнымъ лишь рекомендовать министерствамъ финансовъ и земледѣлія, чтобы «при исполненіи даннаго государственнымъ совѣтомъ порученія о выработкѣ проекта обязательнаго страхованія фабрично-заводскихъ рабочихъ имѣлось въ виду распространеніе этой мѣры и на сельскохозяйственныхъ рабочихъ». Оставленъ открытымъ даже вопросъ о мѣрахъ къ предупрежденію несчастій съ рабочими при употребленіи сельско-хозяйственныхъ машинъ. Признается, что, съ одной стороны, число такихъ несчастій увеличивается, а съ другой,—что огражденіе отъ нихъ рабочихъ весьма желательно; но, по выраженію одного изъ членовъ особаго совѣщанія, «къ разработкѣ этихъ предположеній надлежало бы, однако, отнестись съ особой осторожностью, дабы не возбудить среди сельскихъ хозяевъ опасеній и не создать препятствій къ распространенію у насъ сельскохозяйственныхъ машинъ»... Что касается вопроса объ арендѣ, то основная мысль совѣщанія ясно выражена въ слѣдующемъ его заключеніи: совѣщаніе полагаетъ, что «улучшеніе существующихъ условій аренды и, въ частности, установленіе болѣе нормальныхъ арендныхъ цѣнъ, будучи недоступно прямому воздѣйствію правительства, должно явиться косвеннымъ результатомъ общеэкономическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ уменьшенію самаго спроса на землю со стороны крестьянъ, путемъ поднятія интенсивности крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, облегченія крестьянамъ выхода изъ общества и общины, болѣе широкой организаціи переселенія и разселенія крестьянъ и устраненія черезполосности владѣнія». Словомъ, и по этому вопросу труды особаго совѣщанія не дали осязательныхъ результатовъ.

Въ непродолжительномъ времени на мѣстахъ начнутся работы другихъ комитетовъ, такъ называемыхъ губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Все, что можно было сказать въ свое время о недостаткахъ организаціи комитетовъ особаго совѣщанія, пришлось бы повторить теперь, говоря о новыхъ провинціальныхъ совѣщаніяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, по своему составу и по условіямъ своей дѣятельности, они будутъ ближе къ губернскимъ комитетамъ особаго совѣщанія, а не къ уѣзднымъ. Но сужденія и отзывы послѣднихъ были, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ болѣе независимы и отличались большею широтою взглядовъ, нежели заключенія первыхъ.

Въ настоящее время, однако, трудно предвидѣть результаты новаго совѣщанія съ мѣстными людьми и по другой причинѣ.

Кто призванъ къ выполненію этой отвѣтственной задачи, теперь извѣстно. Выяснилось въ нѣкоторой мѣрѣ и содержаніе того правительственнаго проекта, «дальнѣйшая разработка» котораго и «согласованіе съ мѣстными особенностями» возложены на губернскія совѣщанія. Но остается опредѣлить порядокъ обсужденія дѣла въ совѣщаніяхъ, на что указомъ 8-го января уполномоченъ министръ внутреннихъ дѣлъ. По одному этому на вопросъ, какъ пойдетъ дѣло въ губернскихъ совѣщаніяхъ, какъ оно *должно* пойти при данныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, въ настоящее время отвѣтить было бы трудно. Неизвѣстно одно изъ важнѣйшихъ условій продуктивности работы подобныхъ совѣщаній — «порядокъ обсужденія». Это значитъ, что еще не выясненъ чрезвычайно важный вопросъ, стоявшій и передъ комитетами о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, — вопросъ, «о чемъ и въ какихъ предѣлахъ возможно допускать сужденія» въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ. Тотъ или иной отвѣтъ на вопросъ о свободѣ обсужденія правительственнаго проекта предрѣшитъ многое въ ходѣ дѣла, какими бы ни оказались губернскія совѣщанія по своему личному составу и одушевляющимъ ихъ членовъ взглядамъ и желаніямъ, каково бы ни было содержаніе проектовъ, предлагаемыхъ на ихъ обсужденіе.

Самый объемъ законодательнаго труда, къ участію въ которомъ призываются губернскія совѣщанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе его будутъ зависѣть отъ рѣшенія этого важнаго вопроса. Редакціонная комиссія министерства внутреннихъ дѣлъ, пересматривавшая законодательство о крестьянахъ въ качествѣ первой подготовительной инстанціи, поставила свою задачу въ извѣстныя границы. Эти границы отнюдь не обязательны для губернскихъ совѣщаній. Но только тогда, когда будетъ извѣстно, какъ опредѣленъ «порядокъ обсужденія» въ губернскихъ совѣщаніяхъ, можно будетъ сказать, будутъ ли совѣщанія имѣть фактическую возможность расширить задачи пересмотра. А это важно потому, что, оставаясь «на почвѣ основныхъ началъ Положеніи 19-го февраля 1861 года» и ставя цѣлью пересмотра «ихъ дальнѣйшее развитіе въ соотвѣтствіи съ выяснившимися на опытѣ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ», можно и слѣдуетъ не замыкаться въ тѣ рамки, которыхъ придерживалась комиссія. Въ самомъ дѣлѣ, комиссія признала, напримѣръ, излишнимъ пересмотръ Положенія о выкупѣ въ виду того, что этотъ отдѣлъ нашего законодательства о крестьянахъ «съ близящимся окончаніемъ выкупного процесса совершенно перестанетъ дѣйствовать». Но, во-первыхъ, завершеніе выкупной операціи не такъ уже близко, чтобы признать даже вопросъ о «ходѣ» ея безразлич-

нымъ или маловажнымъ; въ правительственныхъ сферахъ въ настоящее время обсуждается проектъ пониженія выкупныхъ платежей, существенно мѣняющій «ходъ» выкупной операціи. Еще меньше оснований обойти при общемъ пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ вопросъ о «послѣдствіяхъ» выкупа, разъ пересмотру подлежатъ между прочимъ и дѣйствующія правила о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ. Если Положеніе о выкупѣ въ виду яко бы близящейся развязки выкупной операціи дѣйствительно, какъ говорится въ офиціальномъ сообщеніи, остается незатронутымъ министерскими законопроектами, то, стало-быть, осуществленіе важнѣйшей части послѣднихъ отсрочивается не на одинъ десятокъ лѣтъ, а это обстоятельство можетъ въ корнѣ измѣнить отношеніе къ самымъ проектамъ. Другой примѣръ необходимости вывести обсужденіе на мѣстахъ вопроса о крестьянской реформѣ изъ граней, отмежеванныхъ для него редакціонною комиссіей, даетъ принятое ею совершенно произвольное исключеніе изъ состава дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ цѣлаго отдѣла его, признаваемаго ею органическимъ, именно,—Положенія объ установленіяхъ, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами. Такое ограниченіе пересмотра опирается на предположеніе, будто задача редакціонной комиссіи сводится къ «новому соображенію *собственно* крестьянскаго законодательства, т.-е. тѣхъ законовъ, которые опредѣляютъ внутренніе распорядки крестьянской жизни, а отнюдь не тѣхъ, которые устанавливаютъ пріемы управленія крестьянами и характеръ правительственнаго надзора за сословными крестьянскими учрежденіями и возникающими въ крестьянской средѣ отдѣльными явленіями». Однако не подлежитъ сомнѣнію, что въ Высочайшемъ указѣ 8-го января не содержится никакихъ разграниченій между «собственно крестьянскимъ законодательствомъ» и узаконеніями о «пріемахъ управленія крестьянами»: указъ говоритъ вообще о пересмотрѣ «дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ»,—не устанавливая никакихъ исключеній ни для одного изъ отдѣльныхъ Положеній, его составляющихъ и собранныхъ въ Особомъ приложеніи къ IX тому Св. Зак. Не сдѣлано, слѣдовательно, изъятія и для третьей книги Положеній о сельскомъ состояніи, заключающей въ себѣ Положенія о земскихъ начальникахъ, мировыхъ посредникахъ, крестьянскихъ начальникахъ и т. п. Нѣтъ указаній на подобное ограниченіе пересмотра и въ правительственномъ сообщеніи 14-го января 1902 года, въ которомъ было объявлено, что пересмотръ законодательства о крестьянахъ имѣетъ быть произведенъ «на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года». И сама редакціонная комиссія въ первомъ періодѣ своихъ работъ

интересовалась еще вопросомъ о «ближайшемъ надзорѣ особыхъ правительственныхъ органовъ» по крестьянскимъ дѣламъ и по крайней мѣрѣ стремилась найти доводы въ пользу «сохраненія и впредь» не только обособленнаго крестьянскаго общественнаго управленія и суда, но и «спеціальныхъ, вѣдающихъ всѣми крестьянскими интересами учрежденій». Что же побуждало комиссію заниматься этимъ вопросомъ, если, дѣйствительно, ей отнюдь не предоставлено касаться «пріемовъ управленія крестьянами и характера правительственнаго надзора» за ихъ общественными учрежденіями?

По существу дѣленіе нашего законодательства о крестьянахъ на «собственно крестьянское законодательство» и нѣчто придаточное къ нему не выдерживаетъ критики и лишь безъ нужды затрудняетъ пересмотръ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли, пересматривая правила о такихъ безспорно «внутреннихъ распорядкахъ крестьянской жизни», какъ, напр., передѣлы мірской земли, не затронуть вопроса о «пріемахъ управленія крестьянами и характера правительственнаго надзора». Надо только припомнить, что по закону 8-го іюня эти приговоры подлежатъ контролю административныхъ властей въ отношеніи не только законности, но и цѣлесообразности, — и станетъ ясно, что въ этомъ по крайней мѣрѣ случаѣ вопросъ о пріемахъ управленія неотдѣлимъ отъ вопроса о внутреннихъ крестьянскихъ распорядкахъ. Но, скажутъ, правила о передѣлахъ содержатся въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ и какъ разъ въ той части его, которую редакціонная комиссія признала подлежащею пересмотру. Стало-быть, и комиссія, и губернскія совѣщанія, оставаясь въ рамкахъ, очерченныхъ ею, могутъ, если найдутъ полезнымъ, въ данномъ случаѣ внести надлежащую поправку и въ пріемы управленія, а все-таки Положеніе о земскихъ начальникахъ останется внѣ пересмотра. Но въ отношеніи правительственнаго надзора правила о мірскихъ передѣлахъ составлены въ развитіе нѣкоторыхъ статей Положенія о земскихъ начальникахъ и прежде всего ст. 31-й, предоставляющей крестьянскимъ административнымъ властямъ разсматривать всѣ приговоры сельскаго схода съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ выгодамъ сельскаго общества; поэтому пересмотръ Общаго Положенія неизбѣжно долженъ перейти въ запретную область Особаго приложенія къ IX тому Св. Зак. И это не единственный примѣръ, когда грани, поставленныя редакціонною комиссіей для пересмотра, должны пасть. Допустимо ли обсужденіе вопроса о должностныхъ лицахъ волостного и сельскаго общественнаго управленія независимо отъ вопроса о правительственномъ надзорѣ? Что такое, какъ не вопросъ о пріемахъ управленія и предѣлахъ административнаго контроля, поставленная

редакціонной комиссіей задача «учрежденія бдительнаго надзора за всѣмъ ходомъ общественнаго хозяйства и въ особенности за состояніемъ общественныхъ капиталовъ и иныхъ мірскихъ имуществъ». Не очевидно ли, что проектъ преобразованія волостного суда прямо касается нѣкоторыхъ отдѣловъ Положенія о земскихъ начальникахъ? Словомъ, не только губернскія совѣщанія, но и сама редакціонная комиссія силой вещей не могла не расширить задачи пересмотра за предѣлы Общаго Положенія. Но эти частичныя отступленія отъ намѣченной комиссіей программы пересмотра не искупаютъ основной ошибки ея рѣшенія относительно объема возложенной на нее задачи, — ошибки, заключающейся въ искусственномъ ограниченіи предметовъ законодательнаго пересмотра.

Если инструкція, устанавливающая порядокъ работъ губернскихъ совѣщаній, не даетъ полнаго простора для всесторонняго обсужденія современныхъ задачъ крестьянской реформы въ цѣломъ, то дѣло «дальнѣйшей разработки» министерскихъ проектовъ въ этихъ совѣщаніяхъ будетъ поставлено съ самаго начала неправильно, и работы мѣстныхъ совѣшаній не дадутъ положительныхъ результатовъ. Ясно, что губернскимъ совѣщаніямъ надлежитъ обсуждать крестьянскій вопросъ во всемъ его современномъ объемѣ. Это — задача трудная и сложная; но только въ томъ случаѣ, если она будетъ поставлена предъ совѣщаніями, можно питать нѣкоторую надежду, что участіе ихъ въ общемъ пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ не окажется безплоднымъ. Самый пересмотръ, быть-можетъ, лишь при этомъ условіи станетъ въ уровень съ замысломъ, обуженнымъ редакціонною комиссіей, и удовлетворитъ дѣйствительнымъ требованіямъ жизни. Для достиженія этой цѣли губернскія совѣщанія должны получить фактическую возможность не только расширить программу пересмотра, принятую комиссіей, но и подвергнуть провѣркѣ самыя основанія ея работы.

Критика отдѣльныхъ положеній проектовъ представляется совершенно безполезнымъ трудомъ, если нѣтъ убѣжденія въ томъ, что основныя начала преобразованія, въ развитіе которыхъ составлялись проекты, поняты правильно. Но въ данномъ случаѣ, какъ мы увидимъ, больше, нежели въ какомъ-либо другомъ, возможны сомнѣнія въ основательности принятаго редакціонною комиссіей рѣшенія.

Для пересмотра въ свое время были предначертаны два существенныхъ требованія: новый законодательный трудъ долженъ представлять дальнѣйшее развитіе основныхъ началъ Положенія 19-го февраля 1861 года и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовать выяснившимся потребностямъ жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ. Опредѣлить кон-

кретнымъ образомъ эти начала и эти потребности призваны учреждения и лица, участвующія въ составленіи законопроектовъ. Редакціонная комиссія именно съ этого начала свои работы. Понятно, что и губернскимъ совѣщаніямъ, разъ на нихъ возложена дальнѣйшая разработка труда редакціонной комиссіи и согласованіе его съ мѣстными особенностями, необходимо прежде всего твердо установить, въ чемъ заключаются насущныя потребности сельскаго быта въ наше время и что́ надо разумѣть подъ главными началами великаго законодательнаго акта 19-го февраля. Въ томъ и другомъ отношеніи постановленія редакціонной комиссіи для нихъ не имѣютъ обязательной силы и подлежатъ провѣркѣ. Если собственный опытъ и знаніе жизни укажутъ губернскимъ совѣщаніямъ, что дѣйствительныя потребности заключаются не въ томъ, въ чемъ ихъ усмотрѣла редакціонная комиссія, они должны внести въ проектъ поправки, соотвѣтствующія ихъ взгляду на вещи, хотя бы онъ кореннымъ образомъ расходился съ предположеніями редакціонной комиссіи. Точно такъ же и въ томъ случаѣ, когда губернскія совѣщанія найдутъ, что проекты комиссіи сходятъ съ «почвы основныхъ началъ» 19-го февраля, заключеніемъ совѣщаній явится другое рѣшеніе вопроса. Поступить такимъ образомъ губернскія совѣщанія обязаны, въ чемъ бы ни состояла, на ихъ взглядъ, погрѣшность комиссіи,—въ неправильномъ ли приложеніи извѣстнаго принципа, или въ ошибочномъ опредѣленіи одного изъ основныхъ началъ реформы. Исправленіе ошибокъ послѣдней категоріи особенно важно, — въ немъ, какъ мы думаемъ, и заключается первая обязанность губернскихъ совѣщаній; но будутъ ли они въ состояніи выполнить ее,—объ этомъ говорить преждевременно до опубликованія инструкціи о «порядкѣ обсужденія» дѣла въ губернскихъ совѣщаніяхъ и, быть-можетъ, до примѣненія ея на практикѣ.

Какъ бы то ни было, однако губернскимъ совѣщаніямъ необходимо начать свой трудъ съ того же, съ чего начала редакціонная комиссія, т. е. съ «ближайшаго опредѣленія» основныхъ началъ Положеній 19-го февраля. По условіямъ настоящаго пересмотра законодательства о крестьянахъ ту же операцію должна самостоятельно произвести каждая изъ инстанцій, участвующихъ въ работахъ, начиная отъ редакціонной комиссіи, которой принадлежитъ «первоначальное изложеніе» проектовъ, и кончая государственнымъ совѣтомъ, откуда они выйдутъ въ послѣдней редакціи. Такая тщательность въ обработкѣ этой стороны преобразованія требуется потому, что самый вопросъ объ основныхъ началахъ Положеній 19-го февраля возбуждаетъ въ наше время споры.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ основными началами Положеній 19-го февраля, будетъ первымъ вопросомъ, который придется разрѣшить губернскимъ совѣщаніямъ. Положиться всецѣло на опредѣленіе редакціонной комиссіи они не могутъ по одному тому, что существуетъ и другое опредѣленіе, имѣющее право на особенное вниманіе въ данномъ случаѣ. Оно принадлежитъ редакціонной же комиссіи, но не той, которая работала теперь, а тѣмъ редакціоннымъ комиссіямъ, которыя составили самыя Положенія 19-го февраля. Полагаемъ, что имъ основныя начала великаго преобразовательнаго акта должны были быть извѣстны, а между тѣмъ въ ихъ формулировкѣ эти начала значительно разнятся отъ тѣхъ, которыя развиты въ проектахъ нынѣшней редакціонной комиссіи. И это различіе ни въ чемъ, быть-можетъ, такъ ярко не выразилось, какъ въ отношеніи къ тому же «особливому порядку управленія крестьянами», взятому подъ исключительную защиту нынѣшнею редакціонною комиссіей. Въ началѣ своихъ работъ она признала за этимъ «особливымъ порядкомъ» значеніе основного начала крестьянской реформы, а позднѣе склонилась даже къ мысли, что въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ вообще въ настоящее время не подлежитъ пересмотру все, что касается «пріемовъ управленія крестьянами и характера правительственнаго надзора» за крестьянскими общественными учрежденіями. Но старыя редакціонныя комиссіи, хотя и считали необходимымъ для крестьянскихъ обществъ «на первое время руководство и наблюденіе», смотрѣли на особливую администрацію по крестьянскимъ дѣламъ, какъ на «учрежденіе временное, которое постепенно должно упраздняться». И это понятно, такъ какъ цѣль крестьянской реформы составители Положеній 19-го февраля полагали, какъ они выразились въ одной изъ своихъ записокъ, въ «дѣйствительномъ освобожденіи крестьянскаго сословія изъ крѣпостной зависимости и дѣйствительномъ дарованіи ему гражданскихъ правъ». Для достиженія этой цѣли имъ представлялось недостаточнымъ обезпечить крестьянину по закону «личную свободу». Потому на-ряду съ этимъ основнымъ изъ основныхъ началъ Положенія 19-го февраля въ жизнь должны были, по убѣжденію старыхъ редакціонныхъ комиссій, быть проведены два другихъ, не менѣе важныхъ для крестьянъ начала — «прочное обезпеченіе ихъ землей» и «*самостоятельное* мірское управленіе въ обществахъ освобожденныхъ крестьянъ». Но развѣ послѣднее, какъ и дѣйствительное обладаніе гражданскими правами, совмѣстимо съ системой всепоглощающей опеки, на стражѣ которой стоитъ нынѣшняя редакціонная комиссія?

Успѣли ли редакціонныя комиссіи освободительной эпохи осу-

ществить свою задачу? Конечно, не вполнѣ, ибо одно дѣло—установить принципъ, другое—провести его во всѣхъ частностяхъ закона. По условіямъ времени, редакціонныя комиссіи не могли достигнуть полнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ намѣченномъ ими направленіи. Положенія 19-го февраля носятъ на себѣ слѣды многочисленныхъ компромиссовъ съ другими взглядами и стремленіями. Незаконченность и во многихъ отношеніяхъ неполнота труда старыхъ редакціонныхъ комиссій тоже не мало содѣйствовали затемненію ея подлинныхъ основъ. Не меньше, если не больше, отклоненій отъ истинныхъ основныхъ началъ этого памятника освободительной эпохи введено въ дѣйствующее законодательство о крестьянахъ позднѣйшими узаконеніями.

XV.

Крестьянскій вопросъ въ наше время.

День отмѣны крѣпостного права даже офиціально признанъ теперь всенароднымъ праздникомъ. Это значитъ, что къ той борьбѣ за освобожденіе крестьянъ, которая такъ волновала въ свое время страсти, черезъ полвѣка послѣ 19-го февраля 1861 года сохранился лишь историческій интересъ. Но крестьянскій вопросъ, въ широкомъ значеніи вопроса объ устройствѣ и улучшеніи общественнаго и хозяйственнаго быта крестьянъ, и въ настоящее время, какъ мы видѣли, не можетъ считаться разрѣшеннымъ. Мало того: на послѣдніе два-три года приходится рядъ событій, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности могло бы послужить поводомъ къ широкой постановкѣ крестьянскаго вопроса: тутъ и бѣдствіе голода, охватывавшее одновременно десятки губерній, и крестьянскія волненія, принявшія, напр., въ 1902 году небывалые размѣры, и безработица въ промышленныхъ районахъ, обусловленная кризисомъ, корни котораго лежатъ опять-таки въ бѣдности крестьянскаго населенія. Какъ ни внушительны всѣ эти признаки крестьянскаго разстройства, быть-можетъ, особенно важно то, что ихъ нельзя назвать первыми вѣстниками надвигающейся невзгоды. Напротивъ, и неурожаи съ голодовками, эпидеміями и разореніемъ цѣлыхъ областей, и тщетные поиски работы, яркими иллюстраціями которыхъ переполнена исторія народныхъ мытарствъ, именуемыхъ у насъ отхожимъ сельскохозяйственнымъ промысломъ, и даже аграрные безпорядки, какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ судебная хроника, имѣли немало прецедентовъ въ предшествущіе годы. Немудрено поэтому, что всякій разъ, когда

правительство обращается къ мѣстнымъ людямъ съ запросомъ о современныхъ нуждахъ деревни, въ какія бы рамки ни заключалась программа опроса, они въ своихъ отвѣтахъ неизмѣнно выдвигаютъ на первый планъ крестьянскій вопросъ.

«Внимая ужасамъ войны», приходится подводить итоги этой хроники крестьянскаго дѣла за послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ. Россію постигло новое тяжелое испытаніе: волны чуждаго моря уже окрасились русскою кровью, и никто не знаетъ, никто не можетъ сказать, сколько еще потребуется жертвъ, сколько еще прольется крови. Даже такой вопросъ, какъ крестьянскій, кажется, какъ-то не ко времени, охваченному лихорадочными приготовленіями къ борьбѣ, тревоги и заботы которой дѣлаютъ для насъ такъ осязательно близкимъ этотъ далекій Дальній Востокъ и такою далекою и еще болѣе забытою близкую, но захудалую, несмотря на близость, деревню. Рѣзкій поворотъ всѣхъ помысловъ отъ причинъ «оскудѣнія центра», отъ «нуждъ сельскохозяйственной промышленности», отъ исканія лучшаго «правопорядка» для русской деревни къ броненосцамъ и пушкамъ чувствуется особенно сильно въ наши дни. Конечно, выборъ между войной и миромъ не зависитъ отъ воли народовъ, не всегда подчиняется власти самыхъ сильныхъ правительствъ. Но все-таки невольно рождается вопросъ, какъ могло случиться, что въ долгіе годы мира, которымъ пользовалась страна, мы слишкомъ мало успѣли въ разрѣшеніи жизненныхъ государственныхъ и общественныхъ задачъ нашего времени, почему война снова, какъ это было четверть вѣка назадъ, застигла насъ еще только за обсужденіемъ ихъ и властно потребовала отсрочки. И мысль, работая въ этомъ направленіи, находитъ отвѣтъ, охватывая судьбы всего круга преобразованій освободительной эпохи, связанныхъ съ крестьянскою реформой не одною случайною хронологическою близостью.

Существуетъ, какъ мы знаемъ, другая, болѣе глубокая связь между крестьянскимъ вопросомъ и всѣми остальными важнѣйшими вопросами нашей внутренней жизни. Для творцовъ и участниковъ реформъ шестидесятыхъ годовъ она представлялась съ кристальною ясностью, и исторія послѣдующихъ десятилѣтій показала, что они не ошибались, видя въ крестьянской реформѣ не конечную цѣль необходимыхъ для страны преобразованій, а лишь фундаментъ новаго пореформеннаго строя жизни. «Естественную принадлежность правильнаго и мирнаго исхода крестьянскаго вопроса», по мнѣнію лучшихъ представителей общества того времени, призванныхъ къ участію въ трудахъ по освобожденію крестьянъ, составляютъ: «гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда,

отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской и самоуправленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи» (Скребицкій. «Крестьянское дѣло». Т. I). «Печатная гласность»,—говорили дѣятели освободительной эпохи, развивая эту программу преобразованій,— обезпечитъ, что «бóльшая часть злоупотребленій, если не устранится вполнѣ, то по крайней мѣрѣ не будетъ укрыта и, слѣдовательно, не останется безнаказанною». Нуженъ судъ, «самостоятельный судъ, независимый и гласный»,—для творцовъ крестьянской реформы «это ясно какъ день, и противиться этому благодѣтельному учрежденію могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность выгодны». Далѣе, «личная отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ передъ судомъ и закономъ безъ права ссылаться на предписанія начальства въ оправданіе незаконныхъ дѣйствій» выгóдна не только для управляемаго населенія,—выгодна для самой власти, ибо «нравственный авторитетъ независимаго суда поддерживаетъ власть: всякій согласится, что онъ въ этомъ отношеніи сильнѣе милліона штыковъ». Наконецъ, «улучшеніе внутренняго управленія у насъ возможно только при условіи передачи его, въ возможныхъ предѣлххъ, мѣстной общественной дѣятельности», притомъ, само собою разумѣется, что мѣстное управленіе «должно быть общее, выборное для всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ» и что «утвержденіе въ должностяхъ должно зависѣть исключительно отъ правильности избранія, а не отъ произвола административныхъ властей». Только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій, при осуществленіи всей этой программы реформъ мѣстные общественные дѣятели освободительной эпохи надѣялись обезпечить за крестьянами всѣ выгоды личной свободы и, главное, обезопасить ихъ отъ «произвола чиновниковъ». Вотъ почему нѣкоторые изъ нихъ такъ настаивали на проведеніи всѣхъ реформъ одновременно, находя, что «всѣ эти реформы требуются одновременно, во имя блага и спокойствія государства».

Если этотъ планъ не былъ принятъ редакціонными комиссіями, вынесшими на своихъ плечахъ главную тяжесть крестьянской реформы, то отнюдь не по принципіальному разногласію: и съ этой стороны необходимость осуществленія всего цикла внутреннихъ преобразованій признавалась безусловно. Поступить иначе побуждало однако основательное опасеніе, что болѣе сложныя законодательныя работы могутъ отдалить «рѣшеніе крестьянскаго вопроса, составляющее одну изъ самыхъ настоятельныхъ государственныхъ потребностей». Чтобы не упустить первой представившейся возможности искорененія

самаго вопіющаго зла крѣпостныхъ порядковъ, нужно было спѣшить, нужно было ковать, пока было горячо... Правильность этого рѣшенія не замедлила подтвердиться. Можно сказать, что событія перваго же дня послѣ обнародованія Положенія 19 февраля показали, что составители великаго законодательнаго акта хорошо знали условія своего времени и мѣста. Если они ошиблись, то только въ надеждѣ, что недовершенный ими трудъ будетъ законченъ другими.

Годы шли за годами, и если первое время и продолжались работы по выполненію преобразовательнаго плана, твердо начертаннаго русскою общественною мыслью наканунѣ освобожденія крестьянъ, то позднѣе онѣ совсѣмъ остановились... Мало того,—чѣмъ дальше, тѣмъ легче въ строй новыхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій,—какъ бы для доказательства прозорливости одного изъ достойнѣйшихъ дѣятелей эпохи реформъ,—стали «вкрадываться подробности, повидимому, ничего не значащія, но уничтожающія на практикѣ весь смыслъ задуманныхъ реформъ». Мудрено ли, что теперь, черезъ много лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, на вопросъ, что дѣлать для поднятія благосостоянія деревни, отъ лучшихъ мѣстныхъ людей послѣдовалъ единодушный отвѣтъ, который можно резюмировать въ немногихъ словахъ: нужно довершить великую реформу 19 февраля въ духѣ ея началъ и во всемъ объемѣ ея великаго замысла. Необходимо самое широкое образованіе и полный просторъ для общественной и личной инициативы въ дѣлѣ распространенія знаній; необходимо обезпеченіе гласности и печати широкой самостоятельности; необходимо уравненіе крестьянъ въ личныхъ правахъ съ другими сословіями, освобожденіе ихъ отъ административной опеки, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія; необходимо планомѣрное развитіе поземельной политики на началахъ Положенія 19 февраля; необходимо широкое и самостоятельное мѣстное самоуправленіе,—все это такъ давно необходимо, что мѣстные люди, выступающіе съ программой внутреннихъ преобразованій въ наше время, могли бы дословно повторить пожеланія, высказанныя ихъ предшественниками въ концѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка, въ срединѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ. Надо ли искать болѣе осязательныхъ причинъ современнаго разстройства русской деревни? Не справляясь со старыми мѣстными проектами и ходатайствами и строя свои заключенія только на наблюденіяхъ современной дѣйствительности, мѣстные общественные дѣятели черезъ большіе промежутки времени приходятъ все къ тому же заключенію о нуждахъ деревни; они вынуждены обстоятельствами попрежнему все еще только доказывать невозможность разрѣшенія крестьянскаго вопроса внѣ связи съ другими крупными общественными вопросами

и на протяженіи полувѣка настаивать на неотложномъ проведеніи цѣлаго цикла реформъ, охватывающихъ всѣ стороны государственной и общественной жизни народа...

Тяжелое испытаніе, переживаемое Россіей въ настоящій моментъ, потребность въ напряженіи ея силъ на борьбу съ отдаленнымъ врагомъ ведетъ неизбѣжно, вопреки всякимъ желаніямъ, къ новой отсрочкѣ самыхъ важныхъ, самыхъ насущныхъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Но надо помнить, что это только отсрочка. Каковъ бы ни былъ исходъ борьбы на берегахъ Тихаго океана, какъ бы ни были велики и блестящи наши военные подвиги и успѣхи, какъ бы ни были тяжелы испытанія и невзгоды военнаго времени, все же необходимо,—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—вернуться къ старымъ, нерѣшеннымъ вопросамъ объ «оскудѣніи» деревни, объ удовлетвореніи ея матеріальныхъ «нуждъ» и ея страстныхъ исканій свѣта, законности и гражданской свободы, солнце которой стало восходить надъ русскою землей 43 года назадъ, но заволоклось тучами и еще не успѣло согрѣть ея своими живительными лучами.

Владиміръ Розенбергъ.

Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины.

I.

Вопросъ о крестьянской земельной общинѣ сдѣлался въ послѣднее время вновь предметомъ оживленнаго обсужденія въ періодической прессѣ. Притомъ обсужденію подвергается не одна только экономическая сторона дѣла, но и юридическая. Весьма желательно, конечно, чтобы вопросъ былъ разработанъ въ литературѣ какъ можно тщательнѣе. Хотя о русской общинѣ писали сравнительно много, но главнымъ образомъ—со стороны экономической; юридическая разработка пока еще не далеко подвинулась. Такимъ образомъ, если даже среди экономистовъ до сихъ поръ вопросъ объ общинѣ, ея достоинствахъ и недостаткахъ, возбуждаетъ споры, то тѣмъ въ большей степени нужно это сказать о юридической сторонѣ дѣла. Здѣсь сомнѣнія возникаютъ на каждомъ шагу въ виду мало удовлетворительнаго состоянія законодательства, и для выясненія затруднительныхъ пунктовъ съ точки зрѣнія дѣйствующаго права и законодательной политики требуется немало работы. Между тѣмъ именно въ настоящее время особенно умѣстно и желательно освѣщеніе не только экономической, но и юридической стороны вопроса, такъ какъ министерство внутреннихъ дѣлъ вновь приступило къ пересмотру законодательства о крестьянахъ и въ программу его работъ входитъ между прочимъ вопросъ о землепользованіи и гражданскихъ правахъ сельскихъ обывателей. Съ другой стороны и редакціонная комиссія по составленію Гражданскаго Уложенія въ своемъ проектѣ третьей книги помѣстила рядъ статей, содержащихъ предположенія объ устройствѣ крестьянской земельной общины. Предположенія этой комиссіи также заслуживаютъ серьезнаго вниманія, и мы имѣемъ въ виду познакомить съ ними нашихъ читателей. Но предварительно слѣдуетъ разсмотрѣть положеніе вопроса въ дѣйствующемъ законодательствѣ.

Нельзя не признать, что законодательство о крестьянахъ нуждается

въ обстоятельномъ пересмотрѣ и коренной переработкѣ. Его недостатки между прочимъ обнаруживаются именно на вопросѣ о земельной общинѣ. Выяснить положеніе общины съ точки зрѣнія дѣйствующаго права довольно трудно главнымъ образомъ въ виду хаотичности соотвѣтствующихъ отдѣловъ нашего закона. Какъ мы сейчасъ убѣдимся, почти ни на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся гражданско-правового положенія сельскаго общества и порядка землевладѣнія крестьянъ, наше законодательство не даетъ прямого и категорическаго отвѣта, такъ что разрѣшать эти вопросы приходится лишь послѣ обстоятельнаго изученія и сопоставленія всего законодательнаго матеріала, руководствуясь, по преимуществу, «общимъ духомъ закона», данными фактическаго свойства и положеніями теоретической юриспруденіи.

Изслѣдуя юридическое положеніе крестьянской общины, надлежитъ обратить вниманіе главнымъ образомъ на слѣдующіе вопросы. Во-первыхъ, можно ли считать сельское общество особымъ субъектомъ гражданскихъ правъ со свойствами юридическаго лица; во-вторыхъ, признаетъ ли наше законодательство тотъ порядокъ владѣнія и пользованія землей, который принято называть общиннымъ землевладѣніемъ, и, если признаетъ, то какъ этотъ порядокъ представляется законодателю. Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ возникаютъ новые. А именно, слѣдуетъ выяснить, въ-третьихъ, имѣетъ ли сельское общество, владѣющее землею, право собственности на надѣльную землю, или же общинное владѣніе основано на какомъ-либо зависимомъ держаніи земли; въ-четвертыхъ, каково содержаніе правъ отдѣльныхъ общинниковъ на землю, принадлежащую общинѣ, и въ какомъ отношеніи стоятъ эти права къ праву всего общества. Всѣ эти вопросы уже затрогивались въ нашей литературѣ, но разрѣшались различно, и потому ни одинъ изъ нихъ не можетъ остаться безъ пересмотра.

Если общинное владѣніе землею признается нашимъ закономъ, то, конечно, субъектомъ его можетъ быть только крестьянское общество. Поэтому первымъ вопросомъ, подлежащимъ разсмотрѣнію, является вопросъ о гражданско-правовомъ положеніи такого общества. На первый взглядъ вопросъ этотъ рѣшается очень просто. Законъ содержитъ въ себѣ, повидимому, вполнѣ ясныя указанія на гражданско-правовую природу сельскаго общества. Именно, ст. 17-я Общ. Пол. [1]) указываетъ, что «вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне составили по дѣламъ хозяйственнымъ сельскія общества, а

[1]) По изд. 1902 г., I, 47.

для ближайшаго управленія и суда соединены въ волости». Далѣе изъ цѣлаго ряда статей видно, что сельское общество представляется законодателю какъ нѣчто цѣлое, не зависящее отъ смѣны отдѣльныхъ сочленовъ, и что это цѣлое надѣлено особой организаціей, которая даетъ ему возможность выступать въ качествѣ особой единицы въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ; наконецъ, ясно, что за этимъ цѣлымъ признана способность обладать правами на имущество, для которыхъ субъектомъ является именно эта сложная единица, а не отдѣльные входящіе въ его составъ члены. Другими словами, въ наличности имѣются всѣ признаки того, что въ теоріи именуется юридическимъ лицомъ. Въ самомъ дѣлѣ, законъ прямо указываетъ слѣдующее. Во-первыхъ, согласно ст. 22-й Общ. Пол. [1]) крестьяне могутъ входить на основаніи общихъ постановленій во всякіе закономъ дозволенные договоры, обязательства и подряды съ частными лицами и казной не только отдѣльно, но и цѣлыми обществами. Соотвѣтственно съ этимъ и по ст. 34-й Пол. о вык. [2]) выкупной договоръ могъ быть заключенъ между помѣщикомъ и цѣлымъ сельскимъ обществомъ. Во-вторыхъ, законъ прямо говоритъ, что сельское общество можетъ также на основаніи общихъ законовъ пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества (ст. 698, т. X, ч. 1, Св. Зак.; ст. 34-я Общ. Пол.); согласно ст. 31 Общ. Пол. [3]) «мірскіе денежные капиталы и мірскіе же хлѣбные запасы составляютъ собственность крестьянскаго общества»; по ст. 39-й Общ. Пол. [4]) сельскія общества получаютъ выморочныя имущества, оставшіяся послѣ ихъ членовъ. Наконецъ, за сельскими обществами признано право выступать на судѣ въ качествѣ истцовъ и отвѣтчиковъ и избирать для этого особыхъ повѣренныхъ (Общ. Пол. ст. 24 п. 1, ст. 27, ст. 51 п. 9 и 17 [5]). Этихъ указаній закона, намъ кажется, вполнѣ достаточно, чтобы признать сельское общество за юридическое лицо, т.-е. за сложное цѣлое, которое фигурируетъ въ гражданскомъ правѣ въ качествѣ самостоятельнаго субъекта правъ и обязанностей.

Примѣнительно къ общинному землевладѣнію вопросъ однако осложняется слѣдующимъ обстоятельствомъ. Какъ извѣстно, сельское общество у насъ является единицей не только хозяйственной, но и административно-полицейской. Въ этомъ легко убѣдиться, прочитавъ

---

1) По изд. 1902 г. I, 2.
2) По изд. 1902 г. IV, 409.
3) По изд. 1902 г. I, 8.
4) По изд. 1902 г. I, 14.
5) По изд. 1902 г. I, 62 п. 12 и 19; 5.

текстъ стт. 51, 54, 178, 179, 188 Общ. Пол. [1]). Поэтому, хотя въ основу дѣленія крестьянъ на сельскія общества согласно ст. 40-й Общ. Пол. [2]) положенъ принципъ землевладѣнія, но на практикѣ случается, что въ одно сельское общество соединяются крестьяне, не объединенные между собой землевладѣніемъ; такое соединеніе прямо дозволено при наличности нѣкоторыхъ условій ст. 41 Общ. Пол. и примѣчаніемъ къ ней [3]). Можетъ поэтому быть поставленъ вопросъ, позволительно ли считать за юридическія лица и такія группы крестьянъ, которыя, будучи объединены общимъ землевладѣніемъ не составили однако особаго сельскаго общества? Намъ думается, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ утвердительно. Изъ цитированной уже ст. 17-й Общ. Пол. [4]) видно, что законъ создавалъ сельскія общества преимущественно въ цѣляхъ хозяйственныхъ, и ст. 40-я того же Положенія показываетъ, что основнымъ принципомъ дѣленія на сельскія общества послужило именно землевладѣніе крестьянъ. Этотъ принципъ въ цѣляхъ административно-полицейскихъ является прямо неудобнымъ (см. ст. г. Страховскаго, «Вѣст. Пр.» 1900 г., № 6). Поэтому вполнѣ согласно было бы съ духомъ закона признавать въ гражданско-правовомъ отношеніи всѣ права юридическаго лица и за такой группой крестьянъ, которая, будучи объединена въ отношеніи землевладѣнія, не составила однако особаго сельскаго общества согласно ст. 41-й и примѣчанію къ ней. Статья 41-я вызвана, очевидно, соображеніями не цивилистическаго, а административнаго свойства. Такъ смотритъ на дѣло и сенатъ, выразившій свой взглядъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній. Напр., въ рѣшеніи Общ. собр. 1, 2, и касс. деп. $^{88}/_{1}$ (гдѣ между прочимъ сельское общество неоднократно именуется юридическимъ лицомъ) прямо сказано, что «подъ выраженіемъ, употребленнымъ въ ст. 24 прим. 1 Общ. Пол., «крестьянскія общества» слѣдуетъ разумѣть не только сельскія общества, составляющія общественные приговоры на сельскихъ сходахъ по правиламъ 47-й, 52-й, 57-й ст. Общ. Пол., но и общество крестьянъ отдѣльнаго селенія, имѣющаго особый земельный надѣлъ, хотя бы это селеніе не составляло цѣлаго сельскаго общества». Слѣдуетъ замѣтить, что и законъ 23 іюня 1899 г. возложилъ раскладку окладныхъ сборовъ не только на «сельскіе», но и на «селенные» сходы.

Такимъ образомъ первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ рѣшается утвердительно: сельское общество (разумѣемъ подъ этимъ

1) По изд. 1902 г. I, 62, 66, 360, 361, 353, 370.
2) По изд. 1902 г. I, 48.
3) По изд. 1902 г. I, 48 пр. 1.
4) По изд. 1902 г. I, 47.

словомъ и поземельную общину) есть юридическое лицо. Но это еще не предрѣшаетъ вопросовъ о томъ, какого рода право это общество имѣетъ на свою надѣльную землю и признаетъ ли нашъ дѣйствующій законъ тотъ порядокъ пользованія землей, который именуется общиннымъ землевладѣніемъ.

II.

Хотя объ общинномъ землевладѣніи писали не мало, но до сихъ поръ не установилось точнаго опредѣленія, что именно нужно разумѣть подъ этимъ терминомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить хотя бы два новѣйшихъ капитальныхъ изслѣдованія о русской общинѣ: гг. Качоровскаго («Русская Община», Спб., 1900 г.) и А. А. Чупрова (Die Feldgemeinschaft, Strassburg, 1902 г.). Оба автора различно опредѣляютъ самое понятіе общины, при чемъ г. Качоровскій дѣлаетъ разграниченіе владѣнія общественнаго, общиннаго и общаго, но недостаточно разъясняетъ юридическое значеніе этой классификаціи, а г. Чупровъ слишкомъ широко понимаетъ терминъ общиннаго землевладѣнія, относя сюда всѣ случаи, когда совокупность хозяйствъ можетъ такъ или иначе вмѣшиваться въ права на землю каждаго отдѣльнаго хозяйства (стр. 4; ср. стр. 80 и слл). Какъ увидимъ сейчасъ, право такого вмѣшательства общества лишь тогда свидѣтельствуетъ объ общинномъ землевладѣніи, когда оно вытекаетъ изъ признанія общины, а не отдѣльныхъ ея членовъ, настоящимъ хозяиномъ земли. Съ юридической точки зрѣнія подъ общиннымъ землевладѣніемъ нужно разумѣть тотъ случай, когда непосредственное право на землю принадлежитъ обществу, какъ юридическому лицу, такъ что отдѣльные члены общества не имѣютъ непосредственныхъ и въ своемъ основаніи независящихъ отъ общины правъ не только на конкретно-опредѣленные участки общинной земли, но даже и на идеальныя части таковой; но въ то же время пользованіе общинной землей совершается путемъ той или иной разверстки ея между членами общины, причемъ характеръ и продолжительность этой разверстки по существу зависитъ отъ общины (конечно, разверстка эта не должна непремѣнно сводиться къ періодическимъ передѣламъ общинной земли). Если только община утратила это право разверстки окончательно, а отдѣльные общинники пріобрѣли неотъемлемое и независящее отъ общины право на конкретные участки или на идеальныя доли общинной земли, то въ такихъ случаяхъ нельзя признать общиннаго землевладѣнія; здѣсь при наличности извѣстныхъ условій мы можемъ говорить только объ общей собственности на землю. Дѣло въ томъ, что необходимымъ предположеніемъ

земельной общины является принадлежность права на землю коллективному цѣлому, выступающему какъ самостоятельный субъектъ; если же право на землю слагается просто изъ суммы правъ отдѣльныхъ лицъ, то мы получимъ уже совладѣніе или сособственность нѣсколькихъ лицъ, но не земельную общину. Съ другой стороны, конечно, община не измѣняетъ своего юридическаго характера, если законъ ставитъ ея право разверстки въ извѣстныя болѣе или менѣе тѣсныя границы; точно также права отдѣльныхъ общинниковъ и при общинномъ землевладѣніи могутъ быть болѣе или менѣе широки; требуется лишь, чтобы отдѣльныя лица, входящія въ составъ общины, не являлись носителями непосредственныхъ и независимыхъ правъ на опредѣленныя квоты общинной земли, однимъ словомъ, чтобы послѣдняя была землей общества, а не общей собственностью отдѣльныхъ членовъ общества. Такъ смотритъ на дѣло и сенатъ, который, напр., въ рѣш. гражд. кас. деп. $^{87}/_{97}$ разъяснилъ, что «при общинномъ владѣніи полнымъ хозяиномъ общественной (мірской) земли является сельское общество, а каждому члену этого общества принадлежитъ только право владѣнія и при томъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые будутъ установлены обществомъ, міромъ».

Откуда слѣдуетъ, что наше дѣйствующее законодательство о крестьянахъ признаетъ общинное землевладѣніе?

Въ «Мѣстномъ положеніи о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ», ст. 113 [1]), мы читаемъ: «Мірская полевая земля (пашни, покосъ и другія угодья) остается въ общинномъ пользованіи крестьянъ, которымъ она отведена. Примѣчаніе. Общиннымъ называется то обычное пользованіе, при которомъ земля по приговору міра передѣляется или распредѣляется между крестьянами: по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя на землю, отбываются круговою порукой». Если отбросить въ этой статьѣ закона упоминаніе о круговой порукѣ, которая ни въ какой органической связи съ земельной общиной не стоитъ, то она содержитъ въ общемъ довольно правильное опредѣленіе общиннаго землевладѣнія и доказываетъ, что законъ нашъ признаетъ эту форму владѣнія землей для крестьянъ. Однако доказательную силу этой статьи пытаются ослабить ссылкой на то, что мѣстныя положенія имѣютъ временный характеръ, такъ какъ изданы для временно-обязанныхъ крестьянъ, и съ уничтоженіемъ этого состоянія крестьянъ теряютъ свою силу (кн. Оболенскій въ «Русск. Вѣстн.»

---

[1]) По изд. 1902 г. IV, 18.

1894 г. № 7). Противъ такой аргументаціи однако можно возразить многое. Во-первыхъ, сенатъ разъяснилъ (Рѣш. пр. сен $^{87}/_{3690}$), что тѣ только статьи мѣстныхъ Положеній должны считаться утратившими безусловно свою силу, которыми опредѣлялись обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, а не тѣ статьи, коими опредѣлялись поземельныя права крестьянъ и отношенія ихъ къ обществу, помимо обязательныхъ отношеній ихъ къ помѣщику. Во-вторыхъ, и въ Положеніи о выкупѣ мы находимъ ст. 160-ю [1]), которая говоритъ, что земля, выкупленная цѣлымъ сельскимъ обществомъ, признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами; какъ первоначальная разверстка земли,— добавляетъ законъ,—такъ и всякіе послѣдующіе передѣлы оной между крестьянами допускаются не иначе какъ по приговору, утвержденному по крайней мѣрѣ $^{2}/_{3}$-ми общаго числа всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. И въ этой статьѣ совершенно недвусмысленно признанъ принципъ общиннаго землевладѣнія. Чтобы устранить ст. 160-ю, ссылаются однако на предшествующую ей ст. 159-ю [2]), изъ которой слѣдуетъ будто бы, что ст. 160-я имѣетъ силу лишь до окончанія выкупной операціи, а послѣ этого момента къ крестьянскому землевладѣнію должно примѣняться лишь «Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости». И это возраженіе не имѣетъ серьезнаго значенія. Обращаясь къ «Общему положенію», мы опять встрѣчаемся въ немъ съ неоднократнымъ упоминаніемъ объ «общинномъ пользованіи» надѣльною землей, при чемъ не подлежитъ сомнѣнію, что это выраженіе должно быть толкуемо въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно изъяснено законодателемъ въ приведенномъ выше примѣчаніи къ ст. 113-й Полож. Великоросс. Такъ, ст. 51, п. 6 Общ. пол. [3]) говоритъ: «Вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірскою землею, какъ-то: передѣлъ земель, накладка и скидка тяголъ, окончательный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные участки и т. п.». То же самое выраженіе «общинное пользованіе землей» мы встрѣчаемъ еще, напримѣръ, въ п. 1 ст. 54-й [4]) Общ. Пол. Нужно оговориться впрочемъ, что терминологія Общаго Положенія и другихъ Положеній о крестьянахъ отличается, къ сожалѣнію, невыдержанностью. Поэтому въ нѣкоторыхъ статьяхъ этихъ Положеній мы наталкиваемся на неточныя обозначенія общиннаго землевладѣнія. Такъ,

---

[1]) По изд. 1902 г. II, 107.

[2]) По изд. 1902 г. II, 106.

[3]) По изд. 1902 г. I, 62 п. 8.

[4]) По изд. 1902 г. I, 66 п. 1.

ст. 164-я Пол. о вык. [1]) говоритъ о принадлежащемъ отдѣльному крестьянину правѣ на участіе въ общемъ владѣніи пріобрѣтенною обществомъ землей. Стт. 34-я и 35-я Общ. Пол. [2]), которыя въ виду ст. 37-й [3]) могутъ быть отнесены и къ надѣльнымъ землямъ, также говорятъ объ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ. Точно такъ же и въ X т. I ч. Св. Зак. примѣчаніе къ ст. 555-й указываетъ, что «особыя правила о пользованіи и распоряженіи землей, состоящей въ общемъ владѣніи сельскихъ обывателей, изложены въ особомъ приложеніи къ законамъ о состояніяхъ и въ особыхъ мѣстныхъ Положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ». Однако, принимая во вниманіе всѣмъ извѣстную особенность нашего гражданско-правового законодательства, состоящую въ крайней неточности и невыдержанности терминологіи, изъ такихъ отрывочныхъ выраженій закона нельзя выводить никакихъ заключеній. Нужно опираться на общій смыслъ подлежащихъ отдѣловъ законодательства, и намъ кажется, что всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній достаточно, чтобы сказать, что наше дѣйствующее законодательство о крестьянахъ признаетъ институтъ общиннаго землевладѣнія, отличнаго отъ общей собственности на землю, о которой говорятъ ст. 543-я слл. X т. 1 ч. Св. Зак.

III.

Продолжая нашъ анализъ юридическаго положенія крестьянской земельной общины въ Россіи, мы должны заняться вопросомъ о томъ, какова природа права на землю, принадлежащаго крестьянской общинѣ. Дѣло въ томъ, что общинное землевладѣніе возможно не только на земляхъ, принадлежащихъ общинѣ, какъ юридическому лицу, на правѣ собственности; община можетъ пользоваться такимъ образомъ и тѣми землями, которыя она держитъ на основаніи какого-либо иного права. Она можетъ обладать землею на основаніи какого-либо ограниченнаго права на чужую вещь, можетъ арендовать землю и т. п. Требуется при этомъ только, чтобы и въ этихъ случаяхъ субъектомъ права являлась община, чтобы коллективное юридическое лицо, а не отдѣльные общинники, выступало въ качествѣ хозяина земли. До освобожденія крестьянъ у насъ, несомнѣнно, существовало общинное землевладѣніе, но оно примѣнялось къ землѣ, которая принадлежала на правѣ собственности не крестьянскому міру, состоявшему изъ крѣпостныхъ, а помѣщику.

---

[1]) По изд. 1902 г. II, 112.

[2]) По изд. 1902 г. I, 10, 11.

[3]) Въ изд. 1902 г. исключена.

Спрашивается поэтому: каково то право на надѣльную землю, которое принадлежитъ теперь крестьянскимъ обществамъ?

Обращаясь къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, мы находимъ, что право крестьянскихъ общинъ на предоставленную имъ землю было различно въ разные моменты. Крестьяне временно-обязанные получили мірскую землю не на правѣ собственности, а только въ постоянное пользованіе. Это прямо говорится въ ст. 3-й Общ. Пол. [1]), которая гласитъ, что «помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебную ихъ осѣдлость и, сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ мѣстныхъ положеніяхъ». То же самое выражено, напр., въ стт. 5-й и 98-й Пол. Великорос. [2]) и въ стт. 5-й и 92-й Пол. Малоросс. [3]); подробно развиваетъ эту мысль сенатъ въ рѣшеніи гражд. касс. деп. $^{89}/_{122}$. Но положеніе совершенно мѣняется съ переходомъ крестьянъ изъ временно-обязанныхъ (Общ. Пол. ст. 15-я) въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ (ст. 16-я) [4]). Этотъ переходъ, согласно стт. 37-й и 156-й Пол. о вык. [5]), наступаетъ по утвержденіи выкупной сдѣлки съ того срока, въ какой будетъ назначена къ выдачѣ выкупная ссуда [6]). Съ того момента надѣльная земля становится уже собственностью крестьянъ. Это право собственности не подлежитъ никакому сомнѣнію какъ въ виду самаго названія, которое дано въ законѣ крестьянамъ, находящимся въ этомъ положеніи: «крестьяне-собственники», такъ и въ виду совершенно категорическаго заявленія цѣлаго ряда статей Положеній о крестьянахъ о переходѣ именно права собственности; такъ выражаются, напр., ст. 16-я Общ. Пол., стт. 1—4-я, стт. 37-я, 156-я Пол. о вык. [7]); смыслъ этого выраженія особенно выясняется по сравненіи съ вышеприведенной ст. 3-й Общ. Пол., изъ которой слѣдуетъ, что помѣщики сохраняютъ за собой право собственности на отводимыя крестьянамъ земли лишь до тѣхъ поръ, пока крестьяне состоятъ на положеніи временно-обязанныхъ.

---

1) Въ изд. 1902 г. исключена.

2) По изд. 1902 г. IV, 2 и 71.

3) По изд. 1902 г. ст. 5 исключена, а ст. 92 измѣнена (IV, 65).

4) По изд. 1902 г. I, 15.

5) По изд. 1902 г. IV, 411, 452.

6) Съ 1-го января 1883 г. состояніе временно-обязанныхъ уничтожено и всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне переведены въ разрядъ собственниковъ.

7) По изд. 1902 г. I, 15; II, 1, 3, 411, 452.

Если при этомъ выкупная операція совершается не отдѣльными крестьянами, а цѣлыми обществами, то и выкупленная земля становится собственностью всего сельскаго общества, какъ юридическаго лица; это совершенно опредѣленно установлено въ цитированной уже нами раньше 160-й ст. Пол. о вык. Такъ смотритъ на дѣло и X т. 1 ч. Св. Зак. Здѣсь въ ст. 414-й имущества, принадлежащія обществамъ сельскихъ обывателей, поставлены, подъ именемъ «имуществъ общественныхъ», совершенно на одну доску съ имуществами, принадлежащими нѣкоторымъ другимъ корпораціямъ, выступающимъ въ качествѣ юридическихъ лицъ, какъ, напр., дворянскимъ обществамъ, городамъ, земствамъ.

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что, съ точки зрѣнія дѣйствующаго права, надѣльная земля, выкупленная бывшими помѣщичьими крестьянами, составляетъ собственность, а не какое-либо зависимое держаніе этихъ крестьянъ. Конечно, не измѣнили этого положенія и законы 1893 г., опредѣлившіе порядокъ передѣловъ общинной земли и ограничившіе право общинъ по отчужденію надѣльной земли, хотя, повидимому, нѣкоторые изслѣдователи общины склонны придавать имъ подобное значеніе. Эти законы, несомнѣнно, внесли существенныя ограниченія въ право общины пользоваться и распоряжаться своею землей, но не слѣдуетъ забывать, что подъ правомъ собственности никогда не разумѣется неограниченное господство надъ вещью. Право собственности допускаетъ разнообразныя ограниченія въ интересахъ сосѣдскихъ, общественныхъ и государственныхъ; съ такими ограниченіями права собственности, касающимися пользованія и распоряженія, мы встрѣчаемся и въ законахъ 1893 года.

Нѣсколько болѣе спорнымъ представляется вопросъ относительно бывшихъ государственныхъ крестьянъ. О характерѣ ихъ права на надѣльную землю законъ, собственно говоря, прямыхъ указаній не даетъ. «Положеніе о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ» нигдѣ не говоритъ о предоставленіи этимъ крестьянамъ права собственности на надѣльную землю. Оно говоритъ лишь о пользованіи землею (ст. 12-я) [1], о пользованіи и распоряженіи данными во владѣніе землями (ст. 15-я) [2] и т. п. Далѣе, это Положеніе не называетъ прямо бывшихъ государственныхъ крестьянъ крестьянами-собственниками. Ст. 16-я [3]) выражается довольно неопредѣленно: «при соблюденіи указан-

---

1) По изд. 1902 г. V, 1.

2) По изд. 1902 г. эти слова отсутствуютъ.

3) По изд. 1902 г. V, 31.

ныхъ выше ограниченій, государственные крестьяне пользуются *во владѣніи землями своего надѣла*, всѣми правами, предоставленными крестьянамъ-собственникамъ, къ разряду коихъ они причисляются». Наконецъ, надѣльная земля предоставлена этимъ крестьянамъ подъ условіемъ взноса извѣстнаго оброка (ст. 3-я п. 1-й), [1]), т. е. платы за пользованіе землею, что не согласовалось бы съ предоставленіемъ крестьянамъ права собственности на эту землю. Правда, закономъ 1886 года оброчная подать преобразована въ выкупные платежи. Но и этотъ законъ прямо не указываетъ, чтобы измѣнился характеръ права государственныхъ крестьянъ на надѣльную землю. Для такого утвержденія тѣмъ болѣе основаній, что и позже изданный законъ 13-го іюня 1889 г. о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли въ ст. 8-й (Св. Зак., т. IX, изд. 1899 г., ст. 713-я) содержитъ слѣдующія, весьма характерныя выраженія: «казенныя земли Европейской Россіи отводятся переселенцамъ первоначально во временное арендное пользованіе по письменнымъ договорамъ, заключаемымъ на сроки отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ, а по прошествіи оныхъ могутъ быть оставляемы за нанимавшими ихъ лицами въ безсрочное пользованіе на одинаковыхъ основаніяхъ съ бывшими государственными крестьянами тѣхъ мѣстностей». Послѣднія слова даютъ основаніе думать, что законодатель и на обладаніе землей со стороны бывшихъ государственныхъ крестьянъ смотритъ какъ на безрочное пользованіе, а не какъ на право собственности.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній можно было бы признать право государственныхъ крестьянъ на надѣльную землю особаго рода зависимыхъ держаніемъ, на подобіе римскаго эмфитевзиса или нашего чиншеваго права (съ 1-го января 1931 г., впрочемъ, это держаніе станетъ безвозмезднымъ); право же собственности на эту землю въ такомъ случаѣ оставалось бы за государствомъ. Наша судебная практика однако смотритъ на дѣло иначе и дѣлаетъ изъ общаго смысла дѣйствующихъ законовъ противоположный выводъ. Такъ, въ рѣшеніи гражд. касс. деп. 1890 г. № 110-й проведено воззрѣніе, что бывшіе государственные крестьяне, получивъ по владѣннымъ записямъ землю съ обязательствомъ платежа оброчной подати, тѣмъ не менѣе владѣютъ ею на правѣ собственности и владѣніе ихъ не можетъ быть подведено подъ дѣйствіе 560-й ст., 1 ч., X т., предусматривающей случаи, когда казна при передачѣ кому-либо въ пользованіе своихъ земель сохраняетъ за собою полное на нихъ право собственности. Сенатъ основываетъ это заключеніе главнымъ образомъ на томъ, что

---

[1]) Въ изд. 1902 г. статья совершенно измѣнена.

ст. 15-я Пол. о госуд. крест. предоставляетъ крестьянамъ не только право пользоваться, но и распоряжаться надѣльными землями, а на основанiи п. 38-го прил. въ 17-й ст. и п. 1 прил. къ пр. 2-му ст. 1-й [1]) казна вполнѣ устраняетъ себя отъ всякаго участiя въ завѣдыванiи и распоряженiи этою землей со времени выдачи владѣнныхъ записей. Къ такому же заключенiю приходитъ и проф. Шершеневичъ, отмѣчая впрочемъ крайнюю неясность законодательства по данному вопросу (Учебникъ русскаго гражданскаго права, изд. 4-е, стр. 304 и сл.).

IV.

Мы видѣли, что при общинномъ землевладѣнiи земля принадлежитъ сельскому обществу, какъ юридическому лицу, и лишь развертывается общиной между отдѣльными ея членами, которые только пользуются общинною землей. Намъ остается теперь выяснить характеръ правъ на общинную землю, принадлежащихъ отдѣльнымъ общинникамъ. Въ какомъ отношенiи эти права стоятъ къ праву собственности на землю, принадлежащему всему сельскому обществу?

Мы оставимъ въ сторонѣ усадебную землю. Вопросъ о характерѣ права на эту землю является весьма спорнымъ. Тутъ подлежитъ выясненiю, принадлежитъ ли усадебная земля также въ собственность сельскому обществу, или же, напротивъ, она составляетъ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ; въ послѣднемъ случаѣ опять возникаетъ вопросъ: является ли эта собственность домохозяина обыкновеннымъ индивидуальнымъ правомъ собственности, или же оно носитъ характеръ собственности семейной. Всѣ эти вопросы настолько спорны, что они заслуживаютъ особаго разсмотрѣнiя.

Главный интересъ представляетъ для насъ надѣльная полевая земля сельскаго общества. Эта земля состоитъ, по общему правилу, во владѣнiи и пользованiи отдѣльныхъ общинниковъ, и право на нее всего сельскаго общества выражается главнымъ образомъ въ разверсткѣ ея тѣмъ или инымъ способомъ между домохозяевами. Основанiя этой разверстки, какъ извѣстно, весьма разнообразны; она совершается или по ревизскимъ душамъ, или по наличнымъ душамъ обоего пола, или по тягламъ и т. д. Разверстка эта можетъ принимать характеръ общихъ или частныхъ передѣловъ, или же состоитъ въ простой пережеребьевкѣ. Право сельскаго схода производить такую разверстку признано въ ст. 51, п. 6 и ст. 154, п. 3 Общ. Пол. [2]);

---

[1]) По изд. 1902 г. V, 30 и 49.
[2]) По изд. 1902 г. I, 62 п. 8, 66 п. 3.

въ мѣстностяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ начальникахъ, оно ограничено и урегулировано закономъ 8-го іюня 1893 года, составившимъ приложеніе къ ст. 51, п. 6 Общ. Пол. [1]).

Относительно этой полевой надѣльной земли отдѣльнымъ общинникамъ предоставлены слѣдующія права: 1) По ст. 165-й Пол. о вык. [2]) каждый домохозяинъ, внеся въ казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, получалъ право требовать, чтобы общество выдѣлило ему участокъ, соотвѣтствующій сдѣланному взносу [3]). Эта статья предоставляетъ общиннику весьма широкое право. Такъ какъ на общину здѣсь возлагается безусловная обязанность выдѣлить участокъ земли даже независимо отъ ея на то согласія, то вполнѣ позволительно было сомнѣваться, можно ли согласить эту статью съ самой сущностью общиннаго землевладѣнія, при которомъ община, а не отдѣльные ея члены, является хозяиномъ земли. Въ настоящее время, впрочемъ, положеніе дѣлъ измѣнилось, такъ какъ законъ 14-го декабря 1893 года [4]) постановилъ, что «до уплаты выкупной ссуды выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода». 2) Право требовать выдѣла изъ общинной земли сохраняется за общинникомъ и по уплатѣ выкупной ссуды. Именно на основаніи ст. 36-й Общ. Пол. [5]) «каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ». Статья эта касается, собственно, земель, пріобрѣтенныхъ сельскимъ обществомъ независимо отъ надѣла, но въ виду ст. 37-й [6]) должна примѣняться и къ надѣльнымъ землямъ. Право, предоставленное здѣсь общинникамъ, также болѣе широко, чѣмъ слѣдовало бы ожидать; но все же высшее право самой общины

---

1) По изд. 1902 г. I, 24 и слл.

2) По изд. 1902 г. II, 114 (въ измѣн. ред.).

3) Иначе нормированъ порядокъ выдѣла у бывшихъ государственныхъ крестьянъ по ст. 15-й, п. 2 Пол. о гос. кр. выдѣлъ допущенъ лишь по приговору $^2/_3$ членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

4) По изд. 1902 г. II, 113.

5) По изд. 1903 г. I, 12.

6) Въ изд. 1902 г. исключена.

на землю въ этой статьѣ отмѣчено сдѣланною оговоркой о возможности замѣнить выдѣлъ денежнымъ вознагражденіемъ. При этомъ, повидимому, составители Положенія упустили изъ виду, что при постоянныхъ передѣлахъ мірской надѣльной земли, въ зависимости отъ которыхъ мѣняется и количество выкупныхъ платежей отдѣльныхъ домохозяевъ, опредѣлить долю участія отдѣльнаго крестьянина въ пріобрѣтеніи надѣльной земли на практикѣ весьма затруднительно, а иногда и совсѣмъ невозможно; круговая порука еще болѣе запутываетъ такіе расчеты (ср. Объясн. къ пр. III кн. Гр. Улож., т. III, стр. 239 сл.). 3) Главнымъ и основнымъ правомъ общинника является его право на владѣніе и пользованіе участкомъ общинной земли по произведенной общиной разверсткѣ послѣдней. Съ согласія сельскаго общества это право можетъ быть уступлено постороннему лицу, очевидно, до ближайшаго передѣла (Общ. Пол. 35; Пол. о вык. 164; Пол. Великоросс. 109) [1]). Съ увольненіемъ изъ общества крестьянинъ обязанъ навсегда отказаться отъ этого права (Общ. Пол. 130) [2]).

Спрашивается, какова же юридическая природа правъ отдѣльныхъ крестьянъ на принадлежащую общинѣ землю?

На первый взглядъ можетъ представиться, что существуетъ даже нѣкоторое противорѣчіе между правами отдѣльныхъ общинниковъ и всей общины. Если мы признали, что община, какъ цѣлое, является хозяиномъ общинной земли, то теперь можетъ показаться, что и отдѣльные общинники также выступаютъ въ роли такихъ хозяевъ. Подобныя соображенія даже заставляютъ нѣкоторыхъ изслѣдователей (напримѣръ, К. П. Побѣдоносцевъ, Курсъ, т. I, стр. 532) не признавать за земельною общиной характера юридическаго лица; другіе говорятъ о двойственномъ характерѣ права на общинную землю, и т. п.

А между тѣмъ вопросъ этотъ вовсе не является столь запутаннымъ. Хозяиномъ общинной земли несомнѣнно является община, какъ юридическое лицо. Что же касается правъ отдѣльныхъ общинниковъ, съ которыми мы познакомились, то они вовсе не предоставляютъ своимъ субъектамъ какого-либо непосредственнаго господства надъ общинною землей. Это—притязаніе членовъ общины къ самой общинѣ, какъ юридическому лицу; вытекаютъ эти притязанія изъ самаго внутренняго строя этого юридическаго лица. Община есть корпорація, т. е. такое юридическое лицо, которое состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ физическихъ лицъ — членовъ корпораціи. По-

---

[1]) По изд. 1902 г. I, 11; II, 112; IV, 9 прим.
[2]) По изд. 1902 г. I, 208.

слѣдніе уже благодаря своему участію въ составѣ юридическаго лица, несутъ на себѣ извѣстныя обязанности относительно этого сложнаго лица, но въ то же время получаютъ и извѣстныя права. Вотъ эти-то права, возникающія для отдѣльнаго члена корпораціи по отношенію ко всей корпораціи, и имѣемъ мы передъ собою, когда говоримъ объ участіи отдѣльныхъ крестьянъ въ пользованіи общинною землей. Предметомъ этого «корпоративнаго права» (см. Gierke, Deutsches Privatrecht т. I, § 29, II, 3 c. Crome, Syst. d. Deutsch. B. R. т. I, § 52. Regelsberger, Pandecten, § 84), является не общинная земля, а сама община, какъ цѣлое, какъ юридическое лицо. Это—право отдѣльнаго члена коллективнаго цѣлаго по отношенію ко всему коллективному цѣлому, какъ особой личности въ юридическомъ смыслѣ. Содержаніе корпоративныхъ правъ можетъ быть весьма разнообразно. Согласно законодательству о поземельной общинѣ, оно сводится къ праву общинника требовать участія въ пользованіи общинной землей сообразно принятымъ въ общинѣ основаніямъ разверстки и кромѣ того къ праву требовать для себя полнаго выдѣла изъ общины; послѣднее требованіе, впрочемъ, какъ мы видѣли, удовлетворяется лишь при наличности согласія общины на такой выдѣлъ, или же общинѣ предоставляется по крайней мѣрѣ замѣнить неудобный для нея выдѣлъ денежнымъ вознагражденіемъ.

Такимъ образомъ, никакой двойственности субъектовъ при общинномъ землевладѣніи не имѣется: корпорація является хозяиномъ общинной земли, а отдѣльные члены корпораціи надѣлены особаго рода корпоративными правами.

В. Хвостовъ.

Крестьянская поземельная община по проекту Гражданскаго Уложенія.

Изъ нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ составителями проекта Гражданскаго Уложенія въ ихъ обширномъ введеніи къ пятой книгѣ (стр. XL и сл.), можно было заключить, что редакціонная комиссія собирается оставить совершенно въ сторонѣ тѣ законодательные вопросы, которые касаются спеціально крестьянскихъ отношеній. Проектъ третьей книги показываетъ, однако, что редакціонная комиссія не въ такой степени сузила свои задачи. Въ эту книгу будущаго Уложенія, въ раздѣлъ VI объ «особенныхъ видахъ поземельной собственности», комиссія включила и проектъ Положенія о надѣльныхъ земляхъ крестьянъ. Поступая такимъ образомъ, комиссія руководилась совершенно правильными основаніями. Крестьянское землевладѣніе въ Россіи подлежитъ во многихъ отношеніяхъ особымъ правиламъ. Но эти особенности нормъ, регулирующихъ земельныя отношенія крестьянъ, покоятся только на извѣстныхъ особенностяхъ крестьянскаго быта: при всемъ томъ нормы спеціально-крестьянскаго права не теряютъ своего гражданско-правового характера. Поэтому онѣ и не должны быть исключаемы изъ обще-гражданскаго Уложенія, но призваны составить одинъ изъ отдѣловъ послѣдняго. Если до сихъ поръ большая часть законовъ о крестьянскомъ землевладѣніи помѣщается не въ X т. 1 ч. Св. Зак., а въ Особомъ Приложеніи къ т.IX, то эта аномалія объясняется чисто историческими причинами, условіями временнаго характера. Въ настоящее время никакого основанія къ подобному изолированію законовъ, касающихся гражданскихъ правъ крестьянъ, отъ гражданскихъ законовъ, регламентирующихъ частныя отношенія остального населенія Имперіи, не имѣется. Поэтому законы о крестьянскомъ землевладѣніи должны войти въ будущее Гражданское Уложеніе, какъ входили и до сихъ поръ въ 1 ч. X т., напримѣръ, нормы о заповѣдныхъ имѣніяхъ, т.-е. объ институтѣ чисто дворянскаго характера.

Проектъ комиссіи касается только надѣльныхъ земель крестьянъ, т.-е. отведенныхъ крестьянамъ въ собственность по владѣннымъ записямъ и даннымъ. Ст. 466 проекта содержитъ оговорку, согласно которой въ отношеніи всѣхъ остальныхъ своихъ земель крестьяне подчиняются общимъ правиламъ и законамъ. Притомъ проектъ имѣетъ въ виду исключительно тѣхъ крестьянъ, надѣленіе которыхъ землею происходило въ связи съ крестьянской реформой 1861 г., т.-е. главнымъ образомъ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, бывшихъ государственныхъ и крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ имѣній государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, предполагая сохранить въ силѣ спеціальныя узаконенія о земельномъ устройствѣ остальныхъ разрядовъ сельскихъ обывателей [1]). Проектъ комиссіи содержитъ въ себѣ общія положенія о надѣльныхъ земляхъ, затѣмъ правила объ общинномъ владѣніи и, наконецъ, подворное право. Оставляя пока въ сторонѣ критику предположеній комиссіи по существу и не касаясь статей проекта, посвященныхъ подворному праву, мы имѣемъ въ виду въ послѣдующемъ изложеніи передать въ основныхъ чертахъ содержаніе первыхъ двухъ отдѣловъ проекта вмѣстѣ съ мотивами комиссіи.

Въ своей обширной объяснительной запискѣ комиссія сообщаетъ, что нѣкоторыми ея членами было высказано мнѣніе весьма неблагопріятное для общиннаго землевладѣнія. Сторонники этого взгляда утверждали, что общинное владѣніе есть пережитокъ крѣпостного права и государственнаго закрѣпощенія крестьянъ, при коемъ оно возникло и было понятно, ибо земля въ то время считалась собственностью помѣщиковъ или казны, а у крестьянъ находилась лишь въ общемъ пользованіи и передѣлялась между ними для обработки и отбыванія повинностей, смотря по прибыли и убыли душъ тяглаго населенія [2]). Во время крестьянской реформы общинное владѣніе сохранено было лишь для упрощенія всего дѣла реформы. Въ настоящее время помѣщеніе въ проектѣ Гражданскаго Уложенія правилъ объ общинномъ владѣніи въ виду весьма многочисленныхъ отрицательныхъ сторонъ послѣдняго можетъ быть оправдано, согласно этому мнѣнію, лишь практической необходимостью безотлагательно упорядочить земельный бытъ крестьянъ, не входя въ принципіальное обсужденіе вопроса о желательности или нежелательности сохраненія общиннаго владѣнія [3]). Редакціонная комиссія не вполнѣ согла-

---

[1]) Проектъ третьей книги, т. III, стр. 113.
[2]) Проектъ третьей книги, т. III, стр. 55.
[3]) Проектъ, т. III, стр. 61.

силась съ этимъ мнѣніемъ. Она полагаетъ, что въ настоящее время вопросъ о желательности или нежелательности сохраненія общины не можетъ быть рѣшенъ окончательно, за отсутствіемъ необходимыхъ данныхъ. Въ крестьянской жизни теперь, по мнѣнію комиссіи, происходитъ борьба личнаго, индивидуальнаго начала съ семейнымъ и общественнымъ; чѣмъ кончится эта борьба—заранѣе сказать трудно. Далѣе, комиссія отмѣчаетъ, что общиное владѣніе является лишь однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ хозяйственный бытъ крестьянъ; относительное значеніе этого фактора въ ряду другихъ выяснено еще недостаточно. Наконецъ, одностроннее разрѣшеніе вопроса въ пользу общиннаго или личнаго владѣнія весьма затруднительно и въ виду крайняго разнообразія мѣстныхъ условій Россіи.

Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, а также и тотъ фактъ, что въ настоящее время при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена особая комиссія для общаго пересмотра Положеній 19-го февраля 1861 года, редакціонная комиссія пришла къ тому заключенію, что она въ своихъ работахъ, не предрѣшая принципіальныхъ вопросовъ объ общинномъ или личномъ землевладѣніи, должна ограничиться только упорядоченіемъ существующихъ правилъ о крестьянскомъ землевладѣніи. «Предпринятый въ столь тѣсныхъ рамкахъ трудъ не только не будетъ идти въ разрѣзъ съ работами по общему пересмотру крестьянскихъ Положеній 1861 г., но, напротивъ, явится какъ бы подготовительной ступенью къ нему, приведя въ стройность существующія правила и облегчивъ такимъ образомъ пользованіе ими какъ законодательнымъ матеріаломъ» [1]). Необходимость этой «подготовительной работы» мотивируется въ объяснительной запискѣ комиссіи крайней неудовлетворительностью дѣйствующаго законодательства съ внѣшней стороны. Дѣйствующія правила объ общинномъ и подворномъ владѣніи отличаются, во-первыхъ, чрезвычайною дробностью, будучи разбросаны въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ общихъ и мѣстныхъ Положеній. Во-вторыхъ, они страдаютъ смѣшеніемъ элементовъ временныхъ, утратившихъ уже свою силу, съ правилами дѣйствующими и постоянными, при чемъ не всегда легко отдѣлить одни элементы отъ другихъ. Въ-третьихъ, дѣйствующее право отличается сбивчивостью, несогласованностью и даже противорѣчіемъ отдѣльныхъ положеній. Крупными его недостатками являются, наконецъ, отсутствіе точной и выдержанной терминологіи, пробѣлы и скудость постановленій по весьма существеннымъ вопросамъ. Дѣйствительно, для иллюстраціи состоянія этой части нашего законо-

---

[1]) Проектъ, т. III, стр. 64.

дательства достаточно напомнить хотя бы тѣ факты, о которыхъ намъ только что приходилось говорить въ другой статьѣ; мы указывали, что относительно самаго признанія дѣйствующимъ закономъ общиннаго владѣнія возникаютъ въ литературѣ споры, что такой вопросъ, какъ характеръ права бывшихъ государственныхъ крестьянъ на предоставленную имъ землю, указаніями закона вполнѣ опредѣленно не разрѣшается, и т. п. [1]).

Однако болѣе внимательное разсмотрѣніе составленнаго редакціонной комиссіей проекта показываетъ, что комиссія не ограничилась однимъ упорядоченіемъ дѣйствующихъ правилъ, но предполагаетъ въ нихъ и нѣкоторыя измѣненія, касающіяся иногда довольно существенныхъ пунктовъ. Поэтому представляется весьма нелишеннымъ интереса ознакомиться, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ трудами комиссіи въ этой области. Сверхъ того комиссія въ своей объяснительной запискѣ предлагаетъ и довольно обширное теоретическое разсужденіе о природѣ обширнаго землевладѣнія съ юридической точки зрѣнія. Эти разсужденія комиссіи являются новымъ вкладомъ въ нашу небогатую юридическую литературу о земельной общинѣ и также заслуживаютъ вниманія.

Составители проекта смотрятъ на сельское общество въ смыслѣ хозяйственной единицы, поземельной общины, какъ на юридическое лицо, корпорацію, выступающую въ роли самостоятельнаго субъекта гражданскихъ правъ и обязанностей. Относительно своей надѣльной земли это юридическое лицо обладаетъ правомъ собственности. Такое право, по мнѣнію редакціонной комиссіи, предоставлено не только бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, но и бывшимъ государственнымъ. Комиссія не входитъ въ подробное обсужденіе вопроса о характерѣ права бывшихъ государственныхъ крестьянъ на ихъ надѣльную землю, считая достаточнымъ ограничиться по этому поводу слѣдующей мотивировкой: «Бывшіе государственные крестьяне стали крестьянами-собственниками съ 1-го января 1887 года въ силу закона 28-го мая 1885 г., коимъ оброчная подать и лѣсной налогъ преобразованы въ выкупные платежи» [2]). Мы уже отмѣчали, что выраженія этого закона не даютъ достаточно опредѣленныхъ указаній о характерѣ права государственныхъ крестьянъ на надѣльную землю.

Сущность общиннаго землевладѣнія составители проекта характеризуютъ слѣдующимъ образомъ. «Коренной признакъ общиннаго

---

[1]) См. выше статью „Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины".

[2]) Проектъ, т. III, стр. 112-я и сл.; ср. также стр. 90-ю и сл.

владѣнія, отличающій его отъ обыкновеннаго владѣнія юридическаго лица, заключается въ томъ, что на ряду съ правомъ общины на землю каждому входящему въ составъ общины семейству принадлежитъ отдѣльное владѣніе приходящеюся ему, по разверсткѣ общины, частью общинной земли. Устранить своихъ членовъ отъ такого владѣнія община не въ правѣ, ибо отдѣльное владѣніе общинниковъ участками общинной земли составляетъ необходимую форму, въ которой проявляется общинное владѣніе и внѣ которой оно существовать не можетъ... Оно (общинное владѣніе) выросло и развилось на почвѣ обычнаго, народнаго права, и вытекающія изъ него правоотношенія опредѣляются не произволомъ сельскихъ сходовъ, а обычаемъ» [1]). Изъ дальнѣйшихъ разсужденій редакціонной комиссіи выясняется однако, что это опредѣленіе общиннаго землевладѣнія не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто каждый отдѣльный членъ общины имѣетъ совершенно одинаковое со всѣми другими право на участіе въ пользованіи общинной землей. Комиссія отмѣчаетъ, что «разверстка общинной земли между членами общины отнюдь не представляется въ видѣ поголовнаго дѣлежа земли между всѣми членами общины». Земля распредѣляется между цѣлыми семействами, а порядокъ ея распредѣленія обусловливается принятой въ общинѣ системой разверстки: по ревизскимъ душамъ, по наличнымъ душамъ мужского пола, по тягламъ и т. п. «На практикѣ такимъ образомъ общинная земля распредѣлена между отдѣльными семействами далеко не соотвѣтственно ихъ личному составу, и самою силою вещей неравномѣрность эта постоянно увеличивается по мѣрѣ того, какъ съ возвышеніемъ цѣнности и доходности земли передѣлы становятся рѣже» [2]).

Въ качествѣ важнаго вывода изъ сдѣланнаго опредѣленія общиннаго землевладѣнія комиссія отмѣчаетъ «нѣкоторую двойственность при немъ субъекта: съ одной стороны, община, какъ юридическое лицо, какъ собственникъ и распорядитель общинной земли, съ другой — отдѣльныя лица, члены общины, владѣющіе, каждый порознь, отведенными имъ участками этой земли» [3]). Мы уже имѣли случай замѣтить, что такой взглядъ представляется намъ теоретически неправильнымъ; никакой двойственности субъекта при общинномъ землевладѣніи мы не имѣемъ, такъ какъ права отдѣльныхъ общинниковъ представляются особаго рода корпоративными правами съ

[1]) Проектъ, т. III, стр. 89 сл.
[2]) Проектъ, т. III, стр. 105.
[3]) Проектъ, т. III, стр. 90.

своеобразнымъ содержаніемъ, нисколько не противорѣчащими праву на общинную землю, которое принадлежитъ всей корпораціи.

Не вся впрочемъ надѣльная земля составляетъ предметъ общиннаго владѣнія. Проектъ различаетъ три категоріи крестьянскихъ земель. Во-первыхъ, особо выдѣляются земли *общественныя*. Согласно ст. 469-й проекта къ ихъ числу относятся улицы, площади, промежутки между усадьбами, выморочные участки, общественные выгоны, мірскія оброчныя статьи и т. п. Эти земли состоятъ какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ правѣ въ распоряженіи сельскаго общества. Размѣръ этихъ земель въ каждомъ обществѣ можетъ быть уменьшаемъ и увеличиваемъ по усмотрѣнію сельскаго общества, которое, напримѣръ, часть общинной земли можетъ отвести подъ общественную запашку, подъ общественныя зданія, или же, наоборотъ, изъ общественной земли можетъ отвести усадебные участки новымъ дворамъ, образующимся вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ. Владѣніе общественными землями является такимъ образомъ обыкновеннымъ владѣніемъ юридическаго лица и не должно быть смѣшиваемо съ общиннымъ землевладѣніемъ [1]).

Вторую категорію земель составляютъ земли *усадебныя*. Вопросъ объ юридическомъ положеніи этихъ земель по дѣйствующему праву, какъ извѣстно, является очень спорнымъ. Редакціонная комиссія разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ признанія усадебной земли семейною собственностью крестьянскаго двора, при чемъ домохозяинъ является распорядителемъ этого имущества въ интересахъ всей семьи. Эти земли такимъ образомъ также въ понятіе общиннаго владѣнія не входятъ. Права домохозяина, которымъ, согласно ст. 485-й проекта, является родитель или заступающій его мѣсто членъ семьи, ограничены тѣмъ, что отчужденіе усадебнаго участка запрещается за исключеніемъ случаевъ выхода крестьянскаго семейства изъ сельскаго общества или наличности у него другого усадебнаго участка (ст. 486-я); поскольку же отчужденіе усадебнаго участка допускается, для него требуется, въ случаѣ несовершеннолѣтія или отсутствія согласія кого-либо изъ членовъ семейства, разрѣшеніе земскаго начальника; тотъ же порядокъ соблюдается при отдачѣ участка въ наемъ подъ разработку ископаемыхъ (ст. 487-я).

Такимъ образомъ настоящимъ предметомъ общиннаго владѣнія является только третья категорія надѣльныхъ земель, а именно мірская полевая земля. Соотвѣтственно съ этимъ вторая часть ст. 468-й проекта опредѣляетъ: «При общинномъ правѣ усадебные участки

---

[1]) Проектъ, т. III, стр. 86 сл., 89, 138 сл., 163.

принадлежатъ отдѣльнымъ крестьянскимъ семействамъ, а полевая (общинная) земля составляетъ собственность сельскаго общества, при чемъ участки ея находятся во владѣніи отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ». «Право владѣнія общинною землею,—дополняетъ къ этому ст. 480-я,—принадлежитъ числящимся въ составѣ сельскаго общества крестьянскимъ семействамъ, на принятыхъ въ этомъ обществѣ основаніяхъ, т.-е. по ревизскимъ или по наличнымъ тягламъ и т. п.». Комиссія поясняетъ, что остановиться на одномъ изъ способовъ разверстки, признавъ его общеобязательнымъ и отмѣнивъ остальные, не представлялось удобнымъ, ибо существующее разнообразіе способовъ разверстки общинной земли вызывается мѣстными условіями, которыя въ отдѣльныхъ общинахъ весьма различны; даже устарѣлая разверстка по ревизскимъ душамъ сохранена, «ибо отмѣнить ее, заставить крестьянъ перейти къ новому способу разверстки земли, значило бы искусственно вызвать новый передѣлъ въ такихъ общинахъ, которыя обходились до сихъ поръ безъ передѣловъ, и потревожить домохозяевъ этихъ общинъ въ ихъ спокойномъ владѣніи» [1]).

Что касается состава лицъ, между которыми совершается разверстка общинной земли, то въ этомъ отношеніи проектъ содержитъ нѣсколько нововведеній. Во-первыхъ, ст. 481-я заполняетъ пробѣлъ дѣйствующаго права, опредѣляя положеніе въ общинѣ усыновленныхъ. Комиссія исходила при этомъ изъ того соображенія, что съ одной стороны, усыновленіе производится крестьянами припиской къ семействамъ, при чемъ согласія обществъ на эту приписку не требуется (т. X. ч. 1, ст. 157-я); съ другой же стороны, распоряженіе общинною землей принадлежитъ общинѣ, а не отдѣльнымъ ея членамъ. Естественнымъ результатомъ этихъ соображеній и является предложеніе комиссіи, что «усыновленные участвуютъ во владѣніи отведенною принявшему ихъ семейству землею наравнѣ съ прочими членами семейства, но требовать на нихъ особаго надѣла крестьянское семейство можетъ лишь въ томъ случаѣ, если сельскимъ сходомъ предоставлено этимъ лицамъ право на участіе во владѣніи общинною землею». Ст. 482-я касается внѣбрачныхъ дѣтей; они признаются членами тѣхъ сельскихъ обществъ, въ составѣ коихъ числились матери ихъ во время ихъ рожденія, и имѣютъ право участія во владѣніи общинною землею наравнѣ съ прочими членами сельскаго общества. Согласно ст. 484-й, лица, отбывающія воинскую повинность, не лишаются права на участіе во владѣніи общинною землею. Но тѣ крестьянскія семейства, всѣ члены которыхъ прожи-

---

[1]) Проектъ, т. III, стр. 181.

ваютъ внѣ сельскаго общества по ст. 483-й не въ правѣ до возвращенія въ сельское общество на жительство требовать надѣленія ихъ общинною землею за исключеніемъ того случая, когда само сельское общество сдаетъ всю общинною землю въ аренду. Статья эта мотивирована тѣмъ соображеніемъ, что «соединяющая членовъ общины связь не есть лишь формальная, а основана на дѣйствительной общности землевладѣнія и хозяйственныхъ интересовъ, и коль-скоро такая общность отсутствуетъ, прекращается и принадлежность обособившагося отъ общины семейства къ послѣдней» [1]).

Весьма важное нововведеніе предлагается въ ст. 479-й, которая гласитъ: «Съ переходомъ въ другое сословіе крестьяне не утрачиваютъ своего права на надѣльную землю ни при подворномъ, ни при общинномъ правѣ и въ отношеніи распоряженія и пользованія сею землею подчиняются постановленнымъ для крестьянъ правиламъ». Въ мотивахъ къ этой статьѣ комиссія объясняетъ, что она не беретъ на себя разрѣшенія общаго вопроса о желательности сохраненія и впредь строго замкнутаго сословнаго строя нашего крестьянства; но она нашла необходимымъ отмѣнить по крайней мѣрѣ правило о томъ, что съ переходомъ въ другое сословіе сельскіе обыватели утрачиваютъ право на участіе въ пользованіи надѣльною землею (Ос. Прил. IV, ст. 99, V ст. 99; по изд. 1902 г. IV, 10 и 72). Главнымъ основаніемъ къ выходу изъ крестьянскаго сословія,—замѣчаетъ комиссія,—служитъ по законамъ о состояніяхъ полученіе образованія. «Почему, спрашивается, полученіе крестьяниномъ образованія, хотя бы высшаго, должно служить препятствіемъ къ сохраненію за нимъ права на пользованіе общинною землею? У насъ съ полнымъ основаніемъ указываютъ на невѣжество народной массы, на необходимость распространенія среди нея образованія, на отсутствіе въ ея средѣ болѣе или менѣе просвѣщенныхъ элементовъ, которые бы служили для нея руководителями и примѣрами, помогали бы ей въ борьбѣ съ окружающими ее нищетою, кулачествомъ, семейными и общественными неурядицами»... «Послѣдовательно ли, признавая необходимость распространенія образованія среди крестьянъ, связывать полученіе таковаго въ большемъ сравнительно объемѣ съ лишеніемъ права на надѣлъ, создавая такимъ образомъ какъ бы privilegium odiosum для наиболѣе выдающихся и способныхъ крестьянъ, успѣвшихъ, несмотря на самыя иногда неблагопріятныя условія, найти путь къ болѣе высокому образованію?» [2]).

---

[1]) Проектъ, т. III, стр. 190.
[2]) Проектъ т. III, стр. 176 и сл.

Производство разверстки общинной земли проектъ предполагаетъ оставить за сельскими сходами, къ вѣдомству которыхъ, по ст. 470-й, относятся: 1) передѣлы; 2) накладка и скидка тяголъ; 3) выдѣлъ участковъ общинной земли въ собственность отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ; 4) распредѣленіе, при семейныхъ раздѣлахъ, между членами дѣлящагося семейства усадебной земли и полевого надѣла; 5) распоряженіе выморочными усадебными участками; 6) переходъ отъ общиннаго права къ подворному, и 7) отчужденіе общинной земли. Для рѣшенія всѣхъ этихъ дѣлъ требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участія въ сходѣ (ст. 473).

Въ самой организаціи сельскихъ сходовъ проектъ предлагаетъ нѣкоторыя измѣненія. Во-первыхъ, по ст. 472-й сходъ поземельной общины, какъ хозяйственной единицы, обособляется отъ сельскаго схода, какъ органа сельскаго общества въ смыслѣ административной единицы. Согласно этой статьѣ, поземельная община, которая не составляетъ цѣлаго сельскаго общества, а входитъ въ составъ таковаго лишь въ качествѣ его части, для завѣдыванія своими хозяйственными дѣлами имѣетъ особые частные сходы своихъ домохозяевъ, но безъ всякаго участія остальныхъ членовъ сельскаго общества. Въ этой статьѣ проектъ идетъ навстрѣчу настоятельной потребности и завершаетъ уже намѣтившееся въ нашемъ законодательствѣ теченіе. Такіе частные сходы подъ именемъ «селенныхъ» знаетъ, напримѣръ, уже законъ 23-го іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ (см. въ особомъ приложеніи къ IX т. изд. 1902 г., I ст. 56, 71—73). Признавала правомѣрность этихъ частныхъ сходовъ и сенатская практика.

Во-вторыхъ, ст. 471-я проекта устанавливаетъ новое понятіе «малаго» сельскаго схода. Именно въ сельскихъ обществахъ, имѣющихъ свыше ста дворовъ, предполагается передать завѣдываніе общинными дѣлами особымъ сходамъ выборныхъ, которые избираются на одинъ годъ и число которыхъ опредѣляется соразмѣрно количеству дворовъ, но во всякомъ случаѣ должно быть не менѣе тридцати и не болѣе ста. «Настоящею статьею, — говоритъ комиссія, — имѣется въ виду устранить весьма важное замѣчаемое на практикѣ неудобство слишкомъ многолюдныхъ сельскихъ сходовъ. Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ уже сама по себѣ является крайне непригоднымъ органомъ для разумнаго и спокойнаго обсужденія дѣлъ, хотя часто и несложныхъ, но затрогивающихъ важнѣйшіе, насущнѣйшіе интересы крестьянъ». Сверхъ того въ мотивахъ указывается на неудобство созыва слишкомъ многолюдныхъ сходовъ и на то, что участіе въ нихъ

отвлекаетъ слишкомъ много народа отъ работъ. Съ другой стороны, ограничить компетенцію такого выборнаго схода, изъявъ изъ его вѣдѣнія дѣла наиболѣе важныя, комиссія считаетъ нежелательнымъ, такъ какъ если многолюдные сходы вообще неудобны, то тѣмъ менѣе основанія поручать имъ особо важныя дѣла.

Земельной общинѣ, согласно предположеніямъ комиссіи, принадлежитъ общій надзоръ за тѣмъ, какъ ведутъ свое хозяйство отдѣльные общинники. Статья 488-я гласитъ, что въ отношеніи предоставленнаго крестьянскому семейству участка общинной земли не допускаются такія распоряженія домохозяина, которыя клонятся ко вреду сельскаго общества или затрудняютъ веденіе хозяйства прочихъ семействъ. «Такое стѣсненіе хозяйственнной самостоятельности крестьянъ само по себѣ,—говоритъ комиссія по этому поводу,— конечно, не заслуживаетъ особеннаго сочувствія, ибо однимъ изъ важнѣйшихъ условій успѣховъ сельскаго хозяйства являются, какъ и въ прочихъ отрасляхъ промышленности, личный починъ, самодѣятельность, отсутствіе стѣсненій. Но необходимость хозяйственной опеки общины надъ ея членами вытекаетъ изъ черезполосицы и круговой поруки, отчасти же объясняется и низкимъ вообще уровнемъ крестьянскаго хозяйства, отсутствіемъ у крестьянъ капиталовъ и сельскохозяйственныхъ познаній, словомъ, цѣлымъ рядомъ условій, устраненія которыхъ трудно ожидать въ близкомъ будущемъ» [1]). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ своей записки комиссія замѣчаетъ, что круговая порука, ведущая къ усиленію власти общины надъ ея членами, въ необходимой и принципіальной связи съ общиннымъ владѣніемъ не стоитъ [2]). Замѣтимъ сверхъ того, что приведенное правило ст. 488-й, сколько мы можемъ судить, никакой санкціей не снабжено.

Та же ст. 488-я содержитъ еще два ограниченія относительно порядка, въ которомъ отдѣльные общинники должны пользоваться предоставленными имъ участками. А именно запрещается отдача участковъ общинной земли отдѣльными домохозяевами въ наемъ для разработки ископаемыхъ или на срокъ свыше шести лѣтъ. Затѣмъ установлено, что отказаться отъ отведеннаго его семейству участка земли домохозяинъ можетъ лишь тѣмъ порядкомъ, который проектированъ въ ст. 487-й для отчужденія усадебныхъ участковъ и о которомъ уже сказано было выше. Первое изъ этихъ ограниченій комиссія мотивируетъ пагубными экономическими и нравственными послѣдствіями, которыя, по ея мнѣнію, влечетъ за собою безконтроль-

---

[1]) Проектъ, т. III, стр. 206.

[2]) Проектъ, т. III, стр. 101 и сл.

ная и неограниченная отдача въ аренду предоставленныхъ общинникамъ участковъ земли; второе мотивировано интересами семьи домохозяина.

Проектъ комиссіи включаетъ въ себя и всѣ законы, изданные въ измѣненіе и дополненіе Положеній 1861 года. Такъ, въ стт. 489—493 проекта воспроизводится законъ 18-го марта 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ. Измѣненія, внесенныя комиссіей въ этотъ законъ, сводятся къ тому, что дѣла о раздѣлахъ передаются въ установленные ст. 470-й проекта частные сходы; далѣе, раздѣлъ противъ воли домохозяина допускается не только въ случаѣ его расточительности или безнравственности, но и при наличности семейныхъ раздоровъ, дѣлающихъ невыносимымъ совмѣстное жительство и препятствующихъ успѣшному веденію хозяйства»; наконецъ, для обжалованія приговоровъ о раздѣлахъ установленъ тридцатидневный срокъ, вмѣсто прежняго четырнадцатидневнаго. Въ стт. 493—503-й содержится законъ 8-го іюня 1893 года о передѣлахъ. Здѣсь комиссія предполагаетъ незначительныя измѣненія. Такъ, допускается неозначеніе въ приговорѣ схода срока новаго передѣла, и тогда этотъ передѣлъ не можетъ послѣдовать ранѣе 12-ти лѣтъ; отводъ при передѣлахъ участковъ земли по возможности въ прежнемъ мѣстѣ признается желательнымъ относительно всѣхъ крестьянскихъ семействъ, а не только относительно тѣхъ крестьянъ, которые улучшили качества своего надѣла лицамъ, права коихъ нарушены приговоромъ о передѣлѣ, предоставляется право до утвержденія приговора уѣзднымъ съѣздомъ заявлять свои возраженія земскому начальнику или съѣзду. Положенія закона 14-го декабря 1893 года о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ земель воспроизведены безъ значительныхъ измѣненій въ стт. 474—478-й проекта.

Ст. 504-я проекта посвящена вопросу о правѣ отдѣльнаго общинника требовать себѣ выдѣла въ собственность опредѣленнаго участка общинной земли. Во второй части этой статьи воспроизведено состоявшееся въ измѣненіе ст. 165-й Положенія о выкупѣ постановленіе закона 14-го декабря 1893 г., на основаніи котораго до уплаты выкупной суммы такой выдѣлъ и досрочный выкупъ отдѣльныхъ участковъ допускается не иначе какъ съ согласія общества. Въ первой же половинѣ ст. 504-й содержится правило, установленное ст. 36-й Общ. Положенія для земель, пріобрѣтенныхъ сельскими обществами независимо отъ надѣла, но въ силу ст. 37-й примѣняемое и къ надѣльнымъ землямъ. Согласно этому правилу, каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать и по уплатѣ выкупного долга, чтобы изъ состава общинной земли былъ ему выдѣленъ въ частную

собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи этой земли; впрочемъ обществу предоставляется удовлетворить крестьянина деньгами, если оно найдетъ такой выдѣлъ неудобнымъ. Эти чрезвычайно широкія права, предоставляемыя отдѣльнымъ общинникамъ въ стт. 36-й и 37-й Общ. Положенія и измѣненной нынѣ ст. 165-й Положенія о выкупѣ, редакціонную комиссію однако не удовлетворяютъ; она выражаетъ сомнѣніе въ томъ, «необходимо ли и до уплаты выкупного долга требовать согласія сельскаго схода на выдѣлъ». Сомнѣнія эти впрочемъ на проектѣ не отразились; комиссія сама возражаетъ на нихъ, что «вопросъ этотъ столь недавно еще восходилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, что редакціонная комиссія не считала удобнымъ вновь подвергать его обсужденію, и предпочла при обсужденіи ст. 504-й остаться на почвѣ дѣйствующихъ узаконеній» [1]). Лишь одно нововведеніе въ право выдѣла по ст. 36-й вноситъ комиссія, предлагая, чтобы размѣръ выдѣла опредѣлялся не соразмѣрно долѣ участія выдѣляющагося въ пріобрѣтеніи общественной земли,—эту долю при надѣльныхъ земляхъ опредѣлить трудно, а иногда и невозможно [2]),—но соразмѣрно количеству земли, состоящей въ данный моментъ во владѣніи выдѣляющагося семейства. Такой порядокъ, конечно, будетъ проще порядка, предложеннаго въ ст. 36-й, но едва ли въ пользу его можно привести какіе-либо иные аргументы кромѣ его простоты.

Совершенно иначе, повидимому, отнеслось къ выдѣлу по ст. 36-й кодификаціонное отдѣленіе государственной канцеляріи. Просматривая недавно вышедшее новое изданіе Особаго приложенія къ т. IX Св. Законовъ, мы совсѣмъ не нашли въ немъ прежней ст. 37-й Общаго Положенія, которая распространяла правило ст. 36-й (по новому изданію—ст. 12-й) на надѣльныя земли. Въ сравнительномъ указателѣ статей противъ ст. 37-й и примѣчанія перваго къ ней изданія 1876 года сдѣлана отмѣтка: «исключены». Какими соображеніями руководилось при этомъ кодификаціонное отдѣленіе опредѣлить мы затрудняемся. Нельзя не пожелать, чтобы для разъясненія подобныхъ вопросовъ отдѣленіе опубликовало объяснительную записку къ новому изданію Особаго Приложенія къ т. IX; изданіе это весьма во многомъ отличается отъ изданія 1876 г.

Ст. ст. 505—507 проекта почти безъ измѣненій повторяютъ нормы дѣйствующаго права о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному; послѣ погашенія выкупной ссуды приговоры такого содержанія,

---

[1]) Проектъ, т. III, стр. 239.

[2]) См. выше статью Юрид. пол. зем. общ.

согласно ст. 506-й и 498 проекта, провѣряются земскими начальниками и утверждаются уѣздными съѣздами. Ст. 508-я проекта даетъ право селеніямъ или частямъ селеній, имѣющимъ частные сходы по ст. 472-й, соединять свои надѣлы и предоставлять веденіе хозяйственныхъ дѣлъ по общинному землевладѣнію общему сельскому сходу; для этого въ проектѣ предполагается требовать согласія не менѣе $^2/_3$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса въ каждомъ изъ подлежащихъ частныхъ сходовъ.

О правѣ крестьянъ переходить отъ подворнаго владѣнія къ общинному проектъ совсѣмъ не упоминаетъ. Составители его указываютъ, что подобное соглашеніе по рѣшенію второго департамента сената 1889 г. № 3741, нося частный характеръ, обязательно лишь для домохозяевъ, въ немъ участвующихъ, и должно быть облечено въ форму частнаго договора. Согласіе *всѣхъ* домохозяевъ безусловно необходимо для такого перехода, а потому комиссія не считаетъ удобнымъ облекать рѣшеніе такого рода въ форму приговора сельскаго схода. Сверхъ того перейти къ общинному владѣнію можетъ и не все сельское общество, а лишь часть составляющихъ его владѣльцевъ; тогда ни о какомъ приговорѣ сельскаго схода не можетъ быть и рѣчи [1]). Всѣ эти соображенія однако не устраняютъ необходимости положительно въ текстѣ закона отмѣтить условія, при которыхъ допускается закономъ переходъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному, и форму, къ которую этотъ переходъ долженъ быть облеченъ. Иначе вполнѣ возможны сомнѣнія, дозволяетъ ли вообще законъ подобные переходы къ общинному владѣнію. Въ другихъ случаяхъ комиссія по составленію проекта Гражданскаго Уложенія не проявляетъ столь экономнаго отношенія къ созданію новыхъ нормъ права.

В. Хвостовъ.

---

[1]) Проектъ, т. III, стр. 143 сл.

Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи.

I.

Община съ экономической точки зрѣнія.

1.

Низкое состояніе нашего сельскаго хозяйства, особенно на крестьянскихъ земляхъ,—фактъ общепризнанный, но далеко не такъ единодушны мнѣнія о причинахъ этого печальнаго явленія. Не подлежитъ спору, что съ помощью болѣе совершенныхъ пріемовъ обработки наши земледѣльцы могли бы получать значительно большіе урожаи. Что же мѣшаетъ имъ примѣнять такіе пріемы? Въ чемъ заключаются условія, препятствующія техническому усовершенствованію русскаго земледѣлія? Если отнести этотъ вопросъ къ крестьянскому хозяйству, то придется прежде всего встрѣтиться съ стародавнимъ споромъ въ общинѣ. Противники этой формы землевладѣнія считаютъ ее первою и главною причиной отсталости крестьянскаго хозяйства и видятъ въ устраненіи общинныхъ порядковъ необходимое условіе его подъема. Естественно, что въ настоящее время, когда надъ матеріальнымъ упадкомъ крестьянства начинаютъ серьезно задумываться, вновь возбуждается и вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Снова загорается споръ между «общинниками» и «подворниками» и снова обсуждается вопросъ, совмѣстима ли сельская община съ техническимъ прогрессомъ въ земледѣліи?

Противники общиннаго землевладѣнія выдвигаютъ противъ него рядъ возраженій, и намъ представляется небезполезнымъ разсмотрѣть ихъ. Правда, въ числѣ этихъ возраженій не мало такихъ, которыя не разъ уже подверглись основательной оцѣнкѣ въ печати; (см. напр. извѣстное сочиненіе проф. А. С. Посникова объ общинномъ землевладѣніи); тѣмъ не менѣе и на нихъ нелишне остановиться. Многое изъ того. что высказывалось по этимъ вопросамъ, забыто, а съ другой

стороны старые аргументы подкрѣпляются новыми фактами или освѣщаются съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Въ числѣ неудобствъ, связанныхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ и препятствующихъ техническому прогрессу земледѣлія, противниками общины указываются раздробленіе долей отдѣльныхъ владѣльцевъ на мелкіе участки и ихъ черезполосность. И то, и другое вытекаетъ будто бы изъ способа надѣленія землей членовъ общины, получающихъ полоски земли въ разныхъ районахъ общинной территоріи. При ограниченности послѣдней, дѣлянки, изъ которыхъ слагаются доли отдѣльныхъ общинниковъ, въ большинствѣ случаевъ оказываются очень мелкими, и притомъ онѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, смотря по тому, насколько частей («коновъ», «ярусовъ» и т. д.) раздѣлена земля, поступающая въ передѣлъ. Отсюда вытекаетъ рядъ послѣдствій, неблагопріятныхъ для земледѣлія; и всѣ эти послѣдствія противники общиннаго землевладѣнія ставятъ на его счетъ.

Вредъ, приносимый дробностью земельныхъ участковъ при общинномъ землевладѣніи, видятъ обыкновенно въ потерѣ земли на межи и времени на переѣзды съ одного участка на другой; въ томъ, что участкамъ придается неудобная форма, и т. д. Что же касается черезполосицы, то ее считаютъ причиной принудительной обработки земли и принудительнаго сѣвооборота. Первая, по словамъ проф. Скворцова («Основы экономическаго земледѣлія» 1901 г., стр. 204), «выражается въ томъ, что всѣ члены общины въ силу необходимости должны нерѣдко заѣзжать или переѣзжать съ орудіями черезъ участки сосѣдей и поэтому вынуждены приступать къ обработкѣ одновременно и каждый долженъ производить послѣдовательныя обработки въ томъ порядкѣ и въ такое время, которое назначается по соглашенію всей общины, хотя бы это и не соотвѣтствовало желанію даннаго члена или понятію его о раціональности обработки. Принудительный же сѣвооборотъ вызывается тою же черезполосностью въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что поля общины служатъ по снятіи съ нихъ растеній общимъ выгономъ. Въ силу этого всѣ члены общины вынуждены держаться одного сѣвооборота, ибо въ противномъ случаѣ не всѣ поля одновременно очистятся отъ культурныхъ растеній и, слѣдовательно, должно бы произойти одно изъ двухъ: или вся община должна воздерживаться отъ выпуска скота для пастьбы на данный полевой клинъ, — ради того, чтобы дать возможность немногимъ использовать принадлежащіе имъ участки по своему усмотрѣнію,—или наоборотъ, эти немногіе новаторы будутъ страдать въ силу того, что выгнанный на пастбище скотъ уничтожитъ ихъ еще неготовые къ съему съ поля посѣвы». Отсюда проф. Скворцовъ дѣлаетъ выводъ,

направленный противъ общиннаго землевладѣнія. Справедливо полагая, что изъ двухъ вышеуказанныхъ альтернативъ чаще будетъ имѣть мѣсто послѣдняя, онъ замѣчаетъ: «А это значитъ, что община служитъ препятствіемъ для введенія улучшеній въ культуру, ибо таковыя естественно всегда должны начинаться немногими и прививаются къ массамъ только путемъ наглядной демонстраціи ихъ выгодности и цѣлесообразности».

Подобнаго мнѣнія придерживается и другой изслѣдователь, г. Бржескій, который ставитъ въ прямую связь съ плохими урожаями на земляхъ крестьянъ-общинниковъ увеличивающееся дробленіе участковъ, усиливающуюся черезполосицу и запутанность крестьянскаго владѣнія («Общинный бытъ и хозяйственная необезпеченность крестьянъ». 1899. Стр. 85).

Взгляды, проводимые названными авторами, признаются нѣкоторыми за непреложныя истины. Такъ, напр., г. А. Никольскій, помѣстившій рядъ статей объ общинѣ въ *Новомъ Времени*, находитъ излишнимъ распространяться «о безчисленныхъ помѣхахъ, создаваемыхъ общиннымъ землевладѣніемъ культурно-техническимъ улучшеніямъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ», потому что, по его мнѣнію, это значило бы повторять общеизвѣстныя вещи. Г. Никольскій отсылаетъ лицъ, незнакомыхъ съ этими общеизвѣстными вещами, къ цитированному выше труду проф. Скворцова.

Итакъ, по мнѣнію названныхъ изслѣдователей и многихъ другихъ противниковъ общиннаго землевладѣнія, одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ послѣдняго заключается въ томъ, что оно ведетъ къ дробности земельныхъ участковъ и черезполосицѣ, сковывающей личную иниціативу общинниковъ и поэтому подрывающей всякую возможность техническаго прогресса въ земледѣліи.

Предположимъ, что все высказанное выше о вредѣ дробленія и черезполосицы вполнѣ вѣрно; спрашивается однако, справедливо ли ставить этотъ вредъ на счетъ общиннаго землевладѣнія?

Дробность участковъ и черезполосица представляютъ явленія, отнюдь не связанныя съ общиной, но распространенныя въ весьма широкихъ размѣрахъ и при подворно-участковомъ владѣніи. Въ подкрѣпленіе этого можно было бы привести рядъ данныхъ, относящихся къ нашему отечеству и другимъ странамъ, но за недостаткомъ мѣста мы ограничимся немногими примѣрами, — для Россіи хотя бы тѣми данными, которыя сведены въ книгѣ А. А. Карелина «Общинное владѣніе въ Россіи». Въ Сѣверо-западномъ краѣ крестьянскій надѣлъ каждаго поселенія, несвязанный общиннымъ началомъ, представляетъ поражающую черезполосность, которая со временемъ должна достиг-

нуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ станетъ невозможнымъ. Въ полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ господствуетъ «почти исключительно» подворно-наслѣдственная форма владѣнія землей, дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго; возникли крайнія черезполосица и многополосица. Въ Миргородскомъ уѣздѣ, гдѣ только одна деревня общинниковъ, встрѣчаются тѣ же слѣдствія подворнаго владѣнія. Близкое по своей сущности къ подворному четвертное владѣніе породило въ Тимскомъ уѣздѣ, Курской губ., страшную черезполосицу. По словамъ курскихъ статистиковъ, «черезполосица самая мелкая представляетъ вообще самую характерную особенность четвертного землевладѣнія, что и вполнѣ понятно, такъ какъ у четвертниковъ безъ очень важнаго повода передѣловъ не бываетъ и раздѣлы полосъ производятся съ каждымъ раздѣломъ семьи; еще пока три брата живутъ вмѣстѣ, загонъ въ двѣ сажени ширины пахать можно, а какъ подѣлились, каждому достается такая узкая лента, что и борону протащить нельзя. Интересное наблюденіе сообщаютъ орловскіе статистики относительно одной изъ волостей Елецкаго уѣзда. «Расположеніе угодій,—говорятъ они,—является рѣзко различнымъ для общинныхъ и четвертныхъ земель: послѣднія вездѣ, кромѣ деревни Курасовки, гдѣ почти вся земля въ одномъ участкѣ, находятся въ страшной черезполосицѣ. Напротивъ, первыя — преимущественно въ одномъ, рѣдко въ двухъ особнякахъ для каждаго общества. Особенно рѣзко это различіе проявляется въ тѣхъ обществахъ, гдѣ часть земли находится въ общинномъ, а часть въ четвертномъ владѣніи».

Обращаясь къ Западной Европѣ, мы также встрѣчаемъ многочисленные примѣры чрезвычайной дробности участковъ и крайняго развитія черезполосицы при подворно-участковомъ владѣніи землей. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ, приведенныхъ въ извѣстномъ изданіи «Bäuerliche Zustände». Въ Саксенъ-Мейнингенѣ дробленіе участковъ довело ихъ до $^1/_{64}$ ихъ первоначальной величины; при этомъ владѣнія, не превышающія двухъ моргеновъ, состоятъ изъ 15-ти и болѣе клочковъ. Такъ, напримѣръ, земля одной деревни, мѣрою въ 835 гектаровъ, принадлежавшая 76-ти собственникамъ, была разбита на 7.785 парцеллъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саксенъ-Веймара на одинъ гектаръ (приблизительно 0,9 десят.) приходится болѣе 12-ти парцеллъ. Въ округѣ Кассель владѣнія поселянъ въ 10—15 гектаровъ распадаются иногда на 200—300 клочковъ, вслѣдствіе чего, по словамъ изслѣдователей, создается черезполосица, «совершенно невыносимая». Въ округѣ Мерингъ «нерѣдко владѣнія въ 1—2,5 гектаровъ разбиты на 16—20 парцеллъ».

Земельная площадь деревни Оксельброннъ, въ Вюртембергѣ, имѣющая 776 гектаровъ, разбита на 6.643 парцеллы, такъ что въ среднемъ площадь одной парцеллы достигаетъ всего 11-ти аровъ. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести очень много, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы показать, что дробность участковъ и черезполосица отнюдь не представляютъ явленій, присущихъ только общинному землевладѣнію. Поэтому, говоря о неудобствахъ, связанныхъ съ ними, нѣтъ рѣшительно никакого основанія ставить эти неудобства на счетъ общины. Почему же не говорить въ такомъ случаѣ, что и подворно-участковое землевладѣніе служитъ препятствіемъ для техническаго подъема земледѣлія? Вѣдь и оно также связано съ черезполосицей.

Противники общины придаютъ первостепенное значеніе существованію при общинномъ землевладѣніи черезполосности участковъ, потому что, по ихъ мнѣнію, съ нею необходимо связаны принудительная обработка и принудительный сѣвооборотъ. При этомъ однако обыкновенно упускается изъ вида, что черезполосность не всегда ведетъ къ принудительной обработкѣ и, съ другой стороны, послѣдняя не всегда вызывается черезполосицей.

Если къ каждому изъ участковъ, на которые раздѣлено поле, существуетъ свободный проѣздъ, такъ что на него можно попасть, не переѣзжая полосы сосѣда, то черезполосица, каковы бы ни были другія ея неудобства, не влечетъ за собою съ безусловной необходимостью принудительной обработки. При отсутствіи другихъ причинъ, стѣсняющихъ хозяйственную самостоятельность отдѣльныхъ членовъ общины, черезполосица при указанномъ выше условіи не могла бы имѣть такого слѣдствія. Отдѣльные хозяева, если бы пожелали, могли бы даже огородить свои участки и во всякомъ случаѣ имѣли бы возможность воздѣлывать ихъ, совершенно не соображаясь съ дѣйствіями другихъ общинниковъ. Иное дѣло, если черезполосность участковъ такова, что не ко всѣмъ изъ нихъ существуетъ свободный проѣздъ. Тогда возникаетъ такъ-называемая спеціальная черезполосица, и при такомъ положеніи принудительная обработка почти неизбѣжна. Хозяевамъ, черезъ земли которыхъ установлено право проѣзда на сосѣдніе участки, приходится сообразовать свою дѣятельность съ дѣятельностью сосѣдей: сѣять, когда они отсѣялись, жать раньше ихъ, въ противномъ же случаѣ ихъ посѣвы будутъ затоптаны или жатва испорчена.

Однако принудительная обработка можетъ обусловливаться не одной черезполосицей. Въ нашихъ общинахъ она очень часто вызывается другой причиной, именно, пастьбой скота по жнитву. При

существованіи такого обычая отдѣльные хозяева, разумѣется, связаны принятыми въ общинѣ сѣвооборотомъ и распорядкомъ работъ и не могутъ руководиться въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ исключительно личной инціативой. Если община ведетъ трехпольное хозяйство, то отдѣльному члену общины нельзя посѣять на своей полосѣ по ржи клевера, потому что послѣ жатвы на поле будетъ пущенъ скотъ, который и вытравитъ его посѣвъ. Когда принудительная обработка связана не съ черезполосицей, а съ пастьбой скота, то ясно, что ее можно уничтожить лишь въ томъ случаѣ, если подъ пастьбу будетъ отведенъ отдѣльный выгонъ. Однако далеко не всѣ общины имѣютъ возможность сдѣлать это. При крайнемъ недостаткѣ у крестьянъ пастбищныхъ угодій, устройство отдѣльнаго выгона въ большинствѣ случаевъ представляется для нихъ дѣломъ или вовсе неосуществимымъ, или весьма затруднительнымъ. Въ этихъ случаяхъ принудительная обработка является прямымъ послѣдствіемъ недостаточности надѣловъ, а не общинныхъ порядковъ. Когда существуютъ условія, съ которыми дѣйствительно неизбѣжно связывается принудительная обработка, то она возникаетъ какъ при общинномъ, такъ и при подворно-участковомъ землевладѣніи. Примѣрами могутъ служить тѣ мѣстности Германіи, о которыхъ упоминалось выше. Изслѣдователи постоянно отмѣчаютъ вредныя послѣдствія принудительной обработки, обусловленной спеціальною черезполосицей; тамъ же, гдѣ черезполосица не носитъ такого характера, отсутствуетъ и принудительная обработка. Напримѣръ, въ округѣ Мерцигъ (Триръ) обращено было вниманіе на то, чтобы къ отдѣльнымъ парцелламъ существовалъ свободный проѣздъ; поэтому въ этой мѣстности, по словамъ ея изслѣдователя, «не можетъ быть и рѣчи о строгой принудительности обработки, какая существуетъ въ другихъ горныхъ округахъ, гдѣ парцеллы, на которыя можно проѣхать съ дороги, не составляютъ и четвертой части общаго числа ихъ».

Итакъ, принудительная обработка, безспорно представляетъ важную помѣху для проявленія личной инціативы въ сельскомъ хозяйствѣ, но она обусловливается причинами, несвязанными неизбѣжно съ общиннымъ землевладѣніемъ: именно недостаточностью надѣловъ и существованіемъ спеціальной черезполосицы. Устраненіе первой причины, разумѣется, не зависитъ отъ общины; что же касается второй, то она гораздо легче и удобнѣе устраняется при общинномъ землевладѣніи, чѣмъ при подворно-участковомъ. Община можетъ, по желанію, при каждомъ передѣлѣ уменьшать число участковъ, приходящихся на долю каждаго хозяина, и измѣнять ихъ расположеніе; между тѣмъ для устраненія черезполосицы на земляхъ ча-

пать отъ принципа частной собственности и вводить порядки, представляющіе полную аналогію съ общинными.

Если бы законодатель сталъ на почву абсолютнаго права собственности, онъ обязанъ былъ бы признать право собственника каждаго участка священнымъ и могъ бы, оставаясь вѣрнымъ своему принципу, допускать разверстаніе земли лишь при единодушномъ согласіи на это всѣхъ владѣльцевъ. Но единогласіе недостижимо на практикѣ. Поэтому законы, касающіеся разверстанія земельныхъ угодій въ цѣляхъ устраненія черезполосицы, требуютъ для осуществленія этого дѣла постановленія только большинства владѣльцевъ, а не ихъ единогласія. Такая постановка вопроса уже является признаніемъ того же принципа подчиненія меньшинства большинству, которое лежитъ въ основѣ общиннаго землевладѣнія. У отдѣльнаго собственника не можетъ существовать безусловной увѣренности въ томъ, что онъ всегда будетъ подвергать обработкѣ одинъ и тотъ же участокъ земли, потому что при существованіи черезполосицы можетъ образоваться большинство въ пользу регулированія земельныхъ угодій, и данному собственнику можетъ достаться другая земля взамѣнъ той, которой онъ владѣлъ до этого времени.

Стремясь по возможности оградить отъ нарушенія право собственности отдѣльныхъ владѣльцевъ, законы нѣкоторыхъ германскихъ государствъ допускали раньше регулированіе угодій лишь по требованію большинства $^2/_3$ заинтересованныхъ собственниковъ, но это требованіе оказалось на практикѣ неудобнымъ, потому что такое большинство не всегда могло составиться, а потребность въ регулированіи не подлежала сомнѣнію. Въ виду этого указанныя постановленія были измѣнены въ томъ смыслѣ, что регулированіе можетъ быть произведено съ согласія простого большинства (напр., въ Гессенъ-Нассау и Баденѣ) и даже $^1/_3$ (Ганноверъ).

Что же представляютъ эти законодательныя постановленія, какъ не легализинированіе процедуры, аналогичной передѣламъ при общинномъ землевладѣніи, только при условіи неизмѣнности общаго количества земли, принадлежащей отдѣльнымъ владѣльцамъ. Требованія жизни приводятъ къ тому, что для устраненія черезполосицы при режимѣ личной собственности примѣняются принципы, выработанные общиннымъ землевладѣніемъ. Это всего лучше доказываетъ, что черезполосица, существующая въ настоящее время въ мѣстностяхъ, гдѣ раньше господствовало общинное землевладѣніе, могла бы быть устранена при общинныхъ порядкахъ, если бы этого пожелало большинство хозяевъ. Слѣдовательно, общинное землевладѣніе нельзя винить въ существованіи черезполосицы, которую приходится теперь устранять

при помощи регулированія. Если община и породила въ свое время черезполосность владѣній, то она же могла и устранить ее: для этого она была вооружена тѣми же средствами, какими современное законодательство вооружаетъ земельныхъ собственниковъ.

Говорятъ, однако, что подворно-участковое землевладѣніе не заключаетъ въ себѣ никакихъ условій, неизбѣжно порождающихъ и поддерживающихъ черезполосицу, между тѣмъ какъ община по самому своему принципу связана съ такими условіями.

Совершенно невѣрно, будто при подворно-участковомъ землевладѣніи отсутствуютъ причины, порождающія черезполосицу. Такія причины несомнѣнно существуютъ въ видѣ различныхъ формъ мобилизаціи земли: перехода ея по наслѣдству, купли-продажи, даренія и проч. Напримѣръ, при покупкѣ однимъ лицомъ участковъ у разныхъ владѣльцевъ неизбѣжно возникаетъ черезполосица. Затѣмъ она можетъ усиливаться вслѣдствіе разныхъ причинъ: при раздѣлѣ имѣнія между сонаслѣдниками, если подвергаются раздѣлу отдѣльные участки, что, какъ извѣстно, бываетъ сплошь и рядомъ; при отчужденіи частей отдѣльныхъ участковъ; при выдѣлѣ такихъ частей въ приданое, при дареніи ихъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ черезполосица представляетъ прямое послѣдствіе мобилизаціи земли, вытекающей изъ принципа личной собственности, и предупредить ея возникновеніе и развитіе чрезвычайно трудно. Поэтому въ мѣстностяхъ, гдѣ при господствѣ подворнаго землевладѣнія существуетъ сколько-нибудь оживленная мобилизація земли, черезполосица составляетъ почти неизбѣжное явленіе и обыкновенно вызываетъ жалобы со стороны землевладѣльцевъ. Въ подтвержденіе этого можно привести хотя бы данныя о черезполосицѣ въ Полтавской губерніи, на которую мы уже ссылались. Вотъ что мы читаемъ въ описаніи Полтавскаго уѣзда: «Кромѣ дробленія земельной собственности, доходящаго часто до предѣловъ возможнаго, подворное владѣніе и связанная съ нимъ мобилизація земель приводятъ еще къ двумъ явленіямъ, о которыхъ необходимо упомянуть. Во-первыхъ, собирающіеся у даннаго лица путемъ покупки, наслѣдованія и проч. участки земель во многихъ случаяхъ не смежны другъ съ другомъ, откуда возникаетъ черезполосица или многополосица, которая, развиваясь въ теченіе десятковъ лѣтъ, становится наконецъ положительнымъ хозяйственнымъ зломъ...» (Сборникъ по хоз. стат. Пол. губ. 1883). Съ цѣлью уничтожить это зло было предпринято въ Полтавской (и Черниговской) губерніи специальное размежеваніе, начавшееся съ 1858 года и тянувшееся болѣе 20-ти лѣтъ. По словамъ составителей сборника, размежеваніе принесло краю великую пользу, но что касается черезполосицы, — замѣчаютъ они, — то она и послѣ

размежеванія идетъ своимъ естественнымъ путемъ, хотя, разумѣется, въ настоящее время (1883 г.) не достигла еще столь сильной степени, какъ до начала межеванія. Однако въ какія-нибудь 10—15 лѣтъ послѣ нарѣзки весьма многія замежеванныя въ одну межу земельныя угодья успѣли уже раздробиться переходомъ посредствомъ раздѣла между сонаслѣдниками и соучастниками или распродажею по частямъ, иногда весьма мелкимъ, такъ что многіе изъ владѣльцевъ сельскаго сословія имѣютъ землю въ нѣскольких мелкихъ кускахъ, далеко не соотвѣтствующихъ размѣрамъ хозяйственной единицы». Этотъ примѣръ, являющійся, конечно, не единичнымъ, показываетъ, что черезполосица при подворномъ землевладѣніи можетъ возникать совершенно независимо отъ того, существовало ли когда-либо въ данной мѣстности общинное землевладѣніе, или нѣтъ. Она образуется какъ слѣдствіе мобилизаціи земли и разъ устраненная, вновь возникаетъ, такъ что для округленія владѣній приходится періодически повторять размежеваніе земель. Такимъ образомъ, при подворно-участковомъ владѣніи землей черезполосица порождается мобилизаціей, т.-е. дѣйствіемъ причины, связанной съ самымъ принципомъ этой формы землевладѣнія. Между тѣмъ общинное начало отнюдь не предполагаетъ черезполосицы какъ неизбѣжнаго явленія.

Надѣленіе землей черезполосно представляетъ нѣкоторыя удобства, отъ которыхъ общинники до сихъ поръ не находили нужнымъ отказываться. Этотъ способъ прежде всего даетъ возможность легче достигать равномѣрности въ распредѣленіи земли, потому что каждый членъ общины получаетъ при этомъ полоску во всѣхъ участкахъ («конахъ» и т. п.), на которые разбивается общинное поле по качеству и мѣстоположенію. Кромѣ того крестьяне нерѣдко предпочитаютъ пахать въ разныхъ мѣстахъ, опасаясь, что при сплошномъ участкѣ градъ, дождь и пр. легко могутъ погубить весь посѣвъ, между тѣмъ какъ при черезполосномъ расположеніи земель больше шансовъ, что тотъ или другой клочокъ уцѣлѣетъ. Правы въ своихъ соображеніяхъ крестьяне или нѣтъ, это въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія; важно, что черезполосица является слѣдствіемъ того, что они находятъ ее полезной или же не ощущаютъ ея неудобствъ. Но если бы они предпочли надѣлять каждаго однимъ участкомъ земли, возмѣщая качество ея количествомъ, и отказались отъ всѣхъ другихъ доводовъ въ пользу черезполосицы, то что́ же могло бы помѣшать имъ примѣнить и такой способъ надѣленія землей? Постановленіе большинства въ этомъ смыслѣ положило бы конецъ черезполосицѣ. Между тѣмъ при подворно - участковомъ землевладѣніи мобилизація земли хотя бы одного изъ собственниковъ уже можетъ породить

черезполосицу, и для устраненія ея приходится прибѣгать къ размежеванію.

Приведенныя соображенія показываютъ, какъ мало убѣдительны тѣ доводы противъ общиннаго землевладѣнія, въ основѣ которыхъ лежатъ указанія на вредъ черезполосицы, будто бы неизбѣжно связанной съ нимъ. Также мало основательны и проекты разверстанія общинныхъ земель въ цѣляхъ округленія участковъ. Совершенно ясно, что такою мѣрой можно достигнуть лишь временныхъ результатовъ, которые очень скоро могутъ быть совершенно разрушены мобилизаціей земли. Между тѣмъ общинное устройство представляетъ механизмъ, устраняющій черезполосицу или ея вредныя послѣдствія съ наименьшими затрудненіями. Преимущества этого механизма всего лучше доказываются тѣмъ, что законодательство, какъ мы уже указывали, возстановляетъ его при режимѣ личной собственности на землю.

2.

При обсужденіи въ послѣднее время нуждъ сельскохозяйственной промышленности обращаетъ на себя вниманіе мысль, что однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ развитію у насъ земледѣлія служитъ чрезмѣрная дробность земельныхъ участковъ, на которыхъ приходится вести хозяйство значительной части крестьянъ. Причиной этого явленія признается приростъ крестьянскаго населенія со времени отмѣны крѣпостного права. Если уже сорокъ лѣтъ тому назадъ надѣлы не вездѣ были достаточны, а во многихъ случаяхъ малы и даже скудны, то въ настоящее время несоотвѣтствіе между площадью крестьянскаго землевладѣнія и населеніемъ, которое должно кормиться съ нея, достигло, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, угрожающихъ размѣровъ. Такое несоотвѣтствіе выражается въ чрезмѣрной дробности земельныхъ участковъ, уже не обезпечивающихъ самостоятельнаго хозяйства. Увеличеніе крестьянскаго населенія, по словамъ Д. П. Семенова, ведетъ къ уменьшенію размѣровъ отдѣльныхъ хозяйствъ, и потому влечетъ за собою все большее и большее увеличеніе количества отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, находящихся въ положеніи малоустойчивомъ, совсѣмъ неустойчивомъ и, наконецъ, совершенно безхозяйственномъ и разоренномъ. Къ такимъ послѣдствіямъ приростъ населенія приводитъ какъ при существованіи общиннаго землевладѣнія, такъ и при отсутствіи его, но, по справедливому мнѣнію упомянутаго автора, постепенное разореніе все большаго и большаго количества отдѣльныхъ хозяйствъ должно обнаруживаться болѣе рѣзко и идти быстрѣе при подворномъ пользованіи, что въ дѣйстви-

тельности и обнаруживается въ томъ, что число переселенцевъ и самое развитіе переселенческаго движенія достигли наибольшихъ размѣровъ и наибольшей интенсивности въ малороссійскихъ губерніяхъ, Полтавской и Черниговской, въ которыхъ господствуетъ подворное пользованіе землею. (Записка «По вопросу о порядкахъ землепользованія у русскихъ крестьянъ и о способахъ ихъ улучшенія».)

Измѣненіе формы землевладѣнія изъ общинной въ подворную можетъ только увеличить и ускорить измельчаніе владѣній, но и общинное землевладѣніе само по себѣ не гарантируетъ отъ этого зла. Какими же средствами возможно бороться съ нимъ? Весьма часто рекомендуется для этого ограниченіе дробленія участковъ. При поподворномъ пользованіи предлагается установить минимальный размѣръ владѣнія, обезпечивающаго благосостояніе крестьянина и его платежеспособность, на правахъ майората или минората, обусловливающихъ недѣлимость участка и его неотчуждаемость. Это мнѣніе, особенно энергично проводившееся въ 1893 году при обсужденіи законопроекта о передѣлахъ мірской земли, и въ настоящее время имѣетъ немало сторонниковъ. При общинномъ землевладѣніи предлагается установить минимальное количество земли, которымъ можетъ владѣть домохозяинъ. Такимъ минимумомъ долженъ служить тягловый участокъ, получающійся при распредѣленіи земли соразмѣрно рабочей силѣ двора и притомъ не могущій быть уменьшеннымъ. Если величина тягловыхъ участковъ, — говоритъ одинъ изъ защитниковъ этого предложенія, — хорошо соразмѣрена съ мѣстными хозяйственными условіями и не измѣняется до тѣхъ поръ, пока сильно не измѣнятся сами эти условія, то образованіе совершенно неустойчивыхъ крестьянскихъ хозяйствъ окажется немыслимымъ, а полное и непоправимое разореніе ихъ почти невозможнымъ.

Авторы изложенныхъ предложеній вполнѣ увѣрены, что достаточно опредѣлить закономъ минимальные размѣры крестьянскаго участка для того, чтобы устранить измельчаніе владѣній съ его вредными послѣдствіями. Эта идея очень стара; она была особенно въ ходу въ срединѣ XIX вѣка въ Германіи, когда тамъ стоялъ на очереди тотъ же вопросъ объ обезпеченіи устойчивости крестьянскаго хозяйства. Въ то время, такъ же какъ и у насъ теперь, главною опасностью для мелкаго землевладѣнія признавалось его измельчаніе, и однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ противодѣйствія этому злу считалось установленіе минимальныхъ недѣлимыхъ участковъ. Однако обсужденіе этого вопроса въ литературѣ и указанія опыта выяснили несостоятельность этой мѣры. Въ тѣхъ случаяхъ, когда избыточное населеніе не могло найти приложенія своему труду внѣ сельскаго хозяйства

или не желало почему-либо покидать деревню, недѣлимость владѣній не могла предотвратить фактическаго дробленія участковъ; только оно совершалось въ видѣ сдачи клочковъ земли въ аренду. Тамъ, гдѣ существовалъ усиленный спросъ на землю и арендныя цѣны достигали значительной высоты, владѣльцы недѣлимыхъ участковъ находили для себя выгоднымъ сдавать часть своей земли мелкимъ съемщикамъ, и такимъ образомъ цѣль, которая преслѣдовалась установленіемъ недѣлимости, не достигалась. Трудно сомнѣваться въ томъ, что изложенныя выше мѣры имѣли бы и у насъ такія же послѣдствія. Промышленность не настолько еще развита въ нашемъ отечествѣ, чтобы все то населеніе деревни, которое окажется избыточнымъ при установленіи минимальныхъ размѣровъ владѣній, нашло себѣ заработокъ въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ. Значительная часть этого населенія продолжала бы искать средствъ къ существованію въ земледѣльческомъ трудѣ и увеличила бы собою контингентъ лицъ, стремящихся арендовать чужую землю. При такихъ условіяхъ арендныя цѣны, и безъ того высокія, поднялись бы еще болѣе, и несомнѣнно, что нашлось бы немало домохозяевъ, которые охотно сдавали бы часть своихъ недѣлимыхъ участковъ. Это происходило бы и при подворномъ пользованіи, и при общинномъ, и такимъ образомъ послѣдствіемъ установленія недѣлимости явилось бы только измѣненіе формы дробленія земли, но самое явленіе не устранилось бы. Конечно, нетрудно воспретить и сдачу недѣлимыхъ участковъ въ аренду, сполна или болѣе извѣстной части, но на основаніи опыта можно безошибочно предсказать полную неудачу такой мѣры. Достаточно припомнить, какая участь постигла законы о пересдачѣ земли въ Ирландіи. Несмотря на стремленія земельныхъ собственниковъ, по настоянію которыхъ были изданы эти законы, устранить пересдачу арендныхъ участковъ, послѣдняя продолжала существовать въ широкихъ размѣрахъ до тѣхъ поръ, пока не исчезли причины, которыми она вызывалась. То же самое произойдетъ и у насъ: законы о недѣлимости окажутся мертвою буквой. Если недѣлимые участки на правахъ майората или минората существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Европы, то исключительно потому, что законы или обычаи, которыми поддерживается принципъ недѣлимости земельныхъ владѣній, имѣютъ опору въ воззрѣніяхъ самого крестьянства, находящихся въ свою очередь въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными условіями жизни. Тамъ же, гдѣ подобныя воззрѣнія по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли сложиться и гдѣ они противорѣчили требованіямъ дѣйствительности, воспрещеніе дробленія участковъ должно по необходимости оказаться пустымъ звукомъ.

Къ изложенному выше нужно добавить еще, что установленіе минимальныхъ участковъ вызываетъ возраженія и въ другомъ отношеніи. Во время спора по этому предмету въ германской литературѣ между прочимъ справедливо указывалось на то, что на практикѣ едва ли возможно установить должнымъ образомъ размѣры минимальныхъ участковъ, которые будутъ признаны недѣлимыми, и уже совершенно невозможно слѣдить за тѣмъ, чтобы эти размѣры измѣнялись соотвѣтственно съ измѣненіями общихъ экономическихъ условій, вліяющихъ на системы земледѣлія. Недѣлимые участки не могутъ быть одинаковыми для всѣхъ мѣстностей, и притомъ размѣры ихъ должны колебаться весьма существенно даже въ очень ограниченныхъ районахъ, такъ какъ плодородіе почвы и другія условія, отъ которыхъ зависятъ способы обработки земли и веденіе хозяйства, бываютъ чрезвычайно различны въ мѣстностяхъ, находящихся на очень небольшихъ разстояніяхъ. Но если невозможно правильно опредѣлить минимальные участки для сколько-нибудь обширныхъ районовъ и на продолжительное время, то, съ другой стороны, индивидуализировать эти размѣры, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства времени и мѣста, не подъ силу никакому органу управленія.

Устраненіе чрезмѣрной дробности земельныхъ участковъ достижимо лишь при помощи общихъ мѣръ аграрной политики. Если по какимъ-либо причинамъ не можетъ быть повышена интенсивность земледѣлія, то необходимо предоставить избыточному населенію, желающему заниматься хлѣбопашествомъ, возможность примѣнять свои силы при условіяхъ, совмѣстимыхъ съ правильнымъ веденіемъ хозяйства. Этой цѣли могутъ служить всѣ мѣры, направленныя къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія и упорядоченію аренды. Если населенію, которое при данныхъ условіяхъ земледѣлія можетъ въ той или другой мѣстности оказаться избыточнымъ, будетъ дана возможность приложить свой трудъ къ землѣ въ другомъ мѣстѣ при лучшихъ условіяхъ, то несомнѣнно, что оно воспользуется этою возможностью. Этимъ путемъ будетъ устранена основная причина измельчанія участковъ, и естественнымъ образомъ установится въ каждомъ районѣ или каждой общинѣ норма земли, необходимая для обезпеченія хозяйства. Минимальные участки этого рода явятся продуктомъ самой жизни и, возникнувъ безъ внѣшней регламентаціи, будутъ отвѣчать условіямъ мѣста и времени.

3.

Въ литературѣ, вызванной въ недавнее время споромъ объ общинномъ землевладѣніи, въ качествѣ довода противъ послѣдняго повторяется въ разныхъ видахъ мысль, что оно приводитъ ко всеобщему

обнищанію. Эта мысль не нова. Особенно рѣзко она была высказана при обсужденіи законопроекта о передѣлахъ мірской земли, ставшаго затѣмъ закономъ 8 іюня 1893 года. Авторъ записки, въ которой развивался этотъ доводъ, обсуждая предложенія министерства внутреннихъ дѣлъ объ установленіи двѣнадцатилѣтняго срока для передѣловъ, замѣчалъ, что «единственное средство избѣжать обезземеленья крестьянъ, сохраняя притомъ платежеспособность и личное ихъ благосостояніе, это—переселеніе избытка и разрѣшеніе ему перехода въ другое сословіе по его усмотрѣнію», при чемъ избыткомъ онъ признавалъ весь тотъ контингентъ крестьянъ, который будетъ превышать общее число минимальныхъ надѣловъ, — недѣлимыхъ, не подлежащихъ ни отчужденію, ни залогу. *(Законодательные матеріалы по вопросамъ, относящимся къ устройству сельскаго состоянія. Изданіе земскаго отдѣла мин. вн. дѣлъ. Вып. II. Спб. 1900).* Такой порядокъ авторъ считалъ единственнымъ выходомъ изъ нынѣшняго бѣдственнаго положенія крестьянства въ виду того, что «оставленіе передѣловъ въ силѣ вызоветъ общее обнищаніе всѣхъ членовъ общества, такъ какъ при этомъ неминуемо теперь ли, впослѣдствіи ли надѣлъ на душу долженъ будетъ перейти въ предѣлы минимальные и, слѣдовательно, не будетъ обезпечивать хозяина, а уничтоженіе передѣловъ вызоветъ увеличеніе количества безземельныхъ крестьянъ, связанныхъ съ общиною и тоже нищихъ». Приведенному мнѣнію нельзя во всякомъ случаѣ отказать въ опредѣленности. Авторъ желаетъ полнаго и окончательнаго прекращенія общиннаго землевладѣнія и замѣны его подворно-участковымъ при полномъ изъятіи земли изъ мѣнового оборота и широкомъ примѣненіи переселеній для избыточнаго населенія. Такое устройство крестьянскаго землевладѣнія имѣетъ въ настоящее время немало защитниковъ у насъ и въ Западной Европѣ; поэтому небезынтересно остановиться на немъ съ нѣкоторыми подробностями, но въ настоящей статьѣ мы разсмотримъ лишь основную мысль, изъ которой исходитъ авторъ цитированной статьи, именно, что передѣлы должны привести къ всеобщему обнищанію крестьянства.

Защитникамъ общиннаго землевладѣнія нерѣдко приписываютъ мысль, будто община служитъ, безусловной гарантіей отъ появленія сельскаго пролетаріата. Читая статьи, направленныя противъ общины, можно подумать, что, по мнѣнію защитниковъ послѣдней, общинное начало является магическимъ средствомъ противъ нищеты и залогомъ благосостоянія крестьянъ. Между тѣмъ ни одинъ сторонникъ общины, за исключеніемъ развѣ ослѣпленныхъ фанатизмомъ, не станетъ утверждать ничего подобнаго. Кто же будетъ отрицать, что и

при общинномъ землевладѣніи можетъ наступить всеобщее обнищаніе и что въ ряду безчисленныхъ причинъ, которыми оно можетъ быть вызвано, одно изъ первыхъ мѣстъ должно быть отведено причинѣ, указываемой авторомъ упомянутой записки? Не подлежитъ сомнѣнію, что при нарастаніи населенія рано или поздно долженъ наступить такой моментъ, когда надѣлъ перестанетъ обезпечивать хозяина, по крайней мѣрѣ при данной системѣ земледѣлія. Но развѣ это будетъ слѣдствіемъ общиннаго землевладѣнія? Очевидно, что причина будетъ заключаться не въ формѣ владѣнія землей, а въ томъ, что количество послѣдней недостаточно для прокормленія населенія, которое на ней живетъ. Самая совершенная форма землевладѣнія безсильна противъ этой причины, составляющей проявленіе естественнаго закона природы. Однако,—замѣчаютъ на это противники общины,—особенность общиннаго строя заключается въ томъ, что недостатокъ земли разрушаетъ благосостояніе всѣхъ домохозяевъ и приводитъ такимъ образомъ *къ общему* обнищанію, между тѣмъ какъ при подворномъ владѣніи землей только *часть* крестьянъ переходитъ въ ряды пролетеріевъ, а другая сохраняетъ въ своихъ рукахъ количество земли, достаточное для обезпеченія хозяйственной дѣятельности.

Противники общины не отрицаютъ того, что подъ вліяніемъ прироста населенія и при подворномъ землевладѣніи образуется болѣе или менѣе значительный контингентъ безземельныхъ. Существуютъ только различные взгляды на значеніе этого факта: одни находятъ его вполнѣ нормальнымъ и не видятъ ничего нежелательнаго въ томъ, чтобы часть сельскаго населенія ежегодно отливала въ города, пополняя собою ряды фабричнаго пролетаріата; другіе же полагаютъ, что населеніе, которое при подворномъ землевладѣніи не находитъ себѣ мѣста въ данномъ районѣ вслѣдствіе недостатка земли, необходимо устраивать на свободныхъ земляхъ при помощи переселеній. Авторъ вышеупомянутой записки раздѣляетъ именно послѣднее мнѣніе. Организація переселеній не представляется ему особенно трудной и требующей особенныхъ затратъ и жертвъ со стороны правительства. «Если взять въ соображеніе,—говоритъ онъ,—ту массу земель, которыми вѣдаетъ министерство государственныхъ имуществъ, не дающихъ никакого дохода или дающихъ доходъ въ нѣсколько копеекъ съ десятины, то всѣ эти земли могутъ служить фондомъ для переселенцевъ». Но если возможно при подворномъ землевладѣніи устранять избыточное населеніе путемъ переселенія, то почему же нельзя этого дѣлать при общинномъ? А если это возможно дѣлать и въ послѣднемъ случаѣ, то на какомъ основаніи утвер-

ждать, что приростъ населенія при общинномъ устройствѣ неминуемо долженъ привести къ всеобщему обнищанію?

Если при общинномъ землевладѣніи обнаруживается недостатокъ въ землѣ, то борьба съ этимъ зломъ возможна тѣми самыми способами, какіе примѣнимы и при подворно-участковомъ. Этихъ способовъ три: расширеніе площади землевладѣнія, улучшеніе земледѣльческой культуры и переселенія. При помощи этихъ средствъ можетъ быть устранено избыточное населеніе или увеличено количество пищевыхъ продуктовъ и корма, собираемыхъ съ данной площади земли; слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ будетъ предупреждено обнищаніе, которое должно было бы явиться слѣдствіемъ избытка населенія. Общинный принципъ не служитъ препятствіемъ для примѣненія перечисленныхъ мѣръ и въ частности, какъ показалъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, не служитъ помѣхою и для улучшенія земледѣлія, насколько сельскохозяйственный прогрессъ возможенъ по совокупности всѣхъ условій страны. Но еслибы даже было признано, что общинное землевладѣніе несовмѣстимо съ земледѣльческимъ прогрессомъ, то въ распоряженіи государства все-таки оставались бы два средства для устраненія экономическаго упадка: это—расширеніе площади землевладѣнія и переселенія. Владѣніе землей на общинномъ началѣ, какъ видно изъ всего сказаннаго выше, отнюдь не предполагаетъ, что населеніе общины, до какихъ бы размѣровъ оно ни размножилось, всегда будетъ оставаться на данной площади земли; если же устранить это предположеніе, то отпадаетъ и основаніе, по которому утверждаютъ, что передѣлы земли при общинномъ землевладѣніи должны рано или поздно превратить всѣхъ членовъ общины въ пролетаріевъ.

Итакъ, общинное землевладѣніе не обезпечиваетъ отъ послѣдствій естественнаго прироста населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не устраняетъ и тѣхъ средствъ борьбы съ ними, которыя примѣняются при подворно-участковомъ владѣніи землей. Однако, оно имѣетъ и въ этомъ отношеніи важныя преимущества предъ послѣднимъ. При общинномъ землевладѣніи, въ основѣ котораго лежитъ равномѣрное распредѣленіе земли между членами общества, обѣднѣніе крестьянства можетъ наступить въ зависимости отъ размѣровъ землевладѣнія лишь тогда, когда обнаружится несоотвѣтствіе между количествомъ земли и населеніемъ, которое дожно жить на ней, т.-е. когда развитіе благосостоянія наталкивается на дѣйствіе естественныхъ законовъ размноженія людей и плодородія почвы. Между тѣмъ при подворно-участковомъ землевладѣніи недостатокъ земли для болѣе или менѣе значительной части населенія можетъ обнаружиться гораздо раньше указаннаго

выше момента,—единственно вслѣдствіе сосредоточенія землевладѣнія въ немногихъ рукахъ. Вслѣдствіе этой причины, отнюдь не вытекающей изъ дѣйствительнаго недостатка въ землѣ, возникаетъ искусственный избытокъ населенія, который пополняетъ собою сельскій и городской пролетаріатъ. Противъ образованія именно такого перенаселенія и гарантируетъ общинное землевладѣніе; и въ этомъ заключается его главнѣйшее значеніе съ соціально-экономической точки зрѣнія.

4.

Какой же выводъ изъ всего сказаннаго можно сдѣлать для практической политики?

Въ настоящее время нельзя привести достаточно серьезныхъ доводовъ въ пользу принятія мѣръ къ упраздненію общины. Исходнымъ положеніемъ для законодательства должны служить фактъ ея существованія и отсутствіе основательныхъ причинъ сомнѣваться въ ея жизнеспособности. Однако, не задаваясь мыслью объ упраздненіи общиннаго землевладѣнія, законодательство можетъ весьма различно вліять на общинные порядки въ зависимости отъ того, поставитъ ли оно своею цѣлью точную и детальную регламентацію ихъ, или пожелаетъ предоставить общинѣ свободно развиваться. Въ первомъ случаѣ ему предстояло бы дѣятельно вмѣшиваться во внутреннюю жизнь общины, во второмъ — главнымъ образомъ устранять причины, могущія задерживать ея развитіе или способныя давать послѣднему неестественное направленіе. Среди сторонниковъ общиннаго землевладѣнія, въ особенности въ административныхъ сферахъ, первое изъ указанныхъ направленій нерѣдко встрѣчаетъ сочувствіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напримѣръ, просмотрѣть мнѣнія, высказанныя губернскими совѣщаніями въ серединѣ 90-хъ гг.: многіе предлагали установить законодательнымъ порядкомъ основанія разверстки земли, опредѣлить минимальные размѣры участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ и т. д. Такое направленіе законодательства въ отношеніи къ общинному землевладѣнію слѣдуетъ признать весьма опаснымъ и вреднымъ. Въ основаніи его лежитъ ложная мысль, что центральные или мѣстные органы управленія лучше могутъ судить о соотвѣтствіи земельныхъ порядковъ нуждамъ населенія, чѣмъ само это населеніе. Между тѣмъ никакая сфера народной жизни не представляесъ столькихъ своеобразныхъ и трудно уловимыхъ со стороны явленій, какъ сфера землепользованія. Земельные порядки въ общинахъ слагаются подъ вліяніемъ множества разнообразнѣйшихъ условій, составляющихъ нерѣдко мѣстныя особенности отдѣльныхъ районовъ и даже общинъ. Иногда

то, что представляется стороннему наблюдателю жизни общины лишеннымъ смысла и нецѣлесообразнымъ, въ дѣйствительности имѣетъ свое основаніе въ такихъ условіяхъ, значеніе которыхъ могутъ оцѣнить только тѣ, которые участвуютъ въ повседневной жизни общины. Въ виду этого попытки регламентировать общинные порядки извнѣ легко могутъ привести къ ненужной ломкѣ строя, отвѣчающаго потребностямъ населенія.

Безусловно возражая не только противъ стремленія упразднить общину, но и противъ попытокъ подвести общинные порядки подъ одинъ ранжиръ, измышленный въ канцеляріяхъ, мы полагаемъ, что общинѣ нужно предоставить свободно развиваться; но для того, чтобы это развитіе шло правильнымъ путемъ, необходимо, чтобы законодательство устранило условія, препятствующія осуществленію общиннаго начала. Для этого слѣдуетъ освободить законы о сельской общинѣ отъ противорѣчій, явившихся результатомъ компромиссовъ между противниками и сторонниками общиннаго землевладѣнія при составленіи Положеній 1861 года. Необходимо также подвергнуть пересмотру и законъ 8-го іюня 1893 года о мірскихъ передѣлахъ, явившійся первою попыткою регламентировать внутреннюю жизнь сельской общины и подчинить ее внѣшнему контролю администраціи. Принципъ, положенный въ основу этой мѣры, составляя дальнѣйшее развитіе идей, которыми руководились составители Положенія о земскихъ начальникахъ представляется особенно рискованнымъ въ примѣненіи къ общинному землевладѣнію.

II.

Неудачный опытъ упорядоченія общиннаго землевладѣнія.

Законъ 8-го іюля 1893 года былъ какъ извѣстно первымъ опытомъ, за которымъ должны были послѣдовать дальнѣйшія начинанія въ той же области. Теперь снова стоитъ на очереди вопросъ объ «упорядоченіи» общинныхъ порядковъ. Въ виду этого интересно ознакомиться съ мотивами, вызвавшими первую попытку въ этомъ направленіи; интересъ такого ознакомленія усиливается еще тѣмъ, что въ матеріалахъ, относящихся къ закону 1893 года, выражены также разнообразные взгляды на основныя начала общинной формы землепользованія и на принципы государственной политики по этому вопросу. (Законодательные матеріалы по вопросамъ относящимся къ устройству сельскаго состоянія. Изданіе земскаго отдѣла мин. вн. дѣлъ. Вып. II. С.-П.-Б. 1900).

Исторія этого законодательнаго акта интересна еще и тѣмъ, что она показываетъ, съ какими ничтожными данными въ рукахъ составители законопроекта о передѣлахъ рѣшились предпринять столь важную мѣру по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію. Результаты этого невѣрнаго шага не замедлили обнаружиться въ видѣ бездѣйствія закона въ однихъ случаяхъ и вредныхъ послѣдствій его въ другихъ.

Еще въ началѣ 80-хъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ остановилось на мысли упорядочить частные передѣлы мірской земли путемъ пересмотра соотвѣтствующихъ постановленій въ законодательномъ порядкѣ. Для этого рѣшено было прежде всего собрать черезъ губернаторовъ данныя о существующей практикѣ частныхъ передѣловъ въ разныхъ мѣстностяхъ и объ отношеніи къ нимъ какъ самого населенія, такъ и крестьянскихъ учрежденій (циркуляръ 7-го декабря 1883 года). Данныя, полученныя по этому предложенію, по признанію самого министерства, не отличались желательной полнотой. Въ отзывахъ губернаторовъ,—читаемъ мы въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ отъ 16-го ноября 1892 года,—отразилось издавна существующее у насъ принципіальное различіе взглядовъ на экономическое и государственное значеніе общиннаго землевладѣнія,—выразилось, съ одной стороны, подсказанное сочувствіемъ къ этой формѣ землевладѣнія стремленіе поддержать существующую практику частныхъ передѣловъ, съ другой—вытекающее изъ противоположнаго взгляда мнѣніе о невозможности хозяйственнаго благоустройства крестьянъ при существованіи не только частныхъ передѣловъ, но и общиннаго землевладѣнія вообще. Соотвѣтственно съ этимъ и предложенія мѣръ, съ которыми выступили губернаторы и нѣкоторыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, отличались чрезвычайно различнымъ характеромъ. Одни заявляли о необходимости совершеннаго уничтоженія общиннаго землепользованія, по крайней мѣрѣ пахотными землями; другіе предлагали упразднить не только частные, но и общіе передѣлы съ сохраненіемъ за обществомъ права отобранія у домохозяевъ надѣловъ лишь въ случаѣ накопленія ими недоимокъ. Большинство однако высказалось за общіе передѣлы, при чемъ нѣкоторые полагали, что было бы цѣлесообразно ограничить ихъ извѣстнымъ срокомъ. Очень многіе останавливались только на частныхъ передѣлахъ, предлагая частью вовсе отмѣнить право скидки и накидки тяголъ въ промежуткахъ между общими передѣлами и тѣмъ болѣе право отобранія надѣловъ, частью же сохранить это право при условіи установленія фактическаго контроля надъ распоряженіями сходовъ со стороны крестьянскихъ учрежденій.

Вопросъ о существующихъ порядкахъ землевладѣнія затрогивался

мѣстными правительственными и частью земскими учрежденіями неоднократно и помимо только что указаннаго повода, при чемъ также предлагались самыя разнообразныя мѣры для устраненія нежелательныхъ сторонъ существующаго положенія земельной общины. Предложенія эти въ большинствѣ случаевъ не касались основъ общиннаго землевладѣнія и клонились исключительно къ болѣе или менѣе подробной регламентаціи общинныхъ порядковъ. Тотъ же вопросъ останавливалъ на себѣ вниманіе сенаторовъ, ревизовавшихъ въ 1880—1891 годахъ нѣкоторыя губерніи Европейской Россіи. Въ запискѣ сенатора Мордвинова о результатахъ ревизіи Воронежской и Тамбовской губерній указывалось на неопредѣленность постановки въ законѣ вопроса о правѣ участія во владѣніи общинною землею какъ на одну изъ причинъ низкаго уровня крестьянскаго благосостоянія въ названныхъ губерніяхъ и въ частности на необходимость разрѣшить вопросъ о томъ, признается ли за сельскими обществами безусловное право распредѣлять по своему усмотрѣнію участки полевой земли между своими членами, или же это право должно считаться ограниченнымъ правомъ каждаго домохозяина на извѣстную долю общественной земли, какъ часть его общей съ односельцами собственности, которой онъ не можетъ быть лишенъ безъ вознагражденія. Нѣкоторые сонаторы указывали на произволъ и безпорядокъ, господствующіе, по ихъ словамъ, на сельскихъ сходахъ при разрѣшеніи всѣхъ вообще мірскихъ дѣлъ и въ частности вопросовъ, касающихся распоряженія общинными землями (ревизія Саратовской и Самарской губерній), другіе же приходили къ обратному выводу, замѣчая, что поземельныя дѣла разрѣшаются сходами въ общемъ справедливо, и находя поэтому ограниченіе самостоятельности сельскихъ сходовъ нежелательнымъ, особенно въ виду малаго знакомства чиновниковъ съ бытовыми и хозяйственными условіями сельскихъ жителей.

Наконецъ, вопросъ объ упорядоченіи общиннаго землевладѣнія былъ возбужденъ: въ 1884 году — въ ходатайствѣ тульскаго губернскаго земскаго собранія, въ 1888 году—орловскимъ губернаторомъ и въ 1892 году—симбирскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Тульское губернское земство предлагало установить въ законадательномъ порядкѣ обязательный срокъ для общихъ передѣловъ (не менѣе 20-ти лѣтъ) съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого срока скидки и накладки тяголъ допускались не иначе какъ по разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ приговоровъ сельскихъ сходовъ крестьянскими учрежденіями по существу. Орловскій губернаторъ находилъ необходимымъ точно опредѣлить право каждаго члена общества на надѣльную землю и предоставить обществу только примѣнять къ каждому отдѣльному слу-

чаю установленныя правила закона. Что касается симбирскаго земскаго собранія, то его предложенія сводились къ тому, чтобы права крестьянскаго общества и отдѣльныхъ домохозяевъ въ распоряженіи землей были поставлены въ извѣстныя рамки. Въ этихъ видахъ симбирское земство проектировало раздѣлить всю землю каждаго общества на двѣ части, изъ которыхъ одна должна быть распредѣлена между хозяевами разъ на всегда, при чемъ участки ихъ должны быть признаны неотчуждаемыми и не подлежащими отобранію отъ нихъ, за исключеніемъ случаевъ податной неисправности, а другая, служа какъ бы постояннымъ земельнымъ запасомъ на случай увеличенія семей, подлежала бы передѣлу, однако, лишь въ опредѣленные закономъ сроки (не менѣе 10-ти лѣтъ). Во избѣжаніе излишней дробности семейныхъ участковъ земство проектировало опредѣлить ихъ минимальную норму; для достиженія этой цѣли предлагалось установить въ каждомъ селеніи самое число домохозяевъ съ такимъ расчетомъ, чтобы одной половины общественной земли было достаточно для надѣленія каждаго домохозяина однимъ лишь минимальнымъ участкомъ. При такомъ порядкѣ землепользованія долженъ былъ неизбѣжно образовываться черезъ извѣстные промежутки времени болѣе или менѣе значительный контингентъ безземельныхъ крестьянъ, которыхъ земство и предлагало направлять къ переселенію.

Таковы тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ рѣшено было въ 1892 году приступить къ упорядоченію общиннаго землевладѣнія. На основаніи ихъ министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило выработать законъ, регулирующій передѣлы мірской земли. При этомъ министерство исходило изъ слѣдующихъ соображеній. По его мнѣнію, «при современномъ далеко еще не удовлетворительномъ состояніи знаній о сельской поземельной общинѣ, не изученной достаточно даже съ точки зрѣнія фактическаго проявленія ея въ различныхъ мѣстностяхъ государства, не говоря уже о недостаточномъ разслѣдованіи ея экономическаго значенія, всякое сколько-нибудь категорическое заключеніе о пользѣ или вредѣ этой формы землевладѣнія представлялось бы преждевременнымъ». Министерство полагало, что «такое положеніе вопроса въ связи съ фактомъ широкаго распространенія общиннаго землевладѣнія и несомнѣннымъ историческимъ правомъ его на серьезное вниманіе обязываетъ законодательство соблюдать большую осторожность при разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, близко затрогивающихъ нашу поземельную общину». Въ виду этого при составленіи законопроекта о передѣлахъ устранена была всякая мысль о коренномъ преобразованіи крестьянскаго землевладѣнія: не признавалось возможнымъ не только задаваться цѣлью отмѣны общин-

наго землевладѣнія, но даже преслѣдовать совершенное прекращеніе земельныхъ передѣловъ.

Высказываясь за сохраненіе передѣловъ, министерство руководилось тѣмъ соображеніемъ, что они служатъ немаловажною поправкою къ дробленію участковъ и черезполосицы. Съ уничтоженіемъ передѣловъ и водвореніемъ подворнаго хозяйства этотъ коррективъ, по мнѣнію министерства, исчезнетъ, и вновь введенная форма землевладѣнія быстро пошла бы по пути разрушенія подъ вліяніемъ указанныхъ явленій. Законодательство, — говорится въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ,—несомнѣнно могло бы ослабить ихъ въ значительной степени либо предписаніемъ развода земель съ возможнымъ сосредоченіемъ хозяйственныхъ угодій, либо установленіемъ минимальныхъ участковъ съ опредѣленіемъ при этомъ наслѣдственныхъ правъ на началахъ майората или минората,—или иными мѣрами; но осуществленіе этихъ мѣръ представлялось министерству крайне затруднительнымъ; кромѣ того оно полагало, что первымъ послѣдствіемъ подобнаго разверстанія земель и введенія нормальныхъ участковъ было бы образованіе значительнаго контингента безземельнаго населенія, которое, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, правительство не могло бы предоставить на произволъ судьбы, а было бы вынуждено переселить на казенныя земли, при чемъ неизбѣжно обнаружился бы недостатокъ и въ приготовленной землѣ, и въ денежныхъ средствахъ.

Таковы были въ главнѣйшихъ чертахъ тѣ соображенія, которыя заставили министерство отказаться отъ мысли о прекращеніи земельныхъ передѣловъ и ограничить объемъ предположеннаго преобразованія болѣе скромной задачей, сводившейся къ возможному упорядоченію общиннаго землевладѣнія вообще и земельныхъ передѣловъ въ частности. Главнѣйшими недостатками общиннаго землевладѣнія министерство признавало, «съ одной стороны, отсутствіе твердыхъ правилъ относительно сроковъ и порядка передѣловъ, а съ другой— неопредѣленность правъ отдѣльныхъ домохозяевъ на надѣлы, доставшіеся имъ при передѣлѣ, послѣдствіемъ которой является возможность отобранія надѣла въ промежутки между общими передѣлами или по меньшей мѣрѣ сокращенія его по усмотрѣнію схода». Для устраненія указанныхъ неудобствъ общиннаго землевладѣнія составленный министерствомъ законопроектъ предлагалъ главнымъ образомъ двѣ мѣры: во-первыхъ, устанавливалось требованіе, чтобы приговоръ сельскаго схода о порядкѣ передѣла содержалъ въ себѣ точное указаніе срока, на который совершается передѣлъ земли, при чемъ этотъ срокъ не можетъ быть меньше 12-ти лѣтъ; во-вторыхъ, въ теченіе указаннаго въ приговорѣ срока участки отдѣльныхъ домохозяевъ не

могутъ быть отъ нихъ отбираемы безъ ихъ согласія ни въ полномъ составѣ, ни по частямъ, если только слѣдуемыя съ домохозяина повинности исполняются исправно.

Кромѣ того проектъ устанавливалъ особенныя правила контроля правительственныхъ учрежденій за дѣйствіями сельскихъ сходовъ по вопросамъ, касающимся передѣловъ: по статьѣ седьмой, земскій начальникъ по полученіи приговора о передѣлѣ повѣряетъ его на мѣстѣ и по повѣркѣ представляетъ его въ уѣздный съѣздъ со своимъ заключеніемъ какъ относительно правильности его составленія, такъ и по вопросу о цѣлесообразности избранныхъ обществомъ основаній для передѣла и распредѣленія земель. Уѣздный же съѣздъ входитъ въ оцѣнку всѣхъ условій передѣла по существу и затѣмъ утверждаетъ приговоръ или отказываетъ въ его утвержденіи.

Въ отзывахъ, поступившихъ на законопроектъ о передѣлахъ, мѣры, предложенныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ общемъ встрѣтили одобреніе. Сдѣланныя въ нихъ замѣчанія и возраженія касались только отдѣльныхъ пунктовъ.

Въ одномъ изъ отзывовъ предлагалось ввести въ законопроектъ правило, которымъ при коренномъ передѣлѣ обезпечивалось бы за прежнимъ домохозяиномъ пользованіе своимъ удобреннымъ участкомъ или участкомъ равнаго съ нимъ качества. Это предложеніе мотивировалось тѣмъ, что въ виду болѣе и болѣе распространяющагося въ черноземной полосѣ Россіи обычая удобренія земли за домохозяевами, удобряющими свои участки, признается сельскими сходами право получить при передѣлѣ также удобренную землю и что закрѣпленіе этого обычая и скорѣйшее его распространеніе было бы весьма полезно и едва ли представило бы какія-либо практическія затрудненія. Другое замѣчаніе въ томъ же отзывѣ относилось къ правиламъ контроля, предложеннымъ въ законопроектѣ. Въ запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ между прочимъ было высказано, что нельзя разсчитывать на упорядоченіе явленій общинной жизни воздѣйствіемъ земскихъ начальниковъ безъ руководящихъ указаній закона въ виду «не только самыхъ противоположныхъ воззрѣній, но даже и чувствъ» по отношенію къ общинѣ и что при разнообразіи мѣстныхъ условій, которымъ объясняется различіе принимаемыхъ крестьянами основаній передѣловъ (по душамъ, тягламъ и т. д.), «врядъ ли было бы осторожно и даже справедливо навязывать обществамъ тотъ или другой способъ» разверстки платежей и земли. Авторъ излагаемаго отзыва, признавая приведенныя соображенія безусловно вѣрными, полагалъ однако, что проектированныя правила контроля легко могутъ оказаться въ практическомъ примѣненіи не вполнѣ соотвѣтствующими этимъ

предположеніямъ. По ст. 8-й, уѣздный съѣздъ можетъ отказать въ утвержденіи приговора о передѣлѣ, если онъ признаетъ условія передѣла «нецѣлесообразными», а такъ какъ въ законопроектѣ нѣтъ никакихъ иныхъ указаній, съ которыми съѣздъ долженъ сообразоваться при оцѣнкѣ основаній передѣла, то авторъ отзыва предвидѣлъ проявленія весьма разнообразныхъ и даже противоположныхъ воззрѣній съѣздовъ на цѣлесообразность того или другого основанія передѣла, при чемъ эти воззрѣнія могутъ оказаться идущими вразрѣзъ съ дѣйствительными потребностями хозяйственной жизни отдѣльныхъ селеній. Въ виду указанныхъ соображеній упомянутый авторъ предлагалъ дать въ законѣ болѣе точныя руководящія указанія съѣздамъ для оцѣнки цѣлесообразности основаній передѣла, какъ-то: воспретить передѣлъ земли на основаніи ревизскаго счета душъ (въ виду послѣдовавшихъ со времени ревизіи измѣненій состава семей), а также переходъ отъ разверстки земли по наличнымъ душамъ къ разверсткѣ ея по ревизскимъ.

Въ другомъ отзывѣ проводилась мысль, что общинное землевладѣніе представляется во всѣхъ отношеніяхъ крайне вреднымъ и должно быть уничтожено. По мнѣнію автора этого отзыва, община не только не предохраняетъ отъ развитія земельнаго пролетаріата, но, наоборотъ, содѣйствуетъ его развитію. При этомъ пролетаріатъ, появляющійся въ деревнѣ благодаря общинному устройству, лишенъ возможности свободно распоряжаться своимъ трудомъ. «Пролетаріатъ при этихъ условіяхъ неизмѣримо хуже западно-европейскаго; тамъ пролетарій по крайней мѣрѣ свободенъ, у насъ онъ связанъ съ бездоходнымъ, но дорого стоящимъ надѣломъ, часто — только съ именемъ надѣла... Община, по мнѣнію того же автора, въ своихъ дурныхъ проявленіяхъ воспитала въ себѣ все-таки сознаніе той силы, которую представляетъ міръ, сознаніе, что міръ какъ масса, не можетъ быть наказуемъ, что «міръ силенъ, что супротивъ міра ничего не подѣлаешь». Крестьяне сравниваютъ міръ со снопомъ. Сходство они видятъ въ томъ, что какъ въ снопѣ можно легко сломать каждую соломинку, но нельзя сломать снопа, такъ и съ отдѣльными членами міра можно все сдѣлать, но ничего нельзя сдѣлать съ міромъ. Если община дорога крестьянству, то только въ этомъ смыслѣ. Можетъ ли входить въ цѣли правительства поддерживать въ крестьянствѣ вѣру массы въ такую силу общины. Въ этомъ смыслѣ соціалистическіе инстинкты нашли себѣ почву въ общинѣ... Если Россіи суждено когда-нибудь пережить потрясенія, вызванныя стихійными движеніями народныхъ массъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ, вопреки примѣрамъ западной Европы, будетъ принадлежать массѣ аграрной. Какъ община развила въ себѣ проле-

таріатъ, такъ она неминуемо разовьетъ и это зло». Устраненіе его требуетъ неотложныхъ и энергичныхъ мѣръ, сущность которыхъ должна заключаться въ переходѣ отъ общиннаго устройства къ подворно-участковому землевладѣнію при условіи установленія минимальныхъ надѣловъ на правахъ маіората или минората. Будучи убѣжденъ, что общинное землевладѣніе должно быть упразднено, авторъ далеко не раздѣляетъ мнѣнія, по которому все зло заключается въ земельныхъ передѣлахъ, но въ качествѣ перваго шага, за которымъ должны послѣдовать дальнѣйшіе, онъ находилъ полезнымъ хотя бы принять предложеніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Наконецъ, указано было на рискованность безусловнаго воспрещенія скидки и накидки тяглъ. Представитель этого мнѣнія полагалъ, что за сельскими обществами должно быть сохранено право какъ на общіе, такъ и на частные передѣлы, но съ тѣмъ, чтобы избранныя обществомъ основанія для разверстки земли и для скидки и накидки тяглъ были указаны въ приговорѣ о порядкѣ передѣла.

Таковы были данныя, послужившія основаніемъ для постановки на очередь вопроса о пересмотрѣ дѣйствующихъ узаконеній о правахъ крестьянъ на надѣльныя земли. Министерство оговаривалось, что постановленіе симбирскаго земскаго собранія, поступившее слишкомъ поздно, не входило въ матеріалы, отъ которыхъ отправлялись составители законопроекта о передѣлахъ. Хотя, съ другой стороны, и дѣлается ссылка на «всѣ остальные матеріалы, касающіеся различныхъ сторонъ крестьянскаго быта и хозяйства», однако никакихъ слѣдовъ этихъ матеріаловъ въ мотивахъ къ проекту не видно.

На этихъ болѣе чѣмъ недостаточныхъ основаніяхъ могъ быть построенъ лишь крайне несовершенный законъ. И таковымъ дѣйствительно и оказался законъ 8-го іюня 1893 года, какъ это теперь единодушно признается представителями самыхъ противоположныхъ воззрѣній на общинное землевладѣніе.

Въ основу закона о передѣлахъ положено два принципа: бюрократическая регламентація крестьянскаго землепользованія и установленіе попечительнаго надзора надъ крестьянами въ видѣ властной опеки земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Примѣненіемъ перваго принципа явились: установленіе минимальнаго срока для коренныхъ передѣловъ въ 12 лѣтъ и воспрещеніе частныхъ передѣловъ, за исключеніемъ случаевъ, когда надѣлъ переходитъ въ распоряженіе общества за смертью домохозяина, выхода его изъ общества и проч. Второй принципъ выразился въ лишеніи крестьянскихъ обществъ права самостоятельно распоряжаться распредѣленіемъ надѣльной земли между своими членами и подчиненія ихъ въ этомъ отношеніи контролю

крестьянскихъ учрежденій. Результаты оказались, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ отрицательные: въ однихъ случаяхъ законъ 1893 г. остался мертвою буквой или не принесъ пользы, а въ другихъ примѣненіе его сопровождалось несомнѣннымъ вредомъ.

Еще въ 1894 г. нѣкоторыя губернскія совѣщанія по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ, указали на неудачу закона о передѣлахъ. Но тогда прошло еще слишкомъ мало времени послѣ введенія закона, чтобы возможно было составить окончательное сужденіе объ его дѣйствіи. Въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ находились мѣстные комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, созванные Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Передъ ними былъ десятилѣтній опытъ примѣненія закона 1893 года, и они могли вполнѣ оцѣнить его практическое значеніе.

Если министерство внутреннихъ дѣлъ въ своемъ представленіи о законопроектѣ, ставшемъ впослѣдствіи закономъ 1893 года, откровенно сознавалось въ скудости свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи, которыми оно располагало, то лучшимъ подтвержденіемъ справедливости этого сознанія служатъ данныя, собранныя по закону о передѣлахъ въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. На каждомъ шагу обнаруживается, что законодатели не имѣли сколько-нибудь яснаго представленія о разнообразіи и сложности общиннаго землепользованія, когда предполагали «упорядочить» его регулированіемъ передѣловъ и отдачей общины подъ опеку земскаго начальника. Установленіе 12-тилѣтняго минимальнаго срока для передѣловъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось во многихъ случаяхъ несоотвѣтствующимъ мѣстнымъ условіямъ. На это указывали еще нѣкоторыя губернскія совѣщанія; напримѣръ, саратовское обратило вниманіе на то, что многія общества въ южныхъ уѣздахъ Саратовской губерніи ведутъ залежное и бахчевое хозяйство и что тамъ передѣлы земли ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть установляемы на сроки продолжительнѣе двухъ или трехъ лѣтъ, такъ какъ земля пашется въ теченіе этихъ сроковъ, а затѣмъ залужается и поступаетъ подъ выпасъ скота въ общественную пользу. Точно также законъ о передѣлахъ, по сообщенію мѣстныхъ комитетовъ, не соотвѣтствуетъ, напримѣръ, условіямъ степного толочнаго хозяйства, требующаго перехода съ пахотной земли на паровую черезъ пять—шесть лѣтъ. «Все это,—по словамъ Свода трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по крестьянскому землепользованію,—вызываетъ частые обходы закона, притомъ настолько необходимые по мѣстнымъ хозяйственнымъ особенностямъ, что отдѣльные крестьяне и не думаютъ обжаловать ихъ: производятся не только переверстки, но

и досрочные передѣлы безъ составленія формальныхъ приговоровъ и представленія ихъ начальству на утвержденіе. Въ указанныхъ случаяхъ общинная жизнь не отражаетъ на себѣ вліянія законовъ о передѣлахъ, и поэтому можно только сказать, что онъ оказался безсильнымъ». Однако во многихъ случаяхъ законъ 1893 года имѣлъ вредныя послѣдствія для порядковъ общиннаго землепользованія.

Многіе мѣстные комитеты свидѣтельствуютъ, что законъ о передѣлахъ привелъ къ значительному увеличенію черезполосности и дробности владѣнія. Прежде, при возможности дѣлиться чаще, крестьяне не стремились къ особенно тщательному уравненію надѣловъ по качеству; теперь же, когда жребій бросается одинъ разъ на 12 лѣтъ, никому не хочется связываться съ малоудобнымъ или дальнимъ участкомъ на столь долгій срокъ; поэтому прилагается чрезвычайное стараніе къ возможно точному качественному уравненію каждаго владѣнія, приходится разбивать поля на большее число подраздѣленій и, слѣдовательно, надѣлъ отводится въ большемъ числѣ мѣстъ и меньшими полосками.

При трехпольномъ хозяйствѣ передѣлы черезъ трехлѣтніе или шестилѣтніе сроки достаточно гарантируютъ затраты на обработку и удобреніе земли; поэтому нѣкоторые мѣстные комитеты замѣчаютъ, что установленіе закономъ максимальнаго 12-тилѣтняго срока для передѣловъ представляется излишнимъ въ качествѣ гарантіи сельскохозяйственныхъ затратъ; но зато усиленіе черезполосности и дробности, являющееся послѣдствіемъ этой мѣры, во многихъ случаяхъ можетъ оказаться гораздо болѣе вреднымъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, чѣмъ передѣлы, производимые черезъ короткіе сроки.

Одно изъ важныхъ послѣдствій регулированія передѣловъ оказалось прямо противоположнымъ тому результату, который имѣли въ виду составители закона 1893 г. Оказалось, что эта мѣра во многихъ случаяхъ не только не создала устойчивости владѣнія мірскою землей, но, наоборотъ, внесла крайнюю неопредѣленность въ порядки общиннаго землепользованія. При необходимости установить разверстку не менѣе какъ на 12 лѣтъ, безъ права исправлять ее въ этотъ промежутокъ времени скидкой и накидкой душъ, крестьяне весьма часто не могутъ согласиться относительно основаній передѣла. Толки и споры объ его условіяхъ продолжаются иногда цѣлые годы, въ теченіе которыхъ община находится въ крайне неопредѣленномъ состояніи, потому что всегда можно ожидать, что составятся необходимыя $^2/_3$ голосовъ въ пользу передѣла и послѣдній, наконецъ, состоится. Такое положеніе, конечно, отражается самымъ неблагопріятнымъ образомъ на крестьянскомъ хозяйствѣ: если при срочности пользованія

въ послѣдніе его годы отмѣчается незаботливое и даже хищническое отношеніе къ землѣ, то въ періодъ, когда передѣлъ можетъ послѣдовать въ любое время, уходъ за землей ухудшается до крайности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это переходное состояніе бываетъ настолько продолжительнымъ, что крестьяне какъ бы отучаются отъ болѣе совершенныхъ пріемовъ культуры, которые были ими ранѣе усвоены.

Наконецъ, законъ 1893 года явился стимуломъ къ производству общихъ передѣловъ во многихъ общинахъ, гдѣ раньше довольствовались скидкой и накидкой душъ соотвѣтственно измѣняющемуся семейному составу. Воспрещеніе этихъ частныхъ передѣловъ по закону вызвало общіе коренные передѣлы съ перерѣзкой полей и перемѣщеніемъ всѣхъ отдѣльныхъ владѣній.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ, ясно, что законъ о передѣлахъ долженъ быть признанъ крайне неудачною попыткой урегулировать общинное землевладѣніе.

А. Мануиловъ.

Изданія Д. С. Горшкова.

Муниципальныя хоз. предпріятія въ англійскихъ городахъ. Современныя теченія въ сферѣ прямого обложенія въ Соед. Штатахъ въ связи съ интересами общественныхъ группъ. Казенная винная монополія. Еще нѣсколько замѣчаній по поводу винной монополіи. О созданіи экономическихъ факультетовъ въ нашихъ университетахъ. По поводу докладовъ министра финансовъ на 1901, 1902 и 1903 годъ.

Вернеръ Зомбартъ

„СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМЪ"

Томъ I, въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ проф. **А. А. Мануилова**, I вып. подъ ред. **С. Н. Эверлинга**. VI+XXV+331 стр. Ц. 1 р. 50 к. II вып. подъ ред. пр.-доцента **М. А. Курчинскаго**. 355 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: I-го тома: **Генезисъ капитализма.** Вступительныя замѣчанія. Введеніе. Организація хозяйственнаго труда. I кн. Хозяйство, какъ ремесло. II кн. Генезисъ современнаго капитализма. Генезисъ капиталистическаго духа. Начало промышленнаго капитализма и препятствія его развитію. Обрабатывающая промышленность и капитализмъ въ концѣ раннекапиталистической эпохи. Побѣдоносное шествіе промышленнаго капитализма въ наше время. Ремесло и ремесленникъ въ наше время. Заключеніе. Современное капиталистическое развитіе въ его значеніи для образованія новаго строя общества.

Складъ изданій въ книжн. магаз. Н. П. КАРБАСНИКОВА.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

В. ЗОМБАРТЪ. «Современный капитализмъ», II-й томъ, подъ редакціей прив.-доцента Петербургскаго университета *М. А. Курчинскаго*.

Проф. И. X. ОЗЕРОВЪ. «Экономическая Россія въ концѣ XIX и началѣ XX столѣтія». Съ діаграммами.

«**Очерки по крестьянскому вопросу**», подъ ред. проф. *А. А. Мануилова*. Выпускъ II.

Цѣна 1 р. 25 к.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва.

ОЧЕРКИ
ПО
КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Собраніе статей подъ редакціей проф. Московскаго Университета

А. А. Мануилова.

Выпускъ II-й.

В. Ю. Скалонъ. Крестьянскій банкъ и его недоимщики.

Проф. *А. А. Мануиловъ.* 1) Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи; 2) Арендный вопросъ передъ Особымъ Совѣщаніемъ; 3) Проектъ редакціонной комиссіи объ общинномъ землевладѣніи.

Проф. *В. М. Хвостовъ.* Аренда земли по русскому и западно-европейскимъ законодательствамъ.

Л. К. Брейеръ. Сдача и съемъ надѣльныхъ земель.

Проф. *М. Я. Герценштейнъ.* Сберегательныя кассы за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904).

Вл. А. Розенбергъ. Проектъ редакц. комиссіи о волости.

Изданіе Д. С. ГОРШКОВА.

Москва—1905.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовск. ул., соб. д.
Москва—1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

После появленія 1-го выпуска „Очерковъ" прошло не много времени, но съ тѣхъ поръ совершились въ русской жизни важныя событія, могущія существенно отразиться и на постановкѣ крестьянскаго вопроса въ законодательныхъ сферахъ. Во всякомъ случаѣ самый вопросъ остается на очереди, и обсужденіе его въ печати не теряетъ практическаго значенія. Напротивъ, если оправдаются слухи о томъ, что пересмотръ законоположеніи о крестьянахъ предполагается поставить въ иныя условія, чѣмъ при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ,—выясненіе разныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса и критика дѣйствующихъ и проектированныхъ мѣропріятій въ этой области могутъ представить еще большій интересъ, чѣмъ раньше.

Статьи, вошедшія въ настоящій выпускъ, большею частью уже появлялись въ печати. Тѣмъ не менѣе по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо сдѣлать слѣдующія разъясненія Статья В. Ю. Скалона „Крестьянскій банкъ и его недоимщики" написана по поводу предположеннаго въ началѣ 90-хъ годовъ преобразованія банка и напечатана въ *Русск. Вѣд.* 1893 г. Въ настоящемъ изданіи статья эта пополнена извлеченіями изъ позднѣйшихъ статей того же автора, напечатанныхъ въ *Русск. Вѣд.*, и изъ не бывшей въ печати его же записки о проектѣ реформы банка. Статья В. М. Хвостова „Аренда земли по русскому и западно-европейскимъ законодательствамъ" и моя „Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи" представляютъ записки, составленныя для Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Вторая изъ нихъ была напечатана въ приложеніи къ *Вѣстнику Финансовъ*, но безъ плановъ, освѣщающихъ нѣкоторыя важныя стороны существующихъ у насъ арендныхъ отношеній. Чтоже

касается очерка проф. Хвостова, то онъ былъ напечатанъ только въ видѣ записки. По поводу этого очерка необходимо замѣтить еще, что авторъ не касается въ немъ англійскаго и ирландскаго законодательствъ объ арендѣ, такъ какъ по этому предмету была составлена особая записка. Статья Л. К. Брейера объ арендѣ надѣловъ появляется въ печати въ первый разъ.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что послѣ отпечатанія статьи „Арендный вопросъ передъ Особымъ Совѣщаніемъ“ былъ опубликованъ проектъ объ арендѣ, составленный подготовительной комиссіей, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря А. Н. Куломзина. Проектъ этотъ, по нашему мнѣнію, является совершенно неудовлетворительнымъ и, если ему суждено осуществиться, арендный вопросъ въ Россіи не только не подвинется къ удовлетворительному рѣшенію, но скорѣе сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи шагъ назадъ.

А. Мануиловъ.

Москва, 15 октября 1904 г.

Крестьянскій банкъ и его недоимщики.

Очеркъ дѣятельности банка въ первое десятилѣтіе (1883—1892 гг.).

Въ первой половинѣ 90-хъ годовъ была учреждена комиссія для составленія новаго устава Крестьянскаго банка. Хотя со времени открытія дѣйствій послѣдняго прошло всего десять лѣтъ, однако пересмотръ его организаціи представлялся скорѣе запоздалымъ, нежели преждевременнымъ. Недостатки Положенія 18-го мая 1882 г. замѣчались уже давно; на необходимость преобразованія банка не разъ указывали печать и земскія собранія. Дѣятельность банка, въ особенности за послѣдніе годы, не удовлетворяла никого и далеко не оправдывала тѣхъ ожиданій, которыми сопровождалось его вступленіе въ жизнь. Задуманный въ видахъ «предоставленія крестьянамъ малоземельнымъ или безземельнымъ способовъ пріобрѣтать землю въ количествѣ, достаточномъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія обязанностей крестьянъ передъ правительствомъ», Крестьянскій банкъ очень мало сдѣлалъ въ этомъ направленіи: по свидѣтельству объяснительной записки къ проекту новаго устава, составленному администраціей банка, его девятилѣтняя дѣятельность «выразилась въ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія приблизительно не болѣе, какъ на 1,2% или въ среднемъ ежегодномъ приращеніи оной на 0,13%», (при чемъ «на долю безземельныхъ приходится, за періодъ 1885—1891 гг., лишь 11,6% общаго количества земли, купленной въ означенные годы»), тогда какъ, «благодаря конкурирующей съ крестьянскимъ банкомъ дѣятельности частныхъ земельныхъ банковъ, во многихъ мѣстностяхъ въ руки крестьянъ переходитъ, при участіи сихъ банковъ, количество земли, въ нѣсколько разъ превышающее размѣръ пріобрѣтеній, совершаемыхъ при содѣйствіи Крестьянскаго банка», а во время, предшествовавшее учрежденію послѣдняго, именно въ періодъ 1862—1877 гг., крестьяне, «помимо правительственной помощи, путемъ самостоятельныхъ покупокъ, увеличивали ежегодно площадь своей надѣльной земли на 0,3%».

Если, сверхъ сказаннаго, принять во вниманіе «отрицательныя явленія въ дѣятельности банка», на которыя указываетъ записка, и главнымъ образомъ то, что 133.731 дес., въ 353 участкахъ, съ остаткомъ капитальнаго долга въ 7.804.104 руб. 6 к., изъяты изъ владѣнія крестьянъ, ихъ купившихъ, при чемъ многіе изъ послѣднихъ утратили не только купленную, но и надѣльную земли и стали совершенно безземельными, то нельзя не согласиться съ составителями записки, что «въ отношеніи поставленной ему задачи результаты девятилѣтней дѣятельности банка должны быть признаны неудовлетворительными и, во всякомъ случаѣ, незначительными», мало того,—нельзя не при знать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти результаты оказались даже вредными.

Обозрѣвая дѣятельность банка за первое десятилѣтіе, съ удивленіемъ останавливаешься на томъ фактѣ, что послѣ трехлѣтняго роста начался и болѣе не останавливался постепенный упадокъ: съ каждымъ годомъ съ содѣйствіемъ банка покупалось все меньше земли и ссудами пользовалось все меньшее число крестьянъ, несмотря на то, что территоріально сфера дѣятельности банка постепенно расширялась и въ 1892 году обхватывала уже почти всю Европейскую Россію,—53 губерніи. Съ содѣйствіемъ банка совершены сдѣлки по покупкѣ земли (въ тысячахъ):

Года.	Покупщики.		Количество купленной земли.	% къ общ. числу за 10-лѣтіе.		
	Домохоз.	Души м. п.		Домох.	Душъ.	Земли.
1883 [1]).	2,2	6,8	18,2	0,8	0,8	1,0
1884	32,0	98,2	210,0	11,9	11,3	11,1
1885	48,4	154,2	318,0	18,0	17,8	16,8
1886	40,6	134,0	294.7	15,1	15,5	15,6
1887	32,7	107.7	219,5	12,2	12,4	11,6
1888	25,2	81,3	190,5	9,4	9,3	10,1
1889	21,4	71,8	156,3	8,0	8 3	8,3
1890	22,9	74,1	172,1	8,6	8,6	9,1
1891	23,4	76,1	162,9	8,7	8,8	8,6
1892	19,6	62,4	148,0	7,3	7,2	7,8
Итого.	268,4	866,6	1.890,4	100	100	100

[1]) Въ 1883 г. дѣйствовали всего 11 отдѣленій банка и то не цѣлый годъ—съ апрѣля и мая.

Чѣмъ же объяснить такое странное, при общепризнанной нуждѣ крестьянъ въ землѣ, явленіе? Нельзя, конечно, думать, чтобы дѣятельность банка ослабѣвала потому, что, за удовлетвореніемъ потребности, сталъ уменьшаться спросъ на его помощь; если бы это было такъ, то не могла бы такъ успѣшно развиваться «конкурирующая съ Крестьянскимъ банкомъ дѣятельность частныхъ земельныхъ банковъ», съ помощью которыхъ «во многихъ мѣстностяхъ въ руки крестьянъ переходитъ количество земли, въ нѣсколько разъ превышающее размѣръ пріобрѣтеній, совершаемыхъ при содѣйствіи Крестьянскаго банка».

Причину упадка операцій банка слѣдуетъ искать въ его организаціи, «основной порокъ» которой, какъ весьма удачно подмѣтила уфимская губернская земская управа въ докладѣ своемъ губернскому собранію въ февралѣ 1892 г.,—заключается въ смѣшеніи «характера учрежденія правительственнаго, преслѣдующаго государственныя цѣли, и частно-коммерческаго, заботящагося лишь объ обезпеченіи себя отъ потерь и убытковъ въ данную минуту и не обращающаго вниманія на будущность своихъ кліентовъ», смѣшеніе, подъ вліяніемъ котораго «практика банка должна была обратить преимущественное вниманіе на обезпеченіе коммерческихъ интересовъ банка, послѣдствіемъ чего и явилось сокращеніе ссудъ, требованіе доплатъ, назначеніе массами имѣній въ продажу и т. д.» Въ самомъ дѣлѣ, первымъ поводомъ къ сокращенію операцій послужила опасность, которой стало грозить образованіе недоимокъ за заемщиками. Въ 1886 году, по словамъ отчета за этотъ годъ, «подъ вліяніемъ неурожая произошла заминка въ платежахъ, особенно въ степныхъ губерніяхъ; поэтому совѣтъ считалъ полезнымъ еще сдержаннѣе прежняго относиться къ поступавшимъ на утвержденіе его сдѣлкамъ» и это, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, «повліяло въ направленіи уменьшенія числа дѣлъ». Этой-то «заминкѣ въ платежахъ» суждено было оказать роковое вліяніе на дальнѣйшія судьбы банка. Непрекращавшееся накопленіе недоимокъ стало все болѣе и болѣе приковывать къ себѣ вниманіе администраціи банка и, мало-по-малу, заслонять въ ея глазахъ другія стороны дѣла. Боязнь убытковъ, — въ связи, можетъ быть, съ тѣми аграрно-политическими тенденціями, которыя съ теченіемъ времени усвоило управленіе банка и которыя получили выраженіе въ выработанномъ имъ проектѣ устава,—привела къ рѣзкому измѣненію характера и направленія всей дѣятельности банка: главною задачею его администраціи стало уже не столько содѣйствіе нуждающейся части сельскаго населенія въ пріобрѣтеніи земли и устройствѣ быта, сколько охрана интересовъ банка. Эту задачу преслѣдовала и заду-

манная реформа, «главнымъ основаніемъ» къ которой «несомнѣнно», по словамъ объяснительной записки, «послужило именно громадное количество сдѣлокъ, по которымъ заемщики банка оказались неисправными въ платежахъ».

Въ виду такого значенія недоимокъ въ судьбѣ Крестьянскаго банка, мы постараемся въ настоящемъ очеркѣ выяснить причины ихъ образованія и накопленія. Но прежде сдѣлаемъ бѣглый обзоръ дѣятельности банка и ея постепенной «эволюціи».

I.

По первоначальнымъ предположеніямъ, внесеннымъ въ государственный совѣтъ тремя министрами, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ, въ декабрѣ 1881 г., задачею проектированнаго Крестьянскаго банка ставилось оказаніе помощи только мало—и безземельнымъ крестьянамъ: «идти далѣе этой цѣли, открывать крестьянамъ обезпеченнымъ и зажиточнымъ средства къ покупкѣ земель въ неограниченномъ размѣрѣ — значило бы, — по словамъ представленія, — не только отвлекать часть средствъ банка на удовлетвореніе менѣе настоятельной потребности, но даже затруднять доставленіе наиболѣе нуждающимся въ землѣ крестьянамъ способовъ къ ея пріобрѣтенію, ибо имъ трудно было бы конкурировать въ покупкѣ сосѣднихъ земель съ кулаками и болѣе зажиточными крестьянами, которые отбивали бы у нихъ нужныя имъ земли съ тѣмъ, чтобы потомъ имъ же сдавать эти земли въ наемъ за дорогую цѣну». Съ этою цѣлью предполагалось выдавать ссуды въ такомъ размѣрѣ, чтобы съ ихъ помощью, при покупкѣ обществами или товариществами, могло быть пріобрѣтаемо количество земли, не превышающее, вмѣстѣ съ находящимся уже во владѣніи заемщиковъ, установленный для каждой мѣстности положеніемъ 19-го февраля 1861 г. высшій или указный надѣлъ; при покупкѣ же отдѣльными крестьянами—количество земли, равное полному подворному участку въ установленномъ закономъ или обычномъ, по мѣстности, размѣрѣ. Чтобы не обращать оказываемое банкомъ содѣйствіе въ «косвенное средство къ измѣненію существующихъ способовъ владѣнія землей» и не колебать общиннаго пользованія тамъ, гдѣ оно существуетъ, предполагалось «въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, въ коихъ надѣльная земля состоитъ въ общинномъ пользованіи», выдавать ссуды «или сельскимъ обществамъ въ полномъ составѣ, или товариществамъ изъ крестьянъ, если таковыми товариществами земля пріобрѣтается для выселенія»; тамъ же, «гдѣ земли крестьянскаго на-

дѣла не состоятъ въ общинномъ пользованіи», допускалась выдача ссудъ и отдѣльнымъ крестьянамъ, но только «безземельнымъ или владѣющимъ неполнымъ подворнымъ участкомъ установленнаго закономъ или обычнаго, по мѣстности, размѣра (огородникамъ, бобылямъ, кутникамъ, тяглымъ или полутяглымъ хозяевамъ и т. п)».

Политическія обстоятельства того времени не были благопріятны для осуществленія такого проекта: въ виду бродившихъ въ сельскомъ населеніи ожиданій новаго надѣла, возникало опасеніе, что установленіе нормы земельныхъ участковъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы при содѣйствіи банка, будетъ истолковано какъ признаніе правительствомъ размѣра, до котораго должны быть доведены имѣющіеся надѣлы. Поэтому и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ задача Крестьянскаго банка была значительно расширена: его цѣлью поставлено облегченіе крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земель «въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне—пріобрѣсти оныя».

Въ виду такой широты и неопредѣленности задачи и вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченности операціонныхъ средствъ (не свыше 5 милліоновъ въ годъ), администраціи банка, на первыхъ порахъ, необходимо было задаться вопросомъ—какого рода сдѣлкамъ надлежитъ отдавать предпочтеніе, какимъ разрядамъ сельскихъ обывателей преимущественно передъ другими оказывать помощь. Этотъ вопросъ, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ идей, въ то время господствовавшихъ въ обществѣ и проводившихся также составителями первоначальнаго проекта,—былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что преимущественное право на помощь со стороны банка должно принадлежать крестьянамъ малоземельнымъ и безземельнымъ, для коихъ она является единственнымъ средствомъ къ выходу изъ крайне затруднительнаго положенія. «Совѣтъ банка,—читаемъ въ отчетѣ за 1884 г. (стр. 4)—не считаетъ возможнымъ оказывать въ одинаковомъ размѣрѣ помощь всѣмъ крестьянамъ, не дѣлая никакого различія между людьми состоятельными, могущими производить значительныя затраты изъ собственныхъ средствъ, и наиболѣе нуждающимися. Такъ какъ банкъ учрежденъ для «облегченія» крестьянамъ покупки земли, то необходимо согласовать степень «облегченія» покупокъ съ размѣромъ нуждъ покупщиковъ, выдавая особенно нуждающимся бо́льшія, а наиболѣе состоятельнымъ—сравнительно меньшія ссуды и отказывая въ ссудахъ для покупки земли крестьянамъ многоземельнымъ и вообще очень состоятельнымъ». Такихъ крестьянъ совѣтъ считалъ «менѣе желательными для банка кліентами» (Отчетъ 1885 г., стр. 4), и совсѣмъ отказывалъ въ ссудахъ тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ на-

столько значительное количество собственной земли, что обработать вновь покупаемую силами своихъ семействъ не въ состоянiи», такъ какъ распространенiе дѣятельности банка на лицъ, столь обезпеченныхъ, «расширило бы операцiи банка дальше того предѣла, на который распространяются онѣ по смыслу закона» (Отчетъ 1885 г., стр. 17) [1]).

Благодаря такому взгляду совѣта, крестьяне мало—и безземельные въ первые годы дѣятельности банка заняли видное мѣсто среди его заемщиковъ. Уже первый отчетъ, за 1883 г., свидѣтельствуетъ (стр. 18), что «изъ общаго числа душъ, о размѣрѣ землевладѣнiя коихъ имѣлись свѣдѣнiя, 55,5% принадлежали къ числу безспорно малоземельныхъ или безземельныхъ, при чемъ процентъ безземельныхъ или малоземельныхъ, коимъ разрѣшены ссуды, возрастаетъ до 95,5% по Екатеринославской губ.». Слѣдующiй отчетъ констатируетъ (стр. 31), что къ безусловно малоземельнымъ, т.-е. имѣвшимъ менѣе $1^1/_2$ дес., принадлежали 42% общаго числа душъ, о размѣрѣ землевладѣнiя коихъ имѣлись свѣдѣнiя, но добавляетъ, что, «для правильности вывода, къ числу малоземельныхъ слѣдуетъ причислить и тѣхъ крестьянъ губернiй малонаселенныхъ или съ почвою худшаго качества, у которыхъ было не болѣе 3 дес. на душу». При такой поправкѣ оказывалось, что безземельныхъ или малоземельныхъ было 58%. Въ слѣдующихъ отчетахъ помѣщались болѣе полныя свѣдѣнiя о прежнемъ землевладѣнiи заемщиковъ банка и о количествѣ купленной каждою группою земли. Изъ этихъ свѣдѣнiй оказывается, что въ 1885—88 гг. изъ 476.123 душъ муж. пола, участвовавшихъ въ покупкѣ земли, 173.030, или 36,2%, принадлежали къ числу безземельныхъ или имѣвшихъ менѣе $1^1/_2$ дес. на душу; на ихъ долю изъ 1.022.633 дес. купленной земли приходилось 382.935 дес., или 37,4%. Если принять упомянутую выше поправку и признать малоземельными и тѣхъ крестьянъ, которые имѣли не болѣе 3 дес. въ мѣстностяхъ съ худшей почвою или малонаселенныхъ (имѣвшихъ отъ $1^1/_2$ до 3 дес. на душу было всего 175.189 душъ), то процентъ окажется еще выше. Съ 1889 г. процентъ этого разряда заемщиковъ начинаетъ понижаться.

Слѣдуя правилу, что оказываемое банкомъ содѣйствiе не должно обращаться въ косвенное средство къ измѣненiю существующихъ способовъ владѣнiя землею, совѣтъ банка повидимому не оказывалъ дав-

---

[1]) Случаевъ отказа по этой причинѣ было: въ 1883 г. 2, въ 1884 г.—9, въ 1885 г.—23, 1886 г.—27, въ 1887—25, въ 1888 г.—26. Въ отчетѣ за 1899 г. свѣдѣнiй о причинахъ отказовъ не приведено.

ленія на покупщиковъ при выборѣ ими формы владѣнія купленной землей: ссуды выдавались и при общинномъ, и при подворномъ владѣніи,—и обществамъ, и товариществамъ. Сама жизнь дала въ разныхъ мѣстностяхъ преобладаніе той или другой формѣ. По словамъ отчета за 1885 г. (стр. 24), «преобладаніе общественныхъ покупокъ, полное или частичное, относится преимущественно къ губерніямъ великорусскаго типа; значительное преобладаніе товарищескихъ покупокъ оказывается въ губерніяхъ западныхъ и малороссійскихъ, а изъ великорусскихъ въ тѣхъ, въ которыя идутъ переселенцы, не имѣющіе возможности покупать иначе какъ товариществами». Бывали, конечно, и исключенія изъ этого правила: въ Тверской и Смоленской губ., напр., не смотря на «рѣшительное преобладаніе покупокъ прежнихъ «отрѣзныхъ» земель, прилегающихъ къ надѣламъ покупщиковъ», число общественныхъ покупокъ, по словамъ отчета 1884 г. (стр. 21) было, сравнительно съ числомъ товарищескихъ, незначительно. Но между тѣми и другими не было существенной разницы: иногда товарищескую форму принимала покупка, совершаемая цѣлымъ обществомъ, потому что отъ участія въ ней отказывались нѣкоторые домохозяева, — «иной крестьянскій дворъ «упалъ», т.-е. почти прекратилъ сельское хозяйство», «всѣ мужчины ушли на заработки» и т. п., или, наоборотъ, потому, что въ ней принимали участіе, кромѣ домохозяевъ даннаго общества, постороннія лица, крестьяне другихъ обществъ. «Такъ какъ законъ не допускаетъ покупки обществами и отдѣльными лицами вмѣстѣ, то образуется товарищество, въ которое входятъ всѣ, или почти всѣ домохозяева общества и сверхъ того остальные домохозяева, члены другаго общества, пожелавшіе принять участіе въ покупкѣ». По свидѣтельству отчета за 1884 г., «почти всѣ большія товарищества, за исключеніемъ купившихъ землю для переселенія, образовались именно по этой причинѣ». Въ такихъ товариществахъ «распредѣленіе земли оказывается ни въ чемъ не отличающимся отъ основного типа распредѣленія ея, господствующаго въ данной мѣстности вообще, и отъ распредѣленія надѣльныхъ земель въ частности».

Интересы заемщиковъ совѣтъ банка признавалъ солидарными съ интересами самаго банка и потому старался «не терять изъ виду и экономическаго значенія каждой покупки для совершающихъ ее крестьянъ», придавая послѣднему бо́льшее значеніе, нежели оцѣночной сторонѣ: когда, напр., крестьяне покупали землю, смежную съ ихъ собственною, или съ ихъ усадьбами, совѣтъ разрѣшалъ ссуду, «бо́льшую противъ той, которую онъ выдалъ бы для покупки земли одинаковаго достоинства, но болѣе отдаленной», въ томъ соображе-

ніи, что «смежная или близкая земля приноситъ крестьянамъ-покупщикамъ гораздо больше пользы, лучше обезпечиваетъ исправное поступленіе платежей банку и, слѣдовательно, предотвращаетъ публичную продажу земли, для всякаго банка опасную». (Отчетъ 1884 г.).

Далѣе совѣтъ принималъ мѣры къ устраненію тѣхъ условій въ заключенныхъ крестьянами сдѣлкахъ, которыя казались ему для нихъ невыгодными или обременительными. Иногда онъ обусловливалъ выдачу ссуды исключеніемъ изъ сдѣлки условій о неустойкѣ или ограниченіемъ послѣдней такимъ размѣромъ, при которомъ она имѣла бы смыслъ только побужденія къ срочному платежу, но не способа къ постоянному обремененію крестьянъ и въ ущербъ интересамъ банка. Въ другихъ случаяхъ ставилась условіемъ выдачи ссуды разсрочка на болѣе или менѣе продолжительный срокъ доплаты изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ, а иногда—и пониженіе цѣны, за которую пріобрѣталась земля. «Для банка, — говоритъ отчетъ за 1884 г., — очевидно, имѣетъ значеніе не только размѣръ ссуды, но и доплата покупщиковъ, такъ какъ чрезмѣрныя доплаты, истощая ихъ средства, увеличиваютъ вѣроятность ихъ несостоятельности; покупка земли по цѣнѣ, значительно превышающей ея стоимость, неминуемо подрываетъ состоятельность заемщиковъ ко взносу платежей продавцу или банку».

Доплаты изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ совѣтъ признавалъ вообще желательными (отчетъ 1885 г., стр. 4), такъ какъ онѣ «побуждаютъ покупщиковъ болѣе строго относиться къ предпринимаемой ими сдѣлкѣ и очень дорожить купленною землей», но полагалъ, что относительно размѣра ихъ должна быть извѣстная граница. «Вносить большія доплаты могутъ или наиболѣе состоятельныя, мало нуждающіяся въ ссудѣ лица, т.-е. менѣе желательные для банка кліенты, или же доплаты ведутъ къ неудобствамъ»: значительныя и въ особенности единовременныя доплаты вызываютъ неравномѣрность распредѣленія земли между покупщиками, а иногда «оказываются даже вредными,—въ тѣхъ случаяхъ, когда покупщики, не имѣющіе достаточныхъ наличныхъ средствъ, вынуждены бываютъ прибѣгать къ обременительнымъ займамъ у мѣстныхъ ростовщиковъ или къ продажѣ части скота». Вслѣдствіе такихъ соображеній «однимъ изъ основныхъ стремленій совѣта банка за послѣднее время (въ 1885 г.) являлась указанная практикой необходимость такъ направлять покупки, чтобы онѣ дѣлались хотя и съ доплатами, но по возможности умѣренными или, по крайней мѣрѣ, единовременными». Впослѣдствіи, въ 1887 и 1888 гг., совѣтъ «иногда настаивалъ на доплатахъ, болѣе значительныхъ, нежели прежде», но дѣлалъ это по

свидѣтельству отчета за 1888 г. (стр. 5), въ особыхъ случаяхъ («почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ средняя состоятельность населенія оказывалась высокою или заработокъ значительнымъ», а также «когда по обстоятельствамъ дѣла совершенно отказать въ ссудѣ не было полнаго основанія, а между тѣмъ сдѣлка представляла какіе-либо сомнительные элементы»), оставаясь при прежнемъ убѣжденіи, что «часто значительность доплаты изъ собственныхъ средствъ крестьянъ-покупщиковъ сама ведетъ къ ихъ платежной несостоятельности», такъ какъ «для взноса подобной доплаты совершаются разорительные займы, уплата процентовъ по которымъ, вмѣстѣ съ платежомъ Крестьянскому банку, не можетъ быть покрываема доходомъ отъ купленной земли и обычныхъ заработковъ».

Вскорѣ по открытии банка, въ 1884 году, на него по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ о главнѣйшихъ началахъ для разрѣшенія переселенческаго вопроса, было возложено содѣйствовать переселеніямъ крестьянъ на частно-владѣльческія земли въ малонаселенныхъ губерніяхъ, что вполнѣ соотвѣтствовало назрѣвшей потребности. Уже отчетъ за 1884 г. заявляетъ, что «движеніе по переселенію и разселенію мало-по-малу представляетъ банку свои требованія», а слѣдующій свидѣтельствуетъ, что участіе банка въ этомъ дѣлѣ «значительно разрастается». Всего за 5 лѣтъ—1884—1888—совершена, для перехода съ прежнихъ мѣстъ жительства, покупка земли 50.075 душами муж. п., купившими 241.395 дес. Въ этомъ числѣ было, за 1885—1888 г., сдѣлокъ, исключительно переселенческихъ (т.-е. вдали отъ мѣстъ жительства)—346 [1]); въ нихъ участвовали 32.407 душъ мужского пола, купившихъ 157.349 дес. Помогая переселенческому движенію, банкъ, по словамъ отчета за 1885 г. (стр. 43), не пытался направлять его и пока стремился только удовлетворить ясно сказавшейся потребности.

Таково было направленіе дѣятельности банка въ первые годы его существованія. Поставивъ себѣ задачею содѣйствовать устройству крестьянъ, нуждающихся въ землѣ, и именно—бѣднѣйшей части сельскаго населенія, банкъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы

---

[1]) Въ томъ числѣ 4 сдѣлки совершены сельскими обществами, купившими, въ составѣ 1.723 души, 4.874 дес. Въ отчетѣ за 1884 г. (стр. 36) указанъ случай переселенія цѣлаго общества, вызваннаго тѣмъ обстоятельствомъ, что «землевладѣлецъ, уступившій въ свое время надѣлъ двумъ обществамъ крестьянъ своихъ въ даръ, продалъ въ концѣ 1883 г. остальную землю нѣмцамъ-колонистамъ. Крестьяне, на десятокъ верстъ кругомъ охваченные нѣмецкими колоніями, увидѣвъ себя въ крайне стѣсненномъ положеніи, рѣшились переселиться. Одно изъ такихъ обществъ переселилось на землю, купленную съ содѣйствіемъ банка».

сослужить великую службу народу и государству, если бы правильно, смѣло и неуклонно продолжалъ развивать свою дѣятельность въ принятомъ направленіи. Къ несчастію, благопріятныхъ условій скоро не стало, и банкъ мало-по-малу пришелъ въ то жалкое состояніе, въ какомъ мы привыкли встрѣчать его въ послѣдніе годы передъ введеніемъ новаго устава.

II.

Въ первые три года своего существованія Крестьянскій банкъ, постепенно расширяя районъ своей дѣятельности, значительно развилъ свои операціи: въ это время имъ выдано въ ссуду 24.152.509 р., съ помощью которыхъ 82.589 семьями, въ составѣ 259.236 наличныхъ душъ мужского пола, куплено 546.285 дес. Въ 1885 г. дѣятельность банка достигла высшаго развитія; затѣмъ начался ея постепенной упадокъ. Уже въ 1886 г., «несмотря на открытіе 8 новыхъ отдѣленій, число разрѣшенныхъ ссудъ было нѣсколько ниже противъ предыдущаго года, а сумма ссудъ составила только $^{2}/_{3}$ соотвѣтственной цифры 1885 года». Объясняя пониженіе разными причинами, какъ-то ослабленіемъ покупательныхъ силъ населенія вслѣдствіе общаго паденія цѣнъ на хлѣба и двухъ неурожайныхъ годовъ въ степныхъ мѣстностяхъ, а съ другой стороны—уменьшеніемъ предложенія земель въ продажу подъ вліяніемъ открытія Дворянскаго банка, отчетъ за 1886 годъ указываетъ, что въ томъ же направленіи — уменьшенія числа дѣлъ—повліяла и дѣятельность совѣта банка, который, какъ мы видѣли, по случаю «заминки въ платежахъ», сталъ сдержаннѣе прежняго относиться къ сдѣлкамъ. Въ 1887 г. число сдѣлокъ уменьшилось «даже противъ 1886 года», а «сдержанность» совѣта увеличилась: «подъ вліяніемъ неурожая предшествующихъ годовъ оказались такія недоимки, что пришлось приступить къ продажѣ многихъ участковъ и потому естественно совѣтъ банка долженъ былъ съ особой осторожностью относиться къ вновь поступавшимъ просьбамъ о ссудахъ» (отчетъ, стр. 3). Въ 1888 г. совѣтъ имѣлъ передъ собою факты значительныхъ недоимокъ и необходимость продажи, соединенные съ трудностью продажи земель неисправныхъ заемщиковъ, подъ вліяніемъ какъ кризиса, такъ и обнаружившейся неудовлетворительности самыхъ правилъ о порядкѣ продажи, и пришелъ къ мысли «о необходимости особой осторожности въ разрѣшеніи ссудъ и къ рѣшимости допускать только тѣ сдѣлки, въ которыхъ невысокая цѣна и прочія благопріятныя условія были очевидны». По такимъ причинамъ процентъ сдѣлокъ, по которымъ было отказано въ ссудахъ, увеличился до 12,6, тогда какъ въ предыдущіе годы онъ колебался

между 4,2 и 8,1. Накопленіе недоимокъ сильно смутило администрацію банка и заставило ее поступиться нѣкоторыми взглядами, которыхъ прежде она твердо держалась: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ эти ссылки на «сдержанность», «осторожность» и т. п. На это же указываетъ значительное возрастаніе доплатъ, обнаружившееся въ 1887 и 1888 годахъ. Въ эти годы доплата достигла 18,6% и 21% покупной цѣны, тогда какъ ранѣе она не поднималась выше 16,9% (въ 1886 г.; въ предыдущіе годы она была менѣе). Совѣтъ еще продолжаетъ оспаривать мнѣніе, что «сокращеніе ссудъ и увеличеніе доплатъ служитъ лучшимъ средствомъ для обезпеченія банка и огражденія его отъ накопленія недоимокъ», и утверждаетъ, что «опытъ совершенно опровергаетъ это мнѣніе»; онъ старается доказать, что увеличеніе процента доплатъ не означаетъ перехода дѣятельности банка «на путь содѣйствія исключительно наиболѣе состоятельному населенію», и объясняетъ это явленіе распространеніемъ въ послѣдніе годы дѣятельности банка на губерніи, «гдѣ или существуютъ большіе заработки, или гдѣ при покупкѣ немалую роль играетъ растущій на покупаемой землѣ лѣсъ», на который и падаетъ значительная часть доплаты. Но, несмотря на всѣ эти доводы, нельзя въ томъ фактѣ, что «совѣтъ въ послѣдніе два года иногда настаиваетъ на доплатахъ, болѣе значительныхъ, нежели прежде», не видѣть нѣкоторой уступки тому мнѣнію, которое онъ оспариваетъ. Да и предлагаемое объясненіе причинъ возрастанія доплатъ не вполнѣ убѣдительно. Если сопоставить данныя по губерніямъ степнымъ и черноземнымъ за два періода, то окажется, что и въ нихъ въ послѣдніе два года размѣръ доплатъ сильно поднялся. Онѣ составляли:

	1883—86 г.	1887—88 г.
По 3 малорос. губ.	15,7%	22,6%
» 5 новорос. „	15,1%	20,3%

Въ 6 губерніяхъ центральной земледѣльческой полосы размѣръ доплатъ за сравниваемые періоды почти не измѣнился: 10,4% и 10,5%.

По отношенію къ недоимщикамъ въ распоряженіи банка имѣется по закону только одна мѣра побужденія, это—назначеніе въ продажу ихъ земли; но, по замѣчанію представленія трехъ министровъ 14-го декабря 1881 г., обращеніе къ этой мѣрѣ «слѣдуетъ допускать не ранѣе, какъ исчерпавъ другіе, менѣе крутые способы понужденія. Такой порядокъ дѣйствія предначертанъ самою цѣлью учрежденія банка: слишкомъ поспѣшныя мѣры взысканія, принятыя безъ внимательнаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, изслѣдованія причинъ неисправности, легко могли бы уничтожить полезное дѣйствіе ока-

заннаго пособія и способствовать обезземеленію такихъ крестьянъ которые только что начали обзаводиться хозяйствомъ».

На необходимость осторожнаго отношенія къ взысканію платежей указывалось и при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ проекта Положенія о банкѣ и именно невозможность такого отношенія со стороны частныхъ банковъ приводилась въ числѣ доводовъ въ пользу устройства государственнаго учрежденія «для облегченія крестьянамъ возможности пользоваться кредитомъ для покупки земли». Меньшинство (18) членовъ общаго собранія полагали, не основывая новаго государственнаго кредитнаго учрежденія, возложить дѣло содѣйствія наиболѣе нуждающимся крестьянамъ «прямо и непосредственно на земскія учрежденія, при финансовомъ пособіи отъ правительства, именно на земскіе мѣстные банки» [1]). На это члены большинства возражали, что предоставить устройство крестьянскаго кредита исключительно земству или частнымъ лицамъ было бы совершенно невозможно между прочимъ «въ виду необходимости дѣйствовать съ особою осторожностью при взысканіи съ крестьянъ слѣдующихъ съ нихъ по ссудамъ платежей». 28 членовъ полагали, что «хотя выдаваемыя подъ залогъ земель ссуды и слѣдуетъ считать вполнѣ обезпеченными, тѣмъ не менѣе при выдачѣ такихъ ссудъ крестьянамъ, при непривычкѣ ихъ пользоваться кредитомъ изъ банковъ и при особой для крестьянъ важности постигающихъ иногда сельское населеніе временныхъ бѣдствій, какъ-то: неурожаевъ, падежей скота, пожаровъ и т. п., нельзя разсчитывать на постоянное, особенно въ первое время, вполнѣ аккуратное и безнедоимочное поступленіе всѣхъ слѣдующихъ банку срочныхъ взносовъ по ссудамъ крестьянамъ. Въ случаѣ такой неисправности со стороны заемщиковъ, получившихъ ссуду изъ земскихъ или частныхъ банковъ, учрежденія сіи, въ видахъ огражденія себя отъ убытковъ и необходимости имѣть въ распоряженіи своемъ средства для исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, были бы вынуждены приступать тотчасъ по просрочкѣ взноса ко взысканію долга безъ снисхожденія и тѣмъ въ конецъ разорили бы крестьянъ, воспользовавшихся кредитомъ. Только правительство имѣетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ возможность не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ взысканія, допуская въ случаѣ необходимости различныя льготы и отсрочки» [2]).

Этого взгляда, повидимому, держался на первыхъ порахъ и совѣтъ банка; по крайней мѣрѣ онъ старался избѣгать назначенія земель въ продажу: по словамъ отчета за 1888 г. (стр. 8), онъ «еще въ

[1]) Учрежденіе такихъ банковъ или кассъ проектировалось нѣсколькими губернскими земскими собраніями.

[2]) Отчетъ по государственному совѣту за 1882 годъ, стр. 167.

1887 г. и въ началѣ 1888 г. могъ бы обратить въ продажу многіе участки, но не дѣлалъ этого, видя, что заемщики не платятъ по невозможности, а не по нежеланію платить». Послѣдствіемъ было то, что, благодаря хорошему урожаю, «нѣкоторые изъ такихъ заемщиковъ, особенно въ губерніяхъ степныхъ, внесли въ отчетномъ (1888) году по четыре и даже по пяти полугодовыхъ платежей».

Не примѣнять совсѣмъ установленной закономъ мѣры банкъ, конечно, не могъ, и уже съ 1886 года началось назначеніе въ продажу купленныхъ при его содѣйствіи земель. Въ этомъ году эта мѣра примѣнена къ 21 имѣнію, въ 1887 г. — уже къ 167, а въ 1888 г. — къ 132. Для значительной части заемщиковъ назначеніе въ продажу послужило лишь угрозою: торги, за уплатою недоимокъ, были отмѣнены; но 94 участка съ 54,298 десятинами поступили въ собственность банка. Съ этого времени начинаются хлопоты объ облегченіи способовъ продажи земли какъ на торгахъ, такъ и по вольной цѣнѣ; вырабатываются и проводятся соотвѣтственные законы [1]). Но среди заботъ объ огражденіи интересовъ банка не забываются интересы и заемщиковъ. Въ 1888 году нѣкоторыя общества и товарищества Полтавской губ., узнавъ, что земли ихъ остались за банкомъ, продолжали, а частью стали вновь вносить суммы накопившихся на нихъ недоимокъ, прося банкъ не губить ихъ, оставить землю въ ихъ владѣніи, и обѣщали пополнить въ самое непродолжительное время всѣ недоимки, за которыя продаваемы были ихъ участки. Мѣстное отдѣленіе банка, удостовѣрясь, что продажи «произвели на крестьянъ этихъ сильное впечатлѣніе», и соображаясь съ различными въ отдѣльныхъ случаяхъ признаками бытового характера, воздержалось отъ изъятія означенныхъ земель изъ владѣнія крестьянъ, полагая, что они употребятъ всѣ усилія къ удержанію за собою купленной земли посредствомъ уплаты недоимокъ и будутъ имѣть нужныя для того средства. И дѣйствительно, къ 1-му января 1889 г. девятью обществами и товариществами пополнены были всѣ недоимки, а по 10 обществамъ и товариществамъ недоимки, перешедшія льготный срокъ, составляли совершенно ничтожныя суммы. Поэтому въ январѣ 1889 г. было испрошено Высочайшее повелѣніе, коимъ дозволено банку, по ходатайствамъ сихъ обществъ и товариществъ, разрѣшать возвращеніе имъ въ собственность бывшихъ ихъ участковъ, считая ссуду банка съ того самаго срока, когда оная была назначена къ выдачѣ совѣтомъ, и съ примѣненіемъ затѣмъ, въ случаѣ новой не-

[1]) Въ 1889 г. состоялись два закона: 24 августа—о разсрочкѣ продажной цѣны участковъ, отчуждаемыхъ Крест. позем. банкомъ, и 26 іюня—о мѣрахъ облегченія продажи съ торговъ земельныхъ участковъ, заложенныхъ въ Кр. банкѣ.

исправности, мѣръ взысканія, установленныхъ для всѣхъ заемщиковъ банка.

«Ближайшія наблюденія надъ хозяйствомъ и внутренними порядками у обществъ и товариществъ» привели совѣтъ къ заключенію, что правильному поступленію платежей нерѣдко вредитъ главнымъ образомъ недостатокъ организаціи ихъ сбора. «Упущеніе дорогого времени для взысканія платежей съ неисправныхъ заемщиковъ неизбѣжно вызываетъ продажу такихъ земельныхъ участковъ, которые при иныхъ условіяхъ положительно могли бы быть удержаны за крестьянами». Въ виду того, что послѣ продажи купленной земли «имущественное положеніе крестьянъ подвергается чувствительному потрясенію», особенно положеніе переселенцевъ, которые въ такомъ случаѣ «лишаются всякой осѣдлости и превращаются въ совершенно безземельныхъ, не имѣющихъ крова и какого бы то ни было обезпеченія своего быта», такъ какъ «прежнія надѣльныя земли проданы добровольно, а новыя—принудительно»,—въ виду этого и неизбѣжности при существовавшемъ порядкѣ такихъ явленій, «въ высшей степени нежелательныхъ и вредныхъ», былъ возбужденъ вопросъ о примѣненіи къ платежамъ банку того же порядка взысканій, какой примѣняется къ казеннымъ и мірскимъ сборамъ. Въ маѣ 1889 г. этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ и разрѣшенъ отрицательно. Остановившись на нѣкоторыхъ общихъ соображеніяхъ, касающихся задачъ и дѣятельности Крестьянскаго банка, государственный совѣтъ пришелъ къ заключенію, что это учрежденіе не должно задаваться поземельнымъ устройствомъ сельскаго населенія: ему «должна принадлежать болѣе скромная, но не менѣе важная задача. Содѣйствуя развитію мелкой частной поземельной собственности крестьянъ, банкъ не встрѣчалъ бы при взысканіи недоимокъ теперешнихъ затрудненій. Правда, операціи его развивались бы съ меньшею быстротою, но зато его дѣятельность пріобрѣла бы твердое и правильное направленіе. Выдавая ссуды наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія, банкъ оказалъ бы несомнѣнную услугу государству образованіемъ класса мелкихъ собственниковъ, который повсемѣстно служитъ источникомъ экономическаго процвѣтанія страны и вѣрною опорою гражданскаго порядка». Признавая, что «такая перемѣна въ положеніи банка требуетъ ближайшихъ соображеній и подробной разработки», государственный совѣтъ предоставилъ министру финансовъ «подвергнуть всестороннему соображенію вопросъ о томъ, какія мѣры могли бы быть приняты для того, чтобы дѣятельность Крестьянскаго поземельнаго банка не была направлена къ осуществленію несвойственной ему задачи—содѣйствовать

поземельному устройству цѣлыхъ сельскихъ обществъ и многолюдныхъ переселенческихъ товариществъ».

III.

Высказанный государственнымъ совѣтомъ взглядъ на задачи Крестьянскаго банка послужилъ поводомъ къ рѣшительному повороту дѣятельности послѣдняго въ ту сторону, въ которую она склонялась постепенно. Послѣ измѣненій въ личномъ составѣ центральнаго управленія, происшедшихъ въ половинѣ 1889 г., когда былъ назначенъ новый управляющій, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, и въ 1890 г., когда изъ состава совѣта выбылъ старѣйшій изъ его членовъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, въ дѣятельности банка получили руководящее значеніе взгляды, далеко не согласные съ господствовавшими ранѣе и изложенными выше. Съ этихъ поръ Крестьянскій банкъ все болѣе и болѣе сталъ усвоивать характеръ и пріемы обыкновеннаго учрежденія ипотечнаго кредита и утрачивать тѣ особенности, которыя должны отличать его отъ такихъ учрежденій: онъ сталъ болѣе заботиться объ обезпеченности ссудъ, нежели о нуждахъ заемщиковъ, и главное вниманіе обращать на оцѣнку закладываемыхъ земель и на возможность продажи залога въ случаѣ неисправности залогодателей. Установленію такого отношенія къ дѣлу должно было содѣйствовать послѣдовавшее въ то же время тѣсное сближеніе Крестьянскаго банка съ учрежденіемъ, по существу съ нимъ несходнымъ,—съ Дворянскимъ банкомъ. Послѣдній съ основанія своего находился подъ управленіемъ общаго съ Крестьянскимъ банкомъ управляющаго, но кромѣ этого между обоими банками не было ничего общаго; въ концѣ же 1889 г. въ составъ совѣта Крестьянскаго банка введенъ товарищъ управляющаго Дворянскимъ и допущены временныя перемѣщенія членовъ обоихъ совѣтовъ изъ одного въ другой [1]).

---

[1]) Чины Дворянскаго банка заняли въ Крестьянскомъ какъ бы господствующее положеніе: въ 1891 г. совѣтъ послѣдняго, одинъ изъ членовъ котораго былъ откомандированъ въ Дворянскій банкъ, былъ усиленъ двумя членами совѣта Дворянскаго, изъ которыхъ одному было поручено, правда, временно,—предсѣдательство въ немъ. Въ томъ же году „ближайшее наблюденіе какъ за порядкомъ дѣлопроизводства, такъ и счетоводства“ въ банкѣ и его отдѣленіяхъ возложено на товарища управляющаго Дворянскимъ банкомъ по особому отдѣлу (отчетъ 1891, стр. 3). Въ 1892 г. еще одинъ членъ совѣта Крестьянскаго банка откомандированъ въ Дворянскій, а вмѣсто него командированъ въ Крестьянскій членъ совѣта Дворянскаго, которому поручено и предсѣдательство въ совѣтѣ. Послѣдній въ 1892 г., за указанными перемѣщеніями, состоялъ изъ товарища управляющаго по особому отдѣлу, трехъ членовъ совѣта дворянскаго банка и двухъ членовъ совѣта Крестьянскаго.

Взгляды новаго управленія были подробно формулированы въ изданномъ управляющимъ въ октябрѣ 1890 г. циркулярѣ предсѣдателямъ отдѣленій о мѣрахъ къ «устраненію на будущее время причинъ, влекущихъ за собою значительный ущербъ въ интересахъ банка, а также и раззореніе во многихъ случаяхъ крестьянъ-заемщиковъ». Останавливаясь на причинахъ «неудовлетворительныхъ результатовъ дѣятельности банка», выражающихся въ томъ, что «во многихъ губерніяхъ платежи по ссудамъ поступаютъ крайне неисправно, а также что количество участковъ, какъ остающихся за банкомъ, по неуспѣшности торговъ, такъ и вновь назначаемыхъ въ продажу, весьма значительно», циркуляръ признаетъ, что «къ числу главнѣйшихъ изъ сихъ причинъ слѣдуетъ безусловно отнести: слишкомъ высокія оцѣнки покупаемыхъ съ помощью Крестьянскаго банка земель, внутреннія неустройства въ средѣ крупныхъ сельскихъ обществъ и многочленныхъ товариществъ и, наконецъ, недостатокъ энергіи въ дѣятельности мѣстныхъ органовъ банка по взысканію и содѣйствію крестьянамъ къ правильному пониманію принятыхъ ими на себя передъ банкомъ обязательствъ».

Въ устраненіе этихъ причинъ циркуляръ прежде всего ставитъ вполнѣ основательное требованіе, чтобы «при сомнѣніи въ благонадежности представляемаго въ банкъ залога» были производимы «осмотры покупаемыхъ крестьянами земель» и чтобы собираемыя «изъ постороннихъ источниковъ» свѣдѣнія были провѣряемы «лично на мѣстахъ». Это требованіе, составляющее, впрочемъ, только повтореніе изложеннаго въ Правилахъ дѣйствій банка, утвержденныхъ министромъ финансовъ 7-го апрѣля 1883 г. [1]), дополняется обязательствомъ для отдѣленій собирать свѣдѣнія «въ особенности объ экономическомъ положеніи покупщиковъ и ихъ общей состоятельности, а также объ условіяхъ возможной продажи земель банкомъ въ случаѣ несостоятельности заемщиковъ». Вопросъ о состоятельности заемщиковъ, какъ мы видѣли, занималъ и прежнее управленіе банка, но тогда ему придавалось значеніе потому, что признавалось необходимымъ «согласовать степень «облегченія» покупокъ съ размѣрами

[1]) По ст. 3, отдѣленіе „собираетъ возможно точныя свѣдѣнія о дѣйствительной стоимости того имѣнія или участка, для покупки коего испрашивается ссуда", при чемъ если, по этимъ свѣдѣніямъ, дѣйствительная цѣна окажется ниже установленной для данной мѣстности цѣны земель, а ссуда испрашивается по этой послѣдней или по болѣе высокой, то ссуда назначается въ меньшемъ размѣрѣ, согласно съ имѣющимися въ отдѣленіи объ участкѣ свѣдѣніями" (ст. 6). По ст. 10, „если отдѣленіе признаетъ спеціальную оцѣнку (произведенную уѣздной земской управой) слишкомъ высокою, то можетъ поручить предсѣдателю или одному изъ своихъ членовъ повѣрку оцѣнки на мѣстѣ нахожденія продаваемой земли".

нужды покупщиковъ, выдавая особенно нуждающимся бо́льшія, а наиболѣе состоятельнымъ—сравнительно меньшія ссуды и отказывая въ ссудахъ для покупки земли крестьянамъ многоземельнымъ и, вообще, очень состоятельнымъ» (отчетъ 1884 г., стр. 4); теперь же изслѣдованіе экономическаго положенія заемщиковъ преслѣдуетъ, повидимому, другую цѣль: циркуляръ предписываетъ «*во всѣхъ случаяхъ* стараться о томъ, чтобы при покупкахъ съ помощью банка произведена была крестьянами въ счетъ установленной покупной цѣны, по возможности, *значительная единовременная доплата* изъ своихъ средствъ, но, конечно, не съ помощью частныхъ займовъ». Очевидно отсюда, что свѣдѣнія о степени зажиточности крестьянъ, просящихъ ссуды, собираются отнюдь не въ интересахъ особенно нуждающихся покупщиковъ.

Результаты этого распоряженія сказались возвышеніемъ процента доплатъ до небывалыхъ еще размѣровъ. По ссудамъ, разрѣшеннымъ и выданнымъ за 1889—1892 года, онѣ составляли къ покупной цѣнѣ [1]):

	По разрѣш.	По выданнымъ.
въ 1889	28,0%	25,2%
„ 1890	29,2 „	26,9 „
„ 1891	31,9 „	29,9 „
„ 1892	33,2 „	31,8 „

Точно такъ же возросъ процентъ доплатъ, внесенныхъ единовременно, при совершеніи купчихъ крѣпостей или ранѣе: въ 1889 г. уплачено единовременно 87,3% общей суммы доплатъ, въ 1890—87,7%, въ 1891—88,8%, въ 1892—84,0 [2]). Подъ возрастаніемъ такихъ взносовъ крестьянъ кроется, можетъ быть, обходъ требованія, чтобы доплаты не были дѣлаемы съ помощью частныхъ займовъ: еще въ 1885 г. было замѣчено, что «иногда продавцы заявляютъ о полученіи доплаты полностью единовременно, взявъ съ покупщиковъ не деньги, а векселя на разные сроки». По словамъ отчета за тотъ годъ (стр. 30), «провѣрить такія заявленія не всегда возможно».

Требованіе «значительныхъ единовременныхъ доплатъ» находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ заключеніями, къ которымъ незадолго передъ тѣмъ пришелъ совѣтъ банка по вопросу о значеніи доплатъ, какъ средства предупрежденія недоимокъ. По поводу высказаннаго во всеподданнѣйшемъ отчетѣ полтавскаго губернатора за

[1]) Въ отчетахъ процентъ доплатъ къ покупной цѣнѣ показанъ гораздо выше: въ 1889 г.—33,89, въ 1890—36,8, въ 1891 г.—42,7,; но это ошибка: процентъ выведенъ не къ покупной цѣнѣ, а къ ссудамъ.

[2]) Единовременные взносы составляли: въ 1884 г.—63,8%, въ 1885—75,2, въ 1886—77,8, въ 1887 г.—78,6, въ 1888 г.—81,8%.

1886 годъ предположенія, чтобы Крестьянскій банкъ выдавалъ въ ссуду не болѣе 75% пріобрѣтаемой крестьянами земли, была составлена записка, въ которой категорически заявлялось, что «предположеніе о возможности предотвращать недоимки требованіемъ отъ крестьянъ усиленныхъ доплатъ къ ссудамъ банка лишено фактической почвы и явно опровергается жизненными данными», что «образованіе недоимокъ нерѣдко вызывается именно значительными доплатами изъ собственныхъ средствъ крестьянъ» [1]).

Въ запискѣ указано, что «губерніи съ сравнительно высокимъ размѣромъ внесенныхъ крестьянами изъ собственныхъ ихъ средствъ частей продажной цѣны земли, т.-е. съ большими «доплатами» крестьянъ, нерѣдко представляются крупными недоимщиками, и наоборотъ: при незначительныхъ доплатахъ крестьянъ недоимки оказываются чисто гораздо меньшими. По 9 губерніямъ оказывается:

Губерніи:	Доплата въ % къ покупн. цѣнѣ.	Недоимки въ % къ полугод. окладу.
Черниговская	27	28
Ставропольская.	26	75
Херсонская.	21½	26
Подольская	21	0
Новгородская	21	0
Харьковская.	16½	42
Смоленская.	16½	3
Орловская.	10	0
Самарская.	3	0

Отсюда «ясно отсутствіе зависимости между размѣрами крестьянскихъ доплатъ и недоимокъ». Тоже показываетъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ сдѣлокъ. «При доплатахъ даже свыше 20% продажной цѣны

[1]) Въ отчетѣ объ исполненіи командировки въ Бессарабскую, Кіевскую и Таврическую губ. въ 1887 г. Ѳ. Ѳ. Воропоновъ говоритъ: „Взносъ значительныхъ доплатъ обходился крестьянамъ очень дорого и могъ быть выполненъ лишь при пособіи чрезвычайныхъ источниковъ. Такъ, несмотря на свою сравнительно большую состоятельность, бузуково-степановскіе крестьяне, Кіевской губ., могли выполнить свою доплату благодаря кредиту сахарнаго завода, ссудившаго имъ 2.000 р., подъ условіемъ возврата свекловицею; иные крестьяне брали деньги подъ отработки; многіе продавали необходимое имущество или прибѣгали къ частнымъ займамъ, по которымъ платили отъ 3 до 4% въ мѣсяцъ. Иные, наконецъ, для полученія необходимыхъ денегъ, сдавали въ аренду ту самую землю, которую покупали, слѣдовательно должны были вносить платежи банку за то земельное пространство, которымъ фактически не пользовались. Понятно, что подобныя напряженныя усилія были крайне тягостны даже для особо зажиточныхъ людей. Разорительныхъ займовъ не дѣлали собственно тѣ, которымъ приходилось вносить сравнительно немного“ (стр. 9).

недоимки составляютъ нерѣдко болѣе полугодового или даже годового платежа. Въ одномъ случаѣ (Кокоревское тов. Уфимской губ.) доплата составляла болѣе половины всей продажной цѣны, и тѣмъ не менѣе недоимки значительно превышаютъ годовой окладъ; въ Пензенской губ. есть примѣры доплаты даже въ 70% продажной цѣны, причемъ недоимка достигла однако полнаго полугодового платежа; въ Черниговской губ. два товарищества внесли каждое $^{1}/_{2}$ продажной цѣны, и у нихъ состоитъ въ недоимкѣ около $^{1}/_{2}$ же платежнаго оклада». Наоборотъ, есть «масса примѣровъ, гдѣ, при доплатѣ ниже 3% или даже при отсутствіи крестьянскихъ доплатъ, недоимки достигаютъ очень небольшого размѣра—не свыше $^{1}/_{20}$ части полугодового оклада, а въ большинствѣ случаевъ недоимокъ вовсе нѣтъ».

Выводъ, къ которому пришелъ банкъ, заключается въ томъ, что «безусловное ограниченіе ссудъ крестьянскаго банка 75% стоимости покупаемой земли, отстранивъ отъ помощи банка массу наиболѣе нуждающихся въ ней и не предотвращая недоимокъ, напротивъ, содѣйствовало бы во многихъ случаяхъ накопленію недоимокъ, вводя крестьянъ въ разорительные займы и налагая на нихъ ежегодныя непосильныя уплаты. Крупныя доплаты сами по себѣ не могутъ привязывать покупщиковъ къ землѣ и не всегда заставляютъ ихъ дорожить ею, чему много примѣровъ. Привязываетъ къ землѣ выгодность владѣнія ею... Гораздо важнѣе всякой доплаты—размѣръ продажной цѣны земли, такъ какъ изъ него истекаетъ и степень выгодности владѣнія и исправность платежей».

На ряду съ возрастаніемъ доплатъ замѣчается уменьшеніе среди заемщиковъ банка мало—и безземельныхъ крестьянъ: составляя въ четырехлѣтіе 1885—88 г. 36,2% общаго числа заемщиковъ, крестьяне, имѣвшіе менѣе $1^{1}/_{2}$ дес. земли на душу, въ четырехлѣтіе 1889—92 г. составили только 28,5% (80.162 души на 280.763); точно такъ же и пріобрѣтенныя ими земли, въ процентномъ отношеніи къ общему количеству купленныхъ съ содѣйствіемъ банка, составили 30,5% (193.428 дес. на 633.405 дес.), тогда какъ въ предыдущее четырехлѣтіе онѣ составляли 37,1%.

Что интересы крестьянъ, для которыхъ учрежденъ Крестьянскій банкъ, уже перестали стоять на первомъ планѣ и уступили мѣсто интересамъ самого банка, разсматриваемаго притомъ съ узкой точки зрѣнія частнаго кредитнаго учрежденія, это обнаруживается въ особенности изъ того требованія циркуляра, которое касается ссудъ, «высшихъ противъ нормальныхъ размѣровъ». На основаніи «Правилъ дѣйствій» банка, «нормальныя оцѣнки земель, удобно расположен-

ныхъ относительно желѣзныхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ, значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ мѣстъ и тому подобнаго, а также нормальныя оцѣнки земель, представляющихъ вообще *особыя хозяйственныя выгоды или значеніе для покупающихъ ихъ крестьянъ*, могутъ быть возвышаемы банкомъ до 50%»; циркуляръ же, дозволяя отдѣленіямъ «представлять въ совѣтъ банка о ссудахъ, высшихъ противъ нормальныхъ размѣровъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ», устраняетъ тѣ поводы къ повышенію, которые предусмотрѣны Правилами, и допускаетъ лишь одинъ, — «когда принимаемые въ залогъ банка участки, по ихъ осмотрѣ, окажутся въ дѣйствительности достаточно цѣнными и находящимися въ такихъ условіяхъ, чтобы вполнѣ обезпечить какъ имѣющую быть выданною подъ нихъ возвышенную ссуду, такъ и возможность продажи ихъ въ случаѣ несостоятельности заемщиковъ».

Дальнѣйшею мѣрою обезпеченія ссудъ циркуляръ считаетъ недопущеніе крупныхъ сдѣлокъ. Въ этомъ взглядѣ новое управленіе, въ основаніи, сходится со старымъ, которое еще въ первые годы пришло къ убѣжденію, что «особенно крупныя покупки вообще способны возбуждать недоразумѣнія и путаницу отношеній между покупщиками, почему слѣдуетъ по возможности дробить ихъ на покупки менѣе значительныя»; разница лишь въ томъ, что прежде совѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ за 1885 г., «не устанавливалъ никакой нормы» для покупокъ, признавая, что «иногда крупныя сдѣлки неизбѣжны. Въ степи, напримѣръ, гдѣ по недостатку воды веденіе хозяйства возможно только на большихъ площадяхъ, дробленіе послѣднихъ часто представляетъ почти непреодолимыя затрудненія, такъ какъ при немъ одни участки вышли бы обводненными, а другіе безводными; кромѣ того, тамошнія сельскія общества обыкновенно очень значительны, слѣдовательно нуждаются въ крупныхъ пріобрѣтеніяхъ. Поэтому въ этихъ мѣстностяхъ покупка и въ 100 тыс. рублей нерѣдко является дѣломъ нормальнымъ, тогда какъ, напротивъ, въ Новгородской или Тверской губ. покупка даже въ 20 тыс. руб. можетъ возбудить сомнѣніе». Теперь требованіе относительно дробленія крупныхъ сдѣлокъ ставится категоричнѣе: «въ случаяхъ предъявленія къ залогу крупныхъ участковъ при покупкахъ оныхъ сельскими обществами и многочленными товариществами» отдѣленіямъ предлагается «разъяснять какъ продавцамъ, такъ и покупателямъ, что банкъ будетъ выдавать въ сихъ случаяхъ ссуды съ особою осторожностью, при чемъ по возможности желательно было бы раздробленіе подобныхъ крупныхъ покупокъ на болѣе мелкія сдѣлки съ одиночными покупателями или мелкими товариществами».

Оказалось однако, что это требованіе не всегда исполнимо. Предсѣдатель уфимскаго отдѣленія, напр., указываетъ, что по отношенію къ Уфимской губерніи прежній взглядъ совѣта является совершенно правильнымъ: въ ней «вслѣдствіе условій орошенія, образованіе большихъ товариществъ вызывается часто невозможностью дробить продающіяся земли на мелкіе участки, достаточно удобные для образованія мелкихъ товариществъ», почему «и требованіе организаціи мелкихъ товариществъ далеко не можетъ быть безусловнымъ» [1]).

Переходя къ мѣрамъ взысканія платежей по ссудамъ уже выданнымъ, циркуляръ предлагаетъ отдѣленіямъ «имѣть неослабное наблюденіе за исправными взносами срочныхъ платежей, въ случаѣ же неплатежей разъяснять крестьянамъ, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ таковыхъ будетъ *немедленная* продажа ихъ земель». Въ чемъ заключалось «неослабное наблюденіе за исправными взносами», неизвѣстно, но что угроза «немедленною» продажею земли не была пустою угрозою, въ этомъ заемщикамъ банка скоро пришлось убѣдиться: ихъ имѣнія стали назначаться въ продажу массами, причемъ причины накопленія недоимокъ далеко не всегда принимались во вниманіе. Изъ отчета за 1891 г. оказывается, что въ этомъ году было назначено въ продажу много имѣній, по которымъ неисправность въ платежахъ обусловливалась неурожаемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить на основаніи слѣдующихъ словъ отчета (стр. 39): въ малороссійскомъ районѣ «число опубликованныхъ въ продажу участковъ не представляетъ особеннаго явленія вслѣдствіе большого количества ссудъ, выданныхъ въ немъ, въ остальныхъ же районахъ *опубликовано въ продажу значительное число участковъ преимущественно по случаю неурожая, постигшаго эти мѣстности* (курс. нашъ)». И въ этихъ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ крестьянскія земли не только «публиковались», но и подвергались продажѣ, а за неявкою покупщиковъ, поступали въ собственность банка. Отчетъ, правда, свидѣтельствуетъ (стр. 2), что «путемъ примѣненія Высочайше дарованныхъ совѣту банка правъ представилось возможнымъ предотвратить продажу съ публичныхъ торговъ значительнаго количества имѣній при условіяхъ, столь невыгодныхъ въ виду неурожая истекшаго года и общаго упадка въ области сельскаго хозяйства за предшествовавшій годъ, а также въ виду необходимости единовременной продажи большого количества земель, при отсутствіи спроса на нихъ»; однако, какъ видно изъ того же отчета (стр. 52), «только въ двухъ районахъ — центрально-

---

[1]) Матеріалы по вопросу о пересмотрѣ Полож. о Крест. позем. банка. Вып. III. Записка г. Семяновскаго, стр. 18.

земледѣльческомъ и восточномъ, *въ самой сильной степени пострадавшихъ отъ неурожая,* осталось за банкомъ непроданныхъ имѣній, изъ числа всѣхъ непроданныхъ, 126 участковъ (76.83%), съ количествомъ земли 32.221 дес. (71.41%), подъ кои выдано банкомъ въ ссуду 2,397.824 р. (79.02%) и съ доплатою покупщиковъ 179.845 р. 39 к. (64.73%)». «Ранѣе было объяснено,—повѣствуетъ отчетъ за 1891 г. далѣе (стр. 53),—что самое большое число участковъ земли и числившихся на этихъ земляхъ капитальныхъ ссудныхъ долговъ и недоимокъ въ платежахъ осталось за банкомъ въ районахъ, пострадавшихъ отъ неурожая въ данномъ году. Еще въ отчетѣ банка за 1890 годъ было указано, что *главною причиною накопленія недоимокъ на заложенныхъ въ банкѣ участкахъ служатъ недороды хлѣбовъ въ данныхъ губерніяхъ и общій упадокъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, 1891 годъ не только не поправилъ этого положенія, а напротивъ, вслѣдствіе неурожая еще усугубилъ его* (курсивъ нашъ), сдѣлавъ неизбѣжною продажу участковъ, принадлежащихъ наиболѣе неисправнымъ заемщикамъ, что значительно увеличило сумму недобранныхъ за эти имѣнія платежей за 1891 г. и недоимокъ, числящихся на этихъ имѣніяхъ за прежніе сроки».

Иногда продажа крестьянскихъ земель преслѣдовала цѣли, такъ сказать, воспитательныя. «Изъ назначавшихся въ продажу въ февралѣ мѣсяцѣ сего (1891) года переселенческихъ имѣній, — говоритъ предсѣдатель екатеринославскаго отдѣленія, — отдѣленіе представляло совѣту о необходимости довести до торговъ тѣ имѣнія, гдѣ надежды на поступленіе платежей было мало и составъ покупщиковъ не давалъ никакихъ гарантій для поправленія дѣла товарищества, гдѣ можно было отобрать землю (sic) и была надежда скоро продать ее безъ убытка для банка, причемъ это можно было сдѣлать съ разореніемъ наименьшаго числа людей и съ наибольшимъ впечатлѣніемъ на окружающихъ заемщиковъ». (Матеріалы, II, стр. 186). А произвести впечатлѣніе нужно было потому, что среди крестьянъ существовало ранѣе убѣжденіе, правда, уже успѣвшее исчезнуть, что «купленная земля есть царская милость и что она не отберется отъ нихъ» (стр. 179). Желаніе опровергнуть такія ожиданія побуждало отдѣленіе относиться къ нѣкоторымъ заемщикамъ съ чрезвычайной строгостью. Такъ, Михайло-лазаревское товарищество Славяносербскаго уѣзда «значительно потерпѣло отъ падежа скота въ 1886 г. и бывшихъ плохихъ урожаевъ, но, помимо того, это одни изъ самыхъ упорныхъ неплательщиковъ, разсчитывавшихъ на снисходительность банка и царскую милость. Въ виду послѣдняго обстоятельства, отдѣленіе, получивъ ихъ прошеніе объ отмѣнѣ торговъ, не признало возможнымъ

даже дать движеніе этому ходатайству, оставивъ послѣднее безъ послѣдствій, за истеченіемъ установленнаго срока для подачи такого прошенія». Точно также «упорно державшіяся» между крестьянами Черкасско-Бродскаго общества того же уѣзда «заблужденія о даровомъ надѣлѣ и надежды на снисходительность банка» заставили отдѣленіе «пустить купленную ими землю въ продажу въ первую же очередь» (Тамъ же, стр. 183).

Число назначавшихся въ продажу участковъ, какъ абсолютно, такъ и по отношенію къ общему числу выданныхъ ссудъ (считая къ 1-му января каждаго года), увеличилось въ послѣдніе два года въ нѣсколько разъ, также какъ и число участковъ, отобранныхъ послѣ торговъ у ихъ владѣльцевъ. За шесть лѣтъ, 1886—1891: [1])

	Назначалось въ продажу.	% къ числу ссудъ.	Продавалось.	Продано.	Остал. за банкомъ.
1886 года	21	1,07	4	—	4
1887 «	167	5,8	56	—	56
1888 «	132	3,1	41	3	38
1889 «	116	2,2	75	2	73
1890 «	570	9,2	61	4	57
1891 «	634	8,6	169	5	164
Итого . . .	1640	—	406	14	392

Такимъ образомъ на долю двухъ послѣднихъ лѣтъ приходится 73,4% назначеній и 56,6% произведенныхъ продажъ. Надо прибавить къ сказанному, что время производства торговъ выбиралось не всегда удачно. По словамъ одного изъ изслѣдователей причинъ накопленія недоимокъ, крестьяне одного общества Полтавской губ., у котораго земля была продана въ 1890 г., послѣ бывшаго въ предыдущемъ году неурожая, «сильно жалуются на то, что торги на ихъ землю были назначены въ іюлѣ, какъ разъ во время уборки хлѣба», который послѣ торговъ былъ арестованъ въ скирдахъ и поступилъ въ собственность банка вмѣстѣ съ землею [2]). У крестьянъ такимъ образомъ былъ отнятъ источникъ, изъ котораго они могли бы получить средства къ уплатѣ недоимокъ.

[1]) Въ 1892 г. (отчетъ, стр. 40) подлежало продажѣ 299 участковъ, а съ присоединеніемъ 16, оставшихся отъ предыдущаго года, 315. Изъ нихъ 247 перенесено по срокамъ продажи на слѣдующій годъ, 27 освобождены отъ продажи за уплатой недоимокъ и 39 по случаю предоставленія владѣльцамъ льготъ; подлежали продажѣ всего 2 участка, которые и остались за банкомъ.

[2]) Отчетъ Д. И. Рихтера, стр. 76. «Матеріалы къ вопросу о пересмотрѣ Полож. о Кр. поз. банкѣ», т. III.

IV.

Каковы послѣдствія отобранія земли для заемщиковъ банка, имѣвшихъ несчастіе испытать на себѣ дѣйствіе этой мѣры, на это имѣются указанія мѣстныхъ дѣятелей. Въ Уфимской губ., напр., гдѣ по 1-е января 1892 г. у крестьянъ, по словамъ мѣстной губернской земской управы, отобрано болѣе 11% всей купленной при содѣйствіи банка земли, «въ числѣ отчужденныхъ участковъ имѣются участки, заселенные переселенцами, которые съ переходомъ земли къ банку или въ постороннія руки, перешли прямо въ разрядъ безземельныхъ и бездомныхъ пролетаріевъ» [1]. «Разореніе и обезземеленіе переселенцевъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ— говоритъ предсѣдатель уфимскаго отдѣленія банка. — Переселяясь на купленную при посредствѣ банка землю, крестьяне въ громадномъ большинствѣ случаевъ такъ или иначе кончаютъ всѣ счеты со «стариной», продаютъ свои постройки, отказываются отъ надѣла, увольняются изъ своего общества. При продажѣ земли съ торговъ отчуждаются и возведенныя на землѣ постройки и произведенные на ней посѣвы; такимъ образомъ переселенецъ остается и безъ земли, и безъ крова [2])». Точно также екатеринославскій губернаторъ, указывая въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1890 годъ, что «въ послѣдніе годы наблюдались неединичные случаи, что за невзносъ въ теченіе двухъ лѣтъ срочныхъ платежей (Крестьянскому банку) продавались земли въ полномъ составѣ, съ посѣвами и постройками», замѣчаетъ, что эти продажи «лишали всего достоянія цѣлыя товарищества, съ престарѣлыми и малолѣтними, оставляя ихъ безъ всякихъ средствъ на чужой сторонѣ». «Эти земледѣльцы, по словамъ губернатора, проживали раньше въ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ, имѣли тамъ полное хозяйство, которое распродали, и поселились на вновь купленныхъ земляхъ, на покупку которыхъ и первоначальное обзаведеніе употребляли всѣ свои средства» [3]).

Таково положеніе переселенцевъ, но и для крестьянъ, прикупившихъ землю къ надѣлу въ мѣстѣ своего жительства, отобраніе купленной земли имѣетъ нерѣдко бѣдственныя послѣдствія. По словамъ коммиссіи рязанскаго губернскаго собранія 1890 г., «продажа у кре-

---

1) Матеріалы, вып. IV, стр. 151.

2) Матеріалы, вып. III. Записка г. Семяновскаго, стр. 6. Бывшій членъ совѣта П. П. Храповицкій въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Харьковскую и Екатеринославскую губ. въ 1886 г. (стр. 12), сообщаетъ, что «главный и въ большинствѣ случаевъ единственный источникъ, изъ котораго почерпнули крестьяне деньги для переселенія, составляли проданные ими надѣлы и усадьбы на сторонѣ».

3) Матеріалы, вып. IV, стр. 144.

стьянъ за недоимки купленной уже земли, крайне для нихъ необходимой, составляющей въ большинствѣ случаевъ отрѣзы отъ надѣловъ, прилегающіе къ ихъ усадьбамъ, будетъ для нихъ величайшимъ бѣдствіемъ, ибо такая земля, перейдя въ какія-либо постороннія руки, можетъ навсегда уйти изъ рукъ крестьянскихъ и населеніе такимъ образомъ будетъ вообще лишено единственнаго средства поправить свое матеріальное благосостояніе, разстроенное сопровождавшими или затѣмъ послѣдовавшими неблагопріятными условіями покупки земли и ея пользованія, и станетъ въ еще худшее положеніе, чѣмъ было до покупки земли, а нѣкоторыя селенія, получившія даровой четвертковый надѣлъ, окажутся въ невозможно бѣдственномъ положеніи, единственнымъ выходомъ изъ котораго можетъ быть только переселеніе на «новыя земли» [1]).

По свидѣтельству уфимской губернской управы (въ упомянутомъ уже докладѣ) среди несчастныхъ кліентовъ банка, потерявшихъ свою землю, есть такіе, которые «стали неисправными плательщиками не по своей винѣ, а потому, что цѣлымъ рядомъ неурожайныхъ лѣтъ поставлены были въ полную невозможность быть исправными», и притомъ «большая часть имѣній была отчуждена послѣ крайне неурожайнаго 1890 года». Управа полагаетъ, что «многіе изъ этихъ заемщиковъ имѣли бы полную возможность оправиться, если бы имъ возвращена была отчужденная отъ нихъ земля и разсрочена накопившаяся за ними недоимка на основаніяхъ, указанныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ 31-го января 1892 года», которымъ Крестьянскому банку предоставлено разсрочивать уплату недоимокъ не далѣе срока окончательнаго погашенія первоначальнаго долга по ссудѣ, съ производствомъ уплаты разсроченныхъ суммъ равными полугодовыми взносами. Въ виду этого, уфимская управа признавала умѣстнымъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы тѣмъ изъ заемщиковъ Крестьянскаго банка, земля которыхъ перешла въ собственность послѣдняго и которые будутъ признаны потерявшими ее вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ условій и вмѣстѣ съ тѣмъ подающими надежду на исправность въ будущемъ, предоставлена была возможность вновь пріобрѣсти утерянную ими землю съ разсрочкой уплаты накопившейся за ними недоимки на продолжительный срокъ.

Полная цѣлесообразность проектируемой уфимской управой мѣры настолько очевидна, что едва ли нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ; надо только удивляться, что иниціатива ея исходила не отъ администраціи Крестьянскаго банка. Нельзя при этомъ не

[1]) Тамъ же, стр. 130.

обратить вниманія на одно обстоятельство, на которое указываетъ уфимская управа. Въ Уфимской губерніи «большая часть имѣній была отчуждена *послѣ крайне неурожайнаго года»*. Въ виду этого невольно возникаетъ сомнѣніе, не было ли въ числѣ лишившихся земли заемщиковъ банка такихъ, которые сдѣлались неисправными именно по случаю бѣдствія, причиненнаго имъ этимъ «крайне неурожайнымъ годомъ», и на основаніи дѣйствующаго положенія о банкѣ имѣли бы право на отсрочку недоимокъ. При незнакомствѣ крестьянъ съ закономъ очень вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ не сумѣли принять мѣръ, необходимыхъ для того, чтобы воспользоваться льготами, предоставляемыми закономъ; не невозможно также, что и администрація банка въ нѣкоторыхъ случаяхъ отнеслась къ ходатайствамъ заемщиковъ слишкомъ формально и, напр., оставила безъ удовлетворенія тѣ изъ нихъ, которыя были представлены по прошествіи установленнаго срока (см. приведенный выше случай по Екатеринославской губ.) или не были подтверждены удовлетворительными съ формальной стороны удостовѣреніями и т. п. Очевидно, что если такого рода ошибки, со стороны ли должниковъ или со стороны кредитора, могли имѣть мѣсто, необходимо принять мѣры къ ихъ исправленію.

Обратиться къ мысли о возвратѣ недоимщикамъ отобранной у нихъ земли банку было тѣмъ легче, что еще въ 1882 г. при разсмотрѣніи проекта положенія о Крестьянскомъ банкѣ въ государственномъ совѣтѣ предусматривалась возможность послѣ перехода земли неисправныхъ заемщиковъ въ собственность банка входить въ разсмотрѣніе причинъ, доведшихъ заемщика до подобнаго положенія, чтобы въ случаѣ надобности возвратить землю владѣвшему ею сельскому обществу или крестьянину. Какъ мы видѣли, такая мѣра однажды уже получила и примѣненіе относительно нѣсколькихъ обществъ и товариществъ Полтавской губ. Къ такому шагу, независимо отъ интересовъ крестьянъ, должно было побуждать и то обстоятельство, что для банка управленіе поступившими въ его распоряженіе землями сопряжено съ весьма большими затрудненіями, убытками и иными неблагопріятными послѣдствіями, на которыя указываетъ докладная записка къ ходатайству курскаго губернскаго собранія 1891 года о пересмотрѣ устава Крестьянскаго банка. По словамъ этой записки, «управленіе мѣстнымъ отдѣленіемъ банка 15-ю тыс. десятинъ земли (оставшимися за банкомъ въ Курской губ.), разбросанныхъ по всей губерніи, не можетъ быть успѣшно. Отдѣленіе сдаетъ ее въ аренду и при этомъ не можетъ взять настоящей цѣны,—лишь бы она не осталась въ рукахъ,—это понижаетъ искус-

ственно мѣстныя наемныя цѣны на землю и подрываетъ частновладѣльческое хозяйство. Тѣмъ не менѣе и при такомъ способѣ хозяйства банковскія земли не окупаютъ выданныхъ подъ нихъ ссудъ, и банкъ терпитъ убытки. Стремясь освободиться отъ нихъ, онъ долженъ продавать ихъ, и нерѣдко земли эти пріобрѣтались частными владѣльцами. Такимъ образомъ получалось обратное явленіе: расширеніе частнаго землевладѣнія за счетъ крестьянскаго, и притомъ съ ущербомъ для казны» [1]). И въ самомъ дѣлѣ, въ 1891 и 1892 гг. банкъ продалъ по вольной цѣнѣ 21.085 дес. и изъ нихъ почти половина перешла къ лицамъ некрестьянскаго сословія, а именно: къ дворянамъ 8.356 дес. 230 с., или 39,6%, и купцамъ—2.080 дес. 2.093 с., или 9,8%, всего—10.437 дес., или 49,5%. (отчетъ 1891 г., стр. 54, 1892 г., стр. 41). По 37 сдѣлкамъ, доведеннымъ до конца, банкъ понесъ убытокъ въ 17.351 р. 61 к., при ссудѣ выданной подъ проданныя земли, въ 766.480 р., при чемъ продажи по 5 губерніямъ дали убытокъ 446.556 р. 94 к. [2]).

Мы видѣли, какія послѣдствія имѣло оставленіе въ пользованіи полтавскихъ крестьянъ отчужденной у нихъ въ 1888 году земли; изъ отчета за 1891 годъ мы узнаемъ, что изъ 19 участковъ, подлежавшихъ возврату, девять съ 1.438 дес. земли и 94.438 руб. долга исключены изъ числа земель, принадлежавшихъ банку, при чемъ послѣдній за произведенными уплатами, не понесъ никакого убытка; каковы же были послѣдствія мѣры, предписанной къ *безусловному* исполненію циркуляромъ 1890 г., объ этомъ свѣдѣній не имѣется, но лицо, близко стоящее къ дѣлу—предсѣдатель уфимскаго отдѣленія г. Семяновскій—предсказываетъ, что «въ большинствѣ случаевъ тѣ платежи, которые вносили бы, хотя и не съ полной исправ-

---

1) Матеріалы, IV, стр., 158.

2) Отчетъ 1891 г. стр. 55—57. Отчетъ 1892 г., стр. 44—45. Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ сдѣлкахъ.

Губерніи.	Число участковъ.	Колич. земли.	Размѣръ ссуды.	Прибыль (+) или убытокъ (—).
Курская	3	888	108.825	—24.455 р. 94 к.
Полтавская	8	1182	121.920	+1860 « 95 «
Харьковская.	8	2410	113.775	+13 « 02 «
Донская обл.	1	3044	100.000	+8.210 « 11 «
Екатеринославск.	12	6.415	245.235	+19.121 « 25 «
Пензенская.	2	502	50.125	—15.028 « 39 «
Воронежская.	1	127	19.500	—5.930 « 05 «
Смоленская	1	115	4.800	—137 « 22 «
Тверская	1	110	2.300	—1.005 « 34 «
	37	14.793	766.480	—17.351 р. 61 к.

ностью, заемщики, превысятъ доходъ, получаемый банкомъ отъ собственнаго хозяйства», такъ какъ «организація банка совершенно не приспособлена и едва ли можетъ быть приспособлена къ веденію самостоятельныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій» [1]). Къ чему приводитъ собственное хозяйство банка, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1891 г. (отчетъ стр. 53). по всѣмъ имѣніямъ, состоявшимъ въ завѣдываніи банка, «въ конечномъ результатѣ получилось въ отчетномъ году доходовъ менѣе, нежели причиталось на покрытіе платежей и расходовъ, на 574,206 р. 15 к., на покрытіе коихъ, а также и 2,026 р. недополученнаго капитала по окончательно реализованнымъ участкамъ, не только списаны всѣ доходы банка за данный годъ, опредѣлившіеся въ суммѣ 500,477 р. 52 к., но и записано еще убыткомъ 75,790 р. 64 к.». Въ 1892 г. тоже «въ конечномъ результатѣ получилось доходовъ менѣе, нежели причиталось на покрытіе платежей и расходовъ, на 187.153 р. 64 к., каковая сумма, а также и 5.965 р. 35 к. недополученнаго капитала по окончательно реализованнымъ участкамъ, всего 193.118 р. 99 к. списаны съ доходовъ банка за отчетный годъ» (Отчетъ, стр. 41).

Однако возвратъ неисправнымъ заемщикамъ отобранныхъ у нихъ земель, повидимому, отнюдь не входилъ въ намѣренія администраціи банка; по крайней мѣрѣ она не принимала мѣръ къ его облегченію; наоборотъ, октябрьскимъ циркуляромъ предписывалось отдѣленіямъ «въ случаѣ оставленія имѣнія за банкомъ, по безуспѣшности торговъ, *безусловно и немедленно* (курс. нашъ) отстранять непоселенныхъ на земляхъ сихъ крестьянъ отъ пользованія ею и не представлять въ банкъ о сдачѣ сихъ земель въ аренду неисправнымъ плательщикамъ.. »

Въ 1892 г., для предупрежденія недоимочности по разрѣшеннымъ въ этомъ году ссудамъ непосредственно вслѣдъ за ихъ выдачей и для устраненія проистекающей отсюда возможности убытковъ и затрудненій какъ для самого банка, такъ и для его заемщиковъ, въ началѣ 1892 г. принята временная, совершенно исключительная мѣра: 13 марта министромъ финансовъ испрошено Высочайшее соизволеніе на «предоставленіе совѣту Крестьянскаго банка въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ, что вслѣдствіе неблагопріятныхъ сельскохозяйственныхъ условій закладываемыхъ земель своевременная уплата ближайшихъ платежей по испрашиваемымъ ссудамъ представляется сомнительною, удерживать изъ разрѣшенныхъ въ теченіе 1892 г. ссудъ, съ предвареніемъ о семъ заемщиковъ, срочные платежи за одно или два полугодія съ учетомъ въ пользу заемщиковъ

[1]) Матер., III, стр. 12.

изъ $5^1/_2\%$ годовыхъ». Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ въ сущности санкціонировалась мѣра, еще раньше примѣнявшаяся на практикѣ.

Требованія объ уплатѣ одного или болѣе полугодовыхъ платежей предъявлялись банкомъ продавцамъ земли и прежде, въ тѣхъ случаяхъ, когда ими былъ впередъ полученъ доходъ съ продаваемой земли (напр., снятъ урожай) или когда имѣніе переходило къ крестьянамъ съ лѣсорубочнымъ контрактомъ, препятствовавшимъ эксплоатаціи земли, и т. под. [1]). Такіе же случаи, конечно, имѣлись въ виду и приведеннымъ распоряженіемъ. Указаніе на неблагопріятныя сельскохозяйственныя условія закладываемыхъ земель и разрѣшеніе удерживать платежи изъ ссуды, т.-е. изъ денегъ, которыя принадлежатъ не заемщику, а продавцу и на которыя по ст. 35 Полож. о банкѣ «не могутъ быть обращены никакія, производимыя съ покупщика земли взысканія», ясно свидѣтельствуютъ, что разсматриваемая мѣра вызывалась желаніемъ оградить не столько банкъ, сколько крестьянъ-заемщиковъ, и избавить послѣднихъ отъ обременительнаго платежа «съ пуста», т.-е. за землю, съ которой они до времени не могутъ получить дохода. При такихъ условіяхъ эта мѣра могла имѣть, какъ и прежде, крайне ограниченное примѣненіе. Но вслѣдъ за Высочайшимъ повелѣніемъ, явился циркуляръ управляющаго банкомъ (отъ 28 марта за № 2926) который значительно распространилъ его содержаніе и расширилъ сферу его примѣненія.

Указавъ на необходимость — въ виду неурожая предыдущаго года, поколебавшаго въ значительной мѣрѣ общее экономическое положеніе земледѣльческаго населенія, — взвѣшивать возможность исправнаго поступленія первыхъ платежей, «въ особенности по сдѣлкамъ *въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, переселенческимъ* (курс. нашъ) и такимъ, по коимъ пріобрѣтаются земли или неразработанныя, или значительной своей частью состоящія подъ временнымъ дѣйствіемъ арендныхъ и лѣсорубочныхъ контрактовъ, или, наконецъ, по какимъ-либо инымъ основаніямъ не могущія немедленно по ихъ пріобрѣтеніи приносить новымъ владѣльцамъ обезпечивающій правильное поступленіе первыхъ платежей доходъ», циркуляръ добавляетъ: «какъ можно полагать на основаніи указаній опыта, исправный взносъ первыхъ платежей, помимо приведенныхъ причинъ, зависитъ также отъ экономическаго положенія пріобрѣтателей земли и однородности состава товарищества, почему эти стороны дѣла требуютъ особенно тща-

---

[1]) Случаи такого рода приведены въ «Матеріалахъ», вып. II, на стр. 37 (два случая), 46, 48, 52, 53, 55 и т. д.

тельнаго выясненія». По такимъ соображеніямъ предлагалось отдѣленіямъ:

1. «Тщательно выяснять экономическое положеніе покупщиковъ, а именно: исправность ихъ въ отбываніи государственныхъ и земскихъ повинностей, задолженность государственнымъ и земскимъ учрежденіямъ, а въ случаѣ возможности, и частнымъ лицамъ, состояніе рабочаго инвентаря, какъ мертваго, такъ и живого, возможность и приблизительный размѣръ постороннихъ заработковъ, составъ товариществъ въ смыслѣ полной солидарности членовъ оныхъ между собою и точнаго уразумѣнія всѣми членами значенія принимаемыхъ ими на себя обязательствъ и проч.

2. «Независимо отъ заключенія о размѣрѣ ссуды, обезпечиваемой залогомъ покупаемой земли, представлять точно мотивированныя *на основаніи указанныхъ въ настоящемъ предложеніи данныхъ* заключенія о степени обезпеченности правильнаго поступленія первыхъ двухъ по выдачѣ ссудъ платежей по онымъ и необходимости удержанія впередъ одного или двухъ изъ упомянутыхъ платежей при предстоящемъ назначеніи сихъ ссудъ къ выдачѣ».

Изъ сопоставленія текста циркуляра съ текстомъ Высочайшаго повелѣнія легко усмотрѣть, что первый установляетъ совершенно новыя, самостоятельныя правила, не предусмотрѣнныя послѣднимъ. Въ то время какъ Высочайшее повелѣніе признаетъ поводомъ къ удержанію платежей только «неблагопріятныя сельскохозяйственныя условія закладываемыхъ земель», циркуляръ вводитъ новый поводъ къ примѣненію разсматриваемой мѣры—экономическое положеніе заемщиковъ—покупщиковъ. Въ виду измѣненія повода, естественно, долженъ измѣниться и источникъ, на который падаетъ взысканіе платежей. Высочайшее повелѣніе очевидно возлагаетъ уплату на продавца земли, какъ на лицо, такъ или иначе виновное въ испытываемыхъ покупщиками неудобствахъ; при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ допускаетъ удержаніе платежей циркуляръ, т.-е. при неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи покупщиковъ, или при покупкѣ земли переселенцами, когда эта земля не представляетъ «неблагопріятныхъ экономическихъ условій»,—словомъ, при обстоятельствахъ, не зависящихъ отъ продавца, къ обращенію на него взысканія не представляется никакихъ основаній. Да если бы къ нему и было обращено такое требованіе, онъ имѣлъ бы полное право отклонить его, ссылаясь на точный смыслъ ст. 35 Положенія и Высочайшаго повелѣнія 13 марта. Ясно, что въ такихъ случаяхъ взысканіе обращается на крестьянъ-покупщиковъ,— можетъ быть, и черезъ посредство продавца,—и этимъ прямо нарушается ст. 45 Полож., по ко-

торой заемщики банка обязаны вносить платежи не впередъ, *а за каждое истекшее полугодіе* [1]). Такимъ образомъ мѣра, направленная въ пользу крестьянъ, благодаря принятому толкованію, обратилась имъ во вредъ и должна была повести къ увеличенію въ 1892 г. единовременныхъ, при покупкѣ, платежей заемщиковъ банка, хотя, по словамъ отчета за этотъ годъ (стр. 3), была принята «въ виду пониженія во многихъ мѣстностяхъ платежныхъ средствъ крестьянъ».

Нельзя не пожалѣть, что отчетъ за 1892 г. не сообщаетъ, какъ часто, по какимъ поводамъ, въ какомъ размѣрѣ и какимъ способомъ примѣнялись Высочайшее повелѣніе и циркуляръ г. управляющаго.

V.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы выяснили, какое вліяніе на дѣятельность Крестьянскаго банка оказало неисправное поступленіе платежей по выданнымъ ссудамъ. Мы видѣли, что накопленіе недоимокъ, послуживъ первымъ поводомъ къ сокращенію операцій банка, повело къ измѣненію характера и направленія его дѣятельности, вызвало новый взглядъ на его назначеніе и задачи и, наконецъ, явилось «главнымъ основаніемъ» къ возбужденію вопроса о коренномъ его переустройствѣ. Теперь намъ предстоитъ ближе ознакомиться съ самымъ этимъ явленіемъ, имѣвшимъ такое важное значеніе въ судьбѣ банка, разсмотрѣть размѣры недоимокъ и причины ихъ образованія.

Прежде всего воспользуемся данными о поступленіи платежей за все время существованія банка, помѣщенными въ отчетѣ его за 1892 г. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что «сумма поступившихъ отъ заемщиковъ платежей всѣхъ наименованій» составляла къ годичному обложенію:

въ 1883 г.	100%	въ 1888 г.	92,4%
„ 1884 „	95,6%	„ 1889 „	86,6%
„ 1885 „	78,6%	„ 1890 „	85,1%
„ 1886 „	73,2%	„ 1891 „	94,0%
„ 1887 „	78,9%	„ 1892 „	82,7%

Такія поступленія если и не могутъ считаться блестящими, то едва ли могутъ служить и оправданіемъ тѣхъ опасеній относительно будущности банка, которыя высказывались въ послѣдніе годы. Если сравнить состояніе недоимокъ по Крестьянскому банку съ таковымъ же по Дворянскому, то положеніе перваго окажется болѣе благопріятнымъ. Къ 1-му января 1892 г. числилось недоимокъ (въ тысячахъ рублей):

[1]) Проектомъ устава Крестьянскаго поз. банка, выработаннымъ въ началѣ 1892 года, установлялся взносъ платежей *за каждое полугодіе впередъ* (ст. 50).

	По Крест. б.	По Двор. б.
Въ предѣл. льготн. срок.	532,0	10,497,4
Перешедшихъ „ „	264,3	1.263,3
Отсроченныхъ	400,4	129,7
Разсроченныхъ	25,6	995,1
Всего	1.223,0	12.885,7

Такъ какъ годовой окладъ платежей за 1891 г. составлялъ по Крестьянскому банку 5.654,2 тыс. р., а по Дворянскому—16.447,3 тыс., то недоимки по первому составятъ 21,6% оклада, а по второму—78,3%, съ присоединеніемъ же недоимокъ по страхованію (135,7 т.) и разныхъ долговъ (86,5 тыс.),—почти 80%. Недоимки въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. перешедшія льготные сроки и подлежащія взысканію, составляли по Крестьянскому банку 4,6%, а по Дворянскому—7,6% оклада.

Точно такъ же и въ отношеніи поступленія платежей за предыдущіе годы сравненіе окажется не въ ущербъ Крестьянскому банку. Недоимки, перешедшія льготные сроки, по отношенію къ суммѣ всѣхъ подлежавшихъ взносу въ теченіе каждаго года платежей (т.-е. оклада и недоимокъ, кромѣ отсроченныхъ и разсроченныхъ) составляли къ концу каждаго года:

	По крест. б.	По двор. б.
1887 г.	9,8%	4,0%
1888 „	11,9%	15,7%
1889 „	12,4%	14,9%

Размѣры недоимокъ по обоимъ банкамъ не представляютъ такимъ образомъ особенно рѣзкаго различія и по Крестьянскому банку представляются даже болѣе благопріятными; между тѣмъ положеніе дворянскаго банка, какъ извѣстно, не возбуждало такой тревоги, какъ положеніе крестьянскаго, и не вызывало принятія противъ недоимщиковъ его такихъ суровыхъ мѣръ, какимъ подверглись недоимщики послѣдняго. Въ 1889 г., какъ извѣстно, были приняты особыя мѣры для «приведенія въ окончательный порядокъ» разсчетовъ съ Дворянскимъ банкомъ его заемщиковъ: вслѣдствіе пониженія, на основаніи Высочайшаго указа 12-го октября 1889 г., процентовъ по ссудамъ, часть недоимокъ была покрыта совсѣмъ, часть же причислена къ капитальному долгу. Но, несмотря на совершенное освобожденіе заемщиковъ Дворянскаго банка отъ недоимокъ, въ слѣдующемъ же году, 1890, а потомъ и въ 1891 г., значительное число заложенныхъ имѣній было назначено за недоимки въ продажу. Такія имѣнія составили къ общему числу заложенныхъ:

	По майскому платежу.	По ноябрьск. плат.
въ 1890 г.	9,7%	16,6%
» 1891 «	15,8%	10,9%

Въ то же время имѣнія, назначавшіяся въ продажу Крестьянскимъ банкомъ, составляли къ общему числу выданныхъ ссудъ: въ 1890 г.— 9,2%[1] (570 на 6,163), въ 1891 г.—8,6%[2] (634 на 7,367). Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ число имѣній, назначенныхъ въ продажу въ 1890 г., входили и такія, на которыхъ числились недоимки и предыдущихъ сроковъ. Какъ видно изъ изданныхъ банкомъ «Матеріаловъ» (вып. 1, стр. 5), недоимка, за которую были назначены торги до января 1891 г., составляла по 616 случаямъ болѣе двухъ полугодовыхъ платежей, колеблясь, по губерніямъ, между 54 и 395% оклада. Такимъ образомъ сравнительно съ Дворянскимъ банкомъ приводимыя нами цифры по Крестьянскому представляются нѣсколько преувеличенными.

Продолжая сравненіе недоимочности по обоимъ банкамъ, мы найдемъ, что по Дворянскому освобождалось отъ торговъ гораздо большее число изъ назначавшихся въ продажу имѣній, нежели по Крестьянскому. Но надо принять во вниманіе, что Дворянскій банкъ по самому своему уставу снисходительнѣе относится къ своимъ недоимщикамъ, допуская между прочимъ отмѣну торговъ (ст. 2 правилъ 26-го іюня 1889 г.) въ тѣхъ случаяхъ, когда недоимка, за невзносъ которой имѣніе должно быть продано, не превышаетъ слѣдующаго банку полугодового платежа по ссудѣ. Эту мѣру банкъ, при четырехъ торговыхъ періодахъ 1890 и 1891 гг., примѣнилъ къ 463 имѣніямъ, освободивъ ихъ отъ продажи, несмотря на сравнительную значительность лежавшей на нихъ недоимки. Такъ, по 63 имѣніямъ, снятымъ послѣ третьей публикаціи съ торговъ, назначенныхъ за невзносъ майскаго 1891 г. платежа, осталось въ недоимкѣ 58% слѣдовавшаго къ взносу платежа, а по 87 имѣніямъ, освобожденнымъ въ слѣдующій срокъ, осталось 47% (отчетъ двор. банка за 1892 г., прилож. стр. 29 и 30). Крестьянскій банкъ не имѣетъ права оказывать такія льготы; онъ можетъ отмѣнять назначенные

[1]) Процентное отношеніе по дворянскому банку взято къ числу ссудъ, выданныхъ по срокъ платежа, за который назначалась продажа, т.-е. къ 1-му мая и 1-му ноября каждаго года, по крестьянскому же—къ 1-му января каждаго года.

[2]) Въ объяснительной запискѣ къ проекту устава крест. банка процентъ недоимочныхъ ссудъ, т.-е. такихъ, по которымъ назначались торги, опредѣленъ за 1891 г. въ 12. Произошло это потому, что къ 634 имѣніямъ, назначеннымъ въ продажу въ 1891 г., причислены 384, перешедшія по срокамъ торговъ на этотъ годъ отъ предыдущаго года.

торги лишь въ томъ случаѣ, «если заемщики представятъ банку доказательства возможности пополнить числящуюся на нихъ недоимку посредствомъ или отдачи заложенной земли въ аренду, или устройства общественной запашки, или вольной продажи части принадлежащей неисправнымъ заемщикамъ земли, или, наконецъ, инымъ способомъ, признаннымъ банкомъ достаточно обезпечивающимъ выданную ссуду» (полож. ст. 51). Притомъ съ половины 1890 г. отмѣна назначенныхъ торговъ обставлена такими затрудненіями, какихъ не встрѣчается въ практикѣ другихъ поземельныхъ банковъ. Въ разъясненіе ст. 17 закона 28 мая 1889 г. о порядкѣ продажи съ торговъ залож. въ кр. банкѣ земельныхъ участковъ (ст. 67 полож. о банкѣ, изд. 1890 г.), по которой «заемщики могутъ уплатою недоимокъ и расходовъ банка удержать за собою назначенный въ продажу участокъ», совѣтъ банка циркуляромъ отъ 14 іюня 1890 г. № 4591 указалъ, что «торги могутъ быть отмѣнены въ силу закона, слѣдовательно, самими отдѣленіями, безъ предварительнаго представленія о томъ совѣту банка, лишь въ случаѣ уплаты заемщиками *всѣхъ недоимокъ*, показанныхъ въ объявленіи о торгахъ, и расходовъ банка, при чемъ *недоимками слѣдуетъ считать всѣ просроченные по ссудѣ платежи, считая въ томъ числѣ и тѣ, для уплаты коихъ не истекъ шестимѣсячный льготный срокъ*». Что касается «платежа за текущее полугодіе, срокъ взноса котораго еще не наступилъ», то онъ, по разъясненію совѣта, «не обязателенъ для снятія имѣнія съ торговъ, такъ какъ такой, по смыслу ст. 17 (нынѣ 67), не можетъ считаться въ недоимкѣ» (sic!). Стало быть, для отмѣны торговъ нужна уплата не только той недоимки, за которую имѣніе назначено въ продажу, какъ принято во всѣхъ банкахъ, а еще и того платежа, взносъ котораго, какъ состоящаго въ льготномъ срокѣ, *необязателенъ* по закону.

VI.

Мы видѣли выше, что недоимки начали тревожить администрацію банка не ранѣе четвертаго года его существованія,—1886 г. Въ этомъ году недопоступило 21,9% оклада. Отмѣчая этотъ фактъ, отчетъ за тотъ годъ замѣчаетъ, что «процентъ непоступившихъ платежей не даетъ еще самъ по себѣ достаточно яснаго представленія о положеніи дѣла» и что если выдѣлить губерніи, въ которыхъ сумма непоступившихъ платежей равнялась среднему проценту неплатежа—21,92%,—или превосходила его, то окажется, что такихъ губерній было пять [1]) и на эти губерніи падало болѣе ²/₃ (68,6%) всей суммы

[1]) Екатеринославская, Пензенская, Полтавская, Ставропольская и Таврическая.

недоимки, тогда какъ на остальныя 25 губерній приходилось менѣе трети. Точно такъ же и въ слѣдующемъ, 1887 году, наиболѣе недоимочными оказались 9 губерній [1]), на долю которыхъ приходилось около $^3/_4$ (72,5%) всѣхъ недоимокъ, при чемъ размѣръ недоимки колебался въ нихъ между 14,4 и 72,2% (въ Оренбургской губ.) оклада. Въ 1888 г. почти три четверти недоимокъ падали на 13 губерній, при чемъ при среднемъ отношеніи къ окладу въ 22,2%, недоимки въ двухъ губерніяхъ (Рязанской и Уфимской) равнялись почти половинѣ оклада, въ четырехъ (Воронежской, Курской, Харьковской и Пензенской) превысили половину оклада, а въ одной (Оренбургской) почти равнялись полному окладу.

Такимъ образомъ уже въ первые годы образованія недоимокъ обнаружилось, что накопленіе ихъ — явленіе отнюдь не всеобщее, а мѣстное, свойственное лишь нѣсколькимъ губерніямъ. Этотъ фактъ подтверждается и изслѣдованіемъ имѣній, назначавшихся въ продажу по 1-ое января 1891 г. («Матеріалы», вып. 1-й), изъ котораго оказывается, что изъ 43 губерній, на которыя распространяются дѣйствія банка, въ 15-ти — преимущественно въ губерніяхъ «промысловаго характера»—назначеній въ продажу не было совсѣмъ; 14 оказались «малонедоимочными»: въ нихъ «общее число недоимочныхъ ссудъ (т.-е. такихъ, по которымъ были назначаемы торги) не велико и самую недоимочность можно разсматривать какъ явленіе случайное и легко объяснимое для каждаго даннаго случая»; наконецъ, остальныя 14 губерній—«все губерніи земледѣльческія, цѣликомъ или отчасти черноземныя»—являются «наиболѣе недоимочными»; въ нихъ «число недоимочныхъ ссудъ, какъ въ абсолютномъ, такъ и въ процентномъ отношеніяхъ, значительно болѣе 5». Но и въ этихъ послѣднихъ, наиболѣе недоимочныхъ, губерніяхъ недоимочность далеко не одинакова. Изъ 28 губерній, въ которыхъ были недоимочныя ссуды, приходится такихъ ссудъ на 100 выданныхъ: въ 3 губерніяхъ—менѣе одной; въ 9—отъ 1 до 5 (собственно отъ 1—4,1), въ 5—отъ 6 до 10 (отъ 6,2 до 8,6), въ 3—отъ 10 до 20 (12,4—17,9), въ 4—отъ 20 до 30 (22,6—29,4) и въ 4—болѣе 30. Такимъ образомъ, только въ 8 губерніяхъ недоимочныя ссуды составляютъ болѣе $^1/_5$ общаго числа и только въ 4 онѣ составляли болѣе $^1/_3$ [2]).

Приведенныя данныя, совершенно совпадая съ изложенными выше показаніями отчетовъ, указываютъ на существованіе какихъ-то

[1]) Опять Пензенская и Полтавская, затѣмъ Курская, Рязанская, Тамбовская, Саратовская, Харьковская, Уфимская и Оренбургская.

[2]) Это губерніи, съ которыми мы уже встрѣтились ранѣе: Тамбовская (34,3%), Курская (48,8), Пензенская (50,8) и Оренбургская (66,7%).

особыхъ обстоятельствъ, которыя служатъ причиною накопленія недоимокъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Что же это за обстоятельства?

Обращаясь къ даннымъ изслѣдованія, мы замѣтимъ, что нѣкоторыя губерніи выдаются не только по числу недоимочныхъ ссудъ, но и по размѣру накопленныхъ недоимокъ, такъ сказать, по постоянству этого явленія. Выше было уже указано, что по 617 ссудамъ, подвергшимся изслѣдованію, недоимки, за которыя назначалась продажа, превышали полугодовой платежъ въ два раза, но по нѣкоторымъ губерніямъ достигали почти 4 платежей—395% оклада. Превышеніе средняго процента замѣчается въ восьми губерніяхъ, и это все губерніи, которыя мы не разъ упоминали въ числѣ особенно недоимочныхъ [1]). Изъ этихъ восьми губерній въ шести (кромѣ Екатеринославской и Донской области) были оказаны льготы по ссудамъ, по которымъ, въ концѣ-концовъ назначена продажа, притомъ въ размѣрахъ, превышающихъ оказанныя въ другихъ губерніяхъ. Изъ 617 изслѣдованныхъ ссудъ воспользовались льготами всего 154, или 24.9%; между тѣмъ въ Рязанской губерніи льготы оказаны по 28,2% общаго числа ссудъ, въ Тамбовской—по 31% и въ Оренбургской—по 88,8%. Такое обиліе льготъ наводитъ на мысль, не были ли причиною накопленія недоимокъ въ этихъ губерніяхъ какія-либо бѣдствія, такъ какъ только при таковыхъ допускаются льготы. Относительно степныхъ губерній мы узнаемъ изъ отчетовъ банка, что въ 1885 г. ихъ постигъ полный неурожай; въ 1886 году «неурожай въ степныхъ губерніяхъ, слѣдовавшій за предыдущимъ тоже неурожайнымъ годомъ, тяжело отразился на поступленіи платежей банку», тѣмъ болѣе что «къ неурожаю присоединилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чума рогатаго скота, вслѣдствіе которой большинство скотскихъ ярмарокъ въ степи не было допущено, чѣмъ плательщики банка были нерѣдко поставляемы въ безвыходное положеніе»; въ этихъ-то именно мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая и падежей скота,—въ губерніяхъ степныхъ—и образовались недоимки.

Значитъ, въ неурожаяхъ и другихъ бѣдствіяхъ слѣдуетъ искать одну изъ существенныхъ причинъ образованія, а затѣмъ и накопленія недоимокъ. На этомъ фактѣ останавливается и изслѣдователь недоимочныхъ ссудъ, но онъ признаетъ, что «степень урожайности оказала вліяніе въ губерніяхъ южныхъ: Херсонской, Екатеринославской и въ Донской области, на юго-востокѣ, въ Уфимской и Оренбургской и отчасти въ малороссійскихъ—Полтавской, Черниговской и

---

[1]) Тамбовская и Саратовская (2,5 платежа), Донская область (2,1), Екатеринославская (2,6), Рязанская и Пензенская (3), Уфимская (3,6), Оренбургская (почти 4 платежа).

Харьковской, въ остальныхъ же шести наиболѣе недоимочныхъ губерніяхъ — Рязанской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Саратовской—вліяніе урожая на недоимки не сказалось».

Этотъ выводъ основанъ на общихъ данныхъ объ урожаяхъ, при чемъ не приняты въ соображеніе тѣ неблагопріятныя сельско-хозяйственныя явленія, которыя, не распространяясь на обширныя территоріи, тѣмъ не менѣе оказываютъ пагубное вліяніе на мѣстности, подвергающіяся ихъ дѣйствію. Такія-то явленія и послужили, какъ показываетъ болѣе детальное изслѣдованіе, причиною накопленія недоимокъ въ такихъ губерніяхъ, гдѣ по поверхностному наблюденію «вліяніе урожая на недоимочность не сказалось». Вотъ что по этому предмету мы узнаемъ изъ отзывовъ предсѣдателей отдѣленій Крестьянскаго банка о причинахъ накопленія недоимокъ на заемщикахъ банка («Матеріалы», вып. II) и изъ свѣдѣній, сообщенныхъ земскими учрежденіями («Матеріалы», вып. IV).

Относительно Рязанской губерніи, гдѣ, по словамъ изслѣдователя, недоимка съ 1886 г. «растетъ безостановочно, несмотря на то, что урожай за все это время надо причислить къ числу хорошихъ», имѣется авторитетное свидѣтельство мѣстнаго земства, удостовѣряющаго, что «главнѣйшею изъ причинъ накопленія недоимокъ платежей по ссудамъ послужили недороды хлѣбовъ въ Рязанской губерніи въ 1885, 1886 и 1887 гг. вообще, при чемъ въ нѣкоторыхъ районахъ, какъ, напр., въ Мураевинской волости Данковскаго уѣзда бѣдствіе это сдѣлалось хроническимъ, повторяясь ежегодно въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ» [1]). Это показаніе подтверждается свѣдѣніями, сообщаемыми предсѣдателемъ рязанскаго отдѣленія банка о 53 неисправныхъ заемщикахъ. Оказывается, что 32 изъ нихъ, или болѣе половины (60,2%), пострадали отъ неурожая и другихъ бѣдствій: 19 подверглись неурожаямъ и градобитіямъ по одному разу, при чемъ нѣкоторые были ослаблены неурожаями, предшествовавшими покупкѣ, 9—по два раза, одинъ—три раза, одинъ—два раза испыталъ неурожай и два раза падежъ скота; два—пострадали отъ пожара. Послѣдствія неурожая бывали крайне тягостныя. Вотъ, въ видѣ примѣра, печальная исторія селезневскаго общества Скопинскаго уѣзда. Купивъ въ 1885 г. 104 дес. за 11.330 р. и получивъ въ ссуду 10.815 р., крестьяне этого общества въ январѣ 1888 г. составили приговоръ, въ которомъ, ссылаясь на неурожай озимаго и ярового хлѣба, заявляютъ, что уплатить причитающіеся съ нихъ сборы

---

[1]) Докладъ общей комиссіи XXVI очер. рязанскому губ. земск. собр. „Матеріалы", IV, стр. 130.

они не въ состояніи, такъ какъ не имѣютъ даже яровыхъ сѣмянъ, а потому сочли за необходимость отъ нея (купленной земли) отказаться». Приговоръ былъ представленъ въ отдѣленіе только черезъ годъ, ибо крестьяне не давали ему движенія, надѣясь удержать землю, но «плохой урожай 1887 г., градобитіе и вѣтры лѣта 1888 г. окончательно ихъ обезсилили и поставили въ положеніе, при которомъ они не только не въ состояніи производить дальнѣйшіе платежи въ банкъ, но даже не имѣютъ яровыхъ сѣмянъ для обсѣмененія полей даже на надѣльной землѣ; отъ бездоходности земли, вслѣдствіе ряда неурожайныхъ годовъ, и обязательности немедленнаго пополненія казенныхъ недоимокъ, нѣкоторые изъ нихъ не только лишились скота, какъ рогатаго, такъ и лошадей, но вынуждены были сдать въ арендное содержаніе и свою надѣльную землю на нѣсколько лѣтъ. Все это привело крестьянъ къ полному обезсиленію, и, боясь будущаго, они болѣе не желаютъ пользоваться землею и наотрѣзъ отъ нея отказываются...»

Переходя къ свѣдѣніямъ по Курской губерніи, узнаемъ, что изъ 41 недоимочныхъ заемщиковъ пострадали отъ неурожая: 2—по три раза, 13—по два раза, 7—по одному. Одно сельское общество Новооскольскаго уѣзда и одно товарищество Тимскаго, желая выплатить недоимки, въ 1887 г. предоставили весь посѣянный хлѣбъ въ распоряженіе отдѣленія банка, но у перваго «земля была истощена по малоземелію» и «уродила плохо», такъ что «полученнымъ отъ нея урожаемъ недоимки уже не могли погаситься», а второе—«полный неурожай лишилъ возможности привести обѣщаніе въ исполненіе».

Въ Воронежской губ. «плохіе урожаи, бывшіе въ 1886 и 1889 гг., извѣстнымъ образомъ отразились на исправности платежей по нѣкоторымъ ссудамъ»: въ Валуйскомъ уѣздѣ два заемщика и въ Воронежскомъ пять пострадали отъ «полнаго» неурожая въ 1889 г., одинъ въ Богучарскомъ и одинъ въ Павловскомъ потерпѣли полный же неурожай въ 1886 и 1889 гг.; одно изъ обществъ Острогожскаго уѣзда пострадало отъ нѣсколькихъ бѣдствій: «неурожай въ 1885 и 1886 гг., а также и чума на скотѣ въ 1884 и 1885 гг., надо полагать, были причинами несвоевременной уплаты со стороны крестьянъ платежей съ первыхъ годовъ покупки, что повлекло затѣмъ къ совершенному прекращенію платежей».

По Тамбовской губ. предсѣдатель мѣстнаго отдѣленія, относя «неурожаи, происшедшіе вслѣдъ за покупкою» (земли заемщиками банка) къ числу общихъ причинъ накопленія недоимокъ, приводитъ слѣдующіе факты. На землѣ одного общества Борисоглѣбскаго уѣзда «въ 1885 г. былъ неурожай яроваго хлѣба; въ 1886 г. былъ очень

плохой урожай какъ озимаго, такъ и ярового хлѣба»; у двухъ обществъ и одного товарищества «урожаи были неудовлетворительны въ 1888, 1889 и 1890 гг.». Одно изъ этихъ обществъ (Дуплятовское, Тамбовскаго у.), купивши землю въ 1884 г., въ слѣдующемъ году заявляло о неурожаѣ и просило объ отсрочкѣ платежей, но ходатайство было отклонено; «въ 1887 году выбило градомъ весь яровой посѣвъ, какъ на купленной, такъ и на надѣльной землѣ; въ 1888, 1889 и 1890 гг. урожаи хлѣбовъ были очень плохіе; такъ, въ 1889 г., какъ удостовѣряетъ тамбовская уѣздная управа, вслѣдствіе засухи и морозовъ, бывшихъ въ маѣ мѣсяцѣ, ржи было собрано отъ 8 до 16 мѣръ съ десятины, а урожай яровыхъ былъ еще того хуже, и земство вынуждено было выдать обществу ссуду на продовольствіе». Другое общество, Ильинское, Кирсановскаго у., находившееся, по свидѣтельству мѣстной управы, въ 1891 г. въ «бѣдственномъ положеніи», кромѣ трехъ «сильныхъ» неурожаевъ, три раза, въ 1887, 1888 и 1889 гг., пострадало отъ пожаровъ. Далѣе, четыре общества пострадали отъ неурожая въ 1889 и 1890 гг.,—одно—въ 1889 г.; наконецъ, у одного со времени покупки, «съ 1884 г. по 1888 г. были неурожаи, при чемъ озимые хлѣба давали въ среднемъ не болѣе какъ самъ 4, а яровые — самъ $2^1/_2$—3 и въ 1888 г. самъ $6^1/_2$, что имѣло несомнѣнное вліяніе на накопленіе недоимокъ». По послѣднимъ двумъ «наиболѣе недоимочнымъ» губерніямъ — Пензенской и Саратовской—въ отзывахъ предсѣдателей нѣтъ прямыхъ указаній на вліяніе неурожаевъ, но и здѣсь встрѣчаются отдѣльные факты, гдѣ это вліяніе очевидно. Такъ, одно общество Наровчатскаго уѣзда, несмотря на выгодную покупку (по 57 р. десятина, тогда какъ сосѣди купили смежную землю по 95 р.) «послѣ трехлѣтнихъ неурожаевъ и пожара, вынуждено было отказаться отъ купленной земли». По Саратовской губ. причиною накопленія недоимокъ признаются: въ одномъ случаѣ—«плохіе урожаи 1889 и 1890 гг.», въ шести—«недостаточные», «плохіе», «неудовлетворительные» урожаи «за послѣдніе 2—3 года».

Такимъ образомъ во всѣхъ 14 наиболѣе недоимочныхъ губерніяхъ неурожаи, иногда въ связи съ другими бѣдствіями, были одною изъ главныхъ, или по крайней мѣрѣ весьма важныхъ, причинъ образованія и накопленія недоимокъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что и въ тѣхъ губерніямъ, которыя не принадлежатъ къ числу недоимочныхъ, заемщики банка тоже иногда бывали обязаны своей неисправностью въ платежахъ неурожаямъ, пожарамъ и тому подобнымъ бѣдствіямъ, дающимъ по закону право на льготы, то нельзя не придти къ заключенію, что въ ряду мѣръ для упорядоченія дѣя-

тельности Крестьянскаго банка и для улучшенія положенія какъ его заемщиковъ, такъ и его самого одно изъ первыхъ мѣстъ должно принадлежать мѣрамъ помощи при бѣдствіяхъ, постигающихъ заемщиковъ.

При томъ значеніи, какое имѣли въ судьбахъ заемщиковъ Крестьянскаго банка неурожаи и другія бѣдствія, нельзя не удивляться незначительности числа случаевъ, когда банкъ пользовался принадлежащимъ ему по закону правомъ—оказывать заемщикамъ тѣ или другія льготы по взносу платежей. Изъ 617 недоимочныхъ ссудъ льготы, какъ мы видѣли, были оказаны всего по 154, такъ что ими воспользовалась всего одна четверть недоимщиковъ, а по отдѣльнымъ губерніямъ и еще менѣе: въ Курской, напр., воспользовались льготою 10 недоимщиковъ изъ 103, въ Пензенской—1 изъ 32, въ Харьковской—5 изъ 38 и т. д. («Матеріалы», I, ст. 29). Такое, повидимому, странное, явленіе объясняется тѣмъ, что крестьяне-заемщики банка иногда не пользуются своимъ правомъ на льготы потому, что о немъ не знаютъ. По словамъ предсѣдателя херсонскаго отдѣленія, заемщикамъ, начавшимъ свое хозяйство въ неурожайные годы, 1884, 1885 и 1886, слѣдовало бы ходатайствовать о разсрочкѣ, но «товарищества и общества, по малограмотности, трудно усваиваютъ законоположеніе банка и правомъ о разсрочкѣ пользуются лишь тогда, когда кто-нибудь ихъ на это натолкнетъ». Къ сожалѣнію, «натолкнуть» крестьянъ часто бываетъ некому и имъ дорого приходится за это платиться. Такъ, по свидѣтельству предсѣдателя курскаго отдѣленія, «незнаніе крестьянами устава банка и своихъ правъ довело членовъ одного товарищества до продажи земли, такъ какъ своевременное заявленіе о бывшемъ градобитіи, — въ 1888 г. на купленной и собственной землѣ градомъ былъ выбитъ весь озимый и яровой хлѣбъ,—и неурожаѣ въ 1889 г. давало имъ полное право на ходатайство о разсрочкѣ платежей». Точно также и одно изъ обществъ Фатежскаго уѣзда, у котораго въ 1888 году выбитъ градомъ весь озимый и яровой хлѣбъ на купленной землѣ, а въ 1889 г. былъ полный неурожай, такъ что не собрали сѣмянъ,—«съ ходатайствомъ объ отсрочкѣ обратилось, уже пропустивъ на то законный срокъ», и купленная имъ земля, смежная съ надѣломъ, перешла въ собственность банка... Намекъ на такое же обстоятельство находимъ въ отзывѣ предсѣдателя воронежскаго отдѣленія, который сообщаетъ, что одно изъ большихъ—110 домохозяевъ—товариществъ, исправно вносившее платежи до 1889 года, въ этомъ году, вслѣдствіе полнаго неурожая, не могло произвести уплаты, и потому купленная имъ земля была назначена въ продажу и осталась за банкомъ. И въ этомъ случаѣ,

очевидно, некому было «натолкнуть» крестьянъ на мысль о возбужденіи ходатайства объ отсрочкѣ; если бы такой благодѣтель своевременно нашелся, то земля, при несомнѣнномъ правѣ крестьянъ на льготу, могла бы остаться въ ихъ владѣніи.

Въ матеріалахъ, которыми мы пользуемся, нѣтъ указаній на то, чтобы были приняты какія-либо мѣры къ устраненію подобныхъ случаевъ. Правда, упомянутымъ выше циркуляромъ управляющаго банкомъ отъ 27 октября 1890 г. отдѣленіямъ предписывалось «заблаговременно, до назначенія торговъ, разъяснять крестьянамъ, что въ случаяхъ постигшихъ ихъ неурожаевъ и бѣдствій, имъ предоставляется ходатайствовать о разсрочкахъ и отсрочкахъ платежей въ законномъ порядкѣ», но такая мѣра едва ли была достаточна. При нынѣшней организаціи банка его администрація, не только центральная, но и мѣстная, слишкомъ далеко стоитъ отъ заемщиковъ, слишкомъ мало имѣетъ возможности узнавать ихъ нужды и интересы и потому легко можетъ случиться, что установленный для возбужденія ходатайства о льготѣ срокъ истечетъ прежде, нежели отдѣленіе успѣетъ разъяснить пострадавшимъ отъ бѣдствія заемщикамъ ихъ права. По ст. 28 правилъ дѣйствій банка, просьбы о сложеніи пени или о разсрочкѣ недоимки могутъ быть подаваемы до истеченія 6-мѣсячнаго срока со дня просрочки платежа, а только по истеченіи этого срока отдѣленіе можетъ обратить вниманіе на неисправнаго заемщика. Казалось бы по этому необходимымъ съ бо́льшею снисходительностью относиться къ заемщикамъ, которые не выполнили своихъ обязательствъ по причинамъ, отъ нихъ независѣвшимъ, и, по невѣдѣнію пропустивъ установленный срокъ, по одной этой случайной причинѣ потеряли возможность воспользоваться правомъ, принадлежащимъ имъ по закону. Если въ 1889 г. было признано возможнымъ оказать чрезвычайныя льготы заемщикамъ Дворянскаго банка во вниманіе къ тому между прочимъ, что правила о взысканіяхъ съ неисправныхъ заемщиковъ были изданы черезъ четыре года послѣ открытія дѣйствій банка, т.-е., что накопленіе недоимокъ произошло какъ бы помимо вины заемщиковъ, то едва ли не столь же, если не болѣе справедливымъ представлялось бы снисхожденіе къ крестьянамъ-заемщикамъ Крестьянскаго банка, вина которыхъ иногда ограничивалась только незнаніемъ установленныхъ правилъ.

VII.

Случаи, на которыхъ мы остановились, конечно, не могли быть особенно многочисленными, и число ихъ съ каждымъ годомъ будетъ все меньше и меньше, такъ какъ заемщики банка постепенно озна-

комятся съ его порядками. Гораздо бо́льшаго вниманія заслуживаетъ другое обстоятельство,—что льготы, оказываемыя заемщикамъ, пострадавшимъ отъ «особыхъ» бѣдствій, и состоящія въ отсрочкѣ платежа «не далѣе, какъ на четыре слѣдующія полугодія», а «при повтореніи бѣдствій два года сряду»,—въ «разсрочкѣ уплаты отсроченной недоимки, но не долѣе, какъ на три года, равными полугодовыми взносами, съ платежомъ 6% на остающуюся въ долгу недоимку» (Полож. ст. 49),—что эти льготы не всегда оказываются достаточными для возстановленія пошатнувшагося благосостоянія заемщиковъ и приведенія въ порядокъ ихъ разсчетовъ съ банкомъ. На это обстоятельство указываетъ въ своемъ отзывѣ предсѣдатель рязанскаго отдѣленія. «Законъ о льготахъ,—говоритъ онъ,—существуетъ, но примѣненіе его на дѣлѣ доказываетъ, что практическихъ результатовъ получается немного, положеніе заемщика почти не облегчается, а при этомъ условіи наличность каждаго бѣдствія будетъ имѣть послѣдствіемъ крушеніе сдѣлки. Богохранимовское сельское общество послѣ неурожая 1885 года воспользовалось льготою, но не только не могло вносить отсроченной недоимки, а даже покрывать текущихъ платежей; послѣдовавшее же въ 1888 году градобитіе поставило его въ полную невозможность привести долгъ въ порядокъ, вслѣдствіе чего за обществомъ накопилась недоимка въ 3.000 руб., при ежегодномъ платежѣ въ 981 р. То же было и съ Алмазовскимъ товариществомъ. Еще болѣе наглядное подтвержденіе этой мысли находимъ въ ссудѣ Селезневскаго сельскаго общества, которое послѣ перваго неурожая даже и не пыталось просить какихъ-либо льготъ, рѣшившись прямо отказаться отъ земли, по невозможности когда-либо расплатиться съ банкомъ. Въ описанныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ сдѣлка рушится по той причинѣ, что у крестьянина остается очень немного отъ урожая хлѣба одного года при исправной уплатѣ текущаго платежа по ссудѣ; посему оплатить изъ одного урожая платежъ за полтора года (при 2-хъ лѣтней разсрочкѣ) представляется достижимымъ развѣ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ (Горюшенское сельское общество). Въ общемъ же крестьянинъ можетъ оплачивать изъ одного урожая только годовой срочный платежъ и лишь очень небольшую часть недоимки, если послѣдняя существуетъ. При условіи только такого платежа онъ будетъ въ состояніи, послѣ постигшаго его бѣдствія, удержать за собою землю». Предсѣдатель отдѣленія утверждаетъ, что «при существующемъ способѣ оказанія льготы всякое бѣдствіе грозитъ вызвать разрушеніе сдѣлки. Вынести бѣдствіе, и то съ большимъ напряженіемъ платежныхъ средствъ, могутъ только общества зажиточныя; но и тѣ, при повтореніи бѣдствія, оказываются несостоятельными къ

платежамъ. Общества же, бывшія бѣдными до покупки земли, пріобрѣтаемой въ надеждѣ поправиться, впадаютъ въ несостоятельность при наступленіи перваго бѣдствія и здѣсь никакія льготы уже не помогутъ». Если бы эти соображенія были своевременно приняты во вниманіе, и правила о льготахъ были подвергнуты пересмотру и измѣнены въ томъ направленіи, какое указывали сами крестьяне-заемщики (по словамъ бывшаго члена совѣта кн. Н. Н. Голицына, крестьяне весьма часто ходатайствуютъ объ отсрочкѣ недоимки «на послѣдніе годы» займа, видя въ этомъ наиболѣе легкую и справедливую мѣру) [1]), то и крестьяне, и самъ банкъ избавились бы отъ значительныхъ убытковъ, которые обѣ стороны понесли вслѣдствіе чрезмѣрно энергическаго примѣненія банкомъ мѣры взысканія, которую слѣдовало бы примѣнять лишь въ крайнихъ случаяхъ и съ особой осторожностью.

Прибѣгая къ массовой продажѣ крестьянскихъ земель, администрація банка, повидимому, разсчитывала этимъ способомъ пресѣчь накопленіе недоимокъ. По словамъ кн. Голицына, «осенью 1890 года совѣтъ банка призналъ необходимымъ, въ виду постоянно возрастающихъ недоимокъ, назначить въ продажу почти всѣ имѣнія, платежи по которымъ перешли предѣлы льготнаго срока». Надѣялись, повидимому, что послѣ такой, такъ сказать, генеральной очистки недоимокъ больше не будетъ: «у банка,—говоритъ кн. Голицынъ,—оставались бы въ настоящее время, почти исключительно благонадежныя сельскія общества, товарищества и отдѣльные домохозяева, и равновѣсіе въ исправности платежей было бы, вѣроятно, достигнуто въ

---

[1]) Записка „О льготахъ по случаю неурожая 1891 г. для заемщиковъ крестьянскаго поз. банка", стр. 11.

На необходимость этой мѣры указывалъ въ 1889 году и. д. курскаго губернатора. По его мнѣнію, „въ предупрежденіе накопленія недоимокъ по срочнымъ платежамъ банку и продажи за эти недоимки купленныхъ крестьянами при содѣйствіи названнаго банка земель", необходимо, „во-первыхъ, немедленно причислить недоимку къ капитальному долгу и вновь образующуюся черезъ это сумму банковаго долга разсрочить платежомъ на болѣе продолжительное время въ такой мѣрѣ, чтобы срочные платежи банку не превышали въ годъ 7—8 руб. съ каждой десятины, соотвѣтственно дѣйствительной доходности земли въ настоящее время". „Матеріалы", IV, стр. 25.—Высочайшимъ повелѣніемъ 31 января 1892 г. предоставлено совѣту банка «по ходатайствамъ заемщиковъ, сумму накопившихся на ихъ имѣніяхъ недоимокъ во взносахъ платежей, срокъ коихъ истекъ до 1 января 1892 г., а въ губерніяхъ, пострадавшихъ въ предшествующемъ 1891 г. отъ неурожая, съ причисленіемъ къ сей суммѣ весеннихъ 1892 г. платежей,—разсрочивать на время по усмотрѣнію совѣта банка, но не далѣе срока окончательнаго погашенія первоначальнаго долга по ссудѣ, съ производствомъ уплаты разсроченныхъ суммъ равными полугодовыми взносами».

недалекомъ будущемъ». Осуществленію этого разсчета помѣшалъ неурожай 1891 г., вызвавшій значительныя недоимки, относительно которыхъ пришлось принять особыя мѣры (Высочайшее повелѣніе 31-го января 1892 г.). Но и независимо отъ этого принятая совѣтомъ банка мѣра, по самому существу своему, могла принести болѣе вреда, чѣмъ пользы. Вотъ что по этому поводу говоритъ мѣстный дѣятель, близко знакомый съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ,— предсѣдатель рязанскаго отдѣленія: «Общее, такъ сказать, огульное назначеніе въ продажу земель заемщиковъ, включенныхъ въ списокъ недоимщиковъ въ извѣстный срокъ, совсѣмъ не желательно. Это по своимъ послѣдствіямъ можетъ поставить дѣло въ то же положеніе, въ которомъ оно сейчасъ находится, ибо крайности съ двухъ разныхъ концовъ нерѣдко приводятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Дѣло въ томъ, что законъ допускаетъ льготы заемщикамъ лишь въ случаѣ «особыхъ» бѣдствій; но «такія бѣдствія въ общемъ не часты; въ большинствѣ же бѣдствія нѣтъ, но существуетъ цѣлый рядъ хозяйственныхъ неудачъ, совокупность которыхъ можетъ придавить ниже, чѣмъ иной разъ одно какое-либо бѣдствіе. Неурожая нѣтъ, но былъ плохой урожай хлѣба, да и тотъ продается по низкой цѣнѣ; не огульный пожаръ, а сгорѣли двѣ, три избы самыхъ надежныхъ плательщиковъ; падежа скота не было, но у одного пала лошадь, другой потерялъ корову и т. п. Такія хозяйственныя невзгоды бываютъ постоянно; случись онѣ у нѣсколькихъ человѣкъ, оказавшихся временно въ затрудненіи внести въ срокъ платежъ,—и за ними остановятъ платежи тѣ, у которыхъ подобныхъ невзгодъ не было. И вотъ образовалась недоимка на всемъ обществѣ: бѣдные не платятъ потому, что не могутъ; богатые—потому, что плати не плати, а землю все-таки продадутъ за недоимку бѣдныхъ. Причинъ къ отсрочкѣ, по закону, нѣтъ; но интересы дѣла требуютъ обожданія платежа; безъ такого обожданія люди, которые легко могутъ оправиться, будутъ не въ состояніи за собою удержать земли. При такомъ обожданіи недоимка можетъ быть не полная, а частичная, соразмѣрно той доли, которая упадетъ на временно ослабѣвшихъ крестьянъ; безъ такого обожданія она непремѣнно будетъ полная, на всемъ обществѣ, хотя нѣкоторые члены его совершенно свободно могли бы уплатить падающую на нихъ часть платежа. Въ первомъ случаѣ долгъ со временемъ можетъ быть приведенъ въ порядокъ; неминуемымъ послѣдствіемъ второго представляется крушеніе сдѣлки» [1]).

---

[1]) „Матеріалы“, вып. II, стр. 10.

«Какъ это ни покажется страннымъ, — говоритъ предсѣдатель уфимскаго отдѣленія,—но во многихъ случаяхъ возможность отчужденія участка за недоимки вліяетъ, какъ это видно было по многимъ сдѣлкамъ въ Уфимской губерніи, на возрастаніе недоимочности. Сплошь и рядомъ приходится встрѣчать тотъ фактъ, что накопленіе сравнительно незначительной недоимки за менѣе состоятельными домохозяевами влечетъ за собою задержку въ платежахъ и со стороны болѣе состоятельныхъ, которые не могутъ, конечно, платить за другихъ и тѣмъ устранить возможность отчужденія земли и не хотятъ платить только за себя, опасаясь потерять и землю, и внесенные платежи. При продажѣ земли всѣ члены товарищества ставятся въ одно положеніе: исправные и неисправные, желающіе платить и нежелающіе. Деморализующее вліяніе постоянно висящей надъ заемщиками банка угрозы продажей земли громадно. Благодаря этому крестьяне часто удерживаются и отъ взноса досрочныхъ погашеній и даже отъ заведенія хорошихъ построекъ и отъ увеличенія посѣвовъ и расчистки земли въ количествѣ бо̀льшемъ, чѣмъ у другихъ домохозяевъ. Вообще въ теперешней формѣ эта мѣра безусловно вредна во всѣхъ отношеніяхъ» [1]).

Неурожаи, пожары, падежи скота и другія бѣдствія, постигая заемщиковъ Крестьянскаго банка, нерѣдко, какъ мы видѣли, вызывали неисправность ихъ во взносѣ срочныхъ платежей. Но, какъ ни часты, сравнительно, были эти несчастныя случайности, не однѣ онѣ являлись причинами накопленія недоимокъ; въ томъ же направленіи дѣйствовали и другія обстоятельства, которыя притомъ имѣли еще бо̀льшее значеніе. Въ числѣ ихъ прежде всего выдаются: дороговизна покупокъ и высота платежей по выданнымъ банкомъ ссудамъ.

VIII.

Когда открылись дѣйствія Крестьянскаго банка, со стороны землевладѣльцевъ естественно проявилось желаніе обратить въ свою пользу открывшуюся для крестьянъ возможность покупать землю безъ затраты наличныхъ денегъ и съ содѣйствіетъ банка сбыть имъ землю по возможно высокой цѣнѣ. Отчетъ банка за 1885 годъ отмѣчаетъ общее явленіе, что «первыя сдѣлки вообще отличаются высокими договорными цѣнами, какъ бы выражая стремленіе сразу установить высокій уровень земельныхъ цѣнъ и ссудъ»; въ этомъ стремленіи сходятся обѣ стороны: продавцы, по словамъ отчета, «желаютъ продать земли подороже и получить возможно большую часть земель-

---

[1]) „Матеріалы“, III, стр. 12.

ной цѣны, а крестьяне, при ихъ жадности къ землѣ, часто готовы давать цѣну, превосходящую дѣйствительную ея цѣнность». Администрація банка пыталась бороться съ этимъ невыгоднымъ и для крестьянъ, и для банка стремленіемъ; она пробовала настаивать на пониженіи продажныхъ цѣнъ, разрѣшая ссуды лишь подъ этимъ условіемъ, и даже совсѣмъ отказывать въ ссудахъ, когда признавала цѣну слишкомъ преувеличенной, но эти мѣры далеко не всегда достигали цѣли: случалось, что требованія относительно пониженія цѣны исполнялись на бумагѣ, тогда какъ въ дѣйствительности вся уступленная сумма выплачивалась покупщиками наличными деньгами или долговыми обязательствами [1]). Съ другой стороны, и самъ банкъ иногда содѣйствовалъ возвышенію земельныхъ цѣнъ; основываясь на арендныхъ цѣнахъ, которыя мѣстами достигли въ то время чрезвычайно значительныхъ размѣровъ, онъ установилъ настолько высокія нормальныя оцѣнки, что вскорѣ пришлось ихъ понизить. Такъ было въ Пензенской и Курской губерніяхъ. Пользуясь этимъ, а также недостатками организаціи банка, благодаря которымъ послѣдній не всегда имѣлъ возможность подробно вникать въ сущность каждой сдѣлки, ловкіе продавцы успѣвали сбывать крестьянамъ земли за дорогую цѣну, прибѣгая для этого ко всякимъ средствамъ, не исключая прямого обмана. Такъ, одинъ изъ изслѣдователей разсказываетъ, что повѣренные одного продавца Харьковской губ. «часто прибѣгали къ неблаговиднымъ пріемамъ—къ обѣщанію всякихъ льготъ и къ искаженію условій, на которыхъ имъ (покупщикамъ) будетъ выдана банкомъ ссуда; такъ, многимъ были обѣщаны сѣмена на посѣвы, помощь въ случаѣ неурожаевъ; говорилось, что платежи банку будутъ изъ года въ годъ уменьшаться; крестьяне были увѣрены, что въ залогъ банка поступаетъ не вся покупная земля, а только часть, пропорціональная ссудѣ, часть же, соотвѣтствующая доплатѣ, немедленно по уплатѣ послѣдней, поступаетъ въ полную собственность и распоряженіе покупщиковъ», и т. под. [2]).

Въ печати уже замѣчалось, что при покупкахъ съ содѣйствіемъ банка крестьяне платятъ за землю дороже, нежели другіе покупщики [3]).

---

[1]) По словамъ предсѣдателя полтавскаго отдѣленія, „желаніе отдѣленія упорядочить сдѣлки путемъ опредѣленія размѣра доплатъ постоянно парализовалось сокрытіемъ какъ истиннаго размѣра доплаты, такъ и отсрочекъ ея путемъ заключенія отдѣльныхъ условій и выдачи векселей“ („Матер.“, II, стр. 156).

[2]) „Матеріалы“, III, отчетъ Д. И. Рихтера, стр. 25.

[3]) Подробности см. въ статьѣ К. Ч—ва „Крестьянскій банкъ“, *Сѣв. Вѣстн.* 1890 г., № 6, отд. II, стр. 9 и сл. Г. Рихтеру одинъ изъ „старожиловъ“ Полтавской губ. „прямо высказалъ“, что крестьянскій банкъ поднялъ цѣны на земли процентовъ на 20—30. („Матеріалы“, III, стр. 53.)

Это обстоятельство не могло не имѣть вреднаго вліянія на платежную способность покупщиковъ, въ особенности когда наступалъ упадокъ цѣнъ и на сельскохозяйственныя произведенія, и на земли, что случилось именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно сосредоточились дорогія покупки. Предсѣдатель пензенскаго отдѣленія банка, напримѣръ, утверждаетъ, что главною причиною неисправности во взносѣ платежей банку была «высокая цѣна, по которой покупались земли, и послѣдовавшій затѣмъ упадокъ ихъ доходности, вслѣдствіе плохихъ урожаевъ и одновременно съ ними пониженія цѣнъ на продукты земледѣлія. Сокращеніе доходовъ съ земли, особенно ощутительное съ 1886 года, — говоритъ онъ, — вызвало въ Пензенской губерніи общее пониженіе продажныхъ и наемныхъ цѣнъ на земельныя угодья по меньшей мѣрѣ на 25% противъ первоначальныхъ цѣнъ, при которыхъ Крестьянскій поземельный банкъ открылъ свои дѣйствія по выдачѣ ссудъ. Впослѣдствіи, въ 1888 г., расписаніе нормальныхъ подесятинныхъ цѣнъ на земли въ Пензенской губерніи было понижено, но значительная часть ссудъ была уже выдана по высокой оцѣнкѣ, и большую часть дорого купленныхъ имѣній пришлось назначить въ продажу по неисправности взносовъ срочныхъ платежей» [1]).

Сама по себѣ дороговизна покупки не оказывала бы такого вліянія, если бы за выданныя банкомъ ссуды приходилось уплачивать умѣренные проценты, хотя бы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ платятъ заемщики Дворянскаго банка: крестьянамъ, вѣроятно, удалось бы настолько увеличить производительность земли, что, не взирая на высокую покупную цѣну, они успѣвали бы справляться съ обязательствами передъ банкомъ. Къ несчастью, платежи, взимаемые послѣднимъ, превышали платежи даже акціонернымъ земельнымъ банкамъ. Изъ сравненія, сдѣланнаго г. К. Ч—вымъ, оказывается, что они болѣе чѣмъ вдвое выше платежей землевладѣльцевъ частнымъ земельнымъ банкамъ [2]); точно такъ же эти платежи значительно выше платежей, взимаемыхъ Дворянскимъ банкомъ: по свидѣтельству

---

[1]) „Матеріалы", II, стр. 115.

[2]) Вотъ свѣдѣнія, приводимыя г. Ч—вымъ относительно размѣра платежей по ссудамъ:

Губерніи.	Частн. б.	Крест. б.
Рязанская	3 р. 16 к.	6 р. 14 к.
Тульская	3 „ 20 „	6 „ 41 „
Орловская	3 „ 19 „	5 „ 59 „
Курская	3 „ 63 „	7 „ 88 „
Воронежская	2 „ 66 „	5 „ 63 „ и т. д.

Сѣв. Вѣстн., 1890, № 6, стр. 34.

изслѣдователя недоимочныхъ ссудъ, «платежи, взимаемые съ заемщиковъ Крестьянскаго банка, вдвое выше платежей заемщиковъ Дворянскаго банка» («Матер.», I, стр. 26) [1]).

Вслѣдствіе обоихъ этихъ обстоятельствъ—дороговизны покупки, съ одной стороны, и высоты взимаемыхъ Крестьянскимъ банкомъ процентовъ по ссудамъ, съ другой, платежи сдѣлались весьма обременительными. Какъ видно изъ свѣдѣній, приведенныхъ въ томъ же изслѣдованіи («Матеріалы», I, стр. 26—27), «процентное отношеніе арендной платы къ продажной цѣнѣ земли, т.-е. валовая доходность земли, колеблется по мѣстностямъ между 8,6 и 5,8 или даже 4,1 процентами, платежи же банку составляютъ 6,4% средней продажной цѣны, такъ что въ губерніяхъ промышленныхъ (подмосковныхъ), въ Донской области и въ Новороссійскихъ платежи превышаютъ доходность, въ остальныхъ же если и ниже ея, то всего на 0,5—2,2%». При такихъ условіяхъ платежи могутъ поступать исправно лишь тамъ, гдѣ источникомъ ихъ покрытія служитъ не одинъ доходъ съ купленной земли. «Почти съ полной точностью можно сказать,—говоритъ предсѣдатель уфимскаго отдѣленія,—что лишь тѣ заемщики уплачивали банку исправно, которые имѣли возможность дѣлать свои взносы изъ доходовъ отъ промысловъ, а не отъ земли» («Матер.», II, стр. 135). То же явленіе отмѣчаетъ и предсѣдатель тамбовскаго отдѣленія, усматривающій въ отсутствіи постороннихъ заработковъ одну изъ общихъ причинъ накопленія недоимокъ. Онъ указываетъ, что «въ сѣверныхъ уѣздахъ еще возможенъ денежный заработокъ и поэтому тамъ, несмотря на плохое качество почвы и скудные урожаи, недоимокъ почти нѣтъ, въ черноземной же полосѣ губерніи, вслѣд-

---

[1]) Въ концѣ 1893 г. была произведена конверсія свидѣтельствъ Крестьянскаго банка и банкъ сталъ платить вмѣсто 5½—4½%. «Тѣмъ не менѣе,—говоритъ отчетъ банка за 1894 г. (стр. 3),—правительство не могло въ той же мѣрѣ понизить платежи заемщиковъ, ибо по ранѣе выданнымъ ссудамъ многіе заемщики своихъ обязательствъ не оправдали, накопили большія недоимки и въ концѣ отступились вовсе отъ своихъ земель, которыя остались за банкомъ. Банкъ ожидаетъ такимъ образомъ чувствительныхъ убытковъ, которые впрочемъ еще не опредѣлились, такъ какъ оставленные имъ за собой залоги не реализованы. Взиманіе въ теченіе нѣкотораго времени платежей съ заемщиковъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ банкъ самъ платитъ по своимъ обязательствамъ, должно было дать ему средства на постепенное покрытіе упомянутыхъ убытковъ». Пониженіе платежей послѣдовало на осно ваніи Высочайшаго манифеста 14 ноября 1894 г., которымъ процентъ роста по ссудамъ, начиная съ осеннихъ платежей 1894 г., пониженъ съ 5½ до 4½. Съ такимъ пониженіемъ должна была понизиться и общая сумма платежа, но это могло произойти только при условіи нѣкотораго удлиненія срока займа; поэтому по предложенію министра финансовъ отъ 3 февраля 1895 г., сроки ссудъ удлинены: 24½-лѣтніе до 26½ лѣтъ, а 34½-лѣтніе—до 38½.

ствіе отсутствія промышленныхъ заведеній, такіе заработки весьма рѣдки, а если крестьяне и работаютъ у помѣщиковъ, то получаютъ за это главнымъ образомъ землю (которой у нихъ, несмотря на купленную, все-таки очень мало), выпасъ, солому и проч., но не деньги» («Матер.», II, стр. 92).

Съ другой стороны, какъ указываетъ предсѣдатель воронежскаго отдѣленія, несмотря на взимаемый банкомъ высокій процентъ, крестьяне-заемщики «все-таки, имѣя въ виду высокія цѣны, платившіяся ими въ то время за снимавшіяся земли, считали для себя выгоднымъ, хотя по относительно высокимъ цѣнамъ, совершать покупки земель съ содѣйствіемъ Крестьянскаго банка, такъ какъ если въ иныхъ случаяхъ платежи банку и мало чѣмъ были ниже платежей, которые они платили при наймѣ земель, но все же въ будущемъ имѣлся въ виду переходъ въ ихъ собственность земель, столь въ большинствѣ случаевъ для нихъ необходимыхъ». Но «когда, вслѣдствіе весьма разнообразныхъ причинъ, цѣны на сельскохозяйственные продукты сильно понизились, упали значительно и цѣны на земли, сдаваемыя въ краткосрочный наемъ и на долгосрочныя аренды, а вслѣдствіе этого упали также въ большинствѣ уѣздовъ продажныя цѣны на земли, нѣкоторые изъ крестьянъ, пріобрѣвшихъ земли съ содѣйствіемъ Крестьянскаго банка, не могли не замѣтить, что платятъ банку значительно дороже той цѣны, за которую сдѣлалось возможнымъ снимать земли въ наемъ по сосѣдству; возможно, что поэтому и стали затягиваться платежи и совсѣмъ прекратился взносъ таковыхъ по нѣкоторымъ имѣніямъ». («Матер.», II, стр. 83). Это явленіе обнаружилось во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ губерніяхъ черноземныхъ. На него ссылаются въ объясненіе недоимочности предсѣдатели нѣсколькихъ отдѣленій.

IX.

Независимо отъ абсолютной высоты тяжесть платежей увеличивалась для заемщиковъ банка еще тѣмъ, что имъ часто приходилось, кромѣ платежей банку, выплачивать продавцамъ земли отсроченную разницу между покупною цѣною и ссудою. Разница эта достигала значительной величины. Въ виду того, что сдѣлки заключались по цѣнамъ, не соотвѣтствовавшимъ дѣйствительной доходности покупаемой земли, совѣтъ банка часто не находилъ возможнымъ выдавать ссуды въ размѣрѣ полной покупной цѣны, и потому крестьянамъ приходилось дѣлать доплаты изъ своихъ средствъ. По словамъ отчета за 1885 г. (стр. 5), «уже съ половины 1884 г. совѣтъ находился подъ давленіемъ тяжелаго экономическаго положенія дѣлъ.

Сдѣлки приходятъ въ банкъ, говоритъ онъ, при чемъ исчисленіе доходности продаваемой земли дѣлается за рядъ предыдущихъ лѣтъ. Естественно, что совѣту банка представляется преувеличенною средняя доходность, выведенная за послѣднія пять лѣтъ, со включеніемъ 1880, 1881 и 1882 гг., когда цѣны хлѣба и другихъ сельскихъ произведеній были особенно велики и далеко превосходили цѣны большей части семидесятыхъ годовъ, 1884, а тѣмъ болѣе 1885 года; а между тѣмъ покупщики и продавцы опредѣлили цѣну, соотвѣтствующую прежнему положенію дѣлъ. Совѣтъ банка, поставленный на стражѣ казеннаго интереса и обязанный заботиться о томъ, чтобы выдаваемая ссуда принесла пользу получающимъ ее и улучшила ихъ положеніе, не можетъ не считаться съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, навстрѣчу которому идетъ уже успѣвшее выразиться во многихъ мѣстахъ пониженіе арендныхъ и продажныхъ цѣнъ; совѣтъ не можетъ также скрывать отъ себя, что огромныя цѣны начала восьмидесятыхъ годовъ не были явленіемъ вполнѣ нормальнымъ; поэтому при назначеніи размѣра ссудъ онъ соображается съ новѣйшими экономическими явленіями». Вынужденный такимъ образомъ требовать доплатъ изъ средствъ покупщиковъ, банкъ старался «такъ направлять свои покупки, чтобы онѣ дѣлались хотя и съ доплатами, но по возможности умѣренными или по крайней мѣрѣ не единовременными». Первая изъ этихъ мѣръ не всегда удавалась: не всѣ продавцы подчинялись требованію совѣта и въ такихъ случаяхъ по разрѣшеніи ссуды крестьянамъ приходилось дѣлать болѣе или менѣе значительныя доплаты [1]); что же касается разсрочки послѣднихъ, то эта мѣра, кажущаяся благодѣтельной, на дѣлѣ иногда становилась причиною недоимочности и несостоятельности заемщиковъ.

«Производимыя крестьянами доплаты,—говоритъ предсѣдатель тамбовскаго отдѣленія,—которыя въ среднемъ обыкновенно разсрочивались не болѣе какъ на 5 лѣтъ, ложась на нихъ весьма тяжелымъ бременемъ, на первыхъ же порахъ сразу подрывали и безъ того незавидную по причинѣ ихъ бѣдности платежную способность крестьянъ». Эти платежи, вмѣстѣ съ платежомъ банку, часто превышали мѣстныя арендныя цѣны. Такъ, напр., по покупкѣ Орловскаго общества, Тамбовскаго уѣзда, доплата,

[1]) Такъ, напр., при покупкѣ земли двумя мотовиловскими обществами, Михайловскаго уѣзда, за 31.568 руб. совѣтомъ было предложено продавцу понизить цѣну на 2.300 руб., но онъ на это не согласился, и сдѣлка состоялась согласно первоначальному договору, при чемъ въ ссуду выдано 28.000 р. Тоже при покупкѣ нисковскаго товарищества, того же уѣзда, которому продавецъ не согласился уступить 1.630 руб. изъ условленныхъ 13.491 руб., какъ требовалъ совѣтъ. Въ ссуду выдано 11.700 руб. („Матеріалы“, II, стр. 55 и 56).

въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, составляла по 1 р. $66^1/_2$ к. съ десятины, а вмѣстѣ съ платежами банку и земельными повинностями, ежегодный платежъ съ десятины равнялся 9 р. 13 к., на 2 р. 13 к. превышая ту цѣну, по которой крестьяне арендовали эту же землю до покупки. Лысогорскому товариществу того же уѣзда пришлось платить въ теченіе двухъ лѣтъ по 7 р. 53 к. на дес., а вмѣстѣ съ платежами банку и повинностями—14 р. 78 к. на десятину во всѣхъ трехъ поляхъ, т.-е. вдвое дороже существовавшихъ мѣстныхъ долгосрочныхъ арендныхъ цѣнъ. Въ Павловскомъ обществѣ, Усманскаго уѣзда, значительный размѣръ разсроченной доплаты привелъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. «Такъ какъ въ первыя 5 лѣтъ приходилось уплачивать по 3.000 р. въ годъ доплаты продавцу, что вмѣстѣ съ платежомъ Крестьянскому банку составляло по 12 р. 78 к. на каждую десятину во всѣхъ трехъ поляхъ, или по 19 р. 17 к. на десятину подъ посѣвомъ, то нѣкоторые изъ крестьянъ отказались отъ пользованія купленной землей, предпочитая снимать землю на сторонѣ по болѣе дешевой цѣнѣ; когда же по истеченіи трехъ лѣтъ 9.000 р. доплаты были погашены, то эти же отказавшіеся отъ земли крестьяне стали грозить, что отберутъ причитающіяся имъ доли, какъ только доплата будетъ сполна уплачена и останется только платить крестьянскому банку. Угрозы эти испугали тѣхъ, которые взяли доли отказавшихся, и они пріостановили платежи. Это обстоятельство было одною изъ главныхъ причинъ накопленія недоимокъ за обществомъ» («Матер.», II, стр. 92, 100, 106). Характерный примѣръ вліянія разсроченныхъ доплатъ приводитъ предсѣдатель херсонскаго отдѣленія, утверждающій, что «чѣмъ больше ложится разсроченной доплаты на сдѣлку, тѣмъ недоимочныхъ больше». Покровское 184 домохозяевъ товарищество Ананьевскаго уѣзда купило 1.486 дес. земли, смежной съ надѣломъ, «весьма дешево»: по 45 р. за десятину; ссуда выдана въ размѣрѣ 53.700 р., уплачено задаткомъ и при совершеніи купчей 4.254 р., остальные 8.916 р. отсрочены владѣльцемъ на 3 года изъ 8% годовыхъ, при чемъ крестьянами выдано было три обязательства и неустоичная запись въ 1.000 р. на случай несвоевременной уплаты. «Такимъ образомъ товариществу ежегодно въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ предстояло вносить 4.027 р. 50 к. платежей банку, 2.972 р. въ уплату отсроченной доплаты и 713. р. 28 к. процентовъ, а всего 7.812 р. 78 к. въ годъ или 8 р. 20 к. съ десятины (считая, что $^2/_3$ поля засѣяны, а $^1/_3$ подъ толокою), въ то время какъ арендная цѣна въ этой мѣстности была 3 р. 50 к.—4 р. съ десятины. Такая непосильная плата сильно истощила средства товарищества, и хотя полугодовой платежъ поступилъ пол-

ностію въ 1884 г., зато владѣльцу они сполна не уплатили и образовали въ 1885 г. первую недоимку въ 2.569 р., которая продолжала возрастать съ нѣкоторыми перерывами, соотвѣтственно урожайности того или другого года, такъ что къ 1-му января 1891 г. образовалось 5.207 р. недоимки, въ томъ числѣ 3.193 р. 25 к. перешедшей льготный срокъ, и кромѣ того отдѣленію извѣстно, что товарищество не совсѣмъ раздѣлалось до сихъ поръ (1891 г.) съ прежнимъ владѣльцемъ, которому оно состоитъ еще должнымъ 1.900 р.» «Матер.» II, стр. 190).

Не будучи въ силахъ вносить тяжелые платежи, крестьяне иногда пытались облегчить свое положеніе посредствомъ уступки прежнему владѣльцу вмѣсто денегъ пользованія купленной землею, но эта мѣра приводила къ противоположнымъ результатамъ. Такъ, три общества Пензенской губ., купивъ земли по 125 р. за десятину, обязались внести изъ собственныхъ средствъ по 25 р. «Эта доплата была разсрочена на нѣсколько лѣтъ, но при первой неисправности крестьянъ продавецъ снялъ у нихъ лучшую землю въ счетъ слѣдуемыхъ ему платежей съ тѣмъ, чтобы крестьяне же обработали эту землю и убрали урожай въ его пользу. Не пользуясь всею землею и удѣляя значительную часть своего труда на обработку чужихъ посѣвовъ, крестьяне естественно не могли быть исправными плательщиками передъ банкомъ и съ перваго же года послѣ выдачи ссуды за ними стала образовываться недоимка, возраставшая съ каждымъ новымъ срокомъ» («Матер.», II, стр. 115), пока, наконецъ, ихъ земли не перешли въ собственность банка. Медвѣжинское 138 домохозяевъ товарищество, Донской области, для покрытія разсроченной на 5 лѣтъ доплаты въ 6.035 р. предоставило продавцу «часть урожая на извѣстномъ числѣ десятинъ купленной земли, которыя оно же и обрабатывало». Такимъ образомъ долгъ былъ уплаченъ въ $2^1/_2$ года, но, по словамъ предсѣдателя отдѣленія, этотъ способъ расплаты «оказался выгоднымъ для продавца и убыточнымъ для товарищества, потому что первые два года были урожайными и обусловленная соглашеніемъ сторонъ плата за отведенную продавцу площадь оказалась значительно ниже той суммы, какую товарищество могло въ то время выручить, если бы расплачивалось съ продавцомъ не натурою, а деньгами» («Матер.», II, стр. 172).

Естественно, что, не имѣя возможности одновременно удовлетворить обоихъ кредиторовъ—и банкъ, и бывшаго владѣльца купленной ими земли,—крестьяне старались прежде раздѣлаться съ менѣе снисходительнымъ изъ нихъ, а такъ какъ между ними, по приведенному выше свидѣтельству предсѣдателя екатеринославскаго отдѣленія, «было до-

вольно сильно» распространено убѣжденіе, что «купленная ими земля есть царская милость и что она не отберется отъ нихъ»,—убѣжденіе, которое, по замѣчанію того же предсѣдателя, «теперь исчезло» («Матер.», II, стр. 179), то они иногда спѣшили расплатиться съ продавцомъ, накопляя недоимки въ платежахъ банку. Такъ, напр., Малорыбинское и Никольское сельскія общества Орловскаго уѣзда, «не будучи въ состояніи въ 1888 г., при далеко неудовлетворительномъ урожаѣ, одновременно выполнить своихъ обязательствъ передъ банкомъ и бывшимъ владѣльцемъ, платежъ которому почти равнялся полугодовому платежу банку, — крестьяне порѣшили сначала уплатить долгъ частному лицу, надѣясь разсчитаться съ банкомъ позднѣе» («Матеріалы», II, стр. 69). «Было бы ошибкой предполагать,—говоритъ херсонская губернская земская управа, — что доплаты дѣлаются изъ сбереженій покупщиковъ; стоя близко къ дѣлу, мы утверждаемъ, что въ громадномъ большинствѣ, настолько громадномъ, что исключеніе составляютъ лишь единичныя лица, доплата добывается или путемъ займа на весьма тяжкихъ условіяхъ или, что гораздо чаще, путемъ продажи скота и другого имущества, въ надеждѣ, что земля дастъ возможность обзавестись потеряннымъ въ будущемъ» [1]). Едва ли нужно подробно останавливаться на томъ вліяніи, какое оказывали на хозяйственное положеніе заемщиковъ банка доплаты, уплаченныя такимъ способомъ. Достаточно, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ екатеринославскаго отдѣленія, указать, что въ сдѣлкахъ переселенческихъ «большія доплаты почти вездѣ привели къ печальному результату, къ крушенію ихъ. Крестьяне, израсходовавъ всѣ или большую часть наличныхъ денегъ на доплату, сразу этимъ подрывали себя и, если имъ при этомъ еще пришлось на первыхъ порахъ испытать одинъ или два неурожая, они оказывались неплательщиками не только по ссудѣ банка, но и по не вполнѣ оплаченной ими доплатѣ. Таковы именно переселенческія сдѣлки 1885 и 1886 гг. уѣздовъ Славяносербскаго, Павлоградскаго и отчасти Верхнеднѣпровскаго, напримѣръ Дробовско-золотоношское (доплата со всѣми расходами по 215 р. на домохозяина, составляла $33^1/_3\%$ прод. цѣны,—крестьянами уплачено 22,2% продажной цѣны), Велико-хуторско-золотоношское (уплачено столько же, сколько по предыдущей сдѣлкѣ), Нѣжинско-роменское (18% цѣны), Пирятинско-переяславское, Софіевское товарищество и другія» («Матер.», II, стр. 177).

---

[1]) Докладъ объ операціяхъ херсонскаго отдѣл. банка съ 1 апр. 1885 г. по 1 окт. 1886 г. „Матер.“, IV, стр. 15.

Приведемъ въ заключеніе печальную исторію двухъ сельскихъ обществъ Саратовской губ., о которыхъ предсѣдатель мѣстнаго отдѣленія сообщаетъ слѣдующее («Матер.», II, стр. 131).

«Мерлино-воскресенское сельское общество Сердобскаго уѣзда.

«Ссуда выдана въ 1885 году ниже нормальной оцѣнки на 1 р. 40 коп., съ доплатою 9.430 р. Покупщики—мѣстные жители.

«Имѣніе съ 1889 г. принадлежитъ банку.

«Причиною накопленія недоимокъ были *большая доплата продавцу и бѣдность покупателей,* которые для пріобрѣтенія денегъ на доплату *заложили въ московскомъ земельномъ банкѣ свой дарственный надѣлъ* [1]) и должны были дѣлать взносы въ два банка, чего они и не вынесли».

«Блошинское сельское общество того же уѣзда.

«Ссуда выдана въ 1885 году ниже нормальной оцѣнки на 1 р. 40 коп. съ доплатою 4.830 р., *уплаченною лишь продажей съ торговъ дарственнаго надѣла, который былъ заложенъ продавцу въ обезпеченіе доплаты.* Покупщики—мѣстные жители.

«Имѣніе принадлежитъ банку съ 1889 года» [2]).

Совокупность изложенныхъ причинъ накопленія недоимокъ въ платежахъ крестьянскому банку намѣчаетъ цѣлую программу мѣропріятій для правильной и цѣлесообразной постановки крестьянскаго поземельнаго кредита. На нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій указывали въ своихъ ходатайствахъ и земскія собранія: два губернскихъ собранія—тамбовское и самарское—ходатайствовали (въ 1887 г.) объ нетребованіи приплатъ изъ собственныхъ средствъ заемщиковъ банка; шесть губернскихъ собраній,—самарское, уфимское (въ 1887 г.), воронежское, рязанское, тамбовское (въ 1889 г.), смоленское (въ 1890 г.)—о пониженіи взимаемыхъ по ссудамъ процентовъ и два изъ нихъ—тамбовское и смоленское—объ измѣненіи сроковъ ссудъ ради достиженія той же цѣли; самарское собраніе (въ 1887 г.) ходатайствовало о предоставленіи переселенцамъ годовой льготы въ платежахъ. Однако все это было принято въ должное вниманіе лишь при составленіи окончательнаго проекта устава банка, получившаго силу закона 27

---

[1]) Впослѣдствіи, по Высочайшему повелѣнію, долгъ земельному банку уплаченъ казною и общество обложено выкупными платежами; имѣніе, поступившее въ собственность банка, сдано Мерлино-воскресенскому обществу въ аренду съ правомъ пріобрѣтенія въ собственность по истеченіи извѣстнаго срока.

[2]) Продано въ 1893 г. Ко времени продажи на немъ числилось: остатка капитальнаго долга (первоначальный 24.150 р.)—21.385 р. 62 к., перечисленныхъ и вновь начисленныхъ платежей и расходовъ 14.699 р. 56 к., всего 36.085 р. 18 к. Поступило: доходовъ по завѣдыванію — 6.952 р. 52 к., вырученныхъ отъ продажи — 31.105 р. Чистая прибыль банка—1.972 р. 34 к. (Отчетъ 1893 г., стр. 76—77).

ноября 1895 г., до тѣхъ же поръ значеніе приведенныхъ указаній заслонялось въ глазахъ администраціи банка другими соображеніями. Произведенное въ 1891 г. статистическое изслѣдованіе относительно 617 «имѣній, назначавшихся въ продажу по 1 января 1891 г., за исключеніемъ имѣній, торги по которымъ были отмѣнены» (изслѣдованіе это напечатано въ вып. I неоднократно упомянутыхъ «Матеріаловъ»), привело между прочимъ къ двумъ выводамъ, которые оказались въ соотвѣтствіи со взглядами администраціи банка и съ формальной стороны какъ бы совпадали съ указаніями, преподанными въ 1889 г. государственнымъ совѣтомъ. Изслѣдованіе обнаружило, что: 1) недоимочными оказались губерніи, въ которыхъ ссуды крупнѣе, число заемщиковъ значительнѣе и при покупкѣ земли послѣдніе воспользовались ссудою банка въ большемъ размѣрѣ; недоимочными же ссудами являются еще болѣе крупныя и въ которыхъ размѣръ доплаты значительно менѣе; 2) недоимки наросли всего болѣе у сельскихъ обществъ, далѣе идутъ товарищества и, наконецъ, отдѣльные хозяева. Эти выводы, хотя и основанные на весьма маломъ числѣ наблюденій—изслѣдованію подверглись едва 10% общаго числа совершонныхъ при содѣйствіи банка покупокъ и менѣе $^2/_3$ (61,3%) назначавшихся въ продажу (см. выше, стр. 23),—и потому мало убѣдительные, были тѣмъ не менѣе положены въ основаніе выработанныхъ администраціей банка предположеній о его переустройствѣ.

X.

Проектомъ, о которомъ мы говоримъ, кореннымъ образомъ измѣнялись назначеніе банка и его организація. Вмѣсто «облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли» (Полож., ст. I) проектъ ставилъ задачею банка «содѣйствіе развитію мелкой частной земельной собственности крестьянъ, а также облегченіе для нихъ возможно дешеваго и устойчиваго арендпаго пользованія землею» (ст. I). Для достиженія этой цѣли предполагалось, какъ сказано въ объяснительной запискѣ къ проекту: 1) выдавать ссуды на покупку земли «наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія, т.-е. единичнымъ, болѣе или менѣе зажиточнымъ домохозяевамъ и развѣ немногочисленнымъ по составу товариществамъ»; 2) пріобрѣтать земли за счетъ банка «съ цѣлью постепенной распродажи оныхъ отдѣльными участками и временной передачи въ арендное пользованіе крестьянъ»; кромѣ того, 3) въ видахъ «созданія побудительныхъ для крестьянъ мотивовъ къ постепенному, добровольному переходу отъ общиннаго поземельнаго строя къ порядку личнаго частнаго землевладѣнія», предоставлять крестьянамъ кредитъ для «устройства усадебной осѣд-

лости на окончательно выкупленныхъ ими надѣльныхъ, или пріобрѣтенныхъ участкахъ» (стр. 11).

Такая постановка вопроса основывалась, по словамъ записки, на «началахъ, преподанныхъ государственнымъ совѣтомъ» (стр. 5) и изложенныхъ въ журналѣ общаго собранія 30 мая 1889 г., но едва ли вполнѣ имъ соотвѣтствуетъ. Какъ видно изъ вышеупомянутаго журнала общаго собранія, государственный совѣтъ, признавая, что задачею Крестьянскаго банка должно служить содѣйствіе развитію мелкой частной поземельной собственности крестьянъ, въ то же время находилъ, что «само собою разумѣется, такая перемѣна въ положеніи банка требуетъ ближайшихъ предварительныхъ соображеній и подробной разработки» и потому, не вдаваясь въ изысканіе практическихъ мѣръ осуществленія указанной задачи, положилъ «предоставить министру финансовъ подвергнуть всестороннему соображенію вопросъ о томъ, какія мѣры могли бы быть приняты для того, чтобы дѣятельность Крестьянскаго поземельнаго банка не была направлена къ осуществленію несвойственной ему задачи—содѣйствовать поземельному устройству цѣлыхъ сельскихъ обществъ и многолюдныхъ переселенческихъ товариществъ». Между тѣмъ проектъ принимаетъ изложенное въ журналѣ государственнаго совѣта за «прямое указаніе» (стр. 11) и разрѣшаетъ задачу очень просто: онъ прекращаетъ выдачу ссудъ сельскимъ обществамъ и тѣмъ товариществамъ, которыя состоятъ изъ 31 домохозяина и болѣе.

Въ виду того факта, что Крестьянскимъ банкомъ, со времени его открытія по 1892 годъ, выданы ссуды на покупку земли 5.561 сельскому обществу, состоящимъ изъ 142.612 домохозяевъ и почти полумилліона (470.784) наличныхъ душъ мужского пола,—казалось бы необходимымъ подвергнуть обсужденію вопросъ—не вызывалась ли общественная форма земельныхъ покупокъ дѣйствительной потребностью, и если такъ, то возможно ли прекратить дальнѣйшую выдачу крестьянскимъ банкомъ ссудъ сельскимъ обществамъ безъ замѣны этой формы кредита, къ которой населеніе успѣло болѣе или менѣе привыкнуть, какимъ-либо инымъ способомъ удовлетворенія насущной потребности. Между тѣмъ этотъ вопросъ, при составленіи проекта, повидимому, совершенно не обратилъ на себя вниманія. Недостатокъ «всесторонняго обсужденія вопроса» отразился неблагопріятно на всей постановкѣ дѣла и, между прочимъ, на несоотвѣтствіи нѣкоторыхъ изъ проектированныхъ мѣръ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ имѣлось въ виду достигнуть.

Въ основаніе проекта положена, какъ уже замѣчено выше, мысль, что въ задачи банка не должно входить содѣйствіе поземельному

устройству цѣлыхъ сельскихъ обществъ и многолюдныхъ переселенческихъ товариществъ»; но упущено изъ вида, что не всякая земельная покупка, совершенная сельскимъ обществомъ или многолюднымъ товариществомъ, дѣлается, въ силу этого только, мѣрою «поземельнаго устройства» въ тѣсномъ смыслѣ. Не принявъ этого въ соображеніе, проектъ устава *прекращаетъ выдачу ссудъ сельскимъ обществамъ и многолюднымъ товариществамъ*, но въ то же время не исключаетъ изъ операцій банка содѣйствія «поземельному устройству» крестьянъ, и не только отдѣльныхъ домохозяевъ и товариществъ, но и цѣлыхъ сельскихъ обществъ, только измѣняя форму содѣйствія. Ст. 74 проекта предоставляетъ Крестьянскому банку пріобрѣтать земли за свой счетъ «съ цѣлью распродажи ихъ крестьянамъ, имѣющимъ право на пріобрѣтеніе земли при содѣйствіи банка» (т.-е. отдѣльнымъ домохозяевамъ и мелкимъ товариществамъ), а также «для сдачи сихъ земель въ арендное содержаніе *сельскимъ обществамъ*, крестьянскимъ товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ». Этимъ путемъ предполагается, по словамъ записки, достигнуть «образованія нѣкотораго земельнаго фонда, предназначеннаго какъ для постепеннаго удовлетворенія потребности крестьянъ въ расширеніи ихъ земельной собственности, такъ равно для облегченія наиболѣе выгоднаго пользованія ими землею на правахъ аренды» (стр. 7), и притомъ «открыть доступъ къ самостоятельному пользованію землею въ числѣ прочихъ также крестьянамъ малоимущимъ или безземельнымъ» (стр. 8). Вполнѣ заслуживая сочувствія по существу, эти стремленія прямо входятъ въ область поземельнаго устройства крестьянъ, съ точки зрѣнія котораго безразлично, пріобрѣтается ли необходимая для обезпеченія быта земля въ собственность посредствомъ покупки или въ прочное пользованіе посредствомъ аренды. Покупая, и сдавая въ аренду сельскимъ обществамъ землю, имъ необходимую, банкъ, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать ихъ поземельному устройству, а если притомъ не будетъ принято особыхъ мѣръ, чтобы арендное пользованіе было обезпечено, то и арендная система приведетъ къ тѣмъ же нежелательнымъ послѣдствіямъ, какія замѣчались до сихъ поръ при покупкѣ при содѣйствіи банка земли въ собственность. Если, какъ указываетъ государственный совѣтъ, «не можетъ обойтись безъ нѣкотораго разстройства хозяйственнаго быта крестьянъ» переходъ въ другія руки земли, прикупленной селеніемъ къ его надѣлу, то и отобраніе участковъ, такъ сказать, принанятыхъ къ надѣлу и необходимыхъ, не можетъ не имѣть тѣхъ же послѣдствій. Достаточно указать на извѣстные случаи, когда благосостояніе сельскихъ обществъ падало только потому, что за переходомъ смежныхъ земель къ новымъ владѣльцамъ прекраща-

лась аренда этихъ земель. Было бы, конечно, весьма желательно созданіе для крестьянъ новой формы пользованія землей, не сопряженной съ затратами на покупку,—формы вѣчной аренды, но такая задача далеко вышла бы за предѣлы дѣятельности, доступной Крестьянскому банку, особенно «при условіи сохраненія имъ характера кредитнаго учрежденія», дѣйствующаго на «общепризнанныхъ, испытанныхъ началахъ ипотечной операціи», какъ желаютъ составители проекта (зап., стр. 5). Если же, не задаваясь такой задачей, банкъ, на ряду съ отдачею сельскимъ обществамъ въ аренду необходимыхъ имъ участковъ, будетъ, согласно прямой своей цѣли, стремиться къ распродажѣ и этихъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и мелкимъ товариществамъ (ст. 74), то дѣятельность его принесетъ непоправимый вредъ сельскимъ обществамъ, ибо ея результатомъ можетъ быть содѣйствіе тому, чему такъ не сочувствуютъ авторы проекта,—переходу земель, необходимыхъ обществамъ (каковы, напр., отрѣзы и т. д.), въ «крѣпкія руки нарождающагося класса земельныхъ собственниковъ новаго типа», послѣ чего «разрѣшеніе задачи облегченія крестьянамъ способовъ къ пріобрѣтенію земель окажется чрезвычайно затрудненнымъ» (стр. 7).

На ряду съ указанными задачами проектъ ставитъ Крестьянскому банку еще новую, далеко выходящую за предѣлы намѣченной государственнымъ совѣтомъ: исходя изъ того предположенія, что «общинный строй тормозитъ всякое проявленіе личной иниціативы и самодѣятельности» (стр. 7), что «общинный складъ создаетъ почти непреодолимыя преграды къ усвоенію крестьянами лучшихъ способовъ обработки земли» (стр. 10), проектъ призываетъ Крестьянскій банкъ къ разрѣшенію «вопроса о созданіи побудительныхъ для крестьянъ мотивовъ къ постепенному, добровольному переходу отъ общиннаго поземельнаго строя къ порядку личнаго частнаго землевладѣнія» и для того вводитъ новую операцію — выдачу крестьянамъ ссудъ для «перенесенія или устройства усадебной осѣдлости на выкупленныхъ и окончательно выдѣленныхъ въ вѣчное владѣніе участкахъ, образованныхъ изъ состава земель надѣльныхъ или пріобрѣтенныхъ» (зап., стр. 11, проектъ ст. 64).

Хотя записка и полагаетъ, что «такая мѣра, имѣя послѣдствіемъ поощреніе къ выкупу и выдѣлу надѣльныхъ земель и къ перенесенію усадебной осѣдлости на сіи земли, т.-е. на полевыя угодья, съ образованіемъ хуторскихъ хозяйствъ была бы, очевидно, въ полномъ соотвѣтствіи съ намѣченною государственнымъ совѣтомъ для крестьянскаго банка задачею—содѣйствовать развитію мелкой частной земельной собственности крестьянъ», однако едва ли нужно доказывать, что предположенная задача не только не имѣетъ ничего

общаго съ намѣченной государственнымъ совѣтомъ, но и идетъ вразрѣзъ съ его воззрѣніями. Государственный совѣтъ, ставя цѣлью Крестьянскаго банка содѣйствіе одному виду крестьянскаго землевладѣнія, въ то же время не затрогивалъ вопроса о другихъ видахъ и отнюдь не уполномочивалъ банкъ,—какъ учрежденіе, преслѣдующее совершенно иныя цѣли,—на принятіе прямыхъ или косвенныхъ мѣръ къ разрушенію господствующаго въ значительной части Россіи, освященнаго временемъ и закономъ, поземельнаго строя.

Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на сельскохозяйственное значеніе общиннаго землевладѣнія, изложенныя въ запискѣ соображенія о необходимости содѣйствія распаденію поземельной общины ни въ какомъ случаѣ нельзя признать достаточными: если бы было признано своевременнымъ возбудить вопросъ объ упраздненіи общиннаго землевладѣнія, то потребовалась бы болѣе подробная и обстоятельная разработка. «Законодательство,—говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ,—должно съ крайней осторожностью относиться къ вопросу о преобразованіи общиннаго землевладѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что оно, съ государственной точки зрѣнія, и для блага общественнаго представляетъ много выгодъ въ связи съ общимъ экономическимъ состояніемъ сельскаго быта въ Россіи, которое можетъ измѣниться только со временемъ, при совокупномъ дѣйствіи многихъ экономическихъ условій и не зависитъ отъ воли законодателя. Покуда эти экономическія условія не измѣнились, крайне опасно принимать рѣшительныя мѣры, которыя могли бы привести *искусственно* къ разложенію общины. Общинное землевладѣніе и организація сельской общины – предметы первой важности для внутренней политики въ Россіи. Разумѣется, всего легче для рѣшающей мысли сдѣлать скорый выборъ между двумя крайностями и склонить дальнѣйшее развитіе поземельныхъ отношеній къ одной исключительной формѣ личнаго владѣнія и личной собственности. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ только законъ сниметъ свои заставы и откроетъ все широкое поле владѣнія свободному дѣйствію личнаго начала, поле это скоро наполнится и всѣ формы быстро сольются въ одну. Но здорово ли будетъ это для государства, хорошо ли для будущихъ судебъ его,— это весьма сомнительно. Есть государственные вопросы, которые опасно рѣшать исключительно на основаніи отвлеченныхъ началъ экономической свободы. Земля такой товаръ, который опасно бросить на вольный рынокъ, подобно всякому иному товару». (Курсъ гражданскаго права, ч. I, изд. 4, стр. 543.)

Совершенно такъ же смотрятъ на общинную форму землевладѣнія и то вѣдомство, которое призвано къ завѣдыванію поземельнымъ

устройствомъ крестьянъ, и само сельское населеніе. Въ одномъ представленіи, внесенномъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, министръ внутреннихъ дѣлъ указываетъ, что неудовлетворительное состояніе знаній о сельской поземельной общинѣ, «въ связи съ фактомъ широкаго распространенія общиннаго землевладѣнія и несомнѣннымъ историческимъ правомъ его на серьезное вниманіе, обязываетъ законодательтво соблюдать большую осторожность при разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, близко затрогивающихъ нашу поземельную общину». По мнѣнію статсъ-секретаря Дурново, «общинное землевладѣніе въ смыслѣ юридическомъ, — въ качествѣ формы землевладѣнія, построенной на принадлежности земель цѣлому обществу, въ противоположность мелкому землевладѣнію отдѣльныхъ крестьянъ на правахъ частной собственности, не должно быть отождествляемо и смѣшиваемо съ экономическимъ проявленіемъ его въ періодическихъ передѣлахъ земли. Какъ землевладѣніе общественное, оно, имѣя всѣ преимущества крупной поземельной собственности предъ мелкой, особенно съ точки зрѣнія большей устойчивости въ области мѣнового и кредитнаго оборота, заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія и поддержанія со стороны правительства, существенно заинтересованнаго въ сохраненіи за крестьянами надѣльныхъ земель въ качествѣ постояннаго земельнаго фонда, обезпечивающаго ихъ быть и податную силу». Подобно министерству, и большинство мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ такъ же, какъ и большинство земствъ, считаетъ общинное землевладѣніе «совершенно необходимымъ условіемъ благосостоянія крестьянскаго населенія и защищаетъ сохраненіе его въ качествѣ одной изъ самыхъ существенныхъ бытовыхъ особенностей нашего отечества» [1]). Въ свою очередь и крестьянское населеніе во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ, «твердо стоя за общину, видитъ въ ней, — по свидѣтельству м. в. д., — форму землевладѣнія, наиболѣе для себя привычную и въ то же время единственно понятную при существованіи круговой поруки» [2]).

Въ виду этого принятіе со стороны правительства какихъ-либо мѣръ, направленныхъ къ подрыву общиннаго землевладѣнія едва ли можетъ быть признано своевременнымъ. Между тѣмъ исключительное покровительство и содѣйствіе развитію личнаго землевладѣнія въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ общиннымъ владѣніемъ послужило

[1]) Представленіе м. в. д. 16 ноября 1892 г., № 13670, по проекту правилъ о земельныхъ передѣлахъ, стр. 11.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

бы такою мѣрою: оно если и не приведетъ къ распаденію общины, то во всякомъ случаѣ можетъ принести ей значительный вредъ, ибо отдѣльные домохозяева,—въ томъ числѣ и лица съ далеко не безупречною нравственностью,—получатъ возможность, при содѣйствіи правительства, захватывать въ свои руки земли, необходимыя для обществъ, и такимъ образомъ пріобрѣтать вредное вліяніе на послѣднія [1]).

XI.

Заключеніе государственнаго совѣта, что содѣйствіе поземельному устройству цѣлыхъ сельскихъ обществъ и многолюдныхъ переселенческихъ товариществъ составляетъ задачу, не свойственную Крестьянскому банку, какъ видно изъ журнала 30 мая 1889 г., основано на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1. Дѣйствуя на началахъ частнаго кредитнаго установленія, банкъ долженъ прибѣгать къ продажѣ купленной съ его содѣйствіемъ земли при неисправности заемщиковъ; между тѣмъ въ тѣхъ случахъ, когда земля куплена сельскимъ обществомъ или переселенческимъ товариществомъ, отчужденіе ея представляется нерѣдко крайне нежелательнымъ и труднымъ.

2. Правительство не перестаетъ настойчиво изыскивать мѣры къ поземельному устройству сельскаго населенія, и министерство внутреннихъ дѣлъ, конечно, озаботится и облегченіемъ сельскимъ обществамъ пріобрѣтенія отъ частныхъ лицъ на льготныхъ основаніяхъ необходимыхъ участковъ земли, гдѣ къ тому представится возможность.

---

[1]) Опасеніе относительно возможности эксплоатаціи нуждающихся въ землѣ крестьянъ высказывалось въ государственномъ совѣтѣ уже въ 1882 г. 18 членовъ общаго собранія, возражавшіе противъ распространенія дѣятельности крестьянскаго банка на всю имперію и на всѣхъ крестьянъ, „пришли къ убѣжденію, что при учрежденіи банка на предположенныхъ основаніяхъ ссудами будутъ пользоваться не наиболѣе нуждающіеся крестьяне, а тѣ, которые уже нѣсколько зажиточны и имѣютъ нѣкоторый достатокъ. Кулаки, усмотрѣвъ, насколько крестьянамъ нужны извѣстныя земли, и заручившись согласіемъ владѣльца, который навѣрно заявитъ цѣну выше банковой оцѣнки, принесутъ ему тотъ наличный капиталъ, который онъ потребовалъ; владѣлецъ, съ своей стороны, зная, что земля эта составляетъ предметъ домогательства сосѣднихъ крестьянъ, во избѣжаніе столкновеній съ ними продастъ эту землю кулаку, и тогда-то начнется эксплоатація крестьянъ. Скупивъ земли, кулаки станутъ пускать ихъ въ розничную продажу и не стѣснятся войти ни въ какія сдѣлки съ крестьянами, какъ бы эти сдѣлки ни были тягостны для послѣднихъ. Очевидно, что правительственный банкъ не только не окажетъ содѣйствія наиболѣе нуждающимся крестьянамъ, но еще, вмѣсто того чтобы положить предѣлъ кулачеству, отдастъ этихъ крестьянъ въ руки спекулянтовъ и кулаковъ (Отчетъ по госуд. сов. за 1882 г., стр. 162).

3. Крестьянскому банку должна принадлежать болѣе скромная, но не менѣе важная задача—содѣйствовать развитію мелкой частной поземельной собственности. Выдавая ссуды наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія, банкъ оказалъ бы несомнѣнную услугу государству образованіемъ класса мелкихъ собственниковъ, который повсемѣстно служитъ источникомъ экономическаго процвѣтанія страны и вѣрною опорою гражданскаго порядка.

Первое изъ приведенныхъ соображеній нельзя не признать безусловно справедливымъ: такая важная государственная задача, какъ поземельное устройство цѣлыхъ сельскихъ обществъ и переселенческихъ товариществъ, не можетъ быть ввѣрена кредитному установленію, дѣйствующему на началахъ учрежденія частнаго, т.-е. преслѣдующаго не государственныя цѣли. Но едва ли правильно положеніе, при которомъ такимъ установленіемъ является государственный Крестьянскій банкъ. Если онъ и усвоилъ себѣ характеръ и направленіе дѣятельности частнаго кредитнаго учрежденія, то это произошло не потому, чтобы такой характеръ составлялъ необходимую его принадлежность, а лишь случайно, вслѣдствіе нѣкотораго несовершенства узаконеній, касающихся его устройства, и при томъ едва ли не вопреки основной мысли законодателя.

При составленіи положенія о Крестьянскомъ банкѣ имѣлось въ виду провести рѣзкое отличіе этого учрежденія отъ подобныхъ ему частныхъ кредитныхъ установленій и именно въ отношеніи порядка отчужденія заложенныхъ земель. Если и признано возможнымъ предоставить Крестьянскому банку прибѣгать, подобно частнымъ банкамъ, къ назначенію земель неисправныхъ заемщиковъ въ продажу, то при этомъ имѣлось въ виду: 1) что продажа можетъ быть исполнена «безъ опасенія обезземелить заемщиковъ, такъ какъ они, продолжая числиться въ сельскомъ обществѣ, къ составу котораго принадлежали, возвратятся, какъ члены общины, къ надѣльной землѣ и лишатся только вновь пріобрѣтенной ими при содѣйствіи банка» (стр. 32), 2) что «случаи подобной продажи едва ли будутъ повторяться часто при извѣстной привязанности нашихъ крестьянъ къ землѣ, особенно пріобрѣтаемой ими по собственному почину и выбору, съ затратою на это нѣкоторой части своихъ средствъ и при невозможности для нихъ на ограниченную сумму ссуды изъ банка, назначаемой на каждое лицо, пріобрѣсти ее въ количествѣ, значительно превышающемъ то пространство, которое они въ состояніи обработать личнымъ трудомъ» (стр. 33). Притомъ государственный совѣтъ предусматривалъ возможность и послѣ перехода земли неисправныхъ заемщиковъ въ собственность банка «войти въ разсмо-

треніе причинъ, доведшихъ заемщика до подобнаго положенія», дабы, въ случаѣ надобности, возвратить землю владѣвшему ею сельскому обществу или крестьянину» (стр. 33). Даже и при дѣйствіи положенія 1882 г. продажа купленной съ содѣйствіемъ банка земли не представляется неизбѣжной. Высказываясь противъ предоставленія административной власти общаго полномочія принимать, въ случаѣ накопленія недоимокъ на заемщикахъ Крестьянскаго банка, мѣры, опредѣленныя для взысканія казенныхъ платежей, государственный совѣтъ въ журналѣ 30 мая 1889 г. указалъ на возможность принятія, въ случаѣ надобности, взамѣнъ продажи земли иныхъ мѣръ взысканія: «если бы,—говоритъ государственный совѣтъ,—на практикѣ встрѣтились особо уважительные случаи, въ коихъ, за невозможностью прибѣгнуть къ продажѣ земли неисправныхъ заемщиковъ, пришлось бы обратиться къ другимъ мѣрамъ побужденія плательщиковъ, то отъ министра финансовъ зависитъ испрашивать, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Высочайшее на то соизволеніе черезъ комитетъ министровъ».

Если представляется возможнымъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ замѣнять продажу заложенной земли другими, менѣе разорительными для заемщиковъ способами взысканія платежей, то, очевидно, не можетъ быть непреодолимыхъ препятствій къ тому, чтобы, въ противоположность существующему порядку, другіе способы взысканія сдѣлать мѣрою общею, а продажу земли — чрезвычайною, исключительною. А такъ какъ именно въ неизбѣжности продажи заложенной, нерѣдко необходимой заемщикамъ, земли было усмотрѣно главное препятствіе къ предоставленію Крестьянскому банку участія въ поземельномъ устройствѣ крестьянъ, то съ отмѣною продажи земель и примѣненіемъ другихъ способовъ взысканія, не останется и этого главнаго препятствія. Такимъ образомъ желательно, чтобы были устранены не тѣ операціи банка, которыя несогласны съ дѣятельностью его «на началахъ частнаго кредитнаго установленія», а, напротивъ, тѣ особенности его организаціи, которыя приближаютъ его къ типу учрежденій «частныхъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что поземельное устройство крестьянъ не можетъ входить въ кругъ непосредственныхъ задачъ Крестьянскаго банка въ томъ смыслѣ, что ему не можетъ быть предоставлена иниціатива въ дѣлѣ, порученномъ вѣдѣнію другого вѣвомства [1]); но, съ

[1]) По мнѣнію большинства членовъ соединеннаго присутствія государственнаго совѣта, высказанному при обсужденіи проекта крестьянскаго банка, было бы ошибочно предполагать, что крестьянскій поземельный банкъ учреждается для устраненія у насъ малоземелья въ средѣ крестьянъ. Цѣль эта отнюдь не можетъ быть

другой стороны, слѣдуетъ признать, что кредитъ, открываемый Крестьянскимъ банкомъ, можетъ служить весьма существеннымъ вспомогательнымъ средствомъ для осуществленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ его важной задачи. Государственный совѣтъ предусматриваетъ, что «министерство внутреннихъ дѣлъ, конечно, озаботится и облегченіемъ сельскимъ обществамъ пріобрѣтенія отъ частныхъ лицъ, на льготныхъ основаніяхъ, необходимыхъ участковъ земли, гдѣ къ тому представится возможность», а эта цѣль съ наибольшимъ удобствомъ будетъ достигаться, когда на помощь министерству внутреннихъ дѣлъ въ такихъ случаяхъ придетъ учрежденіе, предназначенное именно для содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земли. Посредствомъ выдачи этимъ банкомъ ссудъ возможно достигнуть между прочимъ осуществленія задачи, которая предусматривалась въ представленіи 14 декабря 1881 г.,—«дать удовлетворительный исходъ для тѣхъ случаевъ, когда помѣщики, отпустившіе своихъ крестьянъ на даровой надѣлъ, изъявятъ желаніе продать крестьянамъ участки земли на необременительныхъ для покупщиковъ условіяхъ». Случаи такого рода встрѣчались въ практикѣ Крестьянскаго банка (такъ, напр., Д. Ѳ. Самаринъ продалъ въ Самарской губ. землю получившимъ даровой надѣлъ крестьянамъ за цѣну, установленную положеніемъ о выкупѣ) и могли осуществиться только потому, что банкъ имѣетъ право выдавать ссуды на покупку цѣлыми обществами земли, нужной для довершенія ихъ поземельнаго устройства.

Практика показываетъ также, что въ рукахъ сельскихъ обществъ покупка земли съ содѣйствіемъ банка можетъ служить важнымъ средствомъ для правильной организаціи переселеній. Такъ въ 1890 г. астраханское сельское общество Бердянскаго уѣзда Таврической губ. пріобрѣло покупкою 10.000 дес. земли въ Оренбургской губерніи съ цѣлью выселенія на эту землю части своихъ односельцевъ, при чемъ затратило на покупку значительную сумму мірскихъ денегъ, полученную съ образованной изъ надѣльной земли оброчной статьи, которую затѣмъ общество съ Высочайшаго соизволенія представило въ обезпеченіе исправнаго поступленія платежей Крестьянскому банку по выданной имъ ссудѣ, обязавшись сверхъ того оказывать различныя пособія и льготы тѣмъ изъ односельцевъ, которые переселятся на вновь купленную землю.

Въ виду всего сказаннаго казалось бы необходимымъ поставить дѣятельность Крестьянскаго банка въ такія условія, чтобы она воз-

---

достигнута путемъ какого бы то ни было кредитнаго учрежденія, такъ какъ для того потребовались бы совершенно другія мѣры, выходящія за предѣлы разсматриваемаго нынѣ вопроса (Журналъ, стр. 27).

можно успѣшно содѣйствовала поземельному устройству сельскаго населенія.

Что въ этомъ ощущается дѣйствительная надобность, видно изъ слѣдующаго. По словамъ извѣстнаго автора книги «Неурожай и народное бѣдствіе», «если въ общемъ о крестьянскомъ малоземеліи, т.-е. о такой ограниченности крестьянскаго землевладѣнія, которая дѣлала бы невозможнымъ веденіе хозяйства, не можетъ быть и рѣчи, то *нельзя не признать его существованія въ отдѣльныхъ случаяхъ*, именно тамъ, гдѣ крестьяне сидятъ на такъ называемомъ *даровомъ или четвертномъ надѣлѣ*. Такой надѣлъ въ дѣйствительности обусловливаетъ для нихъ (крестьянъ) почти полную невозможность сколько-нибудь правильной хозяйственной дѣятельности на ихъ собственной землѣ и ни при какихъ условіяхъ не обезпечиваетъ ихъ существованіе». Хотя общее число крестьянъ, перешедшихъ на даровой надѣлъ, составляетъ около 9% всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ 37 губерніяхъ, на которыя было распространено Общее положеніе 19 февраля 1861 г., однако въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, особенно въ черноземныхъ, процентъ ихъ весьма значителенъ: въ Оренбургской губ. крестьяне, пріобрѣвшіе надѣлъ безъ содѣйствія правительства, составляетъ 74,9%, въ Уфимской 45%, въ Самарской 40,6%, Тульской 35,1, въ Саратовской 34,9% и т. д.» (стр. 109 и сл.). Такъ какъ «по отношенію къ названной категоріи крестьянъ малоземелье, несомнѣнно, существуетъ», притомъ какъ фактъ, «угрожающій благосостоянію не только этихъ самыхъ крестьянъ, но и всѣхъ остальныхъ, потому что чѣмъ ихъ больше въ данной мѣстности, тѣмъ ниже стоятъ цѣны на трудъ и тѣмъ выше арендныя цѣны за землю для всѣхъ крестьянъ» (стр. 111), то ясно, что вопросъ о поземельномъ устройствѣ этого, несомнѣнно, малоземельнаго населенія посредствомъ переселенія, а также посредствомъ прикупки земли къ надѣламъ долженъ скоро стать на очередь. Нужно ли доказывать, что Крестьянскій банкъ можетъ оказать въ этомъ дѣлѣ важную услугу.

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ многочисленные переселенцы, поселившіеся на арендуемыхъ земляхъ въ многоземельныхъ губерніяхъ. Въ Оренбургской г., наприм., такихъ переселенцевъ, жившихъ отдѣльными хуторами, насчитывалось въ 1889 году—9.217 дворовъ съ 59.992 душами, въ числѣ коихъ было: крестьянъ другихъ губерній, еще не перечислившихся, 37.219, безземельныхъ крестьянъ, перечислившихся въ Оренбургскую губ. для одного счета, 3.829, отставныхъ солдатъ — 2.713, мѣщанъ — 14.469; остальные 1.762 принадлежали къ числу крестьянъ, получившихъ надѣлы въ Оренбургской

губ. [1]). Въ Уфимской губ., по свѣдѣніямъ 1890 г., насчитывалось поселковъ, живущихъ на землѣ, закупленной съ разсрочкою платежа, 11 съ 910 душ. м. п., на арендованной у частныхъ владѣльцевъ и башкиръ—232 съ 1.6153 д. м. п. и такихъ, коихъ права не опредѣлены—35 съ 1.996 душ. м. п. По словамъ предсѣдателя уфимскаго отдѣленія крестьянскаго банка, число недавнихъ переселенцевъ, проживающихъ въ Уфимской губ., можетъ быть принято по крайней мѣрѣ въ 100.000 душъ обоего пола. «Вся эта масса переселенцевъ явилась въ губернію съ конечной цѣлью пріобрѣсть въ собственность большій или меньшій участокъ земли.... Мирясь временно съ необходимостью, по тѣмъ или другимъ причинамъ жить на арендованной землѣ, переселенцы въ концѣ-концовъ стремятся всѣми силами стать не только земледѣльцами, но и землевладѣльцами. Какъ бы ни было хорошо въ данный моментъ ихъ положеніе, какъ арендаторовъ, они понимаютъ всю непрочность его» [2]).

Съ другой стороны, нерѣдко крестьяне, и достаточно надѣленные, не могутъ извлекать изъ своихъ надѣловъ всей хозяйственной пользы вслѣдствіе неудобствъ ихъ расположенія, затрудняющихъ примѣненіе правильныхъ сельскохозяйственныхъ пріемовъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, напр., который «изъ числа уѣздовъ Курской губерніи отличается выгоднымъ для крестьянъ расположеніемъ ихъ угодій», въ 52 изъ 220 общинъ (въ 25%) «поля отличаются недостатками, сильно затрудняющими вывозку навоза (они неровны, бугристы, съ глубокими оврагами, расположены на горѣ, тогда какъ усадьбы подъ горою, отдѣлены отъ усадьбы покосомъ, рѣкою и т. д.)»; въ Тимскомъ уѣздѣ въ 42 общинахъ изъ 287 (15%) крестьяне получили надѣлы въ 2—7 мѣстахъ, и ихъ поля не примыкаютъ къ усадьбамъ; въ десяти въ такомъ положеніи находится часть полей; въ томъ и другомъ случаѣ крестьяне не могутъ совершенно свободно распоряжаться пашней, гонять на нее скотъ и т. д. Въ Путивльскомъ уѣздѣ получило пахатную землю въ нѣсколькихъ мѣстахъ 105 общинъ (изъ 458); у нѣкоторыхъ изъ нихъ пашня состоитъ изъ 100 кусковъ и болѣе. Въ Цивильскомъ уѣздѣ Казанской губ. въ одномъ участкѣ получены надѣлы менѣе чѣмъ одной третью общинъ, у остальныхъ онъ находится въ 2—3 мѣстахъ и болѣе. Въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губ., у большинства общинъ, особенно собственниковъ, надѣлы распадаются на нѣсколько особняковъ, раздѣленныхъ овра-

---

[1]) Переселенцы въ Оренбургской губ. (Замѣтка д. ч. К. Е. Сувчинскаго). Печатано по опредѣл. оренбургскаго губ. стат. комит. Оренб. 1889.

[2]) Матеріалы по вопросу о пересмотрѣ полож. о кр. поз. банкѣ. III. Записка А. С. Семеновскаго.

гами, водомоинами или расположенныхъ черезполосно, часто съ 2—3 владѣльцами. «Вытекающія отсюда неудобства заключаются въ невозможности дальніе участки удобрять и обрабатывать какъ слѣдуетъ, въ необходимости деньгами или трудомъ покупать у частныхъ владѣльцевъ право проѣзда или прогона скота на свои земли, расположенныя за ихъ угодьями; иногда водить скотъ на пастьбу приходится въ рукахъ—такъ велика возможность потравъ, и т. д.» [1]). Очевидны неудобства, вытекающія изъ такого положенія; очевидно также, что исправленіе необходимо и что во многихъ случаяхъ,—если не всегда,—оно можетъ быть достигнуто съ помощью одного только средства—покупки чужой земли, врѣзающейся въ надѣлъ, а это, при неимѣніи у крестьянъ наличныхъ денегъ всего удобнѣе можетъ быть осуществлено при содѣйствіи Крестьянскаго банка.

XII.

Девятилѣтняя практика банка,—хотя результаты ея и могутъ быть признаны «неудовлетворительными и во всякомъ случаѣ незначительными» (зап., стр. 2)—имѣетъ однако то важное значеніе, что ею въ достаточной степени выяснено, какіе слои сельскаго населенія наиболѣе нуждаются въ помощи поземельнаго кредита и какія потребности могутъ быть удовлетворяемы этимъ кредитомъ. Къ сожалѣнію, подробныя статистическія данныя по операціямъ банка не разработаны; однако и изъ тѣхъ немногихъ, сравнительно, свѣдѣній, которыя опубликованы въ отчетахъ банка (особенно за первые годы, по 1889), можно извлечь полезныя указанія.

Въ журналѣ государственнаго совѣта 30 мая 1889 г. указано, что въ операціяхъ банка «получила значительное развитіе выдача ссудъ сельскимъ обществамъ, скудно надѣленнымъ землей по положенію 19 февраля 1861 года, или членамъ такихъ обществъ, образующимъ обширныя товарищества для переселенія въ многоземельныя губерніи». И въ самомъ дѣлѣ, какъ указано уже выше, дѣятельность банка, съ самаго начала и до послѣдняго времени вращалась преимущественно въ тѣхъ предѣлахъ, которые намѣчались первоначально проектомъ: крестьяне без- и малоземельные, т. е. такіе, надѣлы которыхъ не достигаютъ установленныхъ закономъ размѣровъ, сдѣлались главными, по числу, кліентами банка. Въ теченіе семи лѣтъ—1885—1891 (за 1883 и 1884 гг. свѣдѣнія не полны), изъ 69,5521 душъ, воспользовавшихся ссудами (за исключеніемъ губерній Царства Польскаго), было:

---

[1]) В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. СПБ. 1892. Стр. 139 и слѣд.

беземельныхъ и имѣвшихъ до $1^1/_2$ дес.	230.778	или	33,1%
имѣвшихъ отъ $1^1/_2$ до 3 дес.	275.716	„	39,6 „
„ болѣе 3 дес.	189.026	„	27,1 „

Даже въ послѣдніе два года—1890 и 1891,—когда со стороны банка оказывалось явное предпочтеніе покупкамъ, совершаемымъ наиболѣе состоятельною частью сельскаго населенія, малоземельные крестьяне продолжаютъ преобладать среди заемщиковъ банка. За оба періода—1885—89 гг. и 1890—91 г.—заемщики, по размѣру землевладѣнія, распредѣлялись такимъ образомъ въ процентномъ отношеніи:

	1885—89	1890—91
безземельные и им. до $1^1/_2$ дес.	34,4	28,1
имѣвшіе $1^1/_2$ до 3 дес.	37,9	46,0
„ болѣе 3 „	27,6	25,7

Формы покупокъ находились въ прямой зависимости отъ обычныхъ въ каждой мѣстности формъ землевладѣнія. Такъ въ мѣстностяхъ съ господствующимъ общиннымъ землевладѣніемъ главными кліентами банка являлись въ первые годы сельскія общества и мало отъ нихъ отличныя по существу товарищества. Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ требованія циркуляра 27 октября 1890 г.—число общественныхъ покупокъ уменьшилось, хотя и не очень значительно. По 22 губерніямъ съ преобладающимъ общиннымъ землевладѣніемъ, общественныя покупки, по отношенію къ общему числу покупокъ, составляли: за 6 лѣтъ 1884—89—48,5% (1.271 на 2.621), а за 2 года—1890—91—43% (368 на 854), за всѣ же 8 лѣтъ—47,1% (1.639 на 3.475). Число одиночныхъ покупокъ, напротивъ, было ничтожно: въ первомъ періодѣ онѣ составляли 6,5% (всего 171), во второмъ—9,4% (81) [1].

---

[1]) За все время дѣйствія Положенія 1882 г., по 1 янв. 1896 г., на 100 совершенныхъ сдѣлокъ приходилось по губерніямъ:

а) *съ преобладающимъ общиннымъ владѣніемъ:*

	обществ.	товар.	одиночн.
центр. земледѣльч.	43,6	49,5	6,9
„ промышл.	42,7	52,0	5,3
сѣв.-запад. пріозерн.	34,1	46,5	19,4
сѣв.-восточныхъ	3,2	96,8	—
новороссійскихъ	34,8	58,8	6,4
восточныхъ	31,8	50,9	17,3
юго-восточныхъ	24,3	73,8	1,9

б) *съ преобладающимъ подворнымъ владѣніемъ:*

литовскихъ	1,9	43,1	55,0
бѣлорусскихъ	22,3	55,8	21,9

Разсматривая расположеніе купленныхъ земель относительно надѣловъ и мѣста жительства покупщиковъ, замѣчаемъ, что обществами пріобрѣтаются главнымъ образомъ земли смежныя или лежащія вблизи надѣловъ. Такъ, по свѣдѣніямъ за 1884—88 гг. (за послѣдніе три года въ отчетахъ банка такихъ свѣдѣній не приведено), земли, пріобрѣтенныя съ содѣйствіемъ Крестьянскаго банка, по мѣсту нахожденія распредѣляются такъ:

	всѣ покупки		общественныя	
смежно	772.152 или	63,1%	497.296 или	84,8%
до 1 версты . . .	63.694 „	5,1 „	26.898 „	4,5 „
отъ 1 до 3 в. . .	65.773 „	5,2 „	25.156 „	4,2 „
„ 3 „ 10 „ . .	69.222 „	5,7 „	16.810 „	3,0 „
далѣе 10 вер. . .	262.839 „	20,9 „	21.193 „	3,4 „

Такимъ образомъ только 6% земли, купленной обществами, находится далѣе 3 верстъ отъ общественныхъ надѣловъ, что и вполнѣ понятно, ибо, какъ указано въ отчетѣ за 1890 г. (стр. 8), покупка отрѣзныхъ земель совершается преимущественно обществами, но разъ совершается «покупка какихъ-либо отдѣльныхъ участковъ, то таковая преимущественно является покупкой товариществъ или отдѣльныхъ крестьянъ». Вдали отъ своихъ поселеній общества покупаютъ землю лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такой случай приведенъ выше (стр. 9, примѣч.). Все это вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что если старанія банка съ самаго начала направились на оказаніе помощи мало- и безземельному населенію, и притомъ преимущественно въ составѣ цѣлыхъ обществъ, то это произошло подъ вліяніемъ дѣйствительной потребности, подъ давленіемъ жизни и экономическихъ и бытовыхъ условій. Покупки обществами совершались потому, что для большинства русскаго крестьянства (72,4% бывшихъ владѣльческихъ и 79,1% бывшихъ государственныхъ крестьянъ) община составляетъ излюбленную, привычную форму владѣнія землею: даже объяснительная записка къ проекту устава признаетъ, что «община нынѣ еще настолько устойчива и съ нею до такой степени связанъ весь бытовой

малороссійскихъ	4,3	61,3	34,4
юго-западныхъ.	7,0	78,2	14,8

Въ губерніяхъ первой группы, на долю которыхъ приходится около $^3/_4$ общественныхъ покупокъ (2.351 изъ 3.200), эти послѣднія составляютъ 38,4% общаго числа покупокъ. Число одиночныхъ покупокъ, совершенныхъ отдѣльными крестьянами, за 13 лѣтъ составило всего $^1/_5$ общаго числа состоявшихся съ содѣйствіемъ банка покупокъ, при чемъ въ губерніяхъ съ преобладающимъ общиннымъ землевладѣніемъ онѣ составили всего 9,8% сдѣлокъ. Отчетъ крест. поз. банка за 1896 г., стр. 71—72.

и даже гражданскій строй громадной части крестьянскаго населенія, что какія-либо прямыя и рѣзкія мѣры къ ея упраздненію не могутъ быть признаны своевременными» (стр. 10). За неимѣніемъ другихъ способовъ удовлетворенія нужды въ землѣ всѣ эти мало- и беззе-мельные крестьяне, въ составѣ сельскихъ обществъ или ищущихъ простора на чужбинѣ переселенческихъ товариществъ, стали обращаться за помощь къ крестьянскому поземельному банку.

Впослѣдствіи, вѣроятно вслѣдствіе перемѣны въ направленіи дѣятельности послѣдняго, создались новые пути для удовлетворенія крестьянской нужды въ земельномъ кредитѣ: по свидѣтельству объяснительной записки къ проекту устава (стр. 2), «благодаря конкурирующей съ Крестьянскимъ банкомъ дѣятельности частныхъ земельныхъ банковъ, во многихъ мѣстностяхъ въ руки крестьянъ переходитъ при участіи сихъ банковъ количество земли, въ нѣсколько разъ превышающее размѣръ пріобрѣтеній, совершаемыхъ при содѣйствіи крестьянскаго банка»; но такое новое явленіе едва ли разрѣшаетъ вопросъ, имѣющій государственное значеніе. Если, какъ признано, даже правительственное учрежденіе, дѣйствуя на началахъ установленія частнаго, не можетъ задаваться содѣйствіемъ поземельному устройству крестьянъ, то тѣмъ менѣе такая задача можетъ входить въ кругъ дѣйствій учрежденій, созданныхъ частною инициативою, на частныя средства и для достиженія частныхъ цѣлей. Все то, что было высказано въ 1881 году въ представленіи трехъ министровъ по вопросу о невозможности поручить дѣло мелкаго поземельнаго кредита частнымъ банкамъ, сохраняетъ свое значеніе и въ настоящее время.

Сообщаемый въ объяснительной запискѣ фактъ успѣшнаго вторженія частныхъ банковъ въ область дѣятельности Крестьянскаго банка наводитъ на размышленіе, указывая на ненормальность въ ходѣ дѣлъ этого правительственнаго установленія. Бороться съ нимъ акціонерные банки могли между прочимъ потому, что въ послѣднее время оно стало терять въ народѣ прежнюю симпатію. Такъ, въ Екатеринославской губерніи, по словамъ мѣстнаго отдѣленія банка «потребуется извѣстный промежутокъ времени, пока возстановится соотвѣтсвующее назначенію банка довѣріе къ нему крестьянъ».

Руководствуясь указаніями опыта и принимая во вниманіе, что нужда крестьянъ въ пріобрѣтеніи земли не подлежитъ сомнѣнію; что сельскія общества весьма часто крайне нуждаются въ прикупкѣ земли къ своимъ надѣламъ, особенно такъ называемыхъ отрѣзныхъ земель; что въ полосѣ общиннаго землевладѣнія, т.-е. въ большей части Европейской Россіи, единственнымъ средствомъ содѣйствія

малоземельнымъ и малоимущимъ крестьянамъ въ расширеніи ихъ землевладѣнія можетъ быть помощь на покупку земли цѣлымъ сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ, входящимъ въ составъ ихъ поселеніямъ, ибо только круговая порука можетъ открыть доступъ къ пользованію кредитомъ и такимъ лицамъ, которыя безъ нея не обладаютъ кредитоспособностью,—мы полагаемъ, что задачею Крестьянскаго поземельнаго банка должно и впредь служить *содѣйствіе поземельному устройству* крестьянъ, т.-е. оказаніе крестьянамъ помощи для покупки земель, имѣющихъ для нихъ значеніе *надѣла* (каковы, напр., участки, пріобрѣтаемые для соединенія частей надѣла, пополненія послѣдняго недостающими угодьями, доведенія размѣра его до установленной нормы необходимаго округленія, и т. п.), а также помощь безземельнымъ въ устройствѣ осѣдлости и хозяйства на купленной землѣ какъ въ мѣстахъ приписки, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. При этомъ желательно, чтобы въ отношеніи взысканія платежей по ссудамъ банкъ дѣйствовалъ на началахъ, установленныхъ положеніемъ о выкупѣ, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя обусловливаются добровольностью покупокъ.

Примѣчаніе. Упомянутый здѣсь проектъ устава Крестьянскаго банка подвергался разсмотрѣнію въ нѣсколькихъ комиссіяхъ, и наконецъ оставленъ безъ послѣдствій. Вмѣсто него выработанъ новый, который и получилъ силу закона 27 ноября 1895 г.

В. Скалонъ.

Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи.

Россія — страна не только мелкой собственности, но и мелкой аренды. Въ самыхъ разнообразныхъ формахъ она распространена во всѣхъ районахъ нашего отечества, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ русской экономической жизни. Въ виду этого при изслѣдованіи нуждъ сельскохозяйственной промышленности нельзя обойти арендняго вопроса.

Предлагаемая статья представляетъ опытъ характеристики наиболѣе распространенныхъ видовъ внѣнадѣльной аренды въ коренной или, точнѣе, земской Россіи. Особыя формы арендованія земель, существующія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нашей страны, особенно на окраинахъ, остались внѣ предѣловъ этой работы.

I.

Распространеніе аренды въ земскихъ губерніяхъ Россіи.

Главными съемщиками у насъ являются крестьяне. Весьма значительное число ихъ, хотя и владѣетъ собственной землей на общинномъ или подворномъ правѣ, тѣмъ не менѣе прибѣгаетъ къ арендѣ частновладѣльческихъ и государственныхъ земель, большая часть которыхъ всегда находится въ арендномъ пользованіи у крестьянъ.

Внѣнадѣльныя аренды составляютъ необходимую принадлежность весьма многихъ крестьянскихъ хозяйствъ и распространены въ большей или меньшей степени по всей Россіи. Распространеніе ихъ зависитъ отъ комбинаціи разнообразныхъ условій, частью лежащихъ внѣ крестьянскаго хозяйства, частью же коренящихся въ немъ самомъ. Комбинаціи эти весьма различны, такъ что, съ одной стороны, губерніи и уѣзды, смежные между собой, существенно отличаются другъ отъ друга по степени распространенія арендъ, а съ другой—губерніи и уѣзды, находящіеся въ противоположныхъ кон-

цахъ нашего отечества, являются весьма близкими въ разсматриваемомъ отношенiи. Но при большомъ несходствѣ отдѣльныхъ районовъ относительно развитiя аренды, замѣчается однообразiе чертъ, характеризующихъ аренду въ разныхъ мѣстностяхъ, по крайней мѣрѣ въ земской Россiи. Это обстоятельство обнаруживается при сопоставленiи данныхъ, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ нашей страны, какъ это сдѣлано въ настоящей статьѣ. Оказывается, что районы, весьма различные по условiямъ земледѣлiя, экономическому положенiю и нравамъ населенiя, представляютъ близкую аналогiю по характеру существующихъ въ нихъ арендныхъ отношенiй. На этомъ основанiи, при невозможности произвести сплошное изслѣдованiе аренды на всемъ протяженiи Россiи, все же представляется возможнымъ выяснить условiя, характеръ и экономическое значенiе русскихъ арендъ по даннымъ, относящимся къ отдѣльнымъ районамъ нашего отечества. Предварительно однако необходимо остановиться на свойствахъ матерiала, который можетъ быть привлеченъ для указанной цѣли.

Свѣдѣнiя о крестьянскихъ внѣнадѣльныхъ арендахъ по Европейской Россiи, какъ извѣстно, были собраны центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1881 г. при помощи разсылки опросныхъ бланковъ въ волостныя правленiя, частнымъ владѣльцамъ и арендаторамъ. Получить свѣдѣнiя о всѣхъ случаяхъ аренды, и особенно о мелкихъ съемщикахъ, оказалось, конечно, невозможнымъ, что въ огромной степени уменьшило размѣры изслѣдуемаго явленiя.

Произведенныя, главнымъ образомъ въ 80-хъ гг., земскiя подворныя изслѣдованiя показали неточность данныхъ центральнаго статистическаго комитета и впервые дали болѣе или менѣе полный матерiалъ по вопросу объ арендахъ. Правда, этотъ матерiалъ собирался въ теченiе 2-хъ десятилѣтiй и не охватываетъ и половины уѣздовъ земскихъ губернiй; при этомъ собиранiе его производилось по разнымъ программамъ, въ которыхъ вопросу объ арендѣ не всегда отводилось должное мѣсто; тѣмъ не менѣе, собранный на мѣстѣ, путемъ непосредственнаго ознакомленiя съ изслѣдуемымъ явленiемъ, и поставленный въ связь съ другими экономическими факторами, матерiалъ этотъ представляетъ цѣнный источникъ свѣдѣнiй объ арендѣ земли въ Россiи.

Въ самое послѣднее время комиссiей для изслѣдованiя экономическаго положенiя средней черноземной полосы Европейской Россiи разработаны свѣдѣнiя объ арендахъ, полученныя отъ волостныхъ правленiй и относящiяся къ 1901 году; но дѣлать сравненiе этихъ данныхъ съ земскими едва ли возможно, такъ какъ комиссiя, сколько

извѣстно, задавалась цѣлью выяснить лишь условія аренды, а не опредѣлять общее число случаевъ ея и количество заарендованныхъ десятинъ. Соотвѣтственно этому волостнымъ правленіямъ было предложено доставить свѣдѣнія только о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ условія аренды были точно извѣстны. Такіе случаи, какъ видно изъ нижеприводимыхъ данныхъ, составляютъ лишь очень небольшую часть общаго числа случаевъ аренды, зарегистрованныхъ земскими изслѣдованіями.

	Площадь арендуемой земли по земскимъ даннымъ 80-хъ годовъ.	Арендная площадь, къ которой относятся сообщенія волостн. правленія 1901 года.
	Въ тысячахъ десятинъ.	
Губерніи черноземной полосы:		
I. Центральныя земледѣльч.		
1. Курская	398	116
2. Рязанская	294	88
3. Тамбовская	557	159
4. Воронежская	577	166
5. Орловская	255 (по 9 уѣзд.)	70 (по всѣмъ 12 у.)
II. Волжскія.		
1. Саратовская	896	492
2. Казанская	316	45
3. Самарская	1.995	631
III. Новорос. и Малорос.		
1. Таврическая	511 (пахат.)	337
2. Полтавская	801 (надѣл. и внѣнад.)	162
Губерніи нечерноземной полосы:		
1. Тверская	502	43
2. Московская (по посл. переп.)	145 (по 5 уѣзд.)	76 (по губ., 13 у.)
3. Вятская	173	60

Сравненіе данныхъ центральнаго статистическаго комитета съ земскими также показываетъ, что свѣдѣнія комитета чрезвычайно преуменьшены.

Арендовано крестьянами десят. земли въ 50 губ. Европейской Россіи.

По даннымъ цантр. стат. комит. — 11.046 тыс. дес. (Сводъ стат. мат., касающ. экон. пол. сельск. нас. стр. 30, табл. III.)

По земскимъ даннымъ по 183 уѣзд.—10.163 тыс. дес.

По приблиз. расчету по 50 губ.—49.800 тыс. дес. (проф. Карышевъ).

Крайнее различіе приведенныхъ показаній дѣлаетъ невозможнымъ совмѣстное пользованіе ими; поэтому, въ виду несомнѣнныхъ преимуществъ земскаго матеріала, приходится основывать дальнѣйшее изложеніе исключительно на немъ.

Прилагаемыя при семъ таблицы распространенія внѣнадѣльныхъ арендъ составлены по даннымъ земской статистики и охватываютъ 189 уѣздовъ. (Прил. I.) При этомъ свѣдѣнія, приведенныя въ книгѣ проф. Карышева, дополнены по тѣмъ уѣздамъ, по которымъ были произведены земствами изслѣдованія въ позднѣйшее время [1]). Такихъ уѣздовъ 54, не считая 5-ти уѣздовъ Московской губ., по которымъ данныя извлечены для настоящей работы изъ матеріаловъ послѣдней земской переписи.

Распространенность арендъ изслѣдовалась по двумъ признакамъ: по количеству арендующихъ дворовъ и по количеству арендуемой земли. Впрочемъ, оба эти признака не всегда встрѣчаются въ матеріалахъ, и тогда приходилось довольствоваться какимъ-либо однимъ изъ нихъ.

Въ 163 уѣздахъ, для которыхъ имѣются данныя о количествѣ арендующихъ дворовъ, насчитывается ихъ около $1^1/_2$ милліоновъ (1.526.597), что составитъ около 37% наличнаго числа дворовъ. Въ 183 уѣздахъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, количество арендуемой крестьянами земли достигаетъ 10 милл. дес. или около 20% надѣльной площади [2]).

При характеристикѣ отдѣльныхъ уѣздовъ и губерній черноземной и нечерноземной полосъ примѣнено географическое дѣленіе на районы.

I. Черноземная полоса.

1) *Центрально-земледѣльческія* губерніи (Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская). Свѣдѣній не имѣется по Тульской губ. (за исключ. 1 уѣзд.) и по 3 уѣздамъ Орловской губ. Въ 60 уѣздахъ выше названныхъ губерній насчитывается до 442 тыс. дворовъ, арендующихъ 2.308 тыс. дес. земли. Наибольшее % отношеніе арендующихъ дворовъ къ наличнымъ приходится: по Орловской губ. въ Трубчевскомъ у. — 64%; по Курской губ. въ

---

1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣланы выборки изъ земскихъ матеріаловъ, приведенныхъ въ „Сводѣ статистич. матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи". Изданіе канцеляріи комитета министровъ.

2) Въ этотъ подсчетъ не вошла Московская губ.

Льговскомъ у. — 55%; по Тамбовской губ. въ Кирсановскомъ у. — 48%; по Воронежской губ. въ Бобровскомъ у.—42%; по Рязанской губ. въ Рязанскомъ у.—41%. Единственный изслѣдованный въ Тульской губ. Епифанскій у. даетъ 43% арендующихъ дворовъ.

Наименьшій процентъ арендующихъ дворовъ по губ. встрѣчается: по Орловской губ. въ Елецкомъ у.—27%; по Курской губ. въ Новооскольскомъ у.—около 24%; по Тамбовской губ. въ Липецкомъ у. — 21%; по Рязанской губ. въ Зарайскомъ у. — 15%; по Воронежской губ. въ Богучарскомъ у.—11%.

Процентное отношеніе количества арендуемой земли къ надѣльной колеблется въ предѣлахъ:

по Воронежской	губ.	отъ	6%	(Нижнедѣвиц.)	до	31%	(Бирюченск.)
„ Курской	„	„	5,9	(Обоянскій)	„	29,8	(Путивльск.)
„ Тамбовской	„	„	8,2	(Спасскій)	„	29,7	(Кирсановск.)
„ Рязанской	„	„	9,3	(Спасскій)	„	24,7	(Михайловск.)
„ Орловской	„	„	10,5	(Елецкій)	„	28,6	(Карачевск.)

Въ Епифанскомъ у. *Тульской* губ. арендуемая земля составляетъ 23,4% надѣльной.

2) По *средне-волжскому* району имѣются свѣдѣнія по Саратовской, Казанской (только количество арендованной земли) и по 4 уѣздамъ Нижегородской губ.

По Саратовской губ. % отношеніе арендующихъ дворовъ колеблется отъ 65,8 (Сердобскій у.) до 35,7 (Хвалынскій у.); отношеніе арендуемой земли къ надѣльной—отъ 7% (Хвалынскій) до 74% (по Саратовскому). По Нижегородской губ. арендующіе дворы составляютъ отъ 18% (Горбатовскій) до 36% (Княгининскій) общаго числа и арендуемая земля—отъ 4,1% (Макарьевскій) до 17,8% (Княгининскій). По Казанской губ. арендуемая земля составляетъ отъ 0,5% (Козьмодемьянскій) до 33,8% (Лаишевскій) надѣльной.

3) Изъ *нижне-волжскихъ* губ. имѣются свѣдѣнія по Самарской губ. Отношеніе арендующихъ дворовъ наибольшее—63,5% (Самарскій у.) и наименьшее 14,7% (Новоузенскій у.). Арендуемая земля составляетъ относительно надѣльной отъ 12,8% (въ Бугульминскомъ у.) до 78,5 (въ Самарскомъ у.).

4) Изъ *новороссійскихъ* губерній изслѣдованы Таврическая, Херсонская, 5 уѣздовъ Екатеринославской губ. и 1 уѣздъ Бессарабской.

Въ Таврической губ. % отношеніе арендующихъ дворовъ поднимается до 75% (Перекопскій у.) и опускается до 9,4% Б(ердянскій у.). Наименьшее количество арендованной земли по отношенію къ на-

дѣльной приходится на Ялтинскій у.—2% и наибольшее на Евпаторійскій—412%, Перекопскій—390%, Ѳеодосійскій—336% и Симферопольскій—214%.

Въ Херсонской губерніи наибольшимъ % арендующихъ дворовъ отличается Ананьинскій уѣздъ — 67%; наименьшій приходится на Елисаветградскій у.—18%. Количество арендуемой земли въ уѣздахъ Ананьевскомъ и Одесскомъ достигаетъ 85% и 97% всей крестьянской (надѣльной и купленой); Екатеринославская губ. также отличается сильнымъ развитіемъ арендныхъ отношеній; число арендуемыхъ дворовъ не опускается ниже 30%, а количество арендованной земли ниже 24%, достигая 50 и даже 80%.

Въ Хотинскомъ уѣздѣ, Бессарабской губ., % отношеніе арендующихъ дворовъ 41,5, а арендованной земли къ надѣльной 15,8.

5) Изъ *малороссійскихъ* губ. наибольшее развитіе получили арендныя отношенія въ Полтавской губ., гдѣ арендуемая земля составляетъ отъ 30 до 43% всей крестьянской, а арендующіе дворы, отъ 39 до 70%. Въ 4 уѣздахъ Черниговской губ. отношеніе арендующихъ дворовъ колеблется отъ 40 до 59% общаго числа, а арендованная земля составляетъ 12—26% надѣльной. Въ 2 уѣздахъ Харьковской губ. арендующіе дворы составляютъ 6 и 20% и арендованная земля—6 и 7%.

II. Нечерноземная полоса.

1) *Промышленныя* губерніи. Въ Тверской губ. число арендующихъ дворовъ достигаетъ до 64% общаго числа (Зубцовскій у.). и не опускается ниже 35% (Осташковскій у.), а арендуемая земля составляетъ отъ 18,2 (Бѣжецкій) до 42% (Зубцовскій у.). Въ Мышкинскомъ у., Ярославской губ., арендуетъ внѣнадѣльную землю половина всѣхъ домохозяевъ, при чемъ арендная земля составляетъ около 20% надѣльной. Изъ 7 уѣздовъ Владимірской губ. наименьшій % арендующихъ дворовъ приходится на Владимірскій уѣздъ—15,8 наибольшій на Судогодскій—57,6, а арендуемая земля составляетъ отъ 4,6% до 17,7% надѣльной; по Калужской губ. арендующіе дворы составляютъ около 43%, а арендуемая земля 13,4% надѣльной.

Въ 5 уѣздахъ Московской губ. [1]) процентъ дворовъ, прибѣгаю-

[1]) Богородскій, Волоколамскій, Дмитровскій, Коломенскій и Рузскій. Матеріалы по этимъ 5 уѣздамъ, съ разрѣшенія завѣдующаго статист. бюро московск. губ. земства проф. Н. А. Каблукова, которому авторъ выражаетъ свою глубокую признательность, разработаны спеціально для настоящей работы. Соображенія, по которымъ были выбраны именно упомянутые уѣзды, изложены въ приложеніи IX.

щихъ къ единоличной арендѣ, по отношенію къ числу наличныхъ дворовъ колеблется между 23% (Богородскій у.) и 47% (Рузскій); по общественной арендѣ крайнія цифры составляютъ 21% (Богород. у.) и 72% (Волокол. у.); а арендуемая земля составляетъ по отношенію къ надѣльной отъ 12% (Богород. у.) до 39% (Рузскій).

2) Изъ *бѣлорусскихъ* губ. имѣются свѣдѣнія по 6 уѣздамъ Смоленской губ., въ которыхъ количество арендующихъ дворовъ не опускается ниже 50%, достигая въ Сычевскомъ уѣздѣ 85,6%, а количество арендуемой земли составляетъ отъ 22% до 49,5% надѣльной.

3) Изъ *пріозерныхъ* губерній, въ С.-Петербургской арендующіе дворы составляютъ 18—22% общаго числа, а арендованная земля отъ 4,8% до 57% надѣльной.

4) Вятская губ. (Пріуральскій край): арендующіе дворы составляютъ отъ 7,7% до 24,4% общаго числа, а арендованная земля не превышаетъ 2%.

II.

Формы внѣнадѣльной аренды.

Арендованіе земель крестьянами производится въ формѣ единоличной или коллективной, при чемъ послѣдняя выражается въ двухъ видахъ: аренды товарищеской и общественной. Разница между этими двумя видами весьма существенная.

Товарищескія отношенія, создаваемыя коллективною арендою, ограничиваются отвѣтственностью передъ сдатчикомъ и раздѣломъ арендованной земли. Указаній на совмѣстное хозяйство на арендованныхъ коллективно земляхъ не имѣется. Напротивъ, земля при этой формѣ аренды всегда раздѣляется между участниками и притомъ почти всегда—прямо или косвенно—по ихъ состоятельности; каждый товарищъ получаетъ количество земли, соотвѣтствующее числу взятыхъ имъ паевъ.

При общественной арендѣ земля дѣлится обыкновенно по количеству надѣльныхъ душъ, находящихся во владѣніи участника, и, слѣдовательно, тотъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ больше общинной земли, получаетъ больше и арендованной.

Всѣ указанныя формы пользуются болѣе или менѣе широкимъ распространеніемъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, при чемъ обще-

ственная аренда встрѣчается иногда, въ довольно значительныхъ размѣрахъ, и въ районахъ подворнаго землевладѣнія, напр., въ Полтавской губ.

Объ относительномъ значеніи единоличныхъ, товарищескихъ и общественныхъ арендъ въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Въ *Московской губ.* (5 уѣздовъ) по матеріаламъ послѣдней переписи представляется слѣдующая картина распредѣленія хозяйствъ и земли соотвѣтственно формамъ аренды.

Изъ этой таблицы видно, что общественная аренда по % дворовъ, прибѣгающихъ къ ней, преобладаетъ надъ арендой единоличной и товарищеской, вмѣстѣ взятыми, во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Богородскаго. При этомъ въ Рузскомъ и Волоколамскомъ уѣздахъ часть дворовъ одновременно прибѣгаетъ къ разнымъ формамъ аренды; на это указываетъ то, что при сложеніи % дворовъ, арендующихъ единолично или товариществами, съ % арендующихъ обществами, получается болѣе 100.

Если выдѣлить изъ приведенныхъ выше данныхъ товарищескую аренду, то окажется, что она распространена сравнительно довольно слабо.

Уѣзды:	Число случаевъ товарищ. аренды.	Число участниковъ.	% отношеніе участниковъ къ числу дворовъ, обрабатывающихъ землю.
Богородскій. . . .	126	915	4,4
Волоколамскій. . .	192	874	7,4
Коломенскій. . . .	104	488	4,2
Дмитровскій. . . .	376	1.229	8,9
Рузскій.	373	1.181	13,3

Распредѣленіе арендуемой земли между вышеуказанными формами аренды въ 5 уѣздахъ Московской губ. выясняется изъ слѣдующихъ данныхъ:

1. Сѣнокосъ.

Уѣзды:	Количество десятинъ, арендуемыхъ:			
	единолично.	товариществами.	Итого.	Обществами.
Богородскій. . . .	7.826,3	1.581,6	9.407,9	1.951,0
Волоколамскій. . .	4.402,3	1.707,0	6.109,3	10.670,1
Дмитровскій. . . .	7.521,9	2.822,5	10.344,4	5.665,5
Коломенскій. . . .	2.579,0	452,2	3.031,2	1.196,6
Рузскій.	6.211,3	2.590,6	8.801,9	5.239,0

Названіе уѣздовъ.	Число дворовъ.			Число дворовъ.		% дворовъ, арендующихъ единолично и товариществами.			% дворовъ, арендующихъ обществами.			% всѣхъ арендующихъ дворовъ.		
	Наличныхъ.	Обрабатыв. землю.	Обрабатыв. землю лично.	Арендующ. единолично и товарищ.	Арендующ. обществами.	Къ графѣ № 1.	Къ графѣ № 2.	Къ графѣ № 3.	Къ графѣ № 1.	Къ графѣ № 2.	Къ графѣ № 3.	Къ графѣ № 1.	Къ графѣ № 2.	Къ графѣ № 3.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Богородскій. .	24.400	20.699	13.909	5.538	5.078	23	27	39	21	24	36	44	51	75
Волоколамскій.	12.048	11.771	10.975	4.552	8.652	38	40	41	72	73	78	110	113	119
Дмитровскій. .	14.092	13.791	12.630	5.634	6.097	40	41	45	43	44	48	83	85	93
Коломенскій. .	12.587	11.590	7.305	2.990	4.112	24	26	41	32	35	56	56	61	97
Рузскій. . . .	9.145	8.816	8.552	4.269	5.996	47	48	50	65	68	70	112	116	120

2. Пашня.

Уѣзды:	Количество десятинъ, арендуемыхъ: единолично.	товариществами.	Итого.	Обществами.
Богородскій. . . .	104,8	—	104,8	377,2
Волоколамскій. . .	714,5	71,0	785,5	355,7
Дмитровскій. . . .	113,7	12,3	126,0	196,3
Коломенскій . . .	547,0	247,0	794,0	295,2
Рузскій.	58,0	41,0	99,0	204,0

Изъ этихъ данныхъ видно, что площадь единоличныхъ и товарищескихъ арендъ по отношенію къ сѣнокосамъ превышаетъ площадь общественной аренды по всѣмъ уѣздамъ, кромѣ одного Волоколамскаго, а по отношенію къ пашнѣ общественная аренда превышаетъ по площади единоличную и товарищескую въ 3 уѣздахъ и меньше ея въ двухъ. Здѣсь надо имѣть въ виду, что обществами арендуются еще смѣшанныя угодья, при чемъ часть ихъ составляютъ покосъ и пашня, такъ что число десятинъ общественной аренды должно нѣсколько увеличиться по сравненію съ приведенными въ таблицѣ цифрами. При единоличной и товарищеской арендѣ угодій смѣшаннаго вида почти нѣтъ.

Сопоставленіе всей площади, арендуемой подъ пашню и сѣнокосы, единолично и товариществами, съ одной стороны, и обществами — съ другой, показываетъ, что по всѣмъ уѣздамъ, за исключеніемъ

одного, обществами арендуется меньше пахатной земли и сѣнокосовъ, чѣмъ отдѣльными домохозяевами и товариществами.

Уѣзды.	Площадь арендуемая: единол. и товарищ. (въ десятинахъ).	обществами
Богородскій.	9.512,7	2.328,2
Волоколамскій. . . .	6.894,8	11.025,8
Дмитровскій.	10.470,4	5.861,8
Коломенскій.	3.825,2	1.491,8
Рузскій.	8.900,9	5.443

Если принять во вниманіе, что число дворовъ, прибѣгающихъ къ единоличной и товарищеской арендѣ, вообще меньше числа дворовъ, арендующихъ обществами, то нельзя не придти къ заключенію, что площадь арендуемой пахатной и сѣнокосной земли, приходящаяся въ среднемъ на хозяйство, во второмъ случаѣ должна быть ниже, чѣмъ въ первомъ, что и подтверждается слѣдующей таблицей:

1. Единоличная и товарищеская аренда пашни и сѣнокосовъ.

Уѣзды:	Число аренд. дворовъ.	Число аренд. десятинъ.	Въ среднемъ на одинъ дворъ.
Богородскій. . . .	5.538	9.512,7	1,7
Волоколамскій. . .	4.552	6.894,8	1,5
Дмитровскій. . . .	5.634	10.470,4	1,8
Коломенскій. . . .	2.990	3.825,2	1,3
Рузскій.	4.269	8.873,0	2,1

2. Общественная аренда.

Богородскій	5.078	2.328,2	0,4
Волоколамскій	8.652	11.025,8	1,2
Дмитровскій	6.097	5.861,8	0,9
Коломенскій	4.112	1.491,8	0,3
Рузскій	5.996	5.443,0	0,9

Такимъ образомъ, наиболѣе цѣнныя угодья—пашня и сѣнокосы, преимущественно попадаютъ въ пользованіе той части домохозяевъ, которая арендуетъ землю единолично и товариществами. Надо полагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, это относительно болѣе состоятельные элементы крестьянства, на что указываютъ и болѣе крупные размѣры арендной площади, приходящейся въ среднемъ на дворъ при единоличной и товарищеской арендѣ сравнительно съ общественной.

Картина мѣняется, если принять во вниманіе *всѣ* арендуемыя угодья, т.-е. кромѣ сѣнокоса и пашни, выгоны, прогоны и смѣшанныя угодья. Въ такомъ случаѣ преобладаніе окажется на сторонѣ общественной аренды, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ данныхъ.

Уѣзды:	Общее число аренд. дес. всѣхъ угодій.	Изъ нихъ находящихся въ общественной арендѣ.	% земли, находящейся въ обществ. арендѣ, ко всей арендуемой площади.
Богородскій	18.462,5	8.949,8	48,4
Волоколамскій	40.938,2	34.043,4	83,1
Дмитровскій	29.944,9	19.468,4	65,0
Коломенскій	14.905,2	11.080,0	75,6
Рузскій	40.788,5	31.887,6	78,1

Эти данныя показываютъ, что въ вышеупомянутыхъ уѣздахъ Московской губ. главнымъ объектомъ общественной аренды служатъ не сѣнокосы и пахотныя земли, а выгоны и прогоны, которые неудобно или нѣтъ цѣли арендовать единолично, а также смѣшанныя угодья. Впрочемъ, въ составѣ послѣднихъ, какъ уже было сказано выше, занимаютъ видное мѣсто сѣнокосы, но, вѣроятно, сравнительно худшаго качества.

Такимъ образомъ, при помощи общественной аренды, прежде всего удовлетворяются потребности коллективнаго характера (прогоны и выгоны) и, вѣроятно, отчасти нужды менѣе состоятельныхъ домохозяевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она во многихъ случаяхъ отвѣчаетъ также выгодамъ сдатчиковъ.

Владѣльцы земли—казна, удѣлы, духовенство, частныя лица и т. д.—предпочитаютъ сдавать землю крупными участками, часто недоступными единоличнымъ домохозяевамъ. Это вызываетъ появленіе коллективной аренды, тѣмъ болѣе удобной для землевладѣльцевъ, что члены такой коллективной единицы отвѣчаютъ другъ за друга въ исполненіи принятыхъ на себя при арендѣ обязательствъ.

По отдѣльнымъ мѣстностямъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія въ новѣйшихъ земско-статистическихъ сборникахъ, значеніе разныхъ формъ аренды представляется въ такомъ видѣ.

По *Тверской губ.* свѣдѣнія о формахъ арендъ имѣются по 10 уѣздамъ изъ 12, въ которыхъ аренды зарегистрированы по отдѣльнымъ угодьямъ.

	Пашни.	Покоса.	Выгона.	Смѣш. угод.
Общинная аренда	21.951 дес.	94.929	75.093	94.191
Единол. и подворн.	16.086 »	159.045	25.776	28.885

Итого въ общинной арендѣ крестьянъ находится 286.164, въ подворной 229.792, а всего вмѣстѣ 516.956 дес. Слѣдовательно, общинная форма охватываетъ 55,4% всей арендуемой земли [1]).

Въ *Вятской губ.* коллективная внѣнадѣльная аренда — товарищеская и общинная—является довольно распространенною. Предметомъ

[1]) Своди. Сборн. стат. свѣд. по Тверск. губ. Т. XIII, вып. I. 1897 г. стр. 50.

внѣнадѣльной аренды служатъ въ большинствѣ случаевъ частновладѣльческія земли, сдаваемыя сравнительно значительными участками, брать которые не подъ силу одному домохозяину, и въ такихъ случаяхъ по необходимости должны организоваться товарищескія группы. Товарищество обыкновенно составляется изъ 3—5, 6—9 и больше лицъ; при этомъ земля снимается на имя одного изъ участниковъ и затѣмъ уже дѣлится между всѣми. Иногда при внѣнадѣльной арендѣ арендаторами бываютъ не товарищества и даже не община, а нѣсколько отдѣльныхъ крестьянскихъ общинъ, также сообща снимающихъ извѣстный участокъ (Глазовскій уѣздъ).

Въ Елабужскомъ уѣздѣ казенныя и удѣльныя земли арендуются большею частью цѣлыми обществами. Это объясняется тѣмъ, что казна и удѣлы сдаютъ свои земли въ большинствѣ случаевъ крупными участками, аренда которыхъ не подъ силу единичнымъ домохозяевамъ. При общественной арендѣ нужно различать: аренду собственно общинную и товарищескую, или артельную. Въ томъ и другомъ случаѣ аренда производится за круговою порукою общества или товарищества.

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ коллективныя аренды по преимуществу, если не исключительно, наблюдаются при арендѣ удѣльныхъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ участковъ.

Въ Яранскомъ уѣздѣ почти треть всей площади внѣнадѣльныхъ арендуемыхъ земель снимается отдѣльными обществами или цѣлыми общинами. Обязательства, принятыя такой коллективной единицей по отношенію къ сдатчику, разверстываются между отдѣльными домохозяевами въ зависимости отъ того, какое участіе они принимаютъ въ пользованіи арендованной землей. Пахатная земля большею частью дѣлится на паи, которые каждый изъ пайщиковъ можетъ въ свою очередь отдавать въ аренду или же обрабатывать самостоятельно, словомъ, распоряжаться ими, какъ своимъ надѣломъ [1]).

Въ *Полтавской губ.* площадь коллективныхъ арендъ (товарищескихъ и общественныхъ) занимаетъ отъ 24 до 82%, общей площади, и во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Роменскаго, Переяславскаго и Лохвицкаго, эти аренды преобладаютъ надъ единоличными, причемъ наибольшее распространеніе коллективной формы найма земли наблюдается въ южной и юго-восточной частяхъ губерніи, а уѣзды съ высшими цифрами площади единоличныхъ арендъ находятся въ сѣверо-западной части [2]).

1) Матеріалы по стат. Вятск. губ. Т. XII, ч. II, 1901 г., стр. 285, 286.

2) Сводн. Сборн. по стат. опис. Полтавск. губ. за 1882—89 г.г. Вып. I, 1900 г., стр. 158.

Распредѣленіе общественныхъ, товарищескихъ и единоличныхъ арендъ по уѣздамъ Полтавской губ. представляется въ такомъ видѣ [1]).

Уѣзды:	Площадь аренды въ %		
	Обществ.	Товарищ.	Единолич.
Константиноградскій . .	45,7	36,7	17,6
Кременчугскій	33,4	45,3	21,3
Золотоношскій	54,1	23,9	22,0
Кобелякскій	11,4	63,4	25,2
Лубенскій	51,3	19,2	29,5
Гадячскій	26,7	41,4	31,9
Хорольскій	5,4	54,5	40,1
Прилукскій	10,5	49,3	40,2
Зеньковскій	3,2	54,7	42,1
Пирятинскій	28,3	29,5	42,2
Полтавскій	13,3	39,9	46,8
Роменскій	2,2	29,4	68,4
Переяславскій	8,9	18,3	72,8
Лохвицкій	10,3	13,7	76,0
По губерніи . . .	18,5	40,7	40,8

Въ *Таврической губ.*, вслѣдствіе значительнаго разнообразія въ степени благосостоянія различныхъ группъ мѣстнаго населенія, общественная аренда, требующая извѣстной однородности отдѣльныхъ хозяйствъ, занимаетъ ничтожное мѣсто [2]).

Уѣзды:	Земля арендуется.			
	Обществами.		Отдѣльными лицами.	
	Показаній.	% къ поrайонному числу ихъ.	Показаній.	% къ поrайонному числу ихъ.
Бердянскій	5	3,2	148	96,8
Мелитопольскій	15	10,3	130	89,7
Днѣпровскій	9	12,2	65	87,8
Перекопскій	4	14,3	24	85,7
Евпаторійскій	3	16,7	15	83,3
Симферопольскій	2	16,7	10	83,3
Ѳеодосійскій	4	7,1	53	92,9
Ялтинскій	—	—	24	100
По губерніи	42	8,2	469	91,8

[1]) Тамъ же, стр. 150, 151.

[2]) Сельскохоз. обзоръ Таврической губ. за 1899 г., стр. 151.

Въ среднемъ по губерніи лишь около $^1/_{10}$ всей зарегистрированной площади находится въ арендѣ сельскихъ обществъ, вся же остальная арендованная земля—въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ. Наибольшій процентъ общественныхъ арендъ встрѣчается въ Перекопскомъ, Евпаторійскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ, что объясняется, вѣроятно, наличностью въ этихъ уѣздахъ казенной земли, условія аренды которой требуютъ общественныхъ приговоровъ и круговой поруки. Наименьшій процентъ общественныхъ арендъ падаетъ на Бердянскій уѣздъ, гдѣ почти вся арендуемая площадь составляетъ частновладѣльческую или надѣльную землю.

Въ Вольскомъ уѣздѣ, *Саратовской губ.*, въ арендномъ содержаніи у крестьянъ насчитывалось до 139 пахатныхъ участковъ, изъ которыхъ 105 участковъ находилось въ пользованіи 74 общинъ, 28 участковъ въ пользованіи 26 артелей и 6 участковъ—5 отдѣльныхъ домохозяевъ. Во всѣхъ участкахъ было 58.020 дес. удобной земли и 1.251 неудобной (пашни было 55.412 дес.). Изъ общаго количества удобной земли на долю арендующихъ общинъ приходилось 50.385 дес. (86,8%), на долю артелей или товариществъ 6.251 дес. (10,8%) и отдѣльныхъ домохозяевъ 1.384 дес. (2,4%) [1]).

III.

Причины, вліяющія на распространеніе внѣнадѣльной аренды въ Россіи.

Главнѣйшей причиной широкаго распространенія крестьянской аренды въ нашей странѣ служитъ недостатокъ у крестьянъ надѣльной земли. Поэтому потребность въ расширеніи площади надѣльнаго землевладѣнія должна ощущаться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ скуднѣе обезпечено собственной землей крестьянское хозяйство.

Обратное соотношеніе между размѣрами надѣльнаго землевладѣнія и арендой выясняется ближайшимъ образомъ изъ данныхъ о числѣ арендующихъ дворовъ и размѣрахъ арендуемыхъ участковъ по разрядамъ крестьянъ. Изъ таблицы, составленной проф. Карышевымъ, видно, что разряды крестьянъ, наименѣе обезпеченные надѣльной землей, даютъ наибольшій % арендующихъ дворовъ [2]).

---

1) Сборн. стат. свѣд. по Саратовск. губ. Вольскій у. Т. VII, часть 2. 1892 г.

2) Н. Карышевъ. Крестьянск. внѣнад. аренды. 1892 г., стр. 115.

I. Полоса меньшихъ арендъ [1]).

Разряды крестьянъ.	% арендующихъ дворовъ.	Среднiй на дворъ размѣръ арендуемыхъ участковъ, въ десятинахъ.
Государственные душевные. . . .	21,0%	1,3
Четвертные	23,3	0,9
Бывш. влад. временно-обяз.[2]) . .	39,3	1,6
» » собственники	46,6	1,6
» » дарственники. . . .	66,6	4,3

II. Полоса большихъ арендъ.

Четвертные	35,3%	1,9
Государственные душевые.	36,6	2,9
Казаки.	50,3	1,7
Бывш. влад. собственники. . . .	55,9	3,1
» удѣльные.	60,5	5,4
» влад. временно-обяз. . . .	61,7	4,3
» » дарственники. . . .	65,1	6,9

Въ тѣхъ случаяхъ, когда какiя-либо причины не задерживаютъ удовлетворенiя потребности крестьянъ въ расширенiи площади надѣльнаго землевладѣнiя, она проявляется съ наибольшей силой среди малоземельныхъ разрядовъ крестьянскаго населенiя. Это обнаруживается въ томъ, что при подобныхъ условiяхъ % хозяйствъ, прибѣгающихъ къ арендѣ, въ отдѣльныхъ группахъ крестьянскихъ дворовъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше количество надѣльной земли, приходящейся въ среднемъ на дворъ, или чѣмъ выше въ данной группѣ % безземельныхъ и малоземельныхъ.

Выраженное здѣсь положенiе подтверждается слѣдующими данными, относящимися къ разнымъ мѣстностямъ Россiи.

Если разбить всѣ волости 5 уѣздовъ *Вятской губ.* на группы соотвѣтственно % находящихся въ каждой изъ нихъ безземельныхъ и малоземельныхъ дворовъ, и привести для каждой группы % дворовъ, арендующихъ внѣнадѣльную землю, то окажется, что въ отдѣльныхъ группахъ къ арендѣ прибѣгаетъ тѣмъ большая часть крестьянскихъ хозяйствъ, чѣмъ больше въ данной группѣ дворовъ, вовсе не имѣющихъ надѣльной земли или владѣющихъ слишкомъ ограниченнымъ количествомъ ея.

---

[1]) Въ полосу меньшихъ арендъ проф. Карышевымъ включены уѣзды, въ которыхъ въ среднемъ для всѣхъ разрядовъ крестьянъ число арендующихъ дворовъ не превышаетъ 40% наличныхъ, а арендуемая земля составляетъ не болѣе 15% надѣльной.

[2]) Нынѣ уже не существующiе.

Группы.	% двор. беззем. и малозем.	% двор. аренд. внѣнад. землю.
I.	5,9	7,7
II.	11,5	9,2
III.	17,0	8,5
средн.	25,8	7,5
IV.	43,0	14,4
V.	65,7	35,0
VI.	83,9	27,0

Пониженіе % дворовъ, вступающихъ въ арендныя отношенія въ волостяхъ VI группы, весьма характерно. Когда относительное число безземельныхъ и малоземельныхъ дворовъ достигаетъ максимума, то измѣняется весь строй хозяйства, причемъ измѣненіе это сводится, главнымъ образомъ, къ паденію земледѣльческаго и развитію другихъ типовъ хозяйства. На это указываютъ и цифры вышеприведенной таблицы: разъ земледѣліе начинаетъ отступать на второй планъ, то арендныя сдѣлки съ землею теряютъ для нѣкоторыхъ группъ дворовъ значительную долю интереса. Для многихъ хозяйствъ не стоитъ арендовать землю, потому что главное ихъ занятіе не земледѣліе Напр., въ с. Истобенскомъ, Орловск. у. (VI группа) всѣ домохозяева пользуются только сѣнокосомъ, выгономъ и лѣсомъ, а пашню обратили въ огородъ, предоставивъ обработку его женскому населенію,— сами же уходятъ на все лѣто на сторону (въ лоцмана, матросы, водоливы). Число безлошадныхъ дворовъ въ с. Истобенскомъ достигаетъ 98,4% (имѣютъ лошадей всего только 4 двора изъ 263). На основаніи изложеннаго, замѣчаютъ составители сборника: «мы имѣемъ право сказать, что развитіе арендныхъ отношеній идетъ параллельно развитію безземелья и малоземелья» [1]).

Въ *Тверской губ.* размѣръ крестьянской аренды находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ крестьянскаго надѣла: крестьянинъ арендуетъ земли тѣмъ больше, чѣмъ меньше размѣры его надѣла, причемъ и величина арендуемаго участка замѣтно уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается размѣръ крестьянскаго надѣла [2]).

На дворъ приходится надѣльной земли.	Дворовъ арендующихъ.	% арендующ. двор. къ общ. числу.	Размѣръ арендн. участка на 1 дворъ.
Менѣе 3 дес.	15.968	80,2	6,5
Отъ 3 до 4 „	36.043	70,0	4,5
„ 4 „ 5 „	67.439	67,9	4,0
„ 5 „ 6 „	22.795	66,4	3,0

1) Матеріалы по стат. Вятск. губ. Т. XII, ч. II. 1901 г., стр. 289—291.

2) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверской губерн. Т. XIII, вып. I. 1897 г., стр. 49—50.

На дворъ приходится надѣльной земли.	Дворовъ арендующихъ.	% арендующ. двор. къ общ. числу.	Размѣръ арендн. участка на 1 дворъ.
Отъ 6 до 7 дес.	8.098	56,4	3,4
„ 7 „ 8 „	3.803	48,7	2,8
„ 8 „ 9 „	2.155	42,1	2,8
„ 9 „ 10 „	1.053	42,1	2,6
Болѣе 10 „	1.330	39,0	—

Болѣе полное выясненіе зависимости, въ которой находится потребность въ арендѣ земли отъ размѣра надѣльнаго землевладѣнія, даетъ слѣдующая табличка [1]):

Разряды крестьянскаго нас., владѣющіе:	Дворовъ.	% двор. аренд.
I. Менѣе 7 дес. над. земли на ревизскую душу	213.789	59,7
II. Болѣе 7 десят. на ревизскую душу.	21.035	37,7

Въ Орловскомъ уѣздѣ *Орловской губ.*, арендованная пашня имѣетъ тѣмъ большее значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ, чѣмъ менѣе надѣльной пашни приходится на дворъ и ѣдока [2]):

Разряды крестьянъ:	Десятинъ надѣльн. пашни. На дворъ.	На ѣдока.	На 100 десят. всей пашни приход. внѣнад. аренд.
Государств. четвертн.	7,6	1,14	7,4
Государств. душевые.	6,0	0,91	12,4
Госуд. изъ помѣщичьихъ.	5,2	0,88	13,4
Крестьяне-собственники	4,8	0,75	17,5

Въ Козельскомъ уѣздѣ *Калужской губ.* на 1 наличный дворъ приходится десятинъ земли [3]):

	Надѣльн.	Купчей.	Всего.	Внѣнад. арендн.
У бывш. госуд.	10,5	0,4	10,9	0,7
У бывш. гос.-собств.	6,4	2,8	9,2	0,4
У бывш. помѣщ.	6,7	0,8	7,5	1,2

Тотъ же вопросъ можетъ быть поясненъ слѣдующей таблицей, относящейся къ *Казанской губ.* [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 40.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Орловск. у. Т. VIII. 1895 г., стр. 59.

[3]) Стат. опис. Калужск. губ., Козельскій у. Т. I, вып. II. 1898 г., стр. 84.

[4]) Общій сводъ данныхъ хоз. стат. изслѣд. Казанск. губ. Часть экон. 1896 г., стр. 431.

Группы общинъ по размѣру душевого надѣла.	Число всѣхъ общинъ.	% общинъ, въ которыхъ найма пашни (надѣльной и внѣнадѣльной) не встрѣчается.
Съ малымъ надѣломъ (до 3 дес. на рев. душу)	506	16,04
Съ среднимъ надѣломъ (отъ 3 до 7 дес. на рев. душу).	2.101	44,63
Съ большимъ надѣломъ (свыше 7 десятинъ).	309	65,56

Въ среднемъ по Казанской губ. 42% всего числа общинъ пользуются арендой внѣнадѣльной пашни. Въ большинствѣ случаевъ общины не прибѣгаютъ къ арендѣ земли не потому, что у нихъ не ощущается потребности расширить свою посѣвную площадь, а лишь по отсутствію подходящихъ для найма земель. Въ изслѣдованіяхъ встрѣчаются указанія, что крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ снимаютъ земли въ сосѣднихъ губерніяхъ, иногда за десятки верстъ. Наибольшій % общинъ, не нанимающихъ пашни, даютъ бывшіе государственные крестьяне, надѣльныя земли которыхъ занимаютъ сплошные районы, часто не имѣющіе далеко вокругъ себя ни клочка казенной или частновладѣльческой земли. Владѣльческіе же крестьяне, усадьбы и земли которыхъ находятся почти всегда бокъ-о-бокъ съ землями помѣщиковъ, даютъ самый незначительный % такихъ общинъ, въ которыхъ найма на сторонѣ вовсе не встрѣчается. Относительно этихъ послѣднихъ необходимо добавить, что возможность арендовать для нихъ обусловливается не только наличностью объекта аренды, но еще и способомъ хозяйственнаго пользованія землею въ смежныхъ частновладѣльческихъ экономіяхъ.

Зависимость между малоземельемъ и развитіемъ аренды замѣчается и въ *Саратовской губ.* Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ существуетъ наибольшая перенаселенность и поэтому ощущается и наибольшая степень нужды въ землѣ (напр., въ центральной полосѣ губерніи и въ особенности на сѣверо-западѣ), почти 1/3 всего посѣва крестьянъ находится на арендуемой площади (между тѣмъ въ среднемъ для всей губерніи арендный посѣвъ крестьянъ составляетъ 1/4 всего ихъ посѣва). То же соотношеніе наблюдается и по разрядамъ крестьянъ въ зависимости отъ размѣровъ надѣла: чѣмъ меньше десятинъ надѣла приходится на душу, тѣмъ большій процентъ составляетъ арендный посѣвъ. У дарственниковъ, съ надѣломъ до 1 дес. и не имѣющихъ купленной земли, посѣвъ на арендованной составляетъ 77%, у собственниковъ, не имѣющихъ купленной земли, съ надѣломъ въ 2,8 дес.—38%, у государственныхъ съ надѣломъ въ 5 дес. только 19% и т. д. Въ то же время у всѣхъ этихъ рязрядовъ крестьянъ, если

только они имѣютъ кромѣ надѣльной свою купленную землю, посѣвъ на арендованной землѣ соотвѣтственно понижается. Отсюда видно, что аренда земли является настоятельною нуждою [1]).

Данныя по *Симбирской губ.* показываютъ, что площадь арендуемой земли относительно выше для тѣхъ разрядовъ крестьянъ, которые хуже обезпечены надѣльной землей.

Помѣщичьи крестьяне, надѣлъ которыхъ въ среднемъ по губерніи составляетъ 2,6 дес. на ревизскую душу и 0,9 — на наличную, приарендовываютъ площадь пахатной земли, составляющую 33,9% надѣльной; у удѣльныхъ же и государственныхъ, надѣлы которыхъ достигаютъ 4,3 и 4,2 дес. на ревизскую душу и 1,3 дес. на наличную, арендуемая пахатная земля составляетъ для первыхъ только 13,2%, а для вторыхъ—всего 6,4% надѣльной [2]).

Связь аренды съ малоземельемъ по *Московской губ.* подтверждается показаніями, собранными на мѣстахъ при послѣдней переписи и извлеченными для настоящей работы изъ поселенныхъ бланковъ. Въ рядѣ случаевъ встрѣчаются такія замѣчанія: «Не арендовать невозможно, такъ какъ своей земли мало, и сараи съ амбарами выстроены на арендованной землѣ»; «своей земли мало и если бы не арендованная земля, совсѣмъ нечѣмъ было бы жить» и т. п.

По поводу малоземелья нужно еще замѣтить, что недостатокъ земли нерѣдко усиливается разбросанностью надѣла и отдаленностью нѣкоторыхъ участковъ, входящихъ въ его составъ. Въ поселенныхъ бланкахъ по Московской губерніи встрѣчается довольно много заявленій, что та или другая пустошь не эксплоатируется за дальностью разстоянія. Этимъ объясняется странное на первый взглядъ явленіе, что крестьяне прибѣгаютъ къ арендѣ чужой земли въ то время, какъ часть ихъ собственнаго надѣла не подвергается обработкѣ или сдается ими самими въ аренду.

Въ приведенныхъ выше примѣрахъ ясно обнаруживается прямая связь между развитіемъ аренды и недостаткомъ у крестьянъ собственной земли. Однако, не всегда потребность въ арендованіи можетъ получить удовлетвореніе, а если и получаетъ его, то не всегда въ желательномъ размѣрѣ. Кромѣ основного фактора, именно, земельной обезпеченности—на аренду оказываетъ вліяніе еще рядъ другихъ причинъ.

Прежде всего имѣютъ важное значеніе *размѣры арендного фонда,*

---

[1]) Докладъ Саратовской губернской земской управы о нуждахъ сельскохоз. пром. въ Сарат. губ. 1903 г., стр. 9.

[2]) Записка управляющаго Симбирской казенной палатой Н. В. Всеволожскаго. 1902. (Рукопись).

изъ котораго можетъ удовлетворяться спросъ крестьянскаго населенія на землю: если количество земель, сдаваемыхъ въ наемъ въ данной мѣстности въ аренду, не велико, то естественно, что, какъ бы ни была настоятельна нужда крестьянъ въ расширеніи площади ихъ землевладѣнія, она не получитъ полнаго удовлетворенія, и аренда при такихъ условіяхъ не достигнетъ широкаго развитія.

Въ подтвержденіе сказаннаго можно сослаться на рядъ примѣровъ.

Уѣзды *Казанской губ.* различаются очень сильно по развитію аренды: въ однихъ, напр. въ Лаишевскомъ, Спасскомъ и Чистопольскомъ, арендуемая пашня составляетъ до 21% надѣльной, а въ другихъ—Козьмодемьянскомъ, Ядринскомъ и Царевококшайскомъ менѣе 1%.

На 100 дес. надѣльной пашни приходится внѣнадѣльной арендованной:

Въ	I группѣ	(Лаишевскій, Спасскій, Чистопольскій)	21,1
„	II „	(Свіяжскій, Казанскій, Тетюшскій)	9,0
„	III „	(Мамадышскій, Цивильскій, Чебоксарскій)	4,0
„	IV „	(Ядринскій, Царевококш., Козьмодемьянскій)	0,8

Если принять общее пространство арендуемой въ губерніи пашни за 100, то распредѣленіе этой арендной площади по уѣздамъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ [1]):

I группа.

Уѣзды: Лаишевскій, Спасскій, Чистопольскій — арендуютъ 65,7% всей площади пахатной земли, сдаваемой въ аренду.

II группа.

Свіяжскій	23,2%
Казанскій	
Тетюшскій	

III группа.

Мамадышскій	9,9%
Цивильскій	
Чебоксарскій	

IV группа.

Ядринскій	1,2%
Царевококшайскій	
Козьмодемьянскій	

[1]) Общій сводъ данныхъ хоз. стат. изслѣд. Казанск. губ. Часть экон. 1896 г., стр. 419—423.

Такая большая разница въ размѣрахъ арендуемой внѣнадѣльной пашни по вышеприведеннымъ группамъ уѣздовъ находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ количествомъ десятинъ пахатной земли, которое можетъ быть предложено въ наемъ. Если расположить уѣзды въ нисходящемъ порядкѣ по степени уменьшенія ихъ арендного фонда, выразивъ при этомъ въ процентахъ отношеніе внѣнадѣльной пашни въ каждой группѣ къ общей площади внѣнадѣльной пашни въ губерніи, то получатся слѣдующія 4 группы:

I группа.

На уѣзды: Спасскій . . . . . . Лаишевскій. . . . . Чистопольскій . . .	приходится изъ всей площади внѣнадѣльной пашни въ губерніи 67,6%

II группа.

Свіяжскій . . . . Казанскій . . . . Тетюшскій	23,6%

III группа.

Мамадышскій . . . . Цивильскій . . . . Чебоксарскій	7,6%

IV группа.

Ядринскій . . . . Царевококшайскій . . . . Козьмодемьянскій	1,2%

Сопоставленіе приведенныхъ таблицъ показываетъ, что, чѣмъ больше въ данной группѣ уѣздовъ внѣнадѣльной земли, тѣмъ болѣе развита въ ней и аренда, и наоборотъ.

Та же зависимость подтверждается данными по Козельскому уѣзду *Калужской губ.*, гдѣ на размѣры аренды оказываетъ прямое вліяніе общее пространство культурныхъ земель въ данной мѣстности [1]).

На 1 сѣющій дворъ прих. всей культ. земли по районамъ:	Всего арендн. внѣн. посѣвной площ.	На 1 сѣющій дворъ приходится внѣн. аренд. посѣвн. площ.
I. Менѣе 9 дес.	804,7 дес.	0,26 дес.
II. 9 — 12 „	4.077,7 „	0,48 „
III. 12 — 15 „	2.267,0 „	0,95 „
IV. Свыше 15 „	859,5 „	0,98 „

1) Стат. опис. Калужской губ. Козельскій у. Т. I, вып. II, 1898 г., часть II, стр. 95.

Чѣмъ больше культурной земли въ данномъ районѣ, тѣмъ выше и арендная площадь, приходящаяся на дворъ.

Другими важными условіями, вліяющими на развитіе аренды, является *число работниковъ и количество рабочаго скота,* которыми располагаетъ крестьянскій дворъ. Значеніе этихъ факторовъ въ сельскомъ хозяйствѣ такъ велико, что ими въ значительной мѣрѣ опредѣляется возможность расширенія крестьянскаго землевладѣнія при помощи аренды. Крестьянинъ безлошадный и не имѣющій въ своей семьѣ взрослыхъ помощниковъ не въ силахъ подвергнуть обработкѣ такую же площадь земли, какъ тотъ, который обладаетъ лошадью и можетъ расчитывать на трудъ хотя бы одного работника. Поэтому, естественно, что при одинаковомъ надѣлѣ вообще можетъ больше арендовать хозяинъ, лучше обставленный въ отношеніи рабочей силы и скота. Вліяніе этихъ факторовъ обнаруживается, если прослѣдить развитіе аренды по группамъ крестьянъ, владѣющихъ одинаковымъ пространствомъ надѣльной земли, но располагающихъ различнымъ количествомъ скота и неодинаковымъ числомъ работниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не теряетъ своего значенія и отмѣченный выше факторъ аренды—степень земельной обезпеченности. Хозяева, поставленные приблизительно въ одинаковыя условія относительно рабочаго скота и рабочей силы, вообще арендуютъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше у нихъ своей собственной земли: въ каждой такой группѣ крестьянскаго населенія аренда, какъ по относительному числу арендующихъ дворовъ, такъ и по размѣрамъ арендуемой площади, расширяется въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ надѣла. Это положеніе требуетъ, однако, оговорокъ: маломощныя группы не только не пріарендовываютъ землю, но даже сдаютъ часть своихъ надѣловъ и, чѣмъ послѣдніе больше, тѣмъ большая часть ихъ и сдается, что объясняется невозможностью для крестьянъ, не имѣющихъ скота и слабо обезпеченныхъ рабочей силой, подвергать обработкѣ даже надѣльную землю. Если такіе хозяева арендуютъ чужую землю, то обыкновенно не съ цѣлью расширить площадь своего землевладѣнія, а съ тѣмъ, чтобы получить въ свое пользованіе болѣе подходящіе для нихъ участки и взамѣнъ того сдать менѣе удобныя части надѣла. Повидимому, въ этихъ случаяхъ весьма часто сдается земли больше, чѣмъ пріарендовывается.

Другая оговорка къ вышеизложенному заключается въ томъ, что аренда, сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, возрастаетъ въ обратномъ соотношеніи съ надѣломъ только до извѣстнаго предѣла: когда пространство собственной земли, приходящейся на крестьянское хозяйство, переходитъ за извѣстную норму (15—20 дес.),

видимо мѣняется и самый характеръ хозяйственной дѣятельности: выступаютъ предпринимательскія цѣли, и аренда уже служитъ не къ восполненію недостаточнаго надѣла, но для развитія хозяйства, производящаго не только для собственнаго потребленія, но и для сбыта. Такія задачи можетъ въ большей мѣрѣ ставить себѣ тотъ, кто располагаетъ и большими средствами. Поэтому болѣе сильный въ экономическомъ отношеніи хозяинъ больше и арендуетъ.

Вліяніе только что указанныхъ факторовъ обнаруживается при расчлененіи крестьянскаго населенія на группы по размѣрамъ надѣла, количеству рабочаго скота и числу работниковъ въ семьѣ. Если же такого расчлененія не сдѣлано, то въ одинаковыя надѣльныя группы попадаютъ крестьяне, различно обставленные скотомъ и рабочими силами, и это обстоятельство нерѣдко затемняетъ вліяніе размѣровъ надѣльнаго землевладѣнія. При сопоставленіи данныхъ объ арендѣ со степенью обезпеченности отдѣльныхъ разрядовъ крестьянъ надѣльной землей получается, при такихъ условіяхъ, прямое соотношеніе между этими двумя факторами: больше арендуютъ тѣ, у которыхъ больше и своей земли [1]. Такой выводъ, однако, не подтверждается, если принять въ соображеніе обезпеченность рабочимъ скотомъ и рабочими силами, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

По Хвалынскому уѣзду *Саратовской губ.* при сопоставленіи аренды съ количествомъ надѣльной земли на дворъ оказывается, что на 100 хозяйствъ арендуютъ пашню изъ безнадѣльныхъ 17, изъ имѣющихъ до 2,5 дес.—66, отъ 2,5 до 5 дес.—31,5, отъ 5 до 10 дес.—32, и болѣе 10 дес.—35, т.-е., что съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла на дворъ растетъ и процентъ арендующихъ дворовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и количество арендуемыхъ десятинъ на дворъ, именно, арендуется на 10 хозяйствъ у безземельныхъ въ среднемъ 6,5 дес.; у имѣющихъ до 2,5 дес.—34,2 дес.; съ надѣломъ отъ 2,5 до 5 дес.—11,9 дес.; съ надѣломъ 5—10 дес.—14,9 дес., и, наконецъ, у имѣющихъ болѣе 10 дес.—24,3 дес. Эти данныя какъ будто служатъ подтвержденіемъ того, что ростъ аренды идетъ параллельно съ ростомъ надѣла, т.-е. что размѣры арендуемой крестьянами площади обусловливаются не степенью ихъ нужды въ землѣ, а предпринимательскими влеченіями болѣе состоятельныхъ слоевъ крестьянскаго населенія. Неправильность такого заключенія обнаруживается, однако, съ пол-

[1]) На этомъ основаніи проф. Карышевъ и утверждаетъ, что „аренды возрастаютъ и падаютъ вмѣстѣ съ надѣлами“, и что „при прочихъ равныхъ условіяхъ, при одинаковой близости сдаваемыхъ участковъ, больше снимаетъ тотъ, кто больше и имѣетъ“. Внѣнад. крест. аренды, стр. 122.

ной ясностью, если выдѣлить и учесть дѣйствіе двухъ привходящихъ факторовъ—обезпеченности арендующихъ хозяйствъ рабочимъ скотомъ и рабочей силой.

Если распредѣлить арендующіе дворы Хвалынскаго уѣзда, соотвѣтственно степени ихъ обезпеченности скотомъ, на три группы: не имѣющихъ вовсе скота, имѣющихъ 1 голову и затѣмъ 2 головы и болѣе, и затѣмъ прослѣдить значеніе аренды, то окажется, что въ каждой группѣ пространство арендуемой земли возрастаетъ съ уменьшеніемъ надѣла, и наоборотъ; при равенствѣ же надѣловъ больше арендуютъ дворы, лучше обезпеченные рабочими силами.

Хозяйства, совершенно лишенныя скота, больше сдаютъ своей надѣльной земли, чѣмъ арендуютъ чужой; при этомъ съ ростомъ надѣла возрастаетъ и количество земли, сдаваемой въ аренду, что́, конечно, вполнѣ естественно, такъ какъ при отсутствіи живого инвентаря трудно обработать даже небольшой клочокъ; и, чѣмъ надѣлъ больше, тѣмъ бо́льшую часть его приходится сдавать въ аренду болѣе мощнымъ хозяевамъ. Въ группѣ хозяйствъ безъ рабочаго скота, при среднемъ надѣлѣ въ 2,5 дес., перевѣсъ сдаваемой земли надъ арендуемой составляетъ на 10 дворовъ 0,5 дес., при надѣлѣ 2,5—5 дес.,—12,8 дес.; при надѣлѣ 5—10 дес.—30,2; наконецъ, при надѣлѣ свыше 10 дес.—56,3 дес.

Недостатокъ скота сказывается и на арендѣ хозяйствъ слѣдующей группы, имѣющихъ 1 голову рабочаго скота: при небольшомъ надѣлѣ (до 5 дес.) эти хозяйства арендуютъ больше, чѣмъ сдаютъ, и притомъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше ихъ надѣлъ: при надѣлѣ въ 2,5 дес.—14 дес. на 10 дворовъ, а при надѣлѣ 2,5—5 дес.—2,3 дес. Но когда надѣльная земля превышаетъ извѣстные размѣры, становится трудно обрабатывать ее при помощи 1 головы скота, и хозяева, находящіеся въ такихъ условіяхъ, волей-неволей принуждены сдавать часть надѣла. Пространство земли, сдаваемой хозяевами этой категоріи, настолько велико, что въ итогѣ оно превышаетъ арендуемую площадь, и это превышеніе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше надѣлъ: 5 дес. на 10 дворовъ при надѣлѣ отъ 5 до 10 дес. и 5,6 дес.—при надѣлѣ болѣе 10 дес.

Наконецъ, въ группѣ хозяйствъ, имѣющихъ 2 и болѣе головы рабочаго скота, размѣры аренды растутъ съ уменьшеніемъ надѣла, какъ это видно изъ послѣдней строки приводимой ниже таблицы, въ которой сведены и вышеизложенныя данныя, причемъ знакомъ — обозначено превышеніе сдаваемой земли надъ арендуемой, а знакомъ + обратное.

На 10 хозяйствъ приходится сдаваемой (—) или арендуемой (+) земли:

	При надѣлѣ въ десятинахъ:			
	2,5	2,5—5	5—10	болѣе 10
Хозяйства безъ рабочаго скота	— 0,5	—12,8	—30,2	—56,3
„ съ 1 гол. „ „	+14	+ 2,3	— 5	— 5,6
„ съ 2 и болѣе гол. раб. скота	+61,8	+32,4	+22,5	+19

На данныхъ этой таблицы обнаруживается дѣйствіе главнаго фактора аренды—недостаточности надѣльнаго землевладѣнія: когда дѣйствіе этого фактора не затемняется вліяніемъ другого важнаго условія — обезпеченности хозяйства рабочимъ скотомъ, то становится совершенно ясно, что въ основѣ стремленія крестьянъ къ арендованію земли лежитъ потребность въ расширеніи земельной площади до предѣловъ, обусловливаемыхъ веденіемъ крестьянскаго хозяйства, вслѣдствіе чего хозяйства, хуже обезпеченныя надѣломъ, больше арендуютъ.

Такое же вліяніе на аренду оказываетъ и степень обезпеченности хозяйствъ рабочей силой.

При 2 работникахъ и 2 головахъ рабочаго скота на хозяйство аренда измѣняется слѣдующимъ образомъ въ зависимости отъ величины надѣла:

Надѣлъ	до 2,5 д.	2,5—5 д.	5—10 д.	болѣе 10 д.
Число десятинъ, арендуемыхъ 10 хозяевами	65,4	38,7	25,1	13 [1])

Подобные же расчеты, произведенные по двумъ уѣздамъ *Орловской губ.*, дали аналогичные результаты, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей °/₀ арендующихъ семей въ Елецкомъ уѣздѣ [2]).

Группы.	Количество десятинъ на семью.						
	1 дес.	1—3 дес.	3—5 дес.	5—10 дес.	10—15 дес.	15—20 дес.	Свыше 20 дес.
Безъ лошадей.							
Безъ работника	0,0	5,9	5,5	1,4	—	—	—
Съ 1 работн.	22,0	11,0	8,6	3,9	1,9	—	—
„ 2 работн.	15,4	21,0	10,6	6,8	0,8	—	—
„ 3 и болѣе	50,0	25,0	16,8	12,0	1,7	25,0	14,2

[1]) Каблуковъ. Условія развитія крест. хоз. въ Россіи, 1899, стр. 139—140.

[2]) С. Масловъ. Крестьянская аренда въ Орловской губерніи 1902 г., стр. 18.

Группы.	Количество десятинъ на семью.						
	1 дес.	1—3 дес.	3—5 дес.	5—10 дес.	10—15 дес.	15—20 дес.	Свыше 20 дес.
Съ 1 лошадью на семью.							
Безъ работника.	0,0	59,2	40,7	28,0	2,3	—	—
Съ 1 работн.	84,3	73,9	45,8	34,6	22,1	10,7	10,0
„ 2 работн.	75,0	85,3	50,4	36,0	18,1	8,6	28,3
„ 3 и болѣе	50,0	77,8	51,1	31,9	14,7	7,9	18,7
Съ 2 лошадьми на семью.							
Безъ работника.	—	88,0	78,5	53,1	18,4	50,0	16,6
Съ 1 работн.	100,0	94,3	92,8	73,5	73,3	36,9	26,1
„ 2 работн.	100,0	96,8	99,6	77,5	58,9	22,7	38,8
„ 3 и болѣе	100,0	94,1	95,5	84,6	68,9	55,7	49,4
Съ 3 и болѣе лошадьми на семью.							
Безъ работника.	—	66,6	—	—	—	50,0	—
Съ 1 работн.	—	66,6	89,4	90,0	85,3	100,0	43,4
„ 2 работн.	100,0	77,7	88,2	93,6	87,9	87,0	41,0
„ 3 и болѣе	—	83,3	—	89,4	86,7	93,8	76,0

По поводу этой таблицы авторъ ея замѣчаетъ: «Если бы было справедливо предположеніе о первенствующемъ вліяніи величины надѣла на размѣръ аренды, то при данномъ расположеніи особенно рельефно былъ бы замѣтенъ постепенный ростъ % арендующихъ съ увеличеніемъ надѣла. Однако этого нѣтъ. Представляется совершенно обратная картина. Въ приведенныхъ группахъ, расположенныхъ по различію въ надѣлѣ, замѣчается уменьшеніе % арендующихъ съ увеличеніемъ надѣльной земли, приходящейся на семью въ группѣ. Большее количество собственной земли, при равенствѣ другихъ экономическихъ условій, не ведетъ къ большей арендѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчается значительная, хотя неполная правильность: бо́льшій процентъ арендующихъ для большинства группъ падаетъ на семьи съ надѣломъ до 1 дес. и съ надѣломъ отъ 1 до 3 десятинъ, т.-е. на группы малоземельныя; такъ что подтверждается скорѣе та мысль,

что наименѣе обезпеченные землей стремятся болѣе прибѣгать къ арендѣ, чѣмъ болѣе обезпеченные».

Вычисленія, произведенныя тѣмъ же авторомъ для Трубчевскаго уѣзда Орловской губ., дали аналогичные результаты. Въ приложеніи къ настоящей запискѣ помѣщены 2 таблицы, освѣщающія то же явленіе для 5 уѣздовъ *Воронежской губерніи*. (Приложенія II и III.)

Все это приводитъ къ заключенію, что недостаточность обезпеченія крестьянъ надѣльной землей служитъ основной причиной, вызывающей у нихъ потребность въ арендѣ; эта потребность и удовлетворяется различными разрядами крестьянскаго населенія въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ ихъ надѣла, т.-е. въ прямомъ отношеніи къ настоятельности нужды въ землѣ, поскольку нормальное удовлетвореніе ея не встрѣчаетъ ограниченій и не подвергается видоизмѣненіямъ подъ вліяніемъ другихъ причинъ,—главнымъ образомъ размѣровъ земельнаго фонда и обезпеченности отдѣльныхъ хозяйствъ рабочими силами и рабочимъ скотомъ.

Нужда крестьянъ въ арендованіи чужихъ земель во многихъ мѣстностяхъ обусловливается *недостаткомъ сѣнокосовъ и выгоновъ въ составѣ надѣла*.

Въ пяти уѣздахъ *Московской губ.*, по даннымъ послѣдней земской переписи, отношеніе между арендой пашни, съ одной стороны, и сѣнокосовъ и выгоновъ, съ другой, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Уѣзды.	Арендуется.							
	Пашни.			Сѣнокоса.			Выгона.	
	Число десятинъ.	% къ надѣльной пашнѣ.	% ко всей арендуемой землѣ.	Число десятинъ.	% къ надѣльному сѣнокосу.	% ко всей арендуемой землѣ.	Число десятинъ.	% ко всей арендуемой землѣ.
Богородскій . .	482,0	1,2	3,3	11.358,9	56	78,9	2.548,0	17,8
Волоколамскій.	1.141,2	1,6	5,5	16.779,4	58	81,0	2.787,1	13,5
Дмитровскій . .	322,3	0,6	1,4	16.009,9	46	68,7	6.963,1	29,9
Коломенскій . .	1.089,2	1,6	12,1	4.227,8	37	47,0	3.675,3	40,9
Рузскій	303,0	0,6	1,4	14.040,9	94	65,5	7.067,6	33,1

Эти данныя указываютъ на высокую степень нужды крестьянскаго хозяйства въ покосахъ и пастбищныхъ угодьяхъ, происходящую вслѣд-

ствіе крайняго недостатка этихъ угодій въ составѣ надѣльнаго землевладѣнія. Нужда эта настолько велика, что крестьянамъ приходится пріарендовывать въ Рузскомъ уѣздѣ почти такое же количество сѣнокоса, какимъ они владѣютъ; въ другихъ двухъ уѣздахъ они вынуждены арендовать болѣе половины надѣльной площади сѣнокосовъ; въ одномъ—нѣсколько менѣе половины и только въ Коломенскомъ—немного болѣе трети.

Пространство арендуемыхъ сѣнокосовъ и выгоновъ составляетъ значительную часть арендной площади; сюда же нужно еще причислить смѣшанныя угодья, которыхъ арендуется въ упомянутыхъ пяти уѣздахъ свыше 53 тыс. десятинъ. Въ составѣ такихъ угодій преобладаютъ покосъ и выгонъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

По Дмитровскому уѣзду на 74 случая аренды смѣшанныхъ угодій, составъ которыхъ извѣстенъ, хотя и неизвѣстны размѣры составныхъ частей, приходится 48 такихъ, въ которыхъ арендуются вмѣстѣ покосъ и выгонъ; въ Коломенскомъ уѣздѣ такая комбинація встрѣчается въ 13 случаяхъ изъ 32, въ Волоколамскомъ—въ 51 случаѣ изъ 147, въ Рузскомъ—въ 81 изъ 118 и въ Богородскомъ—въ 17 изъ 27. (См. Приложеніе IV.)

Преобладающее значеніе имѣютъ тѣ же угодья и во многихъ другихъ губерніяхъ.

Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе арендуемыхъ угодій во *Владимірской губ.*

УѢЗДЫ.	Арендуемые:								
	ПАШНЯ.			ПОКОСЪ.			ВЫГОНЪ.		
	Число десятинъ.	% отнош. къ надѣльн. пашнѣ и куплен., наход. въ общемъ пользов.	% отнош. ко всей арендуемой землѣ.	Число десятинъ.	% отнош. къ надѣльн. пашнѣ и куплен., наход. въ общемъ пользов.	% отнош. ко всей арендуемой землѣ.	Число десятинъ.	% отнош. къ надѣльн. пашнѣ и куплен., наход. въ общемъ пользов.	% отнош. ко всей арендуемой землѣ.
Владимірскій. .	4.779	4,7	57,4	3.539	11,6	42,6	—	—	—
Муромскій . . .	4.034	5,8	53,1	3.567	13,3	46,9	—	—	—
Вязниковскій. .	2.810	3,9	30,0	6.564	28,9	70,0	—	—	—
Гороховецкій. .	2.772	3,3	22,2	9.725	31,2	77,8	—	—	—
Меленковскій .	11.622	10,9	31,4	10.291	35,0	27,7	15.226	88,3	40,9
Суздальскій . .	9.046	8,9	29,9	7.300	37,2	24,1	13.939	259,4	46,0
Судогодскій. .	16.104	17,2	31,5	11.947	40,6	23,4	23.024	487,1	45,1

Количество луговъ, отведенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ *Казанской губ.*, очень незначительно. Отношеніе луговой земли къ пашнѣ ни въ одномъ изъ уѣздовъ не достигаетъ нормальнаго, опредѣляемаго какъ 50 къ 100. За исключеніемъ Козьмодемьянскаго уѣзда, въ которомъ луговая площадь вмѣстѣ съ выгономъ составляетъ 39,8% пашни, это отношеніе ниже даже половины нормальнаго количества, колеблясь отъ 11,6 (въ Казанскомъ) до 21,9% (въ Царевококшайскомъ). А между тѣмъ только такой размѣръ ихъ могъ бы обезпечить правильное веденіе трехпольнаго хозяйства, не сопровождаемое ни истощеніемъ почвы, ни упадкомъ скотоводства. По вычисленію изслѣдователей, которые принимали, слѣдуя В. И. Орлову, что при дополнительномъ кормленіи соломою требуется не менѣе 80 пуд. сѣна на 1 голову крупнаго скота, оказалось, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ не хватаетъ своего сѣна даже на содержаніе рабочихъ лошадей, не говоря уже о прочемъ скотѣ. Исключая Козьмодемьянскій у., въ которомъ, за удовлетвореніемъ рабочихъ лошадей, остается избытокъ сѣна въ 1.007.050 пуд., идущій частью на продажу, а частью на кормъ мелкому скоту, насчитывается, слѣдуя тому же расчету, 5 уѣздовъ, въ которыхъ количество сѣна, приходящееся на каждую голову крупнаго скота, втрое меньше нормальнаго, 5 уѣзд., въ которыхъ скотъ обезпеченъ кормомъ только наполовину, и 1 уѣздъ—на $^2/_3$ [1]).

По приблизительному расчету количество луговъ, арендуемыхъ у частныхъ владѣльцевъ, простирается до 75.756,34 дес., что составляетъ 79,9% всѣхъ луговъ, находящихся въ ихъ владѣніи.

Въ *Тверской губ.* въ составѣ арендуемыхъ земель преобладаютъ сѣнокосъ и выгонъ, которые имѣютъ первенствующее значеніе и въ числѣ смѣшанныхъ угодій. Почти вся арендуемая крестьянами внѣнадѣльная земля служитъ въ качествѣ кормовой площади для скота, причемъ назначеніе выгоновъ исполняютъ нерѣдко и такія угодья, какъ отавы, паровой клинъ, жнивье и разныя неудобныя земли—пустыри, кусты и проч. Необходимость арендованія этихъ угодій обусловливается недостаткомъ ихъ, а въ нѣкоторыхъ общинахъ и совершеннымъ отсутствіемъ, въ составѣ надѣльныхъ земель. Въ 3 уѣздахъ (Зубцовскомъ, Бѣжецкомъ, Калязинскомъ) аренда сѣнокосовъ составляетъ, напр., 60% общей арендуемой площади; въ 4 уѣзд. (Осташковскомъ, Вышневолоцкомъ, Ржевскомъ, Старицкомъ) выгоновъ арендуется 41,4% [2]).

---

[1]) Общій сводъ данныхъ по Казанск. г., часть эконом. 1896 г., стр. 437.

[2]) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверск. губ. Т. XIII, вып. I, 1897 г., стр. 49.

Относительно Темниковскаго уѣзда *Тамбовской губ.* въ статистическомъ сборникѣ сообщается, что крестьяне сильно нуждаются въ пастбищныхъ угодьяхъ для своихъ стадъ. Если представляется возможность, то они не упускаютъ случая снимать у сосѣднихъ владѣльцевъ паровыя, жнивныя, яровыя поля, а также луга для пастьбы по нимъ скота съ начала весны до 9 мая и послѣ уборки сѣна до наступленія зимы. Съемка этихъ угодій развита преимущественно въ хозяйствахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, потому что, вслѣдствіе близости и смежности ихъ надѣловъ съ землями частныхъ экономій, для нихъ удобнѣе, чѣмъ для государственныхъ крестьянъ, пасти свой скотъ по угодьямъ частныхъ землевладѣльцевъ. Какъ и при съемкѣ пахатныхъ угодій подъ пастбище, крестьяне за пастьбу своего скота по лугамъ частныхъ владѣльцевъ обыкновенно расплачиваются не деньгами, а отработками [1]).

Въ большинствѣ общинъ Вольскаго уѣзда *Саратовской губ.* лѣтній выпасъ крестьянскаго скота не обезпеченъ надѣльными пастбищами. Такъ, изъ 184 земельныхъ общинъ Вольскаго у. только въ 90 общинахъ скотъ пасется въ теченіе лѣта исключительно на своей надѣльной и купленной землѣ, въ остальныхъ 94—надѣльныхъ приволій для скота недостаточно, и если скотоводство въ этихъ общинахъ не уступаетъ по численности скотоводству предыдущихъ общинъ, то только благодаря арендованію недостающей площади подножныхъ кормовъ у частныхъ владѣльцевъ, у которыхъ собственно скотоводство по отношенію къ площади землевладѣнія имѣетъ обыкновенно незначительные размѣры. Общины, арендующія пастбища, составляютъ 51% всего числа общинъ, а количество скота, нуждающагося въ пастбищахъ (46.472 гол. въ переводѣ на крупный), ко всему количеству его у крестьянъ (80.183) составляетъ 58%. При недостаточной величинѣ посѣва и при малыхъ запасахъ кормовыхъ средствъ, домохозяева нѣкоторыхъ селъ Вольскаго уѣзда отдаютъ скотъ на всю зиму своимъ односельцамъ за извѣстную плату [2]).

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ *Полтавской губ.* пастбищъ у крестьянъ имѣется недостаточно, и они вынуждены или снимать пастбища въ экономіяхъ и у многоземельныхъ хуторянъ, или же отдавать имъ свой скотъ на выпасъ. Въ 68 поселеніяхъ совсѣмъ не имѣется пастбищъ, такъ что весь скотъ изъ этихъ селеній — кромѣ свиней, которыхъ держатъ около двора — выпасывается на чужихъ

---

1) Стат. данныя къ оцѣнкѣ земель Тамбовск. губ., Темниковскій у. Вып. VI, 1902 г., стр. 171.

2) Сборн. стат. свѣд. по Саратовск. губ., Вольскій у. Т. VII, часть 2, 1892 г.

пастбищахъ; при этомъ въ 43 селеніяхъ весь скотъ отдается на выпасъ, въ 21—нанимаются пастбища для всего скота. Всѣ эти селенія принадлежатъ къ такимъ, въ которыхъ вся пахатная земля занята ежегодно подъ посѣвами хлѣбовъ. Изъ обслѣдованныхъ селеній 55, или 24%, пользуются исключительно своими пастбищами, 108 (47%) частью—своими, частью нанимаютъ ихъ на сторонѣ и 68 (29%)—весь скотъ выпасаютъ на чужихъ пастбищахъ [1]).

Въ Орловскомъ уѣздѣ *Орловской губ.* всѣхъ земель подъ выгонами и пастбищами числится 6.929 дес. Изъ этого числа крестьянскими выгонами занято 5.284 дес. Отведенныя для содержанія скота на подножномъ корму, угодья эти, однако, далеко не удовлетворяютъ своему назначенію, какъ въ виду ограниченныхъ размѣровъ площади, такъ и въ виду низкаго качества земель. На 5.284 десятинахъ выгона должны находить себѣ прокормъ въ теченіе нѣсколькихъ весеннихъ, лѣтнихъ и, отчасти, осеннихъ мѣсяцевъ 50.677 головъ крупнаго скота (считая въ томъ числѣ мелкій въ переводѣ на крупный). Такимъ образомъ, на 1 голову крупнаго скота приходится лишь немногимъ болѣе 0,1 дес. пастбища; если принять за норму, необходимую для прокормленія одной головы крупнаго скота, приблизительно 2 дес., то окажется, что площадь, занятая въ уѣздѣ выгонами, почти въ 20 разъ меньше того размѣра, какимъ она должна была бы быть, чтобы надлежащимъ образомъ удовлетворить нуждѣ въ подножномъ кормѣ. Въ силу этого аренда пастбищъ у частныхъ владѣльцевъ является обычнымъ явленіемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и, если тѣмъ не менѣе общая площадь арендуемыхъ пастбищъ сравнительно съ надѣльными не велика (менѣе 10%), то это объясняется съ одной стороны довольно тяжелыми условіями, съ которыми сопряжена аренда, а съ другой—тѣмъ, что владѣльцы при веденіи собственнаго хозяйства, сами нуждаясь въ большинствѣ случаевъ въ пастбищныхъ угодьяхъ, не могутъ отдавать ихъ въ аренду крестьянамъ [2]).

Въ *Таврической губ.*, въ материковомъ и степномъ районахъ, сѣнокосъ, какъ самостоятельное угодье, въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ; сѣно даетъ при благопріятныхъ условіяхъ та же пахатная земля, съ которой сняли урожай хлѣбовъ. Необезпеченность населенія губерніи сѣнокосными угодьями видна изъ слѣдующихъ данныхъ [3]).

---

[1]) Сборн. по хоз. стат. Полтав. губ., Константиногр. у., 1894 г., стр. 104, 105.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Орловск. у. Т. VIII, 1895 г., отд. II, стр. 287.

[3]) Сельскохоз. обзоръ Таврич. губ. за 1899 г., стр. 36.

Районы.	Въ 1899 г. сѣнокосы не производились.			
	По отсутствію сѣнокосныхъ угодій.		По неурожаю травъ.	
	Показаній.	% къ общему числу показаній по району.	Показаній.	% къ общему числу показаній по району.
Материковый	51	52,1	47	47,9
Степной крымскій	20	64,5	11	35,5
Подгорный	2	40,0	3	60,0
Горный	—	—	1	100,0
По губерніи	73	54,1	62	45,9

Такимъ образомъ, большинство сообщеній указываетъ на отсутствіе сѣнокосныхъ площадей.

«Сѣнокосы отошли въ область преданія» (с. Шевченково, Бердянскаго у.); «Благодаря малоземелью крестьяне подъ сѣно не оставляютъ совсѣмъ земли, а всю стараются вспахать» (с. Ново-Полтавка того же уѣзда). Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ «у крестьянъ сѣнокоса нѣтъ и раньше не существовало» (с. Кириловка Ефремовской вол.); «сѣнокосовъ на крестьянскихъ земляхъ нѣтъ, такъ какъ вся земля подъ распашкой» (с. Верхній Рогачикъ Рогачикской вол.). Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ «сѣнокоса не было, и на степи Брилевскаго общества сѣнокосныхъ площадей нѣтъ» (с. Брилевское Б. Капанской вол.); «сѣнокосовъ по малоземельности никогда не бываетъ» (с. Каланчакъ, Каланчакской вол.); «сѣнокосовъ не имѣется и даже не хватаетъ для подножнаго корма» (с. Строгоновка Перво-Константиновской вол.). Изъ Перекопскаго, Ѳеодосійскаго и Евпаторійскаго уѣздовъ корреспонденты сообщаютъ: «сѣнокосовъ здѣсь нѣтъ», «сѣнокоса не имѣется».

Наконецъ, относительное значеніе аренды пашни и сѣнокосовъ видно изъ слѣдующей таблицы для 23 уѣздовъ по 5 губерніямъ [1]).

---

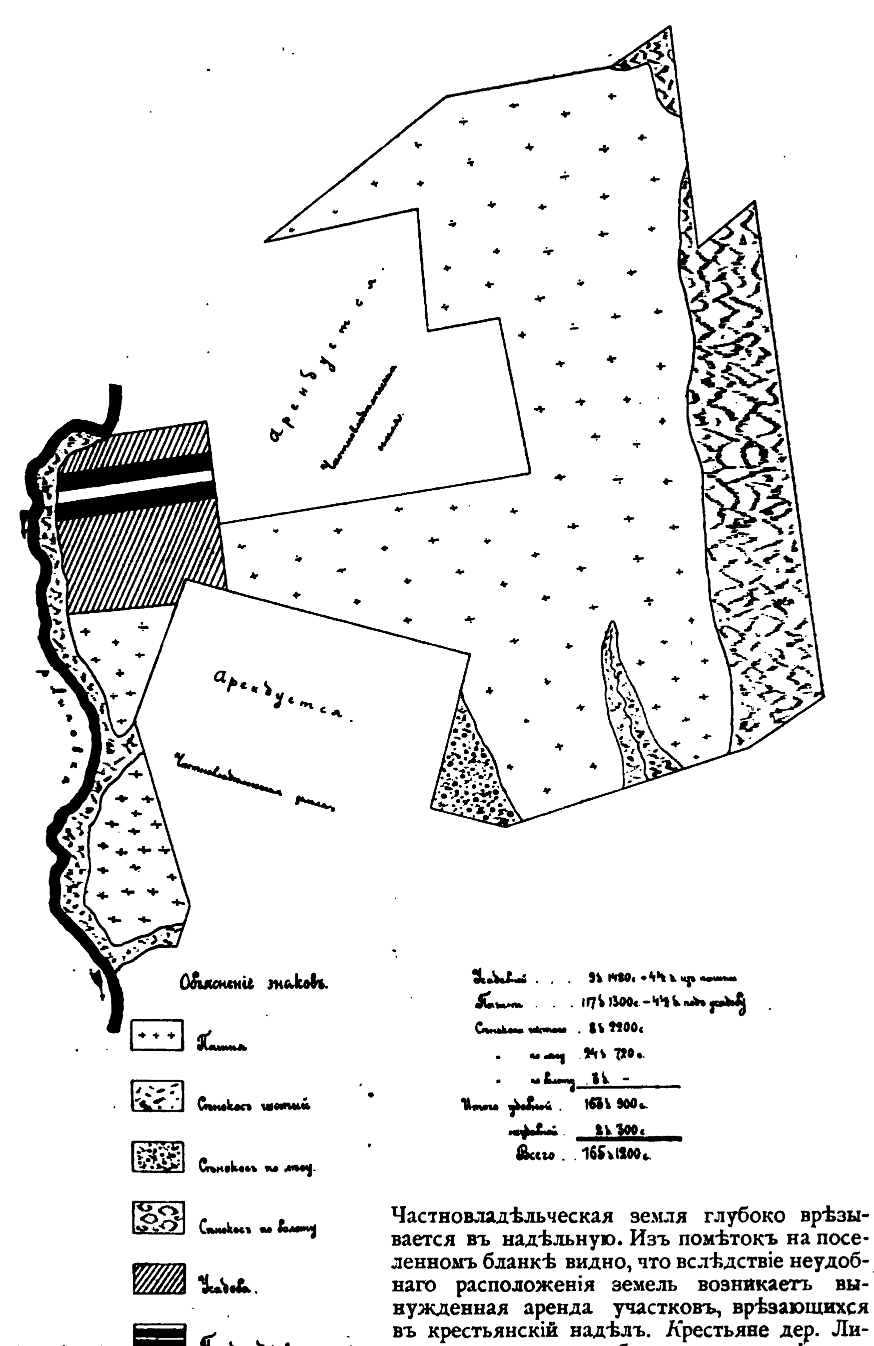
[1]) Сводъ стат. матеріаловъ, касающ. экономич. полож. сельск. насел. Европ. Россіи. Изданіе канцеляріи Комитета Министровъ 1894 г. Приложеніе 2, стр. 384—429.

Губерніи и уѣзды.	Отношеніе арендуемой пашни къ надѣльной.	Отношеніе аренд. сѣнокоса къ надѣльному.
I. Екатеринославская губ.		
1) Бахмутскій	26,2	216,0
2) Маріупольскій	5,8	60,9
3) Славяносербскій	30,0	819,0
II. Курская губ.		
4) Тимскій	9,1	8,7
5) Корочанскій	8,0	9,6
6) Суджанскій	10,9	9,3
7) Фатежскій	10,0	6,3
8) Льговскій	24,3	69,0
9) Бѣлгородскій	11,0	6,0
10) Грайворонскій	12,3	23,0
11) Дмитріевскій	25,0	34,3
III. Орловской губ.		
12) Елецкій	12,0	16,6
13) Болховской	8,3	14,5
14) Карачевскій	15,0	22,2
IV. Нижегородская губ.		
15) Васильскій	18,4	66,5
16) Княгининскій	22,5	25,3
17) Горбатовскій	12,7	18,0
18) Макарьевскій	73,6	7,7
V. Смоленская губ.		
19) Сычевскій	1,7	130,6
20) Юхновскій	3,0	49,7
21) Вяземскій	4,8	229,0
22) Дорогобужскій	2,2	27,0
23) Духовщинскій	1,2	27,0

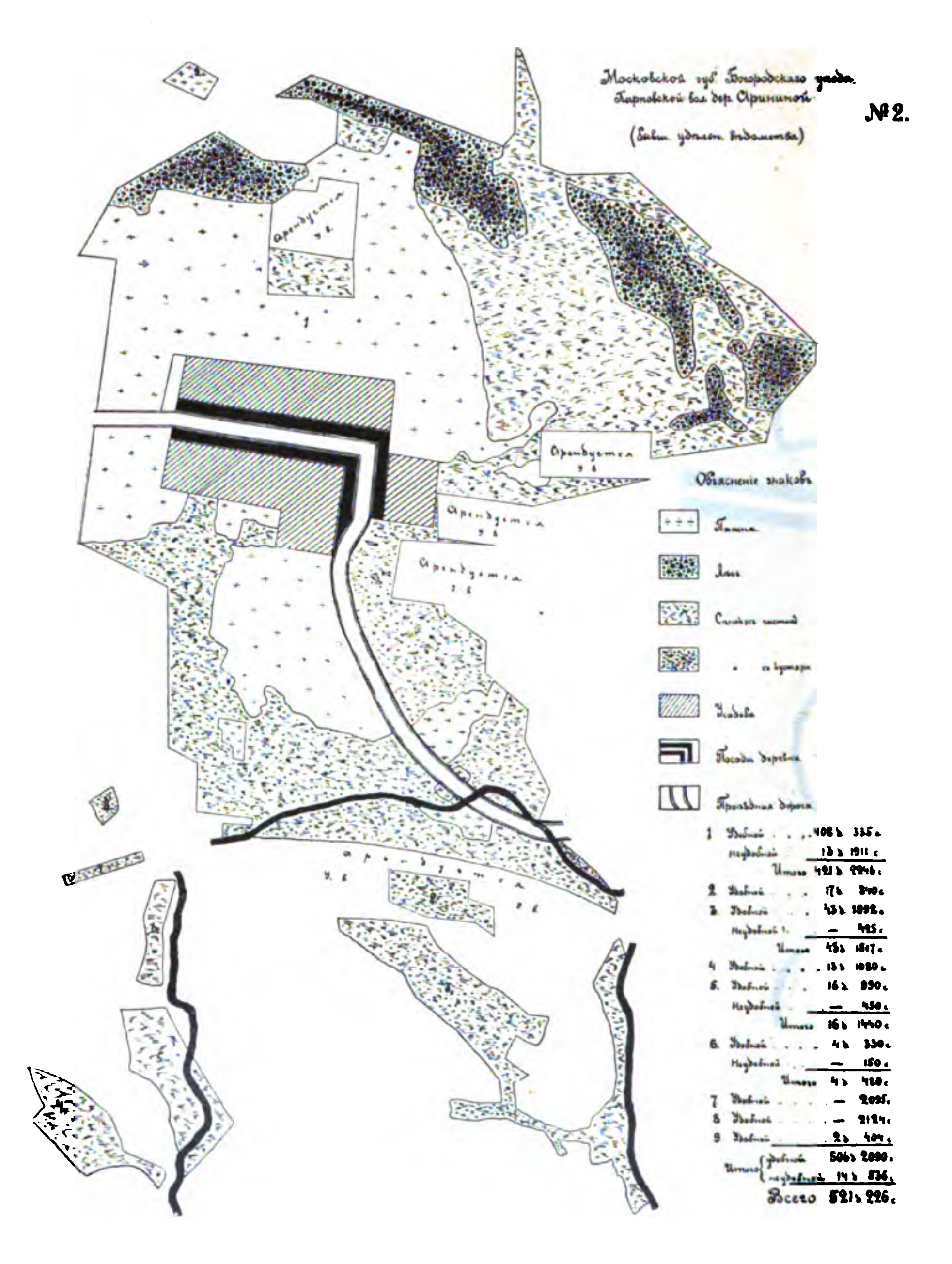
На ряду съ малоземельемъ, выражающимся въ недостаткѣ необходимыхъ угодій, особенно сѣнокосовъ и пастбищъ, чрезвычайно важной причиной широкаго распространенія въ нашей странѣ крестьянской аренды служитъ *неудобное расположеніе крестьянскихъ земель относительно частновладѣльческихъ*. Это явленіе выражается въ разнообразныхъ формахъ, которыя могутъ быть пояснены помѣщенными ниже планами, извлеченными изъ матеріаловъ послѣдней земской переписи въ *Московской губерніи*.

Первый случай: чужая земля (владѣльческая или удѣльная) глубоко врѣзывается въ надѣльную. (Планы №№ 1 и 2).

Московской губ. Можайского уезда Бородинской волости
дер. Липоховка (Липовка тож) №1.

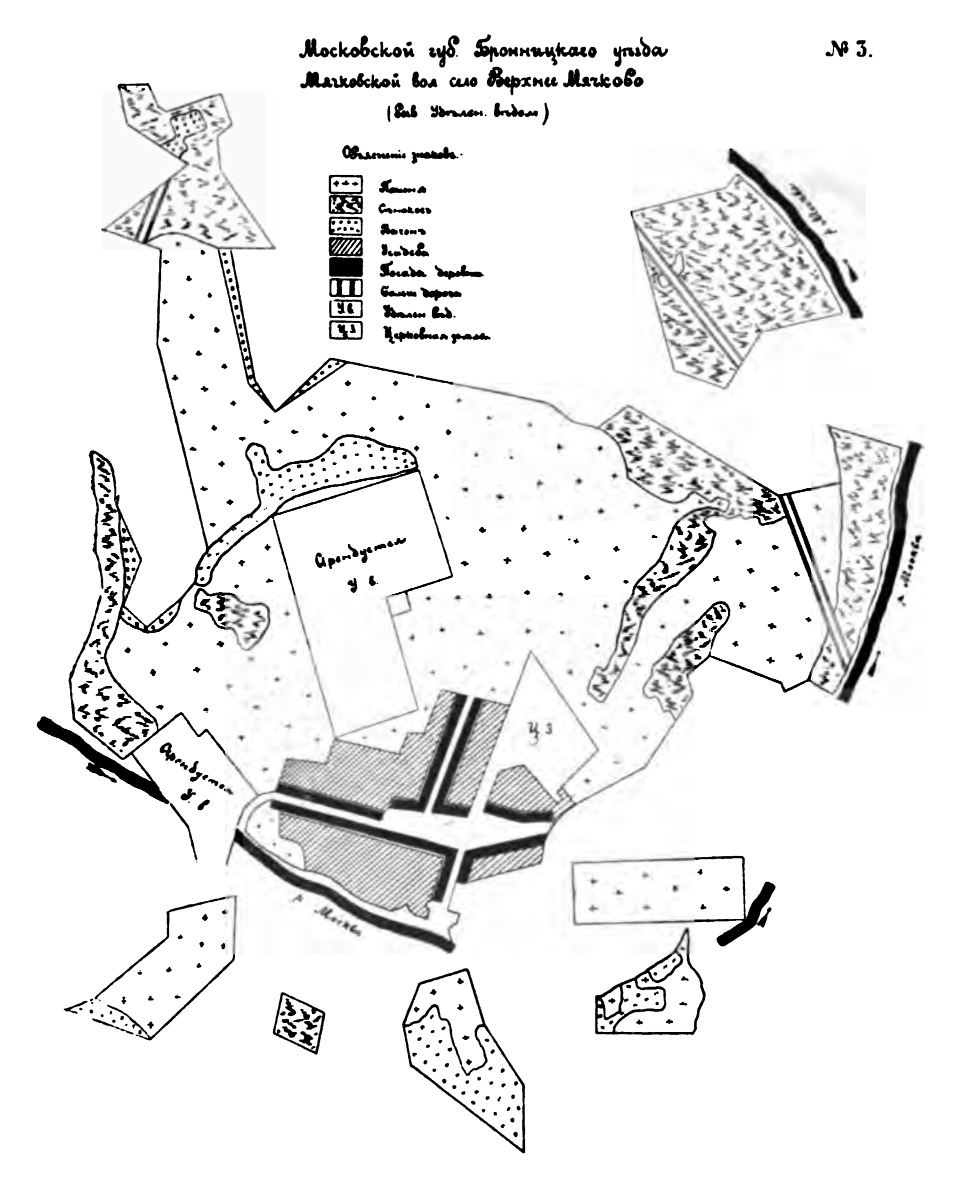


Частновладѣльческая земля глубоко врѣзывается въ надѣльную. Изъ помѣтокъ на поселенномъ бланкѣ видно, что вслѣдствіе неудобнаго расположенія земель возникаетъ вынужденная аренда участковъ, врѣзающихся въ крестьянскій надѣлъ. Крестьяне дер. Липоховки арендуютъ обществомъ у сосѣдняго помѣщика 109 дес. за 165 рублей и отработки (косьба и возка сѣна на барскій дворъ; точныхъ данныхъ нѣтъ).



Земля удѣльнаго вѣдомства врѣзывается въ надѣльную и вмѣстѣ съ тѣмъ перерѣзываетъ ее на части, не имѣющiя сообщенiя между собою. Всѣ клочки, врѣзающiеся въ надѣлъ и разрѣзающiе его, арендуются крестьянами. Всего арендуется 27 дес. за 100 руб. на срокъ съ 1900 по 1906 г.

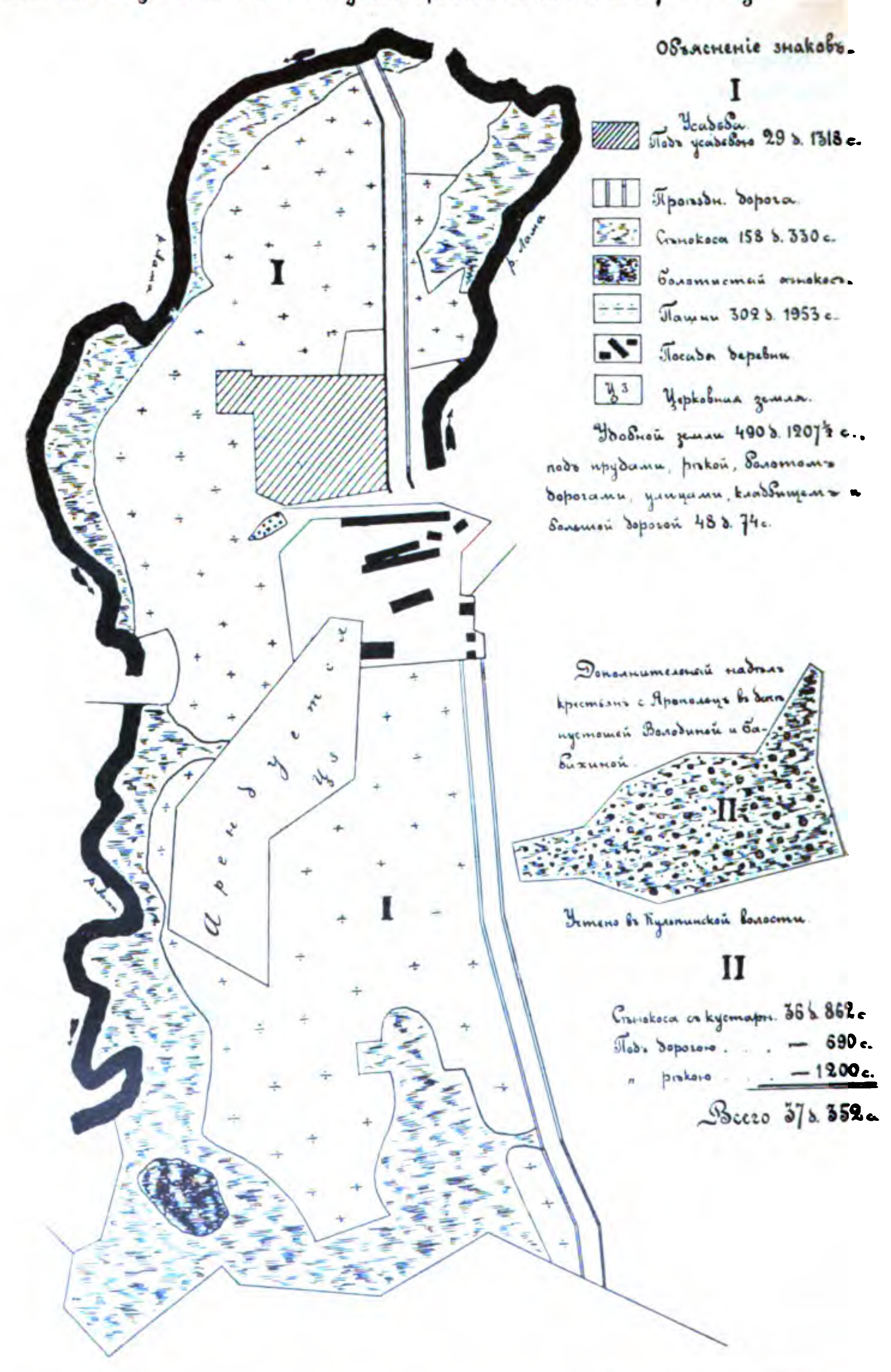
Второй случай: чужая земля расположена въ серединѣ надѣла, какъ бы вкраплена въ него. (Планы №№ 3 и 6).



Земли удѣльнаго вѣдомства врѣзаются въ надѣлъ и расположены въ серединѣ его. Онѣ арендуются крестьянами; всего уплачивается удѣльному вѣдомству арендной платы 293 руб. 56 коп.

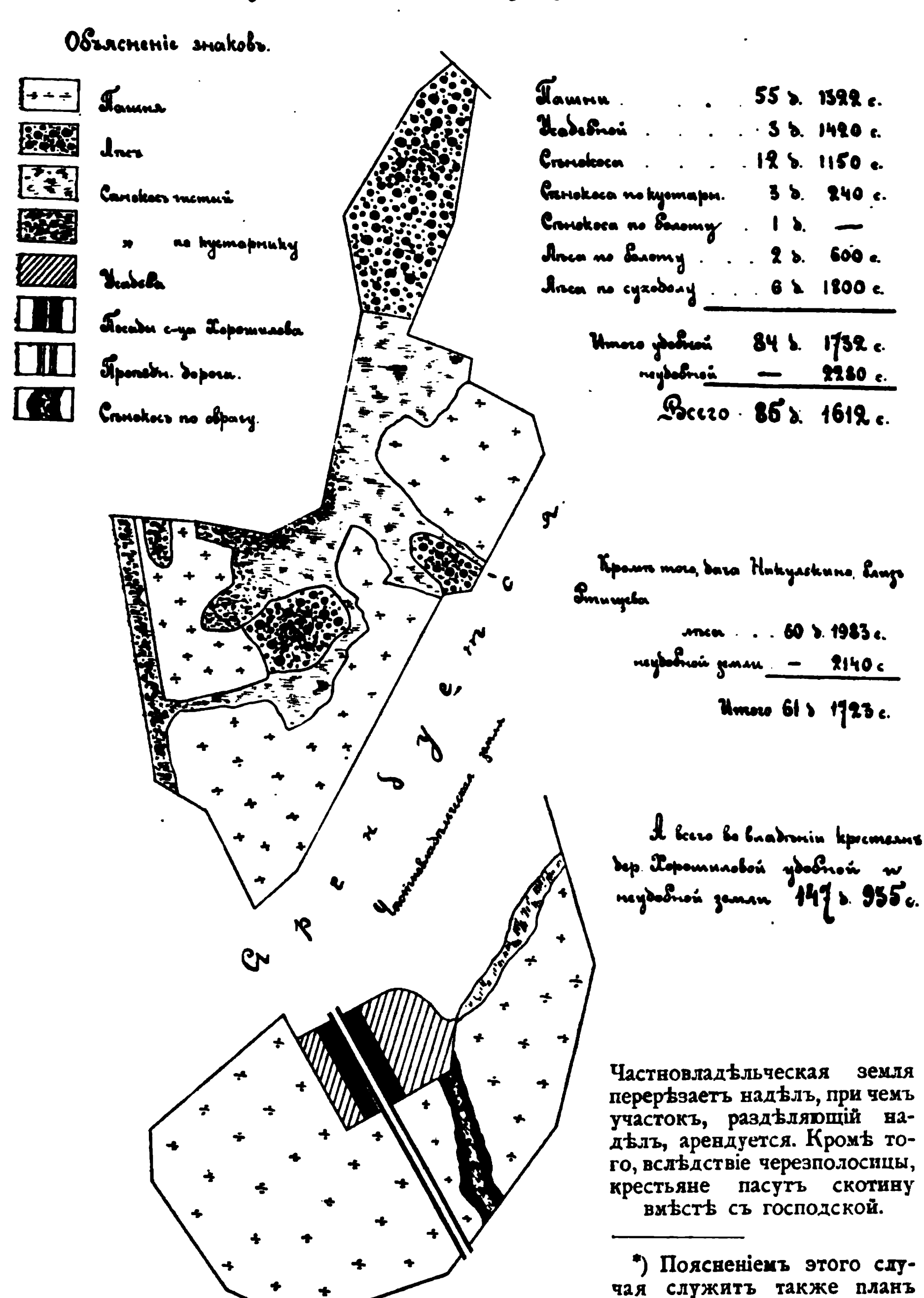
№ 6.

Московской губ. Волоколамскаго уѣзда. Ярополеской вол. села Ярополецъ.



У церкви с. Ярополецъ въ серединѣ крестьянской надѣльной земли находится церковная земля—30 дес. пашни и 3 дес. сѣнокоса. Крестьяне ежегодно арендуютъ эти угодья за 150 руб. и по 1 пуду ржаной соломы съ ревизской души.

Третій случай: чужая земля перерѣзаетъ надѣлъ на части, сообщеніе между которыми можетъ поддерживаться только черезъ постороннія владѣнія *). (Планъ № 5).



Частновладѣльческая земля перерѣзаетъ надѣлъ, при чемъ участокъ, раздѣляющій надѣлъ, арендуется. Кромѣ того, вслѣдствіе черезполосицы, крестьяне пасутъ скотину вмѣстѣ съ господской.

---

*) Поясненіемъ этого случая служитъ также планъ № 2.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ черезполосное расположеніе казенныхъ, частновладѣльческихъ или иныхъ, не принадлежащихъ крестьянамъ, земель, создаетъ въ высшей степени неблагопріятныя условія для веденія сельскаго хозяйства на надѣльной землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко служитъ источникомъ серьезныхъ затрудненій для землевладѣльцевъ.

Если въ серединѣ надѣла находится участокъ частновладѣльческой земли или же послѣдняя глубоко врѣзается въ надѣльную, то крестьянамъ очень часто приходится арендовать подобные «отрѣзы» уже изъ-за того только, чтобы предотвратить неизбѣжныя при такихъ условіяхъ потравы чужихъ угодій и гарантировать себя отъ штрафовъ. Поэтому крестьяне обыкновенно волей-неволей арендуютъ земли, расположенныя указаннымъ образомъ, и притомъ большею частью на невыгодныхъ условіяхъ, что̀ является естественнымъ послѣдствіемъ того, что они въ подобныхъ случаяхъ *вынуждены* прибѣгать къ арендѣ.

Въ столь же безвыходномъ положеніи находятся крестьяне и тогда, когда ихъ надѣлъ разрѣзается на части чужой землей, или когда они бываютъ, напр., отрѣзаны отъ рѣки или дороги полосой, находящейся въ частномъ владѣніи. Имъ приходится поневолѣ или арендовать такія земли, или же платить владѣльцу своимъ трудомъ за право прогона по нимъ скота и проѣзда [1]).

[1]) Насколько вообще расположеніе земель имѣетъ значеніе при арендѣ ихъ, свидѣтельствуетъ слѣдующая таблица, показывающая разстояніе арендуемыхъ угодій отъ селенія (при общественной арендѣ) въ 5 уѣздахъ Московск. губ.

		Богородскій уѣздъ.	Волоколамскій уѣздъ.	Дмитровскій уѣздъ.	Коломенскій уѣздъ.	Рузскій уѣздъ.
Всѣхъ случаевъ арендованій		127	354	334	140	354
Изъ нихъ извѣстно разстояніе въ		72	212	191	52	201
Отношеніе между ними въ процентахъ.	Смежно	39%	31%	43%	23%	49%
	до 1-й версты	29%	33%	29%	52%	33%
	отъ 1-й—2 в.	11%	18%	12%	17%	5%
	» 2-хъ—3 в.	12%	7%	8%	4%	5%
	» 3-хъ—5 в.	7%	6%	6%	2%	5%
	свыше 5 в.	2%	5%	2%	2%	3%
	Итого	100%	100%	100%	100%	100%

Аренда, вызываемая неудобнымъ расположеніемъ крестьянскихъ земель по отношенію къ частновладѣльскимъ, представляетъ весьма распространенное явленіе во многихъ мѣстностяхъ.

Изъ поселенныхъ бланковъ московской переписи выбраны для настоящей работы по всѣмъ уѣздамъ свѣдѣнія, относящіяся къ настоящему предмету; они не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что аренда «отрѣзковъ» и прогоновъ встрѣчается въ *Московской губ.* очень часто. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого матеріала.

«Надѣльная земля находится въ 6 мѣстахъ и расположена очень неудобно. Покосы, хотя и небольшіе, находятся за землей владѣльца, который не допускаетъ ни прохода, ни проѣзда, а особенно прогона скота. Если же крестьяне прогонятъ скотъ на свои угодья, то владѣлецъ привлекаетъ ихъ къ штрафу. Теперь крестьяне стали въ силу необходимости арендовать прогоны» (Богородскій у., Аксеновская вол.).

«Надѣльная земля въ одной межѣ, но расположена очень неудобно: со всѣхъ сторонъ къ селенію подходятъ чужія владѣнія, почему крестьяне принуждены арендовать у сосѣдняго владѣльца оставшійся за надѣломъ бывшій садъ въ $4^1/_2$ дес.» (Бронницкій у., Салтыковская вол.).

«Надѣльная земля расположена въ двухъ участкахъ; на одинъ изъ нихъ у крестьянъ нѣтъ никакого проѣзда; поэтому они много лѣтъ арендуютъ землю у сосѣдняго владѣльца» (Рузскій у., Судниковская вол.).

«Надѣльная земля расположена въ разныхъ мѣстахъ, черезполосно. Земля частнаго владѣльца входитъ въ надѣлъ, почему крестьяне и арендуютъ ее» (Рузскій у., Хотебцовская вол.).

«Надѣльная земля въ одной межѣ, но неудобство то, что въ нее врѣзывается узкой полосой частновладѣльческая земля, которую крестьяне должны непремѣнно арендовать, чтобы не нарушить удобствъ хозяйства» (Верейскій у., Ташировская вол.).

«Арендуютъ землю «отъ грѣха», такъ какъ участокъ тотъ въ самую усадебную землю упирается» (Серпуховскій уѣздъ, Семеновская вол.).

«Надѣльная земля расположена въ 2-хъ участкахъ, 2-й изъ нихъ при шоссе окруженъ барской землей; арендуютъ прогонъ» (Серпуховскій у., Васильевская вол.).

«Надѣльная земля въ одной окружной межѣ; такъ какъ границы слишкомъ искривлены, то приходится арендовать непремѣнно у частнаго владѣльца 182 дес., которыя были отрѣзаны отъ надѣла крестьянъ» (Клинскій у., Круговская вол.).

«Надѣльная часть (11 дес. съ сад.) входитъ косой въ барскую землю; благодаря арендѣ пока все мирно» (Клинскій у., Круговская вол.).

«Арендуютъ у помѣщика 3 десят. подъ выгонъ, потому что земля эта находится среди крестьянскихъ усадебъ и мѣшаетъ; берутъ «отъ грѣха»» (Коломенскій у., Мещеринская вол.).

«Земля въ 2-хъ межахъ; между двумя пашнями отрѣзокъ луга сосѣдняго помѣщика, къ краямъ котораго примыкаютъ Златоустовскіе луга; на этихъ лугахъ главнымъ образомъ пасется скотъ, который переходитъ на помѣщичью землю. Въ виду этого крестьянское общество («по обязанности, неволя заставляетъ») снимаетъ у помѣщика отрѣзокъ» (Верейскій у., Богородская вол.).

«Надѣльная земля расположена въ 2-хъ участкахъ. Оба эти участка раздѣлены землей помѣщика, у котораго крестьяне арендуютъ покосъ». (Бронницкій у., Ульянинская вол.).

«Арендуютъ, чтобы не загораживали прогонъ въ поле» (Бронницкій у., Чулковская вол.).

«Земли въ одной межѣ; но въ срединѣ надѣла $3^1/_2$ дес., принадлежащія частнымъ лицамъ. Ихъ арендуютъ для прогона» (Бронницкій у., Салтыковская вол.).

«Такъ какъ земля церкви почти вся въ чертѣ крестьянскаго надѣла, то берутъ ее больше изъ-за прогона скота; травы же на ней почти нѣтъ» (Московскій у., Троице-Голенищевская вол.).

«Надѣльная земля расположена въ одной межѣ, но для прогона приходится арендовать землю. Арендуютъ больше для того, чтобы не попала въ чужія руки» (Московскій у., Пехорская вол.).

Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много. Подобныя же указанія приводятся и въ сборникахъ по другимъ губерніямъ.

Въ Сводномъ Сборникѣ по *Тверской губ.* сообщается, что на ряду съ малоземельемъ, побуждающимъ крестьянское населеніе прибѣгать къ арендѣ внѣнадѣльной земли, на размѣръ и развитіе аренды въ значительной степени вліяютъ «отрѣзки» и «отбои». Отрѣзки эти, далеко врѣзываясь въ надѣлъ или соприкасаясь съ нимъ, если они служатъ проѣздомъ для крестьянъ на ихъ собственныя угодья, сильно стѣсняютъ свободу селеній въ пользованіи послѣдними; во многихъ случаяхъ, аренда или даже покупка такихъ земель является условіемъ sine qua non хозяйственнаго существованія крестьянъ (особенно въ уѣздахъ Новоторжскомъ, Зубцовскомъ, Ржевскомъ, Вышневолоцкомъ и др.); при чемъ эта вынужденная аренда отрѣзковъ нерѣдко обходится значительно дороже добровольной. Въ Весьегон-

скомъ, Кашинскомъ и Зубцовскомъ уѣздахъ крестьяне арендуютъ иногда тѣ или другія угодья просто для избѣжанія потравы ихъ скотомъ; въ противномъ случаѣ пришлось бы ежегодно платить значительные штрафы [1]).

Напр., крестьяне дер. Гребенкиной (Игнатовской вол., Зубцовскаго у.) арендуютъ отрѣзки, которыхъ имъ и не нужно — «нельзя пройти на надѣлъ, если не держать».

Крестьяне дер. Золотилово (Ивановской вол., того же у.) арендуютъ 70 дес. покоса и приволья за работу: «должны арендовать, ибо эта земля служитъ проѣздомъ на ихъ пустошь».

Въ Козельскомъ у. *Калужской губ.* аренда угодій подъ пастбища у сосѣднихъ владѣльцевъ и отчасти у городскихъ и сельскихъ обществъ практикуется крестьянами подъ вліяніемъ двухъ причинъ: во-первыхъ, арендой достигается общее расширеніе площади пастбищъ, во-вторыхъ, при черезполосности съ чужими владѣніями, или при сосѣдствѣ угодій, служащихъ выгономъ для крестьянскаго стада, съ угодьями другого владѣнія, при помощи аренды устраняются поводы къ осложненіямъ на юридической почвѣ изъ-за потравъ.

Въ Каменской вол. крестьяне говорятъ: «живемъ, какъ въ капканѣ. Съ одной стороны къ самому селенію подходитъ земля Матчинскихъ крестьянъ, которые постоянно караулятъ и берутъ за потраву: съ луга 50 к., съ пара 5 к.».

Въ Прысковской вол. «берутъ 90 дес. луга послѣ косовицы. Берутъ собственно отъ грѣха, во избѣжаніе обидъ со стороны черкесовъ-сторожей».

Въ Коробинской вол. крестьяне «искони арендуютъ выгонъ въ лѣсу, такъ какъ своего нѣтъ хорошаго». «Арендуемъ паръ у крестьянъ Мещовскаго уѣзда; арендуемъ его тогда, когда паровое поле находится по сосѣдству съ ними; своего выгона — удобнаго для скота—нѣтъ».

Въ Волосово-Звегинской вол. «арендуютъ въ сосѣднемъ имѣніи выгонъ, чтобы скотина не заходила, такъ какъ земля его подходитъ къ самому селенію».

Въ Дулинской вол. «брали выгонъ 12 дес. (въ сосѣднемъ имѣніи) по срединѣ крестьянскаго покоса за 16 руб. Три раза ѣздили за сѣномъ 75 лошадей, за льдомъ 40 подводъ, 60 подводъ возили навозъ, вязали овесъ 35 чел. одинъ день. Кромѣ выгона, могли пользоваться 11 дес. скошеннаго луга. Арендовали больше для того,

[1]) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверской губ. Т. XIII, вып. I, 1897 г., стр. 50, 54.

чтобы не затѣсняли скота, если когда вскочитъ на чужую землю. Кромѣ покоса, могли пользоваться 10 деревьями изъ лѣса для моста».

«Арендовали 300 дес. выгона въ лѣсу. Арендовали потому, что некуда выпустить скотъ. Платили деньгами 150 руб., работы приблизительно на 147 руб.».

«Работаютъ (на сосѣднее имѣніе) изъ уваженія, за тѣмъ чтобы не притѣсняли, если когда скотина вскочитъ, если бабы пойдутъ за грибами. Вотъ потому именно и уважаемъ (всего работы приблизительно на 122 рубля)». Арендуютъ въ томъ же имѣніи еще 60 десятинъ «Снимаемъ больше для того, говорятъ крестьяне, чтобы не притѣсняли, потому что прилегаютъ какъ разъ къ нашей землѣ» [1]).

Въ Вольскомъ у. *Саратовской губ.* крестьяне дер. Хватовки Царевщинской вол. и дер. Тепловки Тереинской вол. снимаютъ въ аренду лѣсные покосы «больше отъ грѣха», чтобы не пришлось платить за скотину штрафовъ [2]).

Приведенныя выше данныя указываютъ на затрудненія, создаваемыя для крестьянъ неудобнымъ расположеніемъ надѣльныхъ земель относительно частновладѣльческихъ. На этой почвѣ возникаетъ вынужденная аренда разныхъ клочковъ, безъ которыхъ крестьяне не могутъ обойтись—аренда «изъ-подъ неволи». Но, съ другой стороны, нужно замѣтить, что и частные владѣльцы иногда должны тоже поневолѣ сдавать такія земли, чтобы избѣжать столкновеній съ крестьянами.

Для очень многихъ земельныхъ собственниковъ сдача «отрѣзковъ», прогоновъ и т. п. представляетъ средство обезпеченія своихъ хозяйствъ рабочей силой. Нерѣдко, однако, подобные клочки вовсе не входятъ въ составъ имѣнія и пріобрѣтаются какъ самостоятельные участки, единственно ради извлеченія дохода отъ сдачи ихъ въ аренду. Въ такихъ случаяхъ владѣльцами этихъ арендныхъ статей обыкновенно являются спекулянты изъ мѣстныхъ кулаковъ или мелкихъ купцовъ, занимающихся, между прочимъ, скупкой земель съ цѣлью наживы. Въ ихъ рукахъ земли этого рода представляютъ товаръ sui generis, обладаніе которымъ не имѣетъ ничего общаго съ какими-либо сельскохозяйственными задачами.

---

[1]) Стат. опис. Калужской губ. Козельскій у. Т. I, вып. II, 1898 г., стр. 501, 502.

[2]) Сборникъ стат. свѣд. по Саратовской губ. Вольскій у. Т. VII, 1892 г., часть 2-я.

IV.

Характеръ русскихъ арендъ.

Крестьянская аренда служитъ прежде всего средствомъ восполненія пищи и корма въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ она носитъ продовольственный характеръ и этимъ въ корнѣ отличается отъ предпринимательской аренды въ разнообразныхъ ея видахъ.

На это указываютъ ближайшимъ образомъ мелкіе размѣры аренды въ нашей странѣ. По изслѣдованію проф. Карышева въ 78 уѣздахъ изъ 125, т. е. въ 62,4% всего ихъ числа (болѣе $^{3}/_{5}$), крестьяне арендуютъ въ среднемъ менѣе 2 десятинъ на наличный дворъ; остальные же 47 уѣздовъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 28 уѣздахъ средній размѣръ аренды составляетъ отъ 2 до 4 дес. и только въ 19—болѣе этого числа. При этомъ изъ 125 уѣздовъ оказалось всего 4 такихъ, въ которыхъ приходится на наличный дворъ болѣе 10 дес. арендованной земли [1]).

Эта общая характеристика находитъ подкрѣпленіе и въ новѣйшихъ свѣдѣніяхъ по отдѣльнымъ уѣздамъ.

Данныя, извлеченныя изъ матеріаловъ послѣдней земской переписи въ *Московской губ.*, показываютъ, что по пяти уѣздамъ, по которымъ эти данныя были разработаны, средній размѣръ арендуемой земли на дворъ чрезвычайно низокъ.

Въ приводимой ниже таблицѣ расчетъ произведенъ по числу надѣльныхъ дворовъ: — наличныхъ, обрабатывающихъ землю, т.-е. съ исключеніемъ забросившихъ хозяйство, и наконецъ, обрабатывающихъ землю «лично», т.-е. своимъ инвентаремъ, что почти совпадаетъ съ лошадными хозяйствами. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ размѣры арендныхъ участковъ, конечно, выше, чѣмъ въ первомъ, но весьма незначительно.

	Приходится въ среднемъ дес. арендуемой земли на надѣльный дворъ:		
Уѣзды:	наличный.	обрабатывающій землю.	обрабатывающ. землю лично (своимъ инвентаремъ).
Богородскій. . . .	0,7	0,9	1,3
Волоколамскій. . .	3,4	3,4	3,7
Дмитровскій. . . .	2,1	2,2	2,3
Коломенскій. . . .	1,2	1,3	2,0
Рузскій.	4,4	4,6	4,7

1) Карышевъ. Крест. внѣнад. аренды. Стр. 21.

Если сложить всю удобную надѣльную землю съ арендуемой, то на надѣльный-наличный дворъ придется въ Рузскомъ у. — 15,6 дес., Волоколамскомъ—13,8, Дмитровскомъ—13,7, Коломенскомъ—9,8 и Богородскомъ—7,1 дес. [1]). Такое количество земли во всякомъ случаѣ не превышаетъ нормы необходимой для полученія хлѣба и корма, потребляемыхъ въ теченіе года средней крестьянской семьей и скотомъ, который она содержитъ.

Это видно изъ слѣдующаго расчета, основаннаго на данныхъ послѣдней подворной переписи.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ высчитаны для упомянутыхъ 5 уѣздовъ сборы хлѣбовъ и сѣна на надѣльныхъ и арендуемыхъ земляхъ по нормамъ, принятымъ для Рузскаго у. въ докладѣ Московской губернской земской управы земскому собранію очередной сессіи 1902 г. По этимъ нормамъ сборъ ржи съ 1 дес. принятъ въ 5,2 четв.=45,8 пуд., а среднiй укосъ на десятину, если исключить лѣсные и болотные покосы, въ 64,5 пуд.

Затѣмъ опредѣлено количество крупнаго скота и число дворовъ, обрабатывающихъ землю своимъ или чужимъ инвентаремъ по матеріаламъ послѣдней переписи; наконецъ, при помощи этихъ данныхъ высчитано, сколько въ каждомъ уѣздѣ приходится въ среднемъ хлѣба на дворъ и сѣна на голову крупнаго скота. Результаты получились слѣдующіе:

---

[1]) Въ приведенномъ расчетѣ приняты въ соображеніе только наличные надѣльные дворы, т.-е. исключены всѣ отсутствующіе. Если же имѣть въ виду всѣ надѣльные дворы, то конечный выводъ нѣсколько измѣнится, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Уѣзды.	Число надѣльныхъ дворовъ.	Надѣльной земли дес.	На дворъ приходится дес.	Арендуется земли на надѣльн. дворъ. дес.	Приходится въ среднемъ на надѣльный дворъ надѣльной и арендуемой земли дес.
Богородскій. . . .	27.507	161.005,5	5,8	0,6	6,4
Дмитровскій. . . .	16.505	169.030,8	10,2	1,8	12,0
Коломенскій. . . .	15.141	113.026,3	7,5	0,9	8,4
Волоколамскій. . .	13.510	129.323,5	9,6	3,0	12,6
Рузскій.	9.750	105.190,7	10,8	4,2	15,0

Уѣзды:	Пахатная земля.			Сѣнокосъ.		
	Сборъ хлѣба въ пудахъ съ над. и аренд. земель.	Число дворовъ, ведущ. хозяйство.	Сколько приходится на дворъ пудовъ.	Сборъ сѣна съ над. и аренд. земель.	Количество крупнаго скота.	Сколько приходится сѣна на 1 голову скота.
Богородскій . . .	719.955,2	20.699	34,3	3.829.351,5	37.225	102,9
Волоколамскій . .	1.078.388,4	11.771	91,6	3.958.240	34.871	113,5
Дмитровскій . . .	1.094.850,6	13.791	79,3	4.877.723,5	38.450	126,8
Коломенскій . . .	1.103.944,8	11.590	95,2	1.518.666,5	20.215	75,6
Рузскій	836.974,6	8.816	94,9	2.429.111	24.428	99,8

Конечно, эти результаты являются приблизительными, потому что нормы сборовъ хлѣба и сѣна высчитаны только по одному уѣзду; но это не можетъ чувствительно отразиться на числахъ, опредѣленіе которыхъ составляетъ цѣль этой таблицы.

Приведенныя выше среднія количества хлѣба и сѣна едва ли достигаютъ тѣхъ нормъ, которыя обусловлены требованіями правильнаго питанія людей и скота. Трудно усомниться въ этомъ относительно хлѣба; если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне и накашиваютъ больше сѣна, чѣмъ требуется для ихъ хозяйствъ, то это бываетъ далеко не каждый годъ, а когда бываетъ, продаваемый излишекъ обыкновенно не превышаетъ весьма скромныхъ размѣровъ и вырученныя отъ продажи деньги идутъ на удовлетвореніе текущихъ потребностей семьи. При такихъ условіяхъ было бы неправильно говорить о производствѣ хлѣба и корма на арендуемой землѣ съ предпринимательскими цѣлями.

Тотъ же характеръ крестьянскихъ арендъ можно подмѣтить и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Напримѣръ, въ Нерехтскомъ уѣздѣ *Костромской губ.* — хозяйства, имѣющія надѣльную землю и сѣющія, накашиваютъ пудовъ сѣна: на надѣльной землѣ — 2.584.182, купленной—41.321, арендуемой—521.352, всего — 3.146.855 пудовъ. По переписи 1897 г. крупнаго скота у этихъ хозяйствъ числилось 56.723. Такимъ образомъ, на 1 штуку приходится около 55 пудовъ сѣна. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ той же губ. надѣльное населеніе накашиваетъ 2.606.721 пуд. (на надѣльн.—1.609.175, на купленной—322.242, на арендуемой—675.304). Въ среднемъ, на 1 голову крупнаго скота (45.327 штукъ)—около 57

пуд. Приведенныя данныя также указываютъ на продовольственный характеръ крестьянской аренды въ названныхъ уѣздахъ.

Въ *Полтавской губ.*, какъ показали земско-статистическія изслѣдованія, главнымъ назначеніемъ операціи найма земли служитъ удовлетвореніе требованій мелкаго хозяйства. Объ этомъ можно заключить уже по одному тому, что около 759 тысячъ десятинъ, или 90%, зарегистрированнаго наемнаго фонда попадаетъ въ руки крестьянъ и казаковъ, и что бо́льшая часть нанимаемой земли (473 тыс. дес. пашни и 70 тысячъ десятинъ покоса) снимается участками размѣромъ въ 3—4 дес. Въ соотвѣтствіи съ высказаннымъ положеніемъ находится и тотъ фактъ, что 72% нанимаемой земли состоитъ изъ одной пашни или одного покоса, т.-е. имѣетъ хозяйственный составъ, не допускающій правильной эксплоатаціи снятаго участка, и, очевидно, назначается только для пополненія недостатка какого-либо угодья въ хозяйствѣ. О роли наемной земли въ дѣлѣ поддержанія мелкаго хозяйства можно судить еще по тому, что по даннымъ, относящимся только къ одной изъ формъ аренды — съемкѣ пашни на одинъ урожай,—къ ней прибѣгаетъ больше половины поселянъ (53%), занимающихся хлѣбопашествомъ, и что въ 9 уѣздахъ всего 2% земледѣльческихъ семей имѣютъ посѣвъ въ 20 дес. и больше, а площадь посѣва 86% хозяевъ не достигаетъ 9 дес. [1]).

Продовольственный характеръ крестьянскихъ арендъ въ нашей странѣ находитъ себѣ подтвержденіе не только въ ихъ мелкихъ размѣрахъ, но и въ указанномъ выше *фактѣ обратнаго соотношенія между развитіемъ аренды и земельной обезпеченностью съемщиковъ*, по крайней мѣрѣ, до извѣстныхъ размѣровъ землевладѣнія послѣднихъ. Если, при равенствѣ прочихъ условій, крестьянинъ, арендуя землю, руководится пространствомъ и составомъ своего надѣла и арендуетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше у него своей собственной земли, то отсюда вытекаетъ, что арендуемая земля служитъ для пополненія земельнаго обезпеченія крестьянскаго хозяйства до той нормы, при которой оно можетъ служить источникомъ продовольствія для крестьянской семьи.

Такое значеніе имѣетъ аренда для громаднаго большинства нашего крестьянства, но безспорно существуетъ меньшинство, болѣе или менѣе значительное въ разныхъ мѣстностяхъ, которое арендуетъ землю съ предпринимательскими цѣлями. На это указываютъ, напр., данныя относящіяся къ *Полтавской губ.*

---

[1]) Сводн. Сборн. по стат. опис. Полтавск. губ. въ 1882—89 г. Вып. I, 1900 г., стр. 154.

Источникомъ предпринимательской аренды служитъ тамъ земля, отдающаяся на года (т.-е. долгосрочно), но не вся, а только та часть ея, которая арендуется единолично. Средняя величина участка земли, единолично арендуемой на долгіе сроки лицами сельскихъ сословій у частныхъ землевладѣльцевъ, равняется 91 дес., т.-е. имѣетъ размѣры, доступные только очень зажиточнымъ домохозяевамъ. Такіе участки превышаютъ рабочую силу обыкновенной крестьянской семьи, и для ихъ обработки арендаторы, безъ сомнѣнія, прибѣгаютъ къ наемному труду. Въ общемъ, однако, лицами сельскихъ сословій арендуется для веденія болѣе или менѣе крупнаго хозяйства всего 106 т. дес. изъ 759 тыс., поступающихъ въ руки крестьянъ и казаковъ.

Если судить по тому же признаку, какой примѣненъ выше къ Полтавской губ., о характерѣ крестьянскихъ арендъ въ *Московской губ.*, то придется признать, что до сихъ поръ здѣсь почти нѣтъ мѣста арендованію земель для веденія на нихъ предпринимательскаго хозяйства. На это указываетъ ничтожное развитіе единоличной долгосрочной аренды, а также и то, что въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда она существуетъ, размѣры арендныхъ участковъ очень мелки. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Единоличная аренда пашни на года:

Уѣзды.	Число арендуемыхъ десятинъ.	Число случаевъ.	Средній размѣръ аренд. участка.
Богородскій	—	—	—
Волоколамскій	38,6	20	1,90
Дмитровскій	1,5	2	0,75
Коломенскій	9,2	3	3,07
Рузскій	2,0	1	1

Единоличная аренда сѣнокоса встрѣчается только въ Рузскомъ и Богородскомъ уѣздахъ: въ первомъ 15,8 дес. въ 3 случаяхъ, т.-е. въ среднемъ около 5 дес., а во второмъ—2 случая, по $^{3}/_{4}$ дес. въ каждомъ.

Единоличная аренда на одинъ годъ также слишкомъ мелка въ перечисленныхъ уѣздахъ, чтобы можно было говорить о веденіи на арендуемой землѣ хозяйствъ капиталистическаго типа.

Единоличная аренда (погодная):

Уѣзды.	Число случаевъ съ извѣстнымъ колич. десятинъ.	Число арендов. десятинъ.	Сколько десятинъ приходится въ среднемъ на 1 случай.
Пашня:			
Богородскій	65	82,3	1,26
Волоколамскій	541	655,3	1,21
Дмитровскій	82	64,5	0,78

Уѣзды:	Число случаевъ съ извѣстнымъ колич. десятинъ.	Число арендов. десятинъ.	Сколько десятинъ приходится въ среднемъ на 1 случай.
Коломенскій	195	447,17	2,29
Рузскій.	41	53,15	1,29
Сѣнокосъ:			
Богородскій	215	310,5	1,44
Волоколамскій	158	428,4	2,71
Дмитровскій	79	309,5	3,91
Коломенскій	567	953,55	1,68
Рузскій.	65	307,1	4,72

Всѣ эти данныя подтверждаютъ выраженное выше общее положеніе о продовольственномъ характерѣ громаднаго большинства крестьянскихъ арендъ. До извѣстной степени носитъ какъ будто предпринимательскій характеръ аренда подъ ленъ, практикующаяся въ широкихъ размѣрахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напр., въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губ., въ Смоленской губ. и другихъ мѣстностяхъ). Въ дѣйствительности, однако, и въ этихъ случаяхъ, какъ и при продажѣ сѣна, съемщики преслѣдуютъ продовольственныя цѣли: деньги, выручаемыя за продажу льна, назначаются на удовлетвореніе нуждъ домашняго хозяйства, нерѣдко на покупку недостающаго хлѣба.

Арендуемая земля не только является средствомъ для расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія; нерѣдко она служитъ необходимымъ элементомъ въ системѣ крестьянскаго хозяйства или составляетъ необходимое условіе его техническаго совершенствованія. Въ подобныхъ случаяхъ лишеніе крестьянъ возможности пріарендовывать землю не только сократило бы ихъ запасы продовольствія и корма, но нарушило бы самый строй хозяйства или помѣшало бы имъ перейти къ улучшенному сѣвообороту.

Это прежде всего относится къ сѣнокоснымъ и пастбищнымъ угодьямъ, безъ которыхъ хозяйство вовсе не можетъ существовать. При отсутствіи или недостаточности ихъ въ составѣ надѣльной земли, аренда неизбѣжна для предотвращенія хищнической культуры. Площадью сѣнокосовъ и пастбищъ опредѣляется, какое количество скота можетъ держать домохозяинъ; слѣдовательно, сколько онъ получитъ удобренія и, въ концѣ-концовъ, какое пространство земли онъ можетъ держать подъ пашней, не истощая почвы. Другими словами, между кормовой площадью и распашкой должно существовать опредѣленное соотношеніе, которое не можетъ быть нарушено безъ ущерба для продуктивности земледѣлія. Въ весьма значительномъ

числѣ случаевъ такое отношеніе можетъ устанавливаться въ крестьянскомъ хозяйствѣ только при помощи аренды.

Напр., въ *Рузскомъ уѣздѣ* Московской губ. надѣльная пашня составляетъ 53.033 дес., а надѣльный сѣнокосъ 14.869 десятинъ. Пашни пріарендовывается всего около 300 десятинъ, а сѣнокосовъ—14.040,9 дес., т.-е. почти столько же, сколько имѣется въ надѣлѣ, да кромѣ того арендуется выгоновъ 7.067 дес. (обществами).

При такомъ расширеніи кормовой площади крестьяне держатъ въ Рузскомъ уѣздѣ въ среднемъ менѣе 3 головъ крупнаго скота на дворъ и получаютъ урожай ржи самъ-3,1. Но, если бы они лишились возможности арендовать сѣнокосы и выгоны, то, несомнѣнно, понизилась бы и урожайность ихъ пашни. Въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующей таблички, представляющей группировку селеній Рузскаго уѣзда по относительному количеству скота съ указаніемъ урожайности принадлежащей этимъ селеніямъ земли.

Группы съ колич. скота на 1 посѣвную десят.	Въ нихъ урожай, самъ сколько [1]).
1,2—1,4	2,7
1,5—1,8	2,9
1,9—2,2	2,9
2,3—2,6	2,9
2,7—2,8	3,1
2,9—3	3,3
3,1 и выше	3,4

Не меньшее, а иногда и большее хозяйственное значеніе, чѣмъ аренда пастбищныхъ и сѣнокосныхъ угодій, имѣетъ арендованіе прогоновъ, безъ которыхъ веденіе хозяйства часто было бы немыслимо для крестьянъ.

Наконецъ, аренда пашни, хотя и имѣетъ меньшее хозяйственное значеніе, по крайней мѣрѣ въ средней Россіи, тѣмъ не менѣе нерѣдко также играетъ существенную роль въ системѣ крестьянскаго хозяйства.

Въ поселенныхъ бланкахъ по *Московской губ.* имѣется рядъ указаній на то, что земля пріарендовывается для уравненія одного изъ полей, т.-е. для установленія равномѣрнаго распредѣленія пахатной земли. Кромѣ того, въ рядѣ случаевъ отмѣчается, что земля арендуется для того, чтобы сдѣлать возможнымъ переходъ къ травосѣянію. Напр., въ Елмановской вол., Можайскаго уѣзда, дер. Архангель-

[1]) Докладъ Моск. Губ. Зем. Управы Моск. Губ. Зем. Собр. № 10. Очер. сессіи 1902.

ская къ своимъ полямъ прибавляетъ арендованную землю и на ней устраиваетъ 4-е поле. Такимъ образомъ аренда является условіемъ перехода къ многополью. Этотъ случай не единичный; напр., въ дер. Пашково, Буйгородской вол., Волоколамскаго уѣзда, крестьяне арендуютъ землю, чтобы сѣять на ней клеверъ.

Аренда можетъ вліять на измѣненіе сельскохозяйственной культуры и другимъ образомъ, хотя и косвеннымъ, но не менѣе дѣйствительнымъ. Переходъ къ травосѣянію при общинномъ землевладѣніи связанъ если не съ полнымъ прекращеніемъ, то во всякомъ случаѣ съ значительнымъ ограниченіемъ пастьбы по жнитву. Между тѣмъ, это возможно только при существовованіи отдѣльнаго выгона, и, когда его не имѣется въ составѣ надѣльной земли, приходится для устройства его прибѣгать къ арендѣ.

На эту сторону вопроса въ нашей литературѣ давно были сдѣланы указанія проф. Посниковымъ, который въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи объ общинномъ землевладѣніи приводитъ факты, показывающіе съ полною несомнѣнностью, что отмѣна трехполья въ крестьянскомъ хозяйствѣ нерѣдко встрѣчаетъ крайнее затрудненіе и даже непреодолимое препятствіе въ условіяхъ аренды. Извѣстно, напр., какое важное значеніе имѣетъ существованіе отдѣльнаго выгона, безъ котораго не можетъ быть уничтоженъ выпасъ скота по жнивью и связанные съ тѣмъ обычная трехпольная система и принудительный сѣвооборотъ. Между тѣмъ, при ограниченности надѣла особый выгонъ можетъ быть устроенъ въ большинствѣ случаевъ только на аредованной землѣ. Иногда крестьяне такъ и поступаютъ: арендуютъ выгонъ и отмѣняютъ выпасъ по жнивью, открывая, такимъ образомъ, возможность замѣнить трехполье болѣе совершенной системой обработки; но «нельзя не признать,—справедливо говоритъ проф. Посниковъ,—что успѣхъ ихъ хозяйства будетъ зависѣть отъ совершенно случайнаго обстоятельства—отъ воли собственника. Если онъ найдетъ болѣе выгоднымъ распахать эту землю, отдать ее, положимъ, подъ посѣвъ льна, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поставитъ въ самое безысходное положеніе крестьянское общество, выгонявшее до сихъ поръ на эту землю свой скотъ». Его придется опять пасти на пару и, слѣдовательно, вернуться къ обычному трехполью. Арендованіе земли является въ такихъ случаяхъ необходимымъ условіемъ для улучшенія земельной культуры.

V.

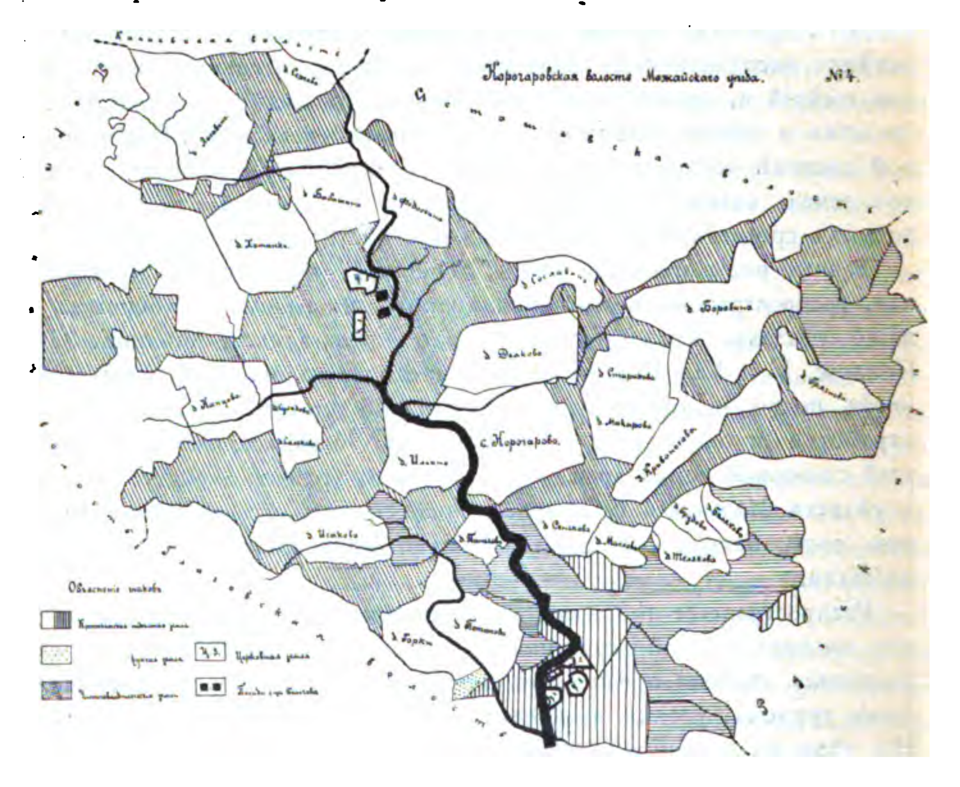
Значеніе аренды для частновладѣльческаго хозяйства.

Если арендованіе разныхъ угодій имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ, то и для частныхъ владѣльцевъ не менѣе существенную роль играетъ сдача земли крестьянамъ. При помощи аренды крестьяне пополняютъ недостатокъ въ хлѣбѣ и кормахъ, ограждаютъ себя отъ претензій сосѣдей за потравы и обезпечиваютъ прогоны; частные же владѣльцы посредствомъ сдачи земель нерѣдко эксплоатируютъ болѣе или менѣе значительныя части своихъ имѣній и, кромѣ того, восполняютъ недостатокъ оборотныхъ средствъ и обезпечиваютъ свои хозяйства рабочею силою. При испольной системѣ землевладѣлецъ имѣетъ возможность получать съ своихъ земель хлѣбъ или кормъ для скота, не затрачивая на это оборотныхъ средствъ и не употребляя для этого своего инвентаря.

Разные виды арендной платы, денежная, отработочная и испольная, распространены весьма неодинаково въ разныхъ губерніяхъ и даже уѣздахъ, какъ это видно изъ прилагаемыхъ таблицъ. (См. Прилож. V и VI.) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ *Рязанскомъ уѣздѣ*, почти половина земли, арендуемой крестьянами, сдается за отработки и около 45% за деньги; въ *Казанской губ.* болѣе 80% всей сдаваемой земли арендуется изъ доли урожая; между тѣмъ въ 5 уѣздахъ *Московской губ.* отработочная система играетъ второстепенную роль, исполу же сдается только ничтожная часть арендной площади.

Распространеніе той или другой формы арендной платы зависитъ отъ многихъ условій—наличности денежныхъ средствъ у сдатчика и съемщика, степени обезпеченія частновладѣльческихъ хозяйствъ наемнымъ трудомъ, уровня заработной платы въ данной мѣстности и т. д. Но, чѣмъ больше нужда мѣстнаго крестьянскаго населенія въ арендованіи земли, тѣмъ сильнѣе зависимость его отъ тѣхъ, которые располагаютъ аренднымъ фондомъ и тѣмъ въ большей степени выборъ формы арендной платы зависитъ отъ сдатчика, а не отъ арендатора. Въ этомъ отношеніи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе расположеніе частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель: крестьяне, которымъ неизбѣжно приходится арендовать прогонъ или отрѣзокъ, вынуждены соглашаться на условія, которыя ставитъ имъ земельный собственникъ, и, если при этомъ онъ нуждается въ рабочихъ, то, конечно, ему выгодно будетъ сдавать свои земли за отработки.

Прилагаемый планъ № 4 наглядно иллюстрируетъ сказанное. Надѣлы всѣхъ селеній волости (обозначенные на планѣ бѣлымъ или вертикально заштрихованные) окружены частновладѣльческими землями, принадлежащими, за исключеніемъ небольшой части, одному помѣщику, у котораго большинство крестьянъ и арендуетъ пахатныя и сѣнокосныя угодья, главнымъ образомъ за отработки. Нѣсколько селеній арендуютъ угодья у другого помѣщика, земля котораго также примыкаетъ къ надѣльной. Свѣдѣнія объ условіяхъ аренды помѣщены въ примѣчаніи къ плану.



1. Крестьяне д. Хотанки арендуютъ обществомъ у помѣщика К. землю, смежную съ надѣльной: 96 дес. покоса за отработки: 1) вспашка, сѣвъ, уборка и свозка 7 дес. овса; 2) выбрать и свезти 3 дес. льна; 3) скосить, высушить и убрать 13 дес. клевера; 4) 100 рабочихъ дней по требованію помѣщика на молотьбу.

2. Крестьяне д. Федосьина арендуютъ у помѣщика К. обществомъ покосъ и выгонъ 160 дес. за отработки:

1)	2 пахаты, 2 бороньбы подъ яровое	7 дней.
2)	Разбивать навозъ	10 „
3)	Носить, сушить, свезти и убрать клеверъ . .	18 „
4)	Скосить, связать, свезти и убрать рожь . .	5 „
5)	„ „ „ „ овесъ . .	$3^1/_2$ „
6)	Вязать перевернутый ленъ	2 „
7)	Молотьба	70 „

3. Крестьяне д. Сеньковой арендуютъ у Корочаровскихъ крестьянъ (рядомъ съ селеніемъ), которые сами арендуютъ у помѣщика 20 дес. выгона за 25 руб.; кромѣ того—у Кривоноговскихъ крестьянъ (въ $^1/_2$ вер. отъ селенія), которые сами арендуютъ у помѣщика 6 дес. выгона за 20 руб., и, наконецъ, у помѣщика Р. въ $^1/_2$ вер. отъ селенія 60 дес. покоса и выгона за 60 руб. и отработки: убрать 4 дес. льна (т.-е. вспахать, собрать, стлать, мять); сжать и свезти рожь съ 2 десятинъ; скосить и убрать 8 дес. покоса. Снимаютъ пастбище потому, что своего почти совершенно нѣтъ.

4. Крестьяне д. Теляковой арендуютъ у помѣщика Р. обществомъ (условія возобновляются ежегодно): 30 дес. покоса, 20 дес. выгона—всего 50 дес. за 105 р. и отработки: 4 десят. овса скосить и убрать, 4 дес. льна убрать (какъ у д. Сеньковой).

5. Крестьяне д. Сославиной арендуютъ обществомъ (возобновляютъ условія ежегодно) у помѣщика К. (рядомъ съ селеніемъ) 50 дес. покоса и 40 дес. выгона; всего—90 дес. за деньги (сумма неизвѣстна) и отработки: 3 дес. вспахать и посѣять овесъ, 3 дня возить навозъ на 20 лошадяхъ и при нихъ 40 человѣкъ рабочихъ; скосить и убрать 8 дес. клевера; связать и перевезти рожь съ 4 дес.; связать и перевезти овса 4 дес.; задѣлать и засѣять 6 дес. ржи; отвезти 72 куля овса изъ с. Боровина въ. с. Болычево (35 верстъ).

6. Крестьяне д. Серговой арендуютъ обществомъ (возобновляютъ условія ежегодно) у помѣщика К., въ разстояніи $^1/_4$ до $^1/_2$ версты отъ селенія, пашни 8 дес. и 70 дес. покоса за 30 руб. и отработки: 1) возка навоза всѣмъ обществомъ 7 дней (16 лошадей и 30 раб.); 2) скосить и убрать 7 дес. покоса и 3) скосить и убрать 6 дес. ярового. (Дѣлятъ по чередамъ; 2 череда—1 работнику.

7. Крестьяне д. Сальковой арендуютъ обществомъ съ 1863 г. (возобновляютъ условія ежегодно) рядомъ съ крестьянскимъ покосомъ 45 дес. покоса и 45 десят. выгона за 60 руб. и отработки: 1) скосить и убрать 7 дес. клевера; 2) скосить и убрать 3 дес. ярового; 3) 30 рабочихъ дней (сколькимъ рабочимъ выходить одновременно, зависитъ отъ сдатчика земли).

8. Крестьяне д. Макаровой арендуютъ ежегодно у помѣщика К. въ 2-хъ участкахъ (при чемъ 2-й участокъ отрѣзанъ отъ крестьянской земли, а 1-й рядомъ) всего 138 дес.; подъ пашней 20 дес., остальное покосъ, $^2/_3$ котораго подъ выгономъ и мелколѣсьемъ. 2-й уч. урочище „Корча" 45 дес. покоса. Вся аренда за отработки: 1) возка навоза—46 лош. 70 раб. въ теченіе 3 дней; 2) жать рожь—8 дес., сушить, связать, убрать; 3) скосить, высушить, перевезти въ сарай за 5—6 верстъ клевера—8 десят.

9. Крестьяне д. Лисавиной арендуютъ обществомъ у помѣщика К. рядомъ съ надѣльной землей 129 дес. запущенной пашни подъ пашню же и, кромѣ того, покоса: 40 дес. лѣсного, 40 по кустарникамъ, 60 дес. по болоту. Всего 269 дес. за отработки: 1) 11 дес. вспахать ярового—55 раб. съ лошадьми 4 дня; 2) 90 дней мужскихъ (или 110 женскихъ) молотить; 3) 11 дес. скосить и убрать клевера.

10. Крестьяне д. Кривоноговой арендуютъ обществомъ ежегодно у помѣщика К. (смежно съ селеніемъ) 80 дес. (изъ нихъ 5 дес. пашни, остальное покосъ). За это отрабатываютъ: 1) бороновать 25 дес. подъ яровое; 2) разбивать навозъ—10 дес.; 3) скосить, высушить и убрать лугъ—6 дес.; 4) жать рожь—8 дес.; 5) овса—6 дес.; 6) чистить садъ—25 раб. дней.

11. Крестьяне села Корочарова арендуютъ ежегодно обществомъ у помѣщика К. покосъ и выгонъ всего 205 дес. за 156 руб. и отработки: 1) возить навозъ—70 лош. и 140 чел. на 1 день; 2) убрать (скосить, высушить, свезти) 8—10 десят. покоса; 3) убрать (скосить, связать, свезти) овесъ съ 8 дес.; 4) свезти 100 кулей овса изъ с. Болычева до Можайска (35 верстъ).

Крестьяне д. Капцовой арендуютъ обществомъ у помѣщика К. рядомъ съ надѣльной землей покосъ 250 дес. за отработки:

1)	12 десят.	яров.	65 раб. съ 65 лош. пахали 1 день, бороновали 1 день (сѣяли 1 день).
2)	„	„	100 раб. косили и вязали $1^1/_2$ дня,
3)	„	„	„ „ 70 лошад. возили 1 день;
4)	14	покоса	100 „ косили 1 день,
5)	„	„	сушили 4—15 дней;
6)	„	„	100 раб. съ 60 лош. возили 1 день;
7)	„	ржи	100 „ косили и собирали 1—2 дня, 100 „ съ 70 лош. возили 1 день.

Неудобное расположеніе крестьянскихъ земель относительно частновладѣльческихъ имѣетъ настолько важное значеніе, что иногда крестьяне оказываются вынужденными изъ-за этого отдавать свой трудъ совершенно даромъ, не получая взамѣнъ его ни клочка земли въ аренду. Крестьяне нѣкоторыхъ селеній Тверской губ., помимо аренды земли у частныхъ владѣльцевъ, «противъ воли» исполняютъ еще отработки за «вскокъ»; напр., одна изъ деревень Коробьинской вол. Зубцовскаго уѣзда за 1 дес. приволья и за «вскокъ», т.-е. за возможность совершить потраву, отрабатываетъ въ переводѣ на деньги 60 рублей [1]).

Кромѣ того, нужно замѣтить, что испольная аренда очень часто комбинируется съ отработками, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ *Тверской* и *Казанской губ.*) это, повидимому, общее правило.

Насколько сдача земли за отработки важна для частныхъ хозяйствъ, если они нуждаются въ рабочей силѣ, показываютъ нижеслѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ разнымъ мѣстностямъ Россіи.

Въ *Тверской губ.* существуетъ 3 типа арендъ: аренда денежная, издольная или натуральная и смѣшанная, т.-е. денежно-отработочная.

Большая часть общинно-коллективныхъ арендъ практикуется не столько за наличныя деньги, сколько за различные отработки съ денежными доплатами, особенно при арендѣ выгоновъ, при которой денежная доплата почти всегда комбинируется съ отработками.

Когда веденіе собственнаго хозяйства дѣлается выгоднымъ для владѣльца, становится и болѣе выгоднымъ сдавать земли за отработки. Благодаря отработкамъ, частный землевладѣлецъ получаетъ возможность вести собственную запашку, дѣлая притомъ очень незначительныя затраты. Отработки даютъ возможность не только обходиться безъ найма работниковъ въ страдную пору, но даже не держать у себя сельскохозяйственныхъ орудій и скота. Онѣ обнимаютъ собой весь циклъ работъ деревенскаго обихода: посредствомъ отработковъ производятся всѣ сельскохозяйственныя работы по обраткѣ полей и уборкѣ хлѣба и сѣна, запасаются дровами, перевозятъ грузы, набиваютъ льдомъ погреба, чинятъ мосты, дороги, чистятъ сады, огороды и проч. (Стат. сборн. по Новоторжскому уѣзду) [2]).

Въ *Смоленской губ.* средствомъ обезпеченія частныхъ хозяйствъ рабочими руками служитъ аренда смѣшанныхъ угодій. Такой видъ аренды распространенъ въ гораздо большей степени, нежели аренда

---

[1]) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверск. губ. Т. XIII, вып. I, 1897 г., стр. 54.
[2]) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверск. губ. Т. XIII, вып. I, 1897 г., стр. 50.

отдѣльныхъ имѣній и хуторовъ: 258 сообщеній изъ 482, т.-е. 53,7% всѣхъ отвѣтовъ, говорятъ объ этомъ видѣ аренды.

Главный контингентъ арендаторовъ здѣсь даютъ цѣлыя деревни—86,1%, остальные 13,9% падаютъ на долю товариществъ. Тотъ и другой разрядъ арендаторовъ платитъ больше работою; особенно это можно сказать о цѣлыхъ деревняхъ: изъ 205 корреспондентовъ только 31 (15,1%) отмѣчаютъ, что плата производится деньгами, 27,3% падаетъ на уплату исключительно отработками и 57,6%—деньгами и отработками. Такимъ образомъ, болѣе 5/6 общаго числа отвѣтовъ указываютъ, что уплата — цѣликомъ или отчасти — производится работой.

Арендованіе «уругъ», «приволья» для пастьбы скота и смѣшанныхъ угодій имѣетъ для частныхъ владѣльцевъ особенно большое значеніе въ цѣляхъ обезпеченія ихъ имѣній рабочими руками. Уплата за эти виды аренды производится главнымъ образомъ отработками: 104 показанія изъ 157, т.-е. 66,2% отмѣчаютъ плату работой; 30 показаній (19,1%) падаютъ на отработки съ денежной приплатой и только 14,7% констатируютъ денежную плату [1]).

Въ *Темниковскомъ уѣздѣ* Тамбовской губ. частные владѣльцы за недостаткомъ своего скота сдаютъ поля на пастьбу скота крестьянамъ, которые предъявляютъ большой спросъ на пастбищныя угодья. Платятъ крестьяне за пользованіе пастбищами по большей части не деньгами, а работой—по уборкѣ урожая хлѣбовъ и травъ, обработкѣ пашни, вывозкѣ навоза на паровое поле, возкѣ дровъ изъ лѣса въ усадьбу и проч. [2]).

Работы, возлагаемыя на крестьянъ за аренду земли, чрезвычайно разнообразны, обнимая собою, какъ было замѣчено выше, весь циклъ земледѣльческихъ операцій. О характерѣ «отработковъ» можно судить, напр., по слѣдующимъ сообщеніямъ земскихъ корреспондентовъ въ *Курской губ.* [3]):

Бѣлгородскій уѣздъ, Толоконская волость. «Крестьянинъ берется обработать землевладѣльцу 4 дес. земли, т.-е. вспахать, засѣять сѣменами владѣльца всю землю (4 дес.) и 1 дес. скосить и сложить въ копны, а пятую десятину безплатно беретъ себѣ за труды».

Грайворонскій уѣздъ, Дорогощанская волость. «У насъ вспашка, посѣвъ и вообще вся обработка, кромѣ молотьбы, — крестьянская.

[1]) Сельскохоз. обзоръ Смоленской губ. за 1900 г., стр. 84—87.

[2]) Стат. данныя къ оцѣнкѣ земель Тамбовской губ. Темниковскій у. Вып. VI, 1902 г., стр. 127, 128.

[3]) Текущая сельскохоз. стат. Курской губ. земства за 1902 г. Книга II, стр. 21—29.

Владѣлецъ же получаетъ половину урожая, которую крестьянинъ долженъ привезти ему во дворъ. Иной разъ владѣлецъ, сверхъ половины, беретъ еще лишнюю копну».

Дмитріевскій уѣздъ, Кармановская волость. «Снимаемъ мы (крестьяне) на слѣдующихъ условіяхъ: беремъ, напр., 2 дес.; 1 дес. должны вспахать, посѣять, скосить, связать и урожай съ нея отвезти къ владѣльцу земли, а другую десятину засѣваемъ и урожай беремъ себѣ, а владѣльцу приплачиваемъ 3 рубля деньгами».

Курскій уѣздъ, Рышковская волость. «При арендѣ земли у нѣкоторыхъ владѣльцевъ за 1 дес. ярового крестьяне обязываются скосить 1 дес., связать, свезти на гумно и доплатить еще 14 или 15 рублей».

Льговскій уѣздъ, Конышевская волость. «Въ нашей мѣстности большею частью сдаютъ землю за деньги, если не за наличныя, то дешевле рублемъ, сдаютъ также и «исполу», т.-е. взявшій 1 дес. или нѣсколько долженъ вспахать землю своими лошадьми дважды, своимъ зерномъ засѣять, скосить, связать, свезти и помолотить, а затѣмъ зерно, солому и хоботья раздѣлить пополамъ съ хозяиномъ земли».

Новооскольскій уѣздъ, Волотовская волость. «У владѣльцевъ въ яровомъ клину крестьяне снимаютъ подъ одинъ яровой посѣвъ по 19 руб. за десятину, а если земля сдается по 15 руб., то арендаторъ обязанъ еще 1 дес. скосить, связать и свезти или же 2 раза вспахать, скосить и связать».

Щигровскій уѣздъ, Никитская волость. «За 1 дес. крестьянинъ долженъ отработать экономіи слѣдующимъ образомъ: вспахать, посѣять, передвоить, скосить, связать, свезти на гумно и сложить въ скирды, да еще вывезти 10 кучъ навоза въ поле; деньгами доплатить 10 руб.; вся же работа принимается за 6 рублей».

Въ Моршанскомъ уѣздѣ *Тамбовской губ.* чаще всего встрѣчаются слѣдующія условія сдачи. За десятину, снятую подъ посѣвъ озими, съемщикъ обязанъ въ пользу владѣльца по первому требованію взметать сохою на своей лошади $1^1/_2$ дес. пара на глубину не менѣе $2^1/_2$—3 верш., при чемъ въ сажени должно быть не менѣе 9—12 бороздъ, т.-е. ширина борозды должна быть не шире 4—5 верш.; потомъ взметъ долженъ быть хорошо выборонованъ, выдвоенъ сохою и снова выборонованъ, затѣмъ съемщикъ сѣменами владѣльца засѣваетъ $1^1/_2$ дес. и запахиваетъ ихъ сохою безъ бороны,—короче, выражаясь общепринятымъ въ уѣздѣ терминомъ, съемщикъ обязанъ отработать $1^1/_2$ дес. въ 3 сохи и 2 бороны. Когда хлѣбъ созрѣетъ, съемщикъ обязанъ сжать $1^1/_2$ дес. экономическаго хлѣба, связать и сложить въ копны, перевезти въ усадьбу и сложить въ скирды съ

помощью экономическихъ кладчиковъ хлѣба. Отработки за десятину земли, снятую подъ яровой посѣвъ, тѣ же, что и за озимое; кромѣ того, съемщикъ всѣ красные яровые хлѣба обязанъ еще обмолотить и представить владѣльцу чистое зерно [1]).

При отработочной системѣ землевладѣлецъ получаетъ возможность располагать окрестнымъ населеніемъ, какъ своими рабочими, съ тѣмъ, однако, преимуществомъ, что нанимаемые имъ крестьяне несутъ передъ нимъ коллективную отвѣтственность за свою работу. Напр., въ Моршанскомъ уѣздѣ [2]) земельный собственникъ, сдавая землю за отработки, распредѣляетъ работы соотвѣтственно хозяйственному состоянію каждаго изъ съемщиковъ такимъ, напр., образомъ, что съемщикъ, который при одной работницѣ въ хозяйствѣ не можетъ своевременно управиться съ жнивомъ, но, благодаря достаточному числу работниковъ въ семьѣ и рабочаго скота, скорѣе и лучше можетъ справиться съ возкою хлѣбовъ и обработкою поля, обязывается сжать меньшее число десятинъ, но взамѣнъ этого соотвѣтственно большее число обработать и свезти копны съ большаго числа десятинъ, тогда какъ другой съемщикъ, который находится въ прямо противоположныхъ условіяхъ, обязанъ большее число десятинъ убрать; въ этихъ видахъ владѣльцы обыкновенно заключаютъ условіе не съ каждымъ изъ съемщиковъ земли въ отдѣльности, а съ артелями изъ нихъ. При этомъ въ условіи подробно поименовывается каждый членъ артели и тѣ работы, которыя на его долю приходятся. Расцѣнка работъ обыкновенно устанавливается заранѣе; по этой расцѣнкѣ уравниваются работы каждаго изъ съемщиковъ. За неисполненіе работъ или дурную работу одного изъ членовъ отвѣчаетъ вся артель круговою порукою.

Другимъ примѣромъ того же рода можетъ служить слѣдующее условіе, заключенное съ крестьянами Константиноградскаго уѣзда *Полтавской губ.:* крестьяне взяли подъ посѣвъ землю и обязались за каждую взятую десятину убрать $1^1/_2$ дес. экономическаго хлѣба,— «какой будетъ указанъ»; на работу они должны явиться «по первому требованію»; затѣмъ слѣдуютъ такія условія: «1) Должно быть скошено низко, связано въ снопы туго, загребено чисто, сложено въ копны тѣсно, не менѣе 3 копъ въ одну стаю (рядъ), при чемъ верхній снопъ на копахъ долженъ быть прикрѣпленъ закруткою и въ каждомъ полукопкѣ должно быть по 30 сноповъ; уборка на время дождя и росы пріостанавливается до того времени, когда можно

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Тамбовской губ. Частное землевл. Моршанскаго уѣзда. Т. XV, 1890 г., стр. 71.

[2]) Тамъ же, стр. 70.

будетъ начать уборку безъ вреда для хлѣба. 2) Продолжительность уборки со времени вызова должна быть не болѣе 3 дней (для 1 дес.) и по окончанiи отъ завѣдывавшаго работами выдается квитокъ (росписка) въ выполненiи отработка за нанимаемую землю. Кто изъ насъ (крестьянъ) раньше исполненiя отработка возьметъ хоть одну копну хлѣба, то подписка эта считается нарушенною, а хлѣбъ того изъ насъ остается въ пользу экономiи безъ суда. Равнымъ образомъ весь посѣвъ хлѣба остается въ пользу экономiи отъ того изъ насъ, кто: а) не явится на уборку экономическаго хлѣба по первому требованiю, б) не чисто уберетъ, в) допуститъ при уборкѣ, что хлѣбъ будетъ сыпаться, г) будетъ сносить снопы и складывать въ копны въ сильную жару среди дня, д) будетъ убирать во время дождя и росы, е) будетъ складывать менѣе 3 копъ въ каждую стаю и не будетъ укрѣплять верхнихъ сноповъ на копахъ закрутками, ж) будетъ складывать въ полукопны менѣе 30 сноповъ, з) будетъ складывать въ копы не вязанные снопы. Подписка эта считается для насъ обязательствомъ со дня заключенiя ея, и кто изъ насъ, занявъ землю, откажется раньше отъ посѣва и отъ пользованiя, то отработокъ обязанъ выполнить, въ противномъ случаѣ отвѣчаетъ по суду неустойкою въ размѣрѣ 10 руб. за каждую десятину земли». Кромѣ обязательствъ, изложенныхъ въ сей подпискѣ, крестьяне обязаны доставить въ экономiю за каждую десятину нанимаемой земли по 4 лапки истребленныхъ овражковъ [1]).

Такимъ образомъ, значительная часть частновладѣльческой земли всегда находится въ арендѣ у крестьянъ. Это одна изъ формъ ея эксплоатацiи и, кромѣ того, нерѣдко одно изъ условiй веденiя хозяйства на тѣхъ земляхъ, которыя остаются въ непосредственномъ хозяйственномъ завѣдыванiи собственника. Поэтому сдача земли въ аренду составляетъ во многихъ случаяхъ такой же необходимый элементъ частнаго хозяйства, какимъ является арендованiе земель для хозяйства крестьянскаго [2]).

---

[1]) Сборн. по хоз. Полтавской губ., Константиногр. у. Т. XIV, 1894 г., стр. 140.

[2]) То же самое отмѣчено было еще въ концѣ 70-хъ гг. проф. Н. А. Каблуковымъ въ I вып. V-го т. Сборника стат. свѣд. по Моск. губ.

VI.

Условія русскихъ арендъ.

Аренда затрогиваетъ существеннѣйшіе интересы обѣихъ сторонъ, въ виду чего для нихъ одинаково важны условія, на которыхъ арендуется земля. Отъ того, каковы эти условія, въ конечномъ итогѣ зависятъ состояніе и прогрессъ земледѣльческой культуры, а слѣдовательно въ значительной мѣрѣ и благосостояніе страны.

Условія русскихъ арендъ характеризуются слѣдующими чертами:

1. Въ нашей странѣ пользуется очень широкимъ распространеніемъ краткосрочная аренда: земля при этой формѣ съема очень часто сдается на одинъ годъ, или, что то же самое, на одинъ урожай.

По изслѣдованіямъ проф. Карышева, краткосрочная аренда особенно распространена въ тѣхъ районахъ, гдѣ количество арендной земли на 1 дворъ очень невелико, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы.

Изъ числа арендуемой крестьянами внѣнадѣльной земли снято [1]):

	Погодно.	На годъ.	Арендуем. земли на 1 дворъ.
Въ малоарендномъ центрѣ	74,6%	25,4%	1,1 дес.
Въ многоарендныхъ районахъ на юго-западѣ	71,6%	28,4%	1,9 »
Въ многоарендныхъ районахъ на югѣ	55,0%	45,0%	4,9 »
Въ многоарендныхъ районахъ на юго-востокѣ	45,5%	54,5%	3,5 »
Среднее по многоарен. районамъ	50,9%	49,1%	3,3 дес.

Эти данныя показываютъ, что въ двухъ районахъ—въ центрѣ и на юго-западѣ—около $^3/_4$ всей арендованной земли снято погодно, что касается юга и юго-востока, то, хотя тамъ погодная съемка и менѣе распространена, все же она охватываетъ приблизительно половину всѣхъ случаевъ.

Въ частности по отдѣльнымъ мѣстностямъ сроки арендъ представляются въ такомъ видѣ: въ *Московской губ.* (5 уѣздовъ) общественная аренда бываетъ большею частью погодной; что же касается долгосрочной аренды, то сроки ея являются обыкновенно кратными 3-хъ, не превышая 12-лѣтняго періода.

[1]) Крест. внѣнадѣльныя аренды, стр. 243.

Вотъ распредѣленіе общественной аренды по срокамъ:

		Богород. уѣздъ.	Волокол. уѣздъ.	Дмитров. уѣздъ.	Коломен. уѣздъ.	Рузскій уѣздъ.
	Всѣхъ случаевъ арендованія.	127	354	334	140	354
	Изъ нихъ извѣстенъ срокъ..	62	215	167	61	168
Соотношеніе между ними въ процентахъ.	На 1 годъ	63%	48%	78%	61%	78%
	„ 2 года.	5%	1%	1%	3%	1%
	„ 3 года.	—	12%	1%	5%	9%
	„ 6 лѣтъ	21%	15%	8%	13%	9%
	„ 9 лѣтъ	2%	13%	1%	4%	—
	„ 12 лѣтъ	8%	10%	10%	12%	3%
	„ 15 лѣтъ	—	—	—	2%	—
	„ 18 лѣтъ	—	—	—	—	—
	Болѣе 18 л.	1%	1%	1%	—	—
	Итого	110%	110%	100%	100%	110%

Единоличная и товарищеская аренды въ Московской губерніи почти исключительно краткосрочныя, какъ это видно изъ слѣдующихъ сопоставленій:

Уѣзды.	Арендуется десятинъ:							
	Сѣнокоса.				Пашни.			
	Единолично.		Товариществами		Единолично.		Товариществами	
	Погодно.	На года.	Погодно.	На года.	Погодно.	На года.	Погодно.	На года.
Богородскій .	7.826,3	1,5	1.581,6	Нѣтъ.	104,8	Нѣтъ.	Нѣтъ.	
Волоколамск .	4.402,3		1.707,0		714.5	38,6	71,0	2,0
Дмитровскій .	7.521,9	Нѣтъ.	2.822,5	Нѣтъ.	113,7	1,5	12,5	
Коломенскій	2.579,0		452,2		547,0	9,2	247,2	Нѣтъ.
Рузскій. . . .	6.211,3	15,8	2.590,6	55,3	58,0	2,0	41,0	

Въ Козельскомъ уѣздѣ, *Калужской губ.*, распредѣленіе аренды по срокамъ для отдѣльныхъ угодій представляетъ такую картину [1]):

Аренда:

	Годичная.	Долгосрочная.	Итого.
Пашни.	3.629 дес., или 57,2%	2.714 дес., или 43,8%	6.343 дес.
Смѣшанныхъ угодій .	417 „ „ 6,6%	5.446 „ „ 93,4%	5.863 „
Сѣнокоса.	4.556 „ „ 99,5%	24 „ „ 0,5%	4.580 „
Всего	8.602 дес., или 57,2%	8.184 дес., или 42,8%	16.786 дес.

Въ пашнѣ нѣсколько большая (на 14,4%) площадь снимается на одинъ посѣвъ, чѣмъ на долгій срокъ; почти вся сѣнокосная площадь арендуется на одинъ годъ, а смѣшанныя угодья на года.

Полтавская губернія, расположенная въ другомъ районѣ, также служитъ примѣромъ широкаго распространенія въ нашей странѣ краткосрочной аренды.

Лица сельскаго состоянія въ Полтавской губ. всего больше арендуютъ землю на краткіе сроки въ 1—3 года (122 тыс. дес., или 48,8% общей площади земли, срокъ найма которой извѣстенъ), нѣсколько меньше (110,5 тыс. дес., или 44,1%) на средніе сроки 4—6 лѣтъ и очень небольшую площадь (18 тыс. дес., или около 7%) на срокъ свыше 6 лѣтъ. На самые короткіе сроки выпадаетъ 1.861 сдѣлка, или 70,3%; на средніе сроки—694, или 26,2%; и на болѣе продолжительные—92, или 3,5%. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія срока найма земли уменьшаются и арендуемое пространство, и число случаевъ аренды, но уменьшеніе числа сдѣлокъ идетъ быстрѣе сокращенія арендуемаго пространства. Это значитъ, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ срока аренды увеличиваются размѣры арендуемыхъ участковъ. Средняя величина участка, арендуемаго на 1—3 года, равна 66 дес., нанимаемаго на 4—6 лѣтъ почти въ $2^1/_2$ раза больше (159 дес.), а площадь участка, арендуемаго на 7 и больше лѣтъ, въ 3 раза крупнѣе (194 дес.) [2]).

Распредѣленіе числа случаевъ найма при арендѣ на разные сроки отдѣльныхъ угодій видно изъ слѣдующей таблички:

---

[1]) Стат. опис. Калужск. губ., Козельскій у. Т. I, вып. II, 1898 г., часть 2, стр. 101.

[2]) Сводн. Сборн. по стат. опис. Полтав. губ. въ 1882—88 г., вып. I, 1900 г., стр. 140—142.

	Пашня.		Сѣнокосъ.		Смѣш. угодья.		Всего.	
	Число случаевъ.	% отношеніе.	Число случаевъ.	% отношеніе.	Число случаевъ.	% отношеніе.	Число случаевъ.	% отношеніе.
1—3 года. . .	1.387	74,8	62	66,7	412	59,0	1.861	70,3
4—6 лѣтъ. . .	406	21,9	29	31,2	259	37,0	694	26,2
Свыше 6 л. .	62	3,3	2	2,1	28	4,0	92	3,5
Всего. . .	1.855	100	93	100	699	100	2.647	100

2. Вторая черта условій нашей аренды выражается въ томъ, что высота арендной платы вообще опредѣляется соотношеніемъ спроса и предложенія, дѣйствіе которыхъ не смягчается ни обычаями, ни закономъ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ крестьянская аренда, какъ это было показано выше, носитъ характеръ продовольственный, а не предпринимательскій. Съемщикъ нуждается въ арендуемой землѣ для того, чтобы прокормить себя и свою семью; поэтому, предлагая арендную цѣну, онъ не разсчитываетъ на полученіе прибыли; весь его расчетъ построенъ на томъ, чтобы при помощи аренды добыть извѣстное количество хлѣба или или сѣна. При скудости денежныхъ средствъ у крестьянъ, полученіе пищевыхъ и кормовыхъ продуктовъ на арендованной землѣ представляетъ то преимущество передъ покупкою, что крестьянинъ при арендѣ пользуется своимъ собственнымъ трудомъ, который безъ этого, можетъ быть, не получилъ бы примѣненія. Поэтому часто онъ не цѣнитъ своей работы почти ни во что и считаетъ свое дѣло удавшимся, если за покрытіемъ сѣмянъ и арендной платы у него останется отъ урожая на снятомъ участкѣ хотя бы небольшой излишекъ хлѣба или корма. Возможность отработать часть арендной платы или всю ея сумму дѣлаетъ аренду еще болѣе предпочтительной въ глазахъ такого съемщика.

При такихъ условіяхъ высота арендной платы опредѣляется, съ одной стороны, количествомъ продукта, который можетъ быть полученъ съ даннаго участка, т.-е. его валовой доходностью, а съ другой—степенью нужды съемщиковъ въ землѣ и размѣрами арендпаго фонда въ данномъ районѣ. Нужда въ землѣ и спросъ на нее зависятъ отъ степени обезпеченности сельскаго населенія надѣльною и купчею землею и развитія среди населенія подсобныхъ промысловъ. Чѣмъ сильнѣе эта нужда, тѣмъ больше и спросъ на землю и тѣмъ выше—при данной продуктивности почвы и данномъ размѣрѣ площади, сдаваемой въ аренду—и арендная цѣна.

Самое сильное вліяніе на арендныя цѣны оказываетъ, при опредѣленномъ предложеніи земли, интенсивность спроса на нее. Вслѣд-

ствіе этого, при данной системѣ хозяйства, мелкіе съемщики платятъ за землю дороже, чѣмъ крупные, и это единственно по той причинѣ, что у мелкаго поселянина нужда въ ней настоятельнѣе, чѣмъ у средняго и крупнаго. Это явленіе наблюдается во всѣхъ странахъ, въ которыхъ развита аренда.

Напр., въ Ирландіи въ первой трети XIX в., когда особенно обострилась конкуренція между мелкими съемщиками земли, наблюдалось отмѣченное выше явленіе: арендная плата возрастала по мѣрѣ уменьшенія арендныхъ участковъ.

Фермеры,	арендовавшіе	40 акр. и выше,	платили	1 ф.	5 ш.	за акръ.
„	„	отъ 20 до 40 акр.	„	1	„ 10 „	„
„	„	„ 10 „ 20 „	„	1	„ 15 „	„
„	„	менѣе 10 акр.	„	2	„ 15 „	„

Такая же зависимость была отмѣчена для Англіи извѣстнымъ знатокомъ англійскаго земледѣлія Кэрдомъ. Въ 1850—1851 гг. арендная плата въ среднемъ составляла въ западныхъ и центральныхъ графствахъ Англіи 31 ш. 5 п. съ акра, а въ восточныхъ и южнобережныхъ—23 ш. 8 п., и эта разница, при одинаковой почти производительности почвы, объясняется, по мнѣнію Кэрда, не только повышеніемъ цѣны на мясо, оказавшимъ благопріятное вліяніе на доходность хозяйствъ въ графствахъ первой группы, но въ значительной мѣрѣ также и тѣмъ обстоятельствомъ, что на Западѣ и въ средней части Англіи фермы мельче, чѣмъ на востокѣ и на югѣ.

Въ Бельгіи это соотношеніе обнаруживается еще яснѣе. Въ Pays de Waes, гдѣ ферма въ 20 акровъ считается крупной, плохая земля сдавалась въ 70-хъ годахъ, по словамъ англійскаго изслѣдователя Дженкинса, за 48—60 ш. за акръ, а въ Кампинѣ, гдѣ фермы крупнѣе, а естественныя условія тѣ же,—арендная плата не превышала 35—45 ш. [1]).

То же явленіе наблюдается и въ Россіи, какъ это можно видѣть на слѣдующихъ данныхъ, относящихся *Рязанскому уѣзду* (предъокская часть) [2]).

Надѣльной пашни на 1 дворъ.	Общая площадь арендуемой пашни.	Общая сумма арендной платы.	Плата за аренду 1 дес.
Менѣе 1,5 д.	164,8	1.344,16	8,16
Отъ 1,5 до 3 „	562,8	6.646,23	11,21
„ 3—5 „	2.239,6	14.583,77	6,49
Болѣе 5 „	496,2	2.863,00	5,77
	3.493,4	25.437,16	7,27

[1]) Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи, 1895 г., стр. 123.

[2]) Матеріалы для оцѣнки земель Рязанскаго у. Вып. I, 1901 г., стр. 160.

Группы крестьянъ, менѣе обезпеченныхъ землей (до 3 д.), платятъ за аренду выше средней нормы для уѣзда, а группы съ болѣе высокимъ надѣломъ арендуютъ землю по болѣе дешевой цѣнѣ.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ интенсивнаго спроса на землю является то, что высота арендной платы очень часто совершенно не находится въ соотвѣтствіи съ валовой доходностью или продуктивностью земли. Тамъ, гдѣ спросъ на землю великъ, а предложеніе ея недостаточно, вслѣдствіе чего соперничество между съемщиками велико, арендныя цѣны повышаются подъ вліяніемъ этой причины, независимо отъ продуктивности арендуемыхъ угодій.

Напр., крестьяне дер. Кущапиной, *Темниковскаго уѣзда*, Тамбовской губ., надѣлъ которыхъ находится въ мѣстности съ преобладаніемъ сѣнокосныхъ угодій, на вопросъ: почему они арендуютъ песчаную пашню по слишкомъ высокой цѣнѣ—10—11 руб. за дес. на одинъ посѣвъ (сред. арендная плата такой земли 2 р. 55 к., при колебаніяхъ до 5 р. 33 к.),—заявили, что «земли достать негдѣ». Иногда арендаторы снимаютъ пашню по цѣнѣ, не соотвѣтствующей качеству почвы, потому только, что арендуемый участокъ находится въ границахъ ихъ земельной собственности или, по положенію своему, удобенъ для эксплоатаціи [1]).

Нижеслѣдующая таблица по *Орловскому уѣзду* показываетъ, что арендная плата, опредѣляемая соперничествомъ, можетъ очень мало зависѣть отъ производительности почвы [2]):

Сравнительная производительность почвы (принимая производительность чернозема за 100).	Аренда за деньги.					
	Подъ озимое.			Подъ яровое.		
	Арендуется десятинъ.	На сумму рублей.	Средняя плата за десятину.	Арендуется десятинъ.	На сумму рублей.	Средняя плата за десятину.
50— 67	1.030	21.510	20,8	843	8.616	10,2
67— 84	1.596	31.850	20,0	1.504	15.132	10.1
84—100	1.571	31.604	20,1	1.588	18.282	11.5
	4.197	84.964	20,2	3.935	42.030	10,7

1) Стат. данныя къ оцѣнкѣ земель Тамб. губ., Темниковск. у. Вып. VI, 1902 г., стр. 114.

2) Сборн. стат. свѣд. по Орловск. у. Т. VIII, 1895 г., стр. 208, 209, 210.

Наиболѣе рѣзкое расхожденіе арендной платы съ производительностью почвы наблюдается при арендѣ частновладѣльческой пашни подъ озимое. Сѣверные и сѣверо-западные районы уѣзда, гдѣ преобладаютъ суглинистыя и супесчаныя почвы, по высотѣ арендной платы превосходятъ южные, сплошь черноземные, районы.

Слѣдующая табличка показываетъ, насколько дѣйствіе различныхъ причинъ на высоту арендной платы подъ озимое совершенно затушевываетъ дѣйствіе, казалось бы, наиболѣе важнаго характера — сравнительной производительности почвы.

Сравнительная производительность почвы.	Аренд. дес. подъ озимое.	За сумму рублей.	Средняя плата за дес.
50—75	2.335	48.240	20,7
75—100	1.862	36.724	19,7
	4.197	84.964	20,2

Напротивъ, вліяніе спроса и предложенія земли на арендныя цѣны выступаетъ совершенно явственно при сопоставленіи арендныхъ платъ съ данными о размѣрахъ аренднаго фонда, какъ это видно изъ приводимой ниже таблицы:

МѢСТНОСТИ.	Наличныхъ надѣльныхъ душъ обоего пола.	Внѣнадѣльной удобной земли десятинъ.		Аренда внѣнадѣльной пашни подъ озимое.		
		Всего.	Приходится на 1 душу.	Арендуется десят.	За сумму рублей.	Арендная плата за десятину.
Сѣверо-восточная центральная . .	61.488	39.416,6	0,64	2.343	51.405	21,9
Западная	41.202	33.006,0	0,80	1.002	18.917	18,9
Южная	32.805	32.604,0	0,99	852	14.642	17,2
Итого . . .	135.495	105.027,5	0,78	4.187	84.964	20,2

Эта таблица показываетъ, что арендная плата за внѣнадѣльную землю тѣмъ выше, чѣмъ меньше въ данной мѣстности приходится внѣнадѣльной земли на одну душу крестьянскаго населенія.

Вліяніе аграрныхъ условій на высоту арендной платы можно подмѣтить и при сравненіи между собою въ указанномъ отношеніи отдѣльныхъ уѣздовъ *Полтавской губ.* Въ приведенной ниже таблицѣ скомбинированы по уѣздамъ разные факторы, вліяющіе на арендныя цѣны [1]).

[1]) Сводн. сборн. по стат. опис. Полтавск. губ. въ 1882—89 гг. Вып. I, 1900 г., стр. 260.

Уѣзды.	Валовая доходность земли.	Жителей на кв. версту.	Земли на 1 рабоч., въ десятинахъ.		% малоземельн. крестьянъ.	% мужчинъ, живущихъ только хозяйствомъ.	Пашни на рабочаго.			Средняя цѣна 1886—93 гг. при погодномъ съемѣ.
			Крестьянской.	Владѣльческой.			Крестьянской.	Владѣльческой.	Всего.	
										Рубли:
Прилукскій	25,48	52	4,4	3,4	56	79	3,4	1,7	5,1	9,72
Гадячскій	24,17	52	4,7	3,1	40	62	3,6	2,1	5,7	8,80
Роменскій	24,16	65	4,0	2,4	34	73	3,4	1,3	4,7	11,01
Переяславскій	23,88	43	5,6	4,1	34	79	3,8	1,9	5,7	9,51
Кобелякскій	27,42	55	4,9	2,7	23	64	3,8	1,5	5,3	10,10
Хорольскій	30,28	49	4,2	4,3	40	74	3,2	2,4	5,6	9,74
Золотоношскій	24,38	46	4,5	4,1	40	63	2,8	2,8	5,6	9,11
Кременчугскій	30,02	48	4,9	3,8	32	70	3,5	2,5	6,0	10,53
Пирятинскій	25,48	48	3,9	4,7	64	73	3,2	3,1	6,3	8,24
Лохвицкій	21,28	55	4,4	3,2	34	61	3,3	2,0	5,3	8,36
Лубенскій	26,29	49	4,8	3,8	30	77	3,7	2,4	6,1	8,25
Константиноградскій	24,17	34	5,7	6,9	37	84	4,7	5,6	10,3	7,12
Въ среднемъ	25,43	48	4,6	3,9	39	70	3,5	2,5	6,0	9,16

При разсмотрѣніи этихъ данныхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе уѣзды, въ которыхъ арендная плата замѣтно отступаетъ отъ средней: съ одной стороны, Константиноградскій, занимающій послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи (7 р. 12 к.), а съ другой Роменскій, стоящій на вершинѣ скалы (11 р. 01 к.). Нетрудно замѣтить, что это какъ разъ тѣ уѣзды, которые находятся въ весьма различныхъ условіяхъ въ отношеніи спроса и предложенія земли.

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ соединены главнѣйшія условія, дѣйствующія на наемныя цѣны земли въ смыслѣ ихъ пониженія: хозяйственная доходность земли ниже средней, крестьянскіе участки самые крупные, а площадь владѣльческихъ угодій самая большая въ губерніи. При такомъ обиліи земли сельское населеніе Константиноградскаго уѣзда имѣетъ возможность отдавать земледѣлію больше силъ, нежели въ другихъ мѣстностяхъ; а, въ совокупности съ низкой доходностью земли вообще, это благопріятствуетъ низкимъ наемнымъ платамъ, по размѣрамъ которыхъ этотъ уѣздъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Напротивъ, въ Роменскомъ уѣздѣ наблюдаются условія благопріятныя для высокихъ арендныхъ цѣнъ: по густотѣ населенія этотъ уѣздъ занимаетъ первое мѣсто въ губерніи и, хотя онъ стоитъ приблизительно на среднемъ мѣстѣ по степени земельной обезпеченности крестьянъ, зато предложеніе земли, сдаваемой въ аренду, въ немъ очень ограничено: въ то время, какъ въ среднемъ по губерніи на 1 крестьянина въ рабочемъ возрастѣ приходится 3,9 дес. земли, а пашни — 2,5 дес., для Роменскаго уѣзда соотвѣтствующія цифры составляютъ 2,4 д. и 1,3 дес.

3. Вліяніе соперничества между съемщиками земли на арендныя цѣны сильнѣе обнаруживается при погодной арендѣ, чѣмъ при долгосрочной. Законъ спроса и предложенія вліяетъ на арендную плату при возобновленіи договора о сдачѣ; поэтому, чѣмъ чаще происходитъ такое возобновленіе, тѣмъ чаще и арендная плата подпадаетъ подъ дѣйствіе этого закона и тѣмъ болѣе она соотвѣтствуетъ дѣйствительному соотношенію спроса и предложенія въ данной мѣстности и въ данное время. Въ виду этого естественно, что въ общемъ, хотя и не всегда, плата за наемъ земли при краткосрочной арендѣ бываетъ выше, чѣмъ при долгосрочной. Это подтверждается данными по многимъ мѣстностямъ.

Арендная цѣна 1 дес. въ *Херсонской губ.* [1]):

---

[1]) Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской г. Вып. IV, 1902 г., стр. 57, 63.

Средняя цѣна 1 десят. за 9 лѣтъ (1892—1900 г.).	Уѣзды.											
	Александрійскій.		Елисаветградскій.		Ананьевскій.		Тираспольскій.		Одесскій.		Херсонскій.	
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
При долгосрочной арендѣ. .	6	28	5	56	5	—	4	75	4	81	5	52
При погодной сдачѣ . . .	8	24	8	34	6	59	6	39	7	26	8	03

Въ Епифанскомъ уѣздѣ, *Тульской губ.* [1]) цѣна 1 казенной десятины частновладѣльческой пашни при денежной арендѣ: долгосрочной—12,0 руб., краткосрочной—13,1 руб.

Средняя плата за десятину пахатной земли въ *Полтавской губ.* при долгосрочномъ наймѣ крестьянами—7 р., а средняя цѣна пахоты при погодной арендѣ—8 р. 42 к. Разница между средними денежными съемными и арендными [2]) цѣнами для цѣлой губерніи равняется около 1 р. 40 к. на дес., что составляетъ около 17% съемной платы и 20% арендной; по отдѣльнымъ же уѣздамъ съемныя платы превышаютъ арендныя на сумму отъ 1 руб. почти до 4 руб. на дес., или на 12—13% цѣны земли при съемкѣ ея за деньги и на 14—49% арендной цѣны пахатной земли.

Въ общемъ, приблизительно въ $^2/_3$ уѣздовъ Полтавской губерніи арендныя платы пахатной земли, при наймѣ ея мелкими участками и на одинъ посѣвъ, повышаются противъ долгосрочной аренды на 20—30%, а въ остальной части губерніи на 30—40% [3]).

Высота арендной цѣны земли находится въ обратномъ отношеніи къ продолжительности срока аренды. Такъ, при краткосрочной арендѣ десятина въ среднемъ по губерніи оплачивается 7 р. 11 коп., при среднесрочной—6 р. 54 коп. и при долгосрочной—5 р. 5 коп. Если принять цѣну долгосрочной аренды, какъ низшую, за 100, то арендная плата за дес. земли, снимаемой на средніе сроки, выразится

1) Итоги оцѣночно-эконом. изслѣдов. Тульск. губ., Епифанск. Т. I, 1902 г., вып. I, стр. 247.

2) По терминологіи, принятой въ южныхъ губерніяхъ, подъ арендой разумѣется долгосрочный наемъ земли, а подъ съемомъ—погодный.

3) Сводн. сборн. по стат. опис. Полтавск. губ. 1882—89 гг. Вып. I, 1900 г., стр. 274.

130, а на короткіе 140. Аренда земли на 1 годъ представляетъ исключеніе изъ формулированнаго правила, такъ какъ она совершается по цѣнѣ (6 р. 15 к.) на 18% ниже цѣны земель, арендуемыхъ на 2—3 года (7 р. 54 к.) и на 5% ниже снимаемыхъ на 4—6 лѣтъ [1]).

Разсмотрѣнное соотношеніе платъ частью зависитъ отъ разницы въ срокахъ аренды, частью же отъ того, что въ аренду на длинные сроки поступаютъ, главнымъ образомъ, смѣшанныя угодья, болѣе дешевыя сравнительно съ пахатными, наконецъ, отчасти и отъ различія въ величинѣ арендуемыхъ участковъ. Сопоставленіе среднихъ арендныхъ цѣнъ земли при разныхъ срокахъ аренды съ соотвѣтствующими средними площадями участковъ даетъ слѣдующіе результаты:

Сроки аренды.	Плата за дес.	Средняя величина участка (при обществ. и крупн. един. арендѣ).
1 годъ	6,15	100 дес.
2—3 года	7,54	66 „
4—6 лѣтъ	6,54	180 „
7—9 лѣтъ	5,03	392 „
10 лѣтъ и болѣе	5,09	307 „

Въ Орловскомъ уѣздѣ *Орловской губ.* вліяніе срока представляется въ такомъ видѣ [2]):

АРЕНДА.	Десятинъ пашни.	За сумму рублей.	Средняя плата за десятину.
Подъ озимое	2.392	47.272	19,8
Подъ яровое	2.453	25.997	10,6
На долгій срокъ	2.088	17.230	8,2

Такъ какъ при долгосрочной арендѣ въ составъ арендованной пашни входитъ и паровое поле, то для сравненія данныхъ этой таблицы нужно плату за двѣ посѣвныя десятины при погодной съемкѣ раздѣлить на 3; тогда получится:

---

[1]) Сводн. сборн. по стат. опис. Полтавск. губ. въ 1882—89 г. Вып. I, 1900 г., стр. 191, 192.

[2]) Сборн. стат. свѣдѣн. по Орловск. у., т. VIII. 1895 г., стр. 207.

при долгосрочной	9,4—100
при годичной	10,1—107

Разница въ цѣнахъ на внѣнадѣльную пашню, арендованную на одинъ посѣвъ и на года, будетъ еще значительнѣе, если принять во вниманіе, что при долгосрочной арендѣ крестьяне почти всегда пользуются правомъ пастбища на арендованной землѣ. Присоединивъ къ платѣ при погодной съемкѣ доходность одной десятины пашни, какъ пастбища, т.-е. 85 к., получимъ:

при арендѣ на года	9,4—100
при погодной съемкѣ	10,9—116,8

Такимъ образомъ плата за единицу пахатной площади при погодной съемкѣ на 16% выше, чѣмъ при долгосрочной.

Выше разсмотрѣны были главные факторы, вліяющіе на высоту арендной платы. Къ числу менѣе важныхъ факторовъ слѣдуетъ отнести форму аренды.

4. Какъ общее правило, коллективная аренда, въ особенности общественная, оказывается дешевле единоличной. Этотъ фактъ находитъ себѣ объясненіе отчасти въ составѣ арендуемыхъ въ томъ и другомъ случаѣ угодій, отчасти же въ удобствахъ, представляемыхъ для сдатчика коллективной арендой, въ виду связывающей ея членовъ круговой поруки. Напримѣръ, въ *Московской губ.* отмѣченное соотношеніе арендныхъ цѣнъ при общественной и единоличной арендахъ наблюдается по отношенію къ сѣнокосамъ для всѣхъ обслѣдованныхъ 5 уѣздовъ; что же касается товарищеской аренды, то въ 3 уѣздахъ она дешевле единоличной и въ 2-хъ дороже. По арендѣ пашни слишкомъ мало данныхъ, чтобы можно было дѣлать какія-нибудь обобщенія.

По поводу данныхъ Московской губерніи необходимо, однако, замѣтить, что арендуемыя угодья при различныхъ формахъ аренды не вполнѣ совпадаютъ между собою по своему составу: при общественной арендѣ снимаются преимущественно выгонъ и смѣшанныя угодья, причемъ въ составѣ послѣднихъ преобладаетъ тотъ же выгонъ; при единоличной же арендѣ первое мѣсто занимаетъ сѣнокосъ, а на второмъ стоитъ пашня, т. е. болѣе дорогія угодья.

Сравнительная дешевизна коллективныхъ арендъ по сравненію съ единоличными наблюдается, напримѣръ, и въ Козельскомъ уѣздѣ, *Калужской губерніи*, гдѣ десятина пахоты при погодномъ съемѣ арендуется: за 7 р. при единоличной арендѣ и за 5,6 р. при коллективной; а цѣна сѣнокоса при тѣхъ же условіяхъ составляетъ 11,6 руб.

въ первомъ случаѣ и 9,5 р. во второмъ [1]). Отчасти подобное же соотношеніе замѣчается и въ *Полтавской губ.*, какъ это вытекаетъ изъ слѣдующихъ данныхъ [2]):

Формы аренды.	Арендная цѣна за 1 дес. въ руб. Пашня.	Сѣнокосъ.	Смѣшанныя угодья.
Единоличная	7,23	6,18	5,88
Товарищеская	7,15	6,94	6,63
Общественная	6,16	6,84	5,93

Наконецъ, какъ видно и изъ только что приведенной таблицы, высота арендныхъ цѣнъ измѣняется въ зависимости отъ арендуемыхъ угодій. Въ *Московской губ.* на первыхъ мѣстахъ должны быть поставлены пашня и сѣнокосъ; за ними слѣдуютъ смѣшанныя угодья, и послѣднія мѣста занимаютъ выгоны и прогоны. При этомъ трудно подмѣтить какое-либо правильное соотношеніе между арендой пашни и покоса, но между этими двумя и остальными угодьями разница въ цѣнѣ весьма существенная.

Въ *Полтавской губ.* по вопросу объ арендныхъ цѣнахъ отдѣльныхъ угодій, арендуемыхъ единолично, товариществами и сельскими обществами, выясняется, что низшія платы при всѣхъ формахъ аренды падаютъ на смѣшанныя угодья, а высшія въ единоличной и товарищеской арендахъ—на пашню, при общественной же—на сѣнокосъ.

5. Подъ вліяніемъ вышеизложенныхъ условій, къ которымъ присоединяются и другія мѣстнаго и случайнаго характера, арендныя цѣны устанавливаются на очень различныхъ уровняхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Насколько велики колебанія арендной платы даже въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній, видно изъ таблицъ, составленныхъ по отчетамъ мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ за 1901 г. (см. записку объ арендѣ казенныхъ земель, стр. 80 и сл. [3]), и свѣдѣніямъ, сообщеннымъ волостными правленіями по 50 губ. Европейской Россіи также за 1901 г. (Комиссія для изслѣдованія экономическаго положенія средней черноземной полосы Европ. Россіи). Къ сожалѣнію, эти таблицы почти не допускаютъ сравненія между собою и съ земскими данными вслѣдствіе различія программъ, по которымъ собирались и группировались сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія: отчеты мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ даютъ арендныя цѣны на частновладѣльческія и казенныя земли по

---

[1]) Стат. опис. Калужск. губ., Козельскій у. Т. I, вып. II. 1898 г., часть 2, стр. 102—103.

[2]) Сводн. сборн. по стат. опис. Полтавск. губ. въ 1882—89 г. Вып. I, 1900 г., стр. 203.

[3]) Составленная для Особаго Совѣщанія о нуждахъ с.-х. пром. записка Д. С. Флексора: «Аренда казенныхъ земель».

губерніямъ для трехъ угодій (пашня трехпольная и залежная, сѣнокосъ и пастбище), при чемъ различаются долгосрочныя и краткосрочныя аренды, но не принимаются въ расчетъ формы аренды; въ свѣдѣніяхъ же волостныхъ правленій сообщаются по каждой губерніи среднія арендныя цѣны за одну десятину всей земли и находящейся въ обработкѣ, и притомъ соотвѣтственно срокамъ аренды (на 1 годъ или посѣвъ, на 3 года и на срокъ болѣе 3-хъ); кромѣ того, различается аренда общественная, товарищеская и единоличная, но не проводится различія по угодьямъ. Это послѣднее обстоятельство мѣшаетъ сравненію между собою арендныхъ платъ по указаннымъ таблицамъ.

Что касается земскихъ данныхъ, то онѣ наиболѣе подробны, но сравнивать ихъ со свѣдѣніями, полученными изъ вышеупомянутыхъ источниковъ, почти невозможно, въ чемъ легко убѣдиться, напр., изъ прилагаемой таблицы по *Полтавской губ.*

По даннымъ текущей земской статистики:

цѣна 1 дес. земли (безъ различія угодій) при долгосроч. арендѣ:	средняя	1897—1900 гг.	6,66— 8,46	минимумъ и максимумъ поуѣздамъ.
	„	1900 г.	7,32—10,96	
цѣна 1 десятины пашни при съемкѣ на 1 годъ:	„	1893—1899 гг.	7,30—10,25	
	„	1900 г.	10,12—13,63	

По сообщеніямъ волостныхъ правленій 1901 г.:

цѣна 1 дес. земли вообще при арендѣ безъ огран. срока	6,9— 9,8	(по уѣздамъ),
„ 1 „ „ „ „ „ на годъ	8,8—10,2	(по губерніи).

По отчетамъ мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ:

долгосрочная аренда:	пашня трехпольная	5,75— 9,00	(поуѣздныя платы за частновладѣльч. земли).
	пашня залежная	5,00—12,00	
краткосрочная аренда:	пашня трехпольная	7,00—12,50	
	пашня залежная	12,00—15,00	

Свѣдѣнія, приводимыя въ вышеупомянутыхъ таблицахъ, показываютъ, что среднія поуѣздныя платы за одинаковыя угодья колеблются иногда въ предѣлахъ 1 : 10 и болѣе для губерніи. Эти колебанія, являясь естественнымъ слѣдствіемъ крайняго разнообразія какъ условій, оказывающихъ вліяніе на арендныя цѣны, такъ и способовъ ихъ комбинаціи, показываютъ, что среднія арендныя платы для сколько-нибудь обширныхъ районовъ не представляютъ ничего болѣе, какъ ариѳметическія величины съ весьма малымъ реальнымъ значеніемъ. Такая величина, выведенная, напр., для цѣлой губерніи, могла получиться при крайне различныхъ условіяхъ: при болѣе или менѣе одинаковомъ уровнѣ арендныхъ цѣнъ на изслѣдуемой территоріи или,

напротивъ, при соединеніи рѣзкихъ крайностей: очень низкихъ платъ въ однѣхъ мѣстностяхъ и очень высокихъ въ другихъ.

Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ абсолютная величина арендной платы не даетъ представленія объ ея экономическомъ значеніи. Для того чтобы опредѣлить послѣднее, необходимо сопоставить арендную плату съ чистою доходностью земли. Хотя такіе расчеты всегда носятъ болѣе или менѣе приблизительный характеръ, тѣмъ не менѣе это не измѣняетъ общаго значенія того вывода, къ которому они приводятъ. Данныя, относящіяся къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, показываютъ, что арендная плата нерѣдко превышаетъ у насъ чистую доходность земли. Вотъ примѣры.

Полтавская губ. по величинѣ дохода, получаемаго нанимателями чужихъ угодій отъ операцій по арендѣ и съемкѣ пашни, разбивается на нѣсколько полосъ. Высшая доходность наблюдается въ юго-восточныхъ уѣздахъ, низшая въ сѣверо-западныхъ, а средняя въ полосѣ, заключающейся между двумя поименованными. При этомъ оказывается, что при съемкѣ пахатной земли на одинъ урожай, а въ меньшихъ размѣрахъ, вѣроятно, и при арендѣ ея на года (долгосрочной), наниматели во многихъ уѣздахъ имѣютъ отъ этихъ операцій не доходъ, а убытокъ, и, если тѣмъ не менѣе они продолжаютъ прибѣгать къ найму чужихъ земель, то это потому, что, обрабатывая въ большинствѣ случаевъ землю личнымъ трудомъ и не имѣя другихъ источниковъ болѣе выгоднаго приложенія своихъ силъ, наниматели-крестьяне не несутъ расходовъ на оплату наемнаго труда и смотрятъ на съемку чужихъ угодій, какъ на источникъ дополнительнаго заработка при главномъ занятіи—хозяйствѣ на собственной землѣ [1]).

При долгосрочной арендѣ:

Уѣзды.	Чистый доходъ съ посѣвной дес.	Аренд. пл. [2])	Чист. дох., за вычетомъ арендной пл.
Хорольскій	16,43	10,35	+ 6,08
Кременчугскій	15,76	9,78	+ 5,98
Константиноградскій	10,98	6,48	+ 4,50

[1]) Чтобы сопоставить арендную плату съ чистымъ доходомъ посѣвной площади, необходимо, принимая во вниманіе условія трехпольнаго хозяйства, всю сумму арендныхъ платъ разложить не на общую площадь нанимаемой пашни, а на $^2/_3$ этого пространства. Въ виду этого въ табличкѣ чистый доходъ представленъ въ уменьшенномъ размѣрѣ: 1) не принятъ въ расчетъ доходъ отъ парового поля, составляющаго часть арендованной земли; 2) не учтенъ доходъ отъ соломы.

[2]) Сводн. сборн. по стат. опис. Полтавск. губ. въ 1882—89 г. Вып. I, 1900 г., стр. 270, 271.

УѢЗДЫ.	Жител. на кв. в.	Чистый доходъ.	Сьемная пл.	Чист. дох., за вычетомъ съемн. пл.
Лубенскій		10,98	8,90	+ 2,08
Кобелякскій		13,53	11,47	+ 2,06
Пирятинскій		10,83	9,39	+ 1,44
Золотоношскій		10,05	9,99	+ 0,06
Лохвицкій		6,63	9,24	— 2,61
Гадячскій		9 76	12,39	— 2,63
Роменскій		9,24	12,12	— 2,88
Переяславскій		8,52	11,97	— 3,45
Прилукскій		7,84	13,06	— 5,22
При краткосрочной арендѣ:				
Хорольскій	49	16.43	8,55	+ 7,88
Кременчугскій	48	15,76	8,84	+ 6.92
Константиноградскій	34	10,98	5,74	+ 5,24
Кобелякскій	55	13,53	8,70	+ 4,83
Пирятинскій	48	10,83	7,35	+ 3,48
Лубенскій	49	10,98	8,64	+ 2,34
Золотоношскій	46	10,05	8,08	+ 1,97
Гадячскій	52	9,76	10,63	— 0,87
Лохвицкій	55	6,63	8,00	— 1,37
Переяславскій	43	8,52	10,67	— 2,15
Роменскій	65	9,24	12,00	-- 2,76
Прилукскій	52	7,84	11,22	— 3,38

Въ уѣздахъ съ положительной чистой выручкой съемщиковъ чистая доходность десятины отъ посѣва на ней хлѣбовъ превышаетъ 10 руб., а плотность населенія, за исключеніемъ одного уѣзда, не превосходитъ 49 челов. на квадр. версту,—въ уѣздахъ, гдѣ съемка земли приноситъ убытокъ, доходъ отъ десятины колеблется между 7—9 руб., а плотность населенія, за исключеніемъ также 1 уѣзда, не падаетъ ниже 52 жит. на кв. версту. Такимъ образомъ въ первой половинѣ губерніи при высокой естественной доходности земли наблюдается менѣе интенсивный спросъ на чужую землю, нежели во второй, а во второй группѣ уѣздовъ при низкой естественной доходности пашни густо расположившееся населеніе предъявляетъ очень энергическое требованіе на чужія земли, и, благодаря этому, пахатная земля въ этихъ уѣздахъ, несмотря на низкую доходность, отдается на 2—3 рубля дороже уѣздовъ, занимающихъ верхнюю половину таблицы.

Въ *Херсонской губ.* соотношеніе между доходностью земли и арендной платой представляется въ такомъ видѣ [1]).

---

[1]) Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ. Вып. IV, 1902 г., стр. 72, 73.

Арендная плата за десятину въ руб.:	Александрійск.	Елисаветград.	Ананьевскій.	Тираспольскій.	Одесскій.	Херсонскій.	По губерніи.
Долгосрочная аренда	6,28	5,56	5,00	4,75	4,84	5,52	5,36
Годичная (средн. за 3 г.) . .	9,96	9,60	7,58	6,81	7,97	8,76	8,65
Доходность 1 дес. надѣльныхъ земель:							
Чистая	3,98	3,94	4,01	4,77	6,27	7,48	5,82
Валовая	12,30	12,30	11,30	11,70	13,40	14,80	12,90

Если изъ чистой доходности исключить арендную плату при долгосрочной арендѣ, то въ общемъ по губерніи получится убытокъ въ 4 к. За вычетомъ изъ этой же доходности платы при краткосрочной сдачѣ получится убытокъ въ среднемъ по губерніи въ 3 р. 33 к. Одна лишь валовая доходность, т.-е. безъ вычета расходовъ на обработку, уборку и возку копъ, даетъ вездѣ превышеніе надъ арендными платами: при арендѣ на долгіе сроки, въ среднемъ по губерніи,—7 р. 54 к., а при краткихъ срокахъ—4 р. 25 к.

По уѣздамъ эти остатки таковы:

Разности за вычетомъ:	Александрійск.	Елисаветград.	Ананьевскій.	Тираспольскій.	Одесскій.	Херсонскій.	По губерніи.
1) изъ *чистой* доходности	В	ъ	р	у б	л я	х ъ.	
платъ при долгосрочн. арендѣ.	—2,30	—1,62	—0,99	+0,02	+1,43	+1,96	—0,04
» при годичной арендѣ .	—5,98	—5,66	—3,57	—2,04	—1,70	—1,28	—3,33
2) изъ *валовой* доходности							
платъ при долгосрочн. арендѣ.	+6,98	+6,74	+6,30	+6,95	+8,56	+9 28	+7,54
» при годичной арендѣ .	+2,34	+2,70	+3,72	+4,89	+5 43	+6,04	+4,25

Цифры послѣднихъ двухъ рядовъ во второй изъ приведенныхъ таблицъ показываютъ, сколько земледѣлецъ получаетъ за свой трудъ на десятинѣ при арендѣ ея на продолжительный срокъ и при съемкѣ на годъ; первыя же двѣ строки таблицы даютъ представленіе о томъ, сколько онъ не добираетъ на десятинѣ при самостоятельномъ трудѣ, противъ того, что онъ могъ бы заработать, нанимаясь на работу.

«Какой интересъ земледѣльцу снимать землю, трудиться надъ ней для того только, чтобы нести убытки?» замѣчаютъ составители сборника; «можно бы, конечно, допустить, что посѣвы на арендуемыхъ и снимаемыхъ погодно частновладѣльческихъ земляхъ даютъ

большій урожай, чѣмъ на надѣльныхъ земляхъ, изъ урожайности которыхъ выведена доходность по учету затратъ и выручекъ. Въ частности такіе случаи, несомнѣнно, бываютъ; но изученіе условій производительности земли говоритъ, что основной причиной, вліяющей на урожайность, является не столько качество самой земли, сколько система ея обработки. Предполагать же, что крестьянинъ чужую землю обрабатываетъ лучше, чѣмъ свою надѣльную, нѣтъ никакихъ основаній. Скорѣе можно допустить справедливость заявленій крестьянъ, что они снимаютъ землю не столько ради чистой выгоды съ нея, сколько для того, чтобы имѣть возможность примѣнить куда-нибудь свой трудъ».

Въ Сборникѣ по *Орловскому уѣзду* тотъ же вопросъ освѣщается слѣдующимъ образомъ [1]).

По произведеннымъ исчисленіямъ, «вся арендованная пашня даетъ (въ переводѣ на деньги) 360.369 руб. валового дохода. За исключеніемъ изъ этой суммы арендной платы (245.871 р.) получится въ остаткѣ 114.498 руб. Если вычесть изъ послѣдней суммы стоимость сѣмянъ и удобренія (87.609 + 924 руб.), то въ остаткѣ окажется 25.965 руб. Эта сумма должна окупить всю стоимость работъ, расходы на инвентарь, скотъ и постройки и дать процентъ на капиталъ и предпринимательскую прибыль. Между тѣмъ по произведеннымъ исчисленіямъ одна заработная плата и вознагражденіе за скотъ и инвентарь должны составить 177.695 руб. Такимъ образомъ, эксплоатація внѣнадѣльной арендованной пашни даетъ въ результатѣ крестьянскому населенію, не говоря уже о процентѣ на капиталъ и предпринимательской прибыли, чистый убытокъ въ 151.730 руб. Эти расчеты доходности арендованной пашни приблизительны, потому что пришлось допустить, что урожайность ея та же, что и урожайность надѣльной земли... Но громадный убытокъ, который несетъ крестьянское населеніе отъ эксплоатаціи арендованной пашни, по сравненію съ тѣмъ, что оно могло бы получить за свой трудъ и инвентарь при наймѣ на сторонѣ, остается несомнѣннымъ фактомъ. Онъ, можетъ быть, нѣсколько меньше, чѣмъ опредѣленъ выше, но, во всякомъ случаѣ, въ томъ, что онъ есть, не можетъ быть сомнѣнія. Крестьяне говорятъ, что отъ аренды имъ остается только солома. Они не ведутъ бухгалтерскихъ счетовъ, а если бы вели ихъ, то, можетъ быть, замѣтили бы, что при арендныхъ цѣнахъ, регулируемыхъ не производительностью почвы и доходностью земли, а все возрастающею нуждою самихъ крестьянъ въ землѣ, и при той вы-

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Орловск. губ. Орловскій у., т. VIII. 1895 г., стр. 231.

сотѣ арендной платы, которую застало мѣстное изслѣдованіе, даже не вся солома остается въ ихъ распоряженіи. Окупить одною соломою, даже если бы она и вся оставалась въ рукахъ крестьянъ, расходы по содержанію себя, семьи и скота, и ремонтировать инвентарь, и постройки немыслимо».

Г. Кашкаровъ, авторъ статьи о крестьянскомъ хозяйствѣ въ *Тульской* и *Орловской губ.*, высказываетъ подобный же взглядъ.

«Обращаясь къ вопросу о выгодности для крестьянъ посѣвовъ на арендуемой землѣ», говоритъ онъ, «возьмемъ, напр., Малоархангельскій уѣздъ, гдѣ, по даннымъ обслѣдованія, средняя цѣна десятины подъ озимый посѣвъ равна 20 р. 80 к. Для того чтобы только выручить эти деньги и возвратить сѣмена, необходимо, чтобы съ дес. получилось не менѣе 50 пуд (9 пуд. на сѣмена и 41 пуд. по 50 к. для продажи); но средній урожай ржи на крестьянской землѣ въ Орловской губ. не превышаетъ 45—50 пуд. и, слѣдовательно, посѣвъ на арендуемой землѣ можетъ дать выгоду только въ годы урожаевъ выше средняго. Если же аренда крестьянами земли и достигаетъ значительныхъ размѣровъ, то это обусловливается, во-первыхъ, тѣмъ, что крестьянинъ-земледѣлецъ очень дешево цѣнитъ свой трудъ, во-вторыхъ, тѣмъ, что у него нѣтъ другой сферы для его примѣненія, а главнымъ же образомъ тѣмъ, что путемъ внѣнадѣльной аренды онъ восполняетъ тотъ недостатокъ въ продовольствіи, который неизбѣженъ при хозяйствѣ на одной надѣльной землѣ. Когда же вопросъ идетъ о полученіи необходимаго продовольствія, то выгоды или невыгоды этого полученія отходятъ, очевидно, на второй планъ. Такимъ образомъ одной изъ главныхъ причинъ развитія внѣнадѣльныхъ арендъ, въ особенности же краткосрочныхъ, является постоянная нужда въ продовольствіи, неизбѣжная при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ» [1]).

Предположеніе, что продовольственныя нужды населенія оказываютъ сильное вліяніе на высоту арендной платы, находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что арендная плата за пашню подъ озимое гораздо больше отклоняется отъ нормальной доходности, чѣмъ арендная плата за пашню подъ яровое. Примѣромъ могутъ служить данныя по *Орловскому уѣзду* [2]).

	Доходн. 1 дес. по произв.	Арендн. плата.	Доходн. 1 дес. по произв.	Арендн. плата.
Аренда подъ озимое . .	6,5	20,2	100	326
» » яровое . .	4,6	10,7	100	233

[1]) Русск. Эк. Обозр. 1902. № 9. Стр. 24.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Орловск. губ. Орловскій у., т. VIII. 1895 г., стр. 211, 212.

Арендная плата за озимую пашню, какъ наиболѣе важную для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія, значительно болѣе зависитъ отъ различныхъ факторовъ общественно-экономическаго порядка, чѣмъ плата за яровую пашню.

Въ *Рязанскомъ уѣздѣ*, какъ видно изъ приводимыхъ ниже данныхъ, убыточность аренды представляетъ обычное явленіе [1]).

I. Пашня.

	Навоза на 100 дес. пашни.					
	До 15 тыс. пудовъ.			Болѣе 15 тыс. пудовъ.		
	Арендовано десятинъ.	Средняя доходность по способу выручекъ и затратъ.	По высотѣ арендныхъ платъ.	Арендовано десятинъ.	Средняя доходность по способу выручекъ и затратъ.	По высотѣ арендныхъ платъ.
I. Черноземъ	1.270,0	5,88	6,09	38,4	13,68	6,41
II. Суглинокъ съ ровнымъ рельефомъ	1.466,1	5,40	6,92	374,1	8,83	9,72
III. Суглинокъ съ бугроватымъ рельефомъ	790,3	3,73	5,44	825,0	6,64	8,20
IV. Тяжелая супесь	—	—	—	14,1	5,62	5,74
V. Легкая супесь	—	—	—	13,4	0,70	4,35
IV. Боровой песокъ	—	—		31,0	0,37	3,67

II. Сѣнокосъ.

Мѣстности.	Доходность, вычисленная по способу выручекъ и затратъ.	По арендныиъ платамъ.
Лѣво-Окская	7,32	5,83
При-Окская	15,21	13,93
Право-Окская	15,15	17,61

Въ *Саратовской губ.* при чрезвычайно сильномъ подъемѣ арендныхъ цѣнъ, особенно въ послѣдніе годы, доходъ мелкаго съемщика земли приближается къ заработной платѣ, а въ много-арендныхъ уѣздахъ падаетъ даже ниже стоимости обработки земли. Такъ, по Сердобскому уѣзду доходъ съемщика съ десятины равняется за вычетомъ арендной платы 12 р. 37 к., а стоимость обработки этой земли составляетъ 13 р. 16 к., такъ что въ результатѣ получается 79 к. убытка. По Петровскому уѣзду валовой доходъ за вычетомъ арендной платы 14 р. 02 к., а стоимость обработки 14 р., 58 к., т.-е. въ итогѣ 56 к. убытка. Только уѣзды Царицынскій, Камышинскій и Саратовскій даютъ арендатору 2—3 руб. прибыли. Эти данныя представляютъ среднія величины, однако, при весьма большихъ колебаніяхъ, въ

[1]) Матеріалы для оцѣнки земель Рязанск. у. В. I. 1901 г., стр. 162, 184.

урожайный годъ аренда можетъ давать прибыли до 10—25 и болѣе рублей, за то въ неурожайный — съемщикъ едва покрываетъ, а въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ не покрываетъ арендную плату, не получая, слѣдовательно, даже вознагражденія за трудъ [1]).

Наконецъ, въ запискѣ управляющаго *Симбирской* казенной палатой Н. В. Всеволожскаго сообщаются слѣдующія свѣдѣнія относительно платы за арендованіе земель: «арендныя цѣны на земли, нанимаемыя крестьянами подъ посѣвы хлѣбовъ какъ у частныхъ землевладѣльцевъ такъ и въ удѣльномъ вѣдомствѣ, настолько высоки, что крестьяне продажею всего собраннаго хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ, едва въ состояніи уплачивать денежную арендную плату и покрыть расходы на необходимый усиленный кормъ лошадей только въ дни обработки наемной земли и доставки собраннаго съ нея хлѣба на рынокъ для продажи его. Трудъ же крестьянъ по обработкѣ земли и уборкѣ хлѣба окупается лишь въ урожайные годы и только при достаточно высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ». Слѣдующая таблица показываетъ число лѣтъ (изъ 9—съ 1893 по 1901 г.) болѣе или менѣе прибыльныхъ или убыточныхъ для крестьянина, нанимающаго пару десятинъ (одну подъ рожь, а другую подъ овесъ).

Число лѣтъ, въ которыхъ хлѣбъ, собранный съ пары десятинъ,	Уѣзды: Симбирскій.	Сенгилеевскій.	Сызранскій.	Буинскій.	Корсунскій.	Алатырскій.	Ардатовскій.	Курмышскій.	По губерніи.
возмѣстилъ лишь часть арендной платы	3	2	4	3	2	1	3	1	1
возмѣстивъ арендную плату, но не покрылъ расходовъ на кормъ лошади	—	2	1	1	1	3	1	—	3
возмѣстивъ арендную плату, и покрывъ расходы на кормъ лошадей, отчасти вознаградилъ трудъ обработки	5	4	3	3	5	4	4	6	4
возмѣстивъ арендную плату, и покрывъ расходы на кормъ лошадей, вполнѣ вознаградилъ трудъ и принесъ прибыль	1	1	1	2	1	1	1	2	1

[1]) Докл. Саратовской губ. зем. управы 1903 г., стр. 10.

Приведенныя выше данныя, относящіяся къ цѣлому ряду губерній, расположныхъ въ разныхъ районахъ Россіи (Московская, Орловская, Рязанская, Симбирская, Саратовская, Полтавская и Херсонская), показываютъ, что превышеніе чистой доходности земли арендной платой — нерѣдкое явленіе. Этотъ фактъ служитъ прежде всего новымъ подтвержденіемъ некапиталистическаго характера крестьянскихъ арендъ; кромѣ того, онъ свидѣтельствуетъ, что плата за землю, арендуемую крестьянами, по своему экономическому значенію должна быть признана высокой, хотя по абсолютной величинѣ она и ниже, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ.

Явленіе, отмѣченное выше, не представляетъ чего-либо исключительнаго, встрѣчающагося только въ Россіи: это характерная черта продовольственной аренды, при которой арендаторъ земли является рабочимъ, ищущимъ приложенія своему труду и добывающимъ себѣ средства къ существованію, а не капиталистомъ-предпринимателемъ, ставящимъ своею цѣлью полученіе прибыли на затраченный капиталъ. Поэтому, при распространенности мелкой продовольственной аренды и существованіи значительнаго спроса на землю, соперничество неизбѣжно доводитъ арендную плату до такого уровня, при которомъ съемщику остается только заработная плата, а иногда и меньше того. Поучительнымъ примѣромъ этого явленія можетъ служить Ирландія.

По словамъ нѣсколькихъ свидѣтелей передъ парламентской комиссіей 1836 года, ферма въ 50 акровъ при 40 акрахъ запашки не оставляла ирландскому фермеру ничего, кромѣ заработной платы простого рабочаго. По словамъ другого свидѣтеля, 33 акра земли лучшаго сорта, которая распахивалась и находилась подъ пшеницей, овсомъ и картофелемъ, давали фермеру въ видѣ прибыли только 10 шил. Эти расчеты относятся къ фермерамъ сравнительно крупнымъ, составляющимъ въ Ирландіи меньшинство. Средняя ирландская ферма въ это время достигала не болѣе 10—15 акровъ. Въ виду этого весьма интересенъ расчетъ, произведенный помощникомъ англійскаго комиссара, на основаніи показаній многихъ свидѣтелей, въ примѣненіи къ фермѣ въ 8 акровъ съ сѣвооборотомъ, въ который введено было сѣяніе клевера,—явленіе, представлявшее въ то время въ Ирландіи исключеніе. Изъ этого расчета видно, что ежегодный доходъ такого фермера, въ качествѣ предпринимателя и капиталиста, составлялъ не болѣе 10 ш. 4 п:, но, такъ какъ фермеръ работалъ самъ съ своей семьей, то ему удавалось извлекать изъ своего хозяйства около 34 ф.

Одинъ изъ свидѣтелей передъ комиссіей лорда Девона (1845 г.) представилъ подробный расчетъ, изъ котораго вытекаетъ, что ферма въ 20 акровъ давала бы $3^1/_2$ ш. убытка, если бы фермеръ не вкладывалъ

своего собственнагѡ труда; а по расчету Виггинса, много лѣтъ управлявшаго имѣніями въ Ирландіи и практически знакомаго съ условіями ирландскаго хозяйства, ферма въ 20 акровъ пахатной земли оставляла бы только 10 ф. на личное потребленіе фермера при арендной платѣ въ 36 ш. 10 п. съ акра; но, по словамъ автора, земля такого качества сдавалась въ то время (40-е годы) обыкновенно за 40—50 ш. за акръ, слѣдов., на потребленіе оставалось еще меньше 10 ф. Тотъ же авторъ высчитываетъ расходы по обработкѣ 10 акровъ въ западномъ гр. Слейго. При арендной платѣ въ 10 ш. съ акра, на расходы семьи оставалось всего $3^1/_2$ ф. въ годъ, кромѣ картофеля и части льна, которые потреблялись натурой. Въ дѣйствительности за такія фермы платили гораздо болѣе высокую аренду.

Для того, чтобы опредѣлить реальное значеніе тѣхъ доходовъ, о которыхъ говорится въ этихъ расчетахъ, нужно замѣтить, что сельскій рабочій, имѣвшій занятія круглый годъ, расходовалъ на свое потребленіе не менѣе 16—17 фун. въ годъ. И при такомъ бюджетѣ существованіе семьи было самое жалкое. Главная пища ея состояла изъ картофеля. Что касается бакалейныхъ товаровъ, то на вопросъ, потребляются ли эти товары рабочими, свидѣтели отвѣчали, что рабочее населеніе вовсе лишено этихъ продуктовъ. «Если по счастливой случайности рабочей семьѣ удастся попробовать бакалейныхъ товаровъ на Рождество или на Пасху, она считаетъ себя счастливой». Семья, расходовавшая въ годъ 16—17 ф., не всегда могла заплатить 1 ш. священнику. При бюджетахъ въ 8—10 ф., которыми были ограничены въ своемъ потребленіи рабочіе, не имѣвшіе занятій часть года, семья терпѣла крайнюю нужду [1]).

6. При отработочной системѣ аренда, какъ общее правило, обходится дороже, чѣмъ при сдачѣ за деньги.

Напр., въ Орловскомъ уѣздѣ *Орловской губ.* при сравненіи цѣнъ на внѣнадѣльную пашню, арендуемую за деньги и за отработки, оказывается, что въ послѣднемъ случаѣ арендная плата нѣсколько выше, чѣмъ въ первомъ [2]):

			Отношеніе	
	Подъ озимое.	Подъ яровое	подъ озимое.	подъ яровое.
За деньги	20,5 руб.	10,6 руб.	100	100
За отработки съ приплатой . .	21,5 „	11,2 „	105	106

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ *Полтавской губ.* съемка пастбищъ за деньги составляетъ 28%, а одна крупная экономія на такихъ

---

[1]) Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи. Стр. 77 и слѣд.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Орловск. губ., Орловскій у., Т. VII 1895 г., стр. 206.

условіяхъ совсѣмъ не сдаетъ пастбищъ; цѣна 1 дес. пашни при наймѣ за деньги и за отработки (въ переводѣ на деньги) показана въ слѣдующей табличкѣ:

	При наймѣ за отработки.	При наймѣ за деньги.
Въ одной крупной экономіи	3,60	—
„ остальной части (2 района)	5,93	5,19
„ 3 районѣ	5,13	—
„ 4 „	4,35	3,36

При опредѣленіи значенія для крестьянъ того или другого способа расплаты за пастбища необходимо имѣть еще въ виду, что при отработочной платѣ крестьяне обязываются являться въ экономію «по первому требованію», слѣдствіемъ чего нерѣдко бываетъ несвоевременная уборка собственнаго посѣва. Преобладаніе этого рода платы обусловливается отчасти тѣмъ, что нѣкоторыя экономіи стремятся обезпечить себя рабочими руками. Отдача скота на выпасъ въ экономіи обходится для крестьянъ дороже. Въ среднемъ по уѣзду, въ 1888 г. за выпасъ 1 шт. рабочаго скота въ теченіе лѣта платили 3 р. 97 к.; но и за выпасъ скота, точно такъ же какъ и за пастбища, крестьяне чаще расплачивались отработками; по переводѣ отработковъ на деньги выпасъ 1 шт. рабоч. скота обходился въ 5 руб. 29 коп. Кромѣ того, очень часто крестьяне расплачиваются отработками по существующимъ цѣнамъ или по цѣнамъ, опредѣленнымъ въ самомъ условіи. Въ одной экономіи принимался скотъ на выпасъ по очень дешевымъ цѣнамъ: 1½ руб. за штуку скота и за лошадь и 40 коп. за овцу. Но плата деньгами не принималась совсѣмъ, а крестьяне должны были отрабатывать эту плату по заранѣе условленнымъ цѣнамъ; расплата производилась поденно, работали на своихъ харчахъ: женщина получала въ день 10 коп., при чемъ въ жниво женщинъ экономія не могла требовать, мужчинѣ же полагалось: съ 1 ноября по 1 марта 15 коп. въ день, въ мартѣ 20 коп., въ апрѣлѣ 25 коп., въ маѣ и іюнѣ 30 коп., въ іюлѣ и августѣ 35 коп., въ сентябрѣ 30 коп. и въ октябрѣ—20 коп.

Въ статистическихъ сборникахъ по *Тверской губ.* приводятся данныя о томъ, что отработочныя аренды обходятся крестьянамъ дороже денежныхъ арендъ во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ Бѣжецкаго, гдѣ уплата за аренду отработками и смѣшанно обходится крестьянамъ всего дешевле.

Слѣдующія свѣдѣнія даютъ представленіе о соотношеніи между

[1]) Сборникъ по хоз. стат. Полтавск. губ., Константиноградскій у. Т. XIV. 1894 г., стр. 209, 210.

денежными арендными цѣнами и тѣмъ, во что обходится крестьянамъ аренда земли за обработки въ Тверской губерніи [1]).

Денежныя и отработочныя арендныя цѣны въ Ржевскомъ у. колеблются по 8 волостямъ въ слѣдующихъ размѣрахъ за десятину:

	Деньгами.	Отработками.
Въ Толстиковской волости.	1 р. 50 к.	1 р. 92 к.
„ „ „	1 „ 07 „	2 „ 17 „
„ Становской „	1 „ 70 „	3 „ 13 „
„ Харинской „	1 „ 42 „	2 „ 15 „
„ Павлюковской „	1 „ 49 „	2 „ 93 „
„ „ „	1 „ 90 „	1 „ 76 „
„ Тереховской „	— „ 40 „	— „ 62 „
„ Казинской „	— „ 62 „	— „ 83 „
„ Молодотутской „	1 „ 33 „	— „ 65 „
„ Никоновской „	— „ 39 „	— „ 59 „
Въ среднемъ . . .	1 р. 18 к.	1 р. 42 к.

Въ среднемъ по 4 уѣзд. (Ржевскому, Вышневолоцкому, Калязинскому, Бѣжецкому), денежная арендная плата за десятину всякихъ угодій равняется 1 р. 98 к., смѣшанная, т.-е. денежно-отработочная—2 р. 28 к., испольная (по 3 уѣзд.)—6 р. 16 к. Отработочная форма не только оказывается болѣе дорогою, чѣмъ денежная, но она неудобна еще и тѣмъ, что не позволяетъ крестьянину свободно располагать своимъ временемъ въ самую горячую пору полевыхъ работъ, во время уборки хлѣбовъ: съемщикъ каждый день можетъ получить требованіе отъ землевладѣльца явиться для уборки хлѣба.

Въ Константиноградскомъ у., *Полтавской губ.*, бывали случаи, когда въ одинъ день получались требованія о явкѣ на работу одного и того же крестьянина изъ трехъ экономій: въ одной онъ взялъ солому для топлива, въ другой—корова отдана на выпасъ, въ 3-ей онъ взялъ десятину земли для посѣва, и вездѣ обязался «явиться по первому требованію экономіи» для уборки хлѣба... И такіе хозяева, обремененные массою долговыхъ обязательствъ подъ отработки, вовсе не составляютъ исключеній, особенно въ малоземельныхъ поселеніяхъ крестьянъ-собственниковъ; въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, по заявленіямъ мѣстныхъ старшинъ, въ такомъ положеніи находится половина и даже больше хозяйствъ. Обиліемъ подобныхъ должниковъ, вѣроятно, объясняется и та обстоятельность, съ какой составляются условія, заключаемыя крестьянами съ экономіями, которыя стараются предусмотрѣть при заключеніи условія всѣ возможные случаи уклоненія должника отъ точнаго выполненія принятыхъ

[1]) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверской губ. Т. XIII, вып. I., 1897 г., стр. 54.

обязательствъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и строгость требованій, и огромныя неустойки, выговариваемыя при заключеніи условій, даже за неисполненіе, повидимому, неважныхъ пунктовъ договора [1]).

7. Наконецъ, при испольной арендѣ плата за наемъ земли производится въ натурѣ, т.-е. состоитъ изъ части урожая. Доля, отдаваемая съемщикомъ земельному собственнику или посреднику, который иногда появляется и при этой формѣ аренды, бываетъ очень различна: $^1/_4$, $^1/_3$, $^1/_2$ и выше. Очень часто испольная аренда комбинируется съ отработочной, какъ это видно, напр., изъ слѣдующихъ сообщеній.

Въ *Тверской губ.* «издольная» и испольная форма практикуется исключительно при арендахъ пашни и покоса. Издольныя аренды чрезвычайно разнообразны и не могутъ быть уложены въ одну какую-либо опредѣленную форму, такъ какъ терминъ «съемка земли исполу»—понятіе весьма условное. Испольная съемка земли, напр., пашни, заключается въ томъ, что арендаторъ долженъ вывезти удобреніе на арендуемую землю съ своего собственнаго двора, иногда даже въ извѣстномъ количествѣ возовъ; затѣмъ весь циклъ земледѣльческихъ работъ по обработкѣ и уборкѣ хлѣба лежитъ также на обязанности арендатора; бываетъ иногда, что удобреніе вывозится крестьянами съ господскаго двора и конюшенъ, но въ такомъ случаѣ владѣлецъ пользуется, кромѣ извѣстной доли продукта, мякиной и соломой, сѣмена же обыкновенно бываютъ общія. При испольной съемкѣ покосовъ, кромѣ уборки и доставки сѣна въ указанное мѣсто, арендаторы обязуются ставить изгороди, чинить мосты и сараи изъ матеріала владѣльца. Послѣ снятія хлѣба или травы пустующая земля большею частью поступаетъ подъ пастбище арендаторовъ, иногда съ денежной или отработочною приплатою. Въ дѣйствительности испольная форма аренды не выражаетъ собою извѣстнаго количества продукта, дѣлящагося на двѣ равныя половины, но нерѣдко изъ продукта, дѣлящагося на 3, 4, 5 и болѣе долей, на долю испольщика достается минимальная часть, а на долю владѣльца—максимальная; поэтому и испольная аренда превращается въ издольную, которая нерѣдко является невыгодной для арендатора [2]).

Насколько натуральная форма уплаты невыгодна для крестьянъ, видно также изъ слѣдующей таблицы по *Таврической губ.* [3]).

[1]) Сборн. по хоз. стат. Полтавск. губ., Константиноградскій у. Т. XIV, 1894 г., стр. 130, 140.

[2]) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверск. губ. Т. XIII, вып. I., 1897 г., стр. 51.

[3]) Сельскохоз. обзоръ Таврич. губ. за 1899 г., стр. 159.

Уѣзды:	Арендная плата за 1 дес. въ рубляхъ. При денежной формѣ.	При натуральной формѣ.
Бердянскій	13,5	14,6
Мелитопольскій	9,3	14,3
Днѣпровскій	8,2	3,8 (?)
Перекопскій	4,9	14,0
Евпаторійскій	3,6	5,0
Симферопольскій	7,1	20,5
Ѳеодосійскій	8,6	24,4
Ялтинскій	10,6	31,3
По губерніи	10,4	20,2

Такимъ образомъ, цѣна 1 дес. арендуемой земли при испольной арендѣ въ среднемъ выводѣ по губерніи вдвое превышаетъ цѣну при денежной арендѣ. Особенно рѣзкою является эта разница въ подгорномъ и горномъ районахъ, гдѣ при натуральной платѣ арендаторъ выплачиваетъ владѣльцу втрое больше.

Въ *Казанской губ.* величина доли владѣльца изъ урожая въ громадномъ большинствѣ случаевъ (83,3%) равняется половинѣ. Но при арендѣ того или другого угодья на испольщика налагаются различныя дополнительныя работы. Наиболѣе часто назначаются: возка навоза—отъ 5 до 30 возовъ за испольную десятину и доставка владѣльческаго хлѣба до ближайшихъ пристаней и торговыхъ пунктовъ, причемъ съ каждой десятины при арендѣ пашни или съ «косы» при арендѣ луга испольщикъ обязанъ выставить 1—2 подводы, смотря по разстоянію; въ случаяхъ же найма пахатной земли или покосовъ всѣмъ обществомъ—количество подводъ для хлѣба и возовъ навоза не опредѣляется, но съемщики обязываются вывезти «весь навозъ», «весь хлѣбъ» изъ владѣльческой экономіи, сколько бы его ни оказалось. Съемщикъ обязывается 1 день молотить, 1 день жать и т. п. Изрѣдка встрѣчаются случаи, когда въ добавленіе къ работамъ земледѣльческаго характера, съемщики исполняютъ еще и такого рода работы: возятъ и пилятъ въ лѣсу дрова, доставляютъ бревна для построекъ экономіи, чинятъ мосты, правятъ дороги, изгороди, убираютъ садъ для владѣльца, набиваютъ погреба и т. п. Но, въ замѣну этихъ заранѣе опредѣленныхъ и условленныхъ работъ, владѣлецъ иногда выговариваетъ 1—3 рабочихъ мужскихъ или женскихъ дня въ разное время года («въ страду», «осенью», «послѣ Покрова») [1])

Посредствомъ всевозможныхъ отработковъ, составляющихъ второй элементъ, изъ которыхъ складывается испольная плата и которые

[1]) Общій сводъ данныхъ хоз. стат. изслѣд. Казанск. губ., часть эконом., 1896 г., стр. 461—463.

отличаются большимъ разнообразіемъ въ цѣнности, при неподвижности доли продукта ($^1/_2$), владѣльцу представляется возможность постепенно увеличивать выгоды, доставляемыя ему испольной арендой.

8. Въ связи съ вышеизложенными свѣдѣніями объ арендной платѣ необходимо отмѣтить замѣчаемую въ общемъ, хотя и съ большими колебаніями, тенденцію ея къ повышенію.

Земско-статистическія изслѣдованія указываютъ, что въ теченіе первыхъ десятилѣтій послѣ освобожденія крестьянъ происходило значительное повышеніе арендныхъ цѣнъ. Свѣдѣнія эти имѣются изъ разнообразнѣйшихъ по географическому положенію земскихъ уѣздовъ. Опредѣлить коэффиціентъ возвышенія для отдѣльныхъ районовъ за недостаткомъ матеріала невозможно. Можно однако думать, говоритъ проф. Карышевъ [1]), что подъемъ наемныхъ платъ за земли былъ нѣсколько слабѣе на юго-востокѣ и западѣ изслѣдованной территоріи. Фактическія сообщенія по этому предмету даютъ сравнительно меньшій коэффиціентъ роста цѣнъ для отдѣльныхъ уѣздовъ Саратовской, Воронежской, Смоленской и Черниговской губ.

Съ другой стороны, процессъ, повидимому, усиливался къ центру и достигалъ весьма большой силы на югѣ—въ уѣздахъ Ростовскомъ-на-Дону, Бахмутскомъ. Въ вышеназванныхъ губерніяхъ цѣны только удвоились или утроились за тотъ же періодъ, въ теченіе котораго въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тамбовской губ. онѣ утроились или учетверились, а въ названныхъ уѣздахъ Екатеринославской губ. и Донской обл.—упятерились или даже удесятерились. Въ Вольскомъ у. арендныя цѣны на нѣкоторые участки въ теченіе 60—80 гг. повысились на 100—200%. Арендныя цѣны въ Тверской губ. къ срединѣ 90 гг. возросли вдвое и втрое противъ цѣнъ во время статистическаго изслѣдованія. Такъ, по Калязинскому у. за десятину пашни арендная плата 8—10 лѣтъ назадъ равнялась 2 р. 50 коп., въ послѣднее время—6—7 руб. Въ Бѣжецкомъ у. съ 3 р. 60 к. поднялась до 7—8 руб. 40 коп. за дес. Въ Ржевскомъ у. 10 лѣтъ назадъ десятина пашни сдавалась по 1—2 р., а въ 90 гг. такая цѣна стояла только на никуда негодныя выпаханныя земли, обыкновенная же средняя цѣна за дес. пашни дошла до 10 руб. Въ Московской губ. за послѣднее двадцатилѣтіе, т.-е. со времени первой земской переписи, отмѣчается значительное повышеніе арендныхъ цѣнъ на покосы и пастбища: такъ, по даннымъ 1879 г., среднія арендныя платы за десятину покоса опредѣлились: для Волоколамскаго у.—1 р. 29 к., Богородскаго—1 р. 32 к., Коломенскаго—2 р. 19 к., Дмитровскаго—

---

[1]) Вліяніе урож. и хлѣбн. цѣн. Крестьян. внѣнад. аренды въ завис. отъ колеб. хлѣбн. цѣнъ и урожаевъ, стр. 279—280.

80 к., Рузскаго—1 р. 24 к. По современнымъ же даннымъ, среднія платы для соотвѣтствующихъ уѣздовъ получились такія: 4 р. 20 к., 3 р. 02 к., 3 р. 75 к., 2 р. 21 к. и 1 р. 29 к. Что касается пахатныхъ земель, то аренда ихъ такъ слабо развита въ Московской губ., что данныя о движеніи арендныхъ платъ на эти земли, по малочисленности случаевъ, къ которымъ они относятся, не могутъ служить основаніемъ для какихъ-либо выводовъ [1]).

Ростъ арендныхъ цѣнъ, начавшійся со времени освобожденія крестьянъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ срединѣ 80-хъ годовъ пріостановился, чтобы затѣмъ вновь возобновиться. Такъ, наприм., въ *Полтавской губ.*, начиная съ 86 г., съемныя цѣны на пахатную землю по всѣмъ уѣздамъ постепенно понижаются и въ 1889 г. падаютъ по губерніи на 7%. Но съ 1890 по 1893 годъ цѣны по всѣмъ уѣздамъ повышаются и даютъ по губ. увеличеніе на 9%. Слѣдующее 4-лѣтіе отличается опять паденіемъ цѣнъ и только съ 1897 года онѣ снова начинаютъ расти и превышаютъ цѣны 1886 года. При сравненіи среднихъ съемныхъ цѣнъ за 7 л. (1893—1899) съ цѣной 1900 г. замѣчается увеличеніе на 34%, а по сравненію съ 1899 г. почти на 11%.

Ростъ арендной платы за послѣднее десятилѣтіе въ *Таврической губ.* обнаруживается изъ слѣдующей таблицы [2]).

Уѣзды.	Арендная плата за 1 десят. въ рубляхъ.			
	Въ 1889 г.	Въ 1899 г.	Разность. Въ рубляхъ.	Разность. Въ %%.
Бердянскій	5,8	13,5	+ 7,7	+ 132,7
Мелитопольскій	4,3	9,3	+ 5,0	+ 116,2
Днѣпровскій	4,2	8,2	+ 4,0	+ 95,2
Перекопскій	1,5	4,9	+ 3,4	+ 226,6
Евпаторійскій	0,9	3,6	+ 2,7	+ 300,0
Симферопольскій	2,3	7,1	+ 4,8	+ 208,6
Өеодосійскій	1,9	8,6	+ 6,7	+ 352,6
Ялтинскій	12,1	10,6	— 1,5	— 12,3
По губерніи	4,1	10,2	+ 6,3	+ 153,6

[1]) См. приложеніе VIII.

[2]) Сельскохоз. обзоръ Таврической губ. за 1899 г., стр. 160, 161.

Арендная плата всюду по губерніи значительно поднялась. Исключеніе, которое представляетъ Ялтинскій уѣздъ, объясняется тѣмъ, что данныя 1889 г. обнимаютъ цѣны бащтановъ и табачныхъ плантацій, которыя не приняты во вниманіе при выводѣ цѣнъ въ 1899 г.

Въ Козельскомъ у. *Калужской губ.* арендныя цѣны росли слѣдующимъ образомъ:

	1875 г.	1885 г.	1895 г.
	абс. относ.	абс. относ.	абс. относ.
Пашня	1,6 — 100	2,5 — 156	3,3 — 200
Покосъ	5,6 — 100	9,0 — 196	15,5 — 304

Указанный ростъ денежныхъ арендныхъ платъ сопровождался соотвѣтствующимъ ростомъ и натуральныхъ: испольщина, предполагавшая выдачу съемщикомъ владѣльцу половины продуктовъ, давно уже отошла въ область преданія, и въ однихъ случаяхъ замѣнена $^2/_3$ и даже $^3/_4$ продукта, а въ другихъ — дополнена различными отработками.

Крестьяне хорошо чувствуютъ измѣненіе арендныхъ условій, удачно отмѣчая и общія, и частныя причины ухудшенія своего положенія. «По-прежнему 4—5 руб. за десятину, а теперь 9» (с. Кирѣевское). «Прежде 5—7 руб. за дес., а сейчасъ 10—12 руб., да работать заставляютъ» (д. Передѣлъ). «Арендовать земли негдѣ: Д. скупилъ всѣ земли вокругъ, за покосомъ ѣздимъ за 12—15 верстъ. А за землю подъ посѣвъ Д. и 20 руб. не возьметъ» (с. Острова). «Когда-то 2—3 руб. была десятина, а теперь 5—7—10: народъ умножился, да и господа арендаторы изъ купцовъ стали захватывать земли» (с. Трошна). «Народу умножилось, спрашивать землю стали больше, потому и земля стала дороже» [1]).

VIII.

Пересдача земли.

Выше разсмотрѣны были условія найма земли крестьянами при непосредственномъ арендованіи ея у земельныхъ собственниковъ. Но съемщикъ не всегда имѣетъ дѣло съ собственникомъ, иногда ему приходится арендовать у лица, которое само является арендаторомъ. Большею частью такія лица заарендовываютъ значительныя пространства земли съ единственной цѣлью пересдавать ее крестьянамъ по

---

[1]) Стат. опис. Калужской губ., Козельскій у. Т. I, вып. II, 1898 г., часть 2, стр. 113.

болѣе высокой цѣнѣ. Такимъ образомъ, при пересдачѣ земледѣльцу приходится дороже платить за землю только по той причинѣ, что между нимъ и землевладѣльцемъ оказывается посредникъ—спекулянтъ.

Въ нашей странѣ пересдача, или, какъ ее называютъ иногда съ точки зрѣнія съемщика, пересъемъ встрѣчается въ разныхъ губерніяхъ.

Напр., въ *Вятской губ.*, кромѣ аренды—единоличной или коллективной, въ цѣляхъ увеличенія площади въ собственномъ хозяйствѣ существуетъ еще съемка земли для сдачи ея частями по повышенной цѣнѣ. Здѣсь аренда не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ собственному хозяйству съемщика и арендныя сдѣлки являются простой торговой спекуляціей.

Указанія на существованіе такого посредничества имѣются въ сборникахъ по многимъ уѣздамъ [1]). Въ *Яранскомъ у.* «отдѣльные домохозяева арендуютъ или небольшіе участки съ цѣлью обрабатывать ихъ собственными хозяйственными силами, или же арендаторъ является только посредникомъ между владѣльцами земли и крестьянами, сдавая взятый крупный участокъ по частямъ за болѣе высокую цѣну. Нерѣдко сообща снимаютъ землю домохозяева, принадлежащіе къ различнымъ волостямъ. Въ большинствѣ случаевъ члены товарищества пользуются только частью арендуемой земли, а часть сдаютъ однодеревенцамъ мелкими участками по повышенной цѣнѣ». *Глазовскій у.*: «Въ дѣлѣ аренды частновладѣльческихъ сѣнокосовъ успѣли уже явиться посредники между сдатчиками-владѣльцами, съ одной стороны, и арендаторами-крестьянами—съ другой. Коль скоро почему-нибудь не состоялась аренда крупнаго частновладѣльческаго участка, потому ли что своевременно не организовалось товарищество, или общество нѣсколько замедлило съ арендой, или, наконецъ, ни у того ни у другого не нашлось достаточной суммы денегъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ къ услугамъ населенія является бдительный арендаторъ-посредникъ, снимающій сѣнокосы непосредственно отъ ихъ владѣльца и потомъ сдающій по частямъ крестьянамъ». *Вятскій у.*: «Богатые кузнецы починка Устинъ Бакина арендуютъ испольно луга у Вятскаго и Слободского монастырей, раздаютъ ихъ въ испольную же аренду крестьянамъ, но въ свою пользу берутъ 45—50 коп. съ воза». «Крестьянинъ Ш. снимаетъ у горожанъ сѣнокосы возовъ по 1.000 и, при раздачѣ ихъ испольно, надбавляетъ «верховъ» на каждый возъ отъ 1 до 2 руб., смотря по качеству травы».

Въ *Полтавской губ.* частновладѣльческая пашня попадаетъ къ съем-

1) Матеріалы по стат. Вятской губ. Т. XII, часть 2, 1901 г., стр. 287.

щикамъ или непосредственно изъ рукъ собственниковъ, или при участіи третьихъ лицъ, арендующихъ ее у владѣльцевъ и пересдающихъ крестьянамъ. Изъ 159 тыс. дес. частновладѣльческой пашни, снятой лицами сельскаго состоянія въ 8 уѣздахъ, 128,5 тыс. дес., или 81%, сданы самими собственниками и 30,5 тыс. дес., или 19%, — арендаторами. Операціею аренды земли на года крупными участками съ цѣлью пересдачи мелкими площадями на одинъ урожай занимаются лица всѣхъ сословій, но преимущественно, кажется, принадлежащія къ сельскимъ классамъ: это видно изъ того, что сельское населеніе 8 уѣздовъ пересдаетъ во вторыя руки 23% арендованной имъ земли. Большая часть этой пересдачи относится, по всей вѣроятности, на долю пашни, арендуемой на одинъ урожай.

Денежная съемная плата за 1 дес. по 8 уѣзд. (Роменскій, Прилукскій, Переяславскій, Пирятинскій, Лохвицкій, Хорольскій, Кобелякскій, Константиноградскій)[1]):

У частныхъ собственниковъ	8 р. 16 к.
„ лицъ сельскихъ сословій	8 „ 28 „
„ арендаторовъ посредниковъ	9 „ 39 „

Что касается земли, снимаемой за отработки, то сравненіе платъ, при наймѣ ея у разныхъ категорій сдатчиковъ, можетъ быть сдѣлано только для 3 уѣздовъ:

	У частныхъ владѣльцевъ.	У поселянъ.	У арендаторовъ.
Пирятинскій	10 р. 28 к.	11 р. 09 к.	11 р. 02 к.
Хорольскій	8 „ 95 „	—	9 „ 17 „
Константиноградскій . .	7 „ 90 „	6 „ 04 „	9 „ 20 „

Въ Новоторжскомъ уѣздѣ *Тверской губ.* изъ 16 случаевъ аренды отдѣльными лицами болѣе или менѣе крупныхъ участковъ на срокъ отъ 3 до 9 лѣтъ только въ трехъ арендаторы сами пользуются всею арендуемою площадью, а въ остальныхъ — часть или весь участокъ переарендовывается по мелочамъ крестьянами[2]).

Въ *Таврической губ.* среди населенія появляется особая категорія болѣе или менѣе зажиточныхъ лицъ, которыя становятся между собственникомъ земли и непосредственнымъ производителемъ. По сообщеніямъ земскихъ корреспондентовъ, спекуляція на землю въ послѣдніе годы сильно развилась. Отдѣльныя лица берутъ въ аренду у крупныхъ владѣльцевъ большіе участки земли въ 300—600 дес.

---

[1]) Сводн. сборн. по стат. опис. Полтавской губ. въ 1882—89 г. Вып. I., 1900 г., стр. 190.

[2]) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверской губ. Т. XIII, вып. I, 1897 г., стр. 50.

и отъ тебя уже сдаютъ ихъ крестьянамъ. Посредники арендуютъ землю по 8—9 руб., а крестьянамъ отъ себя сдаютъ по 12 р. и дороже [1]).

Въ Вольскомъ уѣздѣ *Саратовской губ.* къ числу арендаторовъ, спекулирующихъ землей, относятся и нѣкоторыя общины бывшихъ государственныхъ крестьянъ. С. Березники снимало казенный участокъ на 6 лѣтъ (1.557 дес. удобной и 25 неуд. за 7.037 руб.) по 4 р. 52 коп. за удобную десятину при условіи трехпольнаго хозяйства. Сами арендаторы за посѣвную сороковую десятину платятъ 9 р. 49 к., а передаютъ въ розницу крестьянамъ с. Кошелей и Гостевки по 15—20 руб., а при разсрочкѣ денегъ на 5 лѣтъ пересдатчики берутъ всю сумму 6-лѣтней арендной платы (т.-е. болѣе 28 рублей за тридцатую десятину), дозволяя пользоваться землею только одинъ годъ [2]),

Въ *Московской губ.* случаи пересъема встрѣчаются во всѣхъ изслѣдованныхъ уѣздахъ, но количество земли, арендуемой изъ вторыхъ рукъ, незначительно, а по нѣкоторымъ уѣздамъ совершенно ничтожно. Въ помѣщаемой ниже таблицѣ приведены свѣдѣнія о пересъемѣ сѣнокоса съ обозначеніемъ арендныхъ цѣнъ, которыя, впрочемъ, имѣютъ мало значенія въ виду ограниченности числа случаевъ. Этимъ объясняется, какъ несоотвѣтственно высокая цѣна, напримѣръ, въ Коломенскомъ уѣздѣ, такъ и то, что въ двухъ уѣздахъ (Дмитровскомъ и Волоколамскомъ) цѣна при пересдачѣ оказывается ниже, чѣмъ при арендѣ непосредственно у владѣльцевъ.

УѢЗДЫ.	Единоличная аренда изъ вторыхъ рукъ земель.											Товарищеская аренда изъ вторыхъ рукъ земель.			
	Частныхъ владѣльцевъ.			Церковныхъ.		Казенныхъ.		Крестьянскихъ.		Неизвѣстн. владѣльц.		Частныхъ владѣльц.		Крестьянск.	
	Число десятинъ.	Цѣна за 1 десят. при пересъемѣ.	Цѣна при непосредств. арендѣ у землевл.	Число десятинъ.	Цѣна за 1 десятину.	Число десятинъ.	Цѣна за 1 десятину.	Число десятинъ.	Цѣна за 1 десятину.	Число десятинъ.	Цѣна за 1 десятину.	Число десятинъ.	Цѣна за 1 десятину.	Число десятинъ.	Цѣна за 1 десятину.
		р. к.	р. к.		р. к.		р. к.		р. к.				р. к.		р. к.
Богородскій . .	2,0	8 —	6 96	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Волоколамскій .	187,6	3 77	6 35	—	—	—	—	—	—	—	—	111,3	4 33	—	—
Дмитровскій . .	63,5	2 85	4 84	—	—	—	—	—	—	33,8	—	17,3	4 33	—	—
Коломенскій . .	9,5	23 46	11 70	3	2 67	—	—	—	—	—	—	6	37 —	—	—
Рузскій	327,2	5 46	4 32	—	—	46,5	4 18	10,2	3 06	—	—	33,5	6 55	48,1	4 10

[1]) Сельскохоз. обзоръ Таврической губ. ва 1899 г., стр. 161.

[2]) Сборн. стат. свѣдѣн. по Саратовск. губ., Вольскій у. Т. VII, ч. II, 1892 г.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пересдача возникаетъ вслѣдствіе того, что землевладѣльцы сдаютъ свои земли не иначе, какъ болѣе или менѣе крупными участками. Напримѣръ, въ Константиноградскомъ уѣздѣ *Полтавской губ.* [1]) для арендованія земли у частныхъ владѣльцевъ составляются обыкновенно товарищества. Очень часто товарищества берутъ въ аренду больше земли, чѣмъ требуется для ихъ членовъ, что объясняется иногда намѣреніемъ пересдать излишекъ сосѣдямъ по болѣе высокимъ цѣнамъ; иногда же владѣлецъ земли не соглашается разбивать участокъ, и крестьяне вынуждены брать больше, чѣмъ имъ нужно.

О распространенности пересдачи земли товариществами въ Константиноградскомъ уѣздѣ даютъ представленіе слѣдующія свѣдѣнія:

		На 1 участника приходится земли.	Изъ аренд. земли сдается на сторону.
Мелкія аренды	(до 10 дес.)	3,7 дес.	6,6%
Среднія »	(10—30 дес.)	17,5 »	3,9
Крупныя »	(свыше 30)	74,8 »	12,9
	Всего	8,6 »	9,3

По поводу пересдачи, которая, какъ видно изъ вышеизложеннаго, встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ Россіи [2]), слѣдуетъ замѣтить, что она обыкновенно появляется при распространеніи мелкой съемки земли обѣднѣвшимъ населеніемъ. При такихъ условіяхъ земельный собственникъ находитъ болѣе удобнымъ для себя имѣть дѣло съ однимъ предпринимателемъ, а не съ цѣлой толпой съемщиковъ, платежеспособность которыхъ ему неизвѣстна. Сдавая землю посреднику, онъ, правда, получитъ за нее меньше, чѣмъ если бы у него непосредственно арендовали крестьяне; но зато при такой системѣ онъ избавляется отъ многихъ хлопотъ и можетъ разсчитывать на болѣе аккуратный платежъ арендныхъ денегъ.

Пересдача распространялась бы у насъ значительно быстрѣе, если бы указанные выше интересы сдатчиковъ земли не находили удовлетворенія въ коллективныхъ арендахъ, соединенныхъ съ круговой порукой съемщиковъ. Сдавая землю цѣлому обществу или товариществу, земельный собственникъ избавляется отъ неудобствъ, связанныхъ съ мелкимъ съемомъ, и гарантируетъ себя отъ послѣдствій несостоятельности отдѣльныхъ арендаторовъ.

---

[1]) Сборн. по хоз. стат. Полтавской губ., Константиноградскій у. Т. XIV, 1894 г., стр. 141, 142.

[2]) Разнообразные факты, касающіеся пересдачи земли, приведены, напр., въ статист. сборникахъ по Самарской губ. (напр., по Самарскому уѣзду, стр. 14, 57).

Конечно, этому нельзя не радоваться, потому что система пересдачи является во всѣхъ отношеніяхъ пагубной для земледѣльческаго населенія, вынужденнаго прибѣгать къ арендѣ изъ вторыхъ рукъ.

Въ справедливости высказаннаго мнѣнія убѣждаетъ опытъ Ирландіи, гдѣ посредничество въ арендѣ земли въ теченіе долгаго времени составляло истинное бѣдствіе для населенія.

Имѣя въ своихъ рукахъ большія пространства земли, отъ обладанія которой зависѣло существованіе съемщиковъ, посредники пользовались громадной властью, служившей въ ихъ рукахъ средствомъ эксплоатаціи поселянъ-арендаторовъ. Земля пересдавалась мелкимъ съемщикамъ на условіяхъ менѣе выгодныхъ, чѣмъ тѣ, которыми пользовались сами посредники, т.-е. на болѣе короткіе сроки и за болѣе высокую арендную плату.

Если земельный собственникъ и желалъ улучшить положеніе своихъ арендаторовъ, то онъ нерѣдко былъ лишенъ возможности сдѣлать это при системѣ посредничества, потому что всякое улучшеніе, которое онъ произвелъ бы въ своемъ имѣніи, только подало бы поводъ посреднику повысить арендную плату съемщиковъ. Если при такихъ условіяхъ земельный собственникъ соглашался понизить цѣну за наемъ земли, то отъ этого оставался въ выгодѣ только *middleman*.

Зло посредничества заключалось также въ томъ, что положеніе съемщиковъ при этой системѣ было особенно непрочно. При арендѣ отъ посредниковъ оно зависѣло не только отъ того, внесетъ ли съемщикъ арендную плату въ срокъ, но и отъ того, внесетъ ли ее въ срокъ посредникъ. Случалось, что посредникъ, которому съемщики заплатили за аренду, самъ не платилъ лэндлорду. Въ такихъ случаяхъ съемщикамъ нерѣдко приходилось платить второй разъ по требованію собственника или подвергаться изгнанію.

VIII.

Аренда и земледѣліе.

Представленная выше характеристика русскихъ арендъ приводитъ къ заключенію, что арендныя отношенія, какъ общее правило, складываются въ Россіи подъ давленіемъ закона спроса и предложенія въ примѣненіи его къ землѣ. Хотя обѣ стороны заинтересованы въ арендѣ, но съемщикъ находится въ менѣе благопріятномъ положе-

ніи, чѣмъ сдатчикъ, вслѣдствіе чего условія арендованія земель нерѣдко опредѣляются не къ выгодѣ арендатора. На эту черту нашей аренды весьма удачно указываетъ статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ [1]. «Въ большинствѣ случаевъ», говоритъ онъ, «русскій крестьянинъ заключаетъ съ собственникомъ арендный договоръ не потому, что это ему выгодно, но исключительно подъ давленіемъ нужды на удовлетвореніе своихъ первыхъ потребностей; онъ не можетъ отказаться отъ заключенія договора, если условія послѣдняго для него слишкомъ тягостны. Взаимное положеніе договаривающихся сторонъ получается при этомъ, конечно, далеко не одинаковое; безразлично, будетъ ли договоръ краткосрочнымъ или долгосрочнымъ, письменнымъ или устнымъ, онъ будетъ все же договоромъ несвободнымъ. Понятно, что при подобномъ условіи повышеніе арендныхъ цѣнъ должно идти совершенно независимо отъ роста доходности земли».

Въ этихъ словахъ выражена основная черта нашихъ арендъ, съ которой болѣе или менѣе связаны и другіе ихъ признаки: краткость сроковъ, на которые сдается земля, съ весьма широкимъ развитіемъ, а въ нѣкоторыхъ районахъ и съ полнымъ преобладаніемъ погоднаго съема; высокая арендная плата, нерѣдко поглощающая весь чистый доходъ земли, и даже иногда превышающая послѣдній, такъ что съемщику остается меньше обычной заработной платы за его трудъ по обработкѣ арендованнаго участка; наконецъ, отсутствіе въ арендныхъ договорахъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, условій, обезпечивающихъ за арендаторомъ извѣстную устойчивость положенія и право на ту часть произведенныхъ имъ затратъ, которой онъ не успѣлъ использовать до истеченія арендi наго срока.

Послѣдствіемъ указанныхъ чертъ русской аренды является весьма серьезный ущербъ интересамъ сельскаго хозяйства.

Земледѣліе страдаетъ оттого, что арендаторъ, нанимающій землю на короткій срокъ, при отсутствіи законоположеній, договорныхъ условій или обычаевъ, обезпечивающихъ за нимъ плоды его затратъ и трудовъ, не имѣетъ никакого интереса улучшать арендуемую землю и, напротивъ, имѣетъ прямой расчетъ истощать ее. Отсталость земледѣльческой техники составляетъ неизбѣжное зло, вытекающее изъ вышеизложеннаго состоянія арендныхъ отношеній. При такихъ условіяхъ указанное зло обнаруживалось всегда и во всѣхъ странахъ; и Россія не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Факты показываютъ, что крестьянинъ, арендуя землю, поступаетъ такъ же, какъ поступалъ бы всякій другой въ его положеніи. Уплачивая вы-

[1]) Записка объ измѣненіи условій найма недвижимыхъ имуществъ. Стр. 18.

сокую арендную плату и не будучи увѣренъ, что арендуемый участокъ останется у него въ пользованіи и на слѣдующій годъ, онъ всѣми силами старается извлечь изъ земли все, что возможно, не заботясь о будущемъ. Существованіе хищническаго хозяйства на арендныхъ земляхъ подтверждается рядомъ фактовъ.

Въ *Орловскомъ у.* Орловской губ. удобреніе арендованныхъ земель встрѣчается сравнительно рѣдко. Удобряется только земля, арендуемая на долгій срокъ, при чемъ удобреніе ея обыкновенно обусловливается при заключеніи сдѣлки. Въ среднемъ, ежегодно вывозится навоза на 1 дес. пашни: надѣльной 29,1 возовъ, купленной—39,5, арендованной—4,4. Средній расходъ на удобреніе 1 дес. надѣльной пашни опредѣляется въ 41,3 коп. въ годъ, купленной—въ 55,8 коп., а арендованной только въ 6,2 коп. [1]). Въ *Епифанскомъ у.* Тульской губ. въ среднемъ вывозится ежегодно навоза на 1 дес. запашки: надѣльной 5,47 возовъ, купленной 7,83, арендованной 3,19 [2]). Въ *Козельскомъ у.* Калужской губ. на 1 посѣвную десятину въ теченіе года вывезено пудовъ навоза: на надѣльную 257, купленную 226 и арендованную 79, т.-е. въ 3 раза меньше, чѣмъ на надѣльную [3]). Арендованную землю въ этомъ уѣздѣ часто не удобряютъ вовсе. «На арендованную землю», говорили крестьяне с. Вракова, «навоза не возимъ: свою землю не согласны оголаживать». Крестьяне дер. Новосаввинской «арендованной земли тоже стараются не удобрять, чтобы не явились охотники отбить ее». Вообще можно сказать, что земля, арендованная на годъ, удобряется какъ исключеніе. Арендованная на года удобряется гораздо чаще, но и то, главнымъ образомъ, въ силу условія со сдатчикомъ. На арендованную землю, по словамъ крестьянъ дер. Долъ, возятъ по условію, «и то, по правильному говоря, туда не возятъ: изъ одного воза два сдѣлаешь». При такихъ условіяхъ нѣкоторые земельные собственники стараются сдавать землю крупнымъ арендаторамъ, соглашаясь на меньшую плату, чѣмъ та, которую они получали съ крестьянъ. Это вызываетъ еще болѣе сильную конкуренцію между съемщиками, повышаетъ съемную цѣну и способствуетъ еще бóльшему истощенію почвы [4]).

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Орловской губ., Орловскій у. Т. VIII, 1895 г., стр. 109.

[2]) Итоги оцѣночно-эконом. изслѣд. Тульской губ., Епифанскій у. Т. I, вып. I, 1902 г. Прилож. стр. 83.

[3]) Стат. опис. Калужской губ., Козельскій у. Т. I, вып. II, 1898 г., стр. 276, 277.

[4]) Тамъ же.

IX.

Выводы.

Вышеизложенныя данныя приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Аренда земли для сельскохозяйственныхъ цѣлей пользуется въ Россіи широкимъ распространеніемъ, при чемъ съемщиками являются главнымъ образомъ крестьяне, а сдатчиками—частные владѣльцы, казна и удѣльное вѣдомство. Въ 163 уѣздахъ земскихъ губерній, по которымъ имѣются соотвѣтствующія свѣдѣнія, число крестьянскихъ дворовъ, прибѣгающихъ къ внѣнадѣльной арендѣ, достигаетъ приблизительно $1^1/_2$ милл., что составляетъ болѣе $^1/_3$ общаго числа ихъ, а площадь земли, арендуемой крестьянами, превышаетъ 10 милл. дес., или $^1/_5$ надѣльнаго землевладѣнія (въ 183 уѣздахъ).

2. Арендованіе земель крестьянами производится въ формѣ единоличной или коллективной, при чемъ послѣдняя выражается въ двухъ видахъ: аренды товарищеской и общественной. При товарищеской арендѣ земля раздѣляется между участниками, и притомъ почти всегда, прямо или косвенно, по ихъ состоятельности: каждый товарищъ получаетъ количество земли, соотвѣтствующее числу взятыхъ имъ паевъ. При общественной арендѣ земля дѣлится обыкновенно по количеству надѣльныхъ душъ, находящихся во владѣніи участника: кто держитъ въ своихъ рукахъ больше общинной земли, тотъ получаетъ больше и арендованной. Всѣ указанныя формы аренды пользуются болѣе или менѣе широкимъ распространеніемъ въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи, при чемъ общественная аренда встрѣчается иногда въ довольно значительныхъ размѣрахъ и въ районахъ подворнаго землевладѣнія.

3. Главнѣйшею причиной широкаго распространенія внѣнадѣльной аренды въ нашей странѣ служитъ недостатокъ у крестьянъ надѣльной земли. Поэтому малоземелье является первымъ факторомъ развитія русскихъ арендъ, и во многихъ случаяхъ значеніе его обнаруживается совершенно явственно въ фактѣ обратнаго соотношенія между размѣрами надѣльнаго землевладѣнія крестьянъ и развитіемъ аренды: чѣмъ меньше у крестьянъ собственной земли, тѣмъ большее число ихъ прибѣгаетъ къ арендованію чужой и тѣмъ обширнѣе арендуемая ими площадь. Однако, это явленіе не вездѣ распространяется на всѣ группы крестьянъ: иногда безземельные или группы съ очень малыми надѣлами арендуютъ значительно меньше группъ, лучше обезпеченныхъ землей, и даже больше сдаютъ земли, чѣмъ снимаютъ, а зажи-

точные крестьяне, хорошо обезпеченные землей, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и крупными арендаторами. Эти отклоненія отъ изложеннаго выше положенія объ обратномъ соотношеніи между земельною обезпеченностью крестьянъ и арендой указываютъ на существованіе другихъ факторовъ аренды, помимо только что упомянутаго.

Въ ряду таковыхъ имѣютъ прежде всего важное значеніе размѣры арендныго фонда, изъ котораго можетъ удовлетворяться спросъ крестьянскаго населенія на землю; если количество земель, сдаваемыхъ въ наемъ въ данной мѣстности невелико, то естественно; что, какъ бы ни была настоятельна нужда крестьянъ въ расширеніи площади ихъ землевладѣнія, она не получитъ полнаго удовлетворенія и аренда при такихъ условіяхъ не достигнетъ широкаго развитія.

Другими важными условіями, вліяющими на развитіе аренды, являются число работниковъ и количество рабочаго скота, которыми располагаетъ крестьянскій дворъ. Значеніе этихъ факторовъ въ сельскомъ хозяйствѣ такъ велико, что ими въ значительной мѣрѣ опредѣляется возможность расширенія крестьянскаго землевладѣнія при помощи найма чужой земли; поэтому естественно, что при одинаковомъ надѣлѣ вообще можетъ больше арендовать хозяинъ, лучше обставленный въ отношеніи рабочей силы и скота. Вліяніе этихъ факторовъ обнаруживается, если прослѣдить развитіе аренды по группамъ крестьянъ, владѣющимъ одинаковымъ пространствомъ надѣльной земли, но располагающимъ различнымъ количествомъ скота и неодинаковымъ числомъ работниковъ.

Нужда крестьянъ въ арендованіи чужихъ земель во многихъ мѣстностяхъ обусловливается недостаткомъ сѣнокосовъ и выгоновъ въ составѣ надѣловъ.

Наконецъ, на ряду съ малоземельемъ чрезвычайно важною причиной широкаго распространенія въ нашей странѣ арендъ служитъ неудобное расположеніе крестьянскихъ земель относительно частновладѣльческихъ. Иногда чужая земля глубоко врѣзывается въ надѣльную; въ другихъ случаяхъ она расположена въ серединѣ ея; въ третьихъ—перерѣзаетъ надѣлъ на части. Такая черезполосица очень часто дѣлаетъ для крестьянъ чрезвычайно затруднительнымъ веденіе хозяйства на собственной землѣ: не говоря о томъ, что во многихъ случаяхъ доступъ къ ней затрудненъ, при такихъ условіяхъ почти невозможно бываетъ предупредить потравы «отрѣзковъ», «отбоевъ» и тому подобныхъ клочковъ крестьянскимъ скотомъ, вслѣдствіе чего происходятъ столкновенія съ сосѣдними владѣльцами, сопровождающіяся тяжбами, штрафами и вообще ущербомъ для обѣихъ сторонъ.

На этой почвѣ устанавливаются такія отношенія между крестьянскимъ населеніемъ и частными владѣльцами, что аренда является для тѣхъ и другихъ единственнымъ исходомъ изъ затруднительнаго, а подчасъ и совершенно невыносимаго положенія. Но эта вынужденная аренда представляетъ серьезныя неудобства для земледѣльческаго населенія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда вышеупомянутые «клочки» попадаютъ въ руки спекулянтовъ, спеціально скупающихъ такія земли для сдачи ихъ крестьянамъ.

4. Внѣнадѣльная аренда служитъ прежде всего средствомъ восполненія пищи и корма въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ она носитъ продовольственный характеръ и этимъ въ корнѣ отличается отъ капиталистической аренды въ разнообразныхъ ея видахъ. Предпринимательская, и вообще болѣе или менѣе крупная аренда также встрѣчается въ нашей странѣ, особенно въ нѣкоторыхъ районахъ, преимущественно южныхъ, но по своему развитію и значенію этотъ видъ аренды занимаетъ второстепенное мѣсто.

На преобладаніе у насъ арендъ продовольственнаго типа указываютъ ближайшимъ образомъ мелкіе размѣры значительнаго большинства арендныхъ участковъ или долей, приходящихся на дворъ или на душу при коллективной арендѣ. Исчисленія, произведенныя для нѣкоторыхъ мѣстностей, убѣждаютъ, что арендная площадь вмѣстѣ съ надѣльною доставляютъ въ среднемъ на дворъ не болѣе минимальнаго количества хлѣба и корма, необходимыхъ на содержаніе крестьянской семьи и скота.

Арендуемая земля не только является средствомъ для расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія, но служитъ нерѣдко необходимымъ элементомъ въ системѣ крестьянскаго хозяйства или составляетъ важное условіе его техническаго усовершенствованія. Это прежде всего относится къ сѣнокоснымъ и пастбищнымъ угодьямъ, безъ которыхъ земледѣліе вовсе не можетъ существовать. При отсутствіи или недостаточности ихъ въ составѣ надѣльной земли, аренда неизбѣжна для предотвращенія хищнической культуры: площадью сѣнокосовъ и пастбищъ опредѣляется, какое количество скота можетъ держать домохозяинъ, слѣдовательно, сколько онъ получитъ удобренія и, въ концѣ-концовъ, какое пространство земли онъ можетъ держать подъ пашнею, не истощая почвы. Между кормовою площадью и распашкой должно существовать опредѣленное соотношеніе, которое не можетъ быть нарушено безъ ущерба для продуктивности почвы. Въ весьма значительномъ числѣ случаевъ такое соотношеніе можетъ

устанавливаться въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ только при помощи аренды.

Аренда пашни, хотя и имѣетъ въ нѣкоторыхъ районахъ (наприм., въ средней Россіи) меньшее значеніе, чѣмъ аренда пастбищныхъ и сѣнокосныхъ угодій, тѣмъ не менѣе нерѣдко также играетъ видную роль въ системѣ крестьянскаго хозяйства.

Весьма существенное значеніе имѣетъ аренда прогоновъ, безъ которыхъ веденіе хозяйства часто было бы немыслимо для крестьянъ.

Что касается значенія аренды для техническаго улучшенія крестьянскаго хозяйства, то оно обнаруживается въ слѣдующемъ:

а) аренда служитъ во многихъ случаяхъ единственнымъ средствомъ обезпеченія крестьянскаго хозяйства хотя бы минимальнымъ количествомъ скота, слѣдовательно и удобреніемъ;

б) при помощи аренды пріобрѣтается въ пользованіе земля, необходимая для перехода къ многополью;

в) при введеніи травосѣянія на общинныхъ земляхъ отмѣна пастьбы скота по жнитву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принудительной обработки почвы во многихъ случаяхъ требуютъ устройства особаго выгона, для котораго нерѣдко приходится арендовать землю, принадлежащую сосѣднимъ владѣльцамъ.

5. Сдача земли крестьянамъ имѣетъ очень важное значеніе для частновладѣльческаго хозяйства. При помощи аренды частные владѣльцы нерѣдко эксплоатируютъ болѣе или менѣе значительныя части своихъ имѣній и, кромѣ того, восполняютъ недостатокъ оборотныхъ средствъ и обезпечиваютъ свои хозяйства рабочею силой. Это достигается при сдачѣ земли за деньги и отработки; при испольной системѣ, часто комбинируемой съ отработками, землевладѣлецъ имѣетъ возможность получать съ этихъ земель хлѣбъ или кормъ для скота, не затрачивая на это оборотныхъ средствъ и не употребляя своего инвентаря. Разные виды арендной платы распространены весьма неравномѣрно по губерніямъ и даже уѣздамъ отдѣльныхъ губерній, что зависитъ отъ многихъ условій: наличности денежныхъ средствъ у сдатчика и съемщика, степени обезпеченія частновладѣльческихъ хозяйствъ наемнымъ трудомъ, уровня заработной платы въ данной мѣстности и т. д. Но, чѣмъ больше нужда мѣстнаго крестьянскаго населенія въ арендованіи земли, тѣмъ сильнѣе и зависимость его отъ тѣхъ лицъ, которыя располагаютъ арендным фондомъ, и тѣмъ въ большей степени выборъ формы арендной платы зависитъ отъ сдатчика, а не отъ арендатора. Въ этомъ отношеніи имѣетъ весьма важное значеніе взаимное расположеніе частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель:

крестьяне, которымъ неизбѣжно приходится арендовать прогонъ или отрѣзокъ, вынуждены соглашаться на условія, которыя ставитъ имъ земельный собственникъ; и если онъ нуждается въ рабочихъ, то, конечно, ему выгодно будетъ сдавать свои участки за отработки.

6. Условія русскихъ арендъ характеризуются главнымъ образомъ слѣдующими чертами:

а) Сроки арендныхъ договоровъ, заключаемыхъ въ большинствѣ случаевъ словесно, отличаются краткостью: значительная часть земель сдается на годъ или, что то же самое, на одинъ урожай.

в) Арендная плата, опредѣляемая вообще соотношеніемъ спроса на землю со стороны желающихъ арендовать ее и предложенія земель, составляющихъ арендный фондъ, въ очень многихъ случаяхъ превышаетъ чистую доходность земли, такъ что у арендатора не остается даже обычной заработной платы за трудъ обработки. При этомъ обыкновенно арендная плата относительно выше за мелкіе участки и при краткосрочномъ съемѣ.

При отработочной системѣ аренда, какъ общее правило, обходится дороже, чѣмъ при сдачѣ за деньги.

с) Въ общемъ замѣчается тенденція къ повышенію арендной платы, хотя въ движеніи арендныхъ цѣнъ и происходятъ періодами болѣе или менѣе значительныя колебанія.

7. Въ разныхъ мѣстностяхъ нашей страны имѣетъ мѣсто пересдача земли, т.-е. сдача ея въ аренду изъ вторыхъ рукъ. Это явленіе крайне нежелательное, такъ какъ условія такой аренды тяжелѣе для съемщиковъ, чѣмъ при наймѣ земли изъ первыхъ рукъ.

8. Вышеуказанныя условіи русскихъ арендъ приводятъ къ ущербу для сельскаго хозяйства. Арендаторъ, нанимающій землю на короткій срокъ, при отсутствіи законоположеній, договорныхъ условій или обычаевъ, обезпечивающихъ за нимъ плоды его затратъ и трудовъ, не имѣетъ интереса улучшать арендуемую землю и, напротивъ, скорѣе имѣетъ разсчетъ истощать ее. Существованіе хищническаго хозяйства на арендныхъ земляхъ подтверждается рядомъ фактовъ.

9. Приведенныя выше данныя и соображенія указываютъ на первостепенную важность арендмаго вопроса для сельскохозяйственной промышленности Россіи. Съ нимъ тѣсно связаны интересы какъ крестьянскаго, такъ и владѣльческаго хозяйствъ, которыя въ громадномъ числѣ случаевъ не могутъ обойтись—одно безъ найма земли, а другое безъ сдачи ея. Неурегулированныя арендныя отношенія представляютъ источникъ серьезныхъ недоразумѣній между сторонами, заинтересованными въ арендѣ, и служатъ могущественнымъ препят-

ствіемъ къ подъему доходности нашего земледѣлія. Отъ этого страдаютъ прежде всего сдатчики и съемщики, потому что при болѣе высокомъ доходѣ съемщикъ былъ бы въ состояніи платить дороже за землю, получая въ то же время и болѣе высокое вознагражденіе за свой трудъ, чѣмъ теперь. Но этимъ вредъ, проистекающій изъ современнаго состоянія нашихъ арендъ, не ограничивается: отъ него терпятъ ущербъ государство и все народное хозяйство, преуспѣяніе которыхъ тѣсно связано съ прогрессомъ земледѣлія и благосостояніемъ сельскаго населенія.

А. Мануиловъ.

Приложеніе I.

Распространенность крестьянскихъ арендъ.

ГУБЕРНІИ и УѢЗДЫ.	Общее число наличныхъ дворовъ.	Число арендующихъ дворовъ.	% отношеніе арендующ. дворовъ къ наличнымъ.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Удобной дес.	Не-удобной дес.	Итого дес.	Купленной дес.	Всего надѣльной и купленной дес.	Всего арендуемой земли (безъ выгоновъ, какъ особаго угодья) дес.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльной.	Надѣльн. и купленной.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Черноземная полоса.											
I. Центральныя земледѣльческія.											
Курская.											
1. Курскій	22.254	6.434	29,0	193.612	5.138	198.750	10.126	208.876	42.311	21,2	20,3
2. Льговскій	16.754	9.243	55,2	109.332	3.122	112.454	10.610	123.064	30.217	26,8	24,5
3. Дмитровскій	15.026	7.710	51,3	133.727	2.486	136.213	13.829	150.042	32.591	23,9	21,7
4. Суджанскій	19.593	5.922	30,2	163.514	6.181	169.695	6.323	176.018	15.467	9,1	8,8
5. Фатежскій	16.052	4.459	27,8	164.688	3.834	168.522	13.497	182.019	15.137	8,9	8,3
6. Рыльскій	20.409	9.797	48,0	108.042	2.747	110.789	6.023	116.812	31.910	28,8	27,3
7. Путивльскій	21.004	11.254	53,6	108.686	2.454	111.140	6.063	117.203	33.204	29,8	28,3
8. Щигровскій	19.655	8.404	42,2	166.005	2.843	168.848	13.073	181.92	36.290	21,4	20,0
9. Грайворонскій . . .	23.581	8.776	37,6	174.829	6.444	181.273	2.057	183.330	32.490	17,9	17,7
10. Обоянскій	21.920	9.251	42,0	253.090	9.842	262.232	1.818	264.750	15.662	5,9	5,2
11. Бѣлгородскій	20.647	5.925	[illegible]	161.455	5.994	167.447	10.050	177.497	20.127	12,0	11,6

13. Тимскій	18.445	5.350	29,0	208.522	4.229	212.751	5.220	217.971	24.868	11,6	11,4
14. Корочанскій	19.599	4.976	25,4	193.153	8.088	201.241	5.814	207.055	17.533	8,7	8,5
15. Старооскольскій	18.607	6.066	33,6	?	?	179.002	6.654	185.656	24.399	13,6	13,1
По губерніи	**294.255**	**108.608**	**36,9**	**2.315.715**	**72.181**	**2.566.198**	**115.364**	**2.782.262**	**398.352**	**15,5**	**14,3**
Рязанская.											
1. Рязанскій	24.539	10.127	41,3	160.502	?	160.502	22.705	183.207	23.536	14,6	12,8
2. Ранненбургскій	20.875	5.285	25,3	?	?	164.361	7.444	171.805	18.044	10,9	10,5
3. Данковскій	15.251	3.881	24,9	?	?	130.082	2.125	132.207	13.792	10,6	10,4
4. Скопинскій	20.643	5.160	25,6	?	?	172.403	7.572	179.975	17.604	10,2	9,8
5. Михайловскій	22.993	6.900	30,0	?	?	158.367	8.057	166.424	39.141	24,7	23,5
6. Егорьевскій	22.469	8.765	39,0	?	?	154.606	36.347	190.953	34.592	22,4	18,1
7. Касимовскій	25.311	8.703	34,4	?	?	224.578	23.485	248.063	34.818	15,0	14,0
8. Спасскій	24.150	5.270	21,8	?	?	184.652	14.789	199.441	17.346	9,3	8,7
9. Зарайскій	19.597	3.045	15,5	?	?	129.176	14.280	143.456	14.281	11,0	9,9
10. Пронскій	16.000	4.835	30,2	?	?	112.871	9.354	122.225	16.712	14,8	13,7
11. Сапожковскій	23.905	8.459	35,3	?	?	182.462	11.222	193.684	39.870	21,8	20,6
12. Ряжскій	21.610	6.604	30,5	?	?	123.050	8.986	132.036	24.082	19,5	17,8
По губерніи	**257.343**	**77.034**	**29,9**	?	?	**1.897.110**	**166.366**	**2.063.476**	**293.818**	**15,4**	**14,2**
Тамбовская.											
1. Борисоглѣбскій	33.040	15.881 *)	48,1	391.164	17.501	408.665	7.436	416.101	117.198	28,6	28,2
2. Елатомскій	20.099	7.568	38,0	140.804	2.857	143.660	16.136	159.796	30.000	20,8	18,8

*) Показано число дворовъ, аренд. пашню.

ГУБЕРНІИ и УѢЗДЫ.	Общее число наличныхъ дворовъ.	Число арендующихъ дворовъ.	% отношеніе арендующ. дворовъ къ наличнымъ.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Удобной дес.	Неудобной дес.	Итого дес.	Купленной дес.	Всего надѣльной и купленной дес.	Всего арендуемой земли (безъ выгоновъ, какъ особаго угодья) дес.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльной.	Надѣльн. и купленной.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
3. Кирсановскій	33.598	16.267	48,4	267.468	8.835	276.303	7.436	283.739	82.000	29,7	27,9
4. Козловскій	37.359	11.065	29,1	378.099	8.732	386.831	7.935	394.766	51.548	13,3	13,0
5. Лебедянскій	18.272	4.299	23,5	185.796	7.152	192.948	5.494	198.442	19.092*)	9,8	9,6
6. Липецкій	18.391	3.895	21,1	186.927	9.190	196.117	915	197.032	18.500	9,4	9,3
7. Моршанскій	31.316	13.292	42,4	270.912	5.961	276.873	5.495	282.368	50.000	18,0	17,7
8. Спасскій	15.936	3.503	23,2	176.226	5.412	181.638	1.767	183.405	15.000	8,2	8,1
9. Тамбовскій	44.549	17.265	40,0	407.294	14.934	422.228	7.265	429.493	86.000	20,3	20,2
10. Темниковскій	18.252	5.398	29,5	138.479	4.466	142.945	6.369	149.314	22.500	15,7	15,1
11. Усманскій	24.361	6.412	26,3	259.497	9.936	269.433	2.281	271.714	30.000	11,1	11,0
12. Шацкій	21.858	9.790	44,9	147.379	1.247	148.626	13.089	161.715	35.000	23,5	21,7
По губерніи . . .	**317.051**	**114.655**	**36,4**	**2.950.044**	**96.223**	**3.046.267**	**81.618**	**3.127.885**	**556.838**	**18,2**	**17,8**
Воронежская.											
1. Воронежскій	**) 24.106	6.490	27,0	266.488	?	266.488	4.361,2	*** 270.849,2	46.301	17,3	17,1
2. Задонскій	15.704	3.788	24,1	135.656	?	135.656	2.881,7	141.926,9	14.015,1	10,3	9,8
3. Землянскій	25.839	7.559	29,2	235.819,1	?	235.819,1	6.997,8	243.500,2	31.369,2	13,3	12,8
4. Нижнедѣвицкій . . .	20.072	3.765	18,0	257.149	?	257.149	9.702,3	270.878,9	15.803	6,1	5,8
5. Коротоякскій	20.282	3.517	17,3	274.995,1	?	274.995,1	6.895,1	288.112,1	17.986,3	6,5	6,2
6. Бобровскій	37.960	15.959	42,0	353.757,7	?	353.757,7	7.679,3	361.437	102.487,9	28,9	28,3

[illegible]	43.950	6.527	35,6	286.372,3	?	286.372,3	7.248,3	293.620,6	73.475,1	25,6	25,0
8. Богучарскій	42.932	4.728	11,0	678.714,3	?	678.714,3	7.371,3	686.085,6	69.783,7	10,2	10,1
9. Павловскій	20.354	3.819	18,7	224.516,4	?	224.516,4	1.274,8	225.791,2	24.332,2	10,8	10,7
10. Острогожскій	33.581	7.265	21,7	375.945,2	?	375.945,2	5.968,7	381.913,9	77.672,5	20,6	20,3
11. Бирюченскій	27.653	9.954	35,3	192.079,3	?	192.079,3	8.580,7	220.725,4	60.133,1	31,3	27,2
12. Валуйскій	23.972	6.445	26,9	212.724,9	?	212.724,9	15.406,4	234.133,4	43.882,3	20,6	18,7
По губерніи	**316.405**	**81.816**	**25,8**	**3.494.217,3**	?	**3.494.217,3**	**84.367,6**	**3.618.974,4**	**577.241,4**	**16,5**	**15,9**
Орловская.											
1. Мценскій	14.349	4.683	32,7	94.612	2.424	97.036	7.347	104.383	17.808	18,3	17,0
2. Елецкій	34.275	9.448	27,6	259.806	?	259.806	10.295	270.101	27.459	10,5	10,3
3. Трубчевскій	15.666	10.096	64,3	144.801	15.872	160.673	2.636	163.309	42.190	26,2	26,1
4. Кромской	16.032	6.601	41,1	?	?	111.986	11.848	123.834	20.602	18,3	16,6
5. Карачевскій	17.006	7.850	46,2	143.023	6.052	149.075	15.928	165.003	42.700	28,6	25,9
6. Болховскій	16.588	4.919	30,7	?	?	160.673	2.636	163.309	18.530	11,5	11,2
7. Орловскій	22.515	7.147	31,7	157.293,7	5.147,9	162.441,6	10.632,5	173.074,1	23.594	14,5	13,6
8. Сѣвскій	20.443	10.737	52,5	176.718	5.412	182.130	4.447	186.577	35.949	19,4	19,2
9. Дмитровскій	14.428	?	?	106.900	5.273	112.173	8.495	120.668	26.076	23,2	21,6
По 9 уѣзд. изъ 12	**171.302**	**52.481**	?	**1.083.153,7**	**40.180,9**	**1.395.993,6**	**174.264,5**	**1.470.258,1**	**254.908**	**18,9**	**17,3**
Тульская.											
Епифанскій	**18.298**	**7.896**	43,1	**101.853,8**	**2.464**	**104.317,8**	**6.229,2**	**110.547**	**24.429**	**23,4**	**22,0**

*) Пашня. **) Аренд. сѣнокосы 6.490, пашню 6.161. ***) Въ рубрику 8 вошли четвертныя земли (40.389,5 дес.).

ГУБЕРНИИ и УѢЗДЫ.	Общее число наличныхъ дворовъ.	Число арендующихъ дворовъ.	% отношеніе арендующ. дворовъ къ наличнымъ.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Удобной дес.	Не-удобной дес.	Итого дес.	Купленной дес.	Всего надѣльной и купленной дес.	Всего арендуемой земли (безъ выгоновъ, какъ особаго угодья) дес.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльной.	Надѣльн. и купленной.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
II. Средневолжскія.											
Саратовская.											
1. Аткарскій	41.232	21.863	53,3	439.787	?	439.787	14.585	454.372	191.657	43,5	41,2
2. Балашевскій	37.431	22.495	59,0	437.962	23.448	461.410	13.414	474.824	123.355*)	26,7	25,9
3. Вольскій	24.816	14.608	58,9	227.287	18.698	245.985	15.889	261.874	65.390*)	26,5	24,9
4. Камышинскій	40.159	21.830	54,3	950.428	197.718	848.146	10.473	858.619	85.681*)	10,1	9,9
5. Кузнецкій	23.456	10.294	43,9	216.028	10.189	226.217	2.812	229.029	25.437*)	11,2	11,1
6. Петровскій	33.665	12.734	38,0	330.542	?	330.542	10.807	341.349	73.964	22,3	21,7
7. Саратовскій	27.957	16.215	57,9	228.218	?	228.218	10.425	238.643	168.917	74,0	70,8
8. Сердобскій	29.337	19.316	65,8	370.734	7.477	278.211	9.720	287.931	79.820*)	28,4	24,0
9. Хвалынскій	26.956	9.621	35,7	335.232	20.914	356.146	38.773	394.919	25.111*)	7,0	6,3
10. Царицынскій	10.099	4.119	40,8	191.355	108.433	299.788	109	299.897	57.930	19,3	19,3
По губерніи	**295.608**	**153.095**	**51,7**	**3.327.563**	**386.877**	**3.714.450**	**127.007**	**3.841.454**	**896.722**	**24,1**	**23,3**
Казанская.	общинъ										
1. Свіяжскій	222	пах. 122 сѣн. 71	55,0 32,0	185.117	15.477	200.594	?	?	33.000	16,5	?
2. Тетюшскій	267	пах. 78 луг. 36 сѣн. 86	29,2 14,0 [illegible]	276.388	20.341	296.729	?	?	11.700	3,9	?

4. Цивильскій	208	пах. 27 / луг. 34	13,0 / 16,3	241.285	8.256	249.541	?	?	7.000	2,9	?
5. Царевококшайскій .	210	?	?	196.733	9.742	206.475	?	?	3.000	1,4	?
6. Мамадышскій	304	?	?	326.342	32.097	358.439	?	?	11.500	3,3	?
7. Лаишевскій	355	?	?	252.764	20.231	272.995	?	?	92.180	33,8	?
8. Чебоксарскій	173	?	?	164.998	21.945	186.943	?	?	6.342	3,4	?
9. Ядринскій	111	?	?	226.155	9.558	235.713	?	?	1.397	0,6	?
10. Козьмодемьянскій . .	69	?	?	174.063	16.739	190.802	?	?	901	0,5	?
11. Спасскій	287	?	?	254.037	13.516	267.553	?	?	89.256	33,3	?
12. Чистопольскій . . .	300	?	?	524.074	22.304	549.378	?	?	45.762	8,3	?
По губерніи . . .	**2.919**	?	?	**3.190.948**	**207.506**	**3.398.454**	?	?	**316.538**	**9,3**	?
Нижегородская.											
1. Княгининскій	19.557	7.090	36,2	141.478	5.233	146.711	31.257	177.968	26.149	17,8	14,8
2. Васильскій	20.874	7.136	35,6	?	?	149.807	14.147	163.954	18.782*)	12,5	11,4
3. Горбатовскій	23.254	3.976	18,0	?	?	160.245	21.034	181.279	12.051*)	7,5	6,6
4. Макарьевскій	18.731	4.679	26,0	?	?	172.121	16.255	188.376	7.127*)	4,1	3,7
По 4 уѣзд. изъ 11 .	**82.416**	**22.881**	**27,7**	?	?	**628.884**	**82.693**	**711.577**	**64.109**	**10,1**	**9,0**
III. Нижневолжскія.											
Самарская.											
1. Бугульминскій . . .	42.287	13.686	32,4	637.969	36.442	674.411	37.543	711.954	86.905	12,8	12,2
2. Бугурусланскій . . .	50.533	23.006	45,5	930.815	77.610	1.008.425	40.145	1.048.570	207.955	26,6	19,8
3. Бузулукскій	59.676	26.529	44,4	1.302.507	62.816	1.365.323	109.258	1.474.581	321.835	23,5	21,8

*) Пашня.

ГУБЕРНІИ и УѢЗДЫ.	Общее число наличныхъ дворовъ.	Число арендующихъ дворовъ.	% отношеніе арендующ. дворовъ къ наличнымъ.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Удобной дес.	Надѣльныя земли. Не-удобной дес.	Надѣльныя земли. Итого дес.	Купленной дес.	Всего надѣльной и купленной дес.	Всего арендуемой земли (безъ выгоновъ, какъ особаго угодья) дес.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльной.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльн. и купленной.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
4. Николаевскій	66.192	32.619	49,3	1.441.589	277.680	1.669.269	92.996	1.762.265	299.902	17,9	17,0
5. Новоузенскій	51.348	7.504	14,7	?	?	1.928.473	164.602	2.093.075	531.526	27,5	20,6
6. Самарскій	36.140	22.964	63,5	467.015	32.375	499.390	12.755	512.145	392.332	78,5	76,6
7. Ставропольскій . . .	39.956	21.126	52,8	460.703	24.170	484.873	6.093	490.966	155.037	31,9	31,6
По губерніи . . .	**346.132**	**147.434**	**42,5**	**5.240.598**	**461.093**	**7.630.164**	**463.392**	**8.093.556**	**1.995.492**	**26,1**	**24,6**
IV. Новороссійскія.											
Таврическая.											
1. Мелитопольскій . . .	34.978	8.330	23,9	715.952	50.158	766.110	109.576	875.686	104.208*)	13,6	11,9
2. Днѣпровскій	19.757	8.707	44,1	379.172	115.505	494.677	33.910	528.587	91.700	18,5	17,3
3. Θеодосійскій	10.868	5.393	49,6	?	?	25.419	198.888	224.307	85.544	336,4	38,9
4. Симферопольскій . .	8.570	4.488	52,3	?	?	20.694	77.918	98.612	54.538	214,7	55,3
5. Бердянскій	28.794	2.686	9,4	662.213	34.076	696.290	47.258	743.548	23.787	3,4	3,2
6. Перекопскій	3.533	2.656	75,2	?	?	21.503	112.276	133.779	83.882	390,0	62,7
7. Евпаторійскій	4.589	3.402	74,2	?	?	15.995	92.230	108.225	66.014	412,7	61,0
8. Ялтинскій	7.710	1.052	13,7	?	?	83.127	13.560	96.687	1.811	2,0	1,8
По губерніи . . .	**118.799**	**36.714**	**30,3**	?	?	**2.123.815**	**685.616**	**2.809.431**	**511.384**	**24,0**	**11,0**

Херсонская.											
1. Александрійскій . .	50.640	22.116	44,2	?	?	?	?	407.020	159.185	?	39,1
2. Ананьевскій	30.211	20.234	67,4	?	?	?	?	193.837	165.239	?	85,5
3. Елисаветградскій . .	60.864	10.784	18,0	?	?	?	?	533.812	302.560	?	56,7
4. Одесскій	14.981	?	?	?	?	?	?	234.659	228.316	?	97,3
5. Тираспольскій . . .	26.359	?	?	?	?	?	?	164.281	82.547	?	50,2
6. Херсонскій	39.369	?	?	?	?	?	?	574.726	382.023	?	57,1
По губерніи . . .	**222.415**	**53.134**	?	?	?	?	?	**2.108.335**	**1.319.870**	?	**62,6**
Екатеринославская.											
1. Ростовскій **) . . .	19.156	12.817	61,7	?	?	220.381	14.510	234.891	187.888	79,9	80,1
2. Бахмутскій	25.343	12.949	51,1	?	?	338.334	6.010	344.344	142.168	42,0	42,0
3. Славяносербскій . .	16.630	8.994	54,1	162.916	17.942	180.858	9.716	190.574	76.380	42,2	40,1
4. Маріупольскій . . .	13.134	4.024	30,6	?	?	?	?	185.644	44.537	?	24,0
5. Екатеринославскій .	31.335	?	?	250.285,7	20.136,5	270.422,2	64.717,4	335.139	134.078	49,5	39,3
По 5 уѣзд. изъ 8 . .	**102.598**	**38.784**	?	?	?	**1.009.995,2**	?	**1.290.592,6**	**584.991**	**79,0**	**45,3**
Бессарабская.											
Хотинскій	**37.434**	**15.547**	**41,5**	?	?	**159.851**	**372**	**160.223**	**25.369**	**15,8**	**15,8**
V. Малороссійскія.											
Полтавская.											
1. Зеньковскій	21.488	***) 8.358	38,8	?	?	?	?	111.958	***) 42.955	?	38,3
2. Полтавскій	25.436	11.177	43,9	?	?	?	?	129.336	39.045	?	30,1

*) Пашня. **) Въ настоящее время входитъ въ составъ Области Войска Донского. ***) Аренд. надѣльн. и внѣнад. землю. ****) Надѣльная и внѣнадѣльная земля.

ГУБЕРНИИ и УѢЗДЫ.	Общее число наличныхъ дворовъ.	Число арендующихъ дворовъ.	% отношеніе арендующ. дворовъ къ наличнымъ.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Удобной дес.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Неудобной дес.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Итого дес.	Крестьянское землевладѣніе. Купленной дес.	Крестьянское землевладѣніе. Всего надѣльной и купленной дес.	Всего арендуемой земли (безъ выгоновъ, какъ особаго угодья) дес.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльной.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльн. и купленной.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
3. Миргородскій	22.263	11.691	52,5	?	?	?	?	131.978	44.941	?	33,9
4. Лубенскій	17.708	9.974	56,3	?	?	?	?	120.988	37.502	?	30,9
5. Галячскій	19.742	9.749	49,3	?	?	?	?	128.249	36.130	?	28,1
6. Золотоношскій	33.896	19.475	57,4	?	?	?	?	196.931	79.946	?	40,5
7. Кременчугскій	25.480	15.774	61,9	?	?	?	?	169.025	66.547	?	39,9
8. Хорольскій	24.362	17.309	71,4	?	?	?	?	141.628	61.859	?	43,6
9. Прилукскій	27.577	16.187	58,6	?	?	?	?	157.188	48.699	?	30,9
10. Переяславскій	28.845	15.898	54,4	?	?	?	?	208.350	58.507	?	27,9
11. Кобелякскій	30.880	16.073	52,0	?	?	?	?	199.826	72.119	?	36,0
12. Роменскій	25.279	12.433	49,1	?	?	?	?	144.174	46.722	?	32,4
13. Лохвицкій	23.804	10.616	44,5	?	?	?	?	136.339	35.645	?	25,5
14. Константиноградскій	29.414	18.479	62,8	?	?	?	?	238.073	80.848	?	33,9
15. Пирятинскій	24.286	16.280	67,0	?	?	?	?	130.763	49.763	?	38,0
По губерніи	**380.460**	**209.473**	**55,0**	?	?	?	?	**2.344.806**	**801.228**	?	**34,1**
Черниговская.											
1. Козелецкій	19.005	8.584	45,2	?	?	?	?	129.846	20.038	?	15,3
2. Суражскій	30.206	8.619	41,3	155.194	?	155.194	?	194.857	19.407*)	12,5	9,9

3. Мглинскій	15.684	9.207	58,7	91.415	?	91.415	?	145.598	24.024*)	26,1	16,5
4. Городницкій	17.909	8.713	48,7	159.627	?	159.627	?	163.408	34.919	21,8	21,4
5. Кролевецкій	16.864	7.376	43,8	125.165	?	125.165	?	125.811	18.126	15,3	14,4
По 5 уѣзд. изъ 15 .	**89.668**	**42.499**	**47,3**	**531.401**	?	**531.401**	?	**759.250**	**116.584**	**21,9**	**15,3**
Харьковская.											
1. Зміевскій	26.919	1.612	6,2	?	?	304.173	?	?	17.505	5,7	?
2. Богодуховскій . . .	20.050	3.948	19,7	?	?	166.685	8.144	174.829	11.592	6,9	6,7
Б. Нечерноземная полоса.											
I. Промышленныя.											
Тверская.											
1. Бѣжецкій	39.612	22.602	57,0	368.081,4	20.500,5	388.581,9	89.274	477.855,9	71.007	18,2	14,8
2. Зубцовскій	16.474	10.558	64,0	142.703,2	5.378,9	148.082,1	25.270,1	173.352,2	62.035	41,8	36,3
3. Новоторжскій . . .	23.778	12.079	50,8	245.479,5	8.343	253.822,5	80.331,1	334.153,6	56.264	22,1	16,8
4. Тверской	18.062	10.019	55,4	166.397,6	19.127,6	215.525,5	34.465,3	249.990,5	31.881	14,7	12,7
5. Кашинскій	21.224	11.724	55,2	168.276,5	7.240,1	175.466,6	36.522,2	211.988,8	27.696,4	15,7	13,0
6. Весьегонскій	26.518	15.754	60,1	267.309,5	14.913,9	282.223,4	99.810,4	382.033,8	86.516	34,1	22,6
7. Осташковскій	19.574	6.881	35,1	230.055,4	39.504,5	269.559,4	86.011,2	355.571,1	35.348,2	13,0	9,9
8. Калязинскій	19.924	10.897	54,6	171.922,3	8.093,1	180.015,4	22.971,6	202.987	41.125	22,8	20,3
9. Корчевскій	19.315	7.611	39,4	191.358,3	11.671,5	203.029,8	51.376,6	254.406,4	23.819,6	11,7	9,3
10. Вышневолоцкій . . .	28.282	12.494	44,1	285.124,5	27.058	312.182,5	123.141,9	435.324,4	38.038	12,8	8,6
11. Ржевскій	19.069	8.000	41,9	187.223,4	7.124,6	194.348	27.260,4	221.608,4	13.960	7,1	6,2
12. Старицкій	22.316	13.387	59,9	218.418,2	7.973,5	226.391,7	57.634,5	284.026,2	15.300	6,7	5,3
По губерніи . . .	**274.150**	**142.006**	**51,7**	**2.672.299,8**	**176.929,2**	**2.849.229**	**734.069,3**	**3.583.298,3**	**502.990,2**	**17,5**	**14,0**

*) Пашня.

ГУБЕРНИИ и УѢЗДЫ.	Общее число наличныхъ дворовъ.	Число арендующихъ дворовъ.	% отношеніе арендующ. дворовъ къ наличнымъ.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Удобной дес.	Неудобной дес.	Итого дес.	Купленной дес.	Всего надѣльной и купленной дес.	Всего арендуемой земли (безъ выгоновъ, какъ особаго угодья) дес.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльной.	Надѣльн. и купленной.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Калужская.											
Козельскій	**15.821**	**6.859**	**43,3**	**124.483**	**?**	**124.483**	**13.001**	**137.484**	**16.786**	**13,4**	**12,2**
Ярославская.											
Мышкинскій	**16.853**	**8.580**	**50,9**	**129.490,3**	**4.472,3**	**133.882,6**	**47.919,9**	**181.802,5**	**27.779**	**20,7**	**15,2**
Владимірская.											
1. Владимірскій	24.975	3.968	15,8	172.495	7.949	180.444*)	18.263	198.707	**) 8.318	4,6	4,1
2. Вязниковскій	13.265	4.382	33,0	132.919	4.869	137.788	20.375	158.163	9.374	6,8	5,9
3. Гороховецкій	19.173	5.586	29,1	179.791	7.545	187.336	23.024	210.360	12.497	6,6	5,9
4. Меленковскій	22.022	7.903	35,8	199.813	9.755	209.568	26.215	235.783	21.913	10,5	9,3
5. Муромскій	20.428	4.740	23,2	129.659	8.141	137.800	13.361	151.161	7.601	5,5	5,0
6. Судогодскій	15.282	8.815	57,6	153.897	4.195	158.092	43.614	201.706	28.051	17,7	13,3
7. Суздальскій	18.212	7.966	43,7	144.665	5.238	149.903	19.002	168.905	16.346	10,9	9,6
По 7 уѣзд. изъ 13 .	**133.357**	**43.360**	**32,5**	**1.113.239**	**47.692**	**1.160.931**	**163.854**	**1.324.785**	**104.100**	8,9	7,8
Московская *).**											
1. Рузскій	9.145	а) един. 4269 в) общ. 5.996	47 67	102.259,6	2.931,1	105.190,7	—	—	40.788,5	39	—
2. Волоколамскій . . .	12.048	а) 4.552 в) 8.632	38 72	126.167,4	3.156,1	129.323,5	—	—	40.938,2	33	—

[illegible]	14.092	[illegible] в) 6.097	[illegible] 43	162.729,5	6.301,3	169.030,8	—	—	29.944,9	20	—
4. Коломенскій	12.587	а) 2.990 в) 4.112	24 32	109.645,1	3.381,2	113.026,3	—	—	14.905,2	14	—
5. Богородскій	24.400	а) 5.538 в) 5.078	23 21	156.296,7	4.708,8	161.005,5	—	—	18.462,5	12	—
По 5 уѣзд. изъ 13	**72.272**	а) **22.983** в) **29.935**	32 41	**657.098,3**	**20.478,5**	**677.576,8**	—	—	**145.039,3**	**21**	—
II. Бѣлорусскія.											
Смоленская.											
1. Вяземскій	13.880	9.231	66,5	118.374	3.235	121.609	11.017	132.626	60.000	49,3	45,3
2. Гжатскій	21.995	11.328	51,5	202.325	3.828	206.153	17.244	223.397	51.889	25,1	23,2
3. Сычевскій	17.469	14.959	85,6	155.060	3.096	158.156	22.747	180.903	65.069	40,1	35,9
4. Юхновскій	18.489	11.800	63,8	171.350	7.334	178.684	32.359	211.043	40.181	22,4	20,1
5. Дорогобужскій	12.293	9.422	78,5	?	?	141.393	11.100	152.493	70.058	49,5	46,0
6. Духовщинскій	13.640	8.541	65,7	?	?	184.660	12.417	197.077	39.331	23,4	20,0
По 6 уѣзд. изъ 12	**97.766**	**65.283**	**66,7**	?	?	**990.655**	**106.884**	**1.097.539**	**326.528**	**32,3**	**29,7**
III. Приозерныя.											
С.-Петербургская.											
1. Петергофскій	9.317	?	?	82.991	2.824	85.815	?	?	22.500	26,2	?
2. Шлиссельбургскій	6.264	1.517****)	24,0	65.219	14.482	79.701	13.656	93.357	7.300	9,1	7,8
3. Ямбургскій	9.348	2.071****)	22,2	84.828	4.641	89.469	10.059	98.528	51.000	57,0	53,1
4. Гдовскій	20.070	4.061****)	22,8	248.396	26.146	274.542	73.548	348.090	30.000	10,9	8,4

*) Въ томъ числѣ купл. земля, нах. въ общемъ польз. **) Пашня и покосъ. ***) По даннымъ послѣдней переписи, разработаннымъ для настоящей записки. ****) Не считая арендующихъ общинъ.

ГУБЕРНІИ и УѢЗДЫ.	Общее число наличныхъ дворовъ.	Число арендующихъ дворовъ.	% отношеніе арендующ. дворовъ къ наличнымъ.	Крестьянское землевладѣніе. Надѣльныя земли. Удобной дес.	Неудобной. дес.	Итого дес.	Купленной дес.	Всего надѣльной и купленной дес.	Всего арендуемой земли (безъ выгоновъ, какъ особаго угодья) дес.	% отношеніе арендуемой земли къ Надѣльной.	Надѣльн. и купленной.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
5. С.-Петербургскій	7.567	1.285*)	18,4	45.363	3.686	40.049	?	?	6.531	13,3	?
6. Царскосельскій	13.034	?	?	?	?	113.765	5.509	118.294	26.611	23,3	22,5
7. Лужскій	18.305	?	?	?	?	205.512	85.681	291.193	9.903	4,8	3,4
По 7 уѣзд. изъ 8	**83.905**	**8.934**	?	?	?	**897.853**	**188.453**	**949.462**	**153.845**	**17,7**	?
Новгородская.											
1. Демьянскій	13.200	4.844	36,7	177.382	9.938	187.320	51.468	238.788	?	?	?
2. Крестецкій	15.921	?	?	202.180	14.932	217.112	52.103	269.215	74 950	34,5	27,8
IV. Приуральскія.											
Вятская.											
1. Вятскій	28.367	4.393	15,6	439.597,6	?	463.597,6	2.109,1	465.704,7	4.500	0,9	0,9
2. Глазовскій	48.601	3.848	7,9	1.134.007,4	?	1.134.007,4	553,4	1.134.560,8	9.744,4	0,8	0,8
3. Елабужскій	33.592	4.740	14,1	507.157,4	?	507.157,4	3.979	511.136,5	10.902	2,1	2,1
4. Котельническій	41.464	6.913	16,7	751.399,4	?	751.399,4	646,5	752.045,9	14.071,1	1,8	1,8
5. Малмыжскій	32.377	6.402	16,2	720.078,9	?	720.078,9	4.204,0	724.282,9	12.622	1,7	1,7
6. Нолинскій	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	?	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

8. Сарапульскій	50.710	9.367	18,5	724.228,4	?	724.228,4	2.112,7	726.341,1	62.146,7	8,5	8,5
9. Слободскій	29.778	2.298	7,7	640.439,1	?	640.439,1	314,9	640.754	7.298,9	0,6	0,6
10. Яржунскій	43.065	10.699	24,9	681.339,5	?	681.339,5	20.239,8	701.579,3	7.000	1,0	0,9
11. Яранскій	60.578	7.747	12,8	823.793,9	?	823.793,9	4.042,8	827.836,7	18.806,4	2,2	2,2
По губерніи . . .	**442.856**	**72.338**	**16.3**	**7.612.137,7**	?	**7.612.137,7**	**39.853,6**	**7.651.991,3**	**173.262,5**	**2,2**	**2,2**
Пермская.											
Екатеринбургскій . .	**59.709**	**6.779**	**11,4**	?	?	?	?	**387.689**	**16.483**	?	**4,2**

*) Не считая арендующихъ общинъ.

Таблица, показывающая вліяніе количества надѣльной земли и р

Группировка хозяйствъ по рабочему скоту.	НАЗВАНІЕ УѢЗДОВЪ.	Безземельныя.				Имѣющія до 5 дес.				Отъ
		Всего хозяйствъ.	Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.	Всего хозяйствъ.	Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.	Всего хозяйствъ.
Безъ рабочаго скота.	Задонскій	213	17	28	**1,64**	2.262	176	256	**1,45**	1.295
	Землянскій	158	18	22,8	**1,26**	2.993	491	689,2	**1,40**	2.280
	Острогожскій ..	1.691	96	236	**2,45**	2.284	393	850	**2,16**	4.134
Имѣющія 1 лошадь или 1 пару воловъ.	Задонскій	33	21	66	**3,14**	2.327	1.280	2.556	**1,99**	5.581
	Землянскій	13	12	26,1	**2,17**	2.746	1.865	3.893,5	**2,08**	6.007
	Острогожскій ..	192	110	579	**5,26**	2.271	1.564	6.364	**4,06**	6.385
Имѣющія 2—3 лошади или 2—3 пары воловъ.	Задонскій	4	2	22	**11,00**	791	690	2.851	**4,13**	2.881
	Землянскій	5	4	19,7	**4,92**	1.338	1.238	5.643,7	**4,55**	6.490
	Острогожскій ..	66	57	495	**8,68**	1.416	1.358	10.498	**7,73**	5.263
Имѣющія 4 и болѣе лошадей или 4 и болѣе паръ воловъ.	Задонскій	—	—	—	—	21	19	148	**7,78**	195
	Землянскій	2	2	60	**30,00**	48	43	827	**19,25**	518
	Острогожскій ..	7	5	377	**75,40**	168	163	2.798	**17,16**	937

Приложеніе II.

) скота на размѣръ аренды (по 3 уѣздамъ Воронежской губерніи).

ес.		Отъ 15 до 25 дес.				Свыше 25 дес.				Всѣ вообще хозяйства.			
десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.	Всего хозяйствъ.	Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.	Всего хозяйствъ.	Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.	Всего хозяйствъ.	Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.
70	**1,34**	77	4	5	**1,25**	4	—	—	—	3.851	249	359	**1,44**
75,1	**1,43**	61	2	4	**2,00**	3	—	—	—	5.504	633	891,1	**1,40**
96	**2,08**	598	10	638	**6,38**	21	—	—	—	8.728	689	2.120	**3,07**
76	**1,77**	379	34	69	**2,02**	30	1	3	**3,00**	6.350	2.452	4.670	**1,90**
90	**1,86**	446	37	241,3	**6,52**	5	—	—	—	9.217	3.837	7.750,9	**2,02**
17	**3,19**	1.611	125	1.388	**11,10**	51	5	26	**5,20**	0.510	3.501	13.774	**3,903**
18	**3,76**	1.100	536	2.173	**4,05**	221	77	331	**4,29**	4.997	3.331	12.995	**3,90**
0,2	**3,78**	1.829	967	3.916,3	**4,04**	224	87	420,9	**4,83**	9.886	7.057	28.000,8	**3,96**
1	**5,89**	4.002	1.586	7.806	**4,92**	444	112	591	**5,27**	1.191	6.754	40.871	**6,05**
6	**10,97**	155	144	2.010	**13,92**	137	100	1.878	**18,78**	506	444	6.022	**13,56**
9	**13,50**	416	365	4.118,2	**11,28**	248	198	2.037,9	**10,29**	1.232	1.095	13.622,9	**12,44**
1	**15,40**	1.395	1.117	16.161	**14,46**	645	399	5.739	**14,38**	3.152	2.565	38.649	**15,06**

Приложеніе III.

Таблица, показывающая вліяніе количества надѣльной земли, рабочихъ рукъ и рабочаго скота на размѣръ аренды (по 2 уѣздамъ Воронежской губерніи).

Группировка по землѣ.	Группировка по рабочему скоту.	Названіе уѣздовъ.	Безъ работника.			Съ 1 работникомъ.			Съ 2 работниками.			Съ 3 и болѣе работниками.		
			Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.	Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.	Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.	Арендующ. хозяйствъ.	Арендовано десятинъ.	На 1 аренд. хоз. дес.
Безземельныя.	Безлошадныя.	Нижнедѣвицкій . .	5	7	**1,40**	7	38	**5,42**	2	4	**2,00**	—	—	—
		Коротоякскій	4	3	**0,75**	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Съ 1 лошадью.	Нижнедѣвицкій . .	1	4	**4,00**	5	11	**2,20**	1	1	**1,00**	1	2	**2,00**
		Коротоякскій	3	7	**2,33**	4	12	**3,00**	—	—	—	—	—	—
	Съ 2—3 лош.	Нижнедѣвицкій . .	1	8	**8,00**	1	8	**8,00**	1	7	**7,00**	—	—	—
		Коротоякскій	1	6	**6,00**	7	73	**10,42**	—	—	—	—	—	—
…ѣющія отъ 1 до 5 дес.	Безъ рабочаго скота.	Нижнедѣвицкій . .	8	15	**1,87**	178	398	**2,23**	20	26	**1,30**	6	15	**2,50**
		Коротоякскій	2	3	**1,50**	52	73	**1,40**	1	1	**1,00**	—	—	—
	Съ 1 лошадью.	Нижнедѣвицкій . .	25	35	**1,40**	716	1,612	**2,25**	163	419	**2,57**	17	44	**2,58**
		Коротоякскій	23	31	**1,34**	590	1,108	**1,87**	43	103	**2,39**	3	4	**1,33**
	Съ 2—3 лош.	Нижнедѣвицкій . .	8	29	**3,62**	258	966	**3,74**	160	692	**4,32**	7	402	**5,58**
		Коротоякскій	9	32	**3,55**	292	1,126	**3,85**	73	323	**4,42**	21	137	**6,52**
	Съ 4 и болѣе	Нижнедѣвицкій . .		—	—	5	56	**11,20**	2	43	**21,50**	14	153	**10,92**

Имѣющія отъ 5 до 15 дес.	Безъ рабочаго скота.	Нижнедѣвицкій . .	1	2	2,00	63	97	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1	[illegible]	[illegible]
		Коротоякскій	—	—	—	17	27	**1,58**	11	10	**0,90**	1	1	**1,00**
	Съ 1 лошадью.	Нижнедѣвицкій . .	14	19	**1,35**	734	1,532	**2,08**	637	1,676	**2,63**	82	124	**1,51**
		Коротоякскій	11	14	**1,27**	682	1,154	**1,69**	297	1,012	**3,40**	42	86	**2,04**
	Съ 2—3 лош.	Нижнедѣвицкій . .	19	38	**2,00**	908	2,669	**2,93**	1,183	3,540	**2,99**	446	1,967	**4,41**
		Коротоякскій	21	63	**3,00**	1,130	3,455	**3,05**	1,208	4,538	**3,75**	497	1,360	**2,73**
	Съ 4 и болѣе лошадьми.	Нижнедѣвицкій . .	—	—	—	31	393	**12,67**	86	851	**9,89**	74	1,043	**14,09**
		Коротоякскій	—	—	—	44	458	**10,40**	120	1,124	**9,36**	83	683	**8,22**
Имѣющія отъ 15 до 25 дес.	Безъ рабочаго скота.	Нижнедѣвицкій . .	1	3	**3,00**	1	2	**2,00**	—	—	—	1	4	**4,00**
		Коротоякскій	1	1	**1,00**	4	6	**1,50**	1	1	**1,00**	1	1	**1,00**
	Съ 1 лошадью.	Нижнедѣвицкій . .	—	—	—	17	34	**2,00**	17	74	**4,35**	18	37	**2,05**
		Коротоякскій	1	1	**1,00**	35	46	**1,31**	63	179	**2,84**	17	27	**1,58**
	Съ 2—3 лош.	Нижнедѣвицкій . .	1	6	**6,00**	382	1,394	**3,64**	580	1,460	**2,51**	448	1,631	**3,64**
		Коротоякскій	4	13	**3,25**	355	949	**2,67**	720	2,246	**3,11**	599	2,226	**3,71**
	Съ 4 и болѣе лошадьми.	Нижнедѣвицкій . .	—	—	—	31	209	**6,74**	121	1,028	**8,49**	273	2,375	**8,69**
		Коротоякскій	1	2	**2,00**	25	200	**8,00**	128	1,651	**12,89**	263	2,339	**8,89**
Имѣющія свыше 25 дес.	Безъ рабочаго скота.	Нижнедѣвицкій . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Коротоякскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Съ 1 лошадью.	Нижнедѣвицкій . .	—	—	—	1	2	**2,00**	1	6	**6,00**	—	—	—
		Коротоякскій	—	—	—	1	6	**6,00**	4	10	**2,50**	4	6	**1,50**
	Съ 2—3 лош.	Нижнедѣвицкій . .	—	—	—	14	37	**2,64**	60	235	**3,91**	143	418	**2,92**
		Коротоякскій	—	—	—	30	122	**4,06**	123	517	**4,20**	262	889	**3,39**
	Съ 4 и болѣе лошадьми.	Нижнедѣвицкій . .	—	—	—	7	40	**5,71**	74	611	**8,25**	468	4,995	**10,67**
		Коротоякскій	—	—	—	12	1,178	**98,16**	77	564	**7,32**	461	3,486	**11,90**

Приложеніе IV.

1. Пашня.
2. Покосъ.
3. Выгонъ.
4. Прогонъ.
5. Лѣсъ.
6. Неизвѣстн.

Таблица, показывающая составъ смѣшанныхъ угодій въ 5 уѣздахъ Московской губерніи *).

Дмитровскій уѣздъ.

ВОЛОСТИ.	Варіаціи аренды смѣшанныхъ угодій.							
	1—2	2—3	3—4	1—2—5	1—3	2—4	1—2—3	6
Богословская	2	1	—	—	1	1	—	1
Гарская	1	4	—	—	—	—	—	—
Ильинская	1	10	—	—	—	—	—	8
Караваевская	2	—	—	—	—	—	1	—
Морозовская	—	5	—	—	—	—	1	—
Митинская	2	15	—	—	—	1	1	4
Озерецкая	3	3	—	—	—	1	—	—
Ольговская	1	8	—	—	—	—	—	—
Подчерковская	2	1	—	—	1	—	1	5
Тимановская	2	1	—	—	—	—	—	—
Рогачевская	—	—	—	—	—	—	—	—
Синьковская	—	—	—	—	—	1	—	—
Итого	16	48	—	—	2	4	4	18

Коломенскій уѣздъ.

ВОЛОСТИ.	Варіаціи аренды смѣшанныхъ угодій.									
	1—2	2—3	3 4	1—2—3	1—3	1-2—4	2—4	1—2—3—4	6	1—4
Акитывская	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Бояркинская	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Верховлянская	1	1	1	—	—	—	1	—	3	—
Горская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мячковская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Глѣбовская	1	3	—	—	—	1	2	1	2	—
Колыберовская	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Кудринская	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—
Маланская	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Мещеринская	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Непецинская	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Парфентьевская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Протопоповская	1	1	—	—	—	—	—	—	2	—
Сандыревская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Суковская	1	—	—	1	—	—	—	—	3	—
Федосьинская	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	7	13	1	3	3	1	3	1	10	—

*) Составлена для настоящей работы на основаніи матеріаловъ послѣдней земской переписи.

1. Пашня.
2. Покосъ.
3. Выгонъ.
4. Прогонъ.
5. Лѣсъ.
6. Неизвѣстн.

Волоколамскій уѣздъ.

ВОЛОСТИ.	Варіаціи аренды смѣшанныхъ угодій.									
	1—2	2—3	3—4	1—2—3	1—3	2—4	1—2—3—4	6	1—4	1—2—4
Аннинская	1	3	—	—	—	—	—	1	—	—
Буйгородская	1	1	—	1	—	—	—	1	—	—
Бухоловская	5	1	—	1	—	—	—	1	—	—
Кульпинская	17	6	—	13	2	—	1	1	—	—
Марковская	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Муриковская	2	23	—	1	1	—	—	2	—	—
Плосковская	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—
Омелкинская	10	—	—	7	1	2	—	2	—	—
Серединская	17	—	—	—	—	—	—	3	—	—
Тимошевская	3	6	—	4	—	—	—	4	—	—
Яропольская	—	6	—	3	—	—	—	1	—	—
Итого	59	51	—	30	4	2	1	16	—	—

ВОЛОСТИ.	Варіаціи аренды смѣшанныхъ угодій.					
	1—2	2—3	3—4	1—2—5	1—3	2—4
Буньковская	—	1	—	—	—	—
Васильевская	—	1	—	—	—	—
Гребневская	—	3	—	1	—	—
Дороховская	—	—	—	—	—	—
Запанорская	—	1	1	—	2	—
Зуевская	—	—	1	—	—	—
Ивановская	—	4	—	—	—	—
Игнатьевская	—	1	—	—	—	1
Ильинская	—	—	—	—	—	—
Карповская	1	—	1	—	—	—
Новинская	—	—	—	—	—	—
Осѣевская	—	—	—	—	—	—
Теренинская	1	1	—	—	—	—
Шаловская	—	3	—	—	—	—
Ямкинская	—	2	—	—	—	—
Беззубовская	—	—	—	—	—	—
Аксеновская	1	—	—	—	—	—
Итого	3	17	3	1	2	1

1. Пашня. 4. Прогонъ.
2. Покосъ. 5. Лѣсъ.
3. Выгонъ. 6. Неизвѣстн.

Рузскій уѣздъ.

ВОЛОСТИ.	Варіаціи аренды смѣшанныхъ угодій.							
	1—2	2—3	3—4	2—4	1—2—3	1—2—4	1—4	6
Ащеринская	3	3	—	—	—	—	—	1
Васильевская	—	8	—	1	2	—	—	—
Горбовская	—	4	—	4	1	—	—	—
	—	7	—	6	1	1	—	1
Моревская	—	3	—	4	—	—	1	—
Мамошинская	—	12	—	8	—	—	—	—
Никольская	1	18	—	1	—	—	—	4
Орѣшковская	3	14	—	—	—	—	—	—
Судниковская	—	5	—	—	—	—	—	5
Потебцовская	—	7	1	—	—	—	—	—
Итого	7	81	1	24	3	1	1	11

Приложеніе V.

Распространеніе различныхъ формъ арендной платы.

Арендуется десятинъ внѣнадѣльной земли въ уѣздахъ или губерніяхъ.	Всего.	За деньги.	% къ общему количест.	Изъ доли.	%	За отработки.	%	За деньги и отработки	%	Изъ доли и за отработки	%
Рязанскій уѣздъ	14.717,4	6.494,4	44,12	912,8	6,2	0.6	0,04	5.751,9	39,07	1.557,7	10,57
Тверская губ.	99.155,8	79.587,5	80,2	19.568,3	19,8*)			7.310 д. = 49,68%			
Козельскій уѣздъ (Калуж. г.).	16.786	9.915	59,7	3.844	22,3	3.027	18,0				
Полтавская губ.	399.985	195.622	48,9	175.840	44,0	28.523	7,1				
Казанская губ. (земли части. владѣльц.)	239.973	40.773	17	194.400	81 *)	4.800	2				

Приложеніе VI.

Формы арендной платы въ Московской губ. (число случаевъ).

		Обществ. аренда.			Товарищеская.			Единоличная.		
		За деньги.	Изъ доли.	За отработки.	За деньги.	Изъ доли.	За отработки.	За деньги.	Изъ доли.	За отработки.
Рузскій	Сѣнокосъ	165	2	*) 93/92	351	2	9/3	2.324	58	11/6
	Пашня				—	—	—	39	1	1
Волоколамскій	Сѣнокосъ	211	6	53/78	157	2	7/2	1.654	106	23/2
	Пашня				—	—	—	571	27	2
Дмитровскій	Сѣнокосъ	229	11	56/36	335	17	3/1	2.770	115	0/1
	Пашня				—	—	—	118	13	2
Коломенскій	Сѣнокосъ	102	4	23/11	92	—	—	1.632	95	14
	Пашня				—	—	—	194	17	13
Богородскій	Сѣнокосъ	111	1	11/3	101	1	1/1	3.520	17	1/1
	Пашня				—	—	—	95	—	1
По 5 уѣздамъ	Сѣнокосъ	818	24	236/220	1.036	22	20/7	11.900	391	49/10
	Пашня				—	—	—	1.017	58	19
					Сѣ	нок	осъ			
Всѣ угодья		818	24	236/220	1.036	22	20/7	12.917	449	68/10
% отношеніе къ денежнымъ		100	3	28/26	100	2,1	1,9/0,6	100	3,4	0,5/0,08

*) Цифры подъ чертой показываютъ случаи смѣшанные (за деньги и отработки и др.).

Арендныя цѣны

НАЗВАНІЕ УѢЗДОВЪ.	Пашня. Средняя цѣна за десятину.			Средняя цѣна за 1 десятину пашни. Погодная.			От 2 до 6 лѣтъ.			От 7 л. и свыше.			Сѣнокосъ. Средняя цѣна за десятину.			Средняя цѣна за 1 десятину сѣнокоса. Погодная.			От 2 до 6 лѣтъ.			От 7 л. и свыше.			
	Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Число случ.
Богородскій . . .	19	4	33	2	7	37	5	5	88	1	14	—	23	3	02	14	3	48	—	—	—	1	12	30	14
Волоколамскій . .	6	3	89	—	—	—	2	—	83	4	3	93	49	4	20	16	2	23	11	2	31	4	—	86	18
Дмитровскій . . .	4	2	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31	2	21	11	2	74	4	2	05	2	3	61	32
Коломенскій . .	8	2	30	2	1	71	—	—	—	—	—	—	16	3	75	6	1	49	5	12	71	2	4	31	20
Рузскій	2	1	17	1	1	10	—	—	—	—	—	—	26	1	29	6	—	96	4	1	—	—	—	—	16

*) По даннымъ послѣдней переписи, разработаннымъ для настоящей статьи.

Приложенiе VII.

...сковской губ. *).

Средняя цѣна за 1 десятину выгона. Погодная. Цѣна. Р.	К.	От 2 до 6 лѣтъ. Число случ.	Цѣна. Р.	К.	От 7 л. и свыше. Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Прогонъ. Число случ.	Средняя цѣна за десятину. Р.	К.	Средняя цѣна за 1 десятину прогона. Погодная. Число случ.	Цѣна. Р.	К.	От 2 до 6 лѣтъ. Число случ.	Цѣна. Р.	К.	От 7 л. и свыше. Число случ.	Цѣна. Р.	К.	Смѣшан. Число случ.	Средняя цѣна за десятину. Р.	К.	Средняя цѣна за 1 десятину смѣшан. угодій. Погодная. Число случ.	Цѣна. Р.	К.	От 2 до 6 лѣтъ. Число случ.	Цѣна. Р.	К.	От 7 л. и свыше. Число случ.	Цѣна. Р.	К.
—	40	4	2	82	1	2	85	2	—	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	1	15	4	3	74	7	1	05	2	—	69
1	73	1	1	95	4	1	57	—	—	—	1	2	67	—	—	—	—	—	—	60	1	74	12	1	18	15	1	41	19	1	08
—	34	1	1	43	3	1	28	—	—	—	1	—	11	1	—	42	—	—	—	23	1	89	12	1	46	2	1	68	3	1	72
—	55	1	1	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—	63	4	—	60	1	—	39	2	1	34
—	61	1	1	17	—	—	—	10	—	79	1	—	40	—	—	—	—	—	—	42	—	81	12	1	15	4	1	15	2	1	19

Арендныя цѣны въ Московской губ. по д

1. Арендованіе покосовъ и пастбищъ у частныхъ владѣльце

Названіе уѣздовъ.	По данным					
	Сколько всѣхъ извѣстныхъ случаевъ аренды.	На какую сумму всего арендовано въ рубляхъ.	Изъ то			
			Случаи аренды за деньги, когда размѣръ земли извѣстенъ.	Сколько десятинъ арендуется.	Годовая плата въ рубляхъ.	Средняя десятин
						руб.
Волоколамскій	231	30.617,5	143	14.201	18.329,5	1
Богородскій	120	13.526,5	42	3.260	4.331	1
Коломенскій	105	9.831,5	27	2.436	4.003,5	2
Дмитровскій	—	19.424,4	89	8.354	6.721	—
Рузскій	501	34.085,5	109	10.001	12.434	1

2. Арендныя цѣны пахатныхъ земель, принадлежащи

Названіе уѣздовъ.	По даннымъ 1879 г.					По новымъ данны	
	Цѣны пахатныхъ земель, арендуемыхъ подъ распашку.					Пахатныя земл	
	Число случаевъ.	Количество арендованныхъ десятинъ.	Общая годовая плата въ рубл.	Средняя за десятину.		Число десятинъ.	Арендны цѣны.
				руб.	коп.		руб.
Волоколамскій	12	485	964,2	1	98	355,7	3
Богородскій	19	253,5	632	2	82	377,2	4
Коломенскій	53	1.370,5	2.718,7	2	64	295,2	2
Дмитровскій	14	360	1.120,5	3	11	196,3	2
Рузскій	14	124	391,5	3	15	204,0	1

Приложеніе VIII.

...имъ первой и послѣдней переписей.

...устарная заросль, суходолы, выгоны и лѣсной покосъ).

...879 года.							По новымъ даннымъ.				
...исла.				Сколько всѣхъ случаевъ аренды за отдѣльныя работы и смѣшанныя.	Изъ того числа.		Цѣна за десятину.				
Maximum за десятину.		Minimum за десятину.			Случаи, когда ра мѣръ земли извѣстенъ.	Сколько десятинъ.	Сѣнокоса.		Выгона.	Прогона.	Смѣшанныхъ угодій.
руб.	коп.	руб.	коп.				руб.	коп.	коп.	коп.	коп.
7	73	—	56	33	20	2.540	4	20	139	—	174
4	49	—	59	6	1	15	3	02	42	62	115
4	46	1	67	14	—	—	3	75	66	—	63
2	40	—	2	—	—	—	2	21	42	—	189
4	89	—	60	122	108	11.053	1	29	109	79	81

...стнымъ владѣльцамъ (общественная аренда).

По даннымъ 1879 г.					По новымъ даннымъ.			По даннымъ 1879 г.				
...ѣны пахатныхъ земель, арендуемыхъ подъ укосъ травы и распашку.					Покосъ.			Всего подъ распашку и укосъ травы.				
Число случаевъ.	Количество арендованныхъ десятинъ.	Общая годовая плата въ рубл.	Средняя за десятину.		Число десятинъ.	Арендныя цѣны.		Число случаевъ.	Количество арендованныхъ десятинъ.	Общая годовая плата въ рубл.	Средняя за десятину.	
			руб.	коп.		руб.	коп.				руб.	к.
66	7.321,5	12.270	1	67	10.670,1	4	20	78	7.806,5	13.234,2	1	69
—	—	—	—	—	1.951,0	3	02	19	253,5	632	2	82
37	3.361	5.480	1	89	1.196,6	3	75	90	4.731,5	8.198,7	2	26
16	1.550	1.980	1	27	5.665,5	2	21	30	1.910	3.100,5	1	62
14	1.499	1.655	1	10	5.239,0	1	29	28	1.623	2.046,5	1	26

Приложеніе IX.

Объяснительныя замѣчанія къ свѣдѣніямъ по Московской губерніи.

Для настоящей работы невозможно было разработать условія внѣнадѣльной аренды по всѣмъ тринадцати уѣздамъ Московской губерніи пришлось поэтому ограничиться нѣкоторыми изъ нихъ, выбравъ по возможности уѣзды типичные для различныхъ экономическихъ условій губерніи. При этомъ, впрочемъ, необходимо было сообразоваться и съ тѣмъ, насколько тотъ или другой уѣздъ былъ предварительно подготовленъ земскимъ статистическимъ бюро къ окончательному подсчету. Такъ, напримѣръ, отъ разработки данныхъ по Московскому уѣзду, который былъ первоначально намѣченъ, пришлось отказаться, такъ какъ бюро къ подсчету арендъ по этому уѣзду тогда еще не приступало.

При выборѣ типичныхъ уѣздовъ были намѣчены слѣдующіе пять: Дмитровскій, Волоколамскій, Рузскій, Богородскій и Коломенскій. Дмитровскій былъ избранъ, какъ типичный земледѣльческій уѣздъ съ развитыми мѣстными (кустарными) промыслами; Волоколамскій,— какъ уѣздъ тоже земледѣльческій, но типичный въ томъ отношеніи, что въ немъ болѣе всѣхъ другихъ уѣздовъ развиты травосѣяніе и плужная обработка земли и вообще замѣчается склонность населенія къ улучшенію земледѣльческаго хозяйства.

Такъ, по даннымъ статистическаго ежегодника за 1900 годъ, въ Волоколамскомъ уѣздѣ было 156 селеній, приступившихъ къ правильному травосѣянію, тогда какъ въ Дмитровскомъ такихъ селеній оказалось 77, въ Рузскомъ—88; въ Богородскомъ крестьяне вовсе не приступали къ травосѣянію, а въ Коломенскомъ уѣздѣ было только одно селеніе, введшее у себя посѣвъ клевера. Рузскій уѣздъ также причисляется къ земледѣльческимъ, но тамъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ замѣчается гораздо меньше, чѣмъ въ Волоколамскомъ; наоборотъ, послѣднее статистическое изслѣдованіе констатировало большую запущенность пашни (пустыри въ поляхъ); въ противоположность Дмитровскому уѣзду, въ Рузскомъ преобладаютъ отхожіе промыслы.

Наконецъ, Богородскій и Коломенскій уѣзды относятся къ промышленнымъ уѣздамъ Московской губерніи, при чемъ въ Коломенскомъ находятся прекрасные поемные луга по рѣкѣ Окѣ, которые цѣнятся гораздо выше обыкновенныхъ сѣнокосныхъ угодій.

Слѣдующая таблица характеризуетъ отношеніе населенія къ земледѣлію въ упомянутыхъ уѣздахъ.

УѢЗДЫ:	Не ведутъ хозяйства.	Ведутъ чужимъ скотомъ и инвентаремъ.	Ведутъ сами.
Волоколамскій	5,2%	5,9%	88,9%
Рузскій	9,5%	2,5%	88,0%
Дмитровскій	5,2%	7,9%	86,9%
Богородскій	24,4%	23,6%	52,0%
Коломенскій	23,3%	28,3%	48,4%

Надо еще замѣтить, что означенные пять уѣздовъ находятся въ противоположныхъ концахъ Московской губерніи, такъ что и географически были взяты для изслѣдованія различные районы губерніи: Дмитровскій уѣздъ находится на сѣверѣ губерніи, Коломенскій—на югѣ, Богородскій—на востокѣ, Волоколамскій и Рузскій—на западѣ.

Арендный вопросъ передъ Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Несмотря на чрезвычайную важность аренды для русскаго сельскаго хозяйства и на тѣ указанія, которыя дѣлались по этому предмету въ русской экономической литературѣ, арендныя отношенія до послѣдняго времени не обращали на себя вниманія въ правительственныхъ сферахъ. Хотя съ давнихъ поръ уже выяснилась настоятельная потребность въ урегулированіи и упорядоченіи нашихъ арендъ, тѣмъ не менѣе никакихъ мѣръ въ этомъ направленіи не принималось, и дѣйствующее у насъ законодательство о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, несмотря на общепризнанное несоотвѣтствіе его потребностямъ жизни, оставалось безъ перемѣнъ.

Наконецъ, Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности обратило вниманіе на этотъ важный вопросъ, включивъ его въ программу, сообщенную на заключеніе мѣстныхъ комитетовъ, соображенія которыхъ были затѣмъ сведены въ первомъ выпускѣ «Свода трудовъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Особое Совѣщаніе поступило нѣсколько записокъ по арендѣ и, наконецъ, арендный вопросъ подвергся подробному обсужденію въ семи засѣданіяхъ Совѣщанія, при чемъ по главнѣшимъ экономическимъ и юридическимъ вопросамъ, касающимся аренды, были выслушаны отзывы нѣкоторыхъ спеціалистовъ.

Выводы, къ которымъ пришло Особое Совѣщаніе, изложены въ подробномъ сообщеніи, опубликованномъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, такъ что въ настоящее время мы можемъ судить на основаніи офиціальнаго источника какъ о взглядѣ Особаго Совѣщанія на значеніе аренднаго вопроса, такъ и о характерѣ и объемѣ тѣхъ измѣненій, которыхъ можно ожидать въ нашемъ законодательствѣ объ арендѣ.

Работа Особаго Совѣщанія, несомнѣнно, представляетъ выдающійся интересъ, потому что она является первымъ офиціальнымъ

признаніемъ крупной важности аренднаго вопроса въ тѣхъ широкихъ предѣлахъ, которые приданы ему жизнью Россіи и другихъ странъ и выяснены нашими земскими изслѣдованіями, періодическою печатью и спеціальною литературой. Такая широкая постановка вопроса объ арендѣ—безпорная и выдающаяся заслуга Особаго Совѣщанія, и она сохранитъ свое значеніе независимо отъ практическихъ послѣдствій, къ которымъ приведутъ его труды.

I.

Особое Совѣщаніе признало, что данныя, заключающіяся въ представленныхъ ему обширныхъ матеріалахъ, «свидѣтельствуютъ о существенномъ значеніи вопроса объ арендѣ для сельско-хозяйственной промышленности вообще и въ частности для крестьянскаго населенія, составляющаго главную массу съемщиковъ земли». Что же касается причинъ, отъ которыхъ зависитъ распространенность у насъ аренды и которыми опредѣляется ея важное значеніе, то Особое Совѣщаніе указываетъ на малоземелье крестьянъ и экстенсивность ихъ хозяйства, требующую болѣе обширныхъ сравнительно площадей земли для извлеченія необходимаго количества пищевыхъ и кормовыхъ продуктовъ, на недостатокъ или отсутстіе въ составѣ надѣльныхъ земель кормовыхъ угодій, выгоновъ или сѣнокосовъ, въ зависимости отъ которыхъ находится не только успѣшность, но иногда и самая возможность веденія хозяйства на надѣльной землѣ крестьянъ, и, наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ на неправильную конфигурацію надѣловъ и ихъ черезполосность, дѣлающія неизбѣжнымъ съемъ разнаго рода клиньевъ и другихъ участковъ, врѣзанныхъ въ надѣлъ.

По мнѣнію Особаго Совѣщанія, въ виду указанныхъ условій «вопросъ объ арендѣ внѣнадѣльныхъ земель пріобрѣтаетъ для крестьянъ *исключительное* значеніе». Съ другой стороны, Совѣщаніемъ признано, что аредный вопросъ представляется весьма существеннымъ и съ точки зрѣнія интересовъ частновладѣческаго хозяйства: посредствомъ сдачи земли въ аренду эксплоатируется значительная часть частныхъ имѣній, и въ то же время этимъ путемъ (при сдачѣ земли въ аренду за отработки) восполняется недостатокъ оборотныхъ средствъ или рабочихъ силъ, необходимыхъ для веденія хозяйства на части земли, остающейся въ непосредственномъ пользованіи собственника. Въ отношеніи земель казны, удѣла и другихъ установленій аренда является почти исключительнымъ способомъ ихъ эксплоатаціи. Придавая арендѣ столь важное значеніе для сельско-хозяйственной промышленности

Россіи, Особое Совѣщаніе признаетъ, съ другой стороны, что «современное положеніе у насъ арендного дѣла представляется далеко не удовлетворительнымъ».

Съ точки зрѣнія правовыхъ условій, отмѣчается неполнота дѣйствующаго у насъ законодательства объ арендѣ, «значительно устарѣвшаго и несоотвѣтствующаго современнымъ требованіямъ сельскаго хозяйства». Что же касается экономическихъ условій аренды, то Особое Совѣщаніе характеризуетъ ихъ слѣдующими чертами. «Чрезмѣрная высота существующихъ въ большинствѣ мѣстностей арендныхъ цѣнъ» не соотвѣтствуетъ дѣйствительной производительности и доходности земли, что объясняется прежде всего «земельною нуждой крестьянъ, подъ вліяніемъ которой крестьяне снимаютъ землю по любой цѣнѣ, не сообразуясь съ экономическими результатами аренды, а руководствуясь единственно неизбѣжною для нихъ необходимостью такъ или иначе получить данный участокъ земли для восполненія недостающаго количества хлѣба». При этомъ на «почвѣ земельной нужды крестьянъ широко развивается посредничество въ дѣлѣ аренды, постепенно оттѣсняющее земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ и тяжкимъ бременемъ ложащееся на бюджетъ крестьянскаго хозяйства, такъ что въ результатѣ аренды у съемщика нерѣдко не очищается даже обычной заработной платы за трудъ по обработкѣ земли». Неизбѣжными послѣдствіями указанныхъ условій является отсталость земледѣльческой техники. Отмѣчая это важное обстоятельство, Особое Совѣщаніе объясняетъ его тѣмъ, что у съемщика, платящаго непомѣрную цѣну, не остается ни средствъ, ни возможности увеличивать или хотя бы поддерживать свой сельско-хозяйственный инвентарь, вводить улучшенные пріемы хозяйства и пр., при чемъ къ этому присоединяется еще господствующая у насъ краткосрочность арендъ (въ огромномъ большинствѣ случаевъ на одинъ годъ или на посѣвъ), при которой, «естественно, у съемщика нѣтъ достаточнаго побужденія заботиться объ улучшеніи производительности земли и затрачивать на это средства, использованіе которыхъ въ будущемъ ничѣмъ не гарантировано съемщику». Съ другой стороны, не имѣется такого побужденія и у владѣльца земли, если бы даже онъ располагалъ необходимыми средствами для производства тѣхъ или иныхъ улучшеній за свой счетъ, такъ какъ при хищнической эксплоатаціи земли краткосрочнымъ съемщикомъ владѣлецъ не можетъ разсчитывать на добросовѣстное отношеніе послѣдняго къ произведеннымъ меліораціямъ.

Приведенная выше характеристика русскихъ арендъ, конечно, не составляетъ новости: это—только выводъ изъ всей совокупности матеріаловъ, накопившихся главнымъ образомъ въ земскихъ изслѣдо-

ваніяхъ. Но въ данномъ случаѣ важно то, что эта характеристика принята учрежденіемъ, занимающимъ высокое мѣсто въ ряду нашихъ государственныхъ установленій и могущимъ непосредственно вліять на законодательное рѣшеніе разсматриваемыхъ имъ вопросовъ.

Яркая картина русскихъ арендъ, изображенная въ журналѣ Особаго Совѣщанія, должна быть расматриваема не какъ ученое изслѣдованіе, а какъ точка отправленія для практическихъ дѣйствій, т.-е. для законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію нашего арендного дѣла, положеніе котораго офиціально признано далеко не удовлетворительнымъ. Какія же мѣры намѣчаетъ Особое Совѣщаніе?

Основной чертой господствующаго у насъ типа арендныхъ отношеній служитъ то, что договоръ объ арендѣ не можетъ быть признанъ фактически свободнымъ. При заключеніи сдѣлокъ о наймѣ земли для сельско-хозяйственныхъ цѣлей въ огромномъ большинствѣ случаевъ сталкиваются стороны, имущественное положеніе которыхъ не менѣе различно, чѣмъ положеніе рабочаго и фабриканта. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одна сторона вынуждена заключить договоръ во что бы то ни стало, а другая, если и не можетъ вовсе обойтись безъ его заключенія, то во всякомъ случаѣ гораздо легче въ состояніи перенести послѣдствія его незаключенія. Арендаторъ-крестьянинъ большею частью не можетъ добыть ни достаточнаго продовольствія для себя, ни необходимаго корма для своего скота, если онъ не принайметъ сѣнокоса или выпаса или клочка пахотной земли; очѣнь часто онъ даже не имѣетъ возможности попасть на свою собственную землю, если не арендуетъ полосы чужого владѣнія, перерѣзающей его надѣлъ, и т. п. Словомъ, цѣлая сѣть разнообразныхъ, но неизмѣнно настоятельныхъ причинъ заставляетъ значительное большинство нашихъ крестьянъ арендовать чужую землю во что бы то ни стало. Задача законодательства объ арендѣ при такихъ условіяхъ представляетъ близкую аналогію съ задачей фабричнаго законодательства: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ законъ долженъ стремиться къ тому, чтобы привести вѣсы къ возможно полному равновѣсію. Въ отношеніи аренды прямо къ этой цѣли ведутъ два пути: можно или развязать арендныя отношенія при помощи выкупа арендуемыхъ земель или по крайней мѣрѣ части ихъ въ собственность арендующихъ ихъ крестьянъ, или же регулировать отношенія между собственникомъ земли и нанимателемъ ея путемъ законодательнаго вмѣшательства. Оба эти средства уже испытывались на практикѣ: въ Ирландіи примѣнялись и одно, и другое, въ Англіи—второе. Кромѣ того возможно вліять на аренду и косвеннымъ образомъ, принимая мѣры, направленныя къ уменьшенію нужды сельскаго насе-

ленія въ чужой землѣ, и тѣмъ снимая, такъ сказать, часть груза съ чашки вѣсовъ, слишкомъ наклоненной въ одну сторону.

Особое Совѣщаніе избрало именно этотъ послѣдній путь, признавъ, что «улучшеніе существующихъ условій аренды, и въ частности установленіе болѣе нормальныхъ арендныхъ цѣнъ, *будучи недоступно прямому воздѣйствію правительства*, должно явиться косвеннымъ результатомъ обще-экономическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ уменьшенію самаго спроса на землю со стороны крестьянъ путемъ поднятія интенсивности крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, облегченія крестьянамъ выхода изъ общества и общины, болѣе широкой организаціи переселенія и разселенія крестьянъ и устраненія черезполосности владѣній».

Мѣры, намѣченныя Совѣщаніемъ, заслуживаютъ полнаго вниманія. Но имѣя въ виду остановиться на каждой изъ нихъ, мы полагаемъ однако, что прежде всего необходимо выяснить соображенія, по которымъ Совѣщаніе отказалось отъ мѣръ, направленныхъ непосредственно къ упорядоченію арендныхъ отношеній. Заявленіе, что эта задача недоступна прямому воздѣйствію правительства, конечно, нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что она вообще недоступна такому воздѣйствію по самому характеру аренды, т.-е. по существу дѣла. Такое пониманіе устраняется фактомъ долголѣтняго, и притомъ успѣшнаго примѣненія законовъ объ арендѣ въ Ирландіи и Англіи. Слѣдовательно, это чисто мѣстная недоступность. Но почему же то, что возможно и доступно въ другихъ странахъ, признано недоступнымъ въ Россіи?

При обсужденіи арендааго вопроса Особое Совѣщаніе обратило серьезное вниманіе на значеніе арендной платы. «Важнѣйшею въ экономическомъ отношеніи чертой нашихъ арендъ,—говорится въ журналѣ Совѣщанія,—является чрезмѣрная высота существующихъ въ большинствѣ мѣстностей арендныхъ цѣнъ, нерѣдко низводящая заработокъ арендатора до размѣровъ, не окупающихъ даже труда, затраченнаго на обработку земли». Справедливо придавая этому обстоятельству первостепенное значеніе, Совѣщаніе видитъ въ немъ причину, лишающую крестьянъ возможности «не только вводить необходимыя улучшенія въ хозяйство, но и сколько-нибудь поднять свое благосостояніе». При этомъ Совѣщаніе высказываетъ еще мнѣніе, что чрезмѣрная высота арендной платы, «препятствуя образованію среди крестьянъ болѣе надежнаго въ экономическомъ отношеніи контингента съемщиковъ, неизбѣжно еще болѣе поднимаетъ арендныя цѣны въ виду значительнаго риска для владѣльцевъ, сопряженнаго съ отдачей земли въ аренду крестьянамъ».

Мы держимся того взгляда, что размѣры риска, о которомъ говоритъ Совѣщаніе и который очень подчеркивается и въ «Сводѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ» по вопросу объ арендѣ, сильно преувеличены, связь же этого риска съ высотой арендныхъ цѣнъ болѣе чѣмъ сомнительна; но какъ бы то ни было, чрезвычайно важно то, что столь высокопоставленное правительственное учрежденіе, какъ Особое Совѣщаніе, офиціально признаетъ фактъ чрезмѣрной высоты существующихъ у насъ арендныхъ цѣнъ и считаетъ это обстоятельство препятствіемъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и подъему благосостоянія крестьянскаго населенія. Нельзя также не согласиться съ Особымъ Совѣщаніемъ и въ томъ, что «при такомъ положеніи дѣла возникаетъ, естественно, вопросъ, не можетъ ли быть оказано въ этомъ случаѣ извѣстное содѣйствіе въ той или иной формѣ со стороны правительства въ цѣляхъ установленія болѣе нормальныхъ арендныхъ цѣнъ».

Что такое «содѣйствіе» желательно, это вытекаетъ изъ фактовъ и соображеній, признанныхъ и высказанныхъ самимъ Совѣщаніемъ. Но возможно ли оно, осуществимо ли? Отвѣтъ Совѣщанія на этотъ вопросъ сводится къ тому, что вліять на арендныя цѣны путемъ непосредственнаго правительственнаго вмѣшательства невозможно, къ установленію же болѣе нормальныхъ арендныхъ цѣнъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ поднимаются слишкомъ высоко подъ вліяніемъ усиленнаго спроса на землю, должны служить мѣры, направленныя къ сокращенію самаго спроса на землю. Таковъ выводъ Особаго Совѣщанія.

Мы не можемъ не признать его правильнымъ, но только при условіяхъ нашей русской дѣйствительности, потому что при иныхъ условіяхъ воздѣйствіе на арендную плату путемъ непосредственнаго законодательнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія оказывается вполнѣ осуществимымъ и весьма полезнымъ. Опытъ подобнаго воздѣйствія представляетъ, какъ извѣстно, законодательство объ арендѣ въ Ирландіи. На основаніи закона 1881 г. плата за наемъ земли по желанію фермера можетъ быть урегулирована особымъ правительственнымъ органомъ: земельная комиссія, получивъ подобное заявленіе отъ съемщика, устанавливаетъ такъ-называемую «справедливую» арендную плату на опредѣленный срокъ, въ теченіе котораго земельный собственникъ не можетъ повысить ея. Насколько примѣненіе этой мѣры въ Ирландіи оказалось успѣшнымъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя: въ періодъ отъ 1881 по 1903 г. арендная плата была урегулирована законодательнымъ путемъ въ 434 тыс. случаевъ, относившихся къ арендной площади свыше 4 милл. дес. земли, при чемъ

результатомъ этой мѣры оказалось пониженіе арендныхъ цѣнъ болѣе чѣмъ на 20%.

Эти факты показываютъ, что регулировать арендныя цѣны при помощи непосредственныхъ мѣръ вполнѣ возможно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ практика показала, что удачное примѣненіе такихъ мѣръ зависитъ отъ извѣстной организаціи учрежденія, регулирующаго арендную плату, и кромѣ того отъ наличности нѣкоторыхъ общихъ условій общественной и государственной жизни, которыя гарантировали бы объективность его дѣйствій. При бюрократической же постановкѣ дѣла и отсутствіи гласности легко можетъ случиться, что земельныя комиссіи, подобныя ирландскимъ, не принесутъ пользы и даже окажутся вредными. Мы полагаемъ, что у насъ введеніе такого способа регулированія арендной платы было бы рискованно. При нашихъ условіяхъ земельныя комиссіи не могли бы удовлетворить указаннымъ выше требованіямъ и превратились бы въ защитниковъ землевладѣльческихъ интересовъ. Особое Совѣщаніе не обсуждало, впрочемъ, вопроса о регулированіи арендной платы при помощи мѣръ, подобныхъ ирландскому закону. Его вниманіе остановила на себѣ мысль, высказанная въ запискѣ одного изъ членовъ Совѣщанія, предлагавшаго правительству выступить въ роли посредника между арендодателями-землевладѣльцами и съемщиками-поселянами. Эта мысль имѣетъ въ экономической литературѣ представителя въ лицѣ Ѳ. Г. Тернера, также входящаго въ составъ Особаго Совѣщанія. Въ сочиненіи «Государство и землевладѣніе» г. Тернеръ находитъ, что правительство можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимать на себя роль гарантирующаго посредника между землевладѣльцемъ и съемщикомъ земли и что такая мѣра послужила бы къ выгодѣ обѣихъ сторонъ. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и авторъ записки, разсмотрѣнной Особымъ Совѣщаніемъ. По его мнѣнію, если бы за крестьянами стоялъ поручитель въ исправности арендныхъ платежей въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда арендная цѣна не превышаетъ нормально установившейся цифры въ данной мѣстности и когда арендный договоръ заключенъ на долгій срокъ, бóльшая часть землевладѣльцевъ, обращающихся нынѣ къ посредникамъ-арендаторамъ, предпочла бы сдавать свою землю непосредственно крестьянамъ. Тѣ изъ землевладѣльцевъ, которые сдаютъ свою землю крестьянамъ по высокой цѣнѣ, продолжали бы заключать такіе договоры на свой рискъ и страхъ, но не надолго, такъ какъ интенсивность конкуренціи между крестьянскими обществами значительно ослабѣла бы вслѣдствіе данной крестьянамъ возможности арендовать землю по умѣренной цѣнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію автора записки, случаи невзноса арендныхъ пла-

тежей при умѣренной арендной цѣнѣ будутъ весьма рѣдки, и правительственное учрежденіе, долженствующее стать посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, не подвергнетъ большому риску ссудный капиталъ, который казна найдетъ возможнымъ отпустить на означенную потребность. Въ свое время мы подробно останавливались въ печати на предложеніи г. Тернера (*Русск. Вѣд.* 1902 г., № 136) и теперь можемъ только присоединиться къ тѣмъ возраженіямъ, которыя высказаны были противъ аналогичнаго проекта предсѣдателемъ и другими членами Особаго Совѣщанія, находившими, что принятіе правительствомъ на себя роли гарантирующаго посредника между владѣльцемъ и съемщикомъ земли представляется принципіально недопустимымъ. Достаточно замѣтить, что съ осуществленіемъ предполагаемаго посредничества правительства арендная плата была бы приравнена въ сущности къ прочимъ государственнымъ повинностямъ, а взысканіе недоимокъ арендной платы должно было бы производиться непосредственно органами администраціи. Серьезнѣйшія неудобства такого порядка вполнѣ очевидны.

Проектъ, разсмотрѣнный Особымъ Совѣщаніемъ, недопустимъ ни при какихъ условіяхъ, а регулированіе арендной платы при помощи органовъ, подобныхъ ирландскимъ земельнымъ комиссіямъ, съ успѣхомъ испытанное на практикѣ, не соотвѣтствуетъ общимъ условіямъ русской дѣйствительности. Остаются только косвенные способы воздѣйствія на арендную плату.

Обсуждая такіе способы, Особое Совѣщаніе остановилось на мѣрѣ, которая, повидимому, могла бы явиться наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для уменьшенія спроса на землю со стороны крестьянъ. Это—поднятіе интенсивности крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ. Дѣйствительно, если бы крестьяне получали съ своихъ земель большее количество пищи и корма, то, конечно, они меньше нуждались бы въ арендованіи чужихъ земель съ продовольственными цѣлями. Несомнѣнно также и то, что способы веденія крестьянскаго хозяйства весьма несовершенны и что переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ могъ бы во много разъ повысить урожайность надѣловъ. Но для того, чтобы крестьянское земледѣліе улучшилось и стало интенсивнѣе, необходимы многія условія, въ настоящее время отсутствующія у насъ. Необходимы и развитіе инціативы въ крестьянской средѣ путемъ распространенія въ ней знаній, и подъемъ личности самого крестьянина, и созданіе условій, благопріятныхъ для возникновенія разнообразныхъ формъ взаимопомощи и взаимодѣйствія между мелкими хозяевами, и, наконецъ, оживленіе дѣятельности мѣстныхъ органовъ управленія, и вообще повышеніе темпа мѣстной

жизни. Процвѣтаніе сельскаго хозяйства, въ особенности на земляхъ мелкихъ хозяевъ, требуетъ широкаго развитія личной инициативы и солидарности. Блестящимъ подтвержденіемъ этой истины служатъ Германія, Италія, Данія, гдѣ мелкое земледѣліе обязано своимъ прогрессомъ прежде всего общимъ культурнымъ условіямъ страны и развитію разнообразнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ союзовъ. Къ сожалѣнію, наше сельское хозяйство находится въ иныхъ условіяхъ, и можно опасаться, что мысли Особаго Совѣщанія объ увеличеніи интенсивности и усовершенствованіи крестьянскаго хозяйства останутся благими пожеланіями. Поэтому и сокращеніе спроса на аренду, обусловленное повышеніемъ урожайности на крестьянскихъ земляхъ, не можетъ получить большаго значенія. Правда, въ мѣстностяхъ, гдѣ травосѣяніе на надѣльной площади распространилось въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, внѣнадѣльная аренда нѣсколько сократилась, но одно травосѣяніе не можетъ еще оказать такого вліянія на доходность крестьянскаго хозяйства, чтобы оно было въ состояніи значительно сократить арендованіе чужихъ земель.

Травосѣяніе служитъ только однимъ изъ условій интенсивнаго и усовершенствованнаго хозяйства, но далеко не единственнымъ. Если хозяйство не обладаетъ хорошимъ скотомъ въ необходимомъ количествѣ, улучшенными орудіями и усовершенствованными удобреніями и, въ особенности, если хозяину недостаетъ знаній, общаго развитія и инициативы, то одно травосѣяніе немногимъ улучшитъ положеніе дѣла, особенно если домохозяинъ подъ давленіемъ нужды немедленно же продаетъ свой клеверъ на-сторону, а иногда и запродаетъ его на корню. При такихъ условіяхъ онъ не можетъ увеличить количества своего скота и улучшить его питанія, а слѣдовательно не въ состояніи и повысить интенсивности земледѣлія на пахотныхъ земляхъ; поэтому сокращеніе пашни, обусловленное введеніемъ травосѣянія, выразится въ сокращеніи хлѣба и въ необходимости докупать его въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, или арендовать добавочное количество земли подъ пашню. Такимъ образомъ весь результатъ травосѣянія, введеннаго при подобныхъ условіяхъ, сведется въ лучшемъ случаѣ къ нѣкоторому увеличенію денежнаго дохода хозяйства.

Необходимо замѣтить еще, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ къ травосѣянію не только не устраняетъ необходимости аренды, но даже обусловливаетъ ее. Иногда при большой тѣснотѣ на надѣльныхъ земляхъ крестьянамъ невозможно и завести клеверъ иначе, какъ устроивъ четвертое поле на арендуемой землѣ, или же приходится арендовать особый выгонъ для того, чтобы отмѣнить пастьбу скота

по жнивью, чрезвычайно затрудняющую, а иногда дѣлающую и совершенно невозможнымъ травосѣяніе на надѣльныхъ земляхъ.

Всѣ эти соображенія позволяютъ усомниться въ томъ, чтобы надежды Особаго Совѣщанія на сколько-нибудь значительное сокращеніе аренды въ нашей странѣ вслѣдствіе подъема крестьянскаго хозяйства имѣли серьезное значеніе.

Особое Совѣщаніе пришло къ заключенію, что во многихъ случаяхъ усиленный спросъ на землю со стороны крестьянъ искусственно увеличивается нѣкоторыми особенными условіями крестьянскаго землепользованія и правопорядка. Подъ этимъ Совѣщаніе имѣло въ виду «существующую зависимость крестьянъ отъ общины и міра». При этомъ было высказано, что указанная зависимость фактически создаетъ такія условія, которыя лишаютъ крестьянъ необходимой свободы въ ихъ хозяйственной дѣятельности. Согласно ст. 208 общ. пол. (изд. 1902 г.), отъ крестьянина, выходящаго изъ общества, требуется представленіе увольнительнаго свидѣтельства, которое выдается волостнымъ старшиной только лицамъ, заручившимся уже пріемнымъ приговоромъ отъ другого общества и выполнившимъ цѣлый рядъ другихъ условій, въ числѣ которыхъ стоитъ отказъ отъ земельнаго надѣла и сдача его въ общество. Положеніе о выкупѣ установляетъ дополнительныя затрудненія для увольненія изъ обществъ, обязанныхъ выкупнымъ долгомъ, а именно ст. 125 этого положенія требуетъ, чтобы увольняемый уплатилъ половину выкупного долга, причитающагося на состоящій въ его пользованіи участокъ, и то только при согласіи общества принять на себя ручательство въ уплатѣ другой половины; въ противномъ случаѣ увольняемый долженъ заплатить всю сумму долга. Эти постановленія ставятъ весьма серьезныя затрудненія къ выходу изъ общества, тѣмъ болѣе, что практическое исполненіе всѣхъ необходимыхъ для увольненія формальностей открываетъ просторъ для всякаго рода притѣсненій увольняемаго. При такомъ положеніи большая часть крестьянъ, по мнѣнію Совѣщанія, фактически прикрѣплена къ своимъ обществамъ и надѣламъ и вынуждена строить свое благосостояніе только на надѣльномъ хозяйствѣ, а такъ какъ послѣднее весьма часто невозможно безъ пріарендованія чужихъ земель, то тѣмъ самымъ, очевидно, искусственно увеличивается въ данной мѣстности и контингентъ лицъ, вынужденныхъ во что бы то ни стало арендовать землю. Это обстоятельство, вызывая усиленный спросъ на землю, должно неизбѣжно отражаться и на чрезмѣрномъ возвышеніи арендныхъ цѣнъ.

Особое Совѣщаніе пришло къ выводу, что арендныя цѣны въ настоящее время регулируются далеко не исключительно нормальнымъ

соотношеніемъ спроса и предложенія и что одна изъ причинъ означеннаго явленія кроется именно въ указанной зависимости крестьянъ. Поэтому облегченіе крестьянамъ выхода изъ общества, устранивъ существующія нынѣ искусственныя стѣсненія въ передвиженіи крестьянъ и свободномъ избраніи ими той или иной отрасли труда, тѣмъ самымъ оказало бы извѣстное вліяніе и на установленіе болѣе нормальныхъ арендныхъ отношеній: послѣднія (по мнѣнію Совѣщанія) регулировались бы *общимъ* спросомъ и предложеніемъ, а не *мѣстнымъ*, въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, какъ въ настоящее время, что и приводитъ во многихъ случаяхъ къ чисто монопольнымъ условіямъ предложенія и создаетъ тѣмъ самымъ чрезмѣрно высокія арендныя цѣны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда указанныя выше мѣры не въ состояніи ослабить въ достаточной степени спросъ на землю, къ достиженію этой цѣли могли бы быть направлены мѣропріятія, относящіяся къ переселенію и разселенію крестьянъ.

По поводу изложенныхъ предложеній приходится повторить то же, что было уже нами высказано по вопросу о поднятіи крестьянскаго земледѣлія. Нѣтъ сомнѣнія, что предоставленіе крестьянамъ свободы передвиженія и широкой возможности прилагать свой трудъ тамъ, гдѣ это оказывается наиболѣе выгоднымъ для нихъ, весьма желательно и даже болѣе того — необходимо. Нельзя оспаривать и того, что при сгущенности населенія эмиграція также могла бы оказаться цѣлесообразною мѣрой для ослабленія спроса на землю. Все это неоспоримо въ теоріи, но на практикѣ, при конкретныхъ условіяхъ, существующихъ у насъ въ настоящее время, трудно надѣяться, чтобы указанныя мѣры принесли значительные результаты.

Что касается предлагаемаго освобожденія крестьянъ отъ зависимости, въ которой они, по словамъ Совѣщанія, находятся теперь отъ общины и міра, то это, несомнѣнно, одинъ изъ важнѣйшихъ, если не важнѣйшій вопросъ нашей аграрной политики. Но его слѣдуетъ ставить шире и говорить объ освобожденіи крестьянина отъ всей системы административно-полицейскихъ путъ, въ которыхъ онъ находится теперь. Если бы стѣсненія этого рода отпали, то остались только нѣкоторыя ограниченія, касающіяся права крестьянина распоряжаться своею долей участія въ пользованіи мірскою землей. Ограниченія этого рода, сведенныя къ положеніямъ, дѣйствительно вытекающимъ изъ принципа общиннаго землевладѣнія, ни въ малѣйшей степени не связывали бы личности крестьянина и не стѣсняли бы его самодѣятельности. Поэтому уничтоженіе существующей въ настоящее время зависимости крестьянъ сводится къ освобожденію ихъ отъ дѣйствующей у насъ системы административной опеки надъ крестьянствомъ.

Относительно развитія переселеній само Совѣщаніе, повидимому, не питаетъ большихъ надеждъ. Оказывается, что переселенія въ Сибирь за послѣднія 15 лѣтъ, т.-е. съ тѣхъ поръ, когда переселенческое дѣло съ учрежденіемъ комитета Сибирской желѣзной дороги получило сравнительно значительное развитіе, отвлекли изъ Европейской Россіи сравнительно лишь незначительную часть естественнаго прироста населенія, а именно только 6% его. «При такихъ условіяхъ,— замѣчаетъ Совѣщаніе,—переселенческое движеніе въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно существовало до настоящаго времени, не могло оказать не только общаго, но и сколько-нибудь замѣтнаго мѣстнаго вліянія на улучшеніе арендныхъ условій». При этомъ главный элементъ среди переселенцевъ составляли не самые малоземельные крестьяне, не имѣющіе необходимыхъ средствъ для того, чтобы подняться съ мѣста, а, напротивъ, сравнительно многоземельные и болѣе обезпеченные въ экономическомъ отношеніи.

Особое Совѣщаніе справедливо указываетъ на то, что ходъ переселенческаго дѣла въ настоящее время испытываетъ на себѣ рядъ затрудненій, создаваемыхъ стѣсненіемъ свободнаго передвиженія крестьянъ. Къ этому нужно добавить, что вообще переселенческое дѣло до сихъ поръ не получило у насъ должной организаціи, которая хотя бы въ малой степени напоминала то, что дѣлается въ этой области въ другихъ странахъ, — напримѣръ, въ Германіи въ примѣненіи къ внутренней колонизаціи. При такихъ условіяхъ заключеніе Особаго Совѣщанія, что «при возможности организовать переселенческое дѣло на болѣе широкихъ началахъ оно могло бы имѣть нѣкоторое значеніе въ смыслѣ улучшенія общихъ условій экономическаго быта крестьянъ», звучитъ платоническимъ пожеланіемъ.

Одна изъ важнѣйшихъ причинъ, побуждающихъ или, вѣрнѣе, вынуждающихъ крестьянъ прибѣгать къ арендѣ, заключается въ чрезполосности надѣльныхъ земель съ владѣніями частныхъ лицъ, казны, церквей и удѣловъ: въ однихъ случаяхъ приходится арендовать чужую землю, потому что она или врѣзывается въ надѣлъ, или даже перерѣзаетъ его, такъ что между отдѣльными частями надѣльной земли нѣтъ сообщенія иначе какъ черезъ чужія владѣнія; въ другихъ случаяхъ крестьяне арендуютъ болѣе или менѣе значительныя полосы чужой земли, находящейся въ чрезполосицѣ съ ихъ собственною, для того чтобы имѣть прогонъ для скота или проѣздъ или, наконецъ, доступъ къ рѣкѣ или водопою. [1]) При такихъ условіяхъ крестьяне не могутъ не прибѣгать къ арендѣ, которая получаетъ такимъ образомъ

[1]) См. планы на стр. 105 и слѣд.

вынужденный характеръ. Это обстоятельство, по справедливому замѣчанію Особаго Совѣщанія «содѣйствуетъ искусственному повышенію спроса на землю и, слѣдовательно, ведетъ къ установленію ненормальныхъ арендныхъ отношеній». Одна изъ самыхъ серьезныхъ задачъ, вытекающихъ изъ существующаго у насъ положенія арендного вопроса, заключается въ изысканіи способовъ къ устраненію указанной ненормальности. Въ матеріалахъ, представленныхъ Особому Совѣщанію, было удѣлено видное мѣсто вопросу о вынужденной арендѣ. Поэтому Совѣщаніе съ своей стороны сочло нужнымъ остановиться на немъ, занявшись вопросомъ о возможности устраненія черезполосности земель путемъ ихъ обмѣна.

Какъ видно изъ справки, составленной департаментомъ окладныхъ сборовъ, обмѣнъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель не встрѣчаетъ и въ настоящее время какихъ-либо препятствій съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства. Тѣмъ не менѣе случаи такого обмѣна весьма немногочисленны, какъ это удостовѣряется между прочимъ и въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Особое Совѣщаніе видитъ причины этого явленія главнымъ образомъ въ требованіи закона объ обязательномъ выполненіи при совершеніи сдѣлокъ по обмѣну весьма сложныхъ межевыхъ работъ и утвержденіи ихъ губернскимъ правленіемъ. Кромѣ того, межевыя работы вообще связаны со значительными расходами, не говоря уже о томъ, что приступить къ такимъ работамъ представляется иногда совершенно невозможнымъ вслѣдствіе недостатка казенныхъ землемѣровъ, занятыхъ преимущественно казенными работами.

Совѣщаніе признало желательнымъ по возможности облегчить для крестьянъ обмѣнъ черезполосныхъ участковъ и въ этихъ видахъ находило полезнымъ, чтобы въ случаяхъ соглашенія крестьянъ между собою, или крестьянъ—съ одной стороны и землевладѣльцевъ—съ другой относительно обмѣна надѣльныхъ крестьянскихъ земель для устраненія черезполосности владѣнія, мѣстная администрація оказывала имъ возможное техническое содѣйствіе для производства необходимыхъ при этомъ межевыхъ работъ. Кромѣ того, Совѣщаніе находило, что освобожденіе сдѣлокъ по обмѣну земельныхъ угодій отъ взиманія крѣпостныхъ пошлинъ могло бы значительно содѣйствовать устраненію черезполосности владѣній.

Предложенія Совѣщанія по вопросу о черезполосности имѣютъ извѣстное значеніе, но, какъ намъ кажется, только въ теоріи, на практикѣ же едва ли можно ожидать отъ ихъ осуществленія серьезныхъ результатовъ. Прежде всего не всѣ участки земли, арендуемые крестьянами «поневолѣ», находятся въ *черезполосномъ* владѣніи: очень

часто такое значеніе пріобрѣтаютъ полосы земли, только врѣзывающейся въ надѣлъ [1]), но не перерѣзающія его и не лежащія въ серединѣ крестьянскихъ владѣній. Кромѣ того слѣдуетъ принять въ соображеніе роль, которую играютъ въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ такъ называемые «отрѣзки», «клинья» и другіе черезполосные участки, сдаваемые крестьянамъ въ аренду. При помощи сдачи такихъ клочковъ частные владѣльцы не только извлекаютъ денежный доходъ, но,—что особенно важно для нихъ — обезпечиваютъ себя рабочими силами. Отрѣзныя земли большею частью сдаются за отработки, и такъ какъ крестьяне безъ арендованія такихъ земель не могутъ обойтись, то имъ волей или неволей приходится соглашаться на невыгодныя для нихъ условія, т.-е. выполнять за пользованіе арендуемою землей значительное количество сельскохозяйственныхъ работъ. Нерѣдки случаи, когда при помощи крестьянскихъ отработковъ выполняются въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ почти всѣ необходимыя работы, такъ что владѣлецъ имѣетъ возможность затрачивать лишь самыя ничтожныя оборотныя средства для найма рабочихъ. Отрѣзныя земли составляютъ настолько важную статью помѣщичьяго хозяйства, что наличность ея сообщаетъ имѣнію особую цѣну: обезпеченность дешевой рабочей силы учитывается при оцѣнкѣ земли. Конечно, отработками крестьяне оплачиваютъ аренду разнообразныхъ угодій, но въ числѣ послѣднихъ едва ли не самое видное мѣсто занимаютъ клочки, расположенные черезполосно съ надѣльными землями.

При такомъ значеніи «отрѣзковъ» для помѣщичьяго хозяйства трудно предположить, чтобы частные владѣльцы вообще были склонны уничтожать черезполосность при помощи обмѣна земель съ крестьянами. Для многихъ изъ нихъ это было бы ни чѣмъ инымъ какъ самоубійствомъ, потому что, не обладая достаточнымъ запасомъ оборотныхъ средствъ, они въ состояніи вести хозяйство только при помощи отработочной аренды. Лишить ихъ черезполосныхъ участковъ, безъ найма которыхъ не могутъ обойтись крестьяне, значитъ подорвать въ корнѣ хозяйственную организацію, единственно доступную для такихъ владѣльцевъ. Въ виду этого какія бы упрощенія не введены были въ законы, касающіеся обмѣна крестьянскихъ надѣльныхъ земель на частновладѣльческія, трудно разсчитывать, чтобы при нынѣшнихъ условіяхъ помѣщичьяго хозяйства въ Россіи указанные выше виды черезполосности могли быть уничтожены при помощи добровольныхъ соглашеній между сторонами. Въ этомъ отношеніи не

---

[1]) См. планы.

слѣдуетъ предаваться самообману, и приходится признать, что черезполосность, вызывающая такъ называемую вынужденную аренду, можетъ быть уничтожена только путемъ принудительнаго выкупа земель, арендуемыхъ крестьянами. Если же по какимъ-либо причинамъ такая мѣра считается неосуществимою, то лучше признать, что и послѣдствія черезполосности будутъ существовать и дальше, чѣмъ тѣшить себя надеждой, что облегченіе межеванія земель, поступающихъ въъ обмѣнъ, и другія подобныя мѣры въ состояніи помочь злу.

2.

Мы разсмотрѣли выше заключенія Особаго Совѣщанія по вопросу объ упорядоченіи арендпаго дѣла «мѣрами обще-экономическими», какъ выражается журналъ Совѣщанія. Собственно единственнымъ предметомъ этихъ мѣръ служило урегулированіе арендныхъ цѣнъ: Совѣщаніе, не признавъ возможнымъ воздѣйствовать на эту сторону арендныхъ отношеній непосредственно, путемъ законодательнаго вмѣшательства, занялось обсужденіемъ средствъ косвеннаго вліянія на цѣны. Результаты этого обсужденія настолько скромны, что вопросъ объ урегулированіи платы за арендную землю представляющій существеннѣйшій жизненный интересъ, не имѣетъ, очевидно, никакихъ шансовъ подвинуться сколько-нибудь къ удовлетворительному рѣшенію.

Большее значеніе должно быть удѣлено заявленіямъ Особаго Совѣщанія по вопросамъ, относящимся, по выраженію журнала, къ «собственно арендныма отношеніямъ и регулирующимъ эти отношенія законодательнымъ нормамъ». Сюда относится, по нашему мнѣнію, и вопросъ объ арендной платѣ, но Совѣщаніе выдѣлило его, отнеся къ «собственно арендныма отношеніямъ» только арендные сроки, формы арендныхъ договоровъ, вознагражденіе арендаторовъ за улучшенія и нѣкоторые другіе вопросы. Признавъ въ принципѣ необходимымъ урегулированіе законодательнымъ путемъ арендныхъ отношеній, поставленныхъ въ указанные предѣлы, Особое Совѣщаніе высказалось за безотлагательный пересмотръ законодательства объ арендахъ, независимо отъ того, что этотъ вопросъ уже разработанъ редакціонною комиссіей по составленію Гражданскаго Уложенія. Такое рѣшеніе нельзя не признать вполнѣ правильнымъ хотя бы по тѣмъ мотивамъ, которые высказаны въ журналѣ, не говоря уже о соображеніяхъ, относящихся къ существу дѣла, т.-е. къ содержанію предложеній, выработанныхъ редакціонною комиссіей [1]). По-

---

[1]) См. ниже статью проф. Хвостова.

слѣдняя, какъ справедливо указывается въ журналѣ Совѣщанія, не имѣла въ своемъ распоряженіи всѣхъ тѣхъ данныхъ по вопросу объ арендѣ, которыми располагаетъ Особое Совѣщаніе и которыя освѣщаютъ этотъ вопросъ именно съ экономической точки зрѣнія; съ другой же стороны, книга V Гражданскаго Уложенія, въ составъ которой входятъ постановленія объ арендѣ, не поступала еще на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ и, слѣдовательно, ожидать въ близкомъ будущемъ утвержденія проекта въ законодательномъ порядкѣ едва ли возможно. Въ виду этого Совѣщаніе, не стѣсняясь существованіемъ вышеупомянутаго проекта, рѣшило образовать подготовительную комиссію для разсмотрѣнія дѣла объ арендѣ и выработки соотвѣтственнаго законопроекта. Такимъ образомъ вопросъ объ арендѣ не можетъ считаться законченнымъ. Заключенія подготовительной комиссіи будутъ подвергнуты обсужденію Особаго Совѣщенія, и только тогда окончательно выяснятся результаты работъ по упорядоченію нашихъ арендъ.

Сужденія Особаго Совѣщанія по вопросу о законодательномъ урегулированіи арендныхъ отношеній носятъ характеръ указаній подготовительной комиссіи и поэтому являются лишь принципіальными постановленіями. Важнѣйшія изъ нихъ относятся къ срокамъ и вознагражденію за улучшенія. Эти двѣ стороны арендныхъ отношеній вмѣстѣ съ арендною платой составляютъ сущность арендмаго вопроса. Въ отношеніи урегулированіи арендныхъ цѣнъ работы занятій Совѣщанія, какъ мы видѣли, свелись въ сущности къ отрицательному результату; въ виду этого постановленія, относящіяся къ остальнымъ изъ вышеуказанныхъ трехъ сторонъ арендмаго вопроса, пріобрѣтаютъ особенный интересъ.

По вопросу объ арендныхъ срокахъ Особое Совѣщаніе высказалось за желательность удлиненія предѣльнаго срока аренды примѣрно до 36-ти лѣтъ, какъ это предположено проектомъ Гражданскаго Уложенія. Такая мѣра была бы вполнѣ цѣлесообразна, такъ какъ существующій максимальный срокъ аренды въ 12 лѣтъ давно уже признанъ слишкомъ недостаточнымъ и стѣснительнымъ для обѣихъ сторонъ. Въ Совѣщаніи было обращено вниманіе на то, что лишеніе землевладѣльцевъ возможности сдавать землю на срокъ болѣе 12-ти лѣтъ служитъ однимъ изъ условій, вызывающихъ хищническое хозяйство арендаторовъ, такъ какъ послѣдніе, не имѣя увѣренности, что плоды ихъ трудовъ и затратъ по усовершенствованію хозяйства достанутся именно имъ, заботятся лишь о томъ, чтобы извлечь въ данный моментъ возможно большій доходъ изъ арендуемой земли, и воздерживаются отъ всякихъ улучшеній, не приносящихъ непосред-

ственной и быстрой пользы. Парализуя такимъ образомъ дѣятельность арендатора въ смыслѣ улучшенія хозяйства, короткіе арендные сроки тѣмъ самымъ препятствуютъ сельскохозяйственному прогрессу и отражаются неблагопріятно на общей производительности страны.

Приведенныя соображенія въ пользу удлиненія сроковъ аренды вполнѣ справедливы, но едва ли можно ожидать широкаго распространенія у насъ долгосрочныхъ договоровъ благодаря устраненію въ законѣ препятствій къ ихъ заключенію. И въ настоящее время законъ допускаетъ заключеніе договоровъ объ арендѣ на 12-тилѣтній срокъ, между тѣмъ преобладаютъ договоры на значительно меньшіе сроки и большая часть земли, арендуемой крестьянами, сдается на годъ, или на одинъ посѣвъ. Это показываетъ, что существуютъ причины, благопріятствующія распространенію краткосрочныхъ арендъ, на что и было указано предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами Особаго Совѣщанія. По справедливому замѣчанію этихъ лицъ, цѣна земли растетъ такъ быстро, что едва ли многіе владѣльцы согласятся отдать свою землю въ аренду на слишкомъ долгій срокъ въ особенности въ густо населенныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ можно ожидать, что пользованіе правомъ заключать арендные договоры на продолжительные сроки будетъ на практикѣ довольно ограниченнымъ. Во всякомъ случаѣ удлинненіе максимальнаго срока аренды до 36-ти лѣтъ можетъ принести существенную пользу только крупнымъ арендаторамъ, мелкіе же съемщики останутся въ этомъ отношеніи въ прежнихъ условіяхъ.

Противъ неблагопріятныхъ послѣдствій краткосрочности арендъ можно бороться болѣе или менѣе успѣшно при помощи двухъ средствъ. Первое изъ нихъ заключается въ фактическомъ превращеніи погодной съемки въ аренду на болѣе продолжительный срокъ путемъ предоставленія погодному съемщику права возобновленія арендемаго договора на годъ или на два по истеченіи перваго срока. Такая мѣра примѣняется въ Ирландіи; но, конечно, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы принципъ принудительнаго возобновленія арендныхъ договоровъ могъ быть введенъ въ наше законодательство. Поэтому остается только другое средство: признаніе за арендаторомъ права на вознагражденіе за неиспользованныя имъ улучшенія.

Вопросъ о вознагражденіи арендаторовъ земли за неиспользованныя ими улучшенія представляетъ первостепенный практическій интересъ. Опытъ западно-европейскихъ странъ показываетъ, что при распространеніи арендованія земель этотъ вопросъ неизбѣжно возбуждается подъ давленіемъ причинъ, являющихся стимулами къ повышенію интенсивности сельскаго хозяйства, и что, съ другой сто-

роны, самые успѣхи земледѣльческой культуры обусловливаются правильнымъ его разрѣшеніемъ. Земледѣлецъ не станетъ затрачивать на обработку почвы много труда и капитала, если онъ не увѣренъ, что плоды его затратъ останутся именно ему или его наслѣдникамъ, а не собственнику земли или какому-нибудь иному постороннему лицу. Поэтому, когда наступаетъ надобность поднять доходъ отъ земледѣлія при помощи введенія болѣе интенсивныхъ системъ хозяйства, необезпеченность правъ арендатора на произведенныя имъ затраты является серьезнымъ тормазомъ для земледѣльческаго прогресса. Повышеніе доходности хозяйства требуетъ и увеличенія расходовъ, при чемъ болѣе или менѣе значительная часть ихъ вызывается производствомъ такихъ улучшеній, которыя могутъ окупиться лишь въ сравнительно продолжительное время. Таковы: дренажъ, постройки, нѣкоторыя категоріи искусственныхъ удобреній и пр. Вполнѣ естественно, что арендаторъ рѣшится производить такія затраты лишь въ томъ случаѣ, если у него будетъ увѣренность, что онъ же и пожнетъ плоды ихъ; при отсутствіи же такой увѣренности онъ предпочтетъ систему хозяйства, приносящую меньшій доходъ, но не сопряженную для него съ рискомъ потери своего труда или капитала.

Въ такомъ именно положеніи находится краткосрочный съемщикъ. При отсутствіи обычаевъ или законовъ, которые предоставляли бы ему право требовать вознагражденія за ту часть произведенныхъ имъ улучшеній, которой онъ не успѣетъ воспользоваться къ окончанію срока аренды, онъ воздержится отъ производства затратъ, не могущихъ быстро окупить себя, и, несмотря ни на какія побужденія, будетъ воздерживаться отъ перехода къ интенсивнымъ системамъ. Конечно, среди защитниковъ агрикультурнаго прогресса найдется не мало такихъ, которые будутъ винить съемщика въ лѣности и нерадѣніи и требовать замѣны его крупнымъ, «настоящимъ» арендаторомъ, способнымъ примѣнить къ сельскому хозяйству указанія науки и агрикультурной техники. Но не трудно видѣть, что въ основѣ подобныхъ обвиненій въ лучшемъ случаѣ лежитъ незнакомство съ дѣломъ и что съемщикъ, не желающій вкладывать въ обработку земли труды, результатами котораго воспользуются другіе, поступаетъ вполнѣ разумно.

Едва ли приходится особенно подчеркивать важное значеніе указаннаго вопроса для нашей страны. При господствѣ у насъ краткосрочной аренды и отсутствіи какихъ-либо гарантій для съемщика въ отношеніи неиспользованныхъ улучшеній аренда въ своемъ настоящемъ видѣ является важнымъ тормазомъ для земледѣльческаго прогресса, и поэтому разсматривавшійся въ Совѣщаніи вопросъ о вознагражденіи арендаторовъ за меліораціи представляется существенно

важнымъ. При удачномъ рѣшеніи его вопросъ о срокахъ аренды теряетъ большую долю своего значенія, потому что, опираясь на право требовать вознагражденія за неиспользованныя улучшенія, арендаторъ можетъ производить необходимыя затраты, не стѣсняясь срокомъ найма земли: истеченіе аренды не повлечетъ для него утраты части его имущества.

Такимъ образомъ вопросъ о вознагражденіи за улучшенія сводится, по удачному выраженію журнала Особаго Совѣщанія, къ осуществленію «того общаго юридическаго принципа, въ силу котораго никто не можетъ обогащаться на чужой счетъ».

Въ Особомъ Совѣщаніи при обсужденіи изложеннаго вопроса были выражены двѣ точки зрѣнія относительно способовъ его разрѣшенія. Одни полагали, что невозможно возлагать на собственника обязанности вознаграждать арендатора за улучшенія, произведенныя послѣднимъ на арендуемой землѣ, помимо особаго соглашенія съ собственникомъ. Подобный порядокъ, согласно этому мнѣнію, могъ бы подвергнуть серьезному риску самое право собственности владѣльца земли, такъ какъ, не располагая необходимыми средствами для уплаты арендатору вознагражденія за произведенныя имъ, по собственному почину, улучшенія, владѣлецъ могъ бы вовсе лишиться своей собственности. Указывалось также на то, что самое понятіе объ улучшеніи имѣнія представляется весьма растяжимымъ и что не меньше трудностей представляетъ и опредѣленіе размѣра затратъ, сдѣланныхъ съ этою цѣлью арендаторомъ и еще не возмѣщенныхъ имъ. Поэтому сторонники изложенныхъ взглядовъ считали, что вопросъ о вознагражденіи арендатора за улучшенія, а также о самомъ производствѣ меліоративныхъ работъ, долженъ быть предоставленъ исключительно свободному соглашенію сторонъ, внѣ котораго никакія обязательства въ этомъ отношеніи на владѣльца земли налагаемы быть не могутъ.

Противъ принципа свободнаго договора въ примѣненіи къ вопросу о вознагражденіи арендатора за неиспользованныя улучшенія говоритъ практика тѣхъ западно-европейскихъ странъ, гдѣ права арендаторовъ въ указанномъ отношеніи пользуются спеціальной защитой со стороны обычая или закона; и при этомъ собственники не только не терпятъ никакого ущерба, но извлекаютъ несомнѣнную выгоду благодаря прогрессу земледѣлія и увеличенію доходности земли. Что же касается неудобствъ, указанныхъ противниками законодательнаго вмѣшательства въ эту область, то они устраняются безъ всякихъ затрудненій, въ чемъ легко убѣдиться на опытѣ англійскаго и ирландскаго законодательства. На это справедливо указалъ предсѣдатель Совѣщанія, который находилъ, что едва ли имѣются достаточныя

основанія къ тому, чтобы по поводу вопроса о вознагражденіи за улучшенія высказывать опасеніе о возможномъ будто бы колебаніи права собственности. Страна, въ которой наиболѣе сильно развито сознаніе права собственности, несомнѣнно—Англія, а между тѣмъ, первый и наиболѣе рѣшительный примѣръ, въ смыслѣ проведенія въ жизнь принципа обязательности вознагражденія арендатора за произведенныя имъ улучшенія, подала именно Англія, установившая закономъ 1875 года общія правила вознагражденія фермера за неиспользованныя имъ сельскохозяйственныя улучшенія.

Вопросъ этотъ переданъ на болѣе подробное обсужденіе подготовительной комиссіи, которая, нужно надѣяться, приметъ во вниманіе имѣющійся по этому предмету обширный опытъ другихъ странъ, убѣдительнѣйшимъ образомъ опровергающій точку зрѣнія невмѣшательства. Нельзя не согласиться съ предсѣдателемъ Совѣщанія, что законодателю слѣдуетъ высказать опредѣленные принципы по этому предмету, ибо въ противномъ случаѣ арендаторъ, несомнѣнно, будетъ крайне сдержанъ въ производствѣ какихъ бы то ни было улучшеній на чужой землѣ, которая такимъ образомъ будетъ завѣдомо обречена, попрежнему на плохую культуру, а слѣдовательно и на постепенное истощеніе своихъ производительныхъ силъ.

Нужно замѣтить однако, что успѣхъ закона о вознагражденіи арендаторовъ за неиспользованныя улучшенія зависитъ въ очень значительной мѣрѣ отъ организаціи способовъ присужденія арендаторамъ слѣдуемыхъ имъ суммъ. Очень важно, чтобы этимъ дѣломъ занимались органы, дѣятельность которыхъ подлежала бы гласному контролю общественнаго мнѣнія и которые пользовались бы довѣріемъ сторонъ, потому что только при этомъ условіи могло бы быть обезпечено безпристрастіе рѣшеній. Англійское законодательство допускаетъ въ этой области широкое примѣненіе третейскаго разбирательства, обставленнаго должными гарантіями; и нельзя не видѣть, что для рѣшенія сложныхъ, нерѣдко очень спеціальныхъ вопросовъ о вознагражденіи, затрогивающихъ притомъ интересы сторонъ, принадлежащихъ къ разнымъ общественнымъ классамъ, третейскій судъ является болѣе подходящимъ органомъ, чѣмъ какое-либо государственное учрежденіе.

Одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ, съ которыми должна встрѣтиться подготовительная комиссія Особаго Совѣщанія, заключается въ томъ, возмножно ли при условіяхъ русской дѣйствительности создать подходящіе органы для разрѣшенія споровъ о вознагражденіи арендаторовъ за неиспользованныя улучшенія и возможно ли обезпечить правильное функціонированіе такихъ органовъ?

А Мануиловъ.

Аренда земли по русскому и западно-европейскимъ законодательствамъ.

I.

Положеніе договора въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ.

Въ дѣйствующемъ русскомъ гражданскомъ правѣ договоръ имущественнаго найма, видомъ котораго является аренда земли, разработанъ весьма слабо. Въ I ч. X т. Св. Законовъ посвящено договору «найма и отдачи въ содержаніе частныхъ имуществъ» всего 15 статей (по изд. 1900 г. ст. 1691—1708), между тѣмъ какъ въ Германскомъ Уложеніи договорамъ найма имуществъ и аренды отведено 62 статьи (§§ 535—597), Code civil трактуетъ объ этихъ договорахъ въ 70 статьяхъ (1708—1778), швейцарскій Code fédéral des obligations содержитъ по этому вопросу 47 статей (274—320) и т. д. Неудивительно, что масса важнѣйшихъ вопросовъ остается совершенно не затронутой въ нашемъ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ. Постановленія Свода касаются главнымъ образомъ срока, на который можно заключать договоръ найма, и формы, въ которую этотъ договоръ долженъ облекаться; взаимныя отношенія сторонъ, которыя именно въ этомъ договорѣ отличаются особенной сложностью, нашимъ законодательствомъ совсѣмъ почти не урегулированы. Такимъ образомъ постановленія закона поражаютъ своей крайней скудостью; что же касается ихъ содержанія, то и оно далеко не всегда удовлетворительно. Нѣкоторыя нормы, какъ, напр., ст. 1692, опредѣляющая общій максимальный срокъ найма недвижимостей, вызваны чисто случайными причинами; въ *общемъ же содержаніе всѣхъ нормъ устарѣло и не отвѣчаетъ потребностямъ времени*. Такое состояніе закона совершенно понятно. Сводъ Законовъ составлялся во время господства у насъ крѣпостного труда и слабаго развитія городской жизни; при этихъ условіяхъ наемъ городскихъ имуществъ и тѣмъ болѣе аренда

сельскихъ участковъ были у насъ явленіями исключительными и мало привлекали къ себѣ вниманіе законодателя. Послѣ отмѣны крѣпостного права условія жизни измѣнились. За исчезновеніемъ дарового крѣпостного труда явилась потребность въ трудѣ свободномъ; съ другой стороны, недостатокъ въ собственной землѣ, ощущаемый освобожденными крестьянами, заставилъ ихъ искать земли наемной. Но самое отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительнаго законодательства объ арендѣ земель являлось не малымъ тормозомъ для развитія этого дѣла. «Если чрезмѣрное изобиліе законныхъ опредѣленій приноситъ иногда вредъ и дѣйствуетъ стѣснительно на гражданскія отношенія,—замѣчаетъ по этому поводу К. П. Побѣдоносцевъ,—то, съ другой стороны, и скудость опредѣленій можетъ служить ко вреду для интересовъ, требующихъ руководства и огражденія въ законѣ. Такъ, напримѣръ, когда содержаніе договора найма опредѣляется единственно волею и желаніемъ сторонъ—это ведетъ къ умноженію темныхъ, неясныхъ, двусмысленныхъ сдѣлокъ, посредствомъ коихъ ловкій и пронырливый промышленникъ, скупщикъ земель, лукавый агентъ-посредникъ между землевладѣльцемъ и съемщикомъ, можетъ безъ затрудненія обманывать бѣдныхъ, неопытныхъ и малограмотныхъ съемщиковъ мнимо-выгодными для нихъ комбинаціями условій» [1]). «На отдачу въ аренду,—говоритъ другой русскій ученый, покойный проф. В. Умовъ,—у насъ смотрятъ какъ на крайнюю мѣру, на которую можно рѣшиться въ томъ только случаѣ, когда нѣтъ другого исхода въ пользованіи имѣніемъ; далѣе, арендованное имѣніе считается равнозначительнымъ съ разореннымъ имѣніемъ, — и все это вслѣдствіе неполноты закона, не устанавливающаго взаимныхъ отношеній между хозяевами и арендаторами и не дающаго надлежащихъ гарантій ни тѣмъ, ни другимъ» [2]). Не восполняются эти пробѣлы закона и твердо установившимся обычнымъ правомъ. Обычное право относительно аренды земель уже потому не могло у насъ сложиться, что аренда является въ Россіи институтомъ, лишь очень недавно начавшимъ развиваться въ сравнительно широкихъ предѣлахъ. *При такихъ условіяхъ вмѣшательство законодательства въ эту область является положительно и настоятельно необходимымъ.* Трудно разсчитывать на появленіе въ скоромъ времени развитаго обычнаго права; нельзя предоставлять все и усмотрѣнію сторонъ. Что частная предусмотрительность въ этомъ дѣлѣ недостаточна, объ этомъ свидѣтельствуетъ даже

[1]) *Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражд. права, т. 3 (1890 г.), стр. 379.

[2]) *Умовъ*, Договоръ найма имуществъ по римскому праву и новѣйшимъ иностраннымъ законодательствамъ (1872 г.), стр. 3.

появленіе такихъ книгъ, какъ вышедшее въ 1874 году сочиненіе предсѣдателя департамента харьковской судебной палаты Н. Принтца «Аренда земельныхъ имуществъ».

«Новость дѣла, полное незнакомство съ его юридическою стороною и слишкомъ большая довѣрчивость имѣютъ до настоящаго времени послѣдствіемъ заключеніе множества такого рода арендныхъ договоровъ, которые ведутъ только къ разстройству имѣній, къ значительнымъ убыткамъ и почти всегда безнадежнымъ процессамъ», говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи. Въ виду этого г. Принтцъ задался цѣлью составить практическое руководство къ заключенію арендныхъ договоровъ, въ концѣ котораго прилагаетъ и образецъ такого договора, имъ составленный. Такая «каутелярная» литература сама по себѣ, конечно, не можетъ сколько-нибудь значительно улучшить положеніе дѣла, какъ бы добросовѣстно и внимательно ни относились авторы подобныхъ произведеній къ своимъ задачамъ; но уже самое появленіе такихъ книгъ служитъ краснорѣчивымъ показаніемъ крайней неудовлетворительности положенія вопроса въ законодательствѣ. Разумѣется, пробѣлы закона въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, восполняются судебной практикой; въ сенатскихъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ суды наши находятъ не мало указаній на вопросы, не разрѣшенные прямо закономъ. Но судебная практика, даже и сенатская, конечно, не достаточна при указанномъ положеніи дѣла. Каждое сенатское рѣшеніе обязательно лишь для того дѣла, по которому оно состоялось; для другихъ дѣлъ оно имѣетъ значеніе лишь прецедента; сенатская практика поэтому никогда не будетъ обладать такой устойчивостью, какъ законъ. Съ другой стороны, судебные органы не надѣлены законодательной властью и поэтому при рѣшеніи разнаго рода вопросовъ должны руководиться «общимъ смысломъ законовъ» (Уст. гражд. суд., ст. 9), но ничего по существу новаго создавать не могутъ. Между тѣмъ именно въ вопросѣ объ арендѣ земель имѣютъ такое огромное значеніе измѣняющіяся со временемъ экономическія и соціальныя условія, что здѣсь требуется властное вмѣшательство законодателя, и недостаточно тѣхъ робкихъ восполненій пробѣловъ закона, неполнаго и устарѣвшаго, которыя дѣлаются судебной практикой. Было бы ошибочно поэтому класть результаты этой практики, основывавшейся на совершенно неудовлетворительномъ законодательствѣ, и въ основу закона объ арендѣ, хотя нѣкоторыя положенія, выработанныя практикой, могутъ здѣсь пригодиться. При такихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать и редакціонной комиссіи по составленію гражданскаго уложенія. Задавшись цѣлью составить полное гражданское уложеніе, эта комиссія съ до-

говоромъ найма имуществъ имѣла дѣло лишь въ общей массѣ другихъ гражданскихъ отношеній. Достаточно подготовленнаго матеріала въ нашемъ обычномъ правѣ она не нашла; не могла оказать ей большой помощи и судебная практика. Не удивительно поэтому, что комиссія, которая не имѣла возможности произвести спеціальнаго изслѣдованія арендныхъ отношеній въ Россіи, обратилась въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, къ западно-европейскимъ законодательствамъ. Въ проектѣ пятой книги Гражданскаго Уложенія имущественному найму посвящено статеи 50 (277—326); но по ихъ разсмотрѣніи не трудно видѣть, что это—болѣе или менѣе старательно сдѣланная выборка изъ разныхъ иностранныхъ кодексовъ съ сохраненіемъ многихъ постановленій дѣйствующаго права или основанныхъ на немъ положеній сенатской практики. Такая работа, несомнѣнно, можетъ имѣть свое значеніе въ качествѣ подготовительной сводки матеріаловъ. Конечно, при выработкѣ новаго закона необходимо принять во вниманіе опытъ другихъ странъ, обогнавшихъ насъ въ своемъ экономическомъ развитіи. Но окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса проектъ комиссіи никоимъ образомъ считаться не можетъ. Во-первыхъ, и самая сводка матеріала здѣсь не полна; не принято во вниманіе, напр., весьма интересное и своеобразное ирландское и англійское законодательство объ арендѣ; постановленія другихъ законодательствъ иногда комиссией поняты неправильно; теоретическія основанія разсужденій комиссіи нерѣдко вызываютъ сомнѣнія и возраженія. Во-вторыхъ, данныя русской практики и западно-европейскаго законодательства должны быть подвергнуты оцѣнкѣ съ точки зрѣнія русскихъ экономическихъ и соціальныхъ условій и просто съ точки зрѣнія справедливости. Эта оцѣнка комиссией произведена не всегда въ достаточной степени, что и не удивительно при сложности ея задачъ и недостаточно широкой постановкѣ ея подготовительныхъ работъ въ области земельной аренды.

При всемъ томъ проектъ комиссіи, какъ уже выполненная работа, не можетъ быть, конечно, обойденъ въ нижеслѣдующемъ очеркѣ договора земельной аренды по законамъ нашего времени, дѣйствующимъ въ Россіи и Западной Европѣ. Настоящее положеніе дѣла должно быть выяснено раньше, нежели перейти къ соображеніямъ de lege ferenda.

II.

Обязательственный характеръ аренды; дѣйствіе договора на новыхъ пріобрѣтателей арендованной земли.

Аренда земли, согласно твердо установившейся доктринѣ, есть *обязательственный договоръ*, по которому наймодавецъ (хозяинъ) предоставляетъ во временное пользованіе нанимателя (арендатора) земельный участокъ съ правомъ для арендатора извлекать изъ этого участка плоды въ порядкѣ правильнаго хозяйства. Изъ обязательственнаго характера отношенія слѣдуетъ между прочимъ, что договоръ аренды не нуждается въ соблюденіи тѣхъ строгихъ и стѣснительныхъ формъ, которыя большинствомъ законодательствъ установлены для заключенія вещноправовыхъ договоровъ относительно недвижимостей, напр., во внесеніи въ гипотечныя или вотчинныя книги или въ составленіи крѣпостного акта. Этотъ договоръ заключается простымъ соглашеніемъ; иногда требуется письменная форма. Но обязательственное отношеніе можетъ быть построено въ деталяхъ по разнымъ типамъ. Римское право строило аренду земель по типу самому обыкновенному; обязательственный договоръ заключался между двумя опредѣленными лицами и только ихъ и связывалъ (и, конечно, ихъ наслѣдниковъ). Поэтому въ случаѣ отчужденія участка наймодавцемъ третьему лицу арендный договоръ, заключенный отчуждателемъ, *не считался обязательнымъ для новаго пріобрѣтателя*, который въ этомъ договорѣ не участвовалъ и при пріобрѣтеніи участка не согласился возобновить съ арендаторомъ договора на тѣхъ же условіяхъ; новый собственникъ могъ согнать арендатора, не дожидаясь окончанія срока его аренды, и арендатору оставалось только обратиться съ искомъ объ убыткахъ къ своему контрагенту, отчудившему землю и тѣмъ сдѣлавшему невозможнымъ дальнѣйшее исполненіе договора. Эти положенія римскаго права были восприняты и во многихъ германскихъ странахъ и выражались тамъ извѣстнымъ афоризмомъ: «Kauf bricht Miethe».

Такое состояніе дѣла, однако, не соотвѣтствовало соціальнымъ и экономическимъ условіямъ и потребностямъ новаго времени. Оно было возможно въ Римѣ, гдѣ только низшіе классы населенія выступали въ роли арендаторовъ и нанимателей и гдѣ право было проникнуто весьма рѣзко выраженной капиталистической тенденціей. Но для нашего времени, когда полміра живетъ въ частныхъ жилищахъ и важнѣйшія хозяйственныя предпріятія совершаются въ нанятыхъ помѣщеніяхъ и на арендованной землѣ, такія нормы, покро-

вительствующія нарушенію заключенныхъ договоровъ и наносящія ущербъ важнѣйшимъ соціальнымъ интересамъ, являются безусловно неподходящими. *Поэтому, въ новѣйшихъ законодательствахъ по общему правилу принято иное начало. Признается, что арендный договоръ, разъ заключенный, обязателенъ не только для самого наймодавца, но и для всякаго лица, которому будетъ наймодавцемъ отчуждена арендованная земля до окончанія арендного договора.* Этотъ новый пріобрѣтатель въ силу самаго закона принимаетъ на себя всѣ обязанности наймодавца относительно арендатора, но въ то же время, конечно, вступаетъ и во всѣ его права относительно арендатора. Только этимъ путемъ интересы арендатора могутъ быть достаточно ограждены; при теперешнемъ же развитіи арендныхъ отношеній подобное огражденіе интересовъ арендатора необходимо и въ видахъ общаго блага. Этотъ принципъ выражается афоризмомъ: «Kauf bricht nicht Miethe» и нашелъ себѣ весьма опредѣленное выраженіе, напр., въ ст. 1743—1751 французскаго Code civil и въ статьяхъ 571—579 новаго германскаго гражданскаго уложенія, равно какъ въ ст. 1597—1602 итальянскаго уложенія.

Принимая этотъ принципъ, указанныя законодательства вносятъ, однако, нѣкоторыя ограниченія въ интересахъ новаго пріобрѣтателя. Именно, справедливость требуетъ, чтобы арендный договоръ, заключенный старымъ хозяиномъ, лишь тогда связывалъ новаго пріобрѣтателя, когда онъ, по крайней мѣрѣ, могъ знать о его существованіи, пріобрѣтая землю. Поэтому французское право требуетъ, чтобы арендный договоръ для полученія такой силы противъ новыхъ пріобрѣтателей земли былъ облеченъ въ форму публичнаго акта (bail authentique) или же имѣлъ достовѣрное число совершенія (date certaine). Этимъ значительно суживается сфера примѣненія означеннаго правила къ большему ущербу арендаторовъ, не имѣвшихъ почему-либо возможности совершить публичнаго акта аренды. Поэтому слѣдуетъ признать, что на болѣе правильной точкѣ зрѣнія стоитъ германское уложеніе, которое даетъ силу противъ третьихъ пріобрѣтателей всякому арендному договору, въ какой бы формѣ онъ ни былъ заключенъ, лишь бы исполненіе этого договора уже началось до отчужденія земли въ новыя руки, т.-е. арендованная земля была уже передана во владѣніе арендатора. Близко стоитъ къ этому и система итальянскаго уложенія (ст. 1598). И въ самомъ дѣлѣ: если арендаторъ уже вступилъ во владѣніе арендованной землей, то фактъ существованія арендного договора не можетъ пройти незамѣченнымъ для всякаго болѣе или менѣе внимательнаго пріобрѣтателя земли [1]).

---

[1]) См. объ этомъ *Cosack*, Lehrbuch d. deutsch. bürgerl. Rechts, т. II, § 243, п. 1.

Этотъ послѣдній долженъ считаться съ этимъ фактомъ, пріобрѣтая землю, и нѣтъ никакой несправедливости сдѣлать для него обязательнымъ арендный договоръ въ интересахъ общаго блага.

Получая, такимъ образомъ, силу противъ третьихъ пріобрѣтателей земли, арендный договоръ отнюдь не теряетъ своего обязательственнаго характера и не превращается въ вещное право. Дѣло въ томъ, что по правильной теоріи мыслимы и такія обязательства, кредиторъ или должникъ по которымъ опредѣляется черезъ вступленіе въ какое-либо юридическое отношеніе, напр., черезъ пріобрѣтеніе какой-либо вещи [1]. Такимъ обязательствомъ, не прямымъ образомъ связаннымъ со своимъ субъектомъ, является и договоръ аренды въ законодательствахъ, признающихъ принципъ: Kauf bricht nicht Miethe. Здѣсь права и обязанности наймодавца изъ договора имущественнаго найма (только частнымъ видомъ котораго является аренда земли) лежатъ на томъ лицѣ, которое будетъ имѣть въ собственности арендованную землю во все время отъ передачи земли въ пользованіе арендатора и до окончанія срока найма.

Это положеніе, что договоръ аренды сохраняетъ свой обязательственный характеръ и при распространеніи его силы на третьихъ пріобрѣтателей арендованной земли, защищается лучшими представителями западной науки [2] и имѣетъ не только теоретическое, но и важное практическое значеніе. Такъ, отсюда слѣдуетъ, что *арендный договоръ, несмотря на такую свою силу, не подлежитъ внесенію въ ипотечныя книги или крѣпостному порядку совершенія актовъ;* такой порядокъ чрезмѣрно затруднилъ бы заключеніе арендныхъ договоровъ и теоретически не является необходимымъ, разъ аренда остается

---

[1] Права и обязанности, не прямымъ образомъ связанныя съ субъектомъ. Примѣръ такого обязательственнаго права: бумаги на предъявителя; примѣръ такой обязательственной обязанности: римскія actiones noxales, по которымъ отвѣтчикомъ и должникомъ являлся всякій, кто въ моментъ предъявленія иска имѣлъ in potestate виновнаго подвластнаго. См. объ этомъ *Bekker*, System des heut. Pandectenrechts т. I (1886 г.), § 19, *Beil.* III. *Хвостовъ.* Система римскаго права, вып. I-й (общая часть), изд. 2-ое (1902 г.) § 12, II.

[2] См., напр., *Dernburg.* Das bürg. Recht des Deutsch. Reichs, т. II (1901 г.), § 215, прим. 18. *Crome,* System des Deutsch. bürg. Reichs, т. II (1902 г.), § 234, прим. 5 и § 242 пр. 16. *Planiol,* Traité élém. de droit clivil т. II (1902 г.), §§ 1707 и слл. *Kipp-Windscheid* Pand, т. II, стр. 684. Иное мнѣніе защищаетъ *Cosack,* op. cit.; но безъ успѣха: см. *Crome* l. c. Вопросъ этотъ былъ предметомъ оживленныхъ дебатовъ въ литературѣ при обсужденіи проекта герм. уложен., который въ 1-й редакціи принялъ правило «Kauf bricht Miethe», а во второй перешелъ къ обратному принципу. См. объ этомъ спорѣ: *Crome,* Die juristische Natur der Miethe nach dem Deutsch. Bürg. Gesetzb. (1896), стр. 1 слл. *Hesse,* Die rechtliche Natur der Miethe (1902 г.), стр. 1 слл.

обязательственнымъ отношеніемъ. Такъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ герм. улож., которое никакой особой формы договора для приданія ему силы противъ третьихъ лицъ не требуетъ, а ограничивается только тѣмъ условіемъ, чтобы договоръ уже былъ осуществленъ до отчужденія земли, т.-е. чтобы земля фактически уже находилась въ пользованіи арендатора. Съ другой стороны, конечно, договоръ аренды, какъ обязательственный, хотя дѣйствуетъ противъ третьихъ пріобрѣтателей имѣнія, но въ общемъ дѣйствіе его слабѣе, нежели дѣйствіе вещнаго права на чужую вещь. Это обнаруживается, напр., при конкурсѣ надъ имуществомъ хозяина земли. Въ этомъ случаѣ вопросъ рѣшается не по принципу старшинства права, что имѣло бы мѣсто, если бы наниматель былъ носителемъ вещнаго права на арендованную землю; напротивъ, арендаторъ выступаетъ при конкурсѣ въ роли простого кредитора конкурсной массы. Въ случаѣ принудительной продажи земли по конкурсу правило «Kauf bricht nicht Miethe» не соблюдается, и новый пріобрѣтатель, согласно ст. 21 Abs. 1 и 2 Konkurs-Ordnung, можетъ расторгнуть арендный договоръ по минованіи извѣстнаго законнаго срока [1]). Несправедливости въ этомъ нѣтъ, ибо, если арендаторъ желаетъ придать своему праву болѣе сильный характеръ, то онъ долженъ установленнымъ порядкомъ пріобрѣсти вещное право на чужую землю (въ родѣ римскаго эмфитевзиса), а не заключать простую аренду земли [2]).

Что касается нашего русскаго законодательства, то оно прямыхъ указаній по вопросу о томъ, обязателенъ ли договоръ найма или аренды для новыхъ пріобрѣтателей имѣнія, не даетъ. Однако, косвеннымъ путемъ можно вывести заключеніе въ пользу того, что нашъ законъ скорѣе склоняется къ принципу Kauf bricht nicht Miethe, чѣмъ къ противоположному, и считаетъ договоръ найма обязательнымъ и для третьихъ лицъ. Такое заключеніе и дѣлаетъ, напр., К. П. Побѣдоносцевъ [3]). Этого же начала держится въ своей кассаціонной практикѣ и Сенатъ, который не разъ высказывался, что договоръ аренды, если право нанимателя уже въ дѣйствительности

---

[1]) *Cosack* I § 243, IX. *Crome*, Lehrbuch, II, § 243, II и III. *Crome*, цит. брош. стр. 48 сля. См. ниже въ ученіи о прекращеніи найма.

[2]) Можно отмѣтить еще, что, благодаря обязательственному характеру договора, мѣсто подсудности въ случаѣ спора опредѣляется не мѣстомъ нахожденія арендованнаго участка, какъ при вещныхъ правахъ на недвижимости; далѣе, что право изъ договора аренды земли не есть недвижимое имущество и т. п. См. *Crome* Die juristische Natur der Miethe (1896 г.), стр. 75 сл. *Planiol*, op. cit, § 1709.

[3]) Курсъ гражд. пр. т. I. (1892 г.), стр. 355 сл.; т. III (1890 г.), стр. 361 сл.; иного взгляда держится *Шершеневичъ*, учебникъ русскаго гражд. права (4-е изд. 1902 г.), стр. 515 сл.

осуществилось до отчужденія имущества, распространяетъ свое дѣйствіе и на новаго пріобрѣтателя арендованнаго имѣнія (Касс. 1878/234, 1880/301).

Редакціонная комиссія по составленію Гражданскаго Уложенія, однако, въ своемъ проектѣ *не пошла по этому пути.* Комиссія не стала на ту точку зрѣнія, что аренда, даже распространяя свое дѣйствіе на третьихъ пріобрѣтателей, остается все-таки обязательственнымъ правомъ, и, считая ее въ этомъ случаѣ за право вещное, постановила ограничить силу договора относительно третьихъ пріобрѣтателей тѣми случаями, когда договоръ аренды внесенъ въ вотчинную книгу (см. ст. 320 проекта V кн. Уложенія). Это мнѣніе комиссіи основано, какъ ясно изъ вышеизложеннаго, на неправильныхъ теоретическихъ соображеніяхъ [1]; въ практическомъ же отношеніи рѣшеніе комиссіи весьма неудобно. Во-первыхъ, комиссія излишне затрудняетъ заключеніе договора аренды, требуя облекать его въ весьма сложную и неудобную форму вотчинной записи, если только арендаторъ желаетъ придать этому отношенію самую элементарную прочность. *Въ большинствѣ случаевъ, конечно, хозяева на такое занесеніе договора въ вотчинныя книги и не давали бы согласія.* Во-вторыхъ, такое предложеніе можетъ быть осуществлено лишь по введеніи въ Россіи системы гипотечныхъ книгъ; между тѣмъ, неизвѣстно, будетъ ли у насъ когда-либо эта система введена, а реформа законодательства объ арендѣ земель настоятельно необходима и неотложна [2]).

Проектъ комиссіи является, такимъ образомъ, шагомъ назадъ сравнительно съ теперешнимъ состояніемъ нашей судебной практики, и безъ всякихъ колебаній приходится отдать предпочтеніе системѣ германскаго гражданскаго уложенія (ст. 571—579), съ которой по существу совпадаетъ и практика Сената. Редакціонная комиссія въ своихъ мотивахъ къ ст. 320—325 ни слова не говоритъ о системѣ германскаго уложенія, хотя подъ статьями проекта и сдѣланы ссылки на статьи этого уложенія. Неизвѣстна комиссіи, повидимому, и ци-

---

1) Въ мотивахъ комиссіи къ статьямъ 320 и слѣд. (проектъ V кн., т. II, стр. 109) говорится: «наша судебная практика, не отожествляя имущественнаго найма съ вотчиннымъ правомъ, присвоиваетъ этому договору вотчинный характеръ, т.-е. нѣкоторое сходство съ вотчиннымъ правомъ». Это—взглядъ не столько судебной практики, сколько самой комиссіи, взглядъ теоретически неправильный и не отличающійся опредѣленностью.

2) См. подробно о практическихъ неудобствахъ, связанныхъ съ занесеніемъ арендныхъ и наемныхъ контрактовъ въ вотчинныя книги: *Crome*, Die juristische Natur der Miethe (1896 г.), стр. 16 сл., а также Motive zu dem Entwurfe eines Bürg. Gesetzbuches, т. II, стр. 384 сл. Самая техника такихъ записей была бы сопряжена съ массою затрудненій, а книги потеряли бы свою наглядность.

тированная выше западная литература вопроса; послѣднее обстоятельство, впрочемъ, отчасти можетъ быть объяснено опубликованіемъ проекта V книги еще въ 1899 году.

Слѣдуетъ замѣтить, что опубликованный въ 1902 г. проектъ III кн. Уложенія знаетъ и вещное право пользованія чужой землей, напоминающее римскій эмфитевзисъ и получившее въ проектѣ названіе «права наслѣдственнаго оброчнаго владѣнія» (проектъ III кн., ст. 185—198). Наличность этого института въ проектѣ будущаго Уложенія дѣлаетъ еще менѣе основательнымъ требованіе вотчинной записи для договора аренды, выставленное въ ст. 320 книги V.

III.

Форма договора аренды.

Такимъ образомъ, вотчинная запись не необходима и даже непримѣнима къ договору земельной аренды, какъ къ договору обязательственному. Какая же вообще требуется *форма* при заключеніи этого договора? Дѣйствующее русское право въ этомъ отношеніи очень строго. Согласно ст. 1700 т. X ч. I, договоръ найма недвижимостей составляется непремѣнно въ *письменной формѣ*; впрочемъ, по той же статьѣ, «на наемъ сельскими обывателями земель у помѣщиковъ, между собою и у постороннихъ лицъ, на сроки не свыше трехъ лѣтъ, на всякую сумму, а на большіе сроки, именно отъ 3—12 л., на сумму не свыше трехсотъ рублей, могутъ быть заключаемы словесныя условія со внесеніемъ ихъ, по желанію договаривающихся сторонъ, въ книгу при волостномъ правленіи» (ср. особое прилож. къ т. IX, ст. 110 по изд. 1902 г.). Словесные договоры допускаются по ст. 1702 въ случаѣ найма недвижимостей въ городахъ. Если же арендный договоръ совершается съ полученіемъ арендной платы впередъ болѣе чѣмъ за годъ, то ст. 1703 требуетъ даже крѣпостной формы подъ страхомъ недѣйствительности договора.

Западныя законодательства не столь строги. Исходя изъ соображенія, что общимъ принципомъ должна быть неформальность договоровъ и что опредѣленной формы слѣдуетъ требовать лишь при наличности особыхъ условій, они допускаютъ заключеніе арендныхъ договоровъ въ любой формѣ. Впрочемъ, принципъ этотъ вездѣ подвергнутъ извѣстнымъ ограниченіямъ. Такъ, по ст. 1715 французскаго кодекса, если наемъ заключенъ словесно и исполненіе его не начато, то въ случаѣ оспариванія самаго факта его заключенія не допускаются

на судѣ свидѣтельскія показанія въ качествѣ доказательства. По ст. 566 германскаго уложенія наемъ недвижимости на срокъ болѣе года нуждается въ письменной формѣ; но несоблюденіе этой формы не дѣлаетъ договора недѣйствительнымъ, а только даетъ право каждой сторонѣ односторонне расторгнуть договоръ по истеченіи перваго года. Наиболѣе раціональнымъ представляется правило, установленное въ ст. 275 швейцарскаго закона объ обязательствахъ; оно состоитъ въ томъ, что при наймѣ недвижимостей требуется письменная форма лишь для тѣхъ статей контракта, которыя несогласны съ нормами объ арендѣ, установленными закономъ, и при несоблюденіи формы лишь эти статьи недѣйствительны. Дѣйствительно, едва ли есть основаніе требовать письменной формы отъ договора, содержаніе котораго вполнѣ совпадаетъ съ диспозитивными нормами закона. И если дѣйствующее русское право такъ любитъ формальные договоры, то одной изъ главныхъ причинъ этого явленія, конечно, слѣдуетъ считать почти полное отсутствіе въ немъ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности сторонъ на случай отсутствія соглашенія послѣднихъ о томъ или иномъ вопросѣ. При подобномъ состояніи права особенно важное значеніе получаютъ соглашенія сторонъ, которыя вынуждены заботливо предусматривать всѣ мелочи, зная, что законъ на помощь къ нимъ не придетъ. При этихъ условіяхъ и законодатель обращаетъ преувеличенное вниманіе на форму договора, стараясь сдѣлать фактъ заключенія договора и содержаніе его возможно безспорнѣе и заставляя стороны обдуманнѣе относиться къ содержанію договора: самая необходимость облечь договоръ въ предлагаемую закономъ форму заставляетъ контрагентовъ затянуть заключеніе договора и даетъ имъ время подумать о немъ. *Такимъ образомъ, формализмъ есть естественное послѣдствіе скудости въ нашихъ законахъ диспозитивныхъ нормъ*. Между тѣмъ, именно въ нашей странѣ онъ особенно неудобенъ, вслѣдствіе малограмотности населенія, и сильно стѣсняетъ развитіе гражданскаго оборота. При улучшеніи гражданскаго законодательства можно и должно, съ появленіемъ достаточнаго количества диспозитивныхъ нормъ права, ослабить этотъ чрезмѣрный формализмъ. Требованіе письменной формы, даже въ видѣ простого домашняго акта, можетъ быть крайне неудобнымъ при раздачѣ земли въ аренду небольшими участками крестьянамъ; между тѣмъ, именно объ упорядоченіи и обезпеченіи этой формы аренды особенно слѣдуетъ позаботиться въ настоящее время.

Всѣ эти соображенія отсутствуютъ въ тѣхъ объясненіяхъ, которыми сопровождаетъ редакціонная комиссія ст. 281 своего проекта. Эта статья не только не ослабляетъ формализма, но даже нѣсколько

усиливаетъ его, сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ. Именно, по ст. 1700 т. X ч. I договоры крестьянъ о наймѣ недвижимостей до 3-хъ лѣтъ на всякую сумму могутъ совершаться словесно, а по ст. 1702 допускается словесный наемъ городскихъ недвижимостей. Комиссія же въ ст. 281 требуетъ письменной формы для всякаго найма (даже движимости), если онъ заключенъ за плату свыше 300 р., или же если онъ заключенъ на срокъ свыше трехъ лѣтъ. О послѣдствіяхъ несоблюденія формы сказано въ ст. 14 проекта V книги; подобныя предписанія закона имѣютъ, согласно этой статьѣ, то значеніе, что въ случаѣ спора договоръ не можетъ быть доказываемъ на судѣ свидѣтельскими показаніями.

По указаннымъ выше соображеніямъ цѣлесообразнѣе было бы поставить вмѣсто этой статьи проекта правило, содержащееся въ ст. 275 швейцарскаго закона; въ виду малограмотности населенія, можетъ быть, умѣстно было бы ограничить и его дѣйствіе только договорами свыше извѣстной суммы арендной платы и извѣстнаго срока найма.

IV.

Срокъ договора аренды.

Аренда земли, какъ и всякій договоръ найма, есть отношеніе *временное*, не расчитанное на вѣчное существованіе. Поэтому законъ объ арендѣ долженъ содержать въ себѣ постановленія объ ея срокѣ.

Дѣйствующее русское право содержитъ по этому поводу прежде всего ст. 1705 т. X ч. I, которая гласитъ: «хозяинъ не въ правѣ отказать наемщику до наступленія срока найма, хотя бы кто предлагалъ и большую передъ нимъ цѣну. Равномѣрно наемщикъ не можетъ отказаться отъ платежа договорной цѣны до истеченія опредѣленнаго условіемъ срока». Статья эта, съ одной стороны, является излишней, ибо устанавливаемыя ею общія правила сами собою вытекаютъ изъ принципа связующей силы договоровъ, не противныхъ законамъ и добрымъ нравамъ. Съ другой же стороны, она редактирована недостаточно точно, ибо есть случаи, когда сторонамъ приходится предоставить право односторонняго досрочнаго отказа, напр., при обнаруженіи важныхъ недостатковъ нанятаго имущества. Въ этомъ направленіи состоялся и рядъ рѣшеній Кассаціоннаго Сената (холодъ и сырость квартиры: кас. 72/1141, 76/364, 77/45 и т. д.). Поэтому совершенно правильно рѣшила редакціонная комиссія, что

ст. 1705 должна быть выброшена при пересмотрѣ закона объ арендѣ [1]).

Болѣе важный вопросъ о томъ, какъ поступать, если въ договорѣ аренды совсѣмъ не уставленъ срокъ аренды, нашими законами не разрѣшается. Редакціонная комиссія, какъ видно изъ объясненій ея къ ст. 311 проекта, колебалась между двумя системами. Четыре члена комиссіи отдавали предпочтеніе системѣ германскаго уложенія (ст.595), по которой договоръ аренды сельскаго участка, заключенный безъ обозначенія срока, можетъ быть расторгнутъ по истеченіи арендного года, при чемъ увѣдомленіе о желаніи расторгнуть должно быть сдѣлано по крайней мѣрѣ за полгода впередъ. Другіе четыре члена комиссіи высказывались за систему французскаго Code civil (ст. 1774—5) и итальянскаго уложенія (ст. 1622); по этой системѣ подобный арендный договоръ считается заключеннымъ на столько лѣтъ, на сколько полей для сѣвооборота раздѣлена данная земля. Голосъ предсѣдателя рѣшилъ въ пользу послѣдняго мнѣнія, и такъ возникла ст. 311 проекта. Въ мотивахъ комиссіи къ этой статьѣ ничего не говорится о третьей системѣ, принятой въ ст. 309 швейцарскаго закона объ обязательствахъ; по этой системѣ сельская аренда безъ обозначенія срока можетъ быть расторгаема по истеченіи не арендного года, а хозяйственнаго, который кончается ко дню св. Мартина, т.-е. къ 11 ноября [2]); увѣдомленіе должно послѣдовать за полгода до этого дня. При обсужденіи проекта германскаго уложенія дебатировалась и эта система; отвергнута она была составителями уложенія по той причинѣ, что «понятіе хозяйственнаго года является весьма неустойчивымъ и неопредѣленнымъ и менѣе всего поддается законодательному опредѣленію въ виду различія климатическихъ и иныхъ условій ... притомъ при арендѣ сельскохозяйственныхъ участковъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ арендный годъ совпадаетъ съ хозяйственнымъ» [3]).

Слѣдующимъ вопросомъ, сюда относящимся, является вопросъ *о предѣльномъ максимальномъ* срокѣ арендныхъ договоровъ, допускаемомъ закономъ. Долженъ ли законъ содержать въ себѣ указаніе такого срока и, если долженъ, то какова должна быть продолжительность этого срока? Русское законодательство весьма детально опредѣляетъ этотъ срокъ, устанавливая разные максимальные сроки

---

1) Проектъ V книги, т. II, стр. 78.

2) Въ Россіи, по мнѣнію *Принтца*, op. cit., стр. 41 и сл., хозяйственный годъ заканчивается между 1 марта и 1 мая, неодинаково для разныхъ мѣстностей.

3) Motive zu dem Entwurfe eines B. G. B., т. II, стр. 427 сл.

для разныхъ случаевъ; продолжительность срока колеблется отъ 1 до 99 лѣтъ [1]).

Наиболѣе важное значенiе на практикѣ имѣютъ слѣдующiя положенiя:

1) По ст. 1692 т. X ч. I срокъ найма недвижимыхъ частныхъ имуществъ не долженъ превышать *12 лѣтъ*. Статья эта появилась случайно: она при составленiи Свода Законовъ обобщена была изъ мнѣнiя Государственнаго Совѣта, состоявшагося въ 1824 г. по судебному дѣлу между купцомъ Екимовымъ и новгородскимъ архiерейскимъ въ Москвѣ подворьемъ и даже не сопровождавшагося указанiемъ мотивовъ такого запретительнаго правила [2]).

2) 19 февраля 1861 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣнiе Государственнаго Совѣта, которымъ предоставлено помѣщикамъ отдавать въ наймы принадлежащiя имъ земли, оброчныя статьи и угодья срокомъ до 36 лѣтъ. Это правило вошло въ составъ ст. 1693 т. X ч. 1 Св. Зак. Сенатъ толкуетъ эту норму въ томъ смыслѣ, что она относится ко всѣмъ землямъ, которыя прежде принадлежали къ населеннымъ имѣнiемъ, хотя бы онѣ перемѣнили своихъ владѣльцевъ (Касс. 1882/85).

При такомъ толкованiи, правильность коего, впрочемъ, оспаривается нѣкоторыми авторами [3]), 36-лѣтнiй срокъ получаетъ значенiе нормы, примѣнимой къ арендѣ весьма большого количества земель въ Россiи. Этотъ срокъ и приняла въ качествѣ общаго maximum'а редакцiонная комиссiя въ ст. 279 своего проекта; договоръ, заключенный на срокъ свыше 36 лѣтъ, теряетъ силу по истеченiи этого срока; исключенiе составляютъ договоры пожизненные; для найма земель подъ фабрики и заводы или для добыванiя ископаемыхъ комиссiя предлагаетъ maximum 90 лѣтъ.

Что касается западныхъ законодательствъ, то швейцарскiй законъ совсѣмъ не упоминаетъ о максимальномъ срокѣ. Итальянское уложенiе въ ст. 1571 устанавливаетъ 30-лѣтнiй срокъ для найма недвижимостей вообще и 100-лѣтнiй—для найма необработанныхъ земель съ условiемъ ихъ обработать. Во Францiи 18/29 декабря 1790 г. предѣльнымъ срокомъ найма установлено 99 лѣтъ. Германское уложенiе въ ст. 567 говоритъ, что наемъ, заключенный на срокъ свыше 30 лѣтъ, можетъ по истеченiи 30 лѣтъ быть односторонне расторгнутъ, если не заключенъ пожизненно.

---

1) Перечень см. у *Шершеневича*, op. cit., стр. 508. Проектъ V кн., т. II стр. 10 сл. *Гожевъ* и *Цвѣтковъ*, Сборникъ гражд. законовъ (1886 г.), т. II, стр. 75—78.

2) Проектъ V кн., т. II, стр. 10. Ср. *Неволинъ*, Исторiя росс. гражд. зак., ч. 3-я (1858 г.), стр. 114.

3) *Шершеневичъ*, op. cit., стр. 509.

Установленіе въ законѣ предѣльнаго срока аренды можетъ быть оправдано тѣмъ, что экономическія условія съ теченіемъ времени мѣняются и стороны, имѣвшія неосторожность заключить арендный договоръ на слишкомъ продолжительный срокъ, впослѣдствіи сами могутъ имъ тяготиться [1]). Въ особенности же желательно установленіе предѣльнаго срока въ случаѣ признанія за арендным договоромъ, заключеннымъ безъ соблюденіи формальностей, которыя требуются при установленія вещныхъ правъ, связующей силы относительно новыхъ пріобрѣтателей арендованнаго участка (въ силу принципа Kauf bricht nicht Miethe). Но 12-лѣтній срокъ ст. 1692 нашего Свода, конечно, слишкомъ краток въ смыслѣ максимальнаго срока; онъ недостаточно обезпечиваетъ интересы арендатора и не поощряетъ введенія имъ улучшеній [2]) на арендуемомъ участкѣ. Поэтому комиссія поступила правильно, отвергнувъ этотъ срокъ, довольно случайно появившійся въ законѣ. Избранный комиссій 36-лѣтній срокъ имѣетъ за собою практику, вызванную упомянутымъ выше закономъ 19 февраля 1861 года. Что же касается послѣдствій несоблюдепія этого срока, то лучше было бы принять систему германскаго уложенія и признать договоры, заключенные на срокъ свыше 36 лѣтъ, не безусловно теряющими силу по истеченіи этого срока, но лишь односторонне расторжимыми.

Если арендный договоръ былъ заключенъ на срокъ, но по его истеченіи стороны фактически его продолжаютъ, не вступая ни въ какія пререканія, то арендный договоръ признается молчаливо возобновленнымъ (relocatio tacita) на тотъ срокъ, который закономъ установленъ для арендныхъ договоровъ, заключенныхъ безъ обозначенія срока (см. вышеизложенныя три системы опредѣленія этого срока). При этомъ нѣкоторыя западныя законодательства опредѣляютъ время, въ теченіе котораго должно продолжаться такое фактическое состояніе для того, чтобы было признано молчаливое возобновленіе договора; такъ, по ст. 568 герм. улож. требуется прошествіе двухнедѣльнаго срока, который начинается для нанимателя со дня продолженія пользованія по истеченіи срока арендная договора, а для хозяина— съ того момента, какъ онъ узналъ о продолженіи пользованія. Другія законодательства такого срока не устанавливаютъ, но представляютъ усмотрѣнію суда рѣшеніе вопроса о молчаливомъ возобновленіи договора сторонами. Редакціонная комиссія въ ст. 319 своего

---

[1]) См. Замѣчанія о недостаткахъ дѣйствующихъ гражд. законовъ (изд. ред. ком. 1891 г.), № 920.

[2]) См. Замѣчанія о недостаткахъ etc., № 935, 931, 932, 936, 939; ср. однако № 934.

проекта удлиняетъ этотъ срокъ до 2-хъ мѣсяцевъ и предлагаетъ считать договоръ аренды сельскаго имѣнія по истеченіи этого срока возобновленнымъ на слѣдующій хозяйственный (арендный?) годъ.

V.

Взаимныя отношенія сторонъ.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній о существѣ, формѣ и срокѣ арендного договора, переходимъ ко взаимнымъ отношеніямъ сторонъ, какъ они представляются по современнымъ законодательствамъ. Договоръ аренды земли налагаетъ обязанности на обѣ стороны, т.-е. какъ на нанимателя, такъ и на наймодавца. Начнемъ съ *обязанностей наймодавца* (или хозяина) *передъ нанимателемъ* (или арендаторомъ). При этомъ не придется ничего говорить о дѣйствующемъ русскомъ правѣ, ибо оно по этому поводу содержитъ лишь двѣ статьи — 1707 и 1708 т. X ч. 1, — въ которыхъ устанавливается, въ весьма неудачной редакіи, обязанность нанимателя отвѣчать за происшедшій по его винѣ пожаръ дома и за порчу движимаго имущества, взятаго въ наемъ.

Первой обязанностью хозяина по западнымъ законодательствамъ является обязанность его своевременно передать арендатору отданное въ наемъ имущество съ его принадлежностями въ состояніи годномъ для опредѣленнаго договоромъ пользованія. Эта обязанность совершенно правильно формулирована въ ст. 282 проекта V книги. Въ связи съ этимъ стоитъ обязанность хозяина отвѣчать за всѣ убытки, которые произойдутъ для нанимателя отъ наличности въ нанятой вещи недостатковъ, о которыхъ наниматель не зналъ при заключеніи договора, или отъ отсутствія въ ней обѣщанныхъ качествъ. Если эти недостатки таковы, что самое пользованіе нанятымъ имуществомъ дѣлается невозможнымъ, то наниматель, освобождаясь отъ взноса наемной платы за все время непользованія, получаетъ право, сверхъ возмѣщенія убытковъ, требовать прекращенія договора до истеченія его срока. Такое же право односторонне расторгнуть договоръ даютъ существенные недостатки, возникшіе въ предметѣ найма уже по заключеніи договора; но возмѣщенія убытковъ въ этомъ случаѣ можно требовать лишь при наличности вины хозяина въ возникновеніи недостатковъ. Таковъ, въ общемъ, смыслъ правилъ, содержащихся въ ст. 277 швейц. закона, а также въ ст. 537—539 герм. уложенія и въ ст. 283 проекта V книги.

Далѣе, хозяинъ обязанъ обезпечить арендатору спокойное поль-

зованіе нанятымъ имуществомъ во все время найма. Поэтому, во-первыхъ, самъ онъ не можетъ производить въ этомъ имуществѣ такихъ перемѣнъ, которыя бы препятствовали арендатору пользоваться имуществомъ согласно договору; во-вторыхъ, въ случаѣ, если за какимъ-либо третьимъ лицомъ будетъ признано относительно арендованнаго имущества такое право, осуществленіе котораго лишитъ арендатора возможности пользоваться имуществомъ вполнѣ или отчасти, то арендатору дается право односторонне отступиться отъ договора и взыскать свои убытки съ хозяина или же, по крайней мѣрѣ, потребовать соотвѣтственной сбавки арендной платы. Эти правила содержатся въ ст. 280 швейц. закона, ст. 541 герм. улож., ст. 284 и 286 нашего проекта V книги. Но, такъ какъ арендаторъ въ большинствѣ современныхъ законодательствъ, въ отличіе отъ римскаго права, признается не простымъ держателемъ вещи (detentor), а юридическимъ ея владѣльцемъ (possessor), то защита фактическаго владѣнія вещью отъ нападеній со стороны третьихъ лицъ возлагается не на хозяина, а на арендатора. Самъ арендаторъ можетъ предъявлять суду иски о возстановленія нарушеннаго владѣнія, и такая защита владѣнія, въ частности неприкосновенности границъ земельнаго участка, въ виду обыкновенно имѣющаго мѣсто отсутствія самого хозяина, можетъ быть даже вмѣнена арендатору въ обязанность, за исполненіе которой онъ отвѣчаетъ передъ хозяиномъ земли. Такъ и постановляетъ проектъ V книги въ ст. 285 и 299, слѣдуя примѣру ст. 1725 французскаго кодекса [1]).

Хозяинъ обязанъ поддерживать въ теченіе найма имущество въ состояніи, годномъ для пользованія. Поэтому на его обязанности лежитъ совершеніе необходимаго капитальнаго ремонта этого имущества, экономическое значеніе котораго простирается за предѣлы существованія аренднаго договора. Но всѣ обыкновенныя улучшенія сельскохозяйственнаго участка, въ особенности жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, дорогъ, канавъ и изгородей, лежатъ на обязанности арендатора и совершаются на его счетъ. Если арендаторъ произвелъ въ вещи какія-либо необходимыя поправки, совершеніе коихъ лежало на обязанности хозяина, невыполненной послѣднимъ, несмотря на указаніе арендатора, то хозяинъ долженъ возмѣстить арендатору стоимость этихъ расходовъ. Если же арендаторъ про-

---

[1]) Составители германскаго уложенія высказываются противъ возложенія на арендатора обязанности защищать нарушенное владѣніе; арендаторъ лишь обязанъ увѣдомить хозяина о фактѣ нарушенія владѣнія. См. Motive zu dem Entwurfe, т. II, стр. 370 сл.

изведетъ на арендуемомъ участкѣ такія работы, которыя не необходимы для сохраненія участка въ цѣлости, но несомнѣнно улучшаютъ его, то хозяинъ обязанъ возмѣстить стоимость этихъ улучшеній согласно правиламъ о веденіи чужихъ дѣлъ безъ порученія, при чемъ арендатору предоставляется право снять съ вещи сдѣланныя улучшенія, поскольку такое снятіе можетъ имѣть для него интересъ и осуществимо безъ порчи самой вещи. Таковы принципы, установленные германскимъ уложеніемъ въ ст. 547 и 582, швейц. закономъ въ ст. 301, 304, 305. Еще менѣе выгодны для арендаторовъ ст. 287, 288 и особенно 306 нашего проекта.

Что касается податей и повинностей, то уплата ихъ всѣми законодательствами возлагается на хозяина, если противное не установлено договоромъ. Въ этомъ смыслѣ составлена и ст. 289 проекта.

Переходимъ къ *обязанностямъ арендатора передъ хозяиномъ*.

На первомъ планѣ стоитъ обязанность арендатора вносить хозяину установленную договоромъ плату въ условленные сроки. Относительно этой обязанности законъ долженъ, прежде всего, содержать въ себѣ опредѣленіе о томъ, въ какомъ порядкѣ должна вноситься эта плата, если въ договорѣ сторонъ этотъ порядокъ точно не установленъ. По этому поводу швейцарскій законъ въ ст. 307 установляетъ, что порядокъ взноса платы опредѣляется, при отсутствіи соглашенія сторонъ мѣстнымъ обычаемъ; если же нѣтъ и твердаго обычая, то арендная плата должна быть вносима по истеченіи каждаго арендного года или, если срокъ аренды короче года, по истеченіи всего срока. По ст. 584 герм. уложенія арендная плата, опредѣленная погодно, вносится по истеченіи каждаго года; объ обычаѣ не упоминается, и въ этомъ отношеніи предпочтенія заслуживаетъ швейцарскій законъ, ибо въ данномъ случаѣ разница въ мѣстныхъ обычаяхъ можетъ быть весьма велика и ее не слѣдуетъ игнорировать; впрочемъ, въ герм. уложеніи эта ссылка на обычай не сдѣлана только потому, что составители проекта полагали, что она сама собою разумѣется [1].

Во всякомъ случаѣ всѣ рѣшительно западныя законодательства (кромѣ сербскаго; см. ст. 685) держатся того начала, что арендная плата должна взноситься не впередъ—praenumerando, а по истеченіи пользованія вещью—postnumerando—въ сроки, установленные закономъ [2].

Этотъ фактъ извѣстенъ и нашей редакціонной комиссіи [3].

---

1) Motive zu dem Entwurfe, т. II, стр. 399.

2) См. Motive, т. 2, стр. 398. Калифорнское гражд. улож. ст. 1237 (1947).

3) Проектъ V кн., т. 2, стр. 39 сл.

Совершенно иное, однако, постановляетъ ст. 290 проекта V книги, которая заставляетъ арендатора, при отсутствіи соглашенія или мѣстнаго обычая, платить за каждые шесть мѣсяцевъ впередъ. Комиссія должна бы была руководиться какими-либо весьма серьезными основаніями, создавая такое правило, несогласное со всѣми западными законодательствами и едва ли справедливое, такъ какъ оно односторонне покровительствуетъ интересамъ хозяина въ ущербъ интересамъ арендатора. Какія же основанія приводитъ комиссія въ оправданіе такого рѣшенія? На стр. 40 своихъ мотивовъ комиссія объясняетъ, что это сдѣлано потому, что на западѣ уже «есть почтенное сословіе арендаторовъ, которые располагаютъ капиталами и потому заслуживаютъ довѣрія», а наши арендаторы, по общему правилу, влачатъ самое жалкое существованіе. Казалось бы, что изъ этихъ разсужденій слѣдовалъ бы выводъ, обратный сдѣланному комиссіей. Если на западѣ сословіе арендаторовъ, не взирая на свою «почтенность» и обладаніе «капиталами», не можетъ платить арендной платы иначе, какъ по окончаніи пользованія, то какъ же требовать взноса этой платы впередъ отъ нашихъ неимущихъ арендаторовъ? Если у насъ еще нѣтъ «почтеннаго» сословія арендаторовъ, то нужно заботиться о повышеніи благосостоянія класса арендаторовъ, а не затруднять развитіе земельной аренды въ Россіи правилами, которыя содержатся въ ст. 290 проекта. Статья эта должна быть замѣнена правилами, въ родѣ приведенной выше ст. 307 швейцарскаго закона.

Если арендаторъ не можетъ пользоваться нанятой вещью по своей винѣ или вслѣдствіе несчастнаго случая, лично его касающагося, то онъ не избавляется отъ обязанности вносить арендную плату; впрочемъ, изъ платы вычитаются тѣ выгоды и сбереженія, которыя сдѣлалъ хозяинъ, вслѣдствіе непользованія вещью со стороны арендатора. Этотъ принципъ, установленный еще римскими юристами (L. 19 §§ 9, 10 D. 19, 2), вошелъ и въ новѣйшія законодательства (швейц. зак. ст. 298, герм. улож. ст. 552, проектъ V кн. ст. 291).

Римскіе юристы установили еще одинъ весьма важный принципъ: если сборъ плодовъ съ арендованнаго участка въ извѣстномъ году уничтожился или значительно понизился вслѣдствіе необычайныхъ бѣдствій (засуха, градъ, наводненіе, пожаръ), то арендаторъ имѣетъ право требовать соотвѣтственной сбавки платы — remissio mercedis; при долголѣтней арендѣ, впрочемъ, такія сбавки вознаграждаются изъ доходовъ особенно урожайныхъ годовъ (L. 15 §§ 2—4. L. 25 § 6. D. 19, 2. L. 8. C. 4, 65). Такимъ образомъ, считалось справедливымъ рискъ такихъ бѣдствій возлагать на хозяина, а не на неимущаго арендатора. Этотъ принципъ подробно развитъ во француз-

скомъ Code civil ст. 1769—1773, въ ст. 1537—1542 цюрихскаго граж. уложенія и въ австрійскомъ уложеніи § 1105; принятъ онъ и въ ст. 308 швейц. закона.

Тѣмъ не менѣе, редакціонная комиссія этого правила въ проектъ будущаго уложенія не внесла. Основанія, приводимыя ею въ пользу такого рѣшенія на стр. 44 и сл. мотивовъ (проектъ V кн., т. II), представляются, однако, мало убѣдительными. Они сводятся къ тому: 1) что правила франц. уложенія при нашихъ условіяхъ представляются сложными и нужно опасаться путаницы въ расчетахъ сторонъ; 2) что, если наймодавцевъ сдѣлать участниками риска, то нужно было бы предоставить имъ и долю въ барышахъ въ случаѣ хорошаго урожая; 3) что градобіе, неурожай и падежъ скота составляютъ у насъ обычное явленіе. Всѣ эти аргументы не трудно опровергнуть. Первый аргументъ не есть даже аргументъ, ибо сложность расчетовъ имѣетъ мѣсто во многихъ гражданскихъ дѣлахъ и еще не было примѣровъ, чтобы изъ-за этого законъ отказывалъ уважительному интересу въ защитѣ. Второй аргументъ опровергается самымъ содержаніемъ того принципа, который комиссія отвергаетъ, ибо мы уже видѣли, что по этому принципу сбавка платы, сдѣланная въ одномъ году, покрывается изъ урожая особенно благопріятныхъ годовъ. Третій аргуменъ также неубѣдителенъ: если теперь означенныя бѣдствія обычны, то вѣдь вся задача предпринимаемыхъ реформъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ необычными и облегчить населенію ихъ перенесеніе болѣе справедливымъ переложеніемъ риска. Сверхъ того, обычность бѣдствія вовсе не является гарантіей того, что оно предусматривается и учитывается сторонами при заключеніи договора. Этимъ соображеніемъ руководится Цюрихское гражд. улож., когда оно, признавая въ ст. 1537 правило о remissio mercedis, дѣлаетъ особую оговорку, что правило это не относится къ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя (въ виду *особаго характера даннаго случая*: напр. арендованная земля время отъ времени подвергается наводненіямъ) могутъ быть предусмотрѣны во время заключенія арендного договора.

Составители германскаго уложенія также не внесли въ свой проектъ разбираемаго принципа. На ихъ соображенія, однако, наша комиссія не ссылается; въ ея проектѣ, вообще, мало слѣдовъ пользованія мотивами къ проекту германскаго уложенія. Изъ этихъ послѣднихъ видно [1]), что комиссія германская руководилась: 1) сильнымъ развитіемъ сельскохозяйственнаго страхованія въ Германіи, 2) тѣмъ, что въ Германіи не одни растительные продукты являются

[1]) Motive zu dem Entwurfe, II, стр. 424.

задачей всякаго фермера: доходы его всегда пополняются продуктами скотоводства и промышленныхъ предпріятій на арендуемомъ участкѣ, въ родѣ кирпичныхъ заводовъ и т. п. [1]).

Нечего и говорить, что все это, вѣроятно, правильно для Германіи, но къ условіямъ нашей дѣйствительности не подходитъ. Такимъ образомъ, нельзя одобрить редакціонную комиссію, составляющую уложеніе для Россіи, за то, что она отказалась отъ принципа remissio mercedis, установленнаго въ Римѣ и удержаннаго французскими и швейцарскими законами. Никакихъ серьезныхъ основаній для этого комиссія не имѣла и рѣшеніе ея, односторонне покровительствующее интересамъ наймодавцевъ на счетъ интересовъ арендаторовъ, является несправедливымъ и невыгодно для обѣихъ сторонъ.

По образцу опять-таки римскаго права, современныя законодательства предоставляютъ хозяину земельнаго участка въ обезпеченіе его права на арендную плату закладное право на движимость, внесенную арендаторомъ на участокъ, или, по крайней мѣрѣ, право задержанія (jus retentionis) относительно этой движимости; обыкновенно это право хозяина распространяется и на плоды, снятые арендаторомъ съ земельнаго участка. Наилучшая законодательная разработка этого вопроса содержится въ ст. 559—563 и ст. 585 германскаго уложенія. Этимъ статьямъ слѣдуетъ отдать безусловное предпочтеніе передъ ст. 292—296 нашего проекта V кн., гдѣ, въ сущности, воспроизведены нормы германскаго уложенія, но съ большими сокращеніями и пропусками важныхъ постановленій. Напримѣръ, опущена оговорка ст. 560 герм. уложенія, согласно которой хозяинъ не можетъ протестовать противъ вывоза вещей нанимателемъ съ участка, если такой вывозъ соотвѣтствуетъ обычному промыслу нанимателя или обычнымъ условіямъ жизни. По нашему проекту выходитъ, что и въ этихъ случаяхъ наниматель обязанъ испрашивать согласіе хозяина на вывозъ напр. плодовъ, снятыхъ съ земли. Опять замѣчается тенденція комиссіи, выпустивъ эту оговорку изъ своего проекта, сузить права нанимателя и расширить права хозяина. Такое расширеніе правъ хозяина само по себѣ чрезмѣрно и ничѣмъ не можетъ быть оправдано; особенно же странно встрѣтиться съ нимъ въ проектѣ комиссіи, которая и безъ того позаботилась оградить интересы хозяина, обязавъ нанимателя, обратно съ всѣми западными законодательствами, вносить плату *впередъ*; при такихъ условіяхъ не только нѣтъ нужды

---

[1]) Цюрихское гражд. уложеніе въ ст. 1538 оговаривается, что remissio mercedis не имѣетъ мѣста, если «убытки подобнаго рода въ существенной части покрыты страхованіемъ».

расширять размѣры закладного права хозяина, сравнительно съ германскимъ уложеніемъ, но и самое существованіе этого закладного права теряетъ добрую долю своихъ законодательныхъ основаній. Дѣйствующее русское право такого закладного права совсѣмъ не знаетъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что арендная плата можетъ состоять и не въ деньгахъ. Такъ, возможно взять имѣніе въ аренду съ обязательствомъ вознаграждать хозяина за пользованіе землей извѣстной долей ($^1/_2$, $^1/_3$ и т. д.) получаемаго урожая; такой видъ найма извѣстенъ у насъ подъ именемъ найма исполу, половничества [1]). Выгода этого вида найма для арендатора состоитъ въ томъ, что платимое имъ вознагражденіе всегда соразмѣряется со степенью урожайности года, ибо составляетъ долю дѣйствительно собраннаго съ участка количества продуктовъ. Выгоды его для хозяина особенно обнаруживаются въ періодъ разстройства сельскаго хозяйства, когда трудно найти арендатора, располагающаго достаточнымъ капиталомъ и способнаго вносить арендную плату деньгами. «Die Theilpacht...... ist namentlich auf dem Gebiet der Landwirthschaft ein regelmässiges Auskunftmittel schlechter Zeiten», говоритъ Crome.

Неудобство же этого порядка сводится къ тому, что онъ заставляетъ хозяина зорко слѣдить за тѣмъ, какъ ведетъ арендаторъ свое хозяйство, и подвергаетъ послѣдняго весьма стѣснительному контролю, не дающему достаточнаго простора его самодѣятельности [2]). Нельзя отрицать, впрочемъ, и того, что, устанавливая весьма близкія отношенія между хозяиномъ и арендаторомъ, этотъ видъ аренды иногда способствуетъ тому, что уровень сельскохозяйственныхъ знаній арендатора и способы культуры земли, имъ употребляемые, поднимаются подъ вліяніемъ совѣтовъ и указаній болѣе интеллигентнаго, чѣмъ онъ, хозяина земли. Сверхъ того, хозяинъ при этомъ способѣ аренды, будучи непосредственно заинтересованъ въ результатахъ дѣятельности арендатора, скорѣе побуждается оказать послѣднему поддержку или облегчить условія аренды въ тяжелые для арендатора періоды.

Этотъ видъ аренды подъ именемъ métayage или colonat partiaire хорошо разработанъ во французскомъ законодательствѣ. Правда, code civil посвящалъ ему всего двѣ статьи (1763 и 1764); но 18 іюля 1889 г. изданъ былъ особый законъ относительно «Bail à colonat

---

1) См. правила о половникахъ Вологодской губ., въ особ. прил. къ т. IX по изд. 1902 г., IV, ст. 782—787 и къ этому *Побѣдоносцевъ*, т. III, стр. 392.

2) Нѣкоторые цивилисты даже считаютъ такой договоръ не за наемъ, а всегда за товарищество. См. *Crome*, die partiar. Rechtsgeschäfte, стр. 38 сл., стр. 54 сл. Ср. Австрійск. гражд. улож. § 1103.

partiaire», гдѣ этотъ видъ аренды регламентированъ подробно въ 13 статьяхъ [1]).

Редакціонной комиссіи этотъ законъ, повидимому, остался неизвѣстенъ; она ограничивается только упоминаніемъ о наймѣ исполу въ ст. 280 и въ ст. 307 п. 2, не подвергая его особой регламентаціи [2]), хотя на стр. 17 своихъ объясненій къ этой статьѣ указываетъ, что въ нашемъ гражданскомъ быту этотъ наемъ распространенъ (см. также «Замѣчанія о недостаткахъ дѣйств. гражд. законовъ», 1891 г., стр. 620).

Нашъ т. X, ч. 1 знаетъ еще такъ наз. «наемъ изъ выстройки», которому посвящены ст.ст. 1697 и 1706.

Редакціонная комиссія и этотъ видъ найма упоминаетъ въ ст. 280 своего проекта V книги.

Дальнѣйшей обязанностью арендатора является забота о сохранности арендованнаго имущества и пользованіе этимъ имуществомъ, такъ какъ долженъ имъ пользоваться хорошій хозяинъ (римскій bonus paterfamilias). Отсюда вытекаетъ, между прочимъ, обязанность арендатора не нарушать тѣхъ условій пользованія, которыя поставлены ему въ договорѣ, и употреблять нанятую вещь только согласно тому ея назначенію, съ которымъ она отдана ему въ наемъ.

Многія законодательства (швейц. ст. 303, герм. ст. 583, сводъ гражд. узак. прибалт. ст. 4093) содержатъ еще ту оговорку, что арендаторъ сельскаго имѣнія не въ правѣ безъ согласія хозяина производить такія измѣненія въ хозяйствѣ арендованнаго участка, которыя будутъ оказывать вліяніе на систему хозяйства и по окончаніи срока аренды [3]). Если въ нанятомъ имуществѣ обнаруживаются не-

---

[1]) См. объ этомъ законѣ *Baudry-Lacantinerie*, Precis de droit civil, т. II (1897 г.) §§ 961 сл. *Planiol* op. cit. т. II, §§ 1778 сл. Ср. *Cauwès*, Cours d'économie politique т. I, §§ 310—312. Есть спец. монографія: *Crome*, die partiarischen Rechtsgeschäfte 1897 г., стр. 37 сл.; хозяйственная оцѣнка отношенія тамъ же, стр. 58 сл.

[2]) Ср. швейц. законъ ст. 296. Главное различіе положенія половника отъ обыкновенной аренды сводится въ проектѣ къ тому, что половникъ лишенъ права отдавать арендованную землю въ поднаемъ, если это право прямо не предоставлено ему въ договорѣ. См. въ этомъ же смыслѣ Code civil ст. 1763, 1764, Австр. код. § 1098, Прусское Landrecht I, 21, § 313 сл. Герм. улож. не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи разницы съ обыкновенной арендой. *Crome*, partiar. Rechtsg., стр. 88 сл.

[3]) Такъ, напр., арендаторъ можетъ вмѣсто чистой хлѣбной или картофельной культуры ввести культуру рѣпы, вмѣсто двухкратнаго—трехкратный сѣнокосъ; но онъ не можетъ пользоваться полемъ, какъ глинищемъ (Lehmgrube) или, превративъ тощій лугъ въ хлѣбное поле, долженъ заблаговременно до окончанія аренды вновь обратить его въ лугъ. Постоянныя сооруженія, которыя находятся на участкѣ (зданія, канавы, дренажъ и т. п.), онъ вообще не долженъ существенно измѣнять. *Cosack*, Lehrbuch, т. I, стр. 470 сл. (изд. 1898 г.).

достатки или оказывается необходимость въ принятіи мѣръ для предотвращенія грозящей вещи непредвидѣнной опасности, то на арендатора возлагается обязанность немедленно увѣдомить объ этомъ хозяина; то же самое обязанъ онъ сдѣлать, если третье лицо заявляетъ какія-либо притязанія относительно нанятой вещи. Всѣ эти мысли изложены, не всегда въ удачной редакціи, и въ ст. ст. 297 300 нашего проекта V книги [1]).

За обыкновенное ухудшеніе имущества, происшедшее отъ правильнаго пользованія имъ въ теченіе найма, арендаторъ, конечно, не отвѣчаетъ (ст. 302 нашего проекта и цитир. тамъ статьи иностр. законодательствъ).

Послѣдней обязанностью нанимателя является обязанность его по окончаніи найма сдать наймодавцу нанятое имущество со всѣми его принадлежностями. Относительно инвентаря, переданнаго арендатору вмѣстѣ съ участкомъ, подробныя правила содержитъ германское уложеніе въ ст. 586 и сл. Самымъ обыкновеннымъ случаемъ является тотъ, когда инвентарь, какъ и самый участокъ, остается въ собственности наймодавца. Въ такомъ случаѣ на немъ лежитъ рискъ случайной гибели отдѣльныхъ предметовъ изъ инвентаря и онъ обязанъ во все время найма поддерживать инвентарь въ исправномъ состояніи, т.-е. восполнять случайно погибшіе предметы. Съ другой стороны, обычный ремонтъ инвентаря возлагается на арендатора; сверхъ того, послѣдній долженъ пополнять живой инвентарь изъ приплода по правиламъ хорошаго хозяйства. Иное положеніе наступаетъ, если инвентарь переданъ арендатору по особой оцѣнкѣ. Въ этомъ случаѣ на арендатора переходитъ рискъ гибели и ухудшенія инвентаря отъ несчастныхъ случаевъ. Онъ можетъ отчуждать отдѣльныя части инвентаря по правиламъ хорошаго хозяйства и даже потреблять ихъ, но обязанъ взамѣнъ пріобрѣтать новыя, которыя дѣлаются собственностью наймодавца. По окончаніи аренды дѣлается новая оцѣнка инвентаря, и разница, получившаяся въ пользу хозяина или арендатора, по сравненіи со старой оцѣнкой, подлежитъ соотвѣтственному возмѣщенію въ деньгахъ.

Наша редакціонная комиссія всѣ эти правила, занимающія въ германскомъ уложеніи 4 статьи, сократила въ одну статью, выпустивъ многое существенное, и при этомъ невѣрно поняла нѣкоторыя важныя постановленія своихъ западно-европейскихъ образцовъ. Такъ,

---

[1]) Что касается ст. 301, то она прямого отношенія къ договору найма не имѣетъ; вопросъ объ отвѣтственности за слугъ и домашнихъ долженъ быть рѣшенъ въ общей части обязат. права. См. герм. улож. § 278 и къ этому *Dernburg*, op. cit., т. II, § 68. См. также ст. 114 проекта V книги.

комиссія совсѣмъ не внесла въ свой проектъ правилъ о передачѣ инвентаря по оцѣнкѣ, ссылаясь на то, что такая форма передачи инвентаря мало извѣстна нашему промышленному и сельскому быту, а потому не представляется необходимости въ такихъ правилахъ [1]. Этотъ аргументъ, конечно, не убѣдителенъ; передача инвентаря по оцѣнкѣ во многихъ случаяхъ представляетъ удобства; поэтому игнорировать этотъ институтъ въ проектѣ закона, разсчитанаго на долговременное примѣненіе, не слѣдовало бы. Но въ ст. 303 проекта V кн. содержится предложеніе, еще слабѣе мотивированное. Допуская только передачу инвентаря безъ оцѣнки, комиссія тѣмъ не менѣе возлагаетъ на арендатора рискъ гибели инвентаря, заставляя его отвѣчать и за случайную гибель, если только она не произошла отъ дѣйствія непреодолимой силы. Изъ мотивовъ видно, что комиссія заимствовала это постановленіе изъ ст. 588 герм. улож. и ст. 4096 прибалт. узак. По справкѣ оказывается, что ст. 588 герм. улож. говоритъ о томъ случаѣ, когда инвентарь переданъ *по оцѣнкѣ* (см. § 587 улож.); эту систему, какъ уже сказано, наша комиссія отвергла; слѣдовательно, составители проекта примѣнили правило статьи 588 герм. улож. къ системѣ передачи инвентаря *безъ оцѣнки*, между тѣмъ какъ вся практическая разница этихъ системъ и сводится къ тому, кто несетъ рискъ случайной гибели инвентаря: арендаторъ (при оцѣнкѣ) или хозяинъ (при отсутствіи оцѣнки). Что же касается ст. 4096 прибалт. узак., то тамъ говорится о переходѣ риска на арендатора лишь при наличности особаго о томъ соглашенія сторонъ («если арендаторъ *обязался*, по окончаніи аренды, *сполна* возвратить всѣ полученные имъ инвентарные предметы»). Такимъ образомъ, правила, вводимаго комиссіей, въ другихъ законодательствахъ нѣтъ и, создавая его, комиссія проявила ту же самую одностороннюю заботливость объ интересахъ хозяина на счетъ интересовъ арендатора, о которой мы уже не разъ говорили.

Западныя законодательства возлагаютъ на арендатора сельскаго имѣнія при сдачѣ его хозяину обязанность оставлять послѣднему извѣстную часть наличныхъ запасовъ сѣна, соломы, сѣмянъ для удобренія, потребную для продолженія хозяйства въ имѣніи. Эти правила содержатся въ ст. 591—593 германскаго уложенія. Въ болѣе краткой формѣ говорятъ объ этомъ ст. 1778 фран. кодекса и ст. 319 швейц. закона.

Наша комиссія въ ст. 304 своего проекта воспроизводитъ эту болѣе краткую редакцію.

---

[1]) Проектъ V кн. т. II стр. 65.

Если арендаторъ не отдаетъ обратно арендованнаго участка по истеченіи срока найма, то хозяинъ, согласно ст. 597 герм. улож., можетъ потребовать, въ качествѣ возмѣщенія убытковъ, условленной арендной платы въ такой пропорціи, въ какой выгоды, которыя арендаторъ могъ бы извлечь за истекшее время, стоятъ къ доходамъ всего года; сверхъ того, допускается возмѣщеніе и дальнѣйшихъ убытковъ, если таковые будутъ доказаны. Наша редакціонная комиссія это вполнѣ цѣлесообразное правило отвергаетъ на томъ основаніи, «что это постановленіе представляется довольно сложнымъ; намъ нужно (почему?) болѣе простое правило». Въ виду этого аргумента, комиссія въ ст. 305 своего проекта устанавливаетъ, что наймодавецъ требуетъ опредѣленной въ договорѣ платы за все время удержанія имущества и возмѣщенія иныхъ убытковъ. Это правило, установленное въ ст. 557 герм. улож. для всѣхъ видовъ найма имуществъ, кромѣ аренды, можетъ быть, и болѣе просто, но именно характеру сельскохозяйственной аренды соотвѣтствуетъ гораздо меньше.

Остается сказать еще о правѣ арендатора сдавать нанятое имъ имущество въ поднаемъ (цѣликомъ или частями) другимъ лицамъ или же уступать имъ свои права изъ найма. Разница между этими случаями состоитъ въ томъ, что при поднаймѣ (sublocatio) арендаторъ продолжаетъ самъ считаться состоящимъ въ договорѣ найма съ хозяиномъ, такъ какъ между арендаторомъ и поднанимателемъ возникаетъ новое обязательственное отношеніе, которое хозяина имущества непосредственно не касается. При уступкѣ же правъ изъ аренды, арендаторъ совсѣмъ выходитъ изъ договора и на его мѣсто становится тотъ, кому уступлены права—цессіонарій.

Германское уложеніе въ ст. 549 дозволяетъ арендатору производить и поднаемъ, и уступку правъ не иначе, какъ съ согласія хозяина, а въ ст. 596 даже лишаетъ арендатора сельскохозяйственнаго участка права жаловаться на отказъ хозяина въ такомъ разрѣшеніи и досрочно прекращать изъ-за такого отказа самую аренду. То же самое постановляетъ швейц. законъ въ ст. 306. Это — вполнѣ естественное правило, такъ какъ для хозяина имущества имѣетъ огромное значеніе самая личность арендатора и не можетъ быть безразлична ея замѣна другимъ лицомъ; поэтому въ жизни и принято говорить о хорошемъ или дурномъ арендаторѣ и т. п.

Тѣмъ не менѣе наша редакціонная комиссія лишь уступку права арендаторомъ въ ст. 309 своего проекта ставитъ въ зависимость отъ согласія хозяина; поднаемъ же разрѣшаетъ и безъ его согласія въ ст. 307, если только онъ прямо не воспрещенъ въ договорѣ. Это по-

становленіе проекта также возбуждаетъ сомнѣнія: поднаемъ является средствомъ особаго промысла, состоящаго въ томъ, что лицо арендуетъ большой участокъ сразу и затѣмъ, не приступая къ его обработкѣ своими средствами, раздаетъ его мелкими участками поднанимателямъ. Для землевладѣльцевъ такая операція при извѣстныхъ условіяхъ бываетъ выгодна, такъ какъ имъ удобнѣе имѣть дѣло съ однимъ крупнымъ арендаторомъ, нежели съ массою мелкихъ, и, сверхъ того, они получаютъ въ лицѣ крупнаго арендатора лишняго поручителя за исправность мелкихъ. Но для крестьянъ этотъ промыселъ прямо вреденъ; онъ создаетъ лишняго посредника между ними и землевладѣльцами и ухудшаетъ условія крестьянскаго найма, ибо крупный съемщикъ беретъ и для себя извѣстный процентъ за свое посредничество. Поэтому слѣдуетъ не облегчать возможность поднайма, какъ это дѣлаетъ комиссія, а, напротивъ, подумать объ изысканіи средствъ для сокращенія этого промысла.

VI.

Прекращеніе аренднаго договора.

Остается обратиться къ послѣднему вопросу, а именно: о *прекращеніи договора аренды*.

Выше уже было указано, что договоръ аренды прекращается съ истеченіемъ срока, на который онъ былъ заключенъ, и приведены были правила, которыя въ западныхъ законодательствахъ установлены на случай, если этотъ срокъ въ договорѣ не опредѣленъ; указано было также значеніе молчаливаго продолженія аренды по истеченіи срока (relocatio tacita). На этихъ вопросахъ поэтому теперь останавливаться не приходится.

Остальныя основанія прекращенія аренды сводятся къ слѣдующему:

1) Договоръ прекращается вслѣдствіе *гибели* вещи; если эта гибель послѣдовала по винѣ стороны, то она можетъ повести къ обязанности возмѣстить убытки; если же она является результатомъ несчастнаго случая, то ведетъ только къ прекращенію договора до срока [1]).

Такимъ образомъ, рискъ случайной гибели вещи лежитъ на наймодавцѣ: онъ не можетъ требовать дальнѣйшаго взноса арендной платы.

Въ проектѣ V кн. по ст. 313 въ случаѣ гибели не всей вещи, а

---

[1]) Французская судебная практика разсматриваетъ, между прочимъ, какъ погибшую вещь и виноградникъ, разрушенный филоксерой. См. *Planiol*, op. cit., § 1735.

ея части, наниматель можетъ требовать, смотря по обстоятельствамъ, или прекращенія найма, или сбавки наемной платы.

Подобно гибели вещи дѣйствуетъ на наемъ и *экспропріація* вещи на общественныя нужды. Наши законы объ экспропріаціи ничего не говорятъ объ обязанности предпринимателя, въ интересахъ котораго совершается экспропріація, выдавать вознагражденіе не только землевладѣльцу, но и арендатору. Редакціонная комиссія не взяла на себя задачи пересмотрѣть законы объ экспропріаціи [1]). Между тѣмъ, малоимущій арендаторъ можетъ подчасъ гораздо болѣе пострадать отъ экспропріаціи, нежели болѣе обезпеченный землевладѣлецъ. Прусскій законъ объ экспропріаціи отъ 11 іюля 1874 г. въ § 11 обязываетъ предпринимателя особо вознаграждать арендаторовъ отчужденныхъ принудительно земель (см. также §§ 24 исл., особ. § 29); также французскій законъ 3 мая 1841 г. art. 21 и 39.

2) Иногда законъ даетъ право сторонамъ *одностороннe прекратить договоръ* найма имуществъ *до истеченія* установленнаго въ договорѣ *срока* съ условіемъ лишь, чтобы объ этомъ было сдѣлано *предупрежденіе въ установленный закономъ срокъ*. Особенно хорошо разработанъ этотъ вопросъ въ германскомъ уложеніи; при расторженіи сельской аренды такое предупрежденіе, согласно ст. 595 Abs. 2, должно быть сдѣлано за $^1/_2$ года до конца арендная года. Допускается же такой досрочный отказъ съ предупрежденіемъ въ слѣдующихъ случаяхъ: a) Если договоръ заключенъ на срокъ свыше 30 лѣтъ, по истеченіи 30 лѣтъ аренды; объ этомъ уже сказано было выше, при изложеніи постановленій законодательствъ о максимальномъ срокѣ договоровъ имущественнаго найма. b) Въ случаѣ смерти арендатора его наслѣдники получаютъ право расторгнуть договоръ (§ 569, § 596 Abs. 2). Французское право такого постановленія не знаетъ, о чемъ жалѣютъ французскіе цивилисты [2]). c) Въ случаѣ открытія конкурса надъ арендаторомъ различается, было ли имущество уже предоставлено въ пользованіе арендатора или нѣтъ; въ первомъ случаѣ и хозяинъ, и конкурсное управленіе имѣютъ право на одностороннее расторженіе договора съ предварительнымъ предупрежденіемъ; во второмъ случаѣ хозяинъ имѣетъ право прямо отказаться отъ договора, о чемъ и обязанъ немедленно сообщить по требованію конкурснаго управленія подъ страхомъ потери права на отказъ отъ договора (Konkurs-Ordnung, §§ 19, 20, 26). d) Если конкурсъ открытъ надъ хозяиномъ, то, въ случаѣ отчужденія, вслѣдствіе конкурса, отданнаго въ аренду и переданнаго въ пользованіе арендатора участка, пріобрѣтатель можетъ

---

[1]) Проектъ III книги, т. I, стр. 145.

[2]) *Planiol*, op. cit., § 1744.

односторонне прекратить аренду съ предупрежденіемъ арендатора въ установленный ст. 595 Abs. 2 гражд. улож. срокъ [1]).

Проектъ книги V считаетъ договоръ найма, заключенный на срокъ свыше 36 лѣтъ, недѣйствительнымъ по истеченіи этого періода времени. Смерть нанимателя по ст. 314 проекта даетъ право его наслѣдникамъ на досрочное прекращеніе договора по предупрежденіи хозяина. Несостоятельность наймодавца, по ст. 316, не прекращаетъ договора найма; въ случаѣ же несостоятельности нанимателя, наймодавецъ можетъ требовать прекращенія договора найма, развѣ бы наймодавцу было дано обезпеченіе въ исправномъ взносѣ наемныхъ денегъ въ теченіе срока найма. Наконецъ, по ст. 325, публичная продажа и отчужденіе имѣнія даютъ право пріобрѣтателю прекратить договоръ найма, простирающійся на срокъ далѣе трехъ лѣтъ со дня внесенія пріобрѣтателя въ вотчинную книгу, съ наступленіемъ въ третьемъ году числа, соотвѣтствующаго числу, назначенному въ договорѣ для окончанія его дѣйствія; объ этомъ должно быть сдѣлано предупрежденіе въ особо указанные сроки. По ст. 323—322 проекта вообще всякій новый пріобрѣтатель имѣнія можетъ расторгнуть договоръ найма съ предупрежденіемъ, если только договоръ этотъ не облеченъ въ форму вотчинной записи.

3) Есть случаи, въ которыхъ каждая сторона можетъ *расторгнуть* договоръ найма *до истеченія его срока безъ всякаго предварительнаго предупрежденія*. Это бываетъ, главнымъ образомъ, при неисправности одной изъ сторонъ. А именно, согласно ст. 542 герм. улож., наниматель можетъ отказаться онъ найма, если хозяинъ своевременно не предоставляетъ ему вещи въ пользованіе или лишаетъ его пользованія вполнѣ или отчасти, вопреки договору [2]); по ст. 544 наниматель получаетъ это право, если отданное ему для жилья помѣщеніе страдаетъ такими недостатками, что пребываніе въ немъ сопряжено съ значительною опасностью для здоровья. Хозяинъ можетъ отказать нанимателю по ст. 553, если наниматель или лицо, которому наниматель предоставилъ пользованіе вещью, пользуется ею несогласно договору, несмотря на замѣчанія хозяина, и тѣмъ существенно нарушаетъ права хозяина, или если наниматель своимъ небрежнымъ отношеніемъ къ вещи угрожаетъ нанести ей существенную порчу; по ст. 554 хозяинъ можетъ отказать арендатору безъ предупрежденія, если

---

1) См. *Crome*, op. cit., § 243, III.

2) Эти правила примѣняются и въ томъ случаѣ, если пользованіе вещью стѣснено или стало невозможно, благодаря недостаткамъ, открывшимся въ вещи, или праву на вещь, обнаружившемуся за третьимъ лицомъ. *Cosack*, т. I, стр. 461. *Crome*, Lehrb., т. II, § 236.

послѣдній не вноситъ плату или часть платы въ теченіе двухъ сроковъ подъ рядъ.

Эти правила воспроизведены въ проектѣ V книги ст. 317 и 318. Здѣсь добавлено еще, что хозяинъ можетъ выселить нанимателя, когда отданное въ наемъ имущество потребуетъ производства безотлагательныхъ работъ, исключающихъ возможность дальнѣйшаго пользованія имуществомъ. Здѣсь проектъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, прусскому Landrecht 1, 21 §§ 363—365, австрійскому уложенію §§ 1118, 1119, баварскому проекту ст. 441 и 442 и т. д. [1]). Но наша комиссія, повидимому упустила изъ виду тѣ мотивы, которые заставили составителей германскаго уложенія не вносить этого правила въ свой проектъ. А между тѣмъ, мотивы эти заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Вотъ что пишутъ по этому поводу редакторы германскаго уложенія [2]). «Центръ тяжести такого предписанія заключается въ томъ, что наниматель лишается права требовать, по окончаніи ремонта, предоставленія ему вновь пользованія вещью до истеченія остающагося еще срока найма. Ущербъ отъ этого иногда можетъ быть весьма значительный, напр., въ томъ случаѣ, если наниматель снялъ торговое помѣщеніе на продолжительный срокъ, затѣмъ оно пострадало отъ пожара, и наниматель на короткое время ремонта принужденъ былъ выселиться, а теперь хозяинъ, пользуясь поднятіемъ наемныхъ цѣнъ, не соглашается вновь предоставить лавку, приведенную ремонтомъ въ прежній видъ, иначе какъ за повышенную цѣну. Такіе и подобные случаи встрѣчаются гораздо чаще, нежели тѣ, въ которыхъ сдѣлавшійся необходимымъ ремонтъ значительно возвышаетъ потребительную стоимость вещи и потому дѣлаетъ справедливымъ возвышеніе наемной платы или право хозяина отступиться отъ договора. Перваго рода случаи заслуживаютъ преимущественнаго вниманія еще и потому, что въ случаяхъ второго рода соглашеніе между хозяиномъ и нанимателемъ обыкновенно не наткнется на особыя затрудненія. На этихъ основаніяхъ проектъ въ подобныхъ случаяхъ не признаетъ за хозяиномъ права на отказъ отъ договора. На той же почвѣ стоитъ французское право и швейцарскій законъ, хотя послѣдній въ ст. 292 [3]) содержитъ общее постановленіе, что каждая сторона по важнымъ причинамъ, дѣлающимъ для нея невозможнымъ продолженіе договора, можетъ его расторгнуть, предупредивъ объ этомъ въ установленный срокъ и предоставивъ другой сторонѣ полное возмѣщеніе убытковъ».

---

[1]) Проектъ V кн., т. II, стр. 94.

[2]) Motive zu dem Entwurfe, т. II, стр. 418.

[3]) См. примѣнительно къ сельской арендѣ (bail à ferme) ст. 310 швейц. закона.

VII.

Диспозитивный характеръ большинства нормъ, касающихся аренды.

Въ заключенiе нужно замѣтить, что большинство вышеизложенныхъ нормъ права о договорѣ земельной аренды носитъ характеръ не принудительныхъ, а диспозитивныхъ нормъ, т.-е. могутъ быть измѣняемы въ договорахъ сторонъ. Принудительною силой снабжены лишь немногiя нормы, какъ-то: предписанiя о формѣ договора, о максимальномъ допустимомъ срокѣ; въ германскомъ уложенiи принудительный характеръ носятъ статьи 540, 541 и 544, которыя вмѣняютъ хозяину въ обязанность отвѣчать за пороки отданнаго въ наемъ имущества или за недостатокъ своихъ правъ на имущество и даютъ нанимателю право отказаться отъ нездороваго жилища; эти статьи принудительны въ томъ смыслѣ, что соглашенiя сторонъ, несогласныя съ ними, не имѣютъ силы [1]). Конечно, законодатель, который не полагается достаточно на осмотрительность частныхъ лицъ и ихъ способность позаботиться о своихъ интересахъ въ договорахъ, ими заключаемыхъ, или который опасается, что экономическiя условiя дадутъ возможность при заключенiи арендныхъ договоровъ одной сторонѣ недобросовѣстно эксплоатировать другую, можетъ придать принудительный характеръ и большему числу нормъ. Одностороннее увлеченiе въ эту сторону, впрочемъ, также можетъ быть опасно для развитiя гражданскаго оборота, ибо можетъ поставить его въ шаблонныя границы абстрактныхъ нормъ, которыя иногда окажутся неподходящими для данной мѣстности, момента, конкретнаго случая, и излишне свяжутъ самодѣятельность и самоопредѣленiе участниковъ оборота. Диспозитивность нормъ вообще болѣе соотвѣтствуетъ характеру современнаго гражданскаго права, нежели ихъ принудительность; эти нормы призваны, другими словами, не столько направлять волю частныхъ лицъ, сколько восполнять пробѣлы въ ея изъявленiи, гдѣ таковые окажутся. Для нашей судебной практики съ ея наклонностью къ формализму, можетъ быть, не лишнее было бы въ самомъ законѣ объ арендѣ отмѣтить, какiя статьи его имѣютъ характеръ нормъ принудительныхъ и какiя—диспозитивныхъ [2]).

В. Хвостовъ.

---

[1]) См. *Dernburg*, op. cit., § 216, 1; § 220, IV, 2; § 221, 1, 8; § 222, IV; § 226, VI; *Crome*, op. cit., § 234, 6.

[2]) Въ этомъ смыслѣ высказываются, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые судебные дѣятели въ „Замѣчанiяхъ о недостаткахъ дѣйств. гражд. законовъ" (1891 г.), изданныхъ Ред. Комиссiей; см., напр., стр. 625 (№ 930).

Сдача и съемъ надѣльныхъ земель.

Значительная часть крестьянскаго населенія стремится къ расширенію площади своего землепользованія при помощи арендъ. Это расширеніе происходитъ двумя путями: арендой частно-владѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель или съемомъ земель надѣльныхъ у лицъ своего сословія. Въ первомъ случаѣ землепользованіе крестьянской массы, взятой въ цѣломъ, увеличивается, а во второмъ происходитъ только перераспредѣленіе земельнаго фонда, принадлежащаго этому сословію, при чемъ одна часть снимаетъ, т.-е. увеличиваетъ свое землепользованіе, а другая сдаетъ, т.-е. отказывается отъ всей или части своей земли. Если съемъ надѣльной земли является признакомъ нѣкотораго благосостоянія съемщиковъ, то сдача ея служитъ большею частью показателемъ полнаго упадка или сильной неустойчивости хозяйства сдающихъ. Наиболѣе слабыя въ экономическомъ отношеніи группы уступаютъ мѣсто болѣе сильнымъ, оставляютъ земледѣліе и ищутъ иного занятія.

Свѣдѣній о размѣрахъ сдачи крестьянами своихъ надѣловъ по всей Россіи, за исключеніемъ данныхъ, собранныхъ черезъ волостныя правленія въ 1901 г. Комиссіей по вопросу объ оскудѣніи центра, нѣтъ. Насколько эти свѣдѣнія не полны, видно изъ того, что по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій сдается ежегодно около 1.564 тыс. дес. въ Европейской Россіи; по земскимъ же даннымъ только въ 124 уѣздахъ насчитывается 933 тыс. сдаваемой надѣльной земли. Въ 134 уѣздахъ, по которымъ у насъ имѣются земскія данныя, насчитывается 385 тыс. дворовъ, сдающихъ свою надѣльную землю. Число уѣздовъ, въ которыхъ процентъ сдающихъ дворовъ къ общему количеству наличныхъ составляетъ: до 5%—18 (13,4%), отъ 5 до 10%—50 (37,4%), отъ 10 до 15%—32 (23,9%), отъ 15 до 20%—18 (13,4%), отъ 20 до 30%—10 (7,5%) и свыше 30%—6 (4,4%). Число же уѣздовъ, въ которыхъ процентъ сдаваемой земли къ общему количеству собственной надѣльной и купленной по 98 уѣздамъ составляетъ: до 5%—35

уѣздовъ (35,7%), отъ 5 до 10%—38 (38,8%), отъ 10 до 15%—18 (18,3%) и свыше 15%—7 (7,2%). Что касается съемщиковъ, то число ихъ очень велико и значительно превышаетъ число сдатчиковъ, что, конечно, указываетъ на очень мелкій характеръ арендъ. По 60 уѣздамъ, о которыхъ имѣются данныя, насчитывается 286 тыс. дворовъ съемщиковъ, тогда какъ въ 134 уѣздахъ, какъ сказано выше, всего 385 тыс. дворовъ сдатчиковъ [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ надѣльная аренда, по числу арендующихъ дворовъ, превышаетъ внѣнадѣльную; такое превышеніе наблюдалось въ 15 уѣздахъ изъ 55, по которымъ есть соотвѣтствующія данныя.

I.

Сдача надѣльныхъ земель крестьянами производится главнымъ образомъ единолично; случаи коллективнаго съема—товарищескаго и общественнаго—встрѣчаются крайне рѣдко. То же можно сказать и о сдачѣ всей надѣльной земли общиной; наоборотъ, сдача части этой земли или отдѣльныхъ душевыхъ паевъ встрѣчается сравнительно чаще. Главными обстоятельствами, обусловливающими сдачу земли общинами, являются или промысловый характеръ населенія, или неудобное расположеніе надѣльныхъ земель. Въ одной изъ волостей Саратовской губерніи община изъ 2.798 домохозяевъ сдаетъ всю надѣльную землю, такъ какъ только 1 домохозяинъ занимается земледѣліемъ. Въ томъ же уѣздѣ разбросанность надѣльной земли мелкими участками и отдаленность ея отъ поселка крайне затрудняютъ уравнительное душевое пользованіе ими; никто не соглашается взять весь душевой пай въ отдаленномъ участкѣ, и распредѣленіе его между всѣми домохозяевами дѣлаетъ душевыя доли настолько дробными, что обработка ихъ не окупаетъ затратъ на переѣзды, и міръ вынужденъ бываетъ сдавать участокъ въ аренду [2]). Небольшое сравнительно число случаевъ сдачи такихъ отдаленныхъ отъ селеній участковъ съ общимъ ихъ числомъ объясняется тѣмъ, что многія общины, вслѣдствіе затруднительныхъ условій аренды внѣнадѣльной земли, продолжаютъ дѣлить эти участки по душамъ, несмотря на неудобство пользованія ими; въ этихъ случаяхъ неудобство отчасти сглаживается добровольнымъ обмѣномъ между хозяевами доставшихся имъ послѣ раздѣла долей

[1]) Сводъ стат. матер., касающихся экон. положенія сельскаго населенія. Изд. канцеляріи комитета министровъ.

[2]) Сборникъ стат. свѣдѣн. по Сарат. губ. Т. III. 1884 г. См. также общій сводъ данныхъ хоз. стат. изслѣд. Казанской губ. 1896 г.; Сводъ данныхъ объ экон. полож. крестьянъ Рязанской губ. 1892 г.; Сборникъ стат. свѣд. по Лужск. и Петерб. уѣзд.; Сводн. сборникъ стат. свѣд. по Тверской губ. Вып. I 1897 г.

пашни; затѣмъ въ другихъ общинахъ и безъ участія міра, безъ офиціальнаго мірского приговора, душевые загоны отдаленнаго участка стягиваются въ руки двухъ-трехъ домохозяевъ, и фактически сдача этой части надѣла существуетъ; наконецъ, въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ неудобство разбросанности надѣла устраняется тѣмъ, что часть членовъ общины выселяется на отдаленный участокъ, образуя новый поселокъ. Затрудненіе является у крестьянъ и въ пользованіи такъ называемыми «обрѣзками» или остатками отъ дѣлежа надѣльной земли. При самомъ точномъ измѣреніи земли шестами, веревками, лаптями и т. п. несовершенными инструментами всегда остается клочокъ земли въ какихъ-нибудь 5 дес., не поддающійся дѣлежу, такъ какъ вышли бы слишкомъ мелкія душевыя доли. Эти-то обрѣзки и идутъ обыкновенно въ сдачу цѣликомъ или по частямъ. Тѣ общины, въ которыхъ существуетъ неблагопріятное для крестьянъ соотношеніе между доходностью надѣла и платежами, на немъ лежащими, устанавливаютъ извѣстные пріемы распредѣленія надѣльной земли, въ основѣ которыхъ лежитъ стремленіе облегчить общую податную тягость путемъ равномѣрнаго распредѣленія ея между всѣми. Напр., въ дер. Ильиновкѣ, Курдюмской вол., Саратовскаго у., примѣняется своеобразный пріемъ, который можно разсматривать какъ отчужденіе части надѣльной земли за предѣлы общины. Въ этой деревнѣ проживаетъ нѣсколько домохозяевъ, не приписанныхъ къ обществу,—«странныхъ», по выраженію крестьянъ. Такъ какъ всякій «странній», имѣющій хозяйство въ данной общинѣ, всегда находится въ нѣкоторой зависимости отъ нея, напр., въ отношеніи пастбища, то указанная община и воспользовалась ихъ зависимымъ положеніемъ, чтобы «наложить» на нихъ 16 душъ на равныхъ основаніяхъ съ дѣйствительными членами общины. Привлеченіемъ новыхъ плательщиковъ она облегчила свое податное бремя, но въ то же время лишилась одной седьмой части всего надѣла. Нерѣдко сдача надѣльной земли обусловливается причинами случайнаго характера: необходимостью заплатить долгъ за аренду внѣнадѣльной земли или проценты на занятую сумму денегъ и т. п. Изъ общественныхъ нуждъ, на удовлетвореніе которыхъ поступаютъ въ аренду общественныя земли, останавливаютъ на себѣ вниманіе: уплата недоимокъ, пени, веденіе тяжбы, отдача денегъ на церковь и колоколъ, на пожарную трубу и проч., при чемъ въ такихъ случаяхъ крестьяне лишаютъ себя иногда даже необходимыхъ угодій.

При единоличной сдачѣ надѣльной земли слѣдуетъ различать сдачу цѣлыми надѣлами или душами и частями или полосами. Различіе между двумя этими видами сдачи очень важно, хотя оно и является чисто

количественнымъ. Сдача земли цѣликомъ означаетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ (если исключить случаи веденія хозяйства на купчей или арендованной землѣ) отказъ отъ веденія собственнаго земледѣльческаго хозяйства и переходъ къ работѣ въ другомъ предпріятіи. Сдача же части надѣльной земли не имѣетъ такого опредѣленнаго характера; для каждаго отдѣльнаго хозяйства она представляетъ собою явленіе, допускающее разнообразную эволюцію. Если сдача земли цѣликомъ свидѣтельствуетъ о полномъ прекращеніи земледѣльческаго хозяйства, то сдача части надѣла указываетъ только на большую или меньшую неустойчивость этого хозяйства. Первый видъ сдачи распространенъ гораздо менѣе, чѣмъ второй.

Напр. въ 5 уѣздахъ Вятской губерніи, гдѣ вообще сильно развита надѣльная аренда, изъ общаго числа сдающихъ сдаютъ цѣликомъ отъ 1,9 до 13,9%, частью же—отъ 86,1 до 98,1. Процентное отношеніе дворовъ, сдающихъ часть надѣльной земли, колеблется въ этихъ уѣздахъ отъ 11,7 до 24,8% всего числа приписныхъ дворовъ [1]).

Въ Орловскомъ уѣздѣ, Орловской губ., процентъ домохозяевъ, сдающихъ весь надѣлъ, къ наличнымъ опредѣляется въ 13,3, а сдающихъ часть надѣльной земли—22,8 [2]).

Въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губ., сдающіе весь надѣлъ составляютъ 7,2%, а сдающіе часть—14,9% общаго числа надѣльныхъ дворовъ [3]).

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ надѣлы сдаются своимъ же сосѣдямъ, односельчанамъ.

Въ Гдовскомъ у., напримѣръ, только около 9% всѣхъ сдаваемыхъ надѣловъ сдаются на сторону въ сосѣднія деревни или совершенно пришлымъ людямъ—лифляндцамъ; остальные же поступаютъ въ пользованіе своихъ односельчанъ.

Въ Лужскомъ у. 206 надѣловъ, или почти 12%, сдаются на сторону крестьянамъ другихъ поземельныхъ общинъ одного и того же селенія или въ сосѣднія деревни, а нерѣдко совершенно постороннимъ лицамъ.

Въ Новоладожскомъ уѣздѣ число домохозяевъ, арендующихъ надѣльную землю въ своемъ обществѣ, въ три съ половиною раза больше числа домохозяевъ, снимающихъ надѣлы въ чужихъ обществахъ. По количеству снимаемыхъ надѣловъ аренда въ своемъ обществѣ превышаетъ аренду въ чужомъ въ 7 слишкомъ разъ; но зато при арендѣ въ чужомъ обществѣ снимается большее число надѣльныхъ полосъ

1) Матеріалы по стат. Вятск. губ.

2) Сборникъ стат. свѣд. по Орловск. у., 1895 г.

3) Стат. опис. Калужск. губ., Козельскій у., 1898 г.

и участковъ. При арендѣ въ своемъ обществѣ чаще встрѣчается аренда полныхъ надѣловъ, нежели аренда полосъ или десятинъ; арендующихъ полными надѣлами насчитывается 378, арендующихъ полосы и десятины—242. Въ чужихъ обществахъ, напротивъ, чаще арендуютъ полосы и десятины: такихъ съемщиковъ насчитывается 118, тогда какъ полные надѣлы арендуетъ всего 48 домохозяевъ.

Въ Тульской губ. 26.391 дес. сдаются односельчанамъ и 2.640—сосѣднимъ крестьянамъ.

Въ Смоленской губ. сдается надѣльная земля въ громадномъ большинствѣ случаевъ своимъ однообщественникамъ: только 4,5% всѣхъ показаній (14 изъ 285) говорятъ, что надѣлы сдаются лицамъ не изъ своей деревни [1]).

Въ Орловской губ. 72.221 дес. надѣльной земли, или 87,2%, сдается односельчанамъ, а 10.560 дес., или 12,6%, сосѣднимъ крестьянамъ.

Въ Вятской губ. число арендующихъ землю въ своихъ и чужихъ общинахъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

УѢЗДЫ:	Число дворовъ, берущихъ землю въ чужихъ общинахъ.	% отношеніе къ числу приписн. дворовъ.
1. Глазовскій	4.482	9,2
2. Слободскій	3.503	11,8
3. Сарапульскій	6.139	12,1
4. Яранскій	10.532	17,4
5. Котельническій	9.964	24,0
По 5 уѣздамъ	34.620	15,0

УѢЗДЫ:	Число дворовъ, берущихъ землю въ своихъ общинахъ.	% отношеніе къ числу приписн. дворовъ.
1. Слободскій	1.802	6,1
2. Глазовскій	4.466	9,2
3. Котельническій	4.113	9,9
4. Сарапульскій	7.849	15,5
5. Яранскій	10.628	17,5
По 5 уѣздамъ	28.858	12,5

Число арендующихъ надѣльную землю въ своемъ обществѣ нѣсколько меньше, чѣмъ въ чужомъ. Болѣе развиты арендныя отношенія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ южныхъ уѣздахъ, чѣмъ въ сѣверныхъ. Эти же уѣзды отличаются сравнительно большимъ развитіемъ и внѣнадѣльной аренды.

1) Сельскохозяйствен. обзоръ Смоленской губ. 1900 г.

2.

Главнѣйшей причиной сдачи надѣльныхъ земель служитъ недостаточный ихъ размѣръ, не позволяющій крестьянамъ вести самостоятельнаго хозяйства, при отсутствіи возможности пополнить недостатокъ собственной земли при помощи внѣнадѣльной аренды. Крестьяне, наименѣе обезпеченные надѣльной землей, при подобныхъ условіяхъ, даютъ наибольшій % сдающихъ дворовъ.

Группируя, напр., волости по 5 уѣздамъ Вятской губ. по количеству безземельныхъ и малоземельныхъ дворовъ и сопоставляя съ числомъ сдающихъ и арендующихъ дворовъ, получимъ слѣдующую табличку [1]):

Разрядъ.	% дворовъ безземельныхъ и малоземельныхъ.	% сдающихъ дворовъ.	% дворовъ, арендующихъ надѣльную землю въ своей общинѣ.	% дворовъ, арендующихъ надѣльную землю въ чуж. общинѣ.
I.	5,6	10,0	9,2	10,1
II.	11,5	11,4	8,0	13,0
III.	17,0	16,3	10,3	13,8
Ср.	25,8	16,9	14,1	18,4
IV.	43,0	17,3	12,6	14,8
V.	65,7	21,7	18,7	14,3
VI.	83,9	15,0	13,0	15,5

Такимъ образомъ съ ростомъ малоземелья происходитъ перераспредѣленіе надѣльной земли между дворами: растетъ число сдающихъ свою землю вообще и сдающихъ ее цѣликомъ въ особенности.

Съ повышеніемъ % безземельныхъ и малоземельныхъ дворовъ не только большее число дворовъ сдаетъ всю свою землю, но и изъ каждой сотни дворовъ, вообще сдающихъ землю, большее число сдаетъ ее цѣликомъ. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Разрядъ.	% дворовъ, сдающихъ всю землю.	Изъ 100 сдающихъ землю дворовъ сдаютъ ее цѣликомъ.
I	0,2	1,3
II	0,3	2,2
III	0,5	2,8
Ср.	1,0	4,2
IV	2,3	9,7
V	4,6	19,4
VI	3,0	16,3

[1]) Матер. по статист. Вятск. губ. Т. XII, 1901 г.

Съ ростомъ числа дворовъ, сдающихъ землю, растетъ и площадь сдаваемой земли по отношенію къ надѣльной. Что касается среднихъ размѣровъ сдаваемыхъ участковъ, то въ общемъ замѣчается увеличеніе ихъ съ ростомъ % безземельныхъ и малоземельныхъ дворовъ.

Разрядъ.	% дворовъ безземельныхъ и малоземельныхъ.	Сдано въ % къ надѣльн.	Сдано десят. на 1 сдающій дворъ.
I.	5,6	0,7	1,8
II.	11,5	1,0	1,9
III.	17,0	1,5	2,1
Ср.	25,8	2,8	1,8
IV.	43,0	3,5	2,7
V.	65,7	6,2	2,6
VI.	83,9	4,1	1,7

Причины этого роста вполнѣ понятны. Мы видѣли, что съ увеличеніемъ числа безземельныхъ и малоземельныхъ растетъ и число дворовъ, сдающихъ всю свою надѣльную землю цѣликомъ, и растетъ притомъ не только по отношенію ко всему числу дворовъ, но и къ числу дворовъ, вообще сдающихъ землю. Очевидно, что чѣмъ больше дворовъ изъ числа сдающихъ свою надѣльную землю сдаютъ ее цѣликомъ, тѣмъ крупнѣе должны быть въ среднемъ размѣры сдаваемаго участка. Правильности же повышенія по разрядамъ препятствуетъ то обстоятельство, что съ ростомъ числа безъ-и малоземельныхъ уменьшаются средніе размѣры надѣла тѣхъ дворовъ, которые сдаютъ свою землю цѣликомъ.

Относительное значеніе сдачи надѣльной земли въ различныхъ земельныхъ группахъ крестьянъ Орловскаго уѣзда видно изъ слѣдующей таблицы:

На 1 дворъ десятинъ удобной земли.	Изъ 100 наличн. надѣльн. дворовъ сдаютъ:			Изъ 100 дес. над. земли наличнымъ населеніемъ сдается:
	Весь надѣлъ.	Часть надѣла.	ВСЕГО.	
I. До 1 десят.	21,1	37,7	58,8	38,8
II. Отъ 1 до 3 дес. . .	8,0	19,5	27,5	14,9
III. „ 3 „ 5 „ . . .	3,9	18,1	22,0	9,6
IV. „ 5 „ 10 „ . . .	2,7	23,0	25,7	10,7
V. „ 10 „ 15 „ . . .	1,7	29,6	31,3	10,3
VI. „ 15 „ 20 „ . . .	1,3	37,5	38,8	12,3
VII. Свыше 20 десят. . . .	0,3	30,4	30,7	6,6
Итого	3,9	22,8	26,7	10,7

Процентъ домохозяевъ, сдающихъ цѣликомъ надѣльную землю, правильно и быстро уменьшается съ увеличеніемъ количества надѣльной земли на 1 дворъ. Въ колебаніяхъ % домохозяевъ, сдающихъ часть надѣльной земли, этой правильности не обнаруживается, при чемъ наблюдается два почти одинаково высокихъ максимума: одинъ въ самой малоземельной, а другой въ одной изъ многоземельныхъ группъ. Разсматривая всѣхъ сдающихъ надѣльную землю, мы найдемъ, что наименьшее число домохозяевъ, прибѣгающихъ къ сдачѣ надѣльной земли, встрѣчается среди тѣхъ, которые имѣютъ достаточно земли, чтобы вести собственное земледѣльческое хозяйство, и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ недостаточно, чтобы сдать хотя часть ея въ аренду. Нѣкоторое уменьшеніе % сдающихъ замѣчается въ группѣ, имѣющей свыше 20 дес. земли [1]).

Въ Козельскомъ уѣздѣ число сдающихъ надѣлы частью, а также количество сдаваемой земли правильно понижается съ ростомъ земельной обезпеченности [2]).

	Изъ 100 надѣльныхъ наличныхъ дворовъ сдаютъ:	Изъ 100 дес. надѣльной земли сдается:
I. Несѣющіе	0	0
II. Засѣвающіе до 3 дес.	27	8,3
III. „ отъ 3 „ 6 дес.	15	1,7
IV. „ „ 6 „ 9 дес.	10	1,2
V. „ „ 9 „ 12 дес.	8	0,6
VI. „ свыше 12 дес.	11	1,2
По уѣзду	15,3	4,1

Выше мы указали, что основнымъ факторомъ, вліяющимъ на сдачу надѣльной земли, является безземелье и малоземелье [3]). Однако, дѣйствіе этого фактора часто заслоняется нѣкоторыми другими, какъ, напр., количествомъ рабочаго скота, рабочихъ рукъ и др. Въ Казанской губ., напр., мы можемъ наблюдать слѣдующее соотношеніе между величиной надѣла на 1 ревизск. душу и сдачей надѣльной земли.

---

[1]) Сборн. статист. свѣд. по Орловск. у. Т. VIII. 1895 г.

[2]) Статист. описан. Калужк. губ., Козельскій у. Т. I. 1898 г.

[3]) Нельзя не обратить вниманія на то, что во многихъ мѣстностяхъ группы населенія, хуже обезпеченныя землей, одновременно даютъ наибольшій % какъ съемщиковъ внѣнадѣльной земли, такъ и сдатчиковъ надѣльной. Это показываетъ, что въ такихъ случаяхъ въ группахъ безземельныхъ и малоземельныхъ сосредоточивается наибольшій контингентъ домохозяевъ, не могущихъ обойтись безъ найма чужой земли. Поэтому тѣмъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не въ состояніи прибѣгнуть къ внѣнадѣльной арендѣ, приходится отказываться отъ собственной эксплоатаціи своихъ надѣловъ и сдавать ихъ въ аренду.

Прим. ред.

Группировка общинъ по величинѣ надѣла на ревизск. душу.	На каждыя 100 общинъ приходится такихъ, въ которыхъ:		
	Вовсе нѣтъ сдачи душевыхъ надѣловъ.	Сдаютъ	
		До 10%.	Болѣе 10%.
Съ малымъ надѣломъ (до 3 д.) . . .	28,5	39,4	32,1
Съ среднимъ надѣломъ (отъ 3 до 7 д.) .	18,8	50,8	30,4
Съ большимъ надѣломъ (болѣе 7 д.) .	14,5	50,0	35,5

Такимъ образомъ, чѣмъ больше величина надѣла на 1 ревизскую душу, тѣмъ сильнѣе распространена въ группѣ сдача душевыхъ надѣловъ. Такое соотношеніе, если не принять во вниманіе другихъ условій, легко можетъ повести къ ошибочному заключенію, что сдача крестьянами своихъ душевыхъ надѣловъ есть продуктъ многоземелья и что она является лишь результатомъ естественнаго побужденія сбыть излишнюю часть своего надѣла малоземельнымъ. Что дѣйствительно такое заключеніе ошибочно, можно убѣдиться, сопоставивъ % безлошадныхъ дворовъ съ % сдаваемыхъ надѣловъ и показавши, съ большею или меньшею очевидностью, изъ какого собственно элемента состоитъ контингентъ семей, сдающихъ свои надѣлы. Слѣдующая таблица разъясняетъ это соотношеніе.

Разрядъ и народность крестьянъ.	Средній процентъ безлошадныхъ дворовъ въ общинахъ, гдѣ сдается всего земли:			
	0—5%	5—10%	10—20%	20% и болѣе.
Б. владѣльческ. русск. . . .	17,5	21,6	21,7	28,5
„ удѣльн. и госуд. русск. .	13,3	18,7	26,8	37,1
„ государств. татары . . .	31,4	34,4	34,7	41,4
„ „ чуваши . . .	10,0	13,2	16,2	15,0
„ „ смѣшан. . .	12,5	15,5	16,0	—
Всѣ вообще . . .	13,4	19,7	26,8	38,1

Такимъ образомъ между высотой процента сдаваемой земли и %₀ безлошадныхъ надѣльныхъ семей существуетъ тѣсная связь, а именно: съ увеличеніемъ первой параллельно растетъ и вторая величина [1]).

Посмотримъ теперь, насколько безлошадные дворы, составляющіе главный контингентъ сдающихъ свои надѣлы, обезпечены землей.

Группы по количеству удобной земли на 1 над. дворъ.	Средній % безлошадныхъ надѣльныхъ дворовъ.
I. группа „ до 5 дес.	30,8
II. „ 5 „ 10 дес.	17,0
III. „ 10 „ 20 дес.	7,7
IV. „ 20 „ 40 дес.	4,3
V. „ болѣе 40 дес.	2,7

Такимъ образомъ, чѣмъ меньше приходится удобной земли на надѣльный дворъ, тѣмъ выше процентъ безлошадныхъ. Если это положеніе сопоставить съ выводомъ, что съ увеличеніемъ % сдаваемой въ аренду надѣльной земли увеличивается % безлошадныхъ, то станетъ вполнѣ очевиднымъ то, что сдача крестьянами душевыхъ надѣловъ является далеко не слѣдствіемъ избытка находящейся въ ихъ распоряженіи земли, а вызывается экономическою несостоятельностью хозяйствъ — неимѣніемъ инвентаря и другими подобными причинами.

Насколько обезпеченіе лошадьми оказываетъ вліяніе на развитіе надѣльныхъ арендныхъ отношеній, видно изъ слѣдующаго:

	% къ общему числу дворовъ.	
	Арендующихъ.	Сдающихъ.
Безлошадные	7,9	42,3
Съ 1 лошадью	23,7	21,8
Съ 2 и болѣе	35,3	9,1

Чѣмъ больше приходится на дворъ лошадей, тѣмъ чаще арендуютъ пашню и рѣже ее сдаютъ.

На распространенность сдачи арендной земли въ сильной степени вліяетъ, кромѣ указанныхъ факторовъ, также родъ занятія крестьянскаго населенія: близость торговыхъ и промышленныхъ центровъ, занятіе промыслами и ремеслами являются условіями, способствующими прекращенію земледѣльческаго хозяйства. Въ Тульской и Орловской губ., наприм., сдаютъ свои надѣлы въ аренду обыкновенно обѣднѣвшіе дворы, не имѣющіе возможности ихъ обрабатывать по отсутствію въ семьѣ работниковъ, или желающіе просто отъ нихъ

---

1) Сводъ данныхъ по Казанской губ. 1896 г.

отвязаться по бездоходности, или же, наконецъ, такіе, составъ которыхъ уже совершенно отбился, такъ сказать, отъ деревенской жизни; въ числѣ послѣднихъ есть часть дворовъ, которые оставили земледѣліе, найдя болѣе выгоднымъ занятіе какимъ-либо промысломъ. Эти послѣднія лица, если родъ ихъ занятій допускаетъ возможность проживанія на родинѣ ихъ самихъ или ихъ семей, сдаютъ по большей части одну полевую землю, оставляя усадьбу въ своемъ распоряженіи; такъ же поступаютъ большею частью и дворы, въ которыхъ нѣтъ взрослыхъ рабочихъ [1]).

Если же мастерство или занятіе крестьянина требуютъ его пребыванія внѣ деревни, то обыкновенно сдаютъ весь надѣлъ и, нерѣдко, не являясь въ общество по нѣскольку лѣтъ, въ концѣ концовъ разрываютъ съ нимъ всякую связь; земли такихъ крестьянъ иногда отбираются обществомъ, въ особенности тогда, когда земля сравнительно доходна и общество ощущаетъ въ ней нужду.

«Причиной сдачи земли,—говорится въ сборникѣ по Малмыжскому уѣзду, Вятской губ.,—служатъ не только бѣдность хозяйства, но и такія обстоятельства, что дворъ имѣетъ средства къ жизни въ какихъ-либо промыслахъ», а промыслы, конечно, могутъ быть и у состоятельныхъ дворовъ. Мы видѣли, что въ группѣ дворовъ, владѣющихъ свыше 50 дес., % хозяйствъ, сдающихъ землю, довольно значительно повышается по сравненію съ предшествующими группами, повышается и % дворовъ, вовсе не обрабатывающихъ земли, т.-е. въ большинствѣ случаевъ сдающихъ ее цѣликомъ въ аренду. Это объясняется тѣмъ, что только въ группѣ безземельныхъ % лицъ, занимающихся отхожими промыслами (9,0%) выше, чѣмъ въ группѣ съ 50 дес. (7,3%) [2]).

Въ Саратовскомъ у. сдача земли среди промысловыхъ и земледѣльческихъ группъ населенія распространена слѣдующимъ образомъ [3]): таблицу см. на оборотѣ.

Таблица эта констатируетъ несомнѣнную связь неземледѣльческаго промысла съ сдачею надѣльной земли. Въ I группѣ общинъ, заключающихъ въ среднемъ 40% домохозяевъ, занимающихся мѣстными неземледѣльческими работами и отпускающихъ ежегодно 16% работниковъ на сторону тоже для неземледѣльческихъ занятій, общій по уѣзду процентъ сдатчиковъ надѣльной земли (18%) повысился до 27%, между тѣмъ какъ во II земледѣльческой группѣ, въ которой мѣстныхъ промысловыхъ семей 12% и отхожихъ работни-

[1]) Кашкаровъ эконом. пол. кр-нъ Орл. и Тульск. губ. Русск. Экон. Об.

[2]) Матеріалы по стат. Вятск. губ. Т. XII. 1901 г.

[3]) Сборн. ст. свѣд. по Саратовск. губ. Т. III. 1884 г.

РАЗРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ.	Число общинъ.	Число домохоз., имѣющихъ пахотный надѣлъ.	Число домохоз., сдающихъ весь надѣлъ.	% сдающихъ къ предыдущему числу.	Число всѣхъ домохозяевъ.	Число семей, занимающихся мѣстными земледѣльческ. заработками.	% ихъ къ числу всѣхъ семей.	Число семей, занимающихся мѣстными неземледѣльческими заработками.	% ихъ къ числу всѣхъ семей.	Число всѣхъ взрослыхъ работниковъ.	Число работниковъ, уходящихъ на сторону, на земледѣльческіе заработки.	% ихъ къ числу всѣхъ работниковъ.	Число работниковъ уходящихъ на сторону на неземледѣльч. заработки.	% ихъ къ числу всѣхъ работниковъ.
I. ПРОМЫСЛОВАЯ ГРУППА.														
Безоброчные	8	762	114	15	920	118	13	375	41	1.151	28	2,5	125	11
Собственники . . .	36	1.313	293	22	1.657	148	10	495	30	1.988	16	1	449	22
Государственные . .	24	1.922	685	35	2.156	141	6,5	992	46	2.826	73	2,5	459	16
Удѣльные	1	97	21	20	103	—	—	79	76	129	—	—	15	12
Итого . . .	69	4.094	1.113	27	4.836	407	8,5	1.941	40	6.094	117	1,9	1.048	16
II. ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГРУППА.														
Безоброчные	79	6.091	923	15,1	7.614	1.253	16,5	968	12,5	9.728	573	5,9	609	6
Собственники . . .	119	4.232	525	12,4	4.962	638	13	512	10	6.477	145	2,2	436	6,7
Государственные . .	76	9.232	1.715	18,6	9.884	862	9	1.292	13	13.447	186	1,5	1.178	8,5
Удѣльные	3	181	23	12,2	210	20	9,5	25	12	251	—	—	24	9,5
Итого . . .	277	19.736	3.186	16,1	22.670	2.773	12	2.797	12	29.903	904	3,3	2.242	7,5

Примѣчаніе. Такъ какъ въ уѣздѣ считается около 80% земледѣльческаго крестьянскаго населенія, то къ группѣ земледѣльческой мы относимъ тѣ общины, въ которыхъ % мѣстныхъ промысловыхъ семей къ общему числу домохозяевъ или % работниковъ, уходящихъ на сторону на неземледѣльческія работы, къ общему числу работн.—менѣе 25%.

ковъ 7,5, процентъ сдатчиковъ понизился до 16. Степень и значеніе указанной зависимости между сдачею надѣльной земли и промысломъ опредѣляется характеромъ промысла; въ этомъ отношеніи прежде всего различаются мѣстный и отхожій промыслы; при этомъ понятіе отхожаго промысла мы ограничиваемъ случаями временнаго ухода работника на сторону при постоянномъ жительствѣ въ родномъ селеніи; проживаніе крестьянина по нѣскольку лѣтъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, которое можно считать выселеніемъ изъ общины безъ формальной приписки въ другое общество, разумѣется, всегда сопровождается сдачею надѣла.

Очевидно, отходъ на сторону больше отвлекаетъ крестьянина отъ земледѣлія, чѣмъ занятіе извѣстнымъ промысломъ на мѣстѣ. Но разница не такъ велика, говорится въ сборникѣ, какъ можно предполагать, и оба вида промысловъ обыкновенно являются лишь подспорьемъ къ земледѣлію. Прежде всего въ отходъ отправляются обыкновенно не всѣ наличныя рабочія силы, а лишь часть ихъ, другая же часть остается дома для производства полевыхъ работъ; затѣмъ отходъ большинства промышленниковъ, какъ, напр., колесниковъ, сапожниковъ, пильщиковъ, плотниковъ и другихъ, происходитъ періодами, преимущественно совпадающими съ отсутствіемъ дома полевыхъ работъ. Поэтому нерѣдко чисто мѣстный промыселъ отвлекаетъ отъ земледѣлія большій % домохозяевъ, чѣмъ отхожій, напр., во 2-мъ обществѣ с. Алексѣевки существуетъ между прочими промыселъ пильщиковъ и мѣстный—раздѣльщиковъ кожъ, получающихъ матеріалъ изъ мѣстныхъ кожевенныхъ заведеній съ поштучною платою за отдѣлку кожъ. Въ этой общинѣ:

всѣхъ пильщиковъ	26,	изъ нихъ	сдаютъ	надѣлы	6,	т.-е.	24%
» раздѣльщиковъ	19,	»	»	»	11,	т.-е.	58%

Затѣмъ можно замѣтить связь между привязанностью къ надѣлу и степенью самостоятельности крестьянина въ занятіи извѣстнымъ промысломъ. Такъ, въ с. Алексѣевкѣ преобладающимъ промысломъ является сапожный. Сапожничество есть вмѣстѣ и мѣстный и отхожій промыселъ: одни приготовляютъ свои издѣлія на базаръ, другіе ходятъ по селамъ и деревнямъ и работаютъ на заказъ; часто одни и тѣ же лица промышляютъ обоими способами. Такъ какъ по сторонамъ сапожники ходятъ почти всегда въ неземледѣльческіе періоды года, то въ отношеніи веденія хозяйства на надѣлѣ оба разряда промысловыхъ домохозяевъ находятся въ равныхъ условіяхъ, и сдатчики надѣла равно встрѣчаются въ той и другой категоріи сапожниковъ. Всѣхъ домохозяевъ, занимающихся сапожнымъ мастер-

ствомъ, 146, изъ нихъ 99 работаютъ въ качествѣ хозяевъ-мастеровъ, а 47 въ качествѣ работниковъ у первыхъ или у лицъ, принадлежащихъ къ другимъ общинамъ. Отношеніе къ надѣльной землѣ той и другой группы мастеровыхъ видно изъ слѣдующаго:

	ХОЗЯЕВА.		РАБОТНИКИ.	
	Число ихъ.	% къ общему числу.	Число ихъ.	% къ общему числу.
Обраб. собствен. инвентаремъ весь надѣлъ . . .	66	67	24	51
Обраб. собствен. инвентаремъ часть надѣла . . .	6	6	1	2
Обраб. надѣлъ наймомъ .	4	4	2	4
Сдающихъ весь надѣлъ .	23	23	20	43
Итого	99	100	47	100

Среди работниковъ оказывается почти вдвое большій % сдатчиковъ надѣльной земли, чѣмъ среди хозяевъ. Сами крестьяне при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ давали указанія на обычный среди нихъ процессъ превращенія сначала промысла, какъ подспорья земледѣлію, въ исключительный источникъ жизни и затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, самостоятельнаго хозяина въ наемнаго работника.

Сильное развитіе сдачи всего надѣла наблюдается въ Рязанской губерніи въ волостяхъ, извѣстныхъ своею зажиточностью—въ заокскихъ волостяхъ Зарайскаго у., гдѣ въ Нижне-Бѣлоомутской волости поволостной процентъ сдающихъ весь надѣлъ достигаетъ даже максимальной величины для губерніи—65,7% (по отдѣльн. селен. до 100%). При сопоставленіи наблюдаемаго явленія съ хозяйственнымъ бытомъ этихъ волостей ясною становится связь, существующая между торговымъ и промышленнымъ характеромъ населенія и забрасываніемъ имъ своей земли [1]).

Въ Тверской губ. развитіе мѣстныхъ или отхожихъ промысловъ въ данной мѣстности оказываетъ точно также значительное вліяніе на степень распространенности сдачи надѣловъ въ аренду, особенно отсутствующими семьями [2]).

[1]) Сводъ данныхъ объ экон. полож. крестьянъ Рязанской губ. 1892 г.

[2]) Своди. сборн. стат. свѣд. по Тверской губ. Вып. I. 1897 г.

Что касается другихъ причинъ, вліяющихъ на разритіе надѣльной аренды, то нельзя не отмѣтить значенія неудобнаго расположенія надѣльныхъ земель, которое не только ставитъ крестьянъ въ тяжелое положеніе при арендѣ частновладѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель, но и заставляетъ ихъ сдавать свои собственныя земли. Если крестьянскимъ общинамъ не удается использовать неудобной земли и они вынуждены сдавать ее за безцѣнокъ или совершенно забрасывать, то не въ лучшее положеніе поставлены и отдѣльные домохозяева, которымъ досталась часть такой земли, причемъ къ этому еще присоединяется и неудобство отъ дробленія ея.

Напр. въ Царицынскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., неудобное положеніе—дробность, отдаленность и чрезполосность душевыхъ пайковъ, при необходимости борьбы съ сусликомъ, вынуждаютъ нѣкоторыхъ домохозяевъ сдавать часть ихъ, особенно пайки отдаленные, для того, чтобы на деньги, полученныя за сданную землю, снять другую, по возможности въ одномъ участкѣ и еще лучше—смежную съ той частью душевой земли, которая осталась для собственнаго посѣва. Нѣкоторые дворы съ этой цѣлью сдаютъ всѣ приходящіеся на ихъ долю душевые пайки, т.-е. всѣ свои душевые надѣлы, и взамѣнъ ихъ снимаютъ участочки земли, гдѣ-нибудь «къ одному мѣсту» и поближе къ усадьбѣ.

3.

Не останавливаясь болѣе подробно на указанныхъ выше сторонахъ надѣльной аренды, отмѣтимъ нѣкоторыя, спеціальныя черты ея—именно при сдачѣ надѣловъ изъ-за нужды въ деньгахъ для уплаты податей и для другихъ цѣлей. Въ матеріалахъ для изученія положенія землевладѣнія и сельскохозяйственной промышленности министерство государственныхъ имуществъ признало въ 80-хъ годахъ, что самый способъ взысканія податей, отличаясь крайнею энергіею безъ соображенія хозяйственныхъ условій времени и мѣста, наноситъ неизгладимые ущербы крестьянскому благосостоянію. Въ силу этого, во время взысканія податей, крестьяне массами сдаютъ свои надѣлы для того, чтобы достать нужныя деньги. Въ 1885 г. собирали недоимки въ Ранненбургскомъ у., Рязанской губ. Въ одномъ селеніи, состоящемъ изъ 50 дворовъ, только 6 сохранили свои надѣлы, въ другомъ 10 изъ 80,—и вообще можно сказать безъ преувеличенія, что въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ произведены были взысканія, удержали свои надѣлы не болѣе одной трети домохозяевъ. Земскія статистическія изслѣдованія даютъ не мало матеріала, подтверждающаго только что высказанное положеніе. Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, Казанской

губ., надѣлы особенно часто сдаются благодаря усиленному взысканію недоимокъ. Какъ только начинается взысканіе платежей въ Тамбовскомъ у., крестьяне занимаютъ деньги, а заемъ обыкновенно дѣлается посредствомъ отдачи надѣла или его части болѣе состоятельному односельчанину. Въ Бузулукскомъ у., Самарской губ., сдача надѣльной земли производится обыкновенно лѣтомъ или осенью, «когда собираются подати или взыскиваются недоимки». Въ Воронежской губ. чрезвычайно часто, сдавши свою надѣльную десятину за 12 руб. и уплативши полученными деньгами, напр., подати, хозяинъ передъ яровымъ сѣвомъ или передъ метаніемъ пара является въ помѣщичью экономію и, заплативши въ задатокъ 1—1½ рубля, снимаетъ въ аренду десятину земли за 15—18 рублей, при чемъ уплата отсрочивается до уборки. Ясно, что подобнаго рода сдача надѣльной земли представляетъ собою не что иное какъ оригинальный видъ кредита. И значеніе аренды, какъ кредитной сдѣлки, нашло свое выраженіе въ народномъ языкѣ: сдать душевую землю въ аренду называется «заложить землю». Разница между арендными цѣнами за частновладѣльческую и за душевую землю есть не что иное какъ уплата процентовъ по займу. Уровень процента, какъ указано выше, колеблется отъ 15 до 32. Что во многихъ случаяхъ арендная сдѣлка представляетъ собою въ сущности кредитную, доказывается также тѣмъ, что въ одномъ и томъ же обществѣ и въ одинъ и тотъ же годъ цѣна колеблется въ зависимости отъ срока, который протекаетъ отъ момента уплаты до момента пользованія землей; такъ, наблюдались случаи такой сдачи, при которой послѣдній моментъ наступаетъ только черезъ два года отъ полученія денегъ (но срокъ аренды остается одногодній— «на посѣвъ»); въ этихъ случаяхъ за десятину платили по 4 руб.; при нуждѣ въ деньгахъ для уплаты податей и при передачѣ земли немедленно въ пользованіе съемщика десятина сдавалась за 10 рублей; и наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда сдающій уже уплатилъ подати, при немедленной передачѣ земли, платили за десятину 15—16 руб., т.-е. цѣну совершенно нормальную. Въ Царицынскомъ у. нѣкоторые изъ крестьянъ, сдавая часть своей душевой земли, въ то же время являются иногда арендаторами земли «сосѣдской» (надѣльной или внѣнадѣльной). Происходитъ это большею частью такимъ путемъ. Сдавъ часть надѣла «на нужу» (нужду) еще съ осени—«на подати» или весной для пріобрѣтенія денегъ на покупку сѣмянъ, или для исправленія испортившагося инвентаря и т. п., хозяинъ видитъ, что ему «не обойтись землей», у него оставшейся, что находящаяся теперь въ его рукахъ земля не дастъ ему возможности прокормить семью до слѣдующаго урожая. Поэтому онъ отправляется на поиски

за арендой земли. Нечего и говорить, что указанныя причины сдачи надѣльной земли общинами (неудобное расположеніе, занятіе промыслами) оказываютъ еще большее вліяніе при сдачѣ ея отдѣльными домохозяевами. Въ предѣлахъ каждой земельной группы дворы арендуютъ тѣмъ чаще, чѣмъ больше у нихъ лошадей (слѣдовательно, чѣмъ они зажиточнѣе); и наоборотъ, чѣмъ меньше въ данномъ дворѣ лошадей, тѣмъ скорѣе онъ сдаетъ свою землю въ аренду.

4.

Для характеристики съемщиковъ и сдатчиковъ земли съ общественно-экономической стороны, обратимся къ тѣмъ указаніямъ, которыя имѣются въ сборникахъ. Въ Малмыжскомъ у. «земли сдаются *почти всегда* малосостоятельными крестьянами, не имѣющими въ хозяйствѣ или рабочихъ рукъ, или же рабочаго скота для обработки своихъ надѣловъ, или же сѣмянъ для засѣва своей земли. Съемщиками же крестьянскихъ земель являются почти всегда болѣе «зажиточные» (зажиточные) крестьяне». «Снимаютъ въ аренду полосы большею частью всегда состоятельные крестьяне, а сдаютъ ихъ тѣ, у кого недостатокъ или въ скотѣ, или въ сѣменахъ для посѣва, т.-е. болѣе бѣдные домохозяева».—«Земли, отдаваемыя въ аренду самими крестьянами, принадлежатъ отчасти къ тѣмъ дворамъ, которые чувствуютъ въ нихъ излишекъ, но всего болѣе къ тѣмъ, которые, вслѣдствіе малосильности своихъ хозяйствъ, отсутствія рабочихъ силъ или рабочаго инвентаря, не могутъ обрабатывать сами, или же имѣютъ средства къ жизни въ какихъ-либо промыслахъ».—«Безземельные и малоземельные дворы рѣдко берутъ землю въ аренду, а малое количество своихъ земель предпочитаютъ, напротивъ, сами сдавать въ аренду». Въ сборникѣ по Глазовскому у. авторъ описанія арендныхъ отношеній, говоря о трудности и даже невозможности получить точныя свѣдѣнія о площади земли, сданной въ аренду, отъ сдатчиковъ, объясняетъ это тѣмъ, что сдатчики, какъ наиболѣе бѣдная часть крестьянскаго населенія, часто уходятъ на сторонніе заработки. Въ Котельническомъ у. распространена сдача участковъ подъ ленъ и подъ яровое въ озимомъ полѣ; «сдатчиками такихъ земель являются *обѣднѣвшіе* крестьяне, которые по недостатку сѣмянъ не могутъ сѣять всего озимаго поля и оставшіяся полоски сдаютъ весной подъ посѣвъ яроваго по низкой цѣнѣ, или же, по недостатку навоза, оставляютъ запольныя земли въ перелогахъ, сдавая ихъ по нуждѣ въ деньгахъ подъ посѣвы льна *болѣе зажиточнымъ* домохозяевамъ». Въ Нолинскомъ у. арендаторы—«большей частью народъ зажиточный» [1]). Насколько зажи-

[1]) Матеріалы по статист. Вятск. губ. Т. XII. 1901 г.

точные крестьяне стремятся сосредоточивать въ своихъ рукахъ земли своихъ же однообщественниковъ,—разумѣется, только въ тѣхъ случаяхъ, когда земля хорошая и доходная,—и устранить конкурентовъ, видно хотя бы изъ того, что во многихъ общинахъ, по крайней мѣрѣ въ Малмыжскомъ у., по настояніямъ богатыхъ крестьянъ составляются даже приговоры, воспрещающіе сдачу земли цѣлыми надѣлами крестьянамъ чужихъ общинъ. Мотивы, которые приводятся въ пользу устраненія постороннихъ лицъ отъ аренды, довольно убѣдительны и сводятся къ тому, что сторонніе арендаторы будутъ истощать землю, плохо ее обрабатывать и т. д. Конечно, во всемъ этомъ есть своя доля правды, но только «истощеніе общественнаго достоянія» есть ширма, за которою скрываются хищническіе инстинкты единичныхъ лицъ, ловкихъ и искусныхъ заправителей общества». Такъ, путемъ «собиранія» земли однообщинниковъ, зажиточные крестьяне сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ пространства земли, обработка которыхъ часто значительно превышаетъ рабочія силы семьи.

Въ Воронежской губ. сдаетъ надѣльную землю въ аренду домохозяинъ, въ семействѣ котораго, кромѣ него, обыкновенно мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ нѣтъ, а если и есть, то не больше одного; домохозяинъ этотъ обыкновенно обладаетъ 1 лошадью, но и то не всегда, и очень часто не имѣетъ, кромѣ лошади, никакого скота; имѣя корову и 2—4 овцы, онъ уже выдается надъ среднимъ уровнемъ. Однимъ словомъ, онъ—хозяинъ «маломочный».

Наоборотъ, снимаетъ въ аренду домохозяинъ, у котораго всегда есть въ семействѣ, кромѣ него, 1 или 2 работника; онъ владѣетъ сравнительно крупнымъ участкомъ земли, держитъ 3—4 лошади, имѣетъ корову, а нерѣдко и 2, и 15—20 овецъ. Это—хозяинъ «полномочный» [1]).

Группа съемщиковъ, при всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ формахъ аренды, значительно превосходитъ группу сдающихъ какъ по рабочей силѣ и величинѣ надѣла, такъ и по количеству рабочаго и мелкаго скота. По рабочей силѣ дворъ съемщика превышаетъ дворъ сдающаго по большей части вдвое или немного меньше; надѣлъ сдающаго заключается въ предѣлахъ отъ 5,6 дес. до 9,2 дес.; минимальная же величина надѣла съемщика, по большей части превышаетъ максимумъ надѣла сдающаго (8,1 и 9,2 съ одной; 8,5 и 9,4 съ другой стороны); но особенно значительна разница въ количествѣ мелкаго скота (овецъ) у той и другой группы; максимумъ у сдающихъ 3,1, минимумъ у съемщиковъ—13,4.

---

[1]) Анцыферовъ. Аренда душевыхъ надѣловъ въ Ворон. губ., и ея значеніе. М. 1902 г.

Съемщики.

Села.	Средній рабочій составъ семьи.			Средній надѣлъ.			Въ среднемъ на одного хозяина.								
	Человѣкъ.			Десятинъ.			Лошадей.			Коровъ.			Овецъ.		
	A.[1]	B.	C.	A.	B.	C.	A.	B.	C.	A.	B.	C.	A.	B.	C.
Орѣхово . . .	4,7	4	5,0	17,9	13,2	11,8	4	3,3	3	2	1,7	1,8	25,2	23,6	18,3
Плоское . . .	5,0	6,2	5,0	15,25	15	13,1	3	3,8	2,7	2	2,5	1	18,8	29	17,7
Мѣловка . . .	5,1	—	5,0	16,8	—	13	1,1	—	2,6	2	—	1,6	25	—	28
Горяиново. . .	3,4	4,3	5,1	9,4	10,7	8,5	3,1	3,6	3,1	2	3,1	2,4	13	16	13,4
Сдающіе.															
Орѣхово . . .	—	3,1	2,8	—	8,1	9,2	—	1	0,8	—	0,7	0,5	—	0,5	1,1
Плоское . . .	—	3,0	3,5	—	7,3	7,0	—	0,7	0,8	—	0,4	0,6	—	1,5	3
Мѣловка . . .	—	—	2,4	—	—	7,3	—	—	0,5	—	—	0,4	—	—	1,4
Горяиново. . .	—	3,4	2,7	—	5,6	5,6	—	1,4	0,5	—	1,9	0,3	—	3,1	0,4

Въ Самарской губ. сдача душевой земли практикуется преимущественно безхозяйными членами общинъ и размѣръ такой сдачи тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше % безхозяйныхъ. Иногда, впрочемъ, въ сдачу поступаютъ и надѣлы болѣе состоятельныхъ хозяевъ, но это случается рѣдко и больше тогда, когда эти надѣлы дробны, чтобы «собирать по мелочамъ», или слишкомъ удалены отъ усадебъ, тогда какъ ближе можно арендовать надѣлы безхозяйныхъ или другую землю по сравнительно выгодной цѣнѣ.

Кромѣ того, въ больше-земельныхъ общинахъ б. государственныхъ крестьянъ и крестьянъ на крѣпостной землѣ однолошадные и двухлошадные дворы, особенно на югѣ, не въ состояніи бываютъ обработать весь причитающійся на ихъ долю душевой пай и также сдаютъ часть его подесятинно [2]).

---

[1]) A—при сдачѣ міроплатимыхъ душ.ъ
B—при сдачѣ за недоимки.
C—при добровольной сдачѣ.

[2]) Сводн. сборн. статист. свѣд. по Самарской губ. Т. VIII.

Въ Рязанской губ. сдача своей земли, всей или части, отдѣльными домохозяевами вызывается разными причинами. Весь надѣлъ (почти всегда пашня и луговая, усадебныя же земли и право пользованія лѣсомъ сдаются рѣдко) сдается, главнымъ образомъ по нуждѣ, почти всегда безлошадными, въ громадномъ большинствѣ случаевъ являющимися и такъ самыми бѣдными домохозяевами общины. Другія же причины сдачи — многоземелье, неудобство пользованія землей (за дальностью разстоянія), отсутствіе и недостатокъ въ семьѣ рабочихъ силъ, недостатокъ сѣмянъ для посѣва, недостатокъ навоза (тамъ, гдѣ земля безъ него не родитъ, напр., въ Мещерскомъ краѣ), потребность въ деньгахъ для взноса податей, задатка за внѣнадѣльную землю и т. п. играютъ роль почти только при сдачѣ части надѣльной земли.

По всѣмъ уѣздамъ губерніи число безлошадныхъ, какъ показываетъ слѣдующая таблица, весьма близко подходитъ къ суммѣ чиселъ, показывающихъ количество сдающихъ весь надѣлъ, обрабатывающихъ его наймомъ и, безземельныхъ,—почти всегда не имѣющихъ лошади. Особенно близко это совпаденіе въ южныхъ, земледѣльческихъ уѣздахъ губ., гдѣ лошадность и занятіе земледѣліемъ тѣсно связаны между собою. Въ уѣздахъ Зарайскомъ, Михайловскомъ, Пронскомъ и Егорьевскомъ замѣчаемое довольно значительное уклоненіе отъ подмѣченной правильности объясняется мѣстными условіями: наприм., въ заокскихъ вол. Зарайскаго у., при луговомъ надѣлѣ весьма значительное число безлошадныхъ обрабатываютъ весь надѣлъ своимъ инвентаремъ [1]).

УѢЗДЫ.	Безлошадныхъ.	Обрабат. наймомъ.	Сдающихъ весь надѣлъ.	Безземельныхъ.	Итого 3+4+5.	% безлошадныхъ.	% обраб. наймомъ сдающихъ его и безземел.
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
Рязанскій	9.517	5.556	2.419	1.676	9.651	38,8	39,2
Раненбургскій	7.433	4.263	2.359	885	7.507	35,6	35,8
Данковскій	5.158	2.906	1.620	667	5.193	33,8	33,9
Скопинскій	6.889	5.126	1.345	407	6.788	33,4	33,3
Зарайскій	9.477	4.279	3.377	1.103	8.759	48,4	43,9
Михайловскій	9.700	4.834	3.946	618	9.398	42,2	40 9
Егорьевскій	8.644	3.174	2.510	1.992	7.676	38,5	34,2
Пронскій	5.954	2.879	1.834	620	5.333	37,2	33,3
Касимовскій	9.348	4.727	1.862	2.608	9.197	36,9	36,3
Спасскій	10.008	5.834	2.282	2.141	10.257	41,4	42,4
Сапожковскій	8.069	3.828	2.745	1.398	7.971	33,8	33,3
Ряжскій	8.775	4.505	2.840	1.428	8.773	40,6	40,6
По губерніи	98.964	51.911	29.137	15.544	95.592	38,5	35,5

[1]) Сводъ данныхъ объ экономич. полож. кр-нъ Рязанск. губ. 1892 г.

Рязанскій крестьянинъ «почти всегда сдаетъ свою надѣльную землю только въ случаѣ крайней необходимости,—когда самъ вовсе изъ силъ выбился, когда не имѣетъ возможности не только завести лошадь, но даже и заплатить за обработку надѣла своему односельцу». Сдавая при такихъ условіяхъ свою землю, безлошадный крестьянинъ вмѣстѣ съ тѣмъ почти окончательно теряетъ возможность когда-либо опять обзавестись хозяйствомъ и стать пахаремъ на своей землѣ: «не имѣя своего хлѣба,—говоритъ г. Григорьевъ, характеризуя положеніе безлошадныхъ Рязанскаго у., вовсе не обрабатывающихъ надѣла,—они принуждены скитаться по сторонамъ, проѣвъ всю сбрую и земледѣльческія орудія и почти въ конецъ отрѣзавъ себѣ путь къ обзаведенію хозяйствомъ».

Сдача въ аренду крестьянскихъ надѣловъ въ Тверской губ. наиболѣе практикуется точно также въ мѣстностяхъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣла на ревизскую душу. Въ малоземельныхъ общинахъ всегда много безлошадныхъ дворовъ, и эти-то безлошадные дворы и сдаютъ свои надѣлы болѣе сильнымъ хозяевамъ. Поэтому, съ увеличеніемъ размѣровъ землевладѣнія, уменьшается и сдача надѣльной земли [1]).

5.

Переходя къ условіямъ надѣльныхъ арендъ мы должны прежде всего отмѣтить, что сдача надѣльной земли производится какъ на одинъ годъ или посѣвъ, такъ и на болѣе продолжительные сроки; при сдачѣ земли по частямъ срокъ найма менѣе продолжителенъ, чѣмъ при сдачѣ надѣла цѣликомъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ у владѣльца осталось мало надежды вернуться къ прежнему занятію. Въ Вятской губ. изъ 131192 дес. 32% снято на долгій срокъ и 68% на 1 годъ. Надѣльная земля сдается здѣсь въ долгосрочную аренду обыкновенно лишь въ томъ случаѣ, когда происходитъ сдача цѣлыми надѣлами—«душевками»; при сдачѣ же земли полосками безусловно преобладаетъ краткосрочная аренда „на одинъ хлѣбъ“. „Съемка душъ изъ окупа повинностей берется большей частью въ долгосрочную аренду — на два, на три хлѣба. Въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ уже произошли коренные передѣлы, души изъ окупа повинностей снимаются, большею частью до будущаго передѣла, срокъ котораго всегда строго опредѣляется въ общественномъ приговорѣ въ моментъ производства передѣла. При съемкѣ цѣлыми надѣлами арендаторъ обыкновенно зара-

1) Сводн. сборн. стат. свѣд. по Тверск. губ. Т. XIII, 1897 г. Сельскохов. обзоръ Смоленской губ. за 1900 г. Сборн. по хоз. стат. Полтавск. губ., Константиноградскій у.

нѣе уславливается съ сдатчикомъ относительно уплаты повинностей и недоимокъ; уплата эта входитъ въ арендный договоръ. При съемкѣ же земли полосами, при которой уплата повинностей въ договоръ не входитъ, иногда заставляла воздерживаться отъ долгосрочней аренды круговая порука". Но въ общемъ состоятельные арендаторы стремятся къ тому, чтобы упрочить за собою пользованіе арендованною землею по возможности на болѣе долгій срокъ или даже навсегда, и съ этою цѣлью прибѣгаютъ иногда при арендѣ „душевокъ" къ самымъ беззастѣнчивымъ пріемамъ. Такъ, напр., въ Малмыжскомъ у. „въ мѣстностностяхъ урожайныхъ, имѣющихъ хорошія почвы, очень многіе состоятельные крестьяне, зная, что ревизіи въ скоромъ времени ожидать нельзя и будучи увѣрены, что ея совсѣмъ не будетъ, снимаютъ души изъ окупа повинностей у своихъ захудалыхъ односельчанъ „до будущей ревизіи", при чемъ заключаютъ относительно этого формальныя условія. Простодушные душесдатчики, поддающіеся на такія условія въ виду ожидаемой ими почему то ревизіи, въ концѣ концовъ остаются безъ земли.

Въ виду важнаго значенія такихъ случаевъ приведемъ два подлинные договора о сдачѣ надѣльной земли «до будущей ревизіи». Я, нижеподписавшійся, крестьянинъ с. Сюмсей, Сюмсинской волости, Козьма Абрамовъ, заключилъ сіе условіе съ кр. Леонтіемъ Шабалинымъ въ томъ, что я, первый, отдаю послѣднему принадлежащій мнѣ земельный надѣлъ на 2 души во всѣхъ трехъ поляхъ *впредь до ревизіи* съ тѣмъ, чтобы онъ, Леонтій Шабалинъ, съ начала сего года уплачивалъ всѣ лежащія на этихъ двухъ душахъ государственныя подати и несъ всѣ повинности, въ чемъ и подписуюсь. 2) Я, нижеподписавшійся, крестьянинъ дер. Куюка, Усадской вол., Насубулла Бикъ Мухаммедовъ, передаю въ аренду свои два надѣла крестьянину дер. Куршиной Григорію Ѳедорову Муратову подъ уплату повинностей до самой *будущей ревизіи*, при чемъ даю обязательство, что до ревизіи ни я самъ, Бикъ Мухаммедовъ, ни мои дѣти *не въ правѣ обратно требовать земли* [1]).

Нужда, въ которой почти всегда,—какими бы причинами ни вызывалась сдача надѣловъ,—находится сдатчикъ, не можетъ не отзываться на условіяхъ договора объ арендѣ надѣловъ. Она ведетъ къ сдачѣ надѣловъ „на года", съ заборомъ сдатчиками, особенно живущими на сторонѣ, денегъ впередъ за весь срокъ аренды. Такъ, въ с. Кобылинскомъ, Раненбургскаго у., „иные бѣдняки сдаютъ землю на 12 л. съ заборомъ всей арендной платы впередъ"; часто сдаютъ

[1]) Мат. по стат. Вятск. губ. Т. XII, 1901 г.

на долгіе сроки (лѣтъ на 12) съ заборомъ денегъ впередъ за всѣ года также въ с. Демкинѣ, Пятятинской вол., и въ подгородныхъ слободахъ, Крючковской вол., гдѣ непосредственнымъ поводомъ къ сдачѣ всегда служитъ нужда въ деньгахъ, и иные забирали въ 1882 г. деньги подъ посѣвы даже 1892 г. [1]).

Сдача крестьянами надѣльныхъ земель производится главнымъ образомъ, за „окупъ повинностей" и за деньги. Другіе виды платъ встрѣчаются сравнительно рѣдко. Сдача за окупъ повинностей практикуется на разныхъ условіяхъ. Если земля посредственная, то душесдатчикъ отдаетъ свою землю только изъ одного окупа повинностей, онъ выговариваетъ себѣ то или иное вознагражденіе, величина котораго зависитъ отъ урожаевъ въ данной мѣстности, а также и отъ спроса на землю со стороны съемщиковъ; если земля плохая и не окупаетъ лежащихъ на ней податей, то душесдатчикъ долженъ отъ себя дать съемщику какое-либо вознагражденіе (наприм., рублевку, штофъ или полуштофъ водки). Въ Лужскомъ у. 69, 2% сдаваемой надѣльной земли сдается за подати и 17, 2% за деньги; въ Гдовскомъ у. 68% за подати и 18, 5% за деньги; остальная земля сдается исполу, за часть податей, за „прокормленіе сдатчиковъ", безплатно и пр. [2]). Въ Орловской и Тульской губ. сдача за однѣ подати или за подати съ приплатой также является преобладающимъ видомъ сдачи [3]).

	За подати.	За подати съ приплатой.	За наличныя деньги.	Безъ обознач.
Орловская губ.	9,4%	67,6%	20,3%	2,7%
Тульская губ.	43,0%	46,5%	8,2%	2,3%

Въ Тверской губ. изъ 12046 надѣловъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, 6053, или 50% сдаются за уплату однихъ платежей и повинностей и 2997 (24,8%) за деньги.

Изъ другихъ формъ сдачи остановимся на такъ называемой «испольной». Эта форма въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно отлична отъ той, которая подразумѣвается подъ тѣмъ же названіемъ при арендѣ внѣнадѣльныхъ земель. Такъ, наприм., въ Вятской губ. при испольной арендѣ условія между сдатчикомъ и арендаторомъ выражаются въ такой формѣ: *обработка* земли лежитъ на обязанности *сдатчика*, засѣвается земля сѣменами арендатора; затѣмъ забороновавіе сѣмянъ, жниво и уборка дѣлаются сообща, а полученный

[1]) Сводъ данныхъ объ экон. полож. крест. Рязанской губ. 1892 г. См. также: Сельскохоз. обзоръ Смоленской губ. за 1900 г. Стат. данныя къ оцѣнкѣ земель Тамбов. губ., Темниковскій у. 1902 г.

[2]) Стат. сборн. по Лужскому и Гдовскому у.

[3]) Кашкаровъ. Экон. положеніе крест. Орловской и Тульской губ.

урожай раздѣляется поровну. Въ большинствѣ случаевъ, однако, участіе арендатора выражается только въ томъ, что онъ даетъ извѣстное количество сѣмянъ для посѣва. Слѣдовательно, при послѣднемъ условіи вся тяжесть работы по воздѣлыванію участка и уборкѣ урожая ложится исключительно на одного сдатчика. Очевидно, что только крайняя нужда и невозможность занять у кого-либо сѣмена заставляютъ крестьянина сдавать исполу весь или хотя нѣкоторую часть своего надѣла (Глазовскій у.). Въ Малмыжскомъ у. описываются такія же условія аренды, но указывается, что они практикуются лишь въ неурожайные годы.

Въ то время какъ при испольной арендѣ внѣнадѣльной земли наемнымъ рабочимъ является арендаторъ, здѣсь въ положеніе наемнаго рабочаго на своей собственной землѣ становится сдатчикъ-землевладѣлецъ. Такъ измѣняется общественно-экономическій характеръ сдатчиковъ и съемщиковъ въ зависимости отъ условій аренды. Конечно, дворъ, сдающій свои земли исполу и получающій за возвратомъ сѣмянъ $1/2$ — $2/5$ урожая, при чемъ вся работа лежитъ на арендаторѣ, совершенно отличенъ отъ двора, сдающаго свои земли «исполу» на условіяхъ, только что описанныхъ нами; и дворъ, арендующій землю съ обязательствомъ исполнить всѣ работы, возвратить сѣмена и отдать половину или еще большую часть урожая, а иногда и связанный еще обязательствами «отработковъ», совершенно отличенъ отъ двора, арендующаго землю на такихъ условіяхъ, что ему приходится дать только сѣмена и затѣмъ принять въ готовомъ видѣ половину урожая. Очевидно, данныя, сводящія за одну скобку подъ названіемъ арендаторовъ и сдатчиковъ эти хозяйства, совершенно различныя и по своему общественно-экономическому характеру и значенію ихъ арендныхъ сдѣлокъ, не могутъ дать вѣрнаго представленія о дѣйствительномъ положеніи дѣла. Упомянемъ здѣсь, наконецъ, еще одну, совершенно оригинальную форму платы за арендованную землю,—форму, зарегистрированную въ Кстининской вол., Вятскаго у., и знаменующую собою повидимому послѣдній предѣлъ паденія земледѣльческаго хозяйства сдатчиковъ: «много отдаютъ пашни въ Страляхъ, Дерневыхъ и Шмелевыхъ, платятъ здѣсь арендаторы землесдатчикамъ большею частью не деньгами, а хлѣбомъ, молокомъ и др. съѣстными припасами».

Арендныя цѣны за крестьянскіе надѣлы почти всегда стоятъ ниже арендныхъ цѣнъ на частновладѣльческія земли. Излѣдователи Княгининскаго уѣзда, Нижегородской губ., объясняютъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: въ крестьянскомъ хозяйствѣ сдача земли въ наемъ является обыкновенно слѣдствіемъ хозяйственнаго упадка двора, а не

результатомъ коммерческаго расчета. Поэтому и самыя арендныя цѣны въ значительной мѣрѣ носятъ на себѣ характеръ случайности. Мы зачастую можемъ видѣть, что очень хорошія земли въ селеніяхъ, гдѣ земледѣльческое хозяйство пошатнулось и гдѣ значительное количество домохозяевъ не въ силахъ справиться со своими надѣлами, сдаются по цѣнамъ крайне низкимъ, тогда какъ рядомъ, въ селеніяхъ „исправныхъ", гораздо худшія земли, за которыя крѣпко держатся ихъ владѣльцы, могутъ имѣть очень высокую цѣну въ тѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда онѣ сдаются въ аренду. Даже въ одномъ и томъ же селеніи цѣны надѣловъ могутъ сильно разниться, смотря по индивидуальнымъ условіямъ сдающихъ домохозяевъ: рынокъ, на которомъ могутъ обращаться надѣльныя земли, весьма ограниченъ (по большей части наемъ и сдача земли практикуются между общественниками или односельчанами) и потому уравнивающее вліяніе конкуренціи съемщиковъ можетъ оказывать незначительное вліяніе на наемныя цѣны. Низкая арендная цѣна на надѣльныя земли объясняется, конечно, отчасти худшимъ ихъ качествомъ, но главнымъ образомъ тѣми неблагопріятными условіями, въ которыя поставлены сдатчики.

Въ Казанской губ. крестьянскія земли сдаются всегда подъ вліяніемъ крайней нужды въ деньгахъ, какъ тѣми изъ членовъ крестьянскихъ обществъ, которые въ силу полнѣйшаго экономическаго разстройства своего хозяйства не въ состояніи сами обрабатывать свою надѣльную землю, такъ и другими, обращающимися къ сдачѣ земли подъ вліяніемъ какихъ-либо случайныхъ причинъ: «лошадь пала, самъ нездоровъ» и пр., или, наконецъ, потому, что засѣять нечѣмъ— сѣмянъ не хватаетъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ сдачи всѣ выгоды положенія на сторонѣ съемщика, а не сдающаго, и вслѣдствіе этого нерѣдко лучшіе участки надѣльныхъ земель поступаютъ въ сдачу по самымъ низкимъ цѣнамъ. Если принять цѣну за пару десятинъ (озимаго и яроваго посѣва) на владѣльческихъ земляхъ за 100, то арендныя платы за крестьянскія земли въ общемъ по губерніи составятъ только 79,6% арендной цѣны земель частныхъ владѣльцевъ. Необходимо, однако, при этомъ замѣтить, что частновладѣльческія земли въ общемъ выше по качеству почвы, чѣмъ крестьянскія, и, кромѣ того, регулярнѣе удобряются [1]).

Въ Саратовскомъ уѣздѣ сдача надѣла въ аренду владѣльцемъ его никогда не бываетъ актомъ предпріимчивости. Крестьянинъ держится за надѣлъ до послѣдней возможности и прибѣгаетъ къ сдачѣ его

[1]) Сводъ данныхъ хоз. стат. изслѣдов. Казанской губ. 1891 г.

лишь въ крайнихъ случаяхъ. Поэтому онъ или вовсе не сдаетъ надѣльной земли, или сдаетъ ее по дешевой цѣнѣ, почти всегда за деньги, съ полученіемъ всей арендной платы впередъ. Средняя арендная цѣна надѣльной пашни по уѣзду опредѣлилась въ 5,2 руб. дес., т.-е. почти на 2 руб. ниже средней арендной цѣны внѣнадѣльной земли.

Сравнивая въ одной и той же деревнѣ арендную цѣну надѣльной земли при сдачѣ ея душами и при сдачѣ десятинами, очень часто можно замѣтить большую разницу въ цѣнѣ. Примѣры:

	При сдачѣ душевой.	При сдачѣ подесятинной.
С. Алексѣевка	5,5 руб.	8 руб.
С. Озерки	5,5 „	7 „
С. Широкое	5,2 „	7,5 „

Высшая арендная цѣна надѣльной земли при подесятинной сдачѣ ея объясняется, съ одной стороны, вліяніемъ перекупщиковъ, напр., въ с. Алексѣевкѣ; съ другой—тѣмъ, что подесятинная сдача надѣла владѣльцемъ его всегда означаетъ болѣе благопріятныя экономическія условія, при которыхъ совершается сдача, и меньшее вліяніе на сдачу нужды [1]).

Въ Орловской губ. арендная плата за внѣнадѣльную пашню много выше, чѣмъ за надѣльную, и за пашню, арендуемую въ чужихъ общинахъ,—выше, чѣмъ за пашню, арендуемую въ своей общинѣ. Это различіе въ цѣнахъ на пашню разныхъ категорій наблюдается во всѣхъ изслѣдованныхъ уѣздахъ.

УѢЗДЫ.	Арендная плата за 1 дес. пашни въ рубляхъ.					
	Подъ озимое.			Подъ яровое.		
	Въ своей общинѣ.	Въ чуж. общинахъ	У частн. владѣльц.	Въ своей общинѣ.	Въ чуж. общинахъ	У частн. владѣльц.
Елецкій	13,8	16,5	21,1	10,8	12,2	15,8
Болховскій	13,7	16,0	17,4	7,1	7,9	9,3
Кромской	15,5	19,3	19,3	7,5	8,3	8,7
Карачевскій . . .	10,8	13,7	13,6	3,6	5,1	5,7
Орловскій	15,3	16,8	19,9	7,2	8,6	10,4

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Саратовской губ. т. III.

Если разницу въ цѣнахъ на пашню надѣльную и внѣнадѣльную можно отчасти объяснить нѣсколько лучшими качествами послѣдней, то разница въ цѣнахъ на пашню надѣльную, арендуемую въ своихъ и чужихъ общинахъ, конечно не можетъ быть объяснена тѣмъ же обстоятельствомъ. Очевидно, что кромѣ качества самой земли, есть еще какія-либо специально-экономическія причины, обусловливающія разницу въ цѣнахъ на пашню разныхъ разрядовъ. Нужно думать, что эти причины кроются въ положеніи сдатчиковъ, а не въ положеніи съемщиковъ. То же явленіе наблюдается въ Вятской и др. губ.

Значительное вліяніе на условія надѣльной аренды оказываетъ между прочимъ время, въ которое заключается арендная сдѣлка. Мы видѣли уже, какую роль играетъ при сдачѣ земли недостатокъ сѣмянъ. И вотъ благодаря этому, если полоса сдается задолго до времени посѣва, то плата ея всегда выше, а если въ самый послѣдній сѣвъ, то она нерѣдко уступается за безцѣнокъ. «Передъ посѣвомъ, говорятъ изслѣдователи Вятской губ., всѣ, не имѣющіе сѣмянъ, думаютъ, что найдутъ гдѣ-нибудь зерна для посѣва и потому крѣпятся, не сдаютъ своихъ полосъ, но какъ только наступаетъ послѣдній сѣвъ, то всѣ, не имѣюшіе сѣмянъ, начинаютъ сдавать свои полосы въ аренду за $^1/_3$—$^1/_4$ цѣны, чтобы не оставить ихъ пустырями. Вотъ этимъ временемъ и пользуются всѣ, кто посостоятельнѣе. Имѣя небольшой запасъ денегъ, можно взять въ аренду полоски у очень многихъ домохозяевъ. Другое время, особенно удобное для съемщиковъ,—зима, когда нужда въ деньгахъ особенно велика. Въ Нолинскомъ уѣздѣ «сдача въ аренду вообще, и сѣнокосовъ въ особенности, производится обыкновенно зимою: въ это время крестьяне-сдатчики болѣе всего нуждаются въ деньгахъ; арендаторы большею частью народъ зажиточный, пользуются этимъ и сбавляютъ цѣны въ среднемъ процентовъ на 25». Въ Рязанской губ. земля на года сдается по 5 руб. за десятину, тогда какъ при сдачѣ на годъ и притомъ весною цѣна доходитъ до 13—15 руб.; въ с. Путятинѣ съ выселками десятина «за года» идетъ по 7—8 руб., осенью рублей 10, весной отъ 12 до 14. Въ Самарской губ. нерѣдко лучшіе участки изъ надѣльныхъ земель поступаютъ въ сдачу по самой низкой цѣнѣ, особенно когда бываютъ настоятельныя требованія уплаты податей и повинностей. Насколько низка арендная цѣна за надѣльную землю по сравненію съ лежащими на ней платежами, видно изъ того, что въ Гдовскомъ уѣздѣ только въ 4 волостяхъ изъ 18 она окупаетъ платежи. Въ общемъ по уѣзду средній платежъ за надѣлъ превышаетъ арендную цѣну на 1 р. 7 к., при чемъ это превышеніе въ двухъ волостяхъ достигаетъ 5 р. 69 к. и 6 р. 94 к. На высоту арендныхъ цѣнъ имѣетъ также вліяніе степень

нужды въ землѣ со стороны съемщика. Если хорошо обезпеченныя землей, своей или частновладѣльческой, группы, населенія могутъ диктовать свои условія сдатчикамъ, вынужденнымъ отдавать землю, то необезпеченныя землей группы, могущія въ то же время снимать землю, не въ такой степени, конечно, пользуются тяжелымъ положеніемъ сдатчиковъ и меньше притѣсняютъ ихъ. Зависимость арендныхъ цѣнъ отъ степени нужды въ землѣ подтверждается, напр., изслѣдованіемъ Хвалынскаго уѣзда, показавшимъ, что по мѣрѣ того, какъ увеличивается спросъ на землю, выражающійся въ повышеніи платы за внѣнадѣльную аренду, растутъ и арендныя цѣны надѣльной земли какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Разряды крестьянъ.	На 1 нал. дворъ дес. удобной земли.	Арендная цѣна.	За 1 десят. пашни.
		Надѣльной.	Внѣнадѣльной.
Дарственные	2,3	7,60	8,29
Собственники	8,7	6,67	8,27
Полные собственники . .	13,3	6,50	7,43
Государственные	15,5	6,23	6,65

Сдаваемая при описанныхъ условіяхъ надѣльная земля бываетъ, конечно, часто предметомъ спекуляціи. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., напр., надѣльная земля сдается ея хозяевами въ среднемъ на 1 р. 58 к. дешевле, чѣмъ она достается тѣмъ, которые арендуютъ ее для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Это зависитъ отъ того, что значительную долю земли бѣдняки сдаютъ за полгода или годъ впередъ богатымъ крестьянамъ, которые затѣмъ пересдаютъ ее уже передъ самымъ посѣвомъ за болѣе дорогую цѣну, особенно если уплата арендныхъ денегъ отсрочивается до снятія урожая. Благодаря пересдачѣ, въ рукахъ скупщиковъ земли остается до 34 тыс. руб., т.-е. около 26 процентовъ всей арендной платы за крестьянскую надѣльную землю, которая ходитъ въ арендѣ. Въ дер. Поливановкѣ, Саратовскаго уѣзда сдаваемая за отдаленностью усадебная земля арендуется кабатчикомъ, который пересдаетъ ее съ значительнымъ барышомъ. Въ Казанской губерніи арендаторами душевыхъ надѣловъ являются въ большинствѣ случаевъ зажиточные крестьяне изъ тѣхъ же обществъ и въ рѣдкихъ случаяхъ—крестьяне другихъ обществъ, которые по-

томъ или сами ведутъ на снятыхъ надѣлахъ хозяйство, или же обращаютъ землю въ предметъ спекуляціи, перепродавая ее своимъ же однообщественникамъ за болѣе высокую цѣну. Въ Самарской губ. земля, сданная въ руки кулаковъ по цѣнѣ 1—2 руб. за десятину, возвращается тѣмъ же крестьянамъ въ аренду по цѣнѣ вдвое и втрое большей, составляя для своихъ хозяевъ вѣрный и надолго обезпеченный, немалый барышъ. Въ Вятской губ. иногда объектомъ пересдачи является даже общинная земля. «Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ у крестьянъ есть надѣльные «артельные сѣнокосы»; обыкновенно послѣдніе составляютъ только извѣстную часть общей массы ихъ. Сѣнокосы эти сдаются обществомъ въ аренду или нѣсколькимъ лицамъ или одному, который затѣмъ *перепродаетъ* ихъ, конечно, съ выгодою для себя по частямъ» (Нолинскій у.). Въ Рязанской губ. не рѣдки случаи пересдачи надѣльной земли по возвышенной цѣнѣ «скупщиками» надѣловъ. Такими скупщиками являются или свои же богачи-односельцы или лица другихъ сословій: забирая въ свои руки часто «за года» значительное количество надѣловъ, они послѣ пускаютъ эту землю въ оборотъ по значительно возвышеннымъ цѣнамъ. Такъ, въ Стрѣлецко-Зарѣцкой слободѣ, Михайловскаго уѣзда сдаваемая надѣльная земля почти вся находится въ рукахъ одного лица (сторонняго), которое передаетъ ее другимъ крестьянамъ по 15 руб. за надѣлъ, снимая самъ рублей по 10. Въ Данковскомъ уѣздѣ также довольно распространена съемка надѣльной земли скупщиками «за года», при чемъ цѣны, взимаемыя ими за пересдаваемую землю, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже втрое превышаютъ уплачиваемую ими самими, какъ въ с. Покровскомъ; въ пригородныхъ слободахъ Раненбургскаго у., гдѣ сильно развита сдача надѣльной земли, нѣкоторые крестьяне набираютъ десятинъ до 100 въ однѣ руки, пересдавая ее послѣ съ значительной для себя выгодой. Эта-то выгодность для нихъ существующаго порядка вещей и заставляетъ создающихъ его въ своихъ интересахъ скупщиковъ возставать противъ его измѣненія: въ этихъ уѣздахъ «вліятельные богатые крестьяне противъ передѣла: они сняли много земли на года».

Въ заключеніе укажемъ, что условія сдачи надѣльныхъ земель ведутъ къ полному истощенію послѣднихъ и тѣмъ подрываютъ въ корнѣ крестьянское хозяйство. Такой бѣднякъ, какимъ обыкновенно является домохозяинъ, сдающій свой надѣлъ, находится въ полной зависимости отъ арендатора надѣла и не можетъ ставить требованій, направленныхъ къ поддержанію урожайности сдаваемой земли; ему не до того: онъ хлопочетъ лишь о томъ, чтобы поскорѣе получить условную «доплатку» (сверхъ податей за землю) или хоть перевести съ себя—

безхозяйнаго бѣдняка—большую или меньшую долю платежей на болѣе достаточнаго хозяина, передавъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и надѣльную землю. Если такая пересдача надѣла происходитъ на долгій срокъ (лѣтъ на 10, на 12 или до новаго передѣла общественной земли), то новый хозяинъ заботится о немъ, какъ о своемъ собственномъ; но такъ бываетъ рѣдко,—обыкновенно надѣлъ сдается съ года на годъ и не больше какъ года на 3; каждый хозяинъ старается извлечь изъ него все возможное, ничего въ него не вкладывая, не удобряя его. При такихъ условіяхъ земля безхозяйныхъ крестьянъ сильно выпахивается, урожай на ней становится все ниже и ниже; чѣмъ дальше переходитъ она изъ рукъ въ руки, тѣмъ меньше цѣнится. Если въ тѣхъ общинахъ, гдѣ бываютъ частыя переверстки надѣльной земли, такое истощающее вліяніе безхозяйности не такъ замѣтно (земли разныхъ дворовъ время отъ времени перемѣшиваются), то тамъ, гдѣ передѣловъ земли давно не было, нерѣдко приходилось во время мѣстныхъ изслѣдованій опредѣлять два среднихъ урожая на надѣлъ одной и той же общины: одинъ для безлошадныхъ, другой для пашущихъ свою землю лично; первый всегда бываетъ въ такихъ общинахъ на зерно, полтора и даже два зерна ниже второго; эта разница въ урожаяхъ особенно велика въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почва требуетъ усиленныхъ удобреній. Въ пригородной Кольной слободѣ, Рязанской губ. лично обрабатывающіе свои надѣлы вывозятъ на душевую пашню отъ 300 до 600 пудовъ навоза; средній урожай у нихъ ржи самъ-6, овса самъ-5; пашня же обрабатывающихъ свой надѣлъ наймомъ и сдающихъ на короткіе сроки почти вовсе не вывозится; средній урожай на ней самъ-4 для ржи и самъ-3 и ниже для овса. Правда, въ случаѣ долгосрочной аренды даже встрѣчаются формальные договоры, въ которыхъ сдающій землю крестьянинъ не только выговариваетъ себѣ плату за нее, но и извѣстный уходъ за ней со стороны арендатора; эти условія иногда заносятся въ книгу сдѣлокъ и договоровъ волостныхъ правленій. Такъ, напр., кр. д. Соколовой, Рязанской губ. сдалъ въ аренду на 10 лѣтъ крестьянину того же селенія 3 души надѣльной земли и 5 дес. купчей, при чемъ арендаторъ обязался въ теченіе этихъ 10 лѣтъ всю сдаваемую землю «принавоживать». Подобный же договоръ отмѣченъ г. Григорьевымъ: бездомный крестьянинъ дер. Вежекъ сдалъ на 10 лѣтъ всю свою душевую землю односельцу съ обязательствомъ «навозить снятую землю, какъ свою надѣльную». Къ сожалѣнію, сдающему надѣлъ бѣдняку рѣдко приходится предъявлять подобныя требованія арендатору,—нужда заставляетъ его торопиться сдачей соглашаясь на всякія условія.

Л. Брейеръ.

Сберегательныя кассы за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904).

Однимъ изъ условій прогрессивнаго развитія крестьянскаго хозяйства является правильная организація мелкаго сельскохозяйственнаго кредита. Положеніе это настолько прочно установилось, что не зачѣмъ останавливаться на его доказательствѣ. Если и возникаютъ разногласія въ этой области, то они касаются вопроса объ организаціи учрежденій мелкаго кредита, объ ихъ распространеніи среди населенія, о средствахъ, необходимыхъ для снабженія ихъ кредитомъ, о формѣ контроля, отъ кого должна исходить иниціатива въ развитіи соотвѣтствующихъ учрежденій, въ чьемъ вѣдѣніи они должны находиться, какую роль въ этомъ дѣлѣ должны играть земства и т. д.; но разногласія эти прекращаются, когда ставится вопросъ о пользѣ, которую могло бы принести крестьянскому населенію развитіе мелкаго кредита. Лучшимъ подтвержденіемъ этому служатъ постановленія губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности; за весьма рѣзкими исключеніями всѣ они проникнуты убѣжденіемъ, что кредитъ этотъ необходимъ, что безъ него никакія усилія законодательства, никакое содѣйствіе органовъ самоуправленія не приведутъ къ плодотворнымъ результатамъ. Одни считаютъ наиболѣе подходящими къ условіямъ крестьянскаго хозяйства ссудосберегательныя товарищества, другіе отдаютъ предпочтеніе кредитнымъ товариществамъ, третьи стоятъ за сельскіе банки и за учрежденія, связанныя съ органами крестьянскаго управленія, но всѣ они настаиваютъ на необходимости создать такія условія кредита, при которыхъ сельское ростовщичество было бы вытѣснено крестьянскою кассою и отошло въ область преданій, такъ, какъ это на нашихъ глазахъ совершилось въ Германіи. Но для развитія банковъ мелкаго кредита нужны средства, безъ нихъ благія пожеланія и попытки земствъ потерпятъ неудачу; нужно отыскать постоянные источники, въ которыхъ можно было бы черпать обиль-

ныя средства. Это особенно важно именно для насъ, потому что при отсутствіи свободныхъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія, при слабомъ развитіи накопленія въ деревнѣ, при недостаточной зажиточности сельскаго населенія банки мелкаго кредита могутъ разсчитывать на развитіе только въ томъ случаѣ, когда не будутъ находиться въ исключительной зависимости, въ особенности на первыхъ порахъ, отъ частныхъ вкладовъ и займовъ, когда къ деревнѣ будутъ привлечены городскіе капиталы. Однимъ изъ такихъ источниковъ являются сберегательныя кассы. Едва ли можно найти какой-нибудь другой вопросъ, относительно котораго комитеты высказались такъ единодушно и такъ категорически. Мало того, идея привлечь капиталы сберегательныхъ кассъ для развитія крестьянскаго кредита нашла сторонниковъ среди членовъ особаго совѣщанія. Однимъ изъ членовъ совѣщанія, ген. Чихачевымъ, была представлена записка, въ которой предложено связать сберегательныя кассы съ учрежденіями мелкаго кредита и воспользоваться стекающимися въ кассы вкладами для нуждъ деревни. Такіе взгляды давно уже установились на Западѣ. И теорія, и практика одинаково сходятся на томъ, что сберегательныя кассы не должны сводить свою дѣятельность къ концентраціи капиталовъ для поддержанія государственнаго кредита, а должны давать имъ болѣе разнообразное и болѣе производительное съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства назначеніе.

Основныя задачи сберегательныхъ кассъ прекрасно формулированы австрійскимъ писателемъ Гаттинбергомъ. Мы должны предъявить требованіе, говоритъ онъ, чтобы при соціально-политическихъ задачахъ, которымъ не только призваны, но и обязаны служить сберегательныя кассы, общественныя цѣли не отступали на заднiй планъ, чтобы сберегательныя кассы преслѣдовали не только интересы вкладчиковъ, но и интересы производителей. Теоретическая и практическая соціальная политика требуетъ, чтобы вклады сберегательныхъ кассъ получали назначеніе прежде всего въ томъ же районѣ, гдѣ находятся кассы, чтобы они оживляли производство, доставляли новыя экономическія силы тому району, въ которомъ они собраны. Такъ какъ довѣріе, которымъ пользуются кассы, даетъ имъ возможность играть руководящую роль въ экономической жизни, то пренебреженіе этою задачей, преслѣдованіе узкой денежной политики становится опаснымъ для всего экономическаго строя. Когда кассы стремятся поддержать сельское хозяйство организаціей ипотечнаго кредита и предоставляютъ обильныя свои средства на нужды личнаго кредита, онѣ укрѣпляютъ въ сельскихъ хозяевахъ энергію и вѣру въ свои силы и содѣйствуютъ удешевленію производства. Оживляя

дѣятельность сельскохозяйственныхъ товариществъ кредитомъ, онѣ приближаютъ производителя къ потребителю, насколько это вообще важно при современныхъ экономическихъ условіяхъ. Сберегательныя кассы и кооперативныя учрежденія становятся тогда единомышленниками и одинаково считаютъ своею задачею содѣйствовать подъему общаго благосостоянія и нравственному воспитанію народа. По всеобщему признанію, положеніе въ деревнѣ таково, что никакими мѣрами нельзя поднять сельскаго хозяйства, пока не будетъ создана обширная организація здороваго личнаго кредита. Блестящій примѣръ того, что можетъ быть сдѣлано сберегательными кассами, представляетъ Бельгія, гдѣ кассѣ предоставлено покупать бельгійскія государственныя бумаги, гарантированныя правительствомъ провинціальныя и коммунальныя облигаціи, облигаціи акціонерныхъ обществъ, которыя въ теченіе по крайней мѣрѣ пяти лѣтъ покрывали свои обязательства изъ обычныхъ доходовъ; кромѣ того, кассѣ предоставлено выдавать ссуды товариществамъ для покупки домовъ для рабочихъ, производить операціи сельскохозяйственнаго кредита, выдавать ссуды сельскимъ кредитнымъ товариществамъ. На ряду съ этимъ для временнаго помѣщенія капиталовъ кассѣ предоставлено учитывать векселя, выдавать ссуды подъ залогъ торговыхъ бумагъ, авансы подъ варранты, ссуды подъ залогъ бельгійскихъ или иностранныхъ государственныхъ бумагъ, коммунальныхъ или провинціальныхъ облигацій, акцій и облигацій бельгійскихъ обществъ.

Прекрасный примѣръ того, что можетъ дать болѣе правильная организація сберегательныхъ кассъ и какіе размѣры можетъ принять мелкій кредитъ, показываетъ также Миланская сберегательная касса. Она основана въ 1823 году на средства, пожертвованныя въ пользу бѣдныхъ классовъ во время голода въ суммѣ 750.000 фр. Въ теченіе перваго года касса имѣла 769 вкладовъ на 258.000 фр., въ 1882 г. выдано было уже 356.767 книжекъ на 280.600.000 фр., въ 1893 г. сумма вкладовъ въ центральной кассѣ и въ агентствахъ достигла почти 500 милл. фр. Касса помѣщается въ роскошномъ собственномъ дворцѣ, имѣетъ много агентствъ въ другихъ мѣстахъ—въ Бергамо, Бресціи, Камо, Кремонѣ, Мантуѣ, Павіи, Венеціи и другихъ городахъ. Активъ кассы составлялъ 563.251.435 фр., пассивъ 502.117.059 фр., резервный фондъ свыше 58 милл. и чистая прибыль около 3 милл. фр. Прибыль эта распредѣлена слѣдующимъ образомъ: 173.166 фр. ассигновано въ пенсіонный фондъ служащихъ, 212.935 фр. поступили на различныя благотворительныя дѣла, а $2^1/_2$ милл. отнесены на сосоставленіе особаго фонда, обезпечивающаго колебанія курса государственныхъ бумагъ и другихъ цѣнностей,

которыхъ помѣщена часть вкладовъ. Всѣ эти рессурсы, увеличивающіеся съ каждымъ годомъ, миланская касса употребляетъ не на покупку ренты, а на самыя разнообразныя кредитныя операціи.

Миланская касса скорѣе заслуживаетъ названіе банка, чѣмъ сберегательной кассы. Она учитываетъ векселя, выдаетъ ссуды подъ портфель народныхъ банковъ, когда послѣдніе нуждаются въ кредитѣ, выдаетъ ссуды подъ бумаги, подъ товары, подъ недвижимость и покупаетъ различныя цѣнности. Однимъ словомъ, мы имѣемъ дѣло съ учрежденіемъ, стягивающимъ сотни милліоновъ изъ различныхъ мѣстностей для распредѣленія ихъ между различными отраслями торговли и промышленности, для поддержанія народныхъ банковъ и другихъ учрежденій общественной пользы. Итакъ, ясно, что капиталы, стекающіеся въ сберегательную кассу, не иммобилизируются, а возвращаются обратно въ народное хозяйство, касса не ограничивается пріемомъ вкладовъ, а стремится дать имъ производительное назначеніе. Можно сказать съ увѣренностью, что при такой постановкѣ дѣла, при которой кассы являются въ то же время кредитными учрежденіями, распредѣляющими сбереженія страны среди различныхъ отраслей народной произвоидтельности, отпадаютъ всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлались противъ сберегательныхъ кассъ. Не ограничиваясь пожертвованіями на благотворительныя цѣли, миланская касса и ея отдѣленія затратили полтора милліона франковъ на созданіе національной кассы страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, приносящей не мало пользы рабочимъ классамъ.

Интересно выяснить съ этой точки зрѣнія, какое значеніе имѣютъ для мелкаго кредита наши сберегательныя кассы, оказываютъ ли онѣ поддержку крестьянскому населенію, снабжаютъ ли онѣ крестьянъ кредитомъ?

Дѣйствующій уставъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ вызванъ необходимостью привести законодательство въ соотвѣтствіе съ успѣхами, достигнутыми соображеніемъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Еще весьма недавно сберегательныя кассы не имѣли почти никакого значенія для населенія, онѣ были мало извѣстны, мало распространены и не привлекали почти никакихъ вкладовъ. Первоначально онѣ были учреждены при приказахъ общественнаго призрѣнія и сохранныхъ казнахъ, потомъ учрежденіе ихъ на нѣкоторое время было возложено на городское общественное управленіе, наконецъ, съ 1864 года кассы перешли въ вѣдѣніе Государственнаго Банка. Въ то время, какъ въ другихъ странахъ сберегательныя кассы разрастались съ поразительною быстротой и привлекали сотни милліоновъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ даже милліарды сбереженій и вслѣдствіе

этого получали для экономическаго и финансоваго развитія все большее и большее значеніе, наши сберегательныя кассы еще въ 80-хъ годахъ не играли никакой роли. Съ 1884 года принятъ былъ цѣлый рядъ мѣропріятій, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ распространеніе сберегательныхъ кассъ и увеличеніе числа учрежденій, принимающихъ вклады. По закону 1884 года кассы могли открываться въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ при казначействахъ, потомъ по закону 1889 г. открыты кассы при почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ, въ 1893 г. изданъ законъ объ учрежденіи кассъ при пограничныхъ таможняхъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, къ которымъ слѣдуетъ присоединить и цѣлый рядъ распоряженій, облегчающихъ пользованіе кассами, а также сравнительно высокій размѣръ процента, выплачиваемаго по вкладамъ, суммы, стекающіяся въ кассы, стали быстро возрастать, и сберегательныя кассы мало-по-малу превратились въ учрежденія, занимающія первоклассное мѣсто среди крупныхъ финансовыхъ учрежденій страны.

Основныя черты устава 1895 г. сводятся къ слѣдующему: вкладчиками могутъ быть отдѣльныя лица всякаго званія и возраста, учрежденія и общества, а вклады принимаются двухъ видовъ: до востребованія и условные, распоряженіе которыми поставлено въ зависимость отъ наступленія какихъ - нибудь опредѣленныхъ обстоятельствъ, при чемъ тотъ, кто вноситъ вкладъ не можетъ выговорить себѣ право распоряженія имъ, если онъ внесетъ на имя другого лица или учрежденія. Относительно предѣльныхъ размѣровъ вкладовъ уставъ сохраняетъ прежнюю норму въ тысячу рублей, которая, однако, увеличивается до трехъ тысячъ, если вкладъ вносится на имя учрежденія или общества. По достиженіи вкладомъ предѣльной суммы, теченіе процентовъ прекращается, о чемъ вкладчику посылается увѣдомленіе, и если отъ него не послѣдуетъ никакого распоряженія, то часть его капитала обращается на покупку за его счетъ государсвенныхъ процентныхъ бумагъ, которыя хранятся въ кассѣ. Кромѣ того, вкладчику предоставляется поручить кассѣ покупку государственныхъ бумагъ, которыя по его желанію могутъ быть оставлены на храненіи въ кассѣ; послѣдняя слѣдитъ за тиражами, обмѣниваетъ вышедшія въ тиражъ на другія бумаги того же наименованія и достоинства, размѣниваетъ купоны безъ особой за это платы. Къ процентнымъ бумагамъ не примѣняется предѣльная норма вкладовъ, т.-е. вкладчикамъ предоставляется право имѣть въ кассѣ вклады въ государственныхъ бумагахъ на большія суммы, чѣмъ въ наличныхъ деньгахъ. Уставъ предоставляетъ вкладчикамъ право при внесеніи вклада указать лицо или учрежденіе, которому вкладъ послѣ его смерти долженъ быть

выданъ, а также облегчаетъ пріемъ вкладовъ съ условіемъ выдачи ихъ на погребеніе вкладчика въ случаѣ его смерти.

При пересмотрѣ дѣйствовавшихъ до 1895 г. постановленій приняты были мѣры къ тому, чтобы сумма вкладовъ продолжала увеличиваться, чтобы къ кассамъ получили доступъ лица и учрежденія, стоявшія прежде вдали отъ нихъ, и чтобы связь между сберегательными кассами и государственнымъ кредитомъ еще болѣе упрочилась.

Такъ, ограниченіе относительно условныхъ вкладовъ не примѣняется къ вкладамъ родителей на имя малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ дѣтей, что даетъ возможность во многихъ случаяхъ держать въ кассахъ больше предѣльной суммы въ тысячу рублей. Кассы стремятся также привлечь вклады малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ (школьныя кассы), для чего отмѣненъ минимумъ, существовавшій до изданія новаго устава; онѣ стремятся замѣнить существующія въ другихъ странахъ особыя похоронныя кассы, а для привлеченія сельскаго населенія отмѣнено ограниченіе каждаго отдѣльнаго взноса опредѣленною суммой и предоставлено право дѣлать завѣщательное распоряженіе и указывать лицо, которое должно получить вкладъ въ случаѣ смерти вкладчика.

Всѣ эти постановленія безспорно доставляютъ публикѣ много удобствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они направлены къ тому, чтобы по возможности усилить притокъ вкладовъ, привлечь къ кассамъ не только городское, но и сельское населеніе, не только рабочихъ и служащихъ, имѣющихъ постоянное занятіе, но и рабочихъ на отхожихъ промыслахъ, на ярмаркахъ, сдѣлать пользованіе этими государственными учрежденіями удобнымъ и выгоднымъ какъ для богатыхъ, такъ и для небогатыхъ слоевъ населенія, чтобы такимъ образомъ концентрировать въ рукахъ правительства всѣ свободные рессурсы, получившіе еще приложенія въ торговлѣ или промышленности страны. Усилія эти не остались безъ результата, и общая сумма вкладовъ возрасла еще быстрѣе, чѣмъ это предполагалось. Въ этомъ отношеніи уставъ выполняетъ свою роль безукоризненно, но ограничивается ли этимъ задача сберегательныхъ кассъ, — въ этомъ мы позволимъ себѣ усомниться. Для выясненія послѣдняго вопроса намъ приходится обратиться къ той части дѣйствующаго устава, которая касается распоряженія капиталами сберегательныхъ кассъ.

Всѣ усилія законодателя были направлены при пересмотрѣ дѣйствующаго до сихъ поръ устава къ тому, чтобы по возможности облегчить пользованіе кассами со стороны всѣхъ слоевъ населенія. Исходя отъ того взгляда, что «сберегательныя кассы еще не втянули въ сферу своихъ операцій сельское населеніе Россіи», министерство

финансовъ полагало, что при новомъ уставѣ «сберегательная касса должна войти съ своими операціями въ село и стать потребностью массы сельскаго населенія, содѣйствуя не только накопленію въ этой средѣ сбереженій, но и возвышенію ея благосостоянія, что, въ свою очередь, не можетъ не отражаться усиленіемъ притока народныхъ сбереженій въ кассы». Изъ этихъ словъ можно было бы сдѣлать заключеніе, что при реформѣ кассъ имѣлось въ виду также «возвышеніе благосостоянія населенія», но ближайшее разсмотрѣніе той части устава, которая регламентируетъ помѣщеніе капиталовъ кассъ, показываетъ, что кассы преслѣдуютъ совершенно иную цѣль, а именно «усиленіе притока народныхъ сбереженій въ кассы», поступающихъ въ распоряженіе государственнаго банка. Изъ многихъ статей новаго устава видно, что государство принимаетъ на себя полную отвѣтственность по операціямъ сберегательныхъ кассъ, а «для внушенія населенію большаго довѣрія къ кассамъ и убѣжденія въ ихъ полезномъ значеніи» кассамъ присвоено наименованіе государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Уставъ 1895 г. ничѣмъ по существу не отличается отъ прежняго, такъ какъ всѣ суммы, сверхъ оборотныхъ средствъ, поступаютъ на покупку государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ бумагъ. Правда, въ новомъ уставѣ приняты нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы уменьшить рискъ, связанный съ такимъ употребленіемъ капиталовъ, и перенести его на самихъ вкладчиковъ, но будетъ ли связанный съ покупкою государственныхъ бумагъ рискъ перенесенъ отчасти на самихъ вкладчиковъ или же будетъ всецѣло лежать на государствѣ, это вопросъ второстепенный. Несомнѣнно только то, что не менѣе четырехъ пятыхъ, а можетъ быть и девяти десятыхъ всѣхъ поступающихъ въ сберегательныя кассы суммъ будутъ попрежнему обращаться на покупку государственныхъ бумагъ. Такимъ образомъ, въ главномъ вопросѣ организаціи сберегательныхъ кассъ уставъ не вноситъ никакихъ измѣненій. Если въ уставѣ имѣется статья, открывающая кассамъ полный просторъ для болѣе широкой и плодотворной дѣятельности, — статья, по которой на кассы можетъ быть возложено веденіе тѣхъ же операцій, которыя производятся государственнымъ банкомъ,—то статья эта положительно теряется среди другихъ постановленій и является такимъ же диссонансомъ въ уставѣ, какъ фразы о мелкихъ производителяхъ, крестьянахъ, кустаряхъ и ремесленникахъ въ уставѣ государственнаго банка. Нельзя не согласиться съ *Вѣстникомъ Финансовъ*, что «для правильнаго устройства народнаго кредита надлежитъ воспользоваться сберегательными кассами, въ качествѣ мѣстныхъ агентуръ государственнаго банка, для произ-

водства ими, за счетъ банка, тѣхъ коммерческихъ операцій, изъ числа разрѣшенныхъ банку его уставомъ, которыя въ особенности могутъ служить къ воспособленію мелкимъ производителямъ», но для фактическаго осуществленія этихъ идей слѣдовало бы, какъ намъ кажется, поставить сберегательныя кассы въ болѣе тѣсную связь не только съ государственнымъ банкомъ, но и съ учрежденіями для мелкаго кредита. Пока это не сдѣлано, огромные капиталы, стекающіеся въ кассы, употребляются на поддержаніе государственнаго кредита, кассы играютъ роль важныхъ финансовыхъ учрежденій, поглощающихъ значительную часть выпускаемыхъ правительствомъ займовъ, и правительство является единственнымъ распорядителемъ народныхъ сбереженій. При такомъ употребленіи капиталовъ кассъ для правительства значительно облегчается реализація займовъ; оно избавляется отъ зависимости отъ биржи и обходится почти безъ всякаго посредничества и связанныхъ съ нимъ расходовъ. Безспорно, такой порядокъ имѣетъ для государства огромныя преимущества, такъ какъ въ его распоряженіе поступаютъ безъ всякихъ усилій и безъ всякихъ расходовъ капиталы, увеличивающіеся съ каждымъ годомъ. Но зато съ другой стороны нельзя не указать и на неблагопріятныя послѣдствія такой организаціи сберегательныхъ кассъ. Во-первыхъ, правительство несетъ на себѣ всю отвѣтственность за цѣлость капиталовъ и въ случаѣ отлива вкладовъ и вытекающаго отсюда обезцѣненія бумагъ, въ которыхъ помѣщены капиталы кассъ, всѣ убытки по реализаціи падаютъ на правительетво. Что эта отвѣтственность дѣйствительно можетъ повести къ серьезнымъ осложненіямъ, показываетъ опытъ Франціи, гдѣ вслѣдствіе внезапнаго отлива вкладовъ приходилось нести такіе огромные убытки, что правительству неизбѣжно было заключать на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ займы для удовлетворенія вкладчиковъ.

Въ организаціи сберегательныхъ кассъ имѣется еще другая сторона, заслуживающая самаго серьезнаго вниманія. Помѣщая огромные капиталы сберегательныхъ кассъ въ правительственныхъ бумагахъ, государство отвлекаетъ народныя сбереженія отъ тѣхъ отраслей торговли и промышленности, которыя безъ притока новыхъ капиталовъ не могутъ получить надлежащаго развитія. Если представить себѣ, какой переворотъ во всемъ народномъ хозяйствѣ произвелъ бы притокъ свѣжихъ капиталовъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, и сравнить послѣдствія такого размѣщенія народныхъ сбереженій съ тѣми послѣдствіями, которыя проистекаютъ отъ обращенія ихъ на покупку государственныхъ бумагъ, то нельзя будетъ не признать, что поддержаніе государственнаго кредита достается

дорогою цѣной. Если сотни милліоновъ, теперь около мильярда употребляется на покупку государственныхъ бумагъ, капиталъ этотъ не получаетъ производительнаго значенія для народнаго хозяйства. Сберегательныя кассы являются такимъ образомъ весьма удобнымъ орудіемъ для того, чтобы извлекать изъ отдаленныхъ угловъ нашего обширнаго отечества свободные капиталы, но не для того, чтобы дать имъ производительное назначеніе, а для того, чтобы употреблять ихъ на поддержаніе государственнаго кредита. Что сберегательныя кассы могутъ служить и другимъ цѣлямъ, кромѣ государственнаго кредита, и служить поддержкою для народнаго хозяйства, содѣйствовать развитію не государственнаго, а мелкаго промышленнаго и сельскаго кредита, это блистательно доказываетъ опытъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ, усвоившихъ себѣ другую организацію сберегательныхъ кассъ.

Въ Германіи, Австріи и въ Италіи, отчасти и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ сберегательныя кассы находятся въ самой тѣсной органической связи съ учрежденіями для мелкаго кредита. Онѣ тѣсно переплетаются съ мѣстными нуждами, служатъ для поддержки многихъ предпріятій, имѣющихъ чисто мѣстное значеніе, выдаютъ ссуды подъ залогъ недвижимости, открываютъ кредитъ для земельныхъ улучшеній, часто снабжаютъ мелкіе народные банки первоначальнымъ капиталомъ, выдаютъ ссуды общинамъ, союзамъ, меліоративнымъ товариществамъ, пріобрѣтаютъ не только государственныя бумаги, но и закладные листы и облигаціи банковъ, облигаціи городскихъ займовъ, выдаютъ въ различныхъ формахъ ссуды и отдѣльнымъ лицамъ съ различными обезпеченіями. Не перечисляя всѣхъ операцій, которыя къ тому же крайне разнообразны въ различныхъ кассахъ, мы не можемъ не отмѣтить, что кассы занимаютъ весьма видное мѣсто и играютъ видную роль среди мѣстныхъ общественныхъ учрежденій; онѣ объединяютъ населеніе на почвѣ общихъ интересовъ и пріобрѣтаютъ значеніе одного изъ наиболѣе близкихъ населенію самостоятельныхъ общественныхъ органовъ. Если задаться идеею «возвысить благосостояніе сельскаго населенія», къ чему дѣйствительно должны стремиться сберегательныя кассы, то необходимо поставить ихъ въ непосредственную связь не съ государственнымъ банкомъ, а съ учрежденіями для мелкаго кредита.

Совсѣмъ не то представляютъ наши сберегательныя кассы: дѣятельность ихъ сводится къ тому, что онѣ переводятъ привлекаемыя ими суммы въ государственный банкъ, который оставляетъ необходимый для оборотныхъ средствъ капиталъ въ своемъ распоряженіи въ наличныхъ деньгахъ, а остальную часть вкладовъ обращаетъ на покупку государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ бумагъ.

Большею частью это имѣетъ мѣсто при выпускѣ новыхъ займовъ; въ такихъ случаяхъ часть займа совершенно не пускается въ продажу, а переводится въ сберегательныя кассы. Когда предстоитъ сдѣлать заемъ въ 100 милл. для общегосударственныхъ нуждъ или же правительство выпускаетъ желѣзнодорожный заемъ для выкупа желѣзной дороги или постройки новой линіи, или принимаетъ на себя гарантію по займу, выпускаемому акціонернымъ желѣзнодорожнымъ обществомъ, тогда свободные капиталы сберегательныхъ кассъ являются для государственнаго кредита могущественною поддержкою. Такъ въ дѣйствительности и совершались въ послѣдніе годы государственные займы; сберегательныя кассы предъявляли спросъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ, и реализаціи на денежномъ рынкѣ подлежала лишь часть займа.

Свидѣтельствуетъ ли быстрый ростъ вкладовъ сберегательныхъ кассъ объ увеличеніи благосостоянія населенія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы обратимся къ отчетамъ за 1891 и 1892 гг. Приростъ вкладовъ въ эти годы былъ весьма значителенъ, а между тѣмъ это были годы безпримѣрнаго неурожая, потребовавшаго огромныхъ затратъ со стороны правительства для прокормленія населенія и обсѣмененія полей. И вотъ именно въ эти годы народнаго бѣдствія сумма вкладовъ возросла сильнѣе, чѣмъ въ прежніе и послѣдующіе годы. Не служитъ ли это доказательствомъ того, что кассы являются мѣстомъ для сбереженія не для низшихъ слоевъ населенія, а для болѣе зажиточныхъ, что тѣ классы, во имя которыхъ кассы первоначально учреждались, стоятъ въ сторонѣ и не принимаютъ участія въ приростѣ вкладовъ, и что вообще сберегательныя кассы не служатъ тѣмъ цѣлямъ, которыя были положены въ ихъ основаніе? Мало того, въ эти годы не было замѣтно усиленнаго отлива вкладовъ изъ кассъ, несмотря на то, что огромная масса сельскаго населенія испытывала сильную нужду.

Къ этому заключенію приводитъ и разсмотрѣніе размѣра вкладовъ на каждую книжку. Средній размѣръ вклада на книжку составлялъ въ 1894 году 209 руб.; наименьшій размѣръ падаетъ на почтово-телеграфныя кассы, по 118 руб. на книжку, высшій размѣръ—на кассы при казначействахъ, по 263 р. на книжку. Принимая во вниманіе имущественное состояніе главнѣйшей массы населенія, средній размѣръ вклада на книжку въ 209 руб. представляется довольно значительнымъ. Изъ этого весьма легко придти къ заключенію, что масса населенія не принадлежитъ къ кліентамъ сберегательныхъ

кассъ. Къ этому же приводятъ и данныя о распредѣленіи книжекъ по размѣрамъ вкладовъ. На вклады до 25 рублей падаетъ 492.482 книжки, или 33,8% всѣхъ книжекъ; но совсѣмъ другое значеніе пріобрѣтаютъ эти цифры, если принять во вниманіе, что этому разряду вкладчиковъ принадлежитъ не болѣе 5,5 милл. руб., или 2% всей суммы вкладовъ. На вклады отъ 25 руб. до 100 руб. падаетъ 376.801 книжка или 25,8% всѣхъ книжекъ, а внесено по этимъ книжкамъ 24,4 милл., или 9% всѣхъ вкладовъ. Такимъ образомъ на вклады до 100 руб. падаетъ около $^3/_5$ всѣхъ книжекъ, но по книжкамъ этимъ внесена лишь девятая часть всей суммы вкладовъ. Совершенно другую картину представляютъ вклады болѣе крупные: на вклады отъ 100 до 500 р. падаетъ 396.277 книжекъ, или 27,2%, а сумма взносовъ составляетъ свыше 100 милл., или 36,8%. Наконецъ на вклады свыше 500 р. на книжку падаетъ 193.565 книжекъ, или только 13,2%, между тѣмъ какъ сумма взносовъ превышаетъ 142 милл., или 52,2% всей суммы вкладовъ. Такимъ образомъ на вклады, принадлежащіе небогатымъ слоямъ населенія, падаетъ самая незначительная часть поступающихъ въ сберегательныя кассы капиталовъ; главная сумма принадлежитъ лицамъ, обладающимъ сравнительно большими достатками. То-же мы видимъ и въ отчетахъ за послѣдующіе годы.

Кліентами сберегательныхъ кассъ являются, какъ совершенно вѣрно замѣчаютъ составители отчета, «преимущественно лица, уже обладающія нѣкоторымъ достаткомъ, изъ коихъ многія даже пользуются кассами не какъ пріемниками для достаточнаго накопленія мелкихъ сбереженій про черный день или впредь до пріисканія имъ какого-либо производительнаго помѣщенія, а скорѣе какъ кредитными учрежденіями, въ которыхъ они держатъ, не безъ дохода, временно остающіяся у нихъ для оборота деньги».

Перейдемъ теперь къ финансовымъ результатамъ и обратимся для этого къ отчету за 1897 г., закончившемуся вполнѣ благопріятно. Не говоря уже объ увеличеніи суммы вкладовъ, объ увеличеніи числа книжекъ и числа кассъ, доходами не только покрыты всѣ необходимые расходы, но еще получился чистый остатокъ въ 2,62 милл. рублей, поступившій цѣликомъ въ запасный капиталъ. Ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей баланса приводитъ, однако, къ другимъ выводамъ. Прежде всего только въ 1897 году расходы кассъ полностью покрывались процентами по купонамъ отъ принадлежащихъ кассамъ бумагъ; предшествующіе же годы расходы превышали главный источникъ дохо-

довъ и могли, слѣдовательно, покрываться лишь благодаря другимъ поступленіямъ, носящимъ второстепенный и въ значительной степени случайный характеръ. 1893 и 1894 гг. закончились убытками въ 130.000 р. и 610.000 руб., побудившими управленіе кассъ понизить проценты по вкладамъ отъ 4% до 3,6%; послѣдующіе, въ общемъ благопріятные 1895 и 1896 гг., дали кассамъ чистую прибыль только потому, что въ эти годы кассы имѣли крупные случайные барыши отъ продажи бумагъ, конверсій, тиражей, обмѣна, вообще отъ операцій съ бумагами. Проценты отъ принадлежащихъ кассамъ бумагъ сами по себѣ не въ состояніи были въ 1895 г. покрыть расходовъ, потому что послѣдніе составляли 13,07 милл., а проценты только 12,69 милл. Точно такъ же и въ 1896 году расходы превышали главный источникъ доходовъ. Если, тѣмъ не менѣе, годы эти закончились вполнѣ благопріятно, то только потому, что операціи съ бумагами, т.-е. въ значительной степени случайная статья доходовъ, дали кассамъ въ 1895 году прибыль въ 2,77 милл., а въ 1896 году—2,58 милл. рублей. Пока кассы платили вкладчикамъ 4% и не имѣли крупныхъ барышей отъ продажи и обмѣна бумагъ, финансовое состояніе кассъ нельзя было считать блестящимъ: бывало даже такъ, что расходы превышали доходы и недостающая сумма должна была покрываться изъ запаснаго капитала. Пониженіе процентовъ отъ 4% до 3,6% сильно сократило расходы кассъ, а это, несомнѣнно, привело бы къ значительному улучшенію ихъ баланса, если бы одновременно съ этимъ не послѣдовало уменьшеніе въ доходности бумагъ, вызванное конверсіями, выкупомъ бумагъ, приносившихъ высокій процентъ, и замѣною ихъ бумагами съ пониженною доходностью. Изученіе портфеля бумагъ сберегательныхъ кассъ показываетъ, что доходность бумагъ, въ которыхъ помѣщены капиталы сберегательныхъ кассъ, съ каждымъ годомъ понижается и начинаетъ уже приближаться къ уровню той суммы, которую кассы выплачиваютъ вкладчикамъ: по крайней мѣрѣ, чистый остатокъ или разница между доходами отъ купоновъ и расходами отъ уплаты процентовъ вкладчикамъ съ каждымъ годомъ уменьшается.

Пониженіе процентовъ по вкладамъ облегчило положеніе кассъ въ 1894 году, но эту мѣру нельзя практиковать часто, такъ какъ и безъ того норма въ 3,6% не можетъ при условіяхъ нашего экономическаго строя считаться высокою. Если сберегательныя кассы, тѣмъ не менѣе, заканчиваютъ свои счета чистою прибылью, то это находитъ себѣ объясненіе въ операціяхъ съ бумагами. Переходъ къ другимъ бумагамъ, конверсіи, выкупъ—все это вынуждаетъ кассы продавать прежде пріобрѣтенныя бумаги и покупать новыя. Вотъ именно въ этихъ операціяхъ

кассы находили для себя обильные источники прибылей. Тотъ же фактъ, который сокращаетъ ежегодные постоянные доходы кассъ и наноситъ имъ серьезный ущербъ, открываетъ для нихъ довольно крупные, но случайные барыши, которые, несомнѣнно, прекратятся, когда кассы окончательно замѣнятъ свои бумаги съ повышенною доходностью бумагами 4%-наго типа. За три только года. съ 1895 по 1897 г., кассы получили отъ этихъ операцій 7,32 милл., почти $2^1/_2$ милл. рублей ежегодно, и отчисляли въ запасный капиталъ 8,03 милл. чистой прибыли. Въ 1893 году операціи эти дали только 1,33 милл. прибыли, и годъ закончился убыткомъ въ 130.000 р., списаннымъ изъ запаснаго капитала. Въ 1894 году прибыли отъ бумагъ были еще ниже, всего 870.000 руб., и годъ закончился довольно крупнымъ убыткомъ въ 610.000 руб. Только существованіе случайныхъ источниковъ доходовъ даетъ кассамъ возможность сводить счета съ чистымъ остаткомъ. Отнимите эти источники, — а съ теченіемъ времени они не могутъ не сократиться,—и положеніе кассъ не будетъ уже такъ благопріятно. Съ другой стороны, пониженіе доходности бумагъ далеко еще не закончилось: еще въ прошломъ году часть $4^1/_2$%-ныхъ бумагъ замѣнена 4%-ными бумагами, что не могло не отразиться на доходности портфеля кассъ при неизмѣнномъ состояніи его обязательствъ предъ вкладчиками. Можно поэтому думать, что впервые совершившійся въ отчетномъ году фактъ, что процентами по купонамъ покрылись всѣ расходы кассъ, не будетъ повторяться, какъ только закончится обмѣнъ бумагъ, принадлежащихъ кассамъ.

Замѣна бумагъ съ повышеннымъ процентомъ бумагами съ низкою доходностью, съ одной стороны, и уменьшеніе прибылей отъ операцій съ бумагами, съ другой, лишаютъ наши сберегательныя кассы той устойчивости, которая должна быть присуща одному изъ главныхъ финансовыхъ учрежденій страны. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что на этотъ разъ само управленіе сберегательныхъ кассъ приходитъ къ болѣе правильнымъ взглядамъ по вопросу о способѣ помѣщенія капиталовъ сберегательныхъ кассъ. «Очевидно,—читаемъ мы въ отчетѣ,—при прочихъ равныхъ условіяхъ различія въ результатахъ этого оборота (т.-е. оборота съ процентными бумагами) могутъ существенно измѣнить финансовое положеніе сберегательныхъ кассъ; чѣмъ больше будетъ фондъ сберегательныхъ кассъ, тѣмъ этотъ факторъ ощутительнѣе будетъ вліять на финансовые результаты сберегательныхъ операцій и притомъ въ направленіи какъ положительномъ, такъ и отрицательномъ, что даетъ этому фактору характеръ непостоянства, случайности. А такъ какъ размѣръ фонда сберегательныхъ кассъ увеличивается съ возрастаніемъ суммы денежныхъ вкладовъ, то съ

развитіемъ сберегательнаго дѣла дѣйствіе сказаннаго фактора можетъ усиливаться, и это нельзя не признать одною изъ неблагопріятныхъ сторонъ помѣщенія капиталовъ, собираемыхъ сберегательными кассами, главнѣйше, въ процентныя бумаги».

Все это подтверждается отчетами за послѣдующіе годы. Въ 1902 г. кассы зачислили въ доходъ 9,02 мил., изъ которыхъ 4,8 мил. составляютъ результатъ переоцѣнки бумагъ. До 1898 г. бумаги показывались по покупной цѣнѣ, а съ 1898 г. начали производить переоцѣнку бумагъ; она примѣнялась лишь къ тѣмъ процентнымъ бумагамъ, биржевая цѣна которыхъ при заключеніи отчетовъ въ концѣ года была ниже ихъ балансовой стоимости, при чемъ всѣ такія бумаги зачислялись въ балансѣ по биржевой цѣнѣ съ отнесеніемъ разности между балансовою и биржевою цѣной на убытокъ. На этомъ основаніи управленіе сберегательными кассами въ теченіи трехъ лѣтъ производило переоцѣнку бумагъ и получило отъ этого убытокъ свыше 15 милл., изъ которыхъ на одинъ 1900 г. падало 12,87 милл. Благодаря этому запасный капиталъ сберегательныхъ кассъ уменьшился съ 21,3 милл. до 9,96 милл.

Мѣра эта, какъ намъ кажется, заслуживаетъ полнаго одобренія. Дѣйствительно, переоцѣнка бумагъ при пониженіи ихъ цѣны вызывается прямою необходимостью. Какое значеніе могли бы имѣть балансы сберегательныхъ кассъ, если бы бумаги помѣщались по цѣнамъ, превышающимъ современную ихъ расцѣнку? Развѣ не въ правѣ были бы мы тогда признать балансы преувеличенными, несоотвѣтствующими дѣйствительному активу кассъ? Однако, въ 1902 году кассы нарушили этотъ принципъ и воспользовались повышеніемъ цѣнъ для того, чтобы произвести новую переоцѣнку съ цѣлью возвышенія балансовой стоимости. На этомъ основаніи въ прибыли кассъ зачислено было 4,8 милл., кромѣ тѣхъ суммъ, которыя дѣйствительно получены были кассами отъ продажи и обмѣна бумагъ по цѣнамъ, превышавшимъ балансовыя.

Такіе пріемы составленія баланса противорѣчатъ основнымъ требованіямъ, предъявляемымъ ко всѣмъ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, на основаніи п. 5 § 55 инструкціи о примѣненіи положенія о промысловомъ налогѣ. Инструкція предписываетъ производить переоцѣнку бумагъ при пониженіи ихъ курса, но совершенно умалчиваетъ о томъ, чтобы имъ предоставлено было право возвышать ихъ цѣну и зачислять разницу въ прибыли. Цѣна бумагъ дѣйствительно возвышалась въ 1902 г., но какая же гарантія, что она снова не понизится, даже независимо отъ войны? Если въ промежутки удается продать бумаги по цѣнамъ, превышающимъ балансо-

вую, тогда дѣйствительно можетъ получиться прибыль, но если бумаги не проданы, а произведена лишь переоцѣнка, прибыль въ дѣйствительности не заприходована и, слѣдовательно, носитъ по существу фиктивный характеръ, что вполнѣ подтверждается послѣдовавшимъ теперь пониженiемъ всѣхъ бумагъ. Еслибъ кассы не зачислили къ прибылямъ 4,8 милл., въ дѣйствительности не полученныхъ, а являющихся лишь результатомъ переоцѣнки, то отчетный годъ закончился бы съ гораздо меньшею прибылью, чѣмъ это принято въ отчетѣ.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что, помимо 4,8 милл., и остальная часть прибылей, полученная отъ продажи и обмѣна, носитъ также совершенно случайный характеръ. Съ ухудшенiемъ денежнаго рынка, съ пониженiемъ цѣнъ продажа съ барышомъ сдѣлается невозможною, вмѣсто барышей могутъ появиться убытки, подлежащiе списанiю изъ запаснаго капитала. Основанiемъ для прочности кассъ должны поэтому служить постоянные доходы отъ помѣщенiя капиталовъ, слѣдовательно—у насъ доходы по купонамъ, а не случайные доходы отъ переоцѣнки продажи или обмѣна бумагъ. Именно такого рода доходы по купонамъ у насъ гораздо менѣе обильны, чѣмъ могли бы быть, и вызывается это тѣмъ, что, какъ мы уже замѣтили выше, значительная сумма наличныхъ денегъ приноситъ кассамъ весьма незначительный доходъ. Для кассъ, помѣщающихъ, какъ наши сберегательныя кассы, свои капиталы въ бумагахъ, накопленiе значительнаго запаснаго капитала, независимо отъ правительственной гарантiи, еще болѣе необходимо, чѣмъ для кассъ, дающихъ вкладамъ болѣе разнообразное помѣщенiе.

Всякая касса, не исключая и тѣхъ, которыя пользуются правительственною гарантiею и платежная способность которыхъ не вызываетъ никакихъ сомнѣнiй, должна считаться съ фактомъ, что приходится иногда реализовать бумаги съ убыткомъ. Если не прибѣгать къ правительственной гарантiи, то единственнымъ источникомъ будетъ запасный капиталъ. Потеря въ нѣсколько процентовъ на бумагахъ явленiе до такой степени обычное, что съ нимъ приходится считаться всякой сберегательной кассѣ. Что же сказать о настоящемъ, болѣе сильномъ пониженiи, вызванномъ политическими событiями?

Въ нынѣшней организацiи кассъ имѣется однако еще другой факторъ, также оказывающiй неблагопрiятное влiянiе на кассы. Факторъ этотъ заключается во взаимныхъ отношенiяхъ между сберегательными кассами и Государственнымъ банкомъ. Какъ извѣстно, кассы

помѣщаютъ всѣ свои свободныя суммы въ Государственномъ банкѣ на текущемъ счетѣ. Суммы эти довольно значительныя и за послѣднія пять лѣтъ до 1897 г. колебались отъ 49,3 милл. до 62,3 милл.; въ 1897 году на текущемъ счетѣ находилось къ концу года 50,3 милл. Такимъ образомъ нѣсколько десятковъ милліоновъ помѣщены были въ Государственномъ банкѣ изъ полупроцента, между тѣмъ какъ сберегательныя кассы сами выплачиваютъ одинъ и тотъ же процентъ вкладчикамъ, независимо отъ того, помѣщены ли ихъ вклады въ процентныхъ бумагахъ или на текущемъ счетѣ. Если же часть вкладовъ не приноситъ почти никакого дохода, а требуетъ расходовъ, то для общаго финансоваго положенія кассъ возникаютъ серьезныя неудобства. Какъ видно изъ приведенной въ отчетѣ за 1897 г. таблицы, кассы получали на свои бумаги въ 1897 году въ среднемъ 4,12%, вкладчикамъ приходилось выплачивать въ среднемъ 3,37%, и, сверхъ того, на каждую сотню рублей вкладовъ израсходовано на управленіе кассами 34 коп. Такимъ образомъ расходы кассъ на уплату процентовъ и на администрацію составляютъ 3,71%, т. е. меньше, чѣмъ приносили бумаги, въ которыхъ помѣщены капиталы кассъ. При доходѣ въ 4,12% и расходѣ въ 3,71% можно было бы прекрасно сводить счеты довольно крупными чистыми прибылями даже при полномъ отсутствіи другихъ источниковъ доходовъ. Если въ дѣйствительности этого не получается, то объясненіемъ этому служитъ тотъ фактъ, что около 50 милл. руб. помѣщено на текущемъ счетѣ и, слѣдовательно, приноситъ не 4,12%, а только полпроцента. Именно это обстоятельство, т.-е. существованіе огромнаго капитала, требующаго расходовъ и почти не приносящаго доходовъ, является факторомъ, неблагопріятно отражающимся на финансовомъ состояніи кассъ. Значеніе этого фактора весьма наглядно обнаруживается на результатахъ дѣятельности кассъ въ 1893 и 1894 гг. При денежныхъ вкладахъ на 260,2 милл. кассы имѣли въ 1893 г. на текущемъ счетѣ 55,2 милл., что составляетъ 21,21% всей суммы вкладовъ; въ 1894 г. при вкладахъ на 306,3 милл. въ Государственномъ банкѣ хранилось на текущемъ счетѣ 62,3 милл., или 20,34% всей суммы вкладовъ. На эти суммы кассы не получали никакого дохода, такъ какъ до 1895 года Государственный банкъ не платилъ и половины процента, а между тѣмъ вкладчикамъ надо было платить проценты, надо было покрывать расходы по администраціи, составлявшіе 40 к. въ 1893 г. и 36 коп. въ 1894 году. Нѣтъ ничего удивительнаго, что оба года закончились дефицитомъ.

Можно ли при такихъ условіяхъ игнорировать послѣдствія помѣщенія десятковъ милліоновъ рублей на текущемъ, почти безпро-

центномъ счетѣ въ Государственномъ банкѣ? Для Государственнаго банка безспорно весьма выгодно располагать десятками милліоновъ рублей, за которые приходится платить только половину процента, но эти выгоды проходятъ далеко не безслѣдно для финансоваго состоянія сберегательныхъ кассъ. Съ точки зрѣнія интересовъ послѣднихъ остается только уменьшить сумму, почти совершенно пропадающую для кассъ, сократить текущій счетъ и одновременно съ этимъ повысить процентъ, выплачиваемый кассамъ Государственнымъ банкомъ.

Между тѣмъ сумма эта въ послѣдніе годы начала сильно возрастать. При общей суммѣ вкдадовъ въ 690,5 милл. въ 1901 г. на текущемъ счетѣ въ Государственномъ банкѣ хранилось уже въ среднемъ 65,7 милл., или 9,52%, а въ 1902 г. при общей суммѣ денежныхъ вкладовъ въ 747,9 милл. на текущемъ счетѣ свободныя суммы колебались отъ 56,4 милл. къ началу года до 139,6 милл. въ серединѣ года и 135,7 милл. къ 1-му января 1903 г., составляя въ среднемъ 109,4 милл., или 14,63%.

Спрашивается теперь, чѣмъ вызвано было такое увеличеніе суммъ, хранившихся на текущемъ счетѣ въ такое благопріятное для сберегательныхъ кассъ время, какъ 1901 и 1902 гг.? Чьи интересы преслѣдуетъ такая политика, — интересы сберегательныхъ кассъ, заботящихся о томъ, чтобы въ ихъ распоряженіи всегда находились большія суммы въ наличныхъ деньгахъ на случай востребованія вкладовъ, или интересы Государственнаго банка? Если принять во вниманіе, что средній процентъ, выплачиваемый сберегательными кассами по вкладамъ, составлялъ въ 1902 году 3,38 и средній расходъ по управленію составлялъ на 100 руб. денежныхъ вкладовъ 38 коп., т.-е. что кассамъ приходилось самимъ платить въ общемъ 3,76%, а получать по текущему счету только 1% (до 1902 г. начислялось даже только 1/2%), то нельзя будетъ не признать, что помѣщеніе суммы свыше 100 милл. изъ такого низкаго процента въ Государственномъ банкѣ явно убыточно. Не даетъ ли это намъ права придти къ заключенію, что увеличеніе суммы, передаваемой Государственному банку, объясняется мотивами, ничего не имѣющими общаго съ интересами кассъ, что въ данномъ случаѣ кассы приносятся въ жертву Государственному банку? Если послѣднему нужны деньги для своихъ оборотовъ, онъ свободно черпаетъ ихъ въ сберегательныхъ кассахъ. Не довольствуясь 35-ти милл., которыми онъ располагалъ въ 1899 и 1900 гг., онъ оставилъ въ 1901 г. въ своемъ распоряженіи уже 65,7 милл. и въ 1902 году доводилъ временами позаимствованія почти до 140 милл., за которые выплачивалъ только 1%. Наконецъ, если постоянное храненіе такихъ крупныхъ суммъ въ наличныхъ деньгахъ признано было

бы почему-либо необходимымъ, то почему же сберегательныя кассы должны довольствоваться такимъ ничтожнымъ доходомъ, какъ $^1/_2$ или, какъ это было въ отчетномъ году, $1^0/_0$?

Если исключить случайныя операціи, то увидимъ, что постоянные расходы на уплату процентовъ вкладчикамъ и расходы по управленію кассами поглощаютъ доходы, получаемые по купонамъ отъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены капиталы, какъ и проценты по текущему счету, и сберегательныя кассы не имѣли поэтому никакихъ основаній поступаться своими прибылями въ пользу Государственнаго банка.

Вышеприведенное приводитъ къ заключенію, что зависимость сберегательныхъ кассъ отъ Государственнаго банка, нанося прямой ущербъ кассамъ, можетъ въ окончательномъ итогѣ поставить въ затруднительное положеніе и Государственный банкъ, такъ какъ обиліе дешевыхъ денегъ дастъ ему возможность производить операціи, отъ которыхъ онъ долженъ былъ бы воздерживаться.

Въ послѣдніе годы кассы начали пріобрѣтать закладные листы земельныхъ банковъ на большія суммы. Въ 1895 г. ихъ было только на 37,9 мил., а къ 1899 году сумма увеличилась до 249 мил. Фактъ этотъ самъ по себѣ не заслуживалъ бы особеннаго вниманія, если бы переживаемый теперь кризисъ не отразился неблагопріятно именно на этихъ бумагахъ. Согласно основной тенденціи сберегательныхъ кассъ, какъ государственнаго финансоваго учрежденія, при выборѣ бумагъ для помѣщенія стекающихся въ кассы вкладовъ управленіе руководствуется далеко не всегда и не исключительно доходностью бумагъ. Финансовое вѣдомство пользуется средствами кассъ для поддержанія тѣхъ или иныхъ бумагъ, реализація которыхъ представляется въ данное время необходимою или желательною. Пока рѣчь идетъ о государственныхъ займахъ, кассы чужды всякой тенденціи и буквально выполняютъ требованіе устава, но когда получаютъ преобладаніе желѣзнодорожные или ипотечные займы, опредѣленная тенденція сказывается весьма ясно. Когда желѣзныя дороги встрѣчаютъ затрудненія въ размѣщеніи облигацій, уплата по которымъ гарантирована правительствомъ, на выручку имъ являются сберегательныя кассы. Въ послѣдніе годы кассы стали служить цѣлямъ ипотечнаго кредита, поглощая закладные листы, выпускаемые земельными банками. Пока Дворянскій банкъ платилъ по своимъ листамъ $5^0/_0$ и $4^1/_2{}^0/_0$, въ содѣйствіи кассъ не представлялось надобности, но когда вмѣсто бумагъ, находившихъ сбытъ въ публикѣ, начали выпускать $4^0/_0$-ные, а потомъ и $3^1/_2{}^0/_0$-ные листы, содѣйствіе кассъ сдѣлалось необходимымъ: безъ

нихъ немыслимо было уже разсчитывать на реализацію закладныхъ листовъ, а слѣдовательно на дальнѣйшее развитіе ссудной операціи, вызываемое удешевленіемъ кредита.

Такъ какъ бумаги Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ гарантированы правительствомъ, то такое помѣщеніе капиталовъ сберегательныхъ кассъ вполнѣ мирится съ уставомъ. Однако, на ряду съ этими бумагами кассы пріобрѣтаютъ и закладные листы разныхъ земельныхъ банковъ, не пользующіеся, какъ извѣстно, правительственною гарантіею. Впервые эти листы появляются въ портфеляхъ кассъ въ 1898 г., когда ихъ пріобрѣтено сразу на 62,5 милл. руб. Какимъ же образомъ въ сберегательныхъ кассахъ могла очутиться сразу такая масса закладныхъ листовъ акціонерныхъ банковъ? Единственнымъ объясненіемъ этому служитъ конверсія 5%-ныхъ листовъ земельныхъ банковъ въ 4½%-ные, произведенная въ 1898 г. при участіи Государственнаго банка. По условіямъ конверсіи Государственный банкъ обязался принять за свой счетъ всѣ листы, которые останутся послѣ обмѣна 5% листовъ на 4½%-ные, по нарицательной цѣнѣ. Благодаря этому, банкъ получилъ по высокой цѣнѣ листы на сумму около 70 милл. руб. Но послѣ конверсіи бумаги начали падать. и банку предстоялъ большой убытокъ. Чтобы избавиться отъ убытка, банкъ передалъ закладные листы въ сберегательныя кассы по курсу 99,54. Нарушеніе устава вызвано такимъ образомъ не интересами кассъ, не желаніемъ прійти на помощь земельнымъ банкамъ, а исключительно стремленіемъ перенести на сберегательныя кассы рискъ, связанный съ конверсіею, оказавшеюся далеко не такою безобидною операціею, какъ это казалось Государственному банку.

Въ позднѣйшихъ отчетахъ мы находимъ, кромѣ закладныхъ листовъ акціонерныхъ банковъ, еще другія частныя бумаги, притомъ весьма сомнительнаго достоинства. Такъ, въ отчетѣ за 1900 г. мы находимъ 5%-ныя облигаціи подъѣздныхъ желѣзнодорожныхъ путей на 6.647.800 руб. и приморской Петербургско-сестрорѣцкой желѣзной дороги на 907.000 руб. Первыя были куплены по курсу 78, вторыя по курсу 85, такъ что онѣ приносятъ 6,09 и 5,59%. Неужели же наши общества подъѣздныхъ путей представляютъ такія прочныя предпріятія, чтобы въ ихъ облигаціяхъ можно было помѣщать капиталы сберегательныхъ кассъ? Отнимите отъ нихъ поддержку Государственнаго банка, и почти всѣ общества вынуждены будутъ прекратить свои дѣйствія. Самое крупное изъ этихъ предпріятій, первое общество, не только не можетъ выплачивать дивиденда, но и не въ состояніи само изъ доходовъ оплачивать процентовъ по своимъ облигаціямъ. Какъ реализація облигацій, такъ и пополненіе дефицитовъ не могутъ произ-

водиться безъ такихъ экстраординарныхъ средствъ, какъ безпроцентная правительственная ссуда и усиленное содѣйствіе Государственнаго банка. Даже тѣ изъ обществъ, которыя, повидимому, или, по крайней мѣрѣ, судя по отчетамъ, окупаются, могутъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока находятся подъ патронатомъ Государственнаго банка, пока ихъ облигаціи покупаются банкомъ или впредь до реализаціи подъ нихъ выдается ссуда, чуть ли не превышающая ихъ биржевую цѣну. Неужели же можно такія бумаги приравнивать къ государственнымъ, желѣзнодорожнымъ и ипотечнымъ бумагамъ? Можетъ быть, эти облигаціи попали въ сберегательныя кассы такимъ же путемъ, какимъ въ свое время попали закладные листы акціонерныхъ земельныхъ банковъ, т.-е. чрезъ посредство Государственнаго банка Увлекаясь весьма опаснымъ и во многихъ случаяхъ неосуществимымъ желаніемъ поддержать падающія промышленныя предпріятія, Государственный банкъ открываетъ имъ широкій кредитъ, покупаетъ ихъ облигаціи и т. д. Для банка неудобно помѣщать свои средства въ такихъ трудно реализуемыхъ бумагахъ, и выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія является передача ихъ сберегательнымъ кассамъ. Можно ли въ такомъ увлеченіи доходить до того, чтобы допустить, чтобы капиталы кассъ помѣщались въ бумагахъ обществъ, прекращающихъ платежи? А между тѣмъ недавно въ газетахъ появилось извѣстіе, что общество Петербургско-сестрорѣцкой дороги допустило до протеста свои обязательства и что для ревизіи дѣлъ общества назначена особая комиссія. Конечно, убытокъ отъ такихъ облигацій въ случаѣ прекращенія дѣйствій общества не такъ еще можетъ быть великъ, чтобы нанести серьезный ущербъ кассамъ. При 907.000 руб. даже потеря всего капитала,—а облигаціи всегда представляютъ нѣкоторую цѣнность,—не такъ еще велика, но самый фактъ этотъ, какъ прецедентъ, чрезвычайно опасенъ. Думаемъ, что при такихъ уклоненіяхъ, какія допускаются въ послѣднее время въ сберегательныхъ кассахъ, отпадаетъ то единственное преимущество, на которое могутъ ссылаться сторонники нынѣшней системы,—вѣрность помѣщенія народныхъ сбереженій. Разъ основнымъ началомъ всей современной организаціи кассъ признается помѣщеніе вкладовъ въ государственныхъ и правительствомъ гарантированныхъ бумагахъ, то нѣтъ никакихъ основаній дѣлать отступленія отъ этого принципа въ пользу бумагъ предпріятій не только не прочныхъ, но и прямо бездоходныхъ и даже близкихъ къ несостоятельности.

Съ наступленіемъ кризиса сберегательныя кассы все чаще и чаще начали пріобрѣтать бумаги, не пользующіяся правительственною гарантіей. Эти изъятія еще больше подтверждаютъ, что министерство

финансовъ пользуется кассами для поддержанія отдѣльныхъ пошатнувшихся предпріятій или для избавленія Государственнаго банка отъ невыгодныхъ для него бумагъ. Такъ, кассами пріобрѣтено облигацій обществъ подъѣздныхъ путей на 18 милл. Намъ не зачѣмъ долго останавливаться на вопросѣ о достоинствѣ этихъ бумагъ. Намъ не разъ приходилось уже констатировать, что наши общества подъѣздныхъ путей не въ состояніи существовать безъ правительственной поддержки; послѣдняя выражается иногда даже въ беспроцентныхъ ссудахъ со стороны Государственнаго казначейства. Далѣе, общества пользуются широкимъ кредитомъ въ Государственномъ банкѣ; банкъ пріобрѣтаетъ также ихъ облигаціи. Не думаемъ, чтобы министерство финансовъ поступало правильно, поддерживая предпріятія, не обладающія жизнеспособностью; тѣмъ менѣе можно оправдать наполненіе такими бумагами портфеля сберегательныхъ кассъ. Если Государственному банку не подъ силу раздавать милліоны пошатнувшимся обществамъ, отпускать деньги на постройку новыхъ линій, то не слѣдовало-бы пріобрѣтать на огромныя суммы облигаціи этихъ предпріятій, чтобы передавать ихъ потомъ въ сберегательныя кассы.

Когда возникаетъ вопросъ о пересмотрѣ устава кассъ въ смыслѣ приспособленія ихъ къ нуждамъ мелкаго кредита, финансовое вѣдомство высказывается противъ такой реформы, доказывая, что операціи мелкаго кредита связаны съ большимъ рискомъ, что народнымъ сбереженіямъ не слѣдуетъ давать помѣщенія, при которомъ возможны потери, и т. д. Между тѣмъ то же вѣдомство, которое такъ заботится о неприкосновенности народныхъ сбереженій, употребляетъ ихъ на покупку болѣе чѣмъ сомнительныхъ бумагъ, которыхъ не рѣшится пріобрѣсти сколько-нибудь осторожный банкъ. Правда, изъ примѣчанія къ таблицѣ объ измѣненіи состава и доходности процентныхъ бумагъ мы узнаемъ, что облигаціи мелекесскаго и новозыбковскаго путей и Сестрорѣцкой дороги проданы въ теченіе 1902 г. по тому же курсу, по которому онѣ были переданы въ фондъ сберегательныхъ кассъ, но это нисколько не мѣняетъ дѣла, потому что облигаціи эти не могли быть проданы въ постороннія руки, а были, очевидно, возвращены Государственному банку. Это примѣчаніе только раскрываетъ намъ, въ какомъ зависимомъ положеніи находятся сберегательныя кассы по отношенію къ Государственному банку.

На характерѣ дѣятельности нашихъ кассъ сильно отразилась исторія ихъ возникновенія. Въ отличіе отъ сберегательныхъ кассъ въ большинствѣ европейскихъ странъ, наши кассы созданы государствомъ. Поэтому

у насъ не имѣетъ значенія разграниченіе между частными, свободными или обыкновенными кассами и правительственными, при чемъ подъ послѣдними разумѣются обыкновенно почтовыя сберегательныя кассы. Если мы обратимся къ нашимъ сосѣдямъ, то увидимъ, что въ Германіи и Австріи, равно какъ и во Франціи, Англіи, Италіи возникновеніе сберегательныхъ кассъ относится къ довольно отдаленному періоду; немало кассъ возникло въ концѣ XVIII или началѣ XIX вѣка. Каждая касса дѣйствовала по своему уставу и носила совершенно самостоятельный характеръ. Города, общины, округа устраивали и продолжаютъ устраивать для себя сберегательныя кассы; на ряду съ этимъ возникали кассы, устраиваемыя благотворительными обществами и различнаго рода другими учрежденіями. Сберегательная касса являлась большею частью принадлежностью общины и входила въ составъ коммунальныхъ учрежденій; управленіе ею связано съ общиннымъ управленіемъ. Если на сберегательныхъ кассахъ отразилось вліяніе государственной власти, то оно выразилось въ томъ, что всѣ онѣ подчинялись дѣйствію общаго закона о кассахъ. Въ Германіи до настоящаго времени остается въ силѣ законъ, изданный въ 1832 г. Полная свобода въ устройствѣ кассъ проявлялась не только въ томъ, что касса носила характеръ мѣстнаго учрежденія, но и въ томъ, что въ предѣлахъ закона кассы могли давать своимъ вкладамъ самое разнообразное помѣщеніе и употреблять прибыли кассъ на общинныя нужды. На этомъ основаніи въ кассахъ практиковались издавна самыя разнообразныя операціи, такъ или иначе связанныя съ мѣстными интересами и потребностями. Главнѣйшею операціей кассъ является ипотечный кредитъ, выдача небольшихъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ даннаго округа, покупка бумагъ какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, выдача ссудъ общинамъ, союзамъ, меліораціоннымъ товариществамъ, содѣйствіе кооперативнымъ учрежденіямъ, а также операціи мелкаго городского и сельскохозяйственнаго кредита. Что касается прибылей кассъ, то онѣ поступаютъ на пользу общины, устраивающей кассу, и даютъ возможность производить нѣкоторыя затраты на постройку школъ, улучшеніе дорогъ, на благотворительныя учрежденія и на разнообразныя филантропическія предпріятія, не прибѣгая къ налогамъ. Собственный капиталъ сберегательной кассы является достояніемъ общины и въ этомъ случаѣ напоминаетъ другіе виды общиннаго имущества, какъ, напримѣръ, общинныя земли или лѣса и т. д. Съ развитіемъ коопераціи, принявшей въ послѣдніе годы въ Германіи такіе большіе размѣры, сберегательныя кассы начинаютъ открывать кредитъ сельскимъ кассамъ и различнаго рода банкамъ мелкаго кредита. Такое расширеніе опе-

рацій сберегательныхъ кассъ встрѣчаетъ большую поддержку со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находятся кассы; цѣлый рядъ циркуляровъ разъясняетъ кассамъ, на какія хозяйственныя мѣстныя нужды онѣ могутъ употреблять стекающіеся къ нимъ капиталы.

Сберегательная касса при такой постановкѣ дѣла настолько срастается съ мѣстнымъ общиннымъ управленіемъ, что отнять отъ кассы право распоряженія ея капиталами или поставить на ряду съ частною кассой правительственную сберегательную кассу равносильно было бы тому, чтобы нанести ударъ одному изъ самыхъ цѣнныхъ пріобрѣтеній общественнаго самоуправленія. Именно потому въ Германіи потерпѣли крушеніе попытки устройства почтовыхъ сберегательныхъ кассъ, и даже такой ревнивый охранитель государственныхъ финансовъ, какъ бывшій министръ финансовъ Микель, не рѣшился прикоснуться къ милліардамъ сберегательныхъ кассъ. А между тѣмъ почтовыя сберегательныя кассы по проекту должны были производить самыя разнообразныя операціи, а не употреблять свои капиталы исключительно на покупку государственныхъ бумагъ. Въ Германіи твердо установленъ взглядъ, что сберегательная касса есть мѣстное, а не государственное учрежденіе и что въ число обязанностей кассъ ни въ какомъ случаѣ не должно входить поддержаніе государственнаго кредита. Если и въ Германіи раздаются голоса въ пользу реформы кассъ, то на первый планъ выдвигаются опять-таки вопросы мѣстнаго характера, забота о распространеніи учрежденій мелкаго кредита, различныхъ формъ сельскохозяйственной коопераціи. На сберегательныя кассы возлагаются такимъ образомъ задачи соціально-политическаго характера, а не забота о поддержаніи государственнаго кредита. Въ виду этого сторонники реформъ требуютъ, чтобы кассы не стремились къ полученію большихъ прибылей, хотя бы прибыли эти и поступали въ пользу общинъ, а стремились къ тому, чтобы еще тѣснѣе связать свои операціи съ нуждами и интересами низшихъ слоевъ населенія. Забота о государственномъ кредитѣ принадлежитъ, по справедливому признанію защитниковъ частныхъ сберегательныхъ кассъ, къ числу обязанностей всего населенія, а не только тѣхъ, которые отдаютъ свои сбереженія въ сберегательныя кассы. Зачѣмъ же эту общую обязанность переносить на сравнительно менѣе зажиточные слои населенія и предъявлять къ вкладчикамъ сберегательныхъ кассъ требованіе, чтобы они одни отдавали свои сбереженія на нужды государственнаго кредита? Въ поддержаніи государственнаго кредита, какъ и въ улучшеніи государственныхъ финансовъ, заинтересованы крупные землевладѣльцы и капиталисты не меньше,

чѣмъ крестьяне или низшіе слои городского населенія, а между тѣмъ первые совершенно свободно распоряжаются своими сбереженіями, къ послѣднимъ же почему-то предъявляется требованіе, чтобы они въ качествѣ вкладчиковъ сберегательныхъ кассъ отдавали свои капиталы исключительно для поддержанія государственнаго кредита.

Тамъ, гдѣ на ряду съ частными сберегательными кассами существуютъ почтовыя сберегательныя кассы, организованныя на началахъ правительственнаго учрежденія, какъ, напримѣръ, въ Австріи и въ Италіи, первыя выполняютъ разнообразныя операціи и пользуются полною свободой въ распоряженіи своими капиталами, послѣднія употребляютъ ихъ преимущественно на покупку государственныхъ бумагъ. Такимъ образомъ сберегательная касса, какъ свободное учрежденіе, связанное съ мѣстными интересами и нуждами, отдающее свои прибыли на общественныя и филантропическія потребности, помѣщающее вклады среди того же населенія, которое накопило эти вклады, продолжаетъ существовать на прежнемъ основаніи, но на ряду съ нею функціонируетъ правительственная почтовая сберегательная касса, задача которой сводится къ тому, чтобы концентрировать мелкія сбереженія, стянуть изъ самыхъ отдаленныхъ, заброшенныхъ уголковъ страны и передать ихъ въ руки правительства какъ фондъ, который долженъ служить для поддержанія государственнаго кредита путемъ покупки государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ бумагъ.

Въ Германіи, какъ мною указано въ брошюрѣ «Мелкій кредитъ въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и сберегательныя кассы», правительство въ дѣлѣ регулированія кассъ никогда не руководилось фискальными цѣлями, никогда не думало пользоваться вкладами для своихъ цѣлей, а преслѣдовало только интересы общинъ, устраивавшихъ кассы. Оно, конечно, не могло не заботиться о томъ, чтобы сбереженія вкладчиковъ не подвергались риску, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно стремилось къ тому, чтобы капиталы, которые накопляются въ кассахъ, приносили пользу мелкому люду, чтобы они получали производительное въ народно-хозяйственномъ смыслѣ назначеніе. Такой взглядъ на кассы настолько упрочился, что не только теоретики, но и представители финансоваго вѣдомства высказывались самымъ категорическимъ образомъ противъ концентраціи капиталовъ сберегательныхъ кассъ. При обсужденіи вопроса о кассахъ Михель прямо заявилъ въ ландтагѣ, что крайне сожалѣлъ бы, если бы въ Пруссіи кассы заняли такое же положеніе, какое онѣ занимаютъ во Франціи, гдѣ благодаря централизаціи всѣ вклады сберегательныхъ кассъ переводятся въ Парижъ и превращаются тамъ во

французскую ренту. Именно по этой причинѣ, какъ выше указано, учрежденіе почтовыхъ кассъ въ Германіи потерпѣло крушеніе; при этомъ высказывалось опасеніе, что чрезмѣрная централизація можетъ оказать неблагопріятное вліяніе на кредитъ, который открываютъ сберегательныя касы на мѣстахъ. Задача сберегательной кассы должна, по авторитетному заявленію Микеля, всегда заключаться въ томъ, чтобы собирать дѣйствительныя сбереженія въ округѣ, для котораго касса работаетъ, и употреблять ихъ опять въ томъ же округѣ. Между сберегательными кассами и учрежденіями для мелкаго кредита издавна существуютъ тѣсныя отношенія, а съ 1899 г. имъ разрѣшено открывать кредитъ товариществамъ съ неограниченною отвѣтственностью; эти ссуды должны выдаваться съ погашеніемъ, а общій размѣръ такого кредита не долженъ превышать 10% капиталовъ кассъ. При этомъ товарищество должно представить доказательства, что имущество всѣхъ членовъ товарищества въ пять разъ превышаетъ сумму испрашиваемаго кредита. Наконецъ, по указу 31 октября 1901 г., право пользованія кредитомъ въ сберегательныхъ кассахъ было распространено въ Пруссіи на товарищества съ ограниченною отвѣтственностью. Благодаря этому товарищества для сбыта хлѣба, организованныя большею частью на началахъ ограниченной отвѣтственности, получили доступъ къ сберегательнымъ кассамъ. Ссуды безъ спеціальнаго обезпеченія не должны превышать 75% капитала обезпеченія, отвѣтственность каждаго члена не должна превышать 10% его имущества, а общая сумма кредита—10% суммы вкладовъ кассы. Большое число кассъ, принимающихъ участіе въ снабженіи кредитомъ сельскихъ хозяевъ, открываютъ его на такихъ условіяхъ, которыя съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства могутъ быть признаны цѣлесообразными. Кредитъ этотъ не могъ бы достигнуть такихъ размѣровъ, какихъ онъ уже въ настоящее время достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, если бы кассы были совершенно не пригодны для личнаго сельскохозяйственнаго кредита. Особенное вниманіе сберегательнымъ кассамъ удѣляетъ министерство земледѣлія. Въ циркулярѣ отъ 1896 г. министръ обращаетъ вниманіе на то, что на ряду съ товариществами для удовлетворенія личнаго кредита имѣютъ большое значеніе публичныя сберегательныя кассы. Безъ ущерба для главной цѣли, заключающейся въ пробужденіи стремленія къ сбереженію и въ надежномъ помѣщеніи сбереженій, сберегательныя кассы призваны, по мнѣнію министра, при помѣщеніи своихъ денегъ обращать вниманіе на удовлетвореніе потребностей населенія своего округа въ личномъ кредитѣ. Въ этой сферѣ сберегательныя кассы во многихъ мѣстностяхъ дѣйствуютъ уже съ полнымъ успѣхомъ. При осто-

рожномъ веденіи дѣла выдачей мелкихъ суммъ нисколько не нарушается безопасность помѣщенія капиталовъ. Это подтверждаетъ опытъ многихъ кассъ, производящихъ операціи при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ.

На ряду съ реальнымъ кредитомъ онѣ начали развивать въ послѣднее время операціи личнаго кредита.

Назначая агентовъ изъ учительскаго персонала и изъ мелкихъ крестьянъ и удѣляя свое вниманіе операціямъ, въ которыхъ всего больше нуждаются низшіе слои сельскаго населенія, сберегательныя кассы, какъ это показала анкета о сельскомъ кредитѣ, произведенная обществомъ соціальной политики, служатъ прежде всего потребностямъ мелкихъ крестьянъ, различнаго рода рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ и постепенно развиваютъ операціи, содѣйствующія упроченію благосостоянія крестьянскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кассы принимаютъ на себя посредничество при продажѣ крестьянскихъ дворовъ и участковъ и открываютъ кредитъ не только ведущимъ самостоятельное хозяйство крестьянамъ, но и поденщикамъ, прислугѣ, служащимъ, батракамъ, торговому люду и т. д. Опасенія, что личный кредитъ и участіе въ распродажѣ имѣній отразятся неблагопріятно на обезпеченности вкладовъ сберегательныхъ кассъ, не оправдались. Напротивъ, отъ пониженія курса бумагъ кассы понесли въ теченіе 10-ти лѣтъ не меньше потерь, чѣмъ на операціяхъ личнаго кредита; на послѣднихъ въ нѣкоторыхъ кассахъ потери даже меньше, чѣмъ на ипотечномъ кредитѣ.

Опытъ удачной дѣятельности сберегательныхъ кассъ у нашихъ сосѣдей, гдѣ между сберегательными кассами и учрежденіями мелкаго кредита устанавливаются болѣе тѣсныя связи и капиталы, стекающіяся въ кассы, идутъ на пользу массѣ населенія, показываетъ, что задача сберегательныхъ кассъ не можетъ сводиться къ накопленію сбереженій. Думаемъ поэтому, что настала уже пора подвергнуть пересмотру ту часть дѣйствующаго устава, которая предусматриваетъ способы помѣщенія капиталовъ кассъ, и установить тѣсныя связи между сберегательными кассами и учрежденіями мелкаго кредита.

М. Герценштейнъ.

Проекты редакціонной комиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ.

---

1. Волость.

I.

Что дѣлать съ волостью? Не слѣдуетъ ли ее вовсе упразднить? А если нѣтъ, то должна ли она попрежнему оставаться сословной крестьянской? Не можетъ ли ея мѣсто теперь же занять волость всесословная, или будетъ лучше, если на смѣну ей до поры до времени придетъ другая, болѣе сложная, система, допускающая существованіе на низшихъ ступеняхъ управленія бокъ о бокъ мелкой земской единицы и административно-полицейской агентуры? За послѣдніе годы эти вопросы возбуждали у насъ, можно сказать, непрекращавшіеся толки и споры. Многочисленные отклики на эту злобу дня въ публицистикѣ, въ научныхъ трудахъ, въ земскихъ запискахъ и ходатайствахъ, въ отзывахъ и заключеніяхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей могутъ служить, казалось бы, отраженіемъ всевозможныхъ взглядовъ на предметъ, намѣчаютъ всевозможныя рѣшенія этой задачи, поставленной жизнью на одну изъ первыхъ очередей. Тѣмъ не менѣе редакціонная комиссія по пересмотру законодательства о крестьянахъ попыталась начертать новый и своеобразный проектъ волостнаго устройства. Комиссія—противъ упраздненія волости, противъ преобразованія ея въ безсословную, противъ расчлененія ея на мелкую самоуправляющуюся хозяйственную единицу и низшую административно-полицейскую организацію и вмѣстѣ съ тѣмъ она—противъ крестьянской волости.

Въ самомъ дѣлѣ, «волость,—разсуждаетъ комиссія,—является несомнѣнно одной изъ древнѣйшихъ организацій нашего общественнаго строя, при чемъ въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій волостное устройство имѣло особое значеніе именно для крестьянскаго населенія въ качествѣ инстанціи, въ которой сосредоточивались крестьянское управленіе и крестьянскій судъ». Это—доводъ вообще за сохраненіе во-

лости или, точнѣе говоря, за сохраненіе въ административномъ словарѣ «историческаго наименованія волости». Но комиссія готова идти и дальше въ признаніи необходимости волостной организаціи. «Хотя за существующей волостью, — читаемъ мы въ мотивахъ проекта, — признается въ настоящее время преимущественно административное значеніе, а жизненность общественныхъ функцій подвергается серьезнымъ сомнѣніямъ, комиссія, съ своей стороны, не усмотрѣла основаній отказаться отъ *общественной* организаціи волостей, полагая, что, при условіи нѣкоторыхъ измѣненій и улучшеній въ волостномъ устройствѣ, указанныхъ въ дальнѣйшихъ частяхъ проекта, волостная обще твенная жизнь можетъ получить дальнѣйшее развитіе». Понятно, что эти «измѣненія и усовершенствованія» не ведутъ къ учрежденію всесловной волости. Нельзя забывать, что, по мнѣнію комиссіи, составлявшей проектъ, «органическія особенности» «рѣзко различаютъ крестьянство отъ остальныхъ классовъ населенія». При такихъ условіяхъ комиссія считаетъ ошибкою «подчиненіе крестьянъ однимъ, общимъ съ прочимъ населеніемъ государства, узаконеніямъ». По ея словамъ, «это было бы равносильно примѣненію тѣхъ же способовъ обработки, насажденію тѣхъ же растеній на различныхъ по своему химическому составу и физическому строенію почвахъ. Очевидно, что, лишь приведя эти почвы къ одной формулѣ, возможно ихъ однообразно использовать и ожидать отъ того одинаковыхъ послѣдствій». Въ частности отсюда слѣдуетъ, что и вопросъ о всесословной волости отлагается «до полнаго внутренняго объединенія крестьянства со всѣми остальными сословными группами имперіи»,—до объединенія, которое, кстати сказать, по мнѣнію комиссіи едва ли когда-нибудь и наступитъ, ибо комиссія убѣждена, что въ «издавна сложившемся и устоявшемъ въ теченіе вѣковъ бытовомъ своеобразіи нашего крестьянства лежитъ залогъ прочности его особливаго сословнаго строя».

По той же причинѣ въ проектѣ не могло быть и рѣчи о выдѣленіи изъ нынѣшней волости мелкой хозяйственной самоуправляющейся на общеземскихъ основаніяхъ единицы. Правда, «тѣ интересы и дѣла, которые ввѣряются завѣдыванію волостныхъ обществъ, представляются не узким иинтересами внутренняго благоустройства отдѣльныхъ поселковъ, а болѣе широкими интересами общественнаго хозяйства и управленія, касающимися извѣстнаго района уѣзда. Въ этомъ смыслѣ,—признаетъ и редакціонная комиссія,—волостная организація имѣетъ нѣкоторыя черты земской организаціи, а потому принадлежность къ составу волостныхъ обществъ должна опредѣляться главнымъ образомъ признакомъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ въ предѣлахъ волостной территоріи». Говоря это, комиссія все-таки

помнитъ еще о своемъ агрономическомъ сравненіи и даетъ во вступительной главѣ проекта опредѣленіе волости, какъ болѣе широкаго (сравнительно съ сельскимъ обществомъ) *крестьянскаго* общественнаго союза: волостное общество состоитъ изъ расположенныхъ въ предѣлахъ одной волости сельскихъ обществъ (ст. 4-я проекта Пол. о крест. общ. упр.).

Но это опредѣленіе оказывается обязательнымъ даже для самой редакціонной комиссіи только во вступительной главѣ. Какъ ни странно, объяснительная записка къ статьямъ проекта, ближайшимъ образомъ касающимся устройства волостныхъ обществъ, начинается съ доказательствъ, что «практика жизни давно требуетъ территоріальнаго опредѣленія состава волости въ качествѣ исчерпывающаго дѣленія всей уѣздной территоріи. Въ виду постепенно возложенныхъ на волостныя правленія разнообразныхъ обязанностей по дѣламъ общаго, не спеціально крестьянскаго управленія (какъ, напр., дѣла воинской и военно-конской повинности, обязательнаго страхованія, торгово-промышленнаго надзора и т. п.) кругъ дѣйствій волостныхъ правленій естественно распространяется на сплошную территорію, прилегающую къ центрамъ волостного правленія». Комиссія сочувственно цитируетъ даже мнѣніе, высказанное еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка комиссіей статсъ-секретаря Каханова, что «въ территоріи волостей фактически вошло, въ отношеніи весьма многихъ дѣлъ, сплошное пространство земель, принадлежащихъ лицамъ всѣхъ сословій, а потому на практикѣ волостное дѣленіе обнимаетъ собою всю территорію уѣзда, и понятіе стоящихъ внѣ волости пространствъ, на которыя бы не распространялись если не власть, то дѣятельность волостнаго начальства, постепенно ослабѣваетъ». Въ настоящее время, по мнѣнію редакціонной комиссіи, можно сказать даже больше: позднѣйшее законодательство вовсе не считалось съ понятіемъ волости какъ совокупности только сельскихъ обществъ. Теперь остается «только точно установить значеніе волости въ качествѣ территоріальнаго дѣленія уѣзда», и комиссія представила въ своемъ трудѣ соотвѣтствующее предположеніе. Но и этого мало: приступивъ затѣмъ къ начертанію проекта волостного устройства, она отказалась отъ своего опредѣленія волостного общества какъ *крестьянскаго* общественнаго союза и замѣнила это опредѣленіе другимъ, изъ котораго видно, что волостное общество, по проекту, *не крестьянскій* союзъ. Въ объясненіяхъ къ стт. 67—77-й проекта говорится, что «согласно усвоеннымъ въ проектѣ основаніямъ устройства волостныхъ обществъ, таковыя общества являются административно-хозяйственными *союзами лицъ сельскаго и городского состоянія*, нынѣ подвѣдомственныхъ волост-

ному управленію». И, дѣйствительно, волостное общество, по проекту, состоитъ не только изъ членовъ сельскихъ обществъ, расположенныхъ на волостной территоріи, но также изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу этихъ обществъ, изъ всѣхъ крестьянъ, мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, владѣющихъ въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью, даже если они имѣютъ постоянное жительство въ другомъ мѣстѣ (ст. 67-я). Притомъ землевладѣльцы, принадлежащіе къ этимъ сословіямъ, по ст. 68-й проекта, входятъ въ составъ всѣхъ тѣхъ волостныхъ обществъ, въ предѣлахъ которыхъ они владѣютъ недвижимою собственностью. Иначе говоря, проектъ дѣйствительно принимаетъ главнымъ признакомъ принадлежности къ составу волостного общества владѣніе недвижимыми имуществами. Это только послѣдовательно, если признавать за волостью значеніе территоріальной единицы, если пріурочивать функціи волостного управленія къ «интересамъ общественнаго хозяйства и управленія» въ извѣстномъ районѣ уѣзда, а не только къ группѣ сельскихъ обществъ, если не отказываться вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ «общественной организаціи» волостей. Но послѣдовательно было бы также не исключать изъ состава волостного общества землевладѣльцевъ, къ какому бы они сословію ни принадлежали. Нѣтъ надобности доказывать, что «интересы общественнаго хозяйства и управленія» волости въ той же мѣрѣ близки землевладѣльцу-дворянину или купцу, какъ и землевладѣльцу-мѣщанину; съ другой стороны, несомнѣнно и то, что услугами волостного общественнаго управленія первые пользуются такъ же, какъ и послѣдній. Вообще если смотрѣть на волости какъ на «единицы хозяйственнаго характера, общественное представительство коихъ опредѣляется на началахъ владѣнія недвижимыми имуществами», то несправедливо и нежелательно устранять кого-либо изъ землевладѣльцевъ отъ участія въ волостномъ общественномъ управленіи или освобождать отъ платежей на волостныя нужды.

Однако, какъ мы видѣли, раскрывая двери волости представителямъ «бывшихъ податныхъ сословій», проектъ отказываетъ въ этомъ такъ называемымъ привилегированнымъ сословіямъ. Интересно, что редакціонная комиссія «не находила поводовъ опасаться введенія въ составъ крестьянскаго управленія чуждыхъ ему элементовъ» даже въ случаѣ избранія на волостныя должности лицъ городского состоянія. Читая эти строки объясненія къ проекту, можно подумать, что, по мнѣнію комиссіи, опасность эта угрожаетъ со стороны дворянъ-землевладѣльцевъ или лицъ духовнаго званія и что только по этой причинѣ проектъ останавливается на половинѣ дороги въ дѣлѣ «уничтоженія сословныхъ граней». Едва ли однако мы ошибемся, если ска-

жемъ, что дѣйствительный мотивъ рѣшенія сводится въ данномъ случаѣ къ опасенію не за «особливый сословный строй» крестьянъ, а за «особливый порядокъ управленія ими». Какъ ни краснорѣчиво отстаиваетъ комиссія «коренной устой, на коемъ зиждется современный крестьянскій бытъ»—начало сословности, она жертвуетъ имъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ въ проектѣ волостного устройства. Почему же, допуская участіе въ волостномъ сходѣ пришлыхъ, даже не живущихъ постоянно въ предѣлахъ волости землевладѣльцевъ изъ «бывшихъ податныхъ сословій», проектъ комиссіи отстраняетъ мѣстныхъ жителей, если они принадлежатъ къ привилегированному сословію? Конечно, не потому, что первые менѣе «чужды» крестьянскимъ интересамъ и мѣстному общественному дѣлу, нежели вторые. Но проживающія въ селеніяхъ лица «бывшихъ податныхъ сословій» по закону 12-го іюля 1889 года подчинены крестьянскому управленію и суду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дискреціонной власти земскаго начальника. Въ другомъ положеніи находятся лица привилегированныхъ сословій, — и это обстоятельство рѣшаетъ дѣло. Отказываясь отъ крестьянской волости и устраивая волость «бывшихъ податныхъ сословій», комиссія, повидимому, всего меньше руководилась соображеніями о преимуществахъ началъ сословности или безсословности въ общественномъ управленіи. Ея главнѣйшая задача, какъ мы не разъ еще удостовѣримся на фактахъ, состоитъ въ укрѣпленіи и развитіи административной опеки надъ учрежденіями общественнаго управленія. Поэтому и волость, проектированная ею, не можетъ быть названа ни крестьянской, какъ ее называетъ комиссія въ началѣ своего проекта, ни безсословной, хотя она и основана главнымъ образомъ, какъ указываетъ комиссія въ другомъ мѣстѣ, на представительствѣ отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ. Характернымъ признакомъ для нея является не составъ ея членовъ, а ихъ зависимость отъ административной власти. Скорѣе всего поэтому ей приличествуетъ названіе крѣпостной или подначальной, не самоуправляющейся, а управляемой начальствующимъ надъ нею представителемъ уѣздной администраціи.

II.

Первое мѣсто въ волостномъ управленіи проектъ редакціонной комиссіи, какъ и дѣйствующее Общее Положеніе о крестьянахъ, отводитъ волостному сходу. Этотъ, по закону, «главный распорядительный органъ» волости, «душа всего управленія» ея, на дѣлѣ, какъ замѣтила еще Кахановская комиссія, не играетъ такой важной роли и вообще не имѣетъ большого значенія въ сельской жизни. Редак-

ціонная комиссія, составившая проектъ новаго крестьянскаго общественнаго управленія, «не отвергаетъ справедливости» неблагопріятныхъ отзывовъ «о малой жизненности волостныхъ сходовъ», но не рѣшается, говоря ея словами, «на совершенное ихъ упраздненіе» въ проектируемой ею некрестьянской волости. Сходы, по проекту, сохраняются, сохраняется и бо́льшая часть дѣйствующихъ постановленій о нихъ. По мнѣнію комиссіи, общее положеніе «вполнѣ точно» опредѣляетъ компетенцію волостного схода, какъ органа, завѣдующаго хозяйственными и административными дѣлами волости. Затѣмъ и правила о порядкѣ дѣйствія волостныхъ сходовъ признаются «вполнѣ цѣлесообразными» и переносятся въ новый законопроектъ. Значительному пересмотру, на взглядъ комиссіи, должна подвергнуться только та часть дѣйствующаго закона, которая касается «самаго образованія волостныхъ сходовъ».

Первый вопросъ, съ которымъ поэтому подходимъ мы къ проекту,— изъ кого состоитъ сходъ въ проектируемой волости? По предположеніямъ комиссіи, въ него войдутъ, какъ и въ нынѣшній волостной сходъ, прежде всего всѣ замѣщаемыя по выбору должностныя лица сельскаго и волостного управленія. Вторую категорію членовъ волостного схода, по проекту, составятъ выборные двухъ разрядовъ: отъ всѣхъ входящихъ въ составъ волостного общества сельскихъ обществъ и отъ причисленныхъ къ волостному обществу лицъ бывшихъ податныхъ сословій. Выборные отъ сельскихъ обществъ будутъ избираться на сельскихъ сходахъ, а для выбора уполномоченныхъ отъ причисленнаго къ волости населенія учреждаются особые волостные избирательные сходы, созываемые только для избранія выборныхъ.

Число выборныхъ волостного схода поставлено въ извѣстное соотношеніе съ пространствомъ волостной территоріи, но не опредѣлено, на какое количество десятинъ земли полагается одинъ выборный. Рѣшеніе этого вопроса предоставлено губернскимъ присутствіямъ, которыя могутъ установить различныя нормы не только для уѣздовъ, но и для отдѣльныхъ волостей. Число представителей отъ каждаго сельскаго общества и отъ избирательнаго схода причисленныхъ къ волости лицъ опредѣляется дѣленіемъ общаго количества состоящихъ во владѣніи избирателей десятинъ на количество, принятое губернскимъ присутствіемъ за нормальный для данной волости выборный участокъ. При этомъ исчисленіи для сельскихъ обществъ берутся во вниманіе какъ надѣльныя, такъ и внѣнадѣльныя земли крестьянъ и наблюдается, чтобы отъ каждаго селенія, входящаго въ составъ сельскаго общества, былъ избираемъ по крайней мѣрѣ одинъ выборный. Не принимаются въ разсчетъ лишь земли лицъ, получающихъ право

«самостоятельнаго участія» на волостномъ сходѣ, безъ выборовъ, по земельному цензу. Такое право комиссія предполагаетъ предоставить одной группѣ членовъ волостного общества, именно всѣмъ владѣльцамъ относительно крупныхъ участковъ земли. Имъ могутъ пользоваться и члены сельскихъ обществъ, и причисленные лишь къ волостному обществу, если владѣютъ въ предѣлахъ волости такимъ количествомъ десятинъ земли, которое установлено губернскимъ присутствіемъ для избранія одного выборнаго.

Въ этомъ пунктѣ проектъ кореннымъ образомъ расходится съ Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, которое знаетъ членовъ волостного схода лишь по должности и по выбору. Эта перемѣна по проекту стоитъ въ связи съ измѣненіемъ самаго основанія волостного представительства. «Число крестьянъ, на волостной сходъ высылаемыхъ каждымъ селеніемъ, деревней или поселкомъ, вѣрнѣе всего,— говорили составители общаго положенія,—можетъ быть опредѣлено соотвѣтственно числу населенія». На этомъ основаніи въ законъ вошло правило, по которому одинъ выборный полагается на десять дворовъ, а изъ среды батраковъ и бобылей въ западныхъ губерніяхъ одинъ выборный—отъ каждыхъ двадцати взрослыхъ работниковъ. Нынѣшній проектъ измѣняетъ это основаніе волостного представительства. По мнѣнію комиссіи, «надлежитъ признать, что опредѣленіе мірскихъ повинностей по какой-либо иной мѣрѣ, нежели по количеству владѣемой земли, представляется нынѣ безусловно неправильнымъ. Волостные сборы должны, казалось бы, устанавливаться исключительно въ опредѣленномъ денежномъ размѣрѣ и разверстываться между отдѣльными плательщиками сообразно количеству состоящей въ пользованіи земли. Соотвѣтственно сему предположено установить и представительство на волостномъ сходѣ». Мы увидимъ дальше, что комиссія не вездѣ «безусловно» придерживается принципа разверстанія сборовъ по землѣ, но волостное представительство, дѣйствительно, она основываетъ на земельномъ цензѣ, прежде всего исключая изъ волостного общества всѣхъ безземельныхъ.

Однако даже перемѣна основанія для волостного представительства еще не служитъ достаточнымъ доводомъ въ пользу предоставленія болѣе значительнымъ землевладѣльцамъ изъ среды волостного населенія права личнаго участія на волостномъ сходѣ. Съ своей стороны, редакціонная комиссія въ пользу выдѣленія этихъ лицъ въ особую группу приводитъ только слѣдующія соображенія. «Соединеніе такихъ лицъ въ общую массу съ остальными избирателями, въ составѣ коей они имѣли бы такое же право на избраніе ихъ членами волостного схода, какъ и прочіе мелкіе собственники, представля-

лось бы,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ,—несомнѣннымъ нарушеніемъ ихъ имущественныхъ интересовъ. Неся, по размѣрамъ владѣемаго ими имущества, несравненно бо́льшее волостное обложеніе, чѣмъ мелкіе собственники, такія лица должны, естественно, пользоваться соотвѣтственными преимуществами при вступленіи въ составъ волостныхъ обществъ». Намъ доводъ этотъ не кажется убѣдительнымъ. Съ такою же основательностью можно бы утверждать, что интересы крупной земельной собственности недостаточно ограждены и въ земствѣ при отсутствіи у наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ права личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ. Однако, какъ извѣстно, вопросъ этотъ разрѣшенъ нашимъ законодательствомъ въ отрицательномъ смыслѣ, притомъ не по какому-либо недосмотру и не по недостатку вниманія къ интересамъ крупнаго землевладѣнія, а, напротивъ, послѣ двукратнаго обсужденія проекта подобнаго нововведенія, при составленіи какъ перваго, такъ и второго Положеній о земскихъ учрежденіяхъ. По существу доводы въ пользу этой мѣры и тогда не отличались отъ тѣхъ, которые мы находимъ въ объяснительной запискѣ къ проекту редакціонной комиссіи. Главный тезисъ защитниковъ «личнаго права» крупныхъ владѣльцевъ тогда, какъ и теперь, требовалъ еще доказательства, ибо опасенія, будто при системѣ исключительно выборнаго представительства могутъ пострадать интересы крупнаго землевладѣнія, на практикѣ нисколько не оправдываются. Несправедливость же такой привилегіи, напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, если дважды въ теченіе сравнительно короткаго періода извѣстныя предложенія признаны были несостоятельными при обсужденіи земскаго устройства, что̀ побуждаетъ возвратиться къ нимъ въ другомъ аналогичномъ дѣлѣ? Какія особенности проектируемаго волостного управленія заставляютъ думать о такой исключительной мѣрѣ защиты интересовъ крупнаго владѣнія? Объяснительная записка оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта. Напротивъ, въ самомъ проектѣ можно найти постановленія, опрокидывающія аргументацію записки въ защиту непосредственнаго участія крупныхъ владѣльцевъ въ волостныхъ сходахъ.

Мы видѣли, что предоставленіе этимъ лицамъ такого права мотивируется тѣмъ, что они несутъ, «по размѣрамъ владѣемаго ими имущества, несравненно бо́льшее волостное обложеніе». Но нѣсколько дальше, въ главѣ о мірскихъ повинностяхъ, комиссія принимаетъ мѣры къ тому, чтобы волостное обложеніе для лицъ этой категоріи отнюдь не было «несравненно» бо́льшимъ. Въ отбываніи мірскихъ повинностей волостного общества, — говоритъ одна изъ статей проекта,—участвуютъ всѣ входящія въ составъ его сельскія общества и

причисленныя къ нему отдѣльныя лица, владѣющія недвижимою собственностью въ предѣлахъ волости. Но привлекаются они къ несенію этого бремени неравномѣрно. Вся надѣльная земля и мелкіе участки внѣнадѣльной земли подлежатъ обложенію по принципу, принятому комиссіей за единственно допустимый въ данномъ случаѣ: сборы должны «разверстываться между отдѣльными плательщиками сообразно количеству состоящей въ ихъ пользованіи земли». Но крупные землевладѣльцы, имѣющіе право непосредственнаго участія въ волостномъ сходѣ, пользуются льготой: они платятъ лишь съ того количества десятинъ, которое даетъ имъ это право, а «все остальное владѣемое ими количество земли должно быть свободно» отъ волостного обложенія. Такимъ образомъ на повѣрку, пожалуй, окажутся на волостныхъ сходахъ необезпеченными интересы массы рядовыхъ плательщиковъ: платить относительно больше будутъ они, а пользоваться «преимуществами» личнаго участія въ волостномъ сходѣ, и между прочимъ въ рѣшеніи дѣлъ по отбыванію волостныхъ повинностей, будутъ другія лица.

III.

Компетенція волостного схода и порядокъ его дѣйствій, по словамъ объяснительной записки къ проекту новой волости, опредѣлены довольно удовлетворительно дѣйствующимъ закономъ. Поэтому соотвѣтствующія правила, Общаго Положенія о крестьянахъ предполагается перенести и на проектируемые волостные сходы «съ небольшими лишь дополненіями и поправками». Надо однако сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ не лишены значенія и, главное, чрезвычайно характерны для общаго направленія реформы. Въ своихъ объясненіяхъ къ проекту крестьянскаго общественнаго управленія редакціонная комиссія неоднократно повторяетъ, что въ предѣлы ея задачи не входитъ пересмотръ правилъ, касающихся порядка дѣйствія крестьянскихъ учрежденій, т.-е. земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій. На дѣлѣ однако въ проектѣ на каждомъ шагу встрѣчаются отступленія отъ этого принципіальнаго положенія. Въ частности немало ихъ въ статьяхъ проекта, касающихся компетенціи и самостоятельности волостныхъ сходовъ. На первомъ мѣстѣ въ перечнѣ дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, проектъ, какъ и дѣйствующій законъ, ставитъ, напримѣръ, выборы должностныхъ лицъ волостного управленія. Но это не значитъ еще, что полномочія сходовъ въ этомъ отношеніи охраняются въ прежнемъ объемѣ. Хотя редакціонная комиссія и «признала необходимымъ сохранить въ полной неприкосновенности

основное начало замѣщенія *всѣхъ* крестьянскихъ должностей по распоряженіямъ крестьянскихъ обществъ», но изъ этого правила допущены «частныя изъятія». Такъ, должности волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ изъ замѣщаемыхъ по выбору на волостномъ сходѣ либо по найму отъ волостного общества становятся должностями по назначенію властью земскаго начальника, а пріисканіе кандидатовъ относится проектомъ «къ особой заботливости» волостныхъ старшинъ. Главный органъ волостного управленія такимъ образомъ совершенно устраненъ отъ участія въ замѣщеніи «писарскихъ должностей», которыя, по признанію самой коммиссіи, «въ виду постепеннаго развитія письмоводства по крестьянскому управленію и общей малограмотности крестьянскаго населенія пріобрѣли въ настоящее время очень существенное и важное значеніе». И, быть можетъ, особенно интересно то, что это рѣшеніе принято комиссіей послѣ того, какъ она «остановилась на мысли *согласовать* въ этомъ дѣлѣ участіе огрaновъ крестьянскаго общественнаго управленія и учрежденій, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами».

Въ оправданіе проектируемой мѣры говорятъ, что «крестьянскіе общественные сходы фактически уклонялись отъ участія въ такого рода дѣлахъ, ограничиваясь лишь опредѣленіемъ окладовъ писарскаго содержанія». Но если это и справедливо, то еще вопросъ, потому ли дѣйствительно они уклонялись, что «выясненіе пригодности того или другого лица для веденія сложнаго письмоводства и счетоводства въ крестьянскихъ учрежденіяхъ мало доступно вообще крестьянскимъ сходамъ». Не играло ли здѣсь большую роль одно важное обстоятельсто, отмѣчаемое въ другомъ мѣстѣ объяснительной записки,—именно «столкновенія и противорѣчія интересовъ и взглядовъ» земскаго начальника и сходовъ? Если, по свидѣтельству редакціонной коммиссіи, случаи подобныхъ «столкновеній» «нерѣдко имѣютъ мѣсто» по дѣламъ объ увольненіи должностныхъ лицъ волости, то, конечно, не менѣе поводовъ къ тому же даетъ и назначеніе ихъ. Комиссія сама указываетъ, что на практикѣ не рѣдки, напримѣръ, такого рода «замѣшательства»: земскій начальникъ не находитъ возможнымъ «утвердить ни одного изъ выбранныхъ сходомъ кандидатовъ на должность старшины», а затѣмъ для «принужденія» схода къ новымъ выборамъ считаетъ себя вынужденнымъ «неоднократно» прибѣгать къ «наложенію административныхъ взысканій на членовъ схода». Какъ ни часты подобные случаи, еще чаще, конечно, случаи пассивнаго подчиненія сходовъ волѣ начальства, и этотъ путь особенно удобенъ при замѣщеніи должности писаря, когда достаточно предоставить извѣстную сумму на со-

держаніе его и уклониться отъ дальнѣйшаго участія въ щекотливомъ дѣлѣ.

Но если даже допустить, что въ настоящее время волостные сходы уклоняются отъ активной роли въ подобныхъ случаяхъ по какимъ-либо другимъ причинамъ, почему комиссія оказываетъ такъ мало довѣрія будущему преобразованному сходу при новомъ волостномъ устройствѣ, которое, по мнѣнію ея, сулитъ «развитіе волостной общественной жизни»? Въ одномъ мѣстѣ объяснительной записки мы находимъ, кажется, указаніе на дѣйствительный мотивъ этого рѣшенія: комиссія потому и напала на мысль «согласовать» участіе сельскихъ общественныхъ учрежденій и администраціи по крестьянскимъ дѣламъ въ замѣщеніи писарскихъ должностей, что должности эти, по ея словамъ, «имѣютъ въ настоящее время почти одинаковое значеніе для интересовъ крестьянскаго населенія съ одной стороны и всего административнаго строя—съ другой». Заслуживаетъ вниманія, что вообще, по мнѣнію комиссіи, однимъ изъ недостатковъ нынѣшняго волостного управленія являются «побочныя обязанности» должностныхъ лицъ волости, отвлекающія «ихъ дѣятельность въ постороннія крестьянскому управленію сферы обще-административныхъ дѣлъ и интересовъ». Однако это общее соображеніе, очевидно, не повліяло на рѣшеніе вопроса о роли волостного писаря въ проектируемой волости: онъ попрежнему сохранитъ свое значеніе для «всего административнаго строя», хотя его услуги попрежнему будутъ оплачиваться не изъ общегосударственныхъ, а изъ общественныхъ средствъ волости. Но изъ всѣхъ возможныхъ «способовъ практическаго осуществленія» мысли о согласованіи интересовъ волости съ интересами администраціи комиссія въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ ему, отдала предпочтеніе не интересамъ волости, предоставивъ власть замѣщать писарскія должности земскому начальнику.

«Частныя изъятія» изъ общаго правила о замѣщеніи волостныхъ должностей по выбору схода на этомъ не останавливаются. Мы отмѣтили выше, что на практикѣ, по словамъ объяснительной записки, не рѣдки случаи особаго рода «замѣшательствъ», вызываемыхъ неутвержденіемъ избранныхъ волостнымъ сходомъ кандидатовъ на должность волостого старшины. Въ проектъ редакціонной комиссіи включена новая статья, гласящая, что въ случаѣ уклоненія волостного схода отъ избранія взамѣнъ неутвержденнаго земскимъ начальникомъ волостного старшины новаго на означенную должность лица уѣздному съѣзду предоставляется *назначать* волостнымъ старшиной, по представленію земскаго начальника, кого-либо изъ лицъ, имѣ-

ющихъ право быть избраннымъ на эту должность. Комиссія надѣется, что существованіе такого правила въ законѣ будетъ дѣйствительнѣе «всякихъ иныхъ воздѣйствій» на волостной сходъ, точнѣе говоря,—дѣйствительнѣе штрафовъ и арестовъ по дискреціонному распоряженію земскаго начальника. Быть можетъ, это и такъ, если имѣть въ виду только прекращеніе «замѣшательствъ», но маловѣроятно другое предположеніе составителей проекта: «фактическое замѣщеніе старшины административною властью,—говоритъ комиссія, отстаивая свое нововведеніе,—имѣло бы мѣсто лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ исключительнаго упорства волостныхъ сходовъ, въ виду чего введеніе этого правила въ законъ не можетъ вызывать особыхъ возраженій со стороны неприкосновенности общаго выборнаго начала замѣщенія должностей». Напротивъ, надо ожидать, что должности волостныхъ старшинъ при новыхъ порядкахъ сплошь и рядомъ будутъ замѣщаться по назначенію. Нельзя забывать, что, какъ засвидѣтельствовано комиссіей, столкновенія между сходами и земскими начальниками по этому поводу на практикѣ не рѣдки. Новый порядокъ долженъ увеличить случаи уклоненія волостныхъ сходовъ отъ выборовъ, такъ какъ непродолжительная практика убѣдитъ ихъ что при замѣщеніи должности волостного старшины начальство обязано считаться съ ними еще меньше, чѣмъ прежде. Для земскихъ же начальниковъ настаивать попрежнему на выборѣ сходомъ кандидата, когда возможно обойтись и безъ этого, такъ же мало причинъ, какъ и ломиться въ открытую дверь. Нельзя ожидать, чтобы эта дверь была закрыта передъ ними и предписаніями или соображеніями высшихъ административныхъ властей. По условіямъ времени, какъ показываетъ практика земскаго и городского самоуправленія напротивъ, замѣщеніе выборныхъ должностей по назначенію администраціи становится дѣломъ обыденнымъ.

IV.

Должность волостного писаря въ новой волости, проектируемой редакціонною комиссіей, замѣщается по назначенію отъ ближайшаго крестьянскаго начальства, должность волостного старшины тоже можетъ быть замѣщена по назначенію. Остальныя обязательныя волостныя должности остаются по проекту выборными, и лица, избранныя на нихъ волостнымъ сходомъ, вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей немедленно по избраніи. Но по нормальному расписанію волостныхъ должностей такими избранниками схода являются лишь волостные засѣдатели. Эти новые, какъ ихъ называетъ комис-

сія, «вспомогательные органы» не будутъ играть большой роли въ волостномъ управленіи. Состоя при волостномъ старшинѣ, засѣдатели будутъ раздѣлять съ нимъ завѣдываніе исполнительными дѣлами «подъ его руководствомъ», правильнѣе сказать—по его усмотрѣнію. Характеръ этой должности, впрочемъ, хорошо обрисованъ въ объяснительной запискѣ. Необходимость учрежденія вспомогательныхъ органовъ при старшинѣ явствуетъ, по мнѣнію комиссіи, изъ того, что, «неся цѣлый рядъ сложныхъ и разнообразныхъ административно-полицейскихъ и общественныхъ обязанностей, требующихъ личныхъ распоряженій на мѣстахъ, волостной старшина не можетъ поспѣвать во всѣ мѣста волости, требующія его присутствія. Въ то же время частые случаи отсутствія волостного старшины изъ мѣста пребыванія волостного правленія отражаются крайне невыгодно на теченіи дѣлъ въ этихъ правленіяхъ, которыя (дѣла) откладываются на неопредѣленное время, впредь до возвращенія старшины». На будущее время всѣ эти неудобства предполагается устранить при содѣйствіи волостныхъ засѣдателей: на нихъ и будутъ «возлагаемы нѣкоторыя обязанности волостного старшины».

Участіе волостного схода въ организаціи исполнительнаго аппарата волости можетъ быть и расширено, иногда даже вопреки желанію самого схода. Кромѣ обязательныхъ должностей, проектъ устанавливаетъ рядъ и необязательныхъ: волостныя общества могутъ имѣть одного или нѣсколькихъ помощниковъ волостного старшины, помощниковъ волостного писаря, волостныхъ сборщиковъ. Вообще учрежденіе этихъ должностей поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія сходовъ, при чемъ, конечно, помощники писаря назначаются земскимъ начальникомъ, а помощники волостного старшины утверждаются имъ въ должности. Но и правило о необязательности названныхъ должностей, какъ и многія другія постановленія проекта, примѣняется не всегда. «Комиссія,—читаемъ мы въ ея объяснительной стпискѣ,—не могла не остановиться на возможности такихъ случаевъ, когда, несмотря на крайнюю необходимость въ учрежденіи подобныхъ должностей для правильнаго теченія волостныхъ общественныхъ дѣлъ, волостныя общества будутъ отъ сего уклоняться по причинамъ, не заслуживающимъ уваженія». Въ такихъ случаяхъ, согласно проекту, уѣздный съѣздъ, по представленію земскаго начальника и съ утвержденія губернскаго присутствія, просто будетъ «предписывать» волостнымъ обществамъ, чтобы необязательныя должности были обязательно замѣщены. А такъ какъ иногда можно ожидать отъ «уклоняющагося» схода назначенія новымъ должностнымъ лицамъ недостаточнаго содержанія, то съѣзду предоставляется уста-

навливать въ томъ же порядкѣ и «обязательный, опредѣленный въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями, размѣръ вознагражденія названныхъ лицъ».

Надо замѣтить однако, что послѣднее постановленіе представляется, пожалуй, излишнимъ даже съ точки зрѣнія редакціонной комиссіи. Дѣло въ томъ, что въ проектъ внесено и другое, на этотъ разъ «общее», правило такого же содержанія, а не «частичное изъятіе». Уѣздный съѣздъ можетъ, по проекту, опредѣлять размѣръ содержанія должностнымъ лицамъ «сообразно мѣстнымъ условіямъ» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ лицамъ назначено сходомъ недостаточное или чрезмѣрно большое содержаніе. Комиссія замѣчаетъ, что и теперь, на основаніи закона 1-го ноября 1893 года, администрація по крестьянскимъ дѣламъ можетъ увеличить вознагражденіе нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ волостного управленія, если найдетъ ихъ содержаніе недостаточнымъ. Могутъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ въ настоящее время не допустить назначенія сходомъ должностному лицу и «преувеличеннаго размѣра содержанія», отмѣнивъ приговоръ объ этомъ. Но отмѣна такихъ приговоровъ «оставляетъ открытымъ и неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ размѣрѣ вознагражденія, который можетъ быть допущенъ по соображенію съ платежными средствами и матеріальными интересами даннаго крестьянскаго общества». Затрудненіе это, по мнѣнію комиссіи, совершенно устраняется, если назначать размѣръ содержанія изъ волостныхъ общественныхъ средствъ будетъ не распорядительный органъ волости, а уѣздная администрація.

Но въ свою очередь и эта статья проекта, открывающая болѣе широкое поле для примѣненія стараго, «весьма цѣлесообразнаго порядка», безъ нужды увеличиваетъ объемъ произведенія редакціонной комиссіи. Въ главѣ 15-й того же проекта, о мірскихъ повинностяхъ, находятся двѣ статьи, новыя, какъ ихъ называетъ комиссія, осуществленіе которыхъ обезпечиваетъ «весьма цѣлесообразному порядку» полное господство и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ призрачными права волостного схода въ области завѣдыванія хозяйственными дѣлами волости. Редакціонная комиссія нашла необходимымъ прежде всего установить «особыя правила» на случай «уклоненія» волостныхъ обществъ отъ исполненія обязательныхъ повинностей. «Возможны,— говорится въ объяснительной запискѣ,—прежде всего случаи преувеличеннаго опредѣленія размѣра сихъ повинностей въ явный ущербъ платежныхъ силъ сельскихъ обывателей... Съ другой стороны, едва ли не болѣе часты случаи недостаточнаго удовлетворенія крестьянскими обществами возложенныхъ на нихъ обязанностей. Въ частно-

сти вслѣдствіе нерѣдкаго назначенія крестьянскими сходами совершенно недостаточнаго вознагражденія должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія послѣдовалъ законъ 1-го ноября 1893 г... Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что однородные случаи нерѣдко имѣютъ мѣсто также и въ отношеніи другихъ обязательныхъ повинностей. Такъ, напр., сходы иногда отказываютъ въ ассигнованіи достаточныхъ средствъ на канцелярскіе расходы учрежденій крестьянскаго управленія, на разъѣзды должностныхъ лицъ, на ремонтъ общественныхъ зданій и т. п.» Чрезмѣрной бережливости въ опредѣленіи размѣра необязательныхъ повинносгей отъ сходовъ, повидимому, не ожидаютъ. Но здѣсь возникаетъ опасеніе другого рода,— предвидится расточительность волостныхъ обществъ. Въ результатѣ явилась въ проектѣ крестьянскаго общественнаго управленія ст. 201-я, по которой земскій начальникъ можетъ признать назначенный волостнымъ сходомъ сборъ на покрытіе обязательныхъ повинностей какъ «недостаточнымъ для отправленія оныхъ», такъ и «опредѣленнымъ въ явно преувеличенномъ размѣрѣ». Сборъ, установленный на покрытіе добровольныхъ повинностей, можетъ быть признанъ тою же властью «непосильнымъ» для членовъ волостного общества. Въ томъ и другомъ случаѣ земскій начальникъ представляетъ приговоръ уѣздному съѣзду, который «увеличиваетъ или уменьшаетъ установленный сходомъ денежный сборъ на покрытіе обязательныхъ повинностей въ размѣрѣ дѣйствительной надобности, а сборъ, установленный на покрытіе добровольныхъ повинностей, уменьшаетъ въ соотвѣтствіи съ платежными силами населенія». Въ подобныхъ случаяхъ постановленія уѣзднаго съѣзда, на основаніи ст. 202-й проекта, подлежатъ утвержденію губернскаго присутствія, а постановленія присутствія въ свою очередь могутъ быть обжалованы министру внутреннихъ дѣлъ. Исключеніе изъ послѣдняго правила однако сдѣлано для постановленій, опредѣляющихъ размѣръ содержанія должностнымъ лицамъ волости. Идти дальше въ этомъ направленіи, кажется, некуда.

V.

Мы видѣли, что въ завѣдываніи волостнымъ общественнымъ хозяйствомъ, точно такъ же, какъ и въ замѣщеніи должностей по волостному управленію, воля волостного схода, можно сказать, всецѣло подчинена волѣ мѣстной администраціи, которая получаетъ право рѣшающаго голоса въ этихъ важнѣйшихъ дѣлахъ волости. Изъ органовъ надзора за дѣятельностью общественныхъ учрежденій уѣздныя и губернскія власти, поставленныя надъ волостью, превра-

щаются проектомъ въ органы активнаго управленія, становятся во многихъ случаяхъ на мѣсто распорядительнаго органа волости. Но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, возникаетъ вопросъ: можно ли при такихъ условіяхъ ожидать, что члены волостныхъ сходовъ охотно будутъ выполнять свои обязанности? Политика «фактическаго уклоненія» отъ участія въ волостныхъ дѣлахъ усвоивается отдѣльными лицами еще легче, нежели цѣлыми сходами, а при системѣ усиленной опеки для людей самостоятельныхъ, съ развитымъ чувствомъ личнаго достоинства, явится немало стимуловъ къ добровольному устраненію отъ общественныхъ дѣлъ. Сама редакціонная комиссія въ нѣкоторыхъ случаяхъ констатируетъ причинную связь между чрезмѣрною зависимостью крестьянскаго общественнаго управленія отъ мѣстныхъ властей и удаленіемъ отъ него «лучшихъ домохозяевъ» въ настоящее время. Такъ, говоря о побужденіяхъ, заставляющихъ крестьянъ избѣгать избранія на сельскія и волостныя должности, объяснительная записка къ проекту придаетъ большое значеніе «полной подчиненности этихъ должностныхъ лицъ рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи, почему-либо желающимъ обратиться къ ихъ содѣйствію». Къ сожалѣнію, изъ этого справедливаго замѣчанія въ проектѣ не сдѣлано всѣхъ необходимыхъ выводовъ. Казалось бы, вопросъ, кому подчинено извѣстное лицо, не болѣе важенъ, нежели вопросъ въ какой мѣрѣ. Редакціонная комиссія однако признала необходимымъ «ограничить по возможности *кругъ* лицъ и учрежденій», обладающихъ такою властью надъ крестьянами, но не степень этой власти и *не мѣру зависимости* органовъ сельскаго и волостного самоуправленія отъ мѣстной администраціи. Очевидно, что значеніе «полной подчиненности» не было оцѣнено по достоинству въ разсматриваемомъ частномъ случаѣ потому же, почему комиссія вообще рѣшила не отказываться отъ «особливаго порядка» управленія крестьянами. Въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, напримѣръ, какъ мы видѣли, въ дѣлахъ о волостныхъ повинностяхъ, этому порядку проектъ пролагаетъ даже новые или по крайней мѣрѣ болѣе широкіе пути. Но зато пришлось намѣтить и новыя мѣры «понужденія» обывателей деревни къ выполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей по волостному управленію.

Одна изъ *новыхъ* статей проекта гласитъ: «Лица, состоящія членами волостного схода, за неявку на оный безъ уважительныхъ причинъ могутъ подлежать денежному взысканію въ пользу волостныхъ суммъ до 3-хъ руб., налагаемому властью волостного старшины» (ст. 97-я). Для доказательства необходимости такого нововведенія редакціонная комиссія считаетъ достаточнымъ привести лишь слѣ-

дующія соображенія: «По дѣйствующимъ узаконеніямъ неявка на сельскіе (и волостные) сходы не составляетъ особаго проступка, а потому лица, не являющіяся на сходы, не подвергаются за это никакимъ взысканіямъ. При такихъ условіяхъ неполное собраніе сходовъ составляетъ обычное явленіе». Недостаточность такой мотивировки не требуетъ доказательства. Очевидно, что комиссія стремится не столько *привлечь*, сколько *принудить* къ участію въ волостномъ управленіи. Въ ея аргументаціи во всякомъ случаѣ яснѣе желаніе достигнуть извѣстной цѣли,—въ данномъ случаѣ посѣщенія членами схода его собраній,—нежели основательность и правильность рекомендуемаго способа для достиженія этой цѣли. Но, какъ мы знаемъ, комиссія надѣется, что при проектируемыхъ ею измѣненіяхъ въ волостномъ устройствѣ «волостная общественная жизнь можетъ получить дальнѣйшее развитіе». Почему же въ такомъ случаѣ именно теперь неявка на волостной сходъ должна быть признана наказуемымъ проступкомъ? Почему вдобавокъ власть карать и миловать за этотъ проступокъ предоставлена всецѣло волостному старшинѣ; почему даже вопросъ объ уважительности причинъ неявки рѣшается не сходомъ, а тѣмъ же старшиной? Всѣ эти вопросы оставляются объяснительною запиской безъ отвѣта,—искать его надо въ общемъ направленіи проекта.

Вполнѣ соотвѣтствуетъ духу предполагаемой реформы и другая особенность новаго волостного устройства. Проектъ не отказывается отъ взгляда на службу по выборамъ волостного схода какъ на обязательную повинность. Напротивъ, онъ даже идетъ въ этомъ отношеніи дальше существующаго закона. «Комиссія,—читаемъ мы въ надлежащемъ мѣстѣ объяснительной записки,—не могла не усмотрѣть, что слишкомъ категоричное требованіе дѣйствующей статьи 186-й Общаго Положенія о запрещеніи выбирать на общественныя должности лицъ, когда-либо отбывавшихъ общественную службу, безъ ихъ на то согласія, приводитъ на практикѣ къ большимъ затрудненіямъ. Въ сколько-нибудь малолюдныхъ обществахъ нерѣдко всѣ безъ исключенія, а еще чаще всѣ достойные домохозяева оказываются уже отбывшими общественную службу. При такихъ условіяхъ на практикѣ приходится нерѣдко прибѣгать къ нарушенію указаннаго запрещенія, что въ свою очередь вызываетъ трудно разрѣшимые споры и жалобы». Комиссія разрѣшила ихъ довольно просто, признавъ возможнымъ «обусловить дѣйствіе упомянутаго запрещенія шестилѣтнимъ срокомъ». Въ будущей волости, проектируемой редакціонною комиссіей для всѣхъ «бывшихъ податныхъ сословій», повинность общественной службы будетъ постоянно тяготѣть надъ

членами волостного общества: ее «отбыть» нельзя такъ, какъ отбываютъ въ настоящее время, т.-е. отслуживъ опредѣленный срокъ въ какой-либо должности. Только тяжкая болѣзнь и преклонный возрастъ служатъ законнымъ поводомъ къ отказу отъ волостной должности. Для нѣкоторой части членовъ проектируемыхъ волостныхъ обществъ эта служебная повинность можетъ оказаться не только тяжелымъ, но, пожалуй, и непосильнымъ бременемъ. По проекту, лица, причисленныя къ волостнымъ обществамъ, если они владѣютъ въ предѣлахъ волости поземельною собственностью, могутъ быть избираемы на всѣ должности волостного общественнаго управленія (ст. 120-я). Но такъ какъ каждое лицо, принадлежащее къ одному изъ бывшихъ податныхъ сословій, считается членомъ всѣхъ тѣхъ волостныхъ обществъ, въ предѣлахъ которыхъ оно владѣетъ недвижимою собственностью, то и служба по выборамъ будетъ обязательна для такого лица въ двухъ, трехъ и даже болѣе волостяхъ. Возможенъ случай, что одно и то же лицо одновременно будетъ выбрано на разныя волостныя должности въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, проектъ не указываетъ, какъ должна быть имъ отбываема служебная повинность въ подобномъ случаѣ. Разъясненія требовалъ бы и другой вопросъ, въ какой мѣрѣ обязательно для лицъ, состоящихъ членами нѣсколькихъ волостныхъ сходовъ, правило о неуклонномъ посѣщеніи ихъ подъ страхомъ дисциплинарной отвѣтственности. По смыслу соотвѣтствующихъ статей проекта, это требованіе относится ко всѣмъ членамъ волостного схода безъ изъятія. Для нѣкотораго, правда, сравнительно немногочисленнаго, разряда лицъ создается такимъ образомъ совершенно своеобразное положеніе: крупнымъ землевладѣльцамъ изъ крестьянъ или мѣщанъ проектъ даетъ «преимущество» непосредственнаго участія въ волостныхъ сходахъ безъ выбора, по земельному цензу, но, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ обязательной явки на всѣ тѣ сходы, членами которыхъ они состоятъ, онъ превращаетъ это «преимущество» въ весьма докучную повинность. Мы не сомнѣваемся, что при дальнѣйшемъ усовершенствованіи проекта это неудобство будетъ устранено и служебная повинность крупныхъ владѣльцевъ земли будетъ облегчена. Но для характеристики проекта разсматриваемая его подробность имѣетъ значеніе. Ошибочность основного начала, принятаго составителями проекта, наглядно обнаруживается въ его логическихъ послѣдствіяхъ.

Владиміръ Розенбергъ.

---

2. Общинное землевладѣніе.

I.

Въ трудахъ редакціонной комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру законоположеній о крестьянахъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ проектъ положенія о надѣльныхъ земляхъ, помѣщенный въ V томѣ. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого проекта, мы остановимся на той части его, которая относится къ общинному землевладѣнію, и ближайшимъ образомъ на отдѣлѣ, посвященномъ передѣламъ общинной земли. Въ положеніяхъ, касающихся этой важной стороны общинной жизни, опредѣленно обнаруживаются характерныя черты законопроекта, составленнаго комиссіей.

Въ очеркѣ работъ комиссіи, опубликованномъ весною нынѣшняго года, было заявлено, что при обсужденіи вопросовъ крестьянскаго землепользованія комиссія исходила изъ принципа сохраненія поземельной общины. Оцѣнивая труды комиссіи въ этой области, нужно однако имѣть въ виду, что она желаетъ сохранить общину исключительно такую, которая была бы поставлена подъ контроль земскаго начальника и урегулирована соотвѣтственно принципамъ закона 8-го іюня 1893 г. Поэтому законопроектъ редакціонной комиссіи сохраняетъ въ полной неприкосновенности главныя правила этого законодательнаго акта, измѣняя лишь нѣкоторыя условія ихъ примѣненія.

Законопроектъ воспроизводитъ составляющее основу закона 8-го іюня ограниченіе самостоятельности сельскихъ или, по терминологіи редакціонной комиссіи, земельныхъ сходовъ относительно срока передѣловъ, устанавливая минимальный предѣлъ для этого срока 12 лѣтъ и воспрещая частичную переверстку земли или такъ называемую «скидку и накидку» душъ. Въ полной силѣ остаются также и тѣ части дѣйствующаго закона, которыя ставятъ общину въ отношеніи передѣловъ подъ спеціальный надзоръ земскаго начальника и уѣзднаго съѣзда. При этомъ контроль отнюдь не ограничивается вопросомъ о срокѣ передѣловъ, но также касается и основаній, по которымъ земля распредѣляется между дворами: стт. 87-я — 90-я проекта полностью воспроизводятъ соотвѣтствующія положенія закона 1893 г., устанавливающія компетенцію земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ въ дѣлахъ о передѣлахъ общинной земли.

Законопроектъ требуетъ, чтобы въ приговорѣ о передѣлкѣ означались не только срокъ, на который онъ совершается, если таковой установленъ земельнымъ сходомъ, но и основаніе, по которому земля распредѣляется между дворами, а также число душевыхъ или иныхъ

надѣльныхъ участковъ, причитающихся по принятому основанію каждому изъ дворовъ. Приговоръ, заключающій такимъ образомъ всѣ обстоятельства дѣла, вступаетъ въ силу лишь по провѣркѣ его на мѣстѣ земскимъ начальникомъ и утвержденіи уѣзднымъ съѣздомъ, при чемъ послѣдній отнюдь не ограничивается разсмотрѣніемъ только формальной стороны вопроса: съѣздъ можетъ отмѣнить постановленіе схода и по основаніямъ, относящимся къ существу дѣла, именно признавъ, что постановленный приговоръ клонится къ явному ущербу общества. Такъ какъ законъ не даетъ и, конечно, не можетъ дать точныхъ указаній относительно того, что понимать подъ «явнымъ ущербомъ общества», то на практикѣ указанное законоположеніе открываетъ съѣзду широкій просторъ для навязыванія сельскимъ обществамъ своихъ взглядовъ на ихъ внутреннія дѣла и потребности.

Всѣ эти постановленія только повторяютъ дѣйствующія правила. Изъ этого видно, что редакціонная комиссія вполнѣ осталась на почвѣ закона 8-го іюня. Идея опеки надъ крестьянскимъ сословіемъ, нашедшая яркое выраженіе въ законѣ о передѣлахъ и проходящая красною нитью черезъ всѣ труды комиссіи, принята также въ основаніе новаго законопроекта.

Комиссія не только убѣждена въ цѣлесообразности этой идеи, но находитъ, что установленное закономъ 8-го іюня ограниченіе относительно сроковъ передѣловъ «идетъ навстрѣчу требованіямъ самой жизни» и что «вообще, если при начертаніи закона 8-го іюня 1893 года и были возможны какія-либо сомнѣнія по вопросу о своевременности введенія въ законъ правила, ограничивающаго сроки передѣловъ, то нынѣ, когда съ изданія означеннаго закона прошло уже болѣе 10 лѣтъ, при чемъ особыхъ неудобствъ отъ такого ограниченія не обнаружилось, возбуждать вновь эти сомнѣнія не имѣется основаній». Съ такимъ оптимистическимъ взглядомъ на послѣдствія дѣйствующаго закона о передѣлахъ трудно согласиться въ виду фактовъ, подтверждающихъ какъ разъ обратное. Мѣстные комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, собранные Особымъ Совѣщаніемъ, сообщаютъ въ своихъ трудахъ многочисленныя свидѣтельства того, что законъ 1893 года въ однихъ случаяхъ остался мертвой буквой, а въ другихъ—привелъ къ результатамъ нежелательнымъ и отчасти противоположнымъ тому, чего ожидали его составители *).

Въ виду подобныхъ фактовъ едва ли возможно признать вмѣстѣ

*) См. 1-й выпускъ, стр. 283 и слѣд.

съ комиссіей, что ограниченіе срока передѣловъ не вызвало особыхъ неудобствъ. Напротивъ, такихъ неудобствъ обнаружилось весьма много, и сама комиссія вынуждена была принять въ соображеніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Это видно изъ приводимыхъ ею мотивовъ къ отдѣльнымъ статьямъ законопроекта, да и самыя дополненія и измѣненія, внесенныя комиссіей въ законъ 1893 г., свидѣтельствуютъ объ ея желаніи сдѣлать его болѣе эластичнымъ и соотвѣтствующимъ условіямъ хозяйственной жизни народа.

Прежде всего комиссія сочла необходимымъ освободить отъ дѣйствія законоположеній о передѣлахъ тѣ мѣстности, въ которыхъ существуетъ переложная или залежная система полеводства, несовмѣстимая съ производствомъ передѣловъ черезъ такіе продолжительные промежутки времени, какъ 12 лѣтъ. При названной системѣ хозяйства пашня послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ переносится на другое мѣсто, а бывшая пахотная земля забрасывается или подъ лѣсную заросль (въ сѣверныхъ губерніяхъ), или подъ травяную залежь (Новороссія и крайнія восточныя губерніи), при чемъ границы отдѣльныхъ участковъ и полосъ сглаживаются и исчезаютъ, а самая земля поступаетъ въ общественное пользованіе. Такимъ образомъ переложная или залежная система хозяйства имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ постоянныя и частыя распредѣленія угодій, т.-е. постоянные передѣлы. Полная непримѣнимость 12-тилѣтняго срока къ такимъ условіямъ была отмѣчена еще нѣкоторыми губернскими совѣщаніями 90-хъ гг. и въ недавнее время мѣстными комитетами. Принимая во вниманіе эти соображенія, комиссія внесла къ ст. 69-й своего проекта примѣчаніе, ограничивающее область примѣненія правилъ о передѣлахъ.

Дальнѣйшія нововведенія относятся къ законоположеніямъ, касающимся установленія срока передѣловъ общинной земли. Одна изъ главныхъ задачъ закона 8-го іюня 1893 года заключалась въ недопущеніи слишкомъ частыхъ передѣловъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленіе срока передѣла можетъ имѣть какъ разъ обратное послѣдствіе. Въ подтвержденіе этого соображенія комиссія приводитъ мнѣніе Ѳ. Г. Тернера, что законъ 8-го іюня является побужденіемъ къ производству передѣловъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше они составляли исключительное явленіе. При безсрочномъ распредѣленіи земли, можетъ быть, прошло бы 10, 20 и 30 лѣтъ до новаго передѣла, а можетъ быть въ таковомъ и совсѣмъ не представилось бы надобности, но законъ требуетъ опредѣленія срока впередъ, и поэтому крестьяне волей или неволей должны какъ бы заранѣе установить, когда они произведутъ слѣ-

дующій передѣлъ земли. Такимъ образомъ, нѣкоторыя общины, у которыхъ передѣлы перешли уже въ область преданія, по мнѣнію Ѳ. Г. Тернера, подъ вліяніемъ закона 1893 года опять могутъ возвратиться къ 12-тилѣтнимъ періодическимъ срокамъ.

Для устраненія указаннаго послѣдствія редакціонная комиссія измѣнила соотвѣтствующія статьи закона 1893 г. въ томъ смыслѣ, что земельный сходъ не обязанъ устанавливать въ приговорѣ о передѣлѣ срока, ранѣе котораго не можетъ послѣдовать новый передѣлъ. Но при этомъ однако въ проектѣ сдѣлана оговорка, что приговоръ, не содержащій въ себѣ означенія срока передѣла, считается постановленнымъ на 12 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣло сводится не къ устраненію минимальнаго срока, установленнаго закономъ 1893 года, а лишь къ допущенію такихъ приговоровъ, въ которыхъ этотъ срокъ не обозначенъ, но молчаливо подразумѣвается. Едва ли это нововведеніе можетъ имѣть большое практическое значеніе. Если соображенія Ѳ. Г. Тернера, принятыя комиссіей, вѣрны, то они одинаково примѣнимы и къ тѣмъ случаямъ, когда будутъ постановляться приговоры безъ обозначенія срока, но въ дѣйствительности на 12 лѣтъ. Чтобы устранить побужденіе къ общему передѣлу, вызываемое тѣмъ, что крестьяне наводятся самимъ закономъ на мысль о періодичности передѣловъ, слѣдовало бы вовсе устранить изъ закона постановленія о минимальномъ срокѣ и предоставить крестьянамъ самимъ рѣшать, надлежитъ ли имъ въ приговорѣ объ общемъ передѣлѣ обозначать, на какой срокъ этотъ приговоръ постановленъ, или не дѣлать этого.

Искусственнымъ побужденіемъ къ производству общихъ передѣловъ законъ 1893 г. служитъ главнымъ образомъ потому, что онъ воспрещаетъ скидку и накидку душъ, т.-е. частичныя исправленія того порядка пользованія землей, который былъ установленъ послѣднимъ общимъ передѣломъ. Если бы законъ допускалъ возможность производить частичные передѣлы, то несомнѣнно, что этимъ была бы устранена одна изъ важныхъ причинъ, могущихъ вызвать общій передѣлъ даже тогда, когда крестьяне въ сущности его вовсе не желаютъ. Тѣмъ не менѣе комиссія воспроизводитъ въ своемъ проектѣ статью закона 1893 г., воспрещающую, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, указанныхъ въ законѣ, измѣнять въ промежутки между общими передѣлами размѣры участковъ, отведенныхъ отдѣльнымъ дворамъ.

Вмѣсто того, чтобы открыть крестьянамъ возможность обходиться безъ общихъ передѣловъ тогда, когда можно достигнуть желаемаго уравненія владѣній при помощи скидки и накидки душъ, комиссія

стремится противодѣйствовать передѣламъ, внушая крестьянамъ, что они не обязаны ихъ производить. Съ этой цѣлью, кромѣ указанныхъ выше статей, въ проектъ включена еще одна (80-я), разъясняющая, что земельное общество можетъ по истеченіи срока, на который совершенъ передѣлъ, остаться при прежнемъ пользованіи общинной землей и не обязано къ производству новаго передѣла. Но для того, чтобы ослабить неопредѣленность положенія, возникающаго по истеченіи срока, на который былъ постановленъ приговоръ, или, во всякомъ случаѣ, по истеченіи 12-ти лѣтъ со времени его постановленія, комиссія вводитъ новое правило, выраженное въ ст. 81-й: «въ случаѣ несовершенія передѣла немедленно по истеченіи срока, на который совершенъ предыдущій передѣлъ, прежній приговоръ о передѣлѣ считается продолженнымъ еще на три года, до окончанія которыхъ общество не въ правѣ приступить къ новому передѣлу. Если передѣла не послѣдуетъ и по прошествіи этихъ трехъ лѣтъ, то прежній приговоръ остается въ силѣ на слѣдующее трехлѣтіе и продолжаетъ такимъ образомъ сохранять свое дѣйствіе отъ трехлѣтія до трехлѣтія, пока по окончаніи одного изъ нихъ не состоится передѣлъ, послѣ котораго новый передѣлъ допускается уже лишь по истеченіи 12-ти лѣтъ или установленнаго сходомъ болѣе продолжительнаго срока». Это правило вводитъ извѣстную опредѣленность въ положеніе дѣлъ, возникающее въ общинѣ по истеченіи срока, на который былъ постановленъ приговоръ о передѣлѣ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оно не устранитъ, а скорѣе вызоветъ побужденіе произвести новый передѣлъ. Фактически приведенная статья вводитъ трехгодичные сроки для сохраненія порядка пользованія землей, установленнаго послѣднимъ приговоромъ. Но самое установленіе этихъ сроковъ уже вноситъ извѣстную неопредѣленность въ жизнь общины, такъ какъ оно вызываетъ у членовъ общины мысль о возможности передѣла по истеченіи каждаго трехлѣтняго срока; поэтому можно предположить съ большою вѣроятностью, что община пожелаетъ устранить эту неопредѣленность и постановитъ произвести передѣлъ на новый, болѣе продолжительный срокъ. Весьма вѣроятно также, что двѣнадцатилѣтніе сроки получатъ при этомъ наибольшее распространеніе, потому что общины будутъ опасаться связать себя на слишкомъ продолжительное время. Поэтому можно думать, что цѣль редакціонной комиссіи, стремящейся по возможности удлинить сроки между передѣлами, не будетъ достигнута. Напротивъ, составленный ею проектъ, сдѣлавшись закономъ, скорѣе будетъ поощрять повтореніе общихъ передѣловъ черезъ болѣе или менѣе краткіе промежутки времени,—напр., 12-тилѣтніе періоды,—чѣмъ содѣйствовать

удлиненію сроковъ между передѣлами или полному исчезновенію послѣднихъ. Мы не видимъ зла въ томъ, что въ общинѣ обычай періодически передѣлять землю будетъ сохраняться, но полагаемъ, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакой надобности стѣснять самостоятельность крестьянъ законодательными постановленіями о срокахъ и административной опекой.

Для характеристики законопроекта, составленнаго редакціонной комиссіей, слѣдуетъ еще отмѣтить, что она нѣсколько расширила возможность отступленій отъ правила о производствѣ общихъ передѣловъ исключительно въ сроки, установленные въ приговорахъ земельныхъ сходовъ, съ соблюденіемъ 12-тилѣтняго минимума. Законъ 1893 года безусловно допускаетъ досрочный передѣлъ только для окончательнаго раздѣла земли на постоянные наслѣдственные участки, во всѣхъ же другихъ случаяхъ ставитъ сокращеніе срока въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго присутствія, оговариваясь однако, что такое разрѣшеніе можетъ быть допущено лишь въ случаяхъ исключительныхъ. Законопроектъ не требуетъ особаго разрѣшенія для производства досрочныхъ передѣловъ не только при окончательномъ раздѣлѣ общинной земли, но также еще въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: при образованіи выселка, при переходѣ къ болѣе совершенной системѣ полеводства, связанной съ увеличеніемъ числа полей или съ отводомъ части общинной земли подъ новую культуру, и, наконецъ, въ случаѣ отчужденія части надѣла, прикупки къ нему земли и вообще въ случаѣ измѣненія границъ надѣла. Наиболѣе важнымъ изъ приведенныхъ пунктовъ является второй, касающійся перехода къ болѣе совершеннымъ системамъ полеводства, такъ какъ такой переходъ, какъ указываетъ комиссія въ своихъ мотивахъ, всегда почти неизбѣжно связанъ съ передѣломъ всей или части общинной земли, а между тѣмъ обязательное испрошеніе на досрочные передѣлы согласія губернскаго присутствія, неизбѣжно связанное съ формальностями и потерей времени, служило бы только лишнимъ тормазомъ въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго хозяйства.

Вышеприведенными положеніями проекта редакціонной комиссіи не исчерпываются дополненія, внесенныя ею въ дѣйствующее законодательство о передѣлахъ, но они заключаютъ въ себѣ важнѣйшія нововведенія. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ и улучшили законъ 1893 г., тѣмъ не менѣе и въ переработанномъ видѣ онъ вызываетъ существенныя возраженія.

Запрещеніе скидки и накидки душъ, сохраняемое проектомъ, будетъ служить и впредь искусственнымъ побужденіемъ къ производству общихъ передѣловъ, безъ которыхъ крестьяне, можетъ быть,

обошлись бы при отсутствіи упомянутаго запрещенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе срока передѣловъ 12-тилѣтнимъ минимальнымъ періодомъ, входящее и въ новый проектъ въ качествѣ главнаго его положенія, будетъ попрежнему вести къ увеличенію дробленія земли и черезполосицы, потому что крестьяне, связывая себя приговоромъ о передѣлѣ по крайней мѣрѣ на 12 лѣтъ, будутъ обращать особенное вниманіе на равномѣрное распредѣленіе земли между членами общества. Наконецъ, устраненіе черезполосицы не облегчится, если проектъ комиссіи получитъ силу закона, потому что производство досрочныхъ передѣловъ въ цѣляхъ устраненія черезполосицы и въ проектѣ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго присутствія. Но главное возраженіе, вызываемое предположеніями редакціонной комиссіи, относится къ основной идеѣ, на которой они построены: это—идея опеки надъ крестьянскимъ сословіемъ, которую комиссія принимаетъ какъ руководящее начало во всѣхъ своихъ работахъ.

Исходя изъ этой основной мысли, законопроектъ сохраняетъ въ силѣ дѣйствующія законоположенія, проникнутыя недовѣріемъ къ компетентности крестьянъ въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся передѣловъ общинной земли, и отдающія ихъ подъ опеку земскаго начальника. Между тѣмъ именно въ этой области надобность въ такой опекѣ и ея цѣлесообразность являются всего менѣе доказанными. Напротивъ, факты рѣшительно говорятъ противъ разумности мѣръ, сковывающихъ самостоятельность крестьянскаго населенія въ пользованіи общинною землей. Намъ приходилось уже указывать (1-й выпускъ) на крайнюю скудость матеріаловъ, которыми пользовались создатели закона 1893 года, сами признававшіе недостаточность своихъ свѣдѣній по вопросу, который они тѣмъ не менѣе рѣшились регулировать чрезвычайно стѣснительными правилами. Въ результатѣ получился, какъ и слѣдовало ожидать, плохой законъ, вредъ котораго умѣряется только тѣмъ, что фактически онъ остался во многихъ случаяхъ мертвою буквой. Этотъ неудачный опытъ упорядоченія общиннаго землевладѣнія, къ сожалѣнію, не оказался поучительнымъ для редакціонной комиссіи.

Для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли принимать мѣры противъ передѣловъ, важнѣйшее значеніе, конечно, должны были бы имѣть свѣдѣнія о степени ихъ распространенности, о причинахъ, ихъ вызывающихъ, и о срокахъ, чрезъ которые они повторяются. Между тѣмъ именно по этому вопросу комиссія располагала крайне скуднымъ матеріаломъ. «Весьма важный, можно сказать, коренной вопросъ,—говорится въ мотивахъ къ законопроекту,—вопросъ о степени рас-

пространенности передѣловъ и о продолжительности сроковъ, на которые передѣляется земля, не поддается, къ сожалѣнію, сколько-нибудь точному разрѣшенію за отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ по этому предмету». Въ виду этого обстоятельства комиссія отказывается отъ какихъ-либо обобщеній по упомянутымъ вопросамъ и ограничивается лишь нѣкоторыми частными указаніями. Но и эти указанія вполнѣ достаточны для того, чтобы заставить безпристрастнаго наблюдателя усомниться въ цѣлесообразности предлагаемыхъ мѣръ.

Сама же комиссія приводитъ данныя, свидѣтельствующія о крайнемъ разнообразіи условій, отъ которыхъ зависятъ и распространенность передѣловъ, и сроки между ними. Тамъ, гдѣ доходность надѣла низка, а платежи высоки, передѣлы повторяются сравнительно часто и, наоборотъ, они составляютъ рѣдкое явленіе, когда надѣлъ съ излишкомъ окупаетъ платежи. На передѣлы вліяетъ также и размѣръ надѣла: въ многоземельныхъ общинахъ передѣлы бываютъ чаще, чѣмъ въ малоземельныхъ, а при извѣстной степени малоземелья они нерѣдко даже совершенно прекращаются. Наконецъ, въ числѣ условій, оказывающихъ вліяніе на сроки и большую или меньшую распространенность передѣловъ, весьма важное мѣсто занимаетъ способъ обработки земли: тамъ, гдѣ земля не унавоживается и вообще не особенно тщательно обрабатывается, передѣлы происходятъ сравнительно часто; напротивъ, чѣмъ интенсивнѣе обработка, чѣмъ больше требуетъ она усилій и затратъ, тѣмъ неохотнѣе разстаются болѣе трудолюбивые и состоятельные хозяева со своею землей, тѣмъ сильнѣе противодѣйствіе, оказываемое ими передѣлу. Кромѣ способа обработки земли, нѣкоторые изслѣдователи придаютъ большое значеніе и степени состоятельности крестьянъ.

Приведенныхъ указаній совершенно достаточно для того, чтобы видѣть всю несостоятельность попытки уложить такое сложное явленіе, какъ передѣлы, въ рамки 12-тилѣтней нормы и отнять у крестьянъ право самостоятельно рѣшать вопросъ, когда и какъ имъ передѣлять общинную землю. Кто же лучше ихъ можетъ взвѣсить всѣ тѣ разнообразнѣйшія причины, отъ которыхъ зависятъ сроки и основанія передѣловъ? Конечно, земскій начальникъ и уѣздные съѣзды всегда склонны будутъ примѣнять шаблоны, что особенно можетъ оказаться неудобнымъ и вреднымъ при разрѣшеніи вопросовъ, касающихся передѣловъ земли. Да и есть ли основаніе сомнѣваться въ компетентности крестьянъ въ этомъ дѣлѣ? Напротивъ, сама же комиссія приводитъ факты, доказывающіе, что крестьяне относятся въ высшей степени внимательно къ передѣламъ, принимая въ соображе-

ніе всѣ индивидуальныя особенности каждаго случая и проявляя самостоятельное творчество при организаціи передѣловъ соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ. Достаточно указать на своеобразный способъ разверстки земли при передѣлахъ, примѣняемый крестьянами въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Ярославской губерніи, гдѣ общинныя пахотныя земли дѣлятся не на обычныя полосы, а на участки опредѣленной мѣры, называемые «сотнями». Этимъ способомъ крестьяне очень удачно борются съ черезполосицей и мелкополосицей, при чемъ, по сообщеніямъ мѣстныхъ изслѣдователей, эта система оказывается особенно выгодною для наименѣе обезпеченныхъ землей группъ населенія. Этотъ примѣръ показываетъ, что крестьяне и безъ вмѣшательства административныхъ властей въ состояніи принимать разумныя мѣры для устраненія неудобствъ, обнаруживающихся, когда принятые способы пользованія общинною землей становятся непригодными. Почему же предполагать, что они неспособны производить передѣлы на такихъ основаніяхъ и чрезъ такіе сроки, которые соотвѣтствовали бы интересамъ ихъ хозяйства? Ради какой цѣли стѣснять самодѣятельность крестьянъ, подчиняя ихъ контролю должностного лица, которое при всемъ желаніи не можетъ входить въ детали текущей жизни сельскихъ обществъ. А въ этихъ деталяхъ очень часто заключается сущность дѣла.

Знакомясь съ содержаніемъ закона 1893 года и новаго проекта, можно подумать, что въ нашемъ крестьянствѣ обнаружилось неудержимое стремленіе безъ нужды передѣлять землю вопреки разсудку и къ явному ущербу сельскаго хозяйства. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не замѣчается, и сама редакціонная комиссія приводитъ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что сроки передѣловъ съ съ теченіемъ времени имѣютъ скорѣе тенденцію удлиняться. Хорошо ли это, или нѣтъ, чѣмъ этотъ фактъ объясняется и насколько онъ имѣетъ прочный характеръ, это — другой вопросъ. Но какъ бы то ни было, нѣтъ ни малѣйшихъ показаній въ пользу того, чтобы общины были охвачены какимъ-либо стихійнымъ повѣтріемъ передѣловъ и чтобы нужно было принимать ограничительныя мѣры противъ этого явленія. Что нѣтъ серьезныхъ причинъ принимать мѣры противъ основаній, на которыхъ производятся передѣлы, всего убѣдительнѣе доказывается матеріалами, приводимыми въ трудахъ комиссіи.

Въ чемъ же въ такомъ случаѣ заключаются истинные мотивы законопроекта? Не сводятся ли они къ стремленію поддержать въ сельскомъ населеніи тѣ группы, которыя желали бы полнаго уничтоженія передѣловъ или, вѣрнѣе, самаго общиннаго землевладѣнія?

Редакціонная комиссія не считаетъ возможнымъ прямо идти къ этой цѣли: она находитъ въ принципѣ нежелательнымъ воспрещеніе передѣловъ, что, по ея справедливому замѣчанію, «было бы въ сущности равносильно уничтоженію общины съ замѣной ея подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ». Однако, не ставя себѣ прямо этой цѣли, комиссія, какъ уже было ясно изъ очерка ея работъ, опубликованнаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, видитъ идеалъ поземельнаго устройства крестьянъ въ хуторскомъ землевладѣніи. Стремленіемъ подготовить въ общинахъ почву для его развитія и продиктованы проектируемыя законоположенія о передѣлахъ.

II.

Отмѣченное только что стремленіе оказать содѣйствіе развитію хуторского землевладѣнія еще рѣзче проявляется въ той части законопроекта, которая относится къ образованію выселковъ.

Редакціонная комиссія исходитъ въ своихъ предположеніяхъ по этому предмету отъ мысли о вредѣ многолюдныхъ селеній и необходимости облегчить разселеніе крестьянъ, живущихъ слишкомъ скученно. Вредъ очень большихъ поселковъ комиссія усматриветъ въ цѣломъ рядѣ неблагопріятныхъ послѣдствій. По ея мнѣнію, соединеніе въ одномъ сельскомъ обществѣ слишкомъ большого количества дворовъ затрудняетъ административно-хозяйственную дѣятельность сельскаго схода и должностныхъ лицъ сельскаго управленія, содѣйствуетъ пожарамъ и влечетъ за собою важныя хозяйственныя неудобства, какъ-то: чрезмѣрную растянутость надѣловъ и удаленность полей отъ усадебъ и увеличеніе черезполосности и т. п. Комиссія приводитъ при этомъ данныя, свидѣтельствующія, по ея мнѣнію, что стремленіе къ разселенію, несомнѣнно, начинаетъ получать развитіе среди крестьянъ и если не достигло пока широкихъ размѣровъ, то не по отсутствію у крестьянъ сознанія пользы такого разселенія, а главнымъ образомъ въ виду связанныхъ съ нимъ трудностей. Перенесеніе усадебной осѣдлости на новое мѣсто стóитъ довольно дорого; оно спряжено кромѣ того съ потерей хорошо обработаннаго и удобреннаго участка усадебной земли. Для образованія новаго поселка крестьянамъ надо передѣлить вновь всѣ поля; наконецъ, для этой цѣли нерѣдко бываетъ необходимо устройство искусственныхъ водохранилищъ и т. д. Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій комиссія находитъ что дѣлу разселенія крестьянъ слѣдовало бы оказать помощь цѣлымъ рядомъ мѣропріятій финансоваго и административнаго свойствъ, каковы, напр., организація кредита, при которой выселяющіеся на край

полей крестьяне могли бы получать ссуды на льготныхъ условіяхъ, допущеніе нѣкоторыхъ податныхъ облегченій для такихъ крестьянъ, предоставленіе въ распоряженіе земельныхъ обществъ достаточнаго количества землемѣровъ и техниковъ для оказанія содѣйствія при нарѣзкѣ земли выселяющимся, проложеніе дорогъ ко вновь нарѣзываемымъ участкамъ и т. п. На-ряду однако съ такими мѣропріятіями комиссія находитъ нужнымъ подвергнуть измѣненію и тѣ изъ дѣйствующихъ постановленій о крестьянахъ, которыя, по ея мнѣнію, «стѣсняя свободу разселенія, служатъ немаловажнымъ тормазомъ къ ея развитію». Таковы мотивы, которыми руководилась комиссія въ своихъ предложеніяхъ.

Мы не будемъ входить въ обсужденіе правильности изложенныхъ соображеній комиссіи. Предположимъ даже, что они вполнѣ вѣрны, и тѣмъ не менѣе трудно согласиться съ основными положеніями проектируемыхъ комиссией измѣненій въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Можно вполнѣ допустить и пользу разселенія крестьянъ, и необходимость оказывать имъ въ этомъ дѣлѣ широкое содѣйствіе, но нельзя простирать послѣднее до такихъ размѣровъ, при которыхъ должны неизбѣжно терпѣть ущербъ интересы большинства крестьянскаго населенія. Предложенія же комиссіи построены именно на идеѣ поддержки въ населеніи общинъ того меньшинства, которое обнаруживаетъ стремленіе выйти изъ общиннаго уклада, хотя бы послѣдствіемъ этого выхода и явилось въ концѣ-концовъ разрушеніе общины къ явному ущербу большинства ея членовъ.

По дѣйствующимъ правиламъ (ст. 52—55-я Общ. Пол.), выселеніе части членовъ многолюднаго общества на край полей, а также раздѣлъ сельскихъ обществъ, образованныхъ изъ нѣсколькихъ селеній, допускаются съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій. Раздѣленіе сельскаго общества, а также образованіе новыхъ поселковъ вслѣдствіе выселенія части сельскаго общества на край полей допускается лишь съ согласія по крайней мѣрѣ $^{2}/_{3}$ домохозяевъ, имѣющихъ право участвовать въ сходѣ; и затѣмъ разверстка земли между выселяющимися и остающимися зависитъ исключительно отъ соглашенія между ними. Согласно рѣшенію 2-го департамента сената отъ 8-го октября 1896 года, губернское присутствіе входитъ въ провѣрку правильности приговора о раздѣлѣ сельскихъ обществъ по существу лишь въ отношеніи раздѣленія между названными обществами выкупныхъ платежей и недоимокъ соотвѣтственно количеству земли и платежнымъ силамъ дѣлящихся, но не можетъ измѣнить при этомъ разверстки земли, которая «зависитъ исключительно отъ соглашенія дѣлящихся обществъ, выраженнаго въ приговорѣ соединеннаго схода».

Предложенія комиссіи существенно измѣняютъ дѣйствующій нынѣ порядокъ. Прежде всего проектъ обязываетъ земельное общество при наличности извѣстныхъ условій выдѣлить дворамъ, желающимъ выселиться, соотвѣтственную часть надѣла, хотя бы такіе дворы и составляли меньшинство общества. По стт. 115-й и 116-й проекта требованіе о выдѣлѣ полевой земли къ одному мѣсту у края полей для образованія поселка можетъ быть предъявляемо въ земельныхъ обществахъ, имѣющихъ отъ 20 до 50-ти дворовъ, не менѣе чѣмъ восемью домохозяевами, а при наличности въ обществѣ свыше 50-ти дворовъ—не менѣе $^1/_5$ всѣхъ домохозяевъ; если же требованіе исходитъ отъ группы домохозяевъ не менѣе чѣмъ въ 50 человѣкъ, то оно подлежитъ удовлетворенію, хотя бы эти домохозяева и не составляли $^1/_5$ общаго числа ихъ. При этомъ комиссія предлагаетъ предоставить домохозяевамъ, желающимъ выселиться при наличности указанныхъ условій, требовать отвода имъ земли *во всякое время*, т.-е. не только при общихъ передѣлахъ, но и въ промежуткахъ между ними.

Другое весьма существенное нововведеніе заключается въ томъ, что разверстка земли между выселяющимися и остающимися производится не по соглашенію между ними, выраженному въ приговорѣ схода, а соотвѣтственно количеству земли, какимъ выселяющіеся домохозяева пользовались по послѣднему передѣлу; при этомъ отводимая земля должна быть по возможности равнаго качества съ прежней, а въ случаѣ необходимости отвести худшую землю она отводится въ соотвѣтственно большемъ количествѣ.

Въ приведенныхъ предложеніяхъ выражена оснавная мысль комиссіи. Нельзя прежде всего не отмѣтить той рѣзкости, съ которою комиссія проводитъ свое основное стремленіе. По ея проекту, группа домохозяевъ, составляющая $^1/_5$ и даже меньшую часть общества, можетъ заставить всѣхъ остальныхъ отрѣзать имъ часть общинной земли, которой общество должно лишиться навсегда, и притомъ такое требованіе можетъ быть предъявлено во всякое время, слѣдовательно, даже въ такой моментъ, когда общій передѣлъ земли, неизбѣжно сопряженный съ образованіемъ новаго поселка, можетъ оказаться крайне неудобномъ для большинства. Легко представить себѣ, какой переворотъ въ жизни общины долженъ произойти при осуществленіи подобнаго выдѣла, и не трудно видѣть, что комиссія, предоставляя меньшинству возможность произвести подобный переворотъ во всякое время, въ корнѣ подрываетъ устойчивость землепользованія при общинномъ землевладѣніи. Если бы проектъ комиссіи осуществился, то группа домохозяевъ, которая пожелала бы держать въ своихъ

рукахъ всю общину, во многихъ случаяхъ легко могла бы достигнуть этой цѣли, предъявляя требованіе о выдачѣ каждый разъ, какъ только сельскій сходъ не соглашался бы удовлетворять то или другое ея желаніе. При подобныхъ условіяхъ большинство членовъ общины находилось бы въ полной неизвѣстности относительно того, когда произойдетъ ближайшій общій передѣлъ, потому что онъ могъ бы явиться во всякое время послѣдствіемъ требованія о выдѣлѣ, предъявленнаго группой домохозяевъ. Такой порядокъ свелъ бы къ нулю роль сельскаго схода въ дѣлахъ, касающихся землепользованія, и фактически уничтожилъ бы значеніе какихъ бы то ни было сроковъ въ приговорахъ о передѣлахъ.

Можно только удивляться тому, что предложеніе подобнаго рода исходитъ отъ той самой редакціонной комиссіи, которая въ ст. 5-й своего проекта признаетъ собственникомъ всей надѣльной земли сельское общество и въ мотивахъ которой такъ много говорится о неустойчивости землепользованія при общинномъ землевладѣніи до закона 1893 г. Неужели же комиссія не видитъ, что ея предложенія, касающіяся образованія выселковъ, создаютъ такія условія, при которыхъ неустойчивость правъ отдѣльныхъ домохозяевъ на надѣльную землю достигаетъ своего апогея? До изданія закона о передѣлахъ каждый домохозяинъ зналъ по крайней мѣрѣ, что передѣлъ можетъ совершиться не иначе какъ по постановленію большинства, а при порядкѣ, проектируемомъ комиссіей, достаточно десяти дворамъ изъ 50-ти потребовать выдѣла для того, чтобы пришлось передѣлять всѣ земли да еще при условіи сокращенія общей площади, поступающей въ передѣлъ. Если комиссія находила чрезвычайно вреднымъ для сельскаго хозяйства положеніе, существовавшее до 1893 года, то что же слѣдуетъ сказать о порядкѣ, который она намѣчаетъ въ своемъ проектѣ?

Нельзя также считать справедливымъ правило, по которому надѣлъ отводится выселяющимся въ количествѣ не меньшемъ того, какимъ они пользовались по послѣднему передѣлу (ст. 118-я проекта). Передѣлъ общинной земли производится на время болѣе или менѣе продолжительное, но во всякомъ случаѣ ограниченное, и, конечно, это обстоятельство должно вліять и на соображенія, которыми крестьяне руководятся, опредѣляя основанія передѣла. Вѣроятно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ они иначе передѣлили бы свои поля, если бы имѣли въ виду, что имъ больше не придется повторять передѣла и что новое распредѣленіе надѣльной земли будетъ закрѣплено навсегда. Между тѣмъ по проекту комиссіи группа домохозяевъ, пожелавшая выселиться на край полей, получаетъ навсегда

ту землю, которую общество отвело ея членамъ въ предположеніи, что при ближайшемъ передѣлѣ эта земля вновь поступитъ въ разверстку.

III.

Чрезвычайно важнымъ отдѣломъ въ проектѣ положенія о надѣльныхъ земляхъ, составленномъ редакціонною комиссіей министерства внутреннихъ дѣлъ, являются законоположенія о выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ. Если въ предложеніи комиссіи объ образованіи выселковъ, рѣзко обозначилось стремленіе комиссіи содѣйствовать разложенію общины, то въ той части проекта, о которой мы будемъ говорить теперь, это стремленіе обнаруживается съ еще большею силою. Здѣсь дѣло идетъ о знаменитой 165-й ст. Пол. о выкупѣ, вторая часть которой, какъ извѣстно, была отмѣнена закономъ 14-го декабря 1893 года. Для характеристики отношенія комиссіи къ общиному землевладѣнію очень важенъ ея взглядъ по вопросу, въ свое время вызвавшему столько оживленныхъ преній между сторонниками и противниками общины.

Вторая часть бывшей 165-й ст. предоставляла каждому домохозяину право внести въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду и затѣмъ требовать отъ общества, чтобы оно выдѣлило ему соотвѣтственный участокъ земли по возможности къ одному мѣсту. Земля, выкупленная такимъ образомъ, переходила въ личную собственность домохозяина, который однако впредь до выдѣла продолжалъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірского надѣла безъ взноса выкупныхъ платежей. Такой порядокъ, конечно, находился въ полномъ противорѣчіи съ основнымъ началомъ общиннаго землевладѣнія, въ силу котораго собственникомъ земли признается общество, а отдѣльные домохозяева имѣютъ лишь право пользованія надѣльною землей; и это противорѣчіе неизбѣжно должно было вести къ разложенію общиннаго строя не потому, чтобы къ этому приводилъ естественный ходъ исторіи, а единственно по той причинѣ, что отдѣльные домохозяева имѣли возможность по своему произволу пробивать бреши въ общинной организаціи. Домохозяинъ, воспользовавшійся 165-й ст., могъ поставить всѣхъ остальныхъ своихъ сообщественниковъ въ крайне затруднительное положеніе вслѣдствіе того, что они не только лишались части своей общинной земли, но очень часто должны были считаться съ тѣмъ фактомъ, что новый собственникъ сохранилъ свои земли въ черезполосномъ владѣніи съ ними; это, конечно, въ высшей степени осложняло передѣлы общин-

ной земли, такъ какъ при переверсткахъ приходилось обходить выкупленныя полосы, на которыя не распространялось право распоряженія общества. Положеніе общества становилось еще болѣе затруднительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда земля, выкупленная по 165-й ст., переходила въ собственность лица, не принадлежащаго къ составу общества и даже нерѣдко не принадлежащаго къ крестьянскому сословію.

Всѣ эти неудобства были, наконецъ, признаны въ законодательныхъ сферахъ настолько серьезными, что закономъ 14-го декабря вторая часть 165-й ст. была отмѣнена, и въ настоящее время сохраняетъ силу только первая ея половина въ видѣ статьи 113-й Положенія о выкупѣ (изд. 1902 г.). По дѣйствующему закону до окончанія выкупной операціи, т.-е. до уплаты всей выкупной ссуды за надѣльныя земли крестьянъ, выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ и досрочный выкупъ ими участковъ надѣльной земли допускаются не иначе, какъ съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ сельскаго схода. Этотъ порядокъ естественно вытекаетъ изъ того, что собственникомъ общинной земли является общество, безъ согласія котораго не можетъ быть отчуждаема общинная земля. И это законоположеніе, конечно, далеко не безспорно: можно возражать противъ принципа, на которомъ оно основано, именно противъ признанія сельскаго общества собственникомъ надѣльной земли, а не только держателемъ ея. Если стоять на той точкѣ зрѣнія, что право собственности на надѣльную землю должно принадлежать государству, то нельзя признать и за сельскимъ обществомъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ домохозяевахъ, права отчуждать надѣльную землю. Тѣмъ не менѣе, съ той точки зрѣнія, что сельское общество является собственникомъ общинной земли, дѣйствующее законодательство вполнѣ логично обусловливаетъ выдѣлъ и его основанія согласіемъ сельскаго схода.

Редакціонная комиссія, слѣдуя той руководящей мысли, которая проходитъ черезъ весь ея проектъ, отступаетъ отъ дѣйствующаго законодательства о выдѣлѣ и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями возстановляетъ 165-ю ст. По мнѣнію комиссіи, коренной недостатокъ этой статьи заключается въ допущеніи досрочнаго выкупа участковъ безъ предварительнаго выдѣла ихъ. Правда,—говорится въ мотивахъ комиссіи,—дозволеніе крестьянамъ, выкупившимъ свои надѣлы, оставаться въ общемъ владѣніи съ другими членами общества имѣло по мысли законодателя характеръ временной мѣры («впредь до выдѣла») но въ дѣйствительности эта временная мѣра обратилась въ общее правило и, по единогласному свидѣтельству губернскихъ совѣщаній,

надѣлы, выкупленные по ст. 165-й, весьма рѣдко выдѣлялись въ натурѣ, а большею частью оставались въ общемъ чрезполосномъ владѣніи. Комиссія находитъ, что при такихъ условіяхъ досрочный выкупъ не могъ, конечно, способствовать улучшенію обработки выкупленныхъ участковъ и, напротивъ, имѣлъ скорѣе отрицательныя послѣдствія, введя въ употребленіе какую-то промежуточную, крайне неопредѣленную форму землевладѣнія, при которой крестьянинъ, оставаясь подъ властью общины и будучи, по мнѣнію комиссіи, лишенъ возможности вести правильное хозяйство на выкупленномъ имъ участкѣ, можетъ въ то же время принести неисчислимый вредъ обществу, перепродавъ этотъ участокъ и впустивъ такимъ образомъ въ самую сердцевину мірского надѣла постороннее лицо, иногда завѣдомаго хищника и эксплоататора.

Кромѣ того комиссія указываетъ на то, что статьей 165-й оставлялись совершенно безъ вниманія интересы сельскаго общества ибо досрочный выкупъ производился по ней безъ всякаго участія общества, непосредственнымъ распоряженіемъ казенной платы, которая, не входя въ существо дѣла, ограничивалась лишь ариѳметическимъ исчисленіемъ выкупной ссуды, причитающейся съ выкупаемаго участка; а такъ какъ взносу подлежала при этомъ не вся выкупная ссуда, а лишь остававшаяся непогашенною часть ея, которая по мѣрѣ приближенія выкупной операціи къ концу становилась все меньше, то возникало извѣстное опасеніе, что ко времени окончательнаго погашенія выкупной ссуды значительная часть общинной земли окажется досрочно выкупленной въ ущербъ земельному обществу и безъ особой пользы для самихъ выкупающихся и для сельскаго хозяйства.

Таковы, по мнѣнію комиссіи, главные недостатки отмѣненной второй части 165-й ст. Комиссія полагаетъ, что они свидѣтельствуютъ лишь о необходимости устранить возможность досрочнаго выкупа участковъ, не выдѣленныхъ предварительно къ одному мѣсту, самый же выдѣлъ безъ согласія земельнаго общества она считаетъ вполнѣ допустимымъ и желательнымъ. Эта мысльи положена въ основу законоположеній о выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ.

Предложенія комиссіи по отдѣлу о выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ существенно отличаются какъ отъ нынѣшняго порядка, такъ и отъ того, который существовалъ до отмѣны 2-й части 165-й ст. Отличіе отъ дѣйствующихъ законоположеній заключается въ предоставленіи отдѣльнымъ домохозяевамъ права выдѣляться съ соотвѣтственнымъ количествомъ земли изъ общины помимо ея согласія, причемъ и установленіе существеннаго условія выкупа, именно ко-

личества земли, отводимой выдѣляющемуся, изъято изъ вѣдѣнія сельскаго схода.

По ст. 113-й нынѣ дѣйствующаго Положенія о выкупѣ (изд. 1902 г.), до уплаты выкупной ссуды выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ (т.-е. надѣльной земли, выкупаемой крестьянскимъ обществомъ), допускается не иначе, какъ *съ согласія общества* и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода. Комиссія же предлагаетъ, чтобы каждому домохозяину дано было право требовать при всякомъ передѣлѣ выдѣла полевой земли, причитающейся его двору. Это—принципъ, выраженный во 2-ой части 165 ст. Но проектъ комиссіи, возстановляя этотъ принципъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обставляетъ его примѣненіе на практикѣ новыми условіями. Въ отличіе отъ бывшей 165-й ст. проектъ допускаетъ выдѣлъ только въ томъ случаѣ, если выдѣляемая полевая земля будетъ отведена къ одному мѣсту и если домохозяинъ, требующій выдѣла, изъявитъ согласіе выселиться на отводимый ему участокъ. Другими словами, комиссія допускаетъ выдѣлъ только отрубныхъ участковъ, на которыхъ можетъ вестись хуторское хозяйство. Этимъ требованіемъ до извѣстной степени ограничивается осуществленіе права отдѣльныхъ дворовъ на досрочный выдѣлъ причитающейся имъ земли по сравненію съ порядкомъ, существовавшимъ до отмѣны 165-й ст. Но, съ другой стороны, проектъ открываетъ болѣе широкій просторъ для осуществленія права выдѣла, чѣмъ эта статья. По ст. 133-й проекта, отъ выдѣляющагося не требуется предварительнаго погашенія числящагося на немъ выкупного долга. Между тѣмъ бывшая 165-я ст. обусловливала выдѣлъ полевой земли отдѣльнымъ дворамъ предварительнымъ погашеніемъ всей выкупной ссуды, причитающейся на участокъ выдѣляющагося двора. По проекту, выдѣлъ можетъ совершиться безъ выкупа земли, а лишь съ переводомъ на выселяющійся дворъ выкупныхъ платежей, причитающихся съ участка.

Дальнѣйшее отличіе проекта редакціонной комиссіи отъ бывшей 165 ст. касается размѣровъ земельнаго участка, который общество обязывается отвести выселяющемуся двору. 165-я ст. опредѣляла этотъ размѣръ выкупною ссудой, внесенной домохозяиномъ въ мѣстное казначейство. Комиссія же предлагаетъ принять за основаніе при выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ количество земли, причитающейся имъ по передѣлу. При этомъ комиссія допускаетъ выдѣлъ только при передѣлахъ, такъ что въ промежуткѣ между ними отдѣльные домохозяева не могутъ требовать отъ общества выдѣленія ихъ земли изъ общинной.

Для характеристики проекта необходимо отмѣтить еще двѣ статьи его, представляющія впрочемъ только развитіе началъ, принятыхъ редакціонною комиссіей. Ст. 135-я подчеркиваетъ то, что участки выдѣлившихся домохозяевъ совершенно выходятъ изъ вѣдѣнія земельной общины и становятся подворными участками, подлежащими дѣйствію правилъ, регулирующихъ эту форму владѣнія землей. Весьма существенное значеніе имѣетъ 136-я ст. проекта, обязывающая земельное общество, въ случаѣ невозможности выдѣлить подворные участки отдѣльнымъ домохозяевамъ безъ явнаго ущерба для всего общества, удовлетворять желающихъ выдѣлиться деньгами по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ.

Таковы важнѣйшія предложенія комиссіи по вопросу о выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ. Основная идея ихъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, заключается въ возстановленіи съ извѣстными видоизмѣненіями бывшей 165 й ст., принципъ которой находился въ рѣшительномъ противорѣчіи съ основными началами общиннаго землевладѣнія. Въ такомъ же противорѣчіи съ этими началами стоятъ и предложенія редакціонной комиссіи. Сама же комиссія признаетъ, что при общинномъ порядкѣ владѣнія собственникомъ всей надѣльной земли является земельное общество, отдѣльные же входящіе въ составъ общества крестьянскіе дворы имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія предоставленными имъ участками усадебной и полевой земли (ст. 5-я проекта). Если стоять вмѣстѣ съ комиссіей на этой точкѣ зрѣнія, то выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ, въ особенности вопреки согласію общества, конечно, не можетъ быть допущенъ. Предложенія комиссіи фактически построены на принципѣ противоположномъ тому, который выраженъ ею самой въ приведенной выше статьѣ. Въ отдѣлѣ о выдѣлѣ земли отдѣльнымъ дворамъ, какъ и въ законоположеніяхъ объ образованіи выселковъ, она считаетъ собственниками надѣльной земли отдѣльныхъ домохозяевъ, а не общество. Послѣднее въ лицѣ земельнаго схода распоряжается землей лишь до тѣхъ поръ, пока дѣйствительные собственники, т.-е. отдѣльные дворы, допускаютъ это, но лишь только они порознь или группами пожелаютъ осуществить свое право собственности на надѣльныя земли, земельное общество должно уступить имъ дорогу. Это принципіальное противорѣчіе, проходящее черезъ проектъ редакціонной комиссіи, настолько ярко, что она не могла не коснуться его въ своихъ мотивахъ. Но выходъ изъ этого противорѣчія, найденный редакціонною комиссіей, является вполнѣ неожиданнымъ. Опредѣленіе общиннаго владѣнія, при которомъ единственнымъ собственникомъ надѣльной земли является земельное общество, какъ

юридическое лицо, т.-е. именно то опредѣленіе, которое принято самою комиссіей и, какъ можно было думать, поставлено во главѣ проекта, объявляется ею *отвлеченнымъ* понятіемъ, на которомъ не можетъ быть основано законодательство: «будущій законъ, по мнѣнію комиссіи, долженъ имѣть дѣло не съ *отвлеченною* общиной, а съ тою, которая существуетъ у насъ въ дѣйствительности». Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было и включать въ проектъ, да еще въ качествѣ основной статьи, опредѣленіе общины, по признанію самой комиссіи, не соотвѣтствующее дѣйствительности?

Итакъ, резюмируя вышеизложенное, приходится придти къ заключенію, что редакціонная комиссія, вопреки своему заявленію, не сохраняетъ принципъ общиннаго землевладѣнія, а разрушаетъ его, и притомъ самыми неподходящими средствами—поддержаніемъ меньшинства въ ущербъ крестьянской массѣ. Сохраняетъ же она то, что слѣдуетъ разрушить возможно скорѣе и основательнѣе,—административную опеку надъ крестьянствомъ.

Post-scriptum.

Книга была уже почти закончена, когда въ печать проникло извѣстіе, будто пересмотръ законоположеній о крестьянахъ предполагается повести на совершенно новыхъ началахъ. Если бы это дѣйствительно совершилось, то можно надѣяться, что проекты, составленные редакціонной комиссіей, потеряютъ практическое значеніе. Такой исходъ ея работъ можно было бы только привѣтствовать.

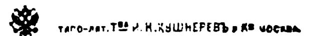
Основная идея этихъ проектовъ—сохраненіе юридической обособленности крестьянства съ подчиненіемъ его попечительному надзору земскихъ начальниковъ—идетъ вразрѣзъ какъ съ требованіями жизни и указаніями опыта, такъ и съ единодушными мнѣніями всѣхъ безпристрастныхъ и сколько-нибудь свѣдущихъ наблюдателей нашего сельскаго быта. Пора, наконецъ, признать крестьянина взрослымъ человѣкомъ, не менѣе компетентнымъ въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся его хозяйственнаго обихода, чѣмъ частный землевладѣлецъ или купецъ. Пора убѣдиться въ томъ, что вести на административныхъ помочахъ многомилліонную массу—совершенно невыполнимая бюрократическая утопія, приводящая на практикѣ не къ руководству жизнью, а къ ея уродованію. Рядъ попытокъ «упорядоченія» нашего сельскаго быта подъ сѣнью административной опеки окончился полнѣйшею неудачей, которой не могутъ отрицать и сами официальные защитники идей, принятыхъ редакціонною комиссіей за руководящія начала. Достаточно упомянуть о законахъ 1886 г. о семейныхъ раздѣ-

лахъ и 1893 г. о передѣлахъ мірской земли. Эти два крупныхъ продукта того теченія въ нашей внутренней жизни, съ которымъ связанъ принципъ административной опеки надъ крестьянствомъ, какъ это теперь офиціально признано, не предупредили явленій, противъ которыхъ были направлены, но вмѣстѣ съ тѣмъ принесли неисчислимый вредъ правильному развитію крестьянства, наложивъ на него лишнія путы и усугубивъ для этого сословія тяжелыя послѣдствія произвола.

Экономическое положеніе крестьянскаго населенія въ нашей странѣ не только не улучшилось подъ вліяніемъ мѣръ, принимавшихся за послѣднее двадцатилѣтіе, но несомнѣнно стало значительно тяжелѣе. Фактъ крестьянскаго оскудѣнія, нѣкогда объявлявшійся нашими охранителями измышленіемъ либераловъ, теперь признанъ офиціально. Комиссія о положеніи центра и Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, возникшія подъ давленіемъ этого факта, собрали обильный матеріалъ для его подтвержденія. Прежняя политика осуждена безповоротно, и пора вступить на новый путь,—путь развитія самодѣятельности крестьянскаго населенія при помощи подъема личности крестьянина, освобожденія его отъ административной опеки и созданія такихъ условій общегосударственной и мѣстной жизни, которыя обезпечили бы крестьянству возможность пользоваться благами просвѣщенія и открыли бы передъ нимъ широкое поприще бодраго почина.

Сельское хозяйство не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ мало воздуха и свѣта. Ему нужны просторъ и живительные лучи здоровой общественности. И эти условія особенно необходимы странѣ, въ которой преобладаетъ мелкое землевладѣніе. Мелкій хозяинъ-земледѣлецъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ крупный, нуждается и въ разнообразнѣйшихъ видахъ взаимопомощи, и въ организаціяхъ для свободнаго обмѣна мнѣній по вопросамъ земледѣльческой техники и сельскаго быта, и въ помощи печати, и въ свободномъ доступѣ знаній въ земледѣльческую среду.

А. Мануиловъ.


Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко Москва.